

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Античные государства
Северного Причерноморья

АРХЕОЛОГИЯ СССР

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Академик Б. А. РЫБАКОВ (главный редактор)

Р. М. МУНЧАЕВ (зам. главного редактора)

В. А. БАШЦЛОВ (зам. главного редактора)

И. Г. ГАЙДУКОВ (ответственный секретарь)

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1984

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Античные государства Северного Причерноморья

Ответственные редакторы тома:

Г. А. КОШЕЛЕНКО, И. Т. КРУГЛИКОВА,
В. С. ДОЛГОРУКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1984

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

ПАЛЕОЛИТ СССР

МЕЗОЛИТ СССР

НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР

* ЭНЕОЛИТ СССР. 1983

ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА

ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА
И СРЕДНЕЙ АЗИИ

АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИ-
ЧЕРНОМОРЬЯ

СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-
САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В
СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ
СССР

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

* ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI - XIII ВВ.
1982

ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО

ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

* СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.
1981

КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома Цифрой обозначен год вы-
хода тома.

Том посвящен античным государствам Северного Причерноморья, существовавшим в период между VII в. до н. э. и IV в. н. э. На основе археологических раскопок, исторических источников реконструируются античные города Тир, Инкврия, Омылия, Херсонес, Харакс, поселения на о. Бергама, Ипквизии, Надистровые, Иобужия, Керченском и Таманском полуостровах, Черноморском побережье Северного Кавказа и Крыма, освещаются развитие ремесел, сельского хозяйства, градостроительного и военного дела, торговые связи, существовавшие в данном регионе; подробно дается историческая топография городов и поселений, воспроизводятся строительные комплексы, некрополи поселений, погребальные обряды, освещаются вопросы взаимоотношения культур греческой и местных племен.

Авторы тома:

Е. М. АЛЕКСЕЕВА

А. К. АМБРОЗ

Т. М. АРСЕНЬЕВА

С. А. БЕЛЯЕВ

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

Р. Д. БОНДАРЬ

И. Б. БРАШНСКИЙ

Ю. М. ДЕСЯТЧИКОВ

В. С. ДОЛГОРУКОВ

Е. Г. КАСТАНАЯН

М. М. КОБЫЛКИНА

А. К. КОРОВИНА

Г. А. КОШЕЛЕНКО

И. Т. КРУГЛИКОВА

С. Д. КРЫЖИЦКИЙ

Е. И. ЛЕВИ

К. К. МАРЧЕНКО

А. А. МАСЛЕННИКОВ

Н. А. ОНАВКО

О. Я. НЕВЕРОВ

Б. Г. ПЕТЕРС

В. И. ПРУГЛО

Н. П. СОРОКИНА

О. Н. УСАЧЕВА

Г. А. ЦВЕТАЕВА

Д. Б. ШЕЛОВ

И. Г. ШУРГАЯ

А. Н. ЦЕГЛОВ

Введение

Целью данного тома «Археология СССР» является обобщение результатов археологических исследований, ведущихся уже более полутора столетий на территории античных государств Северного Причерноморья. Начавшееся в VIII в. до н. э. мощное миграционное движение греков (обычно называемое «великой греческой колонизацией») уже в VII в. затронуло и северное побережье Черного моря. В период с VII по IV вв. до н. э. здесь возник ряд греческих населенных пунктов, крупнейшими среди которых были Ольвия (на берегу Днепро-Бугского лимана), Херсонес (район современного г. Севастополя), Феодосия (на месте современного города того же названия), Паитикапей (сейчас г. Керчь), Фанагория (на Таманском полуострове, у ст. Сенпал), Гермюпаса (ныне г. Тамань). Одновременно возник целый ряд и более мелких городских центров. В результате процесса освоения греками окрестных территорий, сочетавшегося со «вторичной» (исходящей из уже основанных здесь городов) колонизацией на обширной территории от устья Дуная до Гелендынской бухты прерывистой полосой вдоль побережья Черного и Азовского морей сформировалась зона античной государственности, находившаяся в соседстве с многочисленными местными племенами, переживавшими к моменту прибытия греков различные этапы первобытно общинного строя.

Границы этой зоны не были стабильными. В периоды подъема экономической и политической мощи античных государств она расширялась за счет включения территорий местных народов, в период упадка сужалась. Характер государственных образований античного типа, существовавших в Северном Причерноморье, был различным. Здесь имелись отдельные независимые городские общины — полисы со своей сельскохозяйственной территорией (хорой). Таким полисом была, например, Ольвия. Существовали и более крупные образования. Так, в период своего наивысшего подъема Херсонес подчинил два ранее независимых небольших полиса и обширные сельские территории на северо-западном Крымю. Еще значительнее по своим масштабам было Боспорское царство, включившее все греческие города по обе стороны Керченского пролива и целый ряд областей, населенных местными племенами в Восточном Крымю и на Таманском полуострове.

Исторические судьбы греческих государственных образований в Северном Причерноморье определялись взаимодействием трех категорий факторов: 1 — природной социально-экономической и политических отношений, сложившихся в них; 2 — взаимодействием с важнейшими центрами античного мира в Средиземноморье; 3 — взаимодействием с обширным миром местных племен Восточной Европы.

Структура античных государств (в том числе и государств Северного Причерноморья) определялась,

в первую очередь, господством в них рабовладельческого способа производства. В ходе разложения первобытно-общинных отношений формировались первые классовые общества. Рабовладельческая общественно-экономическая формация — закономерный этап во всемирно-историческом процессе. Основные особенности и значение его очень ярко охарактеризованы Ф. Энгельсом. «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледельцем и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой нации; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общегризяно. В этом смысле мы в праве сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма» (Энгельс Ф., 1961 — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 185, 186).

Античные государства Северного Причерноморья, рабовладельческие по своей социальной природе, принесли античную цивилизацию со всеми ее особенностями и всеми достижениями на берега Черного и Азовского морей. Она, постоянно модифицируясь, просуществовала здесь до IV в. н. э.

Тесная связь со Средиземноморьем, с основными центрами античного мира была постоянно действующим фактором в жизни тех греческих государств, которые возникли здесь, став своеобразной северной периферией этого мира. Эти связи были многообразны. Они носили экономический, политический и культурный характер. В конце античной эпохи все Северное Причерноморье в той или иной степени зависело от Римской империи. Тесные связи со Средиземноморьем — один из жизненно важных факторов существовавших античных центров Северного Причерноморья. В конце античной эпохи одним из симптомов упадка их стало и ослабление этих связей.

Взаимодействие с окружающим их племенным миром также было одной из важнейших особенностей античных государств Северного Причерноморья. Оно также было многообразным. Греческие государства как последы более высокого уровня социального развития, оказывали значительное воздействие на эти племена, ускоряя в них процесс изживания первобытно-общинных отношений и способствуя становлению классового общества и государства. Важную роль играли и экономические взаимоотношения, затрагивавшие не только ближайших

соседей, но и более отдаленные племена. Постепенно, однако, доминирующим стало воздействие этого «варварского» мира на греческий и к концу античной эпохи ряд центров античного мира приобрел уже греко-варварский характер.

Таким образом, история античных государств Северного Причерноморья — это история одной из периферийных зон античной рабовладельческой формации, в судьбах которой переплетались тенденции развития, свойственные формации в целом, с тенденциями, порожденными особыми условиями ее существования бок о бок с обширным миром варварских племен.

Обобщение результатов археологических исследований этого региона представляет значительные трудности, вызванные как обилием материалов, накопленных за многие десятилетия раскопок, так и крайней неравномерностью распределения этих материалов. Этим особенностями определяется и структура данного тома «Археологии СССР». Том

состоит из двух частей. В первой из них материалы группируются топографически — здесь сделана попытка предоставить читателю итоги исследования каждого из сколько-нибудь значительных центров Северного Причерноморья. Вторая часть — попытка систематического анализа материала, выявления основных тенденций развития в производстве, обмене, урбанизме, культуре античных центров Северного Причерноморья в целом.

Естественно, что работу такого объема и характера мог подготовить только коллектив авторов. В написании данного тома участвовали как сотрудники Института археологии АН СССР, так и целого ряда других научных учреждений. (Авторы отдельных разделов указаны особо). Чрезвычайно важную роль играют и таблицы, которые служат не столько иллюстрациями к тексту, сколько равноправным с текстом компонентом данного труда, своего рода «косяком» текста. Авторы — составители каждой из таблиц — указаны в «Списке иллюстраций».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Города, поселения, некрополи

Глава первая

История античных государств

Северного Причерноморья.

Источники и история исследования

Глава вторая

Тира, Никоний

и поселения Нижнего Поднестровья

и Подунавья

Глава третья

Борисфенида (Березань), Ольвия

и поселения Нижнего Побужья

Глава четвертая

Херсонесское государство и Харакс

Глава пятая

Боспорское государство

Глава первая

История античных государств Северного Причерноморья

История

Заселение Причерноморья греками было одним из направлений широкого расселения греков по берегам Средиземноморского бассейна, которое получило название «Великой греческой колонизации» (VIII—VI вв. до н. э.). Этот процесс расселения греков был обусловлен экономическим и социальным развитием греческого общества. К. Маркс так определяет причины греческой колонизации: «В древних государствах, в Греции и Риме, вынужденная эмиграция принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя. Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергал опасности самих условий существования античной цивилизации... Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция» (Маркс К., 1957, с. 567, 568). Эмиграция греков за пределы их родины содействовала и острой социальной борьба в греческих полисах, в ходе которой побежденным нередко не оставалось другого выхода, кроме вынужденной эмиграции.

Основание греками-колонистами периферии античного мира имело большое значение и для развивавшегося в передовых городах Греции ремесленного производства. Не случайно ведущую роль в «Великой колонизации» играли крупные ремесленные и торговые центры — Милет, Коринф, Фокея, Мегара и др. Уже в VI в. до н. э. в Греции чувствовалась потребность в привозе даже жизненно необходимых товаров: хлеба, рыбы, скота, металлов, леса, а также рабов. Эти товары поступали из вновь основанных городов, которые вели интенсивную торговлю с варварским миром.

Основание новых городов обычно производилось по официальному решению городских властей метрополии, но могло быть и частной инициативой. Вновь основанный город сразу же становился совершенно независимым по отношению к своей метрополии. Это обстоятельство следует учитывать, употребляя термины «колонизация», «колония», в применении к процессу расселения греков по периферии античного мира, термины, которые не совсем точно отражают сущность этого процесса (Блаватский В. Д., 1954в; Гайдукевич В. Ф., 1955; Сокольский Н. П., Шелов Д. Б., 1959; Доманский Я. В., 1965), хотя отказываться от этих общепринятых условных терминов, вероятно, не стоит. Связи между метрополией и основанными ею городами могли сохраняться в

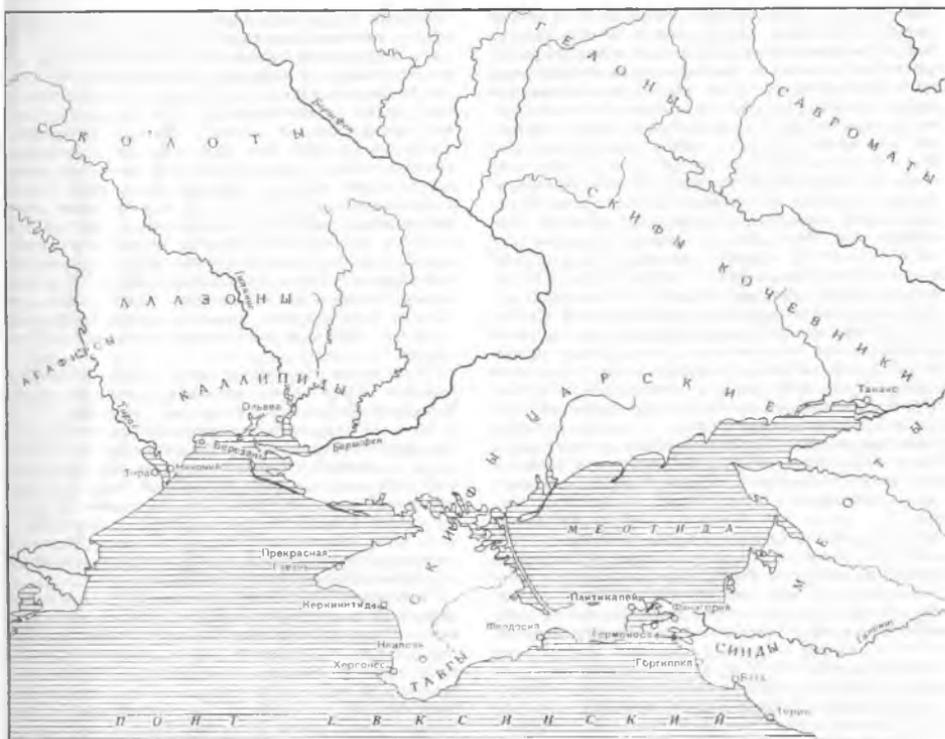
виде политического союза, в котором обе стороны выступают как равные и суверенные партнеры. Впрочем, нередко политическая связь между метрополией и колонией совсем рывалась и между ними могли существовать даже враждебные отношения. Чаще всего метрополии и основанные ими города были связаны экономическими узами и единством культа (Graham J., 1964).

Во времена основания греческих поселений в Причерноморье греки уже имели некоторые знания об этом районе. Этому способствовали эпизодические посещения ими черноморских берегов в предшествующую эпоху, что нашло отражение в мифах, часть которых, несомненно, относится еще ко II тысячелетию до н. э. Следы знакомства греков с северным побережьем Черного моря сохранились и в гомеровском эпосе: некоторые исследователи относят к берегам Северного Причерноморья часть плаваний героя Одиссея.

Вопрос о характере греческой колонизации Северного Причерноморья решался исследователями не однозначно. В дореволюционной науке господствовало мнение о торговом характере колонизации. Согласно этой точке зрения торговые интересы греков играли главную, если не исключительную, роль в основании греческих колоний, которые стали прежде всего торговыми центрами, обеспечивавшими коммерческие связи между Средиземноморьем и варваризированными степями (Ларышев В. В., 1887, 1888; Штрей Э. Р., 1900б; Stern E., 1909; Minns E., 1913; Ростовцев М. П., 1918б; Roslovtzeff M., 1922). Эта точка зрения нашла отражение в работах многих советских ученых 30—40-х годов (Жебелев С. А., 1953, с. 74 сл. и 121; Тюленев А. П., 1949; Белоус Г. Д., 1948а, и др.). Некоторому преувеличению роли торговли в процессе колонизации отдали дань даже те исследователи, которые указывали на очень раннее существование в северочерноморских городах собственного ремесленного производства и земледелия (например: Гайдукевич В. Ф., 1949а). Развитием теории торговой колонизации явилась концепция «двустороннего характера колонизации», согласно которой обязательными предпосылками колонизации были не только социально-экономические процессы в греческой метрополии, но и достижение северопричерноморскими племенами определенного уровня развития, позволявшего им вступить в торговые контакты с греками-переселенцами (Нессен А. А., 1947; Калаистов Д. П., 1949; Колобова К. М., 1949).

В качестве реакции на преувеличение роли торговли в процессе колонизации возникло мнение об исключительно земледельческом характере первых греческих поселений в Северном Причерноморье

Карта I. Северное Причерноморье в античную эпоху. Распределение скифских племен по Б. А. Рыбакову

(Лавин В. В., 1966). Большинство советских ученых, отвергая крайности обеих точек зрения, признает более сложный характер колонизации, значительную роль в которой играли как торговые интересы и связь греков, так и возможность создания аграрных поселений в новых местах обитания (Блаватский В. Д., 1953б; 1954в; 1961а; Гайдукевич В. Ф., 1955; Доманский Я. В., 1955; 1965; Соколовский И. И., Шелов Д. Б., 1959). Обычно колонизации Северного Причерноморья представляется в следующем виде: от редких эпизодических походов греческих купцов и мореходов к регулярным торговым связям, от организации торговых станций — эмпориев — к основанию колоний (Блаватский В. Д., 1950а; 1954в; 1959б; 1961а). Существование эмпориев согласно этим представлениям кажется настолько обычным и обязательным, что возникло даже понятие специального эмпорического периода в истории античных государств Северного Причерноморья. Однако в настоящее время сомнения в правомерности выделения такого периода, высказывав-

шиеся уже давно (Лавин В. В., 1966), разделяются все большим числом исследователей. В Северном Причерноморье обнаружено небольшое число греческих вещей, относящихся к VII и началу VI вв. до н. э. Их проникновение в скифские степи ранее считалось бесспорным свидетельством доколониационной торговли греков в Северном Причерноморье (Клинович Т. П., 1935а; Нессен А. А., 1947). Сейчас этот тезис также подвергается сомнению (Доманский Я. В., 1970).

В греческой колонизации Причерноморья очень большую роль играл Милет, являвшийся крупным ремесленным центром. Торговые интересы побуждали его искать новые рынки сбыта. Милетская аристократия, представители которой являлись одновременно и купцами, и судовладельцами, и хозяевами ремесленных эргастериев, даже получила название «вечных мореходов». По не меньшему значению для колонизационной деятельности милетцев имела чрезвычайно острая внутренняя социальная борьба, не раз вынуждавшая побежденную партию искать спасения в вынужденной эмиграции (Жебелев С. А., 1953, с. 57 сл.; Доманский Я. В., 1965). Чаще всего греки основывали свои поселения на территориях в

какой-то мере уже обжитых местным населением (карта 1). Об этом говорят хотя и немногочисленные, но регулярные находки орудий и керамики догреческого времени в большинстве античных городов Причерноморья. При этом греки-колонисты должны входить в какие-то взаимоотношения с местным населением. Можно думать, что эти отношения должны были быть на первых порах в большинстве случаев мирными, иначе трудно объяснить, как могли малочисленные пришельцы обособиться и удержаться среди враждебного им населения. Некоторая часть варварского населения, особенно племенная знать, была заинтересована в развитии торговли с греками и, видимо, сначала не препятствовала им организовывать свои поселки. Так, Стефан Пизантский сохранил предание, что местный царек уступил милетцам землю для основания Пантикаея. Возникновение греческого полиса часто могло сопровождаться вытеснением или порабощением какой-то части местного населения, что неизбежно должно было приводить к конфликтам. Страбон (XI, 2, 5) говорит, что на Боспоре Киммерийском скифы вытеснили киммерийцев, а скифы изгнали греки, основанные там Пантикаея и другие города. Может быть, эта вторая версия основания Пантикаея отражает следующий этап во взаимоотношениях греков Боспора с окружающим населением. Тот факт, что греки при основании города стремились выбрать наиболее удобное в стратегическом отношении место и что вновь образованные города очень скоро обносились оборонительными стенами, свидетельствует о том, что взаимоотношения между обитателями греческих городов и окружающим их негреческим населением не всегда были дружескими.

Самое раннее греческое поселение возникло во второй половине VII в. до н. э. на острове Березань около устья Днепр-Бугского лимана. Оно, видимо, носило название Борисфенды (*Паладимириу С. Д.*, 1910; *Болтенко М. Ф.*, 1930; 1949; 1960; *Иудельман Д. И.*, 1939; 1946; *Славин Л. М.*, 1956; *Блаватский В. Д.*, 1961а; *Карышковский П. О.*, 1967а; *Виноградов Ю. Г.*, 1976), и хроника Евсевия (II, 88) относит его основание к 645 г. до п. э. Позднее, в начале или первой половине VI в. до п. э., милетцы основали на правом берегу того же лимана город Ольвия. Греческое поселение на острове Березань вошло в округу Ольвии, оно, по-видимому, играло на первых порах роль эмпория Ольвии, но затем постепенно захирело (*Виноградов Ю. Г.*, 1976). Видимо, еще в VI в. до п. э. милетцы на правом берегу Диестровского лимана основали Тирю, однако ранние археологические слои Тиря пока не открыты. На противоположном берегу лимана, вероятно, тоже еще в VI в. до п. э. возник город Никоппи.

Большая группа греческих городов возникла на берегах Киммерийского Боспора — Керченского пролива. В первой половине VI в. до п. э. на западном берегу пролива, на месте современной Керчи, милетцами был основан Пантикаея. Название «Пантикаея» не греческое, оно расшифровывается из прапелтских корней как «рыбный путь» (*Абаев В. Ш.*, 1949, 1958; *Блаватский В. Д.*, 1964в). К югу от Пантикаея на Керченском полуострове около середины VI в. появились города Тиритака, Нимфей,

Киммерик и другие. Дальше на запад по побережью Крыма милетцы основали Феодосию. В северной части Керченского полуострова также возник целый ряд поселений, из которых наиболее возвестен городок Мирмекий вблизи Пантикаея. На противоположном берегу Киммерийского Боспора, на островах, находящихся в дельте Кубани и слившихся позднее в Таманский полуостров, также возникли многочисленные города. Милетцами здесь был основан в первой половине VI в. до п. э. город Кены; возможно, они приняли участие и в основании других городов, например, Гермонассы, заселенной в основном милетцами. Самый крупный город азиатской стороны Боспора — Фаагория был основан выходцами из Теоса не позже середины VI в. Не сколько южнее, на месте современной Анапы, на земле скифов, вероятно, находился город Синда или Сипская гавань, позднее переименованный в Горгинию.

Из крупных городов позднее других появился Херсонес Тапирический, основанный выходцами из Гераклеи Понтийской во второй половине V в. до п. э. на территории современной Севастополя. Некоторые из основанных греками городов в свою очередь приняли участие в создании новых поселений. Результатом такой позднейшей вторичной колонизации был, например, Танаис, крупный торговый центр, возникший в устье Дона в начале III в. до н. э. по инициативе боспорских греков. Впрочем, значительной вторичной «внутренней» колонизации в Северном Причерноморье не было.

Объединение северного черноморского и азовского побережий в географических пределах от устья Дуная до Гагринского хребта Большого Кавказа в единую область, называемую Северным Причерноморьем, условно. В пределах этой обширной области могут быть выделены три района, значительно отличающиеся друг от друга: 1 — северо-западный, в который, кроме Ольвии, Никоппи, Тиря и их округи, должны войти также Истрия и, может быть, другие западнопонтийские города до мыса Калнакра; 2 — Таврический с центром в Херсонесе, охватывающий Южный и Западный Крым; 3 — северо-восточный, включающий в себя Восточный Крым (от Феодосии включительно), Приазовье, и северокавказское побережье Черного моря до выхода к морю Гагринского хребта (*Шелов Д. Б.*, 1967б, *Браишский И. Б.*, 1970).

Античные государства на территории Северного Причерноморья существовали в течение почти тысячи лет. Естественно стремление исследователей создать периодизацию истории этих государств, выделить определяющие поворотные моменты в их развитии (*Блаватский В. Д.*, 1950а, 1959; *Суров Е. Г.*, 1955). Однако создать единую периодизацию, отражающую синхронные изменения разных сторон экономической, социальной, политической жизни всех северочерноморских государств, до сих пор не удалось. С точки зрения политической истории Северного Причерноморья рациональнее всего разделить ее на четыре периода: 1 — период независимого раздельного существования античных государств этого региона, длившийся с момента их возникновения до конца II в. до н. э.; 2 — кратковременный период объединения всех причерноморских государств в

рамках политической державы Митридата Евпатора; 3 — период римского влияния, сказывавшегося в той или иной степени на всех северочерноморских городах, продолжавшийся примерно с середины I в. до н. э. до середины III в. н. э., до разгрома античных государств Причерноморья союзом варварских племен, возглавляемых готами; 4 — период окончательного упадка и гибели античных государств — вторая половина III — IV в. до н. э. II эта периодизация, конечно, чрезвычайно условна, но она представляет известные удобства для рассматривания в пределах ее этапов истории всех северочерноморских государств античных образований.

Из трех античных городов северо-западного понтийского района, располагавшихся на современной территории СССР — Ольвия, Никоппи и Тирис, — наибольшее значение имела Ольвия, рано ставшая важным производственным и торговым центром. К концу VI в. до н. э. Ольвия оформляется в типичный греческий полис со всеми присущими ему социальными и политическими институтами. Ольвиополиты владели значительной сельскохозяйственной округой. Ольвия была рабовладельческой демократической республикой, власть в которой официально принадлежала всему населению, объединенному в гражданскую общину. Разумеется, гражданскими правами пользовались только свободнорожденные ольвиополиты. Основные производители — рабы, иноземцы, негрки и все женщины — в гражданскую общину не входили. Практически власть сосредотачивалась в руках небольшой группы городской рабовладельческой знати, которая через различные органы управления навязывала свою волю остальным согражданам. Верховным органом власти юридически было народное собрание граждан, ведавшее всеми важнейшими государственными делами. Дела для рассмотрения в народном собрании подготавливал специальный совет, состоявший из выборных членов и заседавший в храме Зевса. Все законы и декреты обычно составлялись от имени совета и народа, т. е. народного собрания (*Латышев В. В.*, 1887; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955). Исполнительная власть осуществлялась коллегиями выборных магистратов, важнейшей из которых была коллегия пяти архонтов во главе с первым архонтом. Архонты могли созывать народное собрание, они ведали внешними сношениями города, наблюдали за государственным финансами, за выпуском монеты. Финансовыми делами занимались и другие коллегии: коллегия семи, коллегия девяти. Шесть стратегов управляли военными делами. Агорароны осуществляли полицейские функции, следили за порядком в городе, в частности, на агоре, за торговлей на рынке, за правильностью мер и весов. Некоторые должности были временными, так в периоды острой нехватки продовольствия создавалась коллегия ситонно-ведаящая закулиной и распределением хлеба (*Латышев В. В.*, 1887; *Блаватская Т. В.*, 1948; *НО.*).

Политическую историю Ольвии в домитридовскую эпоху письменные источники освещают очень плохо. Надписи и археологические материалы рисуют нам картину оживленных торговых сношений Ольвии со многими городами Средиземноморья и Прichernоморья (*Бондар М. М.*, 1954а; 1954б; 1957; 1961; *Леви Е. И.*, 1958а; *Каршиковский П. И.*,

1959а; *Каршиковский П. О.*, 1961б; 1964; 1965а; *Брашинский И. Б.*, 1960; 1963а; 1963б; 1967; 1968а; 1968б; *НО.*) Можно предполагать, что Ольвия поддерживала с этими городами и какие-то политические связи. По археологическим находкам восстанавливаются обширные торговые связи Ольвии с варварскими племенами, прежде всего, с населением Побужья, Приднепровья и прилегающих областей (*Бондар П. И.*, 1955; *Бондар М. М.*, 1956 а, б; *Овайко П. А.*, 1960, 1962, 1966 а, б, 1970а). Особенно активны эти связи были в V—III вв. до н. э., когда воздействие транзитной торговли Ольвии может быть прослежено до отдаленнейших районов Поволжья и Приуралья (*Граков Б. М.*, 1947; *Шелов Д. Б.*, 1969б). Это широко развитие торговли с населением степей и лесостепей предпосылает влияние в основном мирных отношений ольвийского полиса и окружающего варварского населения. Об этом же свидетельствует и обилие неукрепленных сельских поселений вокруг города. Правда, к середине V в. до н. э. число этих поселений резко сокращается, что может быть связано с активизацией скифов-кочевников в северо-западном Причерноморье, по уже в IV в. до н. э. вновь возникает большое число поселений в хоре Ольвии. О мирных взаимоотношениях Ольвии со скифами говорит и история скифского даяря Скила, рассказанная Геродотом (IV, 78, 79).

До сих пор не выясненным остается вопрос об отношении Ольвии к первому Афинскому морскому союзу, поставленный еще В. В. Латышевым (*Латышев В. В.*, 1887). Одни исследователи признают возможным для вероятным включение Ольвии (и других северочерноморских городов) в этот союз (*Каршиковский П. О.*, 1960а), другие такую возможность отрицают (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 181 сл.; *Брашинский И. Б.*, 1955; 1963а). В 331 г. до н. э. Ольвия оказалась объектом завоевательной политики наместника Александра Македонского во Фракии Зопприона, предпринявшего поход против Скифии (*Латышев В. В.*, 1887; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 41 сл.; *Suceveanu A.*, 1966; *Plescu V.*, 1971). Зопприон подошел к Ольвии, по-видимому, захватившей в союзных отношениях со скифами, и осадил ее. Ольвиополиты были вынуждены предпринять чрезвычайные меры: дать права гражданства прокнявшему в городе иностранцам, объявить кассацию долгов и даже отпустить на волю рабов, о чем сообщает Макробий (*Sat. I, II, 33*). Хотя Зопприону и не удалось взять Ольвию, а затем, по сообщению Юстина (XII, 2; 16; XXXVII, 34), он был уничтожен со всей его армией скифами, осада стоила ольвиополитам многих усилий и привела к некоторому упадку города (*Леви Е. И.*, 1956; *Саавин Л. М.*, 1959а). Вероятно, с укреплением государственно-правовых институтов Ольвии после отражения Зопприона связано возобновление тесных договорных отношений между Ольвией и ее метрополией Милетом, отраженное в специальном договоре об исполитии, т. е. о взаимном даровании гражданских прав милетцам в Ольвии и ольвиополитам в Милете (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 38 сл.).

С III в. до н. э. положение Ольвии ухудшается. Более сильные экономически боспорские торговцы частично вытесняют ольвийских купцов из некото-

рых районов Причерноморья (*Славин Л. М.*, 1959а), хотя это вытеснение вряд ли имело такой полный характер, как это иногда представлялось исследователями ранее (*Онайко П. А.*, 1970а). Важнее было резкое изменение военно-политической обстановки в стенах. Постепенное продвижение на запад сарматских племен, создание скифского государства в Крыму с центром в Неаполе на Салгире, активизация военной деятельности скифов и стремление их к морскому побережью и приморским центрам создали новую ситуацию в Причерноморье. Мирные торговые сношения в эту эпоху все чаще прерываются военными столкновениями между скифскими и другими местными племенами, с одной стороны, и античными государствами — с другой (*Гайдукевич В. Ф.*, 1955).

Одновременно с возрастанием силы и активности местных племен происходит постепенное экономическое и политическое ослабление античных государств Северного Понта, вызванное не только наступлением варваров, но и изменением экологической ситуации и общим кризисом полудисной системы. Одним из ярких проявлений этого кризиса было усиление классовых противоречий, выделение богатой городской плутократии, противостоящей всему остальному населению и держащей в своих руках всю экономическую жизнь полуса (*Шафранская П. В.*, 1951).

Кризисное состояние ольвийского полуса отражает иконочный декрет в честь ольвийского гражданина Протогея (IRE, I, 32), относящийся ко второй половине III или к началу II в. до н. э. (*Латышев В. В.*, 1887; *Слосаренко Ф.*, 1925; *Шафранская П. В.*, 1951; *Книпович Т. П.*, 1966; *Каршковский П. Л.*, 1968): город постоянно находится под угрозой нападения варварских племен, их вожди являются к стенам города и требуют себе даров или дани: Ольвия не имеет сил для отпора и вынуждена откупаться золотом. Но городская казна пуста, и приходится обращаться к частным пожертвованиям Протогея и подобных ему богачей. Дело доходит до того, что городские власти закладывают иономезму-ростовщнику свинцовые сосуды из храмов, и только вмешательство Протогея, уплатившего залог, спасает городские святыни. Тревожное военное состояние вызывает отлив населения — иностранцы и часть граждан покидают город. Городские рабы и соседние миксаины переходят на сторону варваров. Город не имеет сил даже на то, чтобы восстановить обветшавшие стены и башни, починить и оснастить корабли. И здесь на помощь приходит Протогей. Протогей был, по-видимому, очень богатым человеком, помощь, которую он оказывал городу, требовала огромных средств. Весьма характерно, что в декрете везде говорится о нем как о первом, по единственному благодетеле Ольвии. Стало быть существовала некая группа чрезвычайно богатых граждан, которые могли в известной мере покрывать городские расходы из личных средств и в полную зависимость от которых и понала Ольвия. Впрочем, ольвиополиты пользовались некоторыми филиановыми услугами, оказываемыми городу и богатыми иономезмами, например, хоросенцами (НО, № 28, 29).

Дальнейшее ослабление Ольвии привело к тому, что она понала под власть скифов. Это произошло

около середины II в. до н. э. при скифском царе Скилдуре. Признание Ольвией верховной власти этого царя засвидетельствовано чеканкой в городе наряду с городской монетой и монеты с именем, титулом и портретом Скилдур (*Латышев В. В.*, 1887; *Орешников А. В.*, 1890; 1915; *Зозграф А. П.*, 1951; *Сальников А. Р.*, 1960; *Фролова П. А.*, 1964). Вероятно, этим объясняется и наименование Ольвии «скифским городом» в одной эпитафии II в. до н. э. (IRE, I, 226). Но нет никаких данных для суждения о том, каково было положение Ольвии под властью Скилдур и как долго осуществлялось ее подчинение скифскому царю. Иногда полагают, что Ольвия недолго находилась под властью Скилдур, а затем между ними установились союзные отношения (*Фролова П. А.*, 1964), но скорее можно думать, что освобождение города из-под скифского господства произошло уже в конце II в. до н. э. в связи с поражением скифов в борьбе с Митридатом Евпатором.

История Никоппы и Тиря домитридатовского времени практически нам совершенно не известна. Никоппий возник, видимо, в середине или во второй половине VI в. до н. э. В период своего первого расцвета (V—IV вв. до н. э.) он имел с Истрией тесные связи (*Синицын М. С.*, 1966; *Загинайло А. Г.*, 1966; *Северская П. М.*, 1976). В середине IV в. Никоппий был разрушен. Восстановленный в конце столетия, он вновь подвергся разгрому в конце III или в начале II в. до н. э. Уверенно сопоставить эти разрушения с какими-либо известными нам политическими событиями нельзя, связь первого разрушения с передвижением скифов царя Атея (*Синицын М. С.*, 1966) весьма предположительна.

Тира была сначала сравнительно небольшим поселением земледельческого характера и лишь с IV в. до н. э. приобрела значение торгового центра (*Злаговская Т. Д.*, 1959; *Фурманская А. П.*, 1963а). По-видимому, Тира с самого начала была организована как типичный греческий полис, обладающий всеми органами городской самоуправления — народным собранием, советом, архонтами и т. д. Об этом говорят как эпиграфические документы (*Карышковский П. О.*, 1959; *Фурманская А. П.*, 1960а), так и автономная чеканка городской серебряной, медной и даже золотой монеты, начиная со второй половины IV в. до н. э. (*Зозграф А. П.*, 1957). Вопрос о вхождении Тиря в Афинский морской союз весьма проблематичен (*Грашинский И. Б.*, 1963а). В раннеэллинистическое время Тира переживает эпоху расцвета, а затем вступает в период кризиса (*Фурманская А. П.*, 1963а), который завершается, по-видимому, включением Тиря в состав державы Митридата Евпатора (*Шелов Д. В.*, 1962).

История Боспора сравнительно хорошо освещается литературными и эпиграфическими источниками. Но и в ней достаточно темных мест. Одним из них является самый ранний период истории боспорских городов, до установления на Боспоре династии Спартокидов. Греческие города, возникшие в VI в. до н. э. на обоих берегах Керченского пролива, первоначально существовали, видимо, как независимые и самостоятельные полисы. Свидетельством этого может служить автономная монетная чеканка некоторых из них. Паптикаевый самый значительный и мощный из

античных центров этого района, начал выпускать свою монету еще во второй половине VI в. до п. э., другие города — в V в. до п. э. (*Зограф А. И.*, 1951; *Шелов Д. Б.*, 1956а; *Shelov D. B.*, 1978). Но в 480 г. до п. э. города, расположенные на берегах Боспора Киммерийского, объединились в одно государство, получившее название Боспора. По сообщению Дюдора (XII, 31, 1), в течение 42 лет Боспор управлялся Археанактидами. Относительно Археанактидов единого мнения в науке нет. Их существование то вообще отрицалось (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 21 сл.; ср. *Шкорпил В. В.*, 1917а), то они признавались милетским аристократическим родом (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 70, 163; *Калустов Д. П.*, 1949; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; 1955), то милетским (*Лавишев В. В.*, 1909; *Блаватский В. Д.*, 1954 в; *Навашки В.*, 1976). По-видимому, в состав вновь созданного государства Археанактидов вошли основные города на азиатской стороне Киммерийского Боспора, а на европейском берегу — Пантикапей и прилегающие к нему небольшие городки Мирмекки и Тиритака. Западной границей государства, вероятно, служил вал, тянувшийся от поселка Арпшицево (древняя Тиритака) на север (*Шмидт Р. В.*, 1941; *Григелич К. Э.*, 1946, 1947; *Блаватский В. Д.*, 1954а, в; *Сокольский Н. И.*, 1957). Что касается характера власти Археанактидов, то об этом можно высказать только более или менее правдоподобные догадки. Видя в Археанактидах аристократический род, почти все исследователи предполагают, что они получили наследственную власть, используя один из поздних институтов, скорее всего архонта, и официально считались, как позднее и Спартокиды, архонтами Боспора. Иногда приравнивают их власть к раннегреческой тирании (*Блаватская Т. В.*, 1959; *Гайдукевич В. Ф.*, 1974). Можно думать, что отдельные города, подчиненные власти Археанактидов, сохранили какие-то элементы полисной автономии. Что заставило первоначально независимые города объединяться в единый государственный организм? На первое место почти всегда выдвигается необходимость обеспечения совместной защиты от возможного нашествия окружающих варварских племен (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 44 сл.; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 166; *Блаватский В. Д.*, 1954в, с. 39). Иногда в этом объединении усматривают также влияние международной обстановки начала V в. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Калустов Д. П.*, 1949, с. 193 сл.). Несомненно, объединение это диктовалось и экономическими интересами боспорских городов (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 166; *Блаватский В. Д.*, 1954в, 1956б; *Блаватская Т. В.*, 1959). Во всяком случае, тесные экономические связи между отдельными городами Боспора прослеживаются по нумизматическому материалу в зноху, предшествующую их объединению под властью Археанактидов (*Шелов Д. Б.*, 1956а; *Shelov D. B.*, 1978). Высказывалось даже предположение, что само объединение произошло значительно ранее 480 года, времени прихода к власти Археанактидов (*Блаватская Т. В.*, 1959), но данных, подтверждающих эту гипотезу, пока нет.

В 438 г. до н. э. власть на Боспоре переходит в руки династии Спартокидов. Дюдор, сообщаящий об этом (XII, 31,1), не говорит, каким путем совер-

шился этот переход. Новые правители не были чистыми греками (см. впрочем иное мнение: *Блаватская Т. В.*, 1959; *Волтунова А. И.*, 1964а), имена родоначальника династии Спартока и некоторых его преемников — фракийские. Вопрос о том, кем был по происхождению Спарток — фракийцем, скифом или меотом, — решается по разному различными учеными (*Rostovtzeff M.*, 1922; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 167; *Блаватский В. Д.*, 1948б; 1954в; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949 а; 1955; *Артамонов М. И.*, 1949; *Werner O.*, 1955 и др.). Возможно, Спартокиды были выходцами из местной племенной знати, тесно связанной с греческими купцами и рабовладельцами общиной торговых и иных интересов. Приход к власти местной по происхождению династии должен был способствовать укреплению связей между этими двумя различными по этнической принадлежности группами господствующего класса Боспора.

С конца V в. до н. э. становится заметным стремление Спартокидов к территориальному расширению государства. Первым объектом их экспансии стал Нимфей, находившийся от этого в какой-то зависимости от Афи. Был ли он членом Афинского морского союза или афинский контроль над ним осуществлялся иным путем, сказать трудно (*Жебелев С. А.*, 1935; *Калустов Д. П.*, 1949; 1950; *Брашинский И. Б.*, 1955, 1963а; *Шелов Д. Б.*, 1956а; *Блаватская Т. В.*, 1959; *Gajdukevics V. F.*, 1974), но особые интересы Афи в Нимфее сомнению не подлежат. Вероятно, афинский протекторат над Нимфеем установился еще около 440 г., со времени экспедиции Перикла в Понт Евксинский. Хотя флот Перикла вряд ли носил порты Северного Причерноморья (*Брашинский И. Б.*, 1958; 1963а), пребывание афинской эскадры на Черном море должно было отразиться на положении северочерноморских городов и может быть, вызвало то напряжение в отношениях между Афинами и Боспором, которое характерно, по мнению некоторых исследователей (*Верзин О. О.*, 1958; *Блаватская Т. В.*, 1959), для второй половины V в. до п. э. Переход Нимфея в руки боспорских Спартокидов произошел в самом конце V в. до н. э. Обстоятельства этого перехода нам неизвестны.

Вслед за Нимфеем пришла очередь Феодосии. Ее присоединение к Боспору позволило бы Спартокидам не только устранить торгового конкурента, но и овладеть превосходной феодосийской гаванью. С завоеванием Феодосии и ее округи вся территория Восточного Крыма оказалась бы в руках Спартокидов и граница государства на западе проходила бы по самой узкой части Керченского полуострова. Возможно, что в борьбе против Феодосии неустойчивую роль играли и политические мотивы: сохранение предание, что в Феодосии жили какие-то боспорские изгнанники (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 168 сл.). Войну против Феодосии начал преемник Спартока I — Сатир I. Но феодосийцы оказали упорное сопротивление, на помощь им пришла Гераклея Понтийская, вероятно, опасавшаяся экспансии Боспора, угрожавшей тем же что основанной гераклеийской колонии — Херсонесу.

Борьба затянулась на многие годы. В ходе этой борьбы умер Сатир I и лишь его сыну Левкону I (389—349 гг.), вероятно, в 80-х годах IV в., удалось

подчинить Феодосию. Город был лишен самостоятельности, он потерял право чеканить собственную монету, а Левкон стал носить титул архонта Боспора и Феодосии. В дальнейшем, в IV и III вв. до н. э. феодосийцы, пользуясь различными военными затруднениями Спартокидов, несколько раз пытались вернуть себе независимость, но безуспешно (Шелов Д. В., 1950).

При Левконе I происходит и значительное расширение Боспорского государства на востоке. Раньше всего была присоединена к Боспору Синдика, область очень сильно эллинизованная и находящаяся в тесной связи с Боспором еще в V в. до н. э. (Блаватская Т. В., 1959; Анфимов Н. В., 1963; Крушкова Ю. С., 1971). Рассказ Полиена (VIII, 59) о синдидом царя Гекатее и царице Тиграто позволяет предполагать, что овладение Синдикой произошло в результате длительной дипломатической борьбы, мирной и военных столкновений (Берзин Э. О., 1958; Блаватская Т. В., 1959; Устинова В. А., 1966). Затем Левкон подчиняет и другие меотские племена Прикубанья и восточного Приазовья. Как происходило это подчинение, мы не знаем, и о присоединении их земель к Боспору узнаем только из титулатуры Левкона, именуемого «архонтом Боспора и Феодосии, царем синддов, торетов, дапдариев и несесов» (КБН, 6, 1037, 1038). Сын Левкона I Перисад I добавляет в свой титул названия племен фатеев и дохов или именуется просто царем всех меотов (КБН, 9—11, 971, 972, 1015, 1039, 1040). Видимо, в третьей четверти IV в. до н. э. процесс формирования территории Боспора был в основном завершен.

В это государство вошли как эллинские города побережья, так и обширные территории, занимаемые варварскими племенами. В этом отношении Боспор номинально возникшее позднее эллинистическое государство. На Боспоре черты эллинизма проявились несколько раньше, чем во многих других районах античного мира (Жебелев С. А., 1953, с. 126 сл.; Блаватский В. Д., 1959б; Blawatsky W. D., 1961).

Во главе Боспорского государства на протяжении более 300 лет стояли правители из двенадцати Спартокидов. В V и IV вв. до п. э. правитель Боспора обычно делил власть со своим братом или со взрослыми сыновьями, которым поручались важнейшие должности или управление отдельными частями государства (Брашинский И. Б., 1965в). В это время Спартокиды носят титул архонгов по отношению к греческим городам и титул «царствующих» над подчиненными им варварскими племенами. С начала III в. до п. э. Спартокиды именуют себя царями по отношению ко всем своим подданным. Боспорские правители обладали всеми prerogативами верховной власти, они сосредоточивали в своих руках управление государством, были предводителями войск, состоявших из наемников или ополчения, распоряжались царскими землями с находившимися на них деревнями, вероятно, осуществляли судебную власть и юридические функции (Гайдукевич В. Ф., 1955; Gajdukevich V. F., 1971). Боспорские города сохраняли некоторые внешнеэлементы полусвободной автономии (Волгунова А. И., 1950; Колобова К. М., 1953). Уступкой полисным традициям была и чеканка боспорской монеты от имени общины пантикапейцев,

а не от имени боспорских царей. Но вся реальная власть сосредоточивалась в руках правителей. Именина, входившие в состав государства Спартокидов, или по крайней мере, часть из них, по-видимому, тоже пользовались некоторой автономией: сохраняли своих собственных царьков или вождей, свой племенной строй и обычаи, хотя и обязаны были платить Спартокидам дань, поставлять им воинские контингенты и подчиняться их верховному руководству.

После смерти Левкона I в 349 г. до п. э. власть на Боспоре перешла к двум его сыновьям Спартоку II и Перисаду I, которые правили некоторое время совместно (Фармаковский Б. В., 1927). После смерти Спартока Перисад стал единственным правителем. Время его правления было временем наивысшего расцвета и могущества Боспорского государства. Страбон (VII, 4,4) сообщает, что Перисад был даже признан богом. После смерти Перисада в 309 г. до н. э. на Боспоре начались жестокие междоусобицы, о которых повествует Днидор (XX, 22—24). Младший сын Перисада Евмел начал борьбу против своего старшего брата Сатпира II, унаследовавшего престол. Где-то в Прикубанье на берегу реки Фат произошло большое сражение (Блаватский В. Д., 1946б), в котором войска Сатпира одержали победу, но вскоре сам он был смертельно ранен. Тогда против Евмела выступил второй брат Пригипа, но Евмел победил его и захватил власть. Евмел очистил Черное море от пиратов, помогал грекам южноопийнских и западноопийнских городов, присоединил к Боспору новые земли и даже вынашивал план объединения под своей властью всех побережий Понта. Планом этим по суждению было осуществиться: Евмел погиб, протаркав всего пять лет.

Наследник Евмела Спарток III (304—284 гг. до н. э.) был первым боспорским правителем, который стал именоваться царем по отношению не только к подчиненным племенам, но и к городам Боспора. Это, как и начавшаяся несколько позже чеканка царской монеты, свидетельствует об укреплении на Боспоре царской власти. С другой стороны, уже в конце III — начале II вв. до п. э. проявляются некоторые признаки усиления городской автономии, связанного, видимо, с ослаблением последних Спартокидов.

В первой половине III в. до п. э. в жизни Боспора стали сказываться некоторые новые явления, известные измением общей обстановки как в Северном Причерноморье, так и в Среднепоморье. Афины, бывшие раньше основным потребителем боспорского хлеба и поставщиком импортруемых товаров, приходят в упадок. Выдвигаются новые центры — Родос, Пергам, Делос, Александрия и др. и возникают новые направления в мировой торговле. Меняется и ориентация торговых связей Боспора — место Афин, Фасоса, Гераклии занимают теперь Родос, Кос, Пергам, Синоп, Египет. Сокращается боспорский хлебный экспорт, уступая первое место вывозу скота, рыбы, рабов. Изменения в экономике и некоторые неблагоприятные внешние обстоятельства не могли пройти совершенно безболезненно, в разных областях экономической и политической жизни Боспора в III и II вв. до н. э. наблюдаются кризисные явления. В частности, денежный кризис

III в. до н. э. выразился в полном прекращении чеканки золотой и серебряной монеты и заполнении дешеского рынка обесцененной и деградировавшей пантикпейской медью (Зограф А. П., 1954; Шелов Д. Б., 1956а; Брабич В. М., 1956; Карышковский П. О., 1960б; 1961б; Фролова Н. А., 1970; Голенко К. В., 1972).

На истории Боспорского царства в III—II вв. до н. э. мы знаем лишь отдельные эпизоды. В это время усиливается активность варваров в Северном Причерноморье. Из сообщений Страбона (VII, 4, 6) и Луккиана Самосатского (Токсарид, 44) известно об уллате Боспором дань варварским царям. Вероятно, это были принудительные «дары». Сохранились указания, что царь Левкои II в середине III в. до н. э. довольно неудачно вел войну против Гераклеи Понтийской. В ходе этой войны гераклеоты высаживали десанты на берегах Боспора, среди приближенных Левкоиа был открыт заговор, войска отказывались ему повиноваться (Шелов Д. Б., 1950), впрочем, некоторые последователи относят эти события еще ко времени Левкоиа I. Внутри самой династии Спартокидов в III—II вв. до н. э. шла борьба за власть (Gajdukevics V. F., 1971). Один из боспорских правителей конца III в., носивший необычное для Спартокидов имя Гигзиопт и почему-то довольствовавшийся только титулом архонта, может быть, совсем не принадлежал к правящей династии (Орешинко А. В., 1901; 1913; Шкорниа В. В., 1911). Эти разрозненные факты свидетельствуют о значительной неустойчивости в политической жизни Боспора III—II вв. до н. э., являвшейся отражением нарастающих социальных противоречий внутри государства и наприближенного положения на его границах. Создание скифского государства в Крыму, установление гегемонии сарматских племен в степях Причерноморья должны были способствовать росту освободительной борьбы угнетенных слоев населения Боспора. Дальнейшее развитие этих процессов привело в конце II в. до н. э. к краху династии Спартокидов и к утере Боспором своей политической самостоятельности.

Херсонес Таврический был основан значительно позже большинства греческих городов Северного Причерноморья дорийцами из Гераклеи Понтийской в стране, населенной сравнительно отсталыми племенами тавров, менее подготовленными к установлению тесных контактов с греками, чем другие автохтонные обитатели Северного Причерноморья. Все это отразилось на истории и государственном устройстве Херсонеса.

У Псевдо-Скимна (822—827) сохранилось известие, что Херсонес был основан выходцами из Гераклеи Понтийской совместно с жителями Делоса по совету дельфийского оракула. Это событие должно было иметь место в 422—421 гг. до н. э. (Тюменов А. И., 1938). Участие делосцев в колонизации никак не отразилось на дальнейшем развитии херсонесской истории и культуры, хотя некоторые связи Херсонеса с Делосом и Дельфами прослеживаются и позднее (Тюменов А. И., 1938; Гайдукевич В. Ф., 1955). Напротив, Гераклея Понтийская всегда рассматривалась херсонесситами как их метрополия, с которой Херсонес постоянно поддерживал самые тесные отношения (Белов Г. Д., 1948а). Херсонес занимал

очень выгодное положение на морских торговых путях, являясь самым близким к южному берегу Понта городом северного побережья. Все корабли, которые шли с южного берега Черного моря или из Греции в Северное Причерноморье, пересекая Понт Евксипский, должны были обязательно останавливаться в гавани Херсонеса. По преимуществу такого расположения города сказались не сразу, так как греки стали регулярно использовать прямой путь через Черное море между Сипоной и Херсонесом не ранее начала IV в. до н. э. (Максимова М. И., 1954а, 1956; Беренвейд Д. Я., 1958; иное мнение — Гайдукевич В. Ф., 1969). Торговым городом Херсонес назван в перипле Псевдо-Скилака (68).

На протяжении всей своей истории Херсонес оставался демократической рабовладельческой республикой. Высшим органом республики были народное собрание и совет. Исполнительная власть находилась в руках нескольких коллегий. Главной была, по-видимому, коллегия архонтов во главе с первым архонтом. Коллегия стратегов ведала военными делами, коллегия номофилаков следила за соблюдением законов и т. д. Действовали также коллегия астиномов и агораномов, наблюдавшие за торговлей, чеканкой монеты, правильностью мер веса и объема. В первые века существования Херсонеса в городе существовала должность «царя», имевшая сакральный характер: «царь» был эпономом — его именем назывался год. Подняв эту должность упрядили, функции эпонома были приданы главному божеству Херсонеса, богине Деве, которая стала именоваться «царствующей» (Латышев В. В., 1884; Белов Г. Д., 1948а; Гайдукевич В. Ф., 1955). Как правило, руководящая роль во всех городских органах власти принадлежала крупнейшим землевладельцам и рабовладельцам. Часто один и те же лица выбирались многократно на разные должности. Так, из надписи III в. до н. э. мы узнаем, что некий Агасика, сын Ктесия, был и стратегом, и жрецом, и агораномом, и гимнасарком, руководил строительством оборонительных стен и устройством рынка, затеялся о гарнизоне города и производил размежку виноградников (IPE, I², 418). Внутри Херсонесского государства происходила ожесточенная классовая борьба между рабами и рабовладельцами. Но и в среде свободного полноправного населения велась борьба между отдельными группами. Оставки этой борьбы дошли до нас в некоторых херсонесских надписях и прежде всего — в знаменитой херсонесской присяге конца IV — начала III в. до н. э. (IPE, I², 401; Латышев В. В., 1909; Жебелев С. А., 1953; Леви Е. И., 1947; Белов Г. Д., 1948а; Тюменов А. И., 1955; Шелов А. П., 1976б). Каждый херсонесский гражданин клялся, что будет охранять демократический строй Херсонеса, не предаст врагам ни города, ни его владений, будет служить народу, не будет замышлять чего-нибудь против Херсонеса или его граждан, не расгласит государственную тайну, доведет до сведения должностных лиц о существовании заговора и т. д. Внесение этой присяги было, по-видимому, экстраординарной мерой, принятой после какой-то попытки осуществить государственный переворот. Время IV в. до н. э. было периодом быстрого роста территории Херсонесского государства. В пору своего расцвета в IV—III вв. Херсонес вла-

дел обширными землями Гераклейского полуострова и Западном Крыму.

Херсонес с самого начала существовал в окружении весьма воинственных и обычно враждебных ему племен — тавров и скифов (Тюменев А. И., 1949; 1950а). Городу неоднократно приходилось обороняться от их нападений, и в свою очередь херсонесцы, расширив свои владения, вторгались в пределы соседних племен. Свидетельями этих бурных событий являются городские стены с признаками неоднократных починков и ремонтов, дополнительными укреплениями и др. (Гриневич К. Э., 1926; 1927б), многочисленные крепости и укрепленные усадьбы в Северо-Западном Крыму и на Гераклейском полуострове со следами осад и пожаров, клады херсонесских монет, зачиртанные в разных местах в моменты военной опасности, и т. д. (Щеглов А. И., 1976б). Есть и прямые эпиграфические свидетельства нападений варваров на Херсонес (IRE, I², 343). В борьбе против скифов херсонесцы, вероятно, стремились использовать враждебные отношения между отдельными скифскими племенами или между скифами и другими варварами. Об этом позволяет судить рассказ Поллена (VIII, 56) о помощи, оказанной Херсонесу сарматской царицей Амагой во время нападения на город скифов. Хотя рассказ этот облечен в легендарную форму, в нем, несомненно, отразились воспоминания о каких-то реальных событиях III в. до н. э. (Ростовцев М. И., 1915).

После образования скифского государства со столицей в Пеополе в III в. до н. э. наем скифов на Херсонес особенно усилился. По-видимому, к середине II в. до н. э. все владения Херсонеса в Северо-Западном Крыму были захвачены скифами и на местах разрушенных поселений были созданы скифские крепости (Дашевская О. Д., 1971; Щеглов А. И., 1976б). Скифские укрепленные поселения возникают в непосредственной близости к самому городу (Висотская Т. И., 1972). Недостаточность собственных сил для отражения скифов заставляла херсонесцев искать поддержки вовне. В 179 г. до н. э. был заключен договор между Херсонесом и царем Понта Фарнаком I, содержащий обязательство Фарнака помогать херсонесцам (IRE, I², 402). Новый нажим скифов на Херсонес в конце II в. до н. э. побудил херсонесцев обратиться за помощью к царю Митридату VI Евпатору, внуку Фарнака I. Это обращение положило начало новому этапу в политической истории Северного Причерноморья. Заинтересованный в расширении своего влияния на северный берег Понта, Митридат послал в 110 г. до н. э. в Херсонес войска под командованием Диофанта. О событиях, происшедших в Крыму в течение нескольких ближайших лет, мы знаем главным образом из почетного декрета херсонеситов в честь Диофанта (IRE, I², 352). Войска Диофанта вместе с херсонеситами разгромили скифов царя Патака и избавили Херсонес от скифской угрозы. По после возвращения Диофанта в Понт скифы предприняли новое наступление и потребовалась еще одна экспедиция под руководством Диофанта. На этот раз скифам был нанесен сокрушительный удар, вновь были взяты и важнейшие центры Крымской Скифии — Неаполь и Хабеи. После окончания этого похода Диофант направился на Боспор (где он уже побывал

с какой-то дипломатической миссией во время первой экспедиции) и устроил, по словам декрета, «тамошние дела прекрасно и выгодно для царя Митридата». Страбон (VII, 4, 4) сообщает, что боспорский царь Персидас добровольно передал Митридату власть над Боспором.

Все усиливающийся напор варваров, обострение социальных противоречий внутри государства заставляли боспорских рабовладельцев искать опору в сильной власти. Однако передача власти Митридату лишь ускорила развитие назревшего социального конфликта. Во время пребывания Диофанта на Боспоре в 107 г. до н. э. там произошло восстание, руководимое неким Савмаком, скифом, восставшим при дворе Персидаса. Восставшие захватили Пантикапей и Феодосию, убили царя Персидаса, а Диофанту пришлось бежать на корабле в Херсонес (Жебелев С. А., 1953; Молев Е. А., 1974, 1976). Характер восстания Савмака не совсем ясен. Источники говорят о нем как о восстании скифов. Некоторые исследователи видят в нем восстание рабов, подобное восстаниям, известным во II и I вв. до н. э. в других местах античного мира. Но, вероятно, социальная база этого движения была значительно шире: в нем могли принять участие и свободная беднота, и полузависимые земледельцы скифского происхождения. Во всяком случае, несомненно этническая окраска этого восстания, вполне понятная в условиях Боспора, где основная масса эксплуатируемого населения состояла из меотов и скифов, тогда как рабовладельческая знать была главным образом греческой (Жебелев С. А., 1953; Гайдукевич В. Ф., 1949а; 1962; 1967; 1968; Струве В. В., 1950; Голенко К. В., 1951; 1963; Lurie S., 1959; Казакевич Э. Л., 1963; Голобова К. М., 1967; Gajdukevich V. F., 1971; Молев Е. А., 1907; 1974; 1976). Для подавления восстания Митридат Евпатор послал на Боспор Диофанта, который овладел боспорскими городами и расширился с повстанцами. Савмак был захвачен в плен и отправлен к царю Митридату. Как ранее Херсонес, Боспорское государство утерло самостоятельность и оказалось объединенным с Понтийским царством под властью Митридата, который держал на Боспоре своего наместника. По-видимому, еще в конце II в. до н. э. власти Митридата подчинились Ольвия (Ростовцев М. И., 1907; Wilhelm A., 1936; Жебелев С. А., 1953; Зограф А. И., 1940; Кармыковский П. О., 1965а) и Тира (Шелов Д. Б., 1962). Северное Причерноморье было призвано сыграть большую роль в умирной борьбе Митридата против Рима. Отсюда поступали продукты питания и сырье для понтийских войск, отсюда черпались людские резервы. Поэтому Митридат чем дальше, тем больше ориентировался на арестованию варварских племен Северного Причерноморья, заключая с ней военные союзы (Каллистов Д. П., 1938а, б).

Античные города Северного Причерноморья, вошедшие в состав державы Митридата, сохраняли свое внутреннее полное устройство и обладали известной автономией. Согласно свидетельству Аппиана (Митр. 67) во время первой войны Митридата с Римом Боспор попытался отделиться от Митридата. Подавив эту попытку силой около 80 г. до н. э., Митридат назначил на Боспор наместником своего сына Махара, подчинив ему и Херсонес (Ше-

лов Д. Б., 1978). Когда Митридат потерпел поражение в борьбе с римлянами, Махар поспешил перейти на сторону римлян. Вытесненный из своих малоазиатских владений Митридат прибыл в Северное Причерноморье, вновь подчинил себе Боспор и Херсонес (Махар при этом погиб) и попытался сделать эти страны основной базой своей дальнейшей борьбы против Рима. Однако подготовка новой войны против Рима, резкое увеличение поборов и реквизиций, набор в царскую армию рабов и пр., а также разстройство торговли, связанное с блокадой черноморских портов римлянами, вызвали недовольство городов Северного Причерноморья и в 63 г. до п. э. Фанагория, а вслед за ней и другие города подняли восстание. Когда к этому движению присоединилась армия, возглавляемая сыном Митридата Фарнаком, понтийский царь понял, что он обречен, и покончил с собой (Аншан, Митр., 107—111).

Римляне призвали царем Боспора Фарнака, подчинив ему и Херсонес, при этом Фарнак получил титул «друзя и союзника римлян», дававшийся обычно вассальным по отношению к Риму государствам. Фанагория, первая поднявшая восстание против Митридата, получила автономию. Но закрепить свое влияние в Причерноморье, римлянам было нелегко. В середине I в. до п. э. им пришлось вести борьбу против фракийских племен. На Дунае в это время сложился сильный племенной союз гетов, которые под руководством своего вождя Берберихи прошли опустошительным походом вдоль западного берега Понта (Блаватская Т. В., 1952; Златковская Т. Д., 1955; Vulpe R., 1968; Dăicoviciu П., 1972; Crișan I. H., 1977). Одной из жертв этого похода стала Ольвия, которую геты захватили и полностью разрушили.

Затруднения римлян в Западном Причерноморье и обострение внутриполитической борьбы в самом Риме побудили Фарнака попытаться силой вернуть себе все владения своего отца. Он подчинил себе Фанагорию, через Кавказ вторгся в Малую Азию и захватил часть прежних владений Митридата Евпатора (Калистов Д. Н., 1938а; Голубцова Е. С., 1951; Цветская Г. А., 1965). Разбитый войсками Юлиа Цезаря при Зеле в 47 г. до п. э. Фарнак возвратился на Боспор, но оставленный им в качестве наместника некий Асандр отложился от Фарнака и объявил себя независимым правителем Боспора. В борьбе с Асандром Фарнак погиб. Не доверяя Асандру, Цезарь послал на Боспор в качестве царя пергамца Митридата, побочного сына Митридата Евпатора, но Митридат не смог овладеть Боспором, был убит и правителем Боспора остался Асандр.

Херсонес, со времени Митридата Евпатора подчинившийся правителям Боспора (Страбон, VII, 4, 3), тяготился боспорской опекой и пытался освободиться от нее, опираясь на римлян. Одно из херсонесских посольств в Рим к Цезарю в 46 г. до п. э. увенчалось успехом и город получил желанную независимость от Боспора (IRE, I², 694; Ростовцев М. И., 1917), однако после гибели Цезаря вновь оказался в зависимости от своего спящего соседа (IRE, I², 354, 419, 573). В 25 или 24 г. до п. э. в Херсонесе было введено новое летоисчисление (Бертье-Делагард А. Л., 1893б; Гаришковский П. И., 1961а; Анохин В. А., 1963), что было, безусловно, связано с какими-то

важными событиями, вероятно, в области боспорско-херсонесских отношений.

Асандр, удержавший власть над Боспором вопреки воле Цезаря, в первые три года своего правления довольствовался скромным титулом архонта, но после смерти Цезаря принял царский титул и получил на это согласие Рима. Чтобы укрепить свои права на престол, он женился на Динамии, дочери свергнутого им Фарнака и вичке Митридата Евпатора. После смерти Асандра в 17 г. до н. э. правительницей стала Динамия, по римляне, воспользовавшись появлением на Боспоре нового претендента на престол некоего Скрибония, вновь посылают на Боспор своего ставленника, понтийского царя Полемона. Несмотря на упорное сопротивление боспорцев, Полемону удалось занять престол, после чего он по решению Августа вступает в брак с той же Динамией. По-видимому, в это время происходит перенесение Пантаклея в Кесарию, а Фанагорию — в Агриппию (Орешников А. В., 1915; Зограф А. Н., 1951). Но совместное правление Полемона и Динамии длилось недолго, вскоре произошел разрыв. Полемон женился на родственнице императора Августа (Орешников А. В., 1902; Бертье-Делагард А. Л., 1911; Ростовцев М. И., 1914а; Голубцова Е. С., 1954; Gaidukevič V. F., 1971). Боспорское население не могло примириться с римской марionеткой на престоле, и Полемону пришлось вести борьбу против своих подданных, во главе которых, по-видимому, встала Динамия. Одним из эпизодов этой борьбы был разгром Полемоном непокорного Танаиса (Жебелев С. А., 1953, с. 195 сл.; Болтунова А. И., 1969; Шелаев Д. Б., 1969а). В 8 г. до н. э. Полемон был убит аспурганями, одним из племен Алпатагок Боспора, и власть, видимо, опять перешла к Динамии. Впрочем, история Боспора конца I в. до н. э. и начала I в. н. э. известна нам очень плохо. Около 10 г. н. э. к власти приходит Аспург, сын Динамии и Асандра, связанный каким-то образом с племенем аспурганя (Бертье-Делагард А. Л., 1911; Ростовцев М. И., 1914а; Rostovtzeff M., 1913; Калистов Д. Н., 1940; Зограф А. Н., 1951; Голубцова Е. С., 1951; Gaidukevič V. F., 1971). Аспург стал основателем новой династии, правившей Боспором в течение почти четырех веков. Он принял царский титул в 14 г. п. э. с согласия римского императора Тиберия (Блаватская Т. В., 1965 г.).

Политическое положение Боспора при Аспурге значительно укрепилось. Аспург владел всей территорией царства, включая Феодосию и Танаис. Херсонес формально не прилагался к числу его владений, но фактически зависел от него (см. IRE, I², 573). Предполагают, что Аспург послал второе, тронное, имя Рескупорда, являясь первым правителем с этим именем на Боспоре (Бурачков П. О., 1884; Бертье-Делагард А. Л., 1911; Гайдукевич В. Ф., 1949а и др.), но это маловероятно (Голубцова Е. С., 1951; Фролова Н. А., 1976; Блаватский В. Д., 1976).

После смерти Аспурга в 38 г. в. э. Кавтула попытался посадить на боспорский престол очередного римского ставленника — фракийского царевича Полемона, но сын Аспурга Митридат не пустил его на Боспор и объявил себя царем (Дион Кассий LIX, 42; LX, 8). Митридат имел намерение совсем освободиться от римской зависимости, но его план был

выдан римлянам его братом Котием. Император Клавдий объявил Митридата низложенным, отдал боспорский престол Котию и прислал ему в помощь римские войска. Согласно рассказу Тацита (Летопись, XII, 15—21) после продолжительной и упорной вооруженной борьбы, которая протекала на азиатской стороне Боспора и в которой принимали участие отряды сарматских племен аорсов и сираков, Митридат был разбит и отправлен в Рим, а Котий I утвердился на боспорском престоле. Даже полное подчинение Котия I римской политике, особенно ярко проявившееся в проимской типологии боспорских монет при этом царе (Орешников А. В., 1921; Зограф А. П., 1951; Харко Л. П., 1950; Каршковский Ш. О., 1953; Фролова Н. А., 1976) не могло удовлетворить императора Нерона, который задумал превратить Боспор в римскую провинцию. Поводом для прямой военной интервенции Рима послужило новое усиление скифского наступления на античные города Причерноморья.

К середине I в. н. э. скифы (или, как их теперь обычно называют, тавроскифы) значительно усилили свою активность в Северном Причерноморье. Особенно сильный нажим с их стороны испытывала Ольвия. Этот город, как свидетельствует Дион Христом (XXXVI, 2, 48), был вновь остроен после гетского разгрома по инициативе соседних скифских племен, заинтересованных в возобновлении торговли с греками. Однако отныне Ольвия была второстепенным центром и не достигла прежнего экономического расцвета (Гайдукевич В. Ф., 1955; Славин Л. М., 1959а). Во второй половине I в. н. э. Ольвия вынуждена была признать себя зависимой от парварских, скорее всего сарматских, царей Фараво и Иненсимея, власть которых над городом заведомо существовала тем, что они чеканили в Ольвии свою монету (Орешников А. В., 1890; 1915; Зограф А. П., 1951; Розанова Н. П., 1956; Славинков А. Г., 1960). Впрочем, к концу I в. н. э. Ольвия уже освободилась от их власти. Скифская угроза была вполне реальной и для Херсонеса. Херсонес в I в. н. э. продолжал оставаться рабовладельческой республикой, но в нем (как и в Ольвии) очень усиливаются позиции аристократии: вся власть в городе сосредоточивается в руках немногих семей, члены которых из поколения в поколение занимают высшие административные должности (Гриневич К. Э., 1947; Белов Г. Д., 1948а; Гайдукевич В. Ф., 1955; Стрелецкий С. Ф., 1959б; Шелов Д. Б., 1975). Аристократия придерживалась римской ориентации, рассчитывая, что военная сила Римской империи обеспечит защиту Херсонеса от скифов, будет способствовать сохранению рабовладельческих порядков в самом Херсонесском государстве и сможет противостоять притязаниям боспорских царей, опаской которых Херсонес тяготился. Внутри самого Херсонеса шла острая политическая борьба, получившая отражение в почетном декрете в честь гражданина, назвавшего город от угрозы тирании (IRE, I, 355). Осознавшие тавроскифами херсонесцы обратились за военной помощью в Рим. Воспользовавшись их просьбой, Нерон направляет в 63 г. большую экспедицию в Крым по главе с легатом провинции Мезия Тиберием Плавтием Сильваном Элианом. Римляне заставили скифов снять осаду, после чего в Север-

ном Причерноморье были размещены римские гарнизоны из солдат I Итальянского, V Македонского и XI Клавдиева легионов, насчитывающие в общей сложности 3 тысячи воинов. Херсонес стал главным опорным пунктом римлян в Северном Причерноморье. На мысу Ай-Тодор римляне создали мощную крепость Харакс. На Херсонесский порт базировалась часть римской эскадры из 40 кораблей, несущая патрульную службу в Черном море (Ростовцев М. И., 1900; 1911; Rostovtzeff M., 1902; Дьяков В. П., 1930; 1940; 1941; 1942; Ренников П. П., 1941; Блаватский В. Д., 1951; Pippidi D. M., 1955; Condaracki E., 1958; Gajdukevici V. F., 1971). Обострение борьбы с даками на Дунае в 80-х годах I в. вызвало ослабление позиций римлян в Северном Причерноморье, хотя вряд ли римские войска были совсем выведены из этого района, как это обычно предполагают (Ростовцев М. И., 1900; Белов Г. Д., 1948а; Гайдукевич В. Ф., 1955; Gajdukevici V. F., 1971; ср. Дьяков В. П., 1942; Шелов Д. Б., 1975). II в. н. э. был временем относительной стабильности и спокойствия в Северном Причерноморье, временем известного подъема и экономического расцвета северочерноморских античных государств. Наиболее активной действующей силой, враждебной им, были в это время тавроскифы. Они постоянно угрожали не только Херсонесу, но и Ольвии. Испытывая постоянную опасность со стороны соседних племен, Ольвия вела сложную дипломатическую игру, посылая к вождям этих племен ностов и заблаговременно их подарками. Следы этих переговоров и посольств сохранились в ряде ольвийских надписей II в. н. э. (IRE, I, 39, 54; II, 42). В таких условиях господствующей верхушке Ольвии наилучшим выходом должно было казаться подчинение Риму и получение римской военной помощи.

Римляне, еще в 50-х годах I в. н. э. подчинившие себе Тирю и в начале II в. подавившие сопротивление даков Децебала, теперь прочно закрепились в Нижнем Подунавье и Поднестровье (Златковская Т. Д., 1951; Кругликова И. Т., 1953а; Зограф А. П., 1957). Может быть, еще во времена Траяна или Адриана римский гарнизон был размещен и в Ольвии (Ростовцев М. И., 1915; Гайдукевич В. Ф., 1955). Во всяком случае, когда при Аврелиане Пинна опасность для Ольвии со стороны скифов резко усилилась, император послал из Нижней Мезии войска, которые вместе с ольвийцами не только отразили нападение на город, но и вынудили тавроскифов заключить мир и выдать заложников. С этого времени в Ольвии постоянно находился римский гарнизон. Несколько позднее Ольвия была включена в состав провинции Нижней Мезии (Лавинцев В. В., 1887; Гайдукевич В. Ф., 1955).

Для Херсонеса тавроскифская угроза была еще более актуальной, педаром херсонесцы постоянно совершенствовали городские укрепления (IRE, I, 438; Соломонович Э. И., 1961, 1964). По-видимому, скифы удерживали за собой ранее захваченные херсонесские владения в северо-западном Крыму (Шелов А. П., 1966; Давеская О. Д., 1971). В борьбе против тавроскифов Херсонес мог опереться либо на помощь Боспора, либо на прямую поддержку римлян. Римские власти стремились возложить на Боспор значительную часть военных тягот, связанных

с обороной городов Крыма от тавроскифов. Имешо так надо понимать сообщение Флегонта из Тралл о том, что император Адриан подчинил Херсонес боспорскому царю Котью II (SC, I, 2, с. 512). Интересами обороны города от скифов было продиктовано двукратное посольство знатного херсонесита Аристона, сына Аттины, к боспорскому царю Риметалку (131—153 гг.) для заключения союза (IRE, I, 423). Херсонес очень тяготился протекторатом Боспора и стремился стать в прямую зависимость от Рима. Тот же Аристон был послан в Рим с ходатайством о свободе Херсонеса. По его миссии не увенчался успехом, и только ходатайство перед императором Антонином Пием, предпринятое метрополитом Херсонеса Гераклеей Понтийской, привело к освобождению города от боспорской зависимости (IRE, I, 362, 363). Это событие дало начало новому периоду истории Херсонеса — периоду эвтериии (свободы), получившему яркое отражение в типологии херсонесских монет (*Бертье-Делагард А. Л.*, 1906; *Орешников А. В.*, 1915; 1918; 1922; *Зограф А. П.*, 1951; *Анохин В. А.*, 1963).

То обстоятельство, что Боспор в течение долгого времени должен был оказывать поддержку Херсонесу против скифов, приводило к боспоро-скифским вооруженным столкновениям, хотя обстановка на боспоро-скифской границе была, вероятно, и без того достаточно напряженной, о чем свидетельствует строительство и реконструкция крепостей на западной границе Боспора (*Гайдукевич В. Ф.*, 19586; *Доватур А. П.*, 1961). Боспорские надписи повествуют о войнах, которые пришлось вести против скифов Савромату I (93—123 гг.) в самом начале II в. н. э. и Котью II в 123 г. Но особенно энергичную военную политику вел Савромат II (174—210 гг. н. э.). Из одной надписи 193 г., найденной в Тапале, известно, что Савромат II одержал победу над скифами и присоединил к боспорским владениям Таврику (КВН, 1237). Ему удалось, видимо, в какой-то степени подчинить себе и скифские владения в Крыму. По крайней мере его сын и последний Рескупорид III (210—226) именуется в одной из надписей не только царем Боспора, но и царем тавроскифов (КВН, 1008).

На восточных границах Боспорского царства ощущалось некоторое давление сарматских племен. Вероятно, их вторжением объясняется сдвигременная гибель многих боспорских крепостей на Таманском полуострове в начале II в. н. э. (*Соколовский И. П.*, 19676). Передвижение во II в. аланских племен в пределах Боспорского государства засвидетельствовано и на Дону (*Шелов Д. Б.*, 1974). Известное по многочисленным надписям успешное строительство оборонительных сооружений в Тапале на протяжении всего II в. в первой половине III в. показывает, что боспорское правительство хорошо сознавало грозящую государству опасность (КВН, 1241—1244, 1246—1252, 1257; *Болтунова А. П.*, 1968; *Шелов Д. Б.*, 1972а). Упомянутая таманская надпись 193 года говорит и о какой-то победе Савромата II над сираками. Возможно, именно столкновения Савромата с тавроскифами и сираками нашли отражение в некоторых претенциозных типах савроматских медных монет, напоминающих о победах боспорского царя (*Зограф А. П.*, 1938; 1951).

Боспорское царство в первые века нашей эры занимало всю ту территорию, которая принадлежала ему в период расцвета при Спартокидах. Боспорское государство было монархией, во главе которой стоял царь из династии, ведшей свое происхождение от Аспурга. Вступление на престол каждого нового представителя династии подлежало утверждению римского императора. Вассальность боспорских царей по отношению к римским императорам проявлялась и в обязательном использовании ими помимо собственных имен еще и римских династических имен Тиберия Юлиев, и в помещении портретов членов римского императорского дома на золотых боспорских монетах, и в учреждении на Боспоре культа императоров, первосвященниками которого были боспорские цари (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Зограф А. П.*, 1951). Но практически полнота Боспорского царства была обычно достаточно самостоятельна как во внутренних делах, так и в сфере внешних сношений.

Вся полнота верховной власти на Боспоре была сосредоточена в руках царя. Боспорские владыки присвоили себе пышные восточные титулы — царь великий, царь царей и т. п., существовало и обожествление боспорских династов. Царские портреты, а также изображения царя в виде всадника-победителя помещаются на боспорской золотой и медной монетах. Вокруг царя группировалась придворная знать — аристократы (КВН, 36), из которой царь выбирал и назначал всех важнейших государственных сановников. Отдельные области государства или отдельные города были подчинены власти наместников (КВН, 36, 40, 64, 697, 982, 1000, 1115, 1119 и др.). Правда, понятие городской общины должно существовать, например, в Фанагории или в Горгишии (КВН, 982, 983, 1118), по практически традиции полного самоуправления в первые века нашей эры уже полностью изжиты. Одним из важнейших должностных лиц центрального аппарата управления был *ὁ ἀρχιτελεστής* (функции которого не совсем ясно) (см. КВН, с. 65 сл. и 654 — комментарий к № 58 и 1120). Известны и другие должностные лица в администрации Боспора. Но при боспорском дворе было много должностей, связанных не с государственным аппаратом, а с жизнью самого боспорского царя и его семьи. Такие придворные должности управляющего двором, начальника царской сокровищницы, управляющего царской конюшней, постельщиков и т. п. (КВН, 49, 78, 98, 709, 711, 942, 1243 и др.). Царь возглавлял боспорскую армию, состоявшую в основном из ополчения граждан и из вспомогательных отрядов союзных племен.

Характерной чертой общественной жизни Боспора первых веков нашей эры было существование многих религиозных союзов — фиасов или синдоров, объединивших почитателей того или иного божества, особенно часто безымянного «Бога высочайшего» (*Ὁὐκ ὀνόματος*). Эти союзы включали в себя довольно широкие слои населения, в том числе и господствующую аристократию, игравшую в фиасах руководящую роль. Фиасы имели не только религиозное, но и общественное значение, являясь своеобразной формой социальной организации рабовладельческого класса. Они заботились о воспитании молодежи,

оказывали помощь своим членам, возможно, выполняли какие-то функции в военной организации гражданства (*Помяловский И. В.*, 1888; *Schürer E.*, 1897; *Ziebarth E.*, 1896; *Poland F.*, 1909; *Новосадский Н. И.*, 1928; *Колобова К. М.*, 1933а; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 215; *Клишвиц Т. Н.*, 1949а; *Салах А.*, 1955; *Gajdukevič V. F.*, 1971; *Шелов Д. Б.*, 1972а).

Военное присутствие римлян в Северном Причерноморье было усилено в середине II в. Кроме гарнизонов в Тире, Ольвии, Херсонесе и Хараксе римляне держали небольшие воинские контингенты и в ряде других мест, в том числе на южном побережье Крыма, в некоторых пунктах внутри Скифии (*Высотская Т. Н.*, 1971, 1972). Можно думать, что римские воинские соединения были расквартированы и на территории Боспорского царства, об этом могут свидетельствовать некоторые надгробия (КБН, 666, 691, 726). Значение римских укреплений и гарнизонов в Северном Причерноморье в общей системе обороны Империи выяснено еще недостаточно. В них видели звенья особого Таврического лимеса, обращенного против варварских племен Причерноморья (*Дьяков В. Н.*, 1930; 1942), или базы для борьбы с пиратством (*Ремников Н. И.*, 1941). Но можно полагать, что роль римских отрядов на Боспоре и в Крыму вообще сводилась не столько к военным, сколько к политическим функциям. Несмотря на присутствие римских гарнизонов, государства и города Северного Причерноморья, как свидетельствуют эпиграфические памятники и чеканка монет, продолжали считаться свободными и независимыми. Рим стремился только держать под своим контролем общую военную и политическую ситуацию в Крыму, предоставляя городам полную самостоятельность во внутренних делах. Тем более практически независимым в своей политике было Боспорское царство, хотя боспорские цари и признавали суверенитет римских императоров. Из реальных обязательств Боспора перед римскими императорами важнейшим, вероятно, было участие боспорских вспомогательных кохитенгов в римских войсках.

В III в. п. э. античные государства Северного Причерноморья вступают в период общего экономического и социально-политического упадка. В них прослеживаются те же процессы кризиса рабовладельческой системы, что и в других областях античного мира — отток рабов на волю (*Марти Ю. Ю.*, 1935; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Белов Г. Д.*, 1948а; *Надель Е. И.*, 1958, 1961а; *Gajdukevič V. F.*, 1971), использование труда зависимого населения, прикрепленного к земле (пелатов) (КБН, 976), общая натурализация хозяйства и сокращение объема торговли (*Кругликова И. Т.*, 1966а), рустификация городов (*Блаватский В. Д.*, 1951а; 1964а; *Кругликова И. Т.*, 1966а). Одновременно усиливался нажим варваров извне. В начале III в. н. э. в Северном Причерноморье появляются племена, называвшиеся античными авторами готами. Собственно готы, племена германской языковой группы, пришедшие с берегов Балтийского моря, только возглавляли большие объединения племен, куда входили различные этнические группы, не только германские, но и сармато-аланские и иные. Уже с начала III в. завязывается длительная борьба готов с римлянами на Дунае (*Ремников А. М.*, 1954). Вероятно, какие-то пле-

мена этого союза в конце первой трети III в. падали на Ольвию и разорили ее. Хотя эпиграфические, монетные и археологические находки и свидетельствуют о паллинии какой-то жизни в Ольвии на протяжении второй половины III и IV вв. н. э. и даже о временном присутствии в Ольвии римских воинских подразделений, жизнь эта теплится очень слабо, Ольвия последнего периода своего существования (до конца IV в.) является скорее военно-стратегическим пунктом, чем городским центром (*Зограф А. Н.*, 1930; 1951; *Славин Л. М.*, 1959а).

В первой половине III в. варвары переходят в наступление и на восточных границах античного Причерноморья. В 30-х годах III в. варварские племена, двинувшиеся на Боспор с востока или юго-востока, разгромили Горгиппию (*Кругликова И. Т.*, 1965; 1966а). В конце 40-х годов был полностью уничтожен Танаис вместе со всеми окружающими поселениями (*Шелов Д. Б.*, 1972а). В середине III в. Боспор уже не имел сил, чтобы отражать натиск варварских племен. Римские гарнизоны были выведены из Крыма для усиления дунайских армий. В этих условиях боспорские правители были вынуждены пойти на какое-то соглашение с вождями подступающих к Боспору племен бранов и герулов, входивших скорее всего в готский союз. Впрочем, на самом боспорском престоле в это время появляются лица, не принадлежавшие к традиционной боспорской династии. Они были тесно связаны с варварскими племенами, если только сами не были вождями этих племен. Таким узурпатором был царь Фарсапа, чеканивший на Боспоре монету в 253—254 гг. (*Зограф А. И.*, 1951) и, вероятно, царь Хедосбий, известный только по одной надписи (КБН, 846) и не успевший даже начать выпуск собственной монеты. В 50—70-х годах III в. отряды бранов, остготов, герулов, пользуясь боспорскими гаванями как базами, на судах боспорского флота совершали грабительские ирратские набеги на многие греческие прибрежные города. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Ремников А. М.*, 1954). За два десятилетия набегов варвары разграбили и разорили города Причерноморья, Пропондиды и Эгейского моря, в их числе также крупные центры, как Афины, Коринф, Эфес, Кизик, Галгедон, Синопу, Гераклею и многие другие. Для боспорской экономики эти походы должны были быть весьма неблагоприятными, так как были разрушены или разорены все торговые центры, с которыми Боспор еще продолжал поддерживать экономические связи.

Варвары произвели значительные опустошения и на самом Боспоре. В 60—70-х годах III в. прекращают существовать многие небольшие поселки и малые города европейской части Боспора. В крупных городах происходит разрушения и наблюдаются явные признаки упадка (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Кругликова И. Т.*, 1956а; 1963а; 1965; 1966а; *Блаватский В. Д.*, 1964а). В последней четверти III и в начале IV в., по-видимому, происходит некоторая стабилизация экономического и политического положения на Боспоре. Надписи свидетельствуют, что Боспор по-прежнему поддерживает связи с Римской империей, а боспорские цари признают протекторат римских императоров. Впрочем, вполне возможно, что боспорские цари Фофорс (286—308 гг.) и Радам-

сад (308—322 гг.) не принадлежал к боспорской династии Тибериев Юлиев. В 30-х или в начале 40-х годов IV в. п. э. при царе Рескупориде VI прекращается чеканка монеты на Боспоре, осуществлявшаяся непрерывно в течение 900 лет (Зограф А. Н., 1951; Голенко К. В., 1960а; Фролова И. А., 1975), по государство продолжало существовать еще несколько десятков лет. В частности, Аммиан Марцеллин (XXII, 7, 10) сообщает, что в 362 г. император Юлиан принимал в Константинеполе послов с Боспора. Очевидно, прекращение боспорской чеканки было следствием не политической катастрофы, а глубокого экономического упадка, сделавшего выпуск монет невозможным, а денежное обращение в значительной степени парализованным. Впрочем, боспорские монеты, выпущенные в конце III и в первые десятилетия IV в. н. э. продолжали использоваться на боспорских рынках и после прекращения чеканки. Они в большом количестве встречаются вкладах эпохи гуннского шашевия (Голенко К. В., 1960а; 1960б; Голенко К. В., Сокольский И. И., 1968).

Вторжение гуннов нанесло последний удар Боспорскому государству. Кочевые орды гуннов, воровавшие в Восточную Европу из степей Центральной Азии, как смерч прошли по Северному Причерноморью, оставляя за собой лишь пожарища и развалины. В своем движении гунны увлекали за собой другие племена и народности, в том числе и сармато-аланское население Причерноморья. Готы были сметены этим гунно-аланским потоком и отброшены далеко на Запад, только горстка их уцелела в горах Крыма. Об одустойительном характере гуннского нашествия, об истреблении гуннами встречавшегося на их пути населения хорошо известно из свидетельств древних авторов. Правда, эти свидетельства относятся в основном к более западным районам, но нет никаких оснований предполагать, что гунны в Северном Причерноморье вели себя иначе. Раскопки городов и поселений Боспора рисуют достаточно ясную и впечатляющую картину полного разгрома всех населенных пунктов в 70-х годах IV в. Слои пожарищ, останки погибших жителей, монетные кладки подтверждают представление о гуннском шашевии на Боспор как об общей катастрофе (Гайдукевич В. Ф., 1949а; Сокольский И. И., 1963а; Блаватский В. Д., 1964в; Кругликова И. Т., 1966а; Голенко К. В., Сокольский И. И., 1968, с. 75). Гунны явились на Боспор из степей Приазовья. Одна их орда проследовала через Таманский полуостров, переправилась через Керченский пролив в самом узком его месте у косы Чушка и затем прошла по еврейской части Боспора. Весь этот путь отмечен пожарищами и следами разрушений (Сокольский И. И., 1968). Боспорские города были окончательно уничтожены, а государство перестало существовать. И хотя на пепелищах некоторых боспорских городов (Паштакана, Тиритаки, Танаиса и др.) в конце IV в. вновь возрождается жизнь и восстанавливаются кое-какие традиции античной культуры, все же гуннский погром следует считать той исторической вехой, которая завершает собой тысячелетнее развитие античных государств в Северном Причерноморье.

Херсонес в поздаспичное время продолжал сохранять относительно тесную связь с Римом. Когда

римские гарнизоны в середине III в. были выведены из Крыма, в Херсонесе все же оставался римский воинский контингент, как можно судить по надгробию солдата XI Клавдиева легюна второй половины III в. (IRE, I, 550). В конце III и в начале IV вв. Херсонес принимает участие в некоторых военных акциях римляни. У Константина Багрянородного (53) сохранилось известие о борьбе Херсонеса против Боспора во времена Двоклетпана. Хотя рассказ облечен в легендарную форму и принимать его целиком на веру нельзя, все же в основе его, вероятно, лежат реальные факты из области херсонесско-римских и херсонесско-боспорских отношений (Гайдукевич В. Ф., 1949а; Набель В. И., 1961б; Хармага Я., 1967; Кругликова И. Т., 1966а; Сајдукевић В. Ф., 1971; Анохин В. А., 1977б). Позднее херсонесцы успешно сражались против готов на Дунае, за что получили от императора Константина ряд привилегий. Надписи свидетельствуют о том, что в Херсонесе в течение почти всего IV в. п. э. продолжал находиться римский гарнизон, что жители усердно возводили и обновляли городские укрепления (IRE, I, 449, 450). Херсонес избежал ужасов гуннского погрома, по археологические раскопки говорят о том, что в IV—V вв. Херсонес находился в значительном упадке (Белое Г. Д., 1948а). Собственная монетная чеканка Херсонеса прекратилась еще во второй половине III в. н. э. и в городе обращалась правозная монета, чеканявшаяся в восточных провинциях Римской империи (Гисевич А. М., 1968; Анохин В. А., 1977б). Почти тысячелетнее существование античных рабовладельческих государств в Северном Причерноморье имело большое значение как для истории народов нашей страны, так и для истории всего древнего мира.

В результате возникновения на северных берегах Черного моря греческих городов и благодаря постоянным контактам, которые поддерживали эти города с рабовладельческими государствами всего Средиземноморья, Северное Причерноморье оказало тесно связанным с античным древним миром и само смогло сыграть в его судьбе значительную роль.

Существование античных государств в Северном Причерноморье способствовало ускорению распада родоплеменных и вызреванию классовых отношений и скифов, сарматов и других обитателей южнорусских степей. Благодаря античным городам, население Северного Причерноморья познакомилось с культурой греческой культурой и искусством, что привело не только к возникновению здесь своеобразного варианта античной культуры, но и способствовало дальнейшему расцвету собственных культур древних народов Причерноморья. Греки принесли в Северное Причерноморье свои технические навыки, высокие мастерство, особенно в области архитектуры, ремесла, искусства и т. д.

Существование античных государств в Северном Причерноморье не прошло бесследно и для дальнейшей истории нашей страны. Как ни значительны упадок античной культуры в IV в. п. э., как ни жесток был разгром, уничтоженный гуннами, традиции древней культуры не были полностью уничтожены и забыты. Известно, какую роль сыграл в развитии древнерусского государства и русской культуры

раннесредневековый Крым, в частности город Корсупь (Херсонес), куда ездил креститься ипсвский князь Владимир и отсюда Киевская Русь, несомненно, почерпнула некоторые представления о традициях античной культуры. Восточный Крым вошел в состав древнерусского Тмутараканского княжества, города которого являлись возрожденными центрами погибшего за несколько столетий до того Боспорского государства. Сама столица княжества Тмутаракань возникла на месте боспорского города Гермонассы на Таманском полуострове. Культурные связи между средневековыми городами Причерноморья и предшествовавшими им античными центрами еще мало изучены, по не подлежит сомнению, что такие связи существовали в разных областях, пример тому дает история Херсонеса — Корсуния, Навпактаны — Корчева, Феодосии — Кафы и других городов (Якобсон А. Л., 1963; 1978).

Источники и история исследования

Особенностью античных государств Северного Причерноморья (как и всех вообще античных государств) по сравнению с обществами с господством первобытно-общинного строя является возможность использования для их характеристики не только археологических материалов, но и иных категорий источников: паративных, эпиграфических, гумизматических. Нарративные источники — это сообщения древнегреческих и латинских авторов, в той или иной связи касающихся событий, происходивших на территории этих государств и соседних «варварских» народов. К сожалению, но нас практически не дошли сочинения тех историков, которые жили и творили здесь, хотя одна из херсонесских надписей, например, упоминает о местном историке Сириске (IPE, I², № 344).

Северное Причерноморье (и греческие государства, и особенно местные народы) привлекало внимание многих античных авторов: историков, философов, географов, поэтов и т. д. В. В. Латышев (с рядом сотрудников) собрал в виде единого свода практически все сведения о Северном Причерноморье, содержащиеся в античной литературе («Scythica et Caucasica»). Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе — в дальнейшем — SC). Только незначительная часть сообщений античных авторов основывается на личном знакомстве их с городами Северного Причерноморья. (О развитии античной литературной традиции о Северном Причерноморье см.: *Ростовцев М. И.*, 1925). Так, в Ольвии бывал «отец историк» Геродот. Однако в центре внимания его была Скифия (подробнее см.: *Рыбаков В. А.*, 1979), и он дает только некоторые сведения об этом городе (в связи с историей скифов), а о Херсонесе и Боспоре даже не упоминает. Бывал в Ольвии на рубеже I—II вв. и известный ритор Дион Хрисостом, в «Борисфенитской речи» которого содержатся ценные сведения о городе того времени. Однако большинство сообщений о Северном Причерноморье, имеющихся в античной литературе, основано не на личном знании автора, а на книжной традиции. В результате этого, например, в сообщениях авторов римского времени часто появляются сведения, восходящие еще к периоду первого знакомства греков с этими странами.

Иногда в одном и том же произведении соседствуют свидетельства разного времени: современные автору и более ранние. Источниковедческий анализ этих сообщений почти всегда чрезвычайно затруднен как отрывочностью сведений, так и отсутствием многих посредствующих звеньев в развитии античной письменной традиции. Исключением из этого правила являются только места, касающиеся Боспорского царства, в речах афинских ораторов IV в. до н. э. Исократ, Эсхила и Демосфена, поскольку они одновременно описываемым в них событиям и порождены конкретными обстоятельствами, не имеющими никакой связи с литературной традицией.

Мы не будем подробно анализировать античную традицию, поскольку во всех разделах первой части данного тома содержится сводка сведений античных авторов относительно каждого из центров Северного Причерноморья. Отметим только, что эта традиция весьма многообразна по своему составу. Она включает произведения различного жанра. О Северном Причерноморье писали и историки (помимо Геродота необходимо упомянуть Полибия, Диодора, Помпея Трога, Аппиана, Плутарха, Тацита, Диона Кассия, авторов *Scriptores Historiae Augustae*, Аммиана Марцелина и др.), географы (Эратосфен, Страбон, Клавдий Помпоний Мела, Клавдий Птолемей и др.), авторы более практических географических руководств по плаванию в этих местах — «периплов» (Псевдо-Скилак, Псевдо-Скимн, Арриан и др.). Не прошел мимо Северного Причерноморья и энциклопедист Плиний Старший в своем замечательном произведении «Естественная история» (*Скрябинская М. В.*, 1977). Чрезвычайно интересные сведения содержатся и в некоторых специальных произведениях, таких как «О воздухе, водах и местностях» Псевдо-Гвишкрата или «Военные хитрости» Полиена. Отрывочные сообщения о городах на северных берегах Понта содержатся еще у очень многих авторов (*Ростовцев М. И.*, 1925).

Второй важной категорией источников являются эпиграфические, т. е. надписи, вырезанные на каменных плитах, находящиеся в различных местах Северного Причерноморья. Первый полный свод надписей был опубликован В. В. Латышевым (IPE, т. I, 1885, 1916 (2-ое издание); т. II, 1890; т. IV, 1901)¹. Основная масса надписей — на греческом языке, небольшая часть — на латинском. В отличие от давней письменной традиции, эти источники, как правило, одновременны с отраженными в них событиями и исходят от непосредственных их участников. По своему содержанию надписи могут быть разделены на три основных типа: 1 — государственные декреты; 2 — посвятительные надписи; 3 — подробные надписи. Особое значение для изучения политической (а иногда и экономической) истории имеют надписи первого типа; вторая категория наиболее важна для изучения истории религиозных воззрений. В этих надписях основное место занимают посвящения божествам. Однако они интересны и для политической истории, поскольку делались не только индивидуально, но и магистратами (или их коллегами). Подробные надписи дают значительный

¹ Более поздние находки публиковались в ИАК, ВДИ, СА, НЭ, ИО, ЭНП, ИВН и др. изданиях.

просопографический материал п позволяют изучать, например, этнический состав населения и его динамику. Необходимо также упомянуть еще строительные надписи (содержащие сведения о строительстве или ремонте общественных сооружений или городских стен), различные надписи религиозных союзов (фрасов), списки победителей спортивных состязаний, документы об отпуске рабов на волю (манумиссии) и т. д. В большинстве случаев надписи сообщают о таких событиях, которые не нашли отражения в сочинениях историков, что особенно повышает их значение. Сложность анализа этой категории источников определяется тем, что часто не известны события, породившие, например, тот или иной декрет, многие надписи к тому же фрагментарны. На территории Средиземноморья были обнаружены надписи, связываемые своим содержанием с греческими городами Северного Причерноморья. Большую часть их собрал, перевел и прокомментировал В. П. Граков (*Граков В. П.*, 1939б).

Важное значение для истории экономики, особенно внешней торговли государств Северного Причерноморья имеют клейма на амфорах и черепицах (*Придик Е. М.*, 1917; 1941; *Граков В. П.*, 1929; *Шелов Д. Б.*, 1956б; 1966б; 1975; *Брашинский И. Б.*, 1961а; 1961б; 1963б; 1964; 1965а; 1976а; *Brashinsky J. V.*, 1973). Для истории культуры важны граффити — надписи, процарапанные на различных предметах домашнего обихода (*Толстой П. П.*, 1953; ГАХ) и дипинги — надписи, нанесенные краской (*Шелов Д. Б.*, 1978).

Чрезвычайно важным источником по политической, экономической и культурной истории всех государств Северного Причерноморья являются монеты, как чеканенные на месте, так и поступившие сюда из других античных центров (*Бурачков П. О.*, 1884; *Зограф А. П.*, 1951; 1957; *Шелов Д. Б.*, 1956а; *Анохин В. А.*, 1977; *Frolova N. A.*, 1979)².

История археологического изучения каждого из отдельных центров Северного Причерноморья, подробно освещается в соответствующих разделах данного тома. В силу этого здесь мы отметим только самые основные факты, характеризующие развитие археологических исследований в Северном Причерноморье в целом. Изучение античных древностей Причерноморья началось в конце XVIII в. после присоединения Крыма. Первый этап исследований характеризуется общим знакомством с нумизматикой, сбором имеющихся на поверхности земли древних предметов, составлением планов городищ, попытками идентификации их с древними городами, известными по письменным источникам (*Паллас П. С.*, 1795; *Сумароков П.*, 1800; 1803; *Муравьев-Анпостол П. М.*, 1823; *Kochler H.K.E.*, 1805; *Коерпер Р.*, 1823; *Dubois de Montpéroux F.*, 1843; см. также *Герц К. К.*, 1876; *Буекова В. П.*, 1924, 1927).

Хотя эпизодические раскопки производились уже в конце XVIII в., первые сколько-нибудь серьезные (по своей методике) археологические исследования начались в XIX в. Они производились П. Дюбриком, И. А. Стемпковским, И. П. Вазрамбергом (*Стемковский И. А.*, 1826; 1827; *Вазрам-*

берг П. П., 1848; 1889). В это же время были созданы первые на юге музеи: в Феодосии (1841 г.), Одессе (1825 г.), Керчи (1826). Основным объектом раскопок в это время являлись курганы. Своего рода итогом первых этапов изучения археологии античного Северного Причерноморья были сводные монографии, посвященные Боспору: «Древности Босфора Ниммерийского, хранящиеся в музее Эрмитажа» (ДБК) и монография А. Б. Аника, проводившего в течение ряда лет раскопки на Керченском и Таманском полуострове, к сожалению, часто без должной фиксации (*Аника А. Б.*, 1845; 1848; 1851). Важное значение имело созданное в 1859 г. Императорской Археологической комиссией, на которую было возложено руководство всеми раскопками на территории России.

Следующий значительный этап в изучении античных центров Северного Причерноморья приходится на конец XIX — начало XX в. Он в первую очередь связан с именами крупнейших русских ученых В. В. Латышева (1855—1921) и Б. В. Фармаковского (1870—1928). В. В. Латышев был крупнейшим эпиграфистом своего времени, первым издателем свода надписей Причерноморья, создателем ряда замечательных трудов по истории Херсонеса, Ольвии, Боспорского царства (*Латышев В. В.*, 1884; 1887; 1893; 1909), написанных в первую очередь на базе эпиграфических источников и не утративших своего значения до сего времени. Б. В. Фармаковский создал научную методику раскопок античного города и методику использования археологических материалов как исторического источника. Хотя раскопки Херсонеса велись уже с 1888 г. (руководитель К. К. Косцюшко-Валюжинич), а в Пантелейме в 90-х годах в течение трех сезонов также исследовались городские слои (по инициативе К. Е. Думберга), только после того как Б. В. Фармаковский с 1900 г. стал осуществлять систематические раскопки Ольвии можно говорить о начале подлинного изучения города Северного Причерноморья античной эпохи. Большое значение имели труды и ряда других русских ученых того времени, в первую очередь М. П. Ростовцева, Е. М. Придика, П. О. Гурякова, А. В. Орешникова и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция стала важнейшим рубежом в истории человечества. Она означала также начало нового этапа в развитии всех общественных наук, в том числе и археологии. Уже в 1919 г. по декрету, подписанному В. И. Лениным, была упразднена Археологическая комиссия и создана Российская (позднее — Государственная) Академия истории материальной культуры, входившая в состав Наркомпроса. В 1937 г. она была преобразована в Институт истории материальной культуры (с 1960 — Институт археологии АН СССР). Особенно важной была задача овладения учеными марксистским исследовательским методом.

Важнейшими центрами формирования марксистской исторической методологии в применении к исследованию древних обществ являлись Государственная Академия истории материальной культуры (ИАИМК) и Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОИ). Важнейшими особенностями этих двух

² Библиографические указания советской литературы по нумизматике см.: Н. Э., т. II. М., 1960; т. III, М., 1962; т. X, М., 1974.

учрежден был союз сотрудничества в них молодых историков марксистов и археологов с учеными старшего поколения, стремившимися освоить марксистское мировоззрение. Второй особенностью было тесное сотрудничество в рамках единого исследовательского органа археологов и историков, что помогало археологам преодолевать традиции буржуазной археологии с ее преимущественно внешедческим подходом. Для рождающейся советской археологии важнейшей задачей была разработка методики социологической интерпретации археологических материалов с тем, чтобы использовать их для создания подлинной истории, как истории трудящихся масс, истории развития производительных сил и производственных отношений, истории общества в целом.

Прошедшие в начале 30-х годов дискуссии привели к окончательному решению вопроса о формационном определении античного общества; оно стало рассматриваться как рабовладельческое. Значительную роль в создании марксистского антиковедения сыграли С. А. Жебелев в, особенно, А. И. Тюменев. В методике полевых работ, разработанных Б. В. Фармаковским, имелся уже готовый инструмент исторической интерпретации археологических материалов. Однако необходимо было разработать другие стороны археологической методики: анализ массового материала, изучение технической базы античного общества по материальным остаткам, выявление возможностей археологических источников для понимания социальной истории античного общества и т. д. Практическое воплощение это находило в преимущественном интересе к исследованию городов и сельских поселений и стремлении в первую очередь выявить следы производственной деятельности, разработать общие схемы экономического развития, попытаться определить характер социальной структуры и т. д.

Именно в это время были созданы первые работы, посвященные анализу отдельных видов ремесла в античных городах Северного Причерноморья и предприняты первые попытки археологического исследования сельских поселений, что было порождено стремлением изучить характер сельского хозяйства — основной отрасли экономики античного общества. Были сделаны первые попытки охарактеризовать в целом экономику отдельных государств Северного Причерноморья, в частности Боспора (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 82 сл.).

Особенно активно развивалась античная археология после окончания Великой Отечественной войны, на время прервавшей исследование античных памятников Северного Причерноморья. Большое значение имела организация сектора античной археологии (1944), руководителем которого с момента основания до 1970 г. был выдающийся советский исследователь античности В. Д. Блаватский (организационным центром археологов-антиковедов Ленинграда является группа античной археологии ЛОИА). Важнейшей особенностью этого периода является постоянно растущий размах археологических исследований, в которых, помимо Института археологии АН СССР, активное участие принимает Институт археологии АН УССР, ряд музеев (в том числе

крупнейшие — Государственный Эрмитаж, ГМИИ, ГИМ), большое число университетов и т. д.

Второй важнейшей особенностью этого периода является активное изучение всех видов памятников: городов, сельских поселений различных типов, могильников и т. д. Особо активно исследуются сельские поселения, ранее почти не изучавшиеся. Значительное внимание уделяется изучению экономики. В ряде монографических работ (В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, И. Т. Кругликова, С. Ф. Стрижелецкий, Е. Г. Суров, В. И. Цалкин) исследовалось как сельское хозяйство в целом, так и отдельные его отрасли. Не меньшее внимание уделяется в изучению ремесленного производства. (Т. М. Арсеньева, Г. Д. Белов, В. Д. Блаватский, Т. Н. Высотская, И. Б. Зесет, В. И. Кадеев, Е. Г. Кастанаян, М. М. Кобыллина, И. Т. Кругликова, И. Д. Марченко, И. И. Соколовский, Н. П. Сорочкин и др.), а также характеру экономических связей центров Северного Причерноморья, как со Средиземноморьем, так и с местными племенами (Т. В. Блаватская, И. Б. Брашинский, И. Б. Зесет, Н. А. Овайко, Д. В. Шелов, И. Г. Шурган и др.). Несмотря на недостаток источников, исследуются проблемы социальной структуры общества (В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, В. И. Кадеев и др.). Чрезвычайно активно изучается культура античных центров Северного Причерноморья, особенно в связи с проблемами взаимоотношения с культурой местного населения, как находившегося в составе античных государств, так и независимого от них.

Большими успехами характеризуется и исследование монетного чекана и денежного обращения (А. И. Зограф, П. О. Каршиковский, Д. Б. Шелов, В. А. Апохин, Н. А. Фролова, К. В. Голешко и др.), активно изучаются как вновь открытые надписи, так и ранее уже известные (А. И. Болтулова, Т. В. Блаватская, Т. Н. Квицивиц, Э. И. Соломоныч и др.), много внимания уделяется исследованиям в области керамической эпиграфики (И. Б. Брашинский, Б. Н. Гранов, В. И. Цехмистренко, Д. В. Шелов и др.).

Важную роль в развитии античной археологии сыграли, проведенные в послевоенные годы научные конференции, на которых обсуждались наиболее сложные и дискуссионные проблемы истории и археологии античного Причерноморья (1956 г. — «Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья»; 1960 г. — «Античный город», 1977 г. — «Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья»; 1979 — «Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации»).

Подъем археологических исследований, расширение базы, источников, углубленное изучение ряда частных проблем позволяли перейти к созданию ряда обобщающих трудов, посвященных как истории отдельных государств или городских центров Причерноморья (Г. Д. Белов, В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, М. М. Кобыллина, Д. В. Шелов), так и всего региона в целом (в первую очередь ряд монографий В. Д. Блаватского).

Проблема периодизации истории Северного Причерноморья еще не нашла общепринятого решения.

Периодизация С. А. Жебелева (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 358) почти полностью скалькирована с периодизации материковой Греции с одним только отличием: I в. до н. э. он выделяет в особый период, называя его понтийским. Периодизация, предложенная В. Д. Блаватским (*Блаватский В. Д.*, 1959б), основывается, в первую очередь, на характере исторического развития Боспорского царства. Исследователи Ольвии и Херсонеса предлагают для этих центров свою периодизацию.

Методы естественных и технических наук в античной археологии. В полевой практике чаще других используются различные методы геофизической разведки. Электроразведка впервые была применена по инициативе И. Т. Кругликовой в 1957 г. при исследовании сельских поселений Боспора (*Франгов Г. С.*, *Пинкевич А. А.*, 1966, с. 63), затем в 60-х гг. в северо-западном Крыму (*Шилик К. К.*, 1975, 1967; *Щеглов А. И.*, *Шилик К. К.*, 1965; *Дудкин В. П.*, 1974). Хорошие результаты электроразведка дает главным образом на однослойных памятниках, позволяя получать планы строительных остатков до начала раскопок (*Щеглов А. И.*, 1977). Также применялась магниторазведка, позволяющая обнаружить и картировать те места на памятниках, где происходил сильный нагрев: производственные печи, домашние очаги, следы пожаров.

Геоакустическая разведка применялась при исследовании затопленных памятников, например, в Ольвии (*Шилик К. К.*, *Федоров Б. Г.*, 1968). Для развития подводных исследований много сделал В. Д. Блаватский, возглавлявший подводно-археологическую экспедицию (*Блаватский В. Д.*, 1961а,б; 1962а,б; 1964; 1965; *Блаватский В. Д.*, *Кузицин В. П.*, 1959, 1961; *Блаватский В. Д.*, *Косиленко Г. А.*, 1963; *Блаватский В. Д.*, *Петерс Б. Г.*, 1967; 1969а,б; *Петерс Б. Г.*, 1963, 1965; *Петерс Б. Г.*, *Смирнов П. В.*, 1961). Позднее подводные исследования проводились в Херсонесе и Ольвии (*Кадеев В. П.*, 1965, 1969; *Вишневский В. П.* и др., 1969). Для реконструкции древней топографии, древнего уровня моря и водоснабжения применяются с

середины 60-х годов геолого-геоморфологические методы исследования.

При камеральной обработке материалов применяются методы палеонтологические, палеозоологические и палеоботанические. Широко применяется определение состава дикой и домашней териофауны (*Лидопличко П. Г.*, 1940; *Топачевский В. А.*, 1956; *Бибикова В. И.*, 1958; *Цалкин В. И.*, 1960), а также орнитофауны (*Войшевский М. А.*, 1958, 1967) по костным остаткам. Столь же широко изучается ихтиофауна (*Тихий М. И.*, 1917; *Марты В. Ю.*, 1941а,б; *Цалкин В. И.*, 1960, 1969; *Бурдак В. Д.*, *Щеглов А. И.*, 1966; *Щеглов А. И.*, 1969а; *Житнева Л. Д.*, 1967). Имеются работы о фауне моллюсков (*Книпович Н. М.*, 1922; *Линдгольм В. А.*, 1927). Определение состава растительности ведется по макроостаткам (древесина, уголь), по пылеце по остаткам семян (*Щеглов А. И.*, 1961г; *Янушевич З. В.*, 1970; *Левковская Г. М.*, 1970; *Маслов С. П.*, *Филин В. О.*, 1976). Изучение состава фауны и флоры, а также результаты геолого-геоморфологических исследований в поле позволяют делать выводы палеогеографического характера (*Левковская Г. М.*, 1970; *Маслов С. П.*, *Филин В. О.*, 1976).

Широко применяется петрография. С ее помощью изучаются камень и керамика, глины, строительные растворы, руды и шлаки (*Значко-Яворский И. Л.* и др., 1959; *Петрунь В. Ф.*, 1964, 1965а,б, 1966, 1967; *Круж О. Ю.*, *Четвериков С. Д.*, 1961; *Богданова-Березовская И. В.* и др., 1964; *Круж О. Ю.*, 1965; *Кадеев В. И.*, *Шуменко С. П.*, 1967). Химико-технологические методы исследования керамики дают возможность определять источники сырья и уточнять технологию производства (*Кульская О. А.*, 1940), рентгенография, спектральные анализы применяются при изучении состава древнего металла (*Кадеев В. П.* и др., 1963; *Богданова-Березовская И. В.*, 1969).

В последние годы начинают внедряться математические методы обработки массового археологического материала (*Камеицкий И. С.*, 1965, 1970; *Алексеева Е. М.*, 1970а,б; *Деоник Д. В.*, *Карпельяну А. М.*, 1970).

Глава вторая Тира, Никокий и поселения Нижнего Поднепровья и Подунавья

Источники и история исследования

Вопрос о местоположении населенных пунктов Днестровского лимана, указываемых античными авторами, оживленно обсуждался исследователями XIX и начала XX в. (*Стемковский И. А.*, 1826; *Беккер П. В.*, 1850, 1853; *Брун Ф. К.*, 1853; *Гошкевич В. И.*, 1912). Сохранился к нему интерес и в настоящее время (*Синицын М. С.*, 1960б). За последние десятилетия на берегах Днестровского лимана (табл. I, 1), выявлено много остатков городищ и поселений античного периода (*Клейман П. Б.*, *Ревенко К. П.*, 1959; *Черныков И. Т.*, 1960, 1967; *Дзис-Райко Г. А.*, 1963), но твердо пока установлено местоположение только двух городов — Тира и Никокий (табл. I, 1, 2). Вопрос местоположения Тира получил окончательное решение после раскопок Э. Р. Штерпа в 1901 г. на территории средневековой крепости г. Белгорода-Днестровского. Что касается Никокий, то уже П. В. Беккер, а за ним В. И. Гошкевич высказались за отождествление с Ипкоином городища, остатки которого сохранились северо-западнее с. Росоланы Овидиопольского р-на (*Беккер П. В.*, 1853; *Гошкевич В. И.*, 1912; также см.: *Карышковский П. О.*, 1966а).

Геродот не называет здесь ни одного населенного пункта и ограничивается сообщением, что в устье реки Тираса живут эллины, называющие себя тиритами (IV, 51). Возможно, Геродоту были известны лишь мелкие поселения вдоль берегов Днестровского лимана (*Зограф А. П.*, 1951, с. 111). Перипл Псевдо-Скилака (§ 68) между Истром (Дунаем) и Таврической землей (Крымом), «в земле скифов» упоминает только два эллинских города — Офиусу и Никокий (о возможной причине крайней скудости сведений Псевдо-Скилака об этом районе см.: *Ростовцев М. И.*, 1925, с. 24). Согласно Плинию (IV, 82) и Стефану Византийскому, Офиуса — более древнее наименование Тира. Когда город был переименован — неизвестно. Но судя по монетам, во второй половине IV в. до н. э. город назывался Тирой. Возможно, переименование города произошло раньше, и, следовательно, Псевдо-Скилак для данной части своего перипла воспользовался сведениями какого-то раннего литературного источника, в котором город фигурировал под своим более древним наименованием. В землеописании Псевдо-Скипа (799—803) и в перипле Псевдо-Арриана (88, 89) дается характеристика достоинств реки Тираса, ее берегов, содержится свидетельство об основании Тира миллетянами, упоминается еще один населенный пункт Неоптолемовы, находящийся в 120 стадиях от Тираса (о локализации Неоптолемовых на морском побережье у устья Днестровского лимана см.: *Беккер П. В.*, 1853; *Синицын М. С.*, 1960б).

Страбон (VII, 3, 16) сообщает, что Офиуса и Ни-

кокий находились на противоположных берегах реки Тираса (Днестровского лимана) почти напротив друг друга, на расстоянии 140 стадиев от ее устья. Ф. Билябелем было высказано предположение, что тексты Псевдо-Скилака и Страбона испорчены. И в том, и в другом случае Ф. Билябель видел штерполяцию, вызванную тождеством наименования города и реки (Тираса), и полагал, что Страбон под словом «город» подразумевал Тиру (*Biabel F.*, 1920, с. 19 сл.). С этой точкой зрения солидаризовалась Т. Д. Златковская (*Златковская Т. Д.*, 1959, с. 60—69), по мнению которой в тексте Страбона говорилось о трех городах на побережье Днестровского лимана — Никошии, Офиусе и Тире. И. И. Стемковский, отождествлявший Тиру и Офиусу, полагал, что Страбон привел в различных стадиях исчисления одного и того же расстояния (*Стемковский И. И.*, 1826, с. 4; развернутый анализ близкой точки зрения в литературе см.: *Карышковский П. О.*, 1966а, с. 156, 157). Поскольку Страбон неоднократно говорит, что об интересующем нас районе у эллинов нет сведений (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 33, 53), правомерно предположение, что эти данные Страбон почерпнул из какого-то раннего источника, в котором Тира фигурировала под своим более древним наименованием — Офиуса. «При устье Тираса» Страбон упоминает Неоптолемову башню и Гермонактову деревню.

Наименование ряда населенных пунктов района Днестровского лимана содержится в «Географии» Клавдия Птолемея (III, 10, 8). Он, как и Валерий Флакк (IV, 84—85), считал Тиру и Офиусу двумя различными городами. Возможно, что Валерий Флакк воспользовался материалами какого-то географического трактата (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 58), где Тира и Офиуса могли упоминаться раздельно. Старший современник Плиния Помпоний Мела (II, 7) ограничивается констатацией, что река Тирас при устье касается одноименного с нею города.

Перипл Арриана (31—32), составленный в период эконолического расцвета Тира, характеризует местность к западу от Бордифоса как пустынную и безземлянную. Причину этого явного несоответствия раскрыл М. И. Ростовцев, согласно выводам которого перипл в части, касающейся Северо-Западного Причерноморья, составлен Аррианом на основании более ранних литературных данных (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 64 п сл.); там же дана критика теории Брандиса о фальсификации в византийское время этой части перипла.

Тира

Остатки Тира лежат на небольшом выступающем к северу мысу трапециевидной формы (табл. I, 1), поверхность которого имеет уклон в сторону лимана. Известно более 40 памятников лапидарной опи-

графитки, связанных с Тирой (IRE, I², № 2—18, 40, 371; *Nicorescu P.*, 1933, 1944). Псефизма рубежа IV—III вв. до н. э. содержит сведения об органе полуголового самоуправления (*Nicorescu P.*, 1933, № 2). К эллинистическому времени относятся почетный декрет (*Фурманская А. И.*, 1960а), но в нем отсутствует название города. Интересны псефизма Коккея 181 г. н. э. (IRE, I², № 2) и надпись с посыланием легата Нижней Мезии Овиния Тертулла и с копиями двух писем императора Септимия Севера, подтверждающими предоставленное тирандам право беспошлинного ввоза товаров (IRE, I², № 4). Декрет середины или второй половины III в. до н. э. на мраморной плите, изданный каллатпидами в честь гражданина Тиры (*Pippidi D. M.*, 1962, № 1) и постановившие начала I в. до н. э. граждан города Тумы в честь тиранда Нила (*Граков Б. Н.*, 1939а, с. 310 сл.) свидетельствуют о посреднической роли Тиры, как торгового центра. Тира упоминается в ольвийском декрете II—III вв. до н. э. (IRE, I², № 40). О связи Тире с Херсонесом, возможно, говорит надпись, найденная в Херсонесе (ИАК, 1909, вып. 3, с. 23). Начертанное на крае мраморной чаши III в. до н. э. посвящение Аполлону Врачу (*Nicorescu P.*, 1933, № 1) и посвященная надпись Серапиусу и Несте (IRE, I², № 5) свидетельствуют о религиозных культах. Из надписей на надгробиях (*Граков Б. Н.*, 1939б; *Карышковский П. О.*, 1959г; 1966б, с. 149) можно почерпнуть сведения о внешних связях Тире и об этническом составе ее населения в первые века нашей эры. Ряд латинских надписей посвятельного характера оставлен римским гарнизоном (*Nicorescu P.*, 1937; *Тудор Д.*, 1960, с. 244 сл.; *Клейман И. В.*, 1965). Значительный интерес представляет надпись в честь императора Траяна по поводу торжественного открытия какого-то военного сооружения (*Nicorescu P.*, 1944).

Найденные в Тире граффиты, принадлежат к категории посвящений (*Головки И. Д.*, 1963, с. 110—113). Среди клейм на черепицах и амфорах преобладают эллинистические, преимущественно фасосские, тирайские и спонские (*Nicorescu P.*, 1924, 1933; *Atakian G.*, 1931; *Шаерман Е. М.*, 1951). Особую группу составляет черепица из Тире с латинскими клеймами. По ним и по латинским надписям устанавливается, что с начала II в. до н. э. в Тире находилась векиллиция (табл. I, А), в состав которых вначале входили воины V Македонского легиона, а позднее отряды из воинов I Итальянского и XI Клавдиева легионов, дислоцировавшихся в Нижней Мезии. Во времена Траяна базировавшиеся в Тире отряды возглавлял центурхон V Македонского, затем I Итальянского легионов (*Nicorescu P.*, 1937; *Тудор Д.*, 1960, с. 243 сл.; *Клейман И. В.*, 1965; 1971).

Из центров Днестровского лимана самостоятельное монетное дело существовало только в Тире (*Зограф А. Н.*, 1951; 1957; *Карышковский П. О.*, 1960а). Первый период — автономная чеканка Тире начинается в конце 50-х гг. IV в. до н. э. эмиссиями серебряных драхм, тип которых копирует кизикны. В течение III—II вв. для нужд внутреннего рынка монетный двор Тире чеканил медную монету. Для международной торговли использовались

электровые кизикны, золотые монеты с типом Александра Македонского и выпускавшиеся Тирой подражания золотым статерам Лисимаха. Первый период завершается выпуском монет, свидетельствующих о подчинении Тире с конца II в. до н. э. Митридату Евпатору. В течение второй половины I в. до н. э. и до времени императора Домциана (31—96 гг.) Тира своих монет не выпускала. Второй период автономной чеканки продолжался до конца правления императора Александра Севера (225—235 гг.) с перерывами в периоды правления императоров Первы, Тралла, Марка Аврелия. Монеты Тире этого периода представляют общую для провинциальных городов римской империи медь с портретами членов императорского дома.

Важными историческим источником являются клады (*Фурманская А. И.*, 1963в). Для изучения торговых связей показательны находки монет Тире за пределами города (в Ольвии, Херсонесе, вблизи Панцикаея) и находки в Тире монет других античных центров: Истрии, Том, Каллатии, Ольвии, Херсонеса, Афин, царской Фракии (*Зограф А. И.*, 1937; *Анохин В. А.*, *Пужкарев В. И.*, 1963), а также ряда позднеперсидских и византийских монет (*Карышковский П. О.*, 1971а). На основании изображений на монетах Тире можно говорить о кумитах бога реки Тираса, Деметры, Аполлона, Диониса, возможно, также Афины, Гермеса, Геракла, Асклепия.

Археологическое изучение Тире велось в 1900, 1912 гг. Э. Р. Штерном на первом и втором дворах крепости, на гласее и в дрелизанной части (*Штерн Э. Р.*, 1901, 1913), в 1919, 1928, 1929 гг. румынскими археологами на территории крепостных дворов и на гласее (*Nicorescu P.*, 1924; 1933), в 1932, 1935, 1940 гг. — Аккерманским краеведческим музеем (материалы раскопок не опубликованы). С 1945 г. Тира изучается экспедицией Института археологии АН УССР и Одесского государственного археологического музея (*Дмитров Л. Д.*, 1943; 1952; 1955; *Фурманская А. И.*, 1957; 1962; 1963а, в; 1964; *Клейман И. В.*, 1965; 1971; 1976а; *Крыжичевский С. Д.*, 1972). Основные работы сосредоточены на прикрепостной площадке — «Центральной раскоп» (табл. I: II—IV), где выявлены строительные остатки эллинистического периода и первых веков нашей эры. За пределами средневековой крепости, на территории современного города, были заложены шурфы, благодаря чему удалось установить, что размеры сохранившейся части территории Тире составляют около 10—15 га. Некрополь Тире пока не обнаружен. Известен лишь один склеп за современным городом.

Наиболее ранние раскопанные строительные остатки относятся к периоду раннего эллинизма. Предположение отдельных исследователей о существовании греческого поселения на месте Тире в VII—VI вв. до н. э. базировалось на опубликованной В. Пярваном (*Pärvan V.*, 1923) устной информации Б. В. Варнеке о находке фрагментов ваз и статуэт этого времени, а также на встречающихся в культурных напластованиях Тире обломках ионийских сосудов VI в. до н. э. (*Nicorescu P.*, 1933). Исследователи, полагающие, что Тира была основана не позднее VI в. до н. э. (например, *Златковская Т. Д.*, 1959, с. 63), ссылаются на свидетельств-

во Псевдо-Скимна (803), согласно которому Тирю основали милетяне, что не могло произойти после допийского восстания греков в 500—494 гг. до н. э. Свидетельство Псевдо-Скимна находит как будто подтверждено в календаре Тиря, имеющем ряд общих с милетским календарем месяцев (*Латышев В. В.*, 1909, с. 25 сл.). А. П. Зограф, не исключая того, что поселение на месте Тиря могло возникнуть раньше V в. до н. э., полагал, однако, «что даже в отношении V в. до н. э. мы не имеем уверенности, существовала ли в то время на этом месте городская община, носившая имя Тиря» (*Зограф А. И.*, 1951, с. 111; 1957, с. 11). Не менее проблематичен вопрос о вхождении Тиря в Афинский морской союз, поставленный в связи с находкой в крайне поврежденном виде афинского постаповления об уплате членами союза форося за 425—424 гг. до н. э. (*Meritt B.*, 1939). На этом эпиграфическом документе сохранились начальные буквы ряда городов, в число которых предположительно включена Тира.

Наиболее ранним документальным свидетельством государственного существования Тиря являются монеты. Возможно, с середины IV в. до н. э. Тира служила промежуточным пунктом при плавании вдоль западного и северо-западного побережья Черного моря. В IV—III вв. до н. э. Тира являлась античным полемом с обычными органами самоуправления — советом и народным собранием. С конца II в. до н. э. Тира, вероятно, входила в состав державы Митридата Евпатора (*Шевел Д. Б.*, 1962). Около середины I в. до н. э. город был разрушен, по-видимому, гетами, но уже в середине I в. н. э. жизнь в городе возобновилась. В 56—57 гг. н. э. в Тире, возможно, с включением ее в состав Римской провинции Мезии, было введено новое летоисчисление. В этот период Тира, до-прежнему, сохранила своиственные античному городу органы самоуправления. Основные государственные должности, наряду с романсизированной верховной местного, греческого населения, занимали и римляне. В первые века нашей эры Тира являлась торговым городом, пользующимся правом беспомпниной торговли, подтвержденным во II в. н. э. императором Антонином Пием. Расцвету экономики города способствовало его расположение на важной в экономическом и стратегическом отношении дороге, пролежавшей через Дакию к дельте Дуная и к греческим городам Северного Причерноморья — Ольвии и Херсонесу. В 40-е годы III в. Тира пала, вероятно, под патиском готов, по жизнь на месте города продолжалась по крайней мере до последней трети IV в.

Историческая топография Тиря пока не прослежена. Строительные комплексы эллинистического времени выявлены в восточной части Центрального раскопа. Обнаружены остатки двух богатых жилых зданий, разделенных небольшим переулком. Они имели наземные и подвальные помещения. Как можно полагать (*Фурманская А. И.*, 1964), в подвалах северо-восточной части здания II были расположены жилые помещения, а подвала западной части здания имели хозяйственное назначение. Стены помещения 27 в пичжей части были облицованы плитками, имитирующими мрамор, а выше — украшены росписью по штукатурке.

Лучше сохранились остатки постройки первых веков нашей эры. Они были сооружены, вероятно, во II в. н. э. на слое мощной насипи, которой были засыпаны руины построек предшествующего периода. Застройка города в этот период послала террасный характер. Раскрыта ориентированная примерпо с севера на юг улпчная магистраль (1-я Поперечная улица) шириной 2,5 м. Еще одна улица (1-я Продольная) шириной 1,75 м проходила с 3Ю3 на ВСВ. По улицам были проложены водостоки. По обе стороны 1-й Поперечной улицы распано два больших дома (№ III, IV). Дом № III, примыкавший к улице с востока, состоял не менее, чем из семи-восьми помещений (№ 11—14, 21, 22) и трех внутренних дворов. От дома № IV на противоположной стороне 1-й Поперечной улицы сохранились лишь помещения (№ 8, 10, 23, 24), расположенные вдоль улицы. Оба дома представляют многокомнатные жилые комплексы, общей площадью не менее 120 м². Рядом с жилыми домами существовали производственные сооружения. Открыты остатки двух гончарных печей (*Максимов Е. В.*, 1955) и двух сооружений, связанных с обработкой железа, точное назначение которых установить не удалось.

Южнее жилых кварталов на Центральном раскопе выявлены остатки оборонительных сооружений. Раскопан три участка стен толщиной 2,15—2,20 м, ограждавших часть городской территории с севера, запада и юго-запада, и круглая в плане башня с внутренним диаметром около 11 м. Фасады стен выложены из массивных прямоугольных блоков и плит известняка различного размера, внутренний массив стен состоит из рваного камня и глины. Находки в процессе раскопок различного вещцевого материала и обломков керамических сосудов указывают, что цитадель функционировала с конца I в. до н. э. до середины III в. н. э. На ее территории обнаружены остатки монументальной каменной постройки, возведенной в конце II в. в виде одного, прямоугольного в плане, помещения (6,15×10,9 м). Его стены, двухнащрвные, шириной 0,5—0,6 м, были возведены на доколе, высотой около 1 м, стены сохранились на высоту до 2,20—2,30 м. В качестве строительного материала были использованы плиты плотного крупнозернистого известняка, сложенные на глиняном растворе. Здание перекрывала черепичная кровля. Для определения этой постройки как здания вексиляции решающую роль сыграли найденные здесь железные заградительные четырехжелезные шпши, использованные в римской армии для оборонительных заграждений, и латинские черепичные клейма с именем командира вексиляции — центурона I Итальянского легиона (*Клейман И. В.*, 1965; 1971, 1976а).

Городской квартал и комплекс цитадели около середины III в. н. э. подверглись разрушению. Во второй половине III в. па разрушенных и частично разобранных сооружениях цитадели были возведены новые постройки. От них дошли остатки дома, пристроенного южной стороной к стене круглой башни, и живые ряды кладок еще двух сооружений — помещения, прикрывавшего южный угол здания вексиляции, и подвала с лестницей, устроенной па юго-западную куртине оборонительной стены. Различная ориентировка сооружений позволяет гово-

речь об отсутствии регулярной застройки в этот период.

В экомонепе Тира в период аллинизма значительное место занимала торговля. Ввоз из античных центров в Тире амфор, а также разнообразной парадной и обиходной посуды развивался в общих чертах по схеме, свойственной другим центрам Северного Причерноморья. В первичной публикации некоторых типов найденных в Тире сосудов (*Фурманская А. И., 1957*) сделаны общие наблюдения о проникновении в Тире в IV—III вв. до н. э. гетской легкой посуды, а в первые века нашей эры — сосудов черняховского типа и посуды, имеющей аналогии в керамике скифских городищ Нижнего Днепра и в памятниках зарубицкой культуры (табл. II, 1—7; III, 1—20). Выделяется небольшое число форм сосудов, которые можно считать продукцией гончарных мастерских Тира (*Максимов Е. В., 1955; Фурманская А. И., 1957*). Из предметов вооружения, найденных в Тире, известны: железный паковничек коня с трехлопастные бронзовые наконечник стрел.

Памятники скульптуры — фигура Гигея (*Дмитров Л. Д., 1949*) и фигура Пана (*Nicorescu P., 1933*) происходят из культурного слоя. Небольшие рельефы потивного характера, один — из серого мраморного известняка, второй (табл. II, 13) из белого мелкозернистого мрамора, передающие изображение фракийского вадника, были найдены при раскопках помещения конца II — первой половины III в. (*Фурманская А. И., 1965*). Три другие скульптуры из серого мраморного известняка — герма Диониса, рельеф с изображением сидящих богов и, вероятно, изображение Атиса (табл. II, 10—12) происходят из помещения 24 (*Фурманская А. И., 1966*). В помещении 22 помимо клада монет (*Фурманская А. И., 1963а*), найдены серебряная фбула и золотые перстни. Один в виде свернувшейся змеи, второй с вставленной сердцевидной пятастью, на которой вырезана фигура Гермеса (табл. III, 21—23). Подавляющее большинство терракотовых статуэток — привозные. Аналогии им имеются среди статуэток западнопонтских городов, например тора Афродиты (табл. II, 8) (*Клейман И. Б., 1970а*). Одна из фигурок первых веков нашей эры, по-видимому, изображает Атиса (табл. II, 9), имеются терракотовые статуэтки тагагского типа.

Никоний

Никоний располагался на восточном берегу Днестровского лимана (табл. I) на ровной слегка наклоненной в сторону лимана местности. С севера и юга городище ограничено глубокими балками. Его западная часть в настоящее время разрушена. Сохранившаяся площадь городища песчально более 3 г (табл. IV, 3).

Из эпиграфических памятников найдены только различные граффити (IV, 8, 8а): посвященные, с именами владельцев в виде отдельных букв и пометки условного характера (*Головкин И. Д., 1966*). Никоний в отличие от Тира самостоятельной монетной чеканки не имел. В I—IV вв. до н. э. основным платежным средством на внутреннем рынке Никоний служили истрийские медные литые монеты. Не исключено, однако, что в середине IV в. до н. э.

Никоний мог выпускать местные подражания литым истрийским монетам. Монет других античных центров в Никонии найдено несомненно меньше, чем монет Истрии. Подавляющая часть их принадлежит V—IV вв. до н. э.; это медные монеты Ольвии, несколько монет Тира второй половины IV в. до н. э., по одной монете Аполлонии, Македонии, Амиса (*Загинайло А. Г., 1966*). Монет III—I вв. до н. э., за исключением одной монеты Тира, тип которой не имеет достаточно твердой даты, не найдено.

Раскопки Никоний ведутся с 1957 г. (*Синицын М. С., 1966*). Культурные напластования начального периода жизни города выявлены в западной и юго-западной частях городища. Начаты раскопки некрополя, включающего курганы и грунтовые погребения. Никоний возник, по-видимому, во второй половине VI в. до н. э. Являлся ли он в полном смысле слова аполонийской Истрией (*Синицын М. С., 1966*, с. 55; *Alexandrescu P., 1970*, с. 452) неизвестно, по можно говорить об его определенной экономической, а, возможно, и политической зависимости от Истрии. Автохтонный элемент в составе населения Никоний V—IV вв. до н. э. был незначителен. Около третьей четверти IV в. до н. э., по-видимому, в результате военного нападения Никоний был разрушен, но в последней четверти или в конце IV в. до н. э. жизнь в нем возобновилась. В конце III или в начале II в. до н. э. Никоний подвергся вторичному разрушению и жизнь в городе восстанавливалась медленно. В первые века нашей эры размеры города возросли по сравнению с предыдущим периодом. В течение III—IV вв. н. э. жизнь в Никонии прекратилась.

В северо-западной части городища, в самой узкой части мыса, на котором располагался город, обнаружены остатки фортификационных сооружений второй половины V — первой половины IV в. до н. э. в виде рва, имеющего в поперечном разрезе очертания равнобедренного остроконечного вершника вниз треугольника с длиной каждой из сторон 5 м. Крепостная стена, вероятно, располагалась с западной стороны рва (*Синицын М. С., 1966*, с. 44, 45). От нее сохранились остатки глинобитного фундамента шириной 2,5 м. Во второй половине IV в. до н. э. эта стена перестала выполнять защитные функции и в конце IV или в начале III в. до н. э. была разобрана (*АО, 1976 г.*, с. 293). Ров был засыпан около середины IV в. до н. э. В первые века нашей эры этот участок был застроен жилими домами.

Для начального периода жизни Никоний характерны постройки двух типов: наземные дома и небольшие полуземляночные сооружения, в плане приближающиеся к прямоугольнику, впущенные в материк на глубину до 0,5 м, некоторые из них имели печи с поддувом, верхняя часть стен возводилась из сырцового кирпича. Наземные дома имели сырцовые столбы и глинобитную кровлю, поддерживавшуюся столбами. Каменное строительство начинается в V в. до н. э.

В IV в. до н. э. застройка города носила, по-видимому, регулярный характер. Дома возводились вдоль улиц. Жилые комплексы состояли из песчаных наземных помещений и подвалов. В юго-западной части городища (табл. IV, 4) открыта улица шириной 3,5 м, замощенная речной галькой и фраг-

ментами керампк. Она функционировала на протяжении V—IV вв. до н. э. На эту уллу выходил фасад дома площадью свыше 200 м², возведенный на стловых субструкциях. Там же раскрыты остатки дома первых веков нашей эры, погибшего в пожаре в середине III в. н. э. Он состоял из ряда помещений общей площадью свыше 120 м², выход из которых вел во внутренний двор. В одном из помещений открыто четыре детских погребения в сосудах (АО, 1976 г., с. 372).

В настоящее время изучена привозная тонкостенная керамика из ранних слоев Никоии (табл. IV, 5—7, 9—11) и лепная посуда (*Кузьменко В. И., Сициан М. С.*, 1966). В ранних надгробиях среди лепной посуды преобладают фрагменты спифских горшков, в более поздний период встречаются в небольшом количестве также обломки гетских лепных мисок и горшков. Значительную группу изделий художественного ремесла составляют ионийские и аттические статуэтки VI—IV вв. до н. э. Это обычного типа архаические терракоты в виде богинь, восседающей на троне, присевшего на корточки Сидена или Сатира, кукулы с подвесными конечностями, протомы женского божества, Эроты и др. (*Клейман И. Б.*, 1970а; 1976б). Пойден фигурный сосуд раннеэллинистического времени с граффити на тыльной стороне (табл. IV, 8, 8а). Найдены железных серпов и большое количество различного размера зерновых ям говорят о занятости жителей земледелием.

К востоку от городища тянется курганный могильник. В ближайшей к Никоии части находится, по-видимому, грунтовый могильник. Исследованы четыре кургана, содержавшие по несколько захоронений IV в. до н. э. Прослежены два типа могильных сооружений, встречающиеся в одном и том же кургане: простые прямоугольные в плане ямы и ямы с подбоем. Преобладает меридиональная ориентировка погребений. В каждой могиле одно захоронение па спине в вытянутом положении. Вход в подбой закрывался несколькими амфорами (в одном из погребений их десять). Среди амфор есть клейменные фасоские и гераклейские. В могиллах встречаются: античная посуда (чернолаковый кафар, сетчатый лепиф и др.), топильный брусок, железные ножи, медные наконечники стрелы, железный кинжал. Для первых веков нашей эры характерен обычай хоронить детей в амфорах и кувшинах (трупосоужения и труположения) па территории поселения и даже в домах.

Поселения

В VI в. до н. э. возникли поселения Надлимаское III на левом берегу Днестровского лимана (*Мелюкова А. И.*, 1975, с. 194; *Дзис-Райко Г. А.*, 1966) и поселение в Нижнем Поднестровье у с. Белявка Одесской обл. (*Озогников С. Б.*, 1976). При раскопках этих поселений обнаружены остатки жилищ полуземляночного типа (круглых и прямоугольных в плане), ямы хозяйственного назначения. На Надлимаском III поселении найдена аттическая терракотовая статуэтка в виде восседающей на троне богини (*Клейман И. Б.*, 1970а). Недостаточная изученность поселений не позволяет решить вопросы об этнической принадлежности их обитателей и вза-

имоотношении с греческими полисамп. Поселения, видимо, были основаны жителями в первой половине V в. до н. э.

В IV в. до н. э. на побережье Днестровского лимана появились новые поселения, просуществовавшие примерно до середины III в. до н. э. Лучшие других исследованы городища у с. Надлимаское, поселения Пивденное и Николаевка. Спифронные ямы поселений выявлены в Нижнем Поднестровье и в ряде пунктов Днестро-Дунайского междуречья (*Мелюкова А. И.*, 1969, с. 73, рис. 1). Это населенные пункты сравнительно небольших размеров: Надлимаское—0,7 га (табл. IV, 1, 2) (*Сициан М. С.*, 1960а); *Дзис-Райко Г. А.*, 1966). Пивденное (табл. V, 1) и Николаевка (табл. V, 8) по 3 га. Укрепления (в виде рва) засвидетельствованы только па первом из них (*Салников М. С.*, 1966; *Мелюкова А. И.*, 1975). Регулярная планировка, видимо, существовала только на городище Надлимаское (табл. IV, 1, 2). Наиболее типичны для всех поселений прямоугольные наемные дома, иногда встречались и землянки, а также и круглые в плане (на городище Надлимаское только в поздний период); обнаружены хозяйственные ямы и зольники. Среди паходок встречаются амфоры, античные терракотовые статуэтки, керамика как спифского, так и гетофракийского облика (табл. V, 2—5, 18—20). Исследовался также могильник, расположенный к востоку от поселения Николаевка (*Мелюкова А. И.*, 1975).

Кроме грунтовых могил, сохранились три кургана диаметром 12—14 м, в основании которых были кольцевые ограды из необработанных кусков и плит известняка. Под каждой курганной насыпью обнаружена одна могильная яма (в одном из курганов — две ямы), по форме и по размерам не отличающиеся от могил грунтового могильника. В грунтовой могильнике раскопано 47 простых погребений и 18 подбойных могил. Подавляющая часть могил имеет спифронную ориентировку. Некоторые могилы были перекрыты большими положенными поперек ямы плитами известняка, на других поверх земляной насыпи лежали беспорядочно набросанные камни. Могилы имели в основном форму прямоугольника, реже — овала. В большинстве подбойных могил погребальная камера равна или слегка превышает площадь входной ямы, параллельна ей и выкопана в ее северной стене. Дно подбоя ниже дна входной ямы. Умершего клали в погребальную камеру па спину головой на восток, после этого вход в нее закрывался загорюдой из камышевых стеблей, камышными циновками или необработанными плитами известняка, а входную яму засыпали землей.

В 15 подбойных, четырех водкурганых и в 24 простой грунтовой могиллах обнаружены остатки жертвенной пищи (часть туши барана или коровы), положенной в чашу, стоящую в ногах умершего. В могиллах, содержавших несколько последовательных погребений, обнаружены остатки жертвенной пищи редки, в детских захоронениях — ее нет. Около половины погребений с жертвенной пищей, содержал также амфору. Иногда рядом с амфорой найдены бронзовый или железный черпак (шаф) на длинной ручке (табл. VI, 25, 26) и греческие черпачковые сосуды (табл. V, 6, 7). В детских погребениях сосуды отсутствуют. Гораздо меньше в по-

гребеннях простой сероглиняной посуды, еще меньше — лениных сосудов. Найдено много пожей (табл. VI, 16—21), которые втыкались в жертвенную нишу для кладки рядом с нею, княжаль, наконечники стрел и копий, меч, топор (табл. VI, 1—15), чешуйчатый пояс. В могилы клали также зеркала (табл. VI, 30), прислида и украшения — височные кольца, серьги, браслеты, бусы. Основную часть погребального инвентаря составляет керамика. Из 73 погребений происходят 25 амфор, примерно половина из них гераклейские; 25 аттических чернолаковых сосудов главным образом каффаров второй половины IV — первой половины III в. до н. э. Найдены: арибаллический сетчатый декфл, алебастровый балзамарип (табл. VI, 24), 13 сероглиняных гончарных сосудов. Лепная посуда в могилках представляла единичными экземплярами, хотя в быту она имела широкое распространение и составляла около 80% всей керамики, встречаемой в культурном слое поселения. Как уже указывалось, найдено также небольшое количество украшений (табл. VI, 22, 23, 27, 28, 32—35).

В первые века нашей эры в районе Днестровского лимана появляется новый тип поселений в каменных домах и производственным сооружениям, например, поселение Молога II (АО, 1976 г., с. 285). Для могильников, связанных с этими поселениями, распространенным типом погребального сооружения, по-видимому, был земляной склеп — семейная усыпальница с погребальной камерой почти прямоугольной в плане и колоколовидной в разрезе, с коротким дромосом. Среди погребального инвентаря — краснолаковые сосуды, стеклянные балзамарины, бусы, браслеты, фибулы, колокольчики, амулеты, оружие. На поселениях у сел Инвентос, Николаевка, Надлимаское III, Беляевка и на городище у с. Надлимаское почти полностью отсутствуют нумизматические находки. По-видимому, там не было регулярного денежного обращения. Вместе с тем в районе Днестровского лимана встречаются монеты-стрелки и литые пестрийские монеты (табл. I).

Широкое хождение на территории всего Северо-Западного Причерноморья серебряных монет Истрия, зарегистрированных среди нумизматических находок Тиря, Николия, Ольвии (табл. I), подтверждается также присутствием серебряных истрийских статов IV в. до н. э. в составе кладов. Клад таких монет найден вблизи с. Висунцы (Загинало А. Г., 1976). Второй клад, содержащий кроме истрийских серебряных монет, серебряные монеты Тиря, обнаружен на левом берегу Днестра, вблизи с. Дорожкое (Загинало А. Г., Нудельман А. А., 1974).

Остров Левка

Земный (ранее Флония, в древности Левка или Ахиллов) остров, согласно сообщениям античной литературы, традиция (Толстой И. И., 1918; Ростовцев М. И., 1918а) был важным центром культа Ахилла, возможно, уже с VI в. до н. э. В его культе эллиские черты слились с какими-то до-греческими (Ростовцев М. И., 1918а, с. 182), возможно, киммерийскими (Блаватский В. Д., 1964а, с. 19). С IV в. до н. э. о. Левка находился под контролем

Ольвии, а со II в. до н. э. эта роль переходит к какому-то из городов Северо-Западного Причерноморья.

Детальный план острова был снят в 1823 г. капитан-лейтенантом Критским. Почти в центре острова им были замечены остатки фундамента здания, сложенного насухо из белого мраморовидного известняка. Он считал это здание храмом Ахилла. Это была квадратная в плане постройка (30×30 м), ориентированная по странам света. Внутреннее пространство поперечной стеной делилось на две неравные части, причем западная, в свою очередь, разделилась на три помещения. К северной стене постройки примыкало помещение, в котором находилась пистера. В 1837 г. остатки фундамента этого сооружения были разобраны при постройке маяка, а мраморные детали (капители, базы, барабаны, каннелированные колоны, карнизы) были вывезены с острова и затерялись. В других частях острова были обнаружены остатки степ и выложенные кампем колоды.

Раскопки на острове производились в течение нескольких лет в середине прошлого века по приказанию генерал-губернатора Бессарабии чиновником учрежденного здесь карантинного поста. В 1841 г. исследования были осуществлены экспедицией Одесского общества истории и древностей, в 1964 г. небольшое исследование провела Н. В. Пятыхева (Мурзакевич Н. И., 1844, с. 549—562; 1848а, с. 405—416; Пятыхева Н. В., 1966). В результате всех этих работ были подтверждены сообщения о культе Ахилла на острове. В частности, были найдены панидис и сосуды с посвящением Ахиллу, владыке Левки (IRE P, 326; Толстой И. И., 1918, с. 12). Было обнаружено также значительное количество керамики, фрагменты сосудов с граффити (Штерн Э. Р., 1897), фрагмент краснофигурного сосуда последней четверти VI в. до н. э. с именами Эпиктета и Пикосфена (Фармаковский Б. В., 1898), терракоты (Клейман И. Б., 1970б), значительное количество монет (Мурзакевич И. И., 1848б, с. 838, 839; 1853). Монеты принадлежат почти всем значительным центрам Причерноморья, многим городам собственно Греции, царям Македонии, Фракии, Малой Скифии, Боспора, Вифинии, Пергама, Сирии, Египта, Риму (эпохи как Республики, так и Империи). Хронологический диапазон: V в. до н. э. — первая половина III в. н. э., подавляющее большинство монет относится к IV—III вв. до н. э. Второй половине III и IV вв. н. э. принадлежат единичные находки (Зорограф А. П., 1941; Булагович С. А., 1971).

Городище у с. Орловка

Римское укрепление у с. Каргал (пыше с. Орловка Ренійського р-на Одесской области) открыто в середине XIX в. (Мурзакевич И. И., 1844, с. 627 сл.; Уваров А. С., 1856, с. 183, сл.). Городище расположено в 1,5 км к западу от с. Орловка на так называемой «Каменной горе», занимающей господствующее положение над равниной левобережья Дуная. С трех сторон «Каменную гору» омывают воды р. Дунай, озер Каргал, Кагул и их протоки. Со стороны суши городище в древности опоясывал ров, следы которого заметны до сих пор. Между с. Орловкой и городищем восточнее «Каменной горы» об-

наружены следы неукрепленного поселения, группа курганов и грунтовый могильник. Городище занимало площадь около 2 га. Поверхность его сильно повреждена каменным карьером. В XIX в. там были найдены фрагменты римских надписей с упоминанием V македонского легиона (IPE, P, I) и часть рельефа с изображением охотящейся Длапы. Систематические исследования городища начаты в 1963 г. (Бондарь Р. Д., 1971, с. 66—70).

Римское укрепление возросло на месте более древнего поселения, возможно, существовавшего здесь уже с VIII—VI вв. до н. э. Вероятно, уже к середине I в. до н. э. городище входит в систему укреплений, которые были созданы гето-дакийскими племенами, объединившимися перед угрозой римского завоевания. На северо-западе «Каменной горы» обнаружена двухнастирная каменная стена с глинистой щебниковой забутовкой, вероятно, часть оборонительной башни. Техника сооружения стены характерна для подобных построек гето-дакийцев (Кругликова И. Т., 1955, с. 47 сл.). Падение крепости на Каменной горе, возможно, связано с походом Тиберия Плавтия Сильвана в середине I в. н. э. Гарнизон римского укрепления составляли подразделения I Итальянского и V Македонского легионов, здесь же находились суда Флавиева Мезвийского флота, основная база которого была на противоположном берегу Дуная в г. Новиодунуме. Об этом свидетельствуют находки черепицы с клеймами этих легионов и флота. В середине III в. городище прекращает свое существование. Сохранились следы большого пожара. Раскопки городища не позволяют пока восстановить его планировку и охарактеризовать фортификацию. В северной и северо-западной частях городища раскопаны жилые помещения. Их

стены чаще всего сложены из сырцовых, редко слабообожженных кирпичей, уложенных непосредственно на грунт. Цокольная часть стены обычно складывалась из небольших сланцевых камней. Крышу покрывали черепицей, стены штукатурили. Иногда можно проследить участки плотно утрамбованного пола, промазанного светлой глиной. О конструкции наземных жилищ другого типа можно судить лишь по находкам завалов глиняной обмазки со следами основы — прутьев, жердей. Найдены остатки глиняных печей, хозяйственные и мусорные ямы, фрагменты глиняной посуды.

Отчетливо проступают черты взаимодействия двух культур — римской и местной гето-дакийской. Среди керамики много посуды гето-дакийского типа — горшки, миски, одноручные чаши (Бондарь Р. Д., 1971, с. 67). Сероглиняная посуда, сделанная на гончарном круге, орнаментирована лощенем в виде волнистых параллельных и косых пересекающихся линий. Привозная керамика представлена амфорами и краснолаковой посудой I—середины III в. н. э. Среди других находок — изделия из железа, бронзы, обломки жерновов, точильные камни и камни от пращи, пряслица, грузила и т. д. Серебряные и медные римские монеты датируются периодом от начала I в. н. э. до начала III в. н. э. Укрепление у с. Орзюка, вероятно, являлось предместным и входило в общую систему дунайского лямса — оборонительной линии, созданной римлянами для защиты границ империи (Бондарь Р. Д., 1973, с. 154). На левом берегу нижнего течения Дуная древние авторы помещают Аялбрукс и Кремникс. С какими именно из этих пунктов можно отождествить городище, пока не ясно.

Глава третья

Борисфенида (Березань), Ольвия и поселения Нижнего Побужья

Греческое поселение на острове Березань

Поселение греков на острове Березань было самым ранним в Северном Причерноморье. В настоящее время Березань — это небольшой островок (850 м × 350 м), расположенный возле устья Днепровского лимана недалеко от г. Очакова (табл. VII, 1). В древности о. Березань был значительно больше и, может быть, связывался с материком узким перешейком (Щеглов А. И., 1965а, с. 107—110; Лалин В. В., 1966, с. 127—137). Впервые археологическое обследование Березани провел в начале XIX в. академик Келер. В 1847 г. А. С. Уваров снял план острова, на котором отметил остатки нескольких строений и ряд курганов. Пробные раскопки поселения были проведены в 1884 г. Р. А. Пренделем. В 1900—1901 гг. Г. Л. Скадовский вскрыл около 800 погребений, но результаты его работ почти не опубликованы. С 1904 по 1909 гг. и в 1913 г. Э. Р. Штерн исследовал остатки жилых и хозяйственных построек. В 1927—1931 гг. и в 1946—1947 гг. исследования поселения продолжал М. Ф. Болтенко, а с 1960 г. — В. В. Лалин, позднее также К. С. Горбунова и Л. В. Копейкина.

Удалось установить, что поселение возникло во второй половине VII в. до н. э. Найдена расписная греческая керамика, второй половины VII в. до н. э. (табл. VII, 6) и отдельные образцы посуды первой половины VII в. до н. э. (Копейкина Л. В., 1973, с. 240). Есть основания полагать, что поселение с момента основания именовалось Борисфеном или Борисфенидой (Блаватский В. Д., 1968; Виноградов Ю. Г., 1976, с. 81, 82) и, таким образом, именно с ним следует связывать дату основания Борисфена — 645/644 гг. до н. э., указанную в хронике Евсевия (88). Существовало ли на Березани местное поселение до того, как возникло греческое, пока не установлено, но несомненно, что со времени обоснования греков на острове там появляются и представители местного населения (Марченко К. К., 1976, с. 157, сл.). Спорен вопрос о характере и назначении поселения: было оно торговым или аграрно-ремесленным по преимуществу (Лалин В. В., 1963, с. 122 сл.; Виноградов Ю. Г., 1971а, с. 67). Несомненно, что торговля играла заметную роль в жизни Березани VI в. до н. э. о чем свидетельствует большое количество хозяйственных ям для хранения товарного зерна, многостроичное граффити на двух фрагментах пошпийского являка VI в. до н. э. и письмо на свинцовой пластине конца VI в. до н. э. (табл. VII, 4). (Виноградов Ю. Г., 1971а, с. 64—67; 1971б, с. 74—99). Но торговля не являлась единственным занятием переселенцев. С появлением постоянных жителей на острове появляется необходимость в подобном домашнем хозяйстве и в реме-

ленном производстве для удовлетворения различных нужд населения. Это подтверждают находки сельскохозяйственных орудий, зернотерок, костей домашних животных, остатков литейного и керамического шлаков, полуфабрикатов различных ремесел.

Наивысший расцвет деятельности Березани падает на VII—VI вв. до н. э. В VI в. до н. э. она становится эмпорием Ольвийского полиса. Было найдено огромное количество расписной древнегреческой керамики этого периода. Преобладает родоскопонишская керамика (табл. VII, 7), найдены сосуды с острова Хиос, сосуды стили «фикеллура» (табл. VII, 8), клазоменская керамика, керамика Коринфа и Аттики (табл. VII, 5). Наряду с импортной керамикой встречается местная. К VI в. до н. э. относится и большинство терракотовых статуэток (табл. VII, 2, 3) (Скуднова В. М., 1970 а, с. 31—33).

В архаическое время на Березани существовало два типа жилищ: грунтовые землянки и полуземлянки округлой и подчетыреугольной формы и наземные строения, зачастую с полуподвальными помещениями. Стены наземных построек возводились из сырцовых кирпичей на камешных доколах. Грунтовые землянки наиболее характерны для VII—первой половины VI в. до н. э. Постройки наземного типа появляются лишь с середины VI в. до н. э. Во второй половине VI в. до н. э. наблюдается резкий подъем строительной деятельности. Жилая застройка становится очень плотной. На отдельных участках строительство, по-видимому, велось по заранее определенному плану с соблюдением общей строгой ориентации с севера на юг (Копейкина Л. В., 1975а, с. 188—193). К концу VI в. до н. э. поселение достигает наибольших размеров, занимал почти треть площади острова. Жилые и общественные постройки были сосредоточены в его северо-восточной части. На северо-западном берегу располагался некрополь второй половины VI в. до н. э. (Фабрициус П. В., 1951, с. 56 сл.; Капошина С. И., 1956а, с. 214 сл.; Лалин В. В., 1966, с. 109 сл.). В начале V в. до н. э. размеры поселения значительно сокращаются (Копейкина Л. В., 1975а, б, с. 193 сл.). Постройки вытесняются в основном вдоль северо-западного берега. Среди наиболее интересных строений этого времени — остатки храма с абсидой.

Резкое сокращение размеров поселения, вероятное всего, связано с ростом Ольвии. В V—III вв. до н. э. поселение продолжает существовать, являясь рядовым сельским поселением ольвийского полиса (Виноградов Ю. Г., 1976). В II—I вв. до н. э. остров, по-видимому, был совершенно заброшен. В первые века нашей эры там возникает новое поселение, значительно меньших размеров. Судя по данным античной литературной традиции и посвященным надписям, пайденным на острове, здесь в это время

был сооружен храм, посвященный Ахиллу Понтарху. В III в. н. э. античное поселение прекращает свое существование.

Ольвия

Политико-административный центр Ольвийского полиса — город Ольвия находился на правом берегу Бугского лимана. Рельеф местности обусловил форму города в виде неправильного треугольника. Ольвия занимала плато, состоящее из трех частей: верхней, так называемый Верхний город, средней (склоны) и прибрежной — Нижний город (табл. VIII; IX). Часть нижнего города в наше время находится под водой (*Блаватский В. Д.*, 1962б; *Шилик К. К.*, 1975, с. 76) (табл. IX, 1—4).

Согласно Геродоту (IV, 18) и Диону Хрисостому (XXXVI, II, 48) Ольвия лежала на берегу Гипаниса (Буга). Однако Страбон (VII, 3, 17), Плиний (IV, 12), Помпоний Мела (II, 6), Арриан (31), Амман Марцелин (XXII, 8) помещали ее на Борисфене (Днепре), при этом Страбон уточнял — на расстоянии 200 стадиев от устья, а Помпоний Мела — при впадении Борисфена в море. Псевдо-Скимн (804) правльно свидетельствуя, что Ольвия лежит при слиянии Борисфена и Гипаниса, помещал ее так же вверх по течению Борисфена. Геродот (IV, 78, 79), лично посетивший Ольвию, дает представление об облике города V в. до н. э. У Макробия (I, II, 33) сохранились сведения об осаде Ольвии Зопирином, полководцем Александра Македонского. Дион Хрисостом (XXXVI), также побывавший в Ольвии, рисует положение и облик города, восстановленного после гетского разгрома, а приводимым им сопоставлением с городом предшествующего периода, позволяють судить об Ольвии догетской эпохи.

Эпиграфические памятники дополняют свидетельства древних авторов. Так две проксении V в. до н. э. свидетельствуют о связях Ольвии с Синопой и Гераклеей, а ряд посвящений Аполлоу Дельфийцу позволил отождествить один из храмов. К IV в. до н. э. относятся в основном проксенические декреты (IPE, I, № 2027; *Леви Е. И.*, 1958а, с. 283 сл.), а также декрет Каноба, найденный в XIX в. в Малой Азии, в котором излагаются правила обмена чужеземных денег на ольвийские деньги (IPE, I, 24; *Карышковский П. О.*, 1969, с. 19; *Виноградов Ю. Г.*, *Карышковский П. О.*, 1976). Наиболее многочисленны надписи эллинистического периода. Декреты в честь сыповей херсонесита Аполлония (НО, № 28), Протогея (IPE, I, 32) и посвятельная надпись коллегии ситонов (НО, № 72) свидетельствуют об экономических трудностях. Среди надписей II в. до н. э. интересен фрагмент каталога ольвийских граждан (IPE, I, 204). Декрет I в. до н. э. в честь Никерата (IPE, I, 34) показывает напряженную политическую обстановку в городе. Памятники первых веков нашей эры в основном являются посвящениями Аполлоу Простату (44 надписи) и Ахиллу Понтарху (20 надписей) (IPE, I, 53, 80—145; НО, № 86—89). Надписи, содержащие имена легионов, указывают на участие в Ольвии во II—III вв. н. э. римского гарнизона (IPE, I, 236, 322).

Граффити на сосудах упоминают Аполлона, Деметру, Зевса, Афины. Одно граффити на черняко-

вом пифосе содержит сведения о медвях стрелках, служивших денежными знаками (*Граков Б. Н.*, 1968, с. 115). Имеются надписи на свинцовых пластинках (*Кытнович Т. П.*, 1956б, с. 122 сл.). Клейма на амфорах и черепках говорят о торговых сношениях Ольвии с городами Понта и Средиземноморья (*Граков Б. Н.*, 1929; *Брашмский И. Б.*, 1961б, с. 239 сл.; *Леви Е. И.*, 1964а, с. 225 сл.).

Изучение ольвийской пумизматики выявило своеобразие ее монетного дела. В раннее время засвидетельствовано употребление в виде денежных знаков литых медных рыбков и стрелок. В V—IV вв. до н. э. выпускаются бронзовые литые ассы. С V в. до н. э. начинается чекан серебряной монеты. В последней четверти IV в. — первой половине III в. до н. э. полве выпускает золотую, серебряную и медную монету. Монеты второй половины II в. до н. э. с именем Склипура свидетельствуют о подчинении города скифам. С пребыванием во второй половине I — начале III в. н. э. в городе римского гарнизона связано распространение римских монет. Сохранение, а затем и полное исчезновение денежного обращения в последней четверти IV в. н. э. говорит об упадке и гибели города (*Зограф А. Н.*, 1951; *Карышковский П. О.*, 1969).

В XIX в. был снят ряд топографических планов Ольвии (*Карасев А. И.*, 1956). Одновременно было начато археологическое изучение города. В начале XIX в. производил раскопки Сухтелен (*Латышев В. В.*, 1887, с. 32). В 1832—1844 гг. А. С. Уваровым велась раскопки курганов (*Уваров А. С.*, 1851, с. 42). Он также исследовал город, некрополь и периферию. В 1870 г. разведки в Ольвии проводили И. Аркас и Ф. Брун (ЗОИИД, VIII, с. 412). В 1873 г. раскопки кургана проводил И. Е. Забелин, а некрополь — В. Г. Тизенгаузен (ОАК за 1873 г., с. XXXVII—XXXVIII). В 1886 г. небольшие работы провел И. К. Суручан (ОАК за 1882—1888 гг., с. С1Х сл.). В 1887 г. В. В. Латышевым опубликовано исследование об Ольвии, сохранившее свое значение до настоящего времени (*Латышев В. В.*, 1887). В конце XIX в. производились раскопки некрополя (ОАК за 1894 г., с. 11—17; ОАК за 1896 г., с. 78—81, 200—212).

С 1901 по 1915 г. по поручению Археологической комиссии археологическое изучение города и некрополя возглавил Б. В. Фармаковский (*Фармаковский Б. В.*, 1903а, б, 1904, 1906а, б, 1907, 1908, 1909а, б, 1910, 1912, 1913, 1914, 1915б, 1916б, 1918). Все исследования Б. В. Фармаковского отличались целеваяправленностью и велось по четкому разработанному плану. Разработанный им посылно-квартальный метод, позволяющий четко фиксировать стратиграфию культурных напластований, выявлять строительные остатки с сопровождающим их вещественным материалом, до настоящего времени является основным при раскопках античных городов. С самого начала он поставил задачу — определение границ города и истории его отдельных районов. Б. В. Фармаковский впервые в антиковедении приступил к научным исследованиям жилых кварталов античного города большими площадями. Благодаря тщательности работы он зафиксировал и определил назначение словесых фундаментов. Он установил изменение границ города в различные периоды, открыл

оборонительные стены и римскую цитадель, остатки храма Аполлона и т. д. В результате раскопок некрополя им были установлены основные типы погребений и дана характеристика погребального инвентаря. (Фармаковский Б. В., 1903б).

Новый этап в исследовании Ольвии начался после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1921 г. Ольвия была объявлена государственным заповедником, тогда же небольшие раскопки были проведены С. А. Семеновым-Зусером (*Семенов-Зусер С. А.*, 1931). В 1924—1926 гг. Б. В. Фармаковский возобновил раскопки Ольвии. С 1936 г. Ольвийскую экспедицию возглавил Л. М. Ставин. С 50-х годов работами Ленинградского отряда ИОИА АН СССР руководили Т. Н. Киппович, А. Н. Карасев, Е. И. Леви, а с 1975 г. — отряд ленинградских археологов возглавляет В. Н. Пругло. С 1971 г. Ольвийской экспедицией ИА АН УССР руководит С. Д. Крымжидкий. В 1958 г. исследованием задушевной части города проводила Подводная археологическая экспедиция под руководством В. Д. Блаватского (*Блаватский В. Д.*, 1902б).

История Ольвии делится на два больших периода, рубежом которых является гетский разгром в середине I в. до н. э. (*Латюшев В. В.*, 1887, с. 37; *Фармаковский Б. В.*, 1915б, с. 10, 17). В последние десятилетия появилась попытка установления новой периодизации истории Ольвии без членения на догетский и послегетский периоды (*Славин Л. М.*, 1959а, с. 86 сл.; *Wasowicz A.*, 1975, с. 35). Однако выработанный в первые века город столь резко отличался от города предыдущих столетий, что деление на две эпохи — догетскую и послегетскую представляется обоснованным.

Догетский период. Единой точки зрения на дату основания Ольвии до сих пор нет. Некоторые приближают ее к рубежу VII—VI вв. (*Копейкина Л. В.*, 1976, с. 131; *Виноградов Ю. Г.*, 1971в, с. 237), другие полагают, что город был основан в начале или в течение первой четверти VI в. (*Славин Л. М.*, 1967; с. 5; *Шелов Д. Б.*, 1936б, с. 45; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955, с. 31), во второй четверти или во второй трети VI в. (*Блаватский В. Д.*, 1959б, с. 13) и даже около середины VI в. (*Скуднова В. М.*, 1960а, с. 12, 13). Раскопки показали единичность фрагментов керамики последней четверти VII в. до н. э. по массовости материала, относящегося к VI в. до н. э. в основном к его второй половине.

К концу VI в. была освоена вся территория Верхнего города за исключением северной части, занятой некрополем (табл. IX, 2). Северная триада, по-видимому, проходила севернее Зевсова кургана, где открыты остатки жилищ VI—начала V в. до н. э. В южном направлении город доходил до Запечей балки, о чем свидетельствует распространенность находок раннего времени на территории будущей римской цитадели. Рост города шел с южной стороны (*Копейкина Л. В.*, 1976, с. 140). Разведочные работы 30-х годов позволяют говорить, что Нижний город к концу VI в. доходил до границ Северной балки. Никаких данных об оборонительных сооружениях Ольвии VI в. нет.

Во второй половине VI в. в Верхнем городе на липы Главной улицы, возникает теменос п агора. Первоначально она представляли не разрабиченный

участок с культовыми постройками (табл. IX; X). Здесь совершался культ Аполлона Дельфиния, Зевса п Афины, судя по фрагментам вотивных сосудов с посвященными граффити богам (табл. XI, 1—6), найденным в ботросах (фависсах), служивших для сброса пришедшего в негодность храмового инвентаря. На территории культового участка открыто два параллельных ряда ботросов. Тогда же был воздвигнут алтарь для возлияний, от которого сохранился докол, включенный позднее в алтарь V в. (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 32—34). К югу от него находилось здание, состоявшее из одного помещения. Агора в VI в. была пезамопечной площадью. В непосредственной близости от теменоса п агоры в это время находился еще один район общегородского значения. Здесь сохранились остатки двух архаических зданий типа мегарона. Одно из них, ориентированное на северо-запад, состояло первоначально из двух помещений с примыкающим к ним каменным подвалом. Стены были сырцовые на полигональном каменном доколе. Во второй строительный период большое помещение было перегородено п здание состояло уже из трех помещений п подвалом, также подвергавшемся перестройке. Фасад здания был оформлен в виде небольшого портика п отделен от окружающей территории апсидообразной кладкой (*Копейкина Л. В.*, 1975а, с. 188 сл.). Жилые дома VI в. до н. э. раскопаны в районе Зевсова кургана к западу от Главной улицы. Открыто более 30 слегка заглубленных в материк жилищ различной формы площадью от 6 м² до 14 м². Среди них преобладают прямоугольные с закругленными углами, встречаются также округлые п овалыные. Во многих жилищах открыты очаги, реже двухкамерные печи; найдена также переносная жаровня. Среди находок большое количество аттических черпачкообразных сосудов. В некоторых землянках имелись полукруглые ниши. Этот район в ранний период являлся окраинным. Здесь найдены остатки металлургических мастерских: горны (сопла, куски обожженных кирпичей), скопление шлаков, бракованных изделий (*Фурманская А. И.*, 1953). В восточной части района открыты остатки дома конца VI—начала V в. до н. э., стены которого были возведены из сырцовых кирпичей на полигональном каменном доколе (*Фармаковский Б. В.*, 1929, с. 43, 44). Таким образом, рядом с полуземлянками, уже в конце VI в. до н. э. здесь имелись п более благоустроенные жилища.

На рубеже VI—V вв. возникает жилой район в пригороде (площадью около 1500 м²) с жилищами в виде землянок, преимущественно прямоугольной формы. В полу некоторых из них сохранились углубления от угловых п центральных столбов. В землянках найдена привозная керамика конца VI—V вв. до н. э. п терракотовые статуэтки. Кроме землянок, в южной части пригорода открыты остатки сооружения, слегка заглубленного в материк. В VI в. оно состояло из одного помещения, а в начале V в. включало уже четыре помещения. К центральному из них с севера примыкала комната с зольником, с востока — кладовая для хранения вина п оливкового масла. В западном помещении имелась глинобитная площадка. Ю. И. Козуб трактует этот комплекс как святилище, считая, что зольник является алтарем, а глинобитная площадка имела культовое

назначение. Возможно, что существование пригорода связано с замиранием жизни на поселениях ольвийской хоры, жители которой к началу V в. до н. э. частично переселились ближе к городу.

Время V в. до п. э.—третья четверть IV в. до п. э.—период расцвета Ольвии. Судя по сообщению Геродота (IV, 78), в первой половине V в. были сооружены оборонительные стены, локализации их К. Э. Гриневичем около Заячей Балки в районе агоры (Гриневич К. Э., 1963, с. 53, 54) противоречит ряд данных, указывающих на возведение этих стен не ранее IV в. до п. э. Обнаружены остатки стены второй половины V в., шедшей по той же линии, что и стены IV в. до п. э. Северная линия обороны города V в. до п. э. совпадала, несомненно, с границей города VI в. В V в. город принимает новый облик в соответствии с разработанной планировкой, которая местами соответствует гипсоломовой системе (Фармаковский Б. В., 1929, с. 40), но в целом, не имеет четко ориентированных кварталов (Кржицкий С. Д., 1971, с. 99).

В этот период закатывается архитектурное оформление темениса (табл. X, Б). Он отделяется с запада и востока от прилегающих к нему улиц оградой, от которых сохранились остатки цоколя стен. Размеры открытой части темениса 1645 м² (Карасев А. Н., 1964, с. 27, 36). Вход в теменис был с Восточной улицы. В центре свободной от построек площади находился монументальный алтарь, стоявший напротив храма Аполлона Дельфиния. От храма Аполлона сохранились незначительные остатки, позволившие однако дать его реконструкцию (Карасев А. Н., 1964, с. 49—68). Он был сооружен по типу храма в антах, с глубоким портиком перед входом (табл. XII, 1—3). Стены были из сырцовых кирпичей на камешном цоколе. Две деревянные колонны, оформлявшие вход, завершались терракотовыми волютами, исполненными в ионийском ордере (Карасев А. Н., 1964). Вдоль фасадов храмов плавымоощенная камнем дорожка, по краям которой, судя по сохранившимся постаментам, стояли малые алтарики, статуи и надписи. Монументальный известняковый алтарь для возлияний достиг в V в. максимальных размеров. Первоначально он состоял из площадки, на которой стоял жрец во время жертвоприношений и собственно алтаря, облицованного тщательно обработанными плитами (табл. XII, 1). На алтаре были установлены три камешные плиты с чашеобразными углублениями. Несколько позднее, в пределах того же V в., к центральной части северной стенки алтаря была сделана пристройка, которая, может быть, служила постаментом для культовой статуи. Между храмами Аполлона и Зевса имелись два малых жертвенника. Жертвенник для сожжения (табл. XII, 5) представлял собой прямоугольную рамку из четырех плит (Карасев А. Н., 1964, с. 33, 34, 76—113). К северу от него находился второй жертвенник для возлияний несколько больших размеров.

Кроме храмов, алтаря и жертвенников в ограде священного участка находились два здания (табл. X, Б). Одно из них было квадратное в плане, было сооружено еще в VI в. до н. э. В V в. перед его входом с запада устраивается небольшая площадка, вымощенная камешными плитами. Это

здание неоднократно перестраивалось, сохраняя свою форму и размеры. Второе здание из двух помещений примыкало к восточной ограде к югу от входа. Сохранился фундамент и частично остатки камешного цоколя. К северу от входа, около восточной ограды, судя по скоплениям медных шлаков и мелких фрагментов меди, находилась мастерская металлурга. Открыты камешный водоем и камешные водостоки для отвода ливневых вод (Карасев А. Н., 1964, с. 36—38). В V в. площадь агоры перекрывается вымощенной из керамического боя и щебня; начинается строительство зданий, в том числе и гимнасия на южной стороне агоры, о чем свидетельствует глубокий колодец V в. до п. э. для снабжения гимнасия водой. Колодец расчищен пока только на 15 м. Его шахта диаметром в 1 м сложена из хорошо обработанных плит известняка. Остатки пазов для металлических креплений на горловине колодца V в. указывают, что на ней была установлена подземная конструкция. В северо-восточной части агоры сооружается глубокий водоем. Он являлся основной частью системы, служившей для подачи воды на нижележащую террасу. В ее состав, кроме колодца, входили две смотровые шахты и подземная галерея, на дне которой укладывались гончарные трубы. (Карасев А. Н., Левин Н. И., 1958).

Работ общегородского значения в непосредственном соседстве с агорой и теменисом, продолжал интенсивно застраиваться. Открыт ряд отдельных помещений, принадлежавших зданиям, сильно разрушенным в более поздние строительные периоды. До середины V в. до п. э. в окраинной части города еще продолжали существовать землянки наряду с наземными жилыми домами. Почти во всех домах имелись подвальные этажи, отдельные помещения которого предназначались не только для хозяйственных целей, но служили и в качестве жилых комнат.

Длительная осада Ольвии Зоприоном в 30-х годах IV в. до н. э. оказалась безуспешной, но она ослабила Ольвию и вызвала обострение классовой борьбы. Однако с последней четверти IV в. до п. э. начинается второй этап экономического и политического расцвета города. Это нашло отражение в новом росте хоры, в развитии местного производства, оживлении торговых сношений, в интенсификации строительства. Город эпохи эллинизма, наиболее полно сохранившийся, дает возможность воссоздать отдельные городские ансамбли, планировку жилых домов, городское хозяйство в целом.

В конце IV в. город расширяется (табл. IX, 3) и занимает территорию некрополя VI—V вв. около Северной балки (Фармаковский Б. В., 1926б, с. 17), там появляются оборонительные сооружения и жилые кварталы. Северная линия обороны возводится в соответствии с изменением границ города. Стены вдоль Северной балки были сооружены на расстоянии около 50 м от последней (Карасев А. Н., 1948, с. 31). Стены вдоль Заячей балки сохраняли направление линии стен классического периода. По мнению А. Н. Карасева (Карасев А. Н., 1941, с. 134—138), ольвиополиты создали в III в. до п. э. дополнительную оборону в виде искусственного водохранилища, которое тянулось от Северных ворот до Западных (табл. IX, 3). Б. В. Фармаковский предложил реконструкцию главных городских ворот, от

которых, как и от северных крепостных стен сохранились в основном лишь слюевые фундаменты. Ворота фланкировались башнями. Кроме основного входа, в северной башне имелся второй, запасной выход (Фармаковский Б. В., 1915б, с. 18, 19). Вторые городские ворота по реконструкции А. Н. Карасева находились в районе агоры.

Темепос в эпоху эллинизма перестраивается. В связи с расширением агоры его площадь уменьшена. Большая стоя агоры, возведенная в конце IV в. до н. э., частично перекрыла южную часть культового участка V—IV вв. (табл. X, В). Остатки ринных сооружений перекрываются слоем лесса толщиной 0,60—0,80 м. На месте засыпанного монументального алтаря из известняка возводится алтарь из мрамора. От него сохранились фрагментарно одна из плит орфостата и мелкие обломки архитектурных деталей, украшенных овами и дельбийским киматием. На месте храма Аполлона Дельфиния вырастает новый храм больших размеров (табл. XII, 4). В связи с этим засыпаны малые жертвенники V—IV вв. От храма Аполлона дошли слюевые фундаменты южной части, позволяющие восстановить его форму в виде периптера шириной около 16 м, длиной не менее 30—35 м (Карасев А. Н., 1964, с. 27, 28). Храм Аполлона слегка прикрывал храм Зевса. С целью выделения его возводят на мощных слюевых фундаментах и немного выдвигают на юго-восток (табл. X, В). Храм Зевса (7,7×13,9 м) был выстроен по плану автоного храма (табл. XII, 7) (Карасев А. Н., 1964, с. 113 сл.). Он уступал по размерам храму Аполлона Дельфиния, чем подчеркивалось главенствующее значение культа последнего. Возле храма Зевса, на линии западной ограды, возводится малая западная стоя. Во второй половине III в. до н. э. она перестраивается. В этот период перестраивается квадратное здание к югу от монументального алтаря, здание сокровищницы около восточной ограды ликвидировается. Засыпаются водоем возле храма Зевса. Около входа, вблизи храма Аполлона, создается новое водохранилище — цистерна. Но уже к концу III в. до н. э. в нее стали сбрасывать пришедший в негодность храмовый инвентарь и утварь, связанную с жертвенными трапезами. В цистерне было найдено около 2000 фрагментов вотивных терракотовых статуэток с изображением Кибелы (табл. XIII, 1), Деметры, Афродиты, Зевса и др. (Русская А. С., 1975, с. 6) (табл. XIII, 2, 4—9). Здесь же были найдены черепки — один из атрибутов культа Аполлона и несколько черепов жертвенных быков, специально обработанных для подвешивания в храме (табл. XIII, 10—11) (Леви Е. И., 1959).

Мастерская для изготовления терракот находилась в самом темепосе, у его восточной ограды на месте ликвидированной мастерской V—IV вв. по изготовлению изделий из металла. На уровне пола в цистерне найдено несколько форм для изготовления терракот, в том числе статуэток Аполлона, играющего на кифаре (табл. XIII, 4), Кибелы, Деметры, стоящих женских фигурок и др. Большая стоя на северной границе агоры, отделявшая ее от темепоса, является одним из наиболее монументальных зданий (табл. X, 6). Слоевые фундаменты позволяют реконструировать ее размеры: длина ее 45 м, ширина в первый строительный период 14 м, во второй — 17 м.

Ряд из девяти колощ разделил ее на две части. Здания торгового назначения с подвальными этажами были построены вдоль восточной и западной границ площади (табл. XIV, 1). Сохранившийся подвальный этаж восточного торгового ряда состоял из девяти помещений (табл. XIV, 2); западного из семи (Славин Л. М., 1964, с. 191 сл.). Все подвалы были изолированы; связь с наземными помещениями, в которых располагались лавки, осуществлялась, вероятно, посредством деревянных лестниц, опускаемых через люки в полах (Леви Е. И., 1956, с. 53—58). При раскрытии подвалов обнаружено в восточном здании около 700, в западном — около 350 монет местной чеканки, в основном — борисфенов.

В конце IV — начале III в. до н. э. полностью перепланируется гимнасий. Сохранился лишь его полуподвальный этаж, в центре которого был восемнадцатиколонный зал. К его восточной стороне примыкало пять банных помещений (табл. XIV, 4). Полы их слегка понижались к западу. В одном из помещений обнаружена чаша с отверстием по середине для стока воды, в другом — известняковый корыто, с отверстием в центре. В крайних южных помещениях находились лифсы, которые в помещениях IV—V соединялись водопроводной ланшей. В центре отдельных помещений открыты очаги. Подсобные помещения были расположены в южной части. Одно из них (XI) ограждало колодец V в., продолжавший функционировать до середины II в. до н. э. В северной стене этого помещения имелась ниша с известняковой статуей-полуфигурой Курса (табл. XI, 7) местной работы, изваянная в IV в. до н. э. (Карасев А. Н., 1972, с. 40—44; Чубова А. П., Лещинская М. М., 1976). Колодец в помещении XI являлся основным источником системы, созданной в эпоху эллинизма для водоснабжения и отопления гимнаasia. Кроме колодца, было три резервуара для подогрева воды, и водопроводная линия (Карасев А. Н., 1975, с. 3—10). Водопровод начинался от третьего резервуара, находившегося в юго-восточной части здания. Первая секция водопровода была выполнена в камне, в дальнейшем он состоял из гончарных труб.

К гимнасию с востока примыкали два здания: северное было связано с несохранившейся большей частью гимнаsией, южное — являлось пебольшим торговым рядом, обращенным фасадом на Восточную улицу. От южного здания сохранился подвальный этаж с четырьмя помещениями, сложенными из камня. В одном из них было обнаружено 104 монеты, в основном борисфенов и 19 лекарственных сосудов (Карасев А. Н., Леви Е. И., 1975, с. 17). С запада к гимнаsию примыкало здание, от которого дошли лишь слюевые фундаменты. Оно состояло из восьми наземных помещений, различных размеров (Славин Л. М., 1967, с. 38). Раскопки агоры дали большое количество находок, в том числе произведений коропластики и скульптуры.

При входе на агору со стороны северных городских ворот, находилось здание суда — диастерий площадью 327 м² (табл. IV, 1, 3). Его восточный фасад выходил на главную городскую магистраль. (Карасев А. Н., 1972, с. 35—40). Главный фасад был оформлен в виде глубокого портика, к которому примыкало три помещения (табл. XIV, 3). Вход с

улицы во двор был через среднее помещение, в котором находилась цистерна для воды. Все 12 помещений, входившие в состав дикастерия, группировались вокруг двора. В здании имелось два каменных подвала. В одном из них были найдены две бронзовые псефы с клеймом ИЕРА (табл. XI, 8), аналогичные по форме псефам из раскопок афинской агоры. На дворе и в помещениях были найдены черепки с надписями, исполненными резцом или красками, они содержали списки мужских имен или одно мужское имя. Вместе с ними найдены глиняные лепные кружочки, гладкие или с отверстием по середине, которыми пользовались при голосовании (табл. XI, 9). К периоду эллинизма система водопроводов, действовавшая в V—IV вв. до н. э. в северо-восточной части агоры, была засыпана. Сохранился только каменный водоем, превратившийся в водосборный бассейн. На рубеже IV—III вв. до н. э. была создана вторая система, проходившая вдоль фасада дикастерия. Основной источник ее — водоем, от которого шел только прямоугольной формы котлован. От водоема в южном направлении отходил водопровод: его трубы были уложены в каменный футляр в виде двускатной крыши. Вода стекала в цистерну, в которую по каменному желобу поступала также дождевая вода с крыши дикастерия. Далее водопроводная линия шла по подземной галерее, поворачивая в сторону склона (Карасев А. Н., 1965а, с. 84—83). В Верхнем городе открыто три больших жилых района эпохи эллинизма: в северо-восточной окраинной части, в районе Зевсова кургана и агоры. Один жилой квартал исследован в центральной части Нижнего города (Фармаковский Б. В., 1945б; Леви Е. П., Карасев А. Н., 1955, с. 220—225; Крыжичкий С. Д., 1971). Дома богатых горожан, открытые в районе Зевсова кургана и в Нижнем городе, отличались размерами и убранством. В них имелось от шести до восьми помещений (Славин Л. М., 1944; 1962; 1975), в том числе парадная комната — авдрос, украшенная мозаичным полом, во дворах — крытые портики (табл. V, 2—4); (Фармаковский Б. В., 1945б).

В окраинной части, где жили преимущественно ремесленники, дома были значительно скромнее, чем в центральных районах, с небольшими помещениями, количество которых колебалось от трех до 11 (Славин Л. М., 1944; 1962; 1975) (табл. XV, 1). В зависимости от застройки квартала и размеров дома, помещения группировались с двух или трех сторон двора и лишь в одном из домов Нижнего города они окружали двор с четырех сторон. Благоустройство домов дополнялось наличием цистерн для воды, особенно необходимых в Верхнем городе из-за отсутствия в нем общественных колодезь. Цистерны, вырытые в материке, со стенками, покрытыми гидравлическим раствором, достигали глубины 7—8 м; горловина их обкладывалась камнем. Однако трудное устройство цистерн позволяло сооружать их только состоятельным владельцам. В Нижнем же городе во всех домах имелись колодезь, питающиеся водой источниками (Карасев А. Н., 1944, с. 129—131). В эллинистическое время в Нижнем городе, вдоль продольной улицы, наиболее близко расположенной к склону, был устроен ряд колодезь общественного назначения, паходившихся на пересечении

с улицами, ведущими в Верхний город (Лавин В. В., 1960, с. 98—100). К благоустройству домов относятся и паличие во дворах водостоков, отводивших воды в городские магистрали.

О керамическом производстве пока свидетельствует только керамика местного производства (Клипогич Т. Н., 1940б, с. 129 сл.; Зайцева К. И., 1976); о развитии литейного производства — многочисленные находки литейных форм, особенно в слоях IV—III вв. до н. э.

К концу III в. до н. э. Ольвия вступила в полосу затяжного кризиса. Прекращают существование большинство поселений на хоре Ольвии, ухудшаются взаимоотношения с местными племенами, о чем говорит окружение города в конце III в. до н. э. оборонительными стенами и со стороны береговой полосы (ИРЕ, I, 32). Строительство общественных зданий прекращается, производится только ремонты и перестройки, в первую очередь оборонительных стен. Ремонты и перестройки в жилых домах, помимо уменьшения их размеров, несут следы сильного снижения качества работ. К концу II в. до н. э. теменос и агора прекращают свое существование. Прекращают действовать и все водопроводные системы агоры. В середине I в. до н. э. Ольвия была разгромлена гетами, о чем свидетельствуют следы многочисленных пожаров, фиксируемые раскопками в различных частях города.

Послегетская эпоха. После гетского разгрома население вернулось в город по просьбе скифов, запятосовавшихся в возрождении Ольвии как торгово-просредического центра. Начинает возрождаться и хора Ольвии. Судя по сообщению Диона Христомата (XXXVI, II, 48), в городе поселилось большое количество греческого населения, которое оказало значительное влияние на культуру Ольвии; облик города сильно изменился. Площадь его сократилась. Линию стен I в. указывает искусственно вырытый ров, на месте которого позднее образовалась Вторая поперечная балка (табл. IX, 4). Следы стены зафиксированы на верхнем плато раскопками 1908 г. (Фармаковский Б. В., 1942). Некоторые представления о стене дают ее остатки, открытые в Нижнем городе. Сохранились несколько рядов фундамента с облицовкой камнями различной величины и обработки с забутовкой мелким бутом. Ширина стены всего 1.70 м, как и характер ее кладки, не соответствуют мощности и величественности городских стен V—IV вв. до н. э. Вилотную к стене были пристроены жилища ольвиополитов. Это были однокомнатные полуподвальные постройки с очагами, со смежными стенами из камня. Они были вытянуты в один ряд между оборонительной стеной, и узкой улицей с Южной стороны. (Славин Л. М., 1940, с. 5—51, 53; Леви Е. П., Карасев А. Н., 1955, с. 239 сл.). Эти однокомнатные жилища вполне соответствуют словам Диона о «домашках», застроенных почти без промежуток. К сооруженным I в. в. следует отнести алтарь из дерева, возведенный на месте разрушенного мраморного. О нем свидетельствуют темные круглые пятна — следы от установки деревянного опора, окружающих алтарь из известняка. Деревянный алтарь повторял форму раннего, но значительно превышая его размеры (табл. XII, 6) (Карасев А. П., 1964, с. 47—49). Но алтарь, нахо-

дившийся за городской стеной, очевидно, к концу I в. н. э. перестал функционировать. В конце I в. д. э. в городе был возведен храм Зевса. К середине I в. п. э. в районе темениса были построены производственные сооружения: две гончарные печи, винодельни и большое зернохранилище. На рубеже I—II вв. п. э. были созданы винодельни в западной части агоры. Производственный район ограждал с севера искусственно вырытый ров — первая линия обороны послегетской Ольвии (табл. IX, 4). Создание производственного района говорит о восстановлении экономического положения Ольвии в I в. п. э.

О развитии гончарного ремесла свидетельствует наличие нескольких районов с гончарными мастерскими. Второй гончарный район в Верхнем городе вырос в значительном отдалении от его стен, на заброшенной окраине города эллинистической поры. Третий район с гончарными печами был создан в Нижнем городе, около линии его обороны. В гончарном районе около Северной балки открыты остатки пяти печей, для обжига сосудов. От одной из них наилучшей сохранности дошло топочное отделение с подпорным столбом в центре, и часть обжигательной камеры диаметром 1,20 м (*Вегштейн Р. И.*, 1958, с. 62—67; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955, с. 59—60). Из двух печей на территории темениса одна — округлой формы и небольших размеров, служила для изготовления сосудов, другая — прямоугольная в плане (3×2 м) — для изготовления черепиц. Сохранились следы столбов, почти квадратной формы, поддерживавших под обжигательной камеры (*Леви Е. И.*, 1964, в. с. 18—20). Найдены болванка для формовки округлых калитеров и куски бракованной черепицы. Гончарный район в Нижнем городе начал также функционировать в I в. н. э. и прусуществовал до начала III в. п. э. Большое зернохранилище в I в. н. э. включало ямы глубиной от 2 до 3 м с камешными горловинами, закрывавшимися плитами. Зернохранилище Верхнего города прекращает функционировать на рубеже I—II вв. п. э. От винодельни на территории темениса сохранились лишь днища трех резервуаров и твря рычажного пресса (*Леви Е. И.*, 1964, в. с. 20). От винодельни на западной стороне агоры — остатки двух площадок и три резервуара (*Славин Л. М.*, 1964, с. 218—220). Сохранились остатки винодельни и в северо-западной части Верхнего города (*Леви О. Г.*, 1958, с. 29 сл.). Несмотря на экономический подъем в I в. п. э., внешнеполитическая обстановка создавала неустойчивое положение в городе. В конце I в. н. э. Ольвия оказалась вновь, хотя и на короткий срок, в зависимости от скифских царей — Фарзоя и Инесимея (*Вограф А. Н.*, 1951, с. 137—139).

Ко II в. п. э. Ольвия достигла экономического подъема. Окраинный район в Нижнем городе благоустраивается. Вдоль его улиц сооружаются водосточные каналы. Ведется строительство общественных зданий: гимназия, баня, портика (IPE, I, 40, 174, 181). Увеличиваются размеры домов. В одном из них открыто помещение с мозаичным полом из разноцветной гальки (*Славин Л. М.*, 1967, с. 59). Другой дом имел восемь помещений, одно из которых служило лавкой (*Фармаковский Б. В.*, 1943; *Леви Е. И., Карасев А. Н.*, 1955, с. 239 сл.). В Верх-

нем городе открыт богатый дом с перистильным двором (*Книпович Т. Н.*, 1953б). Особое внимание во II в. уделялось сооружению оборонительных стен. Реконструируются старые стены. Когда же оливопоплати, тесными варварскими племенами, прижудены были в середине II в. обратиться за помощью к римской империи, и в Ольвию был направлен римский гарнизон, в южной части Верхнего города возводится укрепленная цитадель (табл. IX, 4). Она отделялась от остальной территории города стенами, значительно превосходящими по своей мощности оборонительные сооружения I в. н. э. Ее северная стена толщиной 3 м возведена из огромных плит, достигающих в длину 1,50 м. Стены были укреплены башнями; частично открыты остатки двух башен, около главного входа, к которому вела улица, сохранившая направление главной магистрали догетского периода. Башня к востоку от ворот не совсем симметрична с западной, отличаются башни и по своим размерам (*Фармаковский Б. В.*, 1908, с. 18 сл.). Незначительный остаток северной стены был вывезен и в северо-западной части цитадели (*Книпович Т. Н.*, 1956а). Северную стену цитадели, на всем ее протяжении ограждал ров (табл. IX, 4). На юго-западной границе цитадели, вдоль склона Заячьей балки к залово отремонтированным стенам, шириной в 3,50 м пристраиваются боевые башни.

Внутри цитадели открыты остатки двух зданий, связанных с пребыванием римского гарнизона. Около северной стены сохранились частично подвальный этаж большого здания. В одном из его помещений находилась цистерна (*Фармаковский Б. В.*, 1908, с. 9 сл.). В центре цитадели на перекрестке двух улиц, одна из которых являлась главной магистралью, ведшей в Нижний город, обнаружены остатки претория. Открыт подвальный этаж из семи больших помещений. На территории цитадели вблизи главного входа, открыты развалы монументальных плит от храма Аполлона Простата. Определение их, как принадлежавших храму, было сделано Б. В. Фармаковским на основании скопления в данном районе посвященных надписей Аполлону (*Фармаковский Б. В.*, 1906б, с. 11, 12; 1926а).

Во II в. разросся гончарный район в Нижнем городе. Открыты печи округлой формы (диаметром до 2 м) для изготовления сосудов и мелких изделий и большие печи прямоугольной формы с двумя подпорными столбами, аналогичные печи для обжига черепицы, открытой за городской стеной (*Вегштейн Р. И.*, 1958, с. 65). Во II в. продолжали функционировать винодельни в Верхнем городе. Вместо старого зернохранилища сооружается новое, включавшее более 100 ям (табл. IX, 4). В районе северной оборонительной стены города, на территории Нижнего плато, еще на рубеже I—II вв. н. э. устраивается пекарня. Ее здание полуподвального характера, площадью 290 м², примыкало к Восточной улице и имело две помещения. Выделяется центральное помещение с большой овальной печью. В северной половине здания найдены два пифоса; один из них служил для хранения муки, второй — для воды. В западной части располагались жилые комнаты (*Славин Л. М.*, 1940, с. 59 сл.). Ряд хозяйственных построек был в это время вынесен за пределы города (*Крыжицкий С. Д.*, 1968, с. 142—145).

Все производственные сооружения первых веков прекращают свое существование в первой половине III в. н. э., замрает ипсиз и на большинстве поселений Ольвийской хоры. В первой четверти III в. прекращается и чеканка монет Ольвии. В III в. не возводят новых построек, производятся только ремонты общественных зданий и домов. От IV в. сохранились лишь остатки кузнечной мастерской вблизи заброшенного претория (*Штительман Ф. М.*, 1955, с. 62, 63). Уход римского гарнизона в середине III в. привел к тому, что ольвиополиты не смогли противостоять все усиливавшемуся натиску кочевых племен и в IV в. жители покинули город.

Некрополь. Некрополь в Ольвии по своей площади равнялся примерно территории города. Большое количество курганов, сосредоточенных главным образом у внешних границ, дало основание для наименования ольвийского некрополя «Урочищем ста могил» (*Фармаковский Б. В.*, 1903б, с. 5). Некрополь пересекал ряд проселочных дорог, которые шли от Северных и Западных городских ворот. Кроме того, имелись дороги местного значения, делившие территорию некрополя на ряд участков.

Историческая топография некрополя полностью еще не выяснена (табл. VIII). Можно говорить, что погребения VI—V вв. до п. э. были сосредоточены к западу от северо-западного края городища, занимаемая в это время и северную окраину города эпохи эллинизма. В V в. до п. э. территория значительно расширяется к западу от Заячьей балки, а с конца IV в. до п. э. — к северу от Северной балки, распространяясь на площадь пышнеего села Парутинно. Со II в. до п. э. до первых веков нашей эры хоронили в основном на западном склоне Заячьей балки, а также на заброшенной части города догетской эпохи (*Фармаковский Б. В.*, 1926б, с. 177; *Книпович Т. Н.*, 1940в, с. 94—104; *Козуб Ю. Л.*, 1974, с. 7, 8; *Парович-Пешикан М. Б.*, 1962, с. 36, 37).

Основным обрядом погребения в Ольвии было труположение. Захоронения производились в могилах трех типов: грунтовых, подбойных и склепах (*Фармаковский Б. В.*, 1903б, с. 9 сл.). Грунтовые могилы представляли собой прямоугольный колодез длиной 1—3 м, шириной 0,35—1,55 м. впущенный в материк на глубину 0,70—2,70 м. В подбойных могилах захоронение производилось в прямоугольной нише, вырытой в одной из стенок колодеза, которая затем закладывалась камнем, или сырцом; в эллинистическое время встречается заклад из амфор (глубина могил 1,15—3,20 м, длина 1,20—3,10 м, ширина 1 м, высота подбоя 0,30—1 м). Земляные склепы отличались большими размерами и тем, что к ним с дневной поверхности вели пологие или ступенчатые спуски-дромосы. Напротив входа вырезался прямоугольная камера с округлым сводом, которая также по совершении захоронения закладывалась каменными плитами или сыровой стеной (глубина склепов от 2 до 7 м, длина камеры 2,50—3,80 м, ширина 1,50—2,50 м, длина дромоса в основном в 2,5 раза превышала глубину склепа). В некоторых склепах имелись лежанки, в стечах — небольшие яши. Иногда склепы белылись, покрывались цветной штукатуркой.

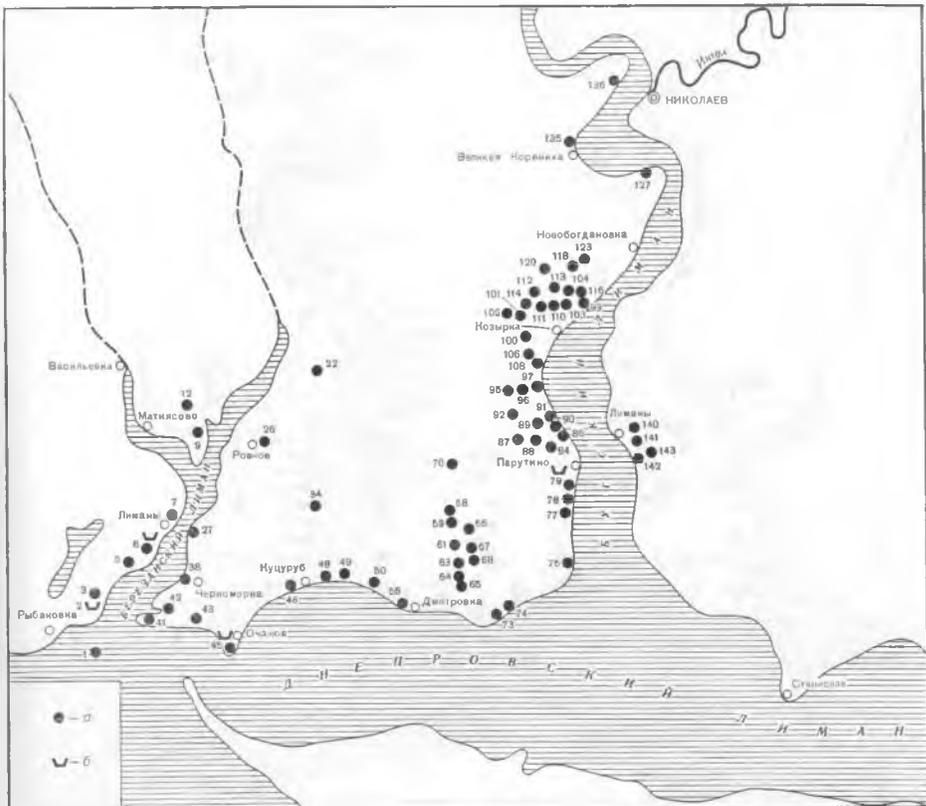
В эллинистическое время были распространены склепы каменные, которые некоторые исследователи

именуют каменными ящиками (*Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 38 сл.). Обычно над ними возводился курган. Особого упоминания заслуживают два каменных склепа II в. н. э., один из них над Зеновым курганом, второй — склеп Евриспия и Ареты (*Фармаковский Б. В.*, 1902 в; 1906а). Встречаются также захоронения младенцев в амфорах (*Книпович Т. Н.*, 1940в, с. 303). Ориентация могил различна, главным образом запад — восток. Положение костяков — вытянутое на спинке. Скорченные погребения встречаются редко, преимущественно в раннее время (*Козуб Ю. Л.*, 1974, с. 20—23). Погребения совершались в деревянных гробах или саркофагах. Дно могил покрывалось обычно травой или соломой. Наряду с труположением в Ольвии, особенно, в ранний период существовало трупосожжение. Отдельные случаи кремации были зафиксированы Б. В. Фармаковским не только на некрополе, но и в черте города (ОАК за 1908 г., с. 68, 69), В. Н. Ястребовым — на некрополе (ОАК за 1894 г., с. XXX). Представляют интерес остатки двух кострищ в круге из амфор, открытые в 1911 г. (ОАК за 1911 г., с. 15) и в 1926 г. (*Фармаковский Б. В.*, 1929, с. 66—69). При раскопках некрополя найдено огромное количество разнообразных предметов: вазы, оружие, украшения, амулеты, монеты, амфоры, особенно часто куршывини. Встречаются кости от положенных в могилу кусков мяса, краски, смола и др. Найдено чрезвычайно мало надгробий. Однако, Б. В. Фармаковский полагал, что надгробия имелись, но были расхищены еще в древности. По типам захоронений и обряду некрополь Ольвии в основном сходен с некрополями греческих городов (*Фармаковский Б. В.*, 1903б, с. 6, 22, 23).

Поселения античного времени на территории Нижнего Побужья

Как и любой греческий город Северного Причерноморья, Ольвия обладала хорошей, размеры которой не установлены. Считают, что она даже в периоды наивысшего экономического расцвета города не выходила за пределы Нижнего Побужья, занимая, по видимому, сравнительно узкую, до 5—7 км, береговую полосу вдоль Бугского, Днепро-Бугского и Березанско-Сосицкого лиманов, т. е. на 50 км к северу от Ольвии (приблизительно до г. Николаева) и на 80 км к юго-западу от Ольвии (приблизительно до района Тяпсульского лимана) (*Зуц В. Л.*, 1969, с. 80 сл.). Интерес к окружающим Ольвию территориям пробудился еще в XIX в. Однако до Великой Октябрьской революции изучение Нижнего Побужья, как правило, не шло дальше небольших эпизодических обследований отдельных памятников. После установления Советской власти на Украине, археологические исследования стали более интенсивными. Уже в 20-е годы сотрудники Николаевского историко-археологического музея проделали небольшие раскопки, показавшие, что по обоим берегам Бугского лимана к Ольвии примыкали современные ей поселения. В 30-х годах начаты раскопки античных поселений у сс. Варваровка, Чертоватое, Петуховка и в других пунктах (обзор поселений, открытых до 1936 г., и библиографию см. в кн.: *Фабрициус И. В.*, 1951, с. 65 сл.). После Великой Отечественной войны работы стали расширяться (*Бура-*

Карта 2. Поселения Нижнего Побужья VI—V вв. до н. э.
а — поселения; б — некрополи

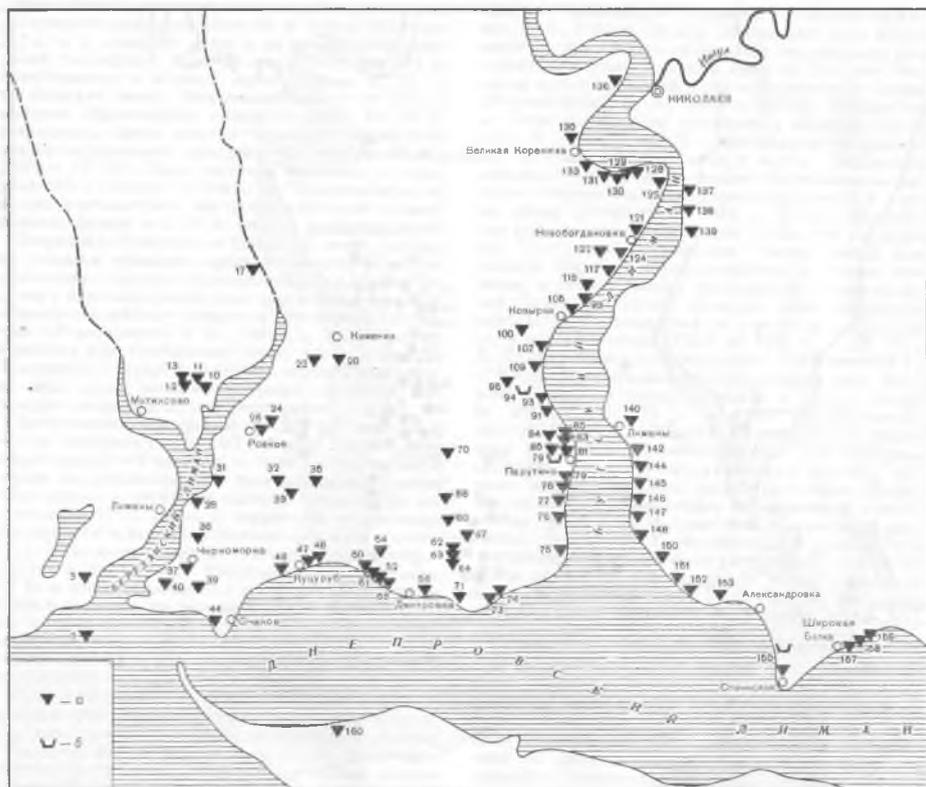
ков А. В., 1976). С начала 60-х годов до 1978 г. на побережье Бугского, Днепровского и Березано-Сосицкого лиманов было обнаружено около 200 поселений и 15 могильников античного времени (см. карта 2—4).

Материалы многолетних разведок и раскопок позволили восстановить историю заселения сельскохозяйственной округи Ольвии, характер поселений и экономическую жизнь их обитателей (Шугиельман Ф. М., 1956; Доманский Я. В., 1961; Лапин В. В., 1966, с. 153 сл.; Бураков А. В., 1976; Доманский Я. В., Копейкина Л. В., Марченко К. К., 1978). В настоящее время в истории античных поселений Нижнего Побужья можно выделить четыре периода в основном, совпадающие с периодизацией истории Ольвии (Рубан В. В., 1975). Первый период начинается по поздней середине VI в. до н. э.,

когда на берегах лиманов возникает ряд поселений (карта 2). Высказано мнение, что поселения в низовьях Березанского лимана были сельскохозяйственной территорией Березани (Отрешко В. М., 1976, с. 33). Со второй половины VI в. до н. э. все посе-

Район побережья	VI—V вв. до н. э.		IV—III вв. до н. э.		I—III вв. н. э.		Всего	
	поселения	могильники	поселения	могильники	поселения	могильники	поселения	могильники
Бугский лиман	38	1	40	1	14	2	92	4
Днепровский лиман	48	1	30	2	11	3	53	6
Березанско-Сосицкий лиман	15	2	20		13	2	48	4
Итого:	71	4	90	3	38	7	193	14

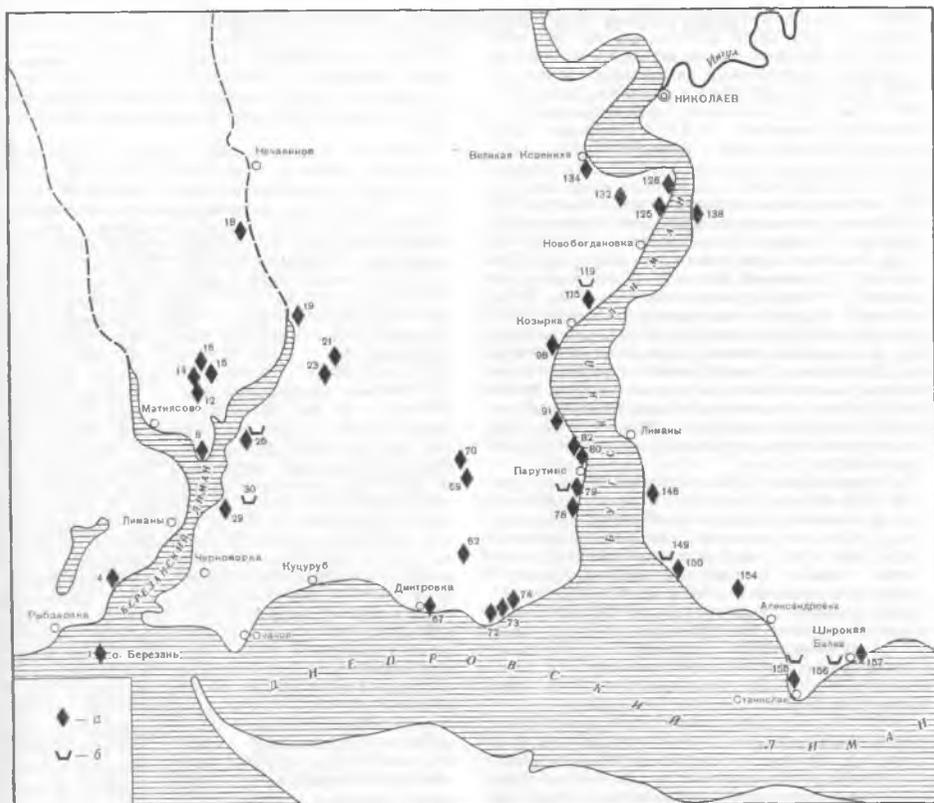
ЧАСТЬ I. ГОРОДА, ПОСЕЛЕНИЯ, ПЕКРОПОЛИ

Карта 3. Поселения Нижнего Подубья IV—III вв. до н. э.
а — поселения; б — некрополи

ления находятся под непосредственным постоянным культурным и экономическим воздействием Ольвии. Сопоставление материалов наиболее изученных памятников этого периода: поселений у Широкой балки (в 2 км к югу от Ольвии), Викторовки I, Бейкушского, Каборги I, Большой Черноморки II (в низовьях Березанского лимана), Чертоватого II и Старой Богдановки 2 (к северу от Ольвии) позволяет говорить о значительном сходстве их материальной культуры (Рабичицкая В. М., 1954, с. 114 сл.; Капошина С. И., 1956а; Руслева А. С., 1972; Отрешико В. М., 1975 и др.). Основным типом жилищ там являлись округлые, овальные и подчетыреугольные землянки и полуземлянки. Их площадь, как правило, не превышала 17 м², а глубина котлованов колебалась от 0,3 до 1,5 м. Лишь на поселении Старая Богдановка 2 выявлены остатки землянки

значительно больших размеров — около 60 м². В некоторых жилищах открыты следы балочного крепления кровли в виде конусовидных ямок от столбов, лестницы, вырубленные в материке, глинобитные и так называемые ритуальные столики; на поселении у Широкой балки в одном из помещений обнаружены остатки печи для сушки зерна. При сооружении степ и их доколей использовался камень. Помимо заглубленных в землю построек, на позднесарматских поселениях были и небольшие наземные сооружения с глинобитными или сырцовыми стенами и доколями, выложенными из камня, однако планы этих строений в большинстве случаев не выяснены (Отрешико В. М., 1976, с. 32). Совершенно особняком стоит четырехугольное многокамерное здание площадью более 215 м², выявленное частично на поселении Старая Богдановка 2. Его западная и восточная стороны имели длину около 30 м. Ширина внешних степ до 1,2 м. Они состояли из двух относительно толстых (не более 0,3 м) па-

Карта 4. Поселения Пижнего Побужья первых веков нашей эры
а — поселения; б — некрополи

параллельных сырцовых степок, возведенных на каменных цоколях из орфостатно поставленных небольших плит известняка, и каменной или глинобитной забутовки между ними.

Основными видами хозяйственной деятельности жителей этих поселений являлось земледелие и скотоводство. Большое количество импортной керамики, монеты-стрелки, дельфинчики и литые ассы, пайдены в культурных слоях, говорят о развитии товарно-денежных отношений в Нижнем Побужье. Широкое распространение получило рыболовство. Очень небольшое значение имела охота. Ремесла скольконибудь существенного развития не получили.

Помимо вышеописанных памятников, во второй половине VI в. до н. э. на территории Нижнего Побужья в некотором удалении от берегов лиманов,

в степи существовала еще одна группа поселений, не имеющих ярко выраженного культурного слоя, трактуемых как сезонные стоянки пастухов.

В начале первой трети V в. до н. э. резко сократилось число поселений в Нижнем Побужье, что, возможно, связано с активизацией скифов. Лишь на незначительном числе памятников (например, поселение у Закисовой балки и поселения Козырка 2) выявлены материалы середины — второй половины V в. до н. э. Возможно, что жители поселений первого периода ушли в Ольвию (Отрешко В. М., 1976, с. 33).

В IV — первой половине III в. до н. э. на берегах Бугского, Днепровского и Березанского лиманов вновь появляется большое количество сельскохозяйственных поселений (карта 3). Подавляющее число их расположено на правом берегу Бугского лимана к северу и югу от Ольвии. Наиболее изученными поселениями третьего периода являются: поселения Варваровка 1, Козырка 2, Чертоватое I (к северу от Ольвии), Широкая балка, Закисова балка и Пету-

ховка 1 (к югу от Ольвии) (Шульц П. Н., 1940; Славин Л. М., 1958; Штигельман Ф. М., 1956, с. 258 сл.). В районе поселения Петуховка 1 открыта группа подкурганых захоронений (Ebert M., 1913). Погребальный обряд и инвентарь, обнаруженный в могилах, аналогичен зафиксированному в Ольвийском некрополе. В IV в. основным типом построек является большое наземное здание, состоящее из нескольких небольших наземных и подвальных помещений жилого и хозяйственного назначения, сгруппированных вокруг двора, вымощенного каменными плитами или черепками. Помещения на поселении Козырка 2 заглублены в почву — до 0,5 м. Земляные борта котлованов, как правило, облицованы каменными плитами. Полы помещений земляные, иногда черепяные или каменные. В помещениях встречены овалы и четырехугольные очаги из глины. Сырцовые стены стропиль возводились на каменных доколах, гораздо реже на слоевых фундаментах. Крыша жилая чаще всего тростниковая; в исключительных редких случаях можно предполагать черепичную крышу. Следы благоустройства в виде каменных водостоков и колодезь для питьевой воды открыты на поселении у Запиковой Балки.

На правом берегу Бугского лимана, в районе урочища Дидова Хата, у с. Пригубское, на Волоской косе, и, возможно, на восточном берегу Березанского лимана во второй половине IV в. до н. э. появляется совершенно новый тип построек — сельскохозяйственная усадьба. Одна из них — Дидова Хата I — исследована полностью (Рубан В. В., 1978, с. 34). Здание усадьбы площадью около 1200 м² почти квадратное в плане, включало двор площадью около 620 м², окруженный помещениями. Усадьба имела два входа, жилища были двухкамерными, а в северном и южном рядах — трехкамерными. Стены были из сырцовых кирпичей на каменном цоколе.

Основными занятиями жителей поселений IV — первой половины III в. до н. э. продолжали оставаться земледелие, скотоводство и, вероятно, рыболовство. Об этом говорят многочисленные зерновые ямы, ступы, кости домашних животных и рыб. Регулярные находки ольвийских монет заставляют предполагать дальнейшее развитие товарно-денежных отношений. Ремесла не играли заметной роли. Весь необходимый хозяйственный и бытовой инвентарь жители, по-видимому, приобретали в Ольвии. На месте изготавливалась главным образом лентная посуда. К середине III в. до н. э. подавляющее боль-

шинство населенных пунктов Нижнего Побужья прекращает свое существование. Возможно, однако, что на отдельных поселениях Бугского лимана жизнь теплилась до начала II в. до н. э. На что, в частности, может указывать наличие погребений этого времени в Марицком могильщике (Ebert M., 1913).

Четвертый период истории аграрных поселений охватывает конец I в. до н. э. — I—III вв. н. э. В это время появляется ряд новых поселений (карта 4). Наиболее характерны для этого периода укрепленные поселения. В настоящее время в районе Ольвии известно семь городищ и одно небольшое укрепление — Дидова Хата III (60×65 м), прямоугольное в плане, окруженное ровом и валом с каменной крепидой (АО, 1975, с. 386). Фортификационные сооружения изучены у четырех памятников — Козырка 1, Петуховка II, Мыс, Дидова Хата III (Есипенко А. Л., 1951; Буйский С. В., 1976; Бураков А. В., 1976, с. 14—16). Установлены следующие системы обороны: Козырка 1 — мощная каменная стена и ров; Петуховка II — вал, сырцовая стена на валу и ров; Мыс — каменная стена, ров, вал, еще один ров; Дидова Хата III — вал и ров с каменной обкладкой внутреннего борта. Жилые и хозяйственные постройки первых веков нашей эры лучше изучены в городище Козырка 1 (Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., 1975; 1976). Как правило, дома там объединялись в блоки-кварталы. Здания состояли из двух или трех, реже — пяти-шести помещений и двора. Обычно площадь постройки равна 80—150 м². Крытые помещения имели глинобитные полы, иногда — овалы очагов и печи. Под лапами некоторых помещений обнаружены детские захоронения в амфорах и лепных корчагах. Стены домов возводились из камня или сырца и обмазывались известковой штукатуркой, иногда покрытой декоративной росписью, найдены полихромные лепные карнизы. Наряду с саманным или камышовым покрытием использовалась черепица. Основой жизни населения первых веков нашей эры оставались земледелие и скотоводство. Наблюдается резкое сокращение денежного обращения.

В этническом отношении население Нижнего Побужья в античное время, по-видимому, не было однородным. Судя по лепной керамике, наряду с греками здесь проживали выходцы из Карпато-Дунайского бассейна, степного и лесостепного Северного Причерноморья (Марченко К. К., 1974а, Бураков А. В., 1976, с. 143—145).

Глава четвертая

Херсонесское государство и Харакс

Источники и история вопроса

Расположенный на юго-западной оконечности Крыма, Херсонес — единственная дорийская колония в Северном Причерноморье, основанная по свидетельствам письменных источников в Таврике переселенцами из южнопричерноморского полиса Гераклея Понтийской (совр. Эрегли, Турция). Греческое название города, переводящееся как «полуостров», отражает его географическое местоположение. Херсонесское городище находится в черте г. Севастополя, на мысу в устье Барантинной бухты, лежащей на северном побережье Гераклеяского полуострова, прерзанном рядом глубоко вдающихся в сушу бухт и небольших заливов (табл. XVI, D). Как следует из сообщения Страбона (VII, 4, 2), Гераклеяский полуостров в древности носил название Малого Херсонеса в отличие от Большого, Таврического или Скифского Херсонеса — Крымского полуострова. На Малом Херсонесе и находилась одвоименная с ним аполкиа гераклеяских колонистов. Название Херсонес, зафиксированное нарративными, эпиграфическими и палеоэпиграфическими источниками, иногда сопровождалось дополнительным определением местонахождения города: «Херсонес Таврической (земли)» (Арриан, 30), а официальные херсонесские эпиграфические документы первых веков н. э. начинались формулой «народ херсонесцев, что в Таврике». Двойное название — Гераклея Херсонес — приводит Плиний (NH, IV, 85). Он же сообщает, что раньше этот город назывался Мегарика. Но это свидетельство никакими другими источниками пока не подтверждено.

Время и обстоятельства возникновения Херсонеса остаются далеко неясными и дискуссионными. Известия о начальном периоде истории полиса единичны и отрывочны. Самое раннее упоминание, восходящее к середине IV в. до н. э., содержится в перипле Псевдо-Скилака (68), где Херсонес назван эмпорием — торговым городом. Сведения о том, что город был основан по прорицанию оракула гераклеяцами совместно с жителями о. Делос, приводит другой источник — Псевдо-Скимн (822—827). Анализировав указанное свидетельство Г. Шпейдверит высказал предположение, впоследствии обоснованное в детально разработанное А. И. Тюменевым, что основание Херсонеса могло произойти в 422—421 г. до н. э. во время Пелопоннесской войны, (Тюменев А. И., 1938). Эта дата сейчас считается общепринятой. Однако ей противоречат пока еще немногочисленные, но постоянно прибавляющиеся ранние материалы из раскопок Херсонесского городища, в первую очередь, расписная ионийская, а также червофигурная и краснофигурная аттическая керамика. Последнее обстоятельство позволило

выдвинуть предположения, что либо на месте Херсонеса могло существовать предшествующее ему ионийское поселение, возникшее еще в VI в. до н. э., возможно — торговая фактория греков (Жебелев С. А., 1953, с. 76 сл.; Блаватский В. Д., 1949, с. 143), либо основание города следует отнести к более раннему времени — около рубежа VI—V вв. до н. э. (Лалин В. В., 1966, с. 83 сл.). Все перечисленные гипотезы требуют дальнейшей проверки.

Последующая история Херсонеса также слабо освещена письменными источниками, в которых он, как правило, лишь упоминается, иногда — с предельно сжатой характеристикой (Арриан, Иосиф Флавий, Помпоний Мела, Клавдий Птолемей, Флегонт Траллийский, Стефан Византийский и другие авторы). Более подробные сведения приводит Страбон (VII, 4, 1—3, 7), Плиний Старший (IV, 85), Полиен (VIII, 56). Из позднейших авторов отметим сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством», в котором, вероятно, были использованы какие-то местные легенды и хроники. Античные авторы упоминают также три наиболее крупных населенных пункта, принадлежавших Херсонесу в период максимального расширения подвластной ему территории в Западном Крыму в IV—III вв. до н. э. — Керкинтиду, Прекрасную Гаваль (Калос Лимен) и «старый» Херсонес. Известия о Керкинтиде есть в сочинениях Геката (Фр. 153), Геродота (IV, 55; 99), Плиния (IV, 84), Мелы (II, 4), Арриана (30), Птолемея (III, 5, 13) и анонимного автора перипла Черного моря (82). Калос Лимен упоминают в периплах Арриана и анонимного автора. О разрушенном до основания «старом» Херсонесе, находившемся в 100 стадиях от гераклеяской аполкии Херсонеса, говорит Страбон (VII, 4, 3). Он же называет еще один пункт — Евпаторий, основанный Диофантом, полководцем Митридата VI, но местоположение его остается неизвестным.

Кроме установления названий некоторых населенных пунктов, принадлежавших Херсонесу в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму в их примерной локализации, нарративные источники несут надежную информацию о том, что Керкинтиды, возникшая раньше Херсонеса, первоначально была самостоятельным полисом, что она и Калос Лимен ко времени составления источника, который использовал в 134 г. н. э. в своем перипле Арриан, были захвачены скифами и уже не входили в состав Херсонеса, что «старый» Херсонес в I в. до н. э. дедал в развалинах и был заброшен жителями. Определенные сведения о военно-политических событиях, связанных с борьбой за территориальные владения со скифами в III—II вв. до н. э. содержится у Страбона (VII, 3, 17; 4, 2—3, 7), использовавшего мате-

риалы хронистов Митридата VI и какой-то перипл Понта, а также в рассказе о сарматской нацире Амаге, переданном Поллием (VIII, 56) — новелле легендарной, но, несомненно, содержащей в основе конкретные исторические события (*Ростовцев М. И.*, 1915; 1925). О политическом союзе, заключенном в 179 г. до н. э. между понтийским царем Фарнаком I, рядом причерноморских полисов, в том числе Херсонесом, и сарматским царем Гаталом (или Саталом) сообщает Полибий (XXV, 2, 12). Ценные, но очень краткие сведения о взаимоотношениях Херсонеса с Понтийским царством, Боспором, а также Римом можно найти в сочинениях Страбона (VII, 4, 3), Плиния Старшего (IV, 85), Флегонта Тралийского (XV, фр. XXII) и некоторых других авторов.

Данные литературных источников в значительной степени дополняются эпиграфическими, в первую очередь — материалами лапидарной эпиграфики. За все время раскопок в Херсонесе и на поселениях Северо-Западного Крыма найдено около шестисот целых и фрагментированных греческих и латинских надписей на камне (ИРЕ, I²; *Соломонок Э. И.*, 1964; 1973). Большая группа надписей дает сведения о государственном устройстве Херсонеса, его экономике, внешних связях, культуре и идеологических представлениях в разные периоды его истории от IV в. до н. э. по IV в. н. э. Один из основных документов, так называемая гражданская присяга херсонесцев, был составлен в конце IV — начале III в. до н. э. (*Латышев В. В.*, 1909, с. 146; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 249), или в первых десятилетиях III в. до н. э. (ИРЕ, I²; *Левин Е. И.*, 1947; *Томасев А. И.*, 1950). Из него следует, что в состав Херсонеса в это время входила территория (χωρα), на которой находились Керкинитиды, Калос Липен и другие укрепления (τείχη), а также «равнина» (λεβον). Другая группа надписей освещает военно-политические события херсонесской истории. Среди них выделяется широко известная надпись на постаменте статуи Днофанта, полководца Митридата VI Эватора (ИРЕ, I², 352), в которой описываются боевые действия войска Днофанта на заключительном этапе скифо-херсонесских войн II в. до н. э. Особую группу составляют латинские надписи первых веков н. э., содержащие сведения о дислоцированном в Херсонесе гарнизоне римских войск.

В самостоятельные категории источников выделяются материалы керамической эпиграфики — клейма на амфорах и черепицах (*Махов И.*, 1912: 1913; *Азмеров Р. Б.*, 1947; 1948; 1951; *Борисова В. В.*, 1949; 1974; *Миллин Б. Ю.*, 1979), а также граффити и дипinti. Херсонес — один из трех крупных центров Причерноморья, который, наряду с Гераклеей и Синопю осуществлял массовый продолжительный выпуск клеймной керамической тары. Находки амфорных клейм — важнейший источник для изучения торгово-экономических связей полиса.

Сведения о характере и составе денежного обращения полиса дают нумизматические материалы (*Зограф А. И.*, 1951; *Гилевич А. М.*, 1968; *Анохин В. А.*, 1977б). Начало херсонесской чеканки относится к IV в. до н. э. В дальнейшем Херсонес выпускал серебряную и медную монету, обращавшуюся на внутреннем рынке. Эпизодические выпу-

скп монет осуществляла также Керкинитиды. С I в. до н. э. в херсонесском денежном обращении начинает участвовать понтийско-пафлагонская и боспорская монета, а с I в. н. э. наряду с боспорской увеличивается приток римской монеты, особенно усилившийся со II в. н. э. В конце III в. н. э. Херсонес прекращает чеканку собственной монеты. Данные нумизматики позволяют также определить примерные размеры хоры Херсонеса и проследить последующее сокращение его владений (*Гилевич А. М.*, 1968).

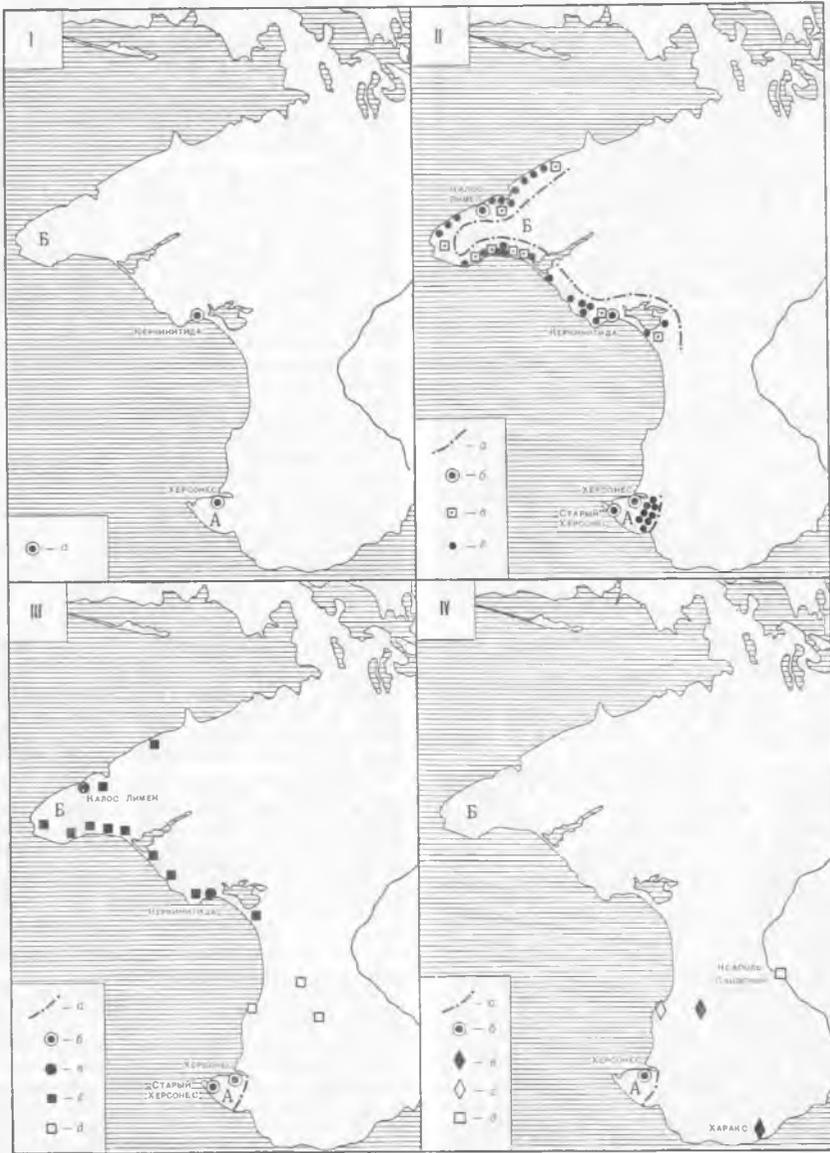
Начало научного исследования Херсонеса и его окрестностей было положено П. С. Палласом (*Pallas P. S.*, 1801; *Паллас П. С.*, 1881), хотя еще ранее было выполнено несколько топографических планов местности с нанесением на них древних памятников. Из них наибольшую известность имеет план А. Строчова 1786 г.

Первые раскопки Херсонеса провел в 1827 г. лейтенант Крауз. В последующие десятилетия велись спорадические раскопки на городище и некрополе, а также разведки на Гераклеюмском полуострове (Д. В. Карейша, Э. А. Аркас, А. С. Уваров, Ф. Дюбуа де-Монверне). В 1875—1887 гг. работы на городище осуществлял Херсонесским монастырем под наблюдением Одесского общества истории и древностей. С 1888 г. руководство раскопками переходит и ведение Археологической комиссии. С этого времени начинается регулярное и планомерное изучение херсонесского городища и его некрополя, проводившееся сначала К. К. Косцюшко-Валюжиничем, а после его смерти в 1907 г. продолженное Р. Х. Лернером (1908—1914) и Л. А. Моисеевым (1914—1924). Хотя главное внимание исследователей было сосредоточено на изучении собственно Херсонеса как городского центра, и проблема территориальных владений полиса тогда еще не могла быть поставлена, начало изучения памятников хоры Херсонеса все же было положено. Были осуществлены разведки и небольшие раскопки в Северо-Западном Крыму — в районе Прекрасной Гавани (А. И. Шамаков), Керкинитиде и ее окрестностях (П. О. Бурачок, Н. Ф. Ромаченко, Л. А. Моисеев), а также в Юго-Западном Крыму — в районе «старого» Херсонеса (К. К. Косцюшко-Валюжинич, Н. М. Печенкин).

Широкий размах приобрели исследования Херсонеса и прилегающей к нему земледельческой территории на Гераклеюмском полуострове в 20—30-е годы XX в. (Г. Д. Белов, К. Э. Гриневич, Н. М. Репников, И. Н. Бороздин, Л. А. Моисеев,

Карта 5. Западный Крым. Развитие территориальных владений Херсонеса

А — Гераклеюмский полуостров, Б — Тарханкутский полуостров. I — Западный Крым на рубеже V—IV вв. до н. э. а — греческие города, П — Херсонесское государство на рубеже IV—III вв. до н. э.; а — примерные границы хоры Херсонеса; б — города; г — укрепления; а — неукрепленные поселения. III — Западный Крым во второй половине II в. до н. э.; а — границы хоры Херсонеса; б — херсонесские города; в — греческие города, заключенные сфинксы; г — сфинксы крепости, возведенные на месте разрушенных херсонесских поселений; д — сфинксы крепости Юго-Западного Крыма. IV — Западный Крым в первые века нашей эры: а — границы хоры Херсонеса; б — Херсонес; в — стоянки римских гарнизонов; г — предполагаемое место стоянки римского отряда; д — скифский город

В. П. Лисица, С. Ф. Стржелецкий, А. К. Тахтаи, Н. М. Яншев). Тогда же были проведены первые раскопки Прекрасной Гавани, Керкинитиды и разведки вдоль побережья Северо-Западного Крыма (Л. А. Моисеев, П. Н. Шульц). Пиломерные раскопки Херсонесского городища продолжены после Великой Отечественной войны. Основное внимание в последние десятилетия уделялось и уделяется изучению городских кварталов (Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, М. И. Золотарев, Ю. П. Калашиник, С. Г. Рыжов), открытого в 1958 г. единственного пока в причерноморских городах античного театра (О. И. Домбровский), крепостных сооружений (И. А. Антонова, С. Ф. Стржелецкий, В. В. Борисова, Н. В. Пяташева), керамических мастерских (В. В. Борисова, А. М. Гилевич), а также изучению стратиграфии (С. Ф. Стржелецкий). Продолжались раскопки раннего некрополя на разных участках городища (Г. Д. Белов, О. И. Домбровский, С. Ф. Стржелецкий), некрополей в окрестностях Херсонеса (С. Ф. Стржелецкий, Л. Г. Колесникова, А. Н. Щеглов, В. Н. Зубарь), могильников первых веков п. э. в Ипкерманской долине (С. Ф. Стржелецкий, В. В. Борисова). Крупные успехи достигнуты в изучении ближайшей земледельческой территории города на Гераклеийском полуострове, где исследовались земельные участки уникальной сохранности и сельские усадьбы (С. Ф. Стржелецкий); после некоторого перерыва эти работы возобновились (Г. М. Николаенко, И. Т. Крутилкина, В. И. Кузнецов, О. Я. Савелия). Предприимались раскопки Керкинитиды и Прекрасной Гавани (М. А. Налывкина), а с 1959 г. началось широко и планомерное изучение памятников херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (О. Д. Дашевская, А. Н. Карасев, В. А. Латышева, А. Н. Щеглов, И. В. Яценко).

Результаты раскопок и отдельные группы археологического материала постоянно публикуются. Кроме того, вышли в свет сводные издания отдельных категорий источников — эпиграфических (*Соломонович Э. И.*, 1964; 1973а, б; 1974; ГАК, 1978), нумизматических (*Анохин В. А.*, 1977б; *Гилевич А. М.*, 1968), скульптуры (ТСП, 1970; АСК, 1976). Накопленные материалы и итентивные исследования позволяют создать ряд обобщающих работ о Херсонесе и памятниках его хоры (*Белов Г. Д.*, 1948а, б; *Стржелецкий С. Ф.*, 1961; *Суров Е. Г.*, 1961; *Кадева В. И.*, 1970; *Щеглов А. Н.*, 1976а; 1978).

Сумма добытой в результате многолетних археологических исследований информации в совокупности с данными письменных источников позволяет в самых общих чертах проследить историю Херсонесского государства в античную эпоху. Основанный на территории Юго-Западной Таврики дорийский Херсонес примерно до середины IV в. до п. э. оставался, по-видимому, небольшим городом (карта 5, I). Можно предполагать, что на начальном этапе в его экономике значительное место занимала греческая морская транзитная торговля. Как показывают нумизматические материалы, роль важного транзитного пункта морской торговли Херсонес сохранил и в более позднее время. О земельных владениях города и удельном весе земледелия в его экономике почти ничего не известно. Неясными остаются и взаимоотношения Херсонеса с окружающим его местным

населением — таврами. Археологические данные позволяют говорить об отсутствии торговых контактов с населением крымских предгорий и гор. Есть основания предполагать, что с самого начала херсонесско-таврянские взаимоотношения были по меньшей мере втянутыми, а может быть и враждебными. Так же, как п Херсонес, небольшим самостоятельным полисом была в этот период и Керкинитида, расположенная в Северо-Западном равнинном Крыму и связанная, по-видимому, своими интересами с Ольвией.

Перелом наступает в IV в. до п. э. (карта 5, II). Не позднее второй четверти столетия на Маячном полуострове, в 40 км от Херсонеса, возникает первое крупное, по-видимому, военно-хозяйственное поселение — «старый» Херсонес, положившее начало освоению Гераклеийского полуострова. Вероятно, в пределах второй половины IV в. до п. э. в состав Херсонеса включается вся остальная территория Гераклеийского полуострова, которая становится на весь последующий период истории полса его основной сельскохозяйственной базой. Не исключено, что, как это было свойственно многим дорийским полисам, освоение Гераклеийского полуострова сопровождалось вытеснением п, возможно, подчинением части туземного таврянского населения.

Около середины IV в. до н. э. началась экспансия Херсонеса в плодородные равнинные районы Северо-Западного Крыма. Она сопровождалась подчинением Керкинитиды и хозяйственным освоением по второй половине столетия обширной земледельческой территории, на которой были созданы многочисленные херсонесские укрепления и неукрепленные поселения (Калос Лимен, «Чайка», Папское I, II, Белюс и другие), а земельные массивы были поделены на участки. Конкретный ход событий, связанных с территориальной экспансией Херсонеса неизвестен, по есть основания думать, что приобретение новых владений могло носить военный характер, причем не исключено, что Херсонес в этом районе мог столкнуться с интересами не только скифов, но и, возможно, Ольвии, с которой была связана Керкинитида, а может быть и некоторые другие поселения этого района.

Превращение Херсонеса в значительное государство с обширными земельными владениями, на которых была организована мощная производственная сельскохозяйственная база, специализированная главным образом на выращивании винограда и хлеба, вывело его в число крупных причерноморских полсов — экспортеров собственной продукции. На вторую половину IV—III в. до п. э. приходится максимальный расцвет экономики и культуры Херсонеса, что наглядно засвидетельствовано всеми категориями археологического материала.

Однако уже в III в. до н. э. на Херсонесе, по-видимому, сказывается общее изменение военно-политической обстановки в Северном Причерноморье. В пределах первой трети столетия подвергается разгрому большинство поселений на хоре Херсонеса в Северо-Западном Крыму; косвенные указания говорят об опасности, возникшей в то же время и в Юго-Западном Крыму, в ближайших окрестностях Херсонеса. Эти события, по-видимому, надо связывать либо с активизацией скифов, либо, что более

вероятно, они были в конечном итоге следствием сарматского вторжения в междуречье Дона и Днепра. Так или иначе, образование позднескифского государства с центрами в Крыму в III в. до н. э. привело к обострению скифо-херсонесских взаимоотношений. Археологические материалы свидетельствуют, что во II в. до н. э. Херсонес вступил уже ослабленным, и это столетие прошло для него под знаком сильнейших политических и экономических потрясений. Полис потерял свои обширные владения в Северо-Западном Крыму, которые вместе с Керкинитидой, Калос Лименом и укреплениями перешли в руки скифов (карта 5, III). В конце II в. до н. э. опустошению подверглась ближайшая округа города на Гераклейском полуострове. Непосредственная опасность, нависшая над городом, вынудила херсонесцев обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Высматривание Митридата спасло Херсонес от скифского разгрома, однако город потерял свою самостоятельность и был вместе с Боспором включен в Понтийскую державу Митридата.

После смерти Митридата в 63 г. до н. э. Херсонес находился в политической и экономической зависимости от Боспора. Стремясь от нее избавиться, город на протяжении I в. до н. э. дважды обращался к Риму с просьбой даровать ему свободу. Римляне подтверждали независимость Херсонеса, но его свобода оставалась мнимой. Фактически Херсонес продолжал быть зависимым от более сильного Боспора. Источники I в. до н. э. — I в. н. э. говорят о сложном внутреннем и внешнем положении Херсонеса — внутриполитической борьбе, нехватке хлеба, опустошении хоры врагами (карта 5, IV). Отягощенные борьбой со скифами херсонесцы вновь обращаются за помощью в Рим. В 63 г. н. э. в Крым вводятся войска римского легата Плавтия Сильвана, который снял осаду с города и оставил в нем военный гарнизон. Римский гарнизон в Херсонесе и основанной римлянами крепости Харакс простоял примерно до 80-х гг. I в., а затем был выведен, и Херсонес вновь оказался в зависимости от Боспора. В середине II в. римские войска вновь вводятся в Херсонес. С этого времени город формально снова получает независимость, он сохраняет самоуправление, но фактически он становится типичным римским провинциальным центром, тесно связанным политическими, экономическими и культурными связями с Римской империей, что сказывается на всем облике его культуры, сохранившимся до конца античной эпохи. После развала Римской империи в конце IV в. на две части Херсонес вошел в сферу влияния Восточной Римской империи.

Херсонес

Существует несколько вариантов периодизации истории античного Херсонеса (Белов Г. Д., 1948, с. 54; Стржеалецкий С. Ф., 1958). Однако, видимо, наиболее приемлема схема, предложенная Е. Г. Суворовым: конец V—IV в. (классический период), конец IV—I в. до н. э. (эллинистический), I—IV вв. н. э. (римский) (Суворов Е. Г., 1961, с. 35). В отличие от многих других греческих северо-понтийских городов Херсонес не погиб на рубеже античности и средневековья, поэтому трудно установить конечный этап

истории античного Херсонеса. Верхней хронологической границей его условно принимается конец IV — начало V в. н. э.

Классический период (V—IV вв. до н. э.). Первые поселенцы обосновались в северо-восточной части городища. Постепенно город расширял свои границы в западном и юго-западном направлениях, захватывая и берега Карантинной бухты. Строительных остатков времени основания города не найдено. Но в 1977—1978 гг. в северо-восточной части Херсонеса С. Г. Рыжов обнаружил остатки жилых домов IV в. до н. э., построенных прямо на скале из мелких плит известняка на глиняном растворе. Слой содержал парадку с керамикой IV в. до н. э. керамике VI—V вв. до н. э. Ранее в Херсонесе уже было обнаружено несколько фрагментов сосудов, которые можно отнести к периоду, предшествующему времени основания города. Ионийская керамика V в. до н. э. была найдена при раскопках оборонительной стены и некрополя на Северном берегу (Белов Г. Д., 1972, с. 17). Она дала основание В. Д. Блаватскому поддержать высказанное выше М. И. Ростовцевым предположение о существовании до основания Херсонеса ионийской морской станции (Ростовцев М. И., 1918, с. 80), на месте которой возникла торговая фактория или эмпорий (Жебелев С. А., 1953, с. 80; Блаватский В. Д., 1949б, с. 146; 1954а, с. 16). В пользу наличия временной стоянки судов, следовавших из Средиземноморья вдоль северного побережья Черного моря, говорит единичность обломков керамики VI и первых трех четвертей V в. до н. э. (Зеленкоидзе А. А., 1979). Где проходила вся линия городских укреплений V — начала IV в. до н. э., пока не известно. По местоположению древнейшего некрополя и керамических свалок, в которых найдена краснофигурная керамика конца V—IV вв. до н. э. удается примерно очертить территорию раннего города. Его площадь в это время была небольшой, около 10—14 га. Территория, позднее вошедшая в границы города в V—IV вв. до н. э. была частично занята некрополем, остатки которого обнаружены К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1890 г. в южной его части, а затем открыты Г. Д. Беловым на северном берегу.

Эллинистический период (III—II вв. до н. э.). К концу IV — началу III в. до н. э. площадь города расширяется, достигая примерно 24—26 га (табл. XVII). Городские стены этого времени проходят совсем близко от линии средневековых стен, которые обозначают максимальные границы города. Зафиксирована четкая планировка с прямоугольной сеткой улиц. Продольная главная улица шириной 6 м, длиной 900 м пересекала город с юго-запада на северо-восток. Она раскопана примерно на половину длины с запада у городских ворот и в ее восточном конце. Северо-восточная ее часть завершилась площадью, выстланной каменными плитами. Улица была вымощена и под вымосткой проходили каналы. Они были выдолблены в скале и частично выложены каменными плитами. Каналы сохранились и на других улицах. В крепостной стене видны выходы этих каналов. Кое-где в них обнаружены глиняные водопроводные трубы, отходящиеся, вероятно, к первым векам нашей эры. Продольных улиц было около восьми, а поперечных до 20. Поперечные улицы

шириной около 4 м были вымощены мелким камнем, щебнем и черепками. В восточной части города, ближе к его центру, находилась большая площадь, по-видимому, центральная. Именно в этом районе были найдены важнейшие эпиграфические памятники. Прямоугольная планировка города сохранилась вплоть до его гибели. В Северном районе было открыто десять кварталов эллинистического времени — каждый размером 52×26 м. Несколько кварталов имели меньшие размеры (27×24 м). В квартал обычно входило четыре дома, иногда два. Водопровода в эллинистический период не было, воду брали из колодезь или собирали в цистерны, которые имелись в каждом доме. К середине III в. до н. э. Херсонес стал одним из крупных государственных образований с развитым ремесленным производством, с обширными торговыми связями как с греческим миром, так и со степными районами. К этому времени относятся многочисленные постройки, обнаруженные при раскопках в разных районах города. Открыты городские ворота конца IV — начала III в. до н. э., расположенные южнее, более ранних. Рядом находилась полукруглая башня XIV, которая, по мнению К. Э. Гриневича, одновременно воротам и защищала их (табл. XVIII, II). Внутри города, около ворот, находится большое прямоугольное здание, существовавшее с рубежа IV—III вв. по первые века нашей эры (*Гриневич К. Э.*, 1927б). На главной улице в северо-восточной части города во втором квартале Р. Х. Лепер открыл остатки большого здания (Хсб., т. III, с. 8, рис. 14) со стенами из хорошо обработанных плит известняка. Размеры здания, его расположение и планировка говорят о его специальном назначении, возможно, для органов городского управления. В центре города находился монетный двор (табл. XVII, 2). Сохранился его подвальный этаж с массивными стенами. В середине здания был коридор. По сторонам коридора расположены помещения. В одном из них были найдены 43 бронзовых кружка-заготовки для чеканки монет. В северо-восточной части здания находилась, по-видимому, плавильная печь, а в центре имелся перистильный двор (ОАК за 1904 г., с. 54 сл.; *Карасев А. Н.*, 1955а, с. 203, рис. 19).

В южной части города недалеко от городских ворот на склоне глубокой балки был открыт театр или, может быть, одеон (табл. XVIII, I), построенный в середине III в. до н. э. и основательно перестроенный в I в. н. э. Он был сооружен по обычной схеме и состоял из театра, оркестры, просцениума и сцены. В римский период театр мог вместить до 3000 зрителей. Расположен он на склоне глубокой балки, дно которой было насыпано для устройства оркестры. Сохранились первая скамья, две лестницы, разделявшие места для зрителей на сектора, высокая стена между театроном и оркестрой, фундамент стены. На пятах, служивших основанием просцениума, видны углубления для полуколонн. Театр перестал функционировать во второй половине IV в. н. э. (*Домбровский О. И.*, 1960, с. 29 сл.).

В разных частях города было раскопано несколько жилых домов. На главной улице в VII квартале открыт частный дом с перистильным двориком. Один частный дом рубежа IV—III вв. до н. э. открыт в 1930 г. в западной части городища. Но больше всего

построек III—II вв. до н. э. открыто в северном районе. Жилые дома там небольших размеров, так, в XIX квартале дома примерно 13×13 м. Выделяется дом в XV квартале, величиной около 22×23 м. В нем имелось помещение 3,5×3,5 м с мозаичным полом II в. до н. э., служившее домашней баней. Мозаика, выполненная из морской гальки желтого и синеватого цвета с редкими вкраплениями красного цвета, передает изображение двух обнаженных женских фигур (*Белов Г. Д.*, 1953б, с. 279 сл.). Интересен дом Аполлония (15×12 м), занимающий северную часть XIX квартала. Он состоит из двора, соединяющегося с улицей коридором и несколькими помещениями. Во дворе была цистерна. Помещение, расположенное в углу двора, было жилищем привратника, в другом находился квадратный алтарь, сложенный из камней, там же найдено большинство вещей: 40 грузил, каменные гири, различные сосуды, рыбные блюда, светильники, четыре терракотовых алтарика и терракотовые статуэтки. Четыре помещения, одно из них подвальное, служили для хозяйственных целей. В доме найдено несколько форм для изготовления терракотовых фигурок. Керамика была частично херсонесского производства, частично — привозная — амфоры из Синопя, Родоса, Гераклея, черпачковая посуда из Афин и других центров. В этом доме, по мнению Г. Д. Белова, находилась и лавка (*Белов Г. Д.*, 1962). Кроме того, по-видимому, в северном районе открыты торговые ряды — ряд одиночных помещений, тянувшихся от дома с выдольцей к морю вдоль X поперечной улицы.

Для жилого эллинистического дома характерно единообразие плана: с улицы ведет узкий коридор во двор, расположенный в центре усадьбы, жилые помещения и кладовые окружают двор со всех сторон, во дворе находился колодезь или оштукатуренная цистерна для дождевой воды, поступающей с кровли дома, а также подвал или погреб, вырубленный в материке. Со двора берут начало каналы водостоков, обычно из аккуратно обработанных плит с желобом. Вымостка во дворе сделана из морской гальки или из каменных плит. Полы в жилых комнатах были земляные с глиняной обмазкой. Стены обычно оштукатурены и очень часто украшены энкаустической росписью красного и желтого цвета. Кровли черепичные, наряду с черепицами местной работы использовались импортные из Синопя. В нескольких домах зафиксированы алтари, сложенные из плит, имеющие форму четырехгранного или круглого в сечении блока, иногда украшенного изображением змея.

В Херсонесе в разных районах города и вне его оборонительных стен обнаружена серия гончарных печей, где изготавлились разнообразие изделия, от простых красноглиняных кувшинчиков до терракотовых статуэток (*Борисова В. В.*, 1966а, с. 18 сл.). В 1888 г. в одном из зданий в восточной части города была обнаружена мастерская короласта III в. до н. э. В одном из ее помещений находилась гончарная печь, в другом было обнаружено 27 форм и несколько готовых терракот. Формы были изготовлены в Херсонесе с известными там памятников монументального и прикладного искусства, привезенных из разных греческих центров (*Мальберг В. К.*,

1892, с. 3 сл.). В северной части города открыт дом красильщика с ваннами — одной круглой и тремя овальными, на дне которых были остатки красок (Белов Г. Д., 1962).

В Херсонесе было развито строительное и камнетесное дело. Многочисленные городские здания и, в особенности, оборонительные стены, требовали большого количества обработанного блочного камня, добывавшегося на месте и на Гераклеийском полуострове.

Римский период (I—IV вв. н. э.). Еще в I в. до н. э. Рим начинает вмешиваться в дела Восточного Херсонеса, оказавшегося после смерти Митридата в зависимости от восточных царей. Херсонесский декрет в честь Гая Ю. Сатра (IPE, I², 691), посланного к Юлию Цезарю, свидетельствует, что Херсонес получил независимость в 46—45 гг. до н. э. Интерес Рима к Херсонесу повышается в середине I в. н. э. В это время в городе находятся уже римские сухопутные и морские сплы, которые (с небольшими перерывами) стоят здесь до IV в. н. э. Не позднее, чем в конце II — начале III вв. п. э. Херсонес становится главным опорным пунктом римлян в Северном Причерноморье.

Из надписей, найденных в Херсонесе, известно, что в первые века н. э. в городе строятся новые храмы, к сожалению, не сохранившиеся. Переустрояется театр. Теперь он мог использоваться и как цирк — для боев гладиаторов. О богатстве архитектурного облика зданий можно судить по обнаруженным деталям — мраморным и известняковым капителям, базам колонн. В римскую эпоху сохранились прежняя планировка города, по кое-где увеличилась размеры кварталов. На месте разрушенных домов эллинистического периода в I—II вв. были возведены новые здания, отличавшиеся большими размерами и соответственно массивностью стен. Так, на площади, занятой ранее кварталами XV и XVI было сооружено одно монументальное здание, вероятно, общественного назначения, со стенами толщиной в 1 м (табл. XVIII, III) (Белов Г. Д., 1953а, с. 17).

Постройки римского времени лучше всего известны в двух районах города: на цитадели — площади в юго-восточной части городища, огражденной со всех сторон оборонительными стенами, где вероятнее всего и размещался римский гарнизон, и на Северном берегу. Внутри «цитадели» открыты улицы с водостоками, возможно, остатки здания для физических упражнений римских воинов — палестра, большое здание, условно называемое казармой (Борисова В. В., 1963), а также остаток терм. Известны два здания терм римского времени. Один из них, находившийся в центральной части города, недалеко от театра, был открыт К. К. Косюшко-Валюжиничем в 1904 г. Расчищены помещения с цемячковым полом и с типичным отоплением под полом. Вторые термы II—IV вв. частично раскопаны К. К. Косюшко-Валюжиничем в 1906 г. (ОАР за 1906 г.) и исследованы в 1970 г. (табл. XVIII, IV) (АО 1970 г., с. 270). По всей видимости, они обслуживали солдат римского гарнизона. Раскопаны открыты: вестибюль с каменными скамьями, точное помещение и пять помещений для купанья, из которых четыре имели гипсо-

каусты. С юго-западной стороны к термам подходил колодец, отделенный от стен помещений толстой цемячковой заливкой. В юго-западном помещении, пол которого выстлан плитками, находились 22 вазы с отдельными стаканами для воды.

На северном берегу раскопан дом винодела I—III вв. Он занимал весь XVIII квартал. Нижний этаж этого дома был занят производственными помещениями, на втором этаже находились жилые помещения (Белов Г. Д., 1952, с. 225, сл.). Двор дома был вымощен плитками, имелись два колодца и цистерна для дождевой воды, глубокий подвал, вырубленный в материке. У входа в подвал стоял алтарь, внутри которого оказались куриные кости и светильники II—III вв. Вышедолья с трехчастной давящей площадкой и тремя резервуарами для виноградного сока, колодец и кладовая, где стояло не менее 20 лифсов для хранения вина, помещались в юго-восточной части дома.

В первые века нашей эры увеличилось количество производственных сооружений. Целый ряд домов включал рыбозасолочные цистерны, что свидетельствует о большом развитии рыбного промысла (Белов Г. Д., 1963, с. 62). Цистерны действовали длительное время. Часть из них была засыпана в конце IV в., другие функционировали вплоть до средневековья. В 1967 г. в Северном районе были найдены три стекловаренные печи, расположенные вокруг площадки и обращенные к ней устьями. В печах и возле них найдено большое количество отходов стеклодела, а также фрагменты стеклянных изделий. Кроме того, стеклянные глыбы находили в других кварталах, что указывает на существование в III—IV вв. нескольких мастерских (Белов Г. Д., 1965; 1969).

В это время расширяется керамическое производство. Раскрыто несколько Гончарных печей (Борисова В. В., 1966б, с. 13 сл.). Особый интерес представляет черепица с клеймами римских воинских частей, изготовлявшаяся солдатами. В Херсонесе найдено не менее пяти типов клейм (Борисова В. В., 1961, с. 39) с названиями V Македонского и XI Клавдиева, I Итальянского легионов и вексилляции Нижней Мезии. Все черепицы с клеймами римских легионов найдены в районе цитадели — предполагаемом месте расквартирования римских войск. В 1977 г. в Западной части Херсонеса раскопана печь II—III вв. н. э., в которой, наряду с амфорами, производился обжиг красной керамики. В Херсонесе пока не обнаружено мастерских для производства изделий из металла, но при раскопках находили неоднократно куски недоплавшейся руды, шлаки, крицы, тигли, льячки, литейные формы, отходы производства и полуфабрикаты (Кадева В. И., 1970, с. 27, 39).

В средневековой «Вазилке 1935 года» пол устилали большие мраморные плиты — это были стелы античных саркофагов и их полуфабрикаты. По-видимому, рельефы выбивались на месте. На месте же добывался и обрабатывался камень для строительства. Можно думать, что в первые века нашей эры Херсонес являлся крупным ремесленным центром, где были развиты самые разнообразные производства.

Торговля Херсонеса в первые века нашей эры развивалась, как и в предыдущую эпоху, по двум основ-

ным направлением: с местными степными племенами и с остальным античным миром. Из Херсонеса вывозились рыба, вино или масло, красполаковая посуда, стеклянные изделия, металлические предметы и др. Поддерживались традиционные торговые связи с Малой Азией и Сирией, откуда в Херсонес привозились стеклянные и керамические изделия. Появляются новые направления торговых связей: Италия, Северная Африка, Испания, Южная Франция, откуда в Херсонес поступала красполаковая керамика, Северная Германия (Кельн), откуда попадали изделия из стекла.

Некрополь античного Херсонеса, как и во всех античных городах, располагается за городскими стенами. Поэтому с постройкой новой оборонительной стены в конце IV — начале III в. до н. э. изменилось и местоположение некрополя. Погребения конца V — первой половины IV в. до н. э. были обнаружены еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем в районе, где позднее был открыт античный театр. Там же в 1970—1972 гг. раскопано еще несколько могил IV в. до н. э. Но основную часть некрополя этого времени исследовал Г. Д. Белов в 1935—1936 гг. в северной части города (Белов Г. Д., 1938а, с. 194; 1948а, б). Могилы представляют простые ямы, вырытые в материке. Часть погребенных лежали на спине, часть на боку (табл. XIX, 1, 2). Ориентировка — равная, но преобладает головой на восток, северо-восток и юго-восток (Белов Г. Д., 1938а, с. 192—193; 1981). Около 40% открытых захоронений оказались скорченными. Были высказаны предположения, что скорченные погребения принадлежали таврам, поселение которых существовало здесь до основания Херсонеса (Белов Г. Д., 1950б, с. 283; Стрелецкий С. Ф., 1948б, с. 69 сл.); таврам — рабам херсонеситов (Блаватский В. Д., 1949б, с. 147); грекам (Кабеев В. И., 1973а, с. 108 сл.). Младенцев хоронили в амфорах, которые клали обычно горлами на восток. Большинство могил было без вещей, но иногда встречались чернолаковая, ионийская расписная и красноглиняная керамика, перстни и браслеты (Белов Г. Д., 1981, с. 193 сл.). В эпоху эллинизма получает распространение обряд трупосожжения и в течение всей последующей истории античного Херсонеса этот обряд занимал заметное место. Исчез он только с распространением христианства. Урнами для пепла служили разнообразные сосуды: керамические и бронзовые гидрии, глиняные и свинцовые урны с крышками, впоследствии — красноглиняная керамика. Урны иногда обкладывали плитами (табл. XIX, 4), или камнем, или же ставили в склепы, чаще всего в особые ниши. В эпоху эллинизма сохранился и обряд труположения. Но конструкция могил усложняется. Обычным явлением становится обкладка могил черепицами, которые в ряде случаев ставили над захоронением в виде двускатной крыши. Иногда боковые стенки могил обкладываются камнем. Погребенного чаще всего клали в вытянутом положении головой на север или восток. Среди погребального инвентаря — сосуды с пищей и питьем, украшения, монеты.

Над могилами ставили памятники: длинные, вытянутые стелы, с именем умершего и с изображением предметов, характерных для его профессии

или возраста. В постаменте стел иногда устанавливались небольшие антропоморфные изображения, вероятно, расписанные (Колесникова Л. Г., 1977), иногда плиты из известняка с рельефным изображением умершего или сцен заgrabной трапезы. Б. Н. Федоров реконструировал один из типов надгробий из башни Зенона в виде П-образных сооружений с плоским лицевым фасадом, увенчанным фризом и украшенным живописным изображением покойного (Федоров Б. Н., 1976). Тыльная сторона такого надгробья представляла наиск, в глубине которого находилась стела. Высота стел достигала 2,50 м. Одна из самых богатых могил Херсонеса — подставный «фамильный» склеп 1012 (табл. XIX, 7). Вход в склеп находится на наружной стороне оборонительной стены около городских ворот. Он был закрыт плитой. Узкий проход длиной 1,42 м вел в склеп, расположенный под оборонительной стеной. На полу склена стояли шесть урн с пеплом — три глиняных и три бронзовых гидрии; при них был найден богатый погребальный инвентарь (Гриневич К. Э., 1927б, рис. 7—15, 16—24). Среди ювелирных изделий выделяются золотые серьги-подвески и ожерелье. Серьги состоят из богато украшенной розетки с крючком для подвешивания, полудулки с квадратной лошадей, управляемой женской фигурой, и подвески с цепочками. Интересен фрагмент бронзового сосуда с надписью: победителю на празднике Апакий (в Афинах). По мнению К. Э. Гриневича, склеп был сооружен около 325—250 гг. до н. э., когда оборонительная стена уже стояла (Гриневич К. Э., 1926, с. 23—40). Однако высказано предположение, что склеп принадлежал некрополю, существовавшему здесь до постройки стены, а стела перекрыла склеп (Жеребцов Е. И., 1979).

В римское время происходят определенные изменения в погребальном обряде. Наряду с ранее бытовавшими типами могил — грунтовыми и погребениями в урнах — появляются подбойные могилы (табл. XIX, 9), что объясняется проникновением в состав населения Херсонеса сармато-алан. В III—IV вв. н. э. число захоронений в подбойных могилах увеличивается (Зубарь В. М., 1977, с. 70—72). Появляются склепы, высеченные в скале. Они имеют наклонный дромос, который ведет в погребальную камеру прямоугольной или близкой к ней формы. Умерших клали на высеченные в скале пристенные лежаки. Среди могил римского времени выделяется серия склепов с каменными стенами и двускатной крышей, содержащие погребения в урнах. Все они расположены в некрополе около крепостной стены. Наиболее известны могилы 1013 и 1014 (табл. XIX, 8 и 8а), пристроенные к стене около юго-восточных крепостных ворот (Белов Г. Д., 1927, с. 107—141). Склеп 1013 имел вход, закрытый плитой, с юго-восточной стороны. Его внутренние стены из корыто подогнанных плит были, вероятно, оштукатурены. Три наружных стены сложены из бутавого камня. Сверху была ровная площадка из плоских плит, со скамейками и следами от ограды. Во всех стенах имелись ниши для урн с пеплом. В склепе было 16 погребений — семь труположений и девять трупосожжений. Несколько урн стояло на полу. В центре склена находился саркофаг, вытесанный из монолитной каменной глыбы, перекры-

тый двумя плитами, ранее служившими карнизам. Одно захоронение совершенно по обряду труположения в свинцовом гробу. В склепе обнаружено много вещей, в том числе золотые перстни, нагубники и наглазники, бронзовые спетлишки, стеклянные сосуды, монеты. В этом фамильном склепе хороши с конца I по III в. п. э.

В первые века нашей эры меняется характер надгробных памятников. Исчезают высокие узкие стелы и надгробные сооружения. Надгробия становятся более скромными. Это известняковые плиты небольших размеров прямоугольной формы с рельефным изображением умершего и надписью под ним, например, надгробие Скифа. Такими же являются и надгробия умерших в Херсонесе римских солдат, например, надгробие Аврелия Виктора. Вместе с тем появляются мраморные саркофаги с рельефными изображениями, мраморные портретные надгробия. Они, так же как и склепы с богатыми вещами, свидетельствуют об имущественной дифференциации среди жителей Херсонеса. В римское время территория некрополя расширяется (табл. XVII).

Хора Херсонеса. Округа города на Герacleйском полуострове

Остается пока не выясненным, какова была организация сельскохозяйственной территории Херсонеса на начальном этапе истории города. Существует предположение, что Херсонес на рубеже V—IV вв. до п. э. зан в первой половине IV в. освоил территорию Маячного полуострова, отстоящую от города примерно на 10 км, и только спустя столетие приступил к размежеванию земель на Герacleйском полуострове (Стржецкий С. Ф., 1961, с. 41). Однако этому противоречат ряд фактов (см.: Стржецкий С. Ф., 1948а; Блаватский В. Д., 1953б, с. 27). Вероятнее всего, первоначально были освоены непосредственно примыкавшие к городу земли в низовьях Карантинной балки, где обнаружены следы довольно разбросанного поселения, некрополя и вырубленные в скале впадины (табл. XX, 1, 2). Ранние находки отсюда относятся к первой половине IV в. до п. э. Поселение прекратило существование в III в. до п. э. — не позже II в. до н. э. (Стржецкий С. Ф., 1948а, с. 51 сл.; рис. 4,б; с. 63). Во второй четверти — середине IV в. до п. э. было основано укрепленное поселение на перешейке Маячного полуострова (Щеглов А. Н., 1975а, с. 136).

Только на следующем этапе освоения близлежащих земель, обширная территория на Герacleйском полуострове была размежевана на наделы, следы которых превосходно сохранились до нашего времени. Твердая дата размежевания Герacleйского полуострова окончательно еще не установлена (Блаватский В. Д., 1953б, с. 26 сл.). С. Ф. Стржецкий предположил, что это произошло на рубеже IV—III вв. в самом начале III в. до н. э. (Стржецкий С. Ф., 1961, с. 41, 52) и, возможно, связано с деятельностью Агасикла. Однако совокупность археологических материалов, добытых к настоящему времени, делает более вероятным мнение, что Герacleйский полуостров был разделен на наделы еще в пределах IV в. до н. э. (Кац В. И., 1972, с. 32 сл.).

Размежеванию, которое, видимо, было единовременным актом, подверглась большая часть Герacleйского полуострова, расположенная к западу от Сарандинаковой балки. Вся эта территория, составляющая около десяти тысяч гектаров, была поделена на систему прямоугольных (или почти прямоугольных) земельных участков, в основном одинаковой величины. На указанной площади размещалось около 360 наделов, разделенных взаимно пересекающимися дорогами шириной около 6,5 и 4,5 м. (табл. XVI, 1). Вся межревая система ориентирована в целом так, что углы наделов были обращены по странам света (с некоторыми отклонениями). Направление основных продольных осей системы наделов подчинено рельефу Герacleйского полуострова (Жеребцов Е. Н., 1976, с. 14). Норма рядового надела была постоянной и составляла около 26,5 га (Стржецкий С. Ф., 1961, с. 49 сл.). Подавляющее большинство наделов (80%) имели стандартные размеры 420×630 м. Все прибрежные наделы (около 12%) из-за изрезанности береговой линии получались либо меньшей, либо большей величины (от 11 до 33 га). Особую группу (около 5%) составляют наделы, прилегающие к магистральной дороге, которая соединяла Херсонес со «старым» Херсонесом. По-видимому, чтобы сохранить существовавшую к моменту размежевания кратчайшую дорогу между указанными пунктами пришлось площади нескольких участков уменьшить до 17,5 га, а других, лежащих с противоположной стороны дорог, увеличить примерно до 30 га. Из-за некоторого несовпадения планировочных осей в центре полуострова также образовалась небольшая группа наделов, отличающаяся от стандартных по своим размерам (табл. XVI, 1).

Каждый надел был окружен со всех сторон оградой, сложенной из камня, собранного при расчистке земли. Внутри наделы делились такими же оградками на отдельные участки, занятые под различные сельскохозяйственные культуры, в основном под виноградники (табл. XVI, 2, обмеры С. Ф. Стржецкого и А. Н. Щеглова публикуются впервые). Виноградный или садово-виноградный плантаж на многих участках хорошо прослеживается на поверхности в виде параллельных каменных полос (табл. XVI, 3). На наделах, чаще всего у магистральных дорог, которые окружали участок, стояли усадьбы. Обнаружены следы более 150 сельскохозяйственных усадеб различного времени; наиболее поздние из них относятся к средневековью. Усадьба с наделом составляла основную экономическую единицу — хозяйство херсонесского землевладельца. Примером такого хозяйства может служить надел 26, расположенный в северной части Герacleйского полуострова, между верховьями Камышевой и Стрелецкой бухт (табл. XVI, 3) (Стржецкий С. Ф., 1961, с. 68 сл.). Он примыкал с юга к дороге из Херсонеса в «старый» Херсонес и площадь его превышает обычную — около 29 га (420×686 м). Почти всю территорию надела (около 78%), разбитую на отдельные участки, занимал садово-виноградный плантаж. По приблизительным расчетам его виноградники могли давать урожай, позволяющий производить до 90.000 литров вина (Стржецкий С. Ф., 1961, с. 151).

Основное планировочное решение отдельных усадеб в окрестностях Херсонеса на протяжении столетий оставалось устойчивым, изменяясь в деталях.

Это — прямоугольная, часто квадратная замкнутая постройка, с одним или двумя внутренними дворами, окруженными жилыми и хозяйственными помещениями. Непременным элементом усадьбы была башня, чаще всего стоявшая на одном из углов здания. Начиная со II в. до н. э. башни многих усадеб (иногда и сами здания) стали укрепляться пирамидальными противотаранными поясами. Эта традиция сохранялась и в первые века нашей эры, когда, по-видимому, происходила концентрация земель и стали возникать крупные хозяйственные комплексы с весьма сложной планировкой крупных усадеб (табл. XXV).

Во второй половине IV в. до н. э., по-видимому, вскоре после размежевания земель на Герacleйском полуострове, вдоль его восточной окраины — по склонам Сапуя-горы и в Балаклавской долине, — возникла группа небольших открытых поселений, керамика из которых носит облик, характерный для варварских поселений (АО 1973 г., с. 338; АО 1974 г., с. 331). Не позднее II в. до н. э. указанные поселения перестают существовать, что безусловно связано с разгромом окрестностей Херсонеса в период скифо-херсонесских войн.

В ближайших окрестностях Херсонеса выявлены следы трех пригородных специализированных производственных поселков: гончаров, виноделов и камешников (табл. XX). Поселок гончаров находился непосредственно за юго-восточной крепостной стеной. Раскрыты три группы мастерских, существовавших с конца IV по конец III или первую половину II в. до н. э. (Борисова В. В., 1958; 1966б). Поселок виноделов и его некрополь находились в верховье Карантинной бухты (Стрелецкий С. Ф., 1948а). Предпологаемое местоположение поселка камешников устанавливается по раскопкам некрополя в верховье ложбины, впадающей в Песочную бухту, к юго-западу от Херсонеса. В конструкциях могил и в насыпи некрополя обнаружено значительное количество камнетесного брака — испорченных квадров, обломков архитектурных деталей, испорченных надгробий и их заготовок, а также просто отесов и сколов известняка (Шеллов Л. Н., 1975б). Древние каменоломни зафиксированы в нескольких местах Герacleйского полуострова, однако их датировка не установлена. Что же касается упомянутых поселков, жизнь на них прекратилась в конце III—II вв. до н. э.

Какова была организация земледельческой территории города на Герacleйском полуострове в I в. до н. э.—IV в. н. э. не выяснено. Известно, что в первые века нашей эры значительно сокращается количество загородных сельскохозяйственных усадеб (Стрелецкий С. Ф., 1961, с. 133 сл.). В то же время некоторые усадьбы становятся крупнее, значительно усложняется их планировка, наряду с крупными продолжают существовать усадьбы средних размеров, наблюдается некоторая перепланировка наделов. Не исключено, что в этот период шел интенсивный процесс дифференциации земельных владений — наряду с сохранением рядовых наделов происходит значительная концентрация земель и укрупнение отдельных хозяйств.

«Старый» Херсонес и его округа (табл. XXI)

По поводу местоположения, времени возникновения и характера этого поселения, упоминающего только Страбон (VII, 4, 3), давно ведется дискуссия, что в значительной степени объясняется отсутствием публикаций материалов из раскопок Н. М. Печенкина (1911 г.) и Р. Х. Лепера (1914 г.). Время основания «старого» Херсонеса определяется по-разному — от конца V до конца IV в. до н. э. (Белов Г. Д., 1948а, с. 35 сл.; Стрелецкий С. Ф., 1959б, с. 69 сл.). Что касается характеристики и локализации самого поселения, то здесь сложились две основные точки зрения, базирующиеся главным образом на результатах более ранних исследований К. К. Косцюшко-Валюжинича и Н. М. Печенкина. Согласно одной, «старый» Херсонес занимал весь Маячный полуостров и представлял собой разбросанное по указанной территории сельское поселение, состоявшее из изолированных усадеб с земельными участками при них. От Герacleйского полуострова это поселение было отделено двойной линией крепостных стен с башнями, пересекавшей перешеек Маячного полуострова у Каазьей бухты; пространство между степами оставалось незастроенным, образуя своего рода убежище для населения на случай военной опасности (Белов Г. Д., 1948а, с. 35 сл.; Гайдукевич В. Ф., 1955, с. 142 сл.; 1955, с. 68 сл.). Согласно второй гипотезе — «старый» Херсонес лежал на перешейке у Каазьей бухты между двумя линиями оборонительных степ и был поселением городского типа, а территорию Маячного полуострова занимала его сельская округа, поделенная на наделы, занятые загородными усадьбами (Стрелецкий С. Ф., 1959б, с. 71 сл.). Как показали дополнительные исследования, городище «старого» Херсонеса занимает перешеек Маячного полуострова (табл. XVI, 1; XXI, 1). Поперек всего перешейка были возведены две крепостные степы с башнями, отстоящие одна от другой на 240 м. Внешняя стена, обращенная в сторону Герacleйского полуострова, имеет толщину 2,75 м, а внутренняя, обращенная в сторону Маячного полуострова, только 1,6 м. Кроме того, некоторые башни внутренней степы сообщались двумя входами как с территорией Маячного полуострова, так и с домами, стоявшими внутри крепостных стен (табл. XXI, 4). Таким образом, оборонительная система на перешейке была направлена, прежде всего, в сторону Герacleйского полуострова. Само по себе это указывает на то, что задняя часть Герacleйского полуострова к моменту строительства стен еще не была освоена херсонесцами. О том же свидетельствует и сохранившаяся при размежевании Герacleйского полуострова дорога, связывавшая «старый» Херсонес с Херсонесом.

Площадь «старого» Херсонеса внутри крепостных степ составляла около 18 га, но, как показывают раскопки Н. М. Печенкина (Архив ЛОИА, ф. 27) и Р. Х. Лепера (ОАК за 1913—1915 гг., с. 68), она была застроена не полностью. Внутри крепостных стен поселение, очевидно, деллось на ряд прямоугольных кварталов. Один из них, частично раскопанный Н. М. Печенкиным, в 1911 г. примыкал непосредственно к внутренней оборонительной стене и состоял из трех пристроенных друг к другу впол-

ную домов, имевших сообщение как с улицей, так и выходы на сельскохозяйственную территорию, расположенную на Маячном полуострове. Такие же дома были раскопаны Р. Х. Лепером. Дома имели внутренние дворики, вокруг которых располагались помещения различного назначения.

Земельная территория «старого» Херсонеса надежно защищенная оборонительными стенами самого поселения, была разделена сетью магистральных дорог на квадратные и прямоугольные участки (табл. XVI, 1; XXI, 1-3). В северной части полуострова участки были квадратными (420×420 м), в прибрежной западной и южной частях продольные дороги, проложенные на расстоянии от 200 до 420 м параллельно одна другой, делили территорию на участки различной длины — от 325 до 710-715 м. Направление системы продольных и поперечных дорог строго соответствует общей конфигурации и рельефу Маячного полуострова. Каждый участок, ограниченный дорогами, был в свою очередь разделен массивными каменными оградками на два-четыре самостоятельных земельных надела (табл. XXI, 2, 3). Более крупные участки делились соответственно на большее количество наделов. Подавляющее большинство земельных наделов были стандартными, площадью около 4,4 га. Незначительные отклонения объясняются топографическими условиями размежевания, когда нельзя было нарезать участок стандартной величины. Всего на землях «старого» Херсонеса было около 80-100 наделов. На большинство из них зафиксированы следы усадеб, несколько усадеб расканывались П. М. Печенкиным и К. Э. Гриневичем (*Печенкин Н. М., 1911; Гриневич К. Э., 1931; Стрелецкий С. Ф., 1961; Щеголов А. Н., 1976а*). Усадьбы на Маячном полуострове были меньших размеров, чем на Гераклеийском. Известно два типа построек: усадьбы замкнутого плана 18×22 м; 17,6×20,5 м, неукрепленные, с внутренним двором, по двум или трем сторонам которого или жилые и хозяйственные помещения (табл. XXI, 7, 8) и изолированные дома-башни (вирги), прямоугольные в плане, размерами 10×8,7 м (табл. XXI, 5, 6). К дому-башне примыкал небольшой огражденный двор с хозяйственными постройками. Башня была, по меньшей мере, двухэтажной, на что указывают остатки каменной лестницы внутри одного из помещений в ее первом этаже. На сохранившихся наделах выявлен садово-виноградный плантаж того же типа, что и на Гераклеийском полуострове. По-видимому, здесь так же ведущей сельскохозяйственной культурой было виноградарство, что подтверждается находками переносных и стационарных таранцов. Керампческий комплекс из раскопок «старого» Херсонеса и усадеб на его сельскохозяйственной территории позволяет датировать время возникновения этого поселения, по-видимому, в пределах второй четверти — середины IV в. до н. э. Время гибели на основании свидетельства Страбона и археологического материала — конец II в. до н. э. — наиболее напряженный период скифо-херсонесских войн. Совокупность археологического материала позволяет предполагать, что «старый» Херсонес был, вероятно, первым херсонесским военно-хозяйственным укрепленным поселением, основанным с целью освоения западной оконечности Гераклеийского полуострова,

тогда еще, возможно, не принадлежавшей Херсонесу. В связи с этим, по-видимому, были не так уж и далеки от истины М. И. Ростовцев, увидевший в открытых Н. М. Печенкиным наделах следы «древнейшей клерухи Херсонеса» (*Ростовцев М. И., 1916, с. 8*) и Э. Р. Штерн, который предположил, что «старый» Херсонес был одним из *теих* — укреплений, упоминавшихся в херсонесской присяге и в декрете в честь Диофанта (*Штерн Э. Р., 1908, с. 40 сл.*).

Керкинитида

Наиболее ранним из древних городов, основанных на территории Северо-Западного Крыма, была Керкинитида. Она находилась на месте современной Евпатории, на Карантинном мысу. Земельная округа Керкинитиды занимала, по-видимому, пространство до Мойнакских озер. Как показывают материалы разведок и раскопок П. О. Бурачкова, Н. Ф. Романченко, Л. А. Моссева и М. А. Наливкиной, вся эта территория была размежевана на систему наделов, на которых находились загородные усадьбы (табл. XXII, 1).

Время основания Керкинитиды — вторая половина — конец VI в. до н. э. — определяется сообщением Гекатея (фр. 153). Археологические наблюдения, сделанные в процессе раскопок Керкинитиды (*Моссева Л. А., 1948; Наливкина М. А., 1955*), позволяют с уверенностью говорить о том, что это поселение уже существовало как город в первой половине V в. до н. э. Хотя авторы раскопок и относят открытые ими ранние культурные напластования городища к VI и рубежу VI—V в. до н. э., материалов ранее V в. до н. э. в них пока еще не найдено, что, впрочем, не дает оснований сомневаться в достоверности сообщения Гекатея. Выходцами из какого греческого полиса была основана Керкинитида — неизвестно. Существуют две гипотезы. Одна из них предполагает, что колонию основали дорийцы — выходцы из Гераклея Понтийской (*Дашевская О. Д., 1970в* — там же подробная библиография). По другой гипотезе, Керкинитиду основал какой-то неизвестный ионийский полис (*Томчев А. И., 1955; Щеголов А. Н., 1968, 1978*). Вторая гипотеза опирается на комплекс археологического материала из ранних слоев городища (*Наливкина М. А., 1959, с. 184 сл.*), аналогичный по своему составу комплексам из других причерноморских ионийских колоний. Предположение о Керкинитиде как гераклеийской колонии базируется на находках второй половины IV—III в. до н. э. — т. е. того времени, когда город уже вошел в состав Херсонеса и в его культуре стали доминировать дорийские (херсонесские) элементы, а также на весьма спорном толковании происхождения названия Керкинитиды.

На раннем этапе, примерно до середины IV в. до н. э. Керкинитида, вероятно, была небольшим самостоятельным полисом, хора которого простиралась в ближайших окрестностях города. В середине — второй половине IV в. до н. э. город был включен в состав херсонесского полиса. В III—II вв. Керкинитида, по-видимому, неоднократно подвергалась нападениям скифов, а около середины II в. до н. э. была ими захвачена. В самом конце II в. до н. э., во время второго похода Диофанта, она

была взята после осады и возвращена Херсонесу. Дальнейшая судьба города неизвестна. Судя по самым поздним находкам, жизнь в городе прекратилась во II или, может быть в III в. н. э. Можно предполагать что первоначально Керкинитиды была основана на мысу (табл. XXII, 3). В настоящее время лагуна к западу от городища, существовавшая в виде соленого озера еще в прошлом веке, исчезла окончательно (табл. XXII, 2). Керкинитиды имела площадь около 8 га и была окружена крепостной стеной с квадратными башнями, размерами около 5×5 м в основании (табл. XXII, 4, 5). Как показали раскопки (Наливкина М. А., 1957), город имел регулярную планировку. Остатки дома V в. до н. э. дают основание предполагать, что регулярная планировка существовала уже в то время, а направление основных планировочных осей было сохранено и в последующие периоды. После подчинения Керкинитиды Херсонесу в ней шло большое строительство. Открыты остатки домов с мощными дворниками и водосточками, а также участки мощеных улиц, относящихся ко второй половине IV—II вв. до н. э. В это время город приобретает типично херсонесские черты во внешнем облике и в культуре (Наливкина М. А., 1963).

С северо-западной стороны к городу пралегал некрополь, находящийся сейчас под постройками современной Евпатории. Небольшая серия погребений отражает два основных этапа истории города. В равных погребениях — до середины IV в. до н. э. — преобладают в инвентаре пойниская и аттическая керамика. Погребения совершаются в плитовых могилах. Погребальный обряд в IV—II вв. до н. э., а также инвентарь могил находят наиболее близкие аналогии в некрополе Херсонеса. В это время существует два способа погребения — кремация с захоронением праха в урнах и ингумация (в грунтовых и плитовых могилах). На некрополе найдены также надгробия, выполненные, очевидно, в мастерских Херсонеса.

По некоторым признакам, отмеченным П. О. Бучачковым и нанесенным им, а также Н. Ф. Романченко на план, можно говорить с достаточной долей уверенности, что ближайше к городу земли были разделены на отдельные наделы системой дорог (табл. XXII, 1). На земельческой территории Керкинитиды известно три типа усадеб. Ранние усадьбы, по-видимому, представляли собой небольшие прямоугольные дома-башни, состоявшие в нижнем этаже из двух помещений. После подчинения города Херсонесу по крайней мере некоторые из них перестраиваются. Так, на месте более ранней усадьбы в IV или III в. до н. э. строится огромная усадьба с двумя внутренними дворами, частично раскопанная Л. А. Моисеевым на берегу Мойнакского озера (Моисеев Л. А., 1948) (табл. XXII, 6, 7). Третий тип усадеб — круглые жилые башни. Одна из таких построек (диаметр 6 м) была исследована к западу от городища Керкинитиды. К дому-башне примыкала какая-то ограда, возможно, хозяйственного двора со служебными постройками (Наливкина М. А., 1957).

Прекрасная гавань (Калос-Лимен) и ее округа Городище расположено в глубине Черноморской бухты на северо-западном побережье Тарханутского

полуострова. Вокруг него сохранились следы древнего размежевания (земля была поделена примерно на 40—60 наделов по уже описанной выше системе размежевания) и остатки сельских усадеб (табл. XXIII, 1). Само городище имело площадь около 4 га и почти не исследовано. Город был окружен крепостной стеной с прямоугольными башнями (табл. XXIII, 2), возведенной в IV в. до н. э. и по-видимому, разделен на прямоугольные кварталы. М. А. Наливкина исследовала дом IV—III вв. до н. э., занимавший участок площадью около 120 м² и состоявший из шести жилых и хозяйственных помещений и небольшого дворика. Тип и размеры дома характерны для жилых построек массовой застройки Херсонеса (Наливкина М. А., 1957; Щеглов А. Н., 1976б) (табл. XXIII, 3, 4).

Земельные наделы Прекрасной гавани имели среднюю величину, около 8,8 га. На них располагались усадьбы двух типов — круглые жилые башни и дома замкнутого плана с внутренним двором (табл. XXIII, 5, 6). Одна из таких усадеб раскапывалась неподалеку от городища, у бухты Ветровой. Это была прямоугольная в плане постройка с центральным двориком, вокруг которого в один или два ряда шли жилые и хозяйственные помещения. В одном из помещений находилась кладовая с десятью сплюснутыми фифосами, в трех из которых некогда хранилось вино, а в остальных зерно (Щеглов А. Н., 1973; 1978). Историческая судьба Прекрасной гавани сложилась так же, как и у Керкинитиды. Ранний материал из городища и усадьбы относится к IV в. до н. э. Вся последующая история города повторяет историю Керкинитиды.

Остальные поселения на хоре Херсонеса

На остальной хоре Херсонеса располагались укрепленные и неукрепленные поселения разных типов, а также земельные наделы того же типа, что и описанные выше. Отметим три основных типа поселений: 1 — крупные многобашенные укрепления, с большими дворами, окруженными жилыми и хозяйственными помещениями (городище «Чайка», табл. XXIV, 5, 6); 2 — поселения, состоящие из группы крупных укрепленных или неукрепленных усадеб, например, Беляус (табл. XXIV, 2, 3) и Панское-1; 3 — отдельно стоящие усадьбы и неукрепленные поселения. Разные типы поселений с расположенными возле них земельными участками, возделанными по системе, принятой в Херсонесе, свидетельствуют о сложной структуре хору Херсонеса, на которой существовали города с собственными землями, разделенными на наделы, крупные укрепления и неукрепленные поселения, состоявшие из типично греческих усадеб, отдельные усадьбы и поселения пергеческого облика. А это, в свою очередь, позволяет предполагать и сложный социальный и этнический состав земледельческого населения на территории хору Херсонеса: среди него, может быть, существовали различные категории свободного, полувольного и зависимого населения.

Харакс

Появление этого укрепленного поселения связано с римским гарнизоном, поставленным в Херсонесе. Харакс, как название населенного пункта на южном

берегу Крыма, приводит в своей «Географии» Клавдий Птолемей (VI, 2). В 1837 г. сделано первое краткое описание древнего поселения на мысе Ай-Тодор (Келлен П., 1837, с. 101, и сл.). В 1849 г. граф Шувалов проводил здесь небольшие раскопки (Гондарки В. Х., 1873, с. 169 и сл.). Начиная с 1896 г. в течение 15 лет на Ай-Тодоре велись значительные исследования, их материалы нашли отражение в литературе (Ростовцев М. И., 1900, 1902; 1911; Башкиров А. С., 1914; Дьяков В. Н., 1930; 1942; Блаватский В. Д., 1952). В 1931, 1932 и в 1935 гг. здесь проводила работы экспедиция под руководством В. Д. Блаватского (Блаватский В. Д., 1938, с. 312; 1951 г., с. 250 и сл.). С 1977 г. — под руководством К. К. Орлова.

Городище, отождествляемое с Хараксом, расположено на холме Ай-Тодорского мыса и занимает площадь около 6 га (табл. XXVI). Оно недоступно со стороны моря, а с суши мыс огорожен стеной, частично сложенной из громадных грубо отесанных глыб, принадлежавшей таврскому укреплению и вошедшей в систему оборонительных сооружений, построенных римлянами (табл. XXVI, 1, 3).

Внешняя оборонительная стена относительно хорошо сохранилась. Она имела ширину 2,2—2,4 м и была двухпанцирной с забутовкой (табл. XXVI, 2, 3). В юго-западной части городища находились ворота (Rostovtzeff M., 1902; Дьяков В. Н., 1930, с. 20; Блаватский В. Д., 1951 г., с. 250). Внутренняя стена, несколько более широкая, прослеживается менее четко. Стены существовали с I по IV в. (Блаватский В. Д., 1951 г., с. 258; 1961а, с. 84). Большинство построек Харакса расположено на холме, за внутренней стеной. Судя по клеймам на черепице (табл. XXVI, 7), во второй половине I в. н. э. здесь размещалась вексиляция моряков Равенской эскадры. При императоре Домициане эти части были выведены. Среди сооружений этого времени выделяются своей монументальностью нимфей и термы. Нимфей, находившийся возле стены, представлял собой бассейн размером 9×7,7 м и глубиной до 2,55 м. Юго-восточная сторона его служила лестницей (табл. XXVI, 4, 5) (Блаватский В. Д., 1951, с. 282). Бассейн был тщательно облицован водонепроницаемым известковым раствором. Вода поступала сюда по глиняным трубам водопровода. Наиболее интересны термы, занимавшие площадь 24,55×14,85 м и расположенные выше Нимфея у обрыва холма (Блаватский В. Д., 1951 г., с. 287). Они состояли из двух рядов помещений. В одном была раздевальная, по одну сторону от которой имелся бассейн с холодной водой, по другую — теплая баня с горячей водой. Пол помещения был выложен большими квадратными кирпичами (0,5×0,58×0,58 м) установленными на невысоких каменных столбиках. Отопление осуществлялось с помощью гипocausta, а также довольно широких глиняных труб, по которым проходил горячий воздух, поступающий из топальной. К банному помещению примыкал ряд комнат, вероятно, палестра. Здание терм, существовавшее в I—III вв. н. э., видимо, было двухэтажным.

Во II в. н. э. в Хараксе стояла вексиляция I Италлийского легиона, как о том свидетельствуют клейма на кирпичах и черепицах (Ростовцев М. И., 1900,

с. 144, 155). В последних десятилетиях II в. там стоял гарнизон из солдат XI Клавдиева легиона. Это был последний гарнизон Харакса, покинувший его в середине III в. Ко времени его стоянки относятся надгробный памятник Люция Фурия Севта, ошпона префекта I фракийской когорты (Ростовцев М. И., 1911, с. 38). К последнему периоду пребывания римских солдат в Хараксе относится здание, выявленное раскопками 1907 г., расположенное за пределами крепости возле внешней стены на северо-восточном склоне холма, у дороги. Это небольшое святилище дорожной стражи — бенефициариев. В нем найдено три алтаря II—III вв. н. э. с посвященными надписями Юпитеру Лучшему Величайшему, культ которого был официальным в римской армии (табл. XXVI, 44). Находки вблизи святилища и в нем 11 фрагментов небольших votивных рельефов свидетельствуют о распространении среди солдат гарнизона также культов: Диониса, Мифры, Артемиды, Гекаты, Фракийского вельдика (табл. XXVI, 43; Ростовцев М. И., 1911, с. 5 и сл.). Несколько фрагментов аналогичных рельефов и терракотовых статуэток обнаружено и на территории самого поселения. Там при раскопках найдены бронзовые рыболовные крючки, грузила, иглы для вязания сетей, каменные жернова, железная мотыга, прислица. Много фрагментов пифосов, остронозых амфор, «рымских» светильников, стеклянной, краснолаковой и простой гончарной посуды. Встречаются бронзовые накопечники копий, бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовые фибулы, перстни и пряжки, круглые камни для пращей и баллист, астралаги, стеклянные бусы, обломки керамических труб.

В середине III в. н. э. римские войска были эвакуированы из Северного Причерноморья, в том числе и из Харакса. Однако жизнь в нем с уходом римских войск не прекратилась. В 1932, 1935 гг., за наружной стеной на северо-западном склоне холма был раскопан могильник, относящийся к концу III — первым десятилетиям IV в. н. э. Обряд погребения — кремация, прах чаще всего помещался в амфоры. Могилы находились на небольшой глубине в расщелинах скал (табл. XXVI, 8, 9) (Блаватский В. Д., 1951 г., с. 259, 262 и сл.). Помимо посуды в них найдены орудия труда (железные топоры, серпы, ножи, бронзовые рыболовные крючки), реке — оружие (бронзовые наконечники копий, боевые топоры, кинжал), а также глиняные пряслица, бронзовые пряжки, фибулы, перстни, браслеты, монеты, обломки стеклянной посуды и разнообразные бусы (табл. XXVI, 10—41). По мнению В. Д. Блаватского, здесь были похоронены потомки обитателей капабы — торгово-ремесленного прилагерного поселка. Разведки 1958 г. обнаружили следы древней дороги, возможно, связывавшей Харакс с Херсонесом (Соломонович Э. И., 1960, с. 137). В 1977, 1978 гг. работы велись в северо-западной части крепости, где открыты постройки первых веков нашей эры, примыкавшие к оборонительной стене. На некрополе раскопаны погребения III в. н. э.

Ряд исследователей высказал предположение, что, кроме Харакса, римские военные посты существовали в Керквинтиде, Балаклаве, Ипкермае (Дьяков В. Н., 1942, с. 52; Белов Г. Д., 1948а, с. 110; Гилевич А. М., 1965, с. 107).

Глава пятая

Боспорское государство

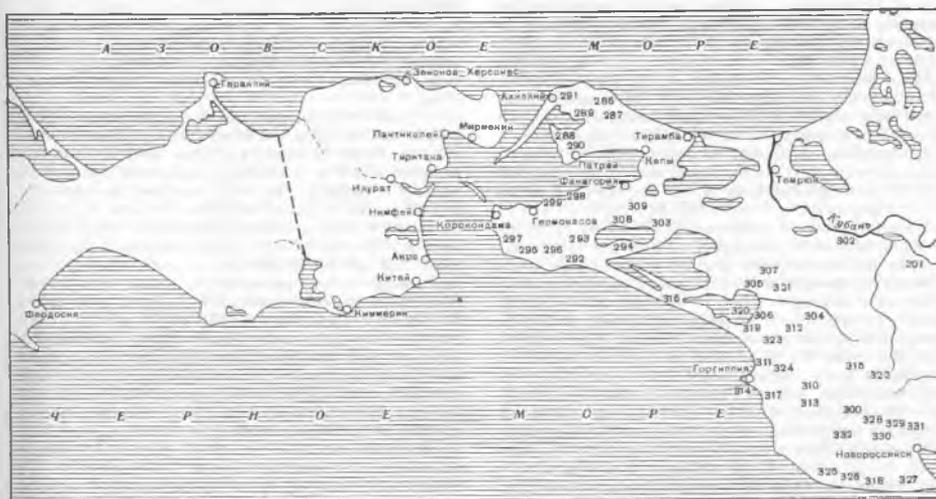
Источники и история исследования

Боспорское государство — крупнейшее греческое государственное образование на территории Северного Причерноморья, располагалось по обоим берегам Боспора Киммерийского (ныне Керченского пролива) (карта 6). Оно занимало обширную территорию Восточного Крыма, включая Феодосию, весь Керченский полуостров, Таманский полуостров и примыкающие к нему территории, вплоть до предгорий Северного Кавказа, а также район устья р. Дон (греческий Танаис). Земли, входившие в состав Боспора, являлись по большей части всхолмленной равниной, переходящей в предгорья Восточного Крыма и Северного Кавказа. Таманский полуостров в древности представлял собой группу островов, разделенных морскими заливами, лиманами и протоками дельты Кубани (греческий Антикид).

Древнейшим письменным источником по истории Боспора являются фрагменты из труда Гекатея Милетского. Для восстановления исторической топографии Боспора важны периплы и перигезы, в которых перечисляются населенные пункты, местные племена, входившие в состав государства, и его соседи; даются расстояния от одного населенного пункта до другого, иногда сообщаются краткие исторические данные. Для Боспора в целом большую ценность имеет «География» Страбона, в которой большая часть главы 4 книги VII и главы 2 книги XI посвящены Боспору. Помимо географических сведений с довольно точным указанием расстояний между боспорскими поселениями, Страбон сообщает о достопримечательностях городов Боспора, о его климате и исторических событиях. Клавдий Птолемей указывает географические координаты многих населенных пунктов, местоположение которых иногда еще не установлено. Важные сведения об экономике и истории Боспора мы узнаем из речей Исократы, Демосфена, Эсхина. Благодаря труду Диодора Сицилийского, нам известно об образовании Боспорского государства, о смене его правителей, об отдельных эпизодах из истории Спартокидов, об их взаимоотношениях с местными племенами. Позднее рассказывает о присоединении к Боспору Феодосии и Сивдикии. Дион Кассий, Анпиан и Тацит описывают Боспор времен митридатских войн и последующие внутриполитические события, взаимоотношения Боспорского государства с Римской империей. Об истории позднейшего Боспора сообщается в трудах Амиана Марцелина, Зосима, Константина Багрянородного. Интересные сведения имеются в трудах Полибия, Помпония Мелы, Стефана Византийского и других древних авторов.

Сведения древних авторов дополняются эпиграфическими памятниками. Общее число надписей в настоящее время значительно превышает 1320, вошедших в корпус Боспорских надписей (КБН). Большая часть их происходит из Пантикапея, Горгишии, Танаиса, Гермонассы, Фанагории. Для Боспора характерно большое количество надписей на надгробиях. Очень важны посвячительные и строительные надписи, позволяющие проследить изменения в титулатуре боспорских правителей и показывающие рост и сокращения территории Боспора, взаимоотношения с местными племенами и с Римской империей, изменения государственного устройства. Многочисленные списки имен дают номенклатуру государственных должностей, позволяют судить о социальном устройстве и внутренней организации боспорского государства; надписи рассказывают о строительной деятельности правителей и частных лиц, о различных постройках и монументах, украшавших города, называют имена божеств, культы которых имели распространение на Боспоре. Большой интерес представляют списки членов фисов и манумисии, показывающие изменения в экономике и религиозных представлениях общества. В боспорских надписях упомянуты многочисленные азиатские центры, которые поддерживали контакты с Боспорским государством (Амастрия, Амис, Аркадия, Афины, Колофон, Кромны, Митилена, Прус, Спаркузы, Тарс, Халкедон и т. д.). В свою очередь, в восточногреческих городах найдены декреты в честь боспорских правителей и граждан, постановление о регламентации торговли, посвящения и надгробия боспорян (*Граков Б. И.*, 1939б). Клейма на амфорах и черепицах позволяют судить об организации керамического производства, о торговых связях с Южным Причерноморьем (Гераклеей, Синопой) и Средиземноморьем (Родосом, Хиосом, Фассосом, Мендой, Косом, Книдом) (*Штаерман Е. М.*, 1952; *Шелов Д. Б.*, 1956б; 1957; 1975; *Гайдукевич В. Ф.*, 1947; *Граков Б. И.*, 1935). Для изучения культов и ономастии Боспора необходимо учитывать также многочисленные граффити (*Толстой П. И.*, 1953; *Гайдукевич В. Ф.*, 1966б, с. 70 сл.) и дипinti (*Шелов Д. Б.*, 1972б; 1978).

Нумизматические источники позволяют проследить общий ход экономического развития Боспора, направление торговых связей. Выпуск монет на Боспоре начинается в конце VI в. до н. э. в Пантикапее. Монету чеканят также Мирмекий, Нимфей, Феодосия, Фанагория и, возможно, Сивдская Гавань. В конце V в. до п. э. прекращается автономный чекан монет боспорских городов и пантикапейская монета доминирует на боспорском рынке. Мо-

Карта 6. Карта Боспора Киммерийского. Нумерация памятников обная для карт 6—9. Города Боспора и сельские поселения Азиатского Боспора. Поселения азиатской части Боспора

286 — Нучугуры; 287 — Красноармейское; 288 — Батарейка I; 289 — Батарейка II; 290 — Наменная Батарейка; 291 — пос. Ильич; 292 — Бугазское; 293 — Яхново; 294 — Западно-Цукурское; 295 — Западно-Зеленское; 296 — Северо-Зеленское; 297 — Пятиколедное; 298 — Двенадцатый километр; 299 — Десятый километр; 300 — Раевское; 301 — Батарейный; 302 — Андреевское; 303 — Вышестеблиевское; 304 — Гастогаевское; 305 — Суворово-Черкесское; 306 — Капустин; 307 — Юровка; 308 — Близицы; 309 — Водопроводное; 310 — Рассвет; 311 — Джемте; 312 — Красный курган; 313 — Гай-Назор; 314 — Аяла южная; 315 — Патухаевская; 316 — ст. Благовещенская; 317 — Су-Псех; 318 — Широкая Балка; 319 — хут. Благовещенский; 320 — Витязево; 321 — Уташ; 322 — Ленинский путь; 323 — совхоз им. В. И. Ленина; 324 — Чумбурка; 325 — Дюрос; 326 — Озерейка; 327 — Мысхало; 328 — Владимирова; 329 — Ием-долина; 330 — Борисовка; 331 — Кирдатовка; 332 — Большие хутора. Составитель И. Т. Кругликова

петы дополняют паши сведения об имевах п титулатуре боспорских правителей п о последовательности их правления. Изображения божеств на монетах дают представление о господствующих культах, а чеканка портретов римских императоров — о зависимости от Римской империи.

В литературе не существует единой периодизации истории Боспорского государства. В. Ф. Гайдукевич выделяет шесть периодов, связанных с событиями политической истории Боспора: 1 — образование государства (VI в. до п. э.—480 г. до п. э.); 2 — период Археанактидов (480 г. до п. э.—438—437 гг. до п. э.); 3 — период Спартокидов (438—437 гг. до п. э.—109 г. до п. э.); 4 — Боспор под властью Митридата в Риме; 5 — Боспор в первые века нашей эры; 6 — распад Боспорского государства (середина III в.—70-е годы IV в.). (Гайдукевич В. Ф.,

1949а). В. Д. Блаватский, основываясь на этапах экономического развития п на истории культуры Боспорского государства, предлагает иную периодизацию: 1 — киммерийский период, в конце которого возникают амполии (вторая половина VII—VI в. до п. э.); 2 — полисный период (вторая четверть VI — первая четверть IV в. до п. э.); 3 — период протоэллинизма (вторая четверть IV в. до п. э.—309 г. до п. э.); 4 — период эллинизма (309 г. до п. э.—конец II в. до н. э.); 5 — сарматский период (I в. до п. э.—последняя четверть IV в. н. э.) (Блаватский В. Д., 1950а, с. 32; 1959б, с. 38 сл.; 1964а, б).

Боспор Европейский

Пантикапей

Столица Боспорского государства расположена на месте современной Керчи, на нижней приморской террасе, на горе Митридат и на ее склонах. В периплахе Псевдо-Скимпа (835) и Псевдо-Арриана (75) Пантикапей именуется «столицей Боспорского царства», у Страбона (VII, 4) — «столицею боспорцев, у Аммиана Марцеллина (XXII, 8) — «метрополией всех милетских городов Боспора». Стефан Византийский (SC, I, с. 264) и Евстафий (314) называют Пантикапей большим городом.

Первые шаги в изучении археологической топографии Пантикапея были сделаны П. Дюбрьском и И. П. Блазамбергом, при участии И. А. Стемиковского (Блаватский В. Д., 1951а, с. 10). В течение последующих десятилетий XIX в. пантикапейское городище раскапывали А. Б. Ашки, А. Е. Люценко, С. И. Веребрюсов. К. Е. Думберг проводил исследо-

ванья Паптикаепа с подробной фиксацией строительных остатков. С 1903 г. до 1914 г. раскопки на г. Митридат производил В. В. Шкорин. В 1923, 1924 гг., 1930, 1931 и в 1941 гг.— Ю. Ю. Марти (Блаватский В. Д., 1951а, с. 10, 15, 53—60). В 1945 г. под руководством В. Д. Блаватского начались планомерные исследования Паптикаепа, позволившие установить его историческую топографию и стратиграфию городских напластований. С 1959 г. исследования на горе Митридат велись экспедицией ГМИИ под руководством И. Д. Марченко, а затем В. П. Толстикова (см. табл. XXVII).

Раннее греческое поселение (VII—VI вв. до н. э.) возникло на месте киммерийского, о чем свидетельствуют находки оружия эпохи поздней бронзы, например, бронзовых кельтов и топора с изображением быка и солнечного диска (Городцов В. А., 1928, с. 54 сл., рис. 1—4). К нему, возможно, относятся открытые на северо-восточном склоне горы Митридат под слоем VI в. до н. э. развалины кладки из огромных глыб, по-видимому, взятые из какой-то циклопической кладки, предшествовавшей основанию Паптикаепа; обломки керамики эпохи поздней бронзы и циклопическая кладка крепиды, находящиеся вблизи Паптикаепа Золотого кургана (Блаватский В. Д., 1954в, с. 13; 1957а, с. 6; 1964в, с. 11—14). По-видимому, в легенде об основании Паптикаепа сыном колхидского царя Аяты, упоминаемого Стефаном Византийским (SC, I, с. 264) и Евстафием (311) есть отзвуки реального факта существования древнейшего догреческого поселения. В последние десятилетия VII в. до н. э. на месте будущего Паптикаепа, вероятно, появляется эмпорий (Блаватский В. Д., 1964в, с. 10, 22). Древнейшая постройка — дом эмпория (3,10×2,65 м) был открыт вблизи «Первого кресла» горы Митридат. Частично сохранилась кладка коколя степ. Стены были сырцовыми. Глинобитный пол был заглублен ниже подольных стен. Внутри помещения открыты очаг и три ямы. Контраст скромного жилища и обилия найденных в нем первоклассных образцов родосско-ионийской керамики свидетельствует, что дом мог являться жилищем греческого купца (Блаватский В. Д., 1951е, с. 219; 1964в, с. 16 сл.).

Вторая четверть VI — первая четверть IV в. до н. э. (табл. XXVII, I, а). Наиболее ранним сооружением этого периода является подвал небольшого дома площадью 7 м² второй половины VI — начала V в. до н. э., открытый на Восточно-Эспланадном раскопе. Его стены сложены из плоских мелких плит равного камня. На его нижнем полу был открыт, по-видимому, под литейной печи, выложенный черепками амфор. В помещении найдены каменная литейная форма и фрагменты железных и медных литейных шлаков. Крыша этого «дома металлурга» была покрыта черепицей лакогонского типа. К концу VI — началу V в. до н. э. относится дом, открытый на Верхнем Митридатском раскопе. Площадь трех его помещений около 40 м². При расчистке дома найдены граффити с именами «KOI», «K», «KO», очевидно, относящиеся к лицу, проживавшему в доме. Дом был заглублен в землю. Его стены сложены из небольших, грубо обтесанных камней на глине. Внутренние фасады стен аккуратно стесаны и обмазаны глиной, крыша дома — черепичная

(Блаватский В. Д., 1957а, с. 16—18; 1964в, с. 29), К концу V в. до н. э. относится дом, также открытый на Верхнем Митридатском раскопе. Здесь раскопано лишь одно помещение и водосток, проходивший под вымосткой, скорее всего, дворика этого дома.

На Ново-Эспланадном раскопе архаические и раннеклассические дома располагались на естественных уступах (табл. XXVIII, I). Здесь открыт переулочный шириной 1,20 м с каменно-черепиной вымосткой, идущий в направлении с юга на север на протяжении 12 м. По сторонам переулоча открыто 14 домов, большая часть которых датируется серединой — концом VI в. до н. э., а три существуют до середины V в. до н. э. Ориентация большей части домов согласована с направлением переулоча, что позволяет предположить наличие элементов регулярной планировки (Марченко И. Д., 1968б, с. 41; 1979). Обычно дома состоят из одного — двух помещений и ограды двора. Значительная часть их представляет собою заглубленные в грунт постройки с сырцовыми наземными стенами, возведенными над каменной кладкой. Вместе с тем, встречаются и целиком наземные жилища с каменными подвалами. Вблизи некоторых домов обнаружены следы металлургического производства: литейные формы (Блаватский В. Д., 1956а, с. 119 сл.), куски железных шлаков, обломок глиняного тигра с остатками бронзовых шлаков, спешенные при литье бронзовые наконечники стрел, большое количество бронзовых и железных чешуек от панцирей. Возле одного из домов открыта часть гошварной печи второй половины VI — начала V в. до н. э. Найдены фрагменты изготовленной здесь же керамики: сосудов с росписью по светлой обложке, покрытых краской; клинков на низкой ножке, лезвием и терракотовых статуэток (Марченко И. Д., 1968б, с. 32, 36—38, рис. 11, 12). В 1945 г. на восточном склоне г. Митридат было найдено пять барабанов ионийского ордера второй половины VI или первых десятилетий V в. до н. э., позволивших реконструировать храм ионийского ордера площадью около 40—50×20 м с шестиколонным портиком, вероятнее всего, посвященный Аполлону. Деталь алтаря (волота с частью пальметты), очевидно, тоже принадлежала какому-то весьма раннему храму Паптикаепа (Блаватский В. Д., 1957а, с. 29 сл.; 1964, с. 29 сл.).

С конца V в. до н. э. по IV в. н. э. городская застройка Паптикаепа осуществляется на частично вырубленных, частично насыпанных террасах, опоясывающих Митридат. Террасы, укрепленные подпорными стенами, уступами поднимались от подножия горы к ее наиболее возвышенной части, где был акрополь (Блаватский В. Д., 1947 г., с. 93 сл.; 1957а, с. 8—12; 1964в, с. 43). Ранние террасы, сооруженные на рубеже V—IV вв. до н. э. и в IV в. до н. э. с переделками и ремонтами существовали и в последующее время. Раскопки 1949 г. на Верхнем Митридатском раскопе вскрыли картину перепланировки подпорных стен террас в III—II вв. до н. э. (Блаватский В. Д., 1957а, с. 49, рис. 21, 1). Перепланировка и сооружение новых террас производились и позднее. Жилые постройки вдоль улиц, устроенных на террасах, тыльными сторонами, прижимали к подпорным стенам вышележащих террас

(Блаватский В. Д., 1957а, с. 9—11, 48—49; 1962а, с. 17—18).

IV в. до н. э. — II в. до н. э. Со времени возникновения Пантикаея его территория постоянно расширяется. Уже с начала IV в. до н. э. в городскую территорию входили все склоны «Первого кресла» Митридата, а в III в. до н. э. в границы города включено пространство между западным склоном «Первого кресла» и «Скалистым выступом». Со II в. до н. э. в черту города включаются склоны «Второго кресла» Митридата, а также пространство до берега залива до подошвы горы (табл. XXVII, I, б), террасная планировка сохраняется (Блаватский В. Д., 1957а, с. 47). Эллипстические жилые дома, особенно III—II вв. до н. э., сохранились плохо из-за больших перестроек в период I в. до н. э. — I в. н. э. Многокомнатный жилой дом открыт на Эспланадном раскопе. Его капитальные стены были сложены из тесаных блоков известняка, в сооружении пергородок широко использован бутовый камень (Блаватский В. Д., 1957а, с. 49—55, рис. 25). Общественные постройки эллинистической эпохи ярко характеризует богато отделанное здание II в. до н. э., частично открытое на Ново-Эспланадном раскопе (табл. XXIX) площадью 450 м². В центральной части здания был большой прямоугольный двор (площадью 80 м²), окруженный колопадами дорийского ордера. Сторона двора, обращенная к северу, не сохранилась. Сохранились частично колонны, детали фриза, карниза, аптефник и т. д. Двор был вымощен плитам известняка. В центре двора был алтарь, от которого сохранился фрагмент, украшенный рельефными изображениями букрапия и гирлянда. По-видимому, во дворе стоял статуй, на что указывает плита-постамент, открытая на вымостке двора и обломки пяти статуй. За южным портиком была галлерея, а за ней несколько помещений. В помещении А пол был выложен кусками белого и зеленого мрамора, в углу сохранился очаг и две мраморные опоры скамьи. Помещение Б с цементным полом и водосток, служило для омовений. В двух западных помещениях Г и Д полы были выложены мозаикой из галек. К юго-востоку от центрального двора с колопадами был еще один двор, вымощенный плитам. Существует мнение, что здание являлось пританеом. Оно погребло от пожара в конце II в. до н. э. (Марченко Н. Д., 1967б; 1968б, с. 48).

В первые десятилетия III в. до н. э. возможно было начато создание оборонительного комплекса, остатки которого были исследованы на вершине «Первого кресла» горы Митридат. Обнаружены остатки стен, снабженных бастивообразными выступами и вырубленные в скале обходные коридоры шириной 1,7—1,5 м. Все эти сооружения группировались вокруг прямоугольной центральной башни. Въезд на платформу цитадели осуществлялся по наклонному скалистому пандусу, фланкированному с востока полукруглой в плане башней диаметром 11 м (табл. XXVIII, III—V). Во время землетрясения 63 г. до н. э. эти укрепления, вероятно, сильно пострадали.

Изучена также система укреплений акрополя с севера, где выделено три периода существования этой системы. Наиболее существенные перестройки относятся к концу II — началу I в. до н. э. (Блават-

ский В. Д., 1957а, с. 24—28; Марченко Н. Д., 1975а, с. 317 сл.; Толстикова В. П., 1977, с. 156 сл.) (табл. XXVIII, III—V). Ко II в. до н. э., видимо, относятся остатки городской оборонительной стены (толщиной 3 м) с круглыми башнями (Марти Ю. Ю., 1926, с. 47, рис. 23, 24). Направление этой оборонительной стены совпадает с линией городских укреплений, обозначенных на планах XVIII и начала XIX в. (Блаватский В. Д., 1951а, с. 35).

I в. до н. э. — IV в. н. э. События конца II—I вв. до н. э. привели к сильным разрушениям Пантикаея. Пострадали не только укрепления цитадели и крупные общественные здания, но и террасы и целые кварталы жилых домов. В последующее время ведутся большие восстановительные работы. Часть старых террас на восточном и южном склонах горы Митридат была восстановлена на прежнем месте. Вместе с тем возводятся новые подпорные стены, имевшие новую ориентацию. При восстановительных работах I в. до н. э. сооружаются мощные насыпи, куда попадает рваный материал. О монументах, стоящих на акрополе Пантикаея, свидетельствуют обломки посвященных надписей, вырезанных на базах скульптур. Среди них — фрагмент с посвящением Артемиде, сделанном от имени Фарнака (Блаватский В. Д., 1957а, с. 67 сл., рис. 30, 1). Особый интерес представляет беломраморный блок архитрава с четырехстрочной посвященной надписью царю Аспургу 23 г. н. э., принадлежавший зданию с пятиколонным портиком, по-видимому, небольшому храму, посвященному обожествленному боспорскому царю Аспургу.

Во второй половине I в. до н. э. — начале I в. н. э. произведены ремонтные работы и перестроены укрепления цитадели. В 1948 г. на участке к юго-западу от вершины «Второго кресла» были выявлены остатки оборонительной стены, относящейся, вероятно, уже к периоду правления Сарматской династии (Блаватский В. Д., 1951а, с. 35, № 151).

В Пантикаее I в. н. э. заметно усиливается имущественная дифференциация населения, что находит отражение в строительстве. На акрополе (где в I в. до н. э. был артезианский колодезь) появляются богатые постройки. Об их убранстве свидетельствуют обломки многоцветной штукатурки, известняковых архитектурных деталей, облицовочных плиток из пестрого и цветного мрамора и мраморной скульптуры. (Блаватский В. Д., 1957а, с. 71—75). На южном и юго-восточном склонах горы Митридат и на участке у Скалистого выступа открыты скромные дома рядового населения, игнорирующие принцип террасной планировки участка. (Блаватский В. Д., 1964в, с. 153). В то же время террасная планировка городской территории, в основном, центральной ее части, оставалась доминирующим принципом градостроительства Пантикаея. Для Пантикаея первых веков нашей эры характерно выделение ремесленных кварталов с мастерскими, промышленными сооружениями — рьбозасолячными цистернами (Блаватский В. Д., 1951а, с. 53, № 138; 1957а, с. 76; 1964в, с. 160). В Пантикаее зафиксирован ряд винодельческих комплексов (Блаватский В. Д., 1957а, с. 75; 1964в, рис. 45; Соколовский Н. П., 1961в, с. 44; Марченко Н. Д., 1968б, с. 52). К III в. н. э. относятся остатки переулка ши-

рипой 1,5 м, открытого на первом Боспорском раскопе. По сторонам его были два здания. Переулок под прямым углом подходил к улице шириной 2,85 м, идущей горизонтально по склону горы. Вдоль улицы и переулка были проложены водостоки. Возле перекрестка раскрыты остатки трех зданий (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 88—91). Многочисленные постаменты статуй с посвятельными надписями дают представление об убранстве города в III в. н. э. После готского нашествия (50—70-е годы III в. н. э.) в Паптикаее уже не строятся здания общественно-го назначения, не ставятся статуи. Раскопками выявлены остатки скромных жилищ, сооруженных из рваного камня. Среди занятий жителей города все большую роль играет сельское хозяйство. В ряде мест отмечено существование зерновых ям (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 33 сл.).

В конце IV в. н. э. при нашествии гуннов город подвергается разрушению, но вскоре восстанавливается и существует в средневековое время.

Некрополь. Паптикаей обладал обширным групповым и курганным некрополем. Ранние могилы, находившиеся вблизи жилых построек с расширением городской территории оказались под более поздними городскими слоями. Некрополь VI—V вв. до н. э. находился на северном и южном склонах горы Митридат (*Цветова Г. А.*, 1951, с. 63). Среди захоронений преобладает обряд труположения в простой могильной яме, вырытой в земле или вырубленной в скале и перекрытой каменными плитами, досками или брусьями, иногда частично досками, а частично плитами или мелкими камнями. Встречаются погребения в каменных или сырцовых склепах. Почти все погребения северного склона ориентированы головой на восток, тогда как на южном некрополе встречается южная, северная и северо-восточная ориентировки. Значительно меньше число погребений с кремацией, когда пепел помещался в амфоры или в другие сосуды. Урны либо оставались на поверхности костра, либо помещались в небольшую четырехугольную или круглую ямку, перекрытую камнями. Над обоими типами захоронений насыпалась земляной холм, на вершине которого совершалась тризна. В могилу ставили несколько мелких сосудов, иногда амфоры. Женские погребения сопровождают украшения, бронзовые зеркала, прожки; мужские — оружие, палестрические сосуды, стригели. Изделия из золота и терракотовые статуэтки встречаются редко. Некрополь паптикаейского полса VI—V вв. до н. э. в основном был греческим.

Территория некрополя IV—III вв. до н. э. значительно увеличилась в южном и северном направлениях, охватив прилегающие к горе Митридат западные части возвышенности, вошло сюда и Глишище. Сохраняются прежние типы могил. Появляются захоронения в каменных саркофагах, черепичные могилы, земляные и каменные (иногда расписные) склепы. В погребениях на северном склоне преобладала восточная ориентировка, на южном она составляла только половину для всех погребений, а остальные имели северо-восточную, юго-восточную и редко южную или северную. Сокращается количество захоронений с кремацией, которые встречаются, главным образом, в курганах. Погребения сопровож-

дает гораздо большее число вещей. В мужских погребениях встречаются чернолаковые клинки, лексифы, алабастры, стригели и оружие. По сравнению с предшествующим временем количество погребений с оружием сокращается. Для женских погребений характерны украшения, бронзовые зеркала, гдлы, сександы, лексифы и т. д. В детских захоронениях обычны бусы, подвески, серьги и терракотовые статуэтки. На рот умершего или в руку часто кладут монету.

Во II—I вв. до н. э. некрополи на южном и северном склонах горы Митридат сокращаются по площади, тогда как границы некрополя на Глишище остаются неизменными. Наряду с прежними типами погребальных сооружений появляются подбойные могилы. Снова увеличивается количество погребений с кремацией. Преобладает восточная ориентация покойников, но часто встречается южная и северная. Над могилами ставили надгробные стелы с изображением бытовых и заупокойных сцен. Встречаются каменные расписные склепы (склеп 1832 г.). Среди чрезвычайно разнообразного греческого материала встречаются местные сосуды из черной глины.

На рубеже I в. до н. э.—I в. н. э. и во II в. н. э. территория некрополя увеличивается. В погребальном обряде преобладают труположения. Возрастает число подбойных могил и земляных склепов. Каменные склепы I в. н. э. зачастую двухкамерные и не имеют декорации. Встречаются расписные склепы, в том числе и земляные. Известны погребения в деревянных саркофагах. На Глишище засвидетельствованы погребения в саркофагах вне склепов и большое количество надгробных стел, часто с изображением воинов. Доминирует восточная ориентировка покойников, но встречаются и другие. Погребальный инвентарь состоит большей частью из красноглазной и краснолаковой посуды, стеклянных сосудов, бус, пряжек. Встречаются украшения из золота, импортные изделия. Возрастает количество погребений с оружием. Наличие в погребальном инвентаре шейных гривн, костей баранов, сосудов из местной черной глины, а также изображения на стелах умерших в негреческой одежде указывает на увеличение в составе населения Паптикаея представителей местных племен.

В III в. н. э. площадь некрополя сокращается почти в два раза. В IV в. н. э. некрополь еще больше уменьшается. Основным типом погребений являются труположения в ямах и подбойных могилах. Погребения знати совершались в земляных склепах, довольно часто расписывавшихся геометрическими узорами (иногда изображался также и бог Сабазий). В IV в. н. э. господствует западная ориентировка костяков, связанная с распространением христианства. Выделяются три христианских некрополя: на горе Митридат, в районе Госпитальной улицы, на Глишище. Они сопровождаются христианскими надгробными с надписями и крестами. Погребальный инвентарь состоит из одного—трех сосудов, изредка краснолаковых. Погребения с оружием редки. В могилах встречаются уже не имеющие хождения старые или перечеканенные монеты, римские монеты или отгиски с них. Деформированные черепки погребенных, валище шейных гривн указывают на изменение состава населения. Некрополь III—

IV вв. н. э. показывает обеднение и сокращение населения Пантикапея.

Курганный некрополь Пантикапея занимал обширную территорию к западу — на гребнях холмистых кручей, как например, курганы группы Юз-Обы, Золотой курган и курган Куль-Оба. Значительная курганная группа простирается к северу от Керчи, вдоль Ново-Карантинного шоссе, включая Царский курган. Есть курганы и в непосредственной близости от Пантикапея — Мелек-Чесмепский курган (*Цветаева Г. А.*, 1957а, с. 229).

Феодосия

Город с этим названием находился на южном побережье Крымского полуострова на месте современной Феодосии. Город был основан во второй половине VI в. до н. э., согласно периплу Арриана (§ 30) переселенцами из Милета. Демосфен в речи против Лептиа (33) и Страбон (VII, 4, 4) сообщают о прекрасной гавани Феодосии. Город упоминается в трудах Псевдо-Скилака (68), Псевдо-Арриана (63—67) и Полиена (V, 23). Вместительная гавань и местоположение Феодосии на морских торговых путях, плодородие окружающих земель способствовали быстрому росту и процветанию города. В конце V и в IV—III вв. до н. э. Феодосия чеканит свою монету. Город располагался на холме «Карантинная горка», защищенном от северных и западных ветров отрогами крымских гор. Северо-западная часть холма скрыта в конце XIX в. при строительстве морского порта. В XIX в. южнее гепузэской крепости обнаружен некрополь V—III вв. до н. э. (*Штерн Э. Р.*, 1906). В 1852, 53 гг. А. А. Сибирский раскопал семь курганов, а в 1855 г. И. К. Айвазовский по менее четырех. В 1894 г. раскопки некрополя проводил А. Л. Бертье-Делагард. В 1892—1894 гг. при строительстве морского порта А. Л. Бертье-Делагард проводил наблюдение за ходом строительства и сбором археологического материала. При работах были обнаружены остатки античного мола (*Нолли Л. П.*, 1909, с. 125). Археологическое изучение городища проводилось в 1949, 1950, 1951 гг. И. Б. Зеест (*Зеест И. Б.*, 1953), в 1975—1977 гг. — Б. Г. Петерсон (*Петерс Б. Г.*, 1979, с. 399—463). Незначительные масштабы археологических работ и мощные средневековые напластования являются причиной слабой изученности города. Находки фрагментов сероглиняных лепных сосудов с лощеной поверхностью и врезным орнаментом, обнаруженные на уровне подтеки скал или под греческими строительными остатками, указывают на существование поселения местных племен до появления греков.

Наиболее ранние строительные остатки греческого города относятся к V в. до н. э. Это остатки стен здания, сложенного из тщательно отесанных квадров, стоящих на фундаменте из одного ряда грубо обработанных камней. Высота стен до 2 м, их внутренняя поверхность была покрыта красной краской, пол посыпан песчанковой крошкой. Остатки некоторых стен V в. до н. э. были использованы в качестве фундаментов для сооружений, выстроенных над этим домом в IV—III вв. до н. э. В 1975—1977 гг. исследовались два помещения дома V—IV вв. до н. э. На камнях фундамента уложена кладка из сырцовых кирпичей. Пол одного из помещений —

глинобитный с известняковой крошкой, местами вымощен плитам. В северо-восточном углу находился очаг из поставленных на ребро плит известняка. Ко второму строительному периоду относятся остатки перегородки, глинобитный пол и большая печь из положенных и поставленных на ребро крупных плит известняка. Вблизи дома обнаружены остатки водостока и вымостки. Над руинами этого помещения вскрыты остатки сырцового горна первых веков нашей эры, сложенного из камней и глины и заполненного внутри углем, крицами и шлаком (*Петерс Б. Г.*, 1979).

Нимфей

Нимфей расположен в 17 км к юго-западу от Пантикапея у современного пос. Геревка на берегу моря и Чурубашского озера, в древности являвшегося морским заливом. Эсхин (§ 17) называет Нимфей местечком в Понте, находившимся ранее во владении Афины. В перипле Псевдо-Скилака (§ 68) Нимфей определяется как эллинский город. Страбон (VII, 4,4) называет его городом с прекрасной гаванью. Нимфей упоминается также у Плиния (IV, 86), Птолемея (VI, 2), в анонимном перипле Псевдо-Арриана (§ 76), у Стефана Византийского в других авторах. Исследования некрополя и городища были предприняты в 1876 г. А. Л. Люценко и Н. П. Кондаковым, а в 1878—1880 гг. — С. И. Верещаговым. Основные работы велись на некрополе. Было раскопано 55 курганов, две катакомбы и 111 погребений в слившихся могильных насыпях (*Силантьева Л. Ф.*, 1959, с. 5—107). Систематические исследования Нимфея начаты в 1933 г. М. М. Худяком и продолжены В. М. Скудновой. С 1966 г. их проводит Н. Л. Грач, которая открыла также более 200 погребений, относящихся к периоду со второй половины VI в. до н. э. до раннего средневековья.

Город, по-видимому, возник на месте ранее существовавшего скифского селища, остатки которого в виде 17 ям обнаружены в юго-восточной части городища. В ямах найдены обуглившиеся зерна пшеницы и ячменя, кости домашних животных, обломки лепных орнаментированных горшков и лощеных сосудов (*Худяк М. М.*, 1962, с. 12—16; *Скуднова В. М.*, 1954). Нимфей был основан в начале VI в. до н. э. ионийцами, в числе которых преобладающая роль принадлежала выходцам с о. Самоса (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 175). Расчищены незначительные остатки фундаментов нескольких архаических жилых домов, сложенных из плоских тесаных плит известняка, на которых сооружались стены из сырцового кирпича. (*Худяк М. М.*, 1962, с. 17 сл.). В кладке одного из архаических домов в красноглиняном кувшинчике найден клад из 17 серебряных пантикапейских монет VI в. до н. э. (*Скуднова В. М.*, 1950, с. 78, 79, табл. 1).

К первой половине VI в. до н. э. относятся возникновение святилища Деметры. Древнейшей частью его является расщелина в скалах за пределами города. Там найдены обломки четырех культовых масок, 15 глиняных ритонов (местного и самосского производства), две глиняные формы для выделки терракот — одна для изготовления нагой тучной женской фигуры со сложенными на животе руками, другая — для изготовления бородастого толстого си-

лена с подогнутыми ногами. В 3 м от расщелины обнаружена небольшая гончарная печь в форме эллипса, которая в середине VI в. до н. э. оказалась перекрытой оградой священного участка (Худяк М. М., 1952, с. 257; 1962, с. 36—42). В середине VI в. до н. э. здесь к скале пристроено первое здание святилища площадью 10 м². Его стены сложены из сырцовых кирпичей, уложенных на фундамент из мелких плиток. Здание было крыто черепицей, имело керамический карниз с геометрическим расписным узором и акротерий с изображением цветков лотоса. На территории теменоса были найдены обломки переносных жертвенников — эсар цилиндрической формы, изготовленных в Нимфее и привезенных с о. Самоса, самосские терракотовые статуэтки, формы для изготовления статуэток и фигурных ваз и т. д. В конце VI в. до н. э. святилище гибнет при пожаре.

В VI в. до н. э. в городе также возводятся святилище хтонических божеств, существовавшее и в начале V в. до н. э. Сохранились остатки целлы, сложенной из плоских плиток известняка. К востоку от святилища открыта неглубокая цистерна, дно и стенки которой были выложены мелкими камнями. Там найдены: акротерий, аналогичный акротерию из святилища Деметры, и обломки двух кузтовых блюдов — мраморного и глиняного (Худяк М. М., 1962, табл. 7, I и 8, I).

К юго-востоку обнаружено здание конца VI—V в. до н. э., состоявшее из четырех помещений и мощного дворика. В помещении II был глинобитный очаг, под ним перевернутое горло амфоры в обрамлении мелких камней и с золотым холмиком над ним. Здесь же найдены фрагменты культовых ритонов. С южной стороны здание было оакивлено оградой. Предполагается, что это здание являлось святилищем Афродиты (Худяк М. М., 1962, с. 23 сл.). В V в. до н. э. в городе ведется большое строительство. Возводится новое здание святилища Деметры, к юго-востоку от архаического. Оно имело вид вытянутого четырехугольника, одной из поперечных стен которого служила скала. Территория, огороженная стеной теменоса, занимала около 60 м². В северо-западной части теменоса находился алтарь. Святилищу принадлежали две фависсы, обнаруженные в восточном и северном углах теменоса. В числе приношений, найденных на теменосе и в фависсах, много обломков терракот, среди которых преобладают протомы Деметры; черпидиальная аттическая гидрия второй половины VI в. до н. э. и великопелый терракотовый рельеф с изображением танцующей менады (Гайдукевич В. Ф., 1949а, с. 177, рис. 32). Это святилище было разрушено в результате мощного обвала. В середине V в. до н. э. в святилище Деметры возводится третье здание большего размера. Оно покрыто черепицей, украшено терракотовыми карнизами с водосливными в виде львиных голов, стены оштукатурены и покрашены красной краской. Под полом, выложенным каменными плитами, были фависсы. В одной из них лежало бронзовое зеркало и терракоты, изображающие девушек-гидрофор, во второй — краснофигурные кушны. В третьей фависсе, открытой вне храма на теменосе, найдены краснофигурные аттические гидрии конца V в. до н. э., обломки чернолаковых сосудов, среди кото-

рых кляк с вырезанной посвятельной надписью Деметре, фрагменты статуэток (Худяк М. М., 1962, с. 47—53). Вблизи святилища стоял алтарь четырехугольной формы, к востоку от него — округлый жертвенник. Между алтарем и жертвенником было очень маленькое помещение без находок.

Капитально перестраивается святилище на акрополе. Оно приобрело форму вытянутого прямоугольника, ориентированного с юго-востока на северо-запад. Внутри целлы перед поперечной стеной находится полукруглая кладка, сложенная в виде абсиды диаметром 4,75 м. Вдоль абсиды, повторяя ее изгиб, сооружена глинобитная ступенька. По оси здания на расстоянии 4,30 м от центра абсиды находилось округлое углубление в глинобитном полу, в котором был камень с грубо отесанными плоскими гранями. Стены внутри здания были покрыты штукатуркой, окрашенной в красный цвет. Сохранились обломки карнизов с жемчужником и акротериями, фрагменты водосливов в виде львиных масок. Все архитектурные украшения синопского производства. Возле северо-восточного угла здания находилась цистерна диаметром 1 м, глубиной 0,80 м, стенки которой сложены из шести рядов камней (Худяк М. М., 1962, с. 24). В святилище найдено много фрагментированных терракотовых статуэток животных (лопадей, баранов, свиней, быков) и птиц. Там же найдены представляющие особый интерес терракотовая головка мальчика в высоком остроколючем головном уборе — пилосе, характерном атрибуте кабиров, и скарабеод с изображением мужского бородастого лица в пилосе — несомненно, кабира. У входа в здание, по-видимому, находился камень с надписью «не пачкайте святилище», найденный в кладке оборонительной стены IV в. до н. э.

Здание, расположенное к юго-востоку от святилища хтонических божеств, тоже перестраивается. Во втором строительном периоде функционировали три его помещения и мощный дворик. Вблизи найдены детали керамического архитектурного декора синопского производства V в. до н. э.

На территории городища обнаружены остатки 11 жилых построек V—IV вв. до н. э. Как правило, все дома состояли из одного помещения и мощного дворика. (Худяк М. М., 1962, с. 30). Ко второй половине V — началу IV в. до н. э. принадлежит две винодельни. Одна из них представляет собой известняковую плиту с размерами 0,71×0,72 м, в которой вырублено квадратное в плане корытообразное углубление, переходящее в слив. Край слива примыкает к борту прямоугольного ямы, в которую, очевидно, ставился осуд для сбора отжимаемого сока. От другой винодельни сохранились только камешный круглый в плане тарапан со сливом. В конце V — начале IV в. до н. э. он был использован при сооружении водостока (Грач Н. Л., 1979, с. 95—99).

В начале IV в. до н. э. город подвергся разрушению, но вскоре восстанавливается. Во второй половине IV в. до н. э. он окружается крепостной стеной шириной 2,36 м из крупных плит известняка. (Худяк М. М., 1962, с. 33—35, табл. 28, 29). В стене прослежен проезд шириной 1,16 м и калитка. К западу от проезда стена круто поворачивала к югу и была укреплена дополнительной кладкой. В конце

IV в. до н. э. проезд был заложен и в этой части степи функционировала только калитка.

В святилище Деметры возводится новое здание площадью 11×8 м, имевшее одно помещение неправильной прямоугольной формы. Под вымощенным плитам полом находилась фависса. К северо-западу от здания стоял алтарь из хорошо отесанных плит известняка. В конце III в. до п. э. святилище Деметры перестало существовать.

К юго-востоку от здания конца VI—V вв. до н. э. открыто общественное здание IV в. до н. э., от которого сохранились нижние ряды кладок стен и керамические украшения верхних частей здания (акротерий с изображением женской головы, два обломка карниза с пальметками, бутонами лотоса, жемчужником и водосливом в виде львиных голов (Худяк М. М., 1952, с. 30, рис. 24). В центральной части городища Н. Л. Грач в 1966 г. обнаружила фундаменты большого здания III в. до п. э., сложенного из розового мергеля вторичного использования с полом из известняковой крошки и с подвалом. Поблизости прослежена улица IV в. до п. э. шириной 4 м, содержащая несколько слоев каменно-черепяных вымосток. Вдоль нее проходил каменный водосток. После сооружения дома из мергеля, водосток был разрушен, но улица продолжала функционировать и в первые века нашей эры. Другая улица V—III вв. до п. э., обнаруженная к востоку от дома, была устроена на искусственной террасе, укрепленной подпорной стеной. Она вела к калитке в южной крепостной стене. Под ее вымосткам обнаружены два каменных водосборника. Сточные воды по водостокам собирались в цистерны или же отводились за пределы города. Ко II в. до н. э. относится большой дом, состоящий из нескольких помещений. В одном из них найдено сооружение из постоянных на ребро плит, пространство между которыми заполнено глиной, а в центре установлен четырехугольный камень с углублением в верхней части. На глине и камне прослежены следы огня. Ориентация здания с северо-запада на юго-восток свидетельствует об изменении планировки города в указанный период, поскольку дома VI—V вв. до п. э. — первых веков нашей эры имели направление север — юг.

В первые века нашей эры в центральной части Нимфея проводятся большие перепланировочные работы, с которыми связаны огромные перемены земли. В верхних слоях обнаружены остатки зданий II—III вв. н. э. Среди них большой, неоднократно перестраивавшийся дом, погребший от пожара в III в. Раскопана большая усадьба римского времени с мощным двором, окруженным помещениями с хозяйственными ямами, загородами и кормушками для скота. Ряд домов I — начала II в., отделенных друг от друга улочками и переулками, открыты в южной части раскопа «Г». Все они погибли при пожаре. Незначительные постройки II—III вв. п. э. свидетельствуют о том, что центральная часть города была почти не заселена. В III в. на месте центральной улицы появляются ямы (см. АО 1968 г., с. 300; АО 1970 г., с. 268). На территории святилища Деметры во II—III вв. были выстроены две товчарные печи. К ним примыкали небольшие жилые помещения, сооруженные из остатков степ святилища (Ху-

дяк М. М., 1962, с. 55). В III в. жизнь на городище прекратилась.

Севернее, западнее и южнее города простираются грунтовые и курганные некрополи. Для грунтового некрополя Нимфея характерно два типа погребений: кремация, когда пепел помещается в амфоры и другие сосуды, и труположение в плитовых могилах или в неглубоких могилах четырехугольной формы, вырубленных в скале или грунте и иногда перекрытых камешными плитами. В ряде случаев стенки могил выкладывались сырцовыми кирпичами (Силангьева Л. Ф., 1969). В погребениях VI — начала V в. до н. э. костяки обычно лежат на спине, головой на северо-восток. Погребальный инвентарь состоит из одного-двух сосудов. В мужских погребениях иногда встречается оружие (скифские мечи и наконечники стрел), в женских — украшения, иглы, пряслица. Известно несколько скорченных погребений на правом боку, без инвентаря. В могилах V—IV вв. до н. э. и эллинистического времени сохраняются указанные типы погребений и погребальный инвентарь, но костяки чаще всего ориентированы головой на восток. Погребения в сырцовых гробницах по-прежнему ориентированы на северо-восток. Детские могилы эллинистического времени часто имели плитовые перекрытия и сопровождаются антропоморфными надгробьями, сосудами из серой и красной глины, терракотами и украшениями.

К I—III вв. н. э. относятся погребения в грунтовых ямах, в могилах и склепах, вырубленных в скале и в плитовых могилах с одиночными или парными захоронениями. Склепы состоят из камеры с арочными или прямоугольными входами, закрытыми большими плитами, и дромоса с лестницей. В склепе 7 над входом вырезаны рельефные изображения Афины, Диониса, Папа и Силена. В склепе 11 на стене, противоположной входу, вырезана голова бородатого мужчины. Стены склепа 8 были расписаны. Склепы являлись семейными усыпальницами, содержащими по несколько захоронений в деревянных гробах, зачастую украшенных гипсовыми напеками. Среди инвентаря могил I—III вв. п. э. отметим керамические и стеклянные сосуды, бронзовые фбулы, пряжки и перстни, пастовые, агатовые и грапатовые бусы, монеты, терракоты, золотые украшения. Близи могил часто встречаются конские захоронения.

В курганах Нимфея имеются почти все названные выше типы погребальных сооружений. Большая часть их содержит погребения скифской аристократии, часто с оружием, золотыми украшениями и с захоронениями коней. Некоторые курганные захоронения совершены по греческому обряду. Основная масса курганов датируется V—IV вв. до н. э., но встречаются курганы и более позднего времени.

Мирмекий

Мирмекий располагался на северном берегу современной Керченской бухты, как пишет Страбон (VII, 4, 5), в 20 стадиях от Пантикалея и отождествляется с развалинами древнего города, обнаруженного на скальном мысу в 4 км от Пантикалея (Дюбрюкс П., 1858, с. 15; Блакберг Н. П., 1848, с. 13). Данные Страбона подтверждаются указаниями Клавдия Птолея (III, IV, 3), упоминающего мыс Мирмекий, и Псевдо-Ариана (76, 50). Наиболее

раннее упоминание о Мирмекии имеется в перипле Псевдо-Скларка (§ 68). Его упоминают также Помпонию Мела (II, 3), Плиний (IV, 87) и Стефан Византийский (SC, I, с. 263). Существует мнение, что своим наименованием город обязан древнегреческому слову муравей или гниф (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 166), но, согласно С. А. Жебелеву, название города могло восходить к личному имени ойкюста (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 306, 307).

Город занимал площадь около 6 га и был вытянут вдоль берега. Его западная часть представляет собой возвышенность, закарачивающуюся скалой с площадкой в верхней части, к которой ведут вытесанные в камне ступени. Здесь в 1834 г. были обнаружены два склепа с общим дромосом, из которых были извлечены два мраморных саркофага — один из них украшен скульптурой. Захоронения в черте города дали основание предположить, что эти склепы принадлежали представителям царского дома Восточного Боспора (*Максимова М. И.* и *Наликина М. А.*, 1955, с. 306 сл., рис. 19). В 1820 г. П. Дюбрюк совместно с И. А. Стемповским снял план городища. В первой четверти XIX в. план Мирмекии был снят И. Бларамбергом. Проводили здесь исследования также А. Е. Люченко и П. И. Гросс (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а, с. 98—103). С 1934 по 1938 г. и с 1946 по 1966 г. (с перерывами) систематические и планомерные археологические исследования Мирмекии проводил В. Ф. Гайдукевич (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а; 1952а; 1958б; 1959а; 1963б; 1965).

Обломки позднеархаической керамики и, в том числе, родоско-нонических сосудов второй четверти — середины VI в. до п. э. в юго-западной части городища указывают на время основания города и его первоначальное местонахождение. Напластования и остатки стен жилых домов конца VI — начала V в. до н. э. были выявлены в центральной части городища (*Гайдукевич В. Ф.*, 1959а, с. 27). Открыты две стены постройки конца VI в. до п. э., сложенные из небольших плоских камней желтоватого известняка и пристроенная к ней впритык стена, сооруженная в начале V в. до н. э., а также позднеархаическая яма глубиной 1,35 м, стенки которой выложены мелкими плоскими плитками. В яме найден обломок черепицеобразного сосуда 530-х гг. до п. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1959а, с. 29—35).

В V в. до н. э. Мирмекия достиг наибольших размеров. Однако оборонительными стенами город был обнесен не ранее начала IV в. до н. э. Трасса оборонительной стены проходила от юго-западной части побережья, обгибая город с севера, и выходила к морю в юго-восточной части города (табл. XXX). Возможно, что открытая Ф. И. Гроссом в 1885 г. стена террасы выполняла одновременно и функции южной оборонительной стены. Открыт отрезок северной стены шириной 2,20—2,50 м с башней. Стена двухнастирная с бутом по середине, сложена из глине из крупных блоков известняка, отесанных с лицевой стороны. Башня по фасаду имеет длину 6,20 м, ширину 6 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 139—145). Вдоль восточной границы города выявлены два строительных периода существования оборонительной стены. Рапная стена (шириной 2,40 м) просуществовала IV — первую половину III в. до п. э. В середине III в. до н. э. на ее месте возвели дру-

гую, более мощную стену шириной 3,8 м (*Пругло В. И.*, 1960, рис. 1, 3). В ряде мест (вдоль северной и восточной стен, в центральной части города) открыты остатки улиц, имевших ширину от 2,70 до 4,2 м и переулков (ширина 1,5 м). (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а, с. 123 сл.; 1952а, с. 138 сл.; *Пругло В. И.*, 1960). По материалам эллинистических слоев, наиболее целостно раскрытых на участке «И», можно прийти к выводу, что застройка города в это время велась хаотично. Наряду с рядовыми жилыми домами в городе были общественные здания и частные жилые дома с богатым архитектурным декором, о чем свидетельствуют находки фрагмента каннелированного барабана, рельефной маски сплена, плиты с триглафами от антаблемента эллинистического дома, барабана дорической колонны, фрагментированной дорической капители, а также две плиты с триглафным фризом и архитравом, вытесанные каждая из одного известнякового блока и плита карниза с остатком розеток и с мутулами, являющимися частями антаблемента дорического здания с порталком высотой около 4 м конца IV — начала III вв. до п. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а, с. 108; 1952а; с. 151—154, рис. 31—33).

Одним из типичных домов Мирмекии I—II вв. является «дом винодела» на участке «Б», где жилой комплекс составляет единое целое с производственным зданием — винодельней. Дом состоит из трех помещений, расположенных в его северной части и большого мощеного двора со служебным помещением в его юго-восточной части (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 137, 159, 163—166). С запада к жилому комплексу примыкает здание винодельни, состоящее из двух больших помещений — кладовой и помещения с давящими площадками и резервуарами. На одной из давящих площадок была каменная прямоугольная плита для отжима виноградного сока из мезги (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а, с. 116, 117; 1958а, с. 416). Другой винодельческий комплекс открыт в центральной части городища. Семь помещений группируются вокруг большого мощеного двора. С северо-запада ко двору дома пристроено помещение винодельни, состоящей из одной давящей площадки и резервуара. К этому большому дому с востока примыкает другой, состоящий из трех помещений и Г-образного в плане двора. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958 в, с. 198, 199). Неподалеку от этого дома, к востоку открыт большой жилой и хозяйственный комплекс, состоящий из нескольких помещений, из которых раскопками раскрыто четыре. Одно из помещений занято винодельней II—I вв. до н. э.

На рубеже II—I вв. до н. э. в центральном районе Мирмекии отмечаются следы массового разрушения жилых построек. На рубеже нашей эры эти руины были разобраны, а вся территория подверглась засыпке и нивелировке, в результате которой над развалинами эллинистических домов образовалась насыпь мощностью до 2,50 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1959а, с. 55, 71). В южной части раскопа было открыто 14 помещений первых веков нашей эры, примыкающих к одной стене, вытянутой вдоль улицы. Они являются остатками жилых комплексов, части которых, расположенные выше, не раскапывались (табл. XXX).

Мирмекий был крупным центром боспорского виноделия. На городище открыто 10 винодельческих хозяйств. Наиболее ранняя мирмекийская винодельня (№ 5) начала III в. до н. э. состоит из одной давяльной площадки и одной вместительной цистерны емкостью около 1800 л (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 451, 452). Винодельня (M1), открытая в доме винодела, функционировала с конца III в. до н. э. до середины I в. до н. э. и была разрушена вместе с домом. Затем была перестроена и эксплуатировалась в I—II вв. н. э. Две эллинистические винодельни были открыты в восточной части городища, возле оборонительной стены. Одна из них (M6) III в. до н. э. состояла из двух давяльных площадок и трех цистерн, общей емкостью 7830 л. Во II в. до н. э. винодельня подверглась ремонту, а в I в. до н. э. была засыпана. От другой винодельни (M7), II—I вв. до н. э., сохранились фрагменты давяльной площадки и двух цистерн (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 452, 457; *Пруго В. И.*, 1960, рис. 4, 5). Ко II—I вв. до н. э. относится винодельня (M4) производственный комплекс которой находился в большом здании, состоявшем из двух помещений. В одном из них были сооружены три давяльные площадки (средняя с круглым тарапаном диаметром 1,46 м) и две цистерны, вмещающие 3900 л (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 453—457). К первым векам нашей эры относятся две расположенные рядом одинаковые по площади винодельни M2 и M3 (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 409, рис. 54). Они включали по три смежных давяльных площадки и по три цистерны. Там же найден железный нож для срезаания виноградных гроздьев (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 185, рис. 91; 123, 7).

Из производственных сооружений, открытых в Мирмекии, интересно рыбозасолочное хозяйство III в. н. э., обнаруженное в возвышенной части города. Восемь рыбозасолочных цистерн располагались в помещении в две линии по четыре в каждом ряду. Общая вместимость всех их 116 м³. Цистерны покрыты несколькими слоями розовой глины. Вдоль наружной северо-восточной стены помещения обнаружено 23 углубления от столбов, поддерживавших навес. Рядом найдены днища пифосов, в которых хранилась соленая рыба, а в одном из пифосов — сосуд для вычерпывания рыбы из ванн (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 195, 204—208).

В Мирмекии открыты остатки гончарного и литейного производств. Об этом свидетельствуют находки литейной формы (*Пруго В. И.*, 1965, рис. 37), формочек для выделки рельефных сосудов, а также наличие рельефных сосудов местного производства, изготовленных по слепкам, сделанным с привозных ваз (*Шуряя Г. Г.*, 1962, рис. 1, 2).

В центральном районе города открыт зольник высотой около 3 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1965). Прослежены два периода его существования: «зольник I» и «зольник II». «Зольник I» возник над остатками святилища, датруемого рубежом VI—V вв. до н. э.—серединой V в. до н. э., от которого сохранились остатки трех помещений и мощеного двора. В одном из помещений обнаружен алтарь с углублением, заполненный золой (*Gajdukevich V. F.*, 1971, с. 182, fig. 48). «Зольник I», функционировавший со второй половины V по начало IV вв. до н. э. пло-

щадью около 150 м², состоит из зольных напластований толщиной до 1 м. В его верхней части в крайне фрагментарном состоянии была открыта ограда из небольших плиток. В «зольнике I» найдены, главным образом, обломки многочисленных аттических клинков, среди которых на одном фрагменте было граффити с посвящением Афродите, что позволило высказать предположение о связи «зольника» с культом Афродиты (*Гайдукевич В. Ф.*, 1965, с. 34). «Зольник I», как уже указывалось, был перекрыт напластованиями «зольника II», площадь которого приближалась к 600 м². Толщина «зольника II» более 2 м. Судя по монетам, он образовался в период от 320—280 гг. до н. э. до 250—230 гг. до н. э. Среди многочисленных находок — терракотовые статуэтки, преимущественно женские (особенно много протом Деметры), а также статуэтки, представляющие жавровые спелы, более 700 клейменных амфорных ручек, главным образом, синопских. Часто встречаемые граффити со словом *ἱερὸς* («священный»). На одном черепковом блоке рубежа IV—III вв. до н. э. начертаны имена двух жертвователей. Над «зольником II» была открыта плитовая ограда высотой 0,5 м, огораживавшая его с восточной стороны на протяжении 15 м. Мирмекийский зольник скорее всего является частью большого культового комплекса. Он и играл роль алтаря, на котором сжигались жертвоприношения, сюда свозились также пришедшие в негодность культовые предметы, многочисленные погребования, а также зола из всех очагов святилища.

Некрополь Мирмекии прослеживается в северном и восточном направлениях от города. На западе он сливается с обширным некрополем Пантикалея. В XIX—начале XX в. некрополь раскапывали Ф. И. Гросс, К. Е. Думберг, А. А. Бобринский и В. В. Шкорял (ОАК 1882—1888, с. 88, 215; 1889, с. 10; 1898, с. 19; ИАК, вып. 17, 1905, с. 70—76; вып. 30, 1909, с. 78—96). В 1953 г. раскопки велись в районе поселка им. Войкова (*Капошина С. И.*, 1959, с. 108 сл.). Наиболее ранние захоронения относятся к началу V в. до н. э., поздние — к III в. н. э. Самым распространенным типом могил были прямоугольные ямы, часто высеченные в скале и перекрытые плитами, деревом или черепицами. Имеются скелы, трапециевидные в разрезе, перекрытые плитами, со специальными входами. Реже встречались могилы со ступенькой с одной стороны и подобные могилы, заложённые плитами. Зафиксированы высеченные в скале семейные скелы с лежанками и нишами, датруемые III в. н. э. Характер погребального обряда — греческий (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 255; *Капошина С. И.*, 1959, с. 144; *Кастанаян Е. Г.*, 1959, с. 287).

Тиритага

Руины Тиритаги открыты в 41 км от Пантикалея, возле современного поселка Аршинцево на северном берегу морского залива (в настоящее время Чурубашское озеро). Город упоминается Псевдо-Аррианом (76), Птолемеем (III, 6. 3) и Стефаном Византийским. Согласно Плинию (IV, 86), в этом месте был город Дня. В. Ф. Гайдукевич полагал, что «Дня» — название Тиритаги в римское время (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а, с. 91) или же «Дня» была на

месте одного из двух поселений, известных поблизости (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958г, с. 185). По мнению В. Д. Блаватского, «Для» — греческое наименование города, а «Тиритака» — местное, восходящее к древнейшему догреческому поселению, предшествовавшему основанию греческого города (*Блаватский В. Д.*, 1954в, с. 22, 23). Планомерные исследования города велись с 1932 г. Ю. Ю. Марти, Л. М. Славиным, а с 1946 по 1957 гг. раскопками городища руководил В. Ф. Гайдукевич (*Гайдукевич В. Ф.*, 1937; 1940а, в; 1952б, в; 1958).

Город был основан понтийскими переселенцами в середине VI в. до н. э. на месте поселения эпохи поздней бронзы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 172). Он имеет форму неправильного четырехугольника, острым углом обращенного к югу (табл. XXXI). В западной части города были выявлены остатки двух зданий второй половины VI в. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 74—86, рис. 85). Одно из них состояло из трех помещений (табл. XXXII). Каменная кладка служила покоем, на котором возводились сырцовые стены. В помещении I найдены следы двух очагов, один из которых был сложен из плиток известняка, обмазанных изнутри глиной. Возле второго, от которого сохранилось сильно обожженное пятно диаметром в 1 м, были найдены: терракотовая раскрашенная маска, статуэтки богини, красноземская амфора, две коринфские котлы, нижняя часть фрагментированного алтаря, фрагменты лещинной чаши в лопелю соеда (табл. XXXII), (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 77 сл.). В V в. до н. э. Тиритака была окружена оборонительной стеной, при этом западная торцовая стена первого дома была включена в крестовую стену, а стены второго архаического здания были разрушены. В южной части городища были открыты два ряда кладки оборонительной стены шириной 1,70—1,80 м. Стена двухпанцирная из крупных хорошо отесанных плит неправильной формы с бугром посредине (*Марти Ю. Ю.*, 1941а, с. 14). Два других отрезка этой стены шириной около 2 м открыты в западной части (*Кипсович Т. П., Славин Л. М.*, 1941, с. 42). На рубеже IV и III вв. до н. э. городские стены капитально перестраиваются. В южной части городища выявлен участок стены шириной 2,40 и 2,68 м с башнями (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 17—21). Основной массив стены из бутового камня, облицовочная кладка из крупных плит шириной до 1 м с рустом на лицевой стороне. Башня I из крупных квадров известняка, сложенных насухо, является южной точкой обороны города. На северо-восток от нее раскрыта частично башня III. Между ними был введён в город с вымосткой и следами ворот (*Марти Ю. Ю.*, 1941а, с. 14 сл.). Башня II пристроена вплотную к оборонительной стене, вероятно, в позднеэллинистическую эпоху. В северо-западной части возле трапезничной башни IV, по-видимому, были городские ворота (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 17).

В северном углу города открыта западная оборонительная стена, фланкирующая ее угловая башня и отрезок северной стены. В этой части фортификационных сооружений четко выделяются две кладки — основная, из крупных плит на глине толщиной 2,30 м и облицовочная — шириной до 1,60 м. В угловой башне обнаружена четырехугольная амбразура

высотой 0,15 м, шириной 0,24 м и стена из рустованных плит на высоту до 2 м. К юго-востоку раскрыта еще одна башня со стенами шириной 1,30—1,40 м. Ее внешний фасад сложен из рустованных блоков известняка, лежащих поверх кладки из крупного бута высотой 1 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958г, с. 153 сл.). Внутренний папцирь оборонительной стены сооружен из грубо обработанных плит. Оборонительные сооружения города продолжали функционировать и в римское время. Значительно меньше известно о градостроительстве Тиритаки. У южной оборонительной стены открыта улица с двумя горизонтальными вымостками эллинистического периода. В римское время вымостка была засыпана (*Марти Ю. Ю.*, 1941а, с. 18). В центральной части южного района между зданием виноделни и домом первых веков нашей эры выявлена улица шириной 4,80—5,30 м, вымощенная щебнем и черепицей. Представление о жилищных эллинистического времени дает каменный дом III в. до н. э. площадью около 40 м² с двумя смежными помещениями. В меньшем из них найдены круглый жернов и дно пифоса (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 43 сл.). Значительно лучше изучены строительные остатки первых веков нашей эры. Город оставался в границах эллинистических стен, во intensoвено перестраивался. В южной части городища открыта улица шириной до 5 м, северо-восточнее которой был район с рыбозасолочными ваннами. Эта часть города располагалась на верхней террасе, поддерживаемой подпорной стеной. К западу от улицы раскрыт жилой дом I в. н. э., состоящий из четырех помещений и двора с плитовой вымосткой. Дом существовал до рубежа II—III вв. (*Кипсович Т. П., Славин Л. М.*, 1941, с. 47 сл.). Наиболее интересен «дом рыбака», погибший в пожаре во второй половине IV в. в связи с гунгским нашествием (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 108 сл.). Дом состоял из центрального двора, вымощенного крупными плитами и семи помещений. Водосток, выводил сточные воды за пределы дома. Лестница у входа в помещение вела на второй этаж. Во дворе обнаружено ложе давилного пресса виноделни. В нижней части одной из стен помещения были замурованы в культовой нише кости поросенка, ягненка и свиньи, присыпанные морским песком и прикрытые черепицей амфоры в сероглиняном свестильнике. В помещении I на высоте 1,25 м от пола сохранилось вытянутое окно, шириной 0,55 м, а под ним прямоугольный очаг со стенками из каменных плит. Помещения III и IV были кладовыми. В самом большом помещении V, в которое со двора вел лестничный спуск из пяти ступеней, сохранился очаг. Среди фрагментов разнообразной посуды в глиняном горшке обнаружены 227 боспорских монет от 276 до 332 гг., три серебряные сержки, перстень, миниатюрный бронзовый полый цилиндрический футляр с двумя ушками для продевания шнура. Там же были и так называемые «галлы» — краситель в виде овальных шариков, использовавшийся и как дубильное вещество. В помещениях дома постоянно находили предметы, связанные с рыболовством и с переработкой рыбы. К юго-западной стене помещения I снаружи примыкала рыбозасолочная цистерна. Найдены амфоры с остатками рыбы, камешные грузила, костяной пог для чистки рыбы, иглы для плетения сетей.

В южных и юго-западных кварталах города вскрыто несколько групп крупных рыбозасолочных хозяйств, в том числе 16 рыбозасолочных цистерн I—III вв. были вплотную пристроены (со стороны города) к южной оборонительной стене (*Марти Ю. Ю.*, 1941а, с. 21—23). Северо-западнее этого комплекса раскрыто две группы рыбозасолочных цистерн, одна из которых возникла, возможно, еще в конце I в. до н. э. Здесь были открыты пять цистерн. Еще далее на северо-запад обнаружены две рыбозасолочные цистерны IV в. н. э. глубиной 3,25 м (*Книпович Т. Н., Славин Л. М.*, 1941, с. 52 сл.). Рыбозасолочное хозяйство III в. из шести цистерн, расположенных в три ряда попарно, раскрыто на верхней террасе у западной городской стены. Там же был сложенный из плит ларь, по-видимому, для хранения соли. Четыре рыбозасолочных хозяйства открыты в восточной части города близости от моря (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 47 сл.). Одно состояло из шести рыбозасолочных цистерн, расположенных попарно в три ряда. Воле их были обнаружены дна шести пифосов, очевидно, для хранения готовой продукции. В трех остальных имелось по четыре цистерны в каждом. Два хозяйства существовали с рубежа I—II вв. н. э. до конца III в., а два других — с I по IV вв. н. э. В этом же районе обнаружены три цистерны для засолки рыбы, функционировавшие до конца IV в. п. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958г, с. 173 сл.) В Тирпатаке найдены остатки семи виноделен, из них две эллинистических, две II—III вв. п. э. и три — III—IV вв. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 25 сл.; 1958 г, с. 422 сл.).

Грунтовой некрополь в непосредственной близости от городища исследовался в 1933 и 1934 гг. (*Блаватский В. Д.*, 1941в; *Кобылина М. М.*, 1941, с. 75—84; *Марти Ю. Ю.*, 1941в, с. 30 сл.). Наиболее ранние из погребений относятся к V в. до н. э. Это, главным образом, земляные могилы, перекрытые известняковыми плитами, а также круглые в плане ямы с кремацией. При раскопках курганов в середине XIX в. были открыты погребения IV—III вв. до н. э. Большая часть открытых погребений относится к I—IV вв. п. э. По-прежнему есть групповые могилы, перекрытые плитами, и большие земляные склепы — двухкамерные и однокамерные с дромосами. Вход в камеру закладывался большой прямоугольной плитой. Как разновидность этого типа склепов отмечаются земляные склепы со сводчатыми камерами.

Порфмий

Городище, отождествленное с Порфмием, упоминаемым в периле Псевдо-Арриана (69,76) и у Стефана Византийского (SC, I, с. 264) расположено вблизи побережья у наиболее узкой части Керченского пролива. С 1953 г. исследует Е. Г. Кастанаян (*Веселов В. В.*, 1952; *Кастанаян Е. Г.*, 1958б; 1972). Порфмий возник, вероятно, в конце VI — начале V в. до н. э. и существовал до первых десятилетий I в. до п. э. Площадь города около 0,65 га (табл. XXXIII, 1). Начальный период жизни города следовал слабо. Открыты остатки дома конца VI—V вв. до н. э., стены которого возведены на материковой скале. В конце V — первой половине IV в. до п. э. на этом месте возводится большое здание,

состоявшее из четырех помещений. Стены сложены из местного грубо отесанного известнякового камня на доколе из прямоугольных плит. Во второй половине IV в. до н. э. строится новое здание. Одна из стен шириной 1 м служила на протяжении всех трех строительных периодов. Стены ранних построек ориентированы по линии восток-запад. Находки обломков сырцовых кирпичей позволяют предположить, что отдельные стены дома V в. до п. э. были возведены из сырца на каменном доколе. В наиболее ранних постройках конца VI — начала V в. до п. э. были найдены обломки однолезвийных мечей типа махайры и наконечник копья VI — начала V в. до п. э. В середине III в. до н. э. город был построен заново на сивелированных руинах более ранних зданий, разрушенных, возможно, вследствие какой-то катастрофы в первой половине — середине III в. до п. э. Новый город был сооружен по одному плану, ориентированному строго по странам света. Он был окружен оборонительной стеной, сооруженной одновременно с городскими кварталами. Раскрыта северо-западная часть оборонительной стены, угловая башня и к югу от нее западный участок стены. Стена шириной немногим более 2 м сложена из крупных глыб известняка на глине. Стены северо-западной угловой башни более мощные, толщиной около 3 м. Воле башни, в западной стене были ворота. Вторые городские ворота шириной 2 м открыты в средней части северной стены. Со стороны города они были укреплены пилонами, сооруженными по хорошо отесанным квадров известняка. Эти ворота были заложены во II в. до н. э.

Основу планировки города составляют пересекающиеся под прямыми углами продольные и поперечные улицы. Выявлены три продольные улицы, идущие с востока на запад с интервалом в 11 м. Ширина их колеблется от 1,50 до 1,75 м. 1-я Продольная улица была вымощена втрамбованными в глину черепками, а вдоль ее северного края шел тротуар из плит известняка. Поперечные улицы шириной 1,50 м лежат на расстоянии 63 м друг от друга.

Жилые дома эллинистического времени сгруппированы в блоки по кварталам, средний размер которых 63×11 м. (табл. XXXIII, 1, 2). Вся городская территория состояла из шести кварталов. Дома сооружены из известняковых плит неправильной формы вперемешку с бутовым камнем на глине. Обычный дом эллинистического периода состоит из двух-трех помещений и мощного дворика прямоугольных очертаний. Площадь двориков 20—30 м², жилых помещений — 15—20 м². Отдельные помещения имеют площадь 35 м², а дворы около 50 м². Ширина помещений 5 м при различной их длине. В северном квартале, пристроенном к оборонительной стене, дворики располагались в южной части дома, тогда как в домах к югу от 1-ой Продольной улицы дворы находились в северной части. Выход на улицу из дома был через дворик. Дома были крыты боспорской и сивонской черепицей. В помещениях открыты печи.

Разнообразие импортной керамики и терракот (табл. XXXIII, 3—5), обилие амфор, множество монет свидетельствуют о том, что Порфмий, по-видимому, играл роль складского и перевалочного пункта (*Кастанаян Е. Г.*, 1958б, с. 207). Однако, важ-

вейшая функция Порфмия заключалась в охране перешагива с европейского берега Босфора на азиатский. Местоположение некрополя неизвестно.

Илурат

Название города упоминается Клавдием Птолемеем (SC, I, с. 259). П. Дюбрюкс составил план городища (табл. XXXIV, 1) (Дюбрюкс П., 1858, с. 54—63). В. Ф. Гайдукевич отождествил городище с упоминаемым Птолемеем Илуратом (Гайдукевич В. Ф., 1950). В 1947 г. В. Ф. Гайдукевич провизел там разведку, а с 1948 г. по 1960 г. он проводит планомерные археологические раскопки города и частично некрополя (Гайдукевич В. Ф., 1958б). С 1968 г. город исследует И. Г. Шургая (Шургая И. Г., 1970; 1975). В 1968—1976 гг. раскопки некрополя проводил М. М. Кубланов (Кубланов М. М., 1971; 1972; 1976).

Город, основанный в середине I в. н. э., расположен на высоком плато, которое имеет наклон к северо-востоку и занимает площадь около 2 га. Разница в уровнях северо-восточной и юго-западной границ города составляет 15 м, поэтому при его застройке использована террасная система. Высота террас от 0,6 до 2 м (табл. XXXIV, 2). Город по периметру был окружен оборонительными стенами, фланкированными башнями. Ворота находились посередине юго-восточной и юго-западной стен. Протяженность юго-восточной стены 200 м, юго-западной — 100 м, северо-восточной — 150 м. Наиболее мощной, до 2,40 м, была кладка стен, ограждавшая город со стороны плато (юго-восточной и юго-западной). Стены сооружения второго оборонительного пояса, толщина стен достигла 6,40 м. Ранняя стена с лицевой стороны сложена из широких плит известняка на глине, с внутренней из буттового камня. Облицовка дополнительного четырехметрового пояса сложена из крупных грубо обработанных блоков известняка. Юго-восточная стена имела четыре башни. Северо-восточная угловая башня I выступала на 4 м от внешнего фасада стены. На расстоянии 31 м от нее стояла башня II. После перестройки стены она имела длину 14,50 м и выступала от линии стены на 6 м. В южной башне высотой до 5 м хорошо сохранился дверной проем входа в башню с притолокой. К юго-западной стене была пристроена лестница из хорошо отесанных блоков известняка, связанная с двором жилого дома. В проеме юго-западных ворот города сохранился паз для засова, зашпавшего ворота. В северо-западной оборонительной стене толщиной 3,15 м, огибанной уступы крутого обрыва (табл. XXXIV, 2), открыта калитка шириною 1,20 м. Возле калитки было небольшое караульное помещение. С оборонительной системой Илурата связан подземный ход, обнаруженный и частично раскопанный П. Дюбрюксом (Дюбрюкс П., 1858, с. 56). В 1949 г. он был расчищен на протяжении 7 м. Ширина его 0,40—0,90 м, высота — 1—1,20 м (Гайдукевич В. Ф., 1958б, с. 111, 112). Прорубленный в скале ход вел за пределы крепости к основанию холма. Помимо основного пояса оборонительных стен, вполне возможно, были дополнительные укрепления (Дюбрюкс П., 1858, с. 55—58; Гайдукевич В. Ф., 1950, рис. 1а, б; 1958б, с. 20 сл.).

Основу планировки города образуют две широкие улицы, Большая Продольная и Большая Попереч-

ная, пересекающиеся под прямым углом. Большая Продольная улица шириной 5 м проложена от юго-западных ворот, рассекает город на две части, ее, в свою очередь, пересекают через равные интервалы 12—14 м, десять улиц поперечного направления шириной 1—1,80 м. Они были параллельны Большой Поперечной улице шириною 3,30—4,50 м, идущей от юго-восточных ворот. Вторая поперечная улица проходит по краю террасы. Уровень полов, примыкавших к ней домов 2 и 3 на 2—2,10 м ниже вымостки улицы и в них вели монументальные лестницы шириною 1,35 м, сложенные из плит. Следы террасной системы встречены и на центральном участке (Шургая И. Г., 1975, с. 105, рис. 2, 2). В одном из домов (открытых в центральной части города) помещения находятся на 0,60 м ниже вымостки двора, находящегося на уступе другой террасы, устроенной на подсыпке. В пределах юго-западного участка, где склон холма не так крут, как в центральном и северо-восточном районах города, террасы не строились. Большая Продольная и Большая Поперечная улицы вымощены щебнем с черепками, поперечные улицы на участках I и IV вымощены плитами известняка. Одна из них вымощена щебнем. По обеим сторонам Большой Поперечной улицы открыты остатки тротуара из плит. Оборонительные стены города — их первоначальный пояс — по основным стенам кварталов были выстроены одновременно из местного камня.

Выделяется пять разновидностей илуратского дома, ядром которого был мощный плитамы двор. Многие дома были двухэтажными. Как правило, значительную часть дома занимает большое помещение, в котором сосредоточены все основные хозяйственные сооружения, большая печь, разнообразные загородки из плит (табл. XXXIV, 3), стальные печи, многочисленные бытовой инвентарь — посуда, орудия труда, предметы культа. Печи, как правило, сооружались из вертикальных плит, внутри были одни или два саманных столбика, на которые опирались глиняная с примесью самана плита. Дым выходил через дымоходное отверстие в стене (Гайдукевич В. Ф., 1958б, рис. 6—9). Загородки из двух параллельных рядов плит высотой до 0,50—0,80 м, вкопанных в землю, служили яслями для засыпки корма, в них хранили проволочество и предметы быта. Зерно сыпали в пифосы или в ямы грушевидных очертаний, выдолбленные в скале. Устья ям обкладывались каменными плитами и закрывались каменными крышками.

О занятии земледелием, помимо зернохранилищ, говорят пахотки сельскохозяйственных орудий — серпов, кос и железного паралыка. четырехугольных гранитных и известняковых круглых жерновов и разнообразных каменных ступ. О животноводстве свидетельствует как обилие костей домашних животных, так и маслوبيки, чашки-цедилки. В небольших масштабах могло быть развито домашнее виноделие, судя по обломку небольшого тарапана, а также ткацкое и гончарное ремесло. Найдена глиняная форма для изготовления статуищиков с многочисленными лепные сосуды и статуэтки, как жаровые, так и культовые, связанные в первую очередь с женским божеством плодородия. С этим божеством связан и глиняный итемпель для отрискивания изображений на культовых лепешках, найденный в помещении

29 на участке I (*Гайдукевич В. Ф.*, 19586, с. 58, 68, 79—89).

На IV участке открыты алтарь в виде плиты и алтарь, сложенный из плит, над которым возвышался зольный холм. В его зольной насыпи найдены четыре миниатюрные статуэтки и небольшой культовый сосуд (*Шургаа И. Г.*, 1975, рис. 3). В северо-восточной части города возле башни I открыто большое святилище, изолированное от других построек (*Гайдукевич В. Ф.*, 19586, с. 37—47). Возле его стен на возвышении из материковой скалы обнаружено воронкообразное углубление, а рядом следы большого костра, в золе которого найдены кости козы. В северо-восточном углу святилища на столе в виде большой треугольной плиты, лежала меньшая плита, а на ней человеческий череп. На одном из его шейных позвонков обнаружен след рубящего удара. Здесь же были кости курицы (*Гайдукевич В. Ф.*, 19586, с. 41—46).

Илурат погреб при нашествии готов в 70-х годах III в. н. э. Некрополь Илурата занимал территорию к северо-западу от городища, где найдены плитовые могилы и к юго-западу и юго-востоку от городища, где открыты погребения в склепах. Большая часть склепов представляет собой вырубленные в скале неправильных очертаний камеры, в которых вели дромосы, обычно с грубо высеченными в скале ступенями. Есть также сложенные из хорошо отесанных квадров известняка большие склепы правильной геометрической формы. В отдельных склепах отмечены следы устройства клинчатого свода, иногда склепы представляют собой катакомбы с каменными «лежанками» (*Гайдукевич В. Ф.*, 19586, с. 139 сл.).

Китей

Городище находится на высоком обрывистом берегу Черного моря в 38 км к юго-западу от Пантикаепа. Руины города в настоящее время занимают 4,5 га (*Марти Ю. Ю.*, 1928, с. 120). Китей (Кит, Кидеака) упоминается в сочинениях Псевдо-Скилака (68), Плиния (IV, 86), Птолемея (III, 65), Стефана Византийского. Его местоположение подтверждается находкой храмового стола — массивной плиты с двумя подставками в виде бюстов карнатид с надписью 234 г. н. э., сообщающей о сооружении обширной города Китея храма «богу гремящему» (КБН, 942). Первый план его был составлен П. Дюбрюком. Небольшие раскопки здесь проводились в 1928, 1929 гг. (*Марти Ю. Ю.*, 1929; *Гайдукевич В. Ф.*, 19596, с. 223), в 1957 г. (*Белова Н. С.*, 1961), а с 1970 г. раскопками руководил С. Сессонова, а затем Е. А. Молев (см.: АО 1971—1977 гг.). В целом время жизни города определяется примерно с V в. до н. э. до V в. н. э. В IV в. до н. э. Китей был окружен стенами толщиной около 2,5 м с башнями и рвом. В I в. н. э. эти укрепления были усилены второй стеной,шейшей влотноую, параллельно первой с внешней стороны. Она была сооружена из больших необработанных камней и бута и имела пирицу до 3 м. В центре, вблизи зольника, где была найдена упомянутая надпись, по-видимому, в паходился храм «богу гремящему». Там же обнаружены и мраморные солнечные часы, украшенные рельефным изображением головы быка. Зольник существовал в течение всей истории города. К III в.

до н. э. относится жилое помещепце с очагом и дистерной для воды, раскопанные на берегу. От II—IV вв. н. э. дошли остатки двух стед довольно большого здания, мостовой, жилых построек с зернотеркамп, камепными кормушками, зерновыми ямами, пифосами. В слое III—IV вв. н. э. на западном раскопе открыт комплекс, бывший, видимо, мукомольней. Вблизи города прослеживаются остатки оград земельных участков, следы домов пли усадеб. Находки бракованных гончарных изделий и остатков металлических шлаков говорят о существовании местного керамического и металлургического производства. Изобилие глиняных грузил, костяных игл для вязания сетей, множество костей рыб (судак, красная рыба) и раковин мидий свидетельствует и о запятии жителей Китея рыболовством.

Севернее и северо-западнее города находились грунтовый и курганный некрополь. Наиболее ранние захоронения в нем относятся к IV—III вв. до н. э. Некоторые из них имеют скифские черты. В первые века нашей эры распространение получили семейные усыпальницы высеченные в скале, земляные и сооруженные из плит.

Киммерик

Упоминается Псевдо-Аррианом (§ 76) как один из наиболее удаленных к югу от Пантикаепа городов и Страбонем (XI, 25). Остатки города обнаружены в 50 км к югу от Пантикаепа на мысу, расположенном между берегом Черного моря и озером Элькен, в древности являвшимся, по-видимому, морским заливом. В округе Киммерика обнаружена крепость на плато Опук и ряд небольших поселений на южном берегу озера и на восточном склоне горы Опук (холм А) (табл. XXXV, 1). П. Дюбрюке сплал план городища (хотя ошибочно отождествил его с Китеем) и крепости на горе Опук (рис. XXXV, 4) (*Дюбрюкс Л.*, 1858, с. 63—75). Проведя небольшие разведочные раскопки, он обнаружил водоем, дно которого украшал геометрический орнамент, выложенный галькой (*Кругликова И. Т.*, 19586, рис. 1, 2). И. П. Бларамберг составил его описание и план. Он верно отождествил город с древним Киммериком. В 20-х гг. XX в. Ю. Ю. Марти провел небольшие раскопки на западном склоне горы Опук, обследовав также и развалины оградительной стены между городским поселением и берегом оз. Элькен (*Марти Ю. Ю.*, 1928, рис. 1—10). В 1947—1949 гг. И. Б. Зеест производила раскопки на двух холмах — «Земный» и «Большой» (*Зеест И. Б.*, 1949а, б; 1950). В 1950, 1951 гг. И. Т. Кругликова продолжала изучение города на западном склоне г. Опук (раскоп «Береговой») и исследовала поселение на восточном склоне горы (холм А) (*Кругликова И. Т.*, 19586, с. 223—236). На западном склоне г. Опук, на месте греческого города наиболее ранние находки керамики относятся к V в. до н. э., но стропильных остатков этого времени не обнаружено. В эллинистическую эпоху центральная часть Киммерика, вероятно всею, паходилась в районе Большого холма. Она была окружена с южной, западной и северной сторон стеной циклопической кладки (*Зеест И. Б.*, 1949а, рис. 20), которая отмечена и на плане И. П. Бларамберга (*Марти Ю. Ю.*, 1928, с. 5, рис. 5). Стена тянется в восточном на-

правлении, где удастся проследить два ее внешних фасада, сложенных из огромных необработанных блоков известняка, с зубчатой внутренней пространств. Аналогичная стена толщиной 2,50 м ограждала порт Киммерика. В восточной части плато на горе Опук находилось укрепление. В его северной части была цитадель, прямоугольная в плане с мощными стенами толщиной более 4 м из блоков известняка. Идущая к югу от цитадели стена пересекает плато поперек. Сохранились ворота и остатки фундаментов двух башен. Крепость была построена в I в. до н. э., но существовала и во II—III вв. н. э. (*Зест И. Б.*, 1949б, с. 94). От оборонительных сооружений плато в восточном направлении по склону горы идет стена («Восточная стена») толщиной 2,50—3,00 м, длиной 500 м с пятью башнями, оборонявшая район восточного и южного склонов горы. Укрепления Киммерика, видимо, составляли единую систему обороны вместе с Узунларским валом.

К III в. н. э. относится здание, раскопанное по «Змеиной холме» у берега моря. Оно включало дворик и три помещения, расположенные на трех террасах. Полами всех помещений служила горизонтально стесанная скала. Крыша дома была глинобитной, глиной облицовывалась и внутренняя поверхность стен помещений. В помещении В найдены две ступы, сложенный из плит столик и зернотерка. На полу этого и соседнего помещения найдены обуглившиеся зерна пшеницы и ячменя, которые, вероятно, хранились в больших амфорах и пифосе. Помещение Г, возможно, было кладовой, где, кроме зерна, хранились и рыболовные снасти (*Зест И. Б.*, 1950, с. 101 сл.).

На раскопе «Береговой» открыта часть здания, два сохранившихся помещения которого были пристроены к подпорной стене (табл. XXXV, 6). Они были полуподвальными. Открыт участок мощеной улицы с водосточником из поставленных на ребро плит. Вблизи дома были большие зерновые ямы — хранилища (*Кругликова И. Т.*, 1958б, с. 245 сл.) (табл. XXXV, 6, 7). Находки рыболовных грузов, рыбьих костей, кусков цемьяки от обмазки рыбозасолочных цистерн свидетельствуют о занятиях жителей. В течение III в. н. э. Киммерик, по-видимому, неоднократно подвергался разрушениям и во второй половине — конце III в. н. э. прекратил существование.

Сельская территория

В 50-х годах XX в. были начаты широкие разведки сельской территории (хоры) европейской части Боспора (*Гайдукевич В. Ф.*, 1959б, с. 187; *Веселов В. В.*, 1952; 1959; *Ваагатский В. Д.*, *Шелов Д. Б.*, 1955; *Семенов С. А.*, *Кунин В. Э.*, 1959; *Лесков А. М.*, *Збенович В. Г.*, 1962). С 1953 г. там осуществляются систематические раскопки сельских поселений (*Кругликова И. Т.*, 1950а; 1957б, в; 1958а; 1959а, в; 1960, 1961; 1962а, 1963а, б; 1965, 1968; 1969; 1970б; 1973; 1975а; *Арсеньева Т. М.*, 1963; 1970б; *Петерс Б. Г.*, 1978). Выявлено более 200 античных сельских поселений (см. карты 7—9), позволивших воссоздать историю сельскохозяйственной территории с VI—V вв. до н. э. по I—III вв. н. э. Поселения VI—III вв. до н. э. не имели оборонительных укреплений. Чаще всего они представляли собой

группу построек. Раскопано несколько поселений VI—V вв. до п. э. вблизи Нимфея и Киммерика (карты 7, 8).

Поселение «Героевка» расположено в 5 км к югу от Нимфея. Оно возникло в VI в. до н. э. В V в. до п. э. было временно оставлено жителями, в конце V в. до п. э. жизнь на нем вновь возродилась. Протяженность поселения около 1 км вдоль берега моря. Оно состояло из изолированных построек, отделенных приусадебными участками. Открыты остатки небольших домов, сложенных из плохо обработанных камней, а частично из сырцовых кирпичей, каменный водосток, глинобитная печь, зерновые ямы с колодез глубиной более 8 м, прямоугольный в плане со стенками, выложенными из тщательно обтесанных известняковых блоков. Под каменными ступами одного из домов открыты субструкция из просеков глины и золы глубиной до 3,5 м. Поселение процветает в IV—III вв. до п. э., затем приходит в упадок, дома разрушаются. Но в I в. до н. э. площадь ивешшруют, колодез засыпают и на месте одного из домов возводится монументальное здание усадьбы, сейчас почти полностью обрушившееся в море в результате разрушения береговой полосы. Усадьба существовала с I в. до н. э. по II в. н. э.; в III—IV вв. она разрушена и на всем этом участке был пустырь.

Поселение «Холм А» расположено вблизи Киммерика на восточном склоне горы Опук, на расстоянии около 1 км от берега (табл. XXXV, 1—4). Раскопан дом, от которого сохранились три изолированных жилых помещения с двориками, существовавший с конца VI по IV вв. до н. э. Дворики частично вымощены плитками. В помещениях найдены очаги и зерновые ямы. Возможно, что первоначально дом представлял собой комплекс большого числа помещений, окружавших центральный двор, типа так называемого Торика. Дом был построен над землянкой, в засыпке которой найдена керамика VI—V вв. до п. э. вместе с черепками эпохи поздней бронзы (*Кругликова И. Т.*, 1958б, с. 226).

Около села Марьвека в 8 км к северу от Киммерика обнаружены следы восьми сельских поселений IV—III вв. до п. э. и некрополь с могилками, степки которых выложены мелким плитняком, а перекрытиями служат огромные каменные плиты (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 60). Исследовалось одно из поселений (на поле) площадью 400×200 м. Оно состояло из группы изолированных домов, стоявших с интервалами в 30—40 м. Поселение существовало с V по III в. до п. э., открыты остатки домов с каменными полами, вымостки, очаги. Один из домов имел два помещения с двориком. Инвентарь жилищ очень беден.

Аналогичное поселение раскапывалось у с. Марьфовки в 3 км к западу от Марьевки. Здесь открыт дом из двух помещений и дворика. Стены его из глины и бута лежали на доколе из крупных камней. Второй дом отстоял от первого не менее чем на 22 м. От него уцелела каменная вымостка, часть стен и зольник, в основании которого было круглое сооружение из диких камней (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 65).

Еще далее к северо-западу в глубинной части Керченского полуострова исследовались аналогичные неукрепленные поселения IV—III вв. до н. э.

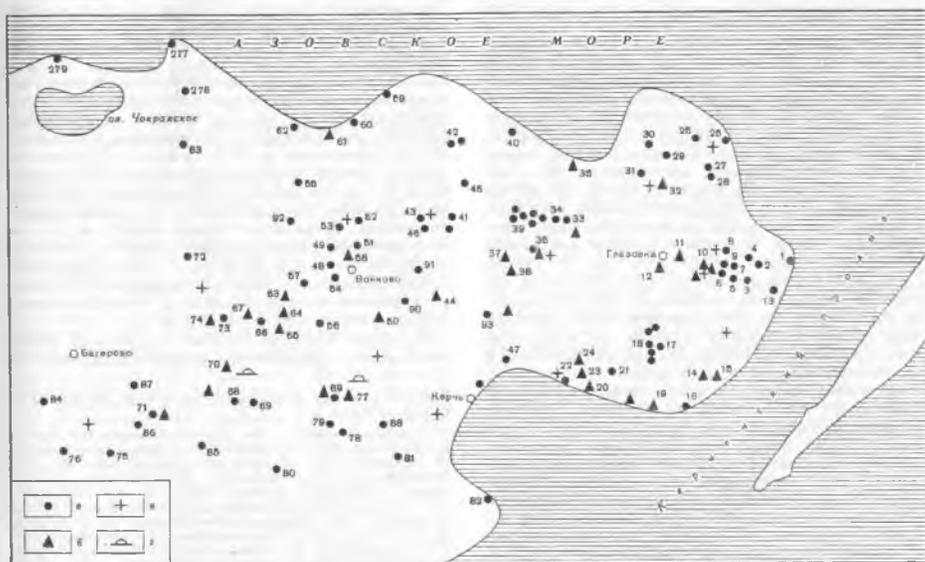

ГЛАВА 5. БОСПОРСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Карта 7. Сельские поселения Европейского Боспора VI—III вв. до н. э.

а — античные поселения и усадьбы. Составитель И. Т. Кругликова

Карта 8. Сельские поселения северо-восточной части Керченского полуострова VI—III вв. до н. э.

а — поселения и усадьбы; б — скопление керамики; в — ве-
прокляты; г — курганы. Составитель И. Т. Кругликова

у деревень Слюсарово и Сазоновка. В Сазоновке раскопаны остатки разрушенных каменных домов из глины и бута. Среди находок единичные обломки терракотовых статуэток и черволаковых сосудов. Много лешных сосудов, орнаментированных черным лощенцем с резными линиями и напелами-выступами. К северо-западу от Феодосии (в округе современного города Старый Крым) открыты 13 сельских поселений. В 1956 г. при раскопках одного из них у с. Айвазовское было найдено девять хозяйственных ям с керамикой конца V—III в. до н. э., в том числе с черлощеными сосудами, украшенными резным орнаментом с белой пикрустацей (возможно, таврскими). Здесь же обнаружены остатки канала IV—III вв. до н. э. шириной 1 м, глубиной 0,5 м.

На поселении Андреевка Южная расположенном в 11 км к западу от Керчи на небольшом холме вдали от моря удалось выявить три периода, связанных с серьезными переменами в жизни его обитателей. Возникновение его относится к концу VI — началу V в. до н. э. Открыто углубленное в землю жилище этого времени с сырцовыми стенами на каменных цоколях, зерновые ямы. Первоначально поселение было небольшим, но к V—IV вв. до н. э. оно разрастается. Раскопаны два дома конца V — начала IV в. до н. э., расположенные на расстоянии 30 м один от другого. Основания стен каменные, в верхней части стены сложены из сырцовых кирпичей размером 40×40×8 см. В одном из домов, состоявшем из одного помещения, найдены краспоглиняные гончарные сосудики, краснофигурный килек и серебряная змейка с золотой головкой (табл. XXXVI, 5, 6, 9, 12). В конце IV в. до н. э. на месте нескольких разрушенных домов строится большая сельскохозяйственная усадьба с двумя дворами, многочисленными помещениями и зерновыми ямами. Общая площадь усадьбы около 1137, 5 м² (табл. XXXVI, 13—15). К стене длиной 45,5 м, ограничивавшей усадьбу с северо-востока, примыкали 11 помещений. В средней части усадьбы между дворами были длинные помещения — стойла для скота. Восточный двор площадью более 157 м², вымощенный плитами, был хозяйственным. Возможно, что западный двор был засажен деревьями, сюда выходила жилые помещения хозяев усадьбы и укрепленная башня (Кругликова И. Т., 1975а, с. 80—92). Кроме здания усадьбы, вблизи от нее строятся отдельные, вероятно, хозяйственные постройки. Среди находок бронзовые боспорские монеты последней трети IV — начала III в. до н. э., много обломков синопских амфор, сероглиняных и краспоглиняных сосудов, терракотовых статуэток, черволаковых сосудов иногда с граффити, бусы из египетского стекла, ручки от бронзового черпака. В одной из хозяйственных построек найдена льячка (табл. XXXVI, 1—4, 7, 8, 10, 11).

Остатки отдельных небольших усадеб с земельными участками обнаружены около деревни Октябрьское в 10 км к западу от Паутикаева. Там исследовалось поселение с сохранившимися оградками земельных участков. На одном из участков площадью 4,5—5 га с виноградником был дом IV—III вв. до н. э. с черепичной крышей. Удалось проследить изменения размеров земельного участка, который в I в.

до н. э. — I в. н. э. увеличился почти в три раза и достиг 13,95 га. Сохранились его каменные ограды. В III—IV вв. н. э. на месте пахотных полей появляются каменные загоны для скота, что позволяет говорить об изменении хозяйственного профиля этой усадьбы (Кругликова И. Т., 1975а, с. 127 сл.).

В 6 км к северо-западу от Имффея находилось поселение Южно-Чурубашское. На план, снятый Рябовым в 1852 г., нанесены следы каменных стен и оград, разделявших древние земельные участки (Гайдукевич В. Ф., 1940 в, с. 317). Раскопки открыли остатки паземных домов и зерновые ямы VI—V вв. до н. э. В конце V—IV вв. до н. э. здесь были построены три дома. Два из них площадью по 29 м² имели по два помещения, третий меньший был однокомнатным. Перед входом в южный жилой дом находился портик, внутри дома были каменные лежаки, лари, очаг. Крыша была черепичной. Поселение состояло из нескольких усадеб. Оно прекратило существование в III в. до н. э.

Группа поселений последовала в северной части Керчского полуострова на побережье Азовского моря. У с. Мысовка (на мысе Казантип) обнаружены остатки двух больших домов IV—III вв. до н. э., сооруженных на месте разрушенной деревни V—IV вв. до н. э. В районе с. Золотое около поселка Золотой Рожок раскапывалась античная деревня, находившаяся на ровном поле в 4 км от моря. Дома IV—III вв. до н. э. сложенные из камней и сырцовых кирпичей с земляными или соломенными крышами располагались в 30—50 м один от другого. Открыты части стен домов, вымостки, очаг, ямы. Еще несколько деревьев V—III вв. до н. э. обнаружены восточнее, на берегу моря.

В течение III в. до н. э. происходят кардинальные изменения на хоре европейского Боспора. Прекращается жизнь на подавляющем большинстве неукрепленных сельских поселений. Часто на их месте возникают крупные усадьбы. Ко II в. до н. э. число крупных усадеб возрастает. Одну из них раскопывал В. Ф. Гайдукевич в 1951—1956 гг. у Солдатской слободы вблизи Мирмекия. Площадь этой усадьбы более 1/4 га. Она имела пять помещений в северной части двора. В южной части были хозяйственные помещения. Открыты две винодельни III в. до н. э. В их цистернах умещалось одновременно 15 000 литров сусла. Во II плн в I в. до н. э. была сооружена третья винодельня. Усадьба была богатой и по своему убранству мало отличалась от городских домов. Она существовала с III по I в. до н. э.

Во второй половине III и во II в. до н. э. возникают новые укрепленные поселения и усадьбы

Гарта 9. Сельские поселения Европейского Боспора II в. до н. э. — III в. н. э.

1 — Глойки; 2 — Маяк I; 3 — Маяк II; 4 — Маяк III; 5 — Маяк IV; 6 — Маяк V; 7 — Маяк VI; 8 — Хрони I; 9 — Хрони II; 10 — Хрони III; 11 — Хрони IV; 12 — Главова; 13 — Жюковка; 14 — Опасюе I; 15 — Опасюе II; 16 — Святливо; 17 — Капанца I; 18 — Капанца II; 19 — Капанца I; 20 — Капанца II; 21 — Капанца III; 22 — Зменный мыс; 23 — Капанца IV; 24 — Капанца V; 25 — Осовны I; 26 — Осовны II; 27 — Осовны III; 28 — Осовны IV; 29 — Юркино I; 30 — Юркино II; 31 — Темыр-гора II; 32 — Темыр-гора III; 33 — Темыр-гора I; 34 — Темыр-гора IV; 35 — Темыр-гора V; 36 — Партизаны I; 37 — Партизаны II; 38 — Партизаны III; 39 — Партизаны IV; 40 — Юркино Ia; 41 — Бондаренково I; 42 — Бондаренково II;

43 — Бондаренково III; 44 — Бондаренково IV; 5 — Бондаренково V; 46 — Бондаренково VI; 47 — Карантишная слобода; 48 — Войково I; 49 — Войково II; 50 — Войково III; 51 — Войково IV; 52 — Войково V; 53 — Войково VII; 54 — Войково VI; 55 — Войково VIII; 56 — Войково IX; 57 — Войково X; 58 — Войково XI; 59 — Тархан I; 60 — Тархан II; 61 — Тархан III; 62 — Тархан IV; 63 — Мичурино I; 64 — Мичурино II; 65 — Мичурино III; 66 — Октябрьское I; 67 — Октябрьское VI; 68 — Октябрьское II; 69 — Октябрьское III; 70 — Октябрьское IV; 71 — Октябрьское V; 72 — Малый Бабчик; 73 — Туркмен I; 74 — Туркмен II; 75 — Андреева Северная *; 76 — Андреева Южная *; 77 — Золотой курган; 78 — Восход I; 79 — Восход II; 80 — Восход III; 81 — Солдатская слобода; 82 — Ан-Бурун; 83 — Кезы; 84 — Багерово; 85 — Октябрьское VII; 86 — Андреевка I; 87 — Андреевка II; 88 — Восход IV; 89 — Восход V; 90 — Войково XII; 91 — Бондаренково VII; 92 — Войково XIII; 93 — Партизаны V; 94 — Либихтовка *; 95 — Либихтовка II; 96 — Либихтовка III; 97 — Тасуново I; 98 — Тасуново I *; 99 — Тасуново III; 100 — Калиновка; 101 — Горнистаевка I; 102 — Горнистаевка II; 103 — Горнистаевка III; 104 — Михайловка *; 105 — Михайловка II; 106 — Новоселовка I; 107 — Новоселовка II; 108 — Новоселовка III; 109 — Марфовка VI; 110 — Марфовка V; 111 — Марфовка II; 112 — Марфовка III; 113 — Марфовка IV; 114 — Марфовка VII; 115 — Марфовка Западная *; 116 — Тамарино I; 117 — Тамарино II; 118 — Тамарино III; 119 — Тамарино IV; 120 — Прудяново I; 121 — Просторное; 122 — Патшикво; 123 — Борисовка I; 124 — Борисовка II; 125 — «Ходы А»; 126 — Опук *; 127 — Каммерш *; 128 — Колп; 129 — Марьевка I *; 130 — Марьевка II; 131 — Марьевка III; 132 — Марьевка IV; 133 — Марьевка V *; 134 — Вязиково I; 135 — Вязиково II; 136 — Вязиково III; 137 — Выхское I; 138 — Выхское II; 139 — Стрелково I; 140 — Стрелково II; 141 — Голубе; 142 — Яковенково I; 143 — Яковенково II; 144 — Яковенково III; 145 — Яковенково IV; 146 — Яковенково V; 147 — Яковенково VI; 148 — Яковенково VII; 149 — Заветное I; 150 — Заветное II; 151 — Заветное III; 152 — Заветное IV; 153 — Заветное V; 154 — Костырино *; 155 — Корепино I; 156 — Корепино II; 157 — Корепино III; 158 — Корепино IV; 159 — Челябинцево I; 160 — Челябинцево II; 161 — Челябинцево III; 162 — Челябинцево IV; 163 — Огоньки I *; 164 — Огоньки II; 165 — Сокольское I; 166 — Сокольское II; 167 — Сокольское III; 168 — Героевка V; 169 — Героевка I *; 170 — Героевка II; 171 — Героевка III; 172 — Героевка IV; 173 — Южный Чурубаш *; 174 — Чурубаш *; 175 — Приозер-

ное; 176 — Огородное; 177 — Васильевка; 178 — Ново-Николаевка I; 179 — Ново-Николаевка II *; 180 — Державино I; 181 — Державино II; 182 — Державино III; 183 — Пресноводная I; 184 — Пресноводная II; 185 — Ново-Отрадное I *; 186 — Ново-Отрадное II; 187 — Золотой Рожок *; 188 — Золотое I *; 189 — Золотое II; 190 — Золотое Восточное бухта *; 191 — Золотое Восточное I *; 192 — Куль-тепе I *; 193 — Куль-тепе II; 194 — Верхнее Загорское; 195 — Зелёный Яр I; 196 — Зелёный Яр II; 197 — Зелёный Яр III; 198 — Песочное I; 199 — Песочное II; 200 — Песочное III; 201 — Виноградное I; 202 — Виноградное II; 203 — Виноградное III; 204 — Слюсарев I; 205 — Слюсарев II; 206 — Слюсарев III *; 207 — Слюсарев IV; 208 — Слюсарев V; 209 — Слюсарев VI; 210 — Левинское I; 211 — Левинское II; 212 — Левинское III; 213 — Сазаповка *; 214 — Фонтан; 215 — Сазаповка II; 216 — Карасевка; 217 — Кирово; 218 — Красная Горка; 219 — Королево; 220 — Ленино; 221 — Ленино II; 222 — Ленино III; 223 — Чапаевка III; 224 — Чапаевка IV; 225 — Чапаевка I; 226 — Чапаевка II; 227 — Красный Кут II; 228 — Красный Кут I; 229 — Семеновка IV; 230 — Семеновка II; 231 — Семеновка III; 232 — Семеновка I *; 233 — Рыбное I; 234 — Рыбное II; 235 — Рыбное III; 236 — Мысовое II *; 237 — Афанасьевка *; 238 — Казантип I; 239 — Казантип II; 240 — Казантип III; 241 — Мысовое; 242 — Батальное; 243 — Батальное II; 244 — Семистотка; 245 — Набережная I; 246 — Набережная II; 247 — Фронтовое I; 248 — Фронтовое II; 249 — Фронтовое III; 250 — Ходимотория I; 251 — Ходимотория II; 252 — Ячменная I; 253 — Ячменная II; 254 — Ячменная III; 255 — Владиславовка I; 256 — Владиславовка II; 257 — Тамбовка I; 258 — Тамбовка II; 259 — Тамбовка III; 260 — Тамбовка IV; 261 — Тамбовка V; 262 — Тамбовка VI; 263 — Петровка; 264 — Береговое I; 265 — Береговое II; 266 — Береговое III; 267 — Дальние Камыши; 268 — Ближние Боевое I; 269 — Ближние Боевое II; 270 — Ближние Боевое III; 271 — Довская; 272 — Романовка; 273 — Гоголевка; 274 — Айвазовское *; 275 — Абрикосовка; 276 — Старый Крым; 277 — мыс Эюк (Зеново Херсонс *); 278 — «Черная гора»; 279 — Мыс-спр; 280 — Генеральское западное *; 281 — Золотое перхее *; 282 — Сиреневая бухта; 283 — Гидральское *; 284 — Куль-Тепе III *; 285 — Беллинское южное; а — поселения и усадьбы; б — небольшие скопления керамики; в — скопления керамики. Знаком * обозначены поселения, подвергавшиеся раскопкам. Составитель Н. Т. Крутикова

(карта 9). На берегу Азовского моря у села Ново-Отрадное с 1953 по 1969 г., с перерывами, исследовалась укрепленная усадьба площадью более 800 м². Она существовала с перестройками от III в. до н. э. до 275 г. н. э., когда усадьба была разрушена и сгорела в период готских походов. Но затем, она частично восстановлена и на ее руинах возрождается жизнь вплоть до IV в., когда усадьба была разрушена при нашествии гуннов. Судя по размерам исследованного ряда некрополя, где раскопаны 43 могилы с 78 погребениями (Арсеньев Т. М., 1963, 1970б) усадьба в I—III вв. н. э. была центром более крупного поселения. Здание усадьбы квадратное в плане имело внешние каменные стены толщиной до 2,8 м. В III в. они были усилены дополнительными панцирем из глины и камней. Более 1/4 внутренней площади усадьбы занимал центральный двор, вокруг которого группировались шесть помещений (табл. XXXVI, 16, 17) (Кругликова И. Т., 1975а, с. 113—115). Пять из них имели печи. В одном из помещений около глинобитной печи стояла каменная ступа, возле нее две ручных мельницы, железная мотыга, крупные остродонные амфоры с зерном и масса лепных сосудов. В другом помещении в печи лежало лепное глиняное корытце, в котором была лепная статуэтка мужички, а рядом лежала такая же статуэтка сидящей богини (табл. XXXVI, 24) (Романовская М. А., 1974, с. 160 сл.). Находили мотыги, косы, садового ножа, больших зерновых ям (глубиной 4,2 м с диаметром дна 2,8 м) говорят о сельскохозяйственном профиле усадьбы.

Укрепленная усадьба раскапывалась с 1963 по 1979 г. у с. Михайловки (Петерс Б. Г., 1978). В эллинистическое время здесь находилось поселение, прослежено пять культурных слоев, наиболее ранний из которых относится к эллинистическому времени, т. е. одновременно ранней усадьбе у с. Ново-Отрадное. Лучшее прослежено план усадьбы I в. до н. э. Длина каждой из ее сторон около 29 м, а общая занятая ею площадь около 850 м². В центре находился большой двор, по периметру которого вдоль стен располагались помещения. Эта усадьба погибла в конце I—начале II в. н. э. В дальнейшем здесь возникает поселение, а перестроенная усадьба была превращена в его цитадель. Она была сожжена при нашествии готов. Однако жизнь на поселении теплилась до IV в.

К только что описанному типу усадеб принадлежала постройка, существовавшая с I в. до н. э. по III в. н. э., остатки которой обнаружены в 1965 г. на холме у с. Либхестовка (Смирнова Т. М., 1967), а также, вероятно, и укрепленное здание с выносившей, построенное в конце I в. до н. э., открытое А. Люпенко на Темир-горе в 70-х годах XIX в. (Гайдукевич В. Ф., 19416).

Наряду с укрепленными усадьбами в III—II вв. до н. э. возникает серия укрепленных поселений. На берегу Азовского моря в 1955 г. исследовалось поселение Золотое Восточное (Кругликова И. Т., 1957в). Оно расположено на высоком холме и обнесено каменной стеной с башнями. В конце II при начале I в. до н. э. жизнь на поселении прекращается. Это совпадает с периодом, когда на сельской территории Боспора происходят большие изменения.

К I в. до н. э.—I в. н. э. резко сокращается ко-

личество сельских поселений. Возводятся и обновляются оборонительные стены на уже существующих поселениях. Примером может служить поселение у деревни Семеевки у основания полуострова Казантип на побережье Азовского моря (Кругликова И. Т., 1970б). Поселение возникло в конце III—начале II в. до н. э. В I в. до н. э. оно перестраивается, сооружаются новые стены, отделяющие выступавший в море мыс от остальной территории поселка. Поселено на мысе площадью около 1/3 га имело террасную планировку. Вдоль четырех террас тянулись улицы, параллельные центральной. Переулки, соединяющие улицы, образовывали кварталы с блоками жилых домов (табл. XXXVII). Поселение погибло в пожаре в последней трети III в. Позднее жизнь продолжалась лишь на отдельных участках вне укрепления. На склоне соседнего холма находилась некрополь (Кругликова И. Т., 1969), вне укрепления обнаружены большие зерновые ямы, отдельные постройки и зольник. В помещениях найдены железные сельскохозяйственные орудия — наральники, косы, серпы, мотыги, садовые ножи; оружие — наконечники копий, дротиков, стрел и приспособления для рыбной ловли — крючки, грузила, обуглившиеся сети, глы и спицы для их вязания, поллавки из пробкового дерева. Почти в каждом из помещений имелись глинобитные печи, каменные ступы, лари, лежанки, столики, загородки, отделявшие часть помещения с каменными вымостками, где стоял скот. Особенностью керамического производства данного района является распространение премо окрашивания поверхности сосуда красной краской и затем залакивания ее до блеска, как бы подражая красолаковой керамике, тоже встречающейся на поселении (табл. XXXVII). В нескольких помещениях обнаружены домашние алтари и примитивные фигурки богини в виде идолов, которые раскрашивались, иногда после предварительной обмазки гипсом (табл. XXXVII, 35, 36) (Кругликова И. Т., 1970д, табл. 49—51, с. 109 сл.). Обнаружено обуглившееся зерно, хранившееся в амфорах, корзинах, каменных закромах. Найдены различные украшения — фибулы, браслеты, перстни, подвески. Встречались бусы, стеклянный бисер, бронзовые сосуды, булавыки, иглы, стили (табл. XXXVII, IV).

Это поселение представляет тип укрепленных поселков, возникших в тот период, когда прекратила свое существование масса неукрепленных деревень глубинной части Керченского полуострова. Для них характерны: расположение на высоких холмах, мысах, скученность жилищ, небольшие их размеры, наличие террас, большие зольники, часто в виде зольных холмов, занятие жителей сельским хозяйством и рыбной ловлей, товарный характер хозяйства, отсутствие резкой имущественной дифференциации среди жителей.

К этому же типу относится поселение Андреевка Северная, расположенное в 11 км к западу от Пантикалея вблизи Андреевки Южной. Площадь его была немногим более 1 га. Вдоль границ поселения тянутся восемь зольных холмов различных размеров. Жилые дома, расположенные на террасах, имеют по несколько помещений и мощные дворники. Время основания поселения совпадает с гибелью неукрепленного поселения Андреевка Южная. В I в. до

н. э. — I в. н. э. последние перестраиваются, сооружаются террасы. В III в. п. э. оно погибает в пожаре. В отличие от поселения у дер. Семеновка, здесь крыши домов были черепичными, но в остальном уровне жизни обитателей этих двух поселений был одинаковым.

Интерес представляет поселение первых веков нашей эры Золотое Восточное II (Куль-тепе), расположенное поблизости от берега Азовского моря. Оно состояло из группы усадеб и имело мощные зольники высотой от 4,5 до 14 м, образовавшиеся в результате значительного сброса золы по склонам холмов, на которых стояли усадьбы.

Азиатская часть Боспора

Фанагория

Столицей азиатской части Боспора был город Фанагория, отождествляемый с большим городищем, расположенным на двух, возвышающихся друг над другом террасах в 1 км к западу от современного поселка Сенной на берегу Таманского залива. Вследствие подъема уровня моря на 3,50 м по сравнению с античным периодом северная часть города находится под водами залива. Общая площадь городища была 50 га (табл. XXXVIII, I). С запада, юга и востока городище окружено холмистой местностью с обширными грунтовыми могильниками, переходящими дальше в курганные группы и аэлен курганов, тянувшиеся в западном, юго-восточном и в восточном направлениях, вдоль древних дорог. Первые описания городища и его курганов относятся к XVIII — первой половине XIX в. (подробнее см. *Герц К. К.*, 1870; *Кобылина М. М.*, 1956). В 40-х годах XIX в. были начаты раскопки курганов (*Герц К. К.*, 1876, с. 13 сл.). В 50—80-е годы на различных участках города раскопки эпиграфически проводили К. Р. Бегичев, К. К. Герд, И. Е. Забелин, В. Г. Тизенгаузен, С. Верейсков. Краткие описания результатов работ публиковались в ОАК и ИАК (*Кобылина М. М.*, 1956). В конце 20—30-х годов XX в. на городище проводилось обследование местности и ограниченные раскопки (*Башкиров А. С.*, 1928, с. 71 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 53 сл.). Систематические исследования города и его некрополей начаты в 1936 г. экспедицией под руководством В. Д. Блаватского и А. П. Смирнова. Была установлена стратиграфия городских напластований, определены границы Фанагории, изучался могильник (*Блаватский В. Д.*, 1940, 1941б; 1951в). С 1947 по 1975 г. раскопки города и его некрополей производились М. М. Кобылиной. В 1958, 1959 гг. на территории затонувшей части города работала подводная археологическая экспедиция (*Блаватский В. Д.*, 1961б; *Блаватский В. Д.*, *Кузичин В. И.*, 1961) (табл. XXXVIII, I, II). С 1975 г. раскопками Фанагории руководит В. С. Долгоруков.

Из перипла Псевдо-Арриана (886) известно, что город был основан теосцами. Город был расположен на одном из островов, посвящен согласно сообщению Гекатей Милетского, переданном Стефаном Византийским (§ 64) и Страбону (XI, 2, 40), наимено-

вание острова Фанагора. По периплу Дионисия (541—553) на том же острове находилась Гермонасса, тогда как Страбон располагает их на разных берегах. Такое разногласие объясняется тем, что к западу от Фанагории в античный период проходило одно из устьев реки Гипанис (современная Кубань). В перипле Псевдо-Скилака (72) сообщается о расположении города на территории Сиддики. Согласно Страбону (XI, 2, 40), местность, в которой находилась Фанагория, не входила в состав Сиддики. Разночтывые сведения источников В. В. Латышев объяснял изменчивостью границ Сиддики в разное время (*Латышев В. В.*, 1909, с. 62). Страбон (XI, 2, 40) называет Фанагорию знаменитым и главным городом азиатского Боспора. По словам Евстафия (549) город был основан теосцами во главе с Фанагором, бежавшим после захвата их города войсками персидского царя Кира. Основание города, вероятно, произошло около 542 г. до н. э. (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 64). Находки расписной керамики, амфор и терракот подтверждают сведения письменных источников об основании города в третьей четверти VI в. до н. э. Керамика из Самоса, Клазомен и Хаткиды, относящаяся к первым годам существования Фанагории, свидетельствуют о наличии среди переселенцев выходцев из этих городов, что соответствует и сообщению перипла Дионисия (541—553) о том, что в городе живут выходцы из ионийской земли. Алпшар (108—120) и Павел Оросий (VI—5, 2) рассказывают о бурных событиях I в. до н. э.

Все найденные до сих пор сооружения раннего периода зафиксированы в центральной части города — это часть фундамента и нольвальное помещение с хосскими амфорами, обнаруженные на берегу (*Блаватский В. Д.*, 1940, с. 298) и остатки архаического здания, слегка заглубленного в материк с ямками для столбов, поддерживавших деревянно-глинобитные стены (АО 1971 г., с. 143). По-видимому, ранний город занимал территорию приблизительно 500—600 м вдоль берега залива. Западная половина верхней террасы частично была занята городом VI в. до н. э., восточная была за его пределами. На верхней террасе найдены части двух жилых домов, построенных из сырцовых кирпичей и уложенных непосредственно на материковый песок (табл. XXXVIII, IV). Между ними проходила улица шириной 3 м. Стены архаических домов, как и все строительные остатки античного времени, ориентированы строго по сторонам света. Исключенные составляют фундаменты вше города, городские стены и расположенные около них дома. По-видимому, внутренняя застройка Фанагории была осуществлена по единому плану. На протяжении веков местоположения отдельных домов могли смешаться, но сам принцип градостроительства оставался неизменным. В конце VI в. до н. э. дома на верхнем плато подверглись разрушению, сопровождавшемуся пожаром. Сооружение второй половины VI в. до н. э. на центральной раскопе перекрыто глиняными субструкциями, также со следами пожара (АО 1972 г., с. 131). После гибели домов сохранившиеся население обитало какое-то время в полуземлянках каждая площадью около 4 м². Стены и крыши их поддерживались угловыми столбами. В одной из них сохранились незначительные остатки очага.

В начале V в. до н. э. территория города расширяется. Проводятся большие строительные работы, возводятся крепостные стены толщиной около 1 м с фундаментами из огромных плоских камней песчаника (*Кобылина М. М.*, 1963а; 1967а, с. 127; 1969). В юго-западном углу города обнаружены остатки порога городских ворот из массивных плит известняка, на одной из которых сохранился железный стержень для крепления деревянных створок. Ширина проезжей части ворот 2,55 м. На плитах видны колеи, выбитые колесами повозок. Подступы к воротам защищались извилистым ходом стены. Внутренняя территория города застраивается жилыми домами и общественными зданиями. Стены их возведены главным образом из сырцовых кирпичей, уложенных либо на каменных фундаментах, либо без них, прямо на землю. В кладках преобладают камни розового мергеля, булыжник, мраморовидного конгломерата и гранита, привезенные, вероятно, в качестве балласта кораблями, приплывшими из Средиземноморья. В V в. до н. э. предпринимается террасирование склонов, отделявших нижнее плато от верхнего. В местах выхода на поверхность сплошной массы окаменелого песчаного хрища оно выразилось в простом подрубании склонов по прямым и отвесным линиям (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 6). В районах с мягкими грунтами создавались искусственные подпорные стены. В восточной части склона обнаружена подпорная стена, состоявшая из двух рядов амфор (один над другим) (*Кобылина М. М.*, 1950, с. 91). Верхние склоны были застроены домами из сырцовых кирпичей. Известно два таких дома. В одном из них в углу входился небольшой глинобитный очаг. Полы домов были глинобитными. Один из них имеет каменный подвал, пол которого был выстлан деревянными плахами. По-видимому, в это время создается общественный центр города. Раскопками в центральной части нижнего плато, на месте предполагаемого расположения агоры выявлены остатки большого здания, очевидно, общественного характера (табл. XXXVIII, V) (АО 1974 г., с. 111). Перед его возведением были предприняты большие планировочные работы, сделана песчано-черепяная субструкция из двух слоев битой керамики, перемежающихся слоем глины. Непосредственно под камнями фундаментов обнаружена субструкция толщиной 0,20 м из нескольких тонких прослоек глины. Верхняя часть стен сложена из сырцовых кирпичей.

В западной части города открыта вымостка, из мелкой гальки синего, красного и желтого цветов, уложенной на ребро вплотную друг к другу и скрепленной цементным раствором. Вымостка делится на 14 прямоугольных полей, в каждом из которых галька лежит параллельными рядами, имеющими различные направления (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 22). Находка капители дорийской пилястры начала V в. до н. э. свидетельствует, что в городе были ордере постройки (*Кобылина М. М.*, 1956, рис. 5, I). В конце V в. до н. э. Фанагория обладала собственным монетным двором (*Зограф А. Н.*, 1951, с. 169), чеканящим серебряные монеты (*Зограф А. Н.*, 1951, с. 169; *Шелов Д. Б.*, 1956а, с. 43 сл.). При раскопках святилища на г. Блевака в фавссе были найдены протомы и терракотовые статуэтки Демет-

ры, Артемиды и Афродиты конца VI—V вв. до н. э. позволяющие отчасти время его возникновения к этому периоду (*Марченко П. Д.*, 1974б, с. 33 сл.). Уже в конце VI в. до н. э. в Фанагории было керамическое производство, как об этом свидетельствуют находки терракот и простой расписной посуды, изготовленных из местной глины, отличающейся ровным ярко розовым цветом с включениями мелких чешуек слюды (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 214 сл.; *Цветаева Г. А.*, 1972). В V в. до н. э. керамические мастерские города выпускали черепицу с архитектурными украшениями (*Сорокина Н. П.*, 1956). Находки в архаических слоях пирамидальных грунзид свидетельствуют о занятиях жителей города рыболовством (*Онайко Н. А.*, 1956). Многочисленные фрагменты амфор из Хлоса, Фасоса, Самоса, Менды, городов Ионии, художественная посуда из Родоса, Халкидики и, главным образом, Атики говорит о развитии торговых связей (табл. XXXIX). Большую роль играла посредническая торговля с Прикубаньем и Сидликой (*Зеев И. Б.*, 1951а; *Анфилов И. В.*, 1952). Левная и лопатная посуда, аналогичная по форме и глине керамике спидно-молов и фрагмент скифского бронзового псалма с головами грифона указывают на появление в составе населения Фанагории V в. до н. э. представителей местных племен (*Блаватский В. Д.*, 1941б; табл. 1, 3; *Кругликова И. Т.*, 1951).

В IV в. до н. э. территория города расширяется в восточном направлении. Возможно, на протяжении этого столетия Фанагория не имела городских укреплений. Старые стены были разобраны и на их месте в юго-западном углу города была устроена стена (*Кобылина М. М.*, 1967а, с. 127). В городе продолжается широкая строительная деятельность. Основным строительным материалом являлись блоки известняка и местного ракушечника, нередко встречается булыжник. Сохраняется практика создания черепяных или глиняных субструкций, иногда достигающих значительной мощности (до 2,60 м под зданием на склоне холма Г). Стены многих построек были украшены многоцветными росписями, а одна, помимо расписной штукатурки, обладала рельефным архитектурным декором из делянок и деляночным полом, украшенным сверху красной краской (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 60; *Долгоруков В. С.*, 1975, с. 58). В центральной части нижнего плато найдены надписи культового и общественного содержания и многочисленные фрагменты скульптур и архитектурных деталей, а поблизости обнаружены мощные, тщательно выложенный фундамент с выступом с западной стороны, который, вероятно, является остатками храма IV в. до н. э. и фрагменты мраморных облицовок, мраморного карниза и двух капителей понтийского ордера (*Блаватский В. Д.*, 1940, с. 297). К этому же времени относится перестройка раннего общественного здания, открытого в районе агоры (Центральный раскол). Благодаря надписям, можно предполагать, что на агоре или вблизи ее находились святилища Афродиты Уравии (КБН, 971, 972), Аполлона Врача (КБН, 974) и Геракла (КБН, 973). На вершине горы Блеваки было возведено здание, вероятно, храм в апсах размером 12×9,3 м. Поверх фундаментов проходила кладка из сырцовых кирпичей, покрытая красной штукатуркой. Несколько

позднее здесь сооружается второе здание (раскопано частично). Значительное количество фрагментов терракот, связанных с куклами Деметры и Керы, Кабиров, Афродиты и Артемиды, дают представление о почитавшихся в храмах божествах. Это святятелище отождествляют со знаменитым в древности святятелищем Афродиты Апатуры (*Марченко И. Д.*, 1963; 1974б). В III в. до н. э. к западу от города, на территории некрополя был сооружен еще один культовый комплекс, являвшийся скорее всего герооном. Он имел цемячковый пол и стены, украшенные расписной штукатуркой (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 191 сл.). На Западной окраине города раскрыт фундамент, сложенный из хорошо отесанных камней. С восточной стороны к нему подходила каменная вымостка, на которой обнаружена шпильная часть базы колонны, указывающая на наличие колоннады вдоль стены. Эта постройка отождествляется со зданием гимнасии. Крыша его была крыта черепицей, а стены украшены расписной штукатуркой (*Блаватский В. Д.*, 1941а, с. 18). К III в. до н. э. относятся остатки большого здания, раскопанные на холме Гв. Стены его двухпанельные из крупных блоков известняка различных размеров и форм, сложенных на глиняном растворе, были оштукатурены и расписаны. Перед его возведением была сооружена субструкция из чередующихся слоев глины и битой керамики (*Кобылина М. М.*, 1951а, с. 235).

В III—II вв. до н. э. восстанавливаются городские укрепления. Фундаменты новой оборонительной стены шириной 4 м, состоят из плоских довольно крупных камней шестанника и булыжника, уложенных острыми концами вверх. В кладке встречаются огромные каменные глыбы (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 25).

В конце III в. до н. э. возобновляется деятельность монетного двора Фанагории. Во II в. до н. э. в центральной части города на месте предполагаемого храма IV в. до н. э. возводится постройка, стены которой были покрыты прекрасной росписью инкрустационного стиля (*Блаватский В. Д.*, 1940, с. 296). У западной окраины на месте старого гимнасия строится здание из небольших рустованных блоков. Улицы и дворы эллинистического времени мостились фрагментами керамики и черепиц или мелким булыжником в сочетании с обломками керамики. Городское водоснабжение осуществлялось за счет колодез, обложенных камнем. Один квадратный в плане колодез найден в северной части города, другой — круглой формы — в юго-восточном углу городища. Последний имел углубленный подход с западной стороны, обрамленный с северо-запада полукруглой каменной стенкой. Сточные воды отводились по специальным каналам, выложенным из камней (*Блаватский В. Д.*, 1950г, с. 38, рис. 5; *Кобылина М. М.*, 1969, с. 102 сл., рис. 31, 35).

В IV—II вв. до н. э. Фанагория являлась крупнейшим экономическим центром Боспорского государства. Ко второй половине IV в. до н. э. относятся остатки самой ранней печи для обжига посуды (*Цегелева Г. А.*, 1966а). Наряду с изготовлением простой посуды (табл. XXXIX) и терракот, местные гончары выпускали черепицу, амфоры (*Шелов Д. В.*, 1956б, с. 151 сл.; *Зеест И. Б.*, 1960, с. 97) неболь-

шие мерные сосуды с клеймами в виде головы Сатиры или пзображением канфара (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 218, сл., рис. 16, 5—7) и чаши с рельефными медальонами на дне (*Кобылина М. М.*, 1975). Продолжается выпуск архитектурной терракоты (*Сорокина Н. П.*, 1956). Новой отраслью керамического производства является изготовление расписных полихромных пелликов (*Кобылина М. М.*, 1951а; 1956, с. 48 сл.). Находки каменных формочек для изготовления металлических украшений, глиняных льячек, а также факт чеканки монет говорят о металлургическом и кузнечном ремеслах (*Марченко И. Д.*, 1956б). Высокого уровня достигло каменотесное ремесло. О виноградарстве и виноделии могут говорить находки сосудов, предназначенных для розничной продажи вина и изображение виноградной кисти на фанагорийских монетах, о рыболовстве — рыболовные грузила и кости рыбы.

Город ведет торговлю с рядом центров Средиземноморья и Причерноморья: Фасосом, Мелдой, Византием, Книдом, Косом, Родосом, Гераклеей, Синопью и т. д. (*Зеест И. Б.*, 1951а).

Аппиан (108) и Оросий (VI, 5, 2) сообщают о налчпах в I в. до н. э. акрополя или крепости, вероятно, деревянной, поскольку при восстановлении фанагорийцев против Митридата Евпатора стены были подоожжены. Отзвуком этих событий можно считать известное ядро катапульта, найденное в слое пожара на северном раскопе (*Блаватский В. Д.*, 1951д, рис. 42). Согласно Аппиану, после гибели Митридата Фанагория получила автономию но Фарнак около середины I в. до н. э. осадил и разрушил город. Раскопками прослежены следы пожара, разрушенные оборонительные стены. Около 17—12 гг. до н. э. Фанагория была переименована в Агриппию (КБН, 979, 1046). На агоре были поставлены посвященные статуи Динамии и Ливии — жене римского императора Августа.

В I—II вв. н. э. в городе проводятся восстановительные работы, увеличивается городская территория, возводятся крепостные стены. Возводятся новые общественные постройки. На месте гимнасия сооружается большое здание с цемячковым полом, стенами, украшенными расписной штукатуркой. Возможно, оно, как и предшествующая постройка, является гимнасием, о котором упоминает надпись первой половины II в. п. э. (КБН, 983). В нескольких метрах к востоку от него обнаружены остатки здания, вероятно, терм, со следами мраморной облицовки стен, водопровода и гипocausta (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 68 сл.). Согласно сообщению Страбона (XI, 2, 10), в городе был храм Афродиты Апатуры. Надписи указывают на существование одного или двух святятелищ Аполлона (КБН, 975, 985) и упоминают о религиозных объединениях — фисах (КБН, 987). К I—II вв. н. э. относятся последние примеры создания глиняно-черепяных субструкций при строительстве. При сооружении стен использовались главным образом равные камни ракушечника, плитняка и других пород. Нередко встречаются камни вторичного использования. На центральном раскопе открыты два дома, расположенные по сторонам улицы, шириной 3,50—3,70 м, выложенной несколькими слоями мелких черепков и гальки. Один из домов имел подвальное помеще-

ние с лестницей (табл. XXXVIII) (*Кобылина М. М.*, 1963б, с. 102). Оба дома имели колодцы. Продолжали существовать и общественные колодцы. К их числу относятся колодец, раскопанный к западу от города, почти квадратный в плане, сложенный из хорошо подогнанных квадров. Вокруг него находилась мощеная площадка. Судя по находкам обломков черепицы, части акротерия и львиной маски водомета, он имел архитектурное оформление (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 26—32). В начале нашей эры в пределах городской территории, на месте разрушенных зданий, появляются пустыри (АО 1976 г., с. 86). Новой чертой в городской застройке является строительство среди жилых кварталов хозяйственных сооружений. К ним принадлежат остатки трех выделен (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 67; 1959а; *Долгоруков В. С.*, 1976). Одна из них площадью около 100 м² имеет пять давленных площадок и три цистерны, соединившиеся посредством сложной системы наземных и подземных стоков и является самой большой из известных в Северном Причерноморье. В юго-восточном углу городища на месте разрушенной городской стены в I в. до н. э. возводятся керамическая печь. Здесь найдены керамические подставки для обжига сосудов и фрагменты формы для изготовления терракот. К ювну I в. до н. э. на ее месте возводится другая печь аналогичной конструкции (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 72). К северу от печей обнаружены остатки фундаментов жилого дома, возможно, дома гончара. В I—II вв. н. э. здесь уже действовали три печи. Таким образом, в этом районе возникает специализированный квартал керамического производства — Керамик. Во II в. н. э. на месте пустыря на холме верхнего плато сооружается еще одна керамическая печь. Местные гончары высушали простые кухонные сосуды, черепицу, краснолаковую и коричневоолаковую посуду (табл. XXXIX), терракоты и светильники разных типов. Найдена форма для оттискивания однорядного светильника (*Кобылина М. М.*, 1967а, с. 125). Во II в. н. э. значительную массу керамических изделий составляют амфоры (*Зеев И. Б.*, 1960, с. 116 сл.). Частые находки при раскопках некрополя надгробных памятников с рельефными изображениями умерших свидетельствуют о существовании в Фанагории скульпторов-ремесленников. Сохраняется металлургическое ремесло. Две зерновые ямы с зернами пшеницы, раскопанные на холме «Г», скопленные зерна пшеницы-двузернянки на северном раскопе, ткань из волокон конопли в одной из могил свидетельствуют о занятии населения земледелием. О рыболовстве можно судить по находкам бронзовых рыболовных крючков, лепешкообразных и пирамидальных грузил. Основными видами промысловых рыб были лещ, судак, сазан, которые могли существовать в пресной и солоноватой воде. Засоление залива привело к исчезновению пресноводных пород и замене их кефалью (*Лебедев В. Д., Латин Ю. Е.*, 1954, с. 213 сл.). Фанагория продолжала оставаться крупным торговым пунктом. Несмотря на некоторое сужение внешнего рынка, город сохранил оживленные торговые связи с городами Малой Азии и Александрией, о чем свидетельствуют находки малоазийской посуды и фаянсовых подвесок (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 40 сл.). Но основная торговля велась с

мелкими городами и поселениями азиатского Востока в окружающих его племенах.

В III—IV вв. н. э. территория Фанагории сохранилась в прежних границах. Фундаменты построек этого периода сложены в основном из равных камней с включением камней вторичного использования. Деградация строительного деда и отсутствие монументальных зданий указывает на упадок экономики и культуры. Наиболее хорошо сохранившимся домом III в. н. э. является здание с подвалом, который был разделен на два смежных помещения и приспособлен для жилья (*Кобылина М. М.*, 1963б, с. 101 сл.). Остатки бедных домов обнаружены на западной окраине города. Жилой комплекс IV в. н. э. открыт в юго-западной части верхнего плато (табл. XXXVIII, IV). Дома имели каменные фундаменты, глинобитные полы и печи. Остатки домов расчищены в центральной части на верхнем и нижнем плато. Сохранились колодцы. Город продолжал оставаться крупным ремесленным центром. На Керамике зафиксировано четыре керамических печи III в. н. э. и пять печей IV в. н. э. (*Цветаева Г. А.*, 1966а, с. 32 сл.). Все они за исключением одной, круглые в плане, слегка заглублены в землю, с квадратными центральным столбом, поддерживающим свод толки. Особенно хорошо сохранилась печь IV в. н. э. диаметром около 5 м. Центральный столб поддерживал арочное перекрытие толки с продухами, располагавшимися тремя концентрическими кругами (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 53 сл.). К западу от Керамики в середине прошлого века была раскопана еще одна печь. В 1976 г. обнаружена печь IV в. н. э. на верхнем плато, на месте уже упомянутой печи II в. н. э. Отличительной особенностью керамической печи IV в. н. э. как и существовавшей здесь ранее печи II в. н. э. является наличие за столбом напротив точечного отверстия сегментной конструкции из кирпичей, поднимающих заднюю часть пола печи на 0,40 м. Подобное устройство не встречается ни в одной из раскопанных до сих пор обязательных печей Северного Причерноморья. Основными видами керамических изделий были черепица, амфоры и кухонная посуда (табл. XXXIX), а также терракотовые грузила и светильники.

На месте общественных сооружений центра города теперь находится выделенка, от которой сохранились остатки двух цистерн и семи нефисов, III в. н. э. (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 88 сл.; 1970а, с. 70 сл.; *Соколовский И. П.*, 1970). Жители Фанагории продолжали заниматься рыболовством. При раскопках хозяйственной постройки обнаружены две куши грузила от сгоревшей сети (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 101). Город был разрушен при падении гуннов.

Некрополь города архаического периода пока не найден. На одном из холмов к востоку от города раскопаны две могилы конца VI в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 212). Одна представляет собой труположке в деревянном гробу, другая — детское захоронение в плоской амфоре. В V в. до н. э. появляются погребения под курганами насыпями, главным образом, в деревянных гробах, установленных в сырцовых склепах. Основным типом погребального обряда в IV—II вв. до н. э. было труположение, чаще всего в прямоугольных ямах на

Пантикапей. Сосуды финикийского стекла V в. до н. э.

Пантикапей. Расписная ваза-кальида IV в. до н. э. Глаза, краски, позолота

Пантикапей. Амфора зеленого стекла с росчерком эмальными красками. конец I в. до н. э.

Пантикапей? Черпофигурная ойнохос конца VI — начала V в. до н. э.

Пантикапей. Стекланный кубок с рельефами из Сирии, I в. н. э.

Пантикапей. Арибаллический лекиф с рельефными изображениями. Мастер Ксенофант, конец V — начало IV в. до н. э.

Фанагория. Фигурные сосуды в виде Сирены, Афродиты и Сфинкса. Конец V в. до н. э. Глина, краски

Пантхаклей. Флякон полихромного стекла из Александрии I в. до н. э.— I в. н. э.

Стеклянные сосуды

Горгицина. Склеп 1975 г. Чапа полихромная. Стекло с прокладкой золотой фольги

Пантхаклей. Фигурная ваза в виде головы человека. Глина, краски

Горгияния. Склеп. Золотой венок, в центре — изображение Афродиты

Горгияния. Склеп 1975 г. Короткий меч и ножны. Золото, гранаты, бирюза

Горгияния. Склеп 1975 г. Деталь золотой оправы ножен меча.

Феодосия. Золотая серьга IV в. до н. э.

Пятыкашей. Перстень с изображением головы Афины. III в. до н. э. Золото, гранат

Италия. Топаз в золотом медальоне. Из раскопок в Грузии. I в. н. э.

Горинция. Гемма. Сатир

Горинция. Гемма. Фигурка юноша Бонус Эвентус

Горинция. Гемма. Афна и царская тамга

Горинция. Склад 1975 г. Золотые нашивные бляшки

Пантшкапей. Терракотовые статуэтки
Деметра с Корой V в. до н. э.; актер, сидящий на
алтаре, V—IV вв. до н. э.; стоящая женщина III в.
до н. э.; танцовщица II в. до н. э.

Пантшкапей. Терракотовые статуэтки II—I вв.
до н. э.

малячик с гуссом; малячик с собакой

Херосопес. Протомы Керы Персефоны

Херосопес. Керамическая маска и голова терракот-
товой статуэтки Диониса

Херосопес. Терракотовая статуэтка актера

Пантшкапей. Глиняные трагические маски
с остатками росписи. Украшение саркофага
I—II вв. н. э.

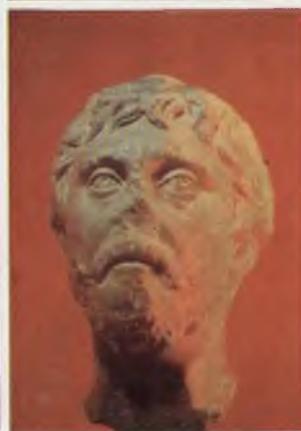
Пантикапей. Роспись склепа Деметры I в. н. э.

Пантикапей. Склеп Деметры. Роспись потолка

Утш. Лев. Гравировка на пластине слоновой кости. Сырповый склеп IV в. до н. э.

Утш. Медуза. Гравировка на пластине слоновой кости. Сырповый склеп IV в. до н. э.

Пантикапей. Золотая маска Рескупорида. III в. н. э.

Херсонес. Мозаика II в. до н. э.

Боспор. Головки терракотовых статуэток

Горгиплия. Склеп 1975 г. Курильница. Бронза, эмаль

Пантикапей. Голова статуи боспорского царя, I в. н. э. Мрамор

Пантикапей. Голова богородца, II в. Мрамор

Пантикапей. Общественное здание II в. до н. э.

Херсонес. Остатки античного театра IV в. до н. э.—
IV в. н. э.

Античные монеты. Лицевая сторона

Пантикапей IV в. до н. э., золото, голова Сатурна; Херсонес 47 г. н. э., золото; Ольвия I в. н. э., золото, голова царя Фарзона; Ольвия, конец IV в. до н. э., голова Деметры; Херсонес II в. до н. э., Дева в зубчатой короне

подстилке из морской травы, иногда в деревянных гробах (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 43; *Марченко И. Д.*, 1956а). Нередко по коротким сторонам могил ставились черепицы, часто могилы перекрывали черепицами (*Кобылина М. М.*, 1951в, с. 242), нередко деревом (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 208). Богатых хоронили в плитовых могилах, детей — в обломках амфор. Костяки лежали в вытянутом положении головой на восток, иногда — на запад, юг в северо-запад. Нескольким могилам имеют особенности, позволяющие связывать их с иегреческим населением (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 42). Большое распространение получают захоронения под курганами. Под курганными насыпями наряду с сырцовыми и земляными скелетами встречаются каменные скелеты с коровьими и уступчатыми сводами (ОАК, 1874, с. 141; *Герц К. К.*, 1876, с. 23). В курганах обнаружены плитовые могилы с богатым инвентарем. Широко распространена кремация. Многие захоронения сопровождаются тризнами с кострищами, устраиваемыми на специально огороженных или вымощенных площадках из камней или сырцовых кирпичей (*Костаная Е. Г.*, 1956, с. 124; *Марченко И. Д.*, 1956а, с. 105 сл.). В погребальном инвентаре доминирует посуда фаянсовой промазки. Обычны бронзовые украшения и пряжки, бусы из стекла. В богатых захоронениях встречаются украшения из золота — погребальные венки, перстни, серьги, подвески, ожерелья, и нашивные бляшки.

Преобладающим типом погребального обряда I—II вв. н. э. являются групповые в прямоугольных могилах ямах с различной ориентацией. В некоторых могилах на дне обнаружен слой камня или серой глины (*Марченко И. Д.*, 1956а, с. 117 сл.). Встречаются погребения в деревянных гробах и саркофагах, а детские — в больших сосудах или пивных частях амфор и кувшинов. Появляются могилы с чертами сарматского погребального обряда — со скрещенными в ступнях ногами, бронзовыми колокольчиками, частями конских костяков (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 36 сл.). Встречаются погребения в земляных или каменных сводчатых склепах (ОАК 1870 г., с. VI).

В III—IV вв. н. э. погребения совершались в групповых ямах прямоугольной формы и были ориентированы головой на север, нередко на запад и юго-запад. Встречаются погребения в земляных склепах. В последних погребения зачастую совершались в деревянных саркофагах и сопровождались богатым инвентарем. Костяки лежат в вытянутом положении иногда со скрещенными ногами. Череп у многих деформированы. Покойных сопровождают сероглиняные сосуды с лощеным орнаментом, бронзовые зеркала, бусы, бронзовые пряжки, стеклянные сосуды. Детали погребального обряда и инвентарь показывают далеко зашедший процесс сарматизации населения города.

Гермопасса

Город локализируют на месте современной станции Тамань, где на высоком береговом плато расположено обширное городище с культурными напластованиями толщиной до 10—12 м (табл. XL, 1). Существуют две версии основания Гермопассы. Согласно

Дионисию (553), Гермопассу основали ионийцы, которых возглавил некий Гермоп, давший имя городу (Евстафий). Комментарий к «Землеописанию» Дионисия (549). Евстафий здесь же приводит другую версию — Арвана, по которой Гермопассу основали эолийцы, которых вывел митяленец Семандр. По имени его жены Гермопассы, правившей после смерти мужа, и был назван город. По мнению В. Д. Блаватского, Археанактиды (первые правители Боспора) происходят из митяленского знатного рода, переселившегося в Гермопассу (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 36 сл.).

В 1930, 1931 гг. на городище были проведены небольшие разведочные работы (*Миллер А. А.*, 1931; 1932а; 1932б). Систематическое и планомерное исследование Гермопассы было начато в 1951 г. экспедицией под руководством академика Б. А. Рыбакова, а с 1955 г. — И. Б. Зеест. С 1971 г. работы продолжает А. К. Коровина. Раскопки показали, что древнее поселение возникло здесь в первой половине VI в. до н. э. (*Зеест И. Б.*, 1961). При раскопках слоев архаического времени на восточном раскопе открыты хозяйственные ямы цилиндрической формы, в которых найдены обломки расписных ваз VI в. до н. э. (табл. XL). Там же были остатки жилой постройки второй половины VI — начала V вв. до н. э. с печами и ямами — тремя хозяйственными, одной зерновой. Печи имели глиняный пол, на котором помещался голчарный кукол с отверстием наверху и сбоку. Зерновая яма второй половины VI в. до н. э. открытая недалеко от печей, была заполнена пшеницей и ячменем. На раскопе «Нагорный», почти в центре городища в 1969 г. открыта каменная кладка, являющаяся цоколем северной части большой постройки первой половины V—IV вв. до н. э. В центре здания находилось помешение или двор (20×10 м) с делячковым полом. Здание было перестроено в III в. до н. э. Интересна находка двух каменных мерных ойнохов с клеймом агоранона Аполлодора (табл. XL, 9). К I в. н. э. относится дворик (15×15 м), вымощенный хорошо подогнанными плитами, с севера и востока окруженный кладками. Севернее этой постройки обнаружено здание III—IV вв. н. э., от которого сохранилась северная стена длиной 18 м, восточная 5 м и часть южной, а также кладки, отгораживающие небольшую вымощенный дворик. У наружной северной кладки есть четыре выступа, возможно, являвшиеся основаниями пилластр (*Коровина А. К.*, 1975, с. 305). В центральной части здания открыт горелый слой, насыщенный керамикой, среди которой много краснолаковых чаш, мисок и блюд II—III вв. н. э. (табл. XL, 4—6). Не исключено, что при возведении здания III—IV вв. были использованы фундаменты постройки, погибшей от пожара в III в.

Некрополь Гермопассы расположен к западу, юго-западу и юго-востоку от городища. Первые раскопки его были предприняты в 1912 г. (*Шкорни В. В.*, 1916, с. 33 сл.). При изучении некрополя в 1931 г. были открыты четыре античных могилы (*Миллер А. А.*, 1932б, с. 67). В 1938 и 1940 гг. открыто 16 могил (*Райдукевич В. Ф.*, 1959б, с. 154 сл.) и в 1955—1957 гг. — 37 (*Сорокина П. П.*, 1961) преимущественно VI—V вв. до н. э. Для погребального обряда характерно положение умершего головой на

восток, иногда с поджатыми ногами. В III в до н. э. появляются скелеты, захоронения детей в амфорах, во II в. до п. э. — могилы с подбойми. Но всегда преобладают захоронения в грунтовых ямах. Встречаются сырцовые гробницы и перекрытия могил пакатом из бревен. Курганный некрополь расположен в тех же направлениях от городища, в радиусе 5—6 км. Основная группа курганов прослежена на современной дороге к Тузле и Лысой горе.

Горгиппия

Город расположен на месте современной Анапы. Локализация Горгиппии подтверждается находками надписей, в которых упоминаются народ горгиппийский (КБН, 1118) и наместник Горгиппии (КБН, 1115, 1119, 1132 и др.), черепиц и с клеймом «ГОР» и горгиппийских монет. Город получил название в честь члена царского рода Спартокидов Горгиппия (*Латигиев В. В.*, 1909, с. 76, 279), имя которого упоминают Птолемей (VIII, 55), Динарх (43), заведующий сфинксом в надписи его дочери Комосария (КБН, 1015). Город упоминается Страбонам (XI, 2, 10—12) и Стефаном Византийским (SC, I, с. 266) как город в Синдике. Следы поселения предшествующего IV в. до п. э. на месте Горгиппии и данные письменных источников позволили отождествить с Горгиппией Сивдскую Гавань, о которой сообщает Псевдо-Скилак (72—73), Псевдо-Скиам (888—889), Арриан (30), Птолемей (V, 8, 8). Псевдо-Арриан (74/47) и др. Стефан Византийский отождествляет с Горгиппией город Сивдик (SC, I, с. 258). Страбон (XI, 2, 10—12, 14) называет Горгиппию, но одновременно упоминает населенные пункты Сивдику и Сивдскую Гавань. Помпонию Меле (III) был известен город Сивд. М. И. Ростовцев вслед за А. А. Сибирским считал Горгиппию и Сивдскую Гавань разными городами (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 293). Однако большинство ученых их объединяют (*Брун Ф. К.*, 1880, с. 270; *Орешников А. В.*, 1922, с. 122; *Зограф А. П.*, 1951, с. 161; *Блаватский В. Д.*, 1954, с. 20; *Шелов Д. Б.*, 1956а, с. 43). Возможно, долгое время сохранилось два названия: Горгиппия, появившееся после присоединения Сидики к Боспору, и Сивдик или Сивдская Гавань, восходящее к догреческому сивдскому поселению (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 215). Впервые Псевдо-Скиам (889) говорится, что «Сивдская Гавань населена эллинами, пришедшими из соседних местностей».

Начиная с середины XIX в. раскопки курганов на территории Анапы и в ее окрестностях ведут: В. И. Сизов, А. А. Сибирский, Ф. С. Байерен, В. Г. Тизенгаузен, П. И. Веселовский (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 296). В 1949 г. В. Д. Блаватским намечены границы древнего города и выявлена стратиграфия культурного слоя (*Блаватский В. Д.*, 1951б). В 1954—1956 гг. охраняние раскопки на месте грунтового могильника проводила И. В. Поздеева. С 1960 г. начались систематические раскопки города под руководством И. Т. Кругликовой, а с 1973 г. — Е. М. Алексеевой (*Кругликова И. Т.*, 1962б; 1965, с. 4—6; 1966б; 1971б; 1975б; *Кругликова П. Т.*, *Цветаева Г. А.*, 1963; *Цветаева Г. А.*, 1967; 1968; 1969; *Алексеева Е. М.*, 1976; см. также информации в АО. 1970—1978 гг.).

Горгиппия, по-видимому, занимала площадь около

35 га (табл. ХLI, II). Под городскими кварталами IV—III вв. до п. э. обнаружены могилы V в. до п. э. (*Кругликова И. Т.*, 1971б, с. 92; сл.; *Славов А. И.*, *Смирнова Т. М.*, 1972, с. 53 сл.) и остатки фундамента. В культурном слое найдены обломки пухлогорных хитосских амфор и расписанных полосами гончарных сосудов VI—V вв. до н. э. В IV в. до п. э. формируется планировка города, которая не была регулярной, но сохранилась неизменной в течение античного периода (*Кругликова И. Т.*, 1971б, с. 97). Находки около современной гостиницы «Анапа» остатков вымостки, сложенных из тесаных известняковых плит, части водостоков, выдолбленных в плитах известняка, угла монументального здания IV—III вв. до н. э., многочисленных надписей, фрагментов скульптуры позволяют предполагать в данном районе агору города. Найденные при раскопках архитектурные детали дорического ордера: блок антаблемента III—II вв. до п. э., барабаны колонн, известняковая сима в виде львиной головы и надписи (КБН, 1114, 1115) говорят о наличии монументальных построек. Главная магистраль тянулась с запада на восток вдоль моря, вероятно, от восточных ворот города к агоре. Ширина ее — 7,5—8 м. К IV—III вв. до н. э. относится ее вымостка из мелких камней и обломков амфор, лежащая на подушке из желтой глины, перекрывавшей скальный материк. На поверхности ее прослеживаются колеи от колес повозок, в пах найдены монеты IV—III вв. до п. э. Севернее основной магистрали и параллельно ей вдоль берега моря шла еще одна улица шириной 4 м. Нижний слой ее вымостки II в. до н. э. лежит на насыпанном грунте с керамикой IV—III вв. до п. э. Продольные улицы пересекались поперечными шириной 3—5 м. Поперечные улицы, как и продольные, имели черепяные покрытия. К улицам примыкали стены домов (табл. ХLI, I), обычно имевшие площадь около 100 м² и состоявшие из двух—четырех смежных помещений различной величины. Лишь некоторые дома имели внутренние дворики. Для построек всех периодов жизни города характерно наличие полуподвалов высотой до 1,5 м, которые могли быть хозяйственными и жилыми. Иногда они вырубались в скальном грунте. Стены складывались впереплет на глиняном растворе из плохо обработанных, иногда лишь слегка подгесанных камней средней величины. Полы были глинобитными, неровности грунта предварительно закладывались черепками. В одном из домов сохранился небольшой участок пола, выложенного галькой на известковом растворе. В береговой и северо-восточной частях Горгиппии раскопаны жилые дома IV — середины III в. до п. э. и второй половины III—II вв. до п. э. Стены домов сохранили следы многочисленных ремонтов и перепланировок. В подвалах нелп каменные и деревянные лестницы, в стенах сохранились пазы для крепления деревянных стропил. Стены жилых домов часто возводились из слабо обожженных сырцовых кирпичей размером 45(50)×30(45)×6(10) см. Крыши домов были черепичными.

В 1965 г. открыто святилище Деметры IV—III вв. до п. э. Там найдено несколько десятков протом Деметры и Керы, в том числе местного горгиппийского производства, вотивные сосуды (чернолаковые капфары, кляпки, рыбные блюда) (*Цветае-*

ва Г. А., 1969). Находка мраморной плиты первой половины III в. до н. э. с удлинением 226 человек, одержавших победу в спортивных состязаниях на праздниках в честь Гермеса (КБН, 1437) позволяет предположить наличие в городе стадиона. В северо-восточной части города засвидетельствованы следы местного гончарного производства II в. до н. э. и последующих периодов (Салов А. И., 1962, с. 215 сл.; Кругликова И. Т., 1962б, с. 218 и сл.; 1975б, с. 53 сл.).

В I в. до н. э.—I в. н. э. главная магистраль города была вымощена заново небольшими камнями. В восточной части предполагаемой агоры (раскоп «Гостиница») обнаружены мощные фундаменты здания I в. до н. э.—I в. н. э. шириной 2,4 м. В западной части над вымосткой IV—III вв. до н. э. сохранился угол фундамента I—II вв. н. э. сложенного из громадных блоков известняка вторичного использования, один блок рустован. I в. до н. э.—I в. н. э. (Кругликова И. Т., 1975б, с. 71 сл.) датированы нижние части двух цистерн виводельны, облицованных и обмазанных двумя слоями цемьянки. О рыбном промысле в городе свидетельствуют также находки рыболовных крючков, рыбных костей и чешуи, наполнявших амфоры. В восточной части городища сохранились остатки гончарной мастерской конца I в. до н. э.—начала I в. н. э. (Кругликова И. Т., 1975б, с. 56) и виводельн первых веков нашей эры.

Эпиграфические памятники говорят о размахе строительства в Горгиппии во II в. н. э. (табл. XLIII). На рубеже I—II вв. н. э. царь Савромат I восстановил городские укрепления (КБН, 1112). В 140 г. н. э. наместник Горгиппии воздвиг храм богине Афродите Навархиде (КБН, 1115). Во второй половине II—начале III в. н. э. фисас судовладельцев (навархиды) воздвиг ступат и восстановил храм бога Посейдона (КБН, 1134). Надписи II и первой половины III в. н. э. свидетельствуют о сооружении памятников боспорским царям (КБН, 1118, 1120) и их наместникам (КБН, 1119). Рядом с территорией предпологаемой агоры найдена статуя Неокта и обломки еще двух таких же больших мраморных статуй (Кругликова И. Т., 1966б, с. 84, рис. 28). Фриз и архитрав, вырезанные из одного камня, мраморные коринфские капители, мраморные кассеты в обрамлении ов с изображением двух рельефных голов Медуса и, возможно, Папа и Сатпра, свидетельствуют о монуеметальных застройках города в первые века нашей эры (Кругликова И. Т., 1975б, с. 36; Пичихян И. Р., 1978, с. 78; Савостина Е. А., 1980). Во II в. п. э. были заново вымощены северная и ряд поперечных улиц города. Главную магистраль выложили огромными, длиной до метра каменными плитами, положенными на мощный слой подсыпки и трамбовки из щебня, перекрывший ранние мостовые. Под плитами мостовых проходили водостки, сложенные из поставленных на ребро плоских необработанных камней и соединившиеся с водосборными колодцами. Расцвет города во II в. н. э. подтверждается обилием заново сооруженных жилых домов. Их планировка и строительные приемы сохранились предельно. В северо-восточной части города раскопано жилое полуподвальное помещение, погибшее в пожаре III в. н. э., каменные стены которого были обмазаны глиной, опуткатулены и расписаны в технике фрески

цветными полосами, проведенными по белому фону, и импактейнестрого мрамора. Обнаружены подвалы хозяйственного назначения. В них стояли большие амфоры (15—20 в одном помещении) и шифосы, имелись зерновые ямы, там же хранились инструменты — топоры, пили, серпы. В строительном деле первых веков нашей эры помимо сырых кирпичей применялись также хорошо обожженные плоские кирпичи, некоторые из них отмечены тамгообразными знаками, панесенными по сырой глине (Цветаева Г. А., 1975, с. 99—101). Битые кирпичи использовались в вымостках. Крыши домов покрывались черепицей или камкой. В слое II—середины III в. н. э. найдены железные наковальня и кузнечные клещи, а также много бесформенных кусков железа, возможно, отходов кузнечной мастерской (Кругликова И. Т., 1966б, с. 162). Саркофаги, надгробные стелы, характерные только для Горгиппии и ее округи, указывают на существование каменерезных мастерских. Раскопаны остатки гончарной печи II—III вв. н. э., прямоугольной в плане, площадью в 11 м². Она имела каменные стенки и подпорный столб в центре. Печь выпускала как крупные изделия массового спроса из грубой глины — черепицу и амфоры — так и мелкие изделия из тонкой глины. Горгиппия погибла в 30—40 гг. III в. н. э., по-видимому, в результате военных разрушений, связанных с передвижением племен. В IV в. жизнь в городе, возможно, возобновилась, о чем свидетельствуют отдельные пахотки керамики, единичные монеты IV в. н. э. и следы бедных построек.

Являясь опорным пограничным пунктом на юго-восточном рубеже Боспорского государства, Горгиппия управлялась наместниками, специально назначавшимися боспорскими царями (КБН, 1115, 1119, 1129, 1132, 1134, 1244).

Некрополь Горгиппии находился к югу и востоку от города. При расширении границ города в IV—III вв. до н. э. грунтовые могилы V в. до н. э. оказались под городскими постройками. К востоку от города выявлен участок, где хоронили людей из привлекательных слоев общества. Погребения здесь расположены на значительном расстоянии друг от друга, сопровождающий их инвентарь — богат. Обнаружены вырубленные в скале большие могилы, каменная гробница и склепы, содержавшие погребения в больших каменных саркофагах, вышпиленных из монолитной глыбы известняка, закрытых такими же громадными крышками. Ограбленные каменные саркофаги сохранили остатки золотых украшений. Здесь в 1975 г. раскопаны два склепа и вырубленная в скале могила II—III в. н. э. Один склеп украшен фресковой росписью. Его дромос и погребальная камера до пяты свода выцвены в скаду. На боковых стенах погребальной камеры размещался фриз, иллюстрирующий двенадцать подвигов Геранла (табл. XLII) Напротив входа изображен сидящий в кресле мужчина. Рядом с ним — сидящая в высоком кресле женщина. Впереди — фигурка юноши-нисаря с дилтихом в стилие в руках. Здесь же изображены: дерево, среди корней которого изображены черепахи, а на урочке кроны — павлины. Инкрустационно-цветочный стиль росписи датирует склеп III в. н. э. В склепе стояли три саркофага из известняка, содержавшие пять погребенных. Склеп

ограблен в древности. В соседнем склепе, вырубленном в скале, стояли два саркофага с массивными крышками в виде двускатной крыши. Один из них украшен сложными профилями, розетками. В нем был погребен знатный мужчина — воин, погребение сопровождалось парадным оружием и складным стулом. Второй саркофаг содержал, вероятно, погребения двух девочек. В саркофагах и на полу склепа сохранились высокохудожественные вещи: стеклянная курляница, стригили, светильники, оружие, украшения, части военного убора I—III вв. н. э.

На территории рядового некрополя Горгиппии, располагавшегося к югу и юго-востоку от города, раскопано более 300 могил IV в. до п. э. — III в. н. э. Преобладают погребения египетские или парные в грунтовых могилах овальной или прямоугольной формы. В эллинистическое время сооружались черепичные могилы. Некоторые могильные ямы сохранили следы деревянных перекрытий либо имели плитовый заклад. У погребенных часто сведены вместе ступни, кисти приближены к тазу. Преобладает северная и северо-восточная ориентация покойников. Известен и обряд кремации. Среди погребального инвентаря всевозможные керамические изделия, мелкие бронзовые, иногда золотые украшения, бусы, стеклянные сосуды. Некрополь города занимал площадь не менее 16 га. Дальше простирается курганный некрополь. Одна гряда курганов тянется на восток от Анавы, другая — в юго-западном направлении. Курганы находились в к югу от города.

Кепы

Город Кепы упоминается Псевдо-Скимпом (V, 899), Эсхином (III, 171), Дидором Сицилийским (XX, 24), Страбонем (XI, 2, 10), Плинием Старшим (VI, 18), Помпонию Мелой (I, 112) и др. Это отождествляется (хотя и без полной уверенности) с городищем, находящимся на восточном берегу Таманского залива на верхнем плато и в правобережной части. До 1937 г. памятник подвергался лишь осмотру (Несен А. А., Миллер А. А., 1932, с. 59), с 1937 по 1972 гг. проводились его планомерные раскопки (Сокольский Н. И., 1960: 1961а; 1961б; 1962а, г; 1963б; 1965б; Николаева Э. Я., 1975). В Кепях зарегистрировано 42 культурных напластований от VI в. до н. э. до IV в. н. э. В период наибольшего расширения города (I—II вв. н. э.) его площадь (вместе с затопленной частью) достигала 20—25 га. К наиболее раннему слою относятся остатки жилищ конца VI — начала V в. до н. э., с сырцовыми стенами и среди них дом с глубоким подвалом, разделенным на четыре отсека (табл. XLIV, 1). В истории дома выделяются три строительных периода. Со вторым из них связывается использование одного отсека подвала под хранение амфор (хосских и протосфасских). В слое VI—V вв. до п. э. было много расписной посуды (табл. XLIV, 3, 5). Интересно культовое глиняное блюдо с рельефным орнаментом по краю на высокой профилированной подставке (рис. XLIV, 2).

Расцвет города относится к IV—II вв. до н. э., особенно к III—II вв. до н. э. В этот период идет оживленное строительство жилых и общественных зданий. Сохранились фундаменты небольшого святилища II в. до п. э., по-видимому, тива храма в

антах, сооруженного на восточной окраине города (табл. XLIV, 10). Здание погребло в I в. до н. э. В его развалинах найдены монеты в много разнообразных предметах (табл. XLIV, 7, 9, 11). Среди них выделяются мраморная головка курсы или Аполлона конца VI в. до н. э. (табл. XLIV, 13), статуэтка Афродиты высотой около 0,53 м, изваянная из мрамора мастером восточносредиземноморской школы II в. до н. э. (рис. XLIV, 11); (Сокольский Н. И., 1964б). Терракотовая статуэтка Афродиты (табл. XLIV, 15), вотивная мраморная женская рука с рогом изобилия (табл. XLIV, 7) и др. позволяют считать данную постройку святилищем Афродиты. Об этом также свидетельствует обломок большого мраморного блюда V в. до н. э. с начальными буквами имени этой богини (табл. XLIV, 16), посвящение Спартоа, сына Перисада, Афродите, вырезанное на мраморном пьедестале (табл. XLIV, 14) и целый ряд графиты на сосудах (табл. XLIV, 4). Судя по надписи на ножке черноразового клипка конца VI в. до н. э. в Кепях уже в это время существовал храм Афродиты и при нем был жрец Мальпагор (Сокольский Н. И., 1973б, с. 88). При раскопках святилища Афродиты были найдены половина мраморного тарана и мипаторный вотивный железный виноградский нож. В III—II вв. до н. э. Кепы торговали с боспорскими и со средиземноморскими центрами, о чем говорят находки импортных амфор, пантикапейских и фалагорийских монет, изделия фанаторийских и пантикапейских гончаров, чеполовая керамика и рельефная типа «егарских» чаш (Усачева О. И., 1978). Найдены формы для приготовления терракотовых статуэток. Клейма на сосудах (табл. XLIV, 6, 9) позволяют предполагать наличие керамической мастерской при одном из святилищ города (Сокольский Н. И., 1968). Слои конца II—I вв. до н. э. несут следы разрушений и последующих восстановительных работ, при которых использовались в качестве строительного материала обломки погибших сооружений и монументов. В слоях того времени встречено довольно много находок (табл. XLIV, 19—22).

К I в. п. э. относится керамическая обжигательная печь, две висящие и термы, прямоугольные в плане с двумя помещениями, выступающими наружу. Внутри терм вдоль сырцово-кирпичных стен на каменном фундаменте были расположены цементные скамьи, облицованные плитками сероватого мрамора. В скамьях проходили каналы для подачи горячего воздуха. С севера и востока здание терм отбавляет водопровод, сложенный из грубообработанных камней, перекрытый плитами и черепицей. В месте прохождения водопровода под стеной терм он состоит из керамических труб, внутри которых лежала более узкая труба из свишовой пластины (табл. XLIV, 17) (Николаева Э. Я., 1975, с. 77 сл.). В I в. вокруг города возводил мощный оборонительный земляной вал, остатки которого сохранились в северной части городища (табл. XLIV, 23). В слоях II и III вв. открыты две выделены (табл. XLIV, 18).

В III—IV вв. п. э. происходит заметное изменение в эконоике и культуре города. В городские жилые комплексы включаются производственные постройки и зернохранилища. Среди керамических

поздней большую группу составляет лепная посуда, светильники (табл. XLIV, 24). Город погибает в 70-ых годах IV в. п. э. во время нашествия гуннов. Яркую картину этой катастрофы дали раскопки на южной окраине города, где под рухнувшими остатками сырцовых стен дома обнаружен скелет убитого человека и в полуметре от головы найден клад, состоящий из 745 бронзовых монет последних царей Боспора, по-видимому, хранившихся в мешочке (Голенко К. В., Сокольский Н. И., 1968, с. 72).

К северо-востоку от города на склонах возвышенности находились грунтовый некрополь. В восточной части он сливался с курганным, тянувшимся печнойкой дальше к востоку по горе Цимбалка. Кроме того, курганы располагались группами к северу и югу от городища (Сокольский Н. И., 1963а, с. 100). Исследования грунтового некрополя проводилось с 1959 по 1970 г. Раскопана площадь не менее 6000 м², открыто свыше 400 погребений, относящихся ко времени от второй половины VI в. до н. э. по III в. п. э. (Сокольский Н. И., Сорокина Н. П., 1966). Погребения группируются по следующим периодам: 1 — вторая половина VI—V вв. до н. э.; 2 — III—I вв. до н. э.; 3 — I—III вв. н. э. (см табл. XLV).

Для VI—V вв. до н. э. характерны земляные ямы округлой или прямоугольной формы, могилы, выложенные сырцовыми кирпичами и детские захоронения в амфорах. Покойников обычно клали головой на восток на спину с вытянутыми конечностями, реже хоронили в скорченном положении. Среди скорченных погребений выделяются два типа: 1 — положение на боку с подогнутыми ногами; 2 — положение на спине с согнутыми в коленях и поставленными стойкой ногами. Второй тип характерен для V в. до н. э. Первый прослеживается вплоть до первых веков нашей эры. Погребения сопровождали простые или расписные чернолаковые сосуды, стеклянные непрозрачные сосуды, глубокие красноглиняные миски, протифасосские амфоры или ойнохов. Вопоиногда хоронили с оружием: мечами (акпнаками), копьями, стрелами с бронзовыми и железными наконечниками. На исследованной территории не встречались ни одного захоронения IV в. до н. э. Видимо, некрополь в это время был перенесен на другой участок. Но следует отметить, что в IV в. до н. э. быстро растет курганный могильник.

Основная группа открытых на грунтовом некрополе могил относится к III—I вв. до н. э. Выделяются шесть типов погребений этого времени. Сохраняются могилы в виде земляных ям, но они приобретают вытянутую овальную форму. Могилы с сырцовыми стенками встречаются редко и делаются узкими. По-прежнему используют для детских захоронений керамическую тару. К новым типам могил относятся захоронения под черепицами, подбойные могилы, земляные склепы. Самые ранние подбойные могилы и склепы датируются монетами второй половины III в. до н. э. Погребальный обряд III—I вв. до н. э. в основном продолжает традиции предшествующего периода: преобладает труположение с ориентацией покойных головой на восток с отклонением. Наряду встречаются могилы с южной ориентировкой. Наряду с труположением во II—I вв. до н. э. распространяется новый обычай —

сожжение умерших. Кремация совершалась в самой могиле или же на стороне с последующим захоронением калцинированных костей в специальных урнах, либо в сосудах. Инвентарь из могил III—I вв. до н. э. очень обильный: керамика в основном местного производства, бусы, боспорские монеты. Оружие не встречается. Для эпохи эллинизма характерно совершение тризп. Встречаются эсхары для возлияний и жертвенные столки из известняка. Тризны сопровождалась иногда сожжением жертвоприношений на кострах; посуду, при этом, разбивали. Иногда при жертвоприношениях, связанных с погребениями в земляных склепах, совершались захоронения голов лошадей, коровы или целой собаки. Распространяется обычай ставить над могилами надгробия с рельефными изображениями женских и мужских фигур, вадпшвов, а также антропоморфные надгробия. Некрополя III—I вв. до н. э. в основном характеризуются чертами греческого погребального обряда. Но появление во второй половине III в. до н. э. подбойных могил, характерная поза погребенного — положение руки на тазу и находка разбитого зеркала (в одном погребении II в. до н. э.), могут быть связаны с другой этнической группой населения Кен — сарматами, которые стали вливаться в города Таманского полуострова несколько раньше, чем в города европейского Боспора.

Некрополь первых веков нашей эры располагался на том же месте, концентрируясь главным образом в северной части. Число вскрытых могил этого времени значительно меньше. Выделяются четыре типа погребений I—III вв. Ведущим из них остается могила в виде земляной ямы овальной формы. Детей продолжали хоронить в сосудах, используя для этого кувшины и даже кастриолы. Значительную группу могил составляют земляные склепы, которые отличаются от эллинистических большими размерами камер, залегавших иногда на глубине свыше 2 м и дромосов, имевших, кроме того, несколько иную форму. Не менее распространенными были подбойные могилы, у которых подбой выкапывались в разных сторонах, иногда очень глубоких колодез. Заклад у некоторых могил этого типа делался из вальков серой материковой глины, но также и из сырцовых кирпичей как и в эпоху эллинизма. Церестили совершать тризны и сжигать умерших. Господствующим стало труположение при разнообразной ориентации покойных. Учащаются случаи расположения кистей правой или левой руки на тазу и перекрещенных в шиколотках ног. Преобладает вытянутое положение костяков, но встречается и скорченное, на правом или левом боку. В склепах, служивших семейными усыпальницами, видимо, нескольких поколений, число погребенных увеличивается. В камерах их стали располагать ногами ко входу, часто в деревянных гробах и даже саркофагах с раскрашенными напелами из гипса и глины. Печка обычной класть в склепы черепицу или ее обломок, что было характерно для предшествующего времени. При отмеченных новых чертах погребального обряда неизменным остается ритуал надления умерших предметам быта, туалета, украшениями и слова как в VI—I вв. до н. э. — оружием. Особенно богатым инвентарем отличались склепы. В могилах встречаются краснолаковая, простая и сероглиня-

ная лощеная керамика, грубоглиняная лепная посуда, светильники, многочисленные балызамарпи и другие сосуды из стекла, терракоты, бусы, изделия из металла и даже скульптуры, над погребениями продолжают ставиться падрогбия (табл. XLIV, 25 и XLV).

Патрей. На северном берегу Таманского залива, у современного поселка Гаркуши находится обширное городище, которое отождествляется с упоминаемым древними авторами Патреем. Согласно Гекатею Милетскому, в передаче Стефана Византийского, Патрей был городом, Страбон (XI, 2,8) называет его селепем. Краткое описание этого городища было сделано в XIX в. (*Герц К. К.*, 1870, с. 107 сл.) В 1926, 1927 гг. городище подверглось археологическому обследованию и в 1928 г. здесь проведены первые разведочные раскопки (*Башкиров А. С.*, 1927; 1928; 1950). В 1931 г. на городище работала экспедиция ГАИМК (*Миллер А. А.*, 1932б). Систематические археологические исследования Патрея велись с 1948 по 1951 гг. и в 1960, 1961 гг. (*Башкиров А. А.*, 1950; 1957). В 1964, 1965 гг. и в 1969, 1970 гг. раскопками городища руководил Н. И. Сокольский.

Древнейшее поселение возникло в третьей четверти VI в. до п. э. в западной части городища и существовало до второй половины V в. до п. э. В жилищном строительстве этого поселка широкое применение получили глина и слоеные субстракции. Здесь открыты части нескольких строений, в том числе помещение с круглой в плане домашней печью и большое количество зерновых ям (АО, 1965 г., с. 128). Вследствие поселения перемещается к востоку. Следов поселения IV—III вв. до п. э. пока не обнаружено. Ко II—I вв. до п. э. относится часть монументальной каменной мостовой и фундаменты большого здания с завалом расписной штукатурки на полу. В начале I в. до п. э. город подвергся разрушению, сопровождавшемуся пожаром и гибелью части населения, о чем свидетельствует находка в подвале двух человеческих скелетов (*Башкиров А. С.*, 1957, с. 353, сл.). В копье I в. до п. э.—начале I в. п. э. здесь сооружается крепость, входившая в единую систему укреплений северо-западной части Таманского полуострова. По периметру ее был вырыт ров, а из вынута при рытье земли на подрезанный материк был насыпан глиняный вал высотой 2,60 м. На поверхности вала была возведена из сырцовых кирпичей (0,52×0,52××0,07 м) оборонительная стена толщиной 3,60 м. По-видимому, крепость была прямоугольной (табл. XLVI, 5). На восточной стороне ее находилась ворота шириной 3,65 м, защищенные с обеих сторон прямоугольными пилонами 6,70×1,90 м (АО, 1965 г., с. 127). Внутри была насыпана мощная платформа, на которой располагались блоки помещений, построенные по одному плану из аналогичных сырцовых кирпичей на каменных фундаментах и разделенные узкими переулками с черепянными вымостками. В начале II в. крепость погибла в пожаре. Но жизнь на городище вскоре возобновляется, причем в пределах крепости новая застройка полностью повторяла планировку предшествующего периода. В конце II в. п. э. жилые дома подвергаются новой перестройке. Расположение новых по-

строек, сооруженных из сырцовых кирпичей на каменных фундаментах, отличается от нижележащих домов. Найдены зерновые ямы, вкопанные пифосы, остатки двух выноделен, нижняя часть керамической обжигательной печи. В середине III в. н. э. город подвергается новому разрушению, которое, судя по монетам третьего Патрейского клада, произошло около 251 г. и может быть связано с походами варварских племен. В позднеантичное время жизнь в городе продолжалась. Как показывают строительные остатки и монеты второго Патрейского клада, гибель античного города связана с движением гуннов в 70-ых годах IV в. (*Голенко К. В.*, 1960).

Поселение у поселка «За Родину»

Безымянное городище, расположенное в 1,5 км от Азовского моря в полукилометре от юго-западного угла поселка рыбколхоза «За Родину» Темрюжского района известно с XVIII в. (*Pallas P. S.*, 1794, s. 274; *Dubois de Montpéroux F.*, 1843; *Герц К. К.*, 1870, с. 104; *Войцеховский С. Ф.*, 1929, с. 8).

Раскопками выявлены пять культурных слоев от V—IV вв. до п. э. по первые века нашей эры (*Сокольский Н. И.*, 1975; 1976а). Слои V—IV вв. до п. э. прослежены только по находкам. Во второй четверти III—середине II вв. до п. э. здесь находился архитектурный ансамбль, состоящий из перистильного двора и толоса (табл. XLVII, 1, 2). Перистильный двор (площадь 2310 м²) трапециевидной формы был обрамлен со всех сторон длинными постройками, которые делились на помещения с черепичными крышами. В западной постройке, наиболее хорошо сохранившейся, было девять помещений. Вдоль построек со стороны двора тянулись галереи так же с черепичными крышами. Поддерживающие их деревянные опоры стояли с промежуточными — интерколунами от 1,65 до 2,25 м на сплошной однорядной каменной кладке в специально сделанных для них углублениях. Двор местами сохранил разнохарактерное замощение. Под некоторыми вымостками имелись водостоки. В западной части двора — стоял толос — круглая в плане постройка диаметром 21,2 м на глиняном одноступенчатом основании, обрамленном каменной однорядной кладкой. Расположенная на расстоянии 2,40 м от края основания стена целлы, сложенная из сырцового кирпича, лежала на фундаменте шириной 0,90 м из рваного камня с заложеными в него известняковыми квадратами с пролуктами. Диаметр внутреннего помещения — 14,40 м. Снаружи у толоса имелось 32 колонны дорического ордера с интерколунами, равными 2,08 м, внутри — восемь ионийских колонн, стоявших по кругу на известняковых квадратах (табл. XLVII, 3—15). Особенности строительного материала (дерево, сырцовый кирпич) более приземистые пропорции, большое число наружных колонн придали толосу некоторо своеобразие по сравнению с подобного типа постройками, известными в Греции.

В середине II в. до п. э. этот архитектурный ансамбль был разрушен. С 20-х гг. II в. до п. э. руины перистильных построек восстанавливаются, однако, со значительными переделками, превратившими его из святилища в укрепленную усадьбу. Отреставрированный перистильный двор был обнесен мощным

валом со рвом и в северо-западном углу двора было построено монументальное двухэтажное здание с сырцовыми стенами толщиной 1,85 м, стоящими на каменных фундаментах. Прослежены так же остатки каменной лестницы. Дом имел пять внутренних помещений общей площадью 378 м² (табл. XLVII, 16, 17). Два из вих (А, Б) были хозяйственными, а в одном находилось, видимо, домашнее святилище. Разгром усадьбы, сопровождавшийся большим пожаром, относится к последнему десятилетью I в. до н. э. Он, возможно, был связан с карательной экспедицией Полемона в период его борьбы за боспорский престол. В слое пожара найдена столовая и кухонная посуда, деревянные, костяные, бронзовые предметы, терракоты, веревки, аэроптерик и т. д. (табл. XLVII, 20—40). Последним хозяином усадьбы был Хрисалиск, живший при царе Асандре (47—47 гг. до н. э.) как сообщает найденная здесь надпись. Здесь же найдена плита со схематическим изображением богини Тухе (табл. XLVII, 18, 19). Особенности надписи Хрисалиска, фундаментальность усадьбы — резиденции позволяют видеть в нем видного магистрата Боспорского государства времени правления Асандра. В I в. н. э. в период экономической и политической стабилизации Боспора, после бурных событий I в. до н. э. на развалинах резиденции Хрисалиска возводятся прямоугольные в плане укрепления, простоявшие здесь более столетия (табл. XLVII, 41). Оно перекрыло лишь северную часть стропильн предшествующих эпох. В северо-западную линию обороны были включены мощные стены дома Хрисалиска, так, что он представлял собой выступ, подобный огромной башне. В северо-восточном углу сохранилась другая прямоугольная баня с внутренним помещением. От нее тянулось стена из сырцовых кирпичей на каменных фундаментах шириной 1,30 м.

Тирамба

Согласно сообщениям Страбона (XI, 2, 4) и Птолемея (V, 8, 4) Тирамба находилась в 120 стадиях к востоку от Киммерика, расположенного на Азиатском Боспоре. Предположительно ее локализируют в 20 км восточнее Фанагории, на южном берегу Азовского моря, около устья Кубани, на окраине современного поселка Пересыль (*Войцеховский С. Ф.*, 1929; *Гайдужевич В. Ф.*, 1949а, с. 206). По другому предположению, Тирамба находилась в 8,5 км от г. Тимрюка, на территории его выселок (*Герц К. К.*, 1870, с. 306). От городища у пос. Пересыль сохранилась незначительная часть (около 100 м в длину и 30 м в ширину) с оборонительным валом, который шел параллельно Кубанскому гирлу. Сохранившийся кусок городища представляет собой южную часть укрепления, сооруженного в I в. до н. э. Раскопки на городище проводились в 1961—1963 и 1965 гг. (*Корогина А. К.*, 1968б, с. 54 сл.). Вскрыта площадь в 150 м² (табл. XLVIII, 10). Поселение было основано в конце VI в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1954, с. 23). Открыты остатки заглубленного жилища конца VI—V вв. до н. э., остатки фундаментов, вымосток и водостока последующих веков. Расцвет Тирамбы падает на IV—III вв. до н. э. В I в. до н. э. здесь строится укрепление из сырцовых кирпичей с глубоким рвом вокруг стен и отходящим от

них оборонительным валом. В I в. н. э. оно было разрушено, но жизнь на городище продолжалась до III в. н. э. Найденная на городище керамика свидетельствует о тесных торговых связях Тирамбы с Фанагорией, откуда поступали и импортные греческие изделия. Среди амфорных клейм преобладают синопские III в. до н. э. и родосские II в. до н. э. Для лепной посуды характерны формы, близкие прикубанским (*Анфимов Н. В.*, 1951, рис. 1, 5, 6, IV, 13; рис. 2, 1, 29; рис. 3), встречаются также горшки с отогнутым венчиком и с ямочным орнаментом, напоминающие скифскую посуду (*Граков Б. Н.*, 1954, с. 63) и лепные кастролы с ручками, подражающие боспорским гончарным. Лепная посуда Тирамбы отличается тщательностью изготовления. В первые века нашей эры качество ее ухудшается. Среди импортной керамики интересны две сероглиняной чернолаковой чаши эллинистического времени с рельефным медальоном, на котором изображены Исида и Серапис, и светильник I в. до н. э. — I в. н. э. с рельефной надписью.

Некрополь тянется к западу и юго-западу от городища вдоль побережья на 1,5 км и приблизительно на полкилометра в ширину (*Корогина А. К.*, 1962; 1963). В 1940 г. В. Д. Блаватским в обрыве берега было зачищено 11 могил, в 1947 и 1951 гг. еще шесть могил. Систематические раскопки проводились А. К. Корогиной в 1959, 1961—1963, 1965, 1970 гг. На площади более 1400 м² обнаружено 163 погребения, относящихся к периоду от VI в. до н. э. по III в. н. э. Открыты 19 могил конца VI—V вв. до н. э., для которых характерно групоположение в простых грунтовых ямах с устойчивой ориентацией восток-запад, с оружием: агиники, наконечники копий и стрел. Среди погребального инвентаря греческая импортная посуда, лепная и изготовленная на гончарном круге фанагорийская (табл. XLVIII, 1—10). Наибольшее количество могил относится к периоду от IV в. до н. э. до I в. н. э. В конце IV—III вв. до н. э. распространяется обряд кремации и захоронение детей в амфорах в корчагах, с III в. до н. э. начинается сооружение земляных склепов (табл. XLVIII, 14), а во II—I вв. до н. э. появляются подобные могилы, количество которых увеличивается к I в. до н. э. — I в. н. э. В III в. до н. э. — I в. н. э. в погребениях, особенно в склепах, встречается много украшений. В женских могилах много бус, перстней, браслетов, фибул. На рубеже нашей эры в могилы кладут превосходного качества терракоты, большей частью из фанагорийских мастерских. Ко II—III вв. н. э. относятся только пять могил. Незначительное количество погребений II—III вв. в малая мощность культурных слоев этого времени свидетельствуют о постепенном затухании жизни в городе к III в.

Семиратнее городище

В процессе распространения боспорского влияния на внутренние районы Спидикии и Прикубанья греческие населенные пункты возникают в глубине территории скифо-меотских племен. К числу таких поселений принадлежит Семиратнее городище, расположенное западнее станции Варенинской. В конце XIX в. небольшие раскопки городища проводил В. Г. Тизенгаузен (ОАК,

1878—1879 гг., с. VIII—IX). Затем его обследовали в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. (Баширов А. С., 1928; Нессен А. А., Миллер А. А., 1932, с. 59), а в 1938—1940 гг. и в 1949—1951 гг. раскопки городища проводил Н. В. Анфимов. Как показали раскопки (Анфимов П. В., 1941; 1953), город возник в конце VI — начале V в. до н. э., по-видимому, на месте ранее существовавшего туземного селища, на что указывает незначительное количество местной керамики в нижнем слое. Вокруг городской территории проходила мощная крепостная стена толщиной 4,35—2,60 м. сложенная из крупных и средних плит ракушечника. На верх стены вели каменные дестяжки. Городские укрепления дополнялись прямоугольными башнями, стены которых были значительно толще — 0,80—1 м. Эти укрепления с небольшими перестройками существовали около двух столетий. В конце IV — начале III в. до н. э. городище подверглось разгрому.

В III—II вв. до н. э. на месте старых городских стен возводятся новые укрепления из грубо обработанных блоков и плит известняка, уложенных в два яруса с заполнением внутри мягким камнем или землей. Под основанием стены были устроены субструкции из утрамбованной глины. Толщина новой стены — 1,90 м. К этому же времени относится сооружение в северо-восточной части монументального здания размерами 22,5×19,5 м с пятью помещениями, расположенными вокруг небольшого мощеного двора с колодцами. Единственный вход в здание находился на южной стороне. Находки червофигурной, краснофигурной и чернолаковой керамики, барабанов колонн, фрагмента мраморной скульптурной головы, терракот и привозной керамической тары свидетельствуют о благосостоянии обитателей поселения и об оживленных торговых связях, по-видимому, через приморские города Боспора с Хисмом, Голосом, Аттигой, а также Гераклеей и другими малоазиатскими центрами. Поселение просуществовало до III в. н. э. В позднее время, как свидетельствуют многочисленные находки сарматской керамики, население города и его облик в значительной мере варваризуются.

Сельская территория

Древние авторы называют еще несколько греческих поселенных пунктов на азиатском Боспоре — Коркопдаму, Киммерий или Киммерийское селенье, Ахлий, Алатур, Абораку, Стратоклею (карта 6). Из них только Коркопдама и Киммерий пока могут быть отождествлены с известными археологическими памятниками. Но античные названия большинства других городищ и поселений, открытых археологами, нам не известны. Все они входили в состав хоры Боспорского государства. На археологическую карту Таманского полуострова, составленную К. К. Герцем, нанесено большое количество древних поселений, открытых в XIX в. Позднее были добыты новые (Герц К. К., 1870; Соколов В. В., 1919а). В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. были предприняты широкие археологические разведки, сочетавшиеся с наибольшим количеством раскопок (Баширов А. С., 1927; 1928; Миллер А. А., 1931; 1932а, б). В 1950—1954 г. работала Спидская экспедиция, возглавляемая В. Д. Главатским (Глават-

ский В. Д., 1952б; 1953а; 1955б; 1957б; 1959г; Шелов Д. Б., 1953; 1955; Соколовский Н. И., 1959). Были проведены раскопки на 16 поселениях юго-западной части Таманского полуострова. Большая часть их представляла неукрепленные поселения земледельцев, располагавшиеся вблизи берега моря или лиманов и состоящие из отдельно стоявших, нередко монументальных построек с сырцово-каменными или каменными стенами. Крыши зданий имели глиняно-камышовое покрытие, реже черепичное. Хозяйственные дворики иногда мостились камнем. В помещениях были глинобитные очаги. Найдены зерновые ямы, обломки жерновов, остатки шинодельни II—III вв. н. э. На некоторых поселениях обнаружены остатки гончарного и кузнечного ремесла. Ряд поселений, лежащих вдали от моря, представляли собой временные стоянки пастухов. Девять последних возникли в VI—V вв. до н. э., пять — IV—III вв. до н. э. и одно, примерно в III в. до н. э. Они существовали, с временными перерывами, до конца античного периода. В 1949 г. раскопки и разведки были проведены в северной части Таманского п-ва (Шелов Д. Б., 1951; Кубланов М. М., 1959). С 1961 г. раскопки на Фапталовском полуострове начала экспедиция под руководством Н. И. Соколовского (Соколовский Н. И., 1963в, 1963г; 1966а, с. 126—129; 1966б; Догагуров В. С., 1967; Николаева Э. Я., 1973). Установлено, что некоторые поселения (у восточного края Киммерийского вала) возникли в конце VI—V вв. до н. э., другие (Кучугуры I, Кучугуры II, у пос. «За Родивну») — в IV—III вв. до н. э. Однако большая часть их была основана в конце II—I вв. до н. э. (Ильичевка, Батарейка I, Батарейка II, Каменная Батарейка, Красноармейское, у пос. Татарское). Во второй половине I в. до н. э. почти на всех перечисленных поселениях сооружаются из сырцовых кирпичей небольшие акрополи. Они составляли вместе с Киммерийским валом и валом в Кеках единую оборонительную систему (табл. XLVI, 7). Вокруг них располагались неукрепленные поселки. Укрепления были сооружены на расстоянии от 2,5 до 10 км друг от друга, так, что между ними обеспечивалась зрительная связь (Соколовский Н. И., 1963 г, с. 20 сл.). Аналогичный принцип расположения укреплений отмечен и для Европейского Боспора, что свидетельствует о единой системе обороны Боспора, возникшей скорее всего во время правления царя Александра (Кругликова П. Т., 1966а, с. 90 сл.). Археологические исследования на большинстве из указанных поселений были сосредоточены на цитаделях, представлявших собой большей частью правильные прямоугольные степ, усиленные прямоугольными башнями и сложенные из сырцовых кирпичей размерами 0,52×0,52×0,07 м. Исключения составляли: укрепление поселения Красноармейского, имевшее шестиугольное очертание, и укрепление у поселка «За Родивну», окруженное не стенами, а ровом и валом. Оборонительные сооружения многих крепостей дополнялись валами и рвами. Внутренние пространства их были застроены тесно стоящими блоками помещений, сооруженных по единым регулярным планам.

Судя по находкам внутри помещений крепостей и подъемному материалу с окружающих их поселе-

пий, основными занятиями населения являлись земледелие, виноградарство и садоводство. Имеются данные о развитии в них керамического производства, качества и рыболовства. Основную массу находок составляют предметы, типичные для греческих городов. Встречаются материалы, характерные для местных племен, в первую очередь, сарматских, указывающие на их присутствие среди жителей. В конце I и начале II вв. все крепости подверглись разрушениям и пожарам (Сокольский П. И., 1967б, с. 114 сл.). Однако жизнь на них продолжается и в более позднее время, причем, восстановленные в середине II в. жилища внутри сохранившихся укреплений наследуют прежнему плану. Новые перестройки происходят в III и IV вв. В IV в. все поселения-крепости погибают в результате нашествия гуннов.

Поселение у пос. Ильича. Поселение существовало с позднелазийского до раннесредневекового времени (Шелов Д. Б., 1951). Городище (размером 400×400 м) расположено у северной окраины пос. Ильичевка, в 1,5 км к северо-востоку от основания косы Чушка. Центральный холм, по форме близкий в плане к квадрату, высотой 8 м и размером 100×100 м, представляет собой крепость, исследование которой началось в 1962 г. (Сокольский П. И., 1966б). Открыт небольшой участок оборонительной стены, толщиной в 2,20 м. Четко выявляются следы гуннского разгрома, после которого поселение быстро восстанавливается и интенсифицируется на нем продолжается. Большинство открытых помещений принадлежит к IV—VI вв. н. э.

Поселения Кучугуры I и Кучугуры II. На территории современного поселка Кучугуры открыты два античных поселения (Кубанов М. М., 1959). Поселение Кучугуры I на берегу Азовского моря возникло в IV—III вв. до н. э. Найдены каменные фундаменты зданий III в. н. э.

Городище Кучугуры II, на окраине современного хутора Кучугуры, на расстоянии приблизительно 1 км к югу от Азовского моря также возникло в IV—III вв. до н. э. Городище прямоугольной формы: длина 140 м, ширина 110 м. К IV—III вв. до н. э. принадлежит остаток помещения, возведенного на сырцовых кирпичей. В I в. до н. э.—I в. н. э. здесь было построено сырцовое укрепление с башнями и жилыми постройками. Обнаружены остатки фундамента оборонительной башни, сложенной из сырцовых кирпичей и расположенной на углу крепостной стены городища. Находка двух сероглиняных цилиндрических курлынок сарматского типа может указывать, что среди обитателей были сарматы. В слоях I—II вв.—четкие следы пожаров, свидетельствующие о захвате укрепления врагами и разрушении. Поселение продолжало существовать и в III—IV вв. В это время оно также подверглось значительному разрушению и пожарам, которые скорее всего связаны с гуннским нашествием.

Поселение «Каменная батарейка» (табл. XLVI, 2) расположено на западном берегу Фанталовского полуострова, к югу от входа в Динскую залив. Его размеры—500×300 м. Раскопками обнаружена часть оборонительной стены из сырцовых кирпичей шириной 1,60 м, высотой 1,80 м, лежащей на каменном фундаменте, сложенном из ряда необра-

ботанных камней. Открыто также сырцово-кирпичное основание юго-восточной башни, размеры внутреннего пространства которой 4×2,10 м. Установлено, что укрепление имело прямоугольную форму с выдвинутыми по углам так же прямоугольными башнями. Рядом располагалось неукрепленное поселение, на котором зафиксированы остатки трех разрушенных входовен первых веков нашей эры (Сокольский П. И., 1970, с. 91).

Поселение «Красноармейское». Городище размером 500×400 м расположено на юго-западной окраине села Красноармейское. В юго-восточной части городища находилась птадель, окруженная со всех сторон рвом. Размер холма, занятого укреплением, 40×40 м при высоте 7,5 м. Поселение существовало с I в. до н. э. по V в. н. э. Вскрыта площадь 235 м², обнаружены оборонительные стены крепости из сырцовых кирпичей, на каменном фундаменте из необработанных камней известняка и плитняка средних размеров. Фундамент лежит на искусственной подушке из одородной серо-коричневой плотной глины. Укрепление в плане имело форму шестиугольника и его длинные стены были расположены друг к другу под углом, близким к 120°. На углах с внутренней стороны имелись прямоугольные пилоны, заменявшие башни. Внутреннее пространство восьми помещений птадели было заполнено горелым слоем толщиной 1,20—1,40 м, что свидетельствует о пожаре в конце I—начале II в. В одном из помещений обнаружены обуглившиеся остатки плетеной корзины с ячменем. Рядом с городищем располагалось неукрепленное поселение, возникшее в I в. до н. э., очевидно, одновременно с постройкой укрепления.

Поселение «Батарейка Б» расположено на берегу Динского залива, протянулось на 220 м вдоль берега и на 150 м к северу от него. В юго-восточной части городища находится холмообразная возвышенность треугольной формы (длина 700 м, ширина—40 м, высота холма—8,5 м, скрывающая в себе остатки укрепления (табл. XLVI, 3, 4). Значительная часть укрепления уничтожена в результате оползня грунта. Раскопки 1960 г. зафиксировали шесть культурных слоев с I по VIII—X вв. н. э. (Сокольский П. И., 1963в). На западном краю холма расчищена сырцовая оборонительная стена шириной 4,9 м, высотой 3,7 м, сооруженная в I в. до н. э. Ее фундамент из необработанных камней был положен на мощной глиняной подушке толщиной до 1,3 м. С внешней стороны укрепление было защищено валом. По всей площади раскопа прослежен сплошной пласт пожара конца I—начала II в. н. э. толщиной 0,3—0,58 м с большим числом находок (табл. XLVI, 12, 15, 16). В северном углу укрепления расположена квадратная башня. Другая башня обнаружена у северного края холма. Раскопками открыта часть дома с остатками печи, погибшей в пожаре IV в. н. э. Печь использовалась для обжига мелкой посуды и лещскообразных гравил. На полу сгоревшего дома найдены лепные сосуды, железный сошник, два гранитных четырехугольных жернова, каменная ступа, зерна пшеницы и ячменя, что свидетельствует о тесной связи жителей крепости с сельским хозяйством. Около печи обнаружен скелет мужчины с пробитым черепом, погибшего, видимо,

при захвате поселения. На окружающем крепость поселенцы обнаружены остатки девяти viviendas, две из которых I в. н. э. и III—IV вв., подверглись раскопкам (Сокольский Н. И., 1970). Поселение было разрушено в IV в.

Поселение «Батарейка II» в 2 км к северо-востоку от поселения Батарейка I, в 300 м от края Динского залива, в центре современного поселка Батарейка. Холм цитадели имеет в плане почти прямоугольную форму размером 60×40 м, высотой 5,5 м. В результате раскопок 1962—1965 гг. вскрыта площадь 410 м² (Сокольский Н. И., 1967б). В основании укрепления находилась глиняная подушка, на которой выкладывались фундаменты из различных камней, связанных раствором. Фундаменты башни были сложены в два яруса с плотной забутовкой посередине. На фундаментах находилась кладка из сырцовых кирпичей. Полностью раскопана северо-восточная башня укрепления (размеры внутрибашенного помещения — 4,20×3,35 м) с проходом шириной 1,05 м. Башня была двухэтажной с деревянными перекрытиями. Высота сырцовой кладки северной стороны башни достигает 4,60 м. Прослежено северное ярыло длиной 13,70 м и обнаружена промежуточная прямоугольная башня крепости (длиной 6,80 м). Возможно, что укрепление имело шесть башен — четыре по углам и по одной промежуточной у длинных стен (Сокольский Н. И., 1967б, с. 114). Открыт также участок южного ярыла стены. Стена имела цоколь из сырцовых кирпичей, расширяющийся к основанию. Установлено, что после сооружения башен и крепостных стен была создана искусственная глиняная платформа толщиной до 2,5 м (у южной стены), на которой были построены помещения, расположенные вдоль крепостных стен. Вскрыто 11 помещений (9 — у южного ярыла стены, 2 — у северного), погибших при пожаре в результате штурма крепости, в ходе которого применялись военные механизмы. В слое пожара было обнаружено много находок: прямоугольные жернова из гранита, пифосы, вкопанные в пол, амфоры местного производства, светлоглиняные узкогорлые амфоры; значительное количество металлических предметов (в том числе косы и серпы). На полу помещения 2 в краснолаковых чашках сохранился облупившийся виноград (табл. XLVI, 6—11, 13, 14, 17), яблоки, в горшках — остатки каш и хлеба. Найденны также остатки трех корзин с зерном и веревочной рыболовной сети с поплавками. Захват укрепления произошел в августе—сентябре месяце во время правления Савромата I (93/4 123¼ гг. н. э.). Рядом с крепостью находилось неукрепленное поселение. В последующую эпоху поселение было перестроено и продолжало существовать до IV в. н. э. (Долгорюков В. С., 1967). Раскопками вскрыто два дома.

Поселения в районе Фанагории и Горгиппии. В 1968 г. исследовалось селище первых веков патей эры, расположенное в 5 км к югу от Фанагории (Николаева Э. Я., 1973). Оно занимало площадь примерно 150×200 м. Обнаружены остатки каменных фундаментов зданий, каменно-черепных вымосток и хозяйственные ямы. Поселение существовало с конца I до середины III в. н. э.

Еще одно поселение находится в 8 км юго-запад-

нее Фанагории. В ходе небольших разведочных раскопок выявлены остатки каменного фундамента дома. Случайно при плантажной вспашке был найден мраморный рельеф с изображением табуцирующих людей. Ряд сельских поселений обнаружен вблизи Горгиппии. В районе станции Петухавской, на виноградниках совхоза «Джемете», между поселками Красный Курган и Красная Скала, на Уташе и в Су-Псехе зафиксировано пять обширных неукрепленных поселений IV в. до н. э.—III в. н. э. Каждое из них состояло из нескольких десятков отдельно стоявших домов, удаленных друг от друга на расстояниях 50—100 м. Дома имели мощные фундаменты. На рубеже I в. до н. э.—I в. н. э. возникает поселение у станции Анапской, состоящее из укрепленной монументальной постройки, вокруг которой концентрировалось несколько неукрепленных домов. Поселение Джемете вблизи Анапы существовало с середины III в. до н. э. до середины I в. до н. э. Открыто здание площадью 100 м², построенное на остатках сооружения IV в. до н. э., состоявшее из двух смежных полуподвальных помещений с мощными фундаментами шириной 1 м. Хозяйственный двор был вымощен плитами, в землю вкопаны пифосы. По сохранившимся стенам ограды удалось определить, что дом располагался в северо-восточном углу участка, ширина которого была 77 м, а длина не превышала 100 м, так как на этом расстоянии располагалась следующая усадьба. Зафиксированы следы пяти домов, стоявших в линию вдоль улицы. На хуторе «Рассвет» исследована усадьба I в. до н. э.—I в. н. э. площадью 175 м², состоящая из двух смежных полуподвальных помещений (Крушкова Ю. С., 1968). Ее каменные стены толщиной до 1,5 м дополнительно укреплены большими камнями и забутовкой. Около станции Натухавской исследовано подобное здание площадью около 100 м² (Сизов В. И., 1889, с. 105 сл.).

С этими поселениями связано несколько грунтовых некрополей, чаще всего расположенных на скалистых возвышенностях, между поселками Красный Курган и Красная Скала, в Джемете, совхозе «Рассвет», Виноградном, Натухавской, Сукно и около Воскресенского. Всего раскопано свыше 200 погребений. Выделяется семь типов погребальных сооружений: 1 — небольшие углубления для скорченных захоронений — наиболее ранний тип; 2 — широкие неглубокие ямы, окруженные кольцом крупных необработанных камней, засыпанные сверху мелкими камнями (диаметр засыпки — 3—5 м); 3 — могилы со стенками, сложенными вперелет из равного камня; 4 — отдельностоящие каменные ящики из тесаных плит, либо дикарных камней; 5 — грунтовые могилы, перекрытые одной-тремя плитами (это малораспространенный тип); 6 — большие каменные склепы с дромосом, имеющие цоколь из невысоких, четко выпиленных блоков и стенки из стоящих на ребре больших тесаных плит, известные только на ближайшей к городищу территории; 7 — наиболее распространенный тип — каменные ящики с кольцевым обкладом из дикарных камней с плитовым закладом или без него, с мелкокаменной забутовкой сверху или без нее. Диаметры каменных кругов над такими погребальными сооружениями достигают 10—12 м. Встречаются эсары — камни

прямоугольной или трапецевидной формы с отверстиями и углублениями; отверстия бываюи закрыты специально вышленой пробкой. В одном погребении на краю каменного кольца может быть две-четыре эсары. В погребениях и рядом с ними неоднократно зафиксированы части кошских туш. Около таза и на уровне колец покойнику иногда клали несколько крупных галек. Среди мелких камней засыпок и забутовок погребальных сооружений встречается множество мелких фрагментов керамики. Большинство погребальных сооружений вытянуто по оси зюв-свв, преобладают коллективные захоронения, но обычно не более семи человек. Наиболее ранние погребения на исследованных некрополях датируются VI—V вв. до н. э., преобладают могилы IV—I вв. до н. э. Погребальный инвентарь небогат, могилы содержат оружие — стрелы, наконечники копий, акинаки; чернолаковую, расписную и простую гончарную посуду, украшений и монет мало. Некрополи принадлежат местному, сильно эллинизованному населению.

Юго-восточная окраина Боспора

На юго-восточных окраинах Боспора располагались греческие города Баты и Торик. Страбон (XI, 2, 14), Птолемей (VIII, 25) и другие помещают Баты в Сивдике. Указанное Страбоном расстояние от Сидского порта до Бат в 400 стадий (примерно 70 км) приходится на Цемесскую бухту. Поэтому большинство исследователей локализируют этот город на месте Новороссийска (*Dubois de Monpereux F.*, 1834, с. 167; *Тетбу де Марини*, 1853, с. 211; *Забелин И. Е.*, 1878; с. 27; *Мельников-Разведенков С. Ф.*, 1900, с. 83; *Готье Ю. В.*, 1925, с. 149; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 264). Мнение о местонахождении Бат на мысу Мысхако (Малая земля) (*Поночевный М. О.*, 1891, с. 39 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 220) не подтвердилось археологическими исследованиями. Не обоснованы и другие предположения о локализации Бат на юго-восточной оконечности Новороссийской бухты в Широкой балке, в долине реки Озерейки, а также на месте Туансе и Маконсе (*Онайко Н. А.*, 1976б, с. 111). Археологические исследования в районе Новороссийска ведутся Н. А. Онайко с 1955 г., однако, остатки древнего города пока не найдены. Руины Бат были, по-видимому, застроены генуэзской крепостью. Позднее, при постройке Новороссийского порта, остатки Бат и генуэзской крепости были, по-видимому, забетонированы. О местонахождении города и гавани на месте современного Новороссийска свидетельствуют разнообразные случайные находки: обломки амфор, монеты, различная утварь и золотые украшения. В 1969 г. в траншее на ул. Советов на глубине 2 м был обнаружен культурный слой эллинистического времени. Среди могил, павиленных на территории Новороссийска в 1928, 1929 гг., выделяется гробница, выложенная черепицами с клеймом ДИАВАТА (*Гайдукевич В. Ф.*, 1947, с. 24). Найдены сифидометские надбровья. Баты, по-видимому, были основаны в VI—V вв. до н. э. Наибышего культурно-экономического подъема они достигли на рубеже и в первые века нашей эры.

В районе Новороссийска выявлено несколько поселений (табл. XLIX, 1). На Малой земле, на берегу моря, в устье р. Мысхако расцашивалось поселение, занимавшее площадь примерно 200×500 м (табл. XLIX, 6) (*Онайко Н. А.*, 1970б; 1973). Обнаружены зерновые ямы, заполненные культурными остатками. Находки относятся в основном к периоду от рубежа нашей эры по III в. н. э. Некоторые формы лепной, а также сероглиняной гончарной посуды, особенно миски, напоминают кубапскую керамику (табл. XLIX, 2, 7, 14, 15). Прикубанским типам керамических наделей близки также обожженные плитки прямоугольной формы (табл. XLIX, 13). Рыболовье грузила (табл. XLIX, 3—5, 10—12) и кости морских рыб, позволяют считать рыбную ловлю одним из занятий обитателей поселений. В Широкой балке известны случайные находки бронзовых изделий, среди которых был бист боспорской царцы Дипамии. Там же обнаружены руины каменных монументальных построек. Раскопками открыты остатки каменных хозяйственных построек рубежа нашей эры и I в., погибших в пожаре. В слое рубежа нашей эры найдено камешное ядро. На одной из стенок амфоры имеется надпись, свидетельствующая о торговых связях Гераклея Полпийской с городами Северо-Восточного Причерноморья (*Виноградов Ю. Г.*, *Онайко Н. А.*, 1975, с. 86, рис. 4), женский бронзовый бист-гиря и обломки бронзового кувшина (*Онайко Н. А.*, 1971; 1972, с. 87, рис. 2). Поселения, обнаруженные к юго-западу от Бат, в долинах рек Дюрсо, Озерейки и Цемеса располагались на возвышенных террасах рек или несколько удаленных от рек склонах высоких гор, большей частью на значительном расстоянии от берега моря. Эти, в основном земледельческие, поселения небольших размеров существовали с рубежа VI—V вв. до н. э. В долине р. Цемес расцашивались поселения Владимировское в 14 км к Цемдолинскому в 11 км к северу-западу от Новороссийска. Владимировское поселение расположено на левом берегу р. Цемес, на небольшой возвышенности, круто обрывающейся к реке; его площадь примерно 100×250 м. Обнаружены зерновые ямы и руины прямоугольного каменного здания (198 м²) с мощными стенами (табл. L, 1) (*Онайко Н. А.*, 1975б, с. 83). Толщина стены из крупных плит местного песчаника на глинистом растворе, достигает 1,70 м. Вход в здание был со стороны реки. Оно существовало с конца II—I вв. до н. э. по I в. н. э. и погибло в пожаре. В здании найдены обломки амфор, гончарной и лепной посуды, пирамидальные грузила, пряслица, торс терракотовой статуэтки богини (табл. L, 2—8). В восточном углу стояли три разваленных пифоса, а в них — 14 сероглиняных мисок, поставленных одна в другую. На доньях всех мисок протераны тамгообразные знаки двух вариантов (табл. L, 9—13). Один из них подобен знаку, встречаемому на горшечных кирпичках (*Гайдукевич В. Ф.*, 1947, с. 26, № 4; *Девтаева Г. А.*, 1975) и на монетах Аспурга (*Голенко К. В.*, *Шелов Д. Б.*, 1963, с. 42 сл.).

Цемдолинское поселение, площадью 150×100 м, находится в 3 км от Владимировского, на левой стороне р. Цемес, по впади от берега. Как и на Владимировском поселении, там было обнаружено большое каменное здание, площадью около 212 м²

со стенами толщиной до 1,60 м, стоявшими на мощном фундаменте (табл. LI, II). Здание имело два помещения, разделенных стеной с дверным проемом. Вход был с юго-западной стороны, он прикрывался полукруглой башней. Здание одновременно владимировскому и погребу, по-видимому, в результате одних и тех же событий. На полу в горелом слое найдены: сильно обгоревший костяк лошади, кости человеческого черепа, сероглиняная, краснолаковая и простая керамика (табл. LI, II, 8, 10, 11), фрагменты стеклянных сосудов, бусы из стеклянной пасты, много пряслиц и часть веретена (табл. LI, II, 1-7, 9), египетский скарабей и обломки лепного сосуда с антропоморфным изображением (табл. LI, II, 13, 14), обломки наконечника копья и долота. Укрепленные здания Владимировского и Цемидлинского поселений располагались вдоль древней дороги, соединявшей Баты с Горгишней и, возможно, прикрывали подступы к Батам. Стратегическое значение, связанное с укреплением восточных границ Боспора, имела и оборонительная стена Раевского городища.

Раевское городище

Раевское городище (к северу от станции Раевской Анапского района) расположено на довольно высоком плато, северная и восточная границы которого имеют крутые обрывы к реке Маскаге. Площадь городища внутри валовой формы — около 4 га. Городище открыто в XIX в. (*Сизов В. И.*, 1889, с. 111), исследовалось В. Д. Блаватским в 1954 г. и Н. А. Онайко с 1955 г. Городище существовало с рубежа IV—III вв. до н. э. до XIII—XIV вв. К III—II вв. до н. э. относятся остатки монументального каменного здания, занимавшего свыше 400 м² (*Онайко П. А.*, 1967). Сохранились два помещения и перистильный дворик (табл. LI, I, 2). Стилобат портика составлен из обработанных блоков ракушечника; на некоторых из них стояли базы столбов (табл. LI, I, 5). В помещении Б пол вымощен мелким ракушечником. Найдено много битой черепицы с клеймом ΕΥΜΝΑΟΥ (табл. LI, I, 1), обломки полихромной штукатурки, каменных капителей и кирпича (табл. LI, I, 3, 4) и гипсового рельефа. Воздвигнутая во II—I вв. до н. э. оборонительная стена шириной 1,40 м, сложенная из больших напщирных блоков и бута в середине, перекрыла перистильный дворик. У северо-восточного угла городища стена примыкала к помещению I заброшенного здания. Это помещение со стенами шириной 1,20 м и двумя широкими (до 2 м) проемами было использовано в системе оборонительных сооружений, видимо, в качестве угловой башни. На рубеже нашей эры оборонительные сооружения были разрушены, а в I—II вв. н. э. вновь восстановлены. Обитатели Раевского поселения занимались земледелием, скотоводством, ремеслами. Найдены куски железного шлака, злычка, готовые металлические изделия — гвозди, тонор, серп и др. (табл. LI, I, 6, 11, 15, 16). Спектральный анализ вещей показал, что для их изготовления использовалась, по-видимому, таманская и керченская руда (*Блаватский В. Д.*, 1959, с. 42; *Онайко П. А.*, 1959; 1965; 1967, с. 162).

Торик

Об этом городище упоминает Перпп Псевдо-Скиллака (74). Он же, а позднее Страбон (XI, 2, II), Плиний (VI, 17) и другие сообщают о торетах; Птолемей (V, 8, 9) упоминает о Торетском мысе, который можно отождествить с Тонким мысом Геленджикской бухты, где раскопаны следы города VI—V вв. до н. э. по-видимому, Торика (*Онайко Н. А.*, 1975а; 1975б; 1976в). Город располагался в устье ныне почти высохшей речки, на скалистом грунте. Часть его, вероятно, обрушилась в море. Расчищена уцелевшая часть большого каменного здания на возвышенном плато, выступающем небольшим мысом к морю (табл. LII, 13). Сохранились 21 помещение и два коридора. Во внутреннем дворе также, видимо, были какие-то легкие постройки хозяйственного назначения. Стены здания возведены из местного необработанного камня на глиняном растворе. Внешние стены шире и сложены аккуратнее, чем внутренние. Почти все помещения имели дверные проемы, выходящие во внутренний двор. В некоторых помещениях сохранились остатки каменных вымосток, гипсобитых нечей, легких очагов, а также «столбиков» и ларей. Здание, возможно, было прямоугольным и занимало площадь не менее 1540 м², включая и выступающее к юго-западу угловое помещение. Найдено много керамики (табл. LII, 11, 12, 14, 16—18, 20—31): светлоглиняные и красноглиняные чаши типа лутерьев, амфоры с широкими полосами, хисские протофасосские, сероглиняные типа лесбоских, со стаканообразными ножками и др. Среди лещих сосудов доминируют крупные горшки, много фрагментов черпалочных сосудов, иногда с черпачной росписью, имеются образцы родосско-ионийской посуды, светильники и грузила (табл. LII, 7—10). О наличии металлообрабатывающего производства свидетельствуют куски шлака, железной руды, капельки бронзы, наконечник стрелы с литником на конце (табл. LII, 2), остатки большой производственной печи в помещении II и скопление шлака, золы и угля вокруг небольшого каменного «ящичка» без дна, вероятно, служившего производственным целям. Металлообрабатывающее ремесло давало возможность жителям Торика вести не только посредническую торговлю с окружающими их племенами, но и продавать товары собственного производства (наконечник стрел, орудия труда). Определенную роль в хозяйстве играли ткачество, рыболовство и охота. Найдены пряслица, грузила и поплавки из немзы для сетей. Размеры и планировка здания, печи с дымоходом не имеют аналогий в жилой архитектуре VI в. до н. э. в Северном Причерноморье. В здании могло жить несколько семей, осуществлявших свою хозяйственную деятельность только в его пределах. Именно этим, возможно, объясняется необычно большой (около 900 м²) для античных домов размер внутреннего двора этого здания. Архаический Торик погиб во позднее середины V в. до н. э. в пожаре. Возможно, это случилось после набега варварских племен. Более поздний Торик может быть основан в глубине Геленджикской бухты, где имеются следы культурного слоя эллинистического времени.

К северо-западу от Торпа, в долинах небольших горных рек Апамбы и Дооб, открыты следы поселений античного времени (*Онайко Н. А.*, 1970б, с. 132). Характерной особенностью поселений, расположенных в бассейне р. Дооб, является отсутствие на них значительного культурного слоя. Некоторые из них, по-видимому, были временными поселениями типа скотоводческих кошей. В пос. Марьина Роца найдены золотой стater Лисимаха, а в пос. Кабардынка — бронзовая боспорская монета IV—III вв. до н. э. В районе Геленджика найдены боспорские монеты первых веков нашей эры.

Танаис

Древний город расположен на территории современного хутора Недвипговка на правом корейском берегу р. Мертвого Дооба. О нем сообщает Страбон (XI, 2, 3, 11; VII, 4, 5) и другие древние авторы. Местоположение города установлено в первой четверти XIX в. (*Стемковский Л. А.*, 1854). В середине XIX в. произведены первые археологические раскопки города и его некрополя (*Леонтьев П. М.*, 1854, 1855). Позднее Танаис раскапывали В. Г. Тищенко, П. И. Хицунов и Н. И. Веселовский (ОАК за 1867, 1870—1871, 1908—1910 гг., *Веселовский Н. И.*, 1909). Результаты этих раскопок послужили источником для написания ряда исторических работ (*Помляковский И. В.*, 1888; *Латышев В. В.*, 1892; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 135 сл.; 299 сл.; *Колобова К. М.*, 1933а, б). Материалы раскопок были обработаны Т. Н. Кшинович (*Кшинович Т. Н.*, 1949а). Плановое исследование Танаиса и его окрестностей началось в 1955 г. под руководством Д. Б. Шелова. Новые данные, полученные экспедицией, позволили заново написать экономическую, политическую и культурную историю Танаиса и связанный с ним район (*Шелов Д. Б.*, 1959; 1961а; 1970; 1972а; 1975). В истории Танаиса прослеживаются три хронологических периода: III—I вв. до н. э.; I в. н. э. — первая половина III в.; последняя треть IV в. — начало V в. Рубежом, отделяющим первый период от второго, служит разрушение Танаиса боспорским царем Полемоном в самом конце I в. до н. э. (Страбон, XI, 2), следы которого хорошо прослеживаются по археологическому материалу (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 135 сл.; *Болтунова А. Н.*, 1964б; 1965; *Шелов Д. Б.*, 1969а). Второй период от третьего отделяет вторичным разгромом города в середине III в. п. э. племенами готского союза. После этой катастрофы город стоял в развалинах более ста лет, затем был восстановлен. Точная дата и причина окончательной гибели города неизвестна. С открытием строительных остатков, относящихся к допалеонговскому городу — к III—I вв. до н. э. отпала популярная ранее гипотеза о существовании двух Танаисов (*Шелов Д. Б.*, 1959, с. 147 сл.).

Ранний город состоял из трех частей: основной территории, примыкающего к ней с запада второго городского района и приречного района, почти не исследованного из-за современной застройки (табл. I. III, 4). В конце III или в самом начале II в. до н. э. в Танаисе были возведены оборонительные стены. Раскопкам открыты западная и южная обо-

ронительные стены, сложенные из слегка подтесанного камня на глине. Наружный панцирь сложен из более крупных камней. Южный конец западной стены завершается прямоугольной оборонительной башней, сооруженной из правильных тесаных и из рустованных блоков. Одновременно с западной стеной в конце III — начале II в. до н. э. в переулке с ней были сложены стены примыкающих к ней помещений. В центре города на отдельных участках также открыты остатки ранних жилых зданий из тесаных известняковых плит и большие зерновые ямы, выстеленные в скале (*Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.*, 1965; *Наливкина М. А.*, 1965). Значительно лучше ранние постройки сохранились в западном городском районе, который с севера и запада был ограничен оборонительными стенами (*Болтунова А. Н.*, 1969). Дома непосредственно к оборонительным стенам не примыкают, сложены они бережно из необработанных камней, состоят из помещений и мощных дворок, имеют неправильную иногда округленную форму и беспорядочную ориентировку. Между домами были узкие извилистые переулки, иногда мощеные. Дома покрывались соломой или камышом. Находки III—I вв. до н. э. подтверждают данные Страбона о Танаисе, как о значительном «торжище». Особенно много товаров поступало в амфорах, главным образом, родосских (*Шелов Д. Б.*, 1975). Страбон говорит о вывозе из Танаиса кожи и пельвинок. Почти полное отсутствие монет III—I вв. до н. э. (*Шелов Д. Б.*, 1960б) говорит о неразвитости денежных отношений. О сельском хозяйстве можно судить по палочку зерновых ям и остатков обгорелого зерна, пшеницы, ячменя и проса. На занятие жителей города скотоводством и рыболовством указывают находки костей крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, костей рыб: осетровых, сома, сазана, леща и судака (*Далкин В. И.*, 1969, с. 273 п. сл.; *Цепкин Е. А.*, 1961, с. 452). Видно, уже в раннее время в Танаисе было налажено и ремесленное производство. Там изготовлялась многочисленная ледяная посуда (*Арсеньева Т. М.*, 1965, с. 469; 1969; с. 173). Благодаря своему географическому положению Танаис с самого начала был в значительной степени варварским городом (*Шелов Д. Б.*, 1961б). Из позднейших первых веков нашей эры известно о делении городского населения на аллинов и танаитов. Видно, такое положение существовало именно в III—I вв. до н. э., когда город был разделен на две отгороженные друг от друга оборонительными стенами части: центральная часть — предполагаемая территория аллинов, западная — предполагаемая территория танаитов. В первые века нашей эры такое деление, видимо, стало условным (*Кшинович Т. Н.*, 1949а, с. 101 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1964б, с. 212). После разрушения города Полемоном западный район больше не восстанавливался и был занят в основном мусорной свалкой.

Далеко не сразу после полемоновского разгрома были восстановлены оборонительные стены. В I в. н. э. появляются постройки, выходящие за пределы оборонительной линии города. Только в начале II в. н. э. город превращается в крепость почти квадратной формы со сторонами 225×240 м. Вокруг города сооружается ров шириной 10—13 м, частично вырытый в глинистом грунте, частично вырубленный

в материковой скале, глубиной в 7–8 м. Возводятся оборонительные стены. Снаружи к западной стене пристраивается дополнительный пандирь и толщина ее достигает 4,80 м. Сооружаются новые четырехугольные башни, выступающие далеко за линию стены. Открыты четыре промежуточных башни, внутри которых прослежены помещения. В центре стены между башнями находился проход, выложенный камнем. Там была найдена каменная плита (табл. LIV, 12), в древности, очевидно, вмонтированная в стену, с рельефным тамгообразным знаком одного из боспорских царей (*Шелов Д. Б.*, 1966б, с. 268 и сл.). Еще одна плита со знаком другого боспорского царя (табл. LIV, 11) была найдена в одном из танаисских подвалов. Выявлены участки восточной и южной оборонительной стен, по сохранности стен плохая. Постройки II–III вв. н. э. открыты на всех раскопах внутри городских стен. В юго-западном углу помещения прилегали непосредственно к западной и южной оборонительным стенам. Вдоль западной стены проходила неширокая улица, визит от нее к городским постройкам шла каменная лестница. Еще одна открытая здесь улица пересекала город с востока на запад. На северо-восточном участке помещения отстоял от оборонительной стены на 1,5–2 м, образовавшийся просторно было заполнено специальной засыпкой из камня и суглинка, дополнительно укреплявшей оборонительную стену (*Шелов Д. Б.*, 1965б, с. 114). Все постройки группируются вокруг вымощенных камнем дворок, в центре которых, как правило, находились водосборные глубокие цистерны, почти все помещения имели большие подвалы, стены которых сложены из нерегулярного камня на глиняном растворе, либо высечены в скале. Одно из расчленившихся в центре города помещений, окруженное с трех сторон дворами, видимо, имело общественное назначение. К помещению с улицы вели три ступени из крупных тесаных блоков. Вблизи II. М. Леонтьевым была открыта городская площадь с мраморная плита с надписью о строительстве агоры в 220 г. н. э. (*Леонтьев П. М.*, 1854, с. 414, 423, № 5). С культовыми комплексами связаны два помещения на северо-восточном раскопе (раскоп IV, помещение Г) и в юго-западном углу (раскоп II, помещение Г). Помещение Г с подвалом с трех сторон было ограничено стенами, а с южной открывалось в сторону двора. Один из двух очагов этого помещения рядом с дворком, видимо, имел культовый характер. С культом связаны и многие находки из подвала: известняковый алтарь, семь глиняных штампов для отщипывания узоров на культовых хлебах (табл. LIV, 13) и пять маленьких лепных сосудов-курлячек с дырочками в стежках (табл. LIV, 8), шесть святильников, и лепной сосуд, напоминающий античный пестик (табл. LIV, 9). Культа скорее всего имел хтонический характер (*Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 234 и сл.). Угловое помещение Г примыкало к южной и западной оборонительным стенам и тоже имело подвал. В первой половине III в. н. э., когда подвал уже не функционировал, в его засыпку захоронили 11 баранов. Кроме того, в подвал паземного помещения у северной стены было расчищено еще семь ям с костяками баранов (*Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.*, 1974, с. 150). Аналогичные ритуаль-

ные захоронения баранов известны на Козырьском поселении первых веков нашей эры под Ольвей. Там при захоронениях находились святильники (*Бураков А. В.*, 1976, с. 36). Видимо, и многочисленные открытые в помещении Г святильники могли быть связаны с культовыми целями.

В первые века нашей эры дальнейшее развитие получило сельскохозяйственное производство. Возникли разнообразной формы зернотерки, часто укрепленные в углу помещений на специальных постаметах из камня и глины, найдено много шпорокорольных амфор с мукой или чаще с обгорелым зерном — просом, ячменем, пшеницей, рожью и коноплей. Зерно хранилось в плетеных корзинах и, видимо, в мешках. Открыты и печи для выпечки хлеба. Одна из них овальной формы 2×1 м имела высоту около 1 м (*Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.*, 1974, с. 137, сл.). В скотоводстве в первые века нашей эры проследить некоторые изменения. Постоянно стали встречаться кости верблюда. Возросло количество крупного рогатого скота с преобладанием коровы, сохранил свое значение мелкий рогатый скот, при этом несколько уменьшилось поголовье лошадей. Как и в раннее время, встречено мало костей свиньи (*Цалкин В. И.*, 1969, с. 273). О рыболовстве, кроме костей рыб, свидетельствуют каменные плоские просверленные грузила для сетей, амфорные ручки с прорезанными желобками для привязывания веревок, сети и крючки. Кроме ремесел, засвидетельствованных для раннего времени, появляется стекловидное производство, остатки которого открыты в одном из помещений первой половины III в. н. э. (*Алексеева Е. М.*, *Арсеньева Т. М.*, 1966, с. 176 сл.); изготовляются фибулы с бусиной на головке, найдены их заготовки и полуфабрикаты (*Амброз А. К.*, 1966, с. 257 сл.). В первые века нашей эры в отличие от предшествующего времени в Танаис постоянно поступала боспорская монета, особенно в первые десятилетия III в. н. э. (*Шелов Д. Б.*, 1960б; 1966а). О развитии торговли говорят находки свиновых гири и чашечки для весов. В танаисских подвалах-складах находят до нескольких сот светлоглиняных амфор первой половины III в. н. э. (табл. LIV, 10), иногда с клеймами, возможно, привезенных с южного побережья Черного моря (*Зеест И. Б.*, 1960, с. 33–37). Почти все амфоры имели надписи, отдельные буквы или знаки, нанесенные красной краской на горло или на плечики. Также надписи встречаются и на амфорах других типов, а иногда и на небольших сосудах. Более чем на ста светлоглиняных амфорах имеется надпись «нефть». Это же показал химический анализ их содержимого. Вторую группу составляют большеширокорольные амфоры, частично боспорского производства. Несколько амфор имели двусторонние греческие клейма с именами Каллистрата и Фаустина (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 208). Среди стеклянных привозных изделий (табл. LIV, 15) встречаются сосуды восточносредиземноморских мастеровских и сосуды западноримского происхождения. Как и в раннее время, в Танаис привозились бусы, подвески, металлические украшения, терракоты, бронзовые свистальники, канделябры, ковчи, патеры, фибулы — шарнирные с эмалью, типа *Avcissa* (*Шелов Д. Б.*, 1965а).

Танаис подчинялся боспорским царям, которые управляли городом через посланников-пресвитеров. Во главе магистратуры стояли один эллинарх и несколько архонтов танаитов. Упомянуты и некоторые другие должностные лица — диадох, стратег градцап, лохат танаитов, просодик, протасты. Значительное место в жизни города занимали религиозные союзы или фиссы, посвященные Богу высочайшему.

Танаис последнего периода известен хуже. Культурные слои и постройки конца IV — начала V в. н. э. сохранились, главным образом на территории основной части города — четырехугольника, окруженного стеной. Оборонительная стена, исследованная на небольшом участке только с западной стороны, лежала на специальной подсыпке из камня и керамики, перекрывавшей сооружения III в. н. э. Сложена она небрежно и представляет собою скорее каменный вал. Ширина ее в основании около 1,8 м (Коровина А. К., Шелов Д. Б., 1965, с. 51 и сл.). Остатки построек IV—V вв. н. э. чаще всего были несколько углублены в землю, кладки сложены небрежно на завале построек II—III вв. н. э., большинство помещений имеют неправильную форму, закругляющиеся или загибающиеся стены. Некоторые исключения представляют прямоугольные постройки в центре города, где раскрыто несколько больших помещений площадью до 50 м², выложенных более аккуратно. Видимо, это были какие-то общественные сооружения (Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б., 1974, с. 93, 94). Находки IV—V вв. говорят о возобновившихся торговых связях с Боспором. Найдено много амфор, краснолаковой керамики, различных стеклянных сосудов (табл. LIV, 22), металлических изделий (табл. LIV, 17, 18), а также серооценой и простой посуды. Наибольшее распространение получила лепная посуда (табл. LIV, 19). Появляются совсем новые формы лепных сосудов — острореберные миски, часто украшенные орнаментом в виде фасеток (табл. LIV, 20), они находят аналогию в памятниках черняховской культуры. О связях с черняховскими памятниками говорят и костяные гребни (табл. LIV, 21) (Арсеньева Т. М., 1965, с. 180). Эти находки свидетельствуют о притоке в город нового этнического элемента, пришедшего с запада. С рыбным промыслом, видимо, связаны две ямы прямоугольной формы. Судя по находкам в них костей рыбы, они служили цистернами для засолки и хранения рыбопродуктов.

Некрополь Танаиса, состоящий из групповых могил и курганов, окружал город со всех сторон, кроме южной, преречной. В групповом могильнике исследовано около 270 могил, причем большая их часть относится к первым векам нашей эры (Шелов Д. Б., 1961а; Арсеньева Т. М., 1977а). Курганный могильник стал интенсивно раскапываться только в последние годы (Казанова Л. М., Каменицкий И. С., 1970, с. 81 и сл.; АО, 1973, с. 128; Арсеньева Т. М., 1974, с. 151; АО, 1977, с. 124). В погребальном обряде Танаиса наблюдается смешение греческих и варварских традиций. Для раннего времени отчетливо заметно сходство с некрополями античных городов. С греческим влиянием, видимо, связан обряд трупосождения, встречающийся в Танаисе в эллинистический период и нередка в I в. н. э., а также

уже устойчивая ориентировка покойников головой на восток. На всем протяжении существования некрополя покойников хоронили в простых могильных ямах и часто в гробах. В нашей группе выделяются отдельные могилы со стенами, выложенными каменными плитами и иногда сверху перекрытые камнем. До I в. н. э. существовал обычай ставить над могилами каменные антропоморфные надгробья или небольшие плиты стреловидной формы (Шелов Д. Б., 1961а, с. 88, 89; Арсеньева Т. М., 1977а, с. 105). Погребальный инвентарь очень разнообразен, даже в одной могиле встречаются находки свойственные греческим погребальным традициям (флаконы, чернолаковые сосуды, амфоры) и варварским (ножи, бусы ярких расцветок, удила). Уже в III—I вв. до н. э. прослеживаются черты обряда, присущего сарматскому населению: появляются подбойные могилы; могилы в виде ям с заплечниками; захоронения в деревянных колодах; положение скелетов с руками, покоящимися на костях таза и сведенными вместе ногами; единичные захоронения с южной в юго-восточной ориентировкой; находки реальгара или мела в могилах, а иногда и кремневых отщепов. В I в. н. э. появляются могилы с каменными оградками, аналогии которым находят в скифских памятниках (Шелов Д. Б., 1961а, с. 87). В это же время появляется обычай хоронить младенцев в амфорах.

Курганы Боспора

На территории Боспорского государства находится огромное количество курганов. Большинство из них было ограблено либо в античное время либо в XIX в. Археологическое изучение курганов началось с 30-х годов XIX в. Результаты раскопок освещались в ОАК и ИАК. Итоги исследований обобщены М. И. Ростовцевым (Ростовцев М. И., 1925; АДЯ). В советский период раскопки курганов проводились ограниченно. Основное внимание уделялось научному осмыслению ранее раскопанных памятников (Кастанян Е. Г., 1950; Каuffman С. А., 1947; Силантьева Л. Ф., 1959; Цветаева Г. А., 1957а). Наиболее рашши, по-видимому, курганам захоронением является случай обнаруженный в земляной гробнице погребение представителя скифской родовой знати на западном берегу Цукурского лимана на Тамани. В нем найдены: бронзовый боевой клевец, бронзовое украшение в виде двух барсов и расписная родоская охиюха последней четверти VII в. до н. э. (Прушевская Е. О., 1917). Весьма близки этому погребению захоронения в четырех курганах, раскопанных в 1868 г. Тизенгаузеном (ОАК, 1868, XII). К V в. до н. э. принадлежит ряд курганов Пинфеев захоронениями в больших каменных ящиках, обложенных камнями, в земляных сырцовых гробницах и в урнах (Силантьева Л. Ф., 1959). Особый интерес представляют погребения богатых воинов, сопровождаемые бронзовым греческим оружием, золотыми украшениями и захоронениями лошадей.

На азиатской стороне Боспора погребения V в. до н. э. под курганными насыпями совершались в земляных ямах, обложенных сырцовыми кирпичами и перекрытых деревом. К их числу относятся два чпта,

греческих по обряду фиагорийских кургана с женскими погребениями, содержащими золотые украшения и расписные аттические фигурные сосуды (Герц К. К., 1876, с. 66 сл.; ОАК, 1869, с. V сл.) и два из Семьобратных курганов с погребениями сидских воинов в кожаных панцирях с шашивыми бронзовыми чешуйками, украшенными золотыми нагрудниками, с оружием, бронзовой и серебряной утварью и с конскими захоронениями (Ростовцев М. И., 1925, с. 352, 354—356). Ко второй четверти V в. до н. э. принадлежит паптикапейский курган, раскопанный в 1891 г. с трупосожжением в урне, массой расцелившихся бронзовых и железных изделий с чернофигурной ойхоией и краснофигурной глдрпей с изображением Гермеса (ОАК, 1891, с. 26 сл.; Блаватский В. Д., 1946б, с. 168 сл.).

Наибольшее количество курганов относится к IV—III вв. до н. э. Нередко погребальными сооружениями обкладывали дикарским камнем (Змеиний курган). Иногда насыпь состояла из ряда чередующихся слоев камня, морской травы и земли (Царский курган, Куль-Оба). Ряд курганных насыпей имел крепиды из хорошо огесанных камней (Павловский, Острый курганы) или необработанных камней (Золотой курган). Иногда курган мог иметь две крепиды (Кара-Оба). Курганы азиатского Боспора были в своей основе земляными. Характерной особенностью Курганов Фанагории является обилие в насыпях больших амфор, лежащих рядами или сплошными грудами (Ростовцев М. И., 1925, с. 265). Наряду с широким распространением земляных гробниц, обложенных сырцовыми кирпичами и перекрытыми деревянными брусками, под курганами Боспора встречаются земляные склепы и могилы (иногда обложенные черепицами), каменные гробницы. Погребения знати совершались в каменных склепах, к которым нередко вел так же каменные монументальные проходы-дромосы. Стены склепов покрывались многоцветной расписной штукатуркой с бытовыми, военными, культовыми сценами и растительным орнаментом. Внутри находились захоронения в деревянных или роскошных мраморных расписных саркофагах. Вблизи Паптикапея открыты грандиозные склепы Золотого и Царского курганов, возможно, являвшиеся усыпальницами боспорских царей. Часть курганов содержала часто греческие погребения, например, Павловский курган, курганы со склепами 47 и 48. В Павловском кургане обнаружен перекрытый горизонтальными плитами каменный склеп, всю камеру которого занимал деревянный расписной саркофаг с резьбой и инкрустацией, в котором покоилась женщина с золотыми украшениями, тремя аттическими расписными вазами и тремя алабастрами (ОАК, 1859, прим. 1). У склепа 47 погребальная камера, к которой вел дромос, перекрыта полуцилиндрическим сводом. В склепе найдены полуразвалившийся саркофаг с погребением, сопровождаемым золотой ветвью маслины, золотым перстнем с изображением Ники в колеснице. Рядом стояли черволаковые и расписные сосуды (АДЖ, с. 103, 104). В кургане со склепом 48 были две погребальные камеры, перекрытые уступчатыми сводами. В первой стоял деревянный расписной саркофаг с позолотой и резьбой, в котором находился гроб с погребенным. На его руке были три резных золо-

тых перстня, рядом находилась камышовая трость, железный нож, стигий, небольшие сосуды для масла (АДЖ, с. 103—105). В другой камере находились деревянные саркофаг с резными позолоченными изображениями оленей и нападающих на них грифонов. В нем обнаружено жеппское погребение с золотыми перстнями, в один из которых был вставлен голубой халцедон с резным изображением летящей палицы и с подписью мастера Декамена. Там же было бронзовое позолоченное зеркало, черволаковая амфора и сосуд для благовоний.

Типично греческие погребения засвидетельствованы и в курганных некрополях других боспорских городов. Особый интерес представляют погребения в мраморных саркофагах, найденных вблизи Гермонасы (Пятышева И. В., 1949) и Фанагории (АДЖ, с. 94, 95). В курганах Феодосии открыты только часто греческие погребения. Раскопками, проведенными И. К. Айвазовским и А. А. Сибирским, обнаружены погребения с сожжением или трупоположением в земляных могилах, сопровождаемые богатым погребальным инвентарем. Один курган содержал захоронение в деревянном саркофаге, украшенном терракотовыми медальонами с изображением Аполлона на грифоне, поражающего улавшую лошадь (Ростовцев М. И., 1925, с. 251—253). Среди находок из феодосийских курганов особо следует отметить золотые серьги с изображением квадрин, управляемой Никой в обрамлении стоящих крылатых гениев и с лунарной подвеской с мелкими розетками, украшенной крупными розетками, к которым на цепочках подвешены амфоры.

Другая часть боспорских курганов принадлежит погребениям представителей варварской племенной знати, зачастую в значительной степени эллинизированной. В первую очередь к ним относится курган Куль-Оба (Ростовцев М. И., 1925, с. 376 сл.). Он содержит квадратный в плане каменный склеп с уступчатым сводом, к которому вел короткий дромос. В перекрытии дромоса, наряду с каменными плитами использовались деревянные балки. Уступчатый свод камеры закрывал деревянный потолок, с которого, по-видимому, свисал полот, украшенный золотыми бышками. Большую часть склепа занимал деревянный расписной саркофаг, разделенный на две части. В большем отсеке находилось мужское захоронение с острокопечным башлыком на голове, украшенным золотыми обручами с рельефными изображениями и бышками с фигурками скифов. На руках погребенного были массивные золотые браслеты. В другом отделении саркофага находилось оружие, украшенное золотом и ножами, поганка, бронзовая позолоченная киемзда, а также точильный камень и массивная золотая фиала. Напротив входа в склеп стояло кипарисовое ложе, украшенное резными пластинками из слоновой кости. На этом ложе, видимо, пахотился труп женщины. Голову погребенной украшала элетровая диадема с отгиснутыми изображениями стоящих женщин, грифонов и розетками с разноцветными эмальями. Головному убору принадлежат и три элетровые ленты—одна с рельефным растительным орнаментом и две узкие с подвесками, а также два золотых медальона с изображением головы Афипы и два золотых медальона с розетками и лунарными подвесками. Шею погреб-

бешпой украшала золотая гривна, руки — золотые пластинчатые браслеты с тисненными изображениями грифонов, раздрающих оленей. Рядом лежало бронзовое зеркало, серебряное веретено и знаменитая электорная ваза с изображением сцен из быта скифов. У юдной стены лежал скелет слуги с шестью ножами. У его головы, в углублении, лежали кости лошади, шлем, поножи и два железных наконечника конны. Вдоль стен стояли серебряные и бронзовые сосуды. В северо-западном углу под полом был тайник, разграбленный в древности.

Совершенно аналогичное по погребальному инвентарю и устройству гробницы погребение найдено в кургане Патиниотти (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 386, сл.). В каменном склепе с полуцилиндрическим сводом, к которому вел дромос, с углубченным перекрытием, обнаружены остатки богатого погребения скифского воина (ОАК 1882—1883 гг., с. XXXI сл.; 1889, с. II сл.). Погребенный лежал в деревянном расписном с позолотой саркофаге. При нем найдено свыше десяти коней, множество бронзовых наконечников стрел, захоронения лошади, собаки, козленка. В насыпи была краснойфигурная ваза с рельефными фигурами мастера Кеснофаанта. В. В. Шкорпил в 1912 г. в кургане на г. Зеленой обнаружил каменный склеп с дромосом, перекрытый бревнами и плитвою гробницю (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 290—292). В склепе находились черноразковая гдирца с пендом, золотые украшения, золотая монета Александра Македонского, серебряные и бронзовые сосуды. В плитовой могиле было погребение воина с оружием и украшениями (бусы, золотая фибула, золотой венчик и диадема с застегкой в виде феракова узла). Напротив входа в гробницю были конские захоронения. Находили в гробнице бронзовое стригило, а в насыпи кургана панафинейской амфоры указывают, что погребенный принадлежал к эллинизованному слою местного населения и участвовал в об щественных состязаниях.

Курган Большая Близица в 8 км к югу от Фанагории представлял собой родовую некрополь знатной, вероятно, скифской семьи, некоторые женщины которой были жрицами (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 371 сл.). В нем найдено три каменных склепа, две плитовые могилы и несколько могил с кремацией. Стены среднего, полностью ограбленного, склепа были расписаны цветочным орнаментом, а на верхней плите свода было изображение Деметры. В другом склепе обнаружено погребение жрицы в кипарисном саркофаге, ornamentированном слоновою костью и резьбой. На погребенной были золотые украшения: калаф с подвесками и начельником, ожерелье, браслеты, перстни с резными камнями, паншивые бляшки. В третьем склепе, в аналогичном саркофаге был погребен вооруженный воин в золотом венке, с перстнями, штamboпашыми паншивыми бляшками. В одной из плитовых могил было погребение жрицы с богатыми золотыми украшениями: начельником с подвесками, с фигурными бляшками — ажурная пектораль с изображением пасущихся среди деревьев животных; с несколькими мелкими бронзовыми и глиняными сосудками, двумя костянками и 26 терракотовыми статуэтками, связанными с культом Деметры. В другой плитовой могиле находились деревянный саркофаг с богатым женским погребением.

Кроме того, в кургане обнаружены остатки нескольких кострищ и тризид, устроенных на прямоугольных площадках со стенками и сооруженных из сырцовых кирпичей. Около них были устроены широкообразные ямы с плитами для возлияний. Одна из плит имела вид квадратного алтари. Несколько богатых погребений найдены и в кургане Малая Близица. Среди курганов Фанагории известны погребения воинов, в сырцовых гробницах с полным набором вооружения, сопровождаемые конскими захоронениями, а иногда и умерщвленным слугой и совершенными по греческому погребальному обряду (*Герц К. К.*, 1876, с. 61—63).

Большое количество курганов раскопано в окрестностях Горгиинии. Они содержали погребения в каменных и сырцовых склепах, грунтовых и обнесенных сырцовыми кирпичами могилах. К рубежу IV—III вв. до н. э. принадлежит раскопанный П. П. Веселовским в станице Анаской каменный склеп с полуциркульным сводом с росписями по стенам, имитирующими ограду героона (ОАК за 1908 г., с. 119). Аналогичной конструкции склеп, раскопанный В. Г. Тизенгаузенем в 10 км к северу от Анасы, содержал женское погребение в деревянном саркофаге, украшенном резными позолоченными фигурками перид и воинов, сопровождаемое золотыми украшениями с цветными эмальями и камнями. К первой половине III в. до н. э. относятся три Тарасовские курганы, раскопанные И. П. Веселовским и содержащие склепы с углубчтыми перекрытиями (ОАК 1882—1888 с. XXIX, АДЖ, с. 109—111). У первого и третьего склепов были открыты дромосы и по две камеры. Входы в камеры обрамлены антами с фронтонами. В кургане на Султан горе открыты три гробницы — каменная, сырцовая и земляная (ОАК, 1882—1888, с. XXVIII).

Во II—I вв. до н. э. количество курганов, по сравнению с предшествующим периодом резко сокращается. Нередко использовались ранние курганные насыпи. Сохраняются прежние типы подкурганых сооружений (каменные и сырцовые склепы, плитовые и грунтовые могилы). Появляются групповые склепы, вырубленные в скале или земле и зачастую расписанные. Встречаются погребения с чисто греческим, варварским или смешанным греко-варварским погребальным обрядом. Так, например, погребение в склепе 1852 г., где скелет человека находится в одной нише, а скелет лошади — в другой — сочетает элементы смешанного обряда (АДЖ, с. 30 сл.). Многие курганные захоронения, совершенные по греческому погребальному обряду, представляют собой труносожжения в урнах (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 211 сл.). Наиболее значительными среди курганов этого времени является Артюховский курган вблизи города Кепы (ОАК 1878—1879 гг.; 1880). Один из его каменных склепов содержал парное захоронение мужчины с золотым венком и перстнем, расписными сосудами, стригилом и ножом, и женщины с золотым венком, грифлой, перстнями, ожерельем, браслетами из бус, серебряными и бронзовыми сосудами, зеркалом с меховой накидкой. В другом двухкамерном склепе также находилось парное захоронение: мужчины с золотым венком, кольцом, монетой и пряжкой с гранатами и жемчужны, среди золотых украшений которой были: венчик, диадема,

серьги с годулями из белой эмали, гривна, два ожерелья, медальон с изображением Афродиты и Эроса, браслеты, перстни, нашивные бляшки, тканое золотом покрывало. Там же были металлические сосуды, веретено, футляр для палок и т. п. В передней камере найдены металлические и глиняные сосуды, два железных стригиля. Третье погребение представляло собой женское захоронение в плитовой гробнице с золотыми украшениями и различной утварью. Особый интерес представляет золотая, украшенная эмалью и гранатами диадема в виде Гераклова узла.

В I—II вв. н. э. количество насыщенных курганов еще более сокращается. Почти все склепы имеют полуциркулярные перекрытия, оштукатурены и расписаны. Широко используются старые курганы и иногда склепы. Большое распространение находит обряд захоронения в деревянных гробах или саркофагах. Значительная часть курганных погребений совершена по греческому погребальному обряду.

Примером могут служить захоронение с палестринским инвентарем в кургане на земле Фельдштейна, погребение в каменном расписном склепе Львиного кургана, содержавшем остатки деревянных саркофагов, золотых украшений, наконечников копий и стрел, плиту с именами Селкина и Филопатра и статую льва (ОАК, 1894, с. 5; ОАК, 1895, с. 20). Подобные захоронения встречаются и на азиатской стороне Босфора, как например, погребение в земляном склепе второго кургана вблизи Фапагоргии (ОАК, 1869, с. VI). Другие погребения совершены по местному, главным образом, сарматскому погребальному обряду. К их числу относится погребение воина с оружием и частями конской узда в каменном саркофаге, курганы к западу от Керчи (ОАК, 1862, с. XIV); семейная усыпальница в каменном склепе, открытом Ашиком в 1841 г. (*Ашик А.*, 1848, с. 49, § 41); погребение мужчины в каменном ящике с золотыми украшениями, стеклянными бусами, оружием и конским захоронением со сбруей из бронзы,

серебра и золота в специальном отсеке (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 242).

В III—IV вв. н. э. почти все курганные захоронения являются впускными. Широкое распространение получает использование равных каменных склепов и гробниц, даже для представителей царского дома, и сооружение земляных склепов. В погребальном обряде прослеживается значительная сарматизация населения, выразившаяся в распространении обычной класть в могилы оружие, гривны, конскую сбрую, а также в полихромии украшений. Среди погребений этого времени следует упомянуть царские захоронения членов семьи Рескупорида III, открытые А. Ашиком на Глишище (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 243—247). В 1837 г. в поле одного из курганов им был найден мраморный саркофаг, содержавший богатое захоронение. На голове покойного был одет золотой венчик, на центральном щитке которого изображен всадник перед алтарем. Лицо покрывала золотая маска, на щеке находилась гривна. Кроме того, найдено большое количество золотых украшений полихромного стиля (перстни, серьги, фибулы, застежки, нашивные бляшки), конская сбруя с золотыми пластинками и сердоликом, серебряный скинетр, бронзовые и серебряные сосуды. В 1841 г. при раскопках другого кургана обнаружено два каменных склепа эллинистического времени с повторными захоронениями. В склепе с уступчатым сводом обнаружен обитый свинцом гроб с мужским погребением. В центре золотого венка была рельефная пластина с гранатами и изображением Ники, венчающей цари венком. Здесь же был расшитый золотом полог и лежало оружие, серебряные и золотые пластинки конской узда, две золотых пластинки с оттисками монет Рескупорида, глиняная посуда.

Богатство погребений многих боспорских курганов, хорошая сохранность подкурганных склепов, часто покрытых настенной живописью, способствовали всемирной известности этих своеобразных погребальных памятников античных государств Северного Причерноморья.

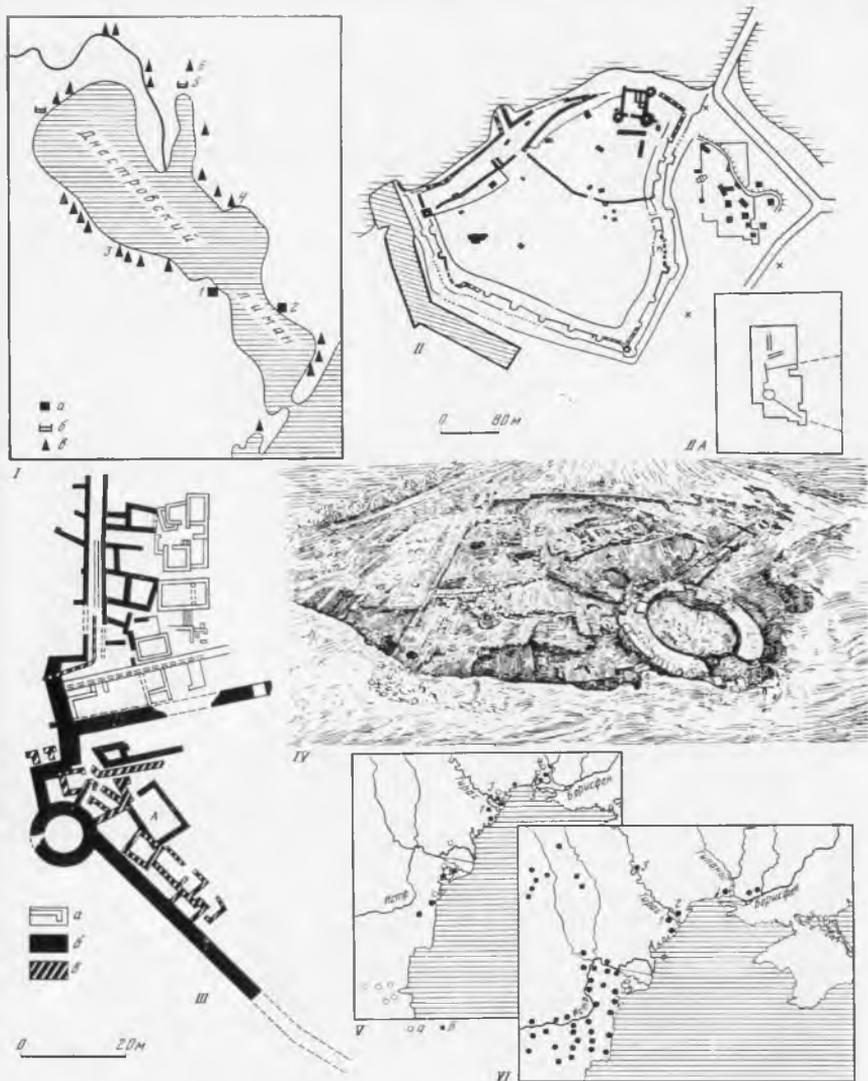

Таблица I. Карты-схемы в планы раскопок

1 — карта-схема поселений Днестровского лимана; а — город; б — городище; в — поселение; 1 — Тира; 2 — Никоши; 3 — Пивденне; 4 — Николаевка; 5 — Надлиманское; 6 — Надлиманское III. II — план Белгород Днестровской крепости с обозначением мест раскопок. II А — Тира. Схематический план Центрального раскопа. III — Тира. Центральный раскоп. План строительных остатков: А — здание нексилации; а — эллинистический период; б — III—III вв. н. э.; в — послелот-

ский период. IV — общий вид строительных остатков на Центральном раскопе. V — места находок стрелок-монет (а), медных литых истрийских монет (б) в Северо-Западном Причерноморье: 1 — Тира; 2 — Никоши; 3 — поселение Надлиманское III; 4 — Ольвия; 5 — Березань. VI — находки истрийских серебряных монет в Северо-Западном Причерноморье: 1 — Тира; 2 — Никоши; 3 — с. Доропкое. Составитель В. П. Денисова-Пругло

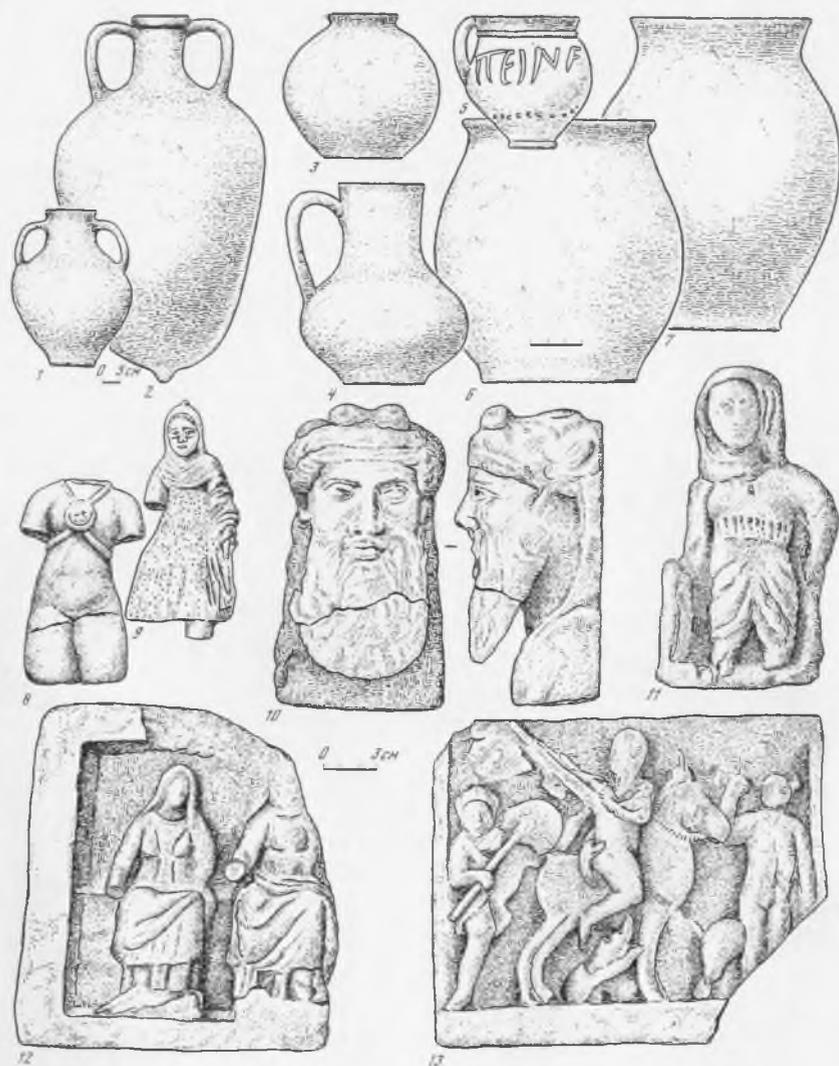

Таблица II. Находки из Тира

1-7 — стеклянные сосуды из помещения 24; 8, 9 — терракотовые статуэтки; 10-12 — памятники скульптуры из поме-

щения 24; 13 — рельеф из помещения 29. Составитель В. И. Денисова-Пругло

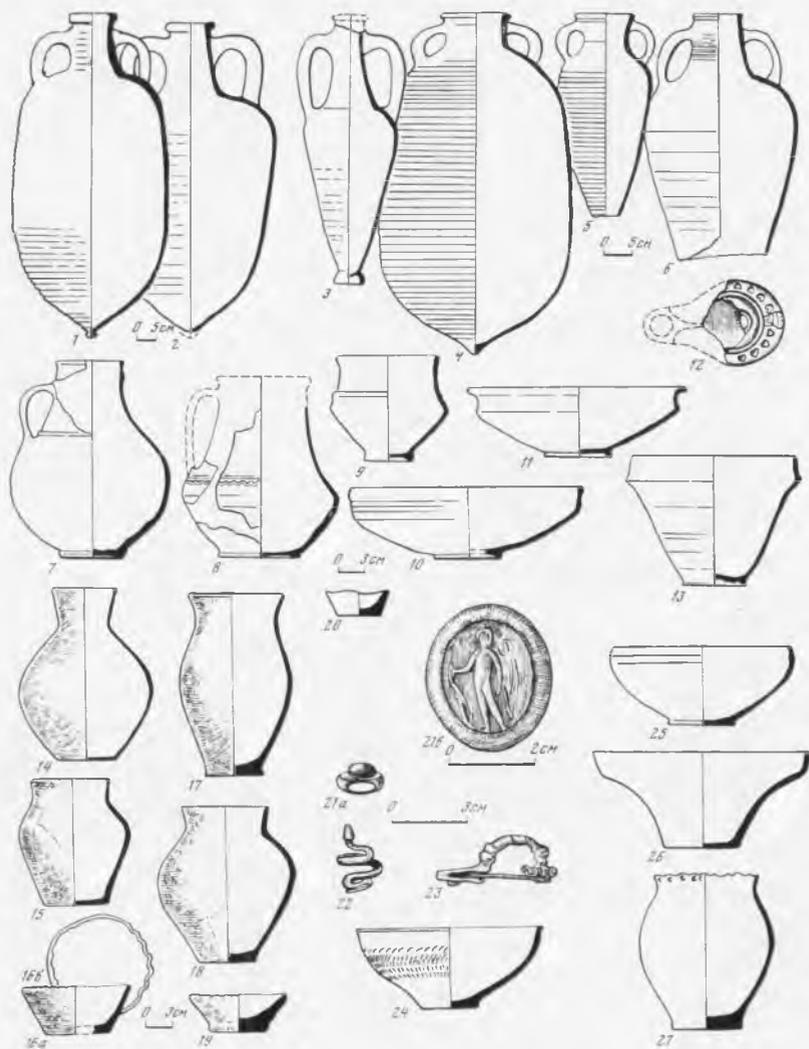

Таблица III. Находки из Тира (1—24) и из поселения Белисвка (25—27)

1—20 — керамические сосуды и светильники из «последнего» дома; 21—23 — клад вещей из помещения 22; 24 — красноглиняная с красным покрытием мисочка из помеще-

ния 21; 25—27 — керамические сосуды из поселения Белисвка. Составитель В. И. Денисова Пругло

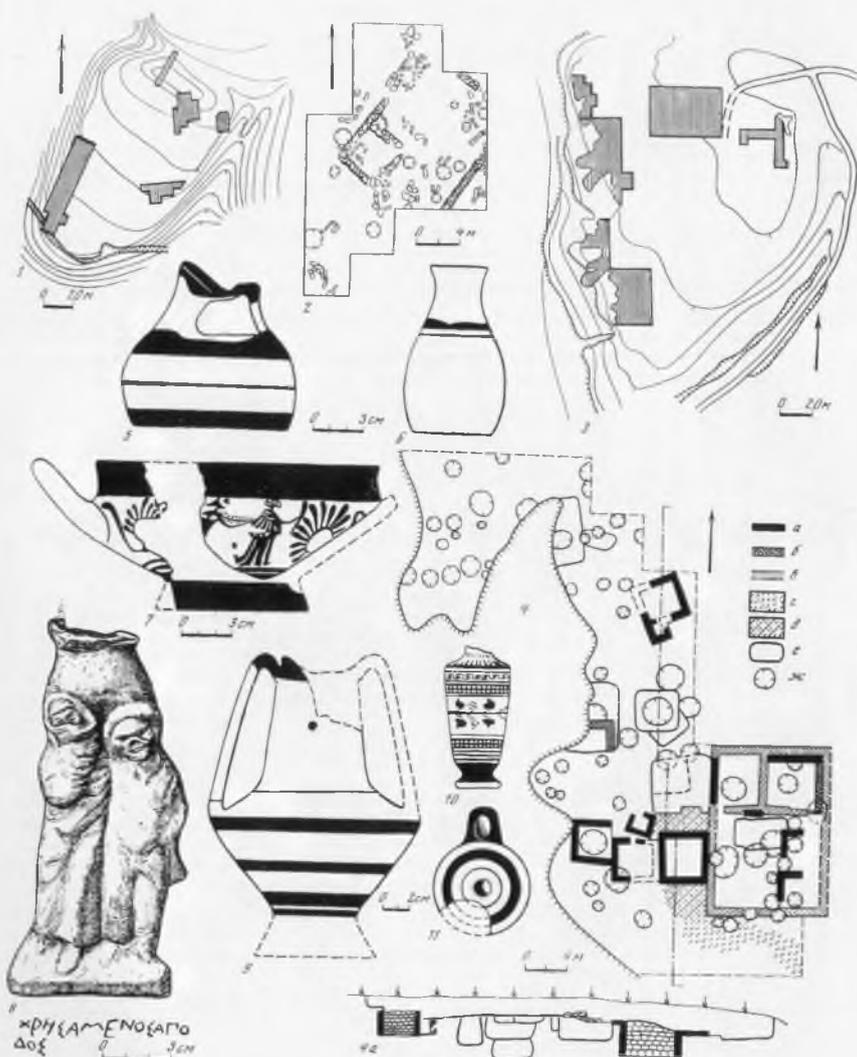

Таблица IV. Городища Наддиманеок (1, 2) и Никоний (3—11)

1 — общий план городища Наддиманеок с обозначением раскопанных участков; 2 — строительные остатки на раскопке «В» городища Наддиманеок; 3 — план городища Никоний с обозначением раскопанных участков; 4 — план строительных остатков на юго-западном участке Никоний; а — каменные стены; б — кирпичные стены; в — слоистые фундамен-

ты; г — вымостка улицы; д — вымостка двора; е — землянка; ж — яма; з — разрез по линии С — Ю юго-западного участка; 5 — 7, 9 — 11 — импортная керамика из равнин западной Никоний; 8, 12 — фигурный сосуд из Никоний с граффити на тыльной стороне. Составитель В. П. Денисова-Пругло

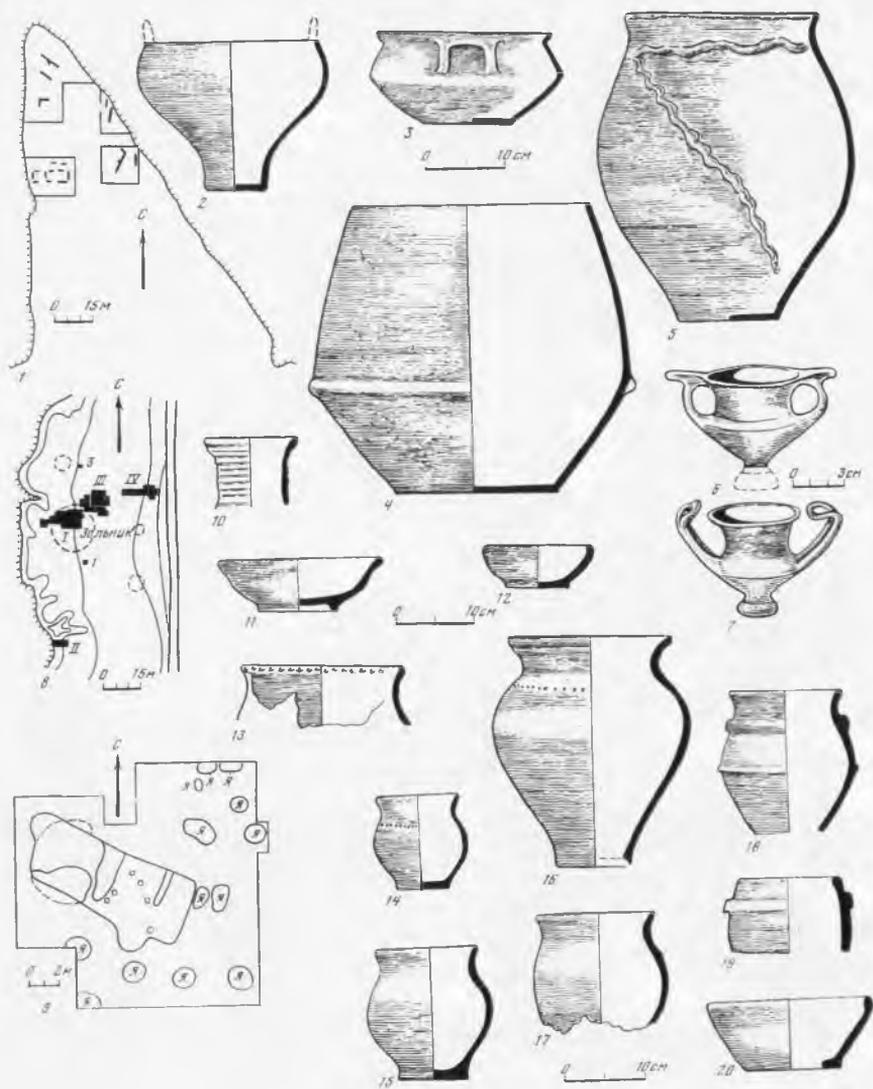

Таблица V. Поселения Пивденное (1-7) и Николаевка (8-20)

1 — ситуационный план поселения Пивденное с обозначением раскопанных участков; 2-5 — лепная керамика; 6, 7 — аттические чернолаковые сосуды; 8 — ситуационный план поселения Николаевка с обозначением раскопанных участ-

ков; 9 — план землянки в северо-восточной части раскопа I (Николаевка); 10-12 — простая античная керамика; 13-17 — скифские лентные горшки; 18-20 — лепная гетская посуда. Составитель В. П. Денисова Иругло

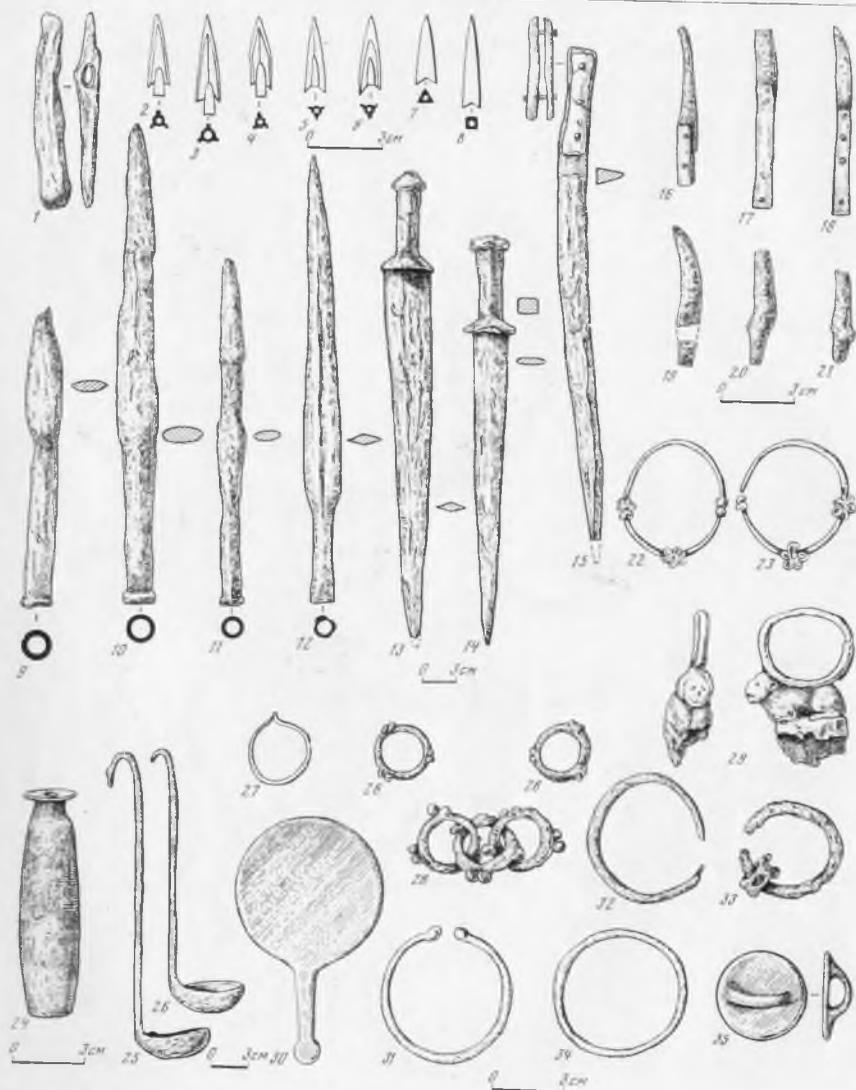

Таблица VI. Находки из могильника Николаевка

1 — топор; 2—8 — наконечники стрел; 9—12 — наконечники копий; 13—15 — клинжалы; 16—21 — ножи; 22, 23, 27, 29, 33 — серьги и височные подвески; 24 — алебастровый бальзамарий; 25, 26 — фляги; 28 — часть шейного украшения; 30 — зеркало; 31, 32, 34 — браслеты; 35 — брошь

1, 9, 21, 25, 33 — железо; 2—8, 26, 28, 30—32, 34, 35 — бронза; 22, 23 — золото; 27—29 — серебро. Составитель В. И. Денисова-Пругло

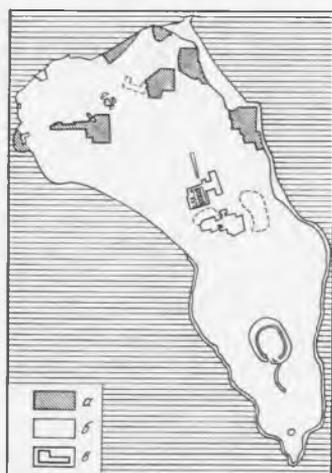

Таблица VII. Остров Березань

1 — схематический план острова с указанием мест раскопок;
 2 — раскопки; 3 — котлован; 4 — постройки нового времени;
 2, 3 — терракотовые статуэтки второй половины VI в. до н. э.;
 4 — письмо на свинцовой пластине, конец VI в. до н. э.;
 5 — чернофигурный аттический клякс, 50-е годы VI в.

до н. э.; 6 — фрагмент родосско-ионической тарелки, третья четверть VII в. до н. э.; 7 — фрагмент родосско-ионической кратера, вторая четверть VI в. до н. э.; 8 — амфора, расписанная в стиле «фигуры», афтенбургский мастер, третья четверть VI в. до н. э. Составитель Э. В. Колескина

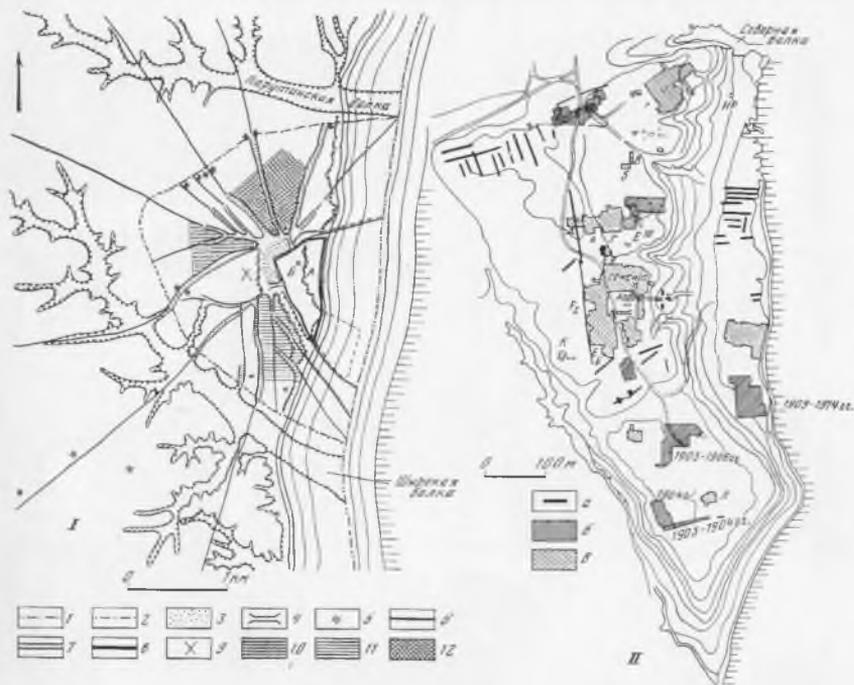

Таблица VIII. Ольвия

1 — план с показом границ города, некрополя, следов древних дорог; 2 — древняя береговая полоса (восстановление); 3 — границы некрополя; 4 — водоем; 5 — древние плотины; 6 — курганы; 7 — древние дороги; 8 — следы древних дорог; 9 — границы городища; 10 — пригород; 11 — некрополь архаического времени; 12 — некрополь классического и раннеантиквистического времени; 13 — некрополь эллинистического

времени; А — Нижний город; Б — Верхний город. II — история исследования городища: а — траншеи П. Е. Забелина 1873 г.; б — раскопы Б. В. Фармаковского 1902—1904 гг.; в — раскопы 1924—1929 гг.; А — М, М — I — павильоны раскопов. III — общий вид на городище с Нижнего города. Составитель Е. И. Лепи

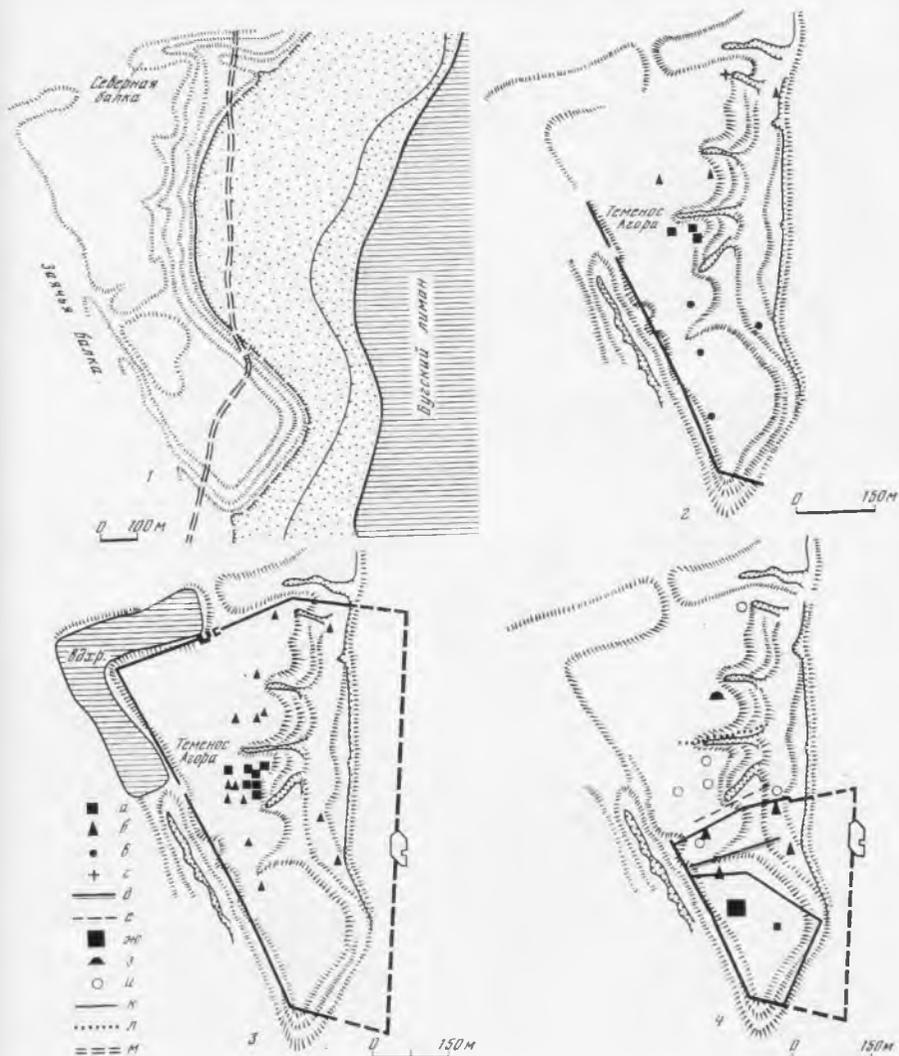

Таблица IX. Ольвия

1 — изменение береговой линии; 2 — историческая топография Ольвии (2-1 вв. до н. э.; 3-1 вв. до н. э.; 4-1-III вв. н. э.); а — общественные сооружения; б — жилые дома; в — места находок керамики VI в. до н. э.; г — некрополь; д — первая поперечная балка; е — вторая поперечная балка; ж — цитадель; з — курган; и — производственные сооружения; к — городские стены; л — ров на территории теменоса; м — современная береговая линия. Составитель Е. П. Леви

речная балка; ж — цитадель; з — курган; и — производственные сооружения; к — городские стены; л — ров на территории теменоса; м — современная береговая линия. Составитель Е. П. Леви

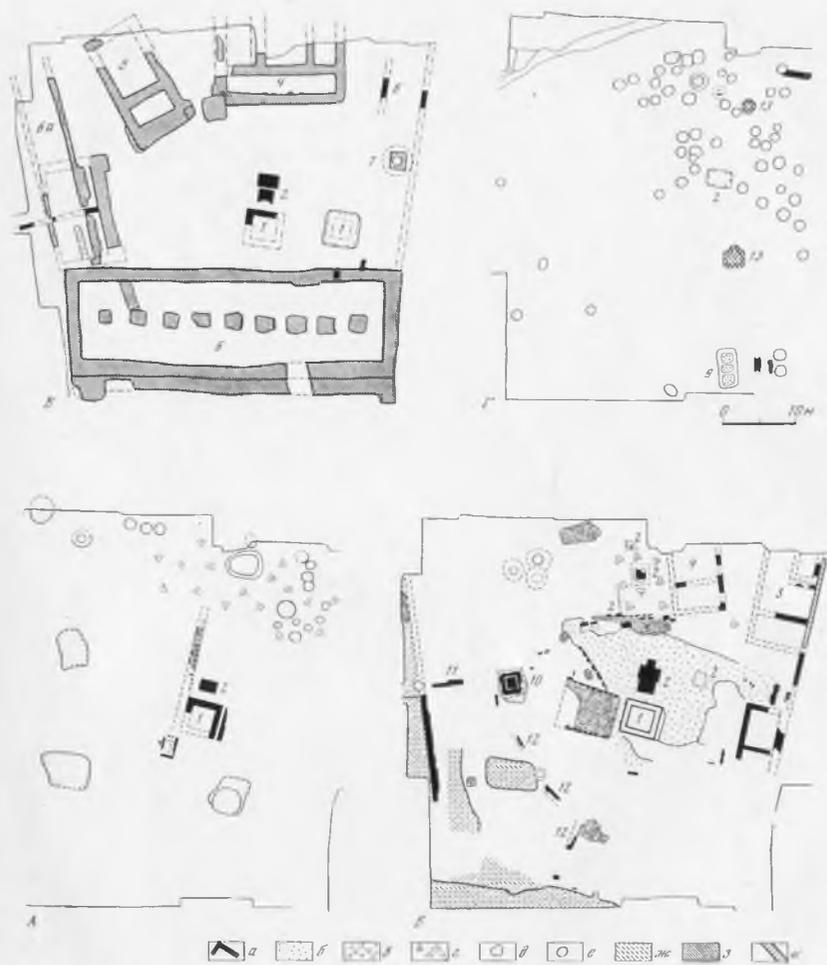

Таблица X. Ольвия. Теменис. История застройки

А — VI в. до н. э.; Б — V—IV вв. до н. э.; В — конец IV—III вв. до н. э.; Г — I в. н. э.; а — каменные кладки; б — вымостки из щебня и известняковой крошки; в — вымостка из мелкозернистого камня; г — роща; д — углубления в материке; е — ямы; ж — вымостка из черепков; з — слоистые фундаменты; и — трамбовки; 1 — квадратное здание; 2 — алтари; 3 — мастерская

по изготовлению медных изделий; 4 — храм Аполлона Дельфиния; 5 — храм Зевса; 6 — Большой стей; бн — ланцетная стая I и II периодов; 7 — цистерна; 8 — остатки мастерской королюста; 9 — остатки виноделия; резервуары и блок от прессы; 10 — водоем; 11 — юрты; 12 — следы разрушенных стен; 13 — говьярные печи. Составитель Е. И. Лени

Таблица XI. Ольвия. Темсово и агора

1 — чернофигурный клякс с посвящением Аполлону Дельфинию VI в. до н. э.; 2 — медальон краснофигурного клякса с посвящением Зевсу и Афиде VI в. до н. э.; 3 — чернофигурный клякс с посвящением Дельфинию VI в. до н. э.; 4 — чернолаковый клякс с посвящением Афиде VI в. до н. э.

5, 6 — чернофигурный клякс с посвящением Зевсу VI в. до н. э.; 7 — помещение XI с колодезем и статуей Куроса; 8 — бронзовая асфеа с клеймом IGPA IV в. до н. э.; 9 — глиняные счетные фишки из ликастерия. Составитель Г. П. Леву

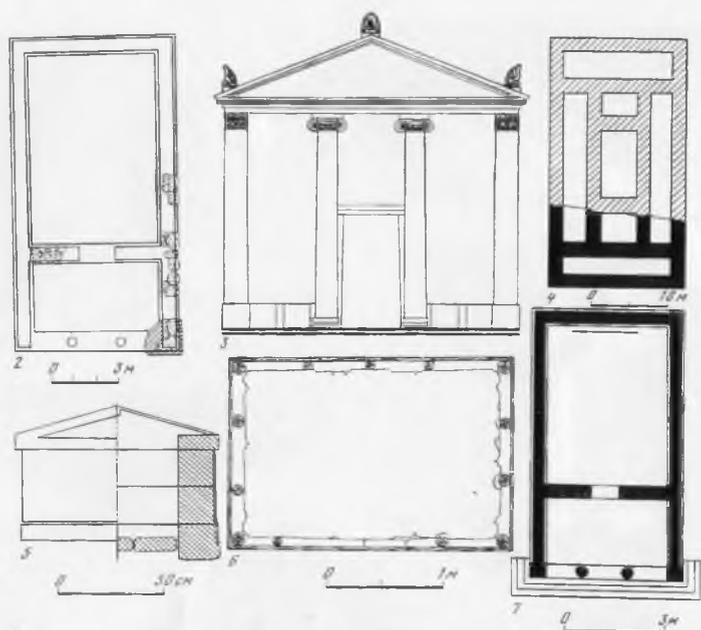

Таблица XII. Ольвия. Теменос. Планы и вид отдельных памятников

1 — реконструкция площади перед храмом Аполлона V в. до н. э.; 2, 3 — план и фасад храма Аполлона V в. до н. э.; 4 — храм Аполлона конца IV—III в. до н. э.; 5 — жертвен-

ник V в. до н. э.; 6 — план деревянного алтаря I в. н. э.; 7 — план храма Зевса III в. до н. э.

1—3 — реконструкция А. И. Карасева. Составитель Е. И. Левин

Таблица XIII. Оливия. Темнос. Находки из цистерны. Терракоты III в. до н. э.

1 — Пибета; 2 — Афродита; 3 — Деметра; 4 — форма для отливки статуэтки Аполлона (III в. до н. э. (из восточной ст. храма Аполлона)); 5 — Зевс; 6 — Сатвр; 7 — Медуза; 8 — крылатый

зенин — Иакс; 9 — части алтарня — Посейдон и Афродита; 10 — папляр черепих; 11 — череп быка. Составитель Е. И. Левин

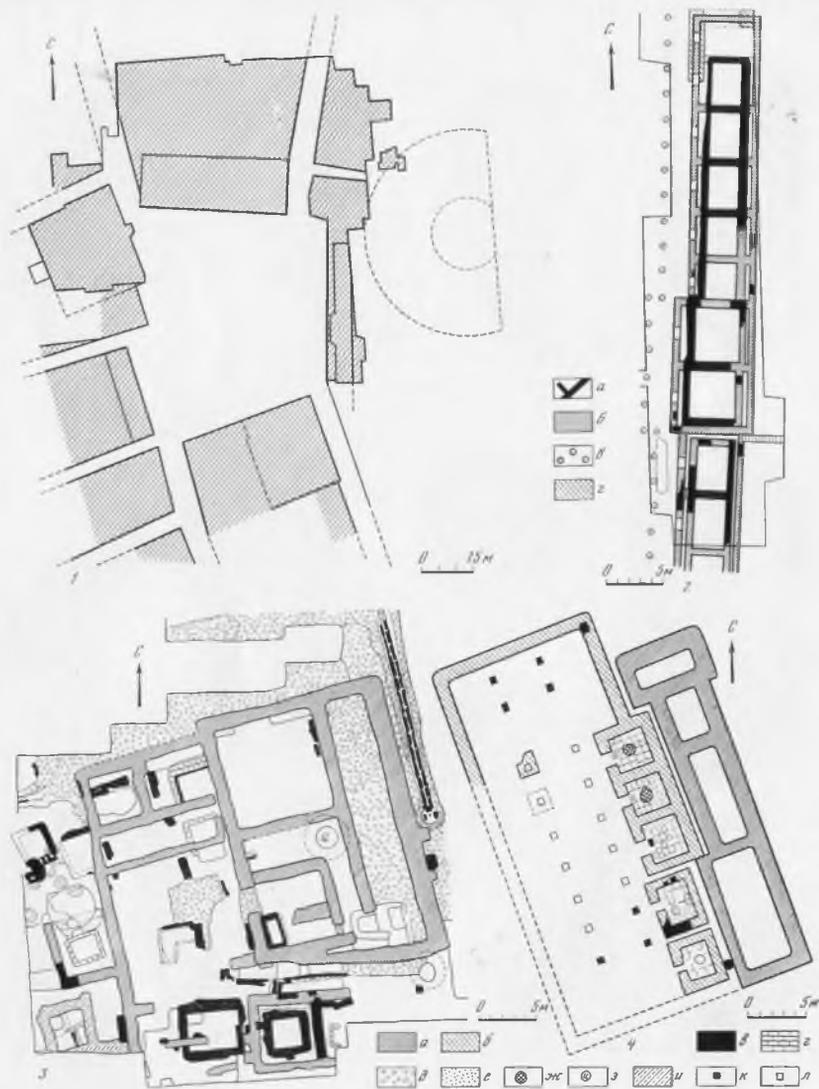

Таблица XIV. Ольвия. Агора

1 — план Ольвийской агоры эллинистического периода; 2 — план Восточного торгового ряда III—IV вв. до н. э. (а — каменные кладки, б — восстановленные линии стен, в — восстановленные колонны, г — слоистые фундаменты); 3 — план двуклестерия III в. до н. э. (а — слоистые фундаменты двуклестерия, б — восстановленные стены, в — каменные кладки, г —

каменные плиты, д — вымостка из черепков, е — вымостка из крошки известняка, ж — очаги, з — инстерна, и — слоистые фундаменты, к — основания колонн, л — реконструкция); 4 — план центральной части гимнасия (заг с банными помещениями III в. до н. э.). Составитель Е. И. Левин

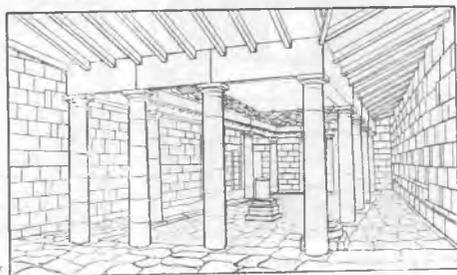
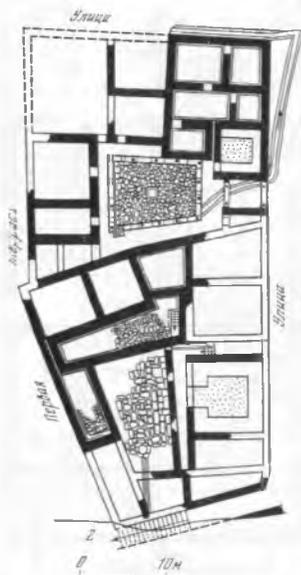

Таблица XV. Ольвия. Жилые дома

1 — общий вид дома Е₂, район агоры (реконструкция С. Д. Грыжицкого); 2 — план жилого квартала в Нижнем

городе; 3, 4 — дом с алтарем в Ппилим городе (реконструкция Б. В. Фармаковского и Калачева). Составитель Е. И. Лева

Таблица XVI. Земледельческая округа Херсона

1 — земельные наделы и поселения на Гераклеюмском и Маячном полуостровах; 2 — группа типичных земельных наделов на Гераклеюмском полуострове; 3 — земельный надел № 26 с усадьбой; а — плантайные стены; б — неукреп-

ленные поселения; в — земельные наделы; г — виноградники; д — территория города; е, ж — усадьбы; з — некрополь. Составитель А. Н. Щеглов

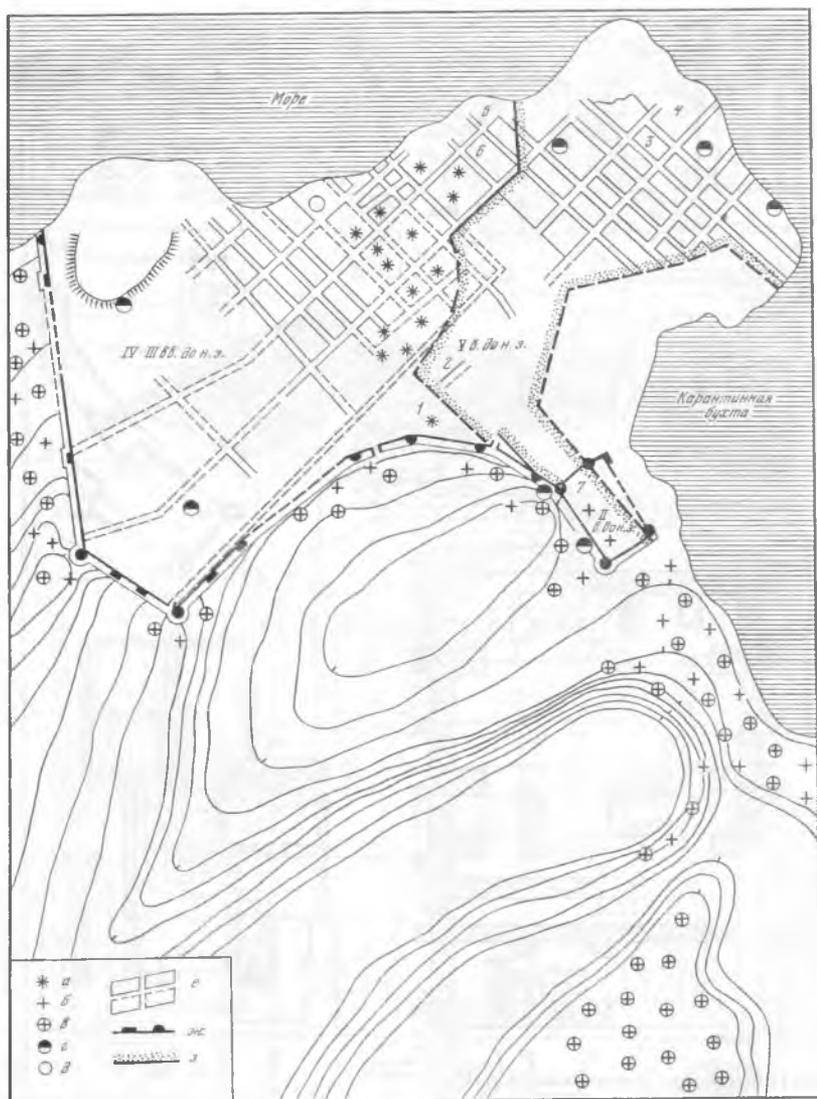

Таблица XVII. План Херсонеса

1 — театр; 2 — монетный двор; 3 — общественное здание III в. до н. э. на главной улице; 4 — храм III в. до н. э.; 5 — общественное здание I—III вв. н. э.; 6 — дом с мозаикой II в. до н. э.; 7 — термы на территории так называемой дитадели; а — некрополь V—IV вв. до н. э.; б — некрополь III—II вв.

до н. э.; в — некрополь I—IV вв. н. э.; г — гончарные мастерские; д — стеклоделательная печь; е — жилые кварталы; ж — оборонительные стены; з — примерные границы города в V—IV вв. до н. э.

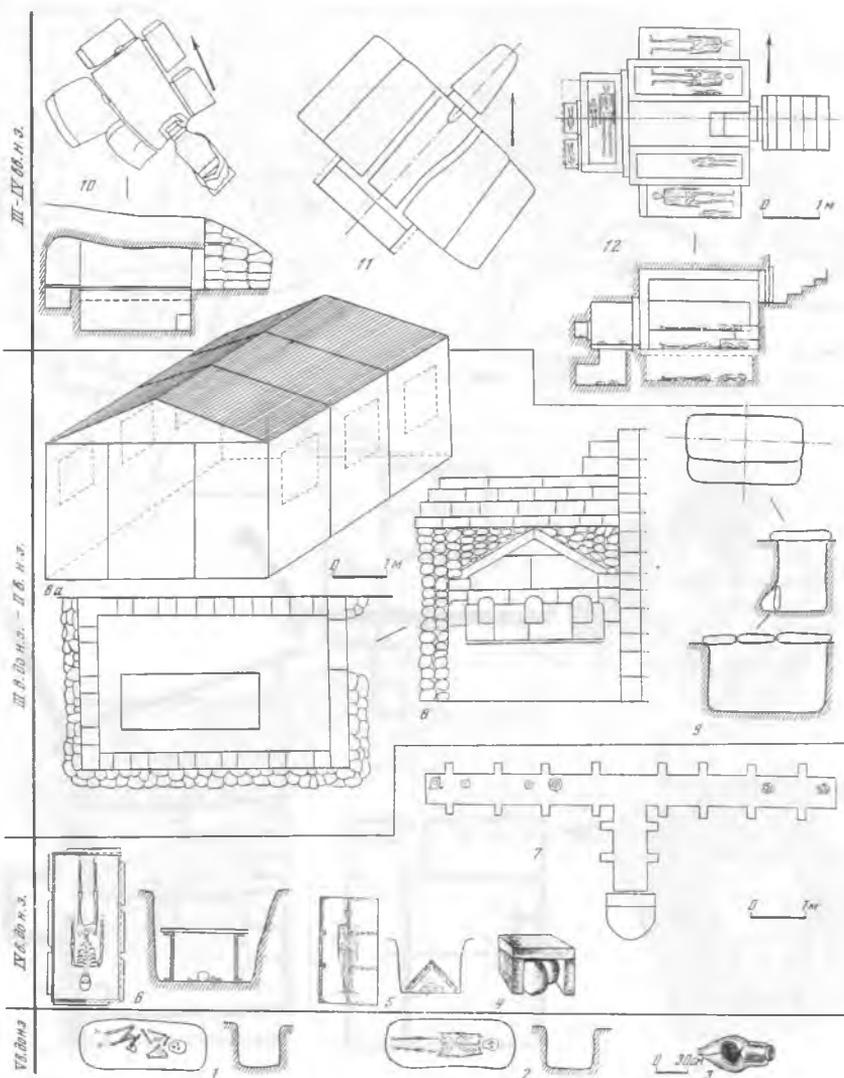

Таблица XIX. Типы погребальных сооружений и способы захоронения

1, 2 — грунтовые могилы; 3 — захоронения в амфоре на Северном берегу; 4 — погребение в урне; 5, 6 — могила с черепицей и каменной обкладкой; 7 — план склепа 1012; 8 — пристенный склеп 1013, план, разрезы, внутренние стены с

пирами; 8a — аксонометрия склепа 1014; 9 — план в разрезе подобной могилы; 10, 11, 12 — склепы доднеримского времени (планы и разрезы). Составитель С. А. Беляев

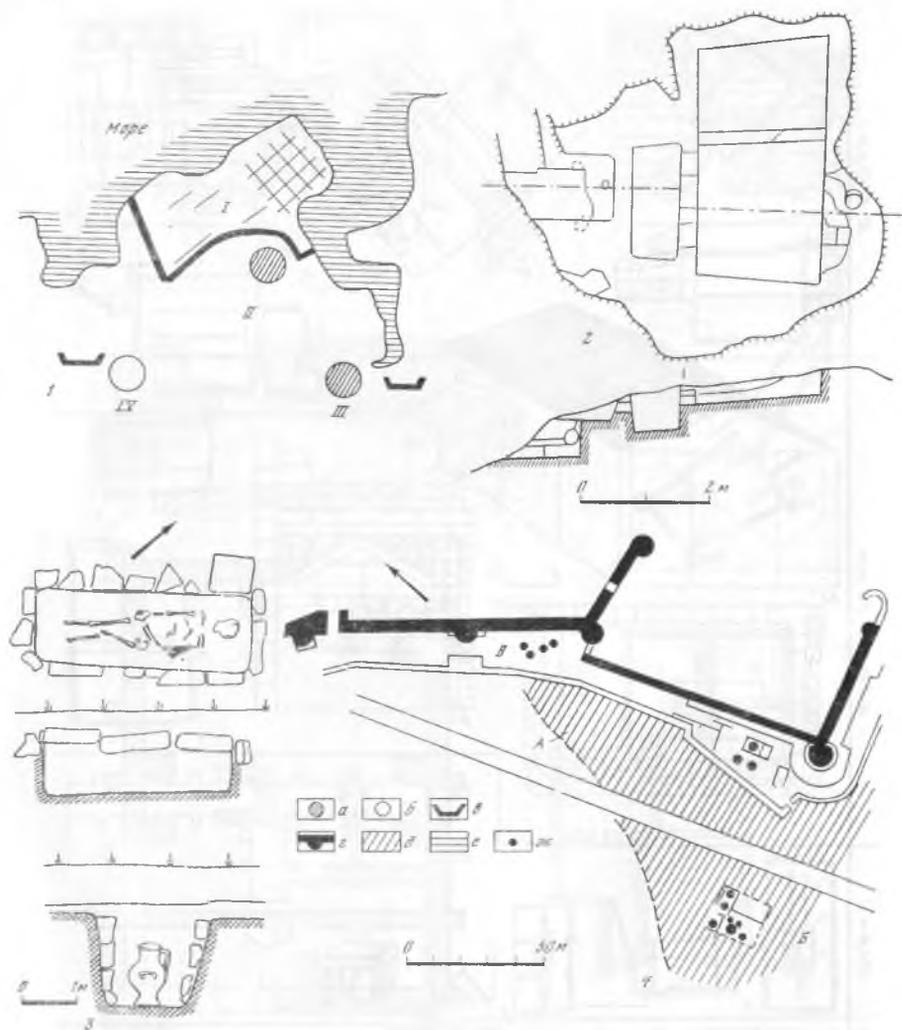

Таблица XX. Производственные поселения и их некрополи в окрестностях Херсонеса

1 — план расположения поселения и некрополей: I — Херсонес; II — поселок гончаров; III — поселок виноделов, IV — поселок каменщиков; 2 — винодельня, вырубленная в скале у верховья Карагатайской бухты; 3 — типы погребений в некрополе у Песочной бухты; 4 — район гончарных ма-

стерских: а — поселение; б — предполагаемое поселение; в — некрополь; г — крепостные стены; д — предполагаемый район производственного поселения; е — протейхизма; ж — керамические печи. Составитель А. П. Щеглов

ЧАСТЬ I. ГОРОДА, ПОСЕЛЕНИЯ, НЕКРОПОЛИ

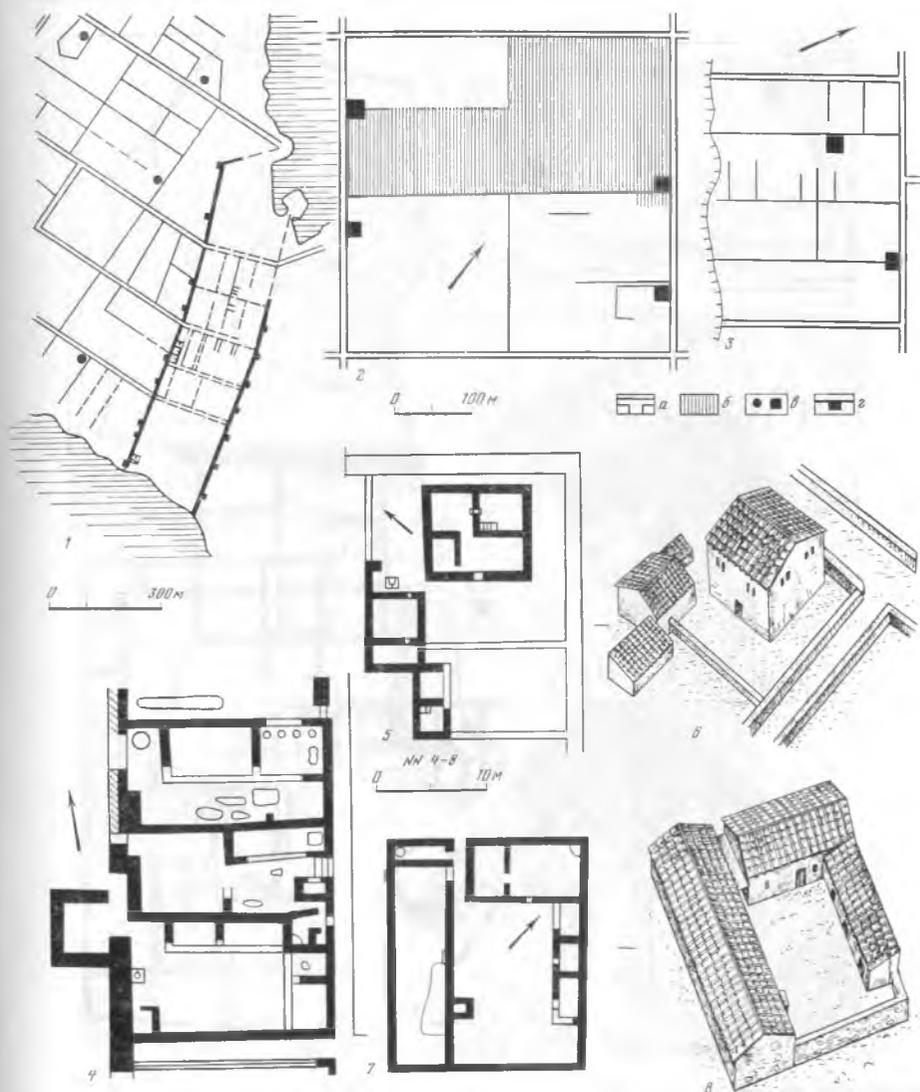

Таблица XXI. «Старый» Херсонес и его округа

1 — план «старого» Херсонеса с частью прилегающих размежеванных территорий; 2, 3 — земельные наделы; 4 — часть квартала «старого» Херсонеса (по И. М. Печенику); 5—8 — сельские усадьбы (по И. М. Печенику, реконструкция

А. И. Щеглова); а — дороги между наделами; б — пластовые стены; в — усадьбы; г — крепостные стены с башнями. Составитель А. И. Щеглов

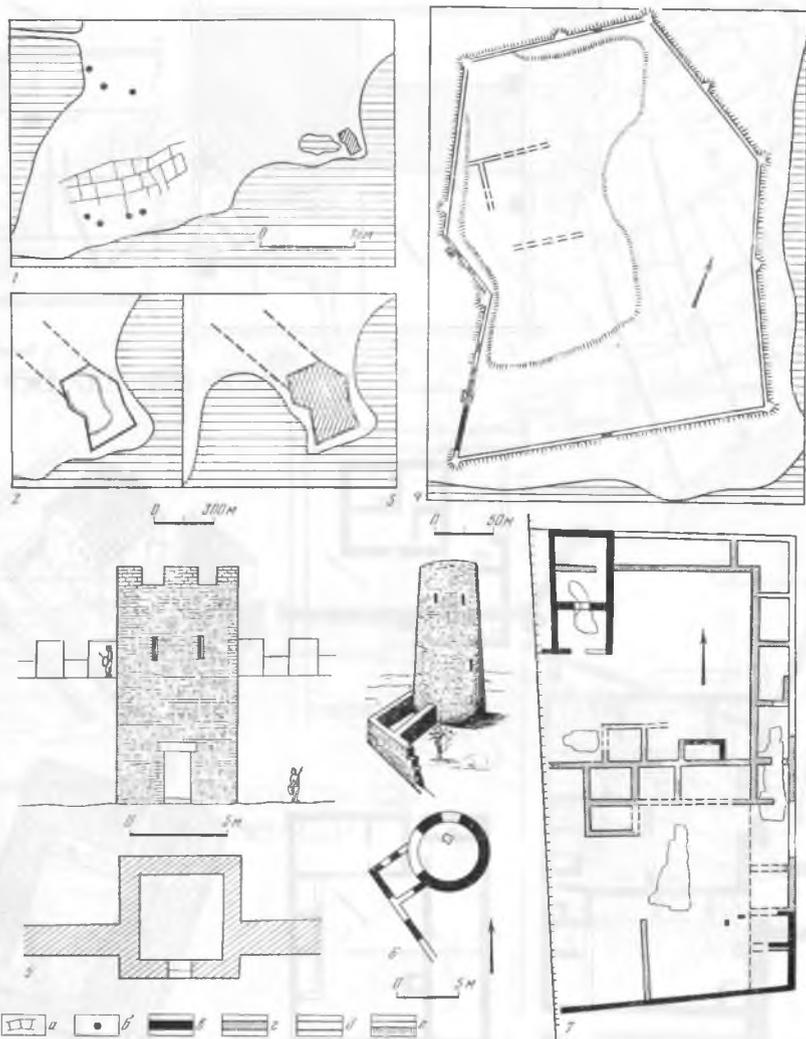

Таблица XXII. Кержинида и ее округа

1 — Кержинида и ее округа; 2 — современное местоположение городища; 3 — реконструкция древней берестовой линии у Кержиниды; 4 — план городища Кержинида; 5 — башня крепостной стены города (раскопки Л. А. Монсева, реконструкция А. Н. Щеглова); 6 — жилая башня в окрестностях Кержинида (раскопки П. И. Филоновича и

М. А. Паливничой, реконструкция А. П. Щеглова); 7 — усадьба № 2 у Мошанского озера (раскопки Л. А. Монсева); а — вадла; б — усадьба; в — стены I строительного периода; г — стены II строительного периода; д — реконструируемые стены; е — нераскрытые участки стен. Составитель А. Н. Щеглов

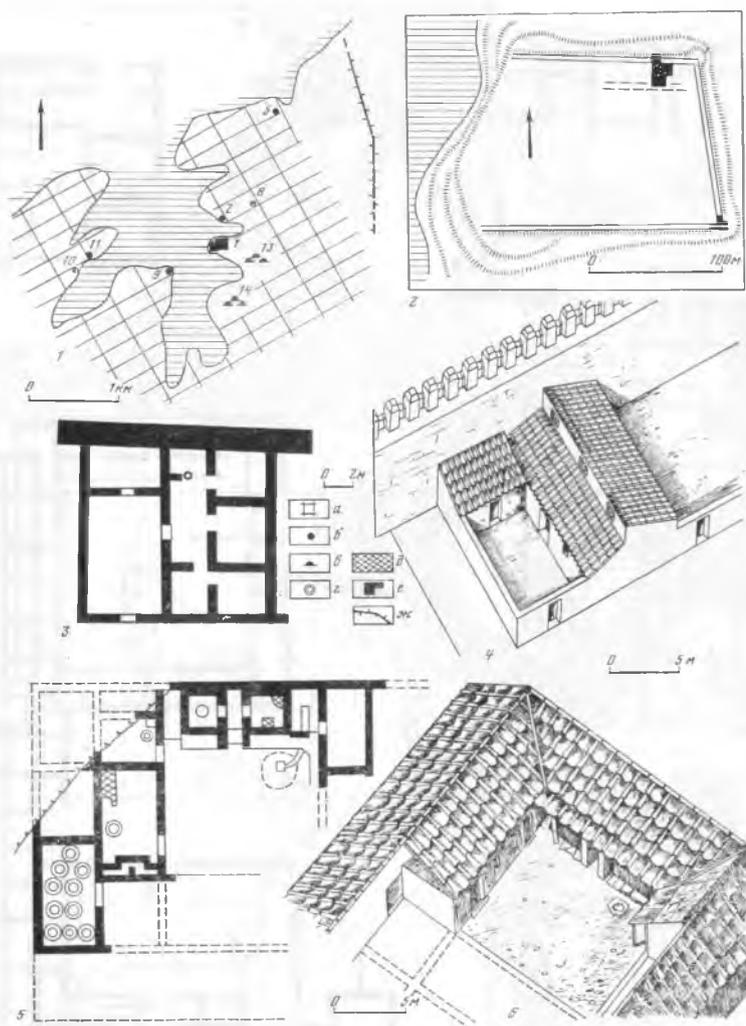

Таблица XXIII. Прекрасная гавань (Калос Лимен) и ее округа

1 — сельскохозяйственная округа — следы размежевания; 2 — план городища; 3, 4 — план и реконструкция жилого дома Прекрасной гавани (рассказки М. А. Наливкиной, реконструкция А. П. Щеглова); 5 — 6 — сельская усадьба у бухты Вет-

реной; а — земельные наделы; б — сельские усадьбы; в — курганы; г — пифесы; о — очиты; е — каменные кладки; ж — вал. Составитель А. Н. Щеглов

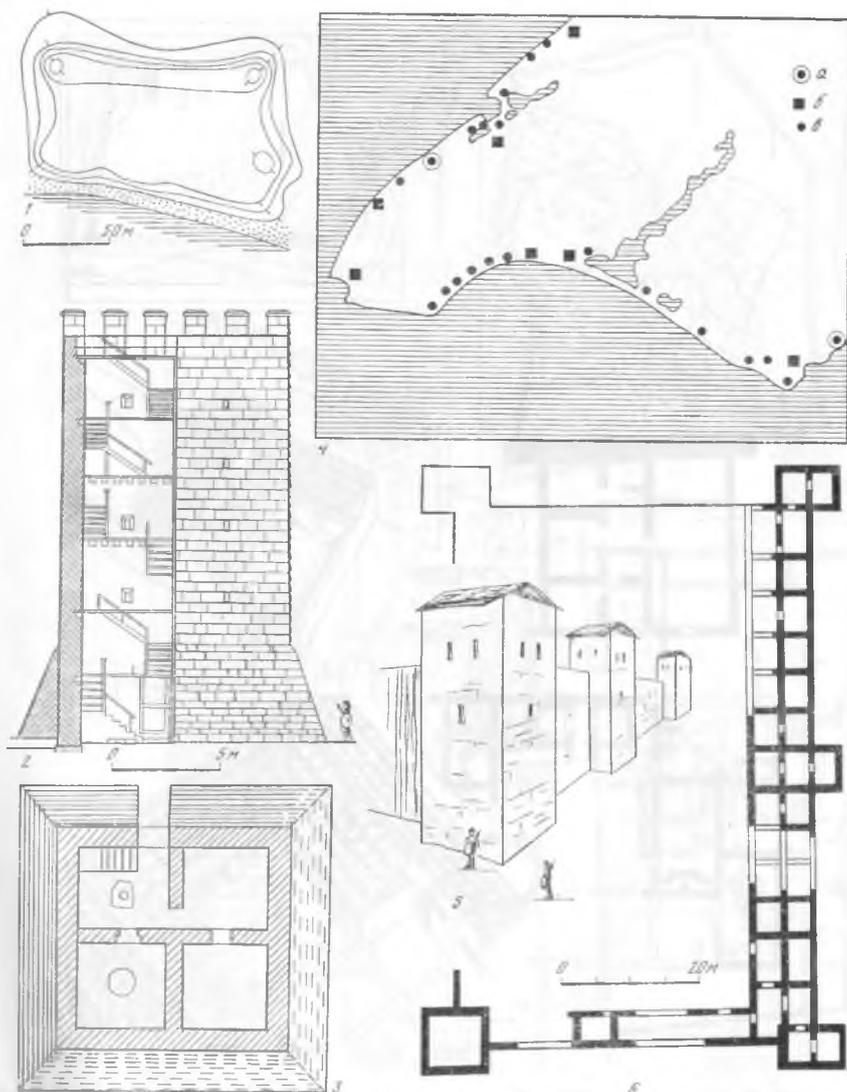

Таблица XXIV. Укрепленные поселения в Северо-Западном Крыму

1 — Парфяниевское городище; 2—3 — башня укрепленной усадьбы «Белузе» (раскопки О. Д. Дипенцкой, реконструкция А. П. Щеглова); 4 — схема расположения поселений (а — городя, б — крупные укрепления, в — изолированные

укрепленные и неукрепленные усадьбы); 5, 6 — укрепления на городище «Чайкас» (раскопки А. П. Карасева, реконструкция А. П. Щеглова). Составитель А. П. Щеглов

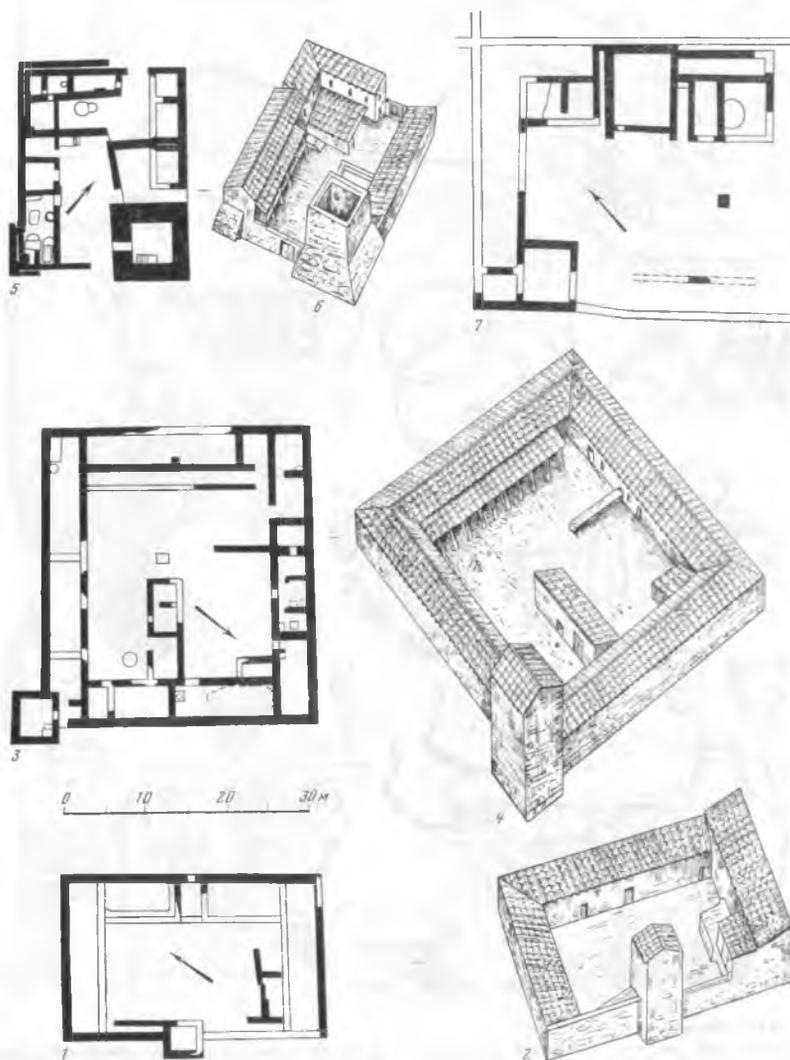

Таблица XXV. Сельские усадьбы в окрестностях Херсонеса (планы по С. Ф. Стрелецкому, реконструкция А. П. Щеглова)

1—2—усадьба второй половины IV в. до н. э. на наделе № 25; 3—4—усадьба III в. до н. э. на наделе № 25; 5—6—усадьба II в. до н. э. на наделе № 26; 7—усадьба первых

веков нашей эры у Стрелецкой булты. Составитель А. П. Щеглов

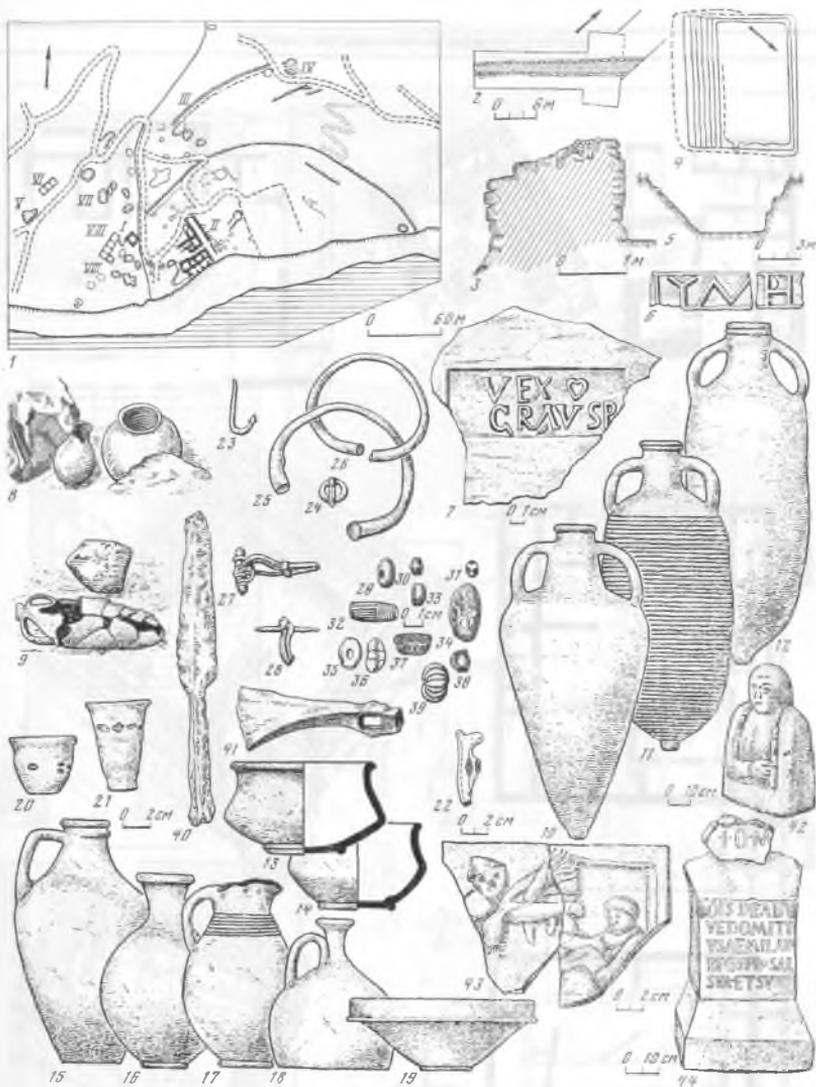

Таблица XXVI. Харак

1 — генеральный план раскопок (I — Нимфей, II — термы, III — таврская стена, IV — башня, V — ворота, VI — паружная оборонительная стена, VII — пустырь, VIII — внутренняя оборонительная стена, IX — план и разрез; 4, 5 — нимфей, план и разрез; 6 — надпись, из нимфея; 7 — обломок черепицы с клеймом вестялдация Равенской эскадры; 8, 9 — могилы 10 и 15 с труносожжением IV в. н. э.; 10—12 — амфоры, использовавшиеся в качестве урн (из могил 26, 33, 29); 13, 14 — сероглиняные чашки (из могил 28 и 22); 15—19 — сосуды (из могил 29, 18, 21, 28); 20, 21 — стаканы с синими глазками (из могил

15, 33); 22 — ручка сосуда в виде животного (из могилы 15); 23 — рыболовный крючок (из могилы 10); 24 — пряжка; 25, 26 — браслеты (из могилы 19); 27, 28 — фибулы (из могилы 33); 29—32 — бусы; 40 — наконечник ножа (из могилы 18); 41 — топор (из могилы 19); 42 — надгробие; 43 — рельеф с изображением фракийского всадника из святилища бенефициариев; 44 — алтарь из святилища бенефициариев; 6, 7, 10—19, 22 — глина; 20, 21 — стекло; 23—29, 40 — бронза; 29—39 — стеклянная паста; 40—41 — железо; 42—44 — камень. Составитель Е. А. Савостина

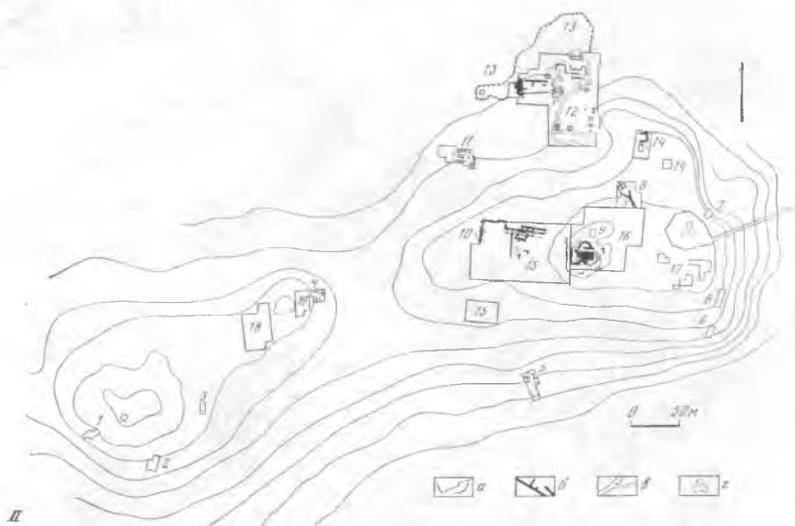

Таблица XXVII. Пантикапей

I — рост территории города: а — границы города в VI—V вв. до н. э.; б — границы города в IV в. до н. э.; в — границы города в III в. до н. э.; г — границы города в первое века нашей эры (стрелками указано направление, в котором рос город). II — генеральный план раскопов на горе Митридат: 1 — западный раскоп 1948 г.; 2 — третий Босфорский раскоп 1949 г.; 3 — второй Босфорский раскоп 1949 г.; 4 — раскоп у Скалистого выступа 1945, 1947 и 1977 гг.; 5 — первый Босфорский раскоп 1946—1947 гг.; 6 — раскопы 1945 г. над старым зданием музея; 7 — раскоп 1945 г.; 8 — Верхний Митридатский раскоп 1949 и 1952—

1953 гг.; Новый Верхний Митридатский раскоп 1978—1982 гг.; 9 — раскоп 1948 г. у «Первого кресла»; 10 — верхний Эспланадный раскоп 1948 г.; 11 — Эспланадный раскоп 1945—1949 гг.; 12 — Новый Эспланадный раскоп 1953—1975 гг.; 13 — раскоп К. Е. Думберга; 14 — Восточный раскоп 1961—1975 гг.; 15 — Центральный раскоп 1971—1982 гг.; 16 — раскоп «Цитадель» 1976—1977 гг.; 17 — раскопы «У обелиска» 1965 г.; 18 — раскоп к западу от Скалистого выступа начат в 1977 г.; 19 — раскоп к востоку от Скалистого выступа; а — границы раскопов; б — строительные остатки; в — древние утвари; г — современный обелиск. Составитель В. П. Толстикова

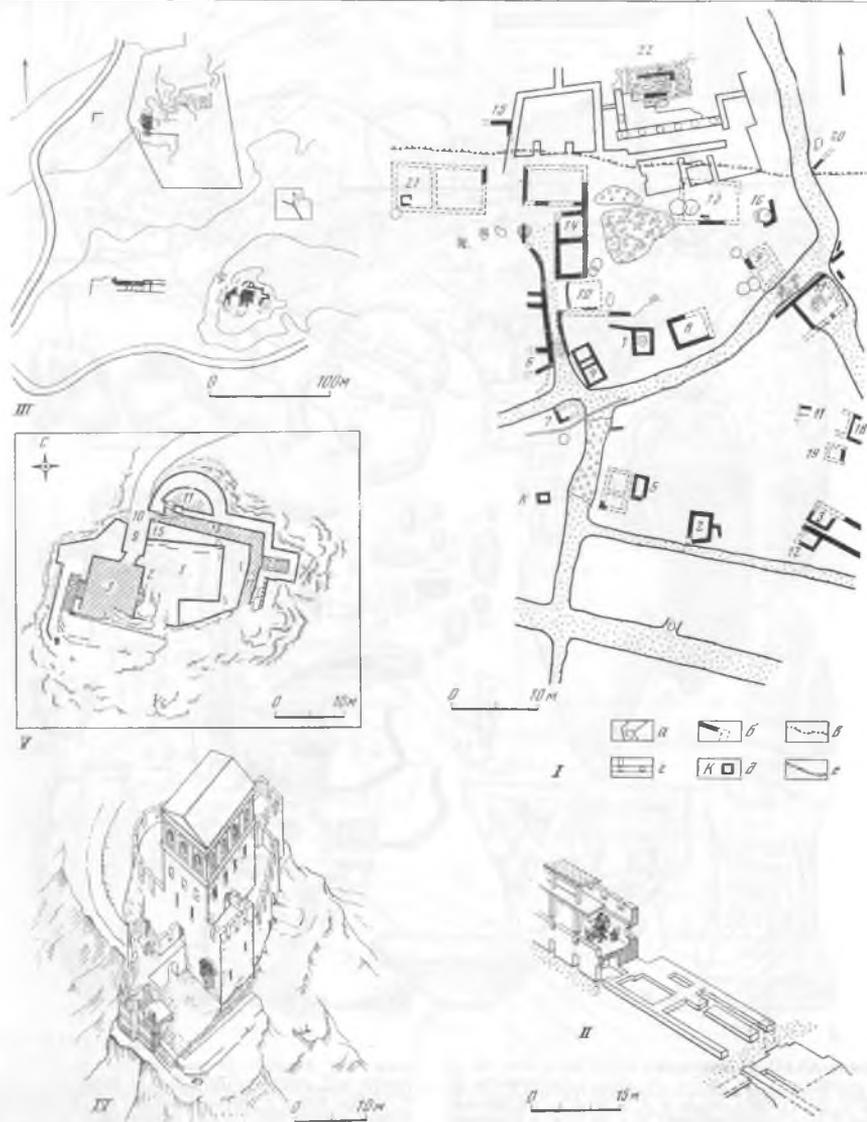

Таблица XXVIII. Пантикапей

I — раскоп Новый Эспланадный; 1—22 — остатки домов VI—V вв. до н. э.; а — древние улицы и вымостки; б — стены домов; в — граница террасы; г — общественное здание II в. до н. э.; д — колодец; е — водопровод. II — реконструкция-аксонометрия комплекса оборонительных сооружений I в.

до н. э. Раскоп Центральный. III — план-схема остатков укреплений акрополя: 1 — цитадель; 2 — раскоп Центральный. IV — цитадель акрополя I в. до н. э. — 14 в. н. э. Реконструкция-аксонометрия, вид с юга (реконструкция В. Толстыкова). V — план цитадели акрополя. Составитель В. П. Толстыков

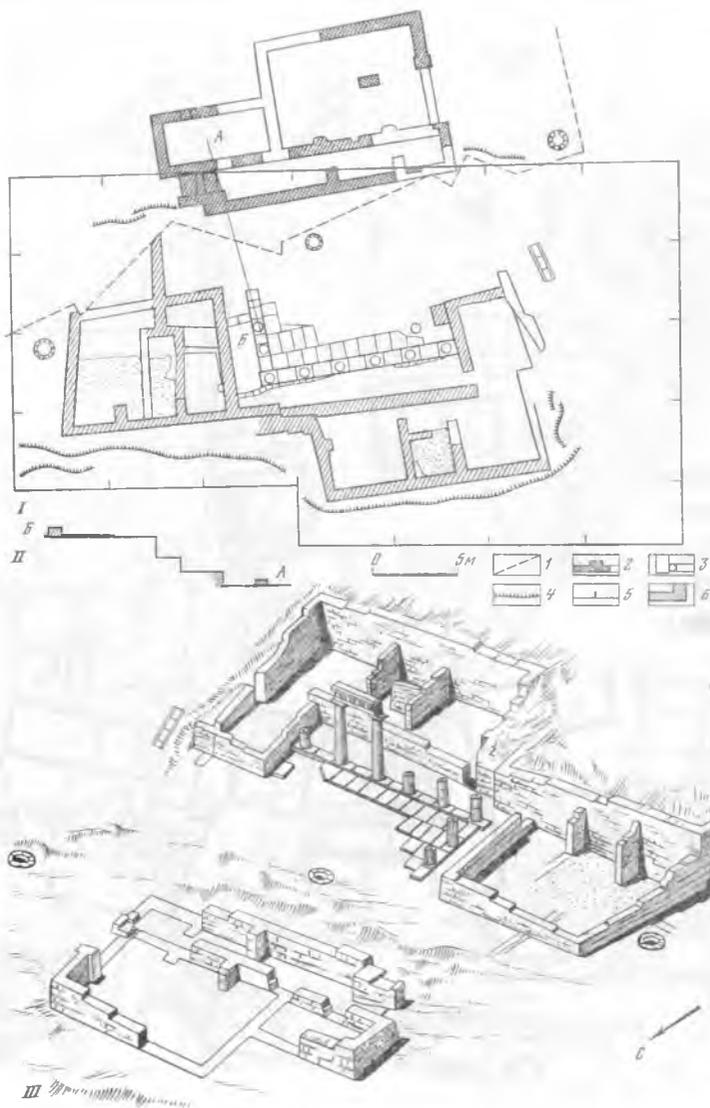

Таблица XXIX. Пантикапей

1 — совмещенный план комплекса общественных зданий на раскопе К. Е. Думберга и на Новом Эспланадном; I — южная граница раскопа К. Е. Думберга; 2 — стены здания, раскопанного К. Е. Думбергом; 3 — стены общественного комплекса II в. до н. э. (пританец), открытого на Новом Эспланадном

раскопе; 4 — границы террас; 5 — границы Нового Эспланадного раскопа. II — разрез по линии А—Б (север—юг); 6 — помещения общественного комплекса II в. до н. э. III — анимометрия комплекса общественных зданий (реконструкция В. П. Толстикова). Составитель В. П. Толстиков

Таблица XXX. Мирский

1 — план Мирского с обозначением раскопанных участков; 2 — схематический план Мирского по В. Ф. Гайдукевичу; 3 — то же по Бламбергу; 4 — план раскопа «II»: а — VI—

V вв. до н. э.; б — IV в. до н. э.; в — I—III вв. н. э.; г — вымости; д — III—I вв. до н. э. (по материалам В. Ф. Гайдукевича). Составитель И. Г. Шурган

Таблица XXXI. Тиритака. План городища

1 — раскопанные участки; 2 — ломеры раскопов; 3 — оборонительная стена V в. до н. э.; 4 — оборонительная стена эллинистического времени; 5 — стены зданий античной эпохи;

6 — разбазосолочные ванны; 7 — резервуары виноделов; 8 — каменные вымостки; 9 — стены зданий средневекового времени; 10 — застройка XX в. Составитель Н. Г. Шургая

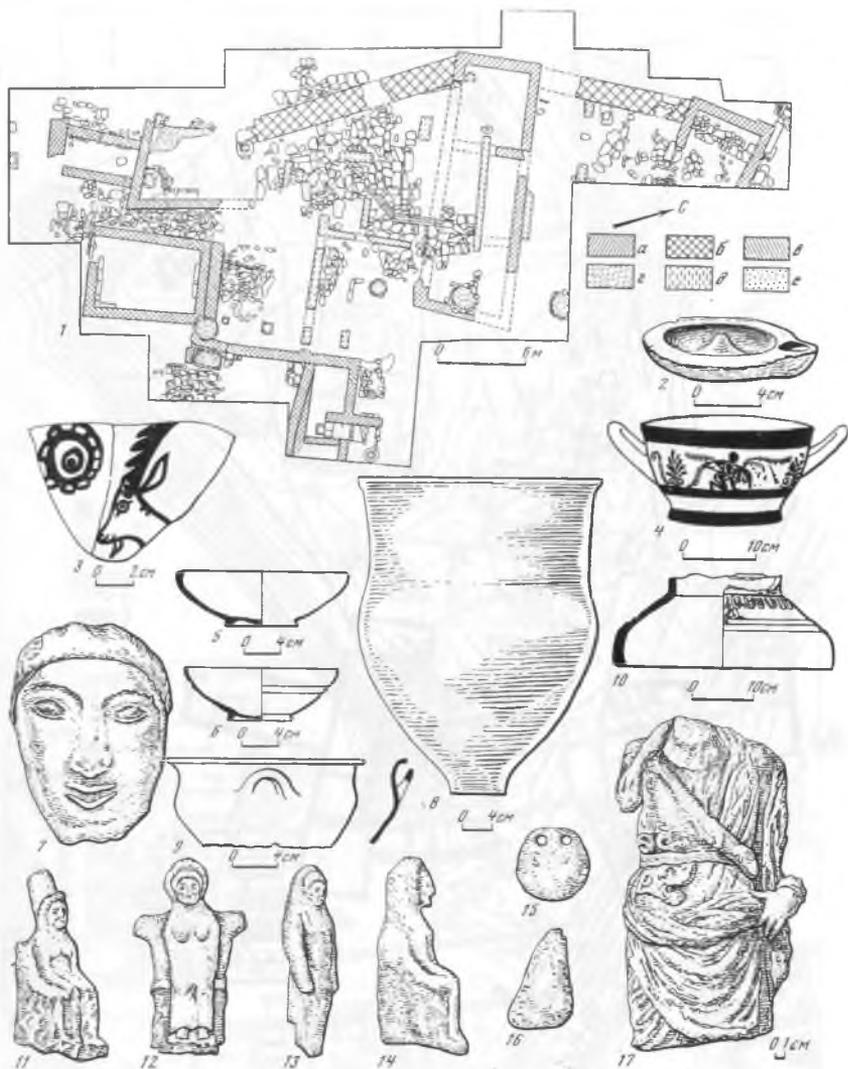

Таблица XXXII. Тиритака

1 — схематический план участка XIV: а — постройка VI в. до н. э.; б — оборонительная стена V в. до н. э.; в — постройки V—IV вв. до н. э.; г — постройки первых веков нашей эры; д — ямы; е — цемляшки; 2 — светильник; VI в. до н. э.; 3 — обломок края кельбы родосско-ионийского стиля, середина VI в. до н. э.; 4 — аттический чернофигурный килик, начало V в. до н. э.; 5 — черпачковая чаша, VI — начало

V в. до н. э.; 6 — чаша с поясками, VI — начало V в. до н. э.; 7 — терракотовая маска, середина VI в. до н. э.; 8 — открытый сосуд; 9 — лощеный сосуд; 10 — нижняя часть глиняного алтаря; 11—14 — терракотовые статуэтки, VI — начало V в. до н. э.; 15—16 — глиняные грузила; 17 — обломок статуэтки Диониса. Составитель И. Г. Шургая

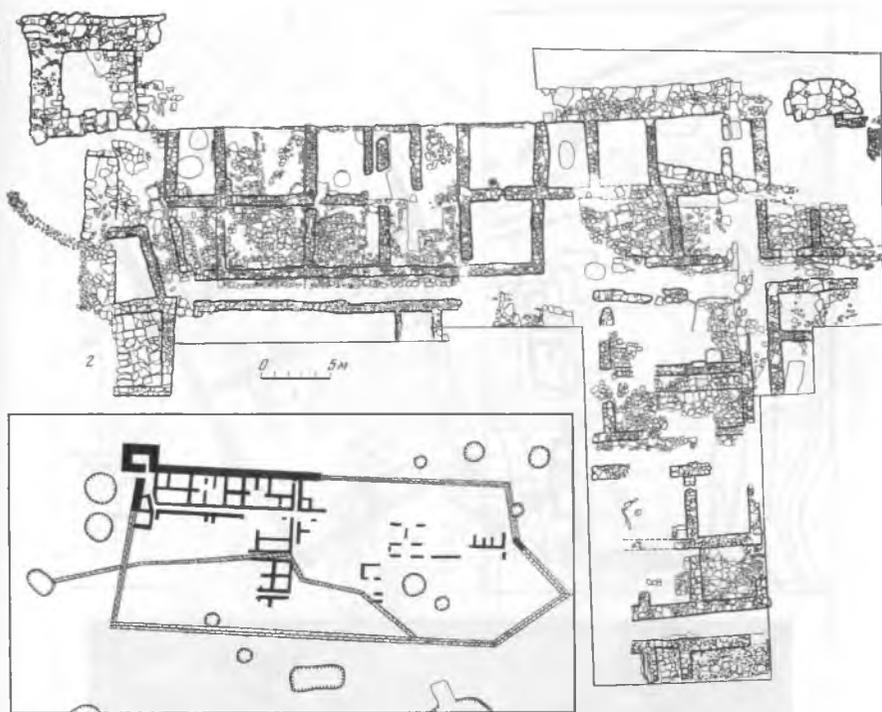

Таблица XXXIII. Порфмий

1 — план городища; 2 — план раскопанного участка; 3—5 — импортные терракоты. Составитель Е. Г. Каставани

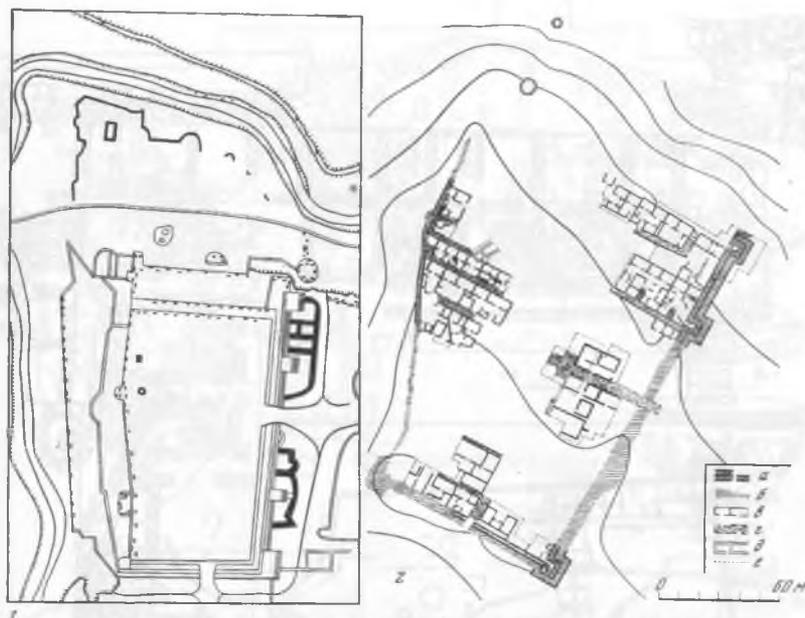

Таблица XXXIV. Городище Илурут

1 — план городища, составленный П. Дюбрюксом; 2 — план городища с обозначением раскопанных участков (а — оборонительные стены, вскрытые раскопками, б — перекрывающие участки оборонительных стен, в — раскопанные жилища

дома, г — улица, д — постройка средневековой эпохи, е — границы раскопов); 3, 4 — помещения у юго-западной оборонительной стены. Составитель П. Г. Шурган

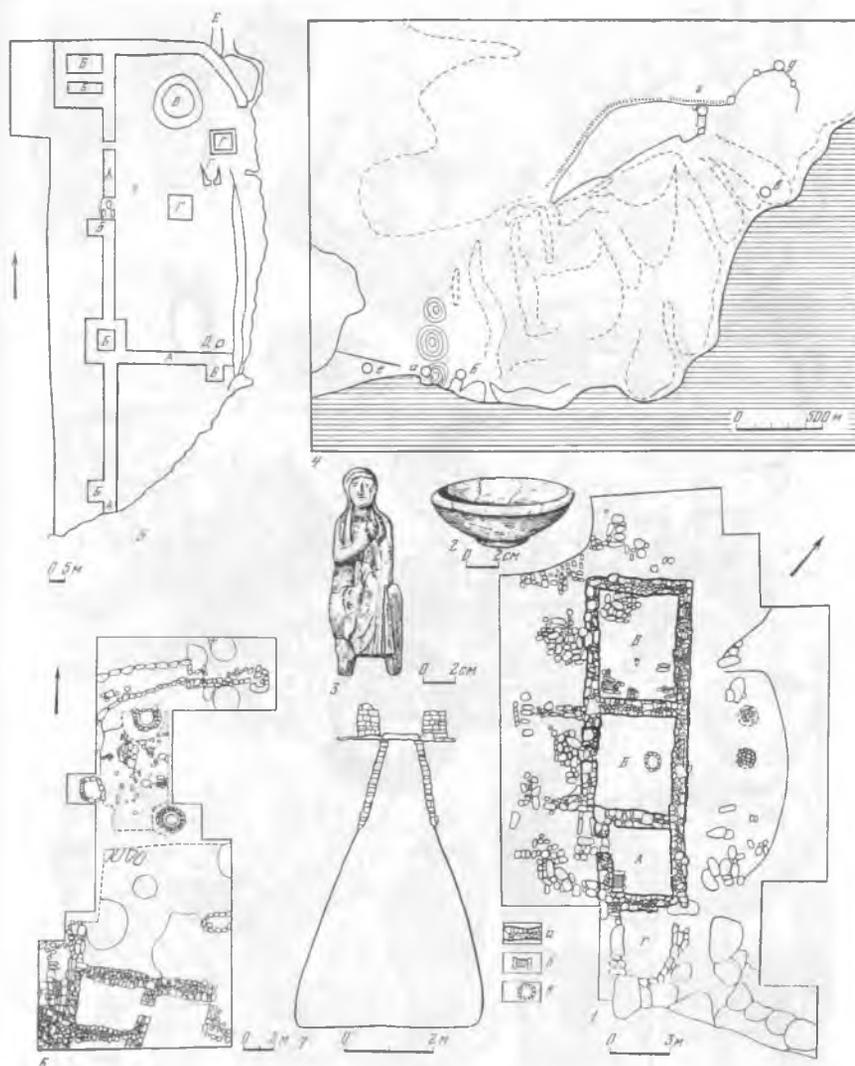

Таблица XXXV. Киммерик

1 — план раскопа «холм А»; А — Г — помещения; а — кладки стен; б — очаги; е — ямы; 2 — миска; 3 — терракотовая статуэтка V в. до н. э.; 4 — план горы Опук (по Ю. Ю. Марти) с указанием расположения раскопов: а — «Змеиный холм» (1940—1949 гг.); б — Береговой (1950—1951 гг.); е — «холм А» (1950—1951 гг.); г — цитадель на горе Опук; д — восточная

оборонительная стена; е — западная оборонительная стена; 5 — план цитадели на плато горы Опук: А — стена; Б — башни; В — круглая башня; Г — пещеры в скале; Д — яма; Е — начало городской стены; б — план раскопа «Береговой»; 7 — разрез зерновой ямы на раскопе «Береговой». Составитель И. Т. Кругликова

Таблица XXXVI. Сельские усадьбы — Андреевка Южная (1—15) и Ново-Отрадное (16—24)

1 — край черепякового кафеля с граффити; 2 — голова терракотовой статуэтки; 3 — ложка; 4—6 — красноглиняные сосудики; 7 — черепяковый дощик с пальметтой; 8 — бронзовая подвеска; 9 — краснофигурный килик; 10 — часть бронзового черпака; 11 — бусина; 12 — серебряная змея; 13, 14 — план усадьбы (раскоп II) и ее реконструкция; 15 — схема расположения раскопов на поселении Андреевка Южная; 16, 17 — план усадьбы III в. у с. Ново-Отрадное и ее

реконструкция; 18 — край краснолакового блюда; 19 — край рельефной чаши; 20 — изображения рыбы и креста, вырезанные на сердоликовой вставке персти из моголинка; 21 — надпись краской на горле амфоры; 22 — эллиптический медальон; 23 — рельеф под ручкой эллиптического черепякового сосуда; 24 — левая статуэтка сидящей богини. Составитель И. Т. Кругликова

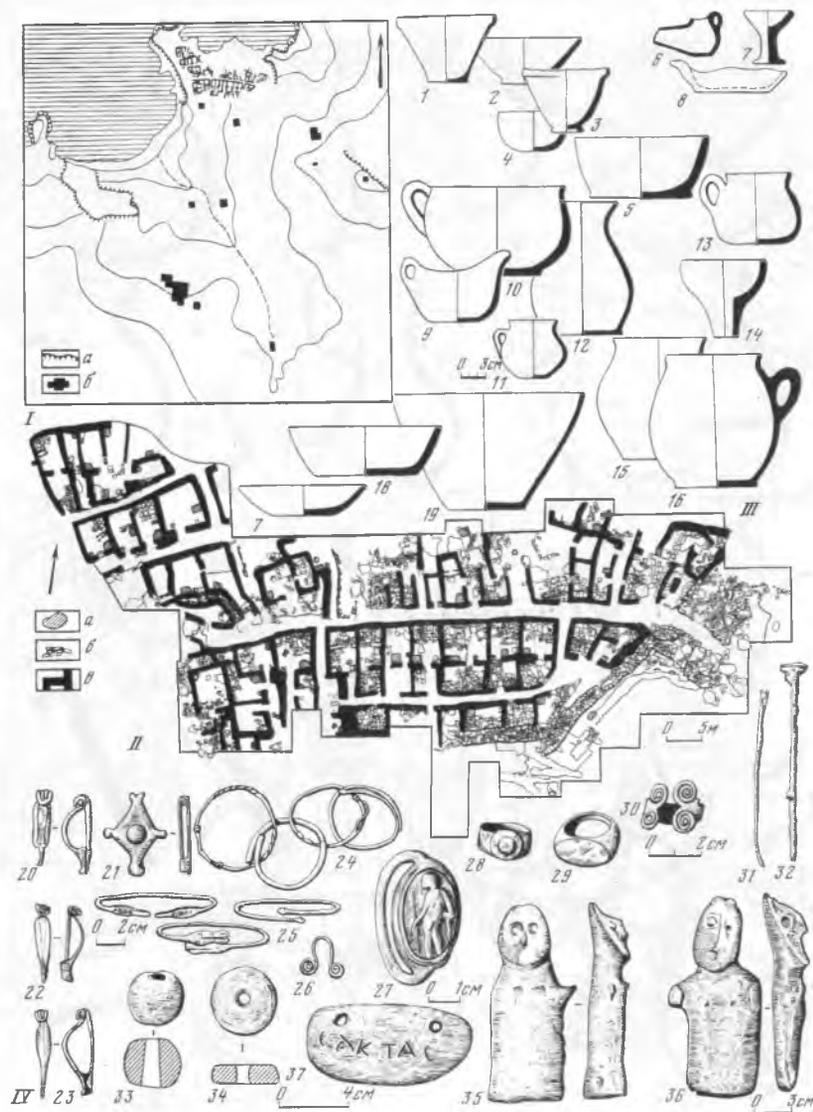

Таблица XXXVII. Поселение у деревни Семеновка

I — ситуационный план расположения раскопов: а — выходы скалы; б — площадки раскопов. II — план раскопа I на северном холме: а — глинобитные печи; б — вымостки; в — стопы жилищ. III — керамика: 1, 2, 4, 5, 9—13, 15—19 — лепные сосуды; 3 — кружальная миска; 6—8 — лепные светильники; 14 — воронка; 11, 13 — сосуды с красной лощеной поверхностью. IV — разные находки: 20—23 — фибулы и брошь;

24—25 — браслеты; 26 — подвеска; 27 — перстень с сердлковой геммой; 28 — перстень со стеклянной вставкой; 29—30 — перстни; 31, 32 — игла и стержень; 33—34 — пряслица; 35, 36 — лепные статуэтки; 37 — грузила из Мысовки с вырезанной надписью (1—19, 33—37 — глина, 20—32 — бронза). Составитель И. Т. Кругликова

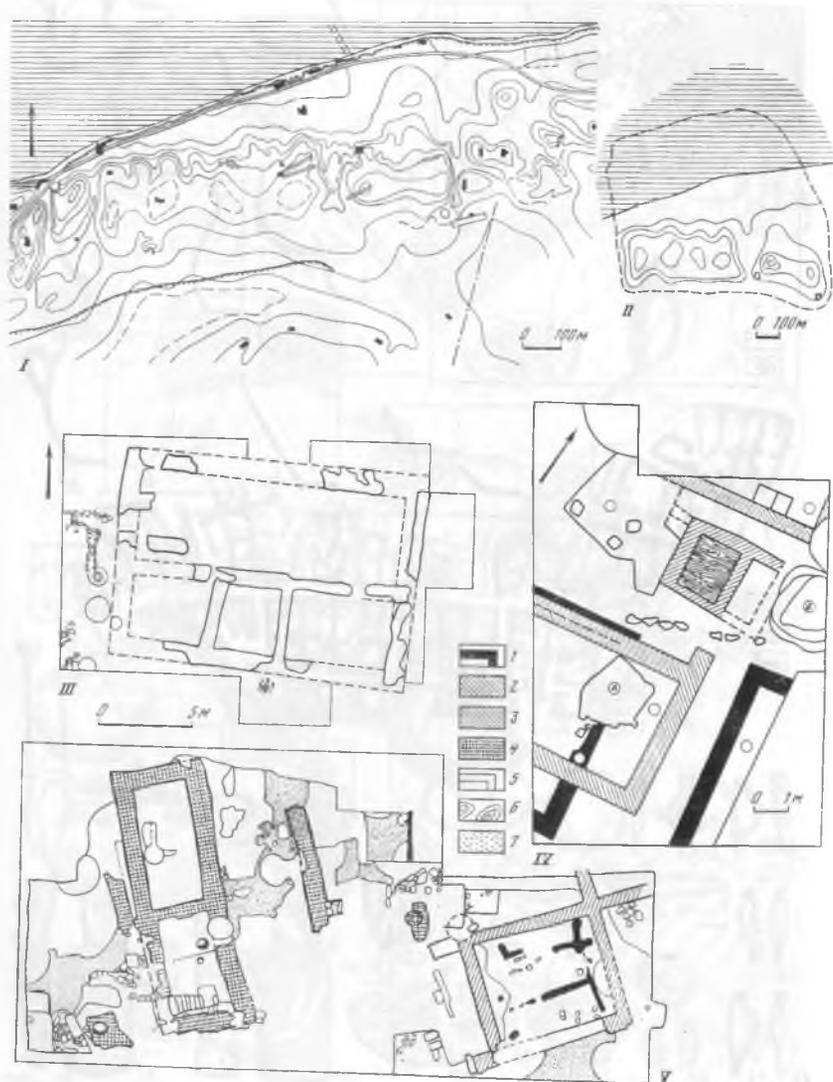

Таблица XXXVIII. Фанагория

I — схематический план городища с местоволожением раскопов; II — восстанавливаемые границы Фанагории; III — план юго-западного раскопа; IV — план раскопа Верхний город; V — план Центрального раскопа; 1 — архитектурные остатки, вторая половина VI в. до н. э.; 2 — первая половина

V в. до н. э.; 3 — вторая половина V—IV вв. до н. э.; 4 — III—III вв. н. э.; 5 — IV в. н. э.; 6 — дерево; 7 — вымостка; А, Б — землянки конца VI в. до н. э. Составители Е. А. Савостина и В. С. Долгоруков

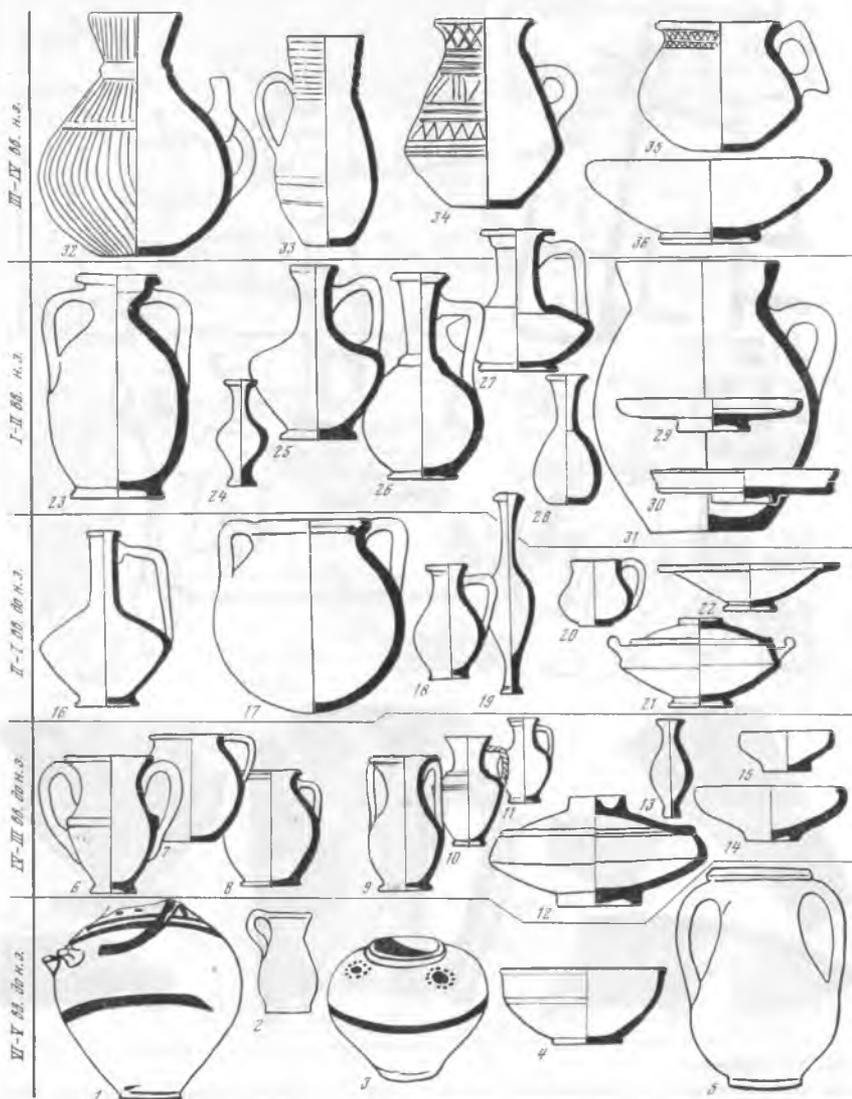

Таблица XXXIX. Керамика из Фавагории

1 — воишская расписная гидрия; 2 — лепшой кувшинчик; 3 — воишский расписной сосуд; 4 — миска; 5 — пелика; 6 — канфар; 7, 8 — одноручные сосуды; 9 — пелика; 10 — кувшины с витой ручкой; 11 — кувшинчик; 12 — лекава; 13 — флакон; 14, 15 — миски; 16 — лагвнос; 17 — круглодонный двуручный сосуд; 18 — кувши; 19 — флакон; 20 — одноручный сосуд; 21 — лекава; 22 — тарелка; 23 — двуручный сосуд; 24,

28 — флаконы; 25 — кувши; 26, 27 — краснолаковые кувшины; 29 — одноручный сосуд; 30, 31 — краснолаковые тарелки; 32 — сероглиняный лощеный сосуд с зооморфной ручкой; 33 — красноглиняный кувши с ворстенообразным туловом; 34, 35 — сероглиняные лощеные кувшины; 36 — миска. Составители Е. А. Савостина и В. С. Долгоруков

Таблица XL. Гермонасса

1 — план-схема архитектурных остатков Нагорного раскопа: а — цемника; б — IV в. до н. э. (I строительный период); в — IV в. до н. э. (II строительный период); г — III—II вв. до н. э.; д — I—II вв. н. э.; е — III—IV вв. н. э.; 2 — схематический план расположения раскопов: 1 — раскоп 1952 г.; II — восточный; III — Нагорный; IV — Северный; 3 — бусина белая пастовая с наездниками из голубого стекла; 4—6 — краснолаковые сосуды III—II вв. до н. э.; 7 — терракотовая головка Аттисы (злвиним); 8 — бусина с изображением человеческого лица (III в. до н. э.); 9 — мерный сосуд типа ойнохос с клеймом III в. до н. э.; 10 — клеймо: «агорагом Апол-

лотор»; 11 — фрагментированное краснолаковое блюдо II—III вв. н. э. с изображением козляров и животных; 12 — амфора светлоглиняная II—III вв.; 13 — обломок чернофигурного сосуда с изображением квадриги, конец VI в. до н. э.; 14, 15 — фрагменты родосско-ионийских килликов первой половины VI в. до н. э.; 16 — горло ритона с краснофигурной росписью, вторая четверть V в. до н. э.; 17 — фрагмент чернофигурного киллика, начало V в. до н. э.; 18 — фрагмент стенки краснолакового сосуда с росписью «стиля Фикеллуры», третья четверть VI в. до н. э. Составитель А. К. Коровина

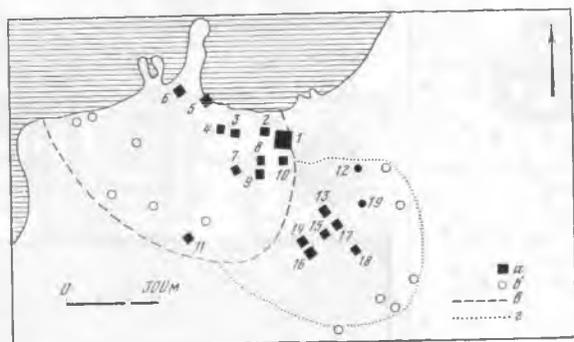
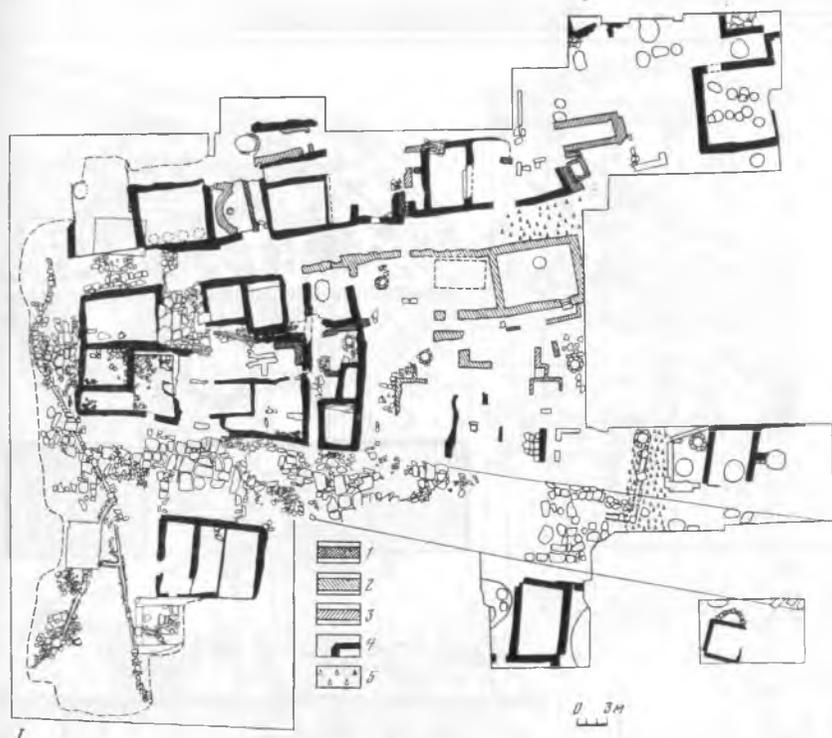

Таблица ХЛ. Горькийя

1 — план раскопа «Город»; 1 — кладка IV—III вв. до н. э.; 2 — кладка II в. до н. э.; 3 — кладка I в. н. э.; 4 — кладка II—III вв. н. э.; 5 — черепяные вместилища. II — расположение раскопов на территории г. Анапа — раскопы: 1 — Город (1960—1978); 2 — Назурный (1970 г.); 3, 4 — Гостиница I (1961 г.) и II (1962 г.); 5 — Берг (1960 г.); 6 — Портовые (1970—1971 гг.); 7 — Центр (1977—1978 гг.); 8, 9 — Лакшная фабрика (1971—1972; 1974—1975 гг.); 10 — Кубанский

(1962 г.); 11 — Пансионат им. Н. К. Крупской (1970 г.); 12 — гробница 1976 г.; 13 — кинотеатр «Година» (1954—1956 гг.); 14, 15 — Протанова II (1971—1972 гг.); 16 — Терекан и Прошанова (1974, 1975 гг.); 17, 18 — Астраханский (1957, 1963, 1964); 19 — склепы 1975 г.; а — раскопы; б — вазнейщики на ходы; в — граница города; г — граница некрополя. Составители И. Т. Кругликова, Е. М. Алексеева

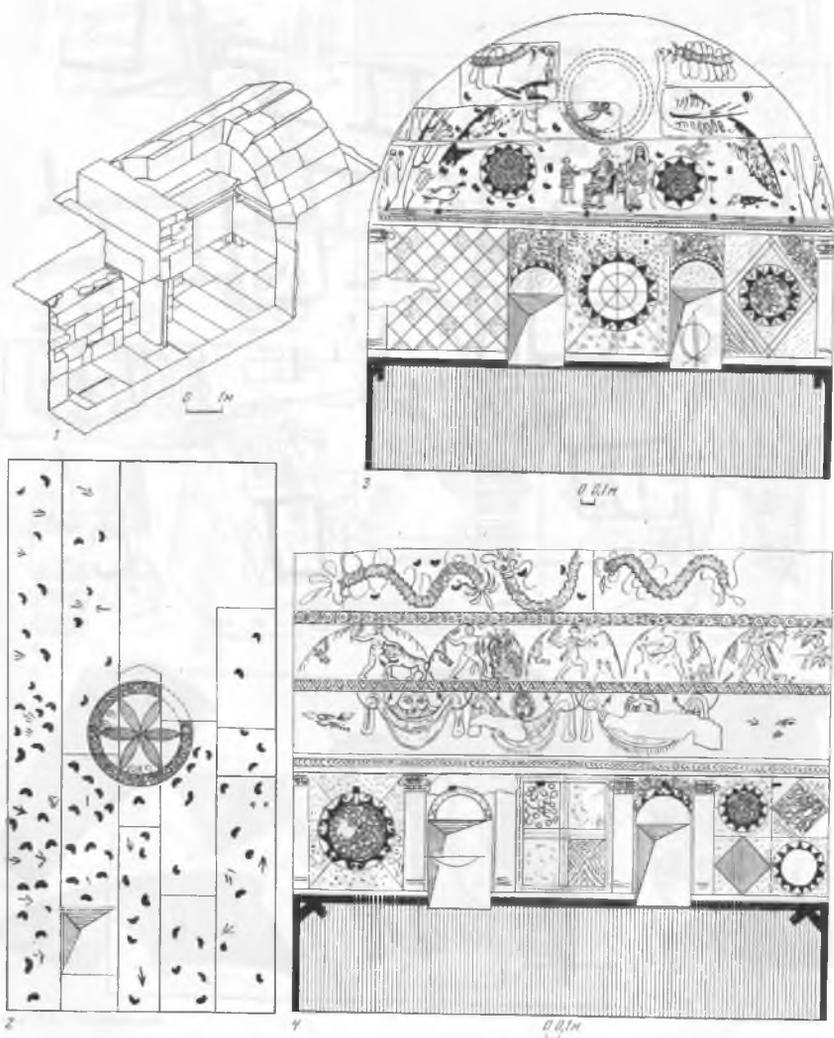

Таблица XLII. Горгиппия. Склеп 1975 г. II—III вв. н. э.:

1 — аксонометрия склепа; 2 — свод склепа; 3 — роспись стены напротив входа; 4 — роспись боковой стены. Составитель Е. М. Алексеева

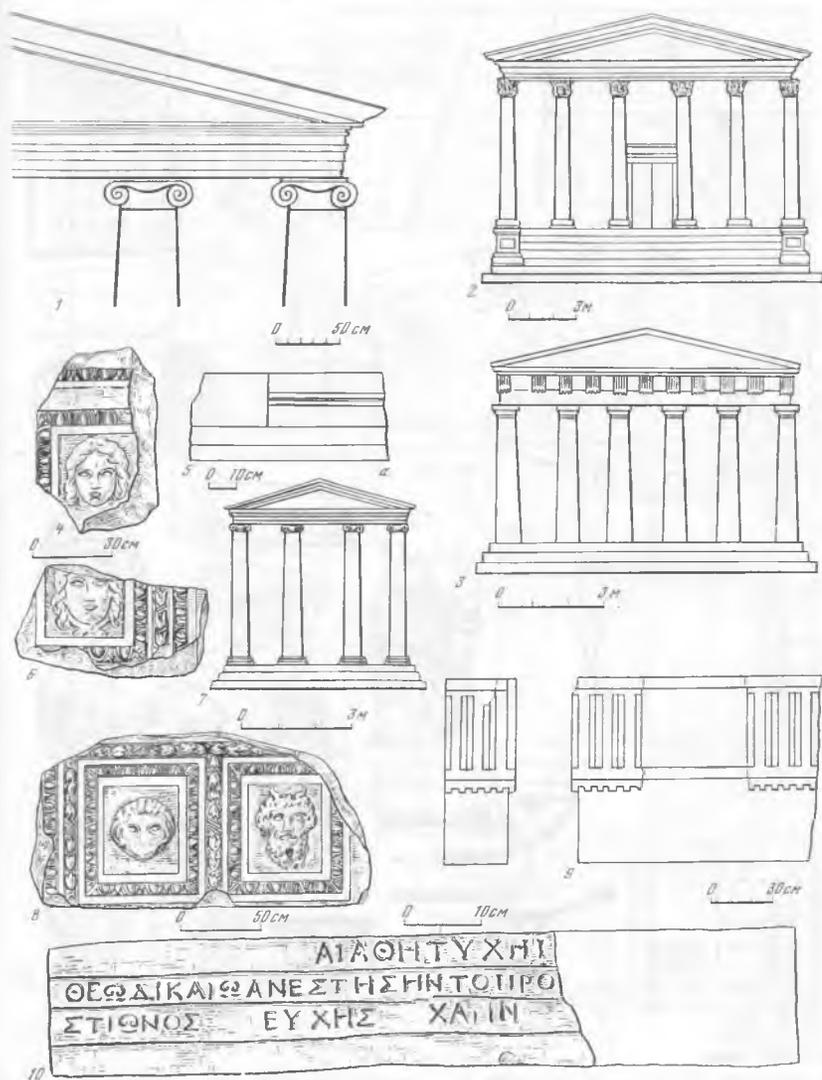

Таблица XLIII. Архитектура Горгинии

1 — восстановление фрагмента фасада здания понийского ордера; 2 — реконструкция храма коринфского ордера 1—II вв. н. э.; 3 — реконструкция храма дорического ордера IV—III вв. до н. э.; 4, 6 — кассеты с горгинойном (4 — из Фрифтажа, 6 — из раскопок Аванья); 5 — фрагмент ионического антаблемента; 7 — реконструкция храма понического

ордера II—I вв. до н. э.; 8 — блок с двумя кассетами (изображения Силена и Пава) из Гай Кодзора (Апальский район); 9 — фрагмент дорического антаблемента; 10 — фрагмент полического архитрава с посвящением «Богу высочайшему». Составитель В. К. Голенко по материалам Е. А. Савостина (Савостина Е. А., 1980)

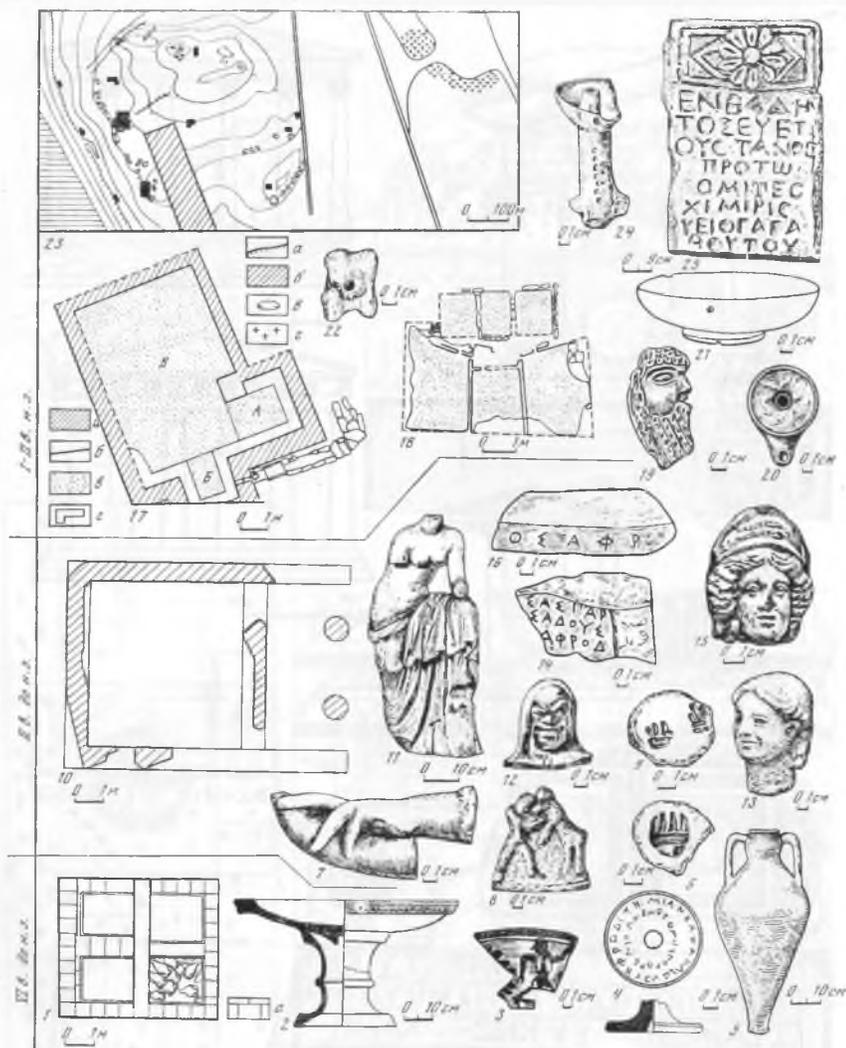

Таблица XLIV. Кесты

1 — план архаического дома; 2 — жертвенное блюдо; 3 — фрагмент расписного открытого сосуда VI в. до н. э.; 4 — ножка килика с граффито (нижняя плоскость, профиль); 5 — амфора VI в. до н. э.; 6 — кийло женской мастерской; 7 — мраморная женская рука с рогом изобилия; 8 — терракота — мальчик с козлом; 9 — клеймо кеспской мастерской, навершие крышки леканы; 10 — план фундамента святилища II в. до н. э.; 11 — мраморная статуэтка Афродиты; 12 — фрагмент ручки сосуда с изображением комической маски II—I вв. до н. э.; 13 — голова Курсоса VI в. до н. э.; 14 — мраморный постамент с посвящением Афродите; 15 — тер-

ракота — голова Афродиты I в. до н. э.—I в. н. э.; 16 — фрагмент мраморного жертвенного блюда с надписью; 17 — план терм I в. н. э. (а — фундаменты терм, б — мраморная облицовка, в — цементавый пол, г — скамья на цементах); 18 — венокделья I в. н. э.; 19 — костяная пластина в виде головы Силова, андлцианци мебели I в. до н. э.—I в. н. э.; 20 — светильник I в. н. э.; 21 — краснолаковая миска; 22 — игральная кость — астрагал; 23 — план городища и некрополя Кен; а — береговой обрыв; б — поселок с огородами; в — ямы; г — некрополь Кен; 24 — светильник III—IV вв. н. э.; 25 — позднеантичное подрабие. Составитель О. Н. Усачева

ЧАСТЬ I. ГОРОДА, ПОСЕЛЕНИЯ, НЕКРОПОЛИ

	Труположение				Сожжение	Инвентарь
	В земляных ямах, саркофагах, могилках	В надгробных могилках	В земляных склепах	В сосудах		
1-III вв. н.э.						
III-IV вв. н.э.						
V-VI вв. н.э.						

Таблица XLV. Некрополь Кеп
Составитель П. П. Сорокина

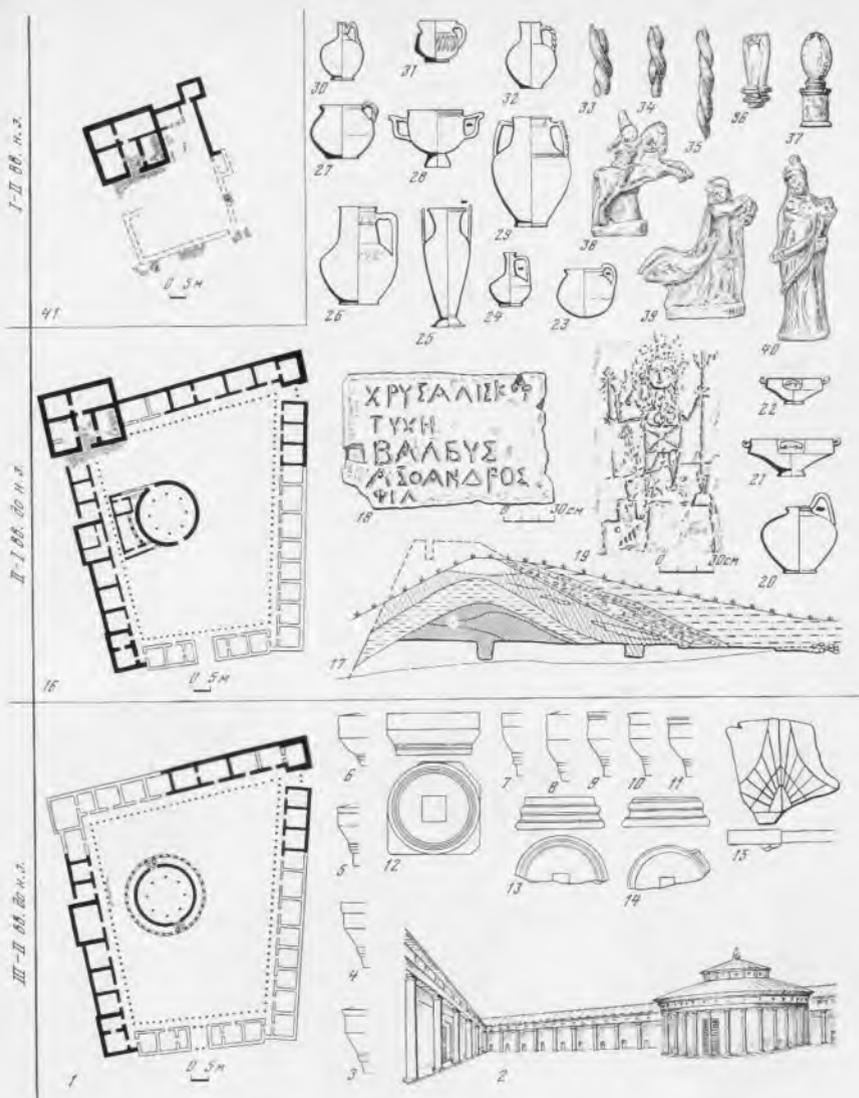

Таблица XLVII. Поселение у посёлка «За Родину»

1 — реконструкция плана архитектурного ансамбля и толоса второй половины III — середины II в. до н. э.; 2 — реконструкция юго-западной части перистильного двора и толоса; 3—11 — профили капителей колонн дорического ордера; 12 — дорическая капитель: общий вид и вид сверху; 13—14 — базы ионийского ордера; 15 — фрагмент мраморных солнечных часов; 16 — план архитектурного ансамбля, превращенного

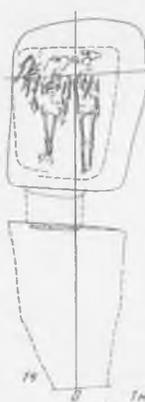
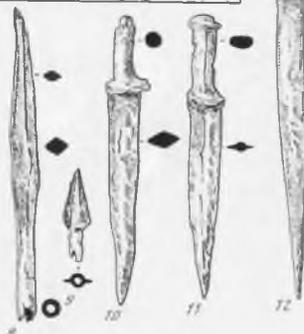
в резиденцию Хрисалиека (конец II — конец I в. до н. э.); 17 — вал. разрез северной части; 18—40 — находки из дома Хрисалиека; 18 — плита с надписью; 19 — изображение на плите; 20—32 — керамика; 33—35 — обрывки веревки; 36—37 — части деревянной мебели; 38—40 — терракоты из домашнего святилища; 41 — реконструкция плана крепости I—II вв. н. э. Составитель Н. П. Сорокина

15

7

14

13

1

0 2 см

5

0 2 см

6

0 1 см

1

0 3 см

2

0 3 см

3

Таблица XLVIII. Тирамба (Пересыпь)

1 — зеркало бронзовое из могилы 106; 2 — скифос коринфский начала V в. до н. э. из могилы 106; 3 — аск начала V в. до н. э. из могилы 144; 4, 5 — миски V в. до н. э. из могилы 149; 6 — скифос чернолаковый V в. до н. э.; 7 — кувшин красноглиняный из склепа 78 II в. до н. э.; 8—12 — железные мечи, копья, наконечники копья и стрелы VI — начала V в.

до н. э. из могилы 95, 88, 145; 13 — сероглиняный сосуд из склепа 78 II в. до н. э.; 14 — план склепа 78 (а — раскопы на территории некрополя; б — раскопы на городище); 15 — схематический план расположения раскопов. Составитель А. К. Коровина

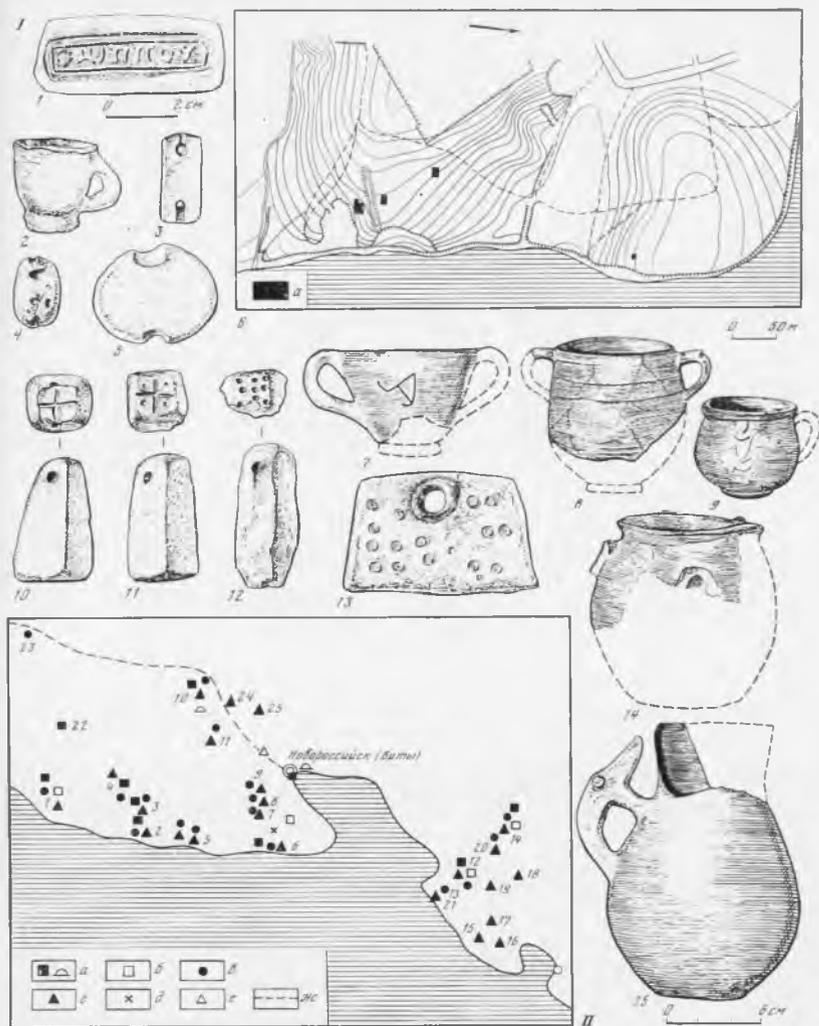

Таблица XLIX. Поселение на Малой земле (Мысхако) I.

1 — клеймо на ручке амфоры; 2 — лепная кружка; 3, 4 — глиняные грузила; 5 — каменное грузило; 6 — схематический план поселения (а — роскошные участки); 7 — сероглиняный кифар; 8 — краснолаковый сосуд; 9 — коричневолаковый сосуд; 10—12 — глиняные грузила; 13 — керамическая плитка; 14 — ледшой горшок; 15 — сероглиняный горшок. Поселения и могильники античного времени и районе Новоросийска и Гелсиджика II. 1 — Дюроэ; 2 — Южная Озерейка; 3 — Северная Озерейка I; 4 — Северная Озерейка II; 5 — Широкая Балка; 6 — Мысхако I (Малая земля) и Балка; 7 — Мысхако II; 8 — Мысхако III; 9 — Мысхако IV; 10 —

Владимировка; 11 — Борисовка; 12 — Кабардинка I; 13 — Кабардинка II; 14 — Виноградный; 15 — Ашамба I; 16 — Ашамба II; 17 — Ашамба III; 18 — Ашамба IV; 19 — Ашамба V; 20 — Дооб I; 21 — Дооб II; 22 — Большие Хутора; 23 — Раевское; 24 — Цемдольское; 25 — Кирилловское; а — поселения и могильники VI—III вв. до н. э.; б — поселения V—IV вв. до н. э.; в — поселения IV—I вв. до н. э.; г — поселения I в. до н. э. — первых веков нашей эры; д — могильник, доследованный В. В. Сизовым; е — случайная находка золотых изделий; ж — предполагаемая граница Боспора. Составитель И. А. Овайко

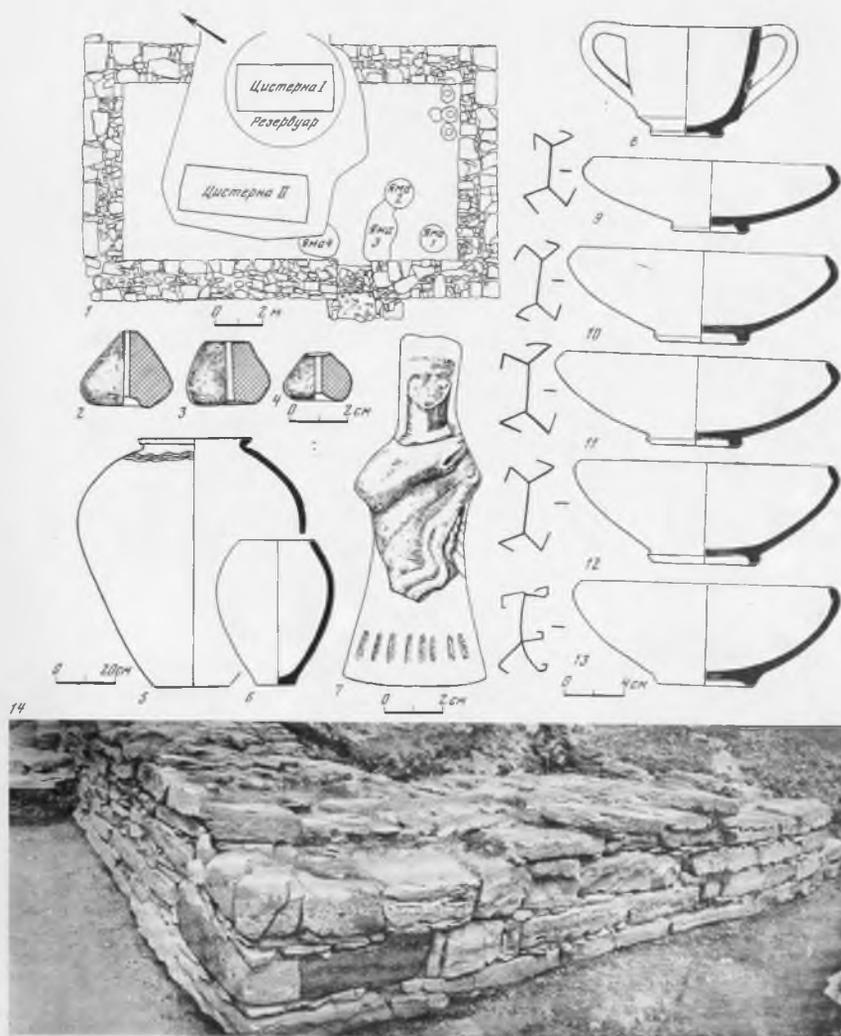

Таблица Л. Владимирское поселение

1 — план здания; 2—4 — глиняные пряслица; 5 — пифос; 6 — леший сосуд; 7 — часть терракотовой статуэтки богини; 8 — сероглиняный навар; 9—13 — сероглиняные миски с там-

гообразными знаками; 14 — юго-восточный угол здания (по материалам раскопок Н. А. Онайко в 1971 и 1977 гг.). Составитель Н. А. Онайко

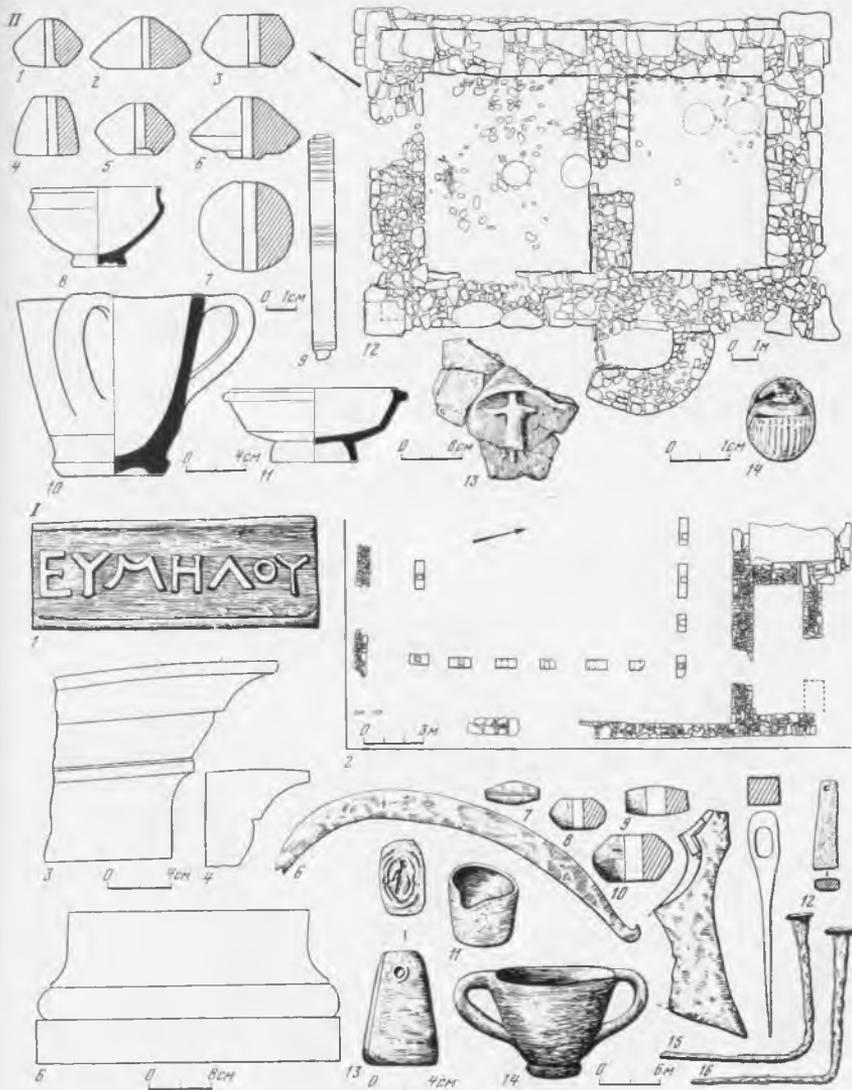

Таблица LI. Раскопки городище в Цемдолинское поселение

1 — Раскопки городище: 1 — склеп на горпиппийской черепице; 2 — план здания; 3 — фрагмент каменной канители; 4 — фрагмент каменного карниза; 5 — база столба; 6 — железный сундук; 7 — сердюковская буса; 8—10 — глиняные пряслица; 11 — глиняная ложка; 12 — точильный камень; 13 — глиняное грузило; 14 — сероглиняный кафар; 15 —

топор; 16 — гвозди. II — Цемдолинское поселение: 1—7 — глиняные пряслица; 8 — красноокаявочная чашечка; 9 — часть веретена (кость); 10 — сероглиняный трехручьева кафар; 11 — простая чашечка; 12 — план здания; 13 — фрагмент лепного сосуда; 14 — скарабей. Составитель Н. А. Оуайко

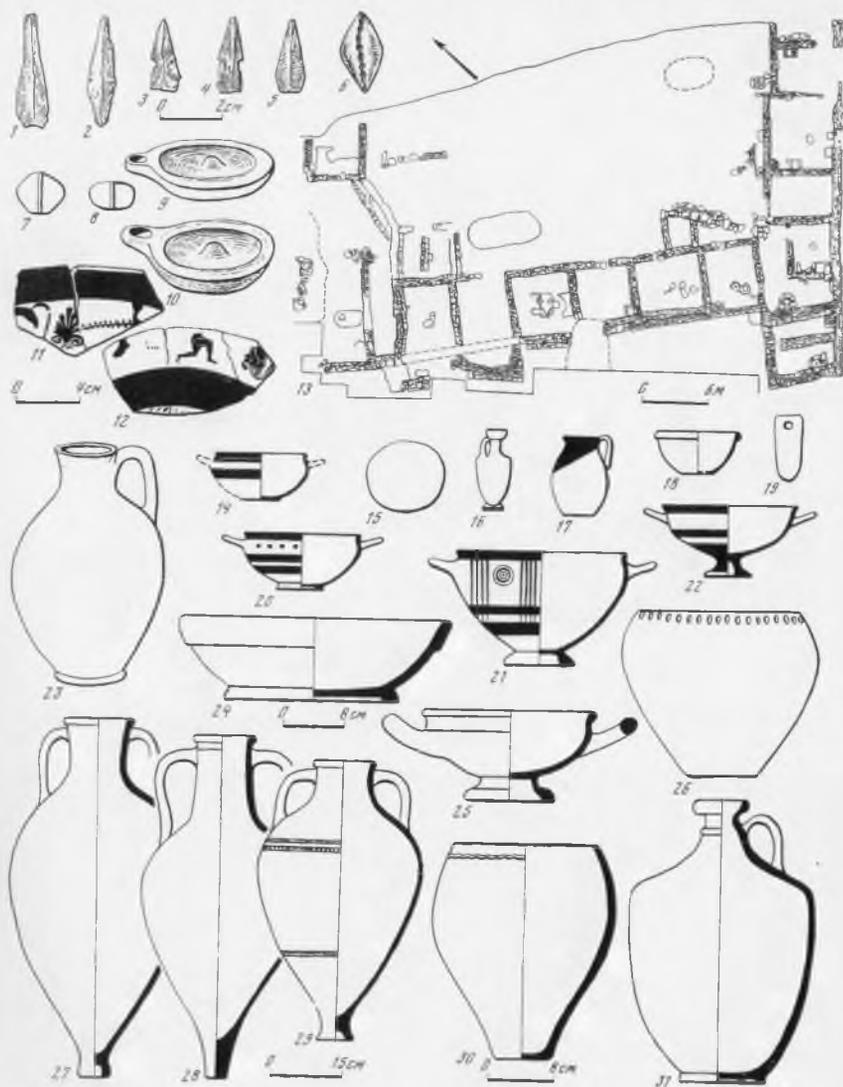

Таблица LI. Торик

1-5 — наконечники стрел; 6 — раковина каури; 7, 8 — глиняные пряслица; 9, 10 — светильники; 11, 12 — фрагменты чернофигурных сосудов; 13 — план здания; 14 — ионийский вилек; 15 — глиняное грузило; 16 — лекиф; 17 — ионийский сосуд; 18 — ионийская чашечка; 19 — точильный камень;

20-22 — ионийские чашки; 23 — ионийский кувшин; 24 — чаша; 25 — черволаковый килик; 26, 30 — лещные горшки; 27-29 — амфоры; 31 — ионийский лекиф. Составитель Н. А. Онайко

Таблица LIII. Таваис

1, 2, 3 — бронзовые статуэтки; 4 — план городища, снятый в 1938 г. Ю. Б. Самылиным с дополнениями Т. М. Арсень

евой; а — раскопы; б — следы прямых траншей и раскопов, в — городские стены. Составитель Т. М. Арсеньева

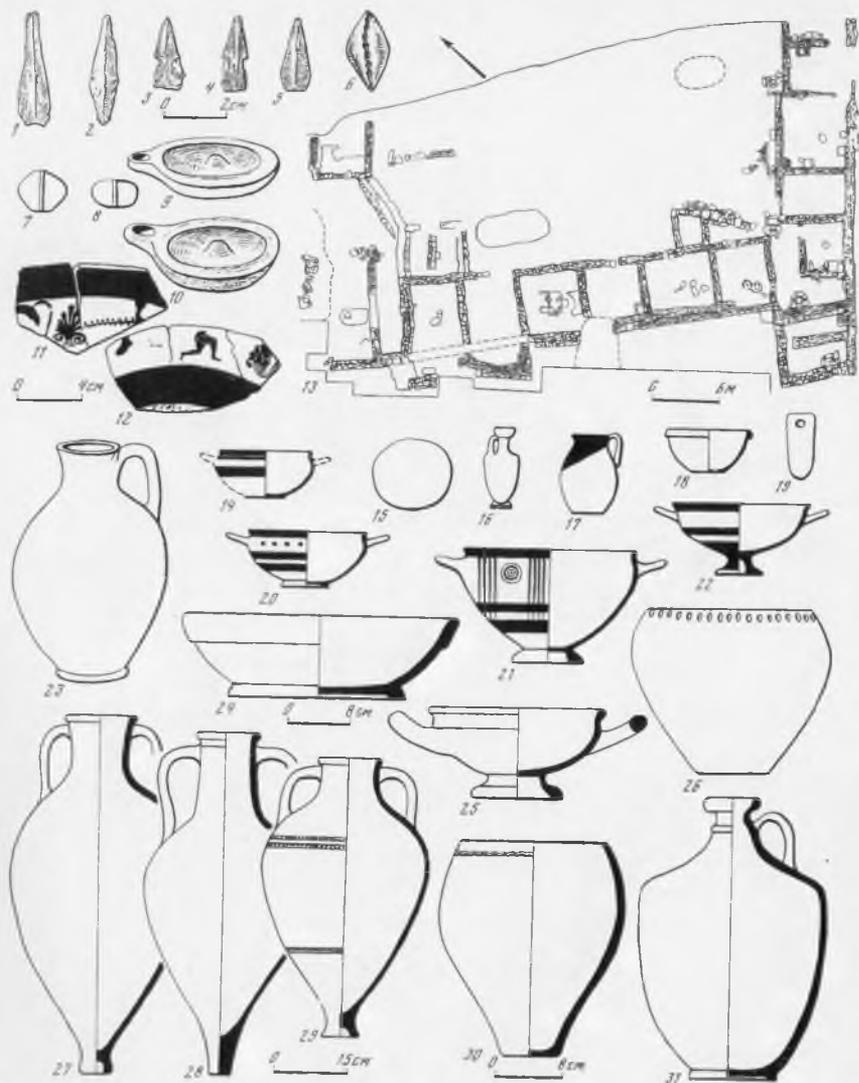

Таблица II. Торик

1-6 — наконечники стрел; 6 — раковина каури; 7, 8 — глиняные фигурки; 9, 10 — светильники; 11, 12 — фрагменты чернофигурных сосудов; 13 — плав адапия; 14 — ионийский клякс; 15 — глиняное грузило; 16 — леккф; 17 — ионийский сосуд; 18 — ионийская чашечка; 19 — точильный камень;

20-22 — ионийские кляксы; 23 — ионийский кувшин; 24 — чаша; 25 — чернолаковый клякс; 26, 30 — земляные горшки; 27-29 — амфоры; 31 — ионийский леккф. Составитель Н. А. Онайко

Таблица I.III. Таванс

1, 2, 3 — бронзовые статуэтки; 4 — план городища, снятый в 1958 г. Ю. Б. Самылиным с дополнениями Т. М. Арсень-

евой; а — раскопы; б — следы прежних траншей и раскопов; в — городские стены. Составитель Т. М. Арсеньева

ЧАСТЬ I. ГОРОДА, ПОСЕЛЕНИЯ, НЕКРОПОЛИ

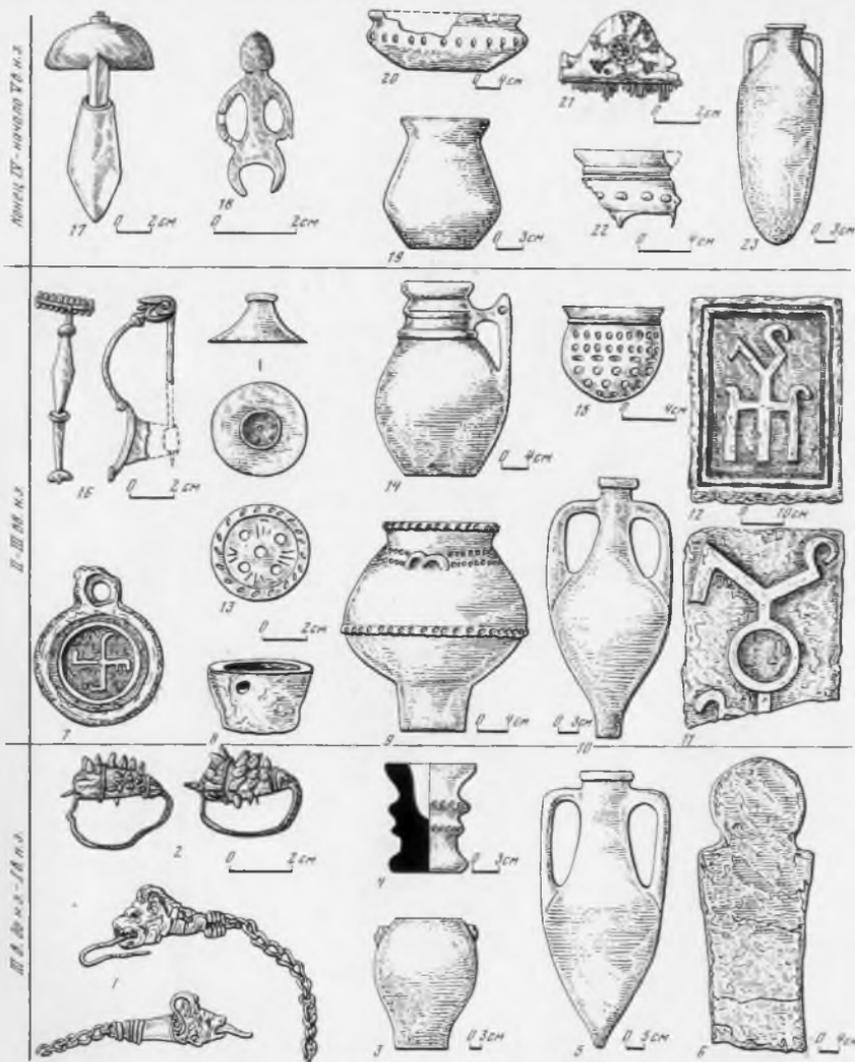

Таблица LIV. Тавиане

1 — цепочка с головками грифона на концах II в. до н. э.; 2 — серьги II в. до н. э.; 3 — лепной горшок, I в. н. э.; 4 — лепная курляница, III—II вв. до н. э.; 5 — родоская амфора II в. до н. э.; 6 — антропоморфное надгробие; 7 — зеркало, II—III вв.; 8 — лепная курляница, II—III вв.; 9 — лепной горшок, первая половина III в.; 10 — светоглиняная амфора, первая половина III в.; 11, 12 — плиты с рельефными тамгообразными знаками боспорских царей; 13 — штамп, первая половина III в.; 14 — серолощенные кубки с зооморфной ручкой; 15 — фиала, первая половина III в.; 16 — фибула,

II — первая половина III в.; 17 — фибула, IV в. н. э.; 18 — блишка, конец IV — начало V в.; 19 — лепной горшок, конец IV — начало V в.; 20 — лепная миска, конец IV — начало V в.; 21 — гробель, конец IV — начало V в.; 22 — фрагмент фиалы, конец IV — начало V в.; 23 — амфора, конец IV — начало V в.
1, 2 — золото; 3—5, 8—10, 13, 14, 19, 20, 23 — глина; 6, 11, 12 — камень; 7, 16, 18 — бронза; 15, 22 — стекло; 17 — серебро; 21 — кость. Составитель Т. М. Арсеньева

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Материальная и духовная культура

Глава шестая

Сельское хозяйство и промыслы

Глава седьмая

Ремесленное производство

Глава восьмая

Торговля

Глава девятая

Военное дело

Глава десятая

Градостроительство и архитектура

Глава одиннадцатая

Культура и религия

Глава двенадцатая

Быт

Глава шестая

Сельское хозяйство и промыслы

В аяпичном обществе сельское хозяйство было основой экономики. В нем было занято подавляющее большинство населения. Об уровне развития сельского хозяйства и об организации сельскохозяйственного производства в античных государствах Северного Причерноморья мы можем судить по письменным и археологическим источникам. Греки, переселившись в Северное Причерноморье, использовали здесь привычные им методы обработки почвы и орудия труда. У них издавна существовала система двуполья. В Херсонесе, отведенная под пашню земля была разделена на две равные части (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 71; *Стрелецкий С. Ф.*, 1961, с. 65). Поля периодически оставляли под паром, меняли культуры, сеяли яровые и озимые. Вероятно, к Северному Причерноморью так же, как и к другим античным странам можно отнести замечание Феофраста (VIII, 4, 6), что яровая пшеница там отличается твердостью, а озимая — мягкостью и легкостью, и что «тамошние жители производят, по-видимому, посев всех хлебов в два срока зимой и весной, когда сеются бобовые». Для повышения урожайности почвы применяли искусственное орошение, террасирование и удобрение. Так у с. Айвазовское, был открыт оросительный канал. На клерах херсонесской хоры, расположенных даже на пологих склонах, почвенный слой укреплялся с помощью подпорных стен, образующих террасы. На Боспоре террасы обнаружены вблизи поселения у с. Семешовки. Для удобрения почвы применяли навоз. Землю перед посевом всахивали с помощью деревянного рала, которое, вероятно, тянула упряжка волов. Изображение рала имеется на папикайской монете III—II вв. до н. э. (табл. LV, 2). Железные параллелики, укреплявшиеся на полосу найдены во многих центрах Северного Причерноморья (*Стрелецкий С. Ф.*, 1961, с. 85; *Кругликова И. Т.*, 1959б, с. 137; *Сокольский Н. П.*, 1963в, с. 189, рис. 7, 1). (табл. LV, 1, 4—7, 9). Все эти параллелики выкованы из брусьев длиной от 24 до 36 см, внизу они уплощены и расширяются в виде лопаточки с острыми краями, сверху сужаются и загнываются в виде шипа для прикрепления к деревянной основе. В 1978 г. в Танаисе был найден параллелик другого типа, выкованный в виде плоского листа, заостряющегося внизу с загнутыми боковыми краями для обхвата острия деревянного рала. Его длина 17 см, наибольшая ширина 8,5 см (табл. LV, 8).

Мы не знаем, были ли в Северном Причерноморье специальные приспособления для переворачивания пластов земли при всахивании паров, хотя в Греции они известны. Для разбивания комков земли после пахоты пользовались колотушами и мотыгами различных размеров и форм (табл. LV, 10—18). Двусторонние мотыги обнаружены на о. Березань и в Ольвии (*Лавин В. В.*, 1966, с. 125); мотыга

IV в. до н. э. с широкой режущей частью и длинной втулкой найдена на усадьбе Панское I (табл. LV, 11). Мотыги другого типа — с заостряющимся в виде треугольника лезвием и утяжеленной верхней частью найдены в Горгипии в слое III—II вв. до н. э. и у хут. Рассвет (I в. до н. э.—I в. н. э.) (табл. LV, 12, 13). У с. Ново-Отрадное и в Горгипии в помещениях III в. встречены массивные мотыги шириной до 30 см с утяжеленной верхней частью и округлым лезвием (табл. LV, 16). Одновременно употреблялись и узкие мотыжки или корнекопалки с втулкой или с загнбающимися краями, их длина до 21,5 см и наибольшая ширина 2,5 см. Они известны в Ольвии, на Боспоре и в Прикубанье (табл. LV, 14, 15, 17) (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 108; *Анфимов И. В.*, 1941, с. 262, рис. 6). Известна одна двузубая мотыга, вероятно, III—IV вв. н. э. высотой 0,38 м из Харакса (табл. LV, 18; *Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 225, рис. 4, 1).

Для уборки урожая пользовались железными серпами и косами. Они найдены во многих центрах Северного Причерноморья (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 110 сл., *Анфимов И. В.*, 1941, с. 262; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 98; *Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 173—176). (табл. LV, 19—32). Их форма и размеры различны. Серп из Киммерика имел втулку для деревянной рукоятки, которая укреплялась специальным штырем. Иногда на тупом конце серпа был шип, забивавшийся в дерево рукоятки как у серпа из Танаиса или конец его загнбался, охватывая рукоять кольцом, как например, у серпа из станицы Елизаветинской. В отличие от серпов, косы имеют более удлиненное и менее изогнутое лезвие, а стержень, к которому прикрепляется деревянная рукоять находится у них под углом от 20 до 35° по отношению к плоскости лезвия. Косы найдены в Пидурате и в Семешовке. Длина их 45—46 см, вместе со стержнем рукоятки. Известны два типа кос: с широким малозогнутым лезвием и закругляющимся, слегка загнутым вверх концом (табл. LV, 27) и второй тип — косы с более узким лезвием и заостренным концом (табл. LV, 26, 28). Скошенные хлеба свозили на ток и молотили с помощью волов, мулов и лошадей, которые ходили по кругу и копьями выбивали зерна из колосьев. Провенное зерно ссылали в зерновые ямы, пифосы или крупные амфоры, иногда, возможно, в каменные лари. В Ольвии в доме II в. до н. э. было найдено не менее 12 пифосов (*Фармаковский Б. В.*, 1906, с. 74, 75). В Семешовке почти в каждом из помещений были каменные лари и крупные амфоры, в одном из помещений зерно хранилось в плетеной корзине, но для длительного хранения использовались зерновые ямы (*Зеев И. Б.*, 1948а, с. 81 сл.; *Бураков А. В.*, 1976, с. 130, рис. 40). Обычно ямы имели грушевидную или колоколообразную форму. У всех ям, кроме

вырубленных в скале, стенки специально обкладывались камнем, обмазывались глиной и обжигались. Иногда ямы были очень большими. В Ольвии известно зернохранилище III в. до н. э. в виде ямы глубиной 6,1 м с диаметром дна 4,4 м. В нее могло уместиться почти 60 м³ зерна (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 130—131). Такими же вместительными были ямы в Квмерике. Их глубина достигала 6,5 м, диаметр два — 4,5 м. В них могло храниться по 76 м³ зерна. Вокруг ямы сооружали небольшую каменную загородку, а устье ее закрывали каменной круглой плитой с отверстием — продухом в центре. Но подавляющее большинство зерновых ям имели глубину 2—3 м. Иногда зерно приходилось подсушивать на глинобитных плитах, покрывавших ячи. Такие печи, приспособленные для сушки зерна, открыты в Танаисе (табл. LVI, 4) и, возможно, в Ольвии (*Леву Е. И.*, 1951, с. 184). В одном из помещений Козырского городища из печи по трубам теплый воздух поступал в специальный отсек, являвшийся зерносушилкой (*Бураков А. В.*, 1976, с. 34).

Просо и другое зерно толкали обычно в каменных ступах, вероятно, деревянными пестами. Ступы высекались из крупных каменных блоков и имели круглое чашевидное углубление — 0,3—0,5 м (табл. LVI, 3). Для притопления муки зерно растирали на каменных жерновах. Наиболее древние и примитивные из них имели вид овального камня, одна из сторон которого была плоско стесана (табл. LVI, 1, 2). Работали другим, значительно меньшим по размерам овальным или круглым камнем, которым водили по жернову. С эпохи эллинизма распространяются более усовершенствованные и крупные ручные мельницы из очень плотного камня конгломерата. Они состояли из двух прямоугольных или круглых плит — верхняя из которых в центре имела отверстие, а часто и конусовидное углубление, в которое засыпали зерно. В лезвие верхней плиты укрепляли рычаг с помощью которого верхний жернов приводили в движение (табл. LVI, 5—10); (*Зеев И. Б.*, 1950, с. 99).

Основными зерновыми культурами были пшеница, ячмень, просо. Кроме того, культивировались чечевица, вика, чечевичеобразная чина и зернобобовые культуры (*Блаватский В. Д.*, 1953а, с. 79). Эти злаки были известны местным племенам и издавна ими выращивались. Часть злаков греки могли привезти с собой из Средиземноморья, как например, гречиху, культивируемую в Херсонесе и, возможно, на Нижнем Дону (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 381; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 77) или полбы, зерна которой и их отпечатки на глине лентных сосудов найдены на Боспоре (*Яковенко Э. В., Янушевич Э. В.*, 1969, с. 163). Рожь в Северном Причерноморье в ранний период являлась сорняком, сопутствовавшим пшенице. Зерна ржи найдены на многих поселениях в слоях VI—III вв. до н. э. обычно в небольших количествах. В первые века нашей эры рожь культивировали уже как самостоятельную культуру на поселениях Нижнего Дона (*Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 76), и, вероятно, в Крыму, где она обнаружена на городище Алма-Кермен (*Щеголя А. П.*, 1976б, с. 120). Среди найденных зерен пшеницы преобладает сорт мягкой. Кроме нее, встречались зерна пшеницы твердой, карликовой и пшеницы двузер-

нянки (полбы). Именно два последних сорта изображены на золотых пантикапейских монетах IV в. до н. э. (табл. LVI, 11, 13); (*Кругликова И. Т.*, 1967а, рис. 36). Феофраст в «Исследованиях о растениях» (VIII, 4, 5) определяет поитийскую пшеницу как легковесную. Он пишет, что яровая пшеница в припонтийских странах, отличается твердостью, а озимая — мягкостью и эта мягкая пшеница очень легковесна. Это совпадает с утверждением Плиния Старшего (XVIII, 66), что самыми легкими из пшениц импортируемых в Рим, являются привозимые из Галлии и Херсонеса. Преобладание мягкой пшеницы в Северном Причерноморье подтверждается находками зерен при раскопках античных поселений. Такое же широкое распространение получила ячмень двузрядный и многозрядный. Его изображения можно видеть на пантикапейских монетах II в. до н. э. (табл. LVI, 12) (*Зограф А. П.*, 1951, табл. XI, 19). Свидетельством широкого распространения этих культур являются находки зерен ячменя, пшеницы, ржи, полбы, проса, чечевицы, гороха при археологических раскопках на многих памятниках Северного Причерноморья (*Зеев И. Б.*, 1961, с. 54; *Флакк-бергер К. А.*, 1940, с. 118; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 95—96; *Яковенко Э. В., Янушевич Э. В.*, 1969, с. 163; *Стржецкий С. Ф.*, 1961, с. 84—85; *Блаватский В. Д.*, 1953а, с. 77, 78, 81; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 76; *Кириянов А. В.*, 1962, с. 96).

Набор хлебных и бобовых злаков в течение более чем тысячелетнего существования античных государств в Северном Причерноморье существенно не изменился. Внедрение возможно, что там культивировали также коноплю. По свидетельству Геродота (IV, 74), в Скифии роста конопля, похожая на лен, но значительно превосходящая его по толщине и высоте.

Огороды и сады. Огороды были обязательной частью земельных участков, особенно расположенных вблизи крупных городов. По археологии пока не дает нам возможности охарактеризовать огородные культуры, выращиваемые в Северном Причерноморье. Геродот (IV, 17) сообщает, что каллинды и алаоны выращивали лук и чеснок. Феофраст (VII, 13, 8; IX, 13, 2) упоминает о сладких луковичах, растущих в Херсонесе Таврическом, т. е. в Крыму и о сладком «скифском корне», который рос около Меотиды. При раскопках некрополя Херсонеса в могилах обнаружили семена огурцов, арбузов и дынь (*Стржецкий С. Ф.*, 1961, с. 86, 203; рис. 60). Обязательной частью античной сельской усадьбы были также и сады. О наличии садов на Боспоре можно судить по названию одного из его городов, основанных в конце VI в. до н. э. — «Келлы», т. е. сады или сад. Из сочинений древних авторов мы узнаем о некоторых видах фруктовых деревьев, культивировавшихся на Боспоре. О смоковницах и гранатовых деревьях, которые росли на Боспоре около Пантикапея упоминает Феофраст (IV, 5, 3), он говорит также о том, что там много груш и яблонь различных сортов и хорошего качества. Аналогичные сведения приводит и Плиний (XVI: 137).

Находки косточек фруктовых деревьев (альчи и черешни или вишни) на таврском поселении Ху-Ваш начала I тысячелетия до н. э. (*Стржецкий С. Ф.*, 1961, с. 80) и свидетельство Геродота (IV, 109) о садоводстве у гелонян, позволяют пред-

подожить, что в Северном Причерноморье еще до прихода греков были местные виды плодовых деревьев (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 35). Нет сомнений, что греки — искусные садоводы, умевшие выводить новые сорта фруктов с помощью прививки и превращать дикорастущие сорта в садовые, на новых землях,ряду с хлебопашеством и виноградарством, занимались также и садоводством. Сохранились яблоко, косточки сливы-альчи, груши, айвы, обуглившиеся плоды смороквицы, миндаля, каштана, грецкие и лесные орехи неоднократно находили при раскопках (*Фляксбергер К. А.*, 1940, с. 118; *Дирин А. А.*, 1896, с. 127; *Петерс Б. Г.*, 1965, с. 125; *Сокольский П. И.*, 1967б, с. 114, рис. 43, 5; 1971, с. 23).

На некоторых клерах жителей Херсонеса фруктовые сады занимали примерно 1/5 или 1/7 доли всей площади земельного участка. Они обычно располагались с северной стороны от виноградников, образуя как бы ветрозащитную полосу. Исследования участков внутри херсонесских клеров позволили С. Ф. Стрелецкому выявить два способа посадки фруктовых деревьев: в канавки и ямы. Оба способа были известны в Средиземноморье. В Херсонесе при посадке канавками полерек склонов закладывались траншеи глубиной до 1 м, шириной до 1,5 м. Между двумя траншеями на полосе шириной около 1 м складывались куски выщупой скалы, образуя платящую ступу. Отступая 2 м, сооружалась следующая пара траншей. Таким образом, между платящими стенами были пятиметровые полосы, по сторонам которых в шахматном порядке высаживались деревья на расстоянии 6 м одно от другого вдоль канавы. При посадке деревьев в ямы между ними тоже выдерживались промежутки по 5—6 м.

На поселениях Боспора и в Херсонесе находили железные садовые или виноградарские ножи, иногда удлинненные как в Семепове или у хут. Рассвет (табл. LVII, 6, 10), иногда очень короткие, слабо изогнутые, укреплявшиеся на длинной деревянной или металлической рукоятки, тина мirmekийского (табл. LVII, 7) или ножей IV в. до н. э. из Кеп (табл. LVII, 1), иногда промежуточной формы. В Херсонесе был найден железный нож виноградари III—II вв. до н. э. длиной 23 см с длиной лезвия 16,2 см, толщиной 0,3 см, с выступом в виде топорища (табл. LVII, 4). Виноградарский нож обнаружен в большом доме III в. до н. э. на поселении у санатория «Чайка» под Евпаторией (табл. LVII, 2). С уверенностью разделить ножи на виноградарские или садовые трудно. Для обрезания веток фруктовых деревьев и виноградной лозы могли применять инструменты одинаковой формы. Их хорошо заостренными концами можно было также делать надрезы при прививках деревьев. Формы виноградарских или садовых ножей, найденных в Северном Причерноморье, имеют прямые аналогии среди садовых инструментов из Средиземноморья (*Petrie F.*, 1917, табл. VII, IX).

Виноградарство и виноделие. Аптывые авторы сохранили нам сведения о суровом климате Северного Причерноморья, из-за которого там плохо растет виноградная лоза (*Страбон*, II, 1, 46; VII, 3, 13). Однако в Ольвии, а особенно в Херсонесе и на Боспоре найдены бесспорные следы широкого

развития виноградарства и виноделия. На монетах Нимфея в последней четверти V в. до н. э. появляется изображение виноградной лозы, что, возможно, связано с распространением виноградарства, так же как и появление в III—II вв. до н. э. изображения виноградной грозди на монетах Фанагории и Тирис (*Зограф А. П.*, 1951, табл. XXVIII: 117; XXXIX, 6). Как уже указывалось, при раскопках неоднократно находили косточки винограда. Наиболее ранние такие находки обнаружены на Боспоре в Мирмекии, Тиритаке и Фанагории в слоях V—IV вв. до н. э., а в слоях первых веков нашей эры на поселении Батарейка II, Михайловка, Мирмекий. В Херсонесе косточки винограда были найдены на клере 25 в слое III—II вв. до н. э. (*Фляксбергер К. А.*, 1940, с. 118; *Негуль А. М.*, 1960, с. 114). В Северном Причерноморье первоначально культивировались местные мелкие сорта винограда, а в начале патей эры в результате отбора и завоза из Греции появляется виноград с более крупными семенами и ягодами (*Негуль А. М.*, 1960, с. 114).

Развитие виноградарства вело к собой и развитию виноделия. Однако изготовление вина специально для продаж, вряд ли было развито в ранний период. О развитии виноделия свидетельствует наличие в Херсонесе и на Боспоре местного производства остроногих амфор, которые служили для транспортировки вина. О распространении виноделия говорит и популярность культа Диониса. При раскопках Ольвии, Херсонеса и на Боспоре были найдены винодельни — оцментированные или каменные площадки для выжимания виноградного сока ногами, камешные тараны и цистерны — резервуары, куда этот сок стекал. В Ольвии, по-видимому, виноделие было развито меньше, чем в Херсонесе и на Боспоре. Самые ранние винодельни, открытые в Ольвии, относятся лишь к I в. н. э. (*Левч Е. И.*, 1958б, с. 38).

Судя по количеству виноделен, найденных на Боспоре, районами наибольшего распространения промышленного виноделия были Таманский полуостров и восточная часть Керченского полуострова. Надо полагать, что разведением винограда занимались главным образом на землях, расположенных поблизости от греческих городов, по-видимому, находившихся в пределах городских хор. Несмотря на интенсивный ввоз вина из Средиземноморья, роль виноградарства и виноделия в экономике североприморских государств была достаточно большой.

По сообщению Страбона виноградные лозы на Боспоре зимой засыпали землей, следовательно можно предположить, что там культивировались особые стелющиеся сорта винограда (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 353). В. Ф. Гайдукевич обращает внимание на изображение виноградного куста на каменистом саркофаге I—II вв., найденном в окрестностях Керчи (*Шкорни В. В.*, 1904, с. 151, табл. XI). Художник изобразил на стенке саркофага несколько виноградных лоз, расходящихся в разные стороны, при этом самые большие лозы почти стелются на земле.

Благодаря раскопкам херсонесских клеров нам хорошо известно, как в Северном Причерноморье устроили виноградники, какого размера делали ямки для виноградных кустов и каковы были про-

межутки между кустами (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 72). Удалось выяснить, что из-за близости выхода скального грунта в Херсонесе для посадки дозы создавался искусственный почвенный слой, делались плантажи, сооружались террасы, открытые солнцу. Для защиты их от ветра устраивались заграждения из фруктовых деревьев. На участках, где были виноградники, сохранилась система ям, специально вырубленных в скалистом грунте в строго симметричном порядке для высадки саженцев винограда. В Северо-Западном Крыму удалось открыть клеры, сходные с херсонесскими в районе Прекрасной Гавани (*Щеглов А. И.*, 1971, с. 71). Там местами, где почвенный слой был недостаточен, замечены следы плантажа, там же, где он имел достаточную для посадки толщину, плантаж не применялся.

У мыса Ойрат к западу от с. Морское на берегу моря открыт сельскохозяйственный участок III—II вв. до н. э. с виноградником площадью 3,5 га. Параллельные каменные плантажные стенки делили виноградник на длинные участки шириной по 2 м каждый. Кроме того, обнаружен длинный садово-виноградный участок шириной 5 м (*Щеглов А. И., Маликов В. М.*, 1963, с. 36—37).

На Боспоре в районе с. Октябрьское в 6 км к западу от Керчи был исследован участок, расположенный на южном склоне небольшой возвышенности, где были обнаружены углубленные в материк — твердый глинистый грунт, ямки диаметром около 0,4 м, возможно, от виноградных кустов. Неподдалеку, на северной окраине с. Партылазы была открыта винодельня (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 360 и 369—371), находившаяся внутри участка, обнесенного каменными стенами.

Единственная полностью раскопанная боспорская усадьба эллинистического времени с тремя винодельнями расположена у Солдатской слободки между Мирмекем и Паитиканеом. Виноделие было, по-видимому, основным хозяйственным профилем этой усадьбы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, б, с. 359, 367—369, 380). Одна из виноделен, функционировавшая в III в. до н. э., имела давящую площадку и цистерну, две другие, более поздние — по давящей площадке и по две цистерны. О размерах винодельни в этой усадьбе говорят объемы цистерн, куда стекал выжатый на площадке сок. Две из них, функционировавшие одновременно в III—II вв., до н. э., вмещали по 7000 и 8000 литров (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 367 и 369). В. Ф. Гайдукевич изучил боспорские винодельни и выделил различные их типы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 355). Позднее были открыты новые винодельни в Паитикане (*Марченко И. Д.*, 1962а, с. 315 и сл.), Фанагории (*Кобылина М. М.*, 1959а; *Долгоруков В. С.*, 1976), Горгишии (*Салов А. И., Смирнова Т. М.*, 1972, с. 55 сл.), Кепах и других пунктах зяатского Боспора (*Сокольский И. И.*, 1970). Наиболее ранние винодельни, относящиеся к IV в. до н. э., были обнаружены Н. Л. Грач в Нимфее. На территории зяатского Боспора самой ранней пока является винодельня I в. н. э. в Кепах. По-видимому, на Боспоре виноделие получило особенно большое распространение с конца IV в. до н. э.

Все винодельни можно разделить на две группы: более примитивные, состоящие из одного тарапана

и сосуда, в который стекал сок или из одной давящей площадки и одной цистерны для отжимаемого сока виноградного сока (табл. LVII, 12, 13; LVIII, 1, 2, 10—14) и более усовершенствованные с прессом тарапаном, с несколькими давящими площадками, и с несколькими цистернами (табл. LVII, 14—23; LVIII, 3—5). Винодельни первой группы в Северном Причерноморье характерны для эллинистического периода, хотя не исключено, что для домашнего производства вина, рассчитанного на удовлетворение нужд только обитателей усадьбы, могли применять небольшие каменные тарапаны для деревянных корыт, вплоть до конца античного периода. Виноград давили ногами, а оставшуюся мезгу дополнительно отжимали в мешках или корзинах, при этом могли прибегать к помощи рычагов и прессов. В Херсонесе известны винодельческие давящие обеих групп (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 114—124).

Рычажные прессы в Северном Причерноморье для выжимания мезги применялись еще в III—II вв. до н. э. В херсонесских усадьбах клеров 9, 26 и др., относящихся к концу II в. до н. э. и к первым векам нашей эры, находили крупные каменные типы прессов, помещавшиеся в специальных ямах (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, рис. 123; *Кругликов И. Т.*, 1975а) (табл. LVII, 7). На Боспоре рычажные прессы с каменными гирями распространяются в I в. до н. э. (табл. LVIII, 6—9, 15—17). В Греции рычажные прессы с навиными гирями применялись для выжимания оливкового масла и, вероятно, винограда еще в VI в. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а). Около середины I в. до н. э. в Италии входит в употребление описанный Плинием (XVIII, 317) рычажно-штоповый пресс. Боспорские винодельни заимствовали его уже в I в. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 403). Однако в течение некоторого времени наряду с прессом продолжали использовать и более примитивные способы отжима мезги. Так, например, в Кепах в 1960—1961 гг. была открыта большая винодельня I в. н. э. с тремя цистернами, тремя большими и тремя маленькими давящими площадками без следов прессы.

Раскопками было открыто большое число боспорских виноделен I—IV вв. н. э. Все они относятся ко второй группе виноделен и рассчитаны на производство вина для продажи. По конструктивным особенностям их можно подразделить на три типа. К первому типу принадлежит винодельня с тремя расположенными рядом давящими площадками, к которым примыкали три резервуара. Наиболее полное представление о первом типе дают винодельни I в. н. э. в Кепах (табл. LVII, 17) и две хорошо сохранившиеся винодельни Тиритакси III и III—IV вв. н. э. (табл. LVII, 21; LVIII, 3—5). Размеры тиритакских виноделен несколько меньше (около 5,5×10 м). Номенклатура ош в зданиях. В тиритакских винодельнях на средней площадке находились давящий пресс, а на боковых площадках виноград давили ногами. Резервуары для сбора сока вмещали от 1,5 до 2,1 м³ жидкости. Таким образом, всего в трех цистернах каждой из этих виноделен могло поместиться почти 6000 литров сусла. Дно резервуаров было паклонным и в нем имелись округлые углубления. С давящих площадок в резервуары выдавленный сок отводился через speciali-

ные сливы, каменные или керамические, вделанные в кладку стенок цистерн. Площадки для рычажно-прессовой гири расположены на 1—1,5 м ниже уровня давильных площадок, а гиря состоит не из одного, как ранее, а их двух камней и значительно тяжелее. К этому же типу можно отнести ольвийскую винодельню 1873 г. (*Леву Е. И.*, 1958б, с. 35), херсонесскую и тиритакскую винодельни III—IV вв. н. э. (*Стржемецкий С. Ф.*, 1961, с. 138; *Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 434—Т6) и две винодельни III в. н. э. из Патрея (*Баширов А. С.*, 1937, с. 331) и Пятиколодезную (*Блаватский В. Д.*, 1937б, с. 126) (табл. LVII, 22, 13; LVIII, 5).

Ко второму типу следует отнести тиритакскую винодельню II—III вв. н. э. (табл. LVII, 21) (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 439). Она имела четыре резервуара, вмещавшие 6 000 литров и каналы вместо каменных сливов. К третьему типу принадлежит винодельня, открытая на Темир-горе (табл. LVII, 15) и пантикпейская винодельня II—III вв. н. э. с тремя давильными площадками и с двумя резервуарами емкостью 3,1 и 2,9 м³ (табл. LVII, 20) (*Марченко И. Д.*, 1962а, с. 315). К этому же типу принадлежат также винодельни Нимфея и вторая пантикпейская (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 408, 438).

Скотоводство и птицеводство. Разведение скота было широко распространено во всем античном мире. Крупный рогатый скот применялся в хозяйстве как тягловая сила, мясо и молочные продукты играли важную роль в питании, кожа шла на изготовление обуви и военных доспехов, мелкий рогатый скот, кроме того, давал шерсть для одежды. Лошади были необходимы для войска. Животноводство наряду с земледелием было одной из основных отраслей сельского хозяйства Боспора. О его развитии можно судить по большому числу костных остатков, найденных при раскопках городов и поселений, по предметам домашнего инвентаря, предназначенным для приготовления сыра и молочных продуктов, по специальным загонам и помещениям для содержания скота.

Роль разных видов домашних животных, составлявших стадо, изменялась в различные исторические периоды. В большинстве случаев в стаде Ольвии, городов и сельских поселений Боспора преобладали мелкий рогатый скот. За ним следовал крупный рогатый скот, и на третьем месте находились лошади. Так на поселениях европейской части Боспора в V—II вв. до н. э. в стаде было около 36% мелкого рогатого скота, около 29% — крупного и 20% лошадей. На четвертом месте находились свиньи — около 14,1% всего стада. Меньше 1% составляли ослы. Иначе обстоит дело в первые три века нашей эры. В Ольвии и в ряде городов Боспорского царства изменяется соотношение между мелким и крупным рогатым скотом в стаде. Согласно расчетам В. П. Цалкина, количество крупного рогатого скота увеличивается от 21,1% в V—IV вв. до н. э. до 28,5% в период эллинизма и до 39,1% в первые века нашей эры (*Цалкин В. П.*, 1960). Та же тенденция заметна в Пантикапее и Танаисе (*Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 81). Относительное увеличение количества крупного рогатого скота в стадах городских жителей связано прежде всего с изменением характера

городской жизни, с переселением в них сельских хозяев вместе с их домашним скотом. Однако не во всех городах Боспора даже после этого переселения крупный рогатый скот стал преобладать над мелким. В Фанагории, Киммерике, Мирмекии, Танаисе, при относительном увеличении количества крупного рогатого скота в стадах мелкого рогатого скота. Страбон (VI, 3, 18), стараясь подчеркнуть суровость климата Северного Причерноморья, сообщает, что жители здесь не держат ослов, у быков приходится отпиливать рога, лошади мелкие, а овцы крупные. Действительно, изучение костных остатков показало, что ослы на Боспоре были редки. Вероятно, ослы были завезены в Северное Причерноморье из Греции.

В Илурате, на поселении у с. Семеновка и на других поселениях как в III, так и в III—IV вв. н. э. почти в каждом доме были помещения, предназначенные для содержания скота. Иногда таких помещений было несколько. Обычно они имели вымощенный камнями пол, иногда с небольшими каналами для стока в находившиеся здесь же ямы. Последние чаще всего наполнены золой. В этих помещениях находились ясли для корма и каменные загородки с просверленными отверстиями, предназначенными, вероятно, для привязывания скота. Помещения эти, как правило, отапливались. Отделения, где помещался скот, имели каменные выметки и были отгорожены от второй обычно хозяйственной половины помещения, где была печь, поставленными на ребро каменными плитами-загородками, каменными яслями в виде ларей из каменных плит. Все это находится в полном соответствии с советами Варрона (II, 9, 19 и II, 3, 6) вымачивать хлева для овец и коз камнем, чтобы «нигде в них не застаивалась моча», чтобы «не было ни сырости, ни грязи». Варрон (II, 2, 7) также рекомендует пол помещения, где стоят овцы, «замачивать и делать с уклоном, чтобы хлев легко было вымести и содержать в чистоте». Именно такие удлиненные помещения с каменными полами, имеющими уклон к одной из сторон, были открыты в сельской усадьбе Андреевка Южная. Длина этих помещений 11—14,5 м, ширина 1,5—2,5 м (*Кругликова И. Т.*, 1968, с. 206). В Семеновке обнаружено 12 помещений различных размеров для скота. Самое маленькое из них — 2,4×2 м, а самое большое — 3×6 м. Примерно такие же, но чаще несколько больших размеров помещения для скота были в Илурате (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 69—72). Некоторые дома Илурата имели по три помещения, предназначенные, вероятно, для различных видов домашних животных. Число таких помещений так же, как число голов скота, находилось в прямой зависимости от материального достатка хозяина дома. Даже в самом маленьком помещении для скота на поселении у с. Семеновка могли стоять две коровы или несколько овец, а у большей части домов эти помещения были значительно вместительнее.

По-видимому, на Боспоре, как и в Древней Италии, было два типа оленеводства: отгонное, или пастбищное, и стойловое, или присудебное. Иногда они могли сочетаться. Так, по-видимому, обитатели поселения у с. Семеновка держали часть овец и коз в домах. Но, с другой стороны, возможно, что часть

встречающиеся на Боспоре круглые каменные постройки или ограды, расположенные среди гор и холмов, вдали от поселений, использовались как загоны для скота.

Птицеводство тоже играло определенную роль в сельском хозяйстве, об этом свидетельствуют находки в помещениях и мусорных свалках множества птичьих костей. В могилах иногда находят скорлупу куриных яиц (*Кастаная Е. Г.*, 1959, с. 267). По аналогии со Средиземноморьем можно предполагать, что кроме кур разводили и другие виды домашних птиц.

Рыболовство. Рыбные богатства Черноморского бассейна были хорошо известны грекам. Афиней (VII, 21, 284 с) сообщает, что существовало даже поэтическое сочинение о боспорской соленой рыбе, приписываемое автору IV в. до н. э. Архестрату. О вывозе из припонтийских стран соленой рыбы, которая считалась одним из предметов роскоши, пишет Полибий (IV, 38, 4). Афиней (VI, 109) повторяет рассказ Полибия о легодовании Катона, что некоторые ввели в Рим чужеземную роскошь, покупая за тридцать драхм боценок понтийской соленой рыбы. О вывозе соленой рыбы из Меотиды и о ловле рыбы для соления свидетельствует Страбон (VII, 4,6; XI, 2,4). Он же (VII, 6,2) сообщает о ловле петамид, разношающихся в Азовском море и уходящих затем в Черное, и отмечает (VII, 3, 18) крупные размеры осетров в Керченском проливе, почти равных дельфинам. В херсонесской надписи в честь Феагена сына Дилгена II в. н. э. упоминается специальный рынок для продажи рыбных соусов (*Семенов-Зусер С. А.*, 1947, с. 237).

При археологических раскопках неоднократно находили рыбоасолочные цистерны, пифосы с остатками рыбы, многочисленные орудия рыбной ловли крючки, сети, грузила, поплавы, а также кости рыб, чешую, раковины моллюсков. Остатки рыбных костей и чешуя позволяют судить о составе промысловых рыб. В Херсонесе находят кости камбалы, анчоуса, султанки, кефали, ставриды, осетров, севрюги, стерляди, судака, сазана, сома. Ловили барабулю, скумбрию, проводили лов белуги, кроме того, почти круглый год ловили дельфинов (*Кадеев В. П.*, 1970, с. 6-8). На Боспоре промысловыми рыбами были различные виды осетровых, карповых, окуневых и др. В Мирмекки на дне рыбоасолочных цистерн найдены остатки хамсы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 207), а в Тиритаке — сельди. Около цистерн там были кости осетровых рыб (*Марти В. Ю.*, 1941а, с. 104). В Фанагории в слоях III-IV вв. найдены кости и чешуя севрюги, осетров, лещей, сазана, сомов и судака (*Лебедев В. Д., Ланин Ю. Е.*, 1954, с. 208). В Семеновке на берегу Азовского моря пол одного из помещений был покрыт полуметровым слоем костей и чешуи рыб, преимущественно сазана. Имелись там и кости судака, бычков, тарани и камбалы.

Различны были рыболовные снасти и способы лова. Применяли разнообразные сети: волокуши, ставные сети и паметы (*Тихий М. П.*, 1917, с. 32 сл.). Для лова белуги существовала особая снасть в виде шнура, к которому подвешивались на поперечных бечевах большие рыболовные крючки и

грузила. В Херсонесе в 1895 г. найдены ее остатки — 50 глиняных грузил и 150 больших медных рыболовных крючков. Дельфинов ловили неводами и специальными гарпулами-трезубцами (*Кадеев В. П.*, 1970, с. 8-11). В Фанагории в одном из помещений IV в. лежали две кучки грузил, всего 103 штуки, вероятно, от сложенных сетей. В помещениях III в. в Семеновке обнаружены обугленные фрагменты сетей из крученого шнура, железные и бронзовые крючки длиной от 2 см до 10 см (табл. LIX, 14), куски пробковых и деревянных поплавков, а также различные грузила — глиняные, пирамидальные, уплощенные дисковидные с перехватами из амфорных ручек и грубые каменные (табл. LIX, 2-13).

Остатки рыбоасолочного производства открыты в Херсонесе и на Боспоре. В Херсонесе найдено более 90 рыбоасолочных цистерн, иногда очень крупных размеров, относящихся к периоду от I до VI вв. н. э. На Боспоре — 59 цистерн, датированных от I до IV вв. н. э., известны в Тиритаке, восемь — в Мирмекки, две — в Горгиппи. Для Боспора характерны комплексы, включающие группы цистерн. Сооружение наиболее крупных комплексов рыбоасолочных цистерн относится к I в. н. э. Среди них выделяется комплекс, открытый в 1932-1934 гг. у городской стены Тиритаки. Здесь было обнаружено 16 цистерн, расположенных по четыре в ряд. Возможно, их было и больше, так как последний ряд не раскрыт полностью (табл. LIX, 15) (*Марти В. Ю.*, 1941а, с. 20 сл.). Емкость 16 цистерн достигала 204 м³, что означало возможность одновременной засолки 1600 центнеров рыбы, а учитывая, что оборачиваемость промысла могла быть восьмикратной с помощью этих цистерн можно было бы обеспечить засолку 12 800 центнеров рыбы в год. Их должны были обслуживать не менее 12-15 человек. Для засолки такого большого количества рыбы требовалось около 3000 центнеров соли (*Марти В. Ю.*, 1941б, с. 94).

Но, кроме этого комплекса, функционировавшего вплоть до III в. н. э. и принадлежавшего, вероятно, одному крупному рыбооловецкому хозяйству, к III в. н. э. относятся и другие комплексы рыбоасолочных цистерн несколько меньших размеров. В одном из них было пять цистерн общим объемом 36 м³ (табл. LIX, 16) и еще две цистерны III-IV вв. н. э. вместимостью 27 м³. В 1945 г. были обнаружены еще шесть цистерн общей вместимостью 33 м³, расположенных попарно в три ряда. Расчистили четыре комплекса, в один из которых входят шесть цистерн общим объемом 42 м³, в другой — четыре объемом 29 м³. Еще две группы по четыре и из пяти цистерн вмещали 49 м³. Таким образом, в южной и юго-восточной части Тиритаки в III в. н. э. существовало не менее 48 цистерн, общая емкость которых достигала 477 м³. В них одновременно могли засаливать около 3600 центнеров рыбы. В IV в. н. э. число рыбоасолочных цистерн в Тиритаке, по-видимому, уменьшается.

В Мирмекки также был открыт комплекс из восьми рыбоасолочных цистерн общей емкостью 130 м³, существовавший до III в. н. э. (*Марти В. Ю.*, 1941а, с. 103).

Техника сооружения рыбозасоляющих цистерн довольно однообразна. Стенки вырытого в земле большого котлована обкладывали камешными плитами, дно застилали каменным бутом. Внутри делали перегородки из поставленных на ребро плит. Затем все покрывалось несколькими слоями известкового раствора с примесью толченой керамнки и песка (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 58 (группа В)). Размеры цистерн различны. Глубина их чаще всего 1,7–1,8 м, реже 2,28 м, лишь у двух цистерн она достигала 3,27 м. По-видимому, цистерны, действовавшие до III в. н. э. и разрушенные до начала IV в. н. э., имели над собой черепичные кровли. В плане цистерны квадратные и прямоугольные или почти прямоугольные, лишь несколько из них имели трапециевидную форму (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 60 и 30). Рыбозасоляющие цистерны, открытые в 1960 г. в Горгишии, перестали функционировать в I в. н. э. Время функционирования цистерны, случайно обнаруженной в 1944 г. в Пантакее, неясно (*Блаватский В. Д.*, 1951а, с. 53, № 138).

Можно заметить некоторые различия в видах рыб, вылавливавшихся рыбаками Боспора и Северо-Западного Крыма. В Северо-Западном Крыму на первом месте стоял промысел кефали, меньше вылавливали карасей и камбалы, еще меньше осетров, в небольшом количестве вылавливали скатов. На Боспоре, наоборот, осетровые сорта рыб преобладали наряду с карповыми, окуневыми, сельдью, хамсой и др.

Охота. В античное время она играет лишь подсобную роль как в хозяйстве обитателей сельских поселений, так и у жителей городов. Однако среди костных остатков из античных городов кости диких животных встречаются чаще, чем в деревнях, и представленные ими виды разнообразнее. В. И. Дзюкиш, сопоставив число костей диких и домашних животных, найденных при раскопках античных городов и поселений, пришел к выводу, что охота не играла сколько-нибудь серьезной роли в их экономической жизни (*Дзюкиш В. И.*, 1960, с. 90).

Вероятно, в Северном Причерноморье был распространен еще один вид промысла — пчеловодство. Полибий (IV, 38,4) среди продуктов, вывозимых с Понта, называет и мед. К сожалению, никаких данных о разведении пчел не сохранилось.

Соляной промысел. Наличие соляного промысла в Северном Причерноморье засвидетельствовано древними авторами. Геродот (IV, 53) пишет, что в устье реки Бирисфен собирается в большом количестве соль. Это же повторяет Дион Христом (II, 48), сообщая, что в окрестностях Ольвии много соли и ее покупают жители Таврического полуострова. Страбон (VII, 4, 7) упоминает об озере близ Херсонеса или лимана выше порта Ктенунта, где добывали соль. В античную эпоху в районе Херсонеса было не менее 12 соляных озер, в которых осаждалась соль, главным образом, в летние месяцы. Осевшую соль ломали, затем очищали от ила, промывая, сгребали в кучи и вывозили на лодках. Добытая таким способом соль была темной и требовала дополнительной очистки (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 20 сл.). Вполне возможно, что соль добывали, так же и на Боспоре в межах соляных озерах и лиманах.

Проблемы организации сельскохозяйственного производства. Экономическое значение сельского хозяйства и социальные проблемы его уже неоднократно обсуждались в литературе (*Блаватский В. Д.*, 1953б; *Стржелецкий С. Ф.*, 1961; *Кругликова И. Т.*, 1975а). Одной из сложных и далеко еще не решенных является проблема размеров сельскохозяйственной территории государств Северного Причерноморья. Более или менее ясная картина выявлена только для херсонесского государства. Можно думать, что при возникновении греческих полисов им принадлежали только земли, непосредственно прилегающие к городам. В дальнейшем происходило расширение сельскохозяйственной территории. В случае с Боспором можно предположить, что наряду с сохранявшейся хорошей прежних позиций благодаря завоеваниям появились новые категории земли: 1 — земли, оставшиеся в руках у местных племен и общин, завоеванных Боспором; 2 — царские (или государственные) земли — те земли, которые были конфискованы у этих племен после завоевания. В некоторых случаях территории, занятые греками, в дальнейшем вновь были утрачены ими. Такова была, например, ситуация в Ольвии. Правда, необходимо указать, что концепция значительных земельных владений Ольвии отнюдь не бесспорна. Высказывалась мысль, что поселения на побережьях Днепровско-Бугского и Бугского лиманов, которые считаются принадлежавшими Ольвии, в действительности были заняты племенем каллипидов (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 51–54).

На сельскохозяйственной территории греческих государств располагались сельские поселения различных типов. 1 — Неукрепленные деревни, состоящие из группы домов, отстоящих один от другого на 30–50 м. Это могла быть группа сельских усадеб, принадлежащих гражданам греческих полисов. Но не исключено, что так же строились и деревни, принадлежавшие местному племенному населению. 2 — Укрепленные поселения, более многочисленные, здесь дома теснятся внутри оборонительных стен, привсадебные участки отсутствуют, все обрабатываемые земли находятся вне оборонительных стен (*Кругликова И. Т.*, 1970а, 1973а). 3 — Отдельные изолированные усадьбы виллы, центры крупных земельных падезов. Они могли быть укрепленными и неукрепленными в зависимости от социально-политической обстановки времени их существования. 4 — Неукрепленное поселение рядом с укрепленной усадьбой, что, например, отмечено в Северо-Западном Крыму (*Щеголов А. И.*, 1973, с. 115).

Многообразие типов населенных пунктов свидетельствует о сложности социальной структуры сельского населения. Здесь можно, хотя и в оговорочной форме, предполагать наличие различных категорий населения. Можно думать, что земельные владения, расположенные на клерах херсонеситов, обрабатывались рабами. Наличие же других типов сельскохозяйственных поселений заставляет предположить существование и иных групп сельского населения.

На Боспоре можно предполагать наличие следующих групп сельского населения: 1 — свободные граждане греческих полисов, обрабатывающие свои небольшие участки, в основном собственным трудом.

К этой группе близки, видимо, владельцы небольших участков земли, выделенных из состава царского «домаша». Такова, видимо, была ситуация с каллатийцами, которым царь Евмел, по свидетельству Дводора (XX, 25), предоставил 1000 земельных участков; 2 — сельскохозяйственные рабы, работавшие в крупных усадьбах; 3 — крестьяне-общинники на царских землях, о которых, видимо, говорит свидетельство Полиена (VI, 9, 3). Такие общины в античном мире назывались «свободными». 4 — Зависимые крестьяне-пелаты, о которых свидетельствуют некоторые эпиграфические документы.

Сложность картины усугубляется тем, что с течением времени происходили изменения в типах расселения сельского населения, в чем, по-видимому, нашло отражение не только политические, но и социальные процессы. Однако суть их еще во многом не ясна. Так, на территории Боспора в VI—III вв. до н. э. зафиксировано значительное число неукрепленных деревень (особенно в IV—III вв. до н. э.). На большинстве поселений этого типа жизнь прекращается во второй половине III—II вв. до

н. э. С этого времени широко распространяются укрепленные деревни. Большинство их гибнет в последней трети III в. н. э. (во время готских походов), некоторые доживают до гуннского погрома 70-ых годов IV в. н. э. и лишь на единицах жизнь продолжается позднее. Неукрепленные усадьбы-виллы достаточно широко распространены в IV—III вв. до н. э., а позднее (вплоть до III в. н. э.) типичными становятся укрепленные усадьбы (Гайдукевич В. Ф., 1941б; Кругликова И. Т., 1975а; Петерс Б. Г., 1978; Соколовский П. И., 1976а, с. 90; Крушкова Ю. С., 1968; Алексеева Е. М., 1980). Можно предполагать, что на территории античных государств Северного Причерноморья (как и во всем античном мире) постепенно происходит рост крупного землевладения. Достаточно заметен этот процесс в Херсонесе. Видимо, развитие крупного землевладения имело место и на Боспоре, однако при этом необходимо иметь в виду, что предположение о господстве крупного землевладения здесь в равную эпоху (Жебелев С. А., 1934, с. 596) не подтверждается (Блаватский В. Д., 1953б, с. 45 сл.; Кругликова И. Т., 1975а, с. 157—160)

Глава седьмая

Ремесленное производство

Ремесленное производство было важной отраслью экономики античных государств Северного Причерноморья. К сожалению, источники по этой проблеме достаточно ограничены. Наиболее важны остатки ремесленных мастерских и находки орудий труда ремесленников, меньшее значение имеют данные письменных источников и памятники изобразительного искусства.

Интерес к истории ремесленного производства северопричерноморских античных городов возник в 30-ых годах XX в. Тогда было начато изучение керамических обжигательных печей и их продукции (Гайдукевич В. Ф., 1934а, б, 1935; Граков Б. Н., 1935; 1939а; Книпович Т. Н., 1940б) и были сделаны первые шаги по химико-технологическому изучению керамических изделий (Кульская О. А., 1940). После Великой Отечественной войны были открыты и исследованы новые керамические производственные комплексы в разных античных городах (Худяк М. М., 1952; Вегштейн Р. И., 1958, 1965; Борисова В. В., 1958; Кобылина М. М., 1958, 1966б, 1970а; Кругликова И. Т., 1962в; Сокольский Н. И., 1969б), изучались многие группы керамических изделий местного производства; черепица и строительная керамика (Гайдукевич В. Ф., 1947, 1958в; Мерперт И. Я., 1951; Марченко И. Д., 1952; Сорокина И. И., 1952, 1956, 1961б; Шелов Д. Б., 1954; Кругликова И. Т., 1953а; Берзин Э. О., 1959; Вриштинский Н. Б., 1964; Кобылина М. М., 1972б), глиняные и неглиняные амфоры (Азмеров Р. Б., 1946, 1947; Зеест И. Б., 1952, 1960; Борисова В. В., 1974; Белов Г. Д., 1977), простая и расписная столовая, кухонная и туалетная посуда (Книпович Т. И., 1955а, 1955б; Кругликова И. Т., 1957а; Скуднова В. М., 1957а; Зеест И. Б., Марченко И. Д., 1962; Зайцева К. И., 1962, 1976; Леви Е. И., 1964а; Марченко И. Д., 1967а; Цветаева Г. А., 1972; Вегштейн Р. И., 1975; Алексеева Е. М., 1976). Было выявлено и исследовано местное производство терракоты (Кобылина М. М., 1949а, 1959б, 1961; Вишницкая Г. Г., 1949, 1951; Мезенцева Г. Г., 1956; Леви Е. И., 1959; Пругло В. И., 1974, 1977), рельефных эллиптических сосудов (Блаватский В. Д., 1959д; Лосева П. М., 1962б; Шурган П. Г., 1962) и красноглазковой керамики (Книпович Т. И., 1952; Шелов Д. Б., 1953; Силантьева Л. Ф., 1958б). При исследовании керамики местного производства были применены методы естественных наук (Кульская О. А., 1958; Круг О. Ю., 1960; Богданова-Березовская П. В., Наумов Д. В., Ковчурко Р. М., 1964; Кадеев В. И., Шуменко С. И., 1967). Изучение отдельных керамических производственных комплексов и различных категорий изготавливавшейся керамики подготовило возможность для характеристики гончарного производства отдельных городов по целым районам (Вегштейн Р. И., 1953; Борисова В. В., 1966б; Кобыли-

на М. М., 1966б; Сокольский Н. И., 1969б; Шелов Д. Б., 1973а). Обобщением всего имеющегося материала явился выпуск в 1966 г. САИ — «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». В 50-ых годах началось изучение металлургического ремесла в античных городах. Раскопки остатков мастерских и находки литейных форм позволили получить данные о развитии железоделательного и бронзолитейного производства в Ольвии, Пантикее и других местах Северного Причерноморья (Фурманская А. И., 1953а, 1953б; Фурманская А. И., 1958, 1963б; Шпигельман Ф. М., 1947, 1955; Марченко И. Д., 1956б, 1957б; 1962в, 1971; Пругло В. И., 1965; Фомин Л. Д., 1974; Островерхов А. С., 1975). При исследовании древних металлических изделий, шлаков и пр. применялись анализы металлографический, спектральный и др. (Круг О. Ю., Риндина П. В., 1962; Кадеев В. И., 1963; Кадеев В. И., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д., 1963; Барцева Т. Б., 1974). Ряд работ посвящен исследованию терракоты и ювелирного дела в Херсонесе и на Боспоре (Прушевская Е. О., 1955; Пятыхшева Н. В., 1956; Никулин В., 1957; Харко Л. П., 1961; Онайко Н. А., 1966б; 1974). Из других ремесленных производств лучше исследованы деревообработка, получившая всестороннее освещение в специальных монографиях (Сокольский Н. И., 1971; Кадеев В. И., 1974), и стекловарение, изучение которого стало возможным благодаря открытию остатков стеклоделательных мастерских в Крыму и в Танаисе (Висотская Т. М., 1964; Белов Г. Д., 1965; 1969; Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М., 1966). Отдельные статьи советских исследователей посвящены рассмотрению косторезного (Паливкина М. А., 1940; Кругликова И. Т., 1949, 1957а; Иванова А. П., 1955; Кадеев В. И., 1969а), ткацкого (Гайдукевич В. Ф., 1952г), каменотесного (Блаватский В. Д., 1957а; Карасев А. И., 1959) ремесел в городах Северного Причерноморья. Изучение ремесла в разных центрах Северного Причерноморья позволило написать и общие очерки его развития в некоторых городах и районах (Блаватский В. Д., 1959в, 1961а; Пругло В. И., 1967; Кадеев В. И., 1970) и включить более или менее подробные разделы о ремесленном производстве в общие труды, посвященные экономике и истории античных государств Северного Причерноморья (Гайдукевич В. Ф., 1949в; Гайдукевич В. Ф., 1971; Лавин В. В., 1963, 1966, Шелов Д. Б., 1963, 1972а; Блаватский В. Д., 1964в; Кругликова И. Т., 1966а; Кадеев В. И., 1975).

Железоделательное производство. В античном мире из железа изготавливалось большинство орудий труда, оружие, различные скобяные изделия, строительные детали и пр. Все эти предметы нередко встречаются при археологических раскопках, но теперь часто невозможно сказать, какие из них были

продуктами местного ремесла, а какне импортированы из других центров. Анализы древних шлаков показали использование керченской железной руды в металлургическом производстве Боспора (*Марченко И. Д.*, 1957б, с. 172, 173; *Онайко Н. А.*, 1959, с. 59 сл.; *Круа О. Ю.*, *Рындина Н. В.*, 1962, с. 254). Для Херсонеса можно предполагать употребление местных болотных руд (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 28—30). Ольвийские металлурги могли использовать криворожскую железную руду (*Граков Б. Н.*, 1948, с. 47; 1954, с. 125; *Островерхов А. С.*, 1975, с. 133). Допускается возможность ограниченного ввоза железной руды в Северное Причерноморье из Малой Азии (*Максимова М. И.*, 1956, с. 162).

До поступления в плавильную печь железная руда предварительно обогащалась известью и промывалась. Вероятно, приспособлениями для такой промывки являлись открытые на о. Березани бассейны конца VII—VI вв. до н. э. (*Лалин В. В.*, 1961, с. 28), свидетельствующие о том, что производство железа в этом районе было налажено с самого возникновения здесь античных поселений (*Лалин В. В.*, 1963, с. 37; 1966, с. 137—138). Железо получалось путем непосредственного восстановления из руды в сыродутных печах или домицах. Домицы конца VI—V вв. до н. э. известны в Ягорчицком поселении в низовьях Днепра (*Островерхов А. С.*, 1975, с. 132 сл.; 1976, с. 30, 31). Остатки металлургической мастерской архаического времени открыты в Паптикаее (*Марченко И. Д.*, 1968б, с. 32, 33; 1971, с. 148 сл.). В Тире открыты остатки двух сыродутных печей первых веков нашей эры (*Дмитров Л. Д.*, 1955, с. 116; *Фомин Л. Д.*, 1974, с. 26). В других местах найдены шлаки и готовые крицы. Получаемое в горнах губчатое железо подвергалось затем повторному нагреванию и проковке и в виде криц ставилось сырым для приготовления железных предметов. Выработка железных изделий производилась в кузницах, главным образом, путем ковки. Установлено, что кузнецы работали как в городах, так и в мелких поселениях, о чем свидетельствует открытие остатков сельских кузниц в Сяндице (*Блаватский В. Д.*, 1959в, с. 50). В ряде городов открыты кузницы. Так в ольвийской цитадели римского времени раскопан кузнечный комплекс, состоявший из горна, каменных корыт, инструментов, шлаков, большого числа железных изделий — серпов, ножей и пр. (*Штигельман Ф. М.*, 1955, с. 62—63). В Ольвии же найдены большие кузнечные клещи. Наконечники и клещи, подобные поийским, обнаружены и в Горгипсии (*Круеликова И. Т.*, 1966а, с. 162). Кузнечные зубила первых веков нашей эры обнаружены в Паптикаее (*Марченко И. Д.*, 1971, с. 151—152, рис. 2, 10), в Херсонесе (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 33) и в Танаисе (*Шелов Д. Б.*, 1963, с. 127—128, рис. 9) (табл. LX, 1, 2).

Основным приемом кузнечной обработки железа была ковка, но использовались и другие методы: термическая обработка и закалка стали, сквозная или поверхностная цементация изделий, сваривание железа со сталью для получения изделий повышенной твердости и т. д. Готовые изделия подвергались еще и холодной обработке. Судя по остаткам металлургической мастерской конца VI — начала V в. до н. э. в Паптикаее в раннеантичное время производ-

ство железа не было еще отделено от кузнечной обработки. Все работы по изготовлению металлических предметов могли производиться в одной мастерской (*Марченко И. Д.*, 1968б, с. 32, 33; 1971, с. 148 сл.). В эллинистическую и римскую эпохи железодельное производство получило значительную специализацию (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 37—38), что подтверждается существованием очень развитой терминологии для обозначения профессий (*Blümner H.*, 1887, с. 361 сл.). Впрочем, такая специализация далеко не всегда имела место и вероятно, до конца античной эпохи существовали кузнечно-литейные мастерские смешанного характера (*Шмидт Р. В.*, 1935, с. 288—289; *Штигельман Ф. М.*, 1955, с. 63).

Цветные металлы. Обработка цветных металлов известна лучше железодельного производства. Во всех античных городах из меди или бронзы разного состава изготовлялись некоторые орудия труда, предметы и детали вооружения (наконечники стрел, мечи, копьялы, шлемы, панцири, кнемиды и пр.), детали и украшения конской сбруи, принадлежности одежды и украшения, многие бытовые предметы: стригилы, замки, ключи, зеркала, бритвы, разнообразные сосуды. Из бронзы отливались и скульптура. Некоторые предметы приготавливались из свинца: гири, грузила, приспича, украшения и др. Состав античных бронз довольно разнообразен. Обычно это свинцово-оловянистые бронзы, иногда, особенно в римское время, в них примешивается довольно значительное количество цинка, что позволяет говорить даже об античных латунях (*Кадеев В. И.*, *Солнцева Л. А.*, *Фомин Л. Д.*, 1963, с. 43 сл.; *Барцева Т. Б.*, 1974, с. 26 сл.). Медь для отливки добывалась главным образом из халькоприта или халькозина, свинец — из галенита (*Кадеев В. И.*, 1963, с. 32 сл.; 1970, с. 45—47). Вопрос об источниках цветных металлов для ремесленного производства городов Северного Причерноморья еще не выяснен. Высказывались предположения о поступлении в Северное Причерноморье меди из Криворожья, из Донецкого бассейна, с Северного Кавказа, из Закавказья и из Малой Азии (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 117; *Gajdukevich V. F.*, 1971, с. 130; *Фурманская А. И.*, 1953а, с. 53). Последний источник кажется наиболее вероятным, откуда же мог доставляться и свинец. Медь и свинец поступали в античные города в виде слитков, такие слитки найдены в Херсонесе и Ольвии (*Фурманская А. И.*, 1963б, с. 68; *Кадеев В. И.*, 1963, с. 34, 39; 1970, с. 44). Слитки содержали значительное количество примесей и шлаков, которые должны были удаляться путем рафинирования в плавильных печах.

Основным методом изготовления медных и бронзовых изделий была бы отливка в формах. Металл плавился в специальных плавильных печах, остатки которых открыты в Паптикаее, Ольвии, Херсонесе (*Марченко И. Д.*, 1957б, с. 162; *Фурманская А. И.*, 1963б, с. 61 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 47). Они были высокими, имели цилиндрическую форму. Выше была топка, а сверху вымазывался котел, в котором и производилась плавка. В печь мехами подавался воздух, обеспечивающий высокую температуру горения. В Паптикаее и в других местах найдены обломки глиняных сопел от воздуховодных мехов (*Марченко И. Д.*, 1957б, рис. 2, 5, 6) (табл. LX, 3).

Небольшие порции металла могли плавиться в толстостенных сосудах — тиглях (Марченко И. Д., 1957б, с. 167, рис. 2, 9; Шелов Д. Б., 1963, с. 127, рис. 8). Расплавленный металл разливался в формы при помощи льячек (Блаватский В. Д., 1961а, рис. 15) (табл. LX, 4). Тигли и льячки найдены почти во всех античных северочерноморских центрах.

Большинство мелких бронзовых и медных изделий отливалось в жестких формах. Негативное изображение пучного предмета вырезалось в камне или обломке керамики (табл. LX, 7, 8, 11, 12). Формы могли быть односторонними, когда изделие должно было иметь рельеф или украшение только с одной стороны, но чаще они составлялись из двух половинок, в каждой из которых вырезалась в зеркальном отражении соответствующая сторона будущего изделия. Две половинки формы скреплялись металлическими штфтами (Марченко И. Д., 1956б; 1957б; 1962в; Фурманская А. И., 1958; Пруда В. И., 1965). Расплавленный металл поступал в форму по каналам, прорезанным в одной из половинок форм. Нередко на одной камне или керамическом фрагменте вырезывались контуры нескольких односторонних или даже различных предметов, соединенные между собой каналами (табл. LX, 9, 10; Фурманская А. И., 1958). После застывания металла форма раздвигалась, отливка вынималась и литники, образовавшиеся на месте каналов, обрубались. Несмотря на очень тщательную приговку двух половинок формы, вещи, отлитые в них, легко узнаются по наличию у них литнейного шва, образовавшегося на месте затека металла между половинками форм (Кадеев В. И., 1970, с. 66). Литейные формы найдены в Ольвии, Тире, Херсонесе, Пантикапее, Фанагории, Мирмекии, Танаисе и др. Как правило, это формы для отливки мелких украшений: булавок, браслетов, подвесок, серег, бус и т. п. При отливке крупных бронзовых изделий, предметов сложной конфигурации, художественной скульптуры, изделий, требующих тонкого и сложного рельефного орнамента, применялись формы, слепанные из глины или формочной земли. Формы могли быть либо разъемными, либо цельными, в последнем случае они после отливки разламывались, чтобы извлечь из них готовое изделие. Как правило, отливка в цельные формы велась с утраченной восковой модели, которая оставалась внутри формы и вытравляла при заливке металла. Преимущество этого метода литья, в отличие от литья в многократно используемые жесткие формы, позволяло отливать в форме только один экземпляр изделия, но зато обеспечивало возможность создания литых предметов любой сложной конфигурации и с тонкой орнаментацией.

Литье было основным, но не единственным способом обработки цветных металлов (Кадеев В. И., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д., 1963; Кадеев В. И., 1970, с. 64 сл.). Вышедшие из литейной формы предметы еще нуждались в дальнейшей отделке. Иногда литье применялось только для получения заготовок, например, стержней для изготовления фибул или браслетов, которые потом обрабатывались ковкой (Анброс А. К., 1969, с. 257 сл., табл. VII; Шелов Д. Б., 1972а, с. 95 сл.). При помощи ковки удавалось получать чрезвычайно тонкие листы меди, из которых выделывались рельефные бляхи и сосу-

ды. Литые сосуды встречаются относительно редко. При изготовлении медной и бронзовой посуды, а также для соединения концов колец, перстней и т. д. применялся клепку. Было известно и производство тонкой медной проволоки. Из проволоки изготовлялись фибулы, рыболовные крючки, браслеты. При холодной обработке тонкой листовой меди, кроме зубила, употреблялись, видимо, и ножницы. Наконец, при обработке меди и бронзы применяли штамповку или тиснение при помощи металлических штампов, паяние, позолоту.

Первоначальная обработка железа и меди производилась в одних мастерских. Да и в дальнейшем, как показывают находки остатков мастерских в Ольвии (Шигельман Ф. М., 1955, с. 63), эти ремесла не всегда разделялись. Этому способствовало то, что во многих изделиях (некоторые виды зеркал, бронзовые сосуды с железными ручками и др.) применялись одновременно разные металлы. В то же время существовали отдельные бронзолитейные и кузнечные предприятия. Да и сами мастерские по выделке предметов из цветных металлов могли специализироваться в области какого-нибудь узкого производства — фибул, сосудов и т. п. Остатки таких мастерских открыты в Ольвии, в Пантикапее, в Танаисе и в других местах (Фурманская А. И., 1953б; 1963б; Марченко И. Д., 1957б, с. 162 сл.; Шелов Д. Б., 1972а, с. 326).

Везде, где найдены остатки бронзолитейных мастерских и кузниц, они были размещены в центральных районах городов, среди жилых кварталов, что объясняется, вероятно, большим значением этой отрасли ремесла, а также желанием приблизить мастерские к потребителям, поскольку обычно мастерская была одновременно и лавкой, где ремесленник сбывал свою продукцию.

Бронзолитейные мастерские античных городов Северного Причерноморья снабжали своими изделиями и степные племена Причерноморья. Наиболее ярким примером этого является распространение изделий ольвийских металлургов VI—V вв. до н. э. (крестообразных блях для конской сбруи, зеркал с зооморфными изображениями на ручках) (Фармаковский Б. В., 1914а, с. 27 сл.; Прушевская Е. О., 1955, с. 329 сл.; Капошина С. И., 1956б, с. 172 сл.), хотя Ольвийское происхождение части этих предметов вызывает сомнение некоторых исследователей (Скуднова В. М., 1962, с. 5—27; Овайко Н. А., 1966б, с. 171 сл.). Эти изделия встречаются на огромном пространстве от Прикарпатья до Западной Сибири (Граков Б. М., 1947; Бондарь М. М., 1954; Бондарь Н. Н., 1955). Известны находки в поволжских степях бронзовых фибул, выделывавшихся в первых веках нашей эры в мастерских Танаиса (Шелов Д. Б., 1972в, с. 191, 204 сл.).

Торевтика и ювелирное дело. В античных центрах Северного Причерноморья ювелиры по торевты достигли таких высот мастерства, каких не знала ни одна другая область античного мира (Ростовцев М. И., 1925; Rostovtzeff M., 1922, 1931; Прушевская Е. О., 1955). Это объясняется, вероятно, главным образом тем, что скифская, местская и сарматская знать предьявляла постоянный спрос на изделия античных ювелиров. Ольвийские и боспорские мастера удовлетворяли этот спрос и выделывали драгоценные со-

суды и украшения специально на продажу варварской знати. Большинство изделий северочерноморских торетов найдено в погребениях скифских и сарматских вождей.

Вопрос о том, откуда поступало золото в Северное Причерноморье до сих пор не может считаться решенным. Существовало мнение о чрезвычайном обилии золота в Северном Причерноморье, якобы доставлявшегося сюда с Урала и Алтая (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 118; *Gajdukevich V. F.*, 1971, S. 130). Его ошибочность показал еще А. Л. Бертье-Делагард (*Бертье-Делагард А. Л.*, 1911, с. 2—14). Ввоз золота с Урала и Алтая пока не подтвержден фактическим материалом. Более вероятно доставка золота в Северное Причерноморье из Фракии, Малой Азии или Закавказья (*Манцевич А. П.*, 1950, с. 234—235; *Пятюшева Н. В.*, 1956, с. 8). Серебро, вероятно, доставлялось главным образом афисскими торговцами (*Блаватский В. Д.*, 1959в, с. 51; *Брашинский И. Б.*, 1963а, с. 118—121). Что касается электра (сплав золота и серебра), из которого в архаическое и классическое время изготавливались многие изделия торетники, то он мог получаться искусственным путем, но мог быть и естественным, малоазийского происхождения. В этом случае он скорее всего попадал в Северное Причерноморье в виде клинских электровых статов (*Бертье-Делагард А. Л.*, 1911, с. 97—99).

Обработка драгоценных металлов производилась теми же методами, что и обработка меди и ее сплавов. Плавил металл в тиглях. Основую роль, особенно в ювелирном деле Ольвии играла отливка в жесткие или пластичные формы (*Капошина С. И.*, 1956б, с. 176), применялись такжековка, волочение серебряной или золотой проволоки или нити, холодная обработка. Было известно паяние. Использование этой техники позволяло древним мастерам соединять между собой отдельные детали ювелирных изделий и создавать предметы украшенные сканью, зернью или филигранью (*Онайко Н. А.*, 1966б, с. 166; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 69, 70). Этот прием орнаментации особенно часто употреблялся при изготовлении мелких золотых украшений греческих форм: серег, подвесок, лунниц, амулетов и т. п. Особенно часто драктиковались штамповка и тиснение. Для штамповки употреблялись бронзовые штемпеля, на рабочей торцевой поверхности которых находилось рельефное изображение. Такие штемпеля найдены в Пантыкаее, Тиритаке (табл. LX, 5, 6), Херсонесе (*Гайдукевич В. Ф.*, 1940б, с. 298 сл.; 1949а, с. 119; *Харко Л. П.*, 1961, с. 223, сл.; *Шкулиш В.*, 1957, с. 85—89; *Марченко И. Д.*, 1957б, с. 166 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 51). Мелкий орнамент мог наноситься путем штамповки или клеймения на уже готовые металлические предметы. Но чаще всего эта техника применялась к изделиям, которые изготавливались из тонкого металлического листа или из облицовывались: бляшам, обкладкам поясов, горитов и поясов, портушей и пр., сосудам из золота или серебра. При изготовлении мелких бляшек тонкий лист металла помещался на какую-нибудь сравнительно мягкую подушку (из смолы или свища), сверху к нему приставлялся рабочий конец штемпиля, по верхней части которого бил молотком. Для выполнения более сложных рельефов, напри-

мер, при изготовлении фигурных композиций обкладок горитов, употреблялась другая техника. Рельефное изображение вырезалось на деревянной доске или отливалось в виде бронзовой матрицы, поверх нее клался тонкий золотой или серебряный лист и затем свинцовая пластинка, по которой бил молотком. После того, как на металлическом листе получалось достаточно четкое рельефное изображение, матрица вынималась, по деревянная основа могла быть и оставлена на месте или заменена гипсовой отливкой для предохранения рельефной обкладки от деформации (*Шилов В. П.*, 1961, с. 165 сл.). Детали изображений могли прорабатываться дополнительной чеканкой мелкими штампами и пуансонами, а также гравировкой. Сопоставление деталей одинаковых изделий северочерноморских торетов обнаруживает неоднократное использование штемпелей и матриц, их подправку разными мастерами (*Онайко Н. А.*, 1974, с. 78 сл.). Техника штамповки и тиснения была особенно развита в торетике Боспора в V—первой половине III в. до н. э. Позднее она все чаще заменяется литьем.

Около рубежа III—II вв. до н. э. развивается обычай украшать изделия вставками из драгоценных и полудрагоценных камней, стекла и эмали — возникает так называемый полихромный стиль, получивший особенное развитие в ювелирных изделиях первых веков нашей эры. Необходимость припаять к поверхности изделия гнезда для драгоценных камней и перегородки для эмали очень повысила роль паяния в ювелирном ремесле. Вместе с тем зернь или филигрань в ювелирных изделиях конца эллинизма и первых веков нашей эры нередко заменяются псевдозернью и псевдофилигранью, получаемыми путем холодной обработки — штамповки пуансонами или насечки режущим инструментом (*Капошина С. И.*, 1956б, с. 176).

Примерно с III в. до н. э. распространяется золочение серебряных или бронзовых изделий. Оно производилось при помощи покрытия изделия раствором золота в ртути. О распространении золочения говорит профессиональное выделение особых позолотчиков, засвидетельствованное надписью на ручке бронзового ковша конца II в. до н. э. из станции Мелховской Ростовской обл. (*Лунич В. В.*, 1928, с. 82 сл.; *Семенов А. Ф.*, 1929, с. 47 сл.; *Kalinka E.*, 1932, 1463; *Ельницкий Л. А.*, 1964, с. 116 сл.). Другим способом покрывать металлические изделия более ценным металлом — золотом или электром, было обтягивание (плакировка) изделий тончайшей золотой фольгой (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 71 сл.). Этот прием использовался уже в архаическое время, например, знаменитое келермеское зеркало, плакированное электровым листом (*Максимова М. И.*, 1954, с. 281 сл.) и широко применялся торетам на протяжении всей античной эпохи.

В разных центрах Северного Причерноморья развитие торетники и ювелирного дела шло своими путями. В Ольвии с древнейших времен получила развитие художественная обработка бронзы. Расцвет этого ремесла приходится там на VI—V вв. до н. э., когда Ольвия снабжалась своими бронзовыми зеркалами, деталями конской сбруи и другими изделиями степи Причерноморья. Ольвийские торетты, по-видимому, греки, выделявали бронзовые изделия в скиф-

ском зверином стиле, предназначенные для кочевников (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 329 сл.; *Капошина С. И.*, 1956б, с. 176 сл.; *Онайко Н. А.*, 1966б, с. 167). О том, какие высокохудожественные вещи могли выделывать в это время ольвийские торевты, говорит найденная в Ольвии глиняная форма для отливки женской скульптурной головки (*Моисеев Л.*, 1911, с. 121 сл.), возможно, привезенная из Ионии. С IV в. до н. э. бронзолитейное дело в Ольвии соцветается. Изделия из драгоценных металлов для Ольвии не очень характерны, хотя некоторое количество их, конечно, выделывалось и там, особенно в эллинистическое и римское время. Довольно много в это время производится в Ольвии мелких свинцовых поделок и бронзовых фибул.

Херсонес никогда не был значительным центром металлообработки и ювелирного дела. Херсонесские ювелиры выделывали свою продукцию не на вывоз, а для удовлетворения потребности самих горожан. Это главным образом мелкие украшения (*Лягашева И. В.*, 1956). Наиболее мощным центром античной торевтики и ювелирного дела был Боспор. Находки форм свидетельствуют, что уже в VI в. до н. э. в Пантикапее выделывались украшения из драгоценного металла (*Блаватский В. Д.*, 1954в, с. 29 сл.; 1964в, с. 40). По-видимому, значительные центры торевтики существовали в это время на азиатской стороне Боспора, в Прикубашье (*Онайко Н. А.*, 1966б, с. 169 сл.). Уверенно можно говорить о боспорском, скорее всего пантикапейском, происхождении изделий торевтики, встречающихся в курганах скифской и мекотской знати V—IV вв. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, *Капошина С. И.*, 1951, с. 172 сл.; *Прушевская Е. О.*, 1955, с. 339 сл.; *Онайко Н. А.*, 1970а, с. 22—54; *Gajdukevici V. F.*, 1971, с. 133 сл.). Форма и назначение этих изделий (пандлаки на горты и юзны акшаков, ритуальные сосуды, пекторалы, гривны и т. п.) указывают на изготовление их боспорскими торевтами специально для сбыта кочевникам. О том же говорят и сюжеты изображений: сцены из жизни скифов, или из скифской мифологии. Связь боспорских торевтов с местной этнической средой выражается и в изготовлении блях или обкладок с изображениями животных в скифском зверином стиле (об этих изделиях см.: *Шварц А. Н.*, 1894а, б; *Лалло-Данилевский А. С.*, 1894; *Мальберг В. К.*, 1894; *Фармаковский В. В.*, 1914; *Веселовский П. И.*, 1913; *Ростовцев М. Н.*, 1913, 1914; *Фармаковский М. В.*, 1922; *Манцевич А. П.*, 1949, 1950, 1963, 1964; *Прушевская Е. О.*, 1955; *Онайко Н. А.*, 1966б, 1970а; *Gajdukevici V. F.*, 1971; *Яценко И. В.*, 1971; 1977). В то же время боспорские ювелиры изготавливают и золотые украшения в чисто греческой манере, с применением аэри и филигранны. Таковы многочисленные серьги, подвески, ожерелья, вроде найденных в Большой Ближнице и т. д. (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 344 сл.; *Смирнов К. Ф.*, 1953). Полихромный стиль продолжал развиваться и в первые века нашей эры (*Блаватский В. Д.*, 1964в, с. 188 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 166 сл.). Завершается это направление в развитии ювелирного производства предметами микростационального стиля, происходящими из памятных гунического времени, IV—V вв. н. э. (*Спицин А. А.*, 1905; *Засецкая И. П.*, 1968; 1975).

В первые века нашей эры на Боспоре продолжали изготавливаться и штампованные или литые произведения торевтики из золота и бронзы, в частности, весьма были распространены украшения, создававшиеся специально для погребального ритуала — диадемы, венки, брактоазы, пряжки, наконечники ремней и пр. (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 350). Можно предполагать, что существовали и мастерские, в которых могли создаваться даже крупная бронзовая скульптура. По крайней мере на некоторых боспорских монетах первых веков нашей эры можно видеть изображения конных, несомненно бронзовых, статуй боспорских правителей (*Блаватский В. Д.*, 1964в, с. 185—187). Из дошедших до нас памятных художественного литья следует упомянуть бронзовый бюст царицы Дниампы (*Ростовцев М. Н.*, 1916) и скульптурную золотую портретную маску из гробницы, приписываемой Рескуприду III (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 421).

Мастерские торевтов и ювелиров не были большими (*Лягашева И. В.*, 1956, с. 7). Владельцы боспорских мастерских должны были быть богатыми людьми, располагавшими значительными фондами драгоценного металла. Есть основания предполагать, что эти мастерские находились в прямой зависимости от боспорских правителей Спартокидов или даже принадлежали им (*Блаватский В. Д.*, 1959в, с. 51 сл.; 1964в, с. 68 сл.; *Бригова Н. Н.*, 1971, с. 160). Иногда высказываются предположения, что в ольвийских и боспорских ювелирных мастерских работали не только греки, но и представители северочерноморских туземных племен (*Гайдукевич В. Ф.*, *Капошина С. И.*, 1951, с. 172; *Прушевская Е. О.*, 1955, с. 329, 342; *Капошина С. И.*, 1956б, с. 189; *Онайко Н. А.*, 1974, с. 86). Однако анализ техники и стиля изделий показывает, что хотя торевты и ювелиры и старались приспособить свою продукцию к вкусам варварской знати, для них самих образы скифского погребального искусства были чужды (*Блаватский В. Д.*, 1964в, с. 70). О значительном проникновении негреческих элементов в среду ремесленников-ювелиров можно говорить только в применении к боспорскому ремеслу позднеэллинистического времени и особенно первых веков нашей эры.

Монетное дело. Особой отраслью металлообработки ремесла является монетное дело. Тира Ольвии, Херсонеса, Пантикапей выпускали свою монету на протяжении почти всей античной эпохи, другие города лишь недолго или эпизодически — Берклинтида, Феодосия, Аполлония (?), Нимфей, Фанагория, Сидская гаваль (?), Горгишия (*Зограф А. Н.* 1951). Городские монеты чеканились главным образом из серебра и меди, редко из золота. Технические почти все эти монеты ничем не отличались от большинства эмисий в греческом, а затем в римском мире. Монетные кружки отбивались в формах, следы этой отливки хорошо заметны в виде пятнышек на многих монетах (*Шелов Д. Б.*, 1960а, с. 210; *Харко Л. Н.*, 1964, с. 335 сл.; *Анохин В. А.*, 1974). Затем на кружки посредством чеканки наносились изображения и легенды. В Херсонесе и Ольвии найдены монетные кружки, изготовленные для чеканки и не успевшие попасть под штемпель (*Косюшко-Валожинич Д. Н.*, 1915,

с. 162 сл.; Харко Л. П., 1964, с. 335 сл.). В типологическом и стилистическом отношении монеты античных государств Северного Причерноморья так же следуют общим принципам развития монетного дела в античном мире (см. главу восьмую табл. LXXV—LXXIX).

Только Ольвия дает пример яркого своеобразия в монетном деле. В начале ее истории, в V—IV вв. до н. э. в Ольвии выпускалась крупная медная монета, не чеканявшаяся, а отливавшаяся в двухсторонних формах (табл. LXXV, 4, 5, 8) (Голубцов В. В., 1914, с. 77 сл.; Зограф А. П., 1951, с. 121 сл.; Карышковский П. О., 1959б, с. 220 сл.; 1962, с. 210 сл.; Харко Л. П., 1964, с. 330 сл.; Гилевич А. М., 1972). Использование этой специфической техники было обусловлено тем, что крупные бронзовые кружки не были пригодны для чеканки, они растрескались бы под ударами тиснейки. В это же время в Ольвии осуществлялся выпуск литых денежных явков необычного для античных городов вида, в форме дельфинчиков или стрелок (Голубцов В. В., 1914, с. 68 сл.; Лаут В., 1918, с. 439; Орешников А. В., 1921, с. 222; Скюднова В. М., 1956б, с. 38 сл.; Сальников А. Г., 1957, с. 102; 1959, с. 44 сл.; Харко Л. П., 1964, с. 322 сл.; Траков В. Н., 1968, с. 101 сл.; Марченко К. К., 1974б, с. 154—156).

Однако, уже к середине IV в. до н. э. выпуск всей этой литой меди прекращается и монетное дело Ольвии приобретает облик, обычный для всех греческих полисов (Карышковский П. О., 1969). Монетная чеканка первых веков нашей эры, осуществлявшаяся в Тире, Ольвии, Херсонесе и Боспорском царстве, в техническом отношении соответствовала нормам римского монетного дела. Чеканились монеты главным образом из меди и золота, очень редко из серебра; последний металл широко использовался (как и медь) в качестве лигатуры при постепенной порче золотых статовов боспорской чеканки (Зограф А. П., 1951; 1957; Анохин В. А., 1963; 1977б; Карышковский П. О., 1969).

Керамическое ремесло. Это ремесло было развито во всех античных центрах, не только в больших и малых городах, но и в сельских поселениях. Из глины изготовлялись, кроме посуды, строительные материалы, керамическая тара для хранения и перевозки жидких и сыпучих продуктов, а также грузила, присяльца, терракотовые статуэтки, светильники, предметы культа — жертвенник, курьльницы и пр. В археологической литературе посуду принято делить на лепную, сформованную без применения гончарного круга, и на кружальную или круговую (иногда ее называют еще гончарной), т. е. сделанную на гончарном круге. Ремесленное происхождение кружальных сосудов не может вызывать сомнений, поскольку использование гончарного круга доступно только специалисту-ремесленнику (Сайко Э. В., 1971). Лепная же керамика, как обычно считается, выделялась ее профессионалами, а отдельными хозяевами для использования в своем собственном доме (Кругликова И. Т., 1951, с. 91; Кастанян Е. Г., 1952, с. 249; 1958а, с. 250; 1967, с. 2; Дзис-Райко Г. О., 1959, с. 36). Есть основания думать, что в некоторых случаях, особенно в сельских поселениях, лепная керамика могла производиться и ремесленниками на продажу (Арсеньева Т. М., 1969, с. 174; Щеглов А. Н., 1973а, с. 16).

Ремесленное изготовление гончарной посуды началось в античных городах Северного Причерноморья сразу с момента их основания (Скюднова В. М., 1957а, с. 74 сл.; Блаватский В. Д., 1954в, с. 28, 29; 1964в, с. 83) и продолжалось в течение всей античной эпохи. В то же время постоянно вывозилось большое количество керамики из других центров Причерноморья и Средиземноморья. Выделение керамики местного производства стало возможно благодаря открытию керамических производственных комплексов, находкам бракованной керамической продукции, лаблюдению пад осебностями глины, покрытия, орнаментации и т. п. Что касается форм керамики, то они, как правило, воспроизводят формы посуды, распространенной во всем античном мире.

Гончарная керамика обычно сделана довольно тщательно из хорошей отмученной и промешанной глины, хорошо обожжена в гончарных печах, поэтому черепи ее имеют в изломе как правило красный или желтооранжевый цвет. Поверхность всех этих сосудов обычно тщательно заглаживалась и покрывалась дополнительно жидкой глиной (ангобом) (Кругликова И. Т., 1957а, с. 104 сл.; Кадеев В. И., 1970, с. 109—115; о технологическом исследовании этой керамики см.: Кульская О. А., 1940; 1958; Кадеев В. И., Шуменко С. И., 1967). Уже в VI в. до н. э. северочерноморские керамисты начали выделять художественную расписную посуду — амфорки, ойнохои, клики, блюда — роспись которой повторяла роспись привозной ионийской керамики. Она наносилась черной или красной краской по светлому ангобу. Остатки производства такой расписной посуды открыты в Нимфее, Пантаклее, Фанагории (Шмидт Р. В., 1952, с. 228 сл.; Худяк М. М., 1952, с. 249 сл.; 1962, с. 45; Книпович Т. П., 1940б, с. 164 сл.; 1955а, с. 176; 1955б, с. 376; Скюднова В. М., 1957а, с. 73—75; 1958, с. 100 сл.; Блаватский В. Д., 1964б, с. 33, 34; Марченко И. Д., 1967а, с. 146 сл.; Цветаева Г. А., 1972, с. 21—23). Широко распространяется расписная керамика в эллинистическое время. Боспорские, ольвийские и херсонесские мастера в это время выделяют различные сосуды с росписью красной, серой, голубой, черной красками по светлому фону или белой краской по темному фону. Очень интересной категорией керамики являются изготовлявшиеся в это время на Боспоре и в Ольвии так называемые полихромные или акварельные вазы (Штерн Э. Р., 1910, с. 158 сл.; Книпович Т. П., 1940б, с. 163 сл.; 1941, с. 140 сл.; 1955б, с. 378 сл.; Блаватский В. Д., 1947а; 1953а; с. 274 сл.; Кобылина М. М., 1956, с. 48 сл.; Марченко И. Д., 1966; Зайцева К. И., 1962, с. 184 сл.; 1970, с. 109 сл.; 1976, с. 97 сл.).

С распространением в греческом мире посуды, покрытой черным лаком, такая керамика начинает изготавливаться и в Северном Причерноморье. Здесь она подражает в основном малоазийским образцам и хуже по выделке и по качеству лака, чем средиземноморские изделия (Книпович Т. П., 1935б, с. 144 сл.; 1940б, с. 158 сл.; 1955б, с. 375; сл.; Кульская О. А., 1958, с. 77 сл.). В III—II вв. до н. э.

выделялись и сосуды с рельефными украшениями. Это главным образом так называемые «мегарские чаши» — полусферические сосуды с плоским дном, украшенные по наружной стороне растительными или геометрическими рельефными орнаментами, получающимися путем оттискивания чаш в специальных формах. Такие формы найдены в Пантикее и Мирмекии (*Блаватский В. Д.*, 1947, с. 14; 1959, с. 174 сл.; 1964, с. 125; *Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 34; *Пругло В. И.*, 1967, с. 202; *Посева Н. М.*, 1962б, с. 195 сл.; *Шурвал И. Г.*, 1962, с. 108 сл.). Из Херсонеса происходят формы для изготовления фигурных рельефных медальонов, помещавшихся на дно некоторых эллиптических чашек с внутренней стороны (*Мальмберг В. К.*, 1892, с. 3 сл.; *Книпович Т. Н.*, 1955а, с. 166 сл.). Рельефная эллиптическая черепка покрывалась сверху тусклым серым или коричнево-красным лаком.

С I в. до п. э. в северопонтийских городах начинается выделка обиходной столовой посуды, покрытой красным лаком. Производство этой посуды развивается повсеместно до конца античной эпохи. Наряду с пей в первых веках нашей эры выделяется большое количество посуды, поверхность которой украшена лощенем, либо сплошным, либо образующим орнаментальные полосы, сеточку и т. п. Такие лощеные гончарные сосуды главным образом миски и кубышки, имеют обычно темносерый или «черный» цвет (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 154 сл.). Во все времена керамисты изготавливали глиняные светильники (*Книпович Т. Н.*, 1940б, с. 144 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1957а, с. 133 сл.; 1966а, с. 159; *Зеест И. Б.*, 1957, с. 156 сл.; *Шеглов А. Н.*, 1961б, с. 45 сл.; *Кадева В. И.*, 1970, с. 106 сл.; *Ветштейн Р. И.*, 1975, с. 183 сл.).

Значительной отраслью керамического производства было изготовление глиняной тары, прежде всего остроногих амфор. Это производство возникло в Северном Причерноморье в IV в. до н. э. в связи с развитием виноградарства и виноделия. Амфоры выделялись в IV—II вв. до п. э. в Херсонесе (*Азмеров Р. Б.*, 1947, с. 160 сл.; *Зеест И. Б.*, 1960, с. 97—100; *Борисова В. В.*, 1974, с. 99 сл.; *Белов Г. Д.*, 1977, с. 17 сл.) и в городах Боспора (*Зеест И. Б.*, 1952, с. 158 сл.; 1960, с. 26 сл.; 94 сл.; *Круг О. Ю.*, 1960, с. 129 сл.). В Ольвии производство амфор в доримское время пока неизвестно. В первые века нашей эры в Пантикее, Фанагории и, по-видимому, в других боспорских городах выделялись очень большие массивные амфоры с одуловатым реберчатым туловом, приспособленные не для перевозки, а для стационарного хранения зерна, вина, воды и других продуктов. По-видимому, аналогичные крупные амфоры производились в это время и в Ольвии и в Херсонесе (*Зеест И. Б.*, 1952, с. 162 сл.; 1960, с. 32 сл.; *Ветштейн Р. И.*, 1953, с. 8; 1975, с. 166 сл.; *Круг О. Ю.*, 1960, с. 128 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 148 сл.; *Кадева В. И.*, 1970, с. 99 сл.).

Из керамических строительных материалов наибольшее значение имела черепица. Она служила основным кровельным материалом во всех античных городах. Изготовление черепицы в Пантикее началось в конце V в. до п. э., позднее производство ее возникло в Фанагории, Горгиппии, Гермонассе,

Херсонесе, Ольвии, Тире (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934; 1947; с. 26; 1958в, с. 124; *Блаватский В. Д.*, 1951б, с. 247 сл.; *Мерперг Н. Я.*, 1951, с. 227 сл.; *Азмеров Р. Б.*, 1947, с. 163 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1954, с. 127 сл.; 1956б, с. 152 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 148; *Зеест И. Б.*, 1955, с. 118; *Ветштейн Р. И.*, 1958, с. 61, с. 174 сл.; *Брашинский И. Б.*, 1964, с. 285 сл.; *Богданова-Березовская И. В.* и др., 1964, с. 314; *Савельев Ю. А.*, 1964, с. 198 сл.; *Кадева В. И.*, 1970, с. 103 сл.; *Кобылина М. М.*, 1972б, с. 112 сл.). Северочерноморские керамические мастерские изготавливали и некоторые другие строительные материалы: украшенные рельефными изображениями терракотовые детали кровли и верхних частей аэаппи (акротерии, антефиксы, симы), облицовочные или мозаичные плитки (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934, с. 227 сл.; *Марченко И. Д.*, 1952, с. 167 сл.; *Сорокина Н. П.*, 1952, с. 11 сл.; 1956, с. 171 сл.; 1961, с. 3 сл.; *Борисова В. В.*, 1966а, с. 47 сл.; 1966б, КП, с. 47 сл.). В первые века нашей эры получил некоторое распространение обожженный кирпич римского образца квадратной или прямоугольной формы (КП, с. 44, 49, 51, 60; *Кадева В. И.*, 1970, с. 104 сл.; *Ветштейн Р. И.*, 1975, с. 179 сл.). Он выделялся во многих городах Северного Причерноморья, но в сравнительно небольшом количестве. В это же время на Боспоре, в Херсонесе, в Ольвии налаживается производство керамических труб для водопроводов и для воздухоудных систем в термах-баних (КП, с. 44 сл.; 49 сл.; 61 сл.; *Кадева В. И.*, 1970, с. 105; *Ветштейн Р. И.*, 1975, с. 177 сл.).

Особую отрасль керамического производства составляла коростлика — изготовление небольших глиняных фигурок — терракот, культовых и бытового назначения. Терракоты изготавливались почти во всех античных городах (*Белов Г. Д.*, 1930, с. 217 сл.; *Вишицкая Г. Г.*, 1949; 1951, с. 35 сл.; *Мезенцева Г. Г.*, 1956; *Кобылина М. М.*, 1949а; 1958; 1959б; 1961; *Паливкина М. А.*, 1952, с. 327 сл.; *Левы Е. И.*, 1959, с. 9 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 160 сл.; ТСП; *Пругло В. И.*, 1974; 1977; с. 177 сл.). Обычно они оттискивались в формах, сделанных на месте или привозных, но иногда лепились от руки. Местное производство терракотовых фигурок было налажено уже в VI в. до н. э. (в Нимфее, Пантикее, Ольвии) и продолжалось до конца античной эпохи. Большинство статуэток представляют собой являющиеся изделиями ремесленников, но в некоторых случаях коростлика создавали настоящие произведения искусства.

Помимо перечисленных изделий ремесленники-гончары выпускали глиняные пирамидальные или двусоблюдные грузила для ткацкого станка и для рыболовных сетей (табл. LXI, 14—17; LXII, 5, 6); глиняные пряслица для прядения (табл. LXI, 7—12), различные подставки производственного и бытового назначения и т. д. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952г, с. 396 сл.; *Онайко И. А.*, 1956, с. 154 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1957а, с. 101, 134; *Кадева В. И.*, 1970, с. 105 сл.; *Ветштейн Р. И.*, 1975, с. 180 сл.).

Производственные керамические комплексы представляли развалинами обжитых печей (табл. LXIV), формами для изготовления терракот, светильников (табл. LXIII, 6; LXV, 23), черепицы, архитектурных украшений и орудиями труда гор-

ничешков (табл. LXIII, 3, 5, 7), а также керамиче-скими шлаками и бракованными изделиями. На-иболее ранние керамические печи VI—V вв. до н. э. открыты при раскопках Нимфея и Пантикаея (*Худяк М. М.*, 1952, с. 257; КП, с. 29 сл.). В них обжигалась различная продукция — расписные со-суды, светильники, грузила. Довольно хорошо известны керамические мастерские эллинистического времени, главным образом по раскопкам в Херсонесе (*Малмберг В. К.*, 1892, с. 9—10; *Азмеров П. Б.*, 1946, с. 188 сл.; *Борисова В. В.*, 1958; с. 144 сл.; *Кадеев В. П.*, 1970, с. 81; КП, с. 25, 26). В Херсонесских печах III—II вв. до н. э. обжигались амфоры, расписная столовая посуда, терракотовые статуэтки и грузила (табл. LXII). Но в Херсонесе найдены остатки и небольших специализированных керамических мастерских, производивших специально череполоковую посуду (*Косуюшню-Валюжич К. К.*, 1902, с. 19 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 12). Остатки керамических мастерских с обжигательными печами эллинистического времени обнаружены также в Фанагории, Нимфее (КП, с. 29, 31), Горгишпи (*Салов А. И.*, 1962, с. 25 сл.; *Кругликова Н. Т.*, 1962в, с. 218 сл.) и в одном из сельских поселений на Таманском полуострове (*Сокольский Н. И.*, 1969б, с. 59). Керамическое производство первых веков нашей эры представлено полнее всего в Фанагории, где открыты хорошо сохранившиеся обжигательные печи I—II, III и IV вв. н. э. (табл. LXIV, 2; LXIII, 1, 2) (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 53 сл.; *Кобылина М. М.*, 1956, с. 72, 90 сл.; 1966б, с. 71 сл.; *Кругликова Н. Т.*, 1966а, с. 140 сл.). Несколько печей римского времени обнаружено в Ольвии за пределами стен позднего города (табл. LXIV, 3, 5) (*Ветштейн Р. I.*, 1958, с. 81—75; 1965, с. 206 сл.). Остатки керамических мастерских первых веков нашей эры, найденные также в Херсонесе (табл. LXII, 11, 14), в Пантикаее (табл. LXIV, 1), в Горгишпи, в Патресе, в Келах, в Гермонассе (табл. LXIV, 4) и других поселений Боспора (КП, с. 30—34; *Шелов Д. Б.*, 1953, с. 162 сл.; *Зеест И. Б.*, 1955, с. 119 сл.; *Кругликова Н. Т.*, 1966а, с. 144, 156; *Сокольский Н. И.*, 1969б, с. 61 сл.; *Кадеев В. П.*, 1970, с. 81 сл.). В большинстве своем эти печи были унитарными по своему назначению. В них обжигались амфоры, кирпич, пифосы, столовая посуда. Но известны и специализированные мастерские. Так, в Пантикаее раскопана большая печь III в. н. э. (табл. LXIV, 1) предназначенная для обжига амфор (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 22 сл.). В Пантикаее же открыта мастерская коропласта I в. н. э., оборудованная двумя небольшими обжигательными печами (*Кобылина М. М.*, 1958, с. 178 сл.; 1961, с. 47 сл.). Специальные мастерские по выделке терракот зафиксированы также в Херсонесе и в Фанагории (*Кобылина М. М.*, 1949а, с. 107 сл.).

Устройство керамических печей было довольно однообразным. Обычно это были сооружения из сырцового кирпича, округлой или овальной в плане формы. Средний диаметр такой печи равнялся 1,5—2 м. но были и совсем маленькие печи (для обжига терракот) диаметром менее метра, а также очень большие диаметром до 5 м. Наутри стенки печи обмазывались жаростойким слоем глины, который

регулярно и многократно подновлялся. Внутреннее пространство печи было разделено на две части: нижнюю, топочную камеру и верхнюю, обжигательную. Топочная камера имела с одной стороны отверстие для загрузки печи дровами и разжигания огня. Посредине топочной камеры находился опорный столб, иногда два, на которых покоился плоский или сводчатый потолок, являвшийся одновременно полом обжигательной камеры. В этом потолке были отверстия — продухи для лучшего проникновения горячего воздуха в верхнюю камеру. Обжигательная камера имела сводчатое перекрытие без опорного столба (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934а; *Ветштейн Р. I.*, 1958).

Для изготовления керамики выбиралась подходящая глина, которую перемешивали, отмучивали, добавляли в нее разные примеси — песок, толченый известняк или толченую ракушку, шлам от пр. Из подготовленной таким образом глины на гончарном круге формировался сосуд (*Зеест И. Б.*, 1960, с. 123 сл.; *Кадеев В. П.*, 1970, с. 109 сл.). При формовке сосуда на гончарном круге мастер пользовался костяными или каменными орудиями — лощилками для заглаживания поверхности. Такие орудия найдены при исследовании керамических производственных комплексов в Ольвии, Пантикаее, Фанагории, Келах (табл. LXIII, 3, 5) (*Ветштейн Р. I.*, 1958, с. 75; *Цветаева Г. А.*, 1966б, с. 265 сл.). При изготовлении черепицы и кирпича керамисты пользовались деревянными формами или глиняными болванками (*Ветштейн Р. I.*, 1958, с. 66). Терракоты отщипывались в глиняных формах, которые могли быть односторонними, тогда в них отщипывались только передняя сторона статуэтки, а задняя лепилась от руки, но формы могли быть и двусторонними разъемными. В формах отщипывались и рельефные архитектурные украшения, и светильники (табл. LXIII, 6, 7; LXV, 23). Формы для изготовления терракот разного времени найдены во многих местах — в Ольвии, Херсонесе, Нимфее, Горгишпи, Пантикаее, Фанагории. Формы для терракот выделялись по металлическим, каменным или глиняным моделям. В Херсонесе открыта специальная мастерская III—II вв. до н. э., в которой производились глиняные формы для терракот (*Малмберг В. К.*, 1892; *Борисова В. В.*, 1966б, с. 6, 7). Отсутствующие в форме изделия затем еще дodelывались от руки. После формовки керамические изделия подсушивались и, если требовалось, покрывались ангобом или лаком. Поверх ангоба наносился роспись минеральными или растительными красками. Расписывались красками и терракотовые статуэтки и рельефные архитектурные детали. Черепицы иногда покрывались густым слоем прочной красной краски для повышения их гидроизоляющих свойств (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934б, с. 234 сл.).

В ряде случаев керамические изделия клеймились. На херсонесских эллинистических амфорах и черепицах, на боспорских черепицах IV—III вв. до н. э. ставились клейма с уюминанием имен чиновника, ответственного за выпуск керамической продукции, владельца мастерской или — на боспорских — с указанием на принадлежность черепицы царскому заводу (*Юреевич В. И.*, 1889, с. 47 сл.; *Махов И.*, 1912; *Азмеров П. Б.*, 1949; 1951; *Бори-*

сова В. В., 1949; 1974; Гайдукевич В. Ф., 1934б, 1947; 1958в; 1967; Граков Б. Н., 1935; Шелов Д. Б., 1957; Веселов В. В., 1962; Савельев Ю. А., 1964). Наредка черепица клеймилась и позднее, в эллинистическое и римское время (Шелов Д. Б., 1957, с. 225 сл.). Особенно интересны клейма I в. н. э. на кирпичях в виде тамгообразного знака (Цветаева Г. А., 1975). В первые века нашей эры в местах стоянок римских войск гарнизонные мастерские клеймят черепицу и кирпич штемпелями с обозначением воинских частей (Борисова В. В., 1961). Клейма помещались иногда и на другую керамическую продукцию — на мерные бросурные сосуды IV в. до н. э. (табл. LXIII, 8) (Блаватский В. Д., 1951в, с. 214 сл.; 1964в, с. 31, 32), на грузила для ткацкого станка (табл. LXI, 14—17) на донышки «мегарских» и краснолаковых чаш и пр. Клейма ставились до обжига изделия. На грузилах клейма нередко оттискивались ключом или перстом с резным камнем (табл. LXI, 16; LXV, 9—11).

Для обжига керамические изделия через загруzonное отверстие помещались в верхнюю камеру обжигающей печи. Для установки сосудов с острым или округлым дном употреблялись специальные муфтообразные керамические подставки; они найдены в Ольвии, Херсонесе, Паптыкаее, Игурате, Гортинии, Фанагории (Гайдукевич В. Ф., 1958б, с. 54, рис. 42; Кружикова И. Т., 1966а, с. 145; КП, табл. 27, I—6). После установки обжигаемой продукции загруzonный ход замуровывался, а в топочной камере разжигался огонь. По окончании обжига загруzonное отверстие вновь открывалось и готовая продукция извлекалась из печи.

Судя по клеймам, на Боспоре в IV—III вв. до н. э. мастерские, изготовлявшие черепицу, либо были царской собственностью и находились под управлением царских чиновников, либо принадлежали членам царской династии Спартокидов и представителям высшей боспорской аристократии (Гайдукевич В. Ф., 1934б, с. 293 сл.; 1967, с. 19 сл.). Можно думать, что в Херсонесе наряду с частными мастерскими существовали государственные, выделявшие амфоры и черепицу (Борисова В. В., 1966б, с. 6—8). Вероятно, государственные или городские эргастерии выработывали и клеймешные мерные сосуды на Боспоре. В Кепах открыты остатки керамического производства, видимо, находившегося во владении местного храма или святилища. Но большинство гончарных мастерских принадлежало все же частным лицам. Размеры керамических эргастериев были различны (Гайдукевич В. Ф., 1934а, с. 112; Блаватский В. Д., 1959в, с. 47 сл.; 1964в, с. 66; Борисова В. В., 1966б, с. 6—8; Кадеев В. П., 1970, с. 118 сл.). В мастерской могла быть одна обжигающая печь, но чаще их было две и более. На Боспоре в IV—III вв. до н. э. только черепицу выделяли, кроме царских черепичных заводов, не менее 70 мастерских. Вероятно, в этих же предприятях производилась и другая керамическая продукция. Керамические мастерские обычно были сосредоточены в особых кварталах за окраинами города или даже за городскими стенами, хотя иногда располагались и внутри городских кварталов (табл. LXII, 15).

Стеклоделание. В первые века нашей эры в Северном Причерноморье распространяются стеклянные

сосуды столового, хозяйственного туалетного и культового назначения. Значительная часть их привозилась из других стран античного мира, часть изготавливалась на месте. Отдельные паходы бракованных стеклянных изделий, кусков стеклянного шлака, хальмозы и предметов относящихся к стеклоделанию, позволяли установить наличие стеклового производства в Тамане в первой половине III в. н. э. (Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М., 1966, с. 176 сл.; Сорокина Н. П., 1965, с. 202 сл.; Шапова Ю. Л., 1965, с. 249 сл.; Шелов Д. Б., 1972а, с. 100 сл.) и в Херсонесе в IV—III вв. н. э. (Белов Г. Д., 1965, с. 237, сл.; 1969, с. 80 сл.). Вероятно, собственное производство стекла существовало и в других городах античного Причерноморья. Об оборудовании стеклоделательной мастерской и процессе изготовления стеклянных изделий можно судить по раскопкам мастерской II—III вв. на городище Алма-Кермен в Юго-Западном Крыму (Высотская Т. М., 1964, с. 7 сл.; Высотская Т. Н., 1972, с. 46 сл.). Очень вероятно предположение, что стеклоделательное производство было там налажено солдатами XI Иландиера легюна (Высотская Т. М., 1970, с. 186 сл.). Видно, существовали особые печи для предварительного обжига шихты, состоявшей из песка, соды и других компонентов, для плавки шихты в керамических тиглях и для отжига уже готовых сосудов (Высотская Т. П., 1972, с. 53). Формовка стеклянных сосудов производилась дутьем в форму или без нее. Формы могли быть деревянными или глиняными. Глиняная форма для изготовления стеклянных фиал найдена в Тамане. Готовые стеклянные сосуды после их охлаждения могли проходить еще холодную обработку, в частности получать орнаментацию или узоры, выполненные гравировкой или шпифовой. Иногда сосуды украшались и напаянными стеклянными пятнами или «глазками» другого цвета. Техника украшения прозрачных сосудов слитыми пятнами — «глазками» развилась в IV в. н. э. (Сорокина Н. П., 1971б). В позднеантичное время в Северном Причерноморье производятся и оконные стекло.

Каменотесно-строительное дело. По количеству необходимого труда и по числу занятых в нем рабочих рук оно, вероятно, занимало первое место. В большинстве городов Северного Причерноморья почти все постройки делались из камня. Правда в раннюю эпоху греки — первооселенцы часто жили в землянках или в домах из сырцовых кирпичей (Леви Е. П., Карасев А. Н., 1955, с. 216; Блаватский В. Д., 1961, с. 102 сл.; Крыжницкий С. Д., 1975, с. 103; Конейкина Л. В., 1975, с. 188 сл.). Но уже очень скоро основным строительным материалом становится камень; только в местах, бедных камнем, например на Таманском полуострове, глинобитные и сырцовые сооружения, даже оборонительные, широко используются на протяжении всей античной эпохи (Сокольский Н. П., 1963, с. 190 сл.). Камень применялся для строительства домов, хозяйственных и производственных помещений, оборонительных и portовых сооружений, общественных и храмовых построек, погребальных гробниц и склепов, для мощения дворов и улиц, облицовки колодез, шестер, водосточков и пр. Основным строительным камнем в Северном Причерноморье был мест-

ный известняк, не очень прочный, но зато легко поддающийся обработке (Блаватский В. Д., 1957, с. 34 сл.; Карасев А. Н., 1959, с. 132). Иногда в строительстве употреблялся и привозной камень (Карасев А. Н., 1959, с. 130, 136; Петрунь В. Ф., 1964, с. 293 сл.; 1965, с. 138 сл.), в частности мрамор.

В число операций по обработке камня в каменном строительстве входила добыча камня в карьерах, транспортировка и отеска его, кладка стен, изготовление и укладка связующего раствора, выделка архитектурных деталей и подгонка их в постройке. При строительстве зданий и особенно оборонительных сооружений на скальном основании необходима была подрезка и подтевка скал, как это было при строительстве акрополя Пантикапея (Блаватский В. Д., 1957, с. 24 сл.). Строители северочерноморских городов знали и применяли разные системы каменных кладок от примитивной укладке необработанных камней на глыбе до очень тщательной кладки хорошо отесанных, иногда рустованных прямоугольных блоков без связующего раствора.

О приемах добычи и обработки камня, об орудиях, употребляемых каменотесами можно судить по самим остаткам каменных построек и по аналогиям в других районах античного мира (Максимова М. И., 1948). Ломка камня производилась при помощи молотов и клинцев, а дальнейшая обработка требовала применения разного рода тесел, долот, зубки. Употреблялись и топоры, пилы, и буравы. Для шлифовки камня употреблялись рапишлы, сделанные из костей животных (табл. LXI, 2) (Семенов С. А., 1958, с. 92 сл.). Мастера готовили не только ровно отесанные плиты, но и довольно сложные профилированные архитектурные детали: барабаны, базы и капители колонн, части антаблемента и пр. Строительство ордерных зданий — храмов, общественных сооружений и даже жилых домов — требовало от мастеров умения достаточно тонко обрабатывать камень и подготавливать архитектурные детали друг к другу (Карасев А. Н., 1955а, с. 194 сл.; Крыжицкий С. Д., 1971, с. 130 сл.; Пичижан И. Р., 1975а, б). Наряду с местным известняком или песчанком обрабатывался и привозной мрамор, из которого изготовлялись облицовочные элементы построек, отдельные детали декора зданий. Для облицовочных работ употреблялся иногда и местный крымский мрамор.

Каменотесное дело не ограничивалось нуждами только строительных работ. Из камня изготовляли и некоторые предметы бытового и производственного назначения: тараны и гири для выноса, ступы для дробления зерна, рыболовные грузила, корыта и кормушки для скота, зернотерки и жернова и др. Для изготовления зернотерок и ручных мельниц употреблялись обычно граниты, конгломераты или брекчии крымских горных пород, или других месторождений (Петрунь В. Ф., 1965б), реже использовался плотный известняк. Очень распространена была выделка различных точильных брусьев и оселков.

Художественная обработка камня, изготовление круглой скульптуры и рельефов из мрамора и известняка, надгробных стел, саркофагов, а также надписей составляют уже часть истории искусства.

Но следует отметить, что среди скульптурных и эпиграфических памятников наряду с подлинными произведениями искусства довольно часто встречаются изделия, вышедшие, вероятно, из рук простых ремесленников-камнерезов, владеющих только техническими приемами обработки камня. Таковы многие надгробные памятники, в том числе так называемые антропоморфные надгробия, большая часть надписей и др.

Деревообрабатывающее ремесло. К строительному делу имеет прямое отношение и деревообрабатывающее ремесло, особенно плотничьи работы (Соколовский П. И., 1971, с. 48 сл.). Дерево применялось прежде всего при строительстве зданий в виде балок, стропил, обрешеток, досок потолка и полов, перегородок, междуэтажных перекрытий, лестниц, столбов, дверей и пр. Дерево шло на изготовление каркасов, прокладок, факерков в глинобитных, сырцовых и каменных постройках, на строительство заборов, навесов, загонов хозяйственного назначения. К этому следует добавить устройство строительных онадубок, лесов, кружал, подмостей и прочих деревянных вспомогательных конструкций при строительстве.

По применению труда плотников не ограничивалось только областью строительства. Важнейшим видом плотничьих работ было кораблестроение. Во всех северочерноморских государствах имелись как военные, так и торговый флот, доки и верфи (Блаватский В. Д., 1964, с. 110 сл.). Особенно важно свидетельство Страбона (VII, 4, 4) о существовании в Пантикапее доков для тридцати кораблей. Вероятно строительство и ремонт судов производилось и в других городах — Фапагорпи, Феодосии, Горгипши и конечно в Ольвии и Херсонесе. Плотничьи работы требовались также при создании военных машин, различных механизмов и средств для подъема и перемещения тяжестей, в частности при строительстве, прокладке гатей, сооружении палисадов, надолбов и других деревянных укреплений, изготовлении и забивке свай при строительстве гаваней и т. п. Все эти работы требовали труда большого числа плотников-профессионалов, и можно думать, что плотничьи работы в античных городах Северного Причерноморья выполнялись многими сотнями работников (Блаватский В. Д., 1959а, с. 45).

Другой отраслью деревообрабатывающего ремесла является столярное дело, тесно примыкающее к плотничьему искусству и лишь условно от него отделяемое (Соколовский П. И., 1971, с. 86). Самой значительной областью деятельности античных столяров было изготовление мебели. Образцов подлинной деревянной мебели из античных городов Северного Причерноморья до нас почти не дошло, но о ней можно составить довольно ясное представление по позображенным предметам мебельки в произведениях коринфляков, тюретинки, в рельефах надгробий, в росписи погребальных склепов и т. п. Значительная часть мебели была снабжена металлическими или костяными украшениями, накладками, инкрустацией; по этим сохранившимся во многих погребениях и в культурном слое городов деталям можно восстановить как бы сконструированы п как выглядели многие предметы мебельки, изготовленные столярами — лоя, столы, кресла, стулья,

сундуки и лари, заменявшие деревянным шкафы. Очень были распространены деревянные шкатулки для хранения туалетных принадлежностей, денег, ценных предметов и пр. Они часто украшались инкрустацией из кости, металлическими накладками, иногда расписывались или украшались резьбой и гравировкой, снабжались резными или металлическими ножками, бронзовыми замками и ручками.

Благодаря многочисленным находкам в могилах и склепах мы хорошо знаем устройство деревянных гробов и саркофагов, особенно боспорских. Гробы обычно имели форму прямоугольных ящиков с плоской или двускатной крышкой (или без нее), иногда форму современного гроба, расширяющегося в головной части. Более богатые захоронения производились в саркофагах, которые либо воспроизводили форму сундуков с плоской или выщуклой крышкой, либо имели двускатную крышку, повторяя форму храма с колоннами, арками и пилястрами (Иванова А. П., 1955, с. 408 сл.; 1958; Сокольский Н. И., 1969а; Ваулина М. П., 1970; 1971).

О деревянных повозках нам дают представление глиняные игрушечные модели (Беньковский П., 1904). Это были четырехколесные крытые повозки типа киботок с деревянным кузовом и сплошными досчатыми колесами или с колесами со спицами. Колесное дело достигло значительного развития. Колесо сравнительно хорошей сохранности найдено в поздней античной ассирийской колоде в Келас (Сокольский Н. И., 1971, с. 169). Ремесленники, занятые деревообработкой, изготавливали еще многие другие предметы хозяйства, быта, вооружения: рукоятки к разным орудиям и инструментам, ткацкие станки, гончарные круги, деревянную тару, деревянные части седел, щитов, горитов, луки, древки стрел и копий, деревянные сосуды, веретена, гребни и пр.

О процессах деревообработки и о применяемых мастерами инструментах можно судить как по изделиям, так и по находкам самих орудий (Сокольский Н. И., 1971, с. 173 сл.; Кадеев В. П., 1974, с. 38 сл.). Главным инструментом был топор. Железные односторонние и двусторонние топоры были найдены в разных пунктах (табл. LXI, 18—21). Роспуск бревен на доски и ряд других операций требовал применения железных пил разного типа (табл. LXI, 24). Молотки употреблялись как металлические (табл. LXI, 25), так и деревянные (кинка). Деревянные поверхности обрабатывались при помощи тесел (табл. LXI, 22, 23, 29), а в первые века нашей эры широкое применение получили разного рода рубанки для грубой и тонкой отделки поверхности. Для прорезывания пазов и отверстий в деревянных деталях употреблялись долота, стамески (табл. LXI, 26), а также буравы, ручные или с лучковым приводом. Отдельные детали изделий соединялись между собой либо при помощи гвоздей, бронзовых или железных, либо без них. В последнем случае деревянные части соединялись «в шип» или «в паз», а также связывались деревянными шпонками и штифтами. Большую роль играл и клей, особенно в декорировке мебели и других изделий накладками или инкрустацией из кости и дерева различных пород. Металлические накладки и обивки прикреплялись обойными гвоздиками.

Многие деревянные предметы готовились при

помощи резьбы (Сокольский Н. И., 1971, с. 226 сл.). Главным инструментом в таком случае служил нож или резец. Существовала и художественная резьба, в частности изготовленные резных деревянных украшений мебели и саркофагов. Эти украшения могли быть скульптурными, рельефными, либо, наконец, ажурными (Иванова А. П., 1955, с. 418 сл.; 1958; Сокольский Н. И., 1971, с. 229 сл.). Греки уже к моменту основания поселений в Северном Причерноморье употребляли токарный станок. На нем обрабатывались некоторые детали мебели и саркофагов — резные ножки, колонки, а также деревянные сосуды, прежде всего круглые туалетные корбочки (шкелды) деревянные футляры для зеркал, веретена, прислица (Сокольский Н. И., 1971, с. 191 сл.). К деревообработке следует отнести и изготовление плетеных хозяйственных предметов. Из гибких древесных прутьев плелись хозяйственные корзины, верши для рыбной ловли. Из деревянных палочек или планок при помощи плетения создавались небольшие корзиночки или корбочки с крышками (Сокольский Н. И., 1971, с. 224 сл.).

Северопричерноморские плотники, столяры, токари, хорошо знали свойства дерева разных пород. Большая часть древесного сырья получалась на месте или в ближайших окрестностях античных городов, но для изделий, требовавших особых пород дерева (например, гребни изготовлялись всегда из самшита) сырье привозилось с кавказского побережья Черного моря, из Фракии, Малой Азии или даже из Средиземноморья (Лостгаус Д., 1948; Сокольский Н. И., 1971, с. 36 сл.). В строительстве шпоре применялись лиственные породы — дуб, вяз, ясень, тополь, а из хвойных — сосна и можжевельник; для кораблестроения особое значение имела древесина хвойных пород — сосны, пихты, лиственницы, а также бука и дуба; саркофаги выделялись чаще всего из кипариса, тонкие изделия — из самшита, резные из клена и т. д.

Вероятно, многие простые плотничьи и столярные работы могли производиться непрофессионалами, каждому хозяином, особенно в сельских поселениях или маленьких городках. Однако бесспорным является существование специализированных мастерских, в которых работали ремесленники-профессионалы (Иванова А. П., 1955, с. 408 сл.; Сокольский Н. И., 1971, с. 261 сл.). Плотники-строители, возможно, объединялись в плотничьи артели, где вряд ли могло быть значительное разделение труда. Но в других отраслях разделение труда, конечно, существовало. Так, при производстве телег, безусловно, должны были иметься особые мастера — колесники. Особый отряд плотников составляли специалисты в области кораблестроения, о чем свидетельствует и надгробие боспорского корабельного плотника Сиса I в. н. э. (КБН, 513). Довольно рано, видимо, выделилось и токарное ремесло. На Боспоре обнаружены погребения, в инвентаре которых оказались инструменты столяра и плотника — несомненные могилы ремесленников (Шкорпила В. В., 1907, с. 16; Сорочина Н. П., 1961а, с. 49—50; Сокольский Н. И., 1971, с. 174 сл.).

Большинство мастерских принадлежало, вероятно, частным лицам и вряд ли такие мастерские могли быть очень большими. Более многочисленными мо-

ля быть предприятия, принадлежавшие государству или царю, например, корабельные верфи или мастерские, обслуживающие потребности армии и царского двора. Вероятно, в деревообработке использовался труд рабов, особенно в процессах, требующих не очень большой квалификации, но затраты больших усилий. Но надо думать, что основные кадры мастеров-дереводелочников состояли все же из людей свободных.

Косторезное ремесло. Костяные изделия, постоянно встречающиеся при раскопках: шпильки, иглы, булавки, рукоятки палок, наконечники стрел, ложечки, стили, пиксиды и пр. — изготовлялись из грубчатых костей домашних или диких животных, из рога оленей и других животных (*Наливкина М. А.*, 1940, с. 187 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1957 г., с. 174 сл.). При раскопках всех античных поселений часто встречаются не только готовые изделия, но и заготовки — оппеленные куски кости и рога, кости со следами обработки (*Кругликова И. Т.*, 1949, с. 103 сл.; 1957 г., с. 175 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 90). Косторезы употребляли те же инструменты, что и столяры — шпуд, долото, резец, бурав, а также токарный станок (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 125 сл.). Костяные накладки или инкрустация были наиболее обычным способом украшения деревянных изделий. В качестве сырья употреблялась помимо кости местных животных и привозная слоновая кость. Художественные изделия из кости готовились в виде плоских пластин, украшенных гравировкой, или в виде круглой скульптуры или, наконец, в виде рельефных изображений (*Кругликова И. Т.*, 1949, *Иванова А. П.*, 1955; *Наливкина М. А.*, 1961). Рельефные и скульптурные изображения выполнялись при помощи резьбы. Весьма вероятно, что некоторые костяные украшения и детали мебели производились в тех же мастерских, где делалась и сама мебель. Но несомненно существовали, и притом на протяжении всей античной эпохи, и специальные мастерские косторезов, выделяющих на продажу или на заказ целые вещи, орнаментальные детали и украшения для деревянных изделий. Может быть, остатки такой мастерской были открыты в Херсонесе (*Кадеев В. И.*, 1969а, с. 236).

Кожевяное дело нам почти совсем неизвестно, хотя сомневаться в наличии в античных городах ремесленников-кожевников не приходится. Из кож изготовлялись обувь, ремни и портупец, конская сбруя, предметы вооружения; панцири, шлемы, щиты, гориты, ножны. Орудиями кожевников и скорняков считаются находимые иногда в античных городах ножи, сделанные из ребер животных или костяные гладилки, так называемые «копья» (табл. LXI, 1) (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 136; *Семенов С. А.*, 1959, с. 353 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972, с. 191). Вероятно, существовали в Северном Причерноморье и специалисты сапожники и шорники. К орудиям их труда надо отнести паходимые иногда в Северном Причерноморье бронзовые и железные шпиль, проколки, иглы (табл. LXI, 3, 4).

Придание и ткачество как отрасль ремесленного производства нам почти неизвестны. Ткани очень редко сохраняются в археологических комплексах, а в тех случаях, когда их все же находят (главным образом, в погребениях) определить имели они местное или импортное происхождение очень трудно.

Вероятно, привозными были материи с ткаными многокрасочными узорами, остатки которых находили в богатых керченских и таманских погребениях IV—III вв. до н. э. (*Герцигер Д. С.*, 1973). Можно думать, что ввозились главным образом дорогие узорные ткани, шелк, парча, и иные материи, предназначавшиеся для одежды, была и для для культурных надобностей греческой и туземной аристократии, обыкновенные же ткани простого плетения выделялись на месте во всех городах и поселениях. Впрочем, предполагается, что тканое шерстяное художественное покрывало начала IV в. до н. э. из VI Семибратнего кургана было местного производства (*Герцигер Д. С.*, 1972, с. 108).

В археологических раскопках в очень большом числе встречаются орудия придания и ткачества — пряслица и ткацкие грузики (табл. LXI, 7—12, 14—17). Прясли при помощи деревянного веретена, на конец которого надевался грузик с центральным отверстием — пряслице для придания веретену большей инерции вращения. В небольшом числе известны и сами веретена (*Соколовский И. И.*, 1971, с. 219 сл.), пряслица же встречаются в огромном количестве при раскопках всех поселений. Они делались обычно из глины и обжигались, реже употреблялись пряслица из кости, дерева, стекла или камня. Иногда их делали из просверленных обломков керамики (*Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 71; 1965б, с. 96). Ткани на вертикальном ткацком станке, представлявшем собой деревянную раму с валтиком, на которой закреплялись нити основы. Свободные концы нитей, свешивавшиеся вниз, оттягивались грузиками. Между нитями основы при помощи утка пропускались горизонтальные нити, и таким образом образовывалось простое плетение ткани (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952 г., с. 403 сл.). Грузики для ткацкого станка делались из глины в форме четырехгранной усеченной пирамидки с отверстием для привязки нитей в узком конце. На многих грузиках имеются клейма в виде оттисков гемм, ключей, специальных штампов, которые считают иногда клеймами мастеров-керамистов, изготовивших грузики, однако скорее это знаки заказчиков грузил — владельцев ткацких станков (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952г, с. 396). Ткацкие грузила попадают в очень большом количестве, что говорит о повсеместном распространении ткачества. В нескольких случаях, например, в Тапасае в помеждении III в. они найдены целыми наборами вместе с остатками сгоревших конструкций, несомненно ткацких станков (*Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.*, 1974, с. 104). Ткацкие станки, вероятно, существовали в каждом доме, в каждом хозяйстве, и выделка тканей являлась прежде всего отраслью домашнего производства (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952г, с. 409 сл.).

Значительное развитие во всех античных центрах Северного Причерноморья рыболовства предполагает наличие особой отрасли ремесла — стезевязального. Найдены бронзовые инструменты для вязания сетей (табл. LXI, 13) (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 174); обычно плетали для вязания сетей считаются и широко распространенные костяные орудия в виде клюнышка с зарубкой в утолщенной части (табл. LXI, 5, 6), хотя такое функциональное назначение этих орудий доказано быть не может (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 127; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 110).

Глава восьмая

Торговля

В истории древнего Причерноморья, как и в истории античного мира в целом, торговля играла чрезвычайно важную роль с самого начала истории греческих поселений, основанных здесь. Хорошо известно, какое важное значение в развитии древних обществ придавало торговле К. Маркс, писавший в «Капитале», что развитие торговли повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость, увеличивает его объем, делает более разнообразным. «Поэтому, — писал К. Маркс, — торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости... В античном мире влияние торговли... постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство, иногда же в зависимости от исходного пункта оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 364, 365). Не менее важно и другое замечание К. Маркса, отмечавшего связь торговли с развитием городов и обусловленность этого развития торговлей, сопровождение развития торговли в греческих городах Европы и Малой Азии высоким развитием в них ремесленного производства. «С другой стороны, — отмечал Маркс, — в прямую противоположность развитию городов и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 365). Эти положения имеют прямое и непосредственное отношение и к греческим городам, и к варварским народам античного Северного Причерноморья.

Античная северопричерноморская торговля состояла из двух основных частей: внешней торговли с различными греческими государствами Средиземноморья и Причерноморья («международной торговлей»), а также греко-варварского торгового обмена, и внутренней — внутригородской и внутригосударственной торговлей. По типу эти компоненты были неоднородными. Если «международная» и внутренняя торговля были основаны на товарно-денежном обмене, то в торговле с туземными обществами на протяжении веков господствовал натуральный обмен. При этом он был неодинаков в различных ситуациях, и зависел от конкретного уровня социально-экономического развития тех или иных варварских обществ. Существовали определенные отличия и между внешней и внутренней торговлей.

Материал для суждения о развитии и характере торговли дают различные категории источников. Данные письменной традиции скудны, отрывочны,

нервномерно освещают различные исторические периоды. Очень ценны сведения аттических ораторов конца V—IV вв. до н. э. — Лисия, Исократ, Демосфен. Эти свидетельства порождены значительным по масштабам развитием экспорта зерна с Босфора в Афины. Некоторые информации содержатся в трудах Геродота (IV, 17; VII, 147), Полибия (IV, 38), Страбона (VII, 4; XI, 2) и др. Важна роль памятников как лапидарной, так и керамической эпиграфики. Особенно ценны проксенческие декреты, содержащие сведения о привилегиях, дарованных государственной властью иноземным купцам. Часто только на основании этих документов известно о торговых связях городов Северного Причерноморья (см.: ГРЕ I, NO; Леви Е. И., 1958а, с. 234; КВН, 1—5; Тюменев А. И., 1950б; Соломоник Э. И., 1964, № 6). Для изучения торговли Боспорского государства в IV — начале III в. до н. э. большой интерес представляет группа афинских декретов в честь представителей династии Спартоклядов (IGIP, 212 и 653; Брашинский И. Б., 1959, с. 3 сл.).

Клейма на амфорах и, отчасти, на черепках также имеют важное значение для исследования истории торговли. Они позволяют выяснить широкий круг центров, товары которых импортировались в Северное Причерноморье и во многих случаях дают возможность конкретного исследования основных потоков импорта из разных центров, его хронологического развития и колебаний, а также в определенной мере, и сравнительного объема (Граков Б. И., 1939а; Брашинский И. Б., 1976а, с. 87 сл.; Brashinsky I. B., 1973, p. 111). Очень интересные, порой уникальные сведения о северопонтийской торговле содержат граффиты (Виноградов Ю. Г., 1971а, с. 64 сл.) и диплиты (Беляев С. А., 1968в, с. 32 сл.; Шелов Д. Б., 1972а, с. 158—162 сл.; Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А., 1976, с. 86 сл.). Нумизматические источники: пноземные монеты, найденные на территории Северного Причерноморья, и монетные эмиссии самих северопонтийских государств (табл. LXXV—LXXXIX), имеют важное значение для исследования внутренней торговли, развития внутреннего рынка, а также для изучения внешней, международной и греко-варварской торговли (Зюграф А. И., 1951; 1957; Шелов Д. Б., 1956а; Карышковский И. О., 1969; Кротошкин В. В., 1961; Гуаглиц А. М., 1968, с. 3 сл.; Анохин В. А., 1977б; Шелов Д. В., 1978). Лучшие поныне эти источники помогает ольвийский декрет IV в. до н. э. (ГРЕ I, 24; Виноградов Ю. Г., Карышковский И. О., 1976, с. 20 сл.), которым регулируется ввоз и вывоз золотой и серебряной монеты. Археологические материалы, прежде всего материальные остатки товаров, служивших предметом торгового обмена, имеют наибольшее значение для исследования торговли и чаще всего являются единственным источником для реконструкции ее истории. Многие категории товаров, однако (например,

ткань, дерево и изделия из него и др.) археологически фиксируются лишь в редких случаях (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 10; *Созольский Н. П.*, 1971, с. 8). В других случаях (металлы, металлические изделия) трудно бывает определить происхождение товаров (*Онайко П. А.*, 1966а, с. 12). Поэтому исследование торговли Северного Причерноморья базируется главным образом, на изучении керамических материалов, что неизбежно ведет к некоторой односторонности выводов. Особое значение среди керамических находок имеет керамическая тара (часто снабженная клеймами) благодаря своей массовости и практически повсеместному распространению (*Зеест И. В.*, 1960; 1967, с. 9 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 87; *Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 61; *Онайко П. А.*, 1966а, с. 12). Чрезвычайно большую ценность для хронологию торговых связей представляет художественная, расписная керамика, поскольку ее датировки в настоящее время разработаны наиболее детально (*Блаватский В. Д.*, 1953в; *Книпович Т. П.*, 1955б, с. 356 сл.). Важное значение имеют изделия из бронзы и других металлов (*Шелов Д. Б.*, 1965а, с. 251 сл.; 1967а, с. 99 сл.; *Schelov D.*, 1968, p. 238; *Капошина С. И.*, 1967; *Кропоткин В. В.*, 1970 сл.), а для исследования северочерноморской торговли в первые века нашей эры первостепенную роль играют изделия из стекла (*Сорокина П. П.*, 1962, с. 210 сл.; 1965, с. 202 сл.; *Кропоткин В. В.*, 1970, с. 31, 32 сл.). Особую категорию археологических источников представляют предметы торгового инвентаря: мерные сосуды, свинцовые, бронзовые и каменные гири, остатки весов. Они позволяют выяснить системы мер и весов, которыми пользовались в городах Северного Причерноморья в разное время (*Бергье-Делаард А. Л.*, 1914; *Блаватский В. Д.*, 1955а, с. 201 сл.; *Чушкова Л. И.*, 1962, с. 7 сл.; *Греч Н. Л.*, 1976, с. 183 сл.). Необходимо однако учитывать пределы возможностей интерпретации археологического материала. Он не может дать ответа на многие конкретные вопросы реального развития торговли и позволяет наметить лишь общие закономерности и общие контуры развития торговых связей.

Сейчас трудно назвать работу, посвященную общим проблемам истории Северного Причерноморья или истории отдельных его государств, в которой бы не были затронуты и вопросы торговли. По различным конкретным вопросам торговли написаны десятки специальных работ. Однако до сих пор отсутствуют крупные обобщающие монографические исследования, посвященные специально изучению северопонтийской торговли в целом. Основное внимание до недавнего времени уделялось внешней «международной» торговле (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 146—158 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 80—93 сл.; *Зеест И. В.*, 1951а; *Цветкова Г. А.*, 1957б, с. 182 сл.; *Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 60—69 сл.; *Брашиский И. Б.*, 1963а, б). Вместе с тем уже давно внимание исследователей привлекала греко-варварская торговля Северного Причерноморья (*Ланно-Данилевский А. С.*, 1887; *Фармаковский Б. В.*, 1914а; *Ростовцев М. И.*, 1925; *Книпович Т. П.*, 1935а, с. 90 сл.), исследование которой особенно развернулось в послевоенные годы (*Граков Б. Н.*, 1947; *Бондар М. М.*, 1954а, б; *Бондар Н. П.*, 1955;

1956б; *Зеест И. В.*, 1960, с. 49—68; *Онайко Н. А.*, 1960; 1962; 1966а; 1970а; *Кропоткин В. В.*, 1970 и многие другие). Важное значение имеют издания сводов находок импортных изделий на обширных «варварских» территориях Приднепровья и Побужья (*Онайко Н. А.*, 1966а; 1970а) и Восточной Европы в целом (*Кропоткин В. В.*, 1970), в определенные хронологические периоды. Внутренняя торговля северопонтийских государств стала привлекать внимание исследователей лишь недавно (*Зеест И. В.*, 1951а, б), главным образом в самые последние годы (*Кругликова И. Т.*, 1972б; 1975б; *Щеглов А. Н.*, 1974).

Предметы экспорта и импорта. Северное Причерноморье было одним из важнейших рынков античного мира, чрезвычайно важной продовольственной и сырьевой базой. Традиционные статьи северопричерноморского экспорта хорошо известны из сообщений античных авторов. Важнейшими среди них были хлеб, скот, кожи и другие продукты скотоводства, рыба. Среди предметов экспорта фигурируют и рабы, о вывозе которых упоминают Страбон (XI, 2, 3) и Полибий (IV, 38, 4—5). Однако свидетельство Полибия касается припонтийских стран в целом и имеются основания полагать, что главные причерноморские рабские рынки были не в северном, а в западном и южном Причерноморье (*Гольденбергер В. А.*, 1953; *Блаватский В. Д.*, 1954б, с. 45). В торговле с местными племенами северопонтийские греческие города экспортировали как импортные изделия, так и продукцию собственного ремесла: столовую и хозяйственную керамику, металлические изделия, в частности, высокохудожественные произведения торевтики и другие ювелирные изделия и т. д. Среди древнейших предметов греческого импорта в Северное Причерноморье отмечаются прежде всего, прекрасные образцы расписной керамики. В дальнейшем наиболее важными и значительными по объему товарам, поступававшим в греческие города, были вино и оливковое масло. Они упоминаются античными авторами и хорошо фиксируются археологически благодаря чрезвычайно обильным остаткам тары (амфор), в которых эти продукты транспортировались. Что касается других товаров, то номенклатура их была весьма многообразной и определяется она почти исключительно археологически. В письменных источниках содержится лишь очень общо и неясные определения ее. Так, Демосфен (XXXIV, 36) упоминает «мелочные товары», а Страбон (XI, 2, 3) говорит обо «всем прочем, что свойственно цивилизованному образу жизни»; особо выделяется им лишь одежда. Приходится однако учитывать, что далеко еще не всегда удается вполне достоверно определить, является ли та или иная группа материала импортной или продукцией местного ремесла (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 138 сл.). Весьма значительным был импорт керамических изделий: художественной и простой столовой и хозяйственной посуды, кровельной черепицы и архитектурных украшений, терракот и т. д. Важное значение приобретает импорт стеклянных сосудов. Импортровались также металлические изделия — сосуды из бронзы и драгоценных металлов, предметы вооружения, различные украшения, а также различные металлы, подвергавшиеся обработке в севе-

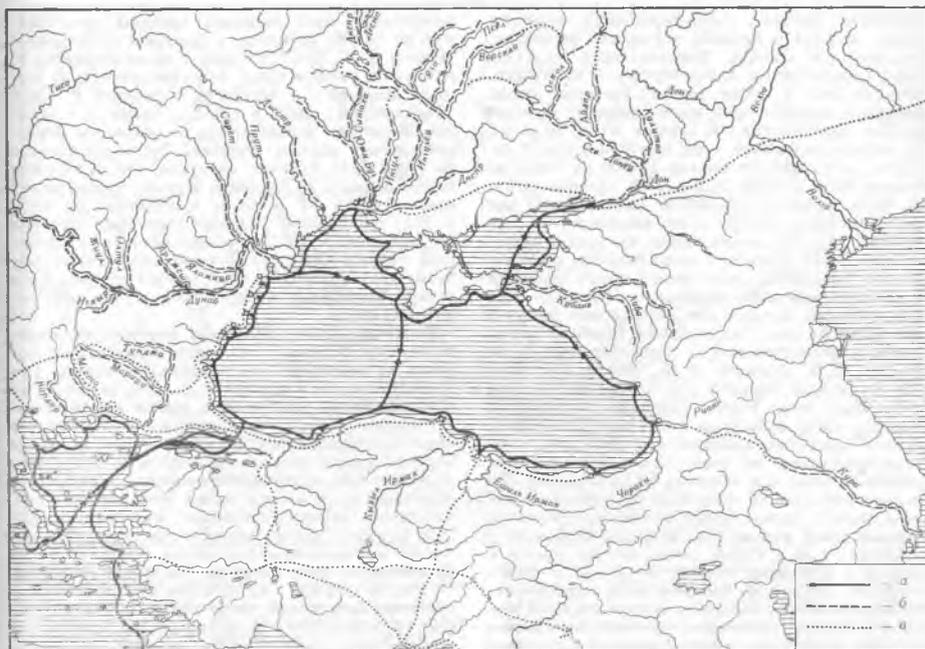
ропонтийских мастерских. Ввозились стеклянные и пастовые бусы, предметы женского туалета, изделия из дерева, мебель и пр.; с I в. до н. э. большое место занимает импорт стеклянной посуды. Видимо, значительным был вывоз тканей и одежды. Перечень предметов импорта включает и мрамор и изделия из него и т. д.

Организация торговли известна мало из-за скудности источников. Лишь для периода бурного расцвета афинской хлебной торговли с Боспорским царством в конце V—IV вв. до н. э. мы располагаем данными письменных источников, содержащих некоторые сведения об организации внешней торговли на Боспоре. Они позволяют говорить о существовании здесь в IV в. до п. э. развитой системы торговых пошлин (*Брашинский И. Б.*, 1963в, с. 122 сл.). Со всех ввозившихся и вывозившихся товаров взимался портовый сбор, вывозная пошлина («тридцатая»), которой обычно облагалось вывозимое зерно, а, возможно, и все другие товары в размере 3,3% и аналогичные сокращения пошлины, устанавливавшиеся при прогрессивном увеличении объема покупаемого зерна — «шестидесятая» (1,66%) и «девяностая» (1,1%) (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 133; *Брашинский И. Б.*, 1958, с. 129 сл.). В виде особой привилегии государства Северного Причерноморья предоставляли иноземным гражданам право беспошлинной торговли («ателая») (см., например, *Леви Е. И.*, 1958а, с. 234 сл.; *НО*, № 1—15). Особый случай представляет собой дарование права беспошлинной торговли боспорскими царями целому государству — Афинам, которые одни исследователи считают всеобъемлющим (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 131), другие — строго ограниченным как территориально, так и по номенклатуре товаров (*Брашинский И. Б.*, 1958, с. 133; 1963а, с. 123). В северочерноморских государствах существовали тенденции к монополизации государственной властью торговли определенными товарами, приносящими основной доход. Особенно отчетливо они проявлялись в хлебной торговле Боспорского царства (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 136). Стремление государственной власти, если не к монополизации, то во всяком случае к регулированию внешней торговли можно усмотреть и в Херсонесе (см.: *ИРЕ Р*, 401). Межгосударственные торговые взаимоотношения регулировались, очевидно, особыми договорами. Существование подобного договора можно, в частности, предполагать между Боспором и Афинами в IV в. до н. э. (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 131). Часть крупных торговых операций производилась в кредит, что можно заключить из сообщения Демосфена (XX, 40), а также из афинского декрета 346 г. до п. э. в честь сыновей Левкова (*IGP*², 212; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 132 сл.). Имеются основания полагать, что на Боспоре существовала специальная царская администрация, в ведении которой находилось попечение об иноземных купцах. Крупные афинские купцы имели своих торговых агентов в Пантикалее, в свою очередь Боспорские царь — своих представителей в Афинах.

Внутренняя торговля городов была сконцентрирована на рыночной площади — агоре. В северопонтийских городах агора до настоящего времени открыта лишь в Ольвии. Для надзора за торговлей на внутренних рынках в городах существовали выбор-

ные коллегии агорапонов («рыночных надзирателей»). В их функции, помимо обязанностей по поддержанию в порядке агоры и ее сооружений, входил надзор за правильным пользованием мерами и весами. До нас дошли эталонные мерные сосуды, а также свинцовые гири-развесы (табл. *LXVI*, 1—8) из Ольвии, Пантикалея, Фанагории, Нимфея, Мирмекия, Таваиса и др. — с клеймами коллегии агорапонов (табл. *LXVI*, 9). В экстраординарных случаях для создания хлебных запасов с целью продажи его населению по твердым ценам, избиралась коллегия ситонов (хлебных попечителей). О существовании такой коллегии в Ольвии в первой половине II в. до н. э. известно из посвященной надписи (*НО*, № 72).

Ярким показателем уровня развития и организации торговли является денежное обращение. С самого начала выпуск монеты в городах Северного Причерноморья был ориентирован на удовлетворение внутреннего рынка. В Пантикалее выпускались серебряные монеты мелких и мельчайших номиналов, в Ольвии же на первых порах в качестве основного денежного металла выступает медь: большие лптые монеты, так называемые «ассы» и своеобразные фигурные монеты в форме рыбок — так называемые «дельфини». По мере их замещения обычными для всех греческих государств чеканеные серебряные и медные монеты. Как и большинство городов греческой метрополии, северопонтийские города первоначально выпускают монету по эгкской системе. Лишь Херсонес, начавший выпуск монет позднее, в начале IV в. до н. э., чеканил ее по так называемой хисской системе, получившей распространение в его метрополии — Гераклея (*Зограф А. Н.*, 1951, с. 151). Во внешней торговле пользовались интерлокальной монетой (первоначально монеты Килика, затем монетами Филиппа II, Александра, Лисимаха), не имевшей хождения во внутреннем рынке, и подержавшей, как это показывает ольвийский монетный декрет (*ИРЕ Р*, 24) обмену на местную монету. Первоначально каждый город выпускал собственную монету. Позднее же, с возникновением крупных государственных образований (Боспор) автономная чеканка мелких городов (Мирмекий, Нимфей и т. д.) исчезает и место ее занимает «столичная» монета. На Боспоре с III в. до н. э. параллельно с городской монетой эпизодически чеканится монета парская. В конце I в. до н. э. выпуск городской монеты прекращается и остаются только золотые и медные монеты боспорских царей. С течением веков в государствах Северного Причерноморья одна денежная система сменялась другой, в зависимости от изменений, происходивших во всем греческом мире, с которым Причерноморье было экономически тесно связано. Периодически выпускалась, помимо серебряной и медной монеты, в золотал. Исключением является короткий период в IV в. до п. э., когда золотые боспорские стагеры играли роль интерлокальной монеты и золото не участвовало в монетном обращении на внутренних рынках. В первые века нашей эры монетное дело северопонтийских государств ориентируется на римскую монетную систему, что было вызвано не только экономическими, но и политическими обстоятельствами. Постепенно происходит обесценивание монеты, а затем ее выпуск

Карта 10. Торговые пути Причерноморья в античную эпоху
 а — морские; б — речные; в — сухопутные. Составитель
 И. Б. Брагинский

прекращается. Наиболее поздние боспорские монеты относятся к первой трети IV в. п. э. (Зограф А. П., 1951, с. 163).

Торговые пути. Северочерноморская торговля, как и античная торговля в целом, осуществлялась главным образом, по водным путям, определенную роль в ней играли конечно и сухопутные торговые магистрали (карта 10). Внешняя торговля осуществлялась по морским коммуникациям. В течение долгого времени плаваше по морю было каботажным. Существовало два основных пути из Средиземного моря в Черное. Один из них шел через черноморские проливы вдоль западного берега Черного моря к Ольвии и далее на восток, в Крым. Второй — вдоль южного и восточного берегов к Боспору. Каждый из этих путей имел свои преимущества и недостатки, связанные с гидрологическими, метеорологическими, демографическими и другими условиями. По данным перипла Псевдо-Скилака (IV в. до н. э.) плавание от Боспора Фракийского до Паптикаея вдоль западного берега Понта занимало семь суток. Начиная с конца V в. до н. э. осваивается (попытки предпринимались и раньше — см. Гайдукевич В. Ф., 1969) и начинает регулярно функционировать крат-

кий путь через Черное море, пересекавший его напрямик в наиболее узком месте — от мыса Карамбий (совр. Керемпе) на севере Малой Азии к мысу Бараний Лоб (совр. Сарыч) на южном берегу Крыма (Максимова М. П., 1954а; 1956, с. 145 сл.), что примерно в пять раз укорачивало путь. В IV в. до п. э. судя по археологическим данным, (прежде всего — массовый сионский и гераклейский импорт в Северном Причерноморье) можно говорить о регулярном использовании этого пути. Другие прямые маршруты через Черное море торгового значения не имели (исключение составляет путь через Каркинитский залив от Ольвии к западной оконечности Крыма). По сообщению Дiodора (III, 34, 7) при попутном ветре плавание от Меотиды до Родоса завершалось на десятый день, а оттуда до Александрии в Египте — на четвертый. Важное значение в северочерноморской торговле имел торговый путь по Азовскому морю, пролежавший в восточной его части плл от Керченского пролива напрямик к косе Долгой и далее по Таганрогскому заливу в устье Дона.

Основными коммуникациями греко-варварской торговли были речные пути. Это ярко иллюстрируется топографией распространения античного импорта (карта 11). В большинстве случаев, однако, трудно определить пределы проникновения самих греческих купцов вглубь варварских территорий. Чаще всего греко-варварский торговый обмен осуществлялся, очевидно, на рынках греческих приморских городов.

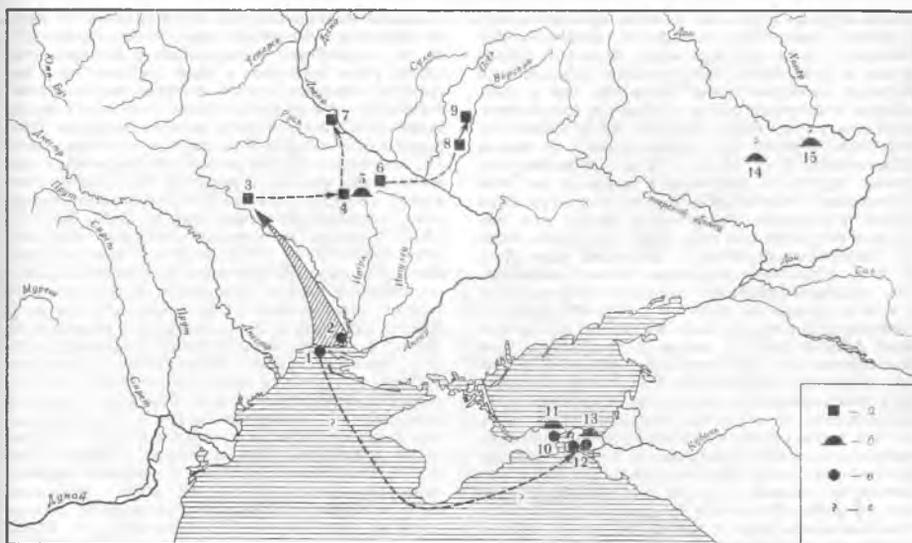
Подобными рынками греко-варварского торгового обмена служили и крупные варварские поселения: Каменское на Днепре, Елизаветовское в дельте Дона, Елизаветинское и Семибратовое — на Кубани. Очевидно, лишь в редких случаях греческие купцы проникали далеко в глубь земель, занятых варварами. Для раннего времени (начало VI в. до н. э.) это засвидетельствовано лишь для Немировского городища, отстоящего от Ольвии на 300 км вверх по Южному Бугу (Граков Б. И., 1959). Позднее ситуация была, вероятно, еще менее благоприятной для греков. Особенно отчетливо это выясняется из слов Страбона (XI, 2,2), отмечаящего, что грекам знакомились лишь устья Танаиса, а выше известна лишь небольшая часть реки. Среди причин такого неведения он называет нежелание кочевников общаться с другими народами, которым они преграждают доступ в свои земли по реке. Свидетельство Страбона можно толковать расширительно и ретроспективно (Брашинский И. Б., Демченко А. И., 1969, с. 117). Так, судя по данным Геродота (IV, 51, 53 и 74) греки знали лишь устье Тираса (Днепра), а Борисфен (Днепр) — лишь до порогов. В тех пунктах, которые служили пределами плавания морских судов, товары перегружались на более легкие речные ладьи, приспособленные для плавания по мелководью. Яркое представление об этом дает замечательная находка ладьи с грузом бронзовых сосудов греческого происхождения начала V в. до н. э. в торфянике у с. Пестаного на р. Супой, левом притоке Днепра в среднем его течении (Ганина О. Д., 1964; 1970). В торговле со Средним Приднепровьем, наиболее интенсивной в начальный период греко-варварской торговли в течение длительного времени, наибольшее значение имели Южный Буг (Иппанис) и его левые притоки Сивуха и Игулец, а также правый приток Днепра — Игулец. Большое значение имели притоки Днепра: Тясмил, Рось, Ворскла, Сула, Супой и Псел (Граков Б. И., 1959; Онайко И. А., 1966а, с. 39, 45, карта 7). В бассейне Дона функции торговых коммуникаций выполняли главным образом его приток Северский Донец и притоки последнего: Айдар, Оскол, Мжа, Ула, Лопань и др. (см. карту 10), а также: (Либеров П. Д., 1965; с. 29; Шрачко В. А., 1962, с. 176 сл. и карта). Весьма вероятным представляется предположение В. А. Рыбакова, согласно которому под Танаисом Геродот имел в виду не Дон, а Северский Донец (Рыбаков В. А., 1979, карты). Поступление античного импорта в районы Северного Подонья и верховья Северского Донца в V—IV вв. до н. э., вероятно, осуществлялось и по речным путям Днепровского бассейна, а отсюда перезалом к правым притокам Северского Донца. В этом случае начальным пунктом была, очевидно, Ольвия. В последние века до нашей эры и первые века нашей эры, вероятно, большее использование Дона.

Сухопутные торговые коммуникации (см. карту 10) играли в северочерноморской торговле в целом второстепенную роль. Однако в варварской торговле значение их нельзя недооценивать. Античные письменные источники не содержат сведений о них и реконструкция этих путей возможна лишь по археологическим данным и не может еще считаться достаточно выясненной. Важнейшее значение среди сухопутных торговых коммуникаций в раннее время,

по-видимому, имел скифский торговый путь, шедший из Ольвии на восток, в Поволжье и Приуралье (Граков В. М., 1947). Позднее, с эпохи эллинизма и, особенно в римское время, значение сухопутной торговли возрастает, в частности, в торговле с Азией (Rostovzeff M., 1941, p. 1243), а также и с Западом. Некоторые последователи на основании немногочисленных находок этрусских бронзовых сосудов на территории Украины полагают, что сухопутная торговая дорога из Италии к Черному морю существовала еще в IV в. до н. э. (Boucher S., 1973, p. 85), что, однако, вызывает серьезные сомнения (Alexandrescu P., 1975). Большое значение в варварской торговле Северного Причерноморья имели комбинированные торговые пути, основой которых были речные магистрали, а сухопутные играли роль перевалочных.

Внешняя («международная») торговля северочерноморских городов интенсивно развивалась с момента их основания. Это определялось, прежде всего, потребностью в импорте продуктов, необходимых для привычной повседневной жизни переселенцев. В первую очередь к ним относились виноградное вино и оливковое масло — непреходящие составные части пищевого рациона любого грека. Отсутствие первоначально собственного развитого ремесленного производства определяло также необходимость значительного импорта различных ремесленных изделий. Впрочем, импорт керамических изделий в Северное Причерноморье был весьма значительным на протяжении всего периода античной торговли. С другой стороны, колониационная деятельность греческих метрополий преследовала цель эксплуатации природных богатств колониальных областей для приобретения необходимых пищевых продуктов (хлеб, рыба, продукты животноводства и т. д.) и сырья. Эта взаимная заинтересованность в обмене создавала благоприятные предпосылки для быстрого и интенсивного развития торговли. Первоначально северонитийские греческие поселения выступали главным образом в качестве потребителей импортных из метрополий товаров. Но уже довольно скоро, еще на начальном этапе их существования, по мере быстрого роста потребности в приобретении продуктов земледельческого и кочевнического хозяйства туземных варварских племен для удовлетворения не только собственных нужд, но, в первую очередь для снабжения ими городов метрополий, все большее значение в их общем торговом обороте начинает приобретать посредническая торговля. Греческие города превращаются в крупные торгово-транспортные центры, через посредство которых осуществлялся огромный по размаху торговый обмен с обширнейшими территориями Юго-Восточной Европы. Роль отдельных северонитийских городов и поселений в торговле в разные периоды была неодинаковой. На первых порах особенно важным было значение Берзани, Ольвии и Никополя, на западе — Пантаклея, Феодосия, Фанагории и Гермонассы — на востоке. Крайним восточным пунктом Боспора, в котором зафиксирован обильный архаический греческий импорт был Торик на берегу Геленджикской бухты (Онайко И. А., 1976в).

Первоначально во внешней торговле господствовали ионийские центры западной Малой Азии и

Карта 11. Древнейший греческий импорт в Северном Причерноморье (вторая половина VII — начало VI в. до н. э.)
 а — городище (поселение); б — курган (погребение); в — греческие колонии; г — путь поступления несли. Стрелка указывает основное направление связей; 1 — Березани; 2 — Ольвия; 3 — Пемптров; 4 — Пастевское; 5 — Болтышка; 6 — Жаботин; 7 — Трахтемиров; 8 — Пожарная Базда; 9 — Бельск; 10 — Паптинавей; 11 — Темир-гора; 12 — Термонасса; 13 — Кемы; 14 — Криворожье; 15 — Большой (Большинский).
 1 — 3, 11, 15 — VII в.; 4 — 10, 12, 13 — конец VII или начало VI в.; 14 — вторая — третья четверть VI в. Составитель И. Б. Брагинский

островные пентры Эгейского моря (Милет, Клазомены, Хиос, Самос, Родос и др.). Такое положение сохраняется в течение всего VI и начала V вв. до н. э. Для этого времени характерен ввоз так называемой родосско-ниппиской художественной керамики (милетской, родосской, хносской, самосской, клазоменской и т. д.), ввоз вина главным образом из Хиоса, части Лесбоса, Самоса и ряда других ионийских центров, которые в настоящее время еще не могут быть конкретно определены (см. карту 12). Начиная со второй половины VI в. до н. э. все более усиливается импорт расписной (чернофигурной) и чернолаковой керамики из Афины, которые проявляют все растущий интерес к черноморским рынкам (Брагинский И. Б., 1963а, с. 24 сл.), в первую очередь ввиду быстрого роста потребностей в привозном зерле. Северное Причерноморье уже с начала V в. и особенно в IV в. до н. э. становится одной из важнейших житниц Афины. По мере роста посреднической роли северопонтийских городов изменяется и структура импорта. Если на первых этапах весьма важно, если не решающее, место в импорте заи-

маст дорогая художественная керамика (см.: Конейкина Л. В., 1973; Сидорова Н. А., 1962; Зеер П. Б., 1974; Николаева Э. Я., 1977), а импорт массовых товаров сравнительно ограничен, то с течением времени все большее значение приобретает ввоз массовой продукции — в первую очередь вина. Эти изменения были, очевидно, связаны с ростом населения городов, быстрым приобщением широких слоев варварского общества к потреблению вина. Господство восточногреческих центров в понтийской торговле в VI в. до н. э., разумеется, не означало их монопольного положения на северочерноморских рынках. Помимо Афин, которые принимают в пей все более активное участие, в торговлю с Северным Причерноморьем включаются и другие материковые (Коринф) и островные (Эгина и др.) центры.

В настоящее время трудно решить, в каких случаях и в какой мере мы можем говорить о непосредственных торговых связях с различными центрами, а в каких — с опосредствованными. Так, например, весьма вероятно значительная посредническая роль Милета (Леви Е. П., 1941; с. 313; Цветаева Г. А., 1957б, с. 187). Позднее такую же роль выполняли Афины. Однако, едва ли имеются достаточные основания для преумножения непосредственных торговых связей причерноморских городов со многими средиземноморскими производственными центрами. Такая возможность определяется прежде всего тем, что торговые пути в Черное море и в самом Повте Эвксинском первоначально были свободными от чужой бы то ни было контроля и господства (Брагинский И. Б., 1963а).

Новый этап в черноморской торговле наступает после победоносного завершения греками борьбы

против Персии (карта 13). С этого времени господствующее положение в понтийской торговле на долгое время (около полутора веков) переходит безраздельно в руки Афин. Это господство в понтийской торговле, нашедшее яркое отражение, как в письменных источниках, так и особенно в археологическом материале, было основано на политическом господстве афинян над черноморскими проливами (*Брашинский И. Б.*, 1963а, с. 91 сл.). Афиняне установили строгий и действенный контроль над всем понтийским экспортом и импортом, регулируя их по своему усмотрению. Законченную форму этот контроль и регулирующая роль Афин получили в период Пелопонесской войны, в последней трети V в. до н. э., когда была образована специальная коллегия гелеспонтофлаков — «стражей Геллеспонта», строго следившая за вывозом из Черного моря. Из черноморской торговли были исключены все противники Афин и даже их союзники пользовались правом торговли по строго установленным квотам. Такое положение с некоторыми перерывами, связанными с изменениями в политическом положении Афин, продолжалось и в течение большей части IV в. до н. э. и лишь в последней четверти этого столетия окончательное поражение Афин в борьбе с Македонией ликвидировало афинское преобладание на Черноморских проливах и вновь восстановило свободу мореплавания и торговли Средиземноморья с Понтом. Основной причиной длительной борьбы Афин за преобладание в черноморской торговле была их глубокая зависимость прежде всего в северочерноморском хлебе, а также других продуктах питания и разнообразном сырье. Особенно широкий размах имела торговля Афин с Боспором. Хорошо известно сообщение Демосфена (XX, 31), что во времена Левконов (389/8—349/8 гг. до н. э.) из Пантикалея в Афины ежегодно привозилось 400 тыс. медимнов (более 16 тыс. тонн) зерна. По мнению ряда исследователей, это количество было значительно, возможно, вдвое, большим (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 499). После вступления в действие Феодосийского порта, по словам Страбона (VII, 4,6), Левкоп вывез в Афины только из Феодосии 2 миллиона 100 тыс. медимнов или 86 тыс. тонн зерна. Естественно, возникает вопрос, чем Афины расплачивались за этот постоянный огромный импорт. В. Д. Блаватский отметил невозможность допущения, что он мог быть покрыт стоимостью возмнившейся на Боспор афинской керамики, сколь бы значительным он ни был. И высказал мнение, что афиняне расплачивались за боспорский хлеб главным образом благородными металлами, которые использовали Спартоклады на своем монетном дворе (*Блаватский В. Д.*, 1959б). Правда, следует иметь в виду, что помимо огромного импорта керамических изделий из Афин ввозилась, по-видимому, в немалом объеме, дорогая серебряная посуда (табл. LXVII, 1), значительная часть которой служила затем предметом торгового обмена с варварской знатью, а также различные другие произведения искусства, стоимость которых была, вероятно, весьма высока. Этим же целям покрытия вероятного торгового дефицита, служила и посредническая торговля афинян. Ольвия и Херсонес были также весьма важными рынками для афинян (*Брашинский И. Б.*, 1963а, с. 140 сл.).

Афины ввозят в Северное Причерноморье не только продукты собственного ремесленного производства, но и выступают посредниками в экспорте ряда других тесно связанных с ними центров. Через посредство афинских купцов поступал весьма значительный по объему импорт фассосского вина и масла, занимающий важное место во всем Северном Причерноморье, особенно с конца V и в течение всего IV, а отчасти и III вв. до н. э., но начавшийся еще значительно раньше (*Граков Б. И.*, 1939а). Этот импорт засвидетельствовал многочисленными находками остатков фассосских амфор (табл. LXVIII, LXIX), многие из которых снабжены клеймами (*Виноградова Ю. Г.*, 1972). Фассосское вино находило сбыт и у варваров Поднепровья, Приднепровья, Крыма, Нижнего Дона и Прикубанья. О том, что вино другого прославленного винодельческого центра — Менды, поступало в Причерноморье, в частности на Боспор и Ольвию, через посредство афинских купцов, имеется прямое свидетельство Демосфена (XXXV, 10). Амфоры этого центра (табл. LXVIII), локализованные лишь недавно, известные в научной литературе под названием «амфор с рюмкообразными ножками», также имеют повсеместное распространение в Северном Причерноморье. Амфорные же клейма Менды известны лишь в единичных экземплярах (*Брашинский И. Б.*, 1962; 1976а). Возможно, что и в общем незначительный коринфский импорт поступал в Северное Причерноморье в IV в. до н. э. через посредство афинских купцов. В это время продолжается в значительном объеме и импорт хлосского вина (табл. LXVII), а также вина в амфорах ряда других средиземноморских центров, которые не получали пока твердой локализации (амфоры типов Солоха I и II и др.).

Однако наиболее показательным в развитии торговых связей северочерноморских городов, начиная с конца V в. до н. э., является начало широкого развития торговли с южопонтийскими центрами — Гераклеей Понтийской и Синопой, чему в немалой степени способствовало и освоение краткого пути через Черное море. Гераклеийский импорт в течение всего IV в. до н. э. имеет в Северном Причерноморье чрезвычайно широкое распространение, а в варварской среде он в это время доминирует. Из Гераклеи помимо вина в амфорах в ограниченном масштабе ввозилась также кровельная черепица, пифосы и другая хозяйственная посуда. Импорт из Синопы, засвидетельствованный как в Ольвии, так и, особенно, на Боспоре (Нимфей, Пантикалея) еще для V в. до н. э. находками синопской архитектурной терракоты (*Скудниова В. М.*, 1958а), приобретает широкий размах со второй четверти IV в. до н. э., когда начинается массовый импорт синопских товаров в керамической таре (табл. LXVIII, LXIX), которая, как и гераклеийская и фассосская, систематически клеймилась. Найдки клейм синопской группы в Северном Причерноморье являются наиболее многочисленными и превосходят в настоящее время 10 000. Из Синопы привозило оливковое масло (*Максимова М. И.*, 1956), вино, а также некоторые другие товары, в частности, маслины (*Зеев П. Б.*, 1960). В отличие от гераклеийского импорта, расцвет которого падает на IV в., импорт из Синопы получил особенно большое развитие в III—II вв. до н. э. и

Карта 12. Основные греческие центры — экспортеры товаров в Северное Причерноморье

а — вино, оливковое масло и другие товары, транспортировавшиеся в амфорах; б — глиняная посуда; в — металлические изделия; г — кровельная черепица и терракотовые архитектурные украшения; I—VII—VI вв. до н. э.; II—V—IV вв. до н. э.; III — вторая половина IV в. — I в. до н. э. Составитель Н. Б. Брашинский

продолжался вплоть до первых веков нашей эры (Зеест И. Е., 1951а). Отличительной чертой синопской торговли была ее ориентация главным образом на Северо-Восточное Причерноморье с течением времени становившаяся все более оцифровой (Брашинский И. Б., 1963а). В значительно большем, чем из Гераклеи, объеме из Синопсы импортировалась кровельная черепица, причем особенно большим ее вывоз был во второй половине IV и начале III в. в Ольвию и Херсонес. На Боспоре, где уже в IV в. до н. э. существовало развитое производство строительных керамических материалов (Гайдукевич В. Ф., 19346), импорт синопской черепицы был сравнительно небольшим. Помимо товаров в амфорах и кровельных материалов из Синопсы в северопоитийские города импортировались ифосы и прочая хозяйственная керамика, в частности, большие толстостенные чаши — так называемые «мюртарии» или «лутерии».

Можно позаряд, что одним из важных торговых партнеров северочерноморских государств был Амиос

(Максимова М. И., 1956, с. 83 сл.), импорт которого, однако, археологически прослеживается слабо, поскольку основу его, по-видимому, составляли металлы и металлические изделия. Из других южнопоитийских центров в Северном Причерноморье прослеживается также незначительный импорт продуктов в керамической таре из Амастрия, но хронологически (конец IV — начало III в. до н. э.) он, строго говоря, относится уже к началу следующего этапа развития черноморской торговли — эпохе эллинизма.

В IV в. до н. э. дальнейшее развитие получает торговля с Колхидой, начавшаяся еще в VI в. до н. э. (импорт колхидских ифосов). В рассматриваемое время начинается и вывоз товаров в амфорах. Показателен факт присутствия колхидского импорта только в Северовосточном Причерноморье (Боспор и входящие в орбиту его экономического влияния территории); западное Керченского полуострова он не зафиксирован.

Торговля велась и между северочерноморскими и западнопоитийскими городами, а также между самими североноитийскими государствами. Так, в частности, по массовому материалу (амфоры, в том числе клейменные), прослеживается экспорт Херсонеса, ориентированный главным образом, на запад (Ольвия, Никопп, Тира). На Боспор он был весьма незначительным (Шелов Д. Б., 19566, с. 214; 1975, с. 149). Торговля Тирь, Никоппа и Ольвии с Истрией засвидетельствована монетными находками (За-

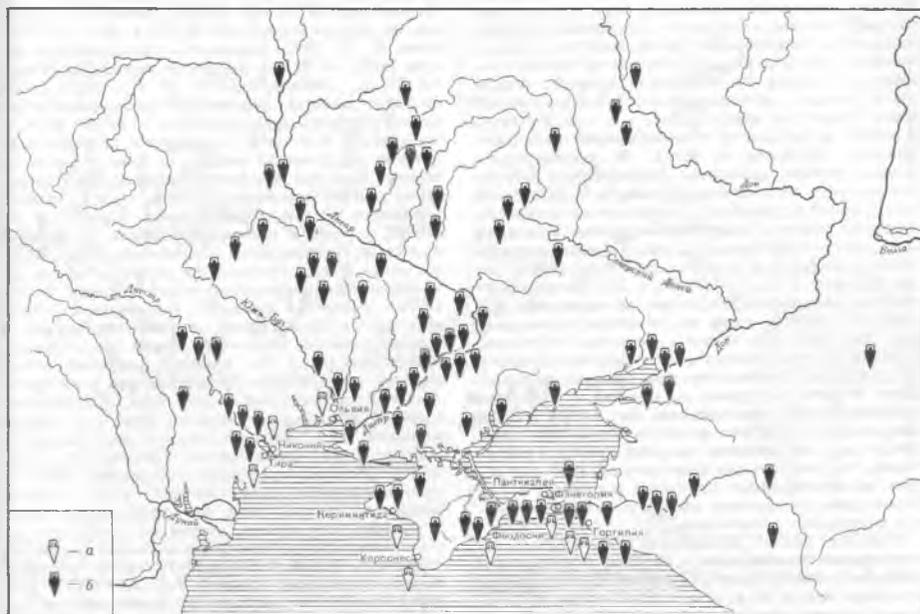
гинайо А. Г., 1976), а в Ольвии и эпиграфически (НО, № 7, 45).

Следующий этап в развитии северочерноморской торговли начинается с конца IV в. до н. э. и охватывает следующие два столетия (III—II вв. до н. э.) и, отчасти I в. до н. э. Значение североопитского, в частности, Боспорского хлебного экспорта существенно сокращается. На первый план выдвигаются товары, переплываемые Полибием и Страбонам (скот и продукты скотоводческого хозяйства, рыба, отчасти рабы) (в отношении рабов см.: *Гольдберг В. А.*, 1953; с. 206; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 501), хотя Северное Причерноморье продолжало оставаться важным зерновым районом античного мира. Значение хлебных ресурсов Боспора отчетливо вытекает из сообщения Страбона (VII, 4, 6) о том, что население Крыма и Таманского полуострова ежегодно выплачивало Митридату Евпатору дань в размере 180 тыс. медимнов хлеба. В эпоху эллинизма в средиземноморской торговле Северного Причерноморья на первый план снова выдвигаются малоазийские и, особенно, островные центры. Наиболее значительным был импорт вина из Родоса, засвидетельствованный повсеместными находками родосских амфор (табл. LXIX), которые почти все без исключения клеймились. По количеству находок родосские клейма в Северном Причерноморье уступают лишь синопским (о родосских клеймах см.: *Лев Е. П.*, 1964а, с. 227 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1975, с. 10 сл.). Однако соотношение амфорных клейм не отражает истинного соотношения импорта различных центров, поскольку само соотношение клеймевой и неклеимой тары в них было различным (*Кругликова И. Т.*, 1972б; *Брашинский И. Б.*, 1977). Неточно отражает истинное соотношение объема импорта из различных центров и соотношение количества самих амфор из-за существенных отличий их стандартных емкостей (*Брашинский И. Б.*, 1976а, с. 87 сл.). Поэтому существующие в настоящее время представления о месте и объеме импорта из различных центров в Северном Причерноморье требуют пересмотра и значительных поправок. Однако, несмотря на все сделанные оговорки, родосский импорт занимал в Северном Причерноморье в III и особенно во II в. до н. э. весьма значительное место. В III и начале II в. до н. э. основной поток его шел в Северозападное Причерноморье (Ольвия и др.), позднее же на первое место выдвигается Боспор (*Шелов Д. Б.*, 1958). Из других средиземноморских островных центров по амфорам и керамическим клеймам повсеместно в городах Северного Причерноморья фиксируется импорт из Коса, Пароса, Нисоса, а также Книды, наиболее значительна коский, хотя и он сильно уступает родосскому (табл. LXIX). Значительное место в импорте керамики в это время принадлежит Делосу (так называемые «мегарские» чаши и т. д.), Пергаму и другим малоазийским центрам. Напоминается импорт из Александрии (*Шурвал И. Г.*, 1965а), шедший, возможно, через посредство Родоса, а также Синопля (*Пиотровский Б. Б.*, 1958). Очень широкое распространение приобретает импорт изделий из египетского фаянса (бусы, амулеты), начало которого относится еще к VI в. до н. э. (*Пиотровский Б. Б.*, 1958; *Алексеева Е. М.*, 1975а, с. 25). Для черноморской торговли северопитских го-

сударств в это время, особенно торговли Боспорского царства, характерно дальнейшее интенсивное развитие связей с Синопой. В эллинистическую эпоху, в связи с общим перемещением мировых торговых путей, через Северное Причерноморье (Боспор) начинают осуществляться и торговые связи с Востоком (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 90 сл.).

Последний этап развития античной торговли Северного Причерноморья относится к последнему веку до нашей эры и к первым векам нашей эры. Он может быть подразделен на два основных периода: I в. до н. э.—II в. н. э. и III—IV вв. Первый период характеризуется новым расцветом и дальнейшим развитием торговли, второй — ее постепенным сокращением. Важное значение для развития черноморской торговли имела успешная борьба римского флота с пиратами. Из Северного Причерноморья в это время по-прежнему вывозят продукты земледелия и скотоводства, рыбу, в определенной мере, вероятно, большей, чем прежде — рабов. В номенклатуре импортировавшихся товаров также не наблюдается особых изменений, если не считать все возрастающего значения ввоза стеклянных изделий. Но соотношение различных статей импорта и направления внешней торговли существенно изменяются (см. карты 14 и 15). Полнее всего для рассматриваемого этапа североопитской торговли исследована торговля Танаиса (*Книпович Т. П.*, 1949а, с. 50 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972, с. 116 сл.), которая в значительной мере отражает торговлю всего Боспора и, в определенной мере, всего Северного Причерноморья. Специальному исследованию подверглась и торговля Херсонеса (*Кадева В. И.*, 1970). Сопоставление импорта из разных северочерноморских городов отчетливо показывает его единство во всем регионе, что, несомненно, связано с включением Причерноморья в общую эконолическую систему Римской империи. Как и прежде, основной статьей импорта остаются вино и оливковое масло (табл. LXXIII; LXXIV). Но теперь они вывозятся почти исключительно из южноопитских центров, и больше всего из Синопля (*Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 116 сл.; *Кадева В. И.*, 1972), переживавшей новый экономический расцвет (*Максимова М. И.*, 1956, с. 325 сл.). Возрождается, вероятно, и торговля с Гераклеей (*Виноградов Ю. Г.*, *Онайко П. А.*, 1975). Преимущественно понтийская ориентация торговых связей иллюстрируется спонсифическими документами (IRE I, 40, 41; NO, № 47, 51 — Ольвия; IRE I, 351, 357, 358, 302, 364; ИЭПХ, № 7, 13 — Херсонес; КВН, 44, 54, 55 и др. — Боспор). Значительным был импорт малоазийской краснойоанной керамики, среди которой выделяется продукция Пергама, а также керамика самосского производства (*Книпович Т. П.*, 1929; *Книпович Т. П.*, 1952; *Силагеева Л. Ф.*, 1958б; *Велов Г. Д.*, 1967; *Кропоткин В. В.*, 1970, с. 14 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 138 сл.). Все возрастающее значение в импорте приобретает ввоз стеклянных сосудов (табл. LXX, LXXI), поступающих из разных районов античного мира: Сирии, Египта, (Александрии), Западно-римских провинций *Сорокина Н. П.*, 1962; 1963; 1965; *Кунина Н. З.*, *Сорокина Н. П.*, 1972; *Кунина Н. З.*, 1973; *Кропоткин В. В.*, 1970, с. 27 сл.) Среди импортных изделий заметное место занимают металлические пред-

Карта 13. Греческий импорт на территории Северного Причерноморья в VI—I вв. до н. э.

а — основные центры-импортеры; б — районы распространения импорта. Составитель И. Б. Брашневский

меты: серебряные и бронзовые сосуды, фибулы и т. д. (табл. LXXII), поступавшие, как и стекло, из различных районов империи (Шелов Д. Б., 1965а; 1967а; Schelow D., 1968; Капошина С. П., 1967; Кропоткин В. В., 1970, с. 21 сл.; Амброз А. К., 1966). Продолжается и импорт украшений: бус и т. д. (Алексеева Е. М., 1975а).

Греко-варварская торговля в отличие от торговли с греческими центрами Средиземноморья и Причерноморья, а также от внутренней торговли преимущественно оставалась натуральным обменом. В настоящее время трудно решить, существовал ли в этой торговле общий эквивалент или эквиваленты и, если да, то какой или какие именно, но огромный размах греко-варварской торговли, достигший кульминации в IV в. до н. э., делает в высшей степени вероятным, что такой эквивалент существовал. Было высказано предположение, что в Скифии роль денег выполняли бронзовые наконечники стрел (Граков Б. И., 1968), хотя вряд ли они играли роль всеобщего эквивалента в греко-варварской торговле. Можно предположить, что эквивалентом были какие-то продукты варварского хозяйства — например, скот или шкуры.

Что касается организации греко-варварской торговли в Северном Причерноморье, то можно пола-

гать, что торговый обмен осуществлялся преимущественно на рынках греческих городов, а также в крупных варварских торговых центрах, куда приезжали греческие купцы со своими товарами и сходились представители племен с окрестных, а, возможно и весьма отдаленных территорий. Наиболее ярко значение греческих городов как центров греко-варварского торгового обмена выступает в характеристиках, данных Страбонам Пантикапею и Танаису (VII, 4, 5; XI, 2, 3). Можно утверждать, что такую же роль для приднепровских и побужских скифов играла Ольвия, для скифов и меотов — Фапагория и т. д. В некоторых случаях аналогичную функцию выполняли крупные варварские центры, такие как Елизаветовское поселение в дельте Дона — предшественник Танаиса, Каменское поселение на Днепре (Граков Б. И., 1954, с. 145 сл.) и Елизаветинское поселение на Кубани (Зеев П. Б., 1951а; Анфилов П. В., 1966). В письменных источниках конкретные сведения о греко-варварской торговле Северного Причерноморья почти полностью отсутствуют. Лишь Страбон в цитированном выше месте о значении Танаиса, как общего торжища греков и кочевников отмечает, что последние привозили туда для продажи рабов, кожу и другие товары кочевого хозяйства, греки же в обмен доставляли одежду, вино и прочее, что «свойственно цивилизованной жизни». Из приписываемой Демосфену речи «Против Формиона» можно заключить, что «мелочные товары», занимали важное место в греко-варварской торговле.

В обоих источниках отделенных друг от друга почти тремя веками, отсутствует конкретный перечень товаров (за исключением рабов, вина и одежды), которые греки обменивали на продукты кочевого хозяйства. Понятия же «мелочные товары», товары «свойственные цивилизованному образу жизни», весьма емки: они могут включать в себя и посуду, и мебель, и украшения, и косметические и гастрономические продукты и т. д. И действительно, археологические материалы подтверждают использование всех этих категорий импорта в варварской среде. Самой крупной по объему статьей греческого торгового обмена с северочерноморскими варварами было, как уже указывалось, вино, транспортировавшееся в амфорах и в мягкой таре — бурдюках, мехах (Граков Б. И., 1947; 1971, с. 51). Осторожные амфоры широко распространены на варварских территориях, прежде всего по течению сухоходных рек. Они дают представление не только об объеме и динамике этого импорта, о соотношении импорта из различных производственных центров, но позволяют сделать некоторые заключения о характере греко-варварской вивоторговли. Так, анализ амфорных клейм из Елизаветовского и Камского городищ и ряда могильников позволяет прийти к заключению, что вивоторговля была оптовой: вино закупалось одновременно крупными партиями, а уже затем путем внутреннего обмена в местных обществах поступало к потребителям.

Наиболее ранние археологические свидетельства регулярного импорта вина в Скифию и другие территории туземных племен Северного Причерноморья относятся еще к VI в. до н. э. В VI—V вв. до н. э., как и в самых греческих городах, наиболее широким в варварской среде был импорт херсонесского вина, в определенном, но значительно меньшем количестве, вина Самоса, Лесбоса и некоторых других неизвестных центров. Особенно интенсивным в это время греческий импорт был (если не считать ближайшего варварского окружения городов) в среднем Приднепровье, у лесостепных племен (Онайко Н. А., 1966а), а также в нижнем Прикубанье (спанды, меоты) (Зеест И. Б., 1960). С V в. до н. э. во все возрастающем объеме начинает импортироваться фессосское вино. Главным посредником в греко-варварской торговле в это время была Ольвия, откуда импорт поступал не только на обширные лесостепные территории Приднепровья, но, возможно, и далее на восток, в частности в бассейн Северского Донца. В Северо-Восточном Причерноморье эти же функции выполнял Пантикапей и города азиатского Востора — Фанагория и Гермонасса. Помимо вина, еще в начальный период регулярной греко-варварской торговли в те же районы поступает греческая художественная и столовая посуда. Древнейшие образцы ее относятся к концу VII в. н. э., как правило, являются дорогими художественным, порою уникальными изделиями. Большинство их происходит из погребений кочевнической знати. В VI и начале V в. до н. э. это керамика из ионийских центров и аттическая, в V в. до н. э. — главным образом аттическая (Онайко Н. А., 1966а; Брашинский И. Б., 1976а), а отчасти и местного северочерноморского производства. В некотором количестве импортировались также предметы вооружения главным образом

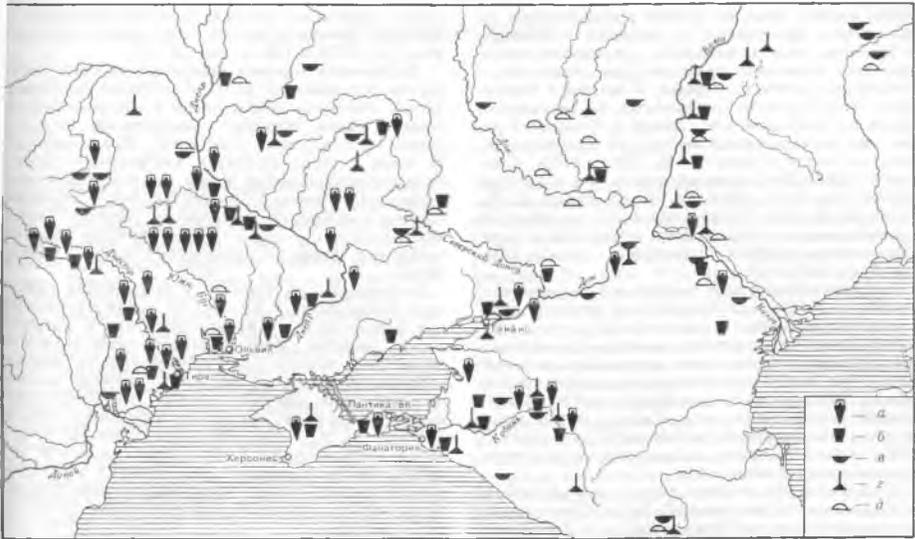
оборонительные доспехи (шлемы, киемиды); в основном их импорт падает уже на IV в. до н. э. (Черненко Е. В., 1968). Ввозилась и металлическая посуда (табл. LXXII) и различные украшения (Онайко Н. А., 1966а; Петренко В. Г., 1978). Особо широкого размаха греко-варварская торговля в Северном Причерноморье достигает в IV в. до н. э. В это время в ее орбиту включаются огромные территории от Дуная на западе, до Дона и Волги на востоке. Если для предшествующего времени характерна особая активность в обмене с лесостепными племенами Среднего Приднепровья (Онайко Н. А., 1966а), а также и племенами Нижнего Прикубанья и, отчасти, Нижнего Дона (Брашинский И. Б., 1970), то теперь в него втягиваются огромные массы кочевников причерноморских степей (Онайко Н. А., 1970а). Греческий импорт в значительном объеме поступает в Поднестровье, в Нижнее Побужье и Приднестровье, на Нижний и Средний Дон, в Среднее Прикубанье и т. д. Как и прежде, основной статьей импорта остается вино. Доминирующим в это время является импорт гераклейского вина, в варварской среде потребляется и синопское вино, а со второй половины IV в. довольно заметное место занимает напиток вино херсонесское (Брашинский И. Б., 1970). Продолжается также поступление вина из ряда средиземноморских центров: Хлоса, Фасоса, Менды и других, пока не определенных точнее. В большем, чем прежде, объеме импортируется керамическая посуда, как средиземноморских центров (главным образом, аттическая), так и местных, северочерноморских (Ольвия, Херсонес, города Востора), металлическая посуда, украшения, в том числе многочисленные изделия античной торевтики (Онайко Н. А., 1970а).

Сначала постепенное, а вскоре резкое сокращение (как объема, так и ареала) греко-варварской торговли начинается после первой трети III в. до н. э., что, очевидно, следует связывать с глубокими социально-экономическими, политическими и демографическими сдвигами в северочерноморских степях. Исключением составляет лишь Прикубанье, где торговый обмен, возможно, не только не сокращается, но даже и несколько активизируется.

Новый подъем греко-варварской торговли в Северном Причерноморье начинается с эпохи позднего эллинизма (I в. до н. э.) и продолжается в первые века нашей эры. Этот этап развития варварской торговли Северного Причерноморья принципиально отличается от предшествующих прежде всего тем, что широкое распространения достигает товарно-денежный обмен, денежное обращение, о чем свидетельствуют многочисленные клады (Кропоткин В. В., 1961). Правда, следует учитывать, что они скорее говорят о монете, как средстве накопления, чем как о средстве обращения.

Посредниками в торговле с варварским миром, как и прежде, продолжают выступать античные города Северного Причерноморья: Тира, Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Фанагория и Горгипсия. Сильно возрастает роль Танаиса — крайнего северо-восточного форпоста античной торговли с обширными территориями Подонья, Поволжья и Приуралья. Однако вопрос о путях проникновения многих категорий импорта в варварскую среду весьма сложен. Неко-

ГЛАВА 8. ТОРГОВЛЯ

Карта 14. Распространение античного импорта в Северном Причерноморье в I—IV вв. н. э.

а — продукты, транспортировавшиеся в амфорах (вино, мас-

ло); б — глиняная посуда; в — металлические изделия; г — стеклянные изделия; д — фибулы. Составитель И. Б. Брашневский

Карта 15. Основные центры — экспортеры товаров в Северном Причерноморье в I—IV вв. н. э.

а — продукты, транспортировавшиеся в амфорах (вино, мас-

ло); б — глиняная посуда; в — металлические изделия; г — стеклянные изделия; д — фибулы. Составитель И. Б. Брашневский

торые группы находок, хорошо представленные на варварских территориях, в частности стеклянные и бронзовые изделия западного (италийского, галло-римского, рейнского) происхождения, неизвестны в приморских античных городах, в частности боспорских. Они, вероятно, перевозились по караванным путям из Подунавья или Ольвии до Тапаса, а далее уже, по караванным же дорогам, прощкали далеко на восток (Шелов Д. Б., 1967а; 1972а; *Schelow D.*, 1968). Это, вероятно, относится и к фибулам (Кропоткин В. В., 1970, с. 33 сл.; Амброз А. К., 1966). Необходимо также считаться с вероятностью проникновения многих изделий из варварам в качестве военных трофеев, а не путем торговли (Шелов Д. Б., 1967а, с. 111 сл.).

Ассортимент античного импорта в варварской среде весьма широк: это помимо вина, главным образом из южнотитийских малоазиатских центров, а отчасти также из западных, включая италийские; разнообразная краснолаковая посуда как малоазиатского, так и средиземноморского происхождения; весьма разнообразные (серебряные и бронзовые) изделия из стеклянной посуды, фибулы, резные камни и геммы, а также другие украшения (Кропоткин В. В., 1970), происходящие из разных районов и центров производства античного мира.

Находки амфор особенно широко распространены в Подунавье и Поднестровье, Побужье, Приднепровье и их междуречьях, на Нижнем Дону и в Прикубанье (Кропоткин В. В., 1970, с. 9 сл.; 149, рис. 1-3). На востоке Северного Причерноморья и, особенно, в Задонье, Поволжье и Заволжье амфоры почти не встречаются. Вероятно, сюда вино поступало по караванным путям в мягкой таре. Но не исключено также, что племенами, обитавшими в этих районах, вино потреблялось в значительно меньшем количестве, чем более западными. Импорт вина, судя по остаткам амфор, усиливается в III-IV вв. (Кропоткин В. В., 1970, с. 149, рис. 3). Ареал краснолаковой (а также и простой гошчарной) керамики в общем совпадает с областью распространения амфор. Но в отличие от последних, краснолаковые сосуды нередко встречаются и в междуречьях Дона и Волги и на Нижней Волге. Начинается их импорт еще в I в. до н. э., когда он относительно невелик; резкое возрастание ввоза наблюдается с I в. н. э. и продолжается в последующие века (Кропоткин В. В., 1970, с. 151, рис. 4; Шелов Д. Б., 1972а, с. 214). Как и вино, краснолаковая керамика поступала на варварские территории через посредство северочерноморских городов, о чем свидетельствует идентичность состава импорта. Область распространения металлических (серебряных и бронзовых) изделий отличается от ареала импортной керамики — основными районами их находок являются Прикубанье, Подонье и Поволжье вплоть до Урала на востоке (Кропоткин В. В., 1970, с. 151 сл., рис. 6-15; Шелов Д. Б., 1972а, с. 206 сл.). Хронологически этот импорт соответствует общему развитию варварской торговли Северного Причерноморья. Наибольшей интенсивности он достигает, вероятно, в I-II вв. (Шелов Д. Б., 1965а; 1967а; 1972а; с. 206 сл.). Весьма широким был импорт стеклянных сосудов, включавший не

только проземные изделия, но и изготовленные в местных северопонтийских мастерских (Кропоткин В. В., 1970, с. 159 сл., рис. 16-21).

Внутренняя торговля северочерноморских государств складывается из двух основных составных частей: внутригородского рынка и внутрисоветского рынка, имевшего специфические черты в разных государствах Северного Причерноморья. В одних случаях структура внутренней торговли была сложной, включая в себя как торговлю между различными городами государства, так и торговлю городов с сельскими поселениями (Боспор, Херсонес), в других — только лишь торговлю главного городского центра с поселениями хоры (Ольвия, Тира).

Внутригородская торговля в государствах Северного Причерноморья остается до сих пор практически неизученной. О раннем сложении и высоком уровне развития городских рынков яркое представление дает, однако, повсеместный ранний выпуск собственной монеты, в том числе, особенно мелких и мельчайших номиналов (табл. LXXV-LXXIX) имевшей хождение именно на внутреннем рынке (Зораф А. П., 1954; 1955; 1957; Шелов Д. Б., 1956а; Карышковский П. О., 1969в; Анохин В. А., 1977б). Большое значение для изучения городских рынков, имеют находки предметов торгового инвентаря: мерных сосудов, гири-развесов и т. д. (табл. LXVI).

Изучение внутрисоветской торговли Северного Причерноморья находится еще на начальной стадии (Кругликова И. Т., 1972б; 1975б; с. 219 сл.; Шелов А. П., 1973б; Зеест И. Б., 1951а; 1960). Основные выводы, к которым можно прийти в настоящее время, сводятся к следующему. Для внутреннего (внутрисоветского) рынка характерно высококоразвитое денежное обращение (Шелов Д. Б., 1956а; Карышковский П. О., 1969; Кругликова И. Т., 1972б; 1975б, с. 221 сл., 228 сл.; Шелов А. П., 1973а). Основу внутренней торговли составляла торговля сельскохозяйственными и ремесленными продуктами собственного производства, импортные товары занимали во внутренней торговле подчиненное положение. В торговых сделках на внутреннем рынке широкое развитие получила не только различная торговля, но и оптовая (Шелов А. П., 1973а). Во всех северочерноморских государствах регулирующая роль во внутренней торговле принадлежала столичным центрам. Можно предполагать определенную специализацию в производстве, а следовательно, и торговле, различных городских центров государства (Боспор). Так, например, имеются основания считать боспорский городок Мирчешки крупным центром боспорского виноделия и внутренней виноторговли (Гайдукевич В. Ф., 1958а). Интенсивность и колебания в развитии внутренней торговли государств Северного Причерноморья стояли в прямой зависимости от их общего экономического развития. Так, в частности, расцвет внутренней торговли в них наблюдается в IV — начале III в. до н. э. и I-II вв. н. э., что совпадает со временем их экономического и политического подъема.

Глава девятая

Военное дело

Военное дело государств Северного Причерноморья было теснейшим образом связано с их экономическим развитием и изменялось в зависимости от эволюции социально-экономических и политических условий. Некоторые сведения о военном деле в Северном Причерноморье можно извлечь из сочинений древних авторов: Геродота, Диодора, Полиена, Тацита, Апиана, Арриана. Страбона, Диона Христофора и Овидия. Однако, сведения эти фрагментарны и рассказывают только об отдельных боевых эпизодах. Эпиграфические памятники также дают некоторую информацию, в частности, сообщают о строительстве различных оборонительных сооружений, о воинских должностях, иногда даже о ходе военных действий и т. д. О расположении римских войск в Северном Причерноморье позволяют судить клейма на черепицах и кирпичках, надгробия. Изображения на монетах и граффити на памятниках прикладного и прикладного искусства, донесенные до нас общими видами пещей и конных воинов, их снаряжения, батальные сцены, изображения военных кораблей, ворот и стен древних крепостей и осадных машин. Незаменимым источником являются археологические данные: остатки оборонительных сооружений, различные виды оружия. В. Д. Блаватский проделал большую работу по систематизации и анализу материала о военном деле Северного Причерноморья (*Блаватский В. Д.*, 1946б; 1949а; 1950в; 1951а, д; 1954а, 1961а). Имеется, кроме того, ряд исследований, посвященных отдельным темам (*Соколовский Н. И.*, 1954; 1955; 1962б; 1971; *Шmidt P. B.*, 1941; *Рабинович Б. З.*, 1941; *Галанина Л. К.*, 1965; *Петерс Б. Г.*, 1962; 1966; 1977; *Пругло В. И.*, 1966; *Десятчиков Ю. М.*, 1968; *Долгоруков В. С.*, 1968 и др.) Недавно вышла специальная работа, посвященная изучению морского дела в античных государствах Северного Причерноморья (*Петерс Б. Г.*, 1982).

Военное искусство и вооружение греческих переселенцев на раннем этапе имело чисто греческий характер и резко отличалось от вооружения местных племен. Но с течением времени военное дело Северного Причерноморья стало приобретать специфические черты, не свойственные метрополии (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 63–70). Здесь военное дело должно было отвечать главной задаче — борьбе с местными племенами, многочисленной, не знающей регулярного строя легковооруженной массой воинов, во главе которых выступали одетые в броню вожди. Греческие государства постоянной армии не имели и в случае военной угрозы коллегия стратегов собирала ополчение из граждан подвоя. Богатые и средние слои общества приобретали вооружение за свой счет и составляли части тяжеловооруженных воинов-гоплитов. Малоимущие граждане выступали как легковооруженные воины. Такая организация военного

дела, по-видимому, существовала во всех североприморских полдсах. В городах Боспора после установления на Боспоре в 438 г. до п. э. династии Спартокидов формируется армия наемников, которая, как сообщает Полиен (VI, 14) участвует в завоевании Феодосии. Она набиралась из эллинов, фракийцев, пафлагонцев (КБН, 180; *Гайдукевич В. Ф.*, 1960, с. 105 сл.). Помимо них в военных кампаниях в качестве союзного войска могли участвовать и местные племена. Так, согласно Полиену (VI, 9) при завоевании Феодосии на стороне Боспора действовали скифские войска.

Пехота. Тяжеловооруженная пехота (гоплиты) была основным видом войска в государствах Северного Причерноморья. Ее главным оружием были два копья, каждое из которых состояло из двухметрового древка и железного наконечника с длиной стальной в вытупленном остром (табл. LXXX, 22—24). Одно из копий металось в противника, а второе использовалось для ближнего боя. В ближнем бою широко применялись мечи (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 77–78; 1961а, с. 77; *Соколовский Н. И.*, 1954, с. 132). Чаще всего употреблялся двулезвийный, острокопечный греческий меч-ксифос (табл. LXXXI, 9, 11, 22, 24), способный наносить рубящие и колющие удары, а также односторонний, расширяющийся в средней части меч-махайра, находящийся на вооружении копейники, но употреблявшийся и пехотой (табл. LXXXI, 25, 38). Наряду с ними применялись короткие скифские мечи-акнаки и длинные спидо-мелотские (табл. LXXXI, 29). Носили мечи в ножнах, прикрепленных к португе, перекинутой через правое плечо. Кожаные в ножнах крепились к правому бедру с помощью ремней. Защитное вооружение гоплитов состояло из щита, металлического шлема (*Рабинович Б. З.*, 1941, с. 99; *Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 76; 1961, с. 77; *Мелюкова А. И.*, 1964, табл. 23), панциря и попожей. Щиты имели деревянную основу, на которую натягивалась кожа. С наружной стороны щиты покрывались листовым металлом, в центре крепился металлический узион (табл. LXXXI, 43, 44). С внутренней стороны находились перемычки для продвижения руки (табл. LXXXII, 3, 4, 9, 13, 19). Щиты были различных форм: круглые (табл. LXXXI, 44, 47; LXXXII, 2, 10, 17; LXXXIII, 5, 25, 33, 34, 38), ромбовидные (табл. LXXXIII, 28), фигурные (табл. LXXXII, 11; LXXXIII, 4, 32), овальные (табл. LXXXI, 43; LXXXII, 8, 18, 19, 22, 23, 25, 26, 29, 30, 33; LXXXIII, 1–3, 6, 10–12, 19, 20, 26, 27; LXXXIV, 20). Последние могли иметь дугообразный вырез в верхней части для более удобного наблюдения за противником (табл. LXXXII, 3, 4, 9; LXXXIII, 17). Иногда к щитам подвешивались коврики, которые служили для защиты нижней части тела от стрел (табл. LXXXI, 44) (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 76; *Галанина Л. К.*, 1965, с. 5).

Шлемы более раннего времени изготавливались из бронзы, а в последние века до нашей эры — из железа. Они были различных конструкций: коринфский, с большими неподвижными нащечниками и с небольшим просветом для глаз (табл. LXXXI, 12), аттический — с небольшими подвижными нащечниками (табл. LXXXI, 35); беотийский — колоколообразной формы (табл. LXXXI, 40); фригийский — с загнутым вперед верхом (табл. LXXXI, 34); кельтский — с рогами (Гравос В. Н., 1977, с. 58) (табл. LXXXI, 42). Многие шлемы в верхней части имели гребень, к которому прикреплялись украшения — хвосты животных или перья птиц (табл. LXXXII, 2; LXXXIV, 17, 18). Панцири изготавливались из бронзы, а позднее из железа. Ранние бронзовые панцири — кирасы состояли из двух половинок. Позднее появляются панцири из пластика и чешуек, нашитых на кожу (табл. LXXXI, 15, 18, 20). Поверх панцирей обычно надевали нащечники, нагрудник и пояс (табл. LXXXI, 14, 36; LXXXII, 29) (Блаватский В. Д., 1961, с. 77; Манцевич А. П., 1941, с. 19). Поножил (кнемиды) — бронзовые пластины, изогнутые по форме голени, защищали ноги от шиколотки до колена (табл. LXXXI, 17, 32, 33; LXXXIV, 19). Наглядное представление о вооружении боспорской аристократии дают находки в Керченских и Таманских курганах. Так, например, в кургане Кекузатского (IV в. до н. э.) обнаружен бронзовый аттический шлем с наглухо прикрепленным пазатыльником и с подвижными нащечниками, позолоченные бронзовые пояски (табл. LXXXI, 32, 35), позолоченные бронзовые трехгранные наконечники стрел (табл. LXXX, 33—39), меч с обложенной золотом рукояткой и каменной точило (Артамонов М. И., 1966, с. 66, табл. 270).

Средневооруженная пехота — пельсты, имела наступательное вооружение, состоящее из копий (табл. LXXX, 11, 12, 25, 26, 61), мечей (табл. LXXXI, 7, 8) и дротиков (табл. LXXX, 60). Оборонительные доспехи состояли в основном из небольших щитов-пельт (табл. LXXXI, 44, 47; LXXXII, 3, 4; LXXXIII, 2, 12). Кроме того, в Северном Причерноморье применялись и более крупные щиты (табл. LXXXII, 8, 19, 20, 22, 24). Для защиты головы пельсты употребляли легкие шлемы (табл. LXXXII, 4, 34; LXXXIII, 1, 2, 10—12, 18, 33). Судя по изображениям, в сражениях участвовали и воины, тело которых было совершенно не защищено, влп покрыто легким холщевым панцирем (табл. LXXXII, 1, 4, 14, 19, 23; LXXXIII, 1, 2, 12, 33 и др.). Иногда в вооружение пельстов входили боевые топоры (табл. LXXXI, 1, 2, 21, 37; LXXXII, 3).

Легковооруженная пехота имела в качестве наступательного вооружения пращи (табл. LXXXIV, 21, 22), каменные ядра которых неоднократно падали при раскопках (табл. LXXX, 28, 29, 44) и дротики (Блаватский В. Д., 1961, с. 77) (табл. LXXX, 26, 27). Самым распространенным видом вооружения у этого рода войск был лук (LXXXII, 5). Наряду с луками легковооруженная пехота применяла и короткие мечи-акинахи (Соколовский Н. П., 1954, с. 128—130). Защитных доспехов не было, лишь на головы надевались кожаные шлемы. На Боспоре с начала IV в. до н. э. в связи с привлече-

нием в армию наемников, роль легковооруженной пехоты уменьшилась.

Воинка Северного Причерноморья имели локальные отличия. На Боспоре основную роль играла конница в то время, как в Ольвии и Херсонесе большую роль играли гопплиты и стрелки из луков (Блаватский В. Д., 1961, с. 78). Боевые действия указанных родов войск происходили в постоянном взаимодействии друг с другом. В ранний период основу боевого порядка составляли гопплиты, построенные дорийской фалангой — восьмью тесно сомкнутыми линейными шеренгами. Сражение обычно начинали легковооруженные воины, которые находились впереди фаланги. Они обстреливали противника и отходили на ее фланги, прикрывая таким образом гопплитов. После этого фаланга наносила лобовой удар сомкнутым строем, выдвигая вперед копья и рвала исход сражения в рукопашном бою. Разбитого противника преследовали легковооруженная пехота и конница. С IV в. до н. э. против фаланг гопплитов успешно действуют соединения пельстов. В это же время на смену дорийской фаланге приходит македонская. Последняя состояла из 16 и более тесно сомкнутых линейных шеренг. Гопплиты ее первого ряда были прикрыты щитами и вооружены копиями. Остальные ряды воинов не имели щитов. Они держали в обеих руках копья, длина которых постепенно увеличивалась и достигала в последней шеренге 6—7 м. Этими копиями македонская фаланга наносила более сокрушительный удар, чем дорийская. Конница прикрывала ее фланги. Дорийская и особенно македонская фаланги не могли действовать на пересеченной местности, и их самым уязвимым местом оставались фланги и тыл.

Археологический и эпиграфический материал дает возможность говорить о влиянии римлян на организацию военного дела в Северном Причерноморье. Со II в. в. э. в Херсонесе находится ставка военного трибуна. Римские отряды были в Хараксе, Ольвии, Тире, а может быть, и в Паптыкане (КВН, 263). Удастся установить, части каких именно легионов были в Северном Причерноморье: I Италийский, XI Клавдиев, V Македонский (IPE I, 547, 549, 550—552). Судя по сообщению Аппиана (87 и 108) Митридат Евпатор после того, как испытал на себе силу удара римских когорт, тоже расчленил свое войско на подобные подразделения.

Конница. Конница как вид вооруженных сил имела важное значение в войске северопричерноморских государств. Стремительной и многочисленной коннице кочевых племен государства Северного Причерноморья и в первую очередь Боспор противопоставляла свою хорошо организованную и вооруженную конницу. Сходство вооружения конницы Боспора (и других греческих государств) и конницы причерноморских племен подтверждается многочисленными материалами (Блаватский В. Д., 1954а, с. 80, 81) (табл. LXXXII, 6, 7, 11, 12, 27, 28, 31, 32, 34, 35; LXXXIII, 7—9, 13—15, 20—23, 30, 31, 35—38). Наступательное оружие ее состояло из лука, дротика, пика и меча. Лук скифского типа, сигмовидной формы, размером до 0,8 м, послыл в специальном чехле-горите у пояса с левой стороны (табл. LXXXII, 11). Горты изготавливались из кожи и иногда сверху покрывались пластинками из дра-

гоценных металлов, на которых имелись изображения с сюжетами, заимствованными из мифологии или повседневной военной жизни. С паружной стороны горита имелось специальное колчанное отделение, в котором хранились стрелы (табл. LXXX, 54, 56, 58, 59). Стрела состояла из металлического пакопечника, древка и оперения (табл. LXXX, 41). Метательным оружием на близкие расстояния служили дротики (табл. LXXX, 15). Вероятно, в походном состоянии два дротика крепились в муфтах щита перекнутого па свиню всадника (табл. LXXXII, 11). Дротики обычно метали рукой, но, вероятно, при необходимости ими могли пользоваться как копиями (табл. LXXXII, 6, 12, 28). В ближнем бою конница применяла копы (табл. LXXXII, 7, 35), мечи различных размеров (табл. LXXXI, 3-6) и боевые топоры (табл. LXXXIII, 24). В оборонительные доспехи конщика входили: шлем, панцирь, поножи, щит; наборы защитного снаряжения могли изменяться от возможностей и достатка их владельца. Шлемы были металлическими, сохдных конструкций со шлемами голлятов. Панцири состояли из бронзовых полос или чешуек, часто имели наплевники, пагрудники и защитные пояса (табл. LXXXI, 14, 15, 18, 20, 36). Поножи и щиты были аналогичны описанным выше (табл. LXXXI, 17). Страбон (VII, 317) сообщает, что щиты иногда плелись из прутьев. Железные доспехи, нередко сверху покрывались тонкими бронзовыми, серебряными или золотыми пластинками и могли быть украшены резным или рельефным орнаментом. Наглядное представление о вооружении конницы и приемах ведения боя дает серия различных изображений сражающихся всадников (табл. LXXXII: 6, 7, 11, 12; LXXXIII, 20, 21, 30, 31). В описании Диодором Сицилийским (XX, 22) сражения у реки Фат хорошо прослеживаются тактические приемы эпохи эллинизма, взаимодействие между различными родами войск и ведущая роль конницы в боевых действиях. Сатир, по скифскому обычаю, паходился в центре боевого строя и отряд, возглавляемой им конницы папустил удар не по флангам, а по центру неприятельского войска (*Блаватский В. Д.*, 1946а, с. 101 и сл.). В херсонесском декрете в честь Днофанта сообщается о применении им тактики координированного действия отдельных частей армий. В то время, как тяжелооруженная фаланга принимала удар скифороксоланского войска, другие более подвижные части, вероятно, охватили флаги, а может быть, и вошли в тыл противника, приведя последнего к полному поражению (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 89). Из сообщений Страбона (II, I, 16; VII, III, 18) мы узнаем, что конница участвовала в сражениях не только па суше, но и на льду Керченского пролива, когда полководец Митридата Евпатора Псоотолем в кожном строю одержал победу над варварами. Участие конницы в сражении па льду дает возможность предположить наличие каких-то разновидностей подков с шипами. Иначе лошади скользя бы по льду пролива, обычно не заметному снегом.

В I-II вв. н. э. происходит значительное изменение в вооружении и тактике сарматской конницы. Ударной ее силой становятся катафракты — тяжелооруженные всадники. Изменения вооружения и тактики конницы произошли в это время и в антич-

ных государствах Северного Причерноморья. Конница имела вооружение сарматского типа, о чем свидетельствуют находки в боспорских погребениях и памятники изобразительного искусства (*Геру К.*, 1859, с. 63; *Ростоцев М. И.*, 1925, с. 192 п сл.). Наступательное вооружение тяжелой конницы в это время состояло из луков, дротиков, пик и мечей. В ходу еще луки скифского типа (табл. LXXXIII, 13), но все чаще им па смену приходит большой «сарматский» или «тунишский» лук. Эта смена происходит в I в. до п. э.—I в. н. э. (ОАК, 1911, с. 59, 60; *Марченко И. Д.*, 1956а, с. 121, рис. 4, 19а, 19б; *Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 70, 71), что подтверждается п материалами из раскопок пекропелей Боспорских городов, где постоянно встречаются железные трехлопастные черешковые пакопечники стрел п «сарматский» лук. Он достигал длины до 1,6 м и имел острые пакладки, усиливающие его боевые свойства. Древки стрел изготовлялись из березы, тополя, ясеня п тростника. Иногда они делались составными, тогда паконечник стрелы крепился к деревянному стержню, который вставлялся во вторую часть древка, изготовленную из тростника. Часто древки стрел были выкрашены в красный (*Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 70) или белый цвет (*Смирнов К. Ф.*, 1961, с. 32). Стрелы большого «сарматского» лука были способны пробивать панцирь тяжелооруженного конщика (табл. LXXXIV, 4-6, 24, 25). Метательным оружием служили дротики с втульчатыми железными паконечниками, заканчивающимися узким стержнем (*Ростоцев М. И.*, 1925, с. 563) (табл. LXXXIV, 11). Длина пика сарматского типа достигала 4,5 м. Они имели длинную втулку с розеткообразной закрапкой п заканчивались острым листовидной формы (табл. LXXXIV, 10, 12). Основную силу клина сарматских катафрактов составляли тяжелооруженные всадники, кони которых имели броневое покрытие, а к их туловищу были привязаны копы, способные одним ударом прозять двух человек; за ними следовали конницы, вооруженные мечом п штурмовым копьем (*Десячиков Ю. М.*, 1968, с. 46, 47). Это концы держали двумя руками: правой направляли удар, который наносился корпусом всадника на пушечной карьерой лошади (*Блаватский В. Д.*, 1949а, с. 97). При нанесении удара этой пикой держались на лошади не только пенькелями — внутренней стороной ног от колена до щиколотки, но, возможно, применяли ремешные стремена, которые, как предполагают, появились в IV-III вв. до н. э. (*Кыласов И. Л.*, 1973, с. 35). Мечи у катафрактов были железные сарматского типа, обоюдоострые, приспособленные для рубящего и колющего удара, длиной более 1 м. Рукоятки мечей заканчивались пабадапшиками в виде бляхи или пшички. Кроме того, воины часто носили запасные короткие мечи, которые плотно пристегивались двумя ремнями к бедру (табл. LXXXIII, 27). Оборонительное вооружение катафрактов состояло из шлема, панциря, железного пояса, копейной брони. Железные шлемы сарматского типа имели коническую форму п специальный выступ для защиты лица, по бокам их спускались треугольные паушички (*Лени Э. Э.*, 1902, с. 120 п сл.) (табл. LXXXIII, 23). Туловище воинов защищал кольчатый панцирь, а для защиты пабо-

лее уязвимых частей тела — плечей и груди, применялась пластинчатая броня. Панцири изготавливались из железа, бронзы и латуни. Нижняя их часть состояла из железного пояса с прикрепленными к нему железными пластинами, защищавшими погн вонна. Железные части панциря могли покрывать сверху тонкими листами золота (ОАК, 1899, с. 44; ИАК, вып. I, 1901, с. 97; *Ростовцев М. И.*, 1925, с. 572). Тяжеловооруженная конница античных городов Северного Причерноморья, подобно сарматской, имела дополнительные оборонительные доспехи, защищавшие лошадей (*Десятчиков Ю. М.*, 1972, с. 73). Несколько копских кольчуг было обнаружено во время раскопок могильников и курганов Прикубани (*Леонтьев П. М.*, 1854, с. 516; ОАК, 1895, с. 57; *Анфимов П. В.*, 1960, с. 164). Не лишено вероятно, что сарматский обычай иметь во время похода запасную лошадь связан с тяжестью броневого покрытия и всадник пересаживался на лошадь, покрытую броней, только при сближении с противником.

Наряду с катафрактариями продолжали существовать и соединения легкой конницы. Последняя продолжала выполнять разведочно-дозорные функции, а в сражениях преследовала разгромленного противника. В государствах Северного Причерноморья конница в сарматское время становится решающей ударной силой.

Фортификация и осадное дело. По-видимому, уже вскоре после возникновения городов, вокруг них начали возводить оборонительные стены и башни. Остатки самых древних оборонительных стен открыты в Тиритаке, где они соединяли дома, стоявшие на краю поселения. Такие укрепления вряд ли могли устоять при правильно организованной осаде, но за ними можно было отбиваться в случае налета кочевников. В первой половине V в. до н. э. в Тиритаке, по-видимому, была возведена каменная двухпанцирная стена толщиной 1,7—1,8 м. Первые укрепления Пантикапея, остатки которых были открыты на северном склоне горы Митридат, возможно, также относятся к VI в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 91). Может быть, к VI в. до п. э. следует отнести возведение оборонительных стен Нимфея, исследовавшихся в восточной и южной частях города (*Грач Н. Л.*, 1967, с. 219).

В V в. до н. э. оборонительные стены, кроме Тиритаки, Пантикапея и Нимфея существовали, вероятно, уже у большинства крупных городов. Геродот (IV, 73—74) сообщает о стенах Ольвии с башнями и воротами. Известны оборонительные стены Фанагории V в. до п. э. толщиной до 2,40 м (*Кобылина М. М.*, 1967а, с. 127). Остатки фортификационных сооружений второй половины V — первой половины IV в. до п. э. обнаружены в Никоши. Его оборонительные стены по-видимому, тянулись вдоль рва по самому узкому месту мыса, на котором был расположен город (*Синицын М. С.*, 1966, с. 5—56; *Загинало А. Г.*, 1976, с. 293). Например, на рубеже V—IV вв. до н. э. возводятся оборонительные стены Мирмекии с башнями толщиной 2,15—2,5 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 136 и сл.).

В IV в. до п. э. в Ольвии была создана новая более мощная система обороны. Очень учено выбранная линия обороны проходила по краям плато над

глубокими балками, обрамлявшими город с двух сторон; с третьей стороны границей служил берег Бугского лимана. Подобные естественные препятствия затрудняли штурм городских укреплений и установку у его стен осадных машин. Хорошие фортификационные сооружения позволили Ольвии выдержать осаду 30-тысячной армии Золипрона. Ворота северной степи были фланжированы с двух сторон выступающими вперед башнями, которые позволяли защитникам встречать приближающегося противника фронтальным и фланговым обстрелом. О высоком уровне фортификации античных городов Северного Причерноморья особенно наглядно свидетельствуют оборонительные сооружения Херсонеса. Самые ранние укрепления Херсонеса относятся к IV в. до н. э. Они удачно сочетаются с рельефом местности (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 95). Стены двухпанцирные из тщательно отесанных блоков с бутом из камня и глины. Кладки стен сложены пасухо. Для сцепления рядом лежащих камней между собой, в них делались специальные пазы, в которые вставляли расширяющиеся с обоих концов деревянные пилены в виде хвоста ласточки. Толщина стен от 3,2 до 4 м. Стены были укреплены башнями. Анализ кладки и стратиграфии слоев позволил И. А. Антоновой установить, что в IV в. до н. э. башни имели прямоугольные очертания, в III в. до н. э. возводятся круглые башни, а в первых веках нашей эры форма башен вновь прямоугольная и лишь в случае ремонта старых башен, строятся дополнительные панцири, сохраняя ее прежние очертания, как например, было с башней XVII (Зенона). Диаметр круглых башен 6—10 м, квадратные были меньших размеров, особенно в первые века нашей эры. Сохранились городские ворота эллинистического времени, с внутренней стороны усиленные пилонами. В передней части ворот имеются пазы, по которым, вероятно, сверху в случае необходимости могла быть быстро спущена железная решетка — катаракта. Посредние проема ворот находились двустворчатые двери. Ворота запирались засовом, задвигавшимся через сквозные отверстия в юго-восточном пилоне. У внутренней стороны стены размещалось помещение караула.

Основываясь на данных Ползена (V, 23) об освобождении гераклийским навархом Феодосиом осажденной неприятелем, можно говорить о наличии у нее оборонительных стен. С конца IV в. до н. э. город был уже хорошо защищен, кроме того, там обнаружены стены городского акрополя. В IV—III вв. до н. э. продолжают сооружаться городские укрепления в Тиритаке, ее стены утолщаются до 3,4 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 17 сл.), сооружаются башни. В Пантикапее оборонительные сооружения возводились с учетом рельефа местности. Страбон (VII, 4,4) сообщает, что на вершине высокого холма Пантикапея, находился акрополь. Он был окружен второй крепостной стеной, остатки которой сохранились на поверхности холма до начала XIX в. Археологические раскопки вскрыли выходы скал со специальными подтесами, служившими основаниями стен акрополя и города IV—III вв. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1950д, с. 22; 1953г, с. 164 и сл.; 1954а, с. 93; 1957а, с. 25 и сл.; 1963, с. 65 и сл.; *Марченко И. Д.*, 1975а, с. 318 и сл.). Стены тол-

щной 2,2 м из хорошо отесанных блоков известняка были двухнащипрными с зубчатой кромкой из рваного камня (*Толстиков В. П.*, 1977, с. 457). В первой половине III в. до н. э. сооружены оборонительные стены Порфмии (*Кастаная Е. Г.*, 1972, с. 78, 81, 82). В III—II вв. до н. э. новые мощные оборонительные стены возводятся вокруг Фагатории (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 98). Прослежены оборонительные стены Танаиса III—I вв. до н. э. толщиной до 3 м. Они двухнащипрные с глинянокаменной забутовкой из крупных грубо обработанных камней неправильной формы. Промежутки между большими камнями заложены мелкими. У ранней оборонительной стены Танаиса (в его западной части) башен и рва не обнаружено (*Шелов Д. Б.*, 1970, с. 129 сл.).

В первые века нашей эры идет интенсивное обновление оборонительных сооружений городов Северного Причерноморья. Стены римского времени обнаружены в Тире. Выявлены круглая в плане башня и здание вскапации I Италийского легиона, которые были разрушены около середины III в. н. э. (*Клейман И. Б.*, 1971, с. 229 сл.; 1976а, с. 109 сл.). В Ольвии вскрыты стены над Заячьей Балкой (с башнями и помещением для караула), а в Напьем городе — стены, возведенные после гетского разгрома. В первые века нашей эры в Херсонесе происходит интенсивные работы и ремонт фортификационных сооружений. Были надстроены куртины и башни старых стен, возведена передовая оборонительная стена — протейхизма (вторая половина I в. н. э.). Сохранились остатки укреплений, где в первые века нашей эры находились римские отряды. Во второй половине II в. — в начале III в. н. э. ведутся строительные работы в юго-восточной части укреплений. Башню Зенона, опоясывают еще одним рядом облицовочных камней и диаметр ее достигает 11,5 м. В I—II вв. н. э. заново перестроены стены и башни в северо-западной части города. Большой интерес представляет изображение оборонительных сооружений Херсонеса, сохранившиеся на стенах склепа IV—V вв. н. э. Там представлена высокая зубчатая стена, на которой лишь темно возвышаются так же увенчанные зубцами башни. Ворота перекрыты коробовыми сводами, ближайше ворота закрыты двусторонними дверьми (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 154, рис. 76). В Хараксе обнаружены две крепостных стены. К внешней стене, сложенной, по-видимому, таврами циклопической кладкой, во второй половине I в. н. э. пристраивается римлянами полая, а также строится дополнительная внутренняя стена. На Госпоре в I в. до п. э. I в. н. э. укрепляются не только города, но и поселения, сооружаются специальные крепости с созданием линии укреплений. В Пантикаее в северной части акрополя, построенного еще в IV—III вв. до п. э., археологическими раскопками прослежено три периода в сооружении укреплений. В третий строительный период оборонительные сооружения были перестроены. Толщина стен увеличивается с 2,4 до 4,5 м. На расстоянии 2,8 м от внешних стен строятся дополнительные внутренние стены шириной до 1,5 м. Между внешней и внутренней стеной выявлены поперечные перегородки. Эти укрепления существуют до III—IV вв. н. э. (*Толстиков В. П.*, 1977, с. 158, 165). Городская стена Пантикаея, возможно, позо-

ражена на сестерции Рескупорида II (68—92 гг. н. э.). Она имеет ворота, на которых установлена конная статуя царя, и прямоугольную в плане башню. По верху стена обрамлена зубцами. Остатки крепостных стен открыты в Фагатории в западной части городища. К I в. п. э. относится сооружение оборонительного вала, защищавшего Кены (*Соколовский П. И.*, 19616, с. 58). Судя по надписям, особое внимание уделялось укреплению отдельных городов — Танаиса и Горгипши. В западной части Танаиса сохранились остатки городских стен конца I — начала II вв. н. э., сложенных на глине из крупных и средних камней неправильной формы. В крепостной стене открыт переход со сводчатым перекрытием, сложенный из отесанных квадров. Он суживался к паружной стороне стены и был защищен четырехугольной в плане башней III, построенной в начале II в. н. э. На рубеже II—III вв. н. э. башня была разрушена и на ее остатках была воздвигнута новая мощная башня из огромных слегка подгесанных глыб известняка. Севернее башни III находилась прямоугольная в плане башня IV, сооруженная в начале II в. н. э. и погибшая в пожаре во второй половине II в. н. э. На ее месте была построена более мощная башня, стены которой стали вдвое толще. Наличие в этом районе двух мощных башен, вымостки и находки надписей о восстановлении городских ворот в 229 г. н. э. (*Болгунова А. И.*, 1968, с. 46) дают возможность предполагать существование здесь западных крепостных ворот (*Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 34). Здесь же был обнаружен оборонительный ров II в. В конце II—III вв., восстанавливаются обветшавшие башни, стены и городские ворота (КБН. 1242, 1243, 1246, 1247). В Горгипши в конце I — начале II в. н. э. заново отстроены городские стены (КБН. 4122). Имеются надписи о строительстве башен и стен и в других городах Востора во II—IV вв. н. э. (КБН. 67, 397, 1052, 1112). В Китее обнаружены две линии оборонительных стен: внутренняя и внешняя. В южной части городища исследовалась внутренняя стена II—IV вв. н. э. с отстоящая от нее на 15 м к северу — внешняя стена первых веков нашей эры. В северной и западной частях Китея открыты отрезки внутренней оборонительной стены I в. до н. э. толщиной до 2,9 м (АО 1972 г., с. 259; АО 1973 г., с. 248). В Киммерике стены акрополя были двухнащипрные с каменной забутовкой и имели пять башен. Обнаружена также городская оборонительная стена толщиной до 2,5 м из огромных колотых камней. Северо-восточнее Киммерика на горе Оуку была открыта штабеле первых веков нашей эры. К востоку от нее по склону тянулась стена, видимая еще в XIX в. Стена имела длину 144 м и толщину до 3 м, а в северной части до 5 м и три башни. У южной оконечности стены обнаружена квадратная в плане башня 4×4 м, сложенная из больших необработанных или грубо отесанных камней (*Зеев П. Б.*, 1949а, с. 53—55; 1949б, с. 49 сл.; *Крудилова И. Т.*, 1958б, с. 219). Эти оборонительные сооружения вместе с укреплениями города создавали в первые века нашей эры к югу от горы укрепленный район, занимавший территорию около 3 км². Этот район являлся частью системы укреплений, связанных с так называемым Уаудларским валом. Существует

мнение, что слова Страбона (XI, 2,5) о том, что «Киммерк был прежде город, построенный на полуострове и замыкавший перешеек ровом и валом» относятся к описанному выше Киммерку, а не к Киммерку, находившемуся в Азиатской части Боспора (Шмидт Р. В., 1941, с. 272; Гайдукевич В. Ф., 1949а, с. 186 и др.).

На Керченском полуострове сохранились два вала, перерезавшие полуостров с севера на юг, по-видимому, служившие для защиты сельскохозяйственной территории от нападений кочевников. Страбон сообщает (VII, 4, 6), что даки кочевникам не платят те, кто уверен в своей способности помянуть вторжению и как пример этому приводит боспорского царя Асадыра (47—17 гг. до п. э.), который «построил на перешейке Херсонсса, поблизости от Меотиды стену длиной 360 стадий и воздвиг на каждую стадию по 10 башен». Местоположение этой стены пока не установлено. Существует предположение, что она переторживала узкий перешеек, отделявший Крымский полуостров от материка в районе Перекопа (Mitts., E., 1913, p. 16, 592; Сокольский И. И., 1957, с. 104 сл.). Предположение о том, что она проходила по линии Феодосия — Арабатская стрелка (Palas P. S., 1805, с. 264; Гриневич К. Э., 1946) не подтвердилось (Сокольский И. И., 1957, с. 92; Бабков И. И., 1957, с. 282). Из двух сохранившихся земляных валов восточный начинался у Тиритакса, шел через Золотой Курган. Кренида которого входила в это сооружение и тянулся далее на север к Азовскому морю. В его основе была каменная кладка (Гриневич К. Э., 1946, с. 160). С западной стороны вал имел глубокий ров, более 3,5 м. По мнению исследователей, вал был сооружен не позднее первой половины V в. до н. э. (Шмидт Р. В., 1941; Блаватский В. Д., 1954а, с. 102 и др.).

Второй вал, так называемый Узулуарский, идет известной линией от Узулуарского озера до Азовского моря. Длина его 35—36 км. Исследователи XIX в. определяли его ширину в 28,4 м, установили наличие каменной крениды в его основании и полукруглых башен (библиографию см. Сокольский И. И., 1957). Высота вала 6,39 м. Заднее вала находился ров, ширина которого по верху достигала 26 м, а глубина — до 4 м (Блаватский В. Д., 1954а, с. 102 и сл.). При обследовании вала в 1952 г. его ширина вместе со ровом определена в 34 м (Сокольский И. И., 1957, с. 93). Время сооружения вала не установлено. Возможно, оба вала имеют догреческое происхождение и позднее использовались боспорцами. Следы еще одного небольшого вала, отгораживавшего Казантипский мыс, прослежены южнее поселения у д. Семеновка. Время его возведения неизвестно. Вал на Фанталовском полуострове в Азиатской части Боспора некоторые исследователи считают остатками гидротехнического сооружения (Башкиров А. С., 1927, с. 36 сл.).

Кроме укрепленных городов, системы валов в Северном Причерноморье существовали локальные укрепления — укрепленные сельские поселения, усадьбы и крепости. Особенно четкая система укрепленных сельских усадеб и сельских районов прослеживается на территории хоры Херсонесского государства. Там, на Маячном полуострове, по перешейку была построена каменная стена шириной 2,75 м и длиной до

1 км с шестью башнями, защищающими полуостров с неукрепленными сельскими усадьбами. А на остальной части Гераклеянского полуострова сельские усадьбы были огорожены каменными оградками и имели укрепленные башни. На территории европейского Боспора раскопана мощная крепость I—III вв., защищавшая подступы к столице Боспорского царства (Гайдукевич В. Ф., 1955 с. 136—138). Поблизости было не менее мощное укрепленное городище у с. Тасуново (Блаватский В. Д., Шелов Д. Б., 1955, с. 113). На берегу Азовского моря исследовалось укрепленное поселение III—I вв. до п. э. Золотое Восточное (Кругликова И. Т., 1957в, с. 130 сл.). К рубежу нашей эры относятся укрепленные поселения у д. Семеновки, Андревки Северной и др. (Кругликова И. Т., 1961; 1975а, с. 99, 104, 107). В I в. п. э. возмужает укрепленная усадьба, расположенная у с. Михайловка (Петерс Б. Г., 1978, с. 123 сл.). Первоначальная толщина ее оборонительных стен достигала 2,5 м. Во II в. разрушенная усадьба перестраивается в цитадель поселения, имеющего три ряда стен. Толщина южной внутренней стены достигала 4,7 м (Петерс Б. Г., 1978, с. 124 сл.). В I в. до н. э. в в. п. э. возводятся укрепления усадьбы у с. Ново-Отрадное (Кругликова И. Т., 1975а, с. 113 сл.). Оборонительные стены этих усадеб и поселений обеспечивали защиту их обитателей и входили в единую систему глубоко эшелонированной обороны Боспора. На азиатской части Боспора в северо-западной части Таманского полуострова, также выявлена оборонительная система, состоящая из нескольких земляных валов и более десяти крепостей (Сокольский И. И., 1975, с. 24). Эти крепости I—II вв. н. э. были сооружены из сырцового кирпича с прокладками в стенах, для большей прочности деревянных брусьев. Толщина этих стен достигала 3 м, фундаменты их были каменными. В оборонительные сооружения этих комплексов входили прямоугольные в плане башни (Сокольский И. И., 1967б, с. 108 и сл., рис. 41). Ко II в. до н. э. — I в. н. э. относятся остатки оборонительных сооружений Раевского городища, толщиной до 1,40 м, построенные из каменных блоков, с забутовкой из мелких камней. Перед стеной прослежен ров (Онайко Н. А., 1965, с. 128, 129).

В военном деле античных государств Северного Причерноморья использовались различные механизмы. Аппиан в «Митридатике» (107) сообщает, что Митридат VI на Боспоре «готовил массы оружия, стрел и военных машин, не щадя ни лесного материала, ни рабочих быков для изготовления тетив». Как предполагает В. П. Толстиков (Толстиков В. П., 1977, с. 161 и сл.), в Пантикее раскопками были вскрыты позиции камней, а по находкам перед стенами каменных ядер можно определять возможные секторы их обстрела. Имеются данные об использовании металлических орудий для обороны Илурата (Долгоруков В. С., 1968, с. 61). Применение камней, метавших ядра, засвидетельствовано у с. Михайловки (Петерс Б. Г., 1972, с. 349) (табл. LXXXIV, 1). О применении торсионных орудий свидетельствуют и многочисленные находки в городах и поселениях Северного Причерноморья каменных ядер от баллисты (табл. LXXX, 43, 57; LXXXIV, 1—3, 22, 23, 37—40). В Северном Причер-

номорье применялись снаряды и баллисты, метавшие камни и катапульты — метавшие дротики (*Блаватский В. Д., 1961, с. 83*), а также установленные на кораблях башни для штурма крепостей с моря (*Петерс Б. Г., 1966, с. 194*). На штукатурке дома из Неаполя Скифского имеется рисунок осадной машины с тараном, которая могла применяться в военном деле северопонтийских государств (табл. LXXXIV, 26). Предполагают, что проломы в крепостной стене Херсонеса сделаны этими машинами (*Гриневич К. Э., 19276, с. 27 сл.*).

Военно-морское и морское дело. Помимо сухопутных войск, греческие государства Северного Причерноморья обладали военным флотом, они имели также транспортные и торговые морские суда. Судя по сообщениям античных авторов некоторые из местных племен знали морское дело. Так, для плавания по Сиваху местные жители пользовались шхемными пиз жод лодками, о чем говорит Страбон (VII, 4, 1), а Геродот (IV, 103) рассказывает об обычае тавров приносить в жертву Деве потерявших крушение иноземных мореходов, которых они могли захватить в бухтах или в открытом море. Последняя часть сообщения указывает на то, что у тавров были лодки или другие приспособления, пользуясь которыми, они выплывали в открытое море. Вероятно, это были морские лодки, подобные тем, которыми согласно свидетельству Страбона (XI, 2, 12) и Тацита (История, III, 47) пользовались племена ахеидов, эглов и гешхов, обитавших южнее Горгииици на гористой территории, лишенной гаваней. Указанные народности строили для навадения на проплывающие корабли узкие, легкие лодки, вместимостью до 25—30 человек. Эти суда были сделаны без единого металлического гвоздя. Верхняя часть их бортов располагалась близко друг к другу, а корпус расширялся. Во время штормовой погоды, борта наращивались досками, образуя крышу, защищая таким образом судно от захлестывания его волной. А острые п загнутые нос и корма способствовали тому, что судно могло приставать к берегу любым концом.

Подобные суда-лодки греки называли «камарами» от греческого слова «камара» повозка со сводчатым верхом или сводчатая комната.

О типах греческих кораблей мы можем судить по их изображениям. В Северном Причерноморье изображения кораблей встречены на рельефах надгробий, монетах, на щитке перстия, гемме, на стенах расписных склепов (табл. LXXXV, 5, 7—15, 27). Часто встречаются граффити с рисунками кораблей и их частей (табл. LXXXV, 2—4, 16, 18—26, 28—30) процарапанными на фрагментах сосудов, штукатурке, глиняных грузилах. Интересна форма корабля, воспроизведенного на рельефной чаше из Фанагории (табл. LXXXV, 6). По этим изображениям можно выделить два типа судов. К первому относят военные корабли с тараном (табл. LXXXV, 1—15), ко второму — корабли без тарана с округлым носом — торговые, транспортные, промысловые и вспомогательные (табл. LXXXV, 16—34); (*Петерс Б. Г., 1977, с. 56, 57*). По характеру изображения остатки в первом типе кораблей выделяют суда с весельным двигателем и суда с парусно-ве-

сельным двигателем. Известно, что военные суда во время боя, как правило, ходили под веслами, а в походе при попутном ветре устанавливали мачту и поднимали парус. Эта особенность древней морской практики позволяла выделить изображения кораблей в боевой обстановке — идущих под веслами и изображения кораблей во время похода — с парусно-весельным двигателем. Во втором типе кораблей выделяются суда с парусным двигателем — торговые, транспортные и суда с парусно-весельным двигателем — транспортные, промысловые и вспомогательные.

О военных кораблях дает представление найденный в Пантикареев рисунок двух военных аттических кораблей, изображенных плывущими один за другим на фрагменте горла чернофигурного кратера конца VI в. до п. э. (табл. LXXXV, 1). В носовой части корабля выступающий вперед таран — остроконечный выступ для нанесения удара в борт неприятельского корабля. Над тараном возвышается полубак — надстройка в передней части корабля выше верхней палубы, с вертикальным форштевнем в носовой оконечности судна. С противоположной стороны корабля поперек высоко поднятого над водой и заглубающегося кормового выступа (ахтерштевня) закреплен трап — переносная лестница. Вдоль борта над верхней палубой идет ряд четырехугольных отверстий — весельные порты, из которых вышущены на воду 17 весел. В средней части палубы установлена мачта с горизонтальной реей и прямым парусом, в нижней части которого имеется полукруглый вырез, для лучшего обзора моря рулевому, смотрящему прямо по курсу судна. От реи вниз спускаются снасти бегущего такелажа, служащие для подвешивания реи, для подтягивания паруса к реи. Для укрепления мачт применяется стоячий (неподвижный) такелаж. В. Д. Блаватский, основываясь на данных Геродота (IV, 74), предполагает, что в Северном Причерноморье паруса и корабельные снасти могли изготовляться из конопил (*Блаватский В. Д., 1959в, с. 54, 55*). Нарисованный корабль являлся упрямой — греческим военным судном (*Шульц П. Н., 1936, с. 190*). Он, вероятно, конструктивно был близок к военным северопричерноморским кораблям этого времени (*Петерс Б. Г., 1962, с. 132—134*). Интересно изображение морского боя на ручке крышки чернолаковой лананы V в. до н. э. из Мирмекия (*Гайдукевич В. Ф., 1952а, с. 141, рис. 19, 2*), на которой процарапано изображение трех военных кораблей (табл. LXXXV, 2, 3, 4). Два первых корабля — однопости. они имеют в носовой части таран и полубак. Динца их закручиваясь, переходит в кормовую часть и заканчиваются ахтерштевнем. Высоко поднятая корма была необходима для плавания по бурному морю, для защиты рулевого от волн, а также при вытаскивании корабля на сушу и спуске его в море. От борта к борту прослеживаются банки-скамьи для гребцов или бимсы — поперечные горизонтальные свэлз, скрепляющие верхние концы ипангоутов ребер судна, на которые нашиваются доски наружной обшивки. Если последнее верно, то это корабли с поперечным набором. По этой системе набора строятся до сих пор суда речного флота (*Невский Н. А., 1959,*

с. 98—100). Рассматриваемые корабли имеют по 10 весел на бортах и два рудевых весла на корме. Третий корабль является шестивесельным вошпым судном с тараном, с высоким полубаком, защищающим носовую часть судна от волн, а при таранном ударе, препятствующим ведению противником встречного абордажного боя. На представленной композиции два первых однотипных военных корабля ведут бой с небольшим вошпым судном. Этот рисунок можно рассматривать как древнейший, сохранившийся рассказ о морском бое в Северном Причерноморье.

Письменные свидетельства о развитии хлебной торговли Босфора со Средиземноморьем и, особенно с Афинами, заставляют думать, что Боспор обладал мощным торговым флотом. В районе Дунаева был обнаружены остатки торгового судна IV в. до н. э.: свинцовые листы обшивки днища, деревянные части, металлические гвозди, топор корабельного плотника, корабельный груз — гераклейские амфоры (*Блаватский В. Д., Петерс Б. Г., 1967, с. 73 сл.; 1969а, с. 151 сл.*).

Эти находки, а также имеющиеся изображения торговых кораблей из районов Средиземноморья и Причерноморья позволяли попытаться реконструировать внешний вид северочерноморского торгового судна этого времени (табл. LXXXV, 17). Возможно, близки допалавскому кораблю граффити судов на обломке ступакатурки из Керчи, где изображена корма боспорского торгового судна и мачта с реей другого судна, к которой подтянут парус, образующий волнообразные складки (*Петерс Б. Г., 1966, с. 186 сл.*).

Для окрания торговых морских путей, сопровождения торговых и транспортных судов, для борьбы с пиратами, были необходимыми постоянные военно-морские силы. Боспорский военный флот активно борется с варварскими народами, занимающимися пиратством: геттохсами, таврами, ахеями. Согласно Дiodору (XX, 25), Евмел (309—303 гг. до н. э.) очистил море от пиратов, что свидетельствует о значительных размерах боспорских военно-морских сил в конце IV в. до н. э. Изображение военного корабля имеется на плитке бронзового перстня конца IV — начала III в. до н. э., найденного в некрополе Тирамбы. В его носовой части находился таран, переходящий вверх в отогнутый наружу форштень. Последний выполнял при таранном ударе роль салазок, наползающих на борт вражеского судна, поднимая его таким образом под себя. Днище судна, плавно закругляясь, переходит в кормовую часть, заканчиваясь высоким ахтерштевнем, вверху которого имеется загнутый во внутрь акропостоль, часто имеющий форму хвоста дельфина. Вдоль левого борта судна прослеживается четыре весла: два поперек горизонтального бруса и два под ним. В нижней части кормы видна лопасть кормового весла. Изображены два гребца верхнего ряда, сидящие лицом к корме. Гребцы нижнего ряда скрыты верхней палубой. По-видимому, это было изображение джеры — военного судна с двумя рядами весел. Джера позволяла, не увеличивая длины корабля, за счет строительства верхней палубы, удвоить скорость и силу удара, а ее высокие борта, палуба,

трюмы и каюты давали возможность совершать успешные дальние плавания. По ряду с джерой продолжают строить корабли с одним рядом весел, по 25 весел у каждого борта — пенеконтеры. Изображение пенеконтеры III—II вв. до н. э. имеется на рельефной чаше из Фанагории (табл. LXXXV, 6). В носовой части находится слегка загнутый вверх таран, состоящий из трех продольных брусев с ударными зазубринами на концах. Тараны изготовлялись из дерева и покрывались сверху медной обшивкой или заканчивались литыми металлическими наконечниками. Над тараном возвышается загнутый во внутрь форштень. Между тараном и форштеньем выступают вперед два горизонтальных бруса, предохраняющие носовую часть судна от разрушения при нанесении таранного удара. В кормовой части видно перо руля, вдоль бортов гребные весла, над бортами — фигурки гребцов. Судя по рассказу Поллена (VI, 9, 3) о заговоре триерархов, боспорский флот имел наряду с легкими кораблями триеры. Триеры могли иметь длину от 25 до 46 м, ширину от 4 до 6 м (*Шериов А. И., 1940, с. 28*). В основании триеры был деревянный киль, к которому крепились судовые ребра-шпангоуты, покрытые снаружи досками бортовой обшивки. Киль в носовой части судна переходил в форштень с одним или несколькими таранами, обшитыми медными листами. Тараны были различны по своим размерам и конструкции. На паптикапейской монете конца II в. до н. э. изображена носовая часть корабля с тараном (табл. LXXXV, 9) (*Зограф А. И., 1951, табл. XI, 1, 14*). На херсонесской монете конца II — начала I в. до н. э. виден нос херсонесского военного корабля с тараном с поднятым вверх акропостолем, ниже которого выступают вперед два горизонтальных бруса — эпитиды (табл. LXXXV, 10) (*Зограф А. И., 1951, табл. XXXVI, 10*). На паптикапейском облоде конца II — начала I в. до н. э. хорошо видна часть носа военного корабля с тройным тараном, состоящим из трех продольных брусев с ударными зазубринами на концах (табл. LXXXV, 14) (*Зограф А. И., 1951, табл. XLIII, 1*), на золотом старере Асандра (после 41 г. до н. э.) изображена носовая часть судна с тараном, на котором с поднятым в руке венком стоит крылатая богиня победы — Ника (табл. LXXXV, 12; *Зограф А. И., 1951, табл. XLIV, 5*). На фанагорийском тетрадрахме 30—17/16 гг. до н. э. изображен таран (табл. LXXXV, 11) (*Зограф А. И., табл. XLIV, 12*), а на медном облоде Агриппии (Фанагории) 14—8 гг. до н. э. — носовая часть военного корабля (табл. LXXXV, 13) (*Зограф А. И., 1951, табл. XLV, 14*).

Триеры, построенные аттическими мастерами, имели тараны, расположенные близко к поверхности воды, таранные удары такими судами наносились выше ватерлинии. Часто, кроме нижнего тарана, был еще и верхний. С двух сторон носовой части триеры крепились брусью-эпитиды, с помощью которых ломались весла на судах противника.

В кормовой части судна киль переходил в закругленный ахтерштевень. Для поворотов во время движения триера имела в корме с каждого борта по одному укрепленному рулю в виде большого весла.

На судне этого типа было несколько якорей, которые обычно находились в носовой части корабля. На триере была сплошная палуба, под которой располагался трюм, служивший для частичного размещения гребцов и для хранения и перевозки провизии и различных запасов. С IV в. до н. э. на триерах появляется легкая, верхняя палуба — катастрома, защищавшая гребцов верхнего ряда от стрел и дротиков и служащая для расположения на пей воинов. В верхней части этой палубы имелась выступающая наружу и свисающая над водой площадка-транс. Это приспособление позволяло не увеличивая ширины подводной части корабля и длины весел, увеличить длину выноса последних. Транс также защищал корпус корабля при таранном ударе, давал место для маневра воинов и увеличивал продольную прочность судна.

У триеры были три ряда весел, расположенных вдоль борта один над другим. Для того, чтобы один ряд весел при гребле не задевал за другой, отверстия для них в бортах были смещены. Весла верхнего ряда — наиболее длинные, располагались на концах транс и управлялись каждое одним гребцом-трантом (*Болдырев А. В., Боровский Я. М., 1948, с. 326—329, рис. 111*). Веслами второго ряда — более короткими управляли — зигипы, также каждый одним веслом. Самыми короткими нижними веслами третьего ряда управляли сидящие у борта в трюме таламаты. Они сидели на скамейках, на которые часто для удобства сидения подкладывались специальные подушки. Во время стонки весла втягивались внутрь корабля или туго подтягивались к бортам ремнями и уключинами.

Все три ряда весел работали вместе только во время боя. Согласно свидетельству Фукидида (I, 505, 512) в случае необходимости триера с помощью весел могла двигаться кормой вперед. Вспомогательным движителем триеры являлся прямой парус, который во время боя убирался. Обычно на триерах устанавливалось по одной мачте, изготовленной из целого дерева. Мачту устанавливали почти посередине судна, несколько ближе к его носовой части; будучи съемной, она при надобности могла укладываться вдоль борта на вилкообразную подставку. Во главе триеры стоял триерарх. Первым помощником триерарха был рулевой-кибернетес. Флейтист, подавал на флейте сигналы гребцам, регулируя темп движения весел. На судне имелась военная команда из 18 воинов: четыре лучника и 14 голлитов.

Полибий (XIV, 1—7) сообщает о более широком применении в эпоху эллинизма абортдажного боя, что потребовало значительного увеличения на палубе числа воинов. Судя по афинскому декрету 346 г. до н. э., который предписывал: «Дать тех матросов, которых просят Спарток и Перисад, а послам записать имена всех матросов, которых они выберут у секретаря Совета» (*Граков Б. Н., 1939, с. 239* п. сл.) для службы в боспорском флоте набирались наемники.

Греческий военно-морской флот перед сражением выстраивался боевым строем. В центре располагался корабль командующего флотом — паварха. Первый строй кораблей стремился разрушить и повредить строй неприятельских судов. Во втором строе нахо-

дились транспортные и резервные суда, которые при превосходстве в численности, пытались охватить неприятеля с флангов. Подобные приемы боя, вероятно, применялись в морских сражениях и в Северном Причерноморье. У греческого флота было два возможных способа ведения морского боя — маневрирование с целью нанесения таранного удара и абортдажный бой. Таранный удар наносился носовой частью корабля в борт противника. Часто таранный удар наносился после применения особого маневра: корабль, разогнавшись и убрав весла, проходил вплотную у борта неприятельского судна, ломая его весла, а затем, развернувшись наносил таранный удар в центр вражеского борта. При абортдажном бое корабли при сближении сцеплялись бортами в воины, перебравшись на палубу вражеского корабля, вели рукопашный бой. В Северном Причерноморье в эллинистическое время, как и на Понте, могли строиться и эксплуатироваться и более крупные военные корабли — пентеры, гексеры, октеры.

На пантикапейской надгробной стеле начала II в. до н. э. имеется рельеф с изображением пlyingшего военного корабля (табл. LXXXV, 7) (*Kieseritzky G., Watzinger C., 1909, N 550*). В его носовой части тройной таран. Конструктивные части бортовой обшивки даны горизонтальными линиями. Корма судна поднята, на ней виден рулевой с веслом, на носу — пассажир. По обе стороны фронтона одного из пантикапейских надгробий (ОАК 1880 г., с. 246, табл. V) имеются рельефы, изображающие носовые части военных кораблей со стоящей на них богиней Никой (табл. LXXXV, 8). В нижней части кораблей — тараны, над которыми плавно закруляются форштеви, заканчивающиеся выступающим вперед бревном-бушпритом. Наиболее позднее из изображений военных кораблей в Северном Причерноморье — корабль с бараном на палубе — на стеклянной гемме I в. н. э. из Белугского могильника (табл. LXXXV, 15) (*Дашевская О. Д., 1970а, с. 71, рис. 33, 2*). Отчетливо виден таран, выше него — горизонтальный брус-эпюлда, а над ним плавно загнутый форштевень. Вдоль борта — привальный брус с пятью круглыми отверстиями для пропуска весел на воду.

В конце II — начале III в. при Савромате II боспорский военный флот активно действует у южных берегов Черного моря, и в частности очищает море от пиратов (КБН, 1237). Морская торговля продолжает процветать. Сохранился надписи, из которой следует, что Савромат II разрешил членам флота павклеров Горгиппии, вывезти из гавани без уплаты пошлины 1000 артаб (или 53 топи) зерна (КБН, 1134; *Жебелев С. А., 1953, с. 208*).

Изображения торговых судов и их частей продолжают встречаться вплоть до позднеантичного времени. На нескольких обломках штукатурки из Пантикапея II в. до н. э. — I в. н. э. сохранились граффити с изображениями частей кораблей (*Петерс Б. Г., 1966, с. 190* сл.). Можно различить кормовую часть торгового или транспортного судна (табл. LXXXV; 19) с двумя рулевыми веслами. Линиями от борта к борту показаны банки или весла, выше борта прорисована часть корпуса. На другом обломке изоб-

ражена носовая часть судна с флагштоком, на котором в сторону от корабля обращен носовой флаггойс (табл. LXXXV, 20). На баке имеется изображение двухступенчатой башни, возможно, для штурма с моря прибрежных укреплений. Подобные приспособления — самбуки были известны во флоте Митридата VI. В центральной части судна видны тросы стоячего такелажа, идущие к грот-мачте. Горизонтальной линией вдоль борта показан уровень воды или буртик — прикрепленный к борту, выступающий канат. Наклонными линиями от борта на воду изображены весла. На третьем граффити — бортовая часть торгового судна (табл. LXXXV, 21). Видна надпалубная надстройка — рубка, над бортом прорисовано полотно паруса. На четвертом граффити изображена верхняя часть мачты корабля с тросами стоячего такелажа (табл. LXXXV, 23).

На обломке штукатурки из Патрея I в. до н. э. — I в. н. э. (табл. LXXXV, 22) (Соколовский Н. И., 1974, с. 71, 72, рис. 19, 3) процарапан рисунок, изображающий носовую часть торгового судна, на фоне зубцов крепостной стены. Округлый форштевень заканчивается изображением птичьего носа. Характерной для кораблей римского времени наклонной линией изображен трос стоячего такелажа. На фрагменте штукатурки I в. н. э., найденной в Керчи в 1946 г., воспроизведен торговый корабль (табл. LXXXV, 24) с округлым носом и кормой, в центре высокая мачта с реей, к которой подтянут парус. Очень схематичное изображение кормы торгово-промыслового судна вырезано на обломке чаши I в. из Фанагории (табл. LXXXV, 26). В кормовой части судна два рулевых весла, горизонтальная линия вдоль борта — буртик; с борта спускается гребное весло. На обломке надгробной стелы II—III вв. из Херсонеса (Белов Г. Д., 1940б, с. 270, рис. 5) уцелел рельеф с изображением мачты, реи и паруса торгового судна (табл. LXXXV, 27). Для фиксации реи в нужном положении от ее конца идут тросы. Парус, по-видимому, был спит из отдельных вертикальных полос. На обломке кирпича римского времени из Тира сохранился врезной рисунок, изображающий кормовую часть торгового судна (табл. LXXXV, 28) (Максимова М. И., 1955, с. 81). С его кормы спускается рулевое весло, а с борта на воду — два гребных весла. В центральной части судна изображена часть паруса. Торговое судно воспроизведено на обломке глиняного груза III в. из Фанагории (табл. LXXXV, 29) (Марченко И. Д., 1957а, с. 233). К этому же позднему времени принадлежит обломок штукатурки из Керчи (Петерс В. Г., 1966, рис. 1, 2, с. 187) с граффити, изображающим промысловое судно с поднятой мачтой. Линиями, идущими от кормы за борт, прорисованы рулевые весла или канаты рыболовных снастей (табл. LXXXV, 30). В Кипте на стене склепа III в. п. э. сохранился рисунок, нанесенный краской, изображающий торговый корабль (табл. LXXXV, 31) (Гайдукевич В. Ф., 1959б, с. 229, рис. 99). В его носовой части — высоко поднятый форштевень, в кормовой два рулевых весла, в центре — мачта с реей, к которой подтянут парус. На стене Керченского склепа 1894 г. нарисовано торговое судно. В носовой его части расположен высокий полубак,

верхняя часть форштевня в виде головы птицы (табл. LXXXV, 32) (ОАК за 1894 г., 1896, с. 89, рис. 148). Видны две мачты, на первой от носа фок-мачте рея и парус не поставлены, на второй — грот-мачте укреплены рея и прямой парус. Наклонными линиями прорисованы тросы бегущего такелажа. Мачты на судах этого типа обычно устанавливались не строго вертикально, а с небольшим наклоном в сторону кормы — 2–6°. Наклон мачт улучшал мореходные качества и облегчал управление судном (Дурбан А. И., 1953, с. 12). На росписи склепа 1901 г. в Керчи, датируемого III—IV вв., краской нарисовано торговое судно (табл. LXXXV, 33). В его носовой части виден выступающий вперед бушприт, на баке — большой и малый друрогий якоря. Большой якорь мореплаватели держат за трос, готовый его отдать. На корме видны два рулевых весла. На юте установлена рубка рулевого, за кормой на тросе буксируется шлюпка с высокоподнятым носом и кормой. В центральной части судна мачта с реей, от которой спускается парус. Наклонными линиями к мачте показаны тросы стоячего и бегущего такелажа. Два матроса на мачте работают с парусом, два других на салнге — с якорем. Рисунок малого якоря близок изображению якоря на граффити I в. из Дузулавского городища, где якорь состоит из вертикального веретена, в верхней части которого горизонтальный шток, внизу — два рога (табл. LXXXV, 25).

В Северном Причерноморье неоднократно находили части древних якорей: в одном из помещений Пантикалея, у очага (конец VI — начало V в. до н. э.) обнаружены два каменных якорных штока (Марченко И. Д., 1972, с. 346); со дна Керченской бухты подняты остатки якоря эллинистического времени с хорошо сохранившейся центральной частью в виде дубового веретена сечением 0,13 × 0,16 м с поперечными свинцовым штоком длиной 1,76 м, весом 200 кг (Соколовский Н. И., 1971, с. 70, рис. 18; с. 71). Со дна моря в дозулавской бухте подняты части деревянного якоря со свинцовым штоком.

На стене Керченского склепа 1901 г. имеется сильное стертное изображение торгового судна (табл. LXXXV, 34) (АДЖ, с. 445, табл. ХСVIII, рис. 3), идущего вправо. В его центре прорисован диск, разделенный на восемь частей, в каждой из которых по точке. Отлогий нос корабля заканчивается выступающим вперед бушпритом, за которым виден высокий полубак. На верхней палубе в средней части прослеживается надстройка-спардек, а около круто поднимающейся кормы — полуют. На палубе кормчий, поворачивает румбел, связанные тросами с двумя блоками, расположенными внутри полюта, от которого далее тросы идут к рулевым веслам. Таким образом, с помощью блоков и румшелей осуществлялось управление тяжелыми рулевыми веслами. Этот рисунок является единственным, где подробно прослеживается механизм управления кораблем. Есть более простые изображения этого механизма (Casson L., 1960, табл. 14, 6).

В Северном Причерноморье были удобные и хорошо оборудованные порты, гавани и свои верфи для строительства кораблей. Страбон (XI, 2, 8) пишет,

что повсюду вдоль Киммерийского Боспора есть удобные гавани. Он (VII, 4,4) упоминает о феодосийской гавани, которая может вместить 100 кораблей, о прекрасной гавани Нимфея, пантикапейской гавани, находившейся на восточной стороне города, где были и верфи для строительства 30 кораблей. Большой мол этой гавани, хорошо видимый под водой Керченской бухты еще в начале XX в., был уничтожен при постройке нового мола. Следы древнего мола обнаружены также в Феодосии (*Колли Л. П.*, 1909, с. 125). Крупными торговыми портами были Фанагория и Танаис. Страбон (XI, 2, 14) называет также Синдскую гавань, гавань Бат, а Псевдо-Арриан (76, 50) упоминает о защищенной от западных ветров корабельной стоянке в Киммерике. К западу от Боспора также были удобные стоянки для кораблей — гавань в Тире, в Ольвии и Прекрасная гавань (Калос Лимен) в Северо-Западном Крыму (IRE IV, 79, 4). Страбон называет еще три гавани в Херсонесе (VII, 4, 2). Однако в целом крымское и кавказское побережье Черного моря имели рельеф, мало удобный для древнего мореплавания: недостаточно глубоководных в сушу бухт и выступающих в море

полуостровов. В Черном море всего три острова, нередко жестокие штормы, особенно в северной части побережья Кавказа. Суда, застигнутые штормом в море, не могли быстро укрыться в гавани или в заливе, спрятаться за выступающий мыс или остров, а большие глубины не давали возможности отстояться на якоре в безопасном отдалении от берега.

Кораблестроительные приемы, существовавшие у аборигенов, были частично заимствованы греческими переселенцами, при строительстве ими торгового флота. Они строили крупные парусные корабли с высокоподнятой кормой и с водонепроницаемой палубой, имеющие не менее двух якорей и часто буксирующие спасательные лодки. Борты их ниже ватерлинии и днище в целях предохранения досок от гниения и обрастания ракушками, были покрыты свинцовыми листами (*Блаватский В. Д., Петерс Б. Г.*, 1969, с. 151, 153, рис. 3, 4). Густопромасленные борты имели черный цвет. Для рулевого было специальное укрытие — высокоподнятая рубка. Торговый флот Северного Причерноморья отвечал поставленной задаче — перевозке грузов на большое расстояние по бурному и негостеприимному морю.

Глава десятая

Градостроительство и архитектура

Градостроительство. Города как экономические, административно-политические и культурные центры появились в Северном Причерноморье с проникновением сюда греческих переселенцев в конце VII — первой половине VI вв. до н. э. При строительстве городов греческие переселенцы использовали многие достижения градостроительного искусства Элады. Выбирая конкретное место для основания нового поселения, греки по сведениям древних авторов, исходили из многофункционального характера своих городов. Основными требованиями к местности, в которой создавался город, являлись: защищенное в оборонительном отношении местоположение; береговая линия, позволявшая создание удобных гаваней; наличие источников питьевой воды. Немаловажную роль играло расположение города на торговых путях, наличие пригодной для занятий сельским хозяйством территории и благоприятные для жителей климатические условия. Развитие греческого градостроительства в Северном Причерноморье можно разделить на три основных этапа: возникновение и становление городов (с конца VII — первой половины VI вв. до н. э. по V в. до н. э.); расцвет городской жизни (IV—II вв. до н. э.); постепенный упадок градостроительства (с I в. до н. э. по IV в. н. э.).

Мы располагаем очень небольшим количеством данных об устройстве первых греческих апоекий. Скорее всего, они представляли собой небольшие поселки. Так площадь Пантикаея в VI в. до н. э. составляла около 7,5 га с населением не более 2—3 тыс. человек (*Блаватский В. Д.*, 1964 в. с. 25), а территория Ольвии первой половины VI в. до н. э. была не более 6 га (*Крыжицкий С. Д.*, 1977, с. 39, 40). Все древнейшие греческие поселения возникали на берегах моря и лиманов. На первом этапе важное значение имела обороноспособность городов, вследствие чего застройка Ольвии, Пантикаея, Нимфея начинается с возвышенных участков. Жилое строительство начиналось иногда с сооружения землянок или полуземлянок, как это мы видим на Березани, в Ольвии и в Николии. Раскопки Пантикаея дают другой тип ранних домов в виде наземных сооружений, сложенных из сырцовых кирпичей на каменных цоколях и нередко заглубленных в материк. Чаще всего древнейшие жилища представляли собой однокамерные — реже двухкамерные постройки, но встречаются дома, состоящие из трех или более помещений. В одних случаях принадлежавшая дома хозяйственная территория не имела четкого ограждения, в других — были внешние ограды. В целом расположение построек отличалось разбросанностью. Первоначальная застройка большинства поселений хотя и осуществлялась стихийно, но по-видимому, подчинялась некоторой общей регламентации, на что указывает единая для большинства жилищ ориен-

тация и стремление к размещению их рядами. Одновременно с возникновением поселений начинается формирование улиц, достигавших ширины от 1,5 до 3 м (Березань, Пантикаей). Общественно-административные центры, по-видимому, представляли собой просто открытые площади, где проходили народные собрания, культовые церемонии и производилась торговля. Ранние культовые сооружения, как показывают остатки святилища Деметры в Нимфее, имели примитивное устройство (*Худяк М. М.*, 1962, с. 36—42, табл. 30), или же мало чем отличались от жилых построек, как мы видим на примере хтонического святилища в Ольвии (*Козуб Ю. И.*, 1975, с. 139 сл.).

Вероятно, в первые годы своего существования города имели педологические фортификационные сооружения в виде земляных валов либо деревянных оград или сырцовых стен, которые позднее были уничтожены при расширении городских территорий. Одной из разновидностей первых укреплений являлись стены, соединявшие торцовые фасады крайних домов поселений, как это прослежено в Тиритаке.

Лучше известно градостроительство во второй половине VI—V вв. до н. э. С рубежа VI—V вв. до н. э. основным видом сооружений являются наземные сырцовые постройки, либо возведенные из сырцовых кирпичей на каменном цоколе. Сырцовые дома наиболее характерны для бедного камнем азиатского Боспора. Полуземляночное строительство в пределах городской черты прекращается. В V в. до н. э. оно известно уже только за пределами крупных городов, как например, в ольвийском предместье. Дома группируются в кварталы и имеют общие стены. Более отчетливо прослеживается стремление к использованию элементов прямоугольной системы планировки, например, на Березанском поселении (*Копейкина Л. В.*, 1976, с. 340). Застройка Фанагории, по-видимому, с самого начала проводилась на основе единого регулярного плана (*Блаватский В. Д.*, 1950 г, с. 35). Б. В. Фармаковский предположил, что такая планировка в эллистическом мире появилась в результате колонизационной деятельности греков (*Фармаковский Б. В.*, 1929, с. 40). С самого начала, как можно предполагать, имел регулярный план, отвечающий принципам так называемой гипподамовой системы планировки, и Херсонес.

В жилых кварталах размещались и различные ремесленные мастерские. Начинается выделение главных и второстепенных улиц. Главные артерии города достигали ширины 6 м, как например, в Ольвии (*Русяева А. С.*, и др., 1977, с. 366), а второстепенные улицы и переулки — 1,5—3,5 м. Улицы покрываются каменными (Пантикаей, Фанагория), черепиными (Ольвия) и галечно-черепиными (Николий) вымостками. Вдоль улиц проходили водосточные каналы, выложенные из каменных плит.

Водоснабжение городов осуществлялось за счет источников и общественных колодедей. Со второй половины VI в. до н. э. начинается застройка общественных центров. Таким центром в греческом градостроительстве являлась центральная площадь города — агора. Она служила местом проведения народных собраний, различных культовых церемоний, центром проведения розничной и оптовой торговли, встреч и отдыха граждан, там же находились городские и государственные органы управления. Такой многофункциональный характер агоры нашел свое отражение и в ее застройке. Вокруг нее группировались здания, где размещались коллегии должностных лиц, лавки торговцев, суды, гимназии, храмы, стон — постройки открытого типа с колоннадой вместо одной из стен. На площади ставили каменные плиты с высеченными на них постановлениями и скульптуры. Общественно-административные центры обычно размещались в центральной части города на пересечении главных уличных магистралей (Ольвия). В городах, где ведущее место в экономике занимала морская торговля, агора устраивалась вблизи порта (Фанагория). Иногда, как например, в Ольвии, имелись две площади — одна, более парадная в верхнем городе, другая — рыночный рынок — около порта в нижнем городе (ИРЕ, I, 32). Для размещения храмов и святилищ отводились специальные священные участки — теменосы. На них возводились храмы, алтари, посвященные различным божествам. В пределах теменосов устанавливались посвященные дары, здесь были водоемы, священные деревья или небольшие рощи. Теменосы окружали стенами, вдоль которых располагались различные служебные постройки, в том числе мастерские по изготовлению культовых предметов. Греческие храмы являлись местом хранения государственной казны. Отдельные храмовые и общественные сооружения размещались и среди жилой застройки (Березань). Святилища существовали также и за пределами городской территории как возле городов (предместье Ольвия, Фанагория), так и в отдалении от них (святилище на о. Левка, Ахиллов бег и др.). Остатки наиболее ранних построек в районе общественного центра зафиксированы в Ольвии. Так, на территории теменоса найдены остатки алтаря, квадратного в плане сооружения, каменная дорожка в священная роща. Первые постройки на восточной стороне агоры и наиболее ранние остатки вымостки площади относятся к концу VI в. до н. э. В V в. до н. э. территория теменоса окружается стенами, возводится небольшой антовый сырцово-деревянный храм Аполлона Дельфиния и другие сооружения, на агоре появляются здания и вдоль западной границы площади, а сама поверхность ее покрывается полой вымосткой. Появляются святилища и на Боспоре, в частности в Нимфее. В Пантикапее во второй половине VI в. до н. э. строится большой периптеральный храм. В V в. до н. э. количество культовых и общественных сооружений увеличивается. В это время территория городов значительно расширяется. К северо-западу от Ольвии возникает предместье. Возможно, именно здесь скифский царь Скил оставил свою свиту, отправляясь в город, как об этом сообщает Геродот (IV, 78). Города окружаются крепостными стенами (Ольвия, Пантикапей, Фанагория,

Тиритака), сложенными из сырцовых кирпичей на каменных фундаментах и достигавших толщины 2—3 м. Стены и городские ворота усиливались прямоугольными башнями. В Фанагории найден камелый порог городских ворот с выбитыми колеями от проезда повозок (*Кобылина М. М.*, 1963а, с. 133 сл., рис. 6). Уже в раннее время начинается пропикнование в города аборигенного населения.

Наивысшего расцвета градостроительное искусство Северного Причерноморья достигает в IV—II вв. до н. э. В это время основывается ряд новых поселений и городов (Китей, Горгиппия, Тапалс, Порфмий и др.). Увеличиваются размеры городов, площади которых достигают 30—50 га, а количество жителей 12—20 тысяч человек. Такими были — Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Гермонаса, Фанагория (*Белов Г. Д.*, 1948а, с. 42 сл., рис. 7; *Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 17 сл., рис. 8; *Кобылина М. М.*, 1956, с. 24; *Крыжицкий С. Д.*, 1977, с. 39 сл.). Наряду с крупными городскими центрами существовали города средних размеров, площади которых колебались в пределах от нескольких до полутора десятков гектар, а население исчислялось 2—5 тысячами (Керкинигда, Прекрасная Гавап, Мирмекий, Тиритака, Кефы и др.). Рост городской территории привел к тому, что в топографическом отношении многие города, например, Ольвия, Пантикапей, Фанагория, Кефы, подобно большинству эллинистических городов, состояли из двух (верхней и нижней) или трех частей — верхней, нижней и террасной, представлявшей собой застроенные склоны, соединявшие две первые. Другие города, как например, Гермонаса, располагались на относительно ровной территории. Особенности исторического развития отразились в градостроительстве Пантикапея, где акрополь представлял собой мощную крепость. В IV—III вв. до н. э. проводятся большие градостроительные работы в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, Фанагории, выразившиеся в коренных перестройках целых районов.

В градостроительном аспекте среди северопричерноморских городов можно выделить три основных типа. Первый тип составлял города со стихийно сложившейся прямоугольной планировкой (Тиритака, Мирмекий, Нимфей). Разнообразие по размерам и конфигурации кварталы располагались там вдоль кривых улиц в переулках. К этому же типу, но несколько отличаясь от него, принадлежит планировка Пантикапея, в которой характер рельефа местности определял использование радиально-кольцевых элементов. В Пантикапее в IV—III вв. до н. э. на месте старых городских кварталов, лепившихся по склонам, возводятся возвышающиеся друг над другом на 1,5—2 м террасы, поддерживаемые мощными подпорными стенами. Террасы козылками охватывали вершину горы. Улицы, соединявшие соседние террасы, круто поднимались вверх, а местами представляли собой лестницы.

Ко второму типу, наиболее распространенному, относятся города, где отсутствовал единый регулярный план, но использовались элементы прямоугольной системы в рамках отдельных районов, как например, в Ольвии. Продольная улица Нижнего города здесь несколько изгибалась, следуя рельефу склона. Меняя направление и главную продольную

улица Верхнего города, а улицы, отходившие от агоры, были взаимно не параллельны. Здесь прослеживаются отдельные элементы, характерные для радиальной системы планировки. Жилые кварталы города имели форму четырехугольников, обычно нестандартных размеров. Их величина колебалась чаще всего в пределах 19–22×35–37 м, 26–40×40–50 м. В среднем каждый квартал состоял из двух–четырёх домов. Но известен пятиугольный квартал площадью около 3000 м², где было более 10 домов.

К третьему типу принадлежат города с единой регулярной прямоугольной планировкой, основанной на сети пересекающихся под прямыми углами улиц, как в Херсонесе, Порфири и, возможно, в Фанагории и Горгинии. Основу градостроительного плана Херсонеса составляла сетка прямоугольных кварталов, значительная часть которых в длину достигала 50–52 м при ширине, примерно, в два раза меньшей, с 4–6 домами в квартале. Встречающиеся иногда узкие проходы между двумя рядами домов могут свидетельствовать, что первоначальные жилища были сгруппированы в блоки, разделенные узкими переулками, по которым проходили водосточные каналы. Вдоль береговой полосы находились кварталы меньших размеров 25×16 м; 20×12–16 м; 27×24 м, состоящие из одного–двух домов; дома в них стояли в один ряд.

В жилой застройке, особенно в период эллинизма, отчетливо прослеживается районирование по социально-экономическим признакам, что говорит о далеко зашедшем процессе социальной дифференциации населения. Центральные части городов застраивались большими богато украшенными домами состоятельных граждан, тогда как жилища бедноты и дома ремесленников размещались по окраинам городов (Ольвия, Фанагория). Керамические мастерские в противоположных целях выносят за городскую черту, где они образуют целые производственные кварталы (Херсонес, Фанагория). В городах усиливается скученность застройки и возрастает число представителей туземного населения. В Танаисе, где с самого его основания значительное количество его жителей составляли варвары, появляются два самостоятельных района, отчетливо различающихся по характеру застройки и окруженных самостоятельными укреплениями. В восточной части города все дома, тщательно сложенные из плоских подтесанных и подогнанных камней, имели одинаковую ориентацию и относительно прямоугольную планировку, в западном районе наблюдается хаотичное расположение домов с острыми и тупыми углами, с изогнутыми в плане стенами из необработанных камней, вдоль узких извилистых проходов. Аналогичную картину дают и наблюдения за техникой и принципами организации обороны этих двух частей города.

В IV–III вв. до н. э. окончательно формируются городские магистрали. Ширина центральных улиц достигала 9–11 м (Ольвия), 6–8 м (Херсонес, Фанагория, Горгиния), ширина второстепенных улиц 3–4 м. Были и более узкие улочки и переулки шириной всего 1–1,5 м. В некоторых местах (на крутых склонах) улицы превращались в лестницы (Ольвия, Пантикапей). Поверхности их мостились

битой керамкой и мелкими камнями, а иногда покрывались каменными плитами. Под вымостками улиц проходили закрытые водопроводные и водосточные каналы, сложенные из камешных плит. Водосточные каналы выходили за городскую черту или оканчивались водоотглагощающими колодцами. Мусор вывозился на городские свалки, расположенные за городскими стенами (Нимфей, Пантикапей, Фанагория). На территории жилых домов устраивались выгребные ямы, которые по мере наполнения засыпались (Блаватский В. Д., 1957а, с. 43). Водоснабжение осуществлялось главным образом за счет общественных колодцев, расположенных на улицах. Кроме того, вода от источников подводилась к общественным водоразборным фонтанам посредством устройства специальных гидросистем или самотеком, обычно по керамическим трубам, либо камешным каналам (Карасев А. Н., 1941, с. 129 сл.; Леву Е. П., 1956, с. 46 сл.). В отдельных районах нижнего города Ольвия вода из городских водопроводов поступала к каждому дому. Известно также устройство индивидуальных колодцев и цистерн.

В рассматриваемое время ведутся интенсивные работы по архитектурному оформлению общественных центров городов, созданию ансамблей культовых и общественных построек. Наиболее изучен общественный центр Ольвии, состоящий из примыкавших друг к другу агоры и теменоса. Агора представляла собой открытую прямоугольную площадь размерами свыше 2000 м², вымощенную обломками керамики и щебнем. На северной стороне находилась большая стоя, вдоль западной и восточной сторон стояли два узких вытянутых здания, состоявших из ряда смежных помещений с подвалами, предназначенных для хранения товаров и торговли. Севернее и южнее западного торгового здания размещались здания суда и городских властей. Вдоль южной стороны площади находилось здание для другой группы городских коллегий и гимнасий. Поблизости располагались дома зажиточных граждан, в том числе и жреца Агроты. К северу от агоры, за стоей, находился теменос с храмом Зевса в Аполлона Дельфиния с алтарями, постаментами для посвященных надписей, государственных декретов, скульптур и с водоемами. Находившаяся ранее на теменосе рода в это время была уничтожена. Многочисленные святилища и общественные здания обнаружены в большей части североричерноморских городов. В Херсонесе найдены остатки театра или одеоны. Письменные источники свидетельствуют о существовании театров в Ольвии и Пантикапее.

Значительный размах получило строительство фортификационных сооружений. Во многих городах реконструируются или запово создаются мощные оборонительные стены, усиленные прямоугольными или круглыми башнями (Ольвия, Тира, Херсонес, Нимфей, Мирмекий, Пантикапей, Танаис, Фанагория и т. д.), окружающие теперь гораздо большую территорию. Крепостные сооружения строго согласовывались с рельефом местности. В некоторых случаях, перед стенами проходил ров (Никоний, Танаис). Стены снабжались воротами и вылазными калитками. В самой верхней части Пантикапея строится сильно укрепленный акрополь при обороне которого, вероятно, использовались металлические орудия.

(Толстикова В. П., 1977, с. 156 сл.). У Апшана (108) и Орозия (VI, 5, 2) имеются сведения о наличии крепости в Фанагории.

В конце II — первой половине I в. до н. э. многие города подверглись разрушениям, в результате военных действий или землетрясения 63 г. до н. э., но вскоре они восстанавливаются. Причем площади ряда городов, в первую очередь боспорских, продолжают увеличиваться. Так, территория Пантикапей достигает 100—120 га (Блаватский В. Д., 1951а, с. 16 сл.), а Фанагория — 50 га (Кобылина М. М., 1956, с. 67). Размеры других городов, как например, Ольвии резко уменьшаются. Ее площадь после гетского разгрома сократилась в три раза. В городах продолжают большие строительные работы, которые велись главным образом на основе уже сложившихся уличных сетей. В I в. до н. э. — I в. н. э. в Пантикапее проводится частичная перепланировка и сооружение новых террас (Блаватский В. Д., 1957а, с. 47, 49). В Херсонесе иногда вместо небольших домов строятся богатые занимающие целый квартал. В Фанагории, Горгипии вместо старых богатых построек возводятся новые, более простые по убранству здания. Эти работы, судя по надписям из Танаиса, Горгипии и других мест, проводились под руководством профессиональных архитекторов. Вместе с тем, в некоторых частях городских территорий, на месте ранее существовавших общественных и культовых сооружений эллинистического периода, возникают пустыри (Пантикапей, Фанагория). Среди городского населения значительное количество составляли представители местных племен.

Характерной чертой градостроительства этого времени является развитие среди жилых кварталов больших производственных комплексов ремесленных мастерских, впподелен, рыбозасоляющих сооружений. Однако традиции создания керамических мастерских за пределами городских кварталов сохраняются, например, в Ольвии и в Фанагории (Ветштейн Р. И., 1958; Цетраева Г. А., 1966а). Продолжаются работы по благоустройству городов — сооружаются сточные канавы, мусор вывозят на городские свалки. Незаменимыми остаются принципы городского водоснабжения. Некоторые колодцы имели архитектурное оформление, как например, колодец на западной окраине Фанагории (Блаватский В. Д., 1941б, с. 28 сл., рис. 16—19). В первые века нашей эры в городах прослеживается влияние римских градостроительных традиций, выразившееся в основном в строительстве цитаделей, терм и других сооружений. Возведение цитаделей было связано с размещением в городах римских гарнизонов (Тира, Ольвия, Херсонес). Их строительство велось без учета традиционных сформировавшихся городских ансамблей и градостроительных схем. Цитадели доминировали в городском пейзаже.

На Боспоре продолжается строительство небольших, хорошо укрепленных поселений типа Семеновки, застройка которых велась на основе единого плана, со слабо выраженными чертами регулярности. Возникает укрепленный городок Илурат, в планировке которого чувствуются римские традиции создания поселенческого пункта на основе военного лагеря. Вся площадь его, приближающаяся по своей конфигурации к прямоугольнику, была застроена кварталами

жилых домов, разделявшихся неширокими прямыми улицами. На азиатской стороне Боспора создается сеть военно-хозяйственных поселений, основным архитектурным ядром которых явились крепости или цитадели, построенные из сырцовых кирпичей (Сокольский Н. И., 1963в). Вокруг них располагались неукрепленные поселения. Основную массу их населения, вероятно, составляли выходцы из местных племен. Оборонительные сооружения в виде валов вокруг резиденции Хрисалиска, по-видимому, можно рассматривать как влияние местной традиции (Сокольский Н. И., 1976а, с. 89). Каменные стены или валы в сочетании с рвами сооружаются и на поселенных ольвийской округи (Козырка I, Петуховка II, Ст. Богдановка, и др.). Почти во всех без исключения городах строятся новые укрепления, восстанавливаются и реконструируются старые, в Херсонесе возводится протейхизма (АО 1970 г., с. 271).

В позднеантичное время (III—IV вв. н. э.) размах строительных работ резко падает. Работы по реставрации оборонительных сооружений городов продолжают только в отдельных центрах, например, в Херсонесе, в Танаисе. Многие города сокращаются в своих размерах и только некоторые, как например, Пантикапей и Фанагория, сохраняются в прежних границах. В ряде городов возрастает скученность застройки (Мирмекий, Тиритака, Танаис). В городах увеличивается количество производственных сооружений (Тиритака, Мирмекий). Керамические обжигаемые печи появляются и в черте города на месте образовавшихся пустырей (Фанагория). Особенно отчетливо виден упадок городов в строительном деле. Снижается качество работ, падает благоустройство — прекращается вывоз мусора на городские свалки, о чем свидетельствует большое количество мусорных ям на территории самих городов. Резко проявляется рустификация городов. Значительную массу городского населения в это время составляют скифо-сарматы и варваризованные греки. Во второй половине IV в. н. э. почти все сохранившиеся до этого времени греческие города, за исключением Херсонеса, поглощают под натиском кочевнико-гуннов.

Строительная техника. Приемы строительной техники в северопричерноморских городах были заимствованы греческими переселенцами из метрополий. Вместе с тем, в ходе самостоятельного развития и под влиянием традиций окрестного варварского населения там вырабатывались и некоторые локальные особенности приемов строительства. В истории строительной техники Северного Причерноморья можно выделить два периода, границей между которыми служит примерно середина I в. до н. э. В свою очередь первый период, по уровню развития строительного дела можно разделить на три различных этапа.

На первом этапе основными строительными материалами являлись глина, дерево, необработанный камень, часто аморфной конфигурации, в основном, известняк, реже песчаник. Часто использовались также галька и булыжники, привозимые па торговых судах в качестве балласта. Наземные части стен полуземлянок и наземных построек делались каменными, сырцово-каменными, сырцовыми. Реже они

были плетеными из веток и обмазанными глиной, что типично для негреческого населения. Система каменной кладки чаще всего нерегулярная (табл. LXXXVI, 7) или приближающаяся к пей с элементами регулярности, из необработанного камня (табл. LXXXVI, 6). Применялась кладка из полигональных камней, установленных на узкую боковую грань (Блаватский В. Д., 1957а, с. 13). Мелкие и средние размеры камней позволяли сооружать стены силами одного человека. Полы домов были глиобитными, крыши односкатными и двускатными, в круглых в плане постройках, они, возможно, были коническими с саманным или тростниковым покрытием. Крыши общественных и культовых зданий покрывались привозной черепицей и украшались архитектурной терракотой. Этот первый этап строительства городов на Березани относится ко второй половине VII в. до п. э.; на Боспоре — к первой половине — середине VI в. до н. э.; в районе Ольвии и в Западном Крыму — к середине — второй половине VI в. до п. э.; в Никоии — к концу VI — первой половине V в. до п. э.

Следующий этап, продолжавшийся с V до последней трети IV в. до н. э. характеризуется распространением приемов греческой строительной техники и началом их самостоятельной эволюции. На протяжении этого этапа происходит формирование профессиональных кадров строителей, в том числе мастеров-каменотесов высокой квалификации и архитекторов. Употребление камней больших размеров в некоторых сооружениях свидетельствует об использовании в строительстве подземных механизмов. Основными строительными материалами были камень и глина, дерево использовалось ограниченно — главным образом для перекрытий, для дверей и окон. В этот период ведется регулярная добыча камня открытым способом. Наиболее интересно следы таких разработок найдены в Северо-Западном Крыму (Коновалов А. А., 1973, с. 293) и в восточном Крыму, где на территории некрополя Илурата вырубали каменные блоки, а в районе с. Слюсареве барабаны колонн (Кругликова И. Т., 1975а, с. 70). Камень, в основном, известняк, употреблялся для вымоستков, стен, портиков и сводчатых перекрытий. Мраморными были архитектурные детали, обычно импортные, иногда черепица. Глина употреблялась в качестве раствора в кладках, для обмазок стен, изготовления кирпича, архитектурно-строительной терракоты, устройства оснований под стелы. Известка применялась для оштукатуривания стен, в известково-галечных полах, для обмазки цистерн для воды, виноделен и рыбоасолячных цистерн. В V—IV вв. до п. э. стены были сырцовыми, сырцово-каменными или каменными. В оптимальном случае в них выделялись три части — фундамент, цоколь и собственно стена. Фундамент состоял обычно из одного ряда уложенных плашмя плит, заглублявшихся примерно на половину высоты ряда и слегка выступавших от фасада стены. Однако при строительстве на слое неравномерной плотности фундамент мог быть большей высоты, либо устраивались искусственные основания в виде песчаных подушек, глинистых трамбовок или чередующихся землестоящих насыщенных битой керамикой и лессовых, реже — глинисто-черепяных прослоек толщиной чаще

всего 6—15 см. В этот период формируются все основные типы кладок (табл. LXXXVI, 6—8, 10, 12—16). Первая попытка их классификации сделала А. П. Карасевым (Карасев А. П., 1955а, с. 189—194), позднее С. Д. Крыжицким (Крыжицкий С. Д., 1965; Крыжицкий С. Д., 1971, с. 111). Камни, образующие фасады кладок — прямоугольные плиты и блоки тщательно отесывались, часто имели невысокие русты — несглаженную поверхность лицевой стороны блока, ограниченную по краям с одной — трех, иногда со всех четырех сторон хорошо отесанными гладкими полосами. Камни обычно плотно притесывались. Толщина кладок 0,4—0,6 м и более, сырцовых чаще всего 0,4—0,5 м. Размеры камней в среднем крупнее, чем в ранних кладках. Сырцовый кирпич: 0,4—0,5×0,3—0,4×0,08—0,10 м. Однако в Пантикапее встречается кирпич длиной 0,92 м, толщиной 0,415 м (Блаватский В. Д., 1957а, с. 35). Специальных деревянных или металлических связей в кладках этих сооружений не известно, только в Пантикапее встречаются железные пироны.

Вымостки дворов и улиц состояли из битой керамики, щебенки, известняковой крошки либо мостились обычно необработанными полигональными плитами. Под плитняными вымостками иногда делали подсыпки из мелких камней. Полы в домах были глинобитные. Случалось, что верхний слой полов сжимали, в результате чего уровень пола мог быть ниже подошвы фундамента. Иногда полы делали из утрамбованной известняковой крошки на глиняной подушке, реже они были каменными (в основном в хозяйственных помещениях), деревянными (над подвалами), цементными или галечными на известке (в андронах). Деревянные части построек сшивались железными или бронзовыми гвоздями. Перекрытия помещений балочные, часто с неравномерным шагом расстановки балок в пределах 0,3—0,6 м. Крыши не сохранились, но они могли быть односкатными или двускатными. Несущей конструкцией являлись стропила. Крыши — саманные или черепичные. Выделяются два типа глиняной черепицы: солены — большие плоские с бортиками по продольным сторонам или слегка изогнутые в поперечном сечении без бортиков и калитеры — узкие, полуцилиндрические или граненые, перекрывавшие продольные швы между соленами. Начало местного производства черепицы в Северном Причерноморье относится к концу V в. до н. э. Начиная с IV в. до п. э., ее широко использовали наряду с импортной. Для Ольвии IV—II вв. до п. э. типичны коринфская (табл. LXXXVII, 8, 15) и сицилийская системы черепичного покрытия крыш (табл. LXXXVII, 10). По-видимому, в значительно меньшей степени здесь применяли лаконскую (табл. LXXXVII, 9). Для Херсонеса характерна в основном сицилийская, а для Боспора — коринфская, и лишь отчасти сицилийская и лаконская системы (дом Коя в Пантикапее). В каждом центре была черепица местного производства, имевшая свои локальные отличия (табл. LXXXVII, 17, 34).

Лестницы в подвалы и на вторые этажи делались камешными, деревянными и смешанными (нижний марш каменный, следующий — деревянный), обычно без выделения лестничных клеток, с углом подъема маршей 30—45°. Двери были одностворчатыми и

двусторчатыми на поднятых пли на петлях. Окна небольших размеров, обрамлялись деревянными и каменными наличниками. Помещения освещались главным образом через двери и окна, выходявшие во внутреннюю дворик, а иногда и через проемы в крышах, оформленные специальными черепицам с кровельными окнами, типа найденных в Пантикаее, Ольвии, Херсонесе (табл. LXXXVII, 12) (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 41; КП, табл. 23,4; 34, 5, 7, 8). Деревянные конструкции выполнялись как целиком в камне, так и с частичным применением деревянных столбов и антаблемента при каменных напестях и базах пли с терракотовыми накладными деталями (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 58 сл.). В декоре парадных помещений применялись многоцветные росписи по известковой штукатурке.

Конструкции сооружений монументальной архитектуры, в частности храмов, в начале второго этапа в большинстве, по-видимому, мало чем отличались от сырового-каменных конструкций жилого строительства (например, храм на Березани) (*Лавин В. В.*, 1967, с. 145 сл.). Основным отличием являлось использование ордера, причем в некоторых случаях, как можно предполагать по основаниям остатков храма Аполлона Дельфиния в Ольвии, в портиках применялось дерево с терракотовыми накладными деталями (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 58 сл.).

В дальнейшем в культовых сооружениях использовались высококачественные регулярные кладки, в камне выполнялись и детали ордера, для связи отдельных камней и блоков использовались металлические пионы различной конфигурации. Мрамор применялся редко и в основном только для архитектурных деталей, иногда встречается мраморная черепица. В целом по своим размерам материалам, характеру декора, особенностям профилировки деталей северноречноморские храмы имели более скромный характер, чем в Средиземноморье.

Среди монументальных построек лучше исследованы остатки оборонительных сооружений. Особый интерес в конструктивном отношении представляли каменные погребальные сооружения, получившие широкое распространение, особенно на Боспоре уже с IV—III вв. до н. э. К ним относятся склепы Золотого п. особенно, Царского кургана, представляющие вполне сложившиеся совершенные образцы безраспорных угступчатых куполов. Особенно важен в этом отношении купол Царского кургана, где переход от квадратного плана камеры к круглому в плане копическому куполу осуществлен при помощи пандативов (табл. LXXXVI, 1).

Начало становления тех или иных приемов строительной техники в частности, широкого использования камня, повезде происходило в одно и то же время. Высокого уровня строительство достигло в Пантикаее, где, очевидно, в конце VI в. до н. э. уже есть основания предполагать сооружение большого поппического перинтера, в Ольвии — в первой половине V в. до н. э., в Херсонесе — в конце V в. до н. э. и т. д. Для V—IV вв. до н. э. характерно как использование приемов строительной техники метрополи, так и появление новых приемов, таких как ольвийские слоевые субструкции, разнообразные приемы устройства фундаментов оборонительных

степ. Особо следует подчеркнуть появление каменных сводов в погребальных сооружениях.

Следующий этап — последняя треть IV—I вв. до н. э. в области строительной техники характеризуется вначале уже упомянутыми особенностями, а затем в связи с большим размахом строительства, особенно в своей первой половине, упрощением конструкций кладок, постепенным ухудшением качества работ, началом относительной нивелировки массовых строительных приемов и конструкций. В кладках характерно использование в основном регулярных систем с кладкой камня плашмя без его плотной притески, ухудшение тщательности обработки фасадов, вторичное использование материалов. Типично для этого времени смешение в одной и той же кладке различных систем. Высокое качество работ наблюдается в это время при строительстве в основном только наиболее значительных сооружений. В это время также окончательно выкристаллизовываются и получают в Ольвии широкое распространение слоевые основания; применялись они и в Фанагории. Дальнейшее развитие приобретают сводчатые конструкции. Так, в погребальных сооружениях с конца IV в. до н. э. наряду со строительством угступчатых сводов, начинают появляться цилиндрические и полуциркульные или коробовые своды. Одной из важных особенностей этапа явилось значительное развитие строительства специальных сооружений, в частности гончарных печей, виводелен. Именно в гончарных печах как круглых в плане, так и прямоугольных, появившихся позднее — в первые века нашей эры, в перекрытиях обжитых камер и топков падали отражение элементы купольных конструкций (КП, табл. 16, 46; 25, 16). Строительство виводелен, где при обмазке стен резервуаров и давяльных площадок использовался известковые растворы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 380 сл.) и сооружение цементных полов в богатых домах IV—III вв. до н. э. в Фанагории (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 60 сл.) дают наиболее ранние примеры проникновения в Северное Причерноморье элементов, типичных для римской строительной техники и получивших большое распространение в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. Основной тенденцией этого этапа является сохранение высоких традиций строительного искусства предшествовавшего времени в наиболее значительных сооружениях и общее ухудшение качества выполнения работ в массовом строительстве.

Второй период истории строительной техники — с середины I в. до п. э. по III—IV вв. н. э. характеризуется усилением римского влияния и ухудшением качества строительства. В первые века нашей эры наряду с повышенным роли архитектора-градостроителя значительно снизилась роль мастера-каменотеса, повысилась и средний уровень строительства. Так, из арсенала строителей практически исчезли слоевые основания и тип конструкции ольвийских цистерн. Кладки первых веков нашей эры часто нерегулярные или приближающиеся к ним, выкладывались из плохо обработанных камней, уложенных плашмя с отсутствием плотной притески по месту. Наряду с этим в монументальных сооружениях встречаются кладки из крупных необработанных камней, по своему характеру приближающиеся к так называемым

мым «циклопическим» (Блаватский В. Д., 1948а, табл. 3, 1). Если до рубежа нашей эры наиболее характерный пример таких кладок дает в основном только крепида Золотого кургана, то в первые века нашей эры элементы этого приема уже встречаются в кладке оборонительной стены Ольвийской цитадели (Фармаковский Б. В., 1908). В каменных кладках широкое распространение получило вторичное использование камней, среди которых часто встречаются фрагменты архитектурных деталей, надгробий, скульптур и надписей. Продолжается применение сырцовых кирпичей, размеры которых несколько увеличиваются — $0,52 \times 0,52 \times 0,07$ м (Соколовский П. И., 1967б, с. 110). Качество позднеримских сырцовых кирпичей резко ухудшается — в них прослеживается большое количество включений: сама, мелкой керамики и раковин. Обожженный кирпич в кладках обычных сооружений распространения почти не получил. Он использовался в специальных сооружениях, в частности, в термах, иногда в винодельных, для мощения дна рыбозасолочных ванн, иногда в качестве декоративных элементов стен или вымосток. Кирпичи были трех основных типов: малые и большие квадратные и прямоугольные (КП, с. 36 п. сл.; табл. 43). Наиболее распространенным типом кирпича был малый квадратный $27 \times 27 \times 3-7$ см (при отклонениях не меньше 20 см — в Хараксе) и не более 35 см — в Ольвии. Большой квадратный $53-58 \times 53-58 \times 3-8$ см встречается редко, в основном в Пантикапее и Хараксе. Прямоугольный кирпич имел в большинстве случаев длину примерно в полтора—два раза больше ширины — в пределах 23—33 см при толщине 2—7 см. Типичным для каменных кладок является использование земляных или глиняных растворов. Известковые применялись в основном для штукатурных покрытий и в специальных сооружениях (термы, винодельни, рыбозасолочные цистерны). Случаи использования этого раствора в обычных конструкциях единичны — в кладках второго строительного периода укреплений в Херсонесе (Стржелецкий С. Ф., 1969а, с. 18; Гриневич К. Э., 1927б, с. 82 сл.) и в Фанагорийском склепе первых веков нашей эры. В отделе богатых домов и общественных зданий характерно использование мраморной плитки. Продолжается традиция оформления парадных помещений настенными росписями по штукатурке. Полы помещений, главным образом, глинобитные или земляные, по встречаются каменные и кирпичные. Известен случай использования мозаики из белых и черных кубиков (Пантикапеей). В первые века нашей эры происходит также при сохранении преемственности форм, сокращение количества типов кровельной черепицы, исчезает, в частности, коринфская система. В Ольвии, Тире и на Боспоре получают преимущественное распространение лаконская и сицилийская системы, в Херсонесе и Хараксе — только сицилийская (КП, с. 43 сл., табл. 31, 35, 42). Большое распространение приобрели сводчатые конструкции — цилиндрические, полуциркулярные и коробовые своды, особенно в потребных сооружениях; ложные своды исчезают.

Особое распространение в первые века нашей эры получали специальные сооружения: термы, рыбозасолочные цистерны, винодельни, говчарные и стек-

лоделательные печи. Для них в наибольшей степени характерно использование римских приемов и связанных с ними конструкций и материалов — известковых и известково-цемяночных растворов, обожженного кирпича. По-видимому, с римским влиянием следует связывать также и широкое распространение в первые века нашей эры керамических труб при устройстве водопроводов в городах и отоплении в термах. По принципу соединения между собой все трубы были однотипны. Места соединения обычно промазывались известковым раствором. Внутренний диаметр в самом узком месте колебался в пределах 6—12 см. Выделяется два типа труб — конический и цилиндрический (КП, табл. 44).

Жилые дома. Во всех античных городах и поселениях Северного Причерноморья жилища не были одинаковыми в течение длительной истории античных государств: изменялись их планы, размеры, строительные материалы, сами приемы их строительства и отделки. Жилым домам Северного Причерноморья посвящены ряд исследований (Блаватский В. Д., 1948а; Леве И. И. и Карасев А. Н., 1955; Сорокина Н. П., 1973). Специально изучались жилые дома Ольвии (Фармаковский Б. В., 1906а, с. 39 сл.; Крыжицкий С. Д., 1971) и Пантикапеей (Блаватский В. Д., 1957а, с. 13 сл.). Имеются публикации отдельных домов и жилых комплексов из различных городов и поселений (Белов Г. Д., 1950а; 1962; Гайдукевич В. Ф., 1941б; Зеест И. Б., 1951а; Круликова И. Т., 1970б, с. 78 сл.; Шелов Д. Б., 1970, с. 120 сл.; 1972а, с. 41 сл.; Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., 1975; Бураков А. В., 1976, с. 16 сл.).

В ранний период, связанный с обоснованием греков на новых местах, они строили примитивные однокамерные жилища, часто углубленные в землю, типа землянок и полуземлянок (табл. LXXXVIII). Углубленные в землю жилища VI — рубежа VI—V вв. до н. э. открыты в Николии, на о. Березани, в Ольвии, а также в окрестностях Пантикапеей (в Андреевке Южной) и, возможно, в Фанагории. Со временем, в ходе самостоятельного развития и под влиянием контакта с местной традицией земляночного строительства, здесь вырабатывается ряд особенностей, позволяющих говорить о наличии северопричерноморского варианта античного домостроительства. Удастся даже выделить локальные особенности каждого из трех основных районов Северного Причерноморья. Кроме того, в ходе тесных контактов с местными племенами в Северном Причерноморье появились памятники смешанной греко-варварской традиции.

В истории северопричерноморского домостроительства можно выделить два основных периода. Первый — от основания греческих поселений до конца II—I вв. до н. э. Второй период — первые века нашей эры. Основным принципиальным различием между ними служит значительное развитие во втором периоде домостроительства смешанного грековарварского направления и существенное усиление местной античной, северопричерноморской, а не общегреческой традиции. В рамках первого периода выделяется ряд этапов. Первый этап соответствует времени основания большей части античных северопричерноморских городов (от второй половины VII в.

до н. э. до рубежа VI—V вв. до н. э.). В целом, с теми или иными хронологическими отклонениями, в трех основных районах распространения античной культуры этот этап характеризуется строительством наземных примитивных домов, в основном однокамерных, прямоугольных в плане, а также землянок и полуземлянок.

Заглубленные жилища обычно одно-реже-двухкамерные, форма их в плане чаще всего прямоугольная. Значительно меньше были распространены круглые и овальные дома. Размеры жилищ от 5 до 16 м². Землянки обычно углублены в грунт от нескольких десятков сантиметров до 1,5—2,0 м. Для сгуща в углубленные помещения делались ступенки, врезанные в борта котлована по любой из сторон, но есть землянки и без фиксированных входов. В этом случае, по-видимому, использовали приставные деревянные лестницы. Характерно отсутствие лежанок, при этом обычны хозяйственные ниши и глинобитные площадки. Очаги, чаще всего открытого типа, могли располагаться в различных частях жилища, широко использовались и жаровни. Земляночные сооружения в наибольшей степени характерны для Северо-Западного Причерноморья — Ольвии (табл. LXXXVIII, 1, 2), Березани, Никоныи (вплоть до Истрии) и окружающих их позднеархавических поселений (*Славин Л. М.*, 1958, с. 279 сл.; *Карасев А. Н.*, 1964, с. 116; *Лалин В. В.*, 1966; *Отрешко В. М.*, 1975, с. 93, 94; *Северская Н. М.*, 1975, с. 112; *Рубан В. В.*, 1975, с. 87—89; *Копейкина Л. В.*, 1976, с. 132 сл.; *Крижицкий С. Д.*, *Русьева А. С.*, 1978 г., с. 3 сл.). Встречаются они и на Боспоре: в Тирамбе (*Корогина А. К.*, 1968б, с. 55), Андревке Южной (*Кругликова И. Т.*, 1968, с. 206 сл.), Фанагории. Они появляются на Березани во второй половине VII в. до н. э., но большая их часть относится к середине — второй половине VI в. до н. э. В дальнейшем земляночные сооружения полностью заменяются наземными домами. Исключение представляет только ольвийское предместье, жилища земляночная застройка которого относилась в основном к середине второй половины V в. до н. э. (*Козуб Ю. И.*, 1976, с. 195 сл.), то есть к тому времени, когда в самой Ольвии уже велось исключительно наземное сырцово-каменное домостроительство.

Наземные однокамерные дома поселенцев известны в Пантикеее с начала VI в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1962а, с. 8), в Кенах — в VI — начале V в. до п. э. Примером простейшего наземного жилища может служить дом, возможно, конца VII — начала VI в. до п. э., расположенный в Пантикеее. Такого типа дома VI в. до н. э. в Пантикеее встречались неоднократно. Во второй половине VI — начале V в. до н. э. там строили преимущественно небольшие дома со стенами, сложенными из рваного камня и с черепичными крышами (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 13, 16). В конце VI в. до п. э. там встречаются также более крупные дома с несколькими помещениями с каменными стенами и черепичной крышей, например, дом Коя, заглубленный в землю, вмещавший площадь не менее 40 м². В Торнике открыт архавский дом первопоселенцев (*Онайко Н. А.*, 1976б, г.). Возможно, таким же был дом на горе Опук (*Кругликова И. Т.*, 1958б, с. 234).

На территории азиатского Боспора отсутствие камня привело к развитию сырцовой архитектуры. Так, в Кенах и Фанагории открыты архавские дома, целиком сложенные из сырцовых кирпичей.

Второй этап охватывает начало V — последнюю треть IV в. до п. э. С рубежа VI—V вв. до н. э. повсюду доминируют наземные сырцово-каменные многокамерные дома обычных общеантичных схем. Исключение представляет только ольвийское предместье, земляночная застройка которого относилась в основном к середине второй половины V в. до н. э. (*Козуб Ю. И.*, 1976, с. 195 сл.). Каменные основания многокамерных домов этого времени обнаружены практически повсеместно, в частности, в Пантикеее (табл. LXXXVIII, 12), Ольвии и на Березани (табл. LXXXVIII, 7, 8). Распространены небольшие по размерам дома с внутренними двориками, куда выходят помещения, расположенные с одной, двух или с трех сторон. Характерна довольно четкая прямоугольная разбивка зданий по местности. Дома имеют подвалы и полуподвалы. В архитектуре наиболее богатых домов возможно применение ордера. По планировке четко разделяются городские дома и сельские усадьбы. Крыши домов покрывались черепицей, самаом или камной. К этому же времени относится и введение благоустройства в домах.

Третий этап — последняя треть IV—III вв. до н. э. — является временем наивысшего расцвета домостроительства. Значительное социально-экономическое расслоение общества приводит к существенной дифференциации домов, различающихся по размерам и богатству декора. Значительный размах приобретает строительство сельских усадеб, в которых к концу этапа выделяется тип укрепленного жилого дома.

Как и в предыдущее время городские дома были прямоугольными в плане. Основную массу составляли безордерные дома: малой площади от 80 до 200 м² и большой — около 200—400, иногда до 600 м². Выделяются дома тишинной схемы, для которой характерно расположение двора в южной половине дома и крытых помещений по двум, трем или всем четырем сторонам двора. Площадь двора составляла обычно 11—27% от площади дома (табл. LXXXVIII, 19, 21, 23). Возможно, но не обязательно, наличие в доме входного коридора. Количество помещений в домах, чаще всего было от 3 до 14. Дома античной схемы отличались введенным элементом, которые нарушали основные принципы планировки греческого жилого дома. Обычно это было связано с хозяйственным назначением отдельных частей дома и приводило к иной группировке жилых помещений вокруг двора, введению в план дома специальных производственных комплексов, например, выделен или рыбозасолочных цистерн. В результате появилась категория хозяйственно (или производственно) жилых домов. Среди них прослеживается две группы: без выделения производственного комплекса и с его специальным самостоятельным выделением, как например, дома в Херсонесе (табл. LXXXVIII, 15) и на Боспоре. Наиболее ярким примером является дом винодела в Мирмекии (табл. LXXXVIII, 14). Ордерные дома известны только ластандоного перистильного или постандоного-перистильного типов (табл. LXXXVIII, 18, 22). Их площадь обычно больше, чем у безордер-

ных (до 550 м²), дворы занимают 10—22%. Характерно выделение центральных помещений — андронов. В портиках, окружающих дворы, использовались в основном дорийский и аттический ордера. В некоторых случаях, как например, в Ольвии, подвалы домов образовывали целые этажи, где помещения могли объединяться специальными галереями. Есть основания предполагать в ряде случаев наличие в домах вторых этажей. Наиболее характерные дома этих типов открыты в Херсонесе, Прекрасной Гавани, особенно в Ольвии (Белов Г. Д., 1938а, с. 196 и сл.; Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., 1953, с. 39 и сл.; Наливкина М. А., 1957, с. 272 и сл.; Щеглов А. Н., 1976а, с. 222—228; Крыжичевский С. Д., 1971, с. 103 сл.). При этом следует отметить, что дома Херсонеса имели и некоторые отличия от ольвийских — относительно большую симметричность плана, наличие типа дома с экседрой (табл. LXXXVIII, 16) (Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., 1953, с. 49 сл.), преимущественное использование подвалов в складских целях. Характерной особенностью херсонесских домов III—II вв. до н. э. являлся также входной коридор, который соединял улицу с двором. Степень благоустройства северопричерноморских жилых домов в целом была ниже, чем в Средиземноморье. Здесь неизвестны, например, ни ванные комнаты, ни система отопления, ни бассейны во дворах и т. п. В домах, где были свои колодцы и цистерны, они размещались чаще всего во дворах, иногда в крытых помещениях и даже в подвалах. Канализационные устройства в большинстве домов или отсутствовали вообще, или ограничивались устройством сборного канала, присоединявшегося к уличной сточной сети. Значительное внимание уделялось внутренней отделке помещений богатых домов. Стены покрывались известковой штукатуркой и расписывались в так называемом структурном, реже — цветочном или икрустационном стилях.

Сельские жилища представляли многокамерными домами с внутренними дворами, аналогичными, очевидно, в целом городским (к этому типу приближается дом у бухты Востреной) (Щеглов А. Н., 1967, с. 249); домами без внутренних дворов типа дома 1 на Южно-Чурубашском поселении (табл. LXXXIX, 5, 6) (Кругликова И. Т., 1975а, с. 47, рис. 14) и усадьбами.

Наибольший интерес представляют сельские усадьбы. Среди них выделяется два основных типа. Для первого характерна функциональная дифференциация помещений усадьбы, в частности, выделение жилой группы и хозяйственной, объединяемых одним или двумя дворами (табл. LXXXIX, 2, 4). Подобное разделение прослеживается иногда достаточно четко. Жилой блок обычно размещался в северной части и в своей основе, в той или иной степени, представлял разновидность городского дома. Комнаты группировались в один—два ряда. Чаще всего жилые блоки были безордерными. В ордерном варианте известен только пастальный тип. В сельской округе Херсонеса на рубеже IV—III вв. до н. э. распространяются усадьбы с укрепленными башнями (табл. LXXXIX, 2) (Стржелецкий С. Ф., 1961, с. 204 сл.; рис. 63, 65, 100; Дашевская О. Д., Щеглов А. Н., 1965, с. 146 сл.). Позднее во II в.

до н. э. появляются укрепленные усадьбы, стены которых обнесены дополнительными каменным панцирем по всему периметру. В III—II вв. до н. э. укрепленные усадьбы возводит на Боспоре как в азиатской части — на Семирбатнем городище (табл. LXXXIX), у пос. «За Родниш» (дом Хрисалиска), у хут. «Рассвет» и др. — так и в еврейской — Ново-Отрадное, Темир-гора и Михайловка. В IV—III вв. до п. э. встречается и иной тип усадеб, центром которых был большой прямоугольный двор, вокруг которого по периметру располагались помещения в один или два ряда. Они известны в сельской округе Ольвии — Дидова Хата (табл. LXXXIX, 3) (Рубан В. В., 1978) и Херсонеса — Папское I (Щеглов А. Н., 1976б, с. 133). Имеются и другие варианты неукрепленных сельских усадеб с большим количеством помещений как хозяйственного, так и жилого назначения. К ним принадлежит усадьба III в. до н. э. у д. Андреевка Южная. Во II—I вв. до н. э. наблюдается постепенный упадок домостроительства. Производится главным образом перестройка уже имевшихся сооружений.

Домостроительные традиции античных городов оказали большое влияние на строительство местных племен Нижнего Поднепровья. Крыма и Азиатского Боспора, привели к появлению смешанных греко-варварских традиций домостроительства, как например, на Елизаветовском городище в дельте Дона, а также дома за пределами стен эллинистического Тапаса (табл. LXXXIX, 21) (Щеглов Д. Б., 1970, с. 120 сл.). Следует, однако, подчеркнуть, что каких-либо признаков варварского влияния на домостроительство античных городов не прослеживается. Явления, обычно связываемые с понятием варваризации, являлись по сути деградацией, так как они отражали не введение каких-либо элементов местной традиции, а ухудшение качества работ.

После войны Митридата VI Евпатора начинается постепенный подъем экономики городов, а с ним и развитие домостроительства уже на новом этапе. Следует отметить, что несмотря на сильное римское влияние и расквартирование римских войск в ряде пунктов Северного Причерноморья, в это время каких-либо кардинальных изменений в области домостроительства не произошло. Римское влияние прослеживается в применении цементных строительных растворов, использовании иногда обожженного кирпича в приемах декорировки — в элементах росписей, использовании мраморных облицовочных плиток, в появлении тосканского ордера (его детали обнаружены в Тире, Херсонесе и Паптикаее). В планировке жилых домов продолжали использоваться схемы, выработанные еще в предшествующее время. Основную массу среди них составляли безордерные дома; из достоверно ордерных известен пока только один дом перистильного типа в Ольвии. Можно, однако, предполагать, что открытые в Тире, Херсонесе, па городище Тартапчи, в Тананесе, и один из идурацких домов (табл. LXXXIX, 13, 18) были также ордерными, но пастального типа (Фармаковский В. В., 1913, с. 35 сл.; Леви Е. И., Карасев А. Н., 1955, с. 241; Гайдукевич В. Ф., 1958б, с. 61 сл.; Щеглов А. Н., 1965, с. 145 сл.). Общий средний уровень домостроительства (качество работ, размеры домов, четкость планировки), по-

видимому, несколько повзрослел. Характерны в этом отношении жилые дома Ольвии, поселения у с. Козырки (табл. LXXXIX, 7), а также дом последнего времени в Тире (табл. LXXXIX, 19, 20). Наряду с домами типичной схемы (табл. LXXXIX, 8—12) в застройке городов увеличился удельный вес хозяйственно-жилых домов. Они обнаружены почти повсеместно. Наибольший интерес представляют «пекарня» в Ольвии, дом с зерносушилкой в Козырке, дома в Тиритаге, дом винодела в Херсонесе и дом с торговым складом в Танане (табл. LXXXIX, 13, 14, 16, 18) (Славин Л. М., 1940, с. 67 сл.; Крыжичкий С. Д., Бураков А. В., 1975, с. 200 сл.; Гайдукевич В. Ф., 1952б, с. 140 сл.; Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л., 1953, с. 172, рис. 10; Белов Г. Д., 1950а, с. 108 и сл.; Шелов Д. Б., 1972а, с. 41 и сл.). Наиболее яркие примеры безордерных домов типичной схемы этого времени дают постройки Изурата. В планировке этих домов получило отражение довольно большое значение их хозяйственной функции, в частности, содержание домашних животных (табл. LXXXIX, 10, 12). Площадь застройки составляла 70—400 м², от которой дворы занимали 14—37%. Типично расположение крытых помещений не менее чем по двум-трем сторонам двора. Наряду с этим следует отметить распространение в первые века нашей эры однокамерных домов без дворов в Ольвии (табл. LXXXIX, 17) (Левин Е. И., Карасев А. И., 1955, с. 239 сл.), принадлежавших, вероятно, городской бедноте. Для отапливания домов в первые века нашей эры применяли: глинобитные очаги, иногда с черепичной облицовкой, печи со стенками из камней или глины, на которых можно готовить пищу и печь лепешки, переносные печки и жаровни из глины и металла. Существовало и духовое отопление типа гипocaustов для терм (Блаватский В. Д., 1957а, с. 86).

Помимо городских домов в первые века нашей эры в районе Херсонеса и на Боспоре продолжали существовать и сельские усадьбы, характерной особенностью которых являлись, особенно на Боспоре, усиление оборонительной функции. Среди этих памятников Боспора следует упомянуть усадьбу у с. Ново-Отрадное (Кругликова И. Т., 1975а, с. 114 сл.).

Таким образом, в первые века нашей эры продолжалось развитие традиций предыдущего времени. Это нашло отражение в планировке, копстурировании и в декоре домов, в частности, в росписях стен. Фрагменты росписной штукатурки первых веков нашей эры найдены в Пантикапее (Алексеева Е. М., 1977, с. 3 сл., рис. 1, 2) в домах Козырского поселения, где живопись сочеталась с пластической обработкой карнизов и использованном окрашенном в темновинный цвет обожженном кирпиче (Бураков А. В., 1966, с. 53 и сл., рис. 2, 4). Значительное распространение хозяйственно-жилых построек привело к выработке рустифицированного городского дома.

Дома первых веков нашей эры довольно существенно отличались от классических общепантичных типов и от домов, открытых на памятниках смешанного греко-варварского характера, как например, поселения Золотая балка, у дер. Семеновки, Золотых III и др. (табл. LXXXIX, 22, 23) (Вязь-

митина М. И., 1962, с. 31 и сл.; Кругликова И. Т., 1966а, с. 80 сл.; 1970б; 1975а, рис. 73).

Архитектура. Особенностью, отличной архитектуры являются ордерные сооружения. Это нашло отражение и в архитектуре общественных и культурных построек Северного Причерноморья. Древнейшими ордерами были дорийский и ионийский. В конце V в. до н. э. был создан коринфский ордер, а в первом веке римлянами изобретен комбинированный — сочетающий черты ионийского и коринфского. Они различались капителями и антабментом. С древнейшего периода в городах сооружались различного типа общественные здания и прежде всего храмы. Сохранившиеся детали позволяют считать, что уже в IV в. до н. э. были известны два типа храмов — храм в апсах (Ольвия) и храм-перитер (Пантикапей). Тип храма в апсах надолго сохранился в архитектуре: в святилище Деметры IV в. до н. э. в Нимфе (Худяк И. М., 1952, с. 241), святилище Деметры IV в. до н. э. близ Анагории на горе Блеака (Марченко И. Д., 1962б, с. 121—133; 1963, рис. 32), в святилище Афродиты в Кепах II в. до н. э. (Соколовский Н. И., 1964б, с. 101—102, рис. 1). Особенностью греческих ордерных сооружений является целостность — гармоническое соответствие между всеми частями ордера, связанными определенными числовыми отношениями. В Д. Блаватский на основании формы и размеров найденных в Керчи фрагмента ионийского архитрава и базы колонны предположил наличие ионического фасада и монументального храма типа перитера конца VI в. до н. э. примерно размером 20×40 м при высоте 10 м (Блаватский В. Д., 1953г, с. 174 сл.; 1957а, с. 20 сл.) (табл. XC, 8). А. И. Карасев по остаткам кладок и субструкции дает реконструкцию храма Аполлона Дельфиния в Ольвии, как храма в апсах, а исследование обломка терракотовой волюты ионийской капители позволило реконструировать всю капитель и фасад храма (Карасев А. И., 1964, с. 58 сл., рис. 24—35). Сохранилась угловая часть мраморного фриза, возможно, часть ионийского антабмента храма в Ольвии (табл. XCI, 4, 5) (Карасев А. И., 1955а, с. 199, рис. 14). Поле фриза заполнено изображением процессии женщин и мужчин в величавых движениях. Фриз относится к IV в. до н. э. и свидетельствует о возвышении аттического искусства, может быть, знаменитого фриза Парфенона с изображением панафинейского шествия.

Великолепно сохранившиеся детали архитектуры Херсонеса IV—III вв. до н. э. были открыты при раскопках башен XVI и XVII (Зенопа). Среди множества архитектурных фрагментов из Херсонеса выделяется мраморная голова карнатиды, завершающаяся дорийской капителью, очевидно, украшавшая какое-то здание с портиком карнатид. Голова исполнена с мягкой свето-тенью поверхности лица и выразительностью моделировки глаз и рта, которые были свойственны греческому искусству второй половины IV в. до н. э. (табл. XCI, 6) (АСХ, № 116, с. 33, рис. 72, 73). Архитектурные детали, найденные при раскопках Херсонеса, свидетельствуют о применении в архитектуре города в III—II вв. до н. э. как дорийского, так и ионийского ордера. На основании частей ордера: аттико-ионийского баз,

каштелей частей пивийского архитрава и фриза с богатой орнаментацией И. Р. Пичикий реконструирует фасад храма высотой 6,6 м, как небольшого амфипростиля (храма с четырьмя колоннами на узких фасадах) (Пичикий И. Р., 1977, с. 169, рис. 2) (табл. ХС, 6). Фрагменты архитектуры, открытые при раскопках башен Зенова, дают полное представление о полихромии греческой архитектуры. Части карнизов и антаблементов, выполненные из плотного белого известняка, оживлены только изваянным орнаментом (овы, жемчужник, лебидийский киматий и др.) чистого синего и красного цвета (табл. ХСП, 5).

Не меньше внимания уделялось созданию общественных зданий гражданского характера, часто с перистильными дворами (окруженными колоннадой), как и в средиземноморской эллисской архитектуре. В Ольвии открыто здание суда, расположенное при входе на агору, сооруженное в III в. до н. э. С юго-востока к агоре примыкал гимнасий, просуществовавший с перестройками с V в. до н. э. до II в. до н. э., вначале целиком предназначенный для гимнастических упражнений, а затем частично отведенный под помещения для мытья. В Ольвии раскопано здание с перистилем, в центре которого был алтарь с треножником. С трех сторон ко двору примыкали помещения. Одно из них выделялось особым оформлением пола, отвечающим требованиям оформления андрона в домах Олифа (Блаватский В. Д., 1961а, с. 93) — здесь вдоль степ известковый настил пола был окрашен в малиновый цвет, а в центре находилась мозаика, выложенная из цветных галек в виде пестрого ковра. Здесь был найден алтарь и культовые статуэтки Кибелы и Афины. Б. В. Фармаковский предположил, что здание было пританеем, предназначенным для приемов послов шестранных государств и общественных кормлений особо отличившихся граждан полиса (Фармаковский Б. В., 1943, с. 66—67, рис. 75, 76). Однако, по мнению А. Н. Карасова, Е. И. Левы и С. Д. Крыжичного, это здание являлось жилым домом (АГСП, с. 220; Крыжичный С. Д., 1971).

Открыт целый ряд общественных зданий III—II вв. до н. э. Предположительно остатки гимнасия раскопаны на западной окраине Фанагории (Кобылина М. М., 1956, с. 29—31, рис. 9, 10, 11). Здание было воздвигнуто в III в. до н. э., перестроено во II в. до н. э., и просуществовало до I—II вв. Сохранилась стена, сложенная из рустованных квадров III в. до н. э. над ними гладкие прямоугольные блоки более позднего времени. К лицевой стороне стены примыкали под прямым углом площадки из ровных плит, служившие опорой для колоппазы (Блаватский В. Д., 1941б, с. 19, рис. 6, 7); между второй и третьей площадкой сохранилась каменная дорожка, на которой стояла часть базы колонны. Здание было крыто черепицей, стены его расписаны, о чем свидетельствуют обломки штукатурки красного, белого и желтого цвета и красочного орнамента. Вблизи были найдены фрагменты мраморного декора — часть мраморного несоса с рельефной пальметой и фрагмент мраморной капители пилястры с рельефными овами (Пягышева Н. В., 1960, с. 111, рис. 3, I). Упоминание о существовании гимнасия в Ольвии имеется в декрете II в. н. э. (IPE I. 40).

Общественное здание III—II вв. до н. э. открыто в Пантйканее на северном склоне горы Митридат — с двором площадью 80 м² и несколькими помещениями, примыкающими к нему с юга и запада. Двор был окаймлен дорической колоннадой.

Большой культовый комплекс III в. до п. э. был открыт вблизи совхоза «За Родину». Хорошая сохранность фундамента и частей стен, наличие баз, каштелей, частей колопп, пилястр и пр. позволили восстановить план комплекса и сделать его реконструкцию. Центральное здание представляло собой толос — круглый периптер дорического ордера. Толос был окружен большим перистильным двором неправильной четырехугольной формы. Судя по сохранившимся фрагментам, круглые здания воздвигались и в других городах Северного Причерноморья. Так, например, в Ольвии был найден фрагмент дорического антаблемента эллинистического времени с рельефными изображениями розетт и львиных голов на метопе, этот антаблемент, судя по криватуре, выходил внутрь толоса с диаметром его внутреннего пространства около 6 м (Карасов А. Н., 1955а, с. 199). Возможно, подобного типа здание существовало в Горгипии (Савостина Е. А., 1980, с. 68 сл.).

Святыецкие IV—I вв. до н. э., посвященные герою — так называемый героон, было раскопано в 1938 г. на территории некрополя Фанагории к западу от города (Блаватский В. Д., 1951в, с. 191 сл.). Обнаружены остатки продолговатой постройки, стелы бута, вероятно, служивший подстилом, на котором местами лежала цементка, смешанная с галькой, а на ней штукатурный пол белого цвета. Многочисленные обломки штукатурки белого, желтого, красного и темно-серого цвета, частично с орнаментом свидетельствуют, что стены с внутренней стороны были оштукатурены и расписаны. Аналогия этому героону В. Д. Блаватский находит в Малой Азии, а также в росписи первого Вакхоринского склепа с изображением стены без перекрытия (АДЖ, табл. XIII; XIV). При раскопках была найдена верхняя часть мраморной ножки с рельефным орнаментом, может быть, от жертвенного стола, клыпы впа трона, сохранившая полихромную раскраску. В пределах ограды раскопана пустая могила, крытая черепицей — так называемый кенотаф — могила человека, погребенного за пределами родины (Блаватский В. Д., 1951в, с. 194, 196, рис. 5, 6, I).

Храмы п общественных сооружения эллинистического периода, так же как и предшествующего времени, аналогичны средиземноморским. Но встречаются оригинальные решения деталей, созданные местными мастерами. В этом отношении интересен мраморный блок из Пантйканее с пластическим изображением крестообразного меандра п двух розетт в необычной живописной трактовке — меандр показан в ракурсе (табл. ХСП, I) (Блаватский В. Д., 1957а, с. 34). Полные аналогии ей можно найти только в росписях богатого жилого дома, раскопанного К. Е. Думбергом в Пантйканее в 1899 г. на северном склоне г. Митридат (АДЖ, табл. XXVII, I; XXXVIII; XXXIX). Там открыты две небольшие каштели (высотой 0,24 м), завершающие приростанные колонки, покрытые штукатуркой и расписанные красной п синей красками (табл. ХСП, 2).

Детали, исполненные рельефно, сочетали элементы ионийской и коринфской капители: пьесток каллы был изображен между невысоко построенными волютами. Над завитками волот расположены пальметты (АДЖ, с. 116, 117, табл. XXXVI, 1, 3; XXXVIII; XXXIX).

Архитектура первых веков сохраняла античные обличия, но в этот период, особенно на Боспоре, и более всего в Пантикапее она приобретает новые черты. В области ордерного зодчества появились новые типы — портик с пятиколонным фасадом (Пантикапей) и псевдоперитер (Ольвия), наблюдается сильное воздействие форм и декора римской архитектуры, проникших на Боспор из Восточных римских провинций.

В Пантикапее в 1948 г. найдена мраморная плита — блок дорийского архитрава (табл. ХС, 7) (Блаватский В. Д., 1957а, рис. 30, 2), на котором вырезана греческая надпись с посвящением и с датой — 320 г. (23 г. н. э.). Следы абака на нижней поверхности блока и размеры абака (длина 0,40 м) позволили установить размеры дорийской капители и рассчитать высоту колонны. Составляя постройки, близкие по времени, с изображением фасада храма на надгробной плите из Пантикапея (табл. ХСII, 3) и изображением пантикапейского храма Капподолия на боспорских монетах Котиса I (табл. ХСIII, 1) (Блаватский В. Д., 1947а, с. 83, рис. 48; 1964в, рис. 47), В. Д. Блаватский пришел к заключению о наличии нового типа храма в Пантикапее, неизвестного в это время в Средиземноморье: с пятиколонным фасадом на высоком ступенчатом основании. Данные строительной техники (расчет проф. П. В. Щусева работы мраморной балки на прогиб) подтвердили возможность этой реконструкции (Блаватский В. Д., 1957а, с. 70).

В 1906 г. в Ольвии Б. В. Фармаковский раскопал развалины монументального сооружения, из которого сохранились мощные (толщиной 2,24 м) слоистые субструкции, части кладки на колоссальных плит известняка. Здание судя по посвяительной надписи могло быть храмом Аполлона Простата. Здесь найдена была плита из кладки стены с выступающей полуколонной диаметром 0,55 м (ОАК за 1906 г., с. 11—13, рис. 9), свидетельствующая о том, что стена имела приставные полуколонны и могла принадлежать сооружению типа псевдоперитера. Судя по находкам здание может датироваться II—III вв. н. э.

Воздействие римской архитектуры сказалось в распространении арок, сводчатых перекрытий, коринфского ордера, в ионийской ориентации ансамблей, украшенных глубоко прорезанными элементами (табл. ХСIII, 3, 5). Проникновение в архитектуру Северного Причерноморья декоративных приемов римской архитектуры, в том числе приставных колонн арочек на колоннах, отражено и в декоре деревянных саркофагов I—II вв., и на рельефных надгробных плитках. На боспорской монете I в. н. э. изображены ворота в крепостной стене, оформленные в виде арки, опирающейся на колонны, на вершине арки на сложном двуступенчатом завершении возвышута гошпал статуя боспорского царя (табл. ХСIII, 2). В храмах и других общественных зданиях широко применяются облицовки мраморны-

ми плитками и мраморные детали. Мраморная касета с изображением горгоны найдена в Горгиши (табл. ХСIII, 4). Нередки находки мраморных соленов: из Пантикапея происходит мраморный калштер, завершающийся атефиксом в виде трагической маски (табл. ХСIII, 7).

Сводчатые конструкции, мраморные облицовки, мозаичные полы особенно характерны для терм. В первые века нашей эры термы сооружались во многих городах Северного Причерноморья — в Ольвии, Херсонесе, Хараксе, Пантикапее, Фагагорпи, Кепах. О постройке бани со ступчатым полом в Ольвии узнаем из посвяительной ланцдарной надписи II в. н. э. (IPE, I, 174). Грандиозные, но сильно разрушенные термы с арочными и сводчатыми перекрытиями открыты в Херсонесе в 1936 г. (Белоу Г. Д., 1938а, с. 250—254). К. К. Костышко-Валюжинич раскопал в 1903 г. в Херсонесе средостроек римского времени калдарий бань (ОАК за 1903 г., с. 28, табл. III). В 1906 г. были открыты термы того же времени в штабелях около XIX бани, возможно, обслуживавшей римских легионеров (ОАК за 1906 г., с. 63; Гриневич К. Э. 1928, с. 43). Исследовались термы и в Хараксе. В Пантикапее термы были открыты на восточном склоне горы Митридат А. Е. Думбергем в 1898 г. Они относятся к позднеперимскому времени (АДЖ, с. 114, рис. 23). Расположены они иначе, чем в Хараксе — более компактно (табл. ХСIV, 2): топчаное помещение, в котором сохранился очаг и глубокая яма для сваливания золы, рядом с ним калдарий — большая комната с полукруглой нишей с бетонным полом, и водосточным желобом. К ним примыкают с юго-востока тепидарий с лежанкой и полукруглым бассейном, соединенным с наружным бассейном и фишдарий. В Фагагорпи остатки терм обнаружены в 1954 г. на северном краю городища. В обрыве были зафиксированы следы разрушенных кладок в виде мощного слоя кусков цемента, известковой крошки и большого количества обломков мраморной облицовки, уцелевшей со стен; в толще обрыва уцелела часть пола помещения, мощеного кирпичами. В Кепах в 1972 г. открыты небольшие термы, состоящие из трех помещений: большое 6,45×4,30 м и два меньших (А) размером около 5 м² и (Б) — 3,5 м². Частично сохранились стены высотой до 0,84 м, облицованные мраморными плитами и цементированный пол. В небольших помещениях обнаружены цементированные скамьи с подогревом, примыкающие к стенам; с северной стороны сохранилась часть каменного водопровода с керамическими трубами, внутри которых находились свинцовые.

В период расцвета на Боспоре были созданы монументальные памятники погребальной архитектуры — подкурганые склепы, сооруженные из местного известняка. Самыми ранними из них являются склепы с уступчатыми перекрытиями (АДЖ, с. 98; 1925, с. 190, 191). Наиболее грандиозны склепы Золотого и Царского курганов вблизи Керчи. Склеп в Золотом кургане, имел круглую в плане камеру диаметром около 6,4 м и дромос шириною около 2,5 м. Ульобразный уступчатый купол камеры начисается от самого пола. Перекрытие дромоса не сохранилось. Склеп Царского кургана хорошо сохранился. Дромос ведет в камеру почти квадратную

в плане (4,24×4,4 м), перекрытую уступчатым коническим куполом. Гладкие стены камеры на высоте четырех рядов кладки переходят в уступчатые, в углах камеры, на этой высоте начинаются уступчатые пандативы, на десятом ряду уступы степи пандативов образуют полный круг, который является и первым кольцом купола. Купол имеет 12 концентрических уступов и перекрыт гладкой плитой (табл. ХСV, 1—4). Дромос имеет вид узкого коридора длиной 36 м, шириной 2,8 м. Передняя открытая часть дромоса ограничена подпорными стенами, которые сохранились только частично. Строители склепа соорудили для него искусственное основание — субструкцию из глины с примесью кусков известняка, которая со временем приобрела твердость камня (Шалькевич А. А., 1976, с. 139). Все квадраты кладки склепа уложены насухо без применения раствора. Склепы с уступчатыми перекрытиями сооружались в IV—II вв. до н. э. Уступчатый склеп II в. до н. э. был открыт на г. Митридат в 1960 г. (Блаватский В. Д., 1960, с. 185 сл., рис. 17). Склеп двухкамерный, камеры разделены общей стеной; перекрытие каждой камеры имеет два уступа (табл. ХСV, 10—12). С конца IV в. до н. э. все более распространяются склепы, камеры которых перекрыты полуциркулярными сводами, их стены и перекрытия оштукатурены и расписаны. Этот тип склепа сохраняется и в первые века нашей эры. Таковы, например, Васюринский склеп III в. до н. э., склеп

Еврисвия и Ареты II в. н. э. в Ольвии (табл. ХСV, 7—9; ХСVI, 5, 6; АДЖ, с. 32 сл., рис. 7—9, с. 200—206, рис. 35, 36; Фармаковский В. В., 1902, с. 1—20, табл. 1—4). В Пантикапее хорошо сохранился подкурганый каменный склеп I в. н. э. с коробовым сводом и большим мовидным каменным саркофагом, заполнявшим значительную часть пространства погребальной камеры. Саркофаг был накрыт крышкой, округлые очертания которой соответствовали криватуре свода (табл. ХСVII, 1—4) (Блаватский В. Д., 1962а, с. 78 сл.). Наряду со склепами, выложенными из камня, в первые века нашей эры склепы часто вырубались в скале или в твердом грунте. Такие склепы были открыты в Пантикапее, в Илурате (табл. ХСVII, 12—14), Кипее (табл. ХСVII, 9—11), Нимфее (табл. ХСVII, 5—8) и других городах. Иногда их выкапывали просто в земле, такие склепы, обычно сохранялись хуже. В Нимфее в 1973, 1974 гг. П. Л. Грач открыто множество склепов, состоявших из камеры с прямоугольным или арочным входом и дромоса с лестницей. Среди 22 склепов был распояв один большой частично заглубленный в скалу. Его верхняя часть сложена из блоков камня, оштукатурена и расписана, некогда он имел сводчатое перекрытие; в другом склепе на стене, противоположной входу вырезан рельеф — голова бородатого мужчины.

Глава одиннадцатая

Культура и религия

Источником для суждения о культуре античных государств Северного Причерноморья являются, прежде всего, разнообразные археологические находки, остатки общественных зданий и жилых домов, погребальной архитектуры и т. д. Важным источником является скульптура и декоративное искусство — монументальная живопись, вазонист, теревтика, резьба по дереву и кости. Огромный материал содержат лангидские надписи: посвящения божествам, в которых говорится о том, что именно посвящается и кем, восхваляются полководцы и общественные деятели, перечисляются почести и награды, упоминаются ученые, поэты, скульпторы и живописцы. На надгробных плитах вырезаны имена умерших, иногда указаны их положение в обществе, занимаемая должность и помещена эпитафия, представляющая собою поэтическое произведение — прощание с умершим.

Важную роль среди исследователей о культуре Северного Причерноморья занимают работы В. В. Латышева. Книга В. В. Латышева, посвященная последованию государственного строя Ольвии (*Латышев В. В., 1887*) содержит специальную главу «Ольвийские писатели» и описания облика ольвиополитов, общего вида города и его сооружений после гетского разгрома. В. В. Фармаковский посвятил ряд исследований вопросам античного искусства Средиземноморья и Северного Причерноморья. Особенно важны его работы об архаическом пощийском искусстве и о фигурных вазах из Фапагории. Он первым поднял вопрос о существовании местных произведений теревтики в Ольвии и Пантикапее. Им положено начало изучению борспорского статуарного портрета и раскрыты его аттические истоки (*Фармаковский Б. В., 1927*). В. В. Фармаковский показал связь изображений на котивной бронзовой руке с культом Сабазия (*Фармаковский Б. В., 1902а*). Все работы М. И. Ростовцева, посвященные Северному Причерноморью, так или иначе связаны с проблемами особенностей его культуры. В своей книге «Античная декоративная живопись на юге России» (АДЯ) он рассматривает вопрос развития декоративной живописи Боспора в связь с эволюцией архитектуры склонов, устанавливает сходство и отличия от греческих малоазийских, этрусских и италийских, македонских и александрийских росписей, показывает значение изображения как источника для суждения о культах. Темы росписей первых веков нашей эры связываются им с канонизованными религиозными представлениями и формами, выработанными в Малой Азии. Он указывает на важную роль фракийских элементов не только на Боспоре, но и в Ольвии и сравнивает рельефы святилища в Ай-Тодоре с фракийскими (*Ростовцев М. И., 1911*). Анализируя памятники Скифии и Боспора, М. М. Ростовцев раскрывает сикретизм

греческих богов с богами ирано-малоазийского пантеона, развивающийся, начиная со II в. до н. э. (*Ростовцев М. М., 1913*). Проблемы особенностей культуры Северного Причерноморья занимают одно из главных мест в исследованиях В. Д. Блаватского, который впервые дал общую картину истории античного искусства северного Причерноморья (*Блаватский В. Д., 1947а*). В монографии «Пантикапей» (*Блаватский В. Д., 1964в*) В. Д. Блаватский показывает развитие культуры столиц Боспора. Им впервые поставлена проблема древнейших (жимерийских) истоков в пантеоне Северного Пошта (в культе Ахилла Повтарха) и показан процесс взаимодействия греческой культуры и культуры варварского мира (*Блаватский В. Д., 1950а; 1964а, б*). В. Д. Блаватский отмечает в культуре Боспора уже в IV в. до н. э. целый ряд явлений, характерных позднее для эллинистической средиземноморской культуры. На основании изучения письменных источников и толкования свидетельства, сохранившегося в схолиях к «Аргонавтике» о Диоспили Ольвианском, В. Д. Блаватский определяет его как географа, современника Деметрия из Каллатии, жившего в III — первый половине II в. до н. э. (*Блаватский В. Д., 1978*). Очень много сделано для изучения культуры античного Северного Причерноморья Г. Д. Беловым, Н. Ф. Гайдужевым, К. С. Горбуновой, Н. Л. Грач, А. П. Ивановой, А. Н. Карасевым, П. О. Карышковским, Т. Н. Книпович, М. М. Кобылцовой, А. К. Коровиной, И. Т. Кругликовой, Н. М. Лосевой, М. И. Максимова, А. П. Манцевич, Ю. Ю. Марти, Е. Д. Марченко, М. А. Налькиной, Н. А. Овайко, Е. О. Прушевским, Н. В. Пятлышовой, Н. А. Сидоровой, П. И. Сокольников, Э. И. Соломоной, С. Ф. Стригелецким, А. П. Чубовой, А. Н. Щедловым, Д. Б. Шеловым, И. Г. Шурган.

Культура государств Северного Причерноморья имеет своеобразные черты, находящие свои объяснения в особенностях исторического развития этого периферийного района античного мира, где собственно античная культура развивалась в тесном взаимодействии с культурой местных народов. В древнейший период — VII—VI вв. до н. э. в городах Северного Причерноморья были перенесены вместе с формами политической и общественной жизни все достижения культуры метрополии, в том числе образ прекрасного и доблестного защитника государства, идеального гражданина общины, воплощенный в статусе обожженного неподвижного стоящего юноши, физически развитого, так называемого кюроса. Такие статуи юношей-победителей в состязаниях ставились на их могилах и воздвигались на площадях. В таком же идеально прекрасном облике изображался и бог Аполлон. Население городов сохраняло мифологическое миропонимание. Явления природы представлялись как действия божественных сил,

которые олицетворялись в образах богов, в виде прекрасных людей и страшных чудовищ. Мифы о богах и героях, уходящие своими корнями в глубокую древность, продолжали жить среди греческого населения городов и в течение многих столетий являлись главной темой изобразительного искусства.

Рассвет античной культуры государств Северного Причерноморья совпадает со временем их экономического расцвета. В Ольвии он падает на время V—IV вв. до н. э., в Херсонесе — IV—III вв. до н. э., на Боспоре — IV—II вв. до н. э. и I—II вв. н. э. В Херсонесе переселенцы-дорийцы приносят традиции дорийской культуры, в частности культ дорийского героя Геракла. В Пантикаеее в IV в. до н. э. возникает художественная культура, весьма близкая по проблематике к античной культуре эллинистических государств III—II вв. до н. э. Боспорская элита включала представителей местных племен, и Боспорское государство постепенно становится все более греко-варварским, при сохранении античных традиций в ордерной архитектуре в крупных боспорских городах создаются новые типы архитектуры (роскошные каменные склепы, термы), в изобразительном искусстве — стеновые росписи с изображением кочевников и бытовых сцен; в скульптуре наблюдается расцвет искусства реалистического портрета и декоративного искусства, красного, бюстного и эффект (полихромный стиль в термике). Влияние римской культуры раньше и сильнее сказалось на культуре Херсонеса. Распад античной культуры с особой яркостью виден в изобразительном искусстве III—IV вв. В этом отношении культура Северного Причерноморья близка варваризованной культуре периферии всей западной части Римской империи.

Общественная жизнь в странах Северного Причерноморья проходила столь же интересно, как и в греческих городах Средиземноморья, особенно в ранний период (Блаватский В. Д., 1961а, с. 124 п. сл.); народные собрания, религиозные праздники и процессии в честь божества, почитаемого в городе, сопровождавшиеся состязаниями, например, в Ольвии конными состязаниями в честь Ахила в начале I в. н. э. (IRE, I, 2, 3, 4), в Горгишии состязаниями в беге на длинную дистанцию в III в. до н. э. в честь Гермеса (IRE, IV, 432). О развитии физической культуры в городах Северного Причерноморья свидетельствуют дошедшие до нас специальные спортивные сооружения (например, в Ольвии и Фанагории), многочисленные надписи из Херсонеса, Ольвии и Горгишии, а также находки стригилей и сосудков для оливкового масла. Кроме атлетических и военных состязаний (в стрельбе из лука) надписями засвидетельствованы в Херсонесе состязания глянзавов, трубочей и поэтов — составитель эпиграмм (Лавишев В. В., 1905, с. 11, № 24).

Большое количество надписей, высеченных в камне, иногда вырезанных на священных пластиках, а также граффити и диниты являются показательными распространения грамотности. Стихотворные эпитафии на надгробных плитах свидетельствуют о знатности с лирической и эпической поэзией (Блаватский В. Д., 1961а, с. 128; Виноградов Ю. Г., 1969). В Пантикаеее найдена терпотаковая солонка IV в. до н. э. с надписью, указывающей, по-види-

мому, на победу, одержанную при исполнении эпических поэм (Блаватский В. Д., 1964б; с. 93). Ксенофонт в «Анабазисе» сообщает (VII, 5, 121) об отправке книг к северным берегам Понта Евксинского.

Скульптура. В период VII — начала V в. до н. э. в Северное Причерноморье скульптура поступает в основном из городов Ионии. Произведения скульптуры этого времени, найденные в Северном Причерноморье, фрагментарны. В Ольвии найдена часть большого (0,16—0,17 м) торса курсы из известняка (Фармаковский В. В., 1926в) с характерными для архаической ионийской скульптуры мягкими текучими формами тела. Там же в гимнасии открыто погрудное изображение курсы конца VI — начала V до н. э. высотой 0,35 м, грубой работы из крупнозернистого и пористого известняка. В Херсонеском музее хранится большая мраморная лапа архаической статуи льва из Ольвии. В Келах найдена голова небольшой статуи курсы с лицом ионийского типа — покатым лбом, косо поставленными глазами, улыбающимся ртом (табл. XCVIII, 2) (Соколовский П. И., 1926в).

Представление о стиле архаических статуй дают хорошо сохранившиеся архаические терракотовые статуэтки, например, статуэтки богини, неподвижно сидящей на троне, с массивными мягко моделированными формами тела и застывшей архаической улыбкой (табл. CXVII 1—4). Тип архаической Кору, созданный в ионийской школе и распространившийся по всему Средиземноморью, передает статуэтка корифейской работы, найденная в Пантикаеее (табл. CXVII, 6). Кора неподвижно стоит, придерживая рукой длинный тонкий хитон, гиматий (покрывало) спадает узорчатыми складками и схеме так называемого «ласточкина хвоста». Произведением ионийской школы первой половины V в. до н. э. (около 470 г.) является мраморная плита, фрагмент которой найден в окрестностях Ольвии с рельефным изображением на одной стороне стройного обнаженного юноши, опирающегося на коня, на другой — волна с колчаном, возможно, скифа (табл. XCIX). Греческая надпись на боковых сторонах плиты говорит о том, что плита была посвящена Афине, подательнице добычи и была поставлена вдали от города (Ольвии) в скифской земле. Удлиненные пропорции тела, расплывчатый контур и мягкая поверхность тела и лица, легкая улыбка на губах указывают на ионийскую школу (Фармаковский В. В., 1915а).

С конца VI в. до н. э. падает экспорт скульптуры из Атттики. Со второй половины V в. и в IV в. до н. э. он доминирует. Местные скульпторы находятся под влиянием аттических. О связях с Афинами свидетельствуют надписи известных аттических скульпторов IV в. до н. э. на базах статуй: Праксителя (IRE, I, 271) п Стратониды (IO, № 66) из Ольвии; сигнатура Поликрата на алтаре с посвящением Афине в Херсонесе (IRE, I, 406). В Пантикаеее найдена верхняя часть мраморной надгробной плиты, на которой сохранилась в рельефном исполнении верхняя часть фигуры юноши-атлета с развитой мускулатурой тела, с грустно поникшей головой — произведение аттической школы первой половины V в. до н. э. (табл. XCVIII, 4). В Ольвии раскопан мраморный круглый алтарь с изображе-

пшем шествия медленно идущих женщин в длинных одеядах, с легким поворотом тела и рук и с соответствующими движениями складок одежды, свойственными высокому искусству аттической классики второй половины V в. до п. э. (табл. С, 3). В Северном Причерноморье найдены копии знаменитой статуи Фидия — Афина Парфенос, колоссальной хрисолефантиной статуи, стоявшей в Парфеноне. Лучшей копией головы этой статуи является изображение на медальоне золотых височных подвесок IV в. до н. э. из кургана Куль-Оба (табл. С1, 6). Известна ее копия IV—III вв. до п. э. — маленькая мраморная статуя пайдены в Ольвии. Она повторяет некоторые черты оригинала — прямо стоящую фигуру, опирающуюся на правую ногу, оставив левую, в аттическом петлесе с папуском; на груди эгида с головой горгоны (табл. С11, 1). Другие детали не передавы (*Фармаковский В. В.*, 1905). Мраморная статуя Диониса IV в. до п. э. из Пантаклея носит черты стили Проксителя (табл. С11, 3).

С IV в. до н. э. заметны связи Северного Причерноморья с Малой Азией, а затем и с Александрией. В Ольвии найдена мраморная голова бородатого бога (табл. С11, 5), принадлежавшая к лучшим оригиналам IV в. до п. э. работы Скопаса или близкого ему современного художника (*Вальдегауз О. Ф.*, 1907, с. 76). Из Александрии происходит пайдены в Ольвии: головы Гигиан, Асклепия и Эроты (*Фармаковский В. В.*, 1906а, с. 191 сл.), из Пантаклея — голова Гипзия (табл. С11, 6), отлечающаяся тонкостью светотеней (*Блавацкий В. Д.*, 1961а, с. 144). Вероятно, с Родоса привезена небольшая мраморная статуя Афродиты в виде полубогаженной женщины, стоящей, опираясь левой ногой на скалу — оригинал II в. до п. э., открытая в Кенак в святилище Афродиты. Классическим образом греческой богини V в. до н. э. является мраморная голова I в. до п. э. пергамской школы найденная в Пантаклея (табл. С11, 7) (*Блавацкий В. Д.*, 1964, с. 179). Ярким примером воздействия местной среды на изобразительное искусство уже в V в. до н. э. является мраморный грифон (может быть, сфинкс) из Ольвии (табл. ХСVIII, 1). Возможно, это одна из скульптур, украшавших дворец Скила в Ольвии; Геродот (IV, 79) сообщает, что вокруг его дома стояли сфинксы и грифы из белого мрамора.

Расцвет местного искусства приходится на время с IV в. до н. э. по II в. н. э. Традиции греческого и эллинистического искусства в Ольвии и Херсонесе сохранились в большей чистоте, чем на Боспоре, в скульптуре которого со времени включения в Восточное государство соседних племен, местное своеобразие с течением времени сказывается все ярче. В греческих традициях исполнена открытая в Херсонесе миниатюрная терракотовая мужская голова (III в. до н. э.) с выразительными формами лица пелопонесской скульптуры (табл. С11, 4) и торс терракотовой статуи, вероятно, Геракла (III в. до н. э.), выполненной в традициях классической скульптуры (*Кобылина М. М.*, 1966а, с. 94). К IV в. до н. э. относится голова сиды из Фанагории (табл. С11, 2). Судя по повязке, это портрет царя или, может быть, наместника Фанагории, он выполнен со свойствами греческой пластики IV в. до п. э. приемами тонкой и контрастной све-

тотепи. Скульптор обобщенно передал мужественное лицо пожилого человека с негrecкими чертами, курчавые волосы имеют орнаментальную трактовку, на голове местный мягкий островерхий убор.

Во II—I вв. до п. э. на Боспоре создаются выразительные образы местных жителей с передачей этнических черт лица и особенностей одежды и вооружения. Сохраняются при этом и греческие традиции, но с большими нарушениями и варваризацией, особенно, в изображениях на надгробьях. В этом отношении интересна статуя сиды, вероятно, надгробная, найденная в окрестностях Фанагории (табл. С11, 1). Фигура неподвижна, фронтальная, пропорции тела неправильны, складки одежды переданы врезанными линиями, особенно подчеркнуты негреческие черты широкого круглого лица и местный головной убор, в руках меч и лук со стрелами.

В скульптуре первых веков нашей эры наблюдается дальнейшее развитие тенденций, которые намечались во II—I вв. до п. э. Появляются изображения местных жителей — таков образ, вооруженного всадника, в одежде кочевника (*Блавацкий В. Д.*, 1961а, с. 162). Особенно интересны рельефные надгробные плиты Боспора и Херсонеса (табл. С1V, 2—6; СV) (*Коровина А. К.*, 1968а; *Иванова А. П.*, 1961, с. 127 сл.). Процесс варваризации аплических типов скульптуры идет нарастающая. К варваризованному типу античных образов в скульптуре III в. н. э. относятся рельефные изображения богини Афины, сатра и сиды. на стене одного из нимфейских склепов (табл. ХСVII, 6—8). У Афины лицо местной жителями, ее фигура слишком мала по сравнению с головой, все пропорции нарушены: крошечная рука, миниатюрный щит, огромная голова горгоны и др. Также искажены античные образы сиды и папа. Встречаются очень грубые изображения человека, например, на некоторых надгробьях из Анапы (*Соколовский П. И.*, 1976б, рис. 13, 14). Такова же статуя, найденная в Тапансе: с огромной головой, без шеи, с уродливым телом (табл. С11, 5) (*Шелов Д. Б.*, 1976, с. 99). Одновременно с этими варваризованными изображениями продолжают существовать скульптуры, в которых еще сохраняются античные традиции, такова, например, мраморная статуя льва (I в. н. э.), найденная в Керчи около насыпи кургана (табл. С11, 2). В эллинистических традициях, хотя и грубо, выполнена мраморная статуя — фонтан в виде фигуры мальчика с мехом, из Ольвии. Судя по лапидарной ладнице, найденной около этой статуи, она была посвящением коллегии стратегов богу Аполлону в начале III в. н. э. Не менее интересна рельефная плита из Тапанса середины II в. п. э. (табл. С11, 7) — посвященная Трифоном. Трифон изображен в одежде сармата, в чешуйчатом пащире, с копыем наперевес па скачущем коне. Правдивость изображения местами нарушена, но в передаче стремительного движения, в пластике лица Трифона сохраняются античные черты. Большой раздел скульптуры первых веков нашей эры составляют портретные бюсты и статуи. В исполнении небольшого бронзового портрета царицы Динамии (табл. СVI, 4) видна обобщенная трактовка формы лица, свойственная стилю римского портрета времени Августа по римской моде этого времени передавая прическа. При этом талантливый мастер передал ли-

дивидуальные черты лица боспорской царицы, ее величественный вид. Мраморный бюст I в. в. з. из Пантикалея является портретом боспорского царя (табл. CVI, 1). Вероятно, это фрагмент статуи, может быть, Котиса, либо Савромата I. Лицо с обобщенными мягкими чертами обрамлено длинными спадающими на плечи волнистыми волосами, круглые отверстия, вероятно, служили для укрепления каких-то металлических украшений, может быть, позолоченных бровяных локонов. Головной убор украшен диадемой (*Ростовцев М. И.*, 1913, табл. III, рис. 1, 2). В первые века нашей эры искусство портрета в Боспорском государстве развивается в сторону все более яркой индивидуальной характеристики лица с явным использованием достижений римского портрета и его приемов, по в статуарном портрете Боспора сохраняется традиционный эллинистический тип фигуры, стоящей заложив правую руку за складки гиматия на груди. К концу I в. п. э. относятся портретная статуя знатного боспорца, найденная в Керчи вместе с жеской статуей. С острой наблюдательностью автор сумел передать немного отяжеленную фигуру, полную достоинства позу и округлое молодое лицо местного жителя с пышной курчавой шевелюрой (табл. CVI, 2). Около его ног — корзина со спитками. Она указывает на ученого или поэта, может быть, государственного деятеля. Более поздней является портретная статуя Неокла из Горгишипы (конец II в. п. э.) (табл. CVI, 3). Скульптор передал выразительное лицо пожилого боспорца и худое его тело, простирающее под тяжелыми складками плаща; в передаче вырезанных арачков глаз, полуоткрытых век и пышных волос использованы приемы римского портрета времени Антонинов и ранних Северов (*Кобылина М. М.*, 1954, с. 173 сл.). Однако совершенно плоская как доска фигура и местами графичная передача прорезанных складок свидетельствует об отказе от традиций античного искусства. На шее этого боспорца негреческое украшение — большая гривна. Вместе со статуей были найдены обломки мраморной плиты с надписью, в которой говорится, что статую бывшего правителя Горгишипы поставил его сын Геродор, правитель Горгишипы в год 483 (186) г. (*Ельницкий Л. А.*, 1949). К группе портретов правителей и знатных лиц относятся и два мужских портрета II в. п. э. в Керчи. Один из них (табл. CVI, 6) — начала II в. (*Лосева И. М.*, 1966, с. 24), другой — конца II в. весьма близкий по стилю статуе Неокла (табл. CVI, 5) (*Лесницкая М. М.*, 1966, с. 230). Портреты правителей рассматриваемого периода висели и на монетах. Выразительно подчеркнуты в этих миниатюрах индивидуальные черты лица, например, на сестрице Савромата I (табл. CVI, 7) и на двойном денарии Савромата II (табл. CVI, 8, 9). Портреты на монетах повторяют стиль монументальных портретных изображений.

Живопись. Помехромля и живопись получили блестящее развитие в Северном Причерноморье. Раскопки бани Зенона в Херсонесе открыли и полноразмерный орнамент архитектурных деталей в образцы живописи IV—III вв. до н. э. Судя по росписям склепов и домов более всего была развита живопись декоративная. Живопись IV—II вв. до н. э. полностью аналогична греческой. С I в. до н. э. в живо-

писи склепов появились новые оригинальные образцы и новые приемы. Особое внимание уделяется росписям люнетов, где наряду с мифологическими сюжетами написаны сцены из реальной жизни, которые особенно характерны для первых веков нашей эры; изображения вооруженных воинов, чаще всего всадников, сцен сражений, деталей бытовой обстановки. Начиная с конца I в. до н. э., появляются приемы достижения выразительности лица и стремительности движения путем усиления значения контура и сгущения красок при передаче глаз, волос и складок одежды. Вместе с тем наблюдаются нарушения точности в передаче строения тела в соответствии его движения с движением одежды.

Самые ранние росписи в склепах исполнены анварельными красками прямо по камню, по потом быстро развивается живопись по штукатурке — фреска. Самые поздние росписи снова наносились прямо на камень. В станиковой живописи пользовались энкаустикой. Изображение мастерской живописца сохранилось в росписи на внутренних стенах каменного саркофага из Пантикалея — живописец держит в руке металлический стержень-каутернон, над огнем стоящей рядом жаровни, перед ним на колесе развернут трехстворчатый ящик с красками, рядом мольберт на треножнике, на стене готические портреты в круглой и квадратной рамах (табл. CVII, 4) (*АДЯИ*, табл. XCII, 1). Живопись использовалась во многих надгробных памятниках, но она вполне естественно, плохо сохранилась. Так, на антропоморфных надгробиях сохранились только следы раскраски (*Колесникова Л. Г.*, 1973, с. 37—48). До находок в бани Зенона была известна одна надгробная плита с изображением, исполненным живописью — падгробие Аифы, жены Афина, середины IV в. до н. э. Живопись эта теперь утрачена, сохранилась копия художника Гросса (*ОАИ*, 1882—1888 с. 19, № 24). Аифа представлена в длинной земной одежде, держащей у груди ребенка, грустно на него смотрящей (табл. CVIII, 1). Роспись нанесена прямо по камню, ракуры и объемы передали только рисунком, краски наложены локальными тонами. Тень передавалась, очевидно, сгущением красок. Живописец писал еще в манере V в. до н. э. В бани Зенона была открыта часть плиты с хорошо сохранившимся изображением головы юности и кисти левой руки, держащей копье (табл. CVIII, 6). Живописец писал восковыми красками, лицо юности показано в явном движении, мягкими полутонами (*Стржемицкий С. Ф.*, 1969а, с. 14).

Находки росписной штукатурки в культурных пластованиях времени эллинизма позволяют представить росписи жилых домов. Они воспринимали облицовку стены плитами цветного мрамора, завершающуюся карнизом и деревянной обшивкой докеля. Стену членили горизонтальные полосы растительного орнамента, иногда меандр и карниз лепидис из гипса (табл. CVIII, 2, 3). Росписи боспорских склепов показывают картину развития декоративной живописи от IV в. до н. э. до III в. н. э. К самым ранним росписям склепов относится голова Керы, написанная на замковой плите, покрывавшей углубленную пирамидальный свод погребальной камеры склепа 2 Большой Близницы IV в. до н. э. (табл. CVIII, 4). Она исполнена прямо по камню аква-

рельефными красками: голубой, бурой, розовой, желтой и зеленой (АДЖ, табл. VII, 2; VIII). Голова Кору занимает всю поверхность плиты. Кора представлена как хтоническое божество: на голове ее вепок, в правой руке — букет цветов; левой рукой она придерживает край спускающегося с головы покрывала. Округлое широкое лицо богини, прямо поставленные, широко открытые глаза напоминают местный этнический тип, столь часто повторяющийся позднее в массовой боспорской скульптуре. Оригинальна и симметрия поднятых рук и неподвижность лица, возможно, продиктованные центральным положением росписи. Роспись склена на Васкриной горе (III в. до н. э.) представляет собой перенесение в стенную живопись архитектурных деталей и внешнего вида ограды малоазийского героона, завершающейся водостоками и акротериями и оживленной свободной сидящими на ней птичками; в центре свода, перекрывающего камеру, написан голубой ковер с темно-красной каймой и с кистями по углам (АДЖ, табл. XIII—XV). В росписи папикапейского склена 1908 г. конца IV — начала III в. до н. э. отражена конструкция стены (АДЖ, табл. XXVI, 5). Внизу полоса беловатого цвета передает цоколь, выше полосы красного и желтого цвета, разделенные узкой беловатой полоской, передают гипобитную или сырцовую часть стены, разделенную балкой деревянного каркаса. Венчающий стену фриз представляет собой изображенное деревянной балки, к которой гвоздиками прибиты предметы спортивного инвентаря — ветки, тэнии, сосудики для масла (табл. CVIII, 2).

Творческая самостоятельность и своеобразие боспорских живописцев ярко выступают в стилистических особенностях и в тематике росписи скленов первых веков нашей эры. Сюжетные картины чаще всего являются отражением реальной жизни. Появление такой картины мы видим в росписи скленов Анфестерия I в. до н. э. (табл. XIX, 1) (АДЖ, табл. LI). Основная гладь стены расчленена очертаниями как бы облицовывающих стену квадров, в люнете же на задней стене дапа обстановка жизни умершего знатного боспора. Изображена войлочная большая налатка, сидящая около нее женщина и дети. К палатке скачут вооруженные всадники. Слева — дерево с вислым колчаком, в дерево упирается лиственное копьё. Фигуры размещены свободно, но связаны сюжетно в единое целое. Силуэт и линия контура являются главным средством выражения. Начиная с I в. н. э. особую популяриность получили на Боспоре цветочный стиль, он удовлетворял развивающемуся вкусу к орнаментальности и декоративному эффекту. Стены, своды и люнеты расписывались лентами цветов и листиками, разбросанными по фону, между ними вkomпонованы более сложные растительные мотивы и сюжетные изображения. Если в росписи склена Анфестерия отражена местная реальная жизнь, то в росписях близкого по времени склена Деметры, воспроизведено греческое сказание о похищении Плутонем, богом подземного мира, юной дочери богини Деметры, Кору (АДЖ, табл. LVI—LIX). В центре плафона, внутри венка — голова Деметры, написанная на глубоком синем фоне (табл. XIX, 3). Лицо с огромными глазами и скорбным ртом полно глубокой печали и

кажется, что она смотрит на вошедшего в склен, где бы он ни стоял. Талантливый мастер достиг потрясающей выразительности этого лица, хотя оно выполнено локальными красками, а объемность во многих деталях передана сгущением краски. По сторонам центрального круга вkomпонованы птички, гирлянды, плоды в строгом соответствии движению и форм. В западном люнете входа изображено похищение Кору Плутоном (табл. XIX, 2). Бог на колеснице, над нею парит миниатюрная фигурка юности, держащего поводья и замахивающегося кнутом. Плутон в шпем плаще стоит, придерживая Кору. Глаза его естественно огромны. Фон заполнен розовыми лепестками и листиками. В люнете над входом написана гирлянда из листьев, ветвей и плодов; по сторонам входа в простенках — Гермес Пепхоним в виде бегущего юности с кадудеем в руке и сопровождающая его нимфа Каллипсо. Роспись в целом отличается гармоническим единством всех частей (табл. XCVI, 1—4).

Декор Стасовского склена первой половины II в. н. э. представляет собою сочетание легкого цветочного и тяжеловесного блестящего пикрустационного стилей (АДЖ, с. 305—308, табл. LXXXVIII—LXXXIX). На фоне растительных мотивов в люнетах и нишах склена изображены сцены боя боспорцев с сарматами, птицы и звери. Живописцу удалось передать стремительность движения сражающихся и драматизм боя, хотя он пользуется весьма упрощенными средствами: силуэт и контур являются главными средствами выражения, ракурсы совершенно отсутствуют, действующие лица изображены или в фас или в профиль, поворот передан соединением фаса верхней части фигуры с профилем плечеви. Эти особенности сочетаются с точной передачей деталей одежды и вооружения (табл. CVII, 3). В росписи стены главной ниши показан ряд неших воплов под предводительством знаменосца (табл. CVII, 2). Два воина в шлемах и панцирях — тяжело-вооруженные, три — легковооруженные, одетые в кафтаны с длинными рукавами, подпоясанные по талии, штаны и белые мягкие башмаки. Воины держат щиты и по два коня. Крайний справа держит штандарт. Их ноги изображены в профиль в движении шага, но верхняя часть тела обращена к зрителю. Изображения исполнены контуром и локальными красками (красноватой, зеленой и белой). Роспись в пикрустационном стиле имеют и стены склена 1875 г. того же времени (табл. CVII, 1) (АДЖ, табл. LXXXIII—LXXXV). В росписи склена Геракла в Анапе (табл. CX, 1, 2) ярко выступают приемы поздней боспорской живописи: передача складок одежды параллельными толстыми линиями, сплошное заполнение массы волос, графичное изображение тела Геракла. Однако удачна передача движения и ракурсы тела Геракла, убивающего Стифалидских птиц; выразительны портреты членов семьи, очевидно, похороненных в склене. Близкие стилистические черты видны в росписи скленов 1873 г. и склена Сорака (табл. CX, 3—5). В III в. н. э. наблюдается полный упадок живописи. В склене Сабазистов техника росписи примитивна: изображения выполнены черной и красной красками прямо по камню контуром, или сплошным заполнением одним цветом (АДЖ, табл. XCVII—C). Движение

в построении росписи склена отсутствует, изображения являются лишь схемой человеческой фигуры.

Мозаика. В Греции сохранились мозаичные полы V в. до п. э., выложенные из речных галек. В IV в. до п. э. галечные мозаики достигли высокого художественного уровня. В период эллинизма в городах Средиземноморья техника мозаики поднялась еще выше: они выкладывались из мелких камешков-кубиков. Такие мозаики были и в Северном Причерноморье, но от них дошли или отдельные кубики или же небольшие куски, как например, в Паитикаесе на Северном раскопе, где обнаружен фрагмент мозаики из кубиков черного мрамора (0,4(0,6) × 0,3(0,5) см, уложенных в розовый известковый раствор (Блаватский В. Д., 1960, с. 171). Сохранилось несколько галечных мозаик. Самая ранняя мозаика (V в. до п. э.) открыта в Фанагория на самом берегу залива (Блаватский В. Д., 19416, с. 22, рис. 12). Она имела вид дорожки длиной 2,77 м, ширину 0,93 м, заполненной разноцветными продолговатыми гальками, поставленными на ребро и плотно укрепленными в цементе, в простом узоре — по два четырехугольника в ширину дорожки, в одном четырехугольнике гальки уложены в длину дорожки, в другом — поперек. Ко II в. до н. э. относится галечная мозаика в помещении для омовения в одном из жилых домов Херсонеса (Белов Г. Д., 19386, с. 238 сл.). В центре пола изображены две обнаженные женщины около лутерия: одна — выжимает волосы, другая, стоя, опершись на столбик. Сцена была обрамлена орнаментальными мотивами, от которых сохранилась большая пальметта (табл. СХI, 1). Мягкий коринт мозаичной картины — сочетание светлого желтовато-розового тона женщины и темного коричневого фона, правдивость передачи обнаженного тела, естественность движений указывают на талантливое мастера. Эта мозаика по своей живописности не уступает мозаикам Средиземноморья эллинистического периода, хотя и выложена из галек. Две другие галечные мозаики открыты в Ольвии. Первая (II в. до п. э.) обнаружена в помещении, возможно, являвшемся апсидом. Она выложена из круглых мелких неодинаковых величины галек — белых, темно-синих и бурых, укрепленных в цементной массе, и занимала центральную часть пола. По сторонам мозаики пол был мажорного цвета, здесь, вероятно, располагались лоты. Мозаика состоит из квадратов, вписанных один в другой (табл. СХI, 2). Центральный квадрат заполнен сеткой ромбиков с крестиками посередине, этот квадрат обрамлен плетеной, затем довольно широкой каймой меандра и затем узкой каймой волны. Вторая (I в. до п. э.) найдена в перистильном дворе богатого дома (табл. СХI, 3). Она имеет в центре круг, аоключенный в квадрат, углы которого заполнены пальметтами. Квадрат, в свою очередь, окаймлен полосой повторяющихся изображений пар животных и грфов по сторонам пальметт, а затем полосой волны.

Вазопись. Временем расцвета искусства вазописи в Северном Причерноморье был период эллинизма — в основном III—II вв. до н. э. До этого времени жители античных городов Северного Причерноморья широко пользовались импортными расписными вазами. Специально на экспорт в Северное Причерно-

морье в IV в. в Аттике изготовлялись вазы (чаще всего пелики) с изображениями персонажей легендарных сказаний: о путешествии бога Аполлона в страну гипербореев, о гифах, воинственных аримаспах, борющихся с грифонами, и амазонках (являвшихся олицетворением женщин кочевых народов) (табл. СХII, 2, 3). В начале IV в. до п. э. эти вазы отличались тонко исполненным рисунком и слабым применением накладки краски. Позднее рисунок становился все более беглым, широко применялась накладная краска (Кобылина М. М., 1951 г.). Можно предположить, что поздние пелики такого типа могли производиться и на Боспоре (табл. СХII, 7). В конце IV—III вв. до п. э. на Боспоре появляются расписные пелики местной работы, подражающие краснофигурным неликам. На их лицевой стороне изображались сцены, связанные с мифами об амазонках, на оборотной — две фигуры в гиматиях (табл. СХII, 4). Эти вазы пазынали акварельными, полагая, что они расписаны акварельными красками, однако, последования это не подтвердили и теперь их обычно именуют полхромными. Техника росписи этих ваз имеет два варианта: либо вся поверхность вазы закрашена темной краской и по ней наложена роспись, либо изображения выполились на незакрашенную поверхность вазы, а промежутки заполнялись темной краской. Подгрунтовка белой краской давала возможность получить более яркие и чистые цвета (Клишова Т. И., 19556, с. 380). Для этих ваз характерна яркость красок, живопись с нарушением правильных пропорций и пространственного построения. Наблюдается сочетание фаса и профиля фигур. Много места занимает орнамент, покрывающий всю шейку сосуда. Фигуры в гиматиях еще более схематизированы, чем на поздних краснофигурных неликах. Выявляются несколько центров изготовления полхромных ваз: Ольвия, Херсонес, Паитикапей, Фанагория. Из Ольвии происходит полхромная амфора выскальной формы с очень узкой шейкой, широким растреском горла и очень тонкими боковыми ручками. Ее ставили на особую подставку. На одной стороне вазы изображено пронцаие матери с умершим ребенком, на другой изображены ребенок, Гермес Пепхоломи и лодка Харона, который перевозит его через реку Стикс в страну мертвых (табл. СХII, 5). Остальные части вазы покрыты тусклой серовато-черной краской, по которой нанесен голубой и розовый орнамент. В росписях сохранились черты греческого стиля — рисунок отличается выразительностью, сцены исполнены печали.

В III—II вв. до н. э. местные вазописцы широко практиковали росписи с растительными мотивами — гирляндами, ветками плюща, листьями, которые наносились или на светлый фон облицовки или на темный фон глины. Так ойхоия из Ольвии слоты покрыта белой облицовкой, по которой нанесена роспись серой, синей и красной красками. Основной частью росписи является изображение широкой повязки, покрывающей всю среднюю часть тулова, как бы завязанной на обратной стороне, украшенной узором из пальметт, завивающихся усиков, перлов (Блаватский В. Д., 19476). Полхромная нелика из Паитикапей (табл. СХII, 6) украшена гирляндами, ветками и повязкой, нанесенной желтой и белой

краской на темный цвет глины. Сохранность полихромных ваз в общем очень плохая, есть лишь отдельные хорошо сохранившиеся экземпляры. К. И. Зайцевой удалось выяснить общий характер полихромных росписей на курильницах и амфорах с крышками и установить их изготовление в Ольвии с конца IV в. до н. э. по первую половину II в. до п. э. (Зайцева К. И., 1962; 1976, с. 97 сл.). Роспись исполнена матовыми красками красного, черного, голубого и желтого цветов поверх белого покрытия. Она состояла из горизонтальных и вертикальных полосок и растительных гирлянд. Выделяются две категории ваз III—II вв. до п. э. с росписью по светлому фону (Книпович Т. И., 1955а, с. 279). У одних сосудов она папесена по светлой обмазке, у других по лощеной поверхности (явное воздействие туземной керамики). На полихромных вазах Херсонеса лощеная поверхность не встречается.

Торевтика. Одной из ярких страниц декоративно-го искусства является торевтика — изготовление металлических изделий с изображениями, произведенными путем гнессения, гравировки и чеканки (в том числе пластины, бляшки, детали украшений, ювелирных вещей и др.). Искусство торевтики и литья перенесли в города Северного Причерноморья греки. Примером его является украшение ручки бронзового кратера в виде летящей фигуры горпыши, отлитой в форме, из кургана у с. Мартоуши (табл. С1, 4). Схематическая передача движения — верхняя часть тела — в фас, нижняя — в профиль, узорчатая трактовка волос и складок одежды выполнены в стиле архаического ионийского искусства (табл. С1, 4). По всей вероятности, боспорскому мастеру принадлежит серебряное зеркало из Керемесского кургана, около середины IV в. до н. э. (табл. С1, 1). Обратная сторона зеркала покрыта электровым листом и заполнена гравированными изображениями, среди них богиня — владычица зверей с двумя наутерами, грифы и сфинксы, дикие и домашние животные. Некоторые исследователи считают керемесское зеркало произведением ионийской мастерской в Малой Азии (Прушевская Е. О., 1955, с. 234 сл.). Но негреческая форма зеркала и ряд таких мотивов, как фигура барана с поджатыми ногами (в схеме, свойственной звериному стилю) дали основание В. Д. Блаватскому (Блаватский В. Д., 1964а, с. 26), считать, что мастер, изготовивший зеркало, жил где-то поблизости от своих заказчиков-местов и, следовательно, оно могло быть сделано в Пантхакее. Для скифского населения в Ольвии изготавливались металлические изделия (Прушевская Е. О., 1955, рис. 7). Т. П. Книпович выделяла в изделиях металлургов Ольвии VI—V вв. до п. э. два направления: одно греческое, другое — связанное с участием мастеров-скифов, со своеобразным сочетанием образованных животных и их частей с сильно стилизованными и схематизированными в зверином скифском стиле (Книпович Т. И., 1955а, с. 178 сл.). Расцвет искусства торевтики совпадает с расцветом боспорского государства. Наиболее замечательные по качеству исполнения и своеобразию тематики произведения торевтики, как импортного, так и местного производства, были найдены в курганных погребениях. Импорт произведений торевтики и ювелирных изделий во второй половине V и IV вв. до н. э.

был очень велик. Ко второй половине V в. до н. э. относятся серебряные аттические клинки из VI Семибратнего кургана с позолоченными гравированными изображениями (табл. С1, 7). Мастерство исполнения отличаются золотые серьги из Феодосии (Макаренко Н., 1916, с. 73) с миниатюрной группой воппа на колеснице, запряженной четверкой лошадей и фигурки Ники — богини победы (табл. СХIII, 1). Такого же типа серьги проследить из Херсонеса (Белог Г. Д., 1948а, табл. VI, 2). О золотых висячих подвесках с изображением головы Афины Парфенос из кургана Кузь-Оба уже говорилось выше (табл. С1, 6).

Наряду с импортными произведениями торевтики создаются местные, скорее всего мастерами-греками. В них черты греческого классического искусства (мифологические сюжеты, правдивость изображения человека, гармоничность композиций, мастерство исполнения) сочетаются со стремлением показать типы местных жителей, их быт и т. д. В стиле греческой скульптуры IV в. до н. э., в частности, исполнены золотые обивки ряда горшков. Местный мастер, явно грек, работал, учитывая запросы местного населения. Основной частью изображения является показ событий, относящихся к юности Ахилла (табл. СХVI, 4). Изображения размещены на двух фризах один под другим и обрамлены с одной стороны илосой борющейся зверей, а с другой, двумя полосами орнамента из цветов и листьев акафии. Было найдено четыре таких обивки (Мелитопольская, Изъипецкая, Елизаветовская, Чертомлыцкая), но они все вытеснены по одной форме (Фармаковский Б. В., 1911; с. 26; Онайко П. А., 1970а; 1974, с. 78). Лучшая из них — мелитопольская, сделанная одной из нервах в еще не стертой форме (табл. СХVI, 1) (Онайко Н. А., 1974, с. 78 сл., рис. 1). Так, например, сопоставление фигур Дейдании (дочери царя Ликомеда) и Фетиды (Матери Ахилла) показывает, что эти изображения на мелитопольской обивке отличаются свойственным греческой скульптуре второй половины IV в. до п. э. пластичностью и грацией движения, тонкой светлостью в передаче лица и обнаженного тела. Остальные обивки имеют следы подражек позновисшей формы, контуры более резкие, складки одежд более жесткие, черты лица упрощены и пр. (Онайко П. А., 1974, с. 78 сл.) (табл. СХVI).

Произведением греческого мастера, работавшего на Боспоре, является серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана (табл. СХIV 1, 2) (Прушевская Е. О., 1955, с. 341). На поверхности ее тулова — рельефный растительный орнамент с птицами среди цветов и ветвей, исполненный гравировкой и оживленный позолотой. На плечиках рельефный фриз, реалистически переданные сцены из жизни степных скифов. Над этим фризом изображены грифы, терзающие оленя. За последние годы на территории Приднестровья открыты новые произведения торевтики (табл. СХIV, 3) (Бидзия В. В., 1970, с. 3; Моляевский Б. Н., 1972, с. 268). В. Д. Блаватский, обратив внимание на тот факт, что стремление к передаче реальной действительности, отмеченное в боспорской торевтике IV в. до п. э., находит аналогию лишь в эллинистическом искусстве, предложил боспорское искусство IV в. до п. э. наз-

вать протоэллинистическим (*Blawatsky W. D.*, 1961).

Документальным доказательством мастерства боспорских торецов в чеканке, гравировке и отливке являются золотые монеты Пантикапея, их высокий уровень как произведений искусства. Особенностью торецки Боспора является пластическое воплощение схематических изображений рядом с образами реальной жизни. Особенно это относится к культовым образам, созданным местными мастерами на окраинах Боспора. Показательны фрагмент золотого ритона из кургана у села Мерджакы (табл. СХV, 2) и золотая пластина, украшавшая головной убор умершей знатной женщины из кургана Карагодеуашх (табл. СХV, 1). На фрагменте из Мерджак изображена сидящая на троне Великая богиня. В правой руке она держит круглый сосуд. Слева от богини дерево и шест с конскими черепами, справа — бог в виде всадника, протягивающий ритон. Богиня сидит впрямь, есть объемность в передаче округлого лица боспорского типа и ног, проступающих под натянувшейся тканью покрывала, по верхней часть фигуры совершенно плоскостная; хотя сохранен античный прием передачи тонкого хитона мелкими складками, а более толстого покрывала крупными — эти складки беззащитны, параллельны и графичны. Всадник рядом с богиней непропорционален, его фигура велика по сравнению с лошады, которая изображена в профиль, а всадник фронтально; дерево больше похоже на орнамент. Перед нами яркий памятник греко-синдского искусства. Возможно, что женская фигура является изображением богини Астарты — Анахты, а мужская — бога Савера (*Ростовцев М. И.*, 1913, с. 16, 17). Таковы же стилистические черты золотой пластины из кургана Карагодеуашх. Около рубежа III—II вв. до н. э. возникает в торецке новый стиль — полихромный. Решающая роль в происхождении этого стиля принадлежит Пантикапею. К произведениям пантикапейских мастеров нужно отнести золотую диадему из гробницы Артюховского кургана (табл. СХV, 3). Центральная часть этой диадемы сделана в виде узла, из золотой с эмалью оправы и вделанных в нее шести крупных гранатов; в середине узла изображены орла, несущего в когтях Эрота. К диадеме подвешены сирийские гранаты в форме шариков и сердечек с привесками из цепочек, завершающихся золотыми шариками. Черты полихромного стиля ярко выражены в красочности сочетания золота с цветными камнями и разноцветной эмалью. Полихромный стиль развивался одновременно с сарматизацией Боспора, вместе со стремлением к пышной варварской многоцветности. Примером могут служить драгоценные украшения из так называемого Новочеркасского клада I—II вв., особенно диадема. Ее поверхность украшена вставками граната, красного и зеленого стекла (*Блаватский В. Д.*, 1964в, с. 188—192, рис. 59). В погребении боспорского паря Рескурида II и его семьи (III в.) найдены три золотые диадемы. Одна из них (табл. СХV, 4) представляет собою венец из листьев (тисневых пластинок). В центре его четырехугольная пластина с камнями по углам. На пластине рельефно изображены верховный бог в виде всадника перед алтарем, на котором поднимается пламя. Всадник в сар-

матской одежде левой рукой протягивает ритон (*Ростовцев М. И.*, 1913, табл. V, 1). По сравнению с более ранними произведениями боспорской торецки здесь выступает при явном стремлении к роскоши тенденция к геометризации и плоскостности. Завершением этих тенденций является так называемый «готский» стиль, примером которого является золотой флакон, украшенный гранатами из Пантикапея (табл. СХV, 5).

Коропластика. Коропластика — производство терракотовых статуэток — один из видов художественного ремесла. При основании городов Северного Причерноморья наряду с другими ремеслами была перенесена сюда и коропластика. Древнейшие статуэтки VI — первой половины V в. до н. э. в основном были изображенными божествами, они были приношениями богам как в домашних культах, так и в святилищах и храмах, их помещали также в могилы, особенно женщин и детей, нередко их находили и в гробах. Небольшие размеры статуэток (обычно 7—12 см высотой и применительно форм при их изготовлении обеспечивали возможность быстрого распространения этих терракот среди античных городов Средиземноморья и Причерноморья. Самыми популярными в древнейший период типами были: тип сидящей на троне богини — Деметры, богини матери, Кибелы (табл. СХVII, 1, 3, 4); тип столбообразно стоящей девушки (Коры, дочери Деметры) с опущенными прижатыми к телу руками, рельефно выделены очертания как бы слившихся складок гимназия (табл. СХVII, 5, 6). Встречаются также изображения животных и птиц (свины, черепаха, петуха и др.) и даже бытовых сенок (например, женщина, сидящая перед печью) также являющихся приношениями. Часто встречается погрудное изображение Деметры, Кору или Афродиты (табл. СХVII, 2). Исполнение терракот неразрывно связано с развитием скульптуры и лучшие из них отражают стиль, господствующий в данный период. Древнейшие терракотовые статуэтки исполнены в стиле архаической ионийской скульптуры. Со второй половины V в. до н. э. и в течение IV в. до н. э. (период расцвета классического искусства) создаются новые типы терракот, связанные с культом Деметры и Кору (табл. СХVII, 8, 9), а также Афродиты и Дивонна (табл. СХVII, 10). Старые типы — сидящей и стоящей богини трактуются по-новому: в более свободном движении с правдивой передачей облегчающей тело одежды. Появляются типы, отражающие реальную жизнь (например, женщина с ребенком на руках (табл. СХVII, 11), юноши (табл. СХVII, 12). Рассвет коропластики в городах Северного Причерноморья, падает на период эллинизма. Терракотовые статуэтки в это время не только связаны с культом, но и являются украшениями. Создается множество вариантов типов стоящих или танцующих женщин, играющих детей (табл. СХVII, 20), скачущих всадников (табл. СХVII, 21), воинов (табл. СХVII, 23). Известны изображения Тихе — богини удачи с рогом изобилия (табл. СХVII, 15); ставится популярный тип Афродиты, выходящей из воды и выжимющей волосы, впервые созданный в Александрии живописцем Аппеллесом (табл. СХVII, 19). В связи с проникновением малоазиатских культов распространяются ти-

пы Аттиса, Кибелы (табл. СХVII, 17 п 18), Аттиса-Мифры, убивающего быка (табл. СХVII, 22). Часто воспроизводится тип Геракла, стоящего с палочкой в руке (табл. СХVII, 16). В период распада античной культуры и ее парваризации в первые века нашей эры терракотовые статуэтки утрачивают свойственные им ранее черты — пластичность форм и правдоподобие движения, старые типы схематизируются, например Тихе (табл. СХVII, 24), богиня-мать (табл. СХVII, 18). С распространением оргиастических культов связано развитие типов статуэток с подвесными членами тела (табл. СХVII, 25). Паладеи техника исполнения статуэток (табл. СХVII, 26, 27, 29). Среди лепных фигурок встречаются оригинальные типы, отражающие впечатления окружающей жизни — кочевые повозки, пубражения сельского жителя с быком (табл. СХVII, 26) и др. В терракотах Северного Причерноморья большое место занимает импорт из городов Ионии, из Афин и других городов Средиземноморья. Но с самого начала их существования в городах Северного Причерноморья началось местное производство терракот. Мастерские короидластов открыты в Пантикаее, Херсонесе и Фазагории. Расцвет местного производства терракот падает на время с III в. до н. э. по I в. н. э.

Театр, актеры, музыкальные инструменты. Одним из самых значительных сооружений в греческих античных городах был театр. В Северном Причерноморье до настоящего времени театр открыт только в Херсонесе. Восстанавливается его древнейшая часть — проскений III — начало II в. до н. э., исполненный в дорическом ордере типа проскения театра в Прене. Известно по надписи, что в IV в. до н. э. театр был в Ольвии (IPE, I, 25), по пока он не открыт. Учитывая свидетельство Полиса (V, 44, 1), В. Д. Блаватский считал возможным предположить существование театра в Пантикаее (что подтверждает находка мраморного кресла IV — начала III в. до н. э. на горе Митрядат в 1956 г.). Сохранилась только нижняя часть его (табл. СХVIII, 2) (Блаватский В. Д., 1957 в, с. 247 сл.). В. Д. Блаватский находит ему аналогию в креслах театра в Прене. Театр был неразрывно связан с общественной жизнью города. В театрах Северного Причерноморья ставились трагедии и комедии, о чем свидетельствуют надписи и пубражения актеров, а также комических и трагических масок в терракотах, большинство которых яло местного производства (табл. СХVIII, 5, 6, 8, 9). Кроме представлений в театрах происходили музыкальные и литературные состязания, особенно в эллинистический период. Сохранился каталог муспческих состязаний в Херсонесе (IPE, I, 433; *Соломонок Э. И.*, 1973, с. 99 и 103). Наиболее популярными музыкальными инструментами были струнные: лира из папидра черепахи, кифара с прямоугольным резонатором из деревянных, металлических или костяных дощечек и арфа (или тригон) треугольной формы, ставившаяся на подставку (табл. СХIX, 1—3, 5). Звук извлекался наложкой из дерева, слововой кости или металла (электрон). Среди духовых инструментов в Северном Причерноморье известны: флейта, состоящая из одной или двух трубочек с круглыми отверстиями, пастушеская свирель из 7—9 трубочек различной длины (табл. СХIX, 4, 8) и труба — металлическая, длин-

ная с расширением на конце, являющаяся военным музыкальным инструментом (табл. CV, 5). Были и мастера — профессионалы-музыканты. В Мирмекии была найдена надгробная надпись флейтиста Паса-филакаты IV в. до н. э. (КВН, № 875).

Ученые, поэты, архитекторы, скульпторы и другие мастера, работавшие в Северном Причерноморье. В Ольвии надежно засвидетельствованы три автора; все они жили в III—II вв. до н. э. Наиболее ранних из них ритор Биоп принадлежал к Кивической философской школе и занимался ее популяризацией. Время его жизни III в. до н. э. Затем следует Посейдоний (или Посидоний) софист и историк, занимавшийся хорой Тары, а также аттической и ливийской историей. Он работал в III — первой половине II в. до н. э., может быть, и несколько позднее. Третьим автором был Дионисий, написавший исследование по географии северо-западной части Причерноморья. Он трудился, примерно, в конце III — первой половине II в. до н. э. В Херсонесе известен только Сириск, живший в III в. до н. э. Это был историк, занимавшийся как сакральными, так и политическими вопросами, писавший о дружественных отношениях с боспорскими царями и другими полемис. В Пантикаее в последние десятилетия IV в. до н. э. жил Дифил Боспорит, обучавшийся у Евфанта, философа мегарской школы. Значительно более яркой фигурой был анонимный, видимо, боспорский, скорее всего пантикапейский, историк описавший борьбу за власть сыновей Перисада I и правление его сына Есмела I, т. е. историю Боспора в 311/10 — 304/3 гг. до н. э., сохранившуюся Дидором Сицилийским. К IV в. до н. э. и во всяком случае не позднее III в. до н. э. относится деятельность Смыкра, вероятно, занимавшегося в Пантикаее популяризацией философии. В первой половине III в. до н. э. жил боспорит Исидл в юности отбывший в Эпидавр, где им был написан пена Асклепию.

Выдающимся философом и деятелем был Сфер, уроженец Боспора (или Ольвии), живший во второй половине III в. до н. э. Он принадлежал к стоической школе и был автором многочисленных трудов по философским проблемам и истории. Сфер, преимущественно, занимался социально-политическими вопросами и им был написан трактат о лакопейской политике. Помимо научной деятельности он принимал участие в политической жизни — был идейным руководителем Клеомена II — лакедемского царя — реформатора. В I в. до н. э. в первой половине II в. н. э. жили Стратоник — автор неизвестных нам книг и его вольноотпущенник Сосий, возможно, поэт. Большая часть перечисленных авторов известна нам по упоминаниям средиземноморских ученых (Исидл по Эпидаврской надписи). Об Смыкре, Сириске, Стратонике и Сосии имеются местные свидетельства херсонесского почетного декрета и пантикапейских осптафий. Помимо перечисленных северопонтийских авторов следует отметить многочисленных безымянных для нас поэтов V в. до н. э. — первой половины III в. н. э. писавших надгробные надписи в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре.

В Северном Причерноморье работали свои архитекторы, скульпторы, торевты, резчики по ценному камню и вазописцы. Сохранилось 18 имен архитекто-

ров, скульпторов, торцов, резчиков по ценному камню и вазонисцев, произведения которых обнаружены в Северном Причерноморье, двенадцать из этих имен относятся ко времени от VI в. до II в. до н. э.; остальные — к периоду I—IV вв. н. э. В VI—IV вв. до н. э. явно преобладают привозные произведения искусства. Во второй половине VI в. до н. э. засвидетельствовано два имени вазонисцев, возможно, из Севера Западного Причерноморья. К IV в. до н. э. относятся имена двух резчиков ценных камней и одного вазонисца; все они связаны с Боспором. В IV в. до н. э. засвидетельствованы три скульптора: один в Херсонесе и два в Ольвии — оба они афиняне. Показательно, что с Пантиканесом связаны два имени, видимо, местных торцов и ни одного скульптора. Возможно, в Пантиканее работал мастер вазонисцев, расписывавший рельефные сосуды. Во II в. до н. э. в Пантиканее была мастерская гошара, делавшая рельефные сосуды типа «мегарских чаши». После перерыва в I в. до н. э. обстановка в Северном Причерноморье резко изменилась. В I—IV вв. н. э. в Ольвии и Херсонесе имена художников не засвидетельствованы, все мастера сосредоточиваются в Боспорском государстве. В I—начале II в. н. э. появились одни торент и безымянный энкауст-портретист, написавший свой автопортрет. Оба эти мастера, вероятно, работали в Пантиканее. К концу II—III вв. н. э. относится деятельность четырех архитекторов. Три из них работали в Тапаеце, один, вероятно, в Горгишпи. Наконец, в 335 г. работал последний зодчий, строивший на Таманском полуострове.

Религия и культы. Переселенцы перенесли в Северное Причерноморье культы греческих богов и прежде всего Аполлона. Богов изображали на монетах, им воздвигали алтари и жертвенники, сооружали храмы. В священной округе храма, а также на агоре ставились посвящения богам как от отдельных лиц, так и от коллегий (например, стратегов, ситонов, членов фисаса и т. п.). Посвятительные надписи на мраморных и известняковых базах и плитах, на алтарях, жертвенниках и даже на сооружениях, например, надписи на архитраве храма Аспурга (табл. XC, 7), а также граффити и дипinti, статуи и статуэтки богов служат хорошим источником для суждения о культах.

С V по II вв. до н. э. включительно в Ольвии, Херсонесе и городах Боспора известны посвящения всем греческим божествам, но с некоторыми отличиями. Так, в Ольвии более всего Аполлону Дельфинию, а затем Гераклу, Аполлону Врачу, Зевсу Спасителю, Ахиллу Понтарху, Гермесу, Афродите-Поитии (покровительнице мореплавателей), Плутону и Коре (самобракийским богам. Херсонесская пластика называет Зевса, Гею, Гелиосу, богов и героев Олимпийских, Дивониса, Деметру, но с самого начала в Херсонесе доминирует культ богини Девы Парфенос, есть посвящения Афице-Спасительнице. В городах еврейского Боспора этого времени — более всего посвящений Аполлону Врачу, Артемиде, Афродите, Деметре; затем Гераклу, Гекате, Дионису, Зевсу Спасителю. В городах азиатского Боспора особенно много посвящений Афродите Урании, владычице Анатура, Артемиде, Аполлону Врачу. Специфической особенностью пантеона северопричерно-

морских культов является наличие культа Ахилла Понтарха и богини Девы. В основе почитания этих божеств, вероятно, лежат сильно эллинизированные варварские культы (*Блаватский В. Д.*, 1964б, с. 16 сл.). Посвятительные надписи первых веков нашей эры отличаются от предшествующих. В Ольвии больше всего посвящений Аполлону Простату (защитнику), Ахиллу Понтарху, Зевсу Спасителю, а также «милостивым богам» — Асклепию, Гигиэе, Посейдону, Соранису и Исиде. В херсонесских лапидарных надписях рядом с посвящениями Гелиосу, Геркулесу, Афродите выделяются посвящения Юпитеру лучшему испитайшему, Немесиде, непобедному Мифре, очевидно, в связи с воздействием культов, присвоенных римскими солдатами. Лапидарные посвянительные надписи Боспора свидетельствуют, что все большее значение приобретает культ бога высочайшего, всемогущего, Зевса Спасителя и благодетеля. Сарматизация Боспора в первые века нашей эры постепенно приводит к смешению культов и образов — к сипкретизму. Складывается культ Верховного бога, связанный с культом греческого Зевса, фракийским культом Сабазия и местным культом бога-вадника. (*Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 134; *Болтунова А. И.*, 1966, с. 29 сл.; 1977, с. 78). Возрастает значение культа спидо-местной Великой богини, божества производящих сил природы (*Блаватский В. Д.*, 1964б, с. 35; *Кругликова И. Т.*, 1966в).

Божества, покровители города, изображались на монетах, где в миниатюре повторялись образы, созданные в тот или иной исторический период в скульптуре, чаще голова божества в его атрибут, например, богиня Афина изображена в шлеме (Ольвия); богиня Артемиды — охотница с луком и колчаном за спиной (Пантикапей); бог Аполлон, бог света, победивший Пифона — в лавровой венке (Пантикапей); герой Геракл — в лавровой побежденного им льва (Херсонес); богиня Дева, в грозном облике замахивающаяся копьём; Зевс — главное божество Олимпа — восседающий на троне с жезлом в руке и т. п. (табл. CXX). Для служения богам воздвигались храмы и алтари. От имени государства жрецами совершались культовые обряды, но догматических установлений не было. В храм могли входить только жрецы. В храме стояла статуя божества, столы для даров и фимистерии для воскурения благовоний. Все священнодействия происходили перед храмом на священной участке. Здесь на алтаре совершались жертвоприношения. Приносили в жертву домашних животных, употреблявшихся людьми в пищу — быков, овец, коз, свиней, петухов и кур. Бескровные жертвоприношения состояли из плодов, печений и возлияний чистого вина, меда и молока. В честь божества устраивались празднества. Они заключались в исполнение гимнов хором и солдатами, двигающимися вокруг алтаря под аккомпанемент кифары или флейты, иногда с пляской. В состав празднеств входила состязания: музыкальные, гимнастические и конные. Культовые действия нашли свое отражение в изобразительном искусстве, особенно в посвященных рельефах и терракотовых статуэтках. В Ольвии найдена мраморная плита, посвященная богу Всемогущему (конец III — начало II в. до н. э.) (табл. CXXI, 3). На ней изображены пять ситонов перед алтарем. Стоящий впереди жрец

совершает возлияние. На передней стороне алтаря изображен предназначенный для жертвоприношения бараб. Герой Внемлющий представляет возлежащего на ложе перед столиком с яствами, около него сидит жевачка с ритуальным круглым сосудом. Этот рельеф является произведением местного скульптора, образ героя близок фракийским изображениям.

Терракотовые статуэтки первых веков нашей эры, грубых и схематичных форм, передают кузтовые действия. Одна из терракот Паптикаея I в. до н. э. представляет собою изображение готовящегося жертвоприношения оицы перед гермой Диониса (табл. СХХI, 4). Имеются изображения участников органистических культов Великой богини в так называемых ритуальных терракотах из Паптикаея (*Марченко И. Д.*, 1974а, с. 43, табл. 55, 7). Одна из них изображает жреца, несущего статую богини (табл. СХХI, 6). На некоторых плитках, помимо посвяжительной надписи, имеются изображения божества. Так, например, на фронтоне мраморной плиты III в. до н. э. с посвящением Афродите Урании (Апатуре, пайдной в окрестностях Паптикаея (*Вальдеуэр О. Ф.*, 1922, с. 212; *Иванова А. П.*, 1961, с. 93, табл. 48) изображена Афродита Урания, летящая на лебедь и около нее Эрот (табл. СХХI, 2). На мраморной плите, поставленной членами религиозного объединения Танапа, изображен исадник перед алтарем с зажженным огнем в деревом. В его руке ритон. Возможно, что конный бог — высочайший бог, которому в первые века нашей эры имеем много посвящений (*Кипиови Т. Н.*, 1949а, с. 117, 118; *КРН*, 1259). Наряду с храмами, особенно популярным среди населения божеством, воздвигались святилища. Святилище Деметры в Имфее VI—III вв. до н. э. было расположено на берегу моря среди скал. В святилищах и около них обычно много находок — приношений. Еще в древности когда скапливалось много приношений, их сбрасывали в фависсы — специальные ямы, иногда в расщелины скал. Внутри святилища Деметры были найдены три больших сероглиняных сосуда, вокруг них — громадное количество обломков амфор, киллков, блюд, лутериев, кувшинчиков, светильников (табл. СХХII, 5). Большинство сосудов были сероглиняные привозные и местные, много расписных, в том числе чернофигурные аттические киллики; обломки ритуальных сосудов в форме ритонов для кузтовых возлияний (*Худяк М. М.*, 1952, с. 241 сл., рис. 9—17). Среди приношений найдена протомы Деметры в виде женщины в хитоне, спадающем с высокого головного убора, с поднятыми к груди руками (V в. до н. э.); статуэтки Керы — дочери Деметры, неподвижно стоящей, закутанной в хитон и гиматий (конца VI в. до н. э.); фрагменты статуэток гидрофор-девушек, несущих на голове гидрию (IV в. до н. э.), очевидно, воспроизведения участия религиозной процессии; чернофигурная гидрия с изображением девушки и источника (последняя четверть VI в. до н. э.); краснофигурная гидрия с изображением девушки (конец V — начало IV вв. до н. э.); чернолаковый киллик IV в. до н. э. с граффити (табл. СХХII, 7) (ТСП, ч. II, 1970, табл. 31, 2; *Худяк М. М.*, 1962, табл. 40, 2; 42, I; 44, I, 4).

В фависсе святилища Деметры вблизи Фанагории найдено множество фрагментов керамики (финиате-

рив, светильников, курельниц), около тысячи фрагментов протом богини Деметры, несколько целых статуэток, изображавших сидящую на троне богиню в высоком головном уборе и аттическом пешлосе (табл. СХХII, II) и статуэтка Керы в виде грациозной юной девушки (первая половина V в. до н. э.) в тонком хитоне и спадающем с плеча гиматии, в высоком головном уборе с растительным орнаментом (табл. СХХII, 13) (ТСП, ч. IV, 1974, табл. 40, I, 4). Есть несколько фрагментов, относящихся к изображениям Афродиты (ТСП, ч. IV, 1974, табл. 41, 71). В Кенах в святилище Афродиты II—I вв. до н. э. (*Сокольский Н. И.*, 1964б) найдена мраморная статуя Афродиты высотой 0,45 м (без головы и базы) — греческий оригинал, вероятно, родоской школы первой половины II в. до н. э. Здесь же были фрагменты других мраморных статуэток, вошедшая женская рука с ритонном, терракотовая статуэтка сидящей богини в высоком головном уборе с фиалой в руке, формы для изготовления терракотовых прищепов, изображающих Эрота и Психею, мраморный ковш с ручкой, украшенный резным орнаментом, часть большой мраморной чаши, статуэтки сидящего рыбака и миниатюрные рыболовные грузила, мраморное грузило, небольшой мраморный акротерий, фрагменты керамики. В святилище фракийских богов в Ай-Годоре II—III вв. н. э. (*Ростовцев М. И.*, 1911) были найдены три алтаря из плавняка с посвящениями главному богу римской армии Юштеру Высочайшему. II по темам, и по стило изображений они полностью аналогичны фракийским, таково изображение бога Диониса в виде обнаженной мужской фигуры в венке из листьев и гроздьев винограда, с себридой, переброшенной через левое плечо; в левой руке его жезл, в правой кисть винограда; у ног пантера и козлоногий Пан, из земли вырастают две могучие виноградные лозы. Есть и другие плиты с изображением Диониса, а также бога Мифры, убивающего быка, Гермеса, маленький мраморный рельеф с изображением Гекаты. Известно несколько плиток с изображением Артемиды.

Наряду с государственным культам существовали домашние культы особо почитаемых богов. Священным местом дома считался очаг, как алтарь богини Гестии. Свидетельством домашнего культа является комплекс находок в помещении жилого дома второй половины VI в. до н. э. в Тирпатаке: в средней части пола находился открытый очаг, около него три терракотовые статуэтки Деметры, статуэтка Керы, обломки глиняного алтаря, терракотовая маска и чернолаковые чаши. К домашнему культу следует отнести комплекс терракотовых статуэток, лежащих на полу в одном из помещений в доме Хрисалика I в. до н. э. Большая часть из них представляет собою изображения женского божества (Деметры, Кибелы, Великой Матери, Афродиты, Тихе, Куротрофы), алтариков, девушек с музыкальными инструментами, головы жертвенного быка (табл. СХХIII, 6) (*Сокольский Н. И.*, 1976а, с. 55—58).

Необходимыми при культах сооружениями были жертвенники, алтари и курильницы. Одним из простейших жертвенников были зольники — продукт самих жертвоприношений, когда дрова сжигались вместо жертвой. Огромный зольник открыт в Мир-

мекки, он занимал территорию около 500 м², высотой 2,5 м. Под ним находился алтарь-эсхара, вырубленный из блока белого известняка. Алтарь находился и в западной части сооружения по предположению В. Ф. Гайдукевича, храма Деметры, разрушенного во второй половине IV в. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1965). Находки в зольнике были связаны с культом Деметры. Это были различные вотивные приношения: терракоты, миниатюрные глиняные сосудики, черпаковая столовая посуда, монеты, в большом количестве сосуды, употреблявшиеся при культовых трапезах, и т. д., а также кости животных — остатки жертвенных приношений.

Алтари VI—V вв. до н. э., открытые в городах Северного Причерноморья, были просты, как например, монументальный алтарь в Ольвии — четырехугольный в плане с более или менее высокими вертикальными стенками, на широком основании (табл. С, 1). Этот же тип алтаря сохранился и позднее: таков алтарь IV в. до н. э., открытый в Большой Близище (табл. С, 2). Этот алтарь был вместе с тем и жертвенником (алтарь-эсхара). На верхней его поверхности видно отверстие, через которое кровь жертвенных животных стекала внутрь алтаря (АДЖ, табл. X, 1). Углы алтарей уже в VI в. до н. э. иногда завершались акротериями: в Паптиканее было найдено такое завершение алтаря в виде завитка волоты (*Блаватский В. Д.*, 1964в, рис. 8), в Фанагории — тонко исполненная волота IV в. до н. э. со следами розовой краски на глазке. Эллинистические алтари отличаются богатством и разнообразием декора. Примером может служить миниатюрный терракотовый алтарь III в. до н. э. (табл. С, 5), четырехугольный в плане, на высоком основании, украшенном овнами, массивным карнизом с зубчиками и акротериями по углам. На его стенах рельефные группы богов — Аполлон и Артемид, Дионис и менады, Посейдон и Амфитрида, Ника. Таков же алтарь из Ольвии (ТСП, ч. I, 1970, табл. 21, 1—4). Для эллинизма характерны алтари с гирляндами (тип декора, широко распространенный из Александрии), как например, мраморные алтари из Херсонеса (табл. С, 4) (АСХ, № 532—534) или миниатюрный терракотовый алтарь из Ольвии, повторяющий тип позднеэллинистического круглого алтаря, украшенного гирляндами, розетками и масками (табл. С, 6). Для алтарей первых веков нашей эры характерно огрубение профилей и скульптурного декора, а также упрощение формы. Таков херсонесский алтарь из известняка, с изображением Гермеса и Геракла (табл. С, 7), алтарь из Илурата (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, рис. 58) и Танаиса (*Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.*, 1965, рис. 39). Алтарь бенцифариев из Херсонеса, посвященный Немесиде, имеет геометрически правильные упрощенные очертания (табл. С, 8).

Курьльницы, служившие для воскурения ароматических веществ в храмах и святилищах, обычно были глиняные. Их формы чаще всего просты. Оригинальные курьльницы, украшенные рельефными или расписным орнаментом, а иногда и рельефными фигурами, относятся ко времени эллинизма, например, ольвийская II в. до н. э. (табл. СХХIII, 5). Она с двухъярусным рельефным декором — внизу

гирлянды, сверху карпиды, поддерживающие завершение цилиндра тулова, между ними женские маски. Крышка коническая гладкая, внутрь вставлялись два сосуда: один с углями, другой с ароматической смесью (*Марченко И. Д.*, 1976а, рис. 6). Сероглиняная курьльница с вдавленными солнышками изображениями и дырочками найдена на поселении Беляус в слое II—I вв. до н. э. К концу античного периода во II—III вв. н. э. формы курьльниц упрощаются (табл. СХХIII, 6—10).

Погребальный обряд. Античные некрополи располагались в непосредственной близости от городов за пределами их оборонительных стен. (табл. СХХIV—СХХVa). Наряду с грунтовыми могильниками они включали и курганы. Ранее V в. до н. э. некрополи состояли только из грунтовых могил. Курганные захоронения встречаются в Грениц, в Западном Причерноморье их значительно больше. Несмотря на это, широкое распространение курганов вокруг городов Северного Причерноморья большинство исследователей связывают со скифскими традициями (см.: *Цветаева Г. А.*, 1957а, с. 227 сл.). Господствующим обрядом погребения было труположение в простых могильных ямах. Трупосожения встречаются почти во всех некрополях северопричерноморских городов, по сравнению редко. Чаще всего обряд, кремации считают греческим, несмотря на спорадическое его применение различными племенами Северного Причерноморья (*Цветаева Г. А.*, 1951, с. 75; *Кастаная Е. Г.*, 1959, с. 274; *Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 83 сл.). Наиболее высок процент могил с трупосожением в Херсонесе эллинистического периода — до 25% (*Белов Г. Д.*, 1948б, с. 158). В Паптиканее трупосожения в VI—V вв. до н. э. составляют примерно 10—13%, а к эпохе эллинизма их доля снижается до 3% (*Цветаева Г. А.*, 1951, с. 64, 69). Совсем незначительно число могил с трупосожением в Ольвии (*Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 52 сл.; *Козуб Ю. И.*, 1974, с. 31).

Греческим погребальным обрядом является обычай хоронить детей в амфорах или крупных сосудах (*Кастаная Е. Г.*, 1959, с. 285 сл.). В Ольвии захоронения в амфорах отмечены в архаической и римской периоды (*Клипович Т. И.*, 1940а; *Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 54; *Козуб Ю. И.*, 1974, с. 26). Они встречаются в Херсонесе (*Белов Г. Д.*, *Стрелецкий С. Ф.*, 1953, с. 33 сл.), реже в Паптиканее — только в V—IV вв. до н. э. (*Кастаная Е. Г.*, 1959, с. 280 сл.), значительно чаще в азиатской части Востора. В Фанагории они известны на протяжении всей античной эпохи, встречаются в Гермонассе, Келах, Танаисе (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 212; *Кобылина М. М.*, 1951б, с. 246; *Марченко И. Д.*, 1956а, с. 105 сл.; *Коровина А. К.*, 1968а, с. 75; *Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 88; *Арсеньева Т. М.*, 1977а, с. 106).

Значительно труднее выяснить вопрос, с какими традициями связаны захоронения в простых могильных ямах прямоугольной формы или со скругленными углами. Они одинаково характерны для античных и местных могильников. Более показательны дополнительные конструкции в могилах или отдельные черты обряда. Часто встречающиеся деревянные надмогильные перекрытия объясняют влияние местного погребального обряда (*Капошника С. И.*,

1956а, б; Цветаева Г. А., 1951, с. 67; Кастаная Е. Г., 1959, с. 258 сл.; Сорокина Н. П., 1957, с. 43 сл.). Прием покрытия могил поверх деревянного настила слоем камня встречается в пантиккаейском некрополе VI в. до н. э., но особенно широко он распространяется на азиатской стороне Боспора, так как он был обычен у окрестных племен. Могилы с каменными перекрытиями и часто с дном и стенками, выложенными камнем, были одинаково распространены в античном и племенном мире.

Связь погребальных традиций с обрядовыми формами греческой метрополии особенно отчетливо проявляется в VI—V вв. до н. э. Почти во всех некрополях этого времени покойники, как правило, лежат головой на восток, что считают влиянием греческой традиции, так же, как и обычай ставить над могилами стелы с надписями и рельефами или антропоморфные надгробия; хоронить в гробах в саркофагах, класть в могилы предметы палестрического характера и монеты. Подбор вещей, которые клали в могилы, зависел от пола и возраста, положения в обществе и материальных возможностей умершего. Все, что употреблялось умершим при жизни, могло быть положено в могилу. Так, в могилу воина клали оружие, юноши-палестрита — стригиль и сосудики для масла, женщины — украшения и статуэтки, ребенка — игрушки. Часто в могилы ставили сосуды и светильники. Терракотовые статуэтки клали в могилы как изображения богов и как любимые вещи. В монументальных склепах стояли жертвенные столы, куда родственники приносили дары умершему.

Варварские погребальные традиции проявляются в некрополях почти каждого города. С ними связывают конструкции могил, невосточную ориентировку погребенных, подсыпку и подстилку в могилах, употребление для захоронений деревянных колод, скорченное положение костяков, палаче в могилах красной краски, мела, паутинной пиди и специфические предметы погребального инвентаря, такие, как оружие, ножи, топчла, бусы ярких расцветок, лепные курильницы, разбитые зеркала и т. д. Выводы исследователей о том, что считать греческими чертами, что варварскими, часто расходятся. Так, захоронения со скорченными костяками большинством исследователей расцениваются как признаки проникновения в город местного населения, однако, такие захоронения в Херсонесе считают греческими (Лапин В. В., 1966, с. 217; Кадеев В. И., 1973а). Вместе с тем херсонесские захоронения со скорченными костяками первых веков нашей эры связывают с сарматами (Кадеев В. И., 1973, с. 36). По-разному расцениваются находки оружия в могилах. М. И. Ростовцев (Ростовцев М. И., 1925, с. 196, 235) считает, что оружие свидетельствует о принадлежности могил негреческому населению, а Г. А. Цветаева (Цветаева Г. А., 1951, с. 67 сл.) придерживается мнения, что это могилы греков. Наибольшее распространение в античных некрополях Северного Причерноморья получили, по-видимому, те обычаи, которые соответствовали традициям, распространенным как в греческом, так и варварском мире (Кастаная Е. Г., 1959, с. 263). К ним относятся и устройство на могилах тризны, своего рода поминков, от которых сохранялись скопления костей животных и птиц в множестве

во битой посуде. Остатки тризны встречаются и в групповых и в курганных некрополях. Е. Г. Кастаная констатирует широкое распространение этого обряда в Гомеровской Греции и приходит к выводу, что первые переселенцы перенесли его в Северное Причерноморье, где он и нашел благоприятную почву.

С IV в. до н. э. наблюдается большее разнообразие в типах погребальных сооружений. Во второй половине IV в. до н. э. вначале в Ольвии, а затем и в других городах, появляются земляные склепы. В Ольвии они составляют больше 50% захоронений (Парович-Пешикан М. Б., 1974, с. 19 и сл.). В некрополях Пантиккаея, Тузлы, Гермонассы, Кеп, Фанагории, Тирамбы земляные склепы появляются в III в. до н. э. (Блаватский В. Л., 1951в, с. 189 сл.; Цветаева Г. А., 1951, с. 73; Сорокина Н. П., 1957, с. 25 и сл.; Корovina А. К., 1968а, с. 75), в Херсонесе с I в. п. э. (Белов Г. Д., 1948б, с. 157). Конструкция их не единообразна. Так, например, в Ольвии наибольшее распространение получили однокамерные склепы с длинным дромосом, в Пантиккае — двухкамерные склепы с обычными входными ямами. Появление склепов в некрополях городов Северного Причерноморья объясняют влиянием античной погребальной традиции Средиземноморья, другие связывают их с проникновением сарматского населения или с традициями, восходящими к эпохе поздней бронзы в Прикубанье. С античной традицией связано широкое распространение (с IV в. до н. э.) черепичных гробниц, хорошо известных в античном мире. В Херсонесе они составляют около четверти всех захоронений (Белов Г. Д., 1948б, с. 157). Встречаются они на Боспоре, в том числе в курганных захоронениях (Кобылина М. М., 1951б, с. 242; Цветаева Г. А., 1951, с. 71, 73). В Ольвии в могилах находят только отдельные обломки черепицы (Парович-Пешикан М. Б., 1974, с. 13). Видно, с варварской погребальной традицией связано распространение подбойных могил. В IV — начале III в. до н. э. в Ольвии они составляют около 50% всех могил; в III в. до н. э. их около 28,4% — а во II—I вв. до н. э. их совсем мало. В III в. до н. э. появляются подбойные могилы в Пантиккае. Со II в. до н. э. они там широко распространены и появляются на азиатской стороне Боспора. М. Парович-Пешикан считает, что они ведут свое начало от скифской погребальной традиции сооружений катакомб. На Боспоре их появление связывают с притоком в города сарматского населения.

Для Боспора IV в. до н. э. характерно строительство каменных склепов и склепов, вырубленных в скале. Их форма заимствована от грунта (Ростовцев М. И., 1925, с. 255). Над ними большей частью паспалась курганы, но встречаются некрополи с могилами, вырубленными в скале и без курганных насыпей (Капошина С. И., 1959, с. 108 сл.; Гайдукевич В. Ф., 1959б, с. 154 сл.). В Ольвии большая часть каменных склепов относится к эпохе эллинизма и совсем немного к первым векам нашей эры (Парович-Пешикан М. Б., 1974, с. 38). Курганы окружают все города Северного Причерноморья, но особенно много их вокруг Пантиккаея. Самые большие из курганов достигают высоты 25 м, но наибольшее распространены курганы высотой от 5 до 10 м.

Курганные насыпи для прочности часто делали из песчаников слоев камня, морской травы и земли. Многие курганы вокруг насыпи обносились каменной или плетью, а также каменной оградой-крендой. Основная группа курганов Северного Причерноморья была возведена в IV—III вв. до н. э., со II—I вв. до н. э. этот обычай уходит в прошлое, позднее курганов почти не сооружали, для захоронения, как правило, использовали курганы, возведенные в более ранний период. Единичные курганы позднего времени уступают рвам по высоте и по богатству (Цветаева Г. А., 1957а, с. 227 сл.). Чаще всего в курганах прослеживаются те же конструкции могил и черты обряда, что и в грунтовых некрополе. До IV в. до н. э. в могилах преобладают одиночные захоронения. Со строительством склепов появляются захоронения, содержащие несколько костиков, как например, в могилке второй половины IV—первой половины III в. до н. э. в районе поселка им. Войкова близ Керчи (Капошина С. И., 1959).

На сельской территории античных городов могильники VI—IV вв. до н. э. как грунтовые, так и курганные, последовали главным образом, на Керченском полуострове и вблизи Анапы. Они, по-видимому, принадлежали негреческому населению (Лесков А. М., 1961; Масленников А. А., 1976а, б, в; Яковенко Э. В., 1970, с. 113 сл.). Возможно, только в могильнике у поселения Южно-Чурубаское были погребены боспорские греки — владельцы усадьбы (Кругликова И. Т., 1975а, с. 248). Захоронения VI—IV вв. до н. э. отличаются разнообразием погребальных сооружений и обрядов: простые грунтовые могилы, захоронения в каменных ящиках, составленных из «дикорых» плит часто с каменными обкладками вокруг ящиков, подобные могилы и склепы. Встречаются одиночные захоронения и могилы, содержащие до 22 погребенных. Орнаментика покойников различна, но преобладает западная. Положение погребенных чаще вытянутое, но встречается и скорченное. Для могильников первых веков нашей эры, открытых у сельских поселений Золотое, Семёновка, Ново-Отрадное, Кыз-Дул, Фронтонье II наиболее характерны простые грунтовые могилы, часто накрытые плитами и могилы, обложённые каменными плитами с такими же перекрытиями, реже встречаются подобные могилы и склепы. Встречаются могилы с одиночными и с многократными захоронениями. Преобладает восточная ориентация погребенных (Дирин А. А., 1896, с. 127 сл.; Гайдукевич В. Ф., 1959б, с. 137 сл.; Кругликова И. Т., 1969, с. 98 сл.; Арсениева Т. М., 1970б, с. 82 сл.; Кортузова В. И., 1971, с. 86 сл.). Старшинство в наборе погребального инвентаря видимо, свидетельствует о приблизительно одинаковом социальном положении сельского населения в первых веках нашей эры. Раскопан только один могильник конца III—IV вв. у с. Заморское (Кортузова В. И., 1968, с. 16 сл.), где были земляные могилы с одиночными захоронениями.

Саркофаги и надгробья. С обрядом погребения связано изготовление саркофагов и погребальных памятников — рельефных плит и статуй. Деревянные саркофаги известны в Северном Причерноморье с самого начала существования античных городов, но они плохо сохранились (Соколовский И. И., 1969а).

Древнейший тип саркофага представлял собою ящик на ножках с двускатной крышкой. Этот тип сохранялся и позднее. В период расцвета Боспорского государства в IV—III вв. до н. э. были созданы не только роскошные каменные склепы с уступчатыми и коробовыми сводами, но и саркофаги с архитектурным декором, например, деревянный саркофаг из V кургана Юз-Обы (близ Пантхапса) (табл. СХХVI, 1). Его узкий фасад представляет как бы схему фасада храма с фронтоном и с акротериями на коньке и на углах и в виде позолоченных пальмет с волютами, характерными для IV в. до н. э. (Ваулина М. П., 1971, с. 60, рис. 6—8). Позолоченный карниз состоит из сухариков и ов резной и токарной работы. Изысканно сочетание различных пород дерева, вставок из тонких досок, окрашенных в красный цвет, окаймленных позолоченным киматием и шитью жемчужника. Еще большим богатством резных украшений отличается саркофаг, найденный близ Анапы в подкурганном каменном склепе III в. до н. э. (Навапова А. П., 1958, с. 95 сл.). На средней доске, окрашенной в розовый цвет и обрамленной тонко исполненным резным орнаментом лесбийского киматия и нити жемчужника, были укреплены резные позолоченные изображения перед и на гиппокампах, тритонах и драконах, везущих оружие Лаллулу (табл. СХХVI, 3, 4; СХХVII, 4). Ножки саркофага сделаны, как пиллястры, с вертикальным углублением в середине, окрашенным в розовый цвет и заполненным резным позолоченным орнаментом, составленным из побегов аканта, цветов и пальмет.

Рядом с деревянными саркофагами создавались мраморные и известняковые. Таманский мраморный саркофаг второй половины IV в. до н. э. монументальный, строгий, греческой работы (табл. СХХVI, 2) был открыт в кургане на Лысой горе к западу от станицы Таманской (Плягшиева И. В., 1949, с. 5, 6). Он имеет профилированное основание, украшенное рельефным лесбийским киматием. Гладкие стенки завершаются карнизом из крупных зубчиков, над ним жемчужник и овы. Мраморные акротерии размещены на коньке и на длинных сторонах двускатного перекрытия. В средней части розовые полосы, на них позолоченные розетты. В I в. н. э. типы саркофагов меняются в конструкции и в декоре. Деревянный саркофаг, найденный в каменной гробнице к югу от Золотого кургана, имеет черты храма римского времени: подий на ступенчатом основании, стены, расчлененные пиллястрами и между ними узкими арками высокий антаблемент с двускатное перекрытие. С узкой стороны оп открыт для впуска ложа с покойником, но углам были колонны, сохранились остатки спиц краски на канделярах колонны и белой на остальных частях саркофага (Соколовский И. И., 1969а, с. 58). Форма каменных саркофагов первых веков нашей эры упрощена. Огромный мраморный саркофаг I—II вв. из Керчи имеет совершенно гладкие стенки и тяжёлую двускатную крышу с огромными, гладкими акротериями по углам. Монументный каменный саркофаг I в. н. э., открытый в Керчи, имел округлую крышку (Блаватский В. Д., 1962а, с. 78—83, рис. 55). Некоторые саркофаги этого времени из местного известняка снаружи ничем не украшенные, внутри были расписаны по штукатурке подобно росписям склепов

(Ростовцев М. И., 1912а, табл. ХСП—ХСIV) (табл. CVII, 4). Уникальным является роскошный мраморный саркофаг за Мирмекия II в. н. э. Саркофаг сильно поврежден. На его стенках в рельефе представлены сцены из сказания об Ахилле, на крышке саркофага — возлежащие мужчина и женщина (Марги Ю. Ю., 1926, с. 11, 12, рис. 5; Блаватский В. Д., 1947а, с. 100, 101, рис. 66). Кроме резных орнаментов, деревянные саркофаги, особенно бюспорские, уже с конца V в. до н. э. украшались инкрустациями из слоновой кости, резными деревянными фигурами и терракотовыми прилепками. К IV в. до н. э. относятся пластины слоновой кости, приклепавшиеся к стенкам саркофага из кургана Куль-Обы (Передольская А. А., 1945б, с. 47—67, рис. III, IV). По своему стилию рисунок близок краснофигурным росписям на вазах и аттических рельефам конца V—начала IV в. до н. э. Сюжеты изображены — похлищене дочерей царя Левкиппа Диоскурами и суд Париса (табл. СХХVII, 7).

С начала I в. н. э. по II в. н. э. распространяются украшения из гипса и глины (Берзина С. Я., 1962, с. 237, сл., рис. 1—3, 9—11). В Ольвии найдены фрагменты полихромных гипсовых орнаментов, украшавших деревянные саркофаги (Фармаковский Б. В., 1906а, с. 30, 31), в Тиритакте в погребениях I в. в земляном склепе обнаружены разнообразные гипсовые прилепы; архитектурные детали (Блаватский В. Д., 1941в, с. 68 сл., рис. 106, 107) (табл. СХХVII, 6), изображения антропоморфического значения (маска Медузы), хтонического значения, связанные с культом Деметры и Дюониса, театральные маски, маски сплеча, папа, менад, Дюониса (Watzinger K., 1905, с. 52). С особой экспрессией изображается миф о гибели детей Нюбы. Выделяются 25 типов фигурок нюбид (Жебелев С. А., 1901, рис. 1—25). Деревянный саркофаг, найденный в 1874 г., был украшен гипсовыми фигурами нюбид, размещенными между приставными колонами (табл. СХХVI, 6). В Пантикаее найдена форма для оттискивания фигуры умирающей нюбиды, принадлежавшая руке хорошего местного мастера (Блаватский В. Д., 1951а, с. 223, рис. 73, 3).

К погребальному обряду относится установка на могиле памятника с именем умершего. Самые древние надгробные стелы имели вид плиты с надписью — именем умершего. Такова стела Метродата, сына Аполлора (начало V в. до н. э.) из Керчи (КБН, 207). Но уже в V в. появляется более сложный тип — плита, завершающаяся акротерием в виде палметты (табл. СХХVIII, 1). В одном из курганов Фанагории был обнаружен огромный мраморный акротерий, очевидно, привезенный из Аттики (табл. СХХVIII, 2). Уже в V в. до н. э. в Аттике появились надгробия с изображением умершего, стоящего или сидящего, обрамленного столбцами или колоннами, на которых лежит антаблемент, а над ними поднимается фронтон с акротериями: создается героизированный образ умершего. Этот тип надгробий в Северном Причерноморье встречается чаще всего со II в. до н. э. по II в. н. э. В центре фронтона нередко помещена розетка. Свободное пространство над фронтоном также украшено розетками (табл. CIV, 1). В первые века нашей эры встречаются двух- и трехъярусные стелы, где

повторяются основные типы изображений — возлежащего на ложе умершего, прирующего как герой у столба с яствами; ниже он же вооруженный на ковре, около него ступи, еще ниже сидящая на троне женщина в грустной позе (табл. CIV, 6). На этих стелах встречаются и мифологические образы, как например, Гермес Психопомп, сопровождающий умершего в страну мертвых. Иногда он изображен на фронтоне (Иванова А. П., 1961, табл. 13, 47) как п Великая Богиня на стеле из Таваиса (Болтунова А. И., 1972, с. 281).

На могилах ставили статуи умершего. Такие статуи в виде фигур, стоящих на постаменте, нередко изображались и на надгробных стелах. Например, на стеле Деметрия (I в. н. э.) из Пантикаея видим статую всадника рядом с воинном (табл. CIV, 4). В первые века нашей эры популярны тип статуи женщины в длинном хитоне и покрывале, которое она придерживает у груди правой рукой (табл. CIV, 4, 6). Эти статуи различного качества исполнения — яркие образцы местной скульптуры. Более ранние изображения на стелах повторяют античные типы (табл. СХХVIII, 6). На более поздних надгробьях тот же тип схематизирован (табл. CIV, 1). Излюбленными сюжетами изображений на надгробьях I—II вв. являются типы вооруженных всадников.

Особую группу представляют надгробия Херсонеса. При раскопках бани Зенона были открыты великолепной сохранности надгробные плиты IV—III вв. до н. э. из местного известняка с архитектурным точно исполненным орнаментом, сохранявшим полихромие. Они завершались или акротерием или фронтоном, а под ним в барельефе изображены или оружие, или принадлежность палестрина (стригиль и алабастр) или перевязь с вырезанное или написанное краской имя умершего (табл. СХХVIII, 3—5). Надгробия этого типа свидетельствуют о сохранении члесто греческих традиций в местном искусстве Херсонеса (Даниленко В. И., 1969, с. 29 сл., рис. 13—21; Колесникова Л. Г., 1969, с. 44 сл., рис. 22—27; Стржеleckий С. Ф., 1969а, с. 7 сл., рис. 7). В период зависимости от Боспора в Херсонесе проявляют типы бюспорских стел с рельефными изображениями, например, сидящей в кресле женщины или стоящих фигур (Соломонок Э. И., 1974, рис. 53). В первые века нашей эры заметно влияние римского искусства (Белов Г. Д., 1938а, с. 66 сл.; АСХ, рис. 180, 182—188) (табл. CV, 1, 4, 6). Известна серия херсонесских надгробий) связанная с римскими солдатами. Они повторяют тип изображения умершего в виде бюста, принятый на надгробьях Италии и западных римских провинций и имеют латинскую надпись. Эти изображения исполнены с явной тенденцией к портретному сходству, свойственной римскому портрету. Ярким образцом является надгробие солдата Аврелия Виктора (табл. CV, 6). Портрет и надпись исполнены на мраморной доске (Белов Г. Д., 1948а, табл. XIV). Надгробие II в. Аврелия Сальвиана трубача XII Клавдиева легиона (табл. CV, 5) (Блаватский В. Д., 1961а, с. 87, рис. 31). Ко II—III вв. н. э. относится надгробие Люция Фурия Севта, prefecta первой когорты франкского отряда, происхождение возможно, из Харакса (табл. CIV, 5). Оно находит аналогии во фракийском искусстве.

Глава двенадцатая

Быт

Жители античных городов Северного Причерноморья в своем быту старались следовать привычному для греков образу жизни, особенно это заметно в раннее время. Позднее на греческий уклад жизни наложился некоторый варварский отпечаток.

Археологические материалы являются основным источником для воссоздания быта обитателей античных городов и сельских поселений Северного Причерноморья. Иногда предметы, окружающие людей в их повседневной жизни, приходится реконструировать по находкам фрагментов вещей, на основании их воспроизведений на настенных росписях склепов, на надгробных рельефах или других памятниках искусства (табл. CVII, 4; CX; CXXI, 3). Это особенно касается изделий из дерева и тканей, например, мебели, ковров, одежды.

Мебель. Повседневная мебель изготавливалась главным образом из дерева и отделывалась кожей, металлом. С эпохи эллинизма, когда металлические изделия получили более широкое распространение, из металла делали основу для ложа, тревожники для светильников. Мебель из камня, особенно из мрамора, имела парадный характер. Вместе с тем столики, лежанки, лари и кормушки, сложенные из плохо отработанных каменных плит, присутствуют во многих жилищах рядового сельского поселения Боспора, особенно в первые века нашей эры.

Детали мебели или ее украшения, найденные в Северном Причерноморье, дают возможность реконструировать некоторые типы мебели, употреблявшиеся в городах (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 87 сл.). Ложа представляли собой прямоугольную деревянную раму, на которую натягивалась сетка из веревок или полос кожи или ее детали из деревянных полос. Ложе имело приподнятое изголовье и ножки различной конфигурации. Особенно роскошные ложа имели инкрустацию и накладки из золота, серебра, черепахи или слоновой кости. Костяные накладки с волжатами и стеклянными инкрустациями в центре волюты были найдены в кургане Куль-Оба (табл. CXXIX, 6), в Мирмекии, Парфении, в поселении Золотое Восточное и других местах. Все они, кроме кульобской, местного производства. Применение металлических частей и украшений возрастает в эллинистический период. Для этого времени характерно завершение изголовья ложа в виде головы льва, лошади, утки и т. д. В первые века нашей эры применялись ложа с одним изогнутым изголовьем (табл. CXXIX, 10–12), с двумя высокими бортами (табл. CXXIX, 13, 15) и со спинкой (табл. CXXIX, 14).

Мебель жилых помещений составляли так же столы, кресла, стулья и табуреты. Стулья VI–V вв. до н. э. иногда украшались навариями из слоновой кости в виде лебединой головы (табл. CXXIX, 2а). Известные нам по архаическим терракотам Северно-

го Причерноморья кресла имели прямую спинку с выступами по углам, прямые ножки и подлокотники. Для IV в. до н. э. характерны, видимо, ножки изогнутой формы, как на мраморном кресле из Пантикапея (табл. CXVIII, 2). Особенностью кресел и стульев первых веков нашей эры является их прямоугольная форма — прямые спинки и ножки, а также обильное применение точеных деталей (табл. CXXIX, 16–24). Отличие кресла от стула заключалось только в наличии у кресла подлокотников, как прямых, так и точеных, в виде аркады (табл. CXXIX, 21, 22), а иногда и украшенных на концах искусно выточенными из дерева бараньими головками или фигурами сфинксов (табл. CXXIX, 21). Известны кресла с полукруглой спинкой, переходящей в борта, о чем свидетельствуют терракотовые изображения и росписи саркофага I в. из Пантикапея (АДЖК, табл. XVII, 1) (табл. CXXIX, 18, 25). На сиденья стульев в кресла клали подушки.

Табуреты уже в равную эпоху имели точеные ножки и напоминали стулья, лишённые спинки (табл. CXXIX, 26). Сиденье составляла кожаная сетка, натянутая на раму. Употреблялись и более простые по конструкции табуреты тубообразной формы (табл. CXXIX, 27).

Столы — трапезды в архаическую и классическую эпохи также, как и в Средиземноморье, были, по видимому, в основном прямоугольными. Наображения прямоугольных столов на четырех или двух сплошных ножках встречаются на рельефах (*Соколов Г. И.*, 1973, с. 134), на надгробьях и в росписях склепов (*Сокольский Н. И.*, 1971, табл. VIII, 15). На Фанагорийском надгробии Агафа II в. н. э. изображен прямоугольный стол на трех ножках (*Кобылина М. М.*, 1956, рис. 23, 1) подобный распространенным в Греции в VI–V вв. до н. э. Широкое применение, особенно с эпохи эллинизма, имели круглые столы на трех ножках. Чаще всего они были деревянными, но делали их также из мрамора, иногда из металла. Нижняя часть ножек была оформлена в виде копья (табл. CXXIX, 29–32). Верхняя часть ножек могла иметь скульптурное оформление в виде головки животного (табл. CXXIX, 29). Использовались также небольшие столики на одной ножке, имевшие парадный или подсобный характер (табл. CXXIX, 33, 34). Мраморные столы служили монументальной парадной мебелью. В домах простых жителей, особенно живущих в сельских поселках, мебель была примитивной, часто ею служили плоские каменные плиты, из которых сооружались каменные лари, лежанки, каменные столики (*Кругликова Н. Т.*, 1970б, с. 17, 64; 1975а, с. 97; *Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 54, рис. 38, с. 115, рис. 117).

Сундуки в виде деревянных ящиков или ларей с крышкой, вращающейся на шарнирах, использовались для хранения одежды, различных ценных пред-

метов и утвари. Сундуки могли иметь бронзовые окочки, ручки, замки. Для сундуков I—IV вв. н. э. характерны прямоугольная форма и плоская крышка. Широкое распространение форма в строительстве сказалось на орнаментации мебели, и на украшенных сундуках, что видно на их терракотовых моделях (табл. СXXX, 3).

В убранстве жилищ большую роль играли ковры, подушки, покрывала, занавески. На своде Васюрянского сикена изображен синий ковер с темнокрасной каймой и кистями по углам (АДЖ, с. 62, табл. XV). Коврами пользовались в палатках или юртах, ставившихся в окрестностях города в летнее время (АДЖ, с. 173). К предметам внутреннего убранства дома относились также портреты в деревянных рамках, как это видно в росписи саркофага 1900 г., терракоты с изображением бытовых сцен и комических сюжетов (ТСП), фигурные вазы и светильники и др.

Бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки. Для хранения запасов зерна, соли, вина пользовались пифосами, частично врытывшимися в землю. Вино, масло хранили также в амфорах. При передвижении жидкости пользовались глиняными воронками (*Кругликова И. Т.*, 1970б, с. 27, рис. 18), для изготовления сыра служили сосуды с отверстиями, иногда на трех ножках (*Кругликова И. Т.*, 1963б, с. 47, рис. 17, 5; *Гайдукевич В. Ф.*, 1958в, с. 72—73, рис. 64а, б). В хозяйстве использовались плетеные корзины (*Соколовский Н. И.*, 1971, рис. 74, 75, 77). Употреблялись ложки различной формы и из разного материала (кости, металла, дерева). Небольшие ложечки, найденные в Херсепесе, Ольвии (*Финогенова С. И.*, 1967, с. 161, рис. 8, 1; 9, 4, б) применялись для дозирования при приеме лекарств, ими пользовались и как туалетными ложечками (*Кругликова И. Т.*, 1969, с. 107, рис. 9, 5; *Паровиц-Пешчанка М. Б.*, 1974, с. 137, рис. 105, 14).

Для приготовления пищи горшки или сковороды ставились на специальные бочкообразные подставки, внутри которых разжигался угли (табл. СXXXI). Это была своеобразная переносная печь, употребляемая от VI в. до н. э. по III в. н. э. (*Зеев И. Б.*, *Марченко И. Д.*, 1962, с. 161). Употреблялись также более высокие жаровни для жарения на вертеле п вышечки хлеба. Для нагревания воды в первые века нашей эры пользовались цилиндрическими бронзовыми сосудами в форме большого бака с подогревом и с носиком в виде литой головы сикена, имеющим краник. Кроме переносных печей-жаровен в домах сооружались очаги из камней и глины. Для архаической эпохи характерны округлые в плане очаги, сделанные из камней, обмазанных глиной внутри топки (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949, с. 37 сл.; 1952б, с. 76, рис. 90; *Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 33; *Блаватский В. Д.*, 1955в, с. 77). В первые века нашей эры наряду с печами овальной формы (*Бураков А. В.*, 1976, с. 19; *Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 117) получили распространение печи прямоугольной формы, со стенками из каменных плит, поставленных на ребро и обмазанных глиной с внутренней стороны. Последние также были каменными или глинобитными столб, иногда — два (см. *Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 112, рис. 58) для поддержания глиняной плиты. Пол несколько приподнят от пола, он выло-

жен камнем или обмазан глиной, обожженной до прочности черепка (*Бураков А. В.*, 1976, с. 43 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1970б, с. 59). Над печью II—III вв. имелось окно для вытяжки дыма, для чего в глиняной крышке печи проделано отверстие (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 34, 77). Печь служила и для обогрева помещения и для приготовления пищи. Рядом с печью обычно была ямка для выгребания золы. Известны также глиняные полукозлы для установки сосудов в печи при варке пищи (*Соколовский Н. И.*, 1966б, с. 134, рис. 6, 2; с. 137, рис. 9).

Светильники для освещения жилищ были очень разнообразны. Наиболее распространены были глиняные. Светильники VI—V вв. до н. э., находимые в Северном Причерноморье, сделаны на гонгарном круге. Они имели круглую форму со слегка загнутыми внутрь краями, открытое вместилище для масла, один или два выступающих рожка для фитиля и петлеобразную горизонтально поставленную ручку (табл. СXXXII, 1—6). Последняя, впрочем могла отсутствовать. Импортные светильники, привозимые из Аттики и Малой Азии, были покрыты черным лаком. Местные светильники, подражая по форме импортным, были худшего качества. Иногда на две светильников, в центре, была втулка для пасаживания их на вертикальный стержень подставки (*Вальдгауэр О. Ф.*, 1914, табл. I, 7, 9, 10; II, 24, 25; *Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 197, рис. 107). В IV—III вв. до н. э. форма светильников начинает изменяться: отверстие для масла становится уже, а стенка несколько выше (табл. СXXXI, 8—10; *Вальдгауэр О. Ф.*, 1914, табл. II). Со II—I вв. до н. э. светильники отщипывались в формах и составлялись из двух частей. Вместилище для масла было закрыто верхним дитком, на котором было отщипнуто рельефное изображение или орнамент; для наливания масла имелось специальное небольшое отверстие (табл. СXXXI, 8—10). Округлый или заостренный рожек стал более вытянутым, ручка поставлена вертикально. Формы светильников этого времени более разнообразны. Иногда светильник делался вместе с высокой подставкой (табл. СXXXII, 14) (*Кругликова И. Т.*, 1962в, с. 222). Встречались светильники, укрепленные на статуэтках (*Кругликова И. Т.*, 1975б, с. 52; *Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 82, рис. 75). В Северном Причерноморье применялись также многорожковые светильники, сделанные из серой глины и покрытые черной матовой краской (табл. СXXXII, 17, 18) (*Кобелина М. М.*, 1966б, с. 179). Светильники первых веков нашей эры также отщипнуты в форме, имеют менее выступающий рожек, они отличаются орнаментацией штка, округлой или заостренной формой рожка и качеством покрывающего его красного лака. Для III—IV вв. характерна яйцевидная форма светильников со стилизованным орнаментом в виде лавровых или пальмовых листьев (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 40). Интересные херсонесские светильники III—IV вв. с клеймом мастера ХРΥСОΥ (*Щеголов А. Н.*, 1961б). Местные лепные светильники имеют или лавровидную форму, или форму открытой чаши на высокой ножке (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 77, рис. 17; с. 141, рис. 31). Импортные бронзовые светильники особенно многочисленные в первые века нашей эры, имели различные рельефные изоб-

раженья и нередко ставились или подвешивались на высокие металлические подставки — канделябры (*Книпович Т. И.*, 1949а, с. 50 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972а).

Обычными находками среди предметов быта были грести, главным образом деревянные, двусторонние. Наиболее ранние экземпляры VI—II вв. до н. э. (табл. СXXX, 8, 9) имели немного выпуклые стороны, иногда были украшены резными орнаментами (*Соколовский Н. И.*, 1971, с. 138 сл.). К I—II вв. н. э. относится целый ряд гребней, имеющих в середине прорезные греческие буквы, обозначающие дар: «дар хозяйке», «дар сестре» и т. д. (табл. СXXX, 10). Для гребней III—IV вв. н. э. характерна ориентация концентрическими кружками. Один из позднеантичных костяных гребней был украшен бронзовыми заклепками (табл. СXXX, 12). Гребни хранились в футлярах с выдвигающимися крышками. В Керчи найден был футляр с тремя отделениями, в одном из них лежал гребень, в другом — зеркало (табл. СXXX, 11) (ОАК, 1899, с. 129). В Танаисе была найдена круглая бронзовая корбочка — возможно также футляр для зеркала (*Арсеньева Т. М.*, 1977а, с. 132).

К мелким предметам, характерным для женского быта, относятся также туалетные палочки и шпильки. Интересны футляры для швейных принадлежностей, напоминающие современные. Это деревянный футляр в виде цилиндра длиной 11 см со снимающимся колпачком; он имел внутри катушку, на которую наматывались нитки разного цвета, а в полуме его отверстие вставлялись иголки. Известны деревянные и бронзовые иглы (со II в. до н. э.) (*Соколовский Н. И.*, 1971, с. 215 сл.; *Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 138).

Для хранения мелких предметов употреблялись деревянные ларцы, напоминающие своей формой сундуки и деревянные коробки. Ларцы часто имели вожжи в виде львиных лап, и были украшены резными колонками, инкрустацией, росписью и представляли собой дорогие предметы. Изредка ларцы украшались кожей. В Фанагории найден ларец, обтянутый материей, а в Керчи — кожей (*Соколовский Н. И.*, 1971, с. 130 сл.). В первые века нашей эры пользовались ларцами с двускатной или пирамидальной крышкой. Часты находки бронзовых ключей-перстней от ларцов (*Крушликова Н. Т.*, 1966а, с. 135, рис. 28, 1).

Леканы — женские глиняные туалетные сосуды — были особенно распространены с IV в. до п. э. Это призматический сосуд с двумя ручками и крышкой, на которой в краснофигурной технике живописно часто изображены сцены из жизни богатой гречанки — облачение ее в одежды и украшения с помощью слуганок. Неотъемлемым персонажем этих сцен является изображение Эроты, парящего над красавицей. В Паптикае найдены обломки лекан известных античных мастеров росписи V в. до п. э. (*Лосева Н. М.*, 1962, с. 168, рис. 2, с. 171). Большинство же фрагментов лекан относится к IV в. до п. э. (*Цветаева Г. А.*, 1957б, с. 193, рис. 5, 1, 2). В I—III вв. н. э. применялись для туалетных целей шкатулки с выдвигающей крышкой (табл. СXXX, 3), которые заменили леканы.

Пиксиды — небольшие шкатулки с крышкой так-

же применялись для туалетных целей — хранения белил, румян, шпалек и т. д. Пиксиды делались из обожженной глины, кости, но чаще всего, особенно с эпохи эллинизма — из дерева (табл. СXXX, 7). Они отличались высоким качеством токарной работы, разнообразием форм (цилиндрическая, шаровидная, рюмкообразная и др.) и орнаментации (табл. СXXX, 4—6; *Соколовский Н. И.*, 1971, с. 199 сл.). Часто цилиндрические пиксиды имели зазоры и вокруг замочного выреза украшались кружками, что характерно для пиксид I—II вв. Реже встречались горшечкообразные пиксиды со сложной профилировкой. Для III—IV вв. характерны пиксиды без орнамента, с плоской крышкой и дном.

Зеркало было необходимой принадлежностью быта богатых женщин. Бронзовые зеркала встречались во все периоды истории античных государств (табл. СLXV). Для V в. до п. э. характерны массивные зеркала с литыми бронзовыми дисками и ручкой, украшенной аппликацией волотами и пальметтой из серебра с золотой отделкой (*Билимович З. А.*, 1973, с. 42 сл.). Эти были очень дорогие зеркала, которые берегли и передавали по наследству. Находят их главным образом в богатых курганных погребениях столицы Боспора и в крупных городах — Ольвии (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 330), Имфее (*Силангьева Л. Ф.*, 1959, с. 66, 104). В III—I вв. до н. э. получают распространение зеркала в виде плоского диска, форма их в основе античная. Большинство зеркал, распространенных в первые века нашей эры, связаны с сарматской культурной традицией (*Книпович Т. И.*, 1949а, с. 55 и сл.). Это небольшие зеркала с боковыми ушками или петлей в центре и с орнаментом с оборотной стороны (*Шелов Д. Б.*, 1961а, табл. XXXVII, 1; *Арсеньева Т. М.*, 1977а, табл. XXXVII, 1—5; XXXVIII, 1). Их часто находят в могилах в разбитом виде, что объясняется влиянием сарматских погребальных обрядов.

Металлические золотые и серебряные туалетные сосуды были распространены в первые века нашей эры. Золотой флакон, украшенный в боспорско-сарматском стиле гратанатам, найден в погребении первой половины III в. боспорского царя Рескупориды III (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 352, рис. 38), серебряные флаконы I в. — в погребениях Танаиса (*Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 81, табл. X, 5, 6).

Детские пружки находили главным образом в погребениях. Чаще всего сделаны они из обожженной глины. Найдены погребумки VI в. до п. э., напоминающие современные (табл. СXXXIV, 1) и I—II вв. в виде двусторчатой раковины (табл. СXXXIV, 12) (*Чуштова Л. И.*, 1959, с. 240) или в виде колыбели, на которой изображен лежащий ребенок со скрещенными ножками, прилегающей рукой грушечного оленя и спираль (табл. СXXXIV, 20) (*Силангьева Л. Ф.*, 1974, табл. 49, 2). Куклы с подвесными ногами и руками известны в погребениях Северного Причерноморья с V в. до п. э. (табл. СXXXIV, 9, 10) (*Силангьева Л. Ф.*, 1959; 1974, с. 5 сл., табл. 4, № 1), I—II вв. датируется грушечный воин с подвесными ногами (ТСП, с. 55, табл. 47, 5). К этому же времени относится деревянная пружка — горит с луком (*Соколовский Н. И.*, 1971, рис. 68). Любимыми пружками, очевидно, были и терракотовые разнообразные пово-

вочки, запряженные бычками (первое века нашей эры) (табл. СХХХIV, 13—15, 19) (Соколовский Н. И., 1974, табл. XX, 1, 3; Силантьева Л. Ф., 1974, табл. 51, 52). К этому же времени относится terra-cottовая лощадка на колесиках, найденная в Херсонесе (табл. СХХХIV, 16) (Белов Г. Д., 1970, табл. 18, 3). В детских погребениях эпохи эллинизма и позднее встречаются также игрушки — изображения различных животных, птиц, собак, барашков, петухов. Кроме перечисленных игрушек, часто находят также костяные астрагалы («бабки») (Кругликова И. Т., 1968, с. 209).

Керамика. Глиняная посуда встречается в большом количестве как в богатых, так и в бедных жилищах, по способу производства она делится на гончарную и лепную, по назначению различаются столовые и кухонные сосуды, керамическая тара, декоративные вазы, керамические светильники, туалетные и палестрические сосуды. Глиняные сосуды разделяются и по способу ornamentации поверхности на расписные, чернолаковые и краснолаковые, фигурные и рельефные вазы; выделяется гончарная посуда без специального покрытия поверхности.

Гончарная посуда была наиболее распространенной. Формы ее, как импортной, так и местной, были чрезвычайно разнообразны (табл. СХХХV—СХХХVII). Особенно большим разнообразием отличалась столовая посуда, подаваемая на пирах. Вино подавалось в амфорах, дельках, кувшиках-ольях и ойпкоях, вода — в трехручных сосудах — гидриях; для смешивания вина с водой применялись кратеры, диносы, для охлаждения воды — пиксиды, заполненные снегом и вставляемые в кратеры, для разливания вина — кнафы. Вино пили из киликов, кнаффаров, ритопов, фиал и из более емких застольных чаш — скифосов, котил, кубков. Еда раскладывалась на тарелках, рыбных блюдах. Употреблялись солонки, гутусы для кормления детей, чаши. К сосудам для растительного масла и благовоний относятся палестрические сосуды-арбаллы, алабастры, бомбиллы и туалетные сосуды — лекпфы, амфориски, аски, флаконы. В быту употреблялись также глиняные сосуды для косметики и хранения украшений — пиксиды и деканы, а также чаши для умывания — лутерии. Среди кухонной посуды были разнообразные горшки, кастрюли с крышками (табл. СХХХVIII, 1, 9, 10, 24), глиняные сковороды (табл. СХХХVIII, 26, 27), всевозможные кувшины, миски и т. д. (табл. СХХХVIII, 2—8, 11—23, 29—43). Сосудами, служившими тарой, были пифосы для хранения зерна и жидкостей, амфоры для перевозки и хранения вина и масла.

Древнейшей античной посудой, поступающей в VII—VI вв. до н. э. в Северное Причерноморье из Средиземноморья, являлись изделия восточно-греческих центров — так называемая родосско-поницкая керамика, или родосско-милетская, производившаяся в Ионии (табл. СХХХIX; СХL). Она характеризуется особым стилем росписи, пазываемым орнентализующим. Роспись родосско-поницкой керамики наносилась на поверхность сосуда, предварительно покрытую светлой облицовкой кремового цвета из разжиженной глины высокого качества. В росписи фигурируют стилизованные изображения животных, птиц, рыб и фантастических существ — сирены,

сфинкса, крылатого коня и др. Рисунок контурный и сплутный — чернофигурный. Последний появляется в ионийской керамике в середине VI в. до н. э. (Блаватский В. Д., 1953в, с. 22, 80 сл.; Копейкина Л. В., 1970, с. 93 п сл.). Часто употреблялись накладные краски — белая и пурпурная (Копейкина Л. В., 1976, с. 138). Фон заполнялся различными орнаментальными элементами — розетками, крестиками, кружками, побегами плюща, точками и пятнами лака и другими растительными и геометрическими мотивами. Древнейшие находки этой керамики относятся уже к самому началу освоения греками этой области — ко второй половине VII — началу VI в. до н. э. (табл. СХХХIX). Одним из древнейших образцов родосско-ионийской керамики, найденной в Северном Причерноморье, является родосская ойкоха 30-х гг. VII в. до н. э. из погребения на Темпр-горе, вблизи Пантикапея (Копейкина Л. В., 1972). Изображения отдельных фигур имеются на келебе конца VII в. до н. э. из поселения на острове Березань (табл. СХХХIX, 1) и на амфоре первой половины VI в. до н. э. из Пантикапея (табл. СХL, 8). К последней четверти VI в. до н. э. относится родосская амфора — стампос из Березани, украшенная росписью коврового стиля с изображением льва, нападающего на оленя (табл. СХL, 5). Широко ввозятся в первой половине VI в. до н. э. сосуды с росписью стиля «фиелтура», как например, амфориски из Пантикапея середины VI в. до н. э. (табл. СХL, 6). Особенно характерен для росписи этой группы орнамент в виде лепестков лотоса и полумесяца. Встречаются также и фигурные изображения (Блаватский В. Д., 1953в, с. 98). Значительную группу составляла керамика, изготовлявшаяся, возможно, в Навкратисе — греческой колонии в Египте. Главными особенностями ее являются покрытые белой облицовкой, по которой наносились черным лаком фигурные изображения или линейный орнамент. Рисунок фигурных изображений в эпоху расцвета стиля — контурный (Эрман Н. А., 1914, с. 142 сл.) (табл. СХL, 3), а позднее — сплутный с гравировкой узора (табл. СХL, 4) (Книпович Т. П., 1941, с. 113). В середине VI в. до н. э. начинают ввозиться также поницкая керамика глазоменского стиля (табл. СХL, 1, 5) с характерной красочной росписью (Эрман Н. А., 1914, табл. VII—IX; Книпович Т. П., 1927, с. 85—101; Сидорова Н. А., 1962, с. 104). Наиболее значительное место среди ионийской керамики в северопоницких городах занимали сосуды с орнаментальной росписью в виде поясков, волнистых линий и различных комбинаций геометрического узора (Шмидт Р. В., 1952, с. 239 сл.) (табл. СХL, 2—4, 6, 7, 9). Во второй и третьей четверти VI в. до н. э. встречается коринфская керамика ориентализующего типа — коврового или в виде отдельных изображений, — по преимуществу более поздние экземпляры (Борисковская С. П., 1972). Это — амфориски из Ольвии, роспись которого выполнена в манере мастера Амперсанда первой половины VI в. до н. э. (табл. СХL, 7). В значительном количестве представлялись сосуды мелких форм — арбаллы, скифосы, с чисто декоративными растительными и геометрическими орнаментами (Малев П. П., 1914; Шмидт Р. В., 1952, с. 236) (табл. СХL, 2).

Аттическая керамика начала поступать в Северное Причерноморье около середины VI в. до н. э. Среди импортных сосудов с чернофигурной росписью аттические (табл. СХLII) занимают первое место. Есть фрагменты ваз, расписанных прославленными мастерами вазописи VI в. до н. э., например, Лидосем (*Горбунова К. С.*, 1964, с. 297). Особую группу составляют килики с мелкофигурной росписью (табл. СХLII, 5), в том числе расписанные Тлесом — выдающимся афинским вазописцем третьей четверти VI в. до н. э. (*Скуднева В. М.*, 1957в; *Горбунова К. С.*, 1966). В первой половине V в. до н. э. усиливается ввоз ваз чернофигурного стиля (*Книпович Т. Н.*, 1955б, с. 362). Продолжают поступать они и в IV в. до н. э., когда этот стиль господствует лишь на панафийских и псевдо-панафийских амфорах (*Радов Н. Э.*, 1912; *Пиотровский А. И.*, 1927) (табл. СХХХIII, 5, 6), выдававшихся в качестве приза на спортивных состязаниях, которыми сопровождался Большие и Малые Панафины — празднества, устраиваемые в Афинах в честь богини Афины. Роспись панафийских амфор подражали амфорски с изображениями Афины на лицевой стороне и атлетов — победителей на оборотной (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 262, сл.). С конца VI в. до н. э. в Аттике начинается производство краснофигурных ваз, в большом количестве ввозимых в Северное Причерноморье. Краснофигурные изображения на них наносились контурными линиями на поверхность сосуда, оставленную в цвете глины, после чего фон изображения покрывался черным лаком (табл. СХLIII). Характерна тщательная моделировка деталей (табл. СХLIII, 6). В V в. до н. э. аттический черный лак отличается особо высоким качеством, приобретая блеск, близкий к зеркальному. В конце VI — начале V в. до н. э. в краснофигурной живописи господствует так называемый строгий стиль (табл. СХLIII, 1, 2, 6, 7), в котором изображения отличаются еще сильнее условностью в трактовке фигур. С середины V в. до н. э. строгий стиль сменяется свободным стилем (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 192 сл.). Для него характерна большая реалистичность и объемность изображений, передача фигур в смелых ракурсах и непринужденных позах (табл. СХLIII, 3—5). В 20-х годах V в. до н. э. появляется так называемый роскошный стиль, отличающийся более сложными композициями, с ярко выраженной динамикой. Вазы роскошного стиля находились по преимуществу в Пантикаее и в его округе, отчего данный стиль получил также название керченского. Он был особенно распространен в IV в. до н. э. (*Книпович Т. Н.*, 1955б, с. 363). Образцом его служит каллида IV в. до н. э. со сценой приношения даров новобрачной (табл. СХХХIII, 4) и гирлянд из Пантикаеи. Чаще всего находят вазы белугого стиля IV — первой половины III в. до н. э., знаменующего упадок краснофигурной живописи (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 220), а также сосуды с чисто декоративной росписью, например, арибаллические лекфисы с краснофигурной пальметкой (табл. СХХХIII, 8) и преимущественно на Боспоре — пелики со сценами, связанными с мифами об амазонках, армаспах и т. д. (*Кобылина М. М.*, 1951г) (табл. СХII, 2, 3).

Выдающееся место среди находок аттической керамики занимают фигурные сосуды — арибаллические лекфисы в виде Афродиты, рождающейся из раковины, сфинкса и сирены (найденные в Фанагории) (*Фармаковский В. В.*, 1921б), а также три арибаллических лекфиса конца V — начала IV в. до н. э. из Пантикаеи с надписью «Ксенофант афинянин сделал» (*Черволаковская А. А.*, 1945 а, с. 46—67) (табл. СХII, 1). Из рельефных полихромных сосудов интересен туалетный флакон второй половины IV в. до н. э. с изображением на лицевой стороне головы Плутона, а его обратная сторона сделана в виде раковины (*Шкорпил В. В.*, 1904, рлс. 22). Черволаковая посуда без росписей была широко распространена в Северном Причерноморье. Иногда черволаковые килики, чашки и тарелки украшались по внутренней стороне донышка различной орнаментацией — в виде резной лучевой розетки или концентрических кругов штампованных ов и пальметок, соединенных между собой резными дужками, что характерно для конца V—IV вв. до н. э. Орнамент в виде штампованных пальметок держится вплоть до I в. до н. э. Кроме того, для V в. до н. э. характерен штампованный орнамент на стенках черволаковых амфорисков и канфаров — в виде ов, меандра и растительных побегов (табл. СХLIV, 1, 4). Сосуды с росписью по светлому фону — лагиссы характерны для эпохи эллинизма. В позднеэллинистический период распространяются сосуды других форм со скромной росписью в виде поясков и растительных гирлянд (табл. СХLIV, 6). Была распространена также черволаковая посуда с накладной росписью (табл. СХLIV, 1, 2, 4, 5, 7—9). Иногда сосуды покрывались разноцветными красками и позолотой, дошедшим до нас в виде пичтожных следов. Черный лак керамики этой группы отличается ухудшенным качеством. Он утрачивает свой белый блеск и глубину черного цвета, приобретает тусклость, порой коричневый и бурый оттенки. При определенном режиме обжига этот лак приобретал красный цвет. Роспись керамики данной группы воспроизводит либо растительные мотивы — побеги винограда, виноградные лозы, цветочные гирлянды, либо морскую волну с дельфинами; шахматный узор в сочетании с вписанными прямоугольниками, ожерелья с зерновидными подвесками и гирляндами — тенями, розетты, точечный орнамент и другие декоративные мотивы. Вазы этой группы нередко украшались на ручках рельефными масками сатиров и менад. Некоторые из кубков с подобной росписью имеют посвященные надписи, нанесенные жидкой глиной (табл. СХLIV, 1). Роспись наносилась на верхнюю часть сосуда, нижняя часто выделывалась в виде канелюр (табл. СХLIV, 2, 5, 9), что становится характерным для черволаковых сосудов, начиная с IV в. до н. э. Керамика с рельефными масками и канелюрованными туловищем развивалась под воздействием производства металлических сосудов (*Книпович Т. Н.*, 1949а, с. 271—284; 1955б, с. 369). Черволаковая керамика с накладной росписью («керамика стиля Глафия») (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 242 сл.) представлена в Северном Причерноморье сечетчатыми лекфисами — туалетными флаконами, украшенными черволаковой сеткой с белыми точками (табл. СХLIV, 3). Вазы группы Гафра, изготовляв-

шшие для погребальных целей в Александрии, были найдены в Ольвии (табл. СXLIV, 10) и на Боспоре (Штерн Э. Р., 1910, табл. I, 1; Блаватский В. Д., 1953в, рис. 15).

Рельефная керамика получает большое распространение в эллинистическое время (табл. СXLV). Она производилась во многих центрах (Блаватский В. Д., 1953в, с. 248 сл.), в числе которых особо значительное место занимал Пергам и его округа (Шургай И. Г., 1963, с. 107 и сл.). Вазы покрывались лаком тусклого черного, коричневого, иногда красного цвета. Образцом керамики с рельефным декором служит амфора александрийской работы II в. до н. э. из Ольвии (Ростовцев М. И., 1912б, с. 136 сл.; Тревер К. В., 1918). Горло, плечики и ручки амфоры богато украшены рельефными изображениями, покрытыми полихромной росписью и позолотой (табл. СXLV, 5). К числу уникальных произведений малоазийского искусства принадлежит чаша из Ольвии, покрытая зеленоватой глазурью с высокими рельефными фигурами — комическими изображениями персонажей суда Париса — образец античной карикатуры (табл. СXLV, 8). Выдающимися образцами рельефных сосудов массового ремесленного производства являются ситуды, найденные в Ольвии и Херсонесе (табл. СXLV, 4 и 6). Громадное распространение имели в период эллинизма так называемые «мегарские чаши», получившие это наименование благодаря их первым массовым находкам в Мегарах (табл. СLXIII, СLXIV). Однако, как показали последующие находки этих чаш и форм для их изготовления, они производились во многих эллинистических центрах. Это рельефные чаши полусферической формы с орнаментацией в виде растительных гирлянд, следующих друг за другом фигурок людей и животных, а также различных орнаментальных мотивов — ов, меандра, лесбийского киматия, пальметок и розеток. Такие чаши покрывались жидким черным или красным лаком, именуемым иногда глазурью. Распространены были и фигурные сосуды, например, в виде фигурок животных (табл. СXLVI, 3, 4, 6, 9) (Шкорпил В. В., 1913, рис. 17; Фармаковский Б. В., 1903а, рис. 55; ОАК за 1902 г., рис. 14) или головы девочки африканского типа (табл. СXLVI, 1) (Фармаковский Б. В., 1916б, с. 320 и сл.) и сосуды полурельефные — полуфигурные, как, например, голова силенка с рельефной моделдровкой лица и скульптурным исполнением рук (табл. СXLVI, 5).

Краснолаковая посуда. Среди находок на всех античных памятниках первых веков нашей эры краснолаковая керамика занимает значительное место (табл. СXLVII; СXLVIII). Большая часть ее производилась в Северное Причерноморье преимущественно из городов Малой Азии, но часть производилась на месте. Определение центров производства краснолаковых сосудов наталкивается на ряд трудностей. Лучше изученная западная группа керамики, лаготивлявшаяся в Италии и в провинциях Римской империи в первые века нашей эры, представлена только в Ольвии и Херсонесе. На Боспоре встречены чашечки италийского производства лишь одного типа (табл. СXLVII, 7) (Шелов Д. Б., 1961а, с. 67, табл. XXVIII, 3; Покровка Э. Ф., Ковпаненко Г. Т., 1961, с. 140, рис. 6, 2; Сымонович Э. А., 1969,

с. 76, рис. 36, 4; Корпусова В. Н., 1971, с. 88, рис. 35, 7). В Северное Причерноморье в основном поступала керамика из восточногреческих производственных центров. Из них известен только один памятник с остатками керамического производства, расположенный в 30 км от Пергама, в местечке Чандарли (Löschke S., 1912, с. 344, сл.). Остальные центры устанавливаются только по косвенным данным и предположительно, главными из них считают Пергам и Самос (Книпович Т. И., 1952, с. 290 сл.). Предположительно выделяется и местная краснолаковая керамика, сделанная в Северном Причерноморье. До сих пор не обнаружено каххлибидо следов ее производства и критерии ее выделения условны. Местные сосуды делались в подражание привозным. Предполагается, что они производились на Боспоре (Книпович Т. И., 1952, с. 321 и сл.; Силангьева Л. Ф., 1958б). Своеобразная краснолаковая керамика выделена на Западно-Цукурском поселении на Тамани, что позволяет предполагать ее производство и на небольших поселениях (Шелов Д. Б., 1953, с. 162, 164; 1955, с. 36). Наиболее ранние образцы краснолаковой керамики в Северном Причерноморье датируются I в. до н. э. Это чаши четкой профилировки с отвесным бортиком, украшенным растительными или геометрическим орнаментом, нанесенным белой краской (табл. СXLVII, 1—5). В I в. н. э. встречаются чаши без орнамента или украшенные только углубленными бороздками, появляются чаши с ручками лной формы (табл. СXLVII, 10, 11). Во II—III вв. н. э. утрачивается четкость профиля чаш, исчезают или значительно видоизменяются ручки (табл. СXLVII, 16). На рубеже нашей эры часто встречаются призматические сосудики в виде двуручных каффаров с отвесными стенками, а также сосуды с округлым туловом. Над кольцевыми ручками горизонтальные пластины с отсиснутыми изображениями булавы, пальцы или тирса. На стенках сосудов орнамент, нанесенный жидкой глиной в технике «барботини». В это же время появляются сосудики, ручки у которых имеют поперечные налеты, оформленные по бокам в виде кружков (табл. СXLVIII, 1—4). Во II—III вв. н. э. продолжают изготавливаться двуручные каффары, но более вытянутой формы и с орнаментом только в виде углубленных борозд (табл. СXLVIII, 12). Все эти двуручные сосуды повторяют форму более ранней эллинистической керамики Пергама и относятся к пергамскому кругу производства.

В I в. н. э. появляются небольшие чашечки, орнаментированные мелкой насечкой и спиралевидной формы палепами (табл. СXLVII, 7). Похожей формы чашечки, но уже без орнамента изготавливаются во II—III вв. н. э. (табл. СXLVII, 11). К сосудам закрытой формы относятся узкотерные кувшинчики начала I в. н. э., украшенные рельефным орнаментом (Книпович Т. И., 1955б, с. 373, рис. 17) или орнаментом, нанесенным белой краской (табл. СXLVII, 6). Со второй половины I в. н. э. появляются новые формы кувшинов и ойнохой (табл. СXLVII, 12), а также двуручных и одноручных сосудов с округлым туловом (табл. СXLVII, 19).

В I в. н. э. распространяются плоскодонные тарелки (табл. СXLVII, 8) и со слабо выраженным кольцевым поддоном (табл. СXLVII, 5). Очень ча-

сты тарелки с вертикальным бортиком на кольцевом поддоне. На тарелках второй половины I в. н. э. часто встречаются клейма в виде отпечатков ступни или сандалии (табл. CXLVIII, 8). Во II—III вв. клейма имели вид листа или розетки, либо сосуды не клеймилась совсем (табл. CXLVIII, 11). В I—II вв. изготавливались тарелки на кольцевом поддоне с отогнутым (табл. CXLVIII, 13) или сложнопрофильрованным краем с двумя орнаментированными рельефами ручками (табл. CLVIII, 10). Для I—II в. н. э. характерны маленькие мисочки (табл. CXLVII, 9, 20). В I—III вв. часто встречаются миски округлой формы с загнутыми внутрь краями (табл. CXLVII, 15). Во II—III вв. распространяются сосуды, повторяющие не только форму, но и отдельные детали керамики из Чапдарлы (табл. CXLVII, 18; CXLVIII, 16). В это же время встречаются миски с вертикальным бортиком (табл. CXLVIII, 15), многие из которых сделаны в боспорских мастерских.

Краснолаковая керамика IV—V вв. н. э. характеризуется меньшим разнообразием форм. Большая ее часть импортная. Выделяется группа керамики из мастерских Северной Африки (Беляев С. А., 1968а, 1972). Одна из наиболее распространенных форм — невысокие тарелки с отогнутым наружу широким краем, на плоском дне и низким кольцевым поддоне. Край у них иногда украшен волнистым гребенчатым орнаментом (табл. CXLVIII, 19). Широкое распространение имеют и неглубокие широкие открытые миски со слегка выделанным краем, на плоском дне с низким кольцевым поддоном (табл. CXLVIII, 17). Встречаются миски с прямыми или слегка округленными стенками и расширенным утолщенным краем, верхняя часть которого орнаментирована насечками, пансенными зубчатым штампом. На внутренней стороне дна часто имеются штампованные клейма в виде крестов, пальметт, а иногда петухов, зайцев, лягушек, дельфинов и т. д. Местная гончарная посуда чаще всего использовалась в повседневном обиходе (табл. CXXXVIII). Местные гончары подражали формам импортных сосудов, в том числе, чернолаковым, а позднее — краснолаковым сосудам, покрывая свои изделия тусклой глазурью соответствующих цветов. В Ольвии такая керамика известна с IV в. до н. э. (Зайцева К. И., 1972; Кипович Т. Н., 1940б, с. 138 и сл.) (табл. CXXXVIII, 3, 13, 22). Среди ольвийской керамики много сероглиняной (табл. CXXXVIII, 2), с глазурью темного или черного цвета, приобретающей после обжига легкий блеск (Чубова А. П., 1974; Зайцева К. И., 1962; 1974, с. 30). В конце V — первой половине IV вв. до н. э. в Ольвии было развито производство кубков, по форме повторяющих хосские чернолаковые кубки, но более тяжелых и приземистых. В верхней части они закрашивались тусклой черной краской. Нижняя часть покрывалась светлым ангобом, подобно хосским кубкам с белой облицовкой (Зайцева К. И., 1972, с. 93 и сл., рис. 6, 1). Одновременно развивается производство красноглиняной керамики, которое достигает особенно широкого развития в IV—III вв. до н. э. (Кипович Т. Н., 1940б). Своеобразной группой местной керамики являются курьяницы и сероглиняные амфоры с крышками, украшенные полихромной росписью. Они изготовля-

лись для погребальных целей. Амфоры по форме близки панафийским. В IV — первой половине III в. до н. э. производятся чаши, покрытые темной краской, имитирующей сероглиняную лощеную керамику (Леви Е. И., 1956, рис. 20). На дне чаши орнамент в виде концентрических кругов насечек, подражающий штампованному орнаменту на импортных чернолаковых чашах и тарелках. В IV в. до н. э. изготавливается керамика с клеймами, содержащими имена гончаров: кубки без ручек, закрытые сосуды и ойнохои. Имеются сосуды с клеймами агораномов на ручках (Леви Е. И., 1956, с. 65, рис. 24, 22).

Специфичной для Северного Причерноморья являлась сероглиняная керамика с лощеной поверхностью, распространенная и у местных племен (табл. CXXXVIII, 7) (Кругликова И. Т., 1954, с. 82 и сл., табл. I, 7, 10, 11, рис. 1, 2). Она производится в течение всей античной эпохи. Среди боспорских сероглиняных лощеных сосудов выделяется группа кувшинов и чаш с зооморфными ручками (в виде кабанов, птиц и т. д.), имеющая аналогию в керамике Подонья, Кубани, Северного Кавказа и Средней Азии и связанная с распространением сарматских влияний (Скалон К. М., 1941, рис. 8—10, 15, 18, табл. III—VII, IX, XV; Кастаная Е. Г., 1951, рис. 2; Кругликова И. Т., 1954, табл. II, 21—23) (табл. CXXXVIII, 32, 33). Иногда такие сосуды покрыты красной краской и лощеным в подражание краснолаковым. С течением времени зооморфные ручки становятся все более схематичными.

Лепная посуда. Соотношение лепной и гончарной греческой посуды в обиходе населения эллинских центров Северного Причерноморья было различным в разные эпохи, как различны были, при некоторой их устойчивости, и типы лепной керамики и ее орнаментация. Лепные сосуды находили в ранних культурных слоях всех греческих городов и поселений (Кругликова И. Т., 1951; 1954; Кастаная Е. Г., 1952; 1958а; 1967; Арсенева Т. М., 1965; 1969; Марченко К. К., 1974а; 1974б; 1975) (табл. CXLIX, и CL). Они делятся по функциональному назначению на столовую (лощеную) и кухонную посуду — без лощения или со слабым лощением, часто покрывавшим лишь верхнюю часть сосуда. В общем, числом эта группа была невелика. В Танаисе в противоположность другим северопричерноморским городам, лепная керамика преобладала над гончарной, исполняя функции кухонной, столовой посуды и даже тары (Арсенева Т. М., 1965, с. 169; 1969, с. 173, 207). Лепная керамика играет гораздо большую роль в быту сельского населения, чем жителей городов (Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И., 1951, с. 175; Кастаная Е. Г., 1952, с. 249; Лалин В. В., 1966, с. 167; Кругликова И. Т., 1975а, с. 228). Это явление может объясняться несколькими иными этническим составом сельского населения, его меньшими экономическими возможностями и, наконец, просто меньшей обеспеченностью сельской местности привозными ремесленными керамическими изделиями.

Среди столовой посуды, второй половины VII—VI вв. до н. э. с серым и черным лощением (о. Березань и Ольвия и другие города) (табл. CXLIX, 7; CL, I, 2), встречаются сосуды, аналогичные находимым на таврских и скифских поселениях того

же и более раннего времени (*Кругликова И. Т.*, 1954, с. 82; *Кастанаян Е. Г.*, 1967, с. 32 сл.; *Марченко К. К.*, 1974а, с. 125 сл.). На Беразани, в Ольвии и ее округе, во второй половине VII—VI в. до н. э. употреблялись также сосуды (табл. СХLIX, 10, 11), находящиеся аналогии среди керамики протофракийских и фракийских племен Карпато-Дунайского бассейна (*Марченко К. К.*, 1974а). Аналогичное явление отмечается и для пелешей керамики VII—III вв. до н. э. (*Марченко К. К.*, 1974а, с. 119 сл.). Вторая группа лепной пелешей керамики второй половины VII—начала VI в. до н. э. (табл. СХLIX, 8, 9, 14, 23) имеет аналогии среди керамики равнинских поселений лесостепной зоны правобережья Днепра (*Марченко К. К.*, 1974а, с. 114 и сл.).

Среди лепной керамики других северо-понтийских городов известны горшки близкой формы (табл. СХLIX, 18, 19, 25, 30, 32, 46, 50; СL, 4, 5, 6, 12). Эти типы горшков, появляясь во второй половине VI в. до н. э., сохраняются вплоть до первых веков нашей эры. В начале V в. до н. э. подобная керамика бытовала у скифского населения степей Северо-Западного Причерноморья, у населения Нижнего Дона, Приазовья и Прикубанья (*Кастанаян Е. Г.*, 1952, с. 253 сл.; 1958, с. 393; *Кругликова И. Т.*, 1951, с. 89—99; *Марченко К. К.*, 1974а, с. 115, 165, 169).

В эллинистический период лепная керамика продолжает занимать скромное место среди общей массы глиняной посуды. В боспорских городах лепные сосуды эпохи эллинизма имеют орнамент в очень редких случаях (табл. СХLIX, 11; СL, 15—17). Единственное исключение составляет Тапанс (*Арсеньева Т. М.*, 1969, табл. III, VI, X). В Ольвии, наоборот, в период эллинизма лепные горшки по большей части орнаментированы.

В период позднего эллинизма и в первых веках нашей эры роль лепных сосудов в быту северо-понтийских городов возрастает (*Марченко К. К.*, 1974а, с. 61, 64, 74 и сл.). Среди лепной керамики появляются подражания греческим формам (табл. СХLIX, 22) (*Кругликова И. Т.*, 1951, с. 96, рис. 1, 4; 1954, с. 86, табл. I, 13, 22; *Кастанаян Е. Г.*, 1952, рис. 6, 1—4; 7). В первые века нашей эры на Боспоре получают широкое распространение разнообразная и обильная орнаментация верхней части сосуда, венчика, ручек. Применяют разные штампы — треугольные, угловые, кольчатые, насечки, ямочный орнамент, сетчатый рельеф и лощеный и прочерченный широкими полосами. Можно заметить возрождение архаических мотивов: резной геометрический орнамент (табл. СL, 25, 36, 39; СL1, 27, 28), но теперь на пелешенных сосудах. К новым типам боспорской керамики первых веков нашей эры относится тип глубокой чаши с широкими плоскими, отогнутыми наружу почти под прямым углом краями, по которым передко наносилась различная орнаментация, а также сосуды с зооморфными ручками. Однако в лепной технике зооморфные ручки сосудов почти всегда были сплюснаты и схематизированы (табл. СL1, 35) (*Скалон К. М.*, 1941, табл. VII, 1; *Кругликова И. Т.*, 1954, табл. II, 4; III, 21, 22; *Кастанаян Е. Г.*, 1951, рис. 3, 10; 1955, рис. 21—24; 1958, табл. V, 12, 13, рис. 3). В первые века нашей эры на Боспоре распространяются горшки и чашки с

ручками-упорами в виде горизонтальных выступов или горизонтальных и дугообразных палецов, украшенные передко ямочным орнаментом или насечками. На выступах делались иногда сквозные дырочки очевидно, для подвешивания сосуда, на крае сосудов с такими выступами и палецами можно встретить вертикальные выступы в виде полуовальных бугорков, иногда раздвоенных, или в виде конуса (табл. СХLIX, 26, 32). Среди ручек-упоров на танайских сосудах можно встретить и узкие палецы, расположенные вертикально, что не характерно для городов Боспора (*Арсеньева Т. М.*, 1969, табл. III, 3; V, 11; VII, 3, 8, 15; IX, 6, 12, 13; XI, 1), но встречается на Нижнем Дону и в IV—III вв. до н. э. на Елисаветовском городище (*Книпович Т. Н.*, 1935б, рис. 53, 1, 2, 4). Сосуды с ручками-упорами имеют аналогии среди керамики первых веков нашей эры у крымских скифов, меотских и сарматских племен (*Анфимов Н. В.*, 1950, рис. 26, 4; 1951, рис. 5, 11; 8, 12; *Дашевская О. Д.*, 1958, рис. 1, 9, 10; 5, 13). В первые века нашей эры на Боспоре появляются лепные кубники с реберчатыми, желобчатыми и прямоугольными в сечении ручками и палецами по бокам ручек и на горле (*Кругликова И. Т.*, 1951, 1954; *Кастанаян Е. Г.*, 1952). К новым формам относятся также амфоры (табл. СХLIX, 40; СL, 35) и чашки, подражающие по форме краснолаковым сосудам. Стремление декорировать лепную керамику свидетельствует о все более растущем ее значении в быту городского населения, об использовании лепных сосудов не только в качестве кухонной, но и столовой посуды.

В Танаисе в первые века нашей эры в отличие от других боспорских городов преобладают чаши на ножке. Такие чаши распространены на скифских в меото-сарматских городищах Нижнего Дона, Кубани, Нижнего Побужья и Приднепровья. Встречаются они и в Ольвии (*Арсеньева Т. М.*, 1965, с. 171, табл. 1; *Марченко К. К.*, 1975, рис. 2, 30—32). Для Танаиса IV в. характерны остророберные миски, в том числе лощеные, имеющие аналогии среди лепной и гончарной керамики, среднеднепровских и нижнеднепровских городищ (*Арсеньева Т. М.*, 1965, с. 180 и сл. 191).

Стеклоянная посуда. В бытовую утварь античных государств Северного Причерноморья входила разнообразная посуда из стекла (табл. LXX, LXXI), которая поставлялась средиземноморскими торговцами с конца VI в. до н. э. С этого времени она постоянно сопутствовала жизни населения не только прибрежных государств, но и их туземного окружения. Сосуды из стекла подразделяются на две основные группы, отличающиеся техникой производства. Одна группа — греческого (табл. LXX, 1—11), вторая — римского периодов (LXX—LXXI, 12—180). В VI—I вв. до н. э. стеклоделы работали в песочно-сердечниковой технике, а также в технике литья в форму с последующей обточкой изделий и резьбой по их поверхности. Первая была господствующей, вторая — применялась реже. Во второй половине I в. до н. э. было изобретено выдувание сосудов. Новая техника значительно упростила и ускорила процесс изготовления стеклянных сосудов. В римскую эпоху, начиная с I в. н. э., из второстепенного ремесла стеклоделание превратилось в одно из веду-

щих и наводило своей продукцией рынки античных государств и соседних с ними территорий. Выдувная техника не только повысила производительную мощность, она расширила сферу применения стекла, выведя стеклоделов с I в. п. э. из рамок только обслуживавших парфюмерию до внедрения стекла в самые разнообразные области жизни. В прямой зависимости от степени развитости стеклоделия находится и количество стеклянных изделий, находящихся в Северном Причерноморье. В VI—I вв. до п. э. их намного меньше, чем в I—V вв. н. э.

В VI—I вв. до н. э. население употребляло стеклянные сосуды для благовоний. Сосуды отличались небольшим размером соответственно дороговизне африканских масел, покупавшихся малыми дозами. Дорогие сорта масел служили туалетным, а более дешевые — палестринским целям. Для последних изготовлялись алабастры, сохранявшие в продолжение веков с небольшими отклонениями традиционную форму (табл. LXX, 3, 6, 58). В малоразнообразный набор стеклянных сосудов греческого периода, кроме того, входят амфорски, арбаллы, ойнохои (табл. LXX, 1—4, 6), редко гидрски. Они делались в подражание сосудам из металла и глины. Однако их отличала полухромия, создающаяся за счет контраста синего, коричневого, молочно-белого фона тулова сосудов, и голубых, желтых нитей стекла, образующих на них волнообразные орнаменты. Все эти сосуды изготовлены в песочно-сердечниковой технике. Основная масса полухромных сосудов из Причерноморья относится к концу VI—IV вв. до н. э. (табл. LXX, 1—4). Сосудов эпохи эллинизма мало (табл. LXX, 6), так же как и первой половины I в. н. э. (табл. LXX, 57, 58). Особенно они ценились обитателями Европейского и Азиатского Боспора, Ольвии; у херсонесцев стеклянные сосуды были непопулярны (Сорокина Н. И., 1971а, с. 76 и сл.).

Из стекла делалась и столовая посуда, но не столь широко как туалетная. Это были питьевые сосуды: сначала в виде чаш-эпиком, позднее еще скифосов и капфаров, отлитых из прозрачного стекла с легкими оттенками (табл. LXX, 5, 7—10). Литые стеклянные сосуды особенно ценились знатью меотов (табл. LXX, 5), меото-сарматов Прикубанья (табл. LXX, 7—10) (Галанина Л. К., 1970, с. 35 и сл.; Смирнов К. Ф., 1953, с. 17 и сл.). Для придания сосудам большей ценности их украшали золотыми обкладками. К парадной питьевой посуде литой техники относятся эпикомы II в. до п. э. из Моздока, украшенная тончайшим растительным орнаментом из золотой фольги, зажатой между двумя слоями прозрачного стекла. В греческих городах литые сосуды позднего эллинизма почти не встречаются. Редким экземпляром не только для Причерноморья, но и всего стеклоделия этого периода является амфора конца II — начала I в. до н. э. из Ольвии (табл. LXX, 11) (Platz-Horster Q., 1976, S. 16). Не поступали в северо-понтийские города и эллинистические сосуды мозаичных техник. Видимо, это было связано с ограниченным масштабом торговли с районами производства таких сосудов во II—I вв. до н. э.

С начала I в. н. э. на рынки Северного Причерноморья хлынул поток выдувного стекла и сосудов,

изготовленных в различного вида мозаичных техниках поздних варрантов. Первоначально к стеклянным сосудам относились как к предметам роскоши, но скоро были оценены незаменимые свойства стекла как материала, остающегося нейтральным к любым качествам содержимого и с тех пор в повседневной жизни не обходилось без сосудов из стекла. Столы для семейных и торжественных трапез сервировались кувшинами, ойнохоями (табл. LXX—LXXI, 12, 16, 19, 62, 75, 83, 93, 97—99, 101, 104, 107—109, 112—116, 125 и т. д.), амфорами (табл. LXX—LXXI, 12, 14, 18, 36—38), бутылками (табл. LXX—LXXI, 77, 79, 106 и т. д.). В этих же сосудах могли хранить жидкие припасы и в кладовых. Как столовая посуда употреблялись многочисленные стаканы, чаши, чашечки, канфары, кубки, ритоны, тарелки, миски, блюда разных размеров (табл. LXX—LXXI, 17а, 20—29, 39—44, 48, 92, 118—122, 126, 144, 147, 149—152, 156—158, 176, 179; LXX, 132; табл. LXX—LXXI, 105, 130, 155; 173, 174), вазы (табл. LXX, 49) могли наполнять фруктами, а также использовать для других надобностей. Вино и другие напитки черпались труллами (табл. LXX, 72); кружками-моделями (табл. LXX, 15, 47) отмерялись порции жидкостей. Столы, уставленные посудой из цветного, пестрого и расписного стекла (табл. LXX—LXXI, 12—19, 32, 33, 38, 35, 140) выглядели нарядно; кувшины, ойнохои и бутылки из прозрачного стекла (табл. LXX—LXXI, 36, 37, 62—64, 77—83 и т. д.) оказывались подвешенными красным или золотистым вином. Они не только украшали стол, но и позволяли во время попойки выпить. Стекло в первых веках нашей эры продолжало использоваться для туалетных надобностей, но туалетные сосуды стали много разнообразней. Парфюмерные флакончики украшались рельефными орнаментами (табл. LXX—LXXI, 45, 70, 71, 89), делались фигурными (табл. LXX—LXXI, 88, 103), просто из разноцветного стекла (табл. LXX—LXXI, 55—57, 58, 61). Появились туалетные сосуды новой формы — унгвентарии, которые изготовлялись тысячами (табл. LXX—LXXI, 50—54, 74, 76, 94, 95), и фолы (табл. LXXI, 180). В первых хранились, а во вторых транспортировались ароматические жидкости. Белила, краски, румяна и прочая косметика хранилась в пиксидах из цветного (табл. LXX, 59) и прозрачного стекла. В арбаллы (табл. LXX, 96) наливали благовонные притирания, которыми умащивали тело после бани и водных процедур. Сосудики носили на шнурке. Большую роль играла стеклянная посуда в медицине. Она была незаменимой для приготовления и хранения особых настоек из целебных трав, которыми славилась степи Причерноморья. Древние врачи особенно ценили стеклянные сосуды за их стойкость к ядам. Для лекарственных жидкостей могли использоваться бутылки, кувшины (табл. LXX—LXXI, 77—79, 81), для масел — банки (табл. LXXI, 84, 85, 153, 168), мисочки. Для лечения ушей, глаз прибегали к капельникам-гуттурнумам (табл. LXXI, 111), этим же сосудами можно было заполнить светильники маслом. Нельзя не отметить, что некоторые формы сосудов, сложившиеся в античности (табл. LXX—LXXI, 67—69, 84, 85), вошли в набор аптечной посуды XVII—XIX вв. и даже современности. Последние теперь носят название колы

(табл. LXX—LXXI, 139, 145). Стеклые сосуды типа стаканов (табл. LXXI, 149—151, 164, 165) и рюмок (табл. LXXI, 143) могли играть роль светильников, подобно свободно стоящим лампадам, а если они имели вид остроногих кубков (табл. LXX—LXXI, 119, 163, 176, 179), то вставлялись по несколько штук в особые приспособления — металлические хоросы.

Стаканами с надписями «одежды победу» награждались победители в различных состязаниях; стаканы же с задравными пожеланиями подносились друзьям в качестве памятных подарков (табл. LXX—LXXI, 31, 30, 42). Наконец, сосудами из стекла пользовались жрецы при совершении религиозных обрядов, связанных с возлияниями. Для этого служили лебашше одноручные чашечки — кашис (табл. LXX—LXXI, 90, 91) и чаши. Стеклые сосуды, бывшие в обиходе у населения северного побережья Понта, претерпевали изменения в формах, способах украшения, уровне технического исполнения, подчиняясь развитию античного стеклодела. Стеклые сосуды из Причерноморья образуют две хронологические группы. Первая из них, относящаяся к периоду I — середины III в., формировалась в период расцвета экономики и культуры северо-понтских государств; другая — второй половины III — первой половины V в. создавалась после кризиса середины III в., в эпоху значительных изменений внутри общества. Сосуды из стекла I—II вв. отличаются большим разнообразием типов, которых насчитывается свыше полутора десятков, и каждый из них имел варианты. Это особенно характерно для многочисленной столовой посуды, к которой относятся кубшки с различными очертаниями тулова (табл. LXX—LXXI, 12, 19, 62, 63, 69, 78, 80—83), амфоры (табл. LXX—LXXI, 13, 14, 18, 63, 64), ойнохон (табл. LXX, 16, 75), бутылки (табл. LXX, 77, 79), а также стаканы (табл. LXX—LXXI, 20—30, 41—43), модели (табл. LXX—LXXI, 15, 47), канфары (табл. LXX, 46), ритоны (табл. LXX, 15, 47), чаши (табл. LXX—LXXI, 17а, 31, 32, 35, 40, 65), миски (табл. LXX, 73), вазы (табл. LXX, 49) и т. д. Меньшими отклонениями от основных типов отличались парфюмерная посуда: унгвентарии, флаконы (табл. LXX—LXXI, 50—56, 60, 70, 71, 74, 76, 88, 89, 94, 95), арбалды (табл. LXXI, 96), гутурпумы (табл. LXXI, 111), пиксиды (табл. LXX, 59). Стекло сосудов I—II вв. бывает хорошо проварено, изделия тонкостенны даже при больших размерах. Сосуды делались из обесцвеченного или специально окрашенного стекла свободным выдуванием либо с применением одночастных или многочастных форм (табл. LXX—LXXI, 16, 18—20, 30, 31, 41—43, 45—66, 71, 84—89, 103, 124). В I в. с развитием выдувной техники дожидали устаревшие способы изготовления сосудов песочно-серветничковой, мозаичных, лепточных техник (табл. LXX—LXXI, 17а, 17, 34, 55—61) и литья (табл. LXX, 40). Мастера I—II вв. для ornamentации сосудов исчерпали почти все возможные приемы холодной (гравировка, шпифовка, роспись) и горячей техник (вдавливания, обмотка нитями). Последующие поколения стеклоделов пользовались их наследием, возвращаясь к тому или другому виду украшения, развивая их в стиле своей эпохи.

Стеклые сосуды второй половины III — первой половины V в. н. э. характеризуется обеднением типов, исчезновением большого количества их вариантов, усилением стандартности форм кубшинов, бутылей и особенно стаканов. В I—II вв. их до десятка вариантов (табл. LXX—LXXI, 41, 42, 48), с III в. всего четыре — пять (табл. LXXI—LXXI, 118, 144, 149, 151, 159). Форма бутылей трансформируется в колбообразную (табл. LXX—LXXI, 113, 145, 167), ведущую для IV—V вв. У ряда сосудов истоки форм уходят в I—II вв., но в целом они получают интерпретацию в духе моды III—IV вв. К ним относятся ритоны (табл. LXX—LXXI, 44, 160, 179), отдельные стаканы IV в. (табл. LXX—LXXI, 27, 156; 30, 40, 129; 41, 144), кубшки III—IV вв. (табл. LXX—LXXI, 81, 115, 116), бутылки (табл. LXX—LXXI, 77, 79, 145, 167), чаши с ушками для подвешивания (табл. LXXI, 161). Сосуды в виде моделей, трул, ваз и др. исчезли, но появились новые — банки (табл. LXX—LXXI, 153, 159, 168, 178), кубки (табл. LXX—LXXI, 119, 120, 147, 158, 172, 176), рюмки (табл. LXXI, 143), фиолы (табл. LXXI, 180). В III — первой половине V в. сосуды изготовлялись традиционно, посредством свободного выдувания и в форму (табл. LXXI, 124, 126, 127, 162, 164—166). Для украшения выдутых сосудов с III в. вводится прием прямого и косого рифления (табл. LXX—LXXI, 148, 167—170), с IV в. — орнаментами из капель синего стекла (табл. LXX—LXXI, 149—151, 163). В остальном, как и прежде, используют, правда, редко, краски (табл. LXX, 100) и широко, но в иной манере и более интенсивно, чем в I—II вв., стекляные пигменты (табл. LXX—LXXI, 133, 134, 136, 157—160, 171, 172, 175, 179), гравировку и шпифовку (табл. LXX—LXXI, 115—122, 124—127). Качество стекла сосудов ухудшается. Для стекла становятся характерными оливковый, грязно-зеленый оттенки, но отмечаются и голубоватые тона, как у сосудов I—II вв.

Стеклые сосуды I—V вв. н. э. в государствах Северного Причерноморья представляла по-разному. Особенно выделяется обилие стекла Боспор. Боспорская знать обставляла свой быт, подражая роскоши верхушки общества Римской империи. На Боспор стеклалась, дорогая тогда, посуда из мозаичных стекол, сосуды с росписью цветного стекла, лучшие изделия сирийских мастеров, в том числе Эянина. Показательно, что в наиболее богатых могилках первой половины I в. некрополя Пантикапея инвентарь состоял только из стекляных сосудов высокого качества и золотых вещей. Со второй половины I в. стекло все шире входило в домашний обиход различных слоев боспорцев. На втором месте по распространенности стекла в I в. стоит Ольвия. Со II в., когда Ольвия превращается в наиболее слабый экономически город Причерноморья, потребление стекла уменьшается. Лучшие экземпляры сосудов из стекла II—III вв. концентрировались в цагдае, где располагались административные постройки гарнизона римских войск. В Херсонесе стекло в полной мере входит в быт со второй половины I в. Им широко пользовались расквартированные в городе солдаты римской армии и херсонеситы. Общим явлением для всех городов Причерноморья является временное сокращение употребления стекла в III в.

Потребность в стеклянной посуде удовлетворялась в основном за счет торговли. В греческую эпоху стекольные мастерские, которые могли импортировать сосуды, находились в различных центрах Эгейды, на малоазийском, сирийском побережьях, в Египте. С образованием Римского государства стекольное, перешедшее на выдувную технику, распространилось по европейской территории, и к концу античной эпохи стекольные мастерские появились во всех западных провинциях государства. Таким образом, стеклянные сосуды конца VI—I в. до н. э., найденные в Северном Причерноморье, имели восточносредиземноморское происхождение (табл. LXX, 1—11).

В I—V вв. н. э. стеклянные сосуды стали поступать с более обширной территории. Доминировали по-прежнему изделия восточносредиземноморских мастерских, среди которых на первом месте были сирийские. Они выпускали разнообразную посуду (табл. LXX—LXXI, 117, 143, 149—158, 161, 174 и т. д.), но особенно славились украшенная рельефами (табл. LXX—LXXI, 30, 31, 39—43, 45, 70, 71, 88, 89, 102, 103, 128, 162, 164—166). Привозили стекло из Александрии и из Египта (табл. LXX—LXXI, 13, 17, 35, 51, 52, 74, 100), из Пергама (табл. LXX—LXXI, 68, 69, 77—82, 87, 97, 98) и с острова Кипра (табл. LXX—LXXI, 57, 21, 22), а также из других пока не установленных центров. В I в. стала поступать стеклянная посуда италийского производства и из северных районов побережья Адрیاتики (табл. LXX—LXXI, 12, 14, 15, 33, 38, 44, 50, 54, 56, 60—62, 65, 101) и, надо думать, не только торговыми путями, но и с войсками римской армии. В первые века появились связи с западноримскими провинциями, откуда шли разнообразные предметы быта и в том числе стеклянные изделия производства рейнского района (табл. LXX—LXXI, 66, 67, 84, 85, 124, 126, 127), Галлии и других западных областей. Стекло Северного Причерноморья I в. — первой половины V в. н. э. представляет среди стеклянной посуды античного мира самую север-восточную группу. Она включает многие сосуды из стекольных центров восточных и западных областей римской империи, но по набору сосудов полностью не совпадает ни с одним из них, так как сюда поступала продукция далеко не из всех центров Римского государства и стеклянная посуда из них доходила выборочно, кроме того, здесь работали местные стекольные мастерские, отличающиеся известным своеобразием.

Одежда и украшения. С раннего периода у жителей античных государств Северного Причерноморья одежда была общегреческой: нижнее платье — хитон, верхнее — для улицы — гиматий — или плащ, искусно драпированный. У мужчин он закреплялся на левом плече, перебрасываясь через левое плечо на спину, проходил далее под правой рукой и олять забрасывался на левое плечо, свисая на спину (табл. CLII, 1, 2, 5). Гиматий удерживался на протяжении всей жизни античных городов. Более суровые климатические условия привели к частому употреблению хитона с длинными рукавами (табл. CLII, 9), надеваемого под гиматий, что видно на изображении надгробия III в. до н. э. (АГСП, с. 314), видимо, со II—I в. до н. э. мужчины стали носить плотно облегающие шерстяные штаны, заправленные в мяг-

кие полусапожки (табл. CLII, 6, 7, 8, 10), что явилось результатом заимствования костюма окружающих варваро-скифов и сарматов. От повседневного и торжественного костюма отличался костюм военный, походный. На пантикапейской стеле IV в. до н. э. изображен воин в коротком красном хитоне. Воины первых веков нашей эры одеты в короткий хитон, тесно облегающие штаны и короткий плащ. Галаты, сарматы, влившись в боспорское войско, сохранили свою национальную одежду — башлык, широкую подпоясанную рубаху, более широкие штаны (табл. CLII, 4). Жители античных государств, заимствуя одежду у сарматов, придали ей и отличительные черты — более узкие штаны и более узкий кафтан (табл. CLII, 6, 7). Но как бы не изображали они себя в военных и походных сарматизированных костюмах, всегда в сцене захоронения пира умерших изображался в типично греческой одежде — задранированных гиматий.

Наиболее распространенной женской одеждой была греческая. В наиболее ранний период — конец VI — начало V в. до н. э. был обычай понижский хитон с напуском, несколько обуженный к низу (*Кобылина М. М.*, 1961, рис. 24). С середины V в. до н. э. — это обычный длинный хитон до полу, ниспадающий плавными складками (табл. CLIII, 1—3, 5, 8). Он мог быть безрукавным, особенно у девушек (табл. CLIII, 4, 6, 10), мог иметь рукава — короткие или длинные (табл. CLIII, 11). Хитоны, судя по росписям пантикапейских склепов, были различных цветов: желтые, красные, розовые, голубые. Двойные хитоны (табл. CLIII, 10) могли быть двухцветными: нижний — белый, верхний — зеленый. Нижний хитон мог иметь даже кайму или оборку (табл. CLIII, 11). На скифских полуфигурах женщины одеты в мелкоплиссированные хитоны (табл. CLIII, 9). Гиматий, надеваемый на хитон при выходе на улицу, более плотный по фактуре ткани, драпировался различным образом: набрасывался на голову (табл. CLIII, 7), покрывая всю фигуру, или спускался с одного плеча (табл. CLIII, 5) и т. д. Цвет гиматиев был также различным, иногда гиматий имел вышитую кайму (табл. CLIII, 8). Были также короткие гиматии, покрывавшие только голову и плечи (табл. CLIII, 9) (*Иванова А. П.*, 1961, рис. 37).

Одежда детей нам известна значительно хуже. На надгробии Афы IV в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1964, рис. 24) младенец на руках матери изображен в рубашке с длинными рукавами и в плотно прилегающей круглой шапочке на голове. Одежда его имеет, возможно, местный характер. Одежда детей более старшего возраста, судя по схематическим изображениям надгробных рельефов, мало отличалась от одежды взрослых. Узаны употреблялись как импортные, так и вытканые на месте и отличались большим разнообразием. На Деметре в склепе Большой Близницы изображено полосатое покрывало (АДЖ, т. VII, 2). В Папловском кургане в женском погребении в саркофаге были найдены остатки одежды с вытканым орнаментом и фигурными складками (ОАК 1879—81, табл. III, 1—3). Более суровая, чем в Греции зима, вынуждала носить, видимо меху: так на стене склена в Артюховском кургане висела меховая накидка (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 273).

Обувь — чаще всего сандалии, состоящие из подошвы, иногда деревянной (Соколовский Н. И., 1971, табл. XXXIV, 6; Соколов Г. И., 1973, № 132, 176) и разноцветных кожаных ремешков, носили и мужчины и женщины. Кроме того, носили мягкие кожаные сапожки (табл. CLII, 5—8), судя по изображениям на надгробьях и скульптурам (Соколов Г. И., 1973, № 133, 173), а также находкам их остатков (Ростовцев М. И., 1925, с. 194).

Головные уборы, носимые только в непогоду для жару, были разнообразны. Юноши надевали маленькие шапочки (табл. CLII, 17) или шапки с отворотом и конусообразным верхом (табл. CLII, 13). Часто, особенно ремесленники, носили головной убор конусовидной формы (табл. CLII, 13) или башлык (табл. CLII, 4, 14), а зимой носили, видимо, и меховые шапки, судя по остаткам таковой в IV Семибратнем кургане (Ростовцев М. И., 1925, с. 273). Женщины, как эллиски, так и негреческого происхождения, чаще всего набрасывали на голову гиматий (табл. CLIII, 7, 8, 9), иногда под покрывало надевалась золотая повязка — стелгида или амшк. Она прикреплялась шнурами. Со стелгиды свешивались иногда на лоб петлички-подвески, а к концам стелгиды прикреплялись височные подвески (ОАК 1882—1888, атлас 1, 14). При больших торжествах в честь элевзинских божеств надевали на голову высокий убор — калаф, украшенный золотыми тисненными полсками. Иногда носили шляпы с полями и конусовидным верхом (табл. CLII, 14), а также головной убор в виде башлыка (табл. CLIII, 15).

Серьги. В VI в. до н. э. носили часто серьги в виде круглых дисков. Таковы серьги VI в. до п. э. из Ольвии в форме круглых щитков с рельефными львиными мордами в центре и барьяными головками на концах крючков (табл. CLXII, 5). В дальнейшем форма серег усложняется — к круглому диску добавляются подвески в виде опрокинутой пирамидки, кисти. Наряду с серьгами круглой формы носили, особенно в V—III вв. до н. э., серьги в виде калачика с высокой проволочной дужкой (табл. CLXII, 9, 10). Соединение двух форм серег — круглого диска и калачика или лунницы видим в золотых серьгах IV в. до н. э. (табл. CLXII, 8). В некоторых серьгах IV в. до п. э. главным становится не круглая розетка, а подвеска, изображающая, например, крылатого льва-сфинкса — Трехбратные курганы. (Кирилин Д. С., 1968, с. 148, рис. 5). С V в. до н. э. по III в. п. э. получают распространение серьги в виде жгута, сплетенного из нескольких тонких проволочек, заканчивающихся головкой льва, рыси, грифона и т. д. (Пягышева Н. В., 1956, с. 19, табл. VIII, 3). Височные подвески V—IV вв. до п. э., восходящие к повзвойскому типу, состоят из согнутого стержня с орнаментовальными концами и пирамидками (Прушевская Е. О., 1955, с. 337, рис. 4). Ведущей формой украшений рядового населения IV—III вв. до н. э. и позднее были серьги в виде проволочного кольца с подвесками. Для нерых веков пашей эры характерно применение в серьгах различных цветных камней, что связано с распространением вкусов варварской племенной знати — развитием так называемого «полухромного» стиля.

Напильные золотые бляшки применялись главным образом в ритуальной или в варварской одежде и на

погребальных полах. В варварской среде были распространены различные украшения со вставками из камней или стекла. Мужчины негрии чаще носили браслеты, ожерелья, гривны (табл. CLXVII). Однако население греческих городов становилось настолько смешанным, что по костюму, особенно представителей высших слоев, стало невозможным определить греческое или варварское происхождение человека. Такова статуя Неокла — правителя Горгиплии — он в греческом костюме, гиматий, но с массивной гривной на шее (Кобылина М. М., 1951, с. 175, рис. 2).

Бусы и подвески. Бусы и подвески были наиболее распространенными украшениями. Они встречаются и в богатых и в бедных погребениях, и в чисто греческих и в греко-варварских, поэтому типология, классификация и датировка их очень важны для определения времени археологических комплексов (Алексеева Е. М., 1970; 1975а). Бусы различаются по материалу, размерам, форме, орнаментации. Особенно часто встречаются бусы и подвески из египетского фаянса, а также из стекла и различных камней. Бусы, амулеты и мелкие украшения из египетского фаянса (табл. CLVII) в Северном Причерноморье распределяются по трем хронологическим группам: ранней — VI—V вв. до н. э., поздней — I—III вв. н. э. и «промежуточной». Последняя малочисленна и четко не выделяется. В VI—V вв. до н. э. распространены мелкие гладкие округлые бусы неправильных очертаний, очень маленькие коротко-цилиндрические бисеринки, бочковидные и веретеновидные бусы, простые скарабей со сложными знаками на обратной стороне, встречаются округло-ребристые аккуратные небольшие бусы, лежащие на плакетках льва, подвески — шишки, найденная проныза в виде головы барана с согнутыми рогами, скарабей с изображением человеческого лица, фигурки сидящего на коротках Беса. Для бус и проныз этого периода характерны сложные знаки, хрупкая основа, узкие каналы отверстия, белый и буро-красный цвета, реже бирюзовый. Встречались бусы и из плотной шероховатой массы без стекловидного покрытия. Большая часть проныз и бус найдены в Ольвии и на Березани, только отдельные экземпляры геометрических форм происходят из Анагорки и Пантятилея. Фаянсовые украшения, особенно фигурные, были привезены в Северное Причерноморье, из Накратиса, где они изготовлялись в VI в. до н. э. и продолжали употребляться здесь и в V в. до п. э.

Распавший и быстро прерванный завод фаянсов в Северное Причерноморье возобновился в IV в. до п. э. и вплоть до рубежа пашей эры был нерегулярным. Изделия, характерных только для эллинистической эпохи нет. Распространены скарабей средней сложности, аккуратные округло-бугристые и округло-ребристые бусы с глубокими ошанновыми долями, преимущественно бирюзовой окраски, но эти формы встречаются и в более позднее время. Встречаются коротко-цилиндрический мелкий бисер. Напильные украшения из египетского фаянса начинают со второй половины I в. до п. э. и становятся особенно интенсивными в I в. п. э. Начиная со II в. импорт их уменьшается, особенно в III в., а в IV в. встречаются только единичные предметы из египетского фаянса. Основная масса фигурных подвесок и проныз, а также бусы геометрических форм

распространены в I—II вв. н. э., в III в. господствуют бусы геометрических форм. Фаянсы римского времени отличаются более грубой выделкой. Округлые бусы становятся массивными и имеют широкие капалы отверстий, коротко-цилиндрический бисер увеличивается до 3—5 мм в диаметре, отверстия ребристых бус расширяются, а дольки постепенно заменяются кривыми насечками; шпешки бугристых бус утрачивают округлость. Вместе с тем для первых веков нашей эры характерно большое разнообразие форм фигурных подвесок и пронизей. Некоторые из них, например, скарабей и лежащий на плакетке лев, усложняются. Возникают новые геометрические формы бус: биконическая, четырехдвугранная. Помимо бронзовой окраски распространяются фиолетовый, синий, желтый и зеленый цвета. Появляются прекрасные изделия бирюзового цвета, украшенные желтыми точками. Знаки на обратной стороне предметов исчезли, кроме самого простого знака в виде змеи на скарабеех. Преобладают изображения египетских сюжетов, а также персонажей новых греко-восточных синкретических культов. Это фигурки Гарпократа, Сохмет, Ба, сфинкса, плакетки с лицами Сераписа, Гора, Беса, многочисленные скарабеи, крокодилы, лягушки, урен, изображенца сердца, амфорок, алтариков. Большая часть комплексов с фигурными изделиями из египетского фаянса происходит из детских погребений античных городов. Более массивными украшениями были бусы геометрических форм.

Стекланные бусы получили большое распространение в Северном Причерноморье (табл. CLVI). По технологии производства они подразделяются на две группы: бусы из одноцветного стекла и бусы с внутренней металлической прокладкой, где тонкий слой металла помещался между двумя слоями прозрачного, обычно бесцветного, реже светло-желтого стекла. Одноцветные стекланные бусы изготавливались во все времена античной эпохи, но наибольшим разнообразием они отличались в эпоху эллинизма и особенно в первые века нашей эры.

В VI—V вв. до н. э. в Северном Причерноморье встречались округлые бусы из глухого черного, белого, темномедового, желтого, синего и прозрачного бесцветного стекла. Они изготовлены навывко стекланным жгутом на металлическую основу или керамическую трубку. Употреблялись биконические бусы из прозрачного янтарно-желтого, голубого, темно-синего и бесцветного стекла, а также из глухого красного. Один колес этих бус всегда выше другого, одно отверстие очень маленькое, около большого всегда заметна бороздка в виде запятой. Существовали крупные прозрачные желтые и бесцветные бусы с широкими мягкими дольками, их ядра свиты из жгута.

В V в. до н. э. появляются усеченно-пирамидальные подвески из прозрачного синего и голубого стекла либо глухого голубого. Они имеют очень четкие очертания и минимальные отверстия. В IV—первой половине III в. до н. э. продолжали употребляться ранние типы бус, но появились и новые. Распространялись бусы яйцевидной формы с бороздкой-запятой около большого отверстия; они сделаны из прозрачного бесцветного, желтого и синего стекла, либо непрозрачного, желтого, зеленого, бирюзового

и голубого. Встречаются плоские подвески или пронизы иногда с двусторонним оттиснутым в форме изображения мужских (Баал Аммон? Зевс?) и женских лиц, а также обожавшихся фигурок сидящего мальчика (возможно, Гарпократ). Со второй половины III в. до н. э. по I в. до н. э. в Северном Причерноморье появляются много новых форм подвесок, всевозможных мелких бус и бисера. Очень популярен был в это время рубленый бисер различной окраски, нарезанный из тонких стекланных трубочек. Получают распространение круглые бусы преимущественно из прозрачного стекла: лилового, янтарно-желтого, сизо-зеленого, синего, диаметры их редко превышают 5—7 мм. Округло-ребристые бусы с мягкими неодинаковыми дольками — из непрозрачного желтого и прозрачного бесцветного стекла; подвески усеченно-грушевидной формы из прозрачного стекла; уплощенные треугольные подвески; подвески в виде стилизованных амфорок и клычков; уплощенные пронизы из прозрачного желтого, синего и бесцветного стекла; бусы бугристые.

В первые века нашей эры возникли новые способы изготовления стекланных бус, что обусловило и появление новых форм. Распространены массивные пронизы с ровными краями и острыми ребрами, а также всевозможный бисер. С рубежа нашей эры началось массовое использование типутых трубочек, из которых вырезали цилиндрические бусы, а также делали округлые и бочковидные бусы, обжимая их формовочными цилиндрами и получая либо перащенные цепи по несколько бусин, либо отдельные бусинки с закрапками вокруг отверстий. Расплачивая трубочки, получали плоские диски либо уплощенные прямоугольные пронизы. Они характерны для II—III вв. В это время вновь отмечено массовое распространение рубленого бисера. Для первых веков нашей эры характерны всевозможные графные формы и подвески в виде фигурок. В это время широко используют окрашенное стекло. Во II—III вв. распространялись более мелкие бусы с пестрыми очертаниями. В середине III—IV вв. вновь возродилась, свойственная VI—IV вв. до н. э. техника изготовления бус из жгута, однако поверхность этих поздних бус не заглажена и наслоения жгута и примыкающие друг к другу витки его хорошо различимы. В окраске бус позднеримского периода преобладают черный, желтый и грязно-синий цвета, встречаются бусы из бесцветного стекла. Изготовление бус с внутренней позолотой было достаточно сложным, оно могло существовать только в центрах с развитым стеклоделанием и требовало тонкого знания не только разнообразных приемов обработки стекла, но и ювелирного дела. Золочение бус началось в IV в. до н. э. в Египте, со временем эта техника получила широкое распространение. Однако вопрос о месте производства стекланных бус с внутренней позолотой в античную эпоху остается открытым, известна только выпускавшая их мастерская па о. Родос. В Северном Причерноморье бусы с внутренней позолотой появились в III в. до н. э. и продолжали встречаться в римское время. Бусы эллинистического времени вероятно, отливались в формах, края отверстий у них гладкие. У бус римского времени отверстия окружены закрапками, возникавшими при расплечении цепей готовых изделий; в это время

распространяются также бусы в переступенных столбиках.

Для эпохи эллинизма характерны изящные мелкие золотые украшения. В III—I вв. до н. э. были распространены округлые, бочковидные, цилиндрические бисерны, вытянутые бусы усеченно-конической формы, глобосидальные бусы, ребристые цилиндрические провизы с перетяжками по краям, мелкие, бугристые бусы в тонкие подвески в виде стилизованных амфорок. На рубеже н. э. бытовали утолщенные провизы, оттиснутые в формах с изображением на лицевой стороне фигур Гарпократа и Афродиты Анадиомены.

Бусы римского времени более разнообразны. Они массивнее и грубее эллинистических. В первые века нашей эры бытовали округлые и бочковидные бусы с закраинами вокруг отверстий, были распространены особенно характерные для II—III вв. бугристые бусы, встречаются всевозможные гладкие формы с валиками по краям, плоские и комбинированные из дисков провизы. К IV в. н. э. разнообразие золотых бус резко сокращается, появляются изделия с внутренним посеребрением.

Бусы из янтаря (табл. CLVIII) распределяются неравномерно по времени и памятникам. Ко второй половине VI—первой половине V в. до н. э. относится только одна долычатая бусина из Ольвии, между тем, на соседних территориях, например, у скифов Правобережья Днепра, янтарных бус много. В IV—II вв. до н. э. янтарные бусы еще единичны. Они представлены в основном крупными искривленными и поперечно сжатыми округлыми и подцилиндрическими провизиями. Основная масса янтарных украшений относится к I—II вв. н. э. В III—IV вв., количество янтаря несколько сокращается. Для I—II вв. наиболее характерны бусы неправильной формы, вероятно, сделанные из природной янтарной гальки. К этому же времени относится и большинство янтарных фигурных изделий. Только подвески в виде головы лошади и лапы животного найдены в погребении IV—III вв. до н. э., а провизы в виде астрагалы в могиле III—IV вв. н. э. Во II—III вв. распространяются коротко-цилиндрические бусы, усеченно-конические и коротко-цилиндрические провизы с выступающими торцами. Со второй половины III в. н. э. особенно в IV в. становятся популярными грибовидные подвески. Наибольшее количество янтарных украшений происходит из Херсонеса и его округи, много янтаря найдено в Ольвии и Пантикапее. Фигурные подвески происходят из Ольвии, Херсонеса, Тиритак, Пантикапея. Примечателен херсонесский комплекс, соединивший в себе семь уникальных подвесок пяти различных форм. Очень мало янтаря во всех памятниках Таманского полуострова и особенно в Танаисе, где более чем на 9000 разнообразных бус приходится лишь 20 янтарных.

Изделия из гагата — минерала органического происхождения, образуют обширную группу украшений, встречающихся с VI в. до н. э. по IV в. н. э. (табл. CLVIII). Узоры на гагатовых изделиях всегда вырезаны или процарапаны, они комбинируются из кружков, углублений, насечек. Изделия VI—V вв. до н. э. единичны: самые маленькие бочковидные бусы с краями отверстий, стесанными внутрь капа-

ла, мелкие коротко-цилиндрические бусы. Из гагата или другого похожего материала сделаны ромбовидные провизы с двумя параллельными каналами отверстий. В IV в. до н. э. гагатовые изделия по-прежнему малочисленны. Встречаются округлые и бочковидные бусы с орнаментом из процарапанных поперечных и продольных полос, бочковидные бусы, украшенные орнаментом из поперечных и сетчатого узора. К III—первой половине I в. до н. э. относится основная масса украшений из гагата с орнаментом из процарапанных поперечных и продольных полос, а также в виде крестов, зигзагов и сетчатого узора. Циркульный орнамент в это время только появляется и обычно сочетается с полосками, крестами и сетчатым узором. Большинство гагатовых изделий этого времени найдено в азиатской части Босфора и в Танаисе. Гагатовые изделия второй половины I в. до н. э.—IV в. н. э. наиболее многочисленны и разнообразны, особенно украшения I—II вв. В IV в. н. э. распространены популярнейшие во все времена коротко-цилиндрические нарезки и удлиненные цилиндрики, расчлененные поперечными бороздками. Многие типы бус, встречающиеся в эллинистическое время, не менее популярны и в римское время. Однако, в первые века нашей эры возникают и новые формы. Фигурных изделий мало, все они относятся к I—II вв. н. э. Циркульный орнамент в это время становится доминирующим. С III в. до н. э., украшения из гагата становятся массивными. Гагат является хрупким материалом и бусы не могли долго сохраняться у населения. Поэтому постоянное присутствие их в моглах на протяжении многих веков говорит о прочных и регулярных связях Северного Причерноморья с центрами, изготовлявшими эти изделия, которые располагались вблизи крупных мастеровидений гагата, скорее всего, на Северном Кавказе и, менее вероятно, в Закавказье. Не исключено, что гагатовые украшения производили также где-то в округе Херсонеса.

Металлические перстни и печати (табл. CLIX—CLXI; CLXVI). Обычай употреблять печать был принесен в Северное Причерноморье первыми переселенцами из Средиземноморья. Личная печать нужна была каждому гражданину, так как своим отпечатком она охраняла личную его собственность и ею скрепляли документы. Самые ранние печати, найденные в Северном Причерноморье, относятся к VII—VI вв. до н. э. и представляют собой восточного типа камешные геммы — цилиндры и скарабей (табл. CLIX, 7, 2) (ОАК, 1884, табл. V), украшенные углубленной резьбой, воспроизводящей в оттиске. Они имеют вращающуюся металлическую дужку. Посели их на заплечье, па шею, у полса. Одновременно в архаическую эпоху появляются и металлические перстни-печати с резьбой на штифте. Наиболее древний экземпляр такого перстня-печати, носимого на кольце, найден в Ольвии (табл. CLIX, 1). Это серебряный перстень с изображением готовящегося к прыжку льва. По углам ромбовидного штифта вделано по гвоздику из электра, что должно было, по воззрениям древних повисить его магические свойства (Максимова М. П., 1955, с. 439, рис. 1). В скифских курганах нередко находки 10 перстней на руках одного погребенного, в погребении грека обычно бывает только один перстень. В конце IV в.

до н. э. геммы на вращающейся дужке исчезают, появляются металлические перстни с каменной вставкой-печаткой на щитке, сосуществующие с традиционными цельнометаллическими перстнями. Геммы и перстни в Северном Причерноморье импортировались из Передней и Малой Азии, Ирана, Ионийских о-вов, материковой Греции (VII—IV вв. до н. э.), а в эллинистическую эпоху также из Этрурии (IV—III вв. до н. э.), Северной Африки (III—I вв. до н. э.), в римскую эпоху из Италии и балканских провинций. Особенно большое количество перстней V—IV вв. до н. э. найдено в богатых погребениях Босфора. К ним относятся уникальные произведения известных античных мастеров: золотой перстень с изображением летящей птицы, вырезанной на голубом халцедоне работы Дексамена (табл. CLIX, 7) (Максимова М. И., 1955, с. 441, рис. 2), золотой перстень с изображением знатного перса работы Афинада (табл. CLX, 8) (Максимова М. И., 1955, с. 440). Рядовые жители носили простые бронзовые или серебряные перстни-печатки со стеклянными вставками-отливками с настоящих гемм, вырезанных на камнях. Позднее перстнями-печатками стали пользоваться и представители местных племен. В IV—III вв. до н. э. начинается деятельность местных причерноморских мастеров и своего расцвета она достигает в эпоху Августа в Пантикапее и по II—III вв. в Херсонесе. Местными мастерами делались перстни с портретами боспорских царей Савромата II и Котиса III (Максимова М. И., 1955, с. 443, табл. II, 5, 6).

Эволюция типов каменных печатей и металлических перстней в Причерноморье совпадает с развитием этого вида изделий художественного ремесла в других районах античного мира. В качестве специфических форм можно отметить лишь металлические перстни IV в. до н. э. с несомкнутой шишкой, получившие у исследователей название «поптийских» (табл. CLX, 15) и позднее — пантикапейские перстни с выпуклыми гранатовыми вставками эпохи Августа (табл. CLXI, 14, 15, 17, 19). В металлических перстнях развитие идет в сторону замены архаических перстней (табл. CLX, 1—4) с узким листовидным шпиком к круглой в сечении шишкой тяжелыми классическими перстнями, имеющими гранение шишки и овальные щитки (табл. CLX, 6—12). В дальнейшем в эллинистических перстнях щиток становится полностью круглым, а шишка — плоской (табл. CLX, 19). Перстни римской эпохи, как правило, менее массивны, а во II—III вв. приобретают вычурные, изогнутые формы и ребристую поверхность (табл. CLX, 32—35).

В каменных печатях происходит постепенный отход от чуждых Греции восточных форм: скарабей (табл. CLIX, 1—3) заменяется скарабеондом (табл. CLIX, 4, 7, 11) или псевдоскарабеом (табл. CLIX, 12), полые цилиндры (табл. CLIX, 5, 9) — сегментированными (табл. CLIX, 8). В эллинистическую эпоху изображение перемещается на выпуклую сторону (табл. CLIX, 13, 14). Перстни, сочетающие металлическую оправу с каменной печатью, поначалу очень массивны — вапаянские концентрические полоски металла окружают гемму, удерживая ее в гнезде (табл. CLXI, 1—3, 5). В дальнейшем все элементы изделия становятся миниатюр-

нее, а их связь органичнее (табл. CLXI, 12—20). С социальной структурой общества связана разница в материалах: золото, серебро, бронза, цветные камни и их дешевые заменители. Перстни из бронзы, печати из стекла, находимые в грунтовых могильниках, могут быть сопоставлены со «стеклянными печатями в простонародных перстнях», о которых упоминает энциклопедист Плиний (Nat. Hist., XXXV, 43).

Фибулы. Металлические застежки — фибулы — обычная находка в погребениях и в культурном слое античных памятников Северного Причерноморья II в. до н. э. — IV в. н. э. Много их в Пантикапее, Фанагории, Кепах, Ольвии, Херсонесе, Танаисе и других городах, а также в некрополях сельских поселений. Картографирование показывает, что кроме общих для всего Северного Причерноморья форм фибул (табл. CLIV, 13, 14, 19, 22, 30, 36, 39) есть формы, характерные для отдельных районов (табл. CLIV, 7, 27—29, 35, 37, 39) и редкие вне их. Северопричерноморские фибулы попадали к народам Кавказа, степей, даже лесной зоны восточной Европы и вызвали там подражания. Но эти местные «варварские» изделия почти не попадали в античную зону и поэтому здесь не рассматриваются (кроме фибул на табл. CLIV, 43—45, относящихся уже к IV в.). Учитывая значение эллинского компонента в культуре Северного Причерноморья, можно было ожидать, что он будет заметен и в развитии местных фибул. Известно, что при изготовлении золотых фибул применялся рельеф, филigrан, инкрустация камнем. Об античных фибулах говорят письменные данные, броши изображены на рельефе Парфенона, на расписных сосудах VI—IV вв. н. э., но в археологических находках метрополии они не найдены. Вероятно, и здесь их посыл, но не было обычной помещать их в могилу. Этот обычай был у крымских скифов, у меотов и сармат, в некрополях которых сохранились разнообразные подражания эллиским брошам (Кубань) и даже отдельные, возможно, настоящие эллиские фибулы (табл. CLIV, 2) и золотая ромбическая брошь из мавзолея Неаполя Скифского. Простые пружинные броши удержались до I в. н. э. и были эллинизированными крымских скифов и периферийного Танаиса.

Широкое появление фибул в некрополях античных городов со II—I вв. до н. э. связано с варваризацией не только погребального обряда, но и внешнего облика горожан: в течение I в. н. э. окончательно исчезли пружинные броши, отравившие эллиские традиции, и их место заняли варварские дужковые фибулы с двусторонней пружинкой. Их появление в античной среде связано с интенсивным проникновением латешских вещей. Сыграли роль не только передвижения кельтов и гетов на западных рубежах Северного Причерноморья, но и еще мало изученные для этого периода контакты с областями к югу от нижнего Дуная. На основе принесенных вещей и, вероятно, новых традиций развилось местное производство проволочных дужковых фибул (табл. CLIV, 4—7, 12—14, 18—21, 28). Среди принесенных с запада фибул кельтские изделия II—I вв. до н. э. редки (табл. CLIV, 7). С I в. н. э. приток западных фибул увеличился, чему способствовало вхождение Северного Причерноморья в сферу воздействия

Рима. В Галлии и дунайских провинциях романизируемое население, сохранившее некоторые латенские традиции, создало разнообразнейшие формы фибул, отразившие и кельтские, и римские вкусы. На территории Северного Причерноморья в большом количестве попадали оттуда фибулы I в. н. э., с рельефной дужкой, в том числе имеющие латинскую надпись «Авцисса» (табл. CLIV, 8), а во II—III вв. фибулы с цветной эмалью (табл. CLIV, 23—26, 31, 32, 34). Большинству этих предметов известны точные аналогии в западных римских провинциях. Для провинций характерны также различные фибулы с рельефными украшениями (табл. CLIV, 10, 15, 17), многие из которых могли проникать в причерноморские города не только путем торговли, но и с людьми, приезжавшими с запада (солдатами, торговцами, ремесленниками). Ввоз провинциальных фибул продолжался до IV и отчасти V вв., когда излюбленным мужским украшением римлян стали тяжелые литые фибулы с кнопками в виде лукович (табл. CLIV, 40).

Местное производство фибул в Северном Причерноморье, кроме брошек II в. до н. э.—I в. п. э., ограничилось сравнительно простыми кованными проволочными фибулами. Их материал—золото, серебро, сплавы меди. Среди местных северопричерноморских типов фибул выделяются лучковые подвязные (табл. CLIV, 13, 14, 22, 30, 37—39), фибулы с кнопкой (табл. CLIV, 20, 21), смычковые (табл. CLIV, 28, 29). Для Боспорского царства характерны, главным образом, сильно профилированные фибулы (табл. CLIV, 18, 27, 35), а также двучленные под-

вязные с вертикально пластичатой спинкой (табл. CLIV, 37), для юго-западного Крыма—так называемые «инкерманские» (табл. CLIV, 38), отличающиеся от других подвязных не только своеобразными приемами изготовления, но и некоторой грубоватостью. Попадая к соседним народам, северопричерноморские фибулы послужили основой для появления там новых вариантов фибул. Судя по ареалу боспорских фибул, сфера боспорского влияния была особенно обширной, достигая Прикамья и Дагестана.

Опустошительные вторжения варваров в середине и второй половине III в. ярко отразились и на производстве фибул. Местные формы фибул исчезли к концу III в., изредка встречаясь в могилах IV в., в Южном Крыму. Население заимствовало фибулы северных пришельцев (табл. CLIV, 42—45), распространившиеся раньше всего в не подвергшейся разгрому округе Херсонеса (со второй половины III в.), позднее в IV в. на территории Боспора и в Ольвии. Постепенно сложились местные крымские варианты этих фибул (табл. CLIV, 44, 45). Основная масса крымских фибул IV в. тождественна фибулам черняховской культуры не только по форме, но даже по рецепту металла, новому для Северного Причерноморья, по связанному с Северо-Восточной Прибалтикой. Изредка в городах Северного Причерноморья находят чуждые «черняховским» прибалтийские фибулы (табл. CLIV, 41), также фибула с шариком на головке из Танаиса и накладные кольца на крымских фибулах—(табл. CLIV, 45).

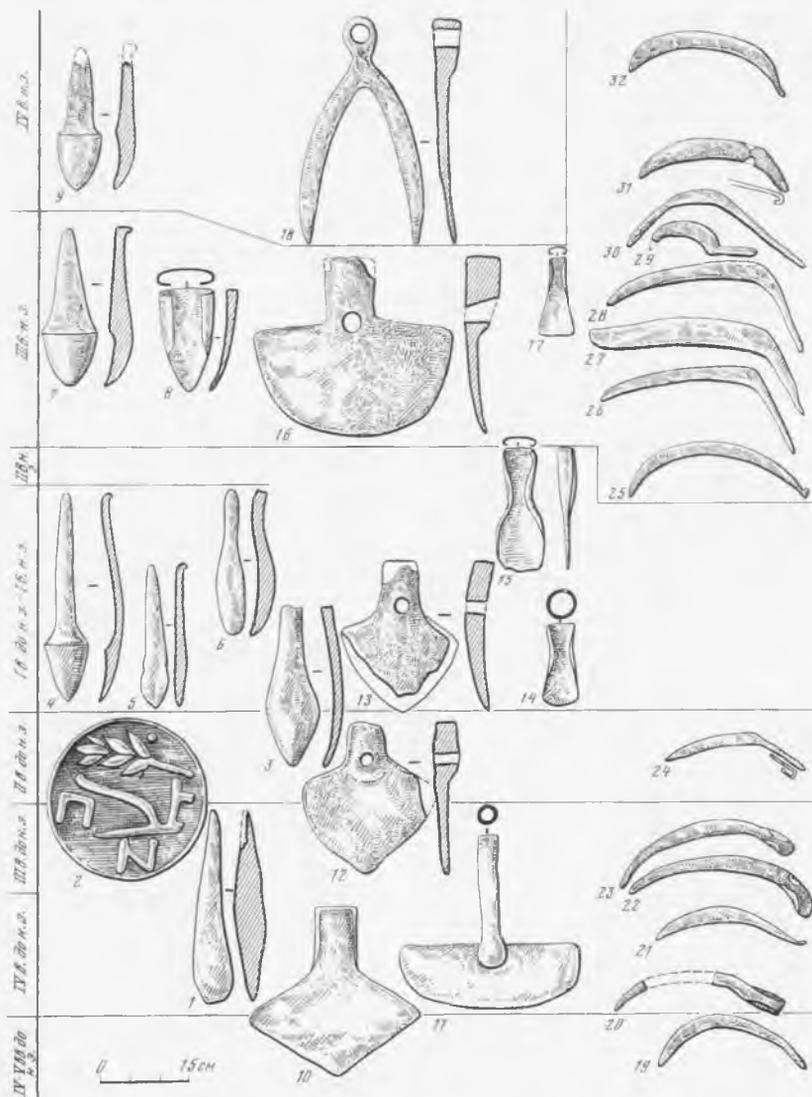

Таблица IV. Железные сельскохозяйственные инструменты

Нарядные: 1 — пос. Панское, IV в. до н. э.; 2 — изображение рала на пантикапейской монете, конец III в. до н. э.; 3 — Горгишия, II в. до н. э.; 4, 5 — хут. Рассвет, I в. до н. э.; 6 — «Чайка», I в.; 7 — пос. Семеновка, III в.; 8 — Танаис, III в.; 9 — Батарейка I, IV в. Мотыги; 10 — Херсонес, IV в. до н. э.; 11 — Панское IV в. до н. э.; 12 — Горгишия, III—II вв. до н. э.; 13, 14 — хут. Рассвет, I в. до н. э.; 15 — станции Напковская, I—II вв.; 16 — Ново-Отрадное, III в.; 17 — по-

селение Семеновка, III в.; 18 — Харакс, IV в. Сервы п. Коси; 19 — Никоны, VI—V вв. до н. э.; 20 — Киммерия, V в. до н. э.; 21 — Никоны, VI—V вв. до н. э.; 22, 23 — пос. Панское, IV в. до н. э.; 24 — станция Елизаветинская, II в. до н. э.; 25 — Танаис, III в.; 26 — Изурат, III в.; 27, 28 — пос. Семеновка, III в.; 29 — Танаис, III в.; 30 — Батарейка II, III в.; 31 — Горгишия, III в.; 32 — Харакс, IV в. Составитель И. Т. Крутикова

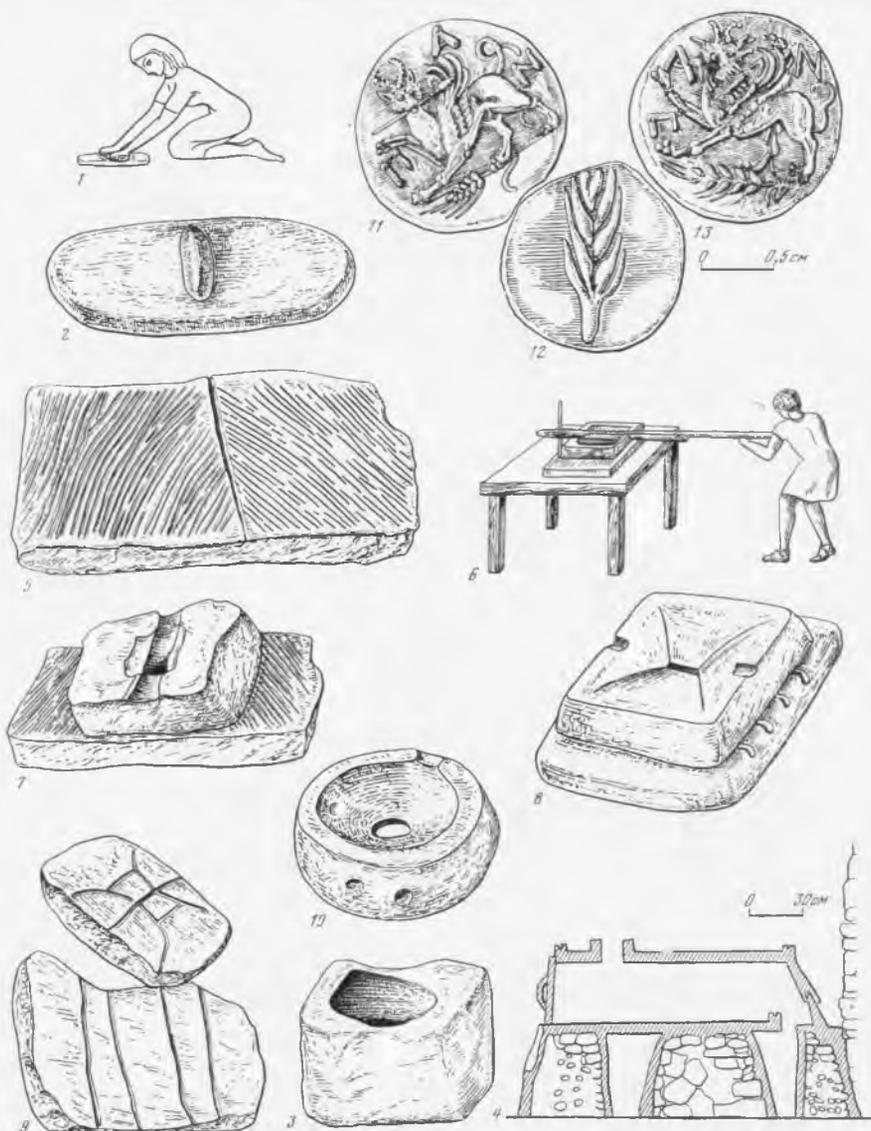

Таблица LVI. Зернотерки, ручные мельницы и монеты с изображением колосьев

1 — реконструкция работы на ручной мельнице; 2 — ручная зернотерка с пестом; 3 — каменная ступа. Ново (Отрадное). III в. н. э.; 4 — печь для сушки зерна, Таманск, III в.; 5 — нижняя плита ручной мельницы. Таманский полуостров; 6 — реконструкция работы ручной мельницы; 7, 8 — ручные мельницы, Таманский полуостров и Киммерия; 9 — выемки

на трупных поверхностях жерновов. Киммерия, III в. н. э.; 10 — верхний жернов круглой зернотерки, Харакс; 11, 13 — золотые пантакские статыры IV в. до н. э. с изображением колосьев пшеницы карликовой и двузернянки; 12 — пантакская серебряная монета II в. до н. э. с изображением многозерного ячменя. Составитель И. Т. Крутлюкова

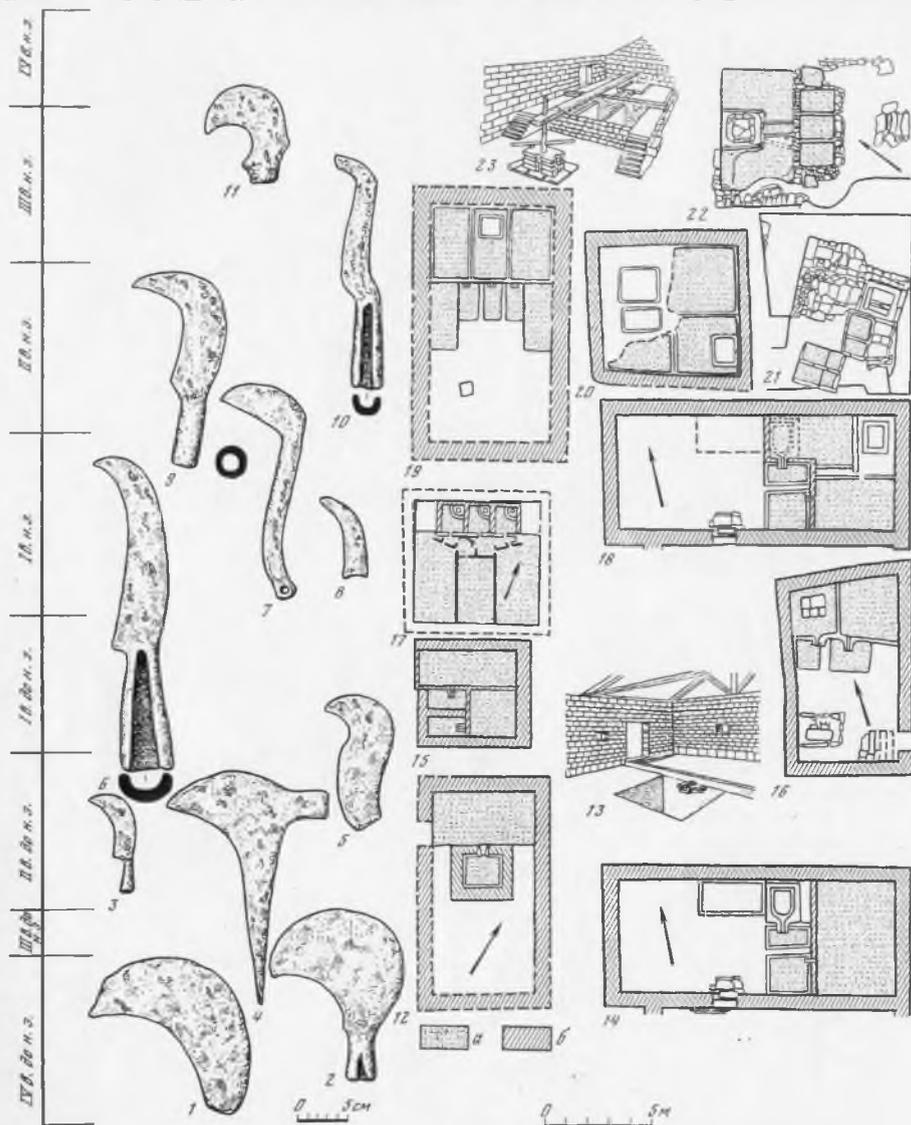

Таблица LVII. Инструменты виноградарей и типы виноделен

Виноградские ножи: 1 — вторая половина IV в. до н. э.; 2 — III в. до н. э.; 3 — II в. до н. э.; 4 — II в. до н. э.; 5 — II в. до н. э.; 6 — I в. до н. э. — I в. н. э.; 7 — II — I вв. до н. э.; 8 — I в. до н. э. — I в. н. э.; 9 — II в.; 10 — III в.; 11 — изображение на стекле. Пластины виноделен: 12, 13 — Тиритака, III — IV вв. до н. э.; план и реконструкция; 14 — Мирмекий, III — II вв. до н. э.; 15 — Темпр-гора, I в. до н. э.; 16 — Тири-

така, I в. до н. э. — I в. н. э.; 17 — Кепы, I в.; 18 — Мирмекий, I — II вв.; 19 — Мирмекий, I — II вв.; 20 — Пантисапей, конец II — III вв.; 21 — Тиритака, II — III вв.; 22, 23 — Тиритака, III — IV вв.; план и реконструкция; а — цемка, б — кладка. 1, 3 — Кепы; 2 — Чайка; 4, 11 — Херсонес; 5 — Тиритака; 6, 8 — хут. «Рассвет»; 7 — Мирмекий; 9 — Пантисапей; 10 — Семеновка. Составитель И. Т. Кругликова

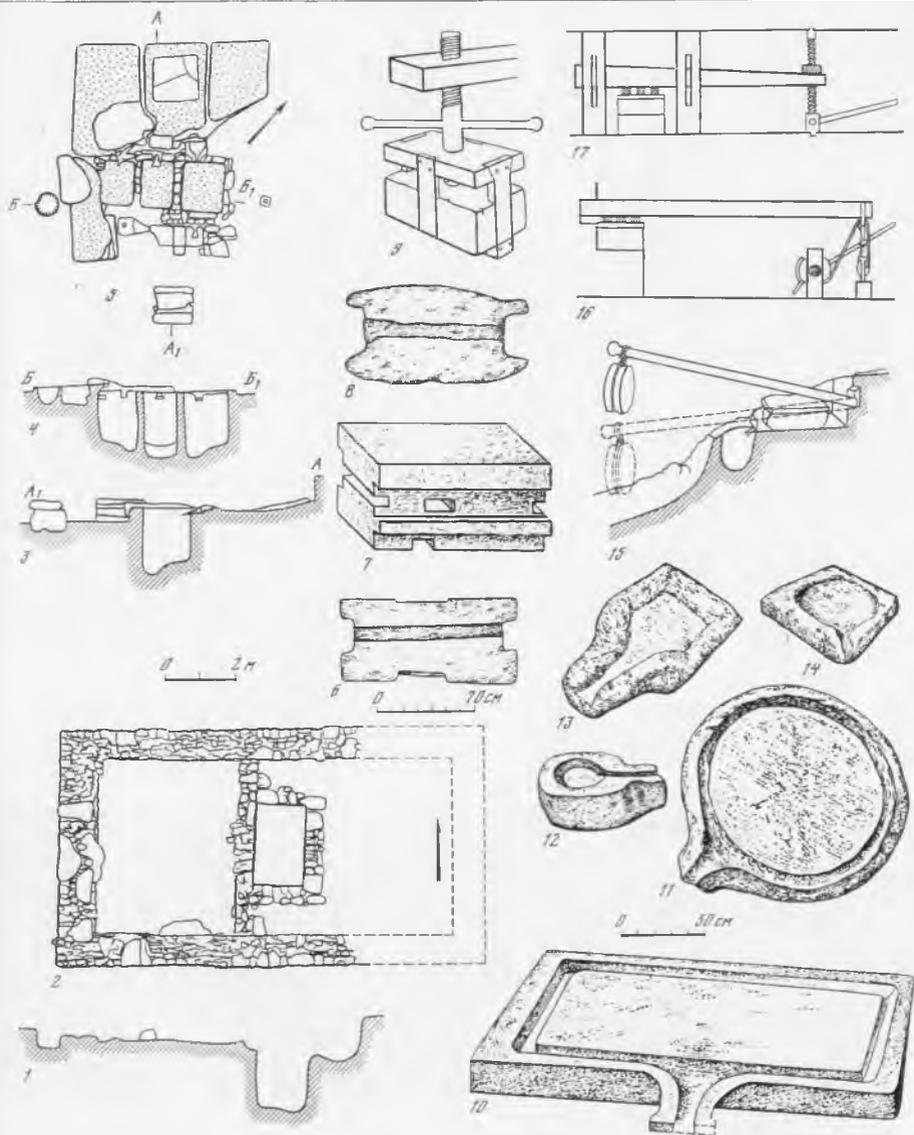

Таблица LVIII. Винодельни, гири, тарпаны, реконструкции прессов

1-2 — разрез и план винодельни («Пантизаан», III—II вв. до н. э.); 3-5 — разрез и план винодельни (Тиртака, III—II вв. н. э.); 6-8 — каменные гири прессов (6 — Тиртака, I в. до н. э.—I в. н. э., 7 — Херсонес, усадьба клера № 9, III в., 8 — Тиртака, III—IV вв.); 9 — реконструкция гири и рычажно-винтового пресса; 10 — каменный тарпан для виноградного пресса (Херсонес, усадьба клера № 26, II в. до н. э.); 11 — тарпан (Пантикапей, III—II вв. до н. э.);

12 — тарпан («Пантизаан», II в. до н. э.); 13 — корыто для выжимания виноградного сока (Мирмекей, III—II вв. до н. э.); 14 — тарпан (Херсонес, III—II вв. до н. э.); 15 — реконструкция херсонесской давилки; 16 — рычажный пресс с воротом и подвесной гирей по Герону. Реконструкция А. Драмана; 17 — рычажно-винтовой пресс по Плинию, первый вариант. Реконструкция А. Драмана. Составитель Н. Т. Круглякова

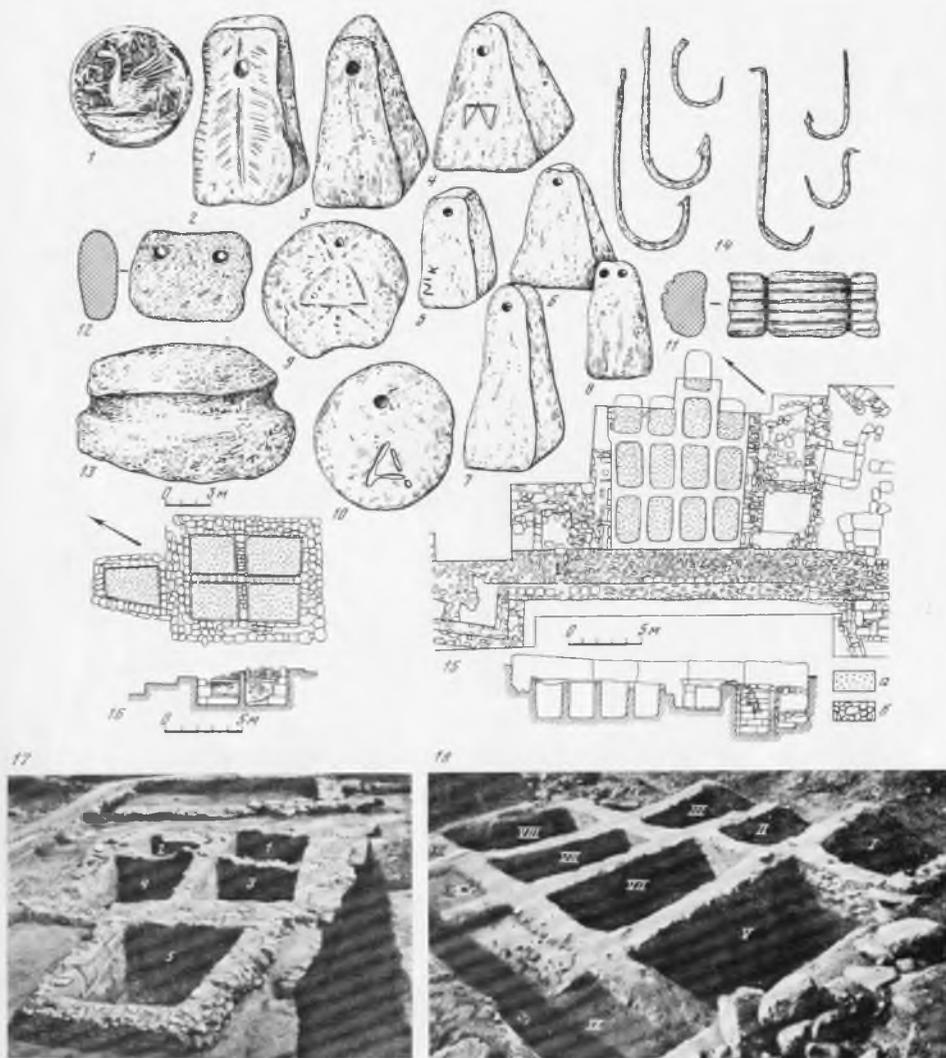

Таблица LIX. Рыболовный промысел

1 — изображение оестра под протомой грифона на Папикапейской монете (около 330—315 гг. до н. э.); 2—8 — пирамидальные глиняные грузила; 9, 10 — дисковидные глиняные грузила; 11 — грузило из ручки амфоры; 12, 13 — каменные грузила; 14 — рыболовные крючки; 15, 16 — комплекс

из 16 рыбозасадочных ванн в Тиритане I—III вв. на участке I. план, разрез и вид с севера; 16, 17 — рыбозасадочные ванны на участке V—VI, план, разрез и вид с северо-запада: а — цементная, б — каменные кладки. Составитель И. Т. Кругликова

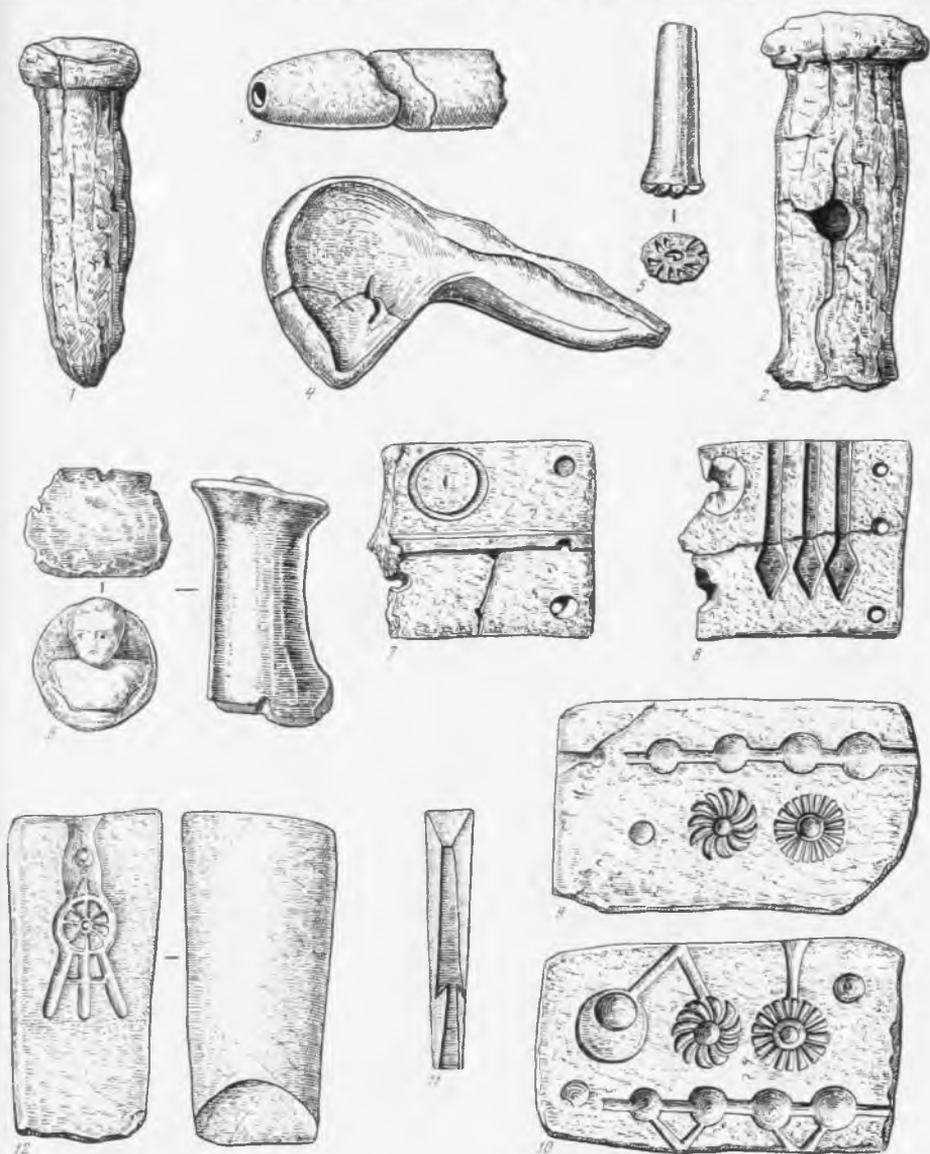

Таблица LX. Орудия металлургов и ювелиров

1 — зубило (железо) из Пантйкэея; 2 — то же из Гапанса; 3 — сондо из Пантйкэея (глина); 4 — лычка из Фаагагорнн (глина); 5 — штамп (бронза) из Пантйкэея; 6 — то же из Тнрнтакн; 7—12 — формы: 7 — из Пантйкэея (камень);

8 — из Пантйкэея (камень); 9, 10 — из Ольвнн (камень); 11 — из Ольвнн (медь); 12 — из Гапанса (керамнка). Составнтель Л. Б. Шелов

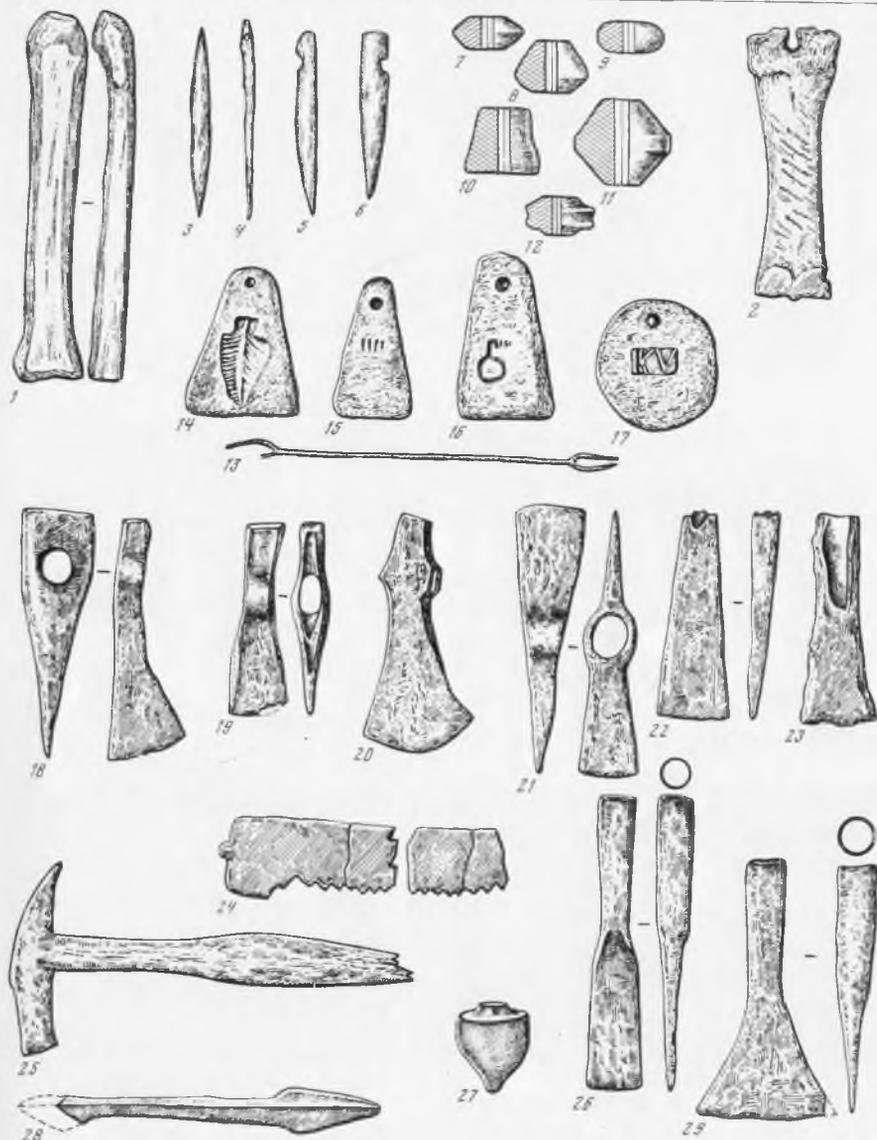

Таблица LXI. Орудия труда

1 — гладыка; 2 — рашпыля; 3 — проколка; 4 — игла; 5—6 — костяные орудия; 7—12 — чиряслида; 13 — виззальная свиня; 14—17 — ткацкие грузили подвеска; 18—20 — топоры; 21 — топор-тесло; 22, 23 — тесло; 24 — пила; 25 — молоток; 26 — долото; 27 — гирька отвеса; 28 — бурав; 29 — железный пистру-мевт

1—6 — кость; 7—12, 14—17 — глина; 13 — бронза; 18—26, 28, 29 — железо; 27 — свинец. 1, 3, 7—12 — Танаис; 2, 4, 19, 22, 24, 25 — Ольвия; 5, 6 — Тирштата; 13, 21 — Семеновка; 14—17 — Боспор; 18 — Фальшивый Геленджик; 20 — Харакс; 23 — Гавевское городище; 26 — Гермонасса; 27 — Пантжапей; 28 — Батареяка II; 29 — Махайловка. Составитель Д. Б. Шелов

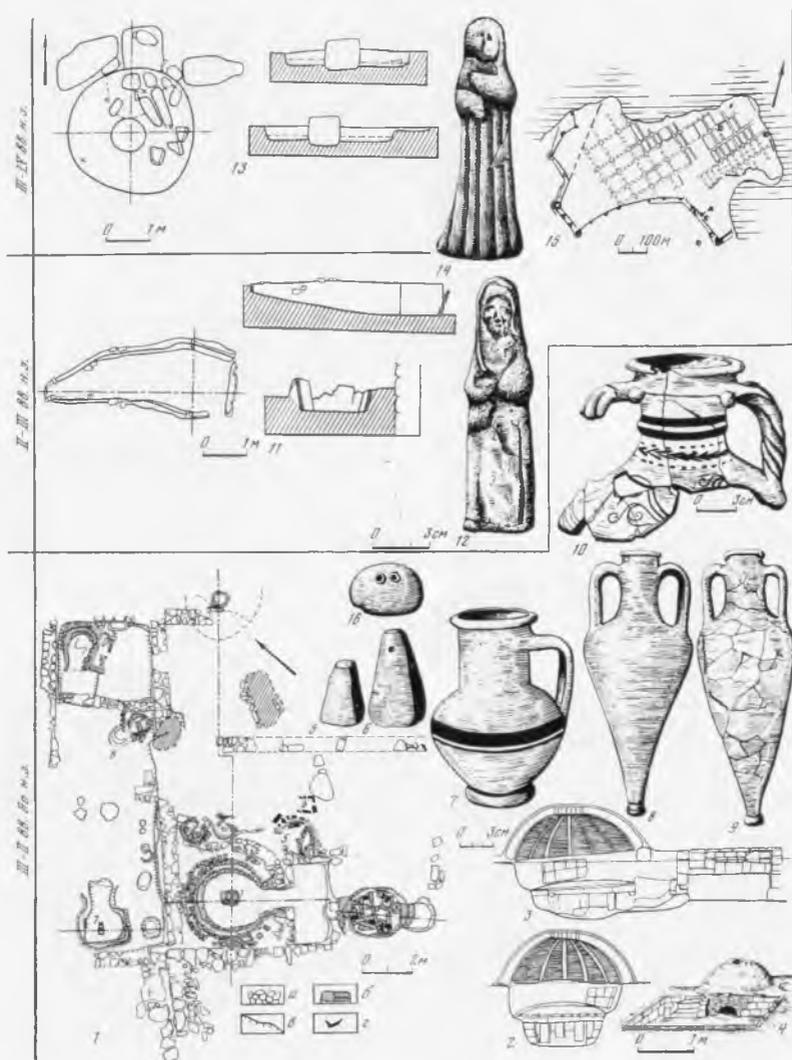

Таблица LXII. Гончарное производство Херсонеса

1 — комплекс гончарных печей (№ 4), III—II вв. до н. э.;
 а — владка из камней; б — владка из кирпича; в — вырубь в скале; з — черепица; 2, 3 — реконструкция разрезов; 4 — реконструкция общего вида печи; 5—10 — продукция гончар-

ных мастерских; 11 — печь № 7, план и разрезы; 12 — терракота из печи; 13 — печь № 6, план и разрезы; 14 — терракота из печи; 15 — схема города с полным расположением гончарных печей (1—6). Составитель В. Б. Борисова

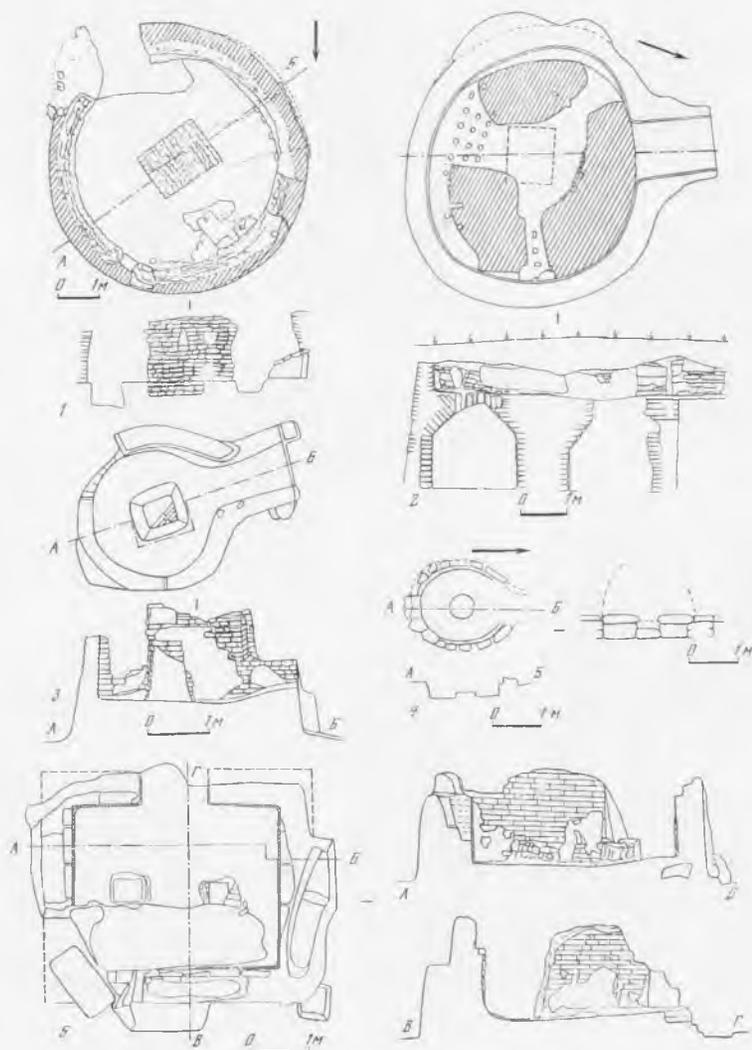

Таблица LXIV. Керамические печи. Планы и разрезы

1 — Пантикапей, III в. н. э.; 2 — Фанагория, IV в. н. э.;
3 — Ольвия, конец I—III в. н. э.; 4 — Гермопасса, I в. н. э.,

реконструкция; 5 — Ольвия, конец I—III в. н. э. Составитель
Л. Б. Шелов

Таблица LXV. Керамика из горгипинийских гончарных мастерских

Мастерская II в. до н. э.: 1-4 — миски; 5-7 — домашние алтари; 8 — амфора; 9, 10 — глиняные грузила с оттисками гемм; 11 — оттиски гемм; 12 — капфар с незаконченной ножкой; 13 — верхняя часть двуручного сосуда; 14, 15 — кувшины; 16, 17 — кастрюли; 18 — ойпохой; 19 — миска;

20 — лагпос; 21 — горшок; 22 — форма для оттиска terracotta статуэтки спящей богини. Раскол «Лазурный»; 23 — форма для оттиска шита с светильника. Гончарная печь II-III вв.; 24 — горшочек со стилизованными головками животных. Составитель И. Т. Крутликва

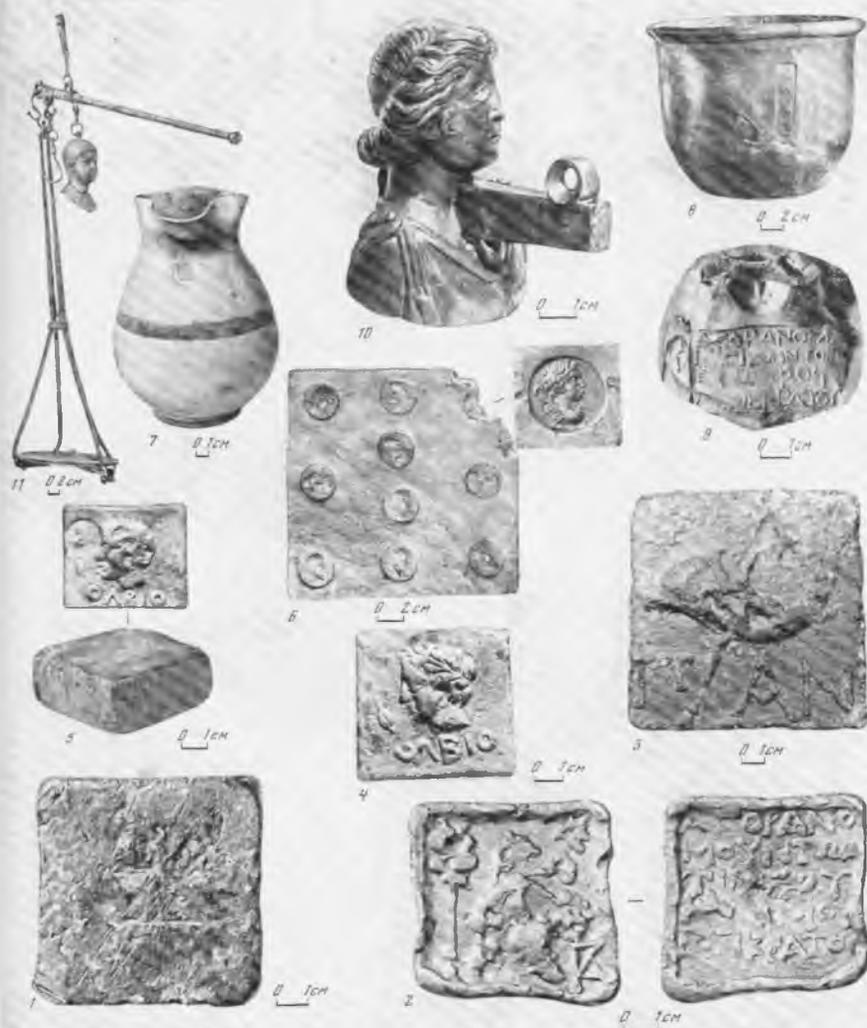

Таблица LXXVI. Торговый инвентарь

1—6 — свинцовые гири-разновесы (1 — Елизаветинское городище, IV в. до н. э.; 2 — Нимфей (?), III в. до н. э.; 3 — Пантикапей, III в. до н. э.; 4 — Ольвия, III в. до н. э.; 5 — Ольвия, V—IV вв. до н. э.; 6 — Мирмекии, II в. до н. э.); 7 — мерная ойхохоя (Средиземноморье). V—IV вв. до н. э.; 8 — мерный

сосуд (Ольвия?), IV в. до н. э.; 9 — следы агораионов на мерном кувшине, Ольвия, III в. до н. э.; 10 — Широкая Балка, бронзовая фигурная гира от весов, конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.; 11 — Италия, римские псы, I в. н. э. Составитель И. Б. Брашinsky

Таблица LXXVII. Предметы греческого импорта VI—V вв. до н. э.

1 — серебряный килик и медальон на дне киллика (Афины), V в. до н. э.; 2 — бронзовое зеркало, V в. до н. э.; 3 — бронзовое зеркало с ручкой (Иония), VI в. до н. э.; 4 — серебряный ритон (Иран), V в. до н. э.; 5 — золотые ритоны, V в. до н. э.; 6 — стеклянный фигурный сосуд (Напратис?), VI в. до н. э.; 7 — миниатюрная ойнохоа «финикийского стекла», V в. до н. э.; 8 — бронзовая ойнохоа (Самос), V в. до н. э.; 9 —

алабастры финикийского стекла, V в. до н. э.; 10 — алабастровые алабастры, VI—V вв. до н. э.; 11 — бронзовый канделябр, V в. до н. э.

1, 2, 4, 5, 11 — Смирнитские курганы; 3 — Анновка (Николаевская обл.); 6, 9, 10 — Ольвия; 7 — Елизаветинский могильник; 8 — Нимфей. Составитель П. В. Брагинский

ЧАСТЬ II. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Производственные центры — экспортеры

	Хиос	Лесбос	Самос	Менде	Фасос	Терралиа	Синопа	Прочие и меж-местные центры
IV в. до н. э.								
V в. до н. э.								
VI в. до н. э.								
VI в.								

Таблица I.XVIII. Развитие импорта товаров в керамической таре в Северном Причерноморье в VI—IV вв. до н. э.

1 — Ионийский центр; 2 — Коринф; 3 — амфоры со «стаканообразной шейкой»; 4 — амфоры типа Солоха; 5 — амфоры

типа Солоха II (Византий?); 6 — Родос («протородосские»). Составитель Ш. В. Брашницкий

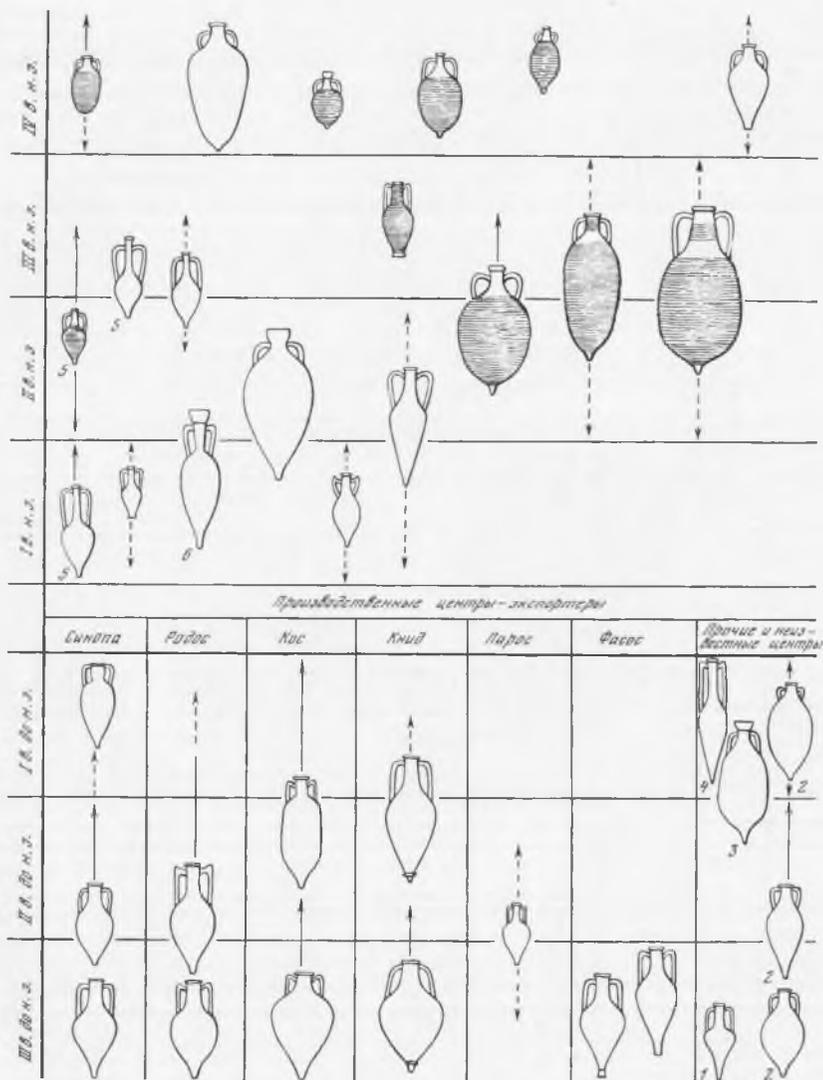

Таблица LXIX. Развитие импорта товаров в керамической таре в Северном Причерноморье в III—I вв. до н. э. и I—IV вв. н. э.

1 — светлоглиняные амфоры с двухствольными ручками (Поптийский центр; Гераклея?); 2—4 — неизвестные центры;

5 — южнопонтийские центры; 6 — Италия. Составитель И. Б. Брагинский

Таблица LXX. Типы стеклянной посуды, находимой в Северном Причерноморье

Составитель Н. П. Сорокина

Таблица LXXI. Типы стеклянной посуды, находимой в Северном Причерноморье

Составитель: И. П. Сорокина

Таблица LXXII. Образцы импортных металлических изделий в Северном Причерноморье (I в. до н. э. — III в. н. э.)

1 — серебряная позолоченная чаша с рельефным медальоном — сцена сбора винограда (Италия), I в. до н. э.; 2 — серебряный медальон чаши — Нерейда на гиппокампе (Италия), I в. до н. э.; 3 — серебряная чаша с рельефными украшениями (Сирия), I в. до н. э.; 4 — серебряный таз. I в. до н. э.; 5 — бронзовая ойнохя с фигурной ручкой, на щитке амур (Италия), II—III вв. н. э.; 6 — бронзовый канделябр с изображением Сирены (Италия), I в. н. э.; 7 — бронзовый

ковш (Италия), I в. н. э.; 8 — бронзовый черпак (Италия), III в. н. э.; 9 — бронзовый светильник, на ручке — трагическая маска. I—II вв. н. э.; 10 — серебряная фибула с микрострированными штифом, II—III вв. н. э.
1, 2, 4 — Новочеркасск, Садовый курган; 3 — Верхнее Погромное, Волгоградская обл.; 5 — Восточная Грузия; 6 — Усть-Лабинская; 7, 8 — Старца, Астраханская обл.; 9 — Танаис; 10 — Ольвия. Составитель И. Б. Брашвинский

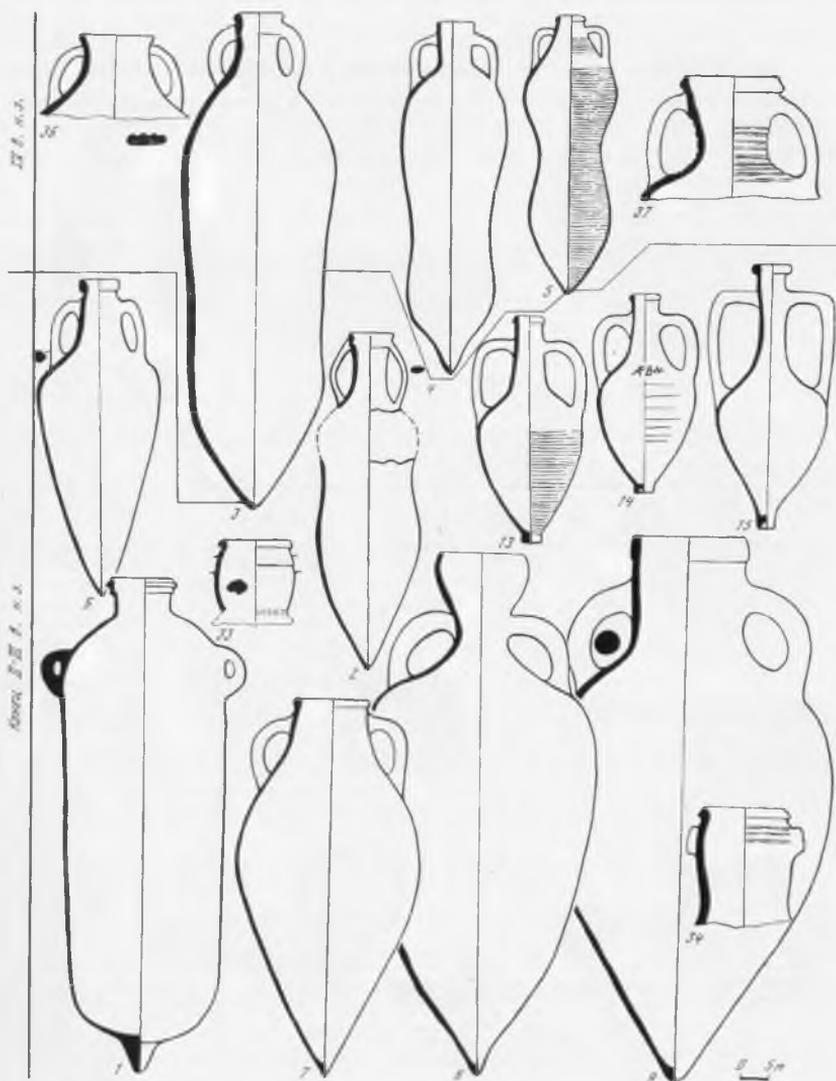

Таблица LXXIII. Типы позднеантичных амфор

Нумерация внутри таблиц LXXIII—LXXIV общая

1 — красноглиняная, Танаис; 2 — коричневоглиняная с желобком на внутренней части горла и перехватом на тулове, Гориппия; 3 — красноглиняная со слабовыраженными желобком и перехватом, Тиритака; 4 — красноглиняная с перехватом, Тиритака; 5 — красноглиняная реберчатая с перехватом, Прикубанье, Кювусовидные (6—12): 6 — красно-

глиняная, Танаис; 7 — красноглиняная широкогорлая, Семёновка; 8 — красноглиняная с воронкообразным горлом, Идурат; 9 — красноглиняная широкогорлая, Гориппия; 10, 11 — красноглиняные, Танаис; 12 — с конусовидным горлом, Харакс. Светлоглиняные узкогорлые (13—15): 13 — реберчатая с отогнутым венчиком, Танаис; 14 — реберчатая, Тиритака;

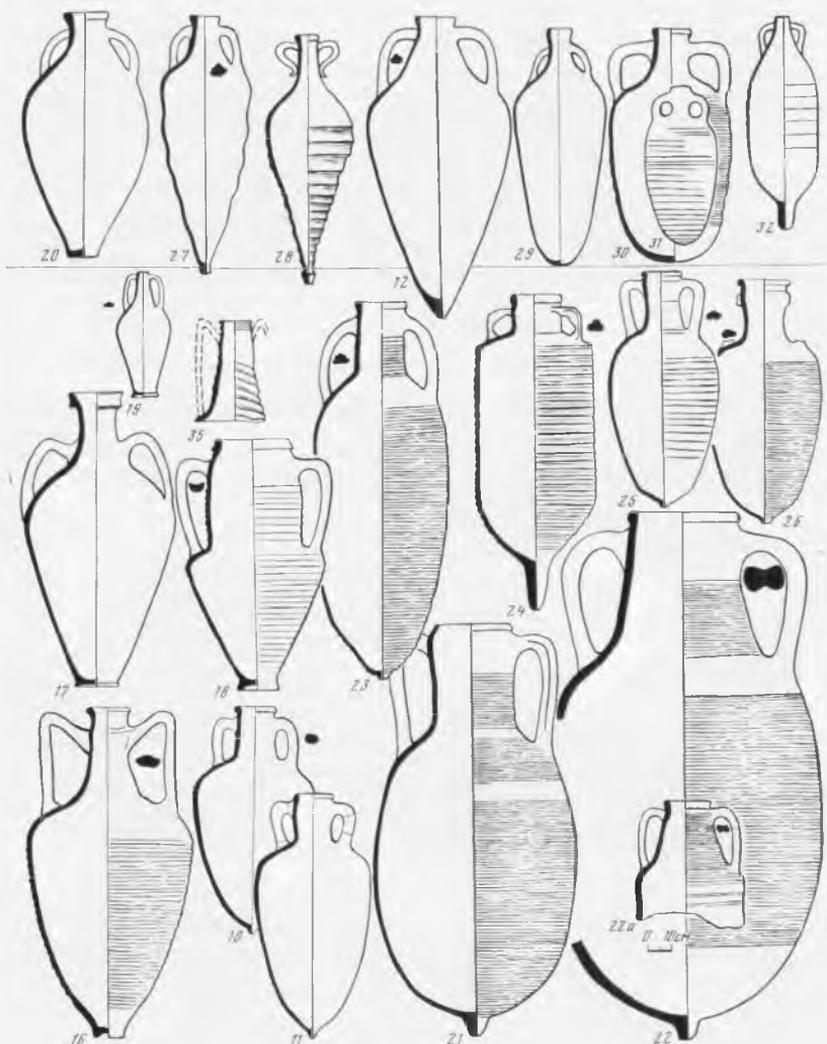

Таблица LXXIV. Типы поздантичных амфор

15 — с удлиненным горлом. Прикубанье. Плоскодошвые (16—20); 16 — узкогорлая, реберчатая с высокоподнятыми ручьями, Танаис; 17 — с муфтоидным венчиком, Тапаис; 18 — розовоглиняная со светлым ангобом и широким горлом. Горгипсия; 19 — тонкостенная с профилированной ручкой. Тасулюво; 20 — Харакс. Красноглиняные реберчатые (21—28); 21, 22, 22a — широкогорлые с яйцевидным туловом и конусообразной ножкой, Семеповка; 23 — типа мирмецкой; 24 —

с цилиндрическим туловом и длинной конусообразной ножкой. Танаис; 25, 26 — с бороздкой под венчиком. Танаис; 27, 28 — с конусовидными доньями (27 — Херсонес, 28 — Инкерман). Круглодонные (29—31); 29 — Пантуканен; 30 — Тиритака; 31 — Херсонес; 32 — реберчатая с цилиндрической ножкой. Тиритака. Горла амфор: 33 — III в. н. э. — Тапаис; 34 — III в. н. э. — Фапагорн; 35 — IV в. н. э. — Алма Кермен; 36, 37 — IV в. н. э., Фапагорн. Составитель Е. А. Савостина

Таблица LXXV. Монеты Тира IV в. до н. э. — III в. н. э. (1—3) и Ольвия VI—IV вв. до н. э. (4—12)

1 — Тира, III в. до н. э., голова бога Тираса, голова коня;
 2 — Тира, II в. до н. э., голова императора Каракаллы, Кибела на троне;
 4 — Ольвия, вторая половина VI в. до н. э., голова дельфина;
 5 — Ольвия, первая половина V в. до н. э., голова Афины;
 6 — Ольвия, первая половина V в. до н. э., литой дельфин;
 7 — Ольвия, вторая половина V в. до н. э., литой

дельфин; 8 — Ольвия, середина V в. до н. э., голова Горгоны, колесо; 9 — Ольвия, вторая половина V в. до н. э., литой дельфин; 10 — Ольвия, конец V в. до н. э., Геракл, патигва-
 юнщи тетиву, колесо; 11 — Ольвия, около 340—330 гг. до н. э.;
 голова Деметры, орел на дельфине; 12 — Ольвия, первая по-
 ловина IV в. до н. э., голова Деметры, орел на Дельфине
 4—9, 12 — медь; 10, 11 — серебро. Составитель Д. Б. Шелов

Таблица LXXVI. Монеты Ольвии IV в. до н. э. — III в. н. э.

1 — третья четверть IV в. до н. э., голова Деметры, орел на дельфине; 2 — конец IV в. до н. э., голова Деметры, орел на дельфине; 3 — около 330—345 гг. до н. э., голова бога Борисфена, лук в горноте и секира; 4 — конец IV — начало III в. до н. э., голова Деметры, дельфин; 5 — начало III в. до н. э., голова Деметры, стрелок из лука; 6 — конец IV — начало III в. до н. э., голова Деметры, дельфин; 7 — первая половина III в. до н. э., голова бога Борисфена, лук в горноте и секира; 8 — вторая половина III в. до н. э., голова Аполлона, стрелок из лука; 9 — вторая половина III в. до н. э., голова Геллоса, протомы коней Геллоса; 10 — II в. до н. э., голова Аполлона, лира; 11 — II в. до н. э., голова Герасла, надпись; 12 — первая половина II в. до н. э., голова Афины, сова; 13 — Силтур, вторая половина II в. до н. э., голова царя Силтура; 14 — Силтур, вторая половина II в. до н. э., женская голова, повозка, запряженная парой коней; 15 — вторая четверть I в.

до н. э., голова Афины, копы и щит; 16 — вторая четверть I в. до н. э., голова Зевса, скипетр; 17 — первая четверть I в. до н. э., голова Кибелы, тямпан; 18 — Фарзой, середина I в. н. э., голова царя Фарзой, орел; 19 — Фарзой, третья четверть I в. н. э., голова царя Фарзой; 20 — середина I в. н. э., голова Зевса, орел; 21 — вторая половина I в. н. э., голова Тюхи; 22 — вторая половина I в. н. э., голова Аполлона, орел; 23 — вторая половина I в. н. э., орел на дельфине; 24 — Иппесимен, конец I в. н. э., голова царя Иппесимен, женская голова; 25 — первая половина II в. н. э., голова Аполлона, орел; 26 — конец II в. н. э., Зевс на троне, Тюхе; 27 — 222—235 гг. н. э., голова императора Александра Севера, орел
1—3, 5, 7—9, 11—17, 20, 21, 23, 25—27 — медь; 4, 10, 22, 24 — серебро; 6, 18, 19 — золото. Составитель Д. Б. Шелов

Таблица LXXVII. Монеты Херсонеса IV в. до н. э. — III в. н. э.

1 — первая четверть IV в. до н. э., голова Дева, рыба и надпись; 2 — вторая четверть IV в. до н. э., сидящая Дева и олень, божающий бык; 3 — вторая четверть IV в. до н. э., голова Дева; 4 — середина IV в. до н. э., кратер, надпись «XEI» и палица в венке; 5 — середина IV в. до н. э., голова Дева, божающий бык; 6 — середина IV в. до н. э., голова льва, пятилучевая звезда; 7 — середина IV в. до н. э., дельфин; 8 — третья четверть IV в. до н. э., Дева на колеснице, воин со щитом; 9 — третья четверть IV в. до н. э., двуликая голова Диониса, лев, терающий быка; 10 — третья четверть IV в. до н. э., грифон, Дева, опущившаяся на одно колено; 11 — первая четверть III в. до н. э., Дева, поражающая лань, божающий бык; 12 — III в. до н. э., голова Дева, божающий бык; 13 — III в. до н. э., голова Герасла, сидящая Дева; 14 — конец III в. до н. э., голова Афины, грифон; 15 — около 120—110 гг. до н. э., голова Дева, стоящий олень; 16 — около 90—80 гг. до н. э., голова Дева, Дева, поражающая лань;

17 — середина I в. до н. э., орел на молнии; 18 — середина I в. до н. э., мужская голова вправо; 19 — середина I в. до н. э., Дева, поражающая лань, божающий бык; 20 — конец I в. до н. э., бородатая голова, стоящая Дева; 21 — конец I в. до н. э. — начало I в. н. э., стоящая Дева; 22 — 49 г. н. э., голова божева Херсонеса, стоящая Дева и олень; 23 — вторая четверть I в. н. э., надпись «XEP» в венке; 24 — 80 г. н. э., голова божева Херсонеса, стоящая Дева; 25 — 69—79 гг. н. э., бородатая голова; 26 — середина II в. н. э., божающий бык, Дева, поражающая лань; 27 — середина II в. н. э., голова божева Херсонеса; 28 — конец II в. н. э., стоящая Гигиона, стоящий Асклепий; 29 — первая половина III в. н. э., стоящая Гигиона, стоящий Асклепий; 30 — около 220 г. н. э., бисст Эддабала, Дева и олень; 31 — вторая половина III в. н. э., голова божева Херсонеса, Дева и олень
1, 3, 5, 12, 13, 15, 16 — серебро; 2, 4, 6—11, 14, 17—21, 23, 25—31 — медь; 22, 24 — золото. Составитель Д. Б. Шелов

Таблица LXXVIII. Монеты городов Бостора VI—I вв. до н. э.

1 — Пантикапей, середина VI в. до н. э., голова льва, углубленный квадрат; 2 — Пантикапей, третья четверть V в. до н. э., голова льва, углубленный квадрат с четырьмя рельефными табличками; 3 — Пантикапей, конец V в. до н. э., голова льва, голова барана, вышур осетр; 4 — Аполлония, вторая или третья четверть V в. до н. э., голова льва, углубленный квадрат; 5 — Мирмеки (?), вторая или третья четверть V в. до н. э., муравей, углубленный квадрат; 6 — Феодосия, рубез V и IV вв. до н. э., буйкарий; 7 — Сиддика, последняя четверть V в. до н. э., орлиноголовой грифон; 8 — Сиддика, последняя четверть V в. до н. э., голова Герасла, голова коня; 9 — Фапагория, рубез V и IV вв. до н. э., безбородая голова в плоссе, протомы быка; 10 — Нимфей, последняя четверть V в. до н. э., голова нимфы, виноградная лоза; 11 — Пантикапей, первая четверть IV в. до н. э., голова льва; 12 — Пантикапей, около 340—330 гг. до н. э., голова осетра; 13 — Пантикапей, около 330—315 гг. до н. э., голова бородатого сатира, лавиноголовый грифон; 14 — Пантикапей, около 375—360 гг. до н. э., голова безбородого сатира, лев, грызущий копы; 15 — Пантикапей, около 330—315 гг. до н. э., лук в горноте; 16 — Пантикапей, около 330—315 гг. до н. э., голова бородатого сатира, протомы орлиного лозого грифона; 17 — Пантикапей, первая четверть III в. до н. э., голова безбородого сатира, надчеканка в виде звезды; 18 — голова льва, надчеканка в виде лука в горноте; 19 — Пантикапей, первая четверть III в. до н. э., голова Аполлона, наступающий лошади; 20 — Пантикапей, третья четверть III в. до н. э., лук и стрела; 21 — Пантикапей, третья четверть III в. до н. э., орел; 22 — Пантикапей, II в. до н. э., голова

Аполлона, лук в горноте; 23 — Пантикапей, II в. до н. э., лира; 24 — Пантикапей, II в. до н. э., протомы коня; 25 — Пантикапей, третья четверть II в. до н. э., треножник; 26 — Пантикапей, около 110 г. до н. э., голова Афины, корабельная прора; 27 — Фапагория, II в. до н. э., голова бородатого сатира, лук, калудей; 28 — Фапагория, около 120—110 г. до н. э., голова Артемиды, цветок граната; 29 — Пантикапей, около 120—110 г. до н. э., голова бородатого сатира, рог изобилия между шапками Диоксидов; 30 — Пантикапей, конец II — начало I в. до н. э., треножник, восьмилучевая звезда; 31 — Пантикапей, около 90—80 гг. до н. э., треножник и тирс; 32 — Горгинии, около 90—80 гг. до н. э., треножник и тирс; 33 — Пантикапей, около 90—80 гг. до н. э., пасущийся олень; 34 — Фапагория, конец II — начало III в. до н. э., голова Артемиды, лежащий олень; 35 — Пантикапей, около 90—80 гг. до н. э., голова Диониса в плосщевом венке, виноградная гроздь; 36 — Фапагория, около 90—80 гг. до н. э., голова Диониса, тирс; 37 — Пантикапей, около 90—80 гг. до н. э., голова Мена, Дионис с пантерой; 38 — Пантикапей, 47—30 гг. до н. э., Негас; 39 — Фапагория, 47—30 гг. до н. э., голова Аполлона, корабельная прора; 40 — Пантикапей (Кесария), 44—8 гг. до н. э., голова Афродиты Зрании, скипетр; 41 — Фапагория (Агриппина), 44—8 гг. до н. э., корабельная прора
1, 11, 14, 18, 21, 23—25, 28, 33, 35, 36 — серебро; 12, 15—17, 19, 20, 22, 26, 27, 29—32, 34, 37—41 — медь; 13 — золото. Составитель Д. Б. Шелов

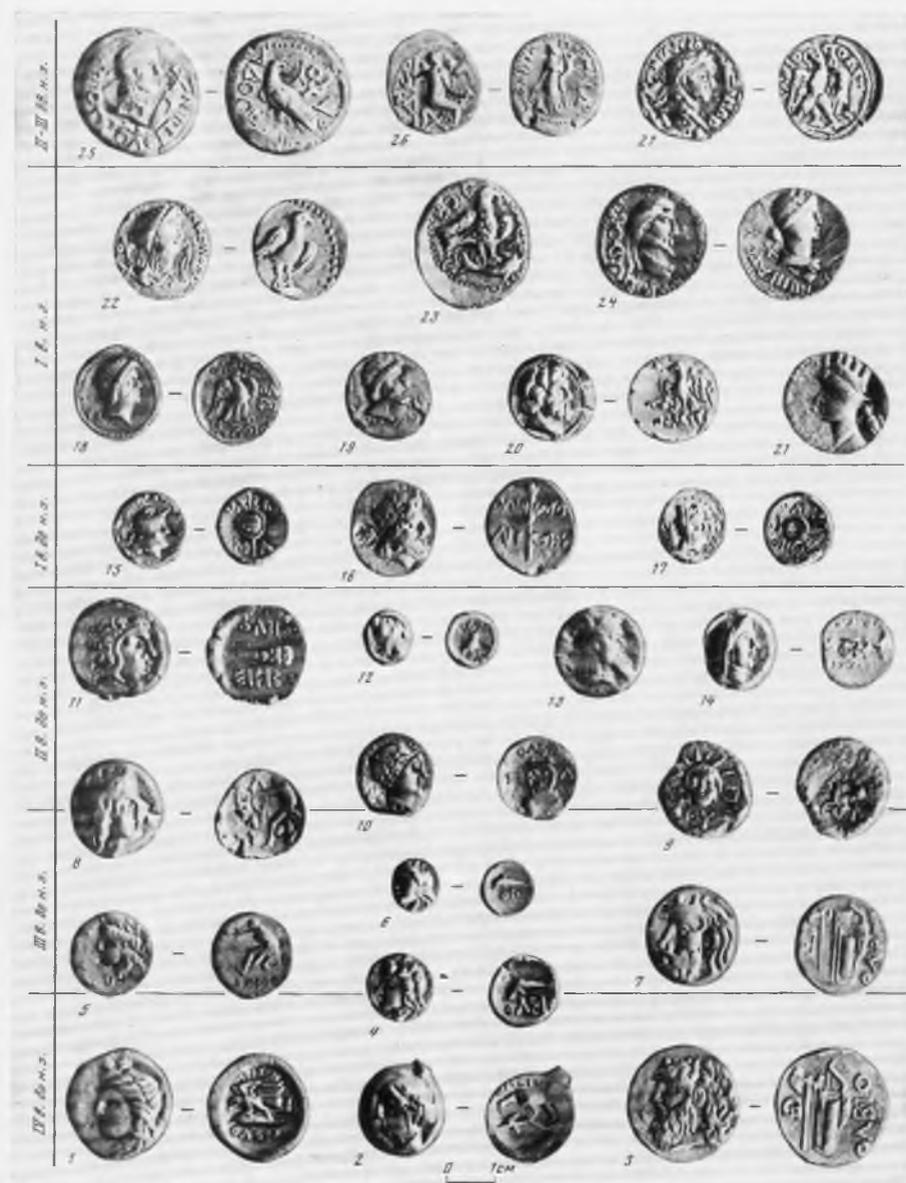

Таблица LXXVI

Таблица LXXVII

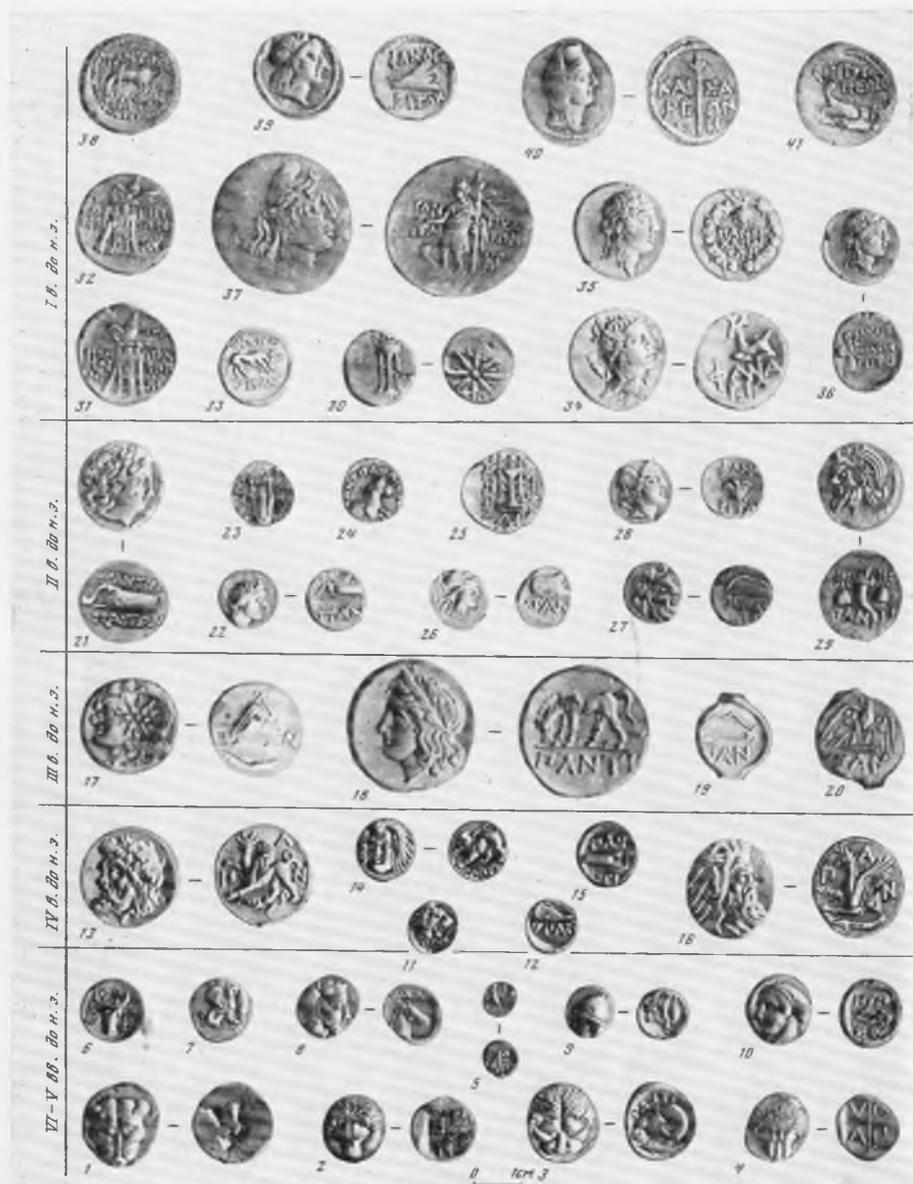

Таблица LXXVIII

Таблица LXXIX. Монеты царей Боспора III в. до н. э. — IV в. н. э.

1 — Левкон II, третья четверть III в. до н. э., голова Афины, пучок молний; 2 — Левкон II, третья четверть III в. до н. э., голова Геракла, лук и палица; 3 — Левкон II, третья четверть III в. до н. э., щит и копье, акинак; 4 — Архонт Гиги эпит, последняя четверть III в. до н. э., голова архонта Гигитона, сидящая Афина; 5 — Спарток, середина II в. до н. э., голова царя, горит; 6 — Персид V (?), до 110 г. до н. э., голова царя, сидящая Афина; 7 — анонимный чекан, около 80—63 гг. до н. э., голова Диониса, горит; 8 — Фарнак, 54—51 гг. до н. э., голова Фарнака; 9 — Асандр, 47—41 гг. до н. э., голова архонта Асандра, корабельная прора; 10 — Динамиа, 17 г. до н. э., голова царицы Динамиа, полумесяц и звезда; 11 — неизвестный царь, конец I в. до н. э., при гающей лев. монограмма ВАЕ; 12 — неизвестный царь, конец I в. до н. э., начало I в. н. э., голова Персея, герма; 13 — Аспург, около 14—38 гг. н. э., голова Аспурга; 14 — Аспург, около 14—41 гг. н. э., голова императора Тибериуса;

15 — Митридат III, 39 г. н. э., голова императора Калпгузла, идущая Ника; 16 — Котий I, 45—51 гг., голова императора Клавдия, голова императрицы Агриппины вправо; 17 — Котий I, 68 г., пятикопый храм; 18 — Рескупорид II, 81 г., голова царя, голова императора Гитта; 19 — Рескупорид, башня и ворота крепости; 20 — Руметалк, 132—136 гг., голова царя, буквы МН в венце; 21 — Савромат II, 186—196 гг., голова царя, копье и щит, слева голова коня и тонор, справа шлем и меч; 22 — Савромат II, 186—196 гг., орел с венком в ваявке; 23 — Савромат II, 186—196 гг., царь верхом на коне, надчеканка в виде головы Септимия Севера; 24 — Рескупорид III, 217 г., голова царя, голова императора; 25 — Инесимсий, 234—239 гг., голова царя и голова богини в калафе, сидящая богиня; 26 — Фобфорс, 300 г., голова царя, императора; 27 — Рескупорид VI, 325 г., голова императора и Ника 1—3, 7, 9, 11—14, 16, 17, 19—23, 25—27 — медь; 4, 6, 8, 10, 15, 18, 24 — золото; 5 — серебро. Составитель Д. Б. Шелов

Таблица LXXX. Оружие дальнего боя

1—21 — наконечники стрел VI—V вв. до н. э. (1—5 — курганы у станции Елизаветовской, V—IV вв. до н. э.; 6—9 — Ольвия, VI—V вв. до н. э.; 10 — Михайловка, V—III вв. до н. э.; 11—17 — Семibratий курган 2, середина V в. до н. э.; 16, 17 — Нимфей, курган 24; 18, 19 — Тамань, вторая половина VI в. до н. э.; 20—21 — Семibratий курганы 1 и 6); 22—24 — наконечники копий на курганах у станции Елизаветовской, VI—IV вв. до н. э.; 25 — наконечники дротинов, V в. до н. э., Семibratий курган 6; 26, 27 — наконечники копья и копье, вторая половина V в. до н. э., Таманский некрополь, погребения 8 и 13; 28—29 — ядра для пращи, курганы у станции Елизаветовской, IV в. до н. э.; 30—39 — шашонечный стрел (30—32 — курганы у станции Елизаветовской, V—IV вв. до н. э.; 33—39 — Пантикапей); 40 — горит на монете Пантикапей, 375—340 гг. до н. э.; 41, 42 — лук и стрела на монете Пантикапей, 325—300 гг. до н. э.; 43, 44 —

ядра Таманский полуостров, III в. до н. э.; 45—51 — наконечники стрел (45, 46 — станция Ахтанзювская, II в. до н. э.; 47, 48 — Ольвия, III в. до н. э.; 49—51 — Пантикапей, III в. до н. э.); 52—54, 56 — изображение луна и колчан на монетах (52 — Пантикапей, 200—110 гг. до н. э.; 53, 54 — Ольвия, 230—270 гг. до н. э.; 55 — изображение луна и колчан в калафе, Михайловка, IV—III вв. до н. э.); 57 — ядро от баллисты, Фанагория, I в. до н. э.; 58—59 — изображение колчана на монетах (58 — Ольвия, последняя четверть I в. до н. э.; 59 — Фанагория, конец II — первая треть I в. до н. э.); 60 — изображение коня на Ольвийской монете, последняя четверть I в. до н. э.; 61 — наконечник дротинов, Прикубанье, I в. до н. э. Составитель Б. Г. Петерс
7-4, 6-10, 14-20, 23-25, 30-39, 47-52 — бронза; 5 — лозь; 21 — медь

Таблица LXXXI. Оружие ближнего боя и защитное снаряжение

1 — бронзовый боевой тонор, конец VII — начало VI в. до п. э., Цукурский лиман; 2 — железный топор с обложечной золотом втушкой и рукояткой, VI в. до н. э., Кедермесский курган; 3 — меч в ножнах, V в. до п. э., станция Елизаветовская, курган 1; 4 — меч в золотых ножнах, 70—80 гг. VI в. до н. э., Кедермесский курган; 5 — меч V в. до п. э., близ станции Таманской; 6 — меч V—IV вв. до н. э.; 7 — меч с атенским навершием и бабочкой-видным перекрестием, вторая четверть V в. до п. э., Елизаветовский могильник, курган 15; 8 — меч, середина V в. до п. э., Мирмекии; 9 — меч V в. до п. э., Мирмекии; 10 — меч второй половины VI в. до п. э., Тамань; 11 — меч V в. до п. э., Тамань; 12 — шлем коринфского типа (скульптурное изображение), камель, V в. до п. э., Пантикапей; 13 — шлем бронзовый, халкидский, близок к аттическому позднему варианту, первая половина V в. до н. э., Нимфей; 14 — нагрудник с изображением Горыны, V в. до н. э., ст. Елизаветипекля, бронза; 15 — железный кольчатый панцирь, отделанный местами медными чешуйками, конец V — начало IV в. до н. э., Кубань, Зубовский хутор; 16 — бронзовый шлем, первая половина VI в. до п. э., Кедермесский курган; 17 — бронзовые поножи (шлемиды), V в. до н. э., Нимфей, курган 17; 18 — пластины панциря, середина V в. до н. э., Семibratий курган 2; 19 — бронзовый шлем второй половины V в. до п. э., Нимфей; 20 — железный чешуйчатый панцирь, V в. до н. э., Нимфей, курган 24; 21 — изображение боевого тонора на монете IV в. до н. э., курган Солоха; 22 —

яслик меча, V—IV вв. до п. э., Семibratий курганы; 23 — меч (акинак), IV—III вв. до п. э., Тирамба, могила 5; 24 — меч, V—IV вв. до п. э., Алуща; 25 — серебряная рукоять меча, начало IV в. до п. э., Семibratий курган 3; 26, 27, 29 — мечи, IV в. до п. э., станция Елизаветовская; 28 — меч, IV в. до п. э., мыс Ак-Буруз; 30 — бронзовый шлем, конец V — начало IV в. до п. э., курган Солоха; 31 — железные пластины панциря, IV в. до н. э., Михайловка; 32, 33 — поножи, первая половина IV в. до п. э., Пантикапей, курган Кекувского; 34 — бронзовый шлем, середина IV в. до н. э., курган Большая Балница; 35 — шлем с ивончиком, начало IV в. до п. э., Пантикапей, курган Кекувского; 36 — бронзовый пояс, V—IV вв. до п. э., курган Кузь-Оба; 37 — боевой тонор, изображение на ольвийской монете, 230—270 гг. до п. э.; 38 — меч (махаир), конец IV — начало III в. до п. э., Пантикапей; 39 — меч, IV—I вв. до п. э., Херсонес; с рельефа надгробия; 40 — шлем посеребренный, IV—III вв. до п. э., Горгишия; 41 — шлем железный с серебряными украшениями, начало III в. до н. э., Керчь; 42 — воин в племне, мраморный рельеф, V—II вв. до н. э., Пантикапей; 43 — изображение щита на боспорской монете, III в. до н. э.; 44 — изображение щита с ковриком на надгробии, IV—I в. до п. э., Херсонес; 45 — меч, I в. до п. э., Фанагория; 46 — шлем, II—I вв. до н. э., станция Ахтанзювская; 47 — изображение щита на ольвийской монете, последняя четверть I в. до н. э. Составитель Б. Г. Петерс

Таблица LXXIX

Орудия Вальнего бож и пилы

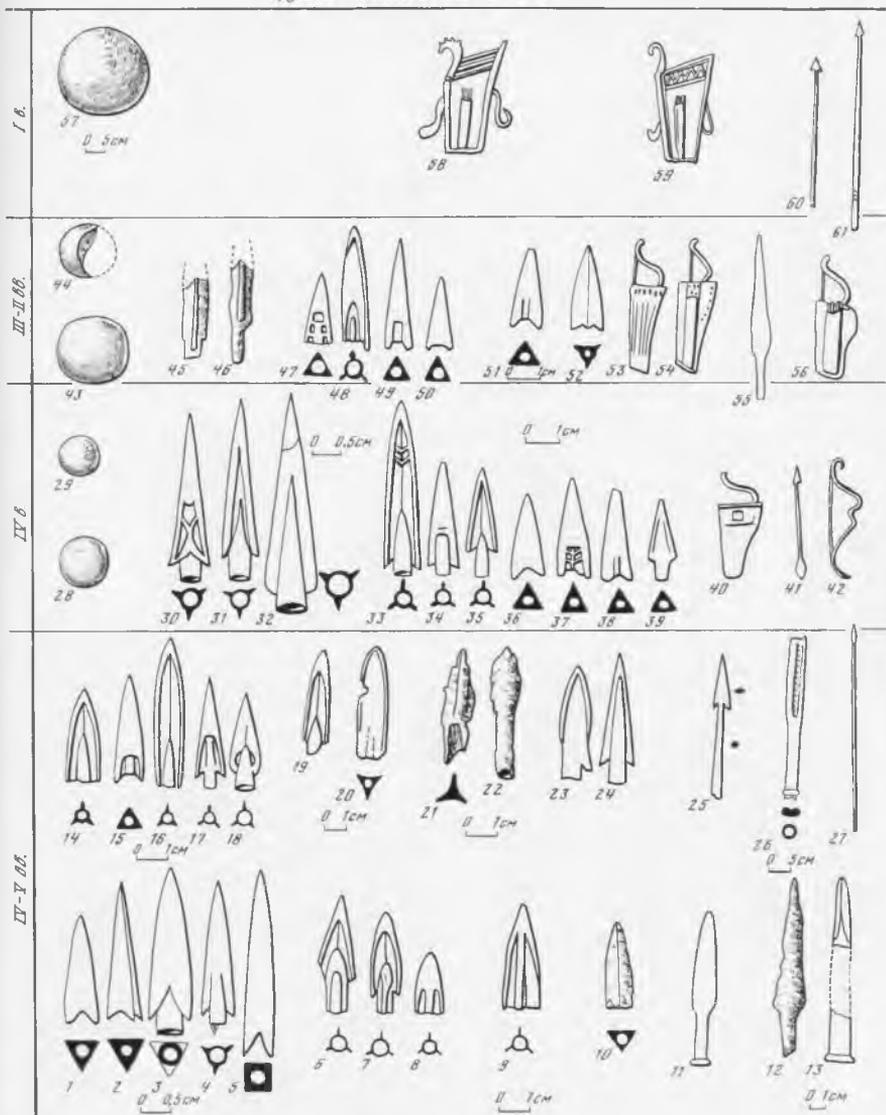

Таблица LXXX

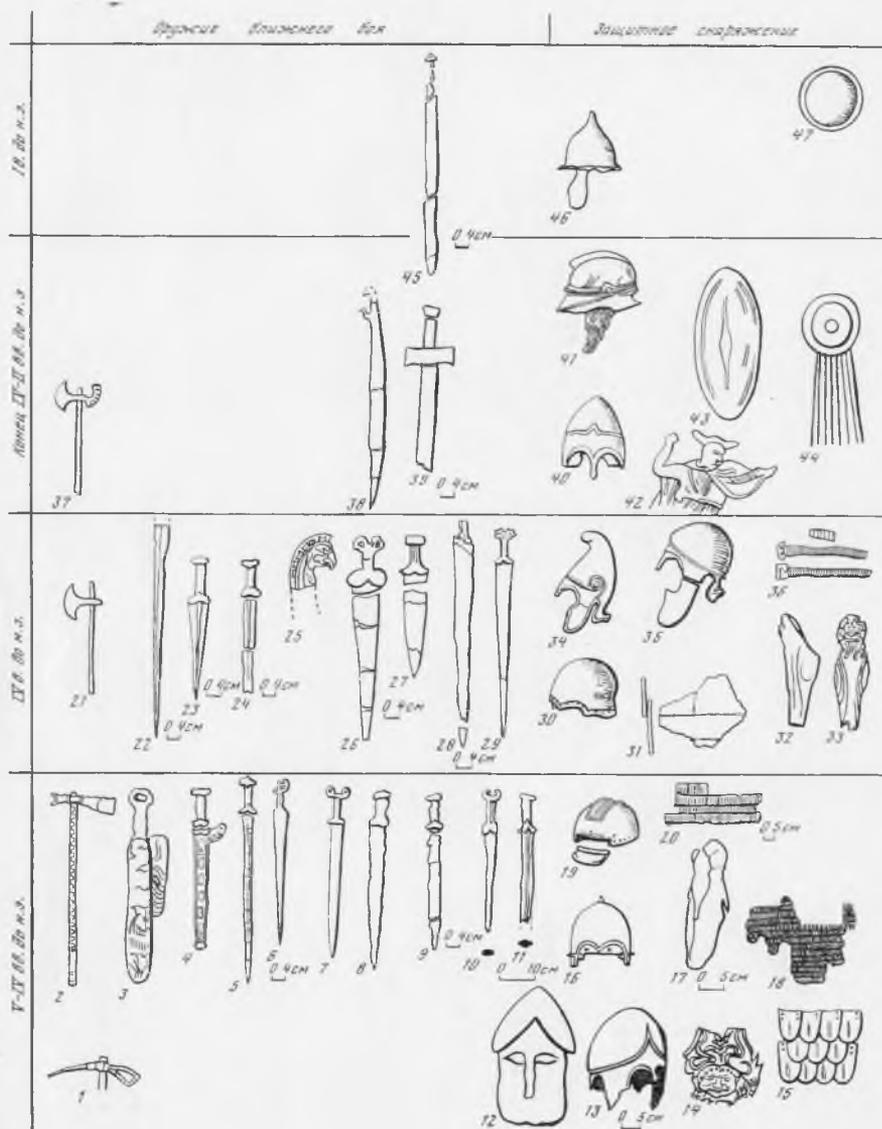

Таблица LXXXI

Таблица LXXXII

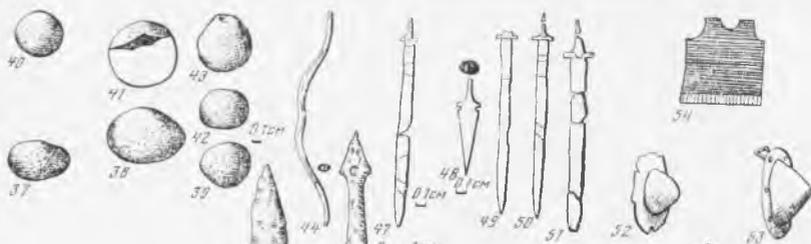

Таблица LXXXIII

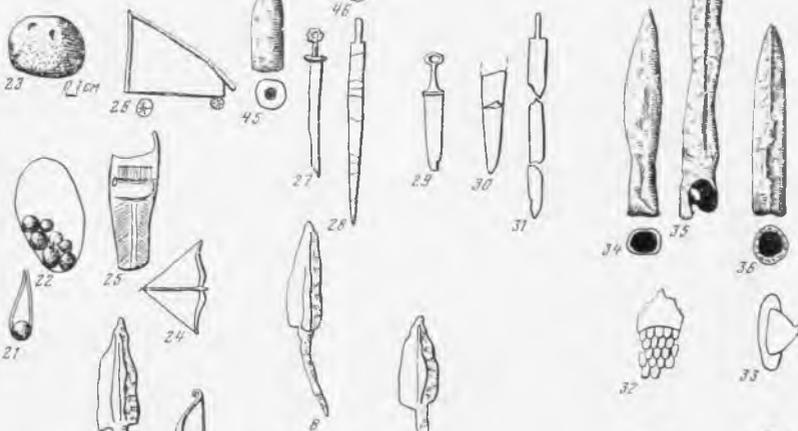
Века

Оружие Итальянского и Ближнего Востока и защитное снаряжение

III—IV в. н. э.

II в. н. э.

I в. н. э.

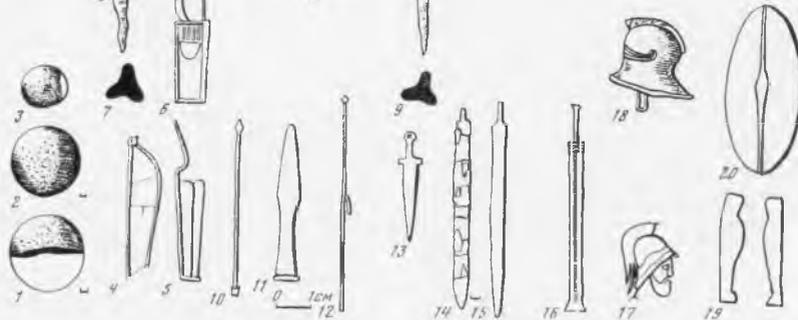

Таблица LXXXIV

19 Античные государства

Таблица LXXXII. Легковооруженная пехота, голифы и конница V—I вв. до н. э.

1 — бронзовая статуэтка воина с мечом, V—IV вв. до н. э. (?), Елизаветовское городище; 2 — греческий воин, V в. до н. э., роспись на вазе; 3 — воин с боевым топором и щитом, IV в. до н. э., курган Солоха; 4 — воин с акинаком и щитом, IV в. до н. э., курган Солоха (гребень); 5 — воин с чешуйчатым панцирем с луком, стрелой и горнотом, статуя, Ахатиновский лиман; 6 — всадник, сражающийся копьём, изображенье на пряжке, место находки неизвестно; 7 — конный и пеший воины на золотой пластине, Гермесовский курган, IV в. до н. э.; 8 — сражающиеся воины, терракота, IV в. до н. э., Горнищанский городской курган; 9 — воин в броне с акинаком и щитом, IV в. до н. э., курган Солоха (гребень); 10 — воин на херсонесской монете 350—330 гг. до н. э.; 11 — всадник, конец IV в. до н. э., курган Солоха (гребень); 12 — всадник с копьём на золотой бляшке, IV в. до н. э., курган Куль-Оба; 13, 14 — сражающиеся воины, фрагмент серебряного ритона, вторая половина IV — первая половина III в. до н. э.; 15 — изображение воина на расписной стене, конец IV—III в. до н. э.; 16 — Третьей, терракота, III в. до н. э.; 17 — сражающийся воин, IV — первая половина III в. до н. э., фрагмент ритона; 18, 19 — воины со щитами, украсивши саркофага,

III в. до н. э., статуя Благовещенская; 20 — воин с мечом, мраморный рельеф V—II вв. до н. э., Пантикапей; 21 — воин с горнотом на рельефном надгробии, IV—III вв. до н. э., Ахатиновский лиман; 22, 23 — воины со щитами, рельефная надгробия, II—I вв. до н. э., Пантикапей; 24 — воин в чешуйчатом панцире со щитом, IV—I вв. до н. э., надгробие, Ахатиновский лиман; 25 — Третьей на бирской монете, 39—40 гг. н. э.; 26 — воин с копьём, надгробие, II в. до н. э., Пантикапей; 27 — всадник и воин с копьём, надгробие, III—II вв. до н. э.; 28 — воин с копьём, IV—III вв. до н. э., фрагмент ритона; 29 — воин в панцире со щитом, терракота, II—I вв. до н. э., Пантикапей; 30 — воин со щитом, II в. до н. э., Фанагория; 31 — всадник со щитом и тяжелооружённый воин с копьём на плече, рельефные надгробие; 32 — всадник и пешеходец с копьём, рельефные надгробие, II в. до н. э., Боспор; 33 — воин со щитом, терракота, I в. до н. э., Пантикапей; 34 — снарядный всадник, II—I вв. до н. э., Пантикапей; 35 — всадник с копьём и запасной лошади, на стеной роспись, конец I в. до н. э. — начало I в. н. э., Папийкапей, склеп Анфестрия. Составитель Б. Г. Петерс

Таблица LXXXIII. Легковооруженная пехота, голифы и конница I в. до н. э. — IV в. н. э.

1 — воин со щитом, терракота I в. до н. э. — I в. н. э., Пантикапей; 2 — воин со щитом, терракота I в. до н. э. — I в. н. э., Фанагория; 3, 4 — воины со щитами и копьём на рельефном надгробии, конец I в., Пантикапей; 5 — воин, терракота I—II вв. н. э., Ольвия; 6 — воин со щитом, надгробие I в., Боспор; 7—9 — изображения всадников на надгробии I в., Пантикапей; 10—12 — воины со щитами, терракота I—II вв., Пантикапей; 13 — конная статуя на рельефном надгробии, Пантикапей; 14, 15 — всадники на надгробии I—II вв., Пантикапей; 16 — воин со щитом, фрагмент терракотовой статуэтки I—II вв. н. э., станица Таманская; 17 — воин в шлеме с мечом и щитом, постелье украшение ларца, первые века нашей эры; 18, 19 — воины в броне с копьём и транспарантом и с двумя копьёми и щитом, III в., Пантикапей, склеп 1872 г.; 20, 21 — всадники, надгробие 179 г. н., Фанагория; 22 — скачущий всадник, терракота I—II вв., Пантикапей; 23 — всадник в чешуйчатой броне с копьём, Пантикапей, склеп 1872 г.;

24 — снаряжение всадника на бирской монете 132—136 гг.; 25 — воин со щитом и копьём, 116 г. н. э., Боспорские паресты; 26 — воин с копьём и щитом, роспись склепа II в., Пантикапей; 27 — деталь мраморной статуи с изображением короткого меча, I—II вв., Горнищанский; 28 — воин со щитом в шлеме, терракота II в., Пантикапей; 29 — воины в чешуйчатой броне в шлемах с копьём и щитом, роспись II в., Пантикапей, склеп 1872 г.; 30 — изображение всадника, роспись II в., Пантикапей, склеп; 31 — тяжелооружённый всадник на рельефе Третьей, II в., Тамань; 32, 33 — воины со щитами, терракота II—III вв., Пантикапей; 34 — воин с копьём и щитом на надгробном рельефе, III—IV вв., Боспор; 35 — всадник с двумя копьёми на надгробном рельефе I—II вв., Пантикапей; 36 — всадник на бирской монете 210—226 гг.; 37 — всадник с копьём на рельефном надгробии II в. с. Поповка; 38 — всадник, терракота I—IV вв., Пантикапей. Составитель Б. Г. Петерс

Таблица LXXXIV. Оружие дальнего и ближнего боя, защитное снаряжение — I—IV вв. н. э.

1 — каменный ядро I в., Михайловка; 2, 3 — каменные ядра I в., Пантикапей; 4, 5 — горит на надгробии первой половины I в., Пантикапей; 6 — горит на надгробии I в., Херсонес; 7—9 — наконечники стрел, трехгранные черепки, железо I—II вв., Михайловка, курган 13; 10 — копы на надгробном рельефе первой половины I в., Пантикапей; 11 — железный наконечник копья I—II вв., станица Кавказская, курган; 12 — копы, надгробный рельеф I в., Херсонес; 13 — железный меч I в. до н. э. — IV в. н. э., Пантикапей; 14 — железный меч I—II вв., некрополь Тузлы; 15 — железный меч I—II вв., Фанагория, некрополь; 16 — меч в ножнах, надгробие I в., Херсонес; 17 — шлем, на надгробном рельефе I в., Херсонес; 18 — изображение воина в шлеме на бирской монете 39—45 гг.; 19, 20 — поножи и щит на надгробном рельефе I в., Херсонес; 21, 22 — каменные ядра для пращи III в., рельеф колоны Траяна — изображения солдат Боспорской гегоргии; 23 — каменное ядро II в., Тасуново; 24 — лук и стрела, изображение на бирской монете 186—196 гг. н. э.; 25 — горит с луком и стрелами, деревянная игрушка I—

III вв., Пантикапей; 26 — осадная машина, граффити II в., Неаполь Сицилийский; 27 — железный меч I—II вв., Ольвия; 28 — железный меч II—III вв., Тиритача, некрополь; 29 — железный меч I—II вв., Пантикапей; 30 — фрагмент железного меча I—II вв., Тамань; 31 — железный меч II в., Пантикапей; 32 — изображение воина в броне, терракота (фрагмент) II—III вв., Михайловка; 33 — железный убой III в., Пантикапей; 34—36 — железные наконечники дротиков III—IV вв. н. э., Семёновка; 37, 38 — каменные ядра III в., Харакс; 39—43 — каменные ядра для пращи IV в., Кены и Пантикапей; 44 — сложный лук с костяными накладками IV в., Тамань; 1972; 45, 46 — железные наконечники стрел III—IV вв. н. э., Семёновка; 47 — железный меч III—IV вв., Фанагория; 48, 49 — железные мечи II—III вв., Пантикапей; 50 — железный меч III—IV вв., Фанагория; 51 — железный меч III—IV вв., Пантикапей; 52 — железный убой III в., Пантикапей; 53 — убой III—IV вв., Харакс; 54 — сарматский железный чешуйчатый панцирь II—III вв., Мокшинец (реконструкция). Составитель Б. Г. Петерс

Таблица LXXXV. Военно-морские, торгово-транспортные, промысловые и вспомогательные суда

1 — военное судно с тараном монора, рисунок на горле чернотерракотового сосуда, конец VI в. до н. э., Пантикапей; 2—4 — суда с таранами, граффити на крышке леканы, Мирмекион, V в. до н. э.; 5 — диора на щитке персяны, Персеполь, конец IV — начало III в. до н. э.; 6 — пентеконтера на рельефной чаше, III—II вв. до н. э., Фанагория; 7 — судно с тараном на рельефе надгробной стены, Пантикапей, начало II в. до н. э.; 8 — носовые части судов с тараном, изображение на надгробной стене 150—125 гг. до н. э.; 9 — нос судна с тараном на пантиканесской монете конца II в. до н. э.; 10 — нос корабля с тараном на херсонесской монете конца II в. до н. э.; 11 — нос корабля с тараном на фанагорийской монете 30—17/16 гг. до н. э.; 12 — нос корабля с тараном и Никой на погитийской монете после 41 г. н. э.; 13 — нос корабля с тараном на монете Агриппы (Фанаго-

рия) 14—8 гг. до н. э.; 14 — нос корабля с тараном на пантиканесской монете конца II — начала I в. до н. э.; 15 — военный корабль с бараном на палубе на стеклянной гемме I в. н. э., Беляуз; 16 — кормовая часть торгового судна, граффити, эллинизм; 17 — реконструкция торгового судна, затонувшего в районе Евпатории, конец IV — начало III в. до н. э.; 18 — мачты, реи и парус торгового судна, граффити, эллинизм, Пантикапей; 19 — кормовая часть торгового судна, граффити II в. до н. э. — I в., Пантикапей; 20 — носовая часть торгового судна, граффити, Пантикапей, I в. до н. э. — I в. н. э.; 21 — бортовая часть торгового судна, граффити I в. до н. э. — I в. н. э.; Пантикапей; 22 — носовая часть торгового судна на фоне крестовидной стелы, граффити I в. до н. э. — I в. н. э., Патрей; 23 — мачта с тросами стоячего талассжа, граффити I в., Пантикапей; 24 — торговое судно, граффити I в., Пантикапей;

ЧАСТЬ II. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Военные суда

Торговые, транспортные, промысловые
и вспомогательные суда

Таблица LXXXV

25 — двурогий якорь, граффити I в., Южно-Допузлавское городище; 26 — торговое промысловое судно I в., врезной рисунок, Фанагория; 27 — мачта реи и паруса, рельеф II—III вв., Херсонес; 28 — кормовая часть торгового судна, врезной рисунок, I—III вв., Тира; 29 — торговое судно, врезной рисунок, III в., Фанагория; 30 — промысловое судно, граффити III в.,

Пантикапей; 31 — торговый корабль, рисунок краской III в., Китей, склеп; 32 — торговое судно, рисунок краской III в., Пантикапей, склеп; 33 — торговое судно, рисунок краской III—IV вв., Пантикапей, склеп; 34 — торговое судно, рисунок краской III—IV вв., Пантикапей, склеп. Составитель Б. Г. Петер

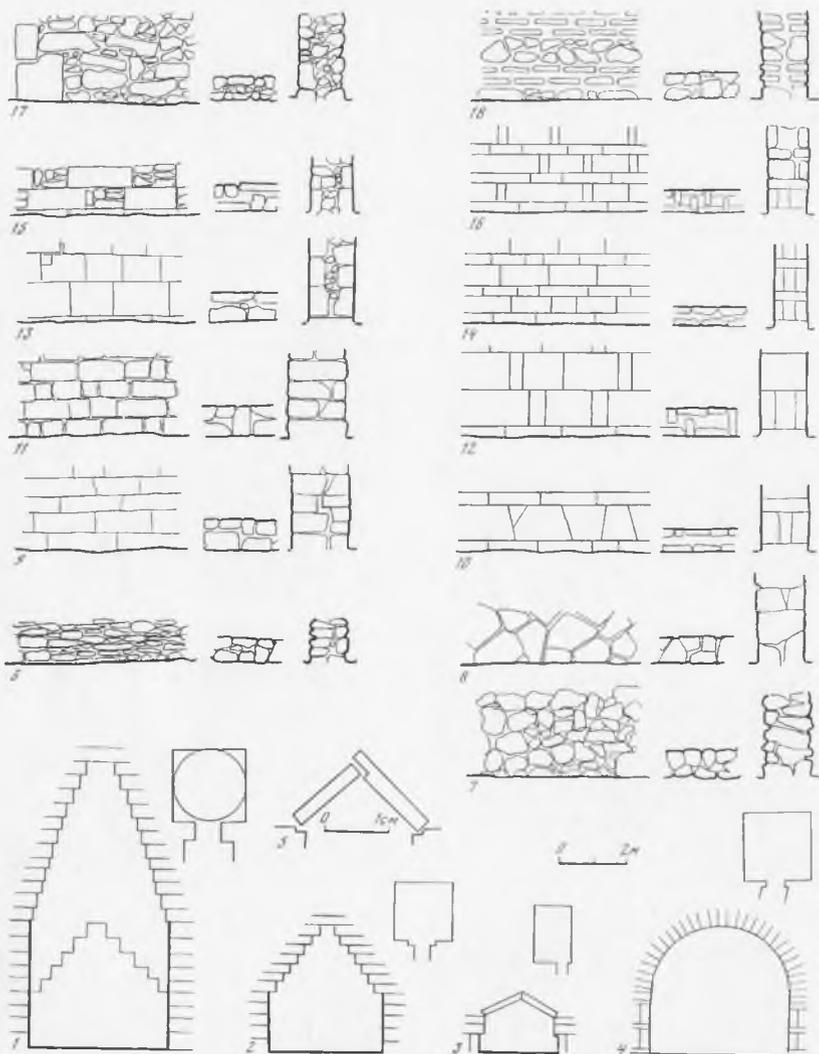

Таблица LXXXVI. Основные типы сводов погребальных сооружений (1—5) и системы кладок стен (6—15)

1 — свод напуском камней с наивдгивами (разрез, план), Царский курган, конец IV в. до н. э.; 2 — то же, Мелек-Чесменский курган, IV в. до н. э.; 3 — перекрытие из двух рядов плит, сходящихся под углом (план, разрез), причтовый сдвиг 1013 в Херсонесе, конец I — середина III в. н. э.; 4 — цилиндрический (полуциркулярный) свод (план, разрез).

скел Еврисвия и Ареты в Ольвии, II в. до н. э.; 5 — прием соединения плит перекрытия склена 1/1912 в Ольвии, конец IV в. до н. э.; 6—15 — основные системы кладок, применявшиеся в Северном Причерноморье. Составитель С. Д. Крижидский

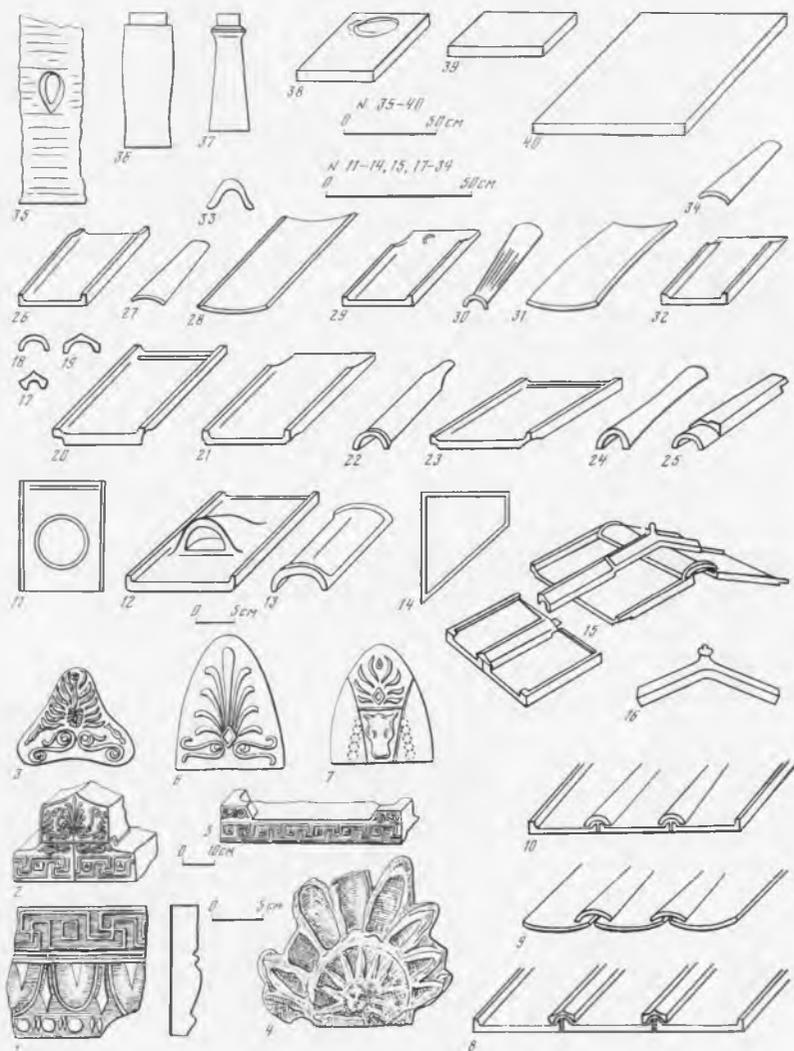

Таблица LXXXVII. Основные виды керамических строительных деталей IV—II вв. до н. э.

1 — терракотовая плитка для украшения своды; 2 — фронтальная черепица; 3, 6, 7 — антефиссы; 4 — антефисс с головой Геллоса; 5 — шток фронтальной черепицы системы кровельных покрытий; 8 — коринфская; 9 — лакокая; 10 — цилиндрическая; 11, 12 — черепица с кровельным окном; 13 — продольный коньковый калитер; 14 — трапециевидная черепица; 15 — кровельное покрытие коринфского типа; 16 — поперечный коньковый калитер; 17, 19 — трансый калитер; 18 — овальный калитер; 20, 21, 23 — солены; 22 —

овальный калитер; 24, 25 — овальный и граниый калитеры. Керамические материалы первых веков нашей эры. 26, 28, 29, 31, 32 — солены; 27, 30, 33, 34 — овальные калитеры; 35 — труба для воздушного отопления; 36, 37 — водонепроницаемые трубы; 38, 39, 40 — обожженные кирпичи. 1, 4, 21, 22, 29, 30 — Херсонес; 2, 5, 12, 13, 16, 23—25, 31, 32, 34 — Ольвия; 3, 6, 7, 14, 17—20, 26—28, 33 — Боспор; 35 — Харакс. Составитель С. Д. Крыжвицкий

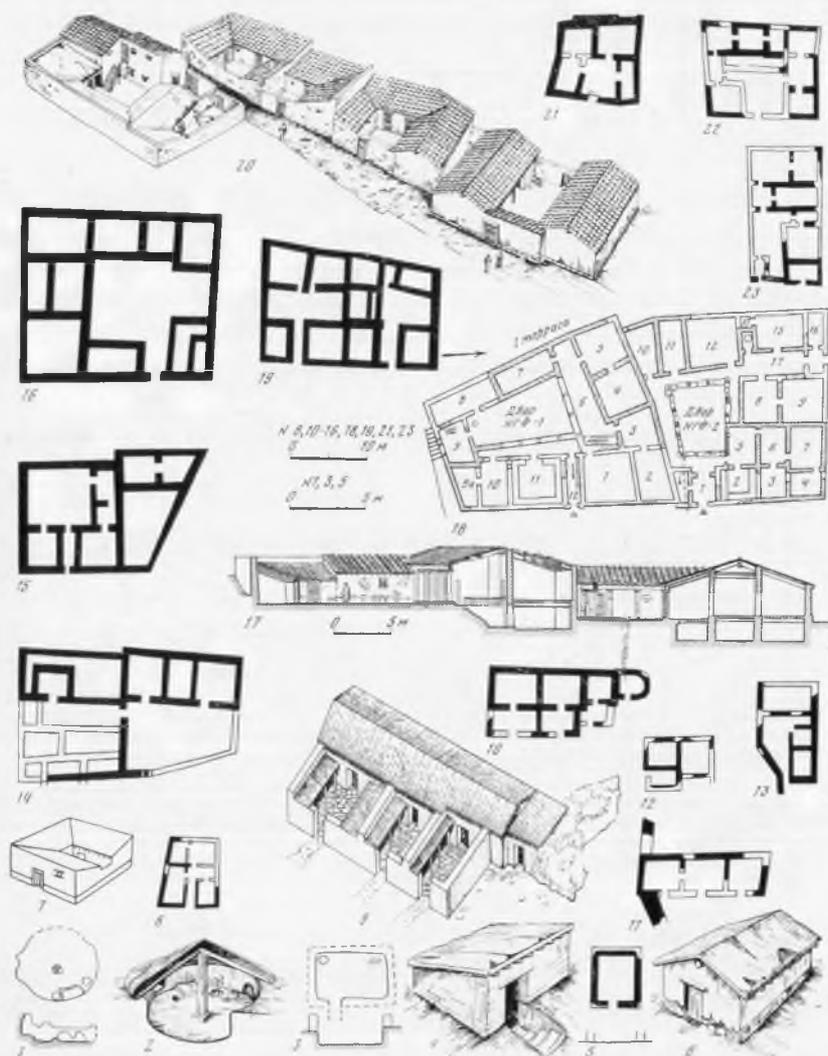

Таблица LXXXVIII. Городские жилые дома VI—II вв. до н. э.

1, 2 — полуземлячки Ольвии второй половины VI в. до н. э. (план, разрез, реконструкция); 3, 4 — обобщенный тип полуземлячки (план, разрез, реконструкция); 5, 6 — дом начала VI в. до н. э. в Паптикапсе (план, разрез, реконструкция); 7, 8 — дом первой половины V в. до н. э. на Берсазии (реконструкция, план); 9, 10 — блок домов VI — начала IV в. до н. э. в Киммерии (реконструкция, план); 11 — план дома второй половины VI в. до н. э. в Тирштале; 12 — план дома конца VI — начала V в. до н. э. в Паптикапсе; 13 — план

дома 14 конца VI — начала V в. до н. э. в Паптикапсе; 14 — дом винодела в Мирмекии; 15 — дом красильщика в Херсонесе; 16 — дом с экседрой в Херсонесе; 17, 18 — дома в Пиллпем городе в Ольвии № 1, 2 (план, реконструкция); 19 — квартал XIII в Херсонесе; 20 — квартал жилых домов у северной оборонительной стены Верхнего города Ольвии (реконструкция, план); 21 — дом II в. в Ольвии; 22 — дом Е-1 в Ольвии; 23 — дом А-3 в Ольвии. Составитель С. Д. Крижицкий

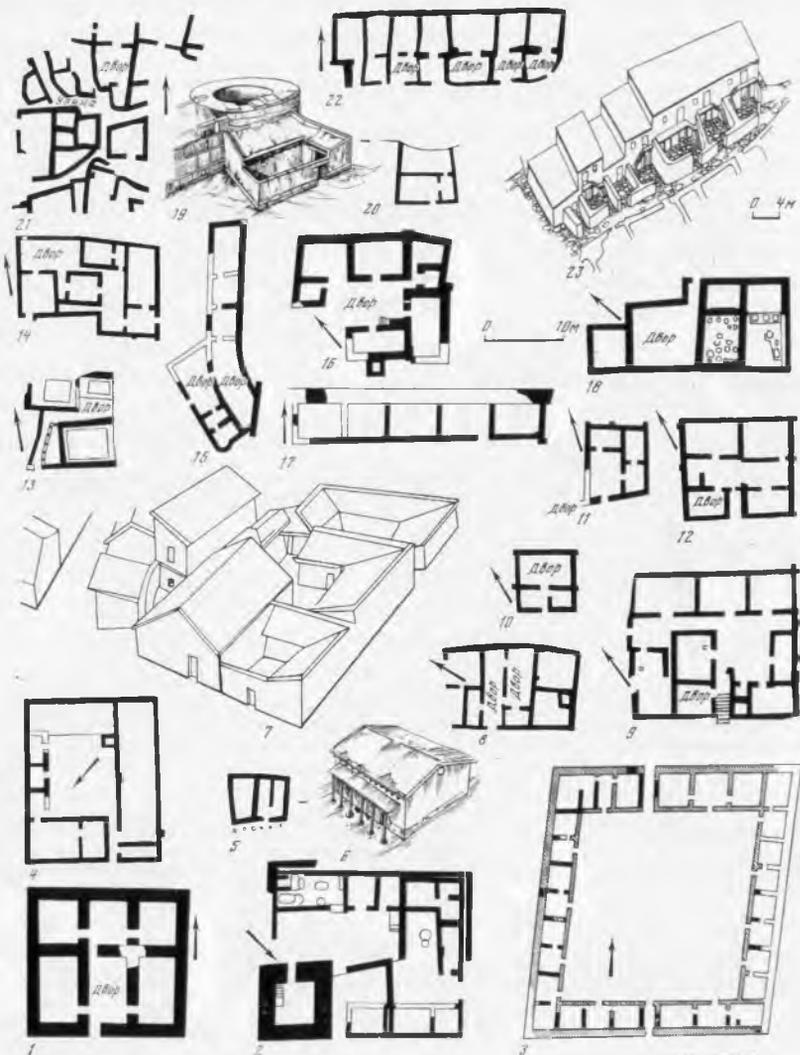

Таблица LXXXIX. Укреплённый дом башенного типа

1 — дом III в. до н. э. в Семибратине городище. Сельские дома эллинистического времени; 2 — дом херсонесского клера № 26 III—II вв. до н. э.; 3 — усадьба конца IV — первой половины III в. до н. э. у Дидовой Хаты; 4 — дом херсонесского клера № 3 IV—II вв. до н. э.; 5, 6 — дом № 1 IV в. до н. э. на Южно-Чурубашском поселении (план, реконструкция). Городские дома первых веков нашей эры; 7 — реконструкция квартала жилых домов II — первой половины III в. н. э. на поселении у с. Козырка; 8 — дом II—III вв. н. э. на раскосе А в Таре; 9, 10, 12 — дома середины I—III в. н. э. № 3, 5 на участке 1 и № 6 на участке III в Илурате; 11 — дом № 2 в

Козырка; 13 — дом II—III вв. н. э. с портиком на раскосе II в Танапсе; 14 — дома № 3 и 4 в Козырка; 15 — дом № 5 в Козырка; 16 — дом III—IV вв. н. э. с хозяйственными постройками, Тиритака; 17 — блок домов конца I—III вв. н. э. у оборонительной стены Нижнего города Ольвии; 18 — дом винодела II—IV вв. н. э. в Херсонесе; 19, 20 — дом конца III — середины IV в. н. э. в Таре (реконструкция, план). Дома смеяной традиции; 21 — дома II—I вв. до н. э. в Танапсе на участке VI; 22, 23 — дома II—III вв. н. э. на поселении у дер. Семейовки (реконструкция). Составитель С. Д. Крыжский

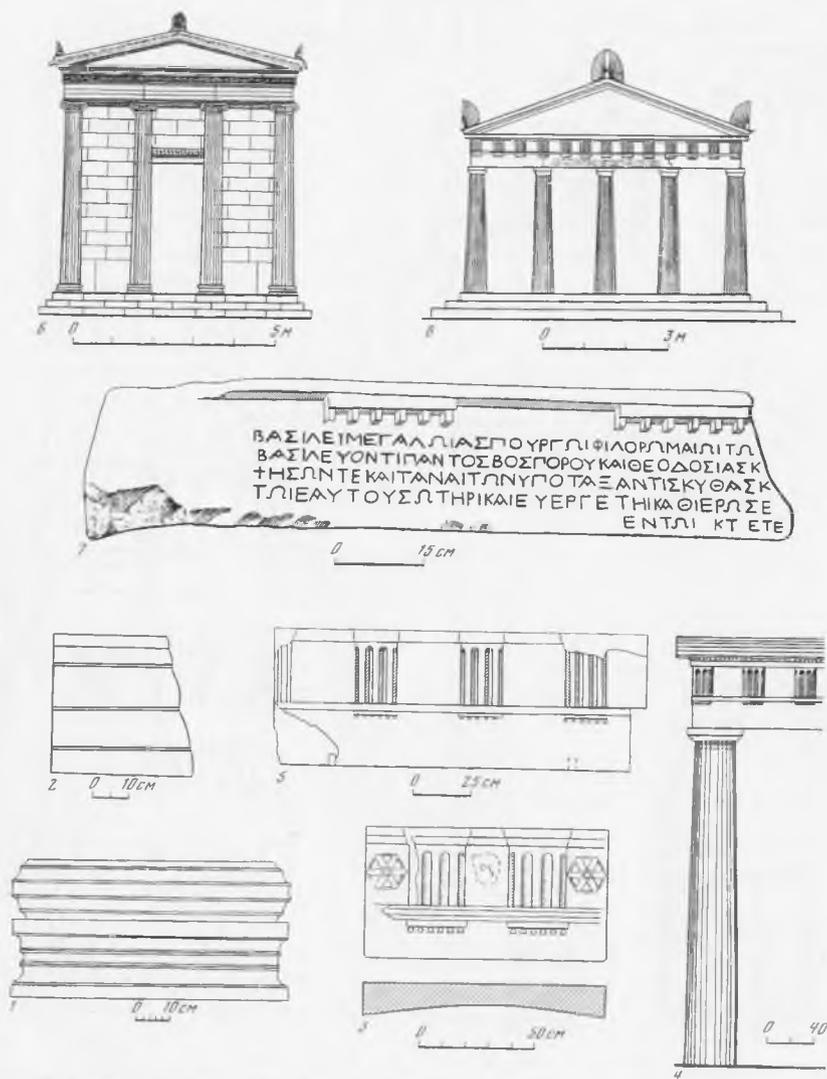

Таблица XC. Архитектура храмов VI в. до н. э. — I н. э.

1 — база ионийской колонны VI в. до н. э., Паптикапей (известная); 2 — часть архитрава того же храма; 3 — часть дорического антаблемента толога в Ольвии II в. до н. э. (известная); 4, 5 — часть дорического портика IV в. до н. э. в Мирмекии (реконструкция Л. Е. Ковалевской); 6 — фасад

ионийского храма в Херсонесе III в. до н. э. (реконструкция Н. Р. Понкина); 7 — часть мраморного дорического архитрава с греческой надписью посвящением царю Аспургу; 8 — фасад храма Аспурга (реконструкция В. Д. Блаватского). Составитель М. М. Кобылина

Таблица ХСІ. Архитектурные детали VI—II вв. до н. э.

1 — часть ионийской канители храма VI в. до н. э., Ольвия, терракота; 2 — акротерий из Нимфея VI в. до н. э., терракота; 3 — украшение алтаря VI в. до н. э., Пантикапей, мрамор; 4, 5 — мраморный фриз с изображением процессии, IV в.

до н. э., Ольвия; 6 — капитель карниза на Херсонесе, IV в. до н. э., мрамор; 7 — часть капители пилястры из Фанагории, II в. до н. э., мрамор; Составитель М. М. Побылина

Таблица ХСII. Архитектурные детали III и II вв. до н. э.

1 — рельеф с меандром II в. до н. э., мрамор, Пантикапей; 2 — позитурный капиталь богатого дома в Пантикапее, II в. до н. э., известняк; 3 — подробенная плита из Пантикапее, II—I вв. до н. э., известняк; 4 — часть дорического антабле-

та из Пантикапее, II в. до н. э., известняк; 5 — часть ионического архитрава, III в. до н. э., Херсонес; 6 — капиталь из Фанагории, III в. до н. э., известняк. Составитель М. М. Кобылина

Таблица ХСIII. Архитектура первых веков нашей эры

1 — изображение Кашитолы на пантикапейской монете I в. н. э.; 2 — изображение крепостных ворот на пантикапейской монете I в. н. э.; 3 — часть ионийского антаблемента из Пантикаея II в. н. э., известняк; 4 — часть кассеты из Гортыпия, мрамор, I в. н. э.; 5 — карниз с рельефным и резным

орнаментом II—III вв. н. э. из Пантикаея, известняк; 6 — антефикс в виде змеиной богини, I в. н. э. из Паятикаея, известняк; 7 — завершение галлгера в виде антефикса (трагической маски), мрамор. Составитель М. М. Кобылина

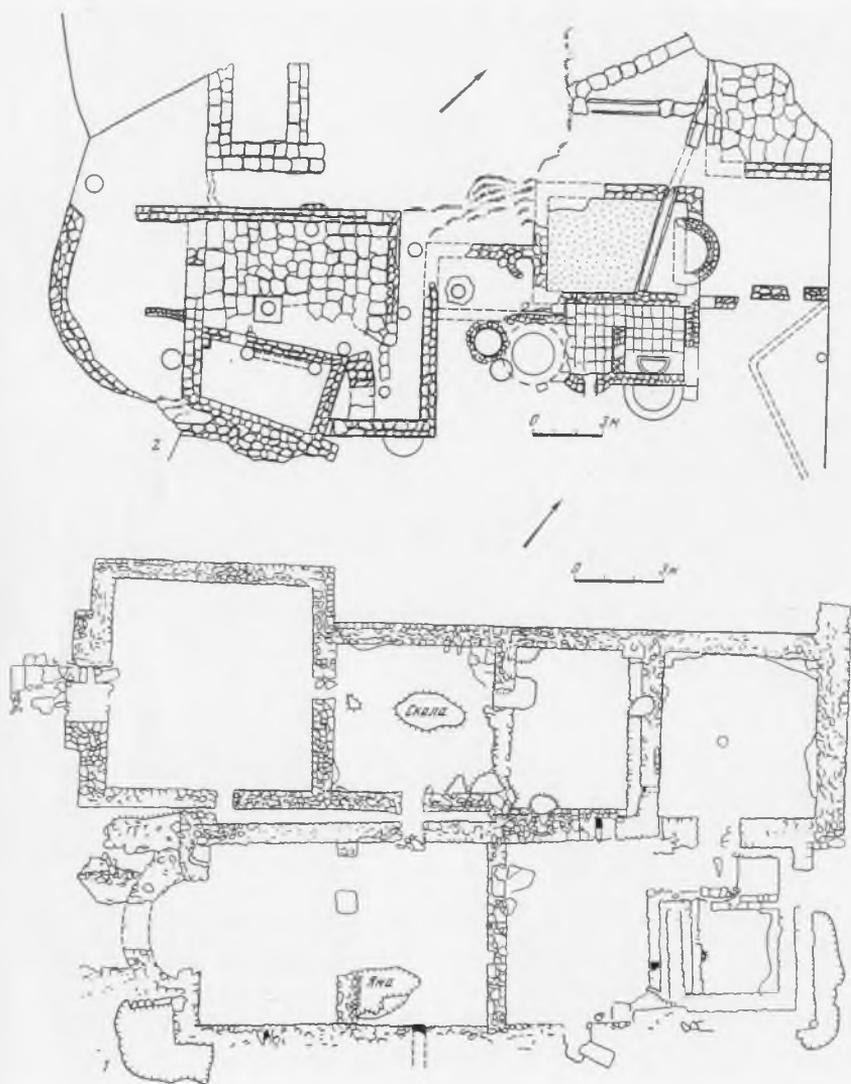

Таблица XCIV. Планы терм

1 — Харакс, 1 — первая половина III в. н. э.; 2 — Пантикапей,
III—IV вв. до н. э. Составитель М. М. Кобыляна

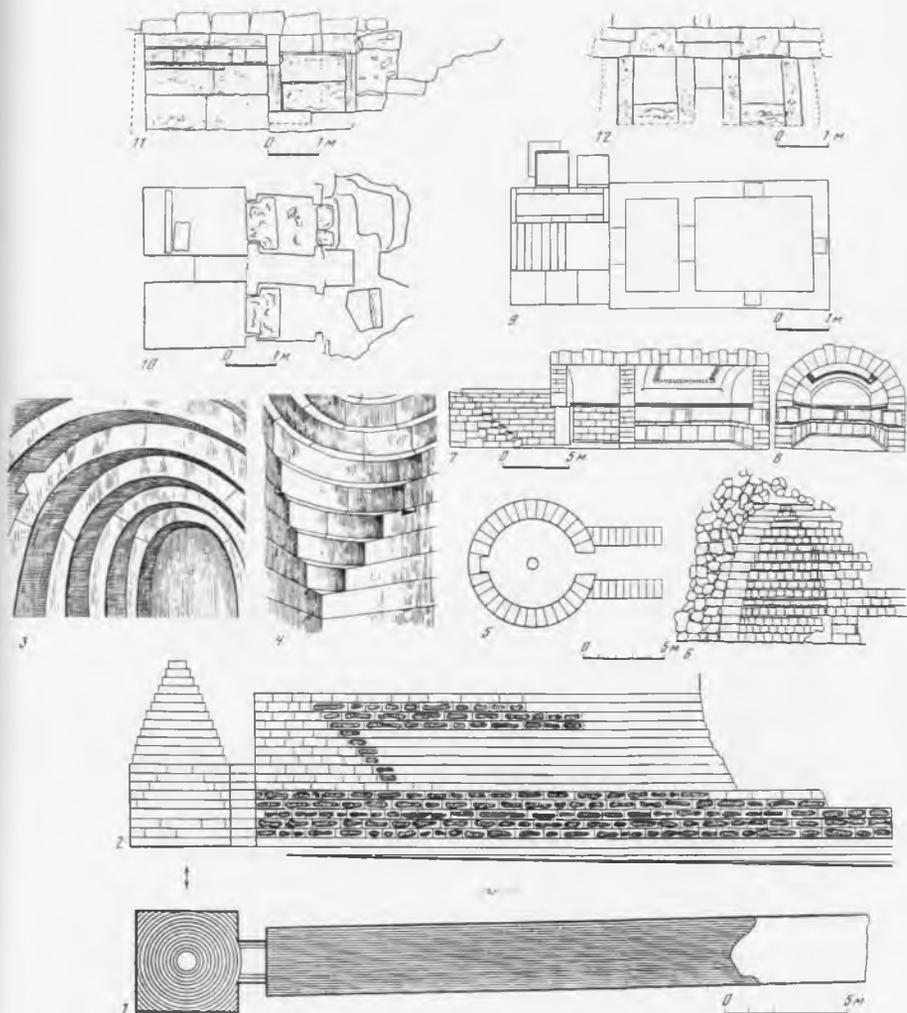

Таблица ХСV. Склепы IV—II вв. до н. э.

1-4 — саркофаг Царского кургана. план, разрез, детали перекрытия погребальной камеры; 5, 6 — саркофаг Золотого кургана IV в. до н. э., план и разрез; 7-9 — саркофаг Васюринского кур-

гана III в. до н. э., план и разрез; 10-12 — двойной саркофаг II в. до н. э. в Пантикапее. план и разрез. Составитель М. М. Кобылява

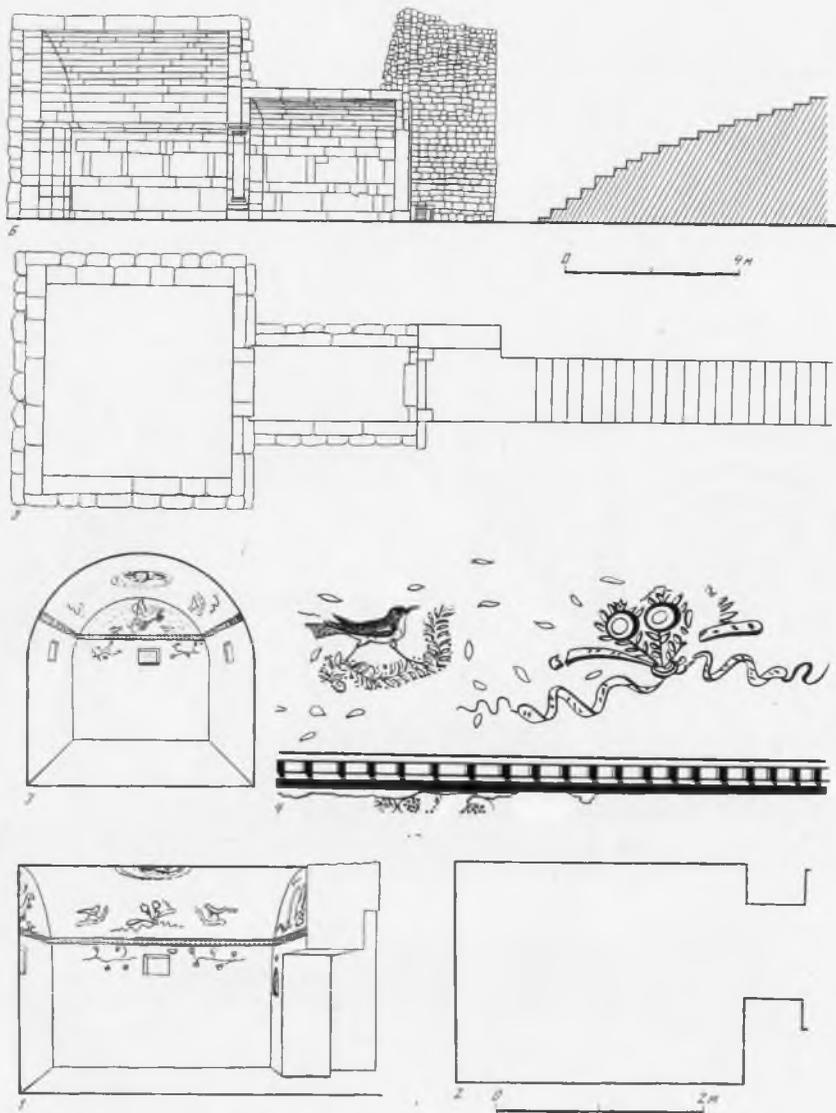

Таблица XCVI. Склепы конца I в. до н. э. — II в. н. э.

1 — склеп Деметры конца I в. до н. э. — начала I в. н. э., план и продольный разрез (продольный и поперечный), план, деталь росписи;

2, 6 — склеп Герасимия и Ареты в Ольвии, план и продольный разрез. Составитель М. М. Кобылина

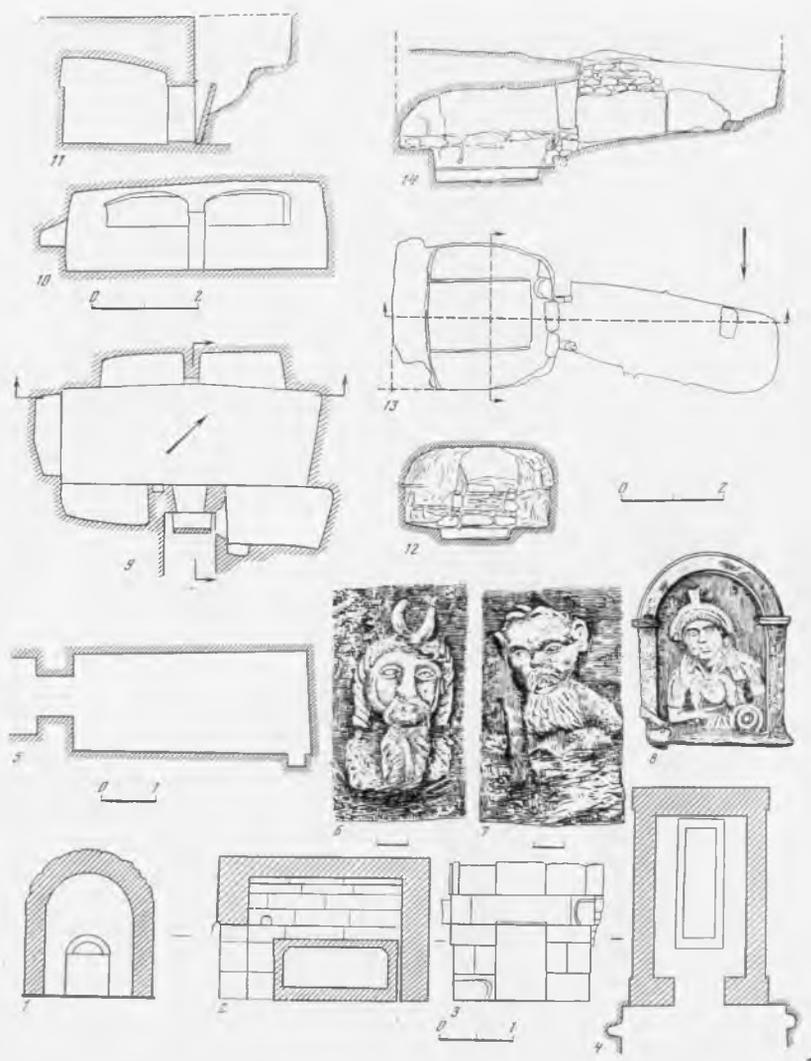

Таблица ХСVII. Склепы первых веков нашей эры

1-4 — каменный склеп в Пантикапее I в. н. э., план, фасад, разрезы; 5-8 — склеп в Нисире III в. н. э., план и рельефные изображения (6 — Паи, 7 — Силеп, 8 — Афина); 9-11 —

склеп в Кизике II-III вв. н. э., план и разрезы; 12-14 — склеп в Иулурате II-III вв. н. э., план и разрезы. Составитель М. М. Кобылина

Таблица ХСVIII. Скульптура VI—IV вв. до н. э.

1 — статуя грифа (может быть, сфинкса) из Ольвии, первая половина V в. до н. э.; 2 — голова куруса из Кен, конец VI в. до н. э.; 3 — голова юноши, IV в. до н. э., Херсонес; 4 — верх-

няя часть аттической стелы с изображением зюппа, первая половина V в., Пантйкапей. Составитель М. М. Гобызина

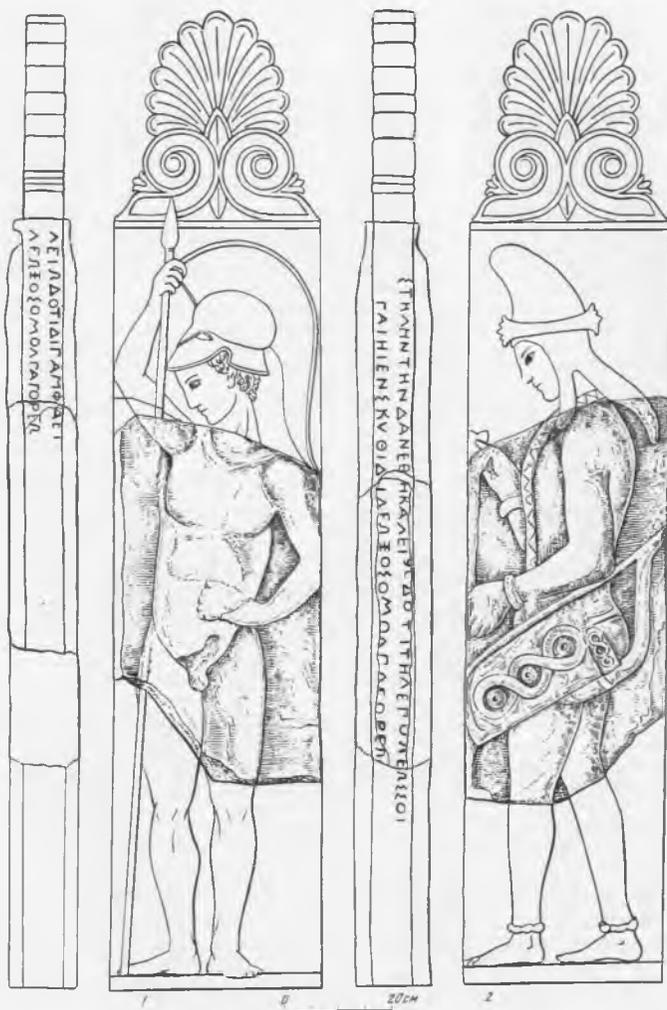

Таблица ХСІХ. Двусторонняя плита с изображением юноши и амазонки (?), первая половина V в. до н. э. из окрестностей Ольвии (мрамор). Составитель М. М. Кобылица

Таблица С. Алтари и жертвенники

1 — алтарь V в. до н. э. из Ольвии; 2 — алтарь-схара из кургана Большая Елпизница, IV в. до н. э.; 3 — алтарь с изображением шествия, конец V — начало IV в. до н. э., Ольвия; 4 — алтарь с гирляндами из Херсонеса, III в. до н. э.; 5 — терракотовый алтарь из Херсонеса, III в. до н. э.; 6 — кру-

тый терракотовый алтарь из Ольвии, I в. н. э.; 7 — алтарь с изображением Геракла и Гермеса, II в. н. э., Херсонес; 8 — алтарь Немезиды из Херсонеса, IV в. н. э.
1, 2, 7 — павестияк; 3, 4, 8 — мрамор; 5, 6 — терракота. Составитель М. М. Кобылина

Таблица С1. Произведения тавров

1 — зеркало из Келермесского кургана, первая половина VI в. до н. э.; 2 — бляшка с изображением Горгоны, VI в. до н. э., Пантикапей; 3 — бляшка в виде крылатой богини, V в. до н. э., Большая Блзница; 4 — украшение ручки кратера, VI в. до н. э., курган у с. Мартовоши Херсоровской обл.; 5 — бляшка с изображением орла, терзающего зайца, Семибратний курган, V в. до н. э.; 6 — височная подвеска с изоб-

ражением головы Афины Парфенос, Куль-Оба, IV в. до н. э.; 7 — килик с гравированным изображением сцены трагедии, вторая половина V в. до н. э., 6-й Семибратний курган; 8 — бляшка с изображением Горы, IV в. до н. э., Большая Блзница

1 — серебро с позолотой; 2, 3 — электр; 4 — бронза; 5, 6, 8 — золото; 7 — серебро. Составитель М. М. Кобылина

Таблица СII. Скульптура

1 — статуя Афины, IV в. до н. э., Ольвия; 2 — портрет синда, IV в. до н. э., Фанагория; 3 — статуя Диониса, IV в. до н. э., Пантикапей; 4 — голова Геракла, IV в. до н. э., Херсонес; 5 — голова Асклепия, IV в. до н. э., Ольвия; 6 — голова Ги-

гизы, III в. до н. э., Пантикапей; 7 — голова Афродиты, I в. до н. э., Пантикапей
1, 3, 5-7 — мрамор; 2 — известняк; 4 — терракота. Составитель М. М. Кобылина

Таблица СIII. Скульптура III в. до н. э. — III в. н. э.

1 — статуя воина с луком, III в. до н. э., Фанагория; 2 — статуя льва, I в. до н. э., Пантиккаей; 3 — надгробная статуя синды, I в. до н. э., Гаманский полуостров; 4 — статуя местной жительницы, I в. н. э., Ахтанизовский джма; 5 — надгробная статуя из Танаиса, III в. н. э.; 6 — статуя местной

жительницы, II в. н. э., Пантиккаей; 7 — посвятельная плита Трифона, III в. н. э., Танаис; 8 — статуя-фонтан, III в. н. э., Ольвия
1, 3, 7 — известняк; 2, 8 — мрамор. Составитель М. М. Кобылина

Таблица CIV. Типы изображений на надгробиях первых веков нашей эры

1 — изображение женщины в позе печали, I в. н. э.; 2 — катафрактарий на стеле Афения, сына Мены, середина I в. н. э., Панфилий; 3 — двухъярусная композиция с изображением героизированного умершего и двух всадников, II в. до н. э., Фанагория (надгробие Агафа, 179 г. н. э.); 4 — над-

гробие Деметрия, сына Аполлония, с изображением конной статуи, I в. н. э., Панфилий; 5 — надгробие Фурия Севта, II—III вв. н. э.; 6 — трехъярусная стела Гликариона I—II вв. н. э., Горгинция; 1, 7 — известняк, 2—6 — мрамор. Составитель М. М. Кобыльня

Таблица CV. Херсонесские надгробия и стенки саркофагов, первые века нашей эры

1 — стена саркофага, II в. н. э.; 2 — деталь того же саркофага; 3 — надгробие женщины, первые века нашей эры; 4 — надгробие Флюкрата, сына Фарнакиона, I в. н. э.; 5 — надгробие трубача Аврелия Сальвиана, II в. н. э.; 6 — надгробие солдата Аврелия Виктора, вторая половина II в.

н. э.; 7 — надгробие жены Христа, III—IV вв. н. э.; 8 — плита саркофага с изображением подвигов Геракла, начало II в. н. э.

1, 2, 4, 5, 8 — мрамор; 3, 7 — известняк; 6 — мрамор и известняк. Составитель М. М. Кобылина

Таблица CVI. Скульптурный портрет первых веков нашей эры

1 — голова боспорского царя (Аспурга?), I в. н. э., Пантикапей; 2 — статуя молодого боспорца, конец I в. н. э., Пантикапей; 3 — статуя Нисола, конец II в. н. э., Горгишния; 4 — портрет царицы Динамии, начало I в. н. э., на окрестностях Новороссийска; 5 — голова боспорца, II в. н. э., Пантикапей; 6 — голова боспорца, II в. н. э., Пантикапей; 7 — портрет

боспорского царя на монете Савромата I (93—118 гг.); 8 — конная статуя боспорского царя на монете Савромата II (186—196 гг.); 9 — портрет боспорского царя на аверсе той же монеты

1—3, 5, 6 — мрамор; 4 — бронза; 7—9 — медь. Составитель М. М. Кобылина

Таблица CVII. Росписи склепов и саркофага II в. н. э.

1 — деталь росписи склепа 1873 г.; 2, 3 — детали росписи Стасовского склепа, первая половина II в. н. э.; 4 — роспись

каменного саркофага, деталь — изображение мастерской жи воишца, Пантикапей. Составитель М. М. Кобылина

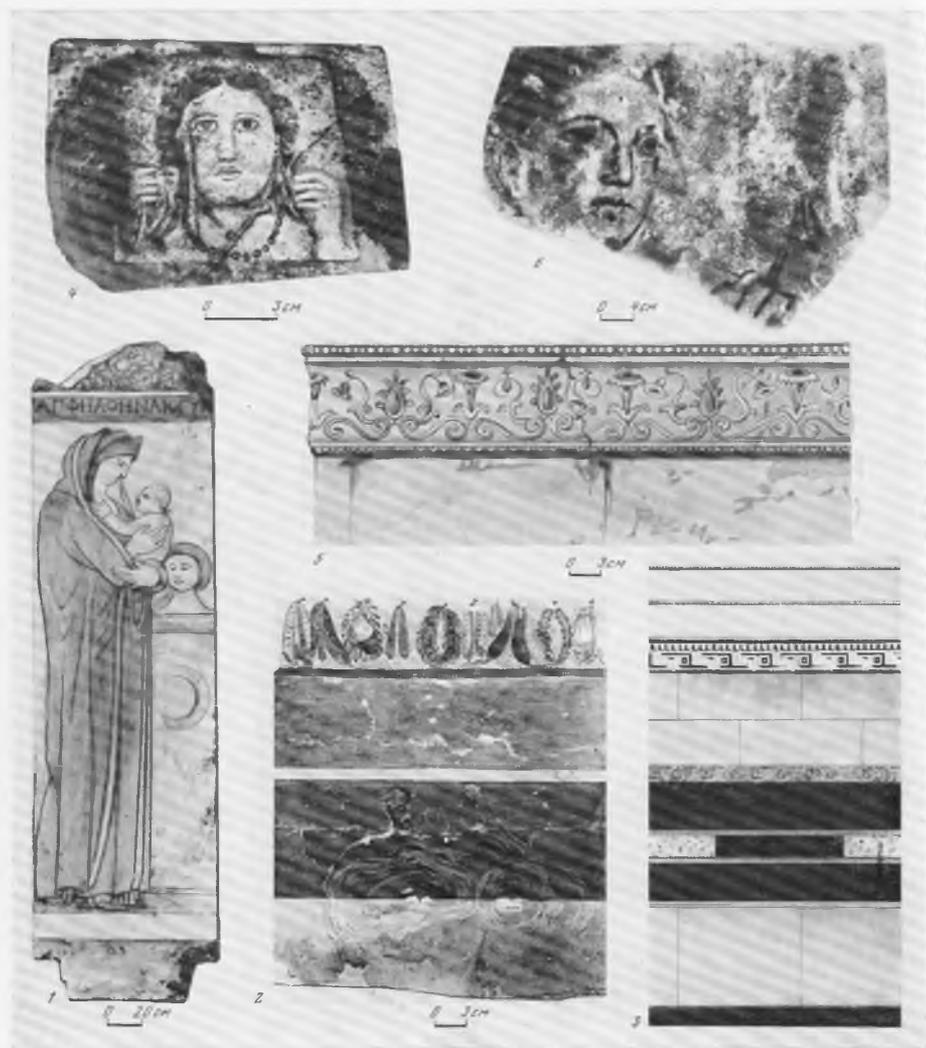

Таблица CVIII. Живопись IV—I вв. до н. э.

1 — надгробие Алфры, IV в. до н. э., Паитикапей; 2 — роспись склепа 1908 г., III в. до н. э., Паитикапей; 3 — роспись стены дома (реконструкция), II в. до н. э., Паитикапей; 4 — голова Кору на ламповом камне склепа Большая Близица, IV в.

до н. э.; 5 — полихромный фриз в камере склепа Большая Близица, IV в. до н. э.; 6 — роспись мраморного надгробия — голова и рука юноши, IV в. до н. э., Херсонес. Составитель М. М. Кобылина

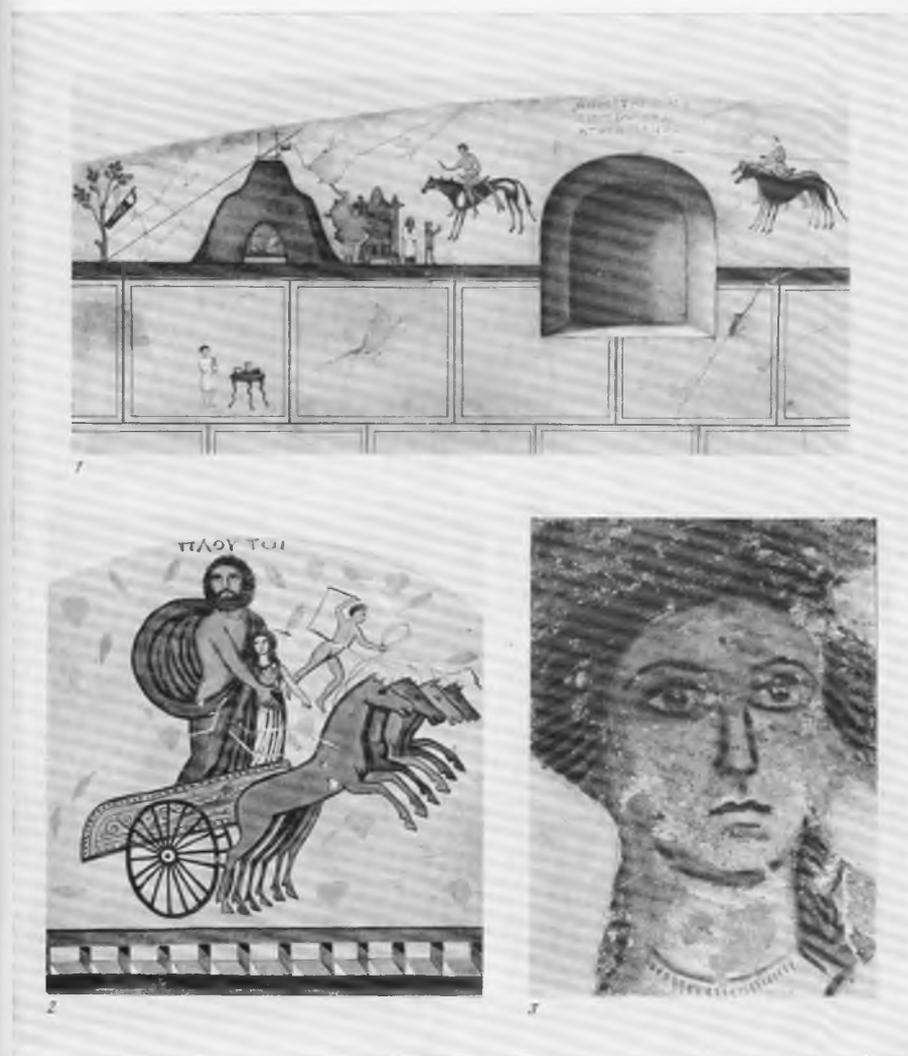

Таблица CIX. Росписи паитикапейских склепов I в. до н. э. — начала I в. н. э.

1 — роспись задней стены склепа Авфестерия, I в. до н. э.; 2 — деталь росписи склепа Деметры, Плутона, похищающий Кору; 3 — голова Деметры в центре свода. Составитель М. М. Кобылина

4

5

3

1

2

Таблица СХ. Росписи склепов II—III вв. н. э.

1, 2 — росписи склепа 1975 г. в Горинплии, начало III в. н. э.; 3, 4 — детали росписи потолка второй комнаты склепа

1873 г.; 5 — деталь росписи склепа Сорак, II в. в. э. Составитель М. М. Кобылина

Таблица СХI. Мозаики

1 — Херсонес, II в. до н. э.; 2 — Ольвия, II в. до н. э.;
3 — Ольвия, I в. н. э. Составитель М. М. Кобылина

Таблица СХII. Импортные вазы VI—I вв. до н. э.

1 — лекиф работы Кесопфанта, начало IV в. до н. э., Пан-
тикапей; 2, 3 — боспорские пелики, IV в. до н. э. (2 — Пан-

тикапей. 3 — Тиритака); 4—7 — полихромные вазы из Ольвии
и Пантикапей. Составитель М. М. Кобылина

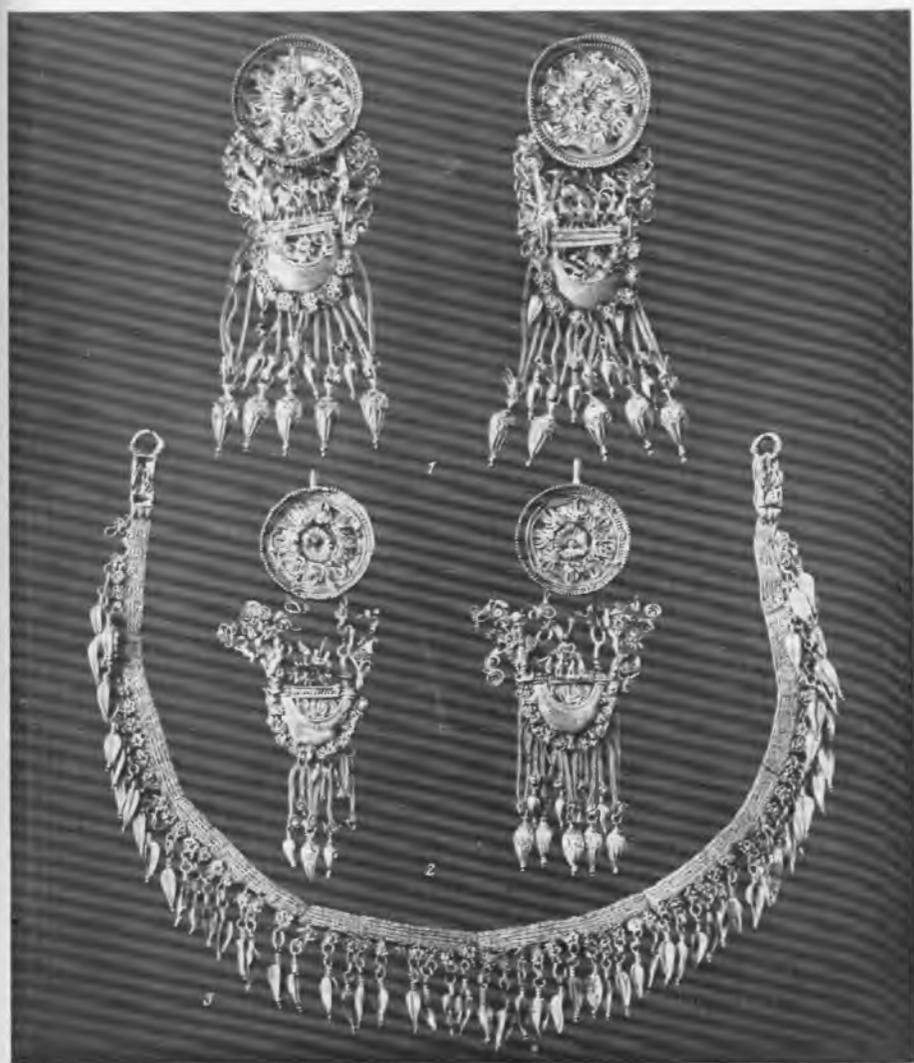

Таблица СХШ. Золотые серьги и ожерелье IV в. до н. э.

1 — Феодосия; 2, 3 — Херсонес. Составитель М. М. Кобыльча

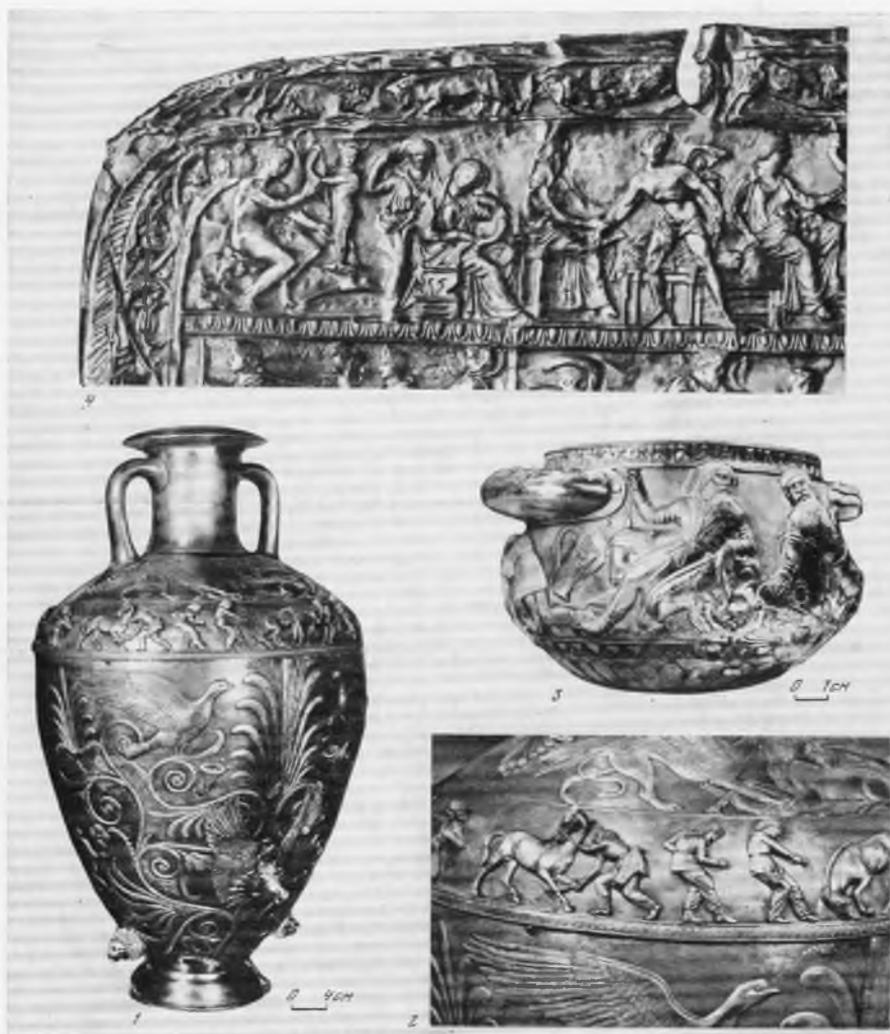

Таблица СХІV. Произведения торевтики IV в. до н. э.

1 — чертомлыцкая амфора, начало IV в. до н. э.; 2 — деталь этой амфоры; 3 — чаша с изображением скифов из Гаймашо-

вой могилы, IV в. до н. э.; 4 — оббивка горита из Чертомлыцкого кургана, IV в. до н. э. (деталь); 1 — билон, 2—4 — золото. Составитель М. М. Кобылина.

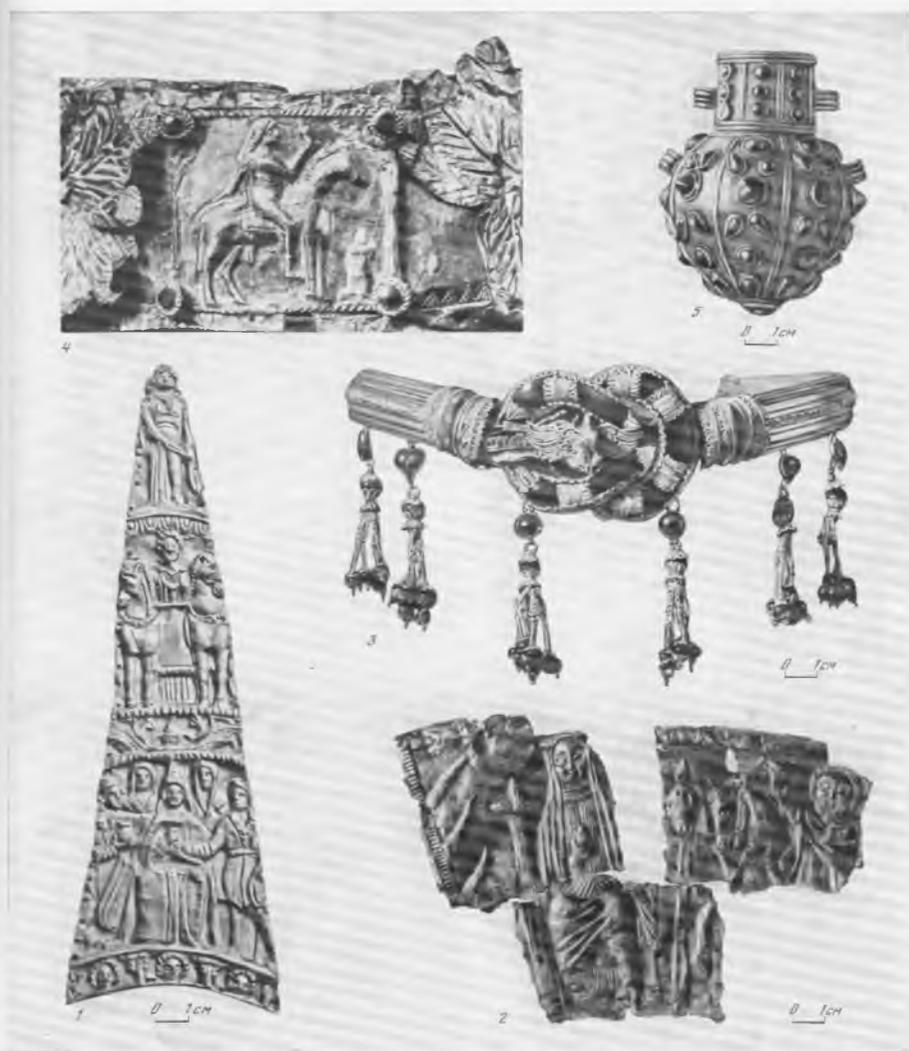

Таблица CXV. Торевтика IV—III вв. до н. э. — III—IV вв. н. э.

1 — пластина из кургана Парагодеуах, III в. до н. э.; 2 — пластина из кургана с Мерджаны, IV—III вв. до н. э.; 3 — диадема из Артюховского кургана, II в. до н. э.; 4 — деталь

погребального вешка с изображением даря, II в. н. э., Пантйапей; 5 — флакон позолоченного стиля, III—IV вв. н. э., Пантйапей. Все — золото. Составитель М. М. Кобылина

Таблица CXVI. Произведения торевтики. Обивки горитов

1 — Мелитопольская; 2 — Ильинская; 3 — Елизаветовская;
4 — Чертомлыцкая. Детали обивок: 5, 6 — Мелитопольской;

7, 8 — Ильинской; 9, 10 — Елизаветовской; 11, 12 — Чертомлыцкой. Составитель П. А. Онайко

Таблица XXVII. Культовые терракоты

1 — сидящая на троне пара, Березань, самосская; 2 — протоматрион, Пантикапей, самосская; 3 — богиня на троне, Тиритака, родосская; 4 — Кибела Ольвия; 5 — Кора, Тиритака, родосская; 6 — Кора, Пантикапей, коринфская; 7 — Кабир, Березань, ионийская; 8 — богиня на троне, Пантикапей, местная; 9 — Деметра, несущая Кору, Пантикапей, аттическая; 10 — Афродита, курган Большая Близница, аттическая; 11 — женщина с ребенком, Пантикапей, местная; 12 — юнота с собакой, Фалагори, аттическая; 13 — актер в маске старика и хитоне в плече, Большая Близница, аттическая; 14 — Фрот, Ольвия, местная; 15 — Тяхе, Пантикапей, импорт; 16 —

Геракл, Пантикапей, местная; 17 — Аттис, Пантикапей, западночерноморская; 18 — Кибела, Ольвия, местная; 19 — Афродита Аладомена, Пантикапей, местная; 20 — девочка с петухом, Пантикапей, местная; 21 — всадник, Пантикапей, местная; 22 — Мифра-Аттис, Пантикапей, местная; 23 — воин, опирающийся на щит, Пантикапей, местная; 24 — Тихе, Пантикапей, местная; 25 — актер-мим, Пантикапей, местная; 26 — погонящик с быком, Паураг, местная; 27 — всадник со щитом, Пантикапей, местная; 28 — Богиня, сидящая на троне, Пантикапей, местная; 29 — женский плод из гордища Елисаветовское, лешая. Составитель М. М. Кобылина

Таблица СХVIII. Театр и актеры

1 — актер, сидящий на алтаре, V в. до н. э.; 2 — кресло из театра, Пантикапей, IV в. до н. э.; 3 — актер в виде сиделки, IV в. до н. э., Пантикапей; 4 — актер в женской роли, IV в. до н. э., Большая Близница; 5 — актер в маске раба, IV в. до н. э., Большая Близница; 6 — актер в маске раба, IV в. до н. э., Пантикапей; 7 — маска раба, IV в. до н. э., Ольвия;

8 — трагическая маска, I в. н. э., Пантикапей; 9 — трагический актер, I в. н. э.; 10 — актер в женской роли, IV в. до н. э., Пантикапей; 11 — актер в маске Сатира, II в. до н. э., Пантикапей
1, 4—11 — терракоты, 2, 3 — мрамор. Составитель М. М. Кобылина

Таблица СХІХ. Музыкальные инструменты

1 — сирена с линией и плектроном в руках, современный отлиск в форме IV в. до л. э., Фалатония; 2 — бронзовые части лиры, II в. п. э., Палтикапей; 4 — 7 — терракотовые статуэтки с музыкальными инструментами (4 — свирель, 5 — тригон (арфа), 6 — тамбурич, 7 — кифара); 8 — часть флей-

ты, сложенная кость, черные вена нашей эры, Палтикапей; 9 — деталь росписи саркофага — группа музыкантов с двойной флейтой и органом, Палтикапей, II в. н. э. Составитель М. М. Кобылина

Таблица СХХ. Монеты с изображением божеств

1 — Афина, начало V в. н. э., Ольвия; 2 — Деметра, IV в. до н. э., Ольвия; 3 — Артемиды, I в. до н. э., Пантикапей; 4 — Аполлон, III в. до н. э., Ольвия; 5 — Дионис, I в. н. э., Пантикапей; 6 — Геракл, III в. до н. э., Ольвия; 7 — Борисефен, II в. до н. э., Ольвия; 8, 9 — Херсепис, I в. н. э. (аверс —

Зевс, реверс — богиня Дева); 10, 11 — Херсепис, 47 г. н. э. (аверс — Херсепис, реверс — Дева); 12 — Аполлон, II в. н. э., Ольвия; 13 — Афродита Апатура Урапии, конец II — начало III в. н. э.; 14 — Юпитер, конец II — начало III в. н. э., Ольвия. Составитель М. М. Кобылина

Таблица СХМ. Культурные изображения IV в. до н. э. — III в. н. э.

1 — плита с изображением поклонения Деметре и Коре, IV в. до н. э., Пантикней; 2 — плита с посвящением Афродите Урании, III в. до н. э., Пантикней; 3 — посвящение ситонов, II в. до н. э., Оливия; 4 — Герма Диониса, жертвоприношение овцы, Пантикней; 5 — посвятившая надпись, фиасоты,

Талава, 104 г. н. э.; 6 — ирец, несущий изображение богини, III в. н. э., Пантикней
1-3, 5 — мрамор; 4, 6 — терракота. Составитель М. М. Кобылява

Таблица СХХII. Святилища Деметры в Нимфее и Фаагории

1 — остатки святилища в Нимфее, VI в. до н. э.; 2 — статуэтка Коре, конец VI — начало V в. до н. э.; 3 — гидрофора, V в. до н. э.; 4 — чернофигурная гидрия конца VI в. до н. э.; 5 — серокирпичный светильник, VI в. до н. э.; 6 — протома Деметры, первая половина V в. до н. э.; 7 — килик с посвящением Деметре; 8 — фрагмент статуэтки Кабира, V в.

до н. э.; 9 — Деметра и Кора, начало IV в. до н. э.; 10 — голова протомы Деметры, V в. до н. э.; 11 — протома Деметры, IV в. до н. э.; 12 — статуэтка Деметры, IV в. до н. э.; 13 — статуэтка Коре, начало IV в. до н. э.
1-7 — Нимфей; 8-13 — Фаагория. Составитель М. М. Кобылица

Таблица СХХШ. Культовые изображения и сосуды бенефициарис в Аи-Тодоре

1 — Артемида; 2 — Дионис; 3 — Мифра (фрагмент); 4 — Геката. Культовые курильницы: 5 — рельефная курильница из Ольвии. III в. до н. э.; 6 — курильница I в. до н. э., дом Хрисалиска; 7 — курильница с соляными знаками, Белус;

8 — курильница I в. до н. э. — I в. н. э., Кучугуры; 9 — курильница III в. н. э., Кучугуры; 10 — курильница. III в. н. э. Танаис. Составитель М. М. Кобылина

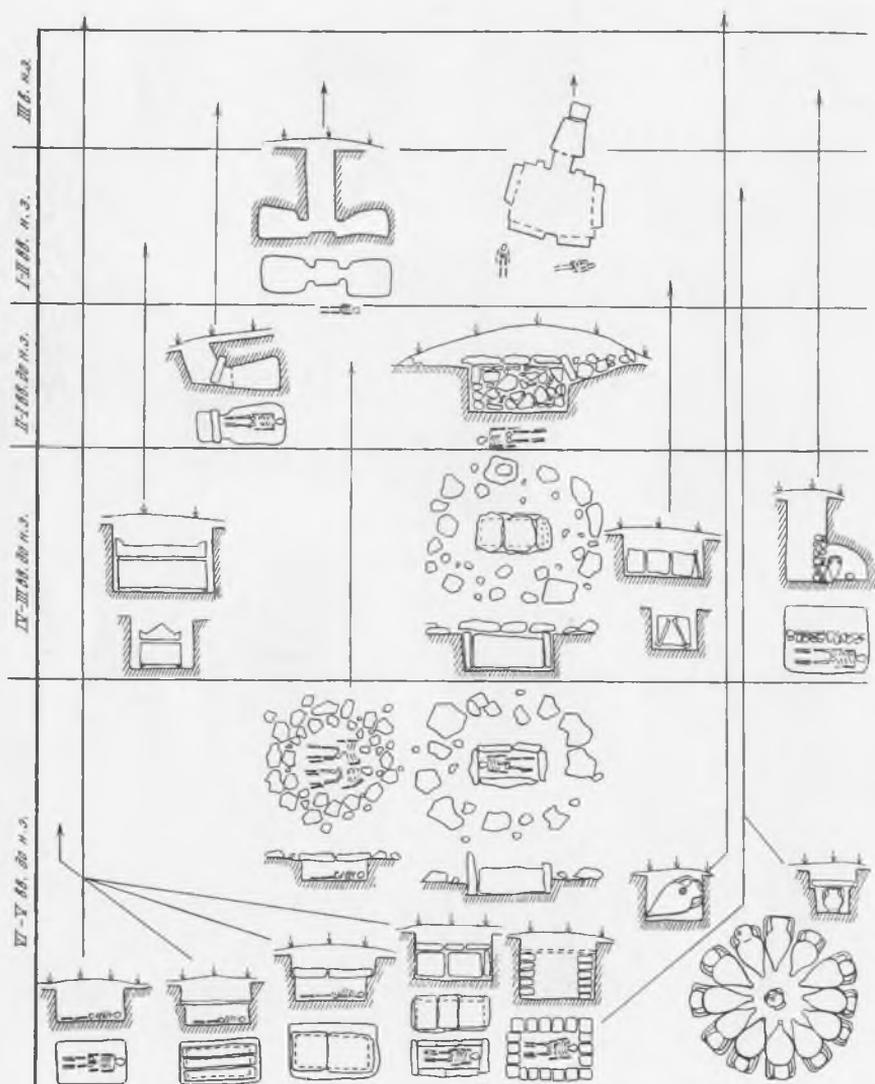

Таблица СХХIV. Типы могил античных некрополей Северного Причерноморья VI в. до н.э. — III в. н.э.
Составитель А. А. Маслеников

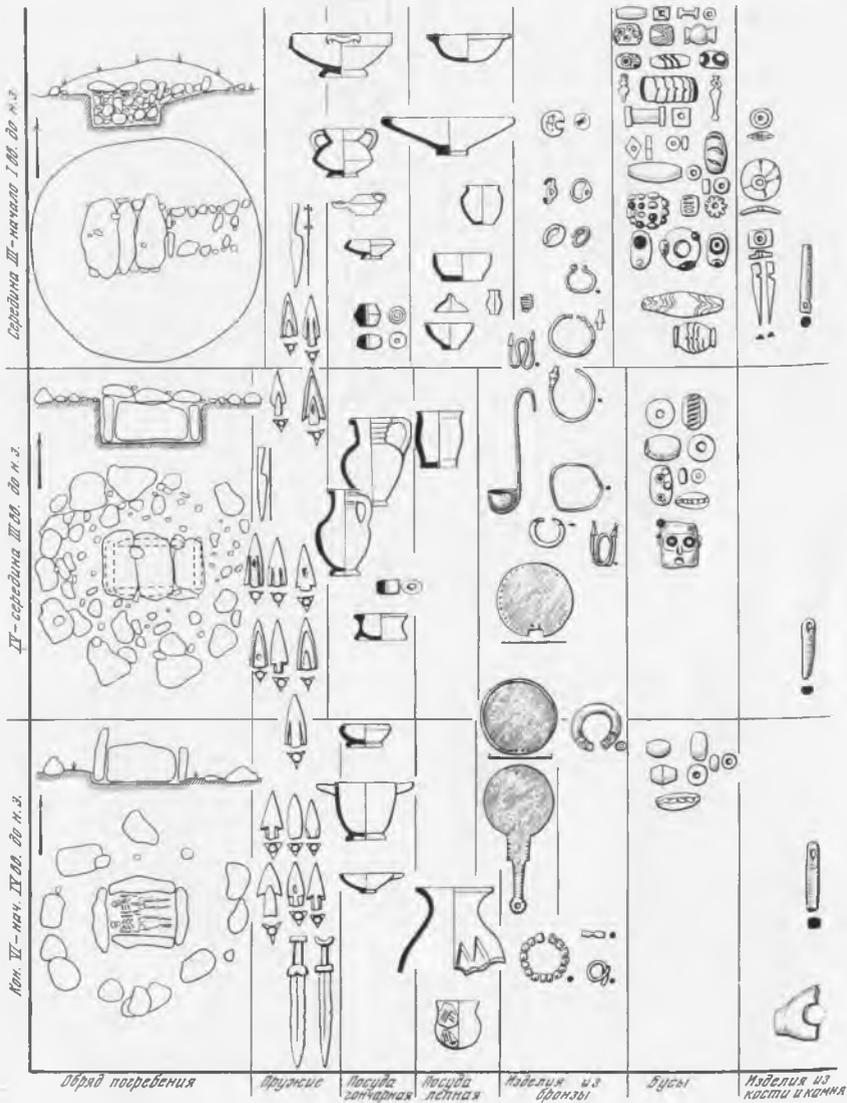

Таблица СХХV. Погребальный обряд сельского населения европейского Босфора VI — начала I в. до н. э.
Составитель А. А. Маслеников

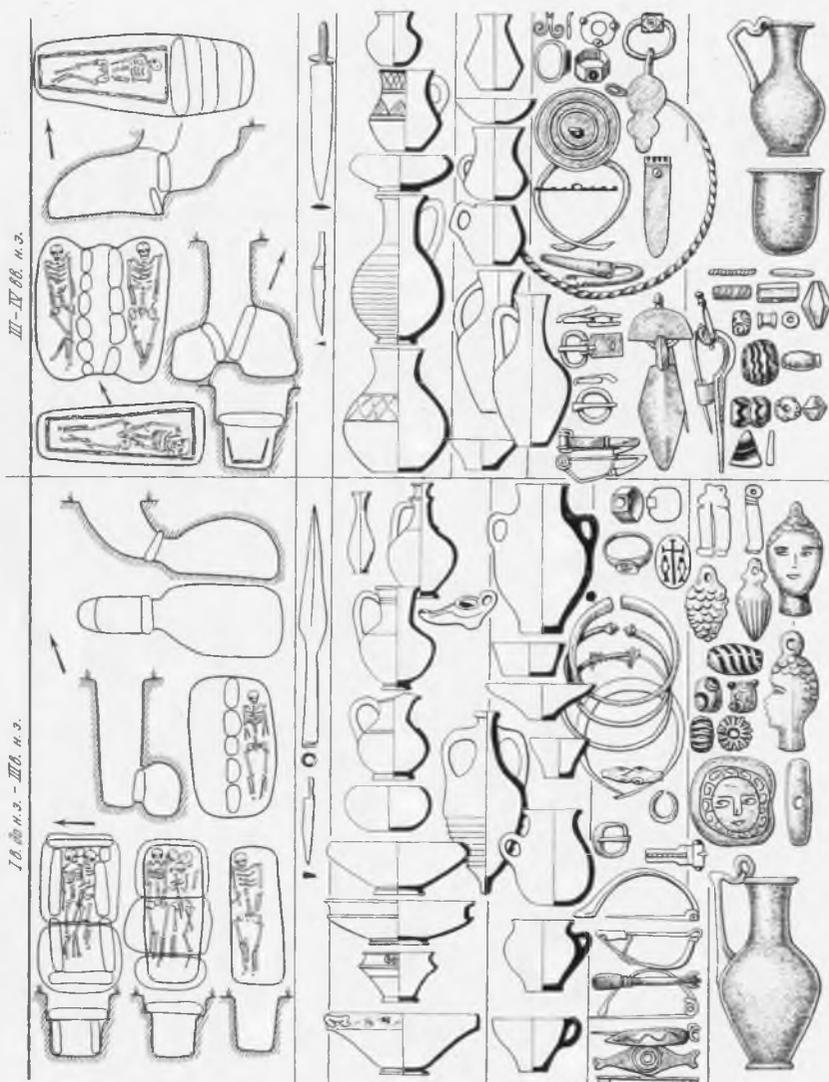

Таблица СХХVа. Погребальный обряд сельского населения европейского Босфора I в. до н. э. — IV в. н. э.
Составитель А. А. Маслеников

Таблица СХХVI. Типы деревянных и каменных саркофагов IV в. до н. э. — I в. н. э.

1 — саркофаг из Юз-Обы, IV в. до н. э.; 2 — Тамалский саркофаг, IV в. до н. э.; 3 — Анапский саркофаг, эллинизм; 4 — деталь того же саркофага; 5 — саркофаг с арочками, II в.

п. э., реконструкция, Пантыкапей; 6 — саркофаг с шибидамп, I в. н. э., Пантыкапей
1, 3—6 — дерево; 2 — мрамор. Составитель М. М. Кобылища

Таблица СХХVII. Украшения саркофагов

1 — костяная пластина с изображением похищения Лейлипид, конец V в. до н. э., Куль-Оба; 2 — тритон, костяная пластина, украшение шатулки, I в. н. э., Тиритак; 3 — деталь саркофага из Змеиного кургана — Аполлон, IV в. до н. э., дерево; 4 — деталь анапского саркофага с черепами, III в. до н. э., дерево; 5 — умирающая ионоида, I в. н. э., терракота;

6 — угловой гипсовый акротерий саркофага из Тиритак, I в. н. э.; 7 — азуриный рельеф, украшение саркофага I—II вв. н. э., Нантиканей, дерево; 8 — маска Медузы Горгоны, I—II вв. н. э., саркофаг из Кеи, терракота. Составитель М. М. Гюблядина

Таблица CXXVIII. Типы надгробий V—I вв. до н. э.

1 — надгробие второй половины V в. до н. э., Пантिकाпей;
 2 — акротерий из Фанагории. IV в. до н. э.; 3—5 — Херсонес
 (3 — стела Мегакла, 4 — стела Геро, 5 — стела Подкасты);
 6 — надгробие с изображением супружеской пары. III в.

до н. э., Пантिकाпей; 7 — надгробие сида. III в. до н. э.
 Ахтинцовский лиман; 8 — надгробие Психариопы, жены
 Маса. I в. н. э., Пантिकाпей. Составитель М. М. Кобыляца

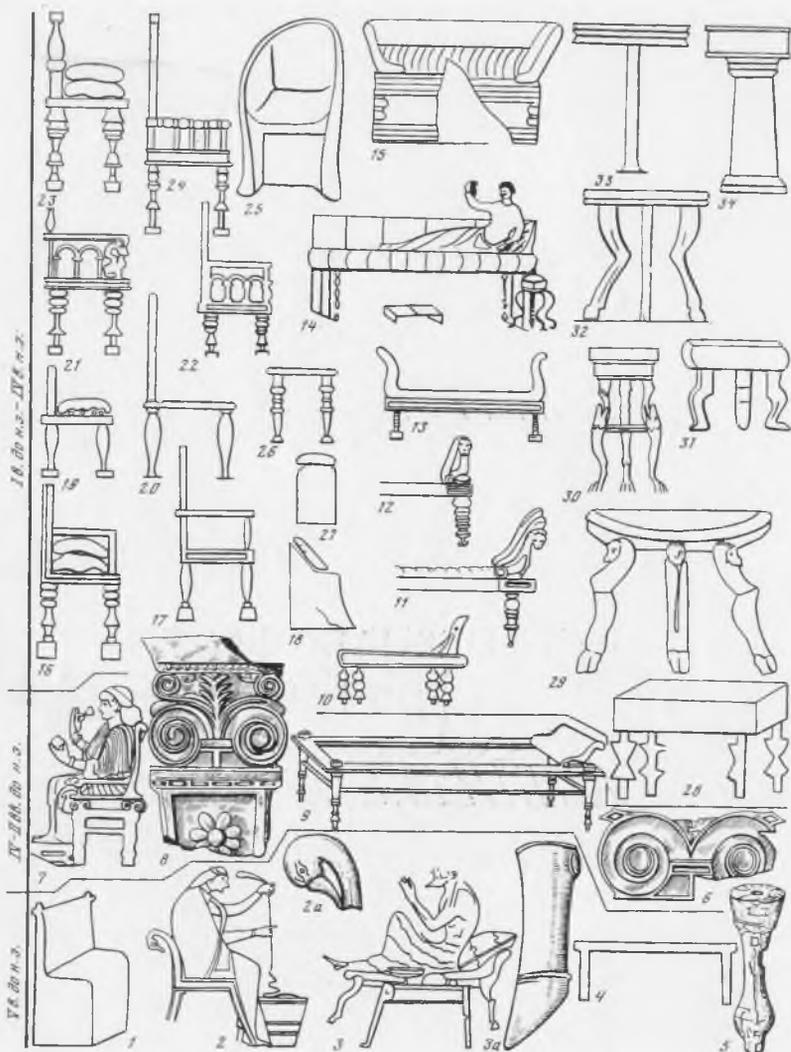

Таблица СХХІХ. Мебель

1 — кресло; 2 — стул (рисунок на чернофигурном аттическом сосуде, VI в. до н. э.); 3, 4, 10, 11—24, 26—29, 31—34 — изображение различных видов мебели в росписях, рельефах и т. п.; 2а — костяная накладка. Ольвия (?); 3а — бронзовая ножка, Пантикапей; 5 — деревянная ножка из 6-го Семибрат-

ного кургана; 6 — костяное украшение ложа из Куль-Обы; 8 — мраморная ножка кресла или стола; 9 — ложе на Артюховского кургана; 25 — терракотовая модель кресла, Пантикапей; 30 — реконструкция стола. Пантикапей, раскопки 1842 г. Составители Е. А. Савостица и Г. А. Цветаева

Таблица СXXX. Ларцы, шкатулки, шкениды, гребни

1 — ларец IV в. до н. э., Тузла; 2 — шкатулка I в. н. э., Керчь; 3 — шкатулка III в. н. э., Боспор; 4 — шкенида IV в. до н. э., Керчь; 5 — шкенида IV—III вв. до н. э., Керчь; 6 — шкенида I—II вв. н. э., Ольвия; 7 — шкенида I—II вв. н. э., Керчь; 8 — гребень VI—II вв. до н. э., Боспор; 9 — гребень

VI в. до н. э.; 10 — гребень I—II вв. н. э., Боспор; 11 — гребень и зеркало в футляре II—III вв. Керчь; 12 — гребень III—IV вв., Херсонес; 13 — пудреница I—II вв. н. э. 1, 2, 4—12 — дерево; 3 — глина; 13 — бронза. Составитель Г. А. Цветаева

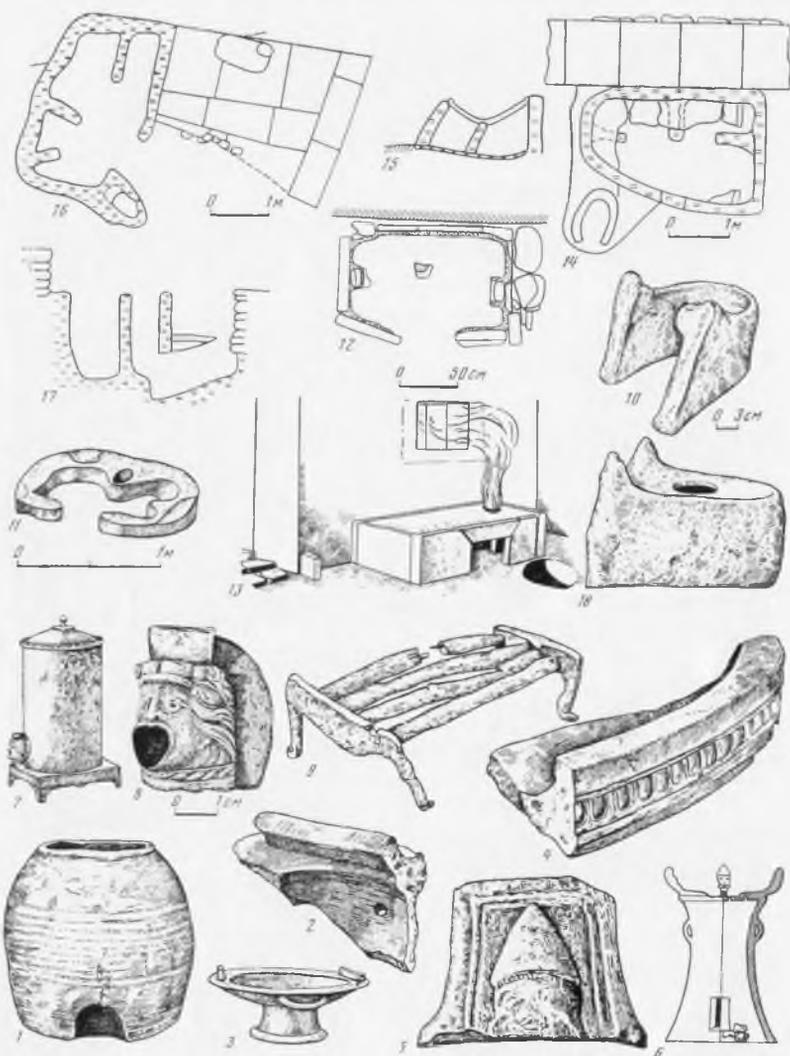

Таблица СXXXI. Печи и жаровни

1 — переносная печь VI в. до н. э., Гермопона; 2 — фрагмент жаровни V в. до н. э., Пантикапей; 3 — жаровня V в. до н. э., Афины; 4 — фрагмент жаровни III в. до н. э., Пантикапей; 5 — фрагмент переносной жаровни II в. до н. э., Пантикапей; 6 — реконструкция жаровни; 7 — реконструкция сосуда для подогревания воды I—II вв. н. э., Горгилия; 8 — край сосуда для подогревания воды I в. н. э., Горгилия; 9 — решетка-подставка для дров II—III вв. н. э., Горгилия; 10, 13 — очажные под-

ставки II—III вв. н. э., Семеновка; 11 — очаг II в. н. э., Пантикапей; 12—13 — печь II—III вв. н. э., Плурад (план, реконструкция); 14—15 — печь с лекапкой, III—IV вв. н. э., Батарейка I (план, разрез); 16—17 — печь IV в. н. э., Батарейка I (план, разрез); 18—11 — глина; 7, 8 — бронза; 9 — железо. Составитель Е. А. Савостина

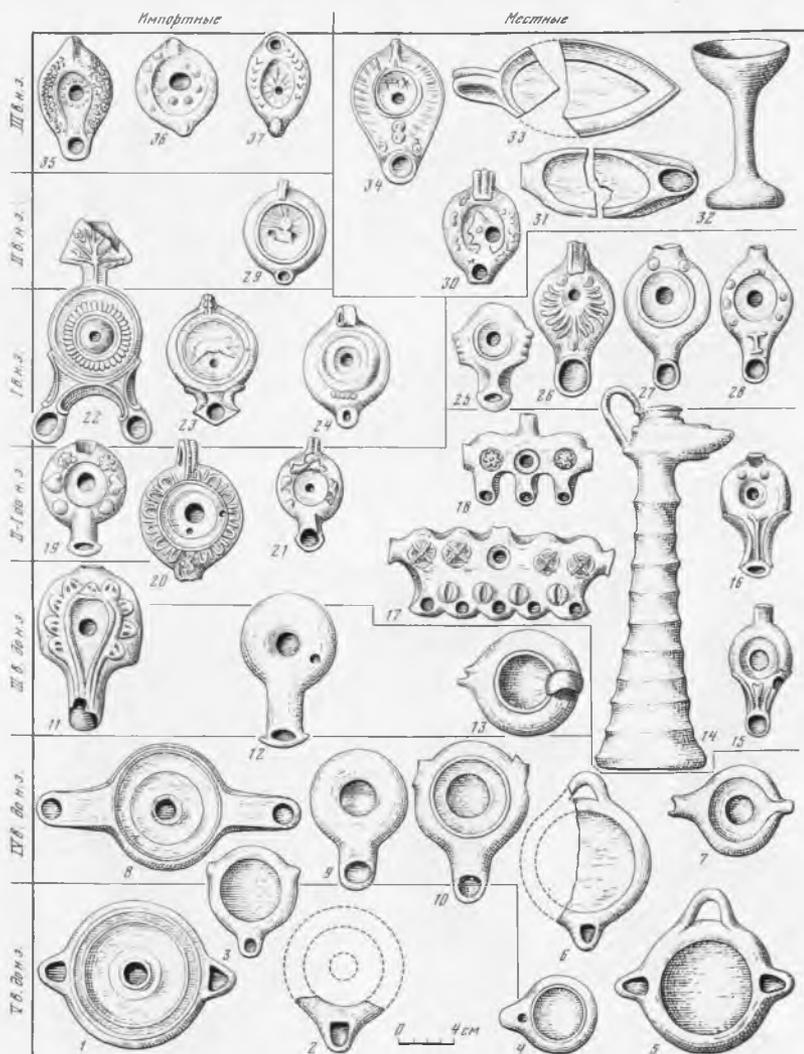

Таблица СXXXII. Свечи́льники
Составитель Г. А. Цветаева

Таблица СXXXIII. Аттическая керамика

1 — гидрия, IV в. до н. э.; 2 — арибаллический деканф, IV в. до н. э.; 3 — келикс, середина IV в. до н. э.; 4 — вальсида, полухромная роспись с позолотой, IV в. до н. э.; 5 — панафийская амфора, 70-е годы IV в. до н. э.; 6 — то же, обратная

сторона; 7 — ойнохос с изображением Диониса и Арнады, IV в. до н. э.

1, 5, 7 — место находки неизвестно; 2, 8 — Херсонес; 3 — Пантикапей; 4, 6 — Юз-Оба. Составитель Е. Г. Кастанани

Таблица СXXXIV. Детские игрушки

1 — погремушка, расписана красной краской и фиолетром, глина; 2—9 — фигурки из детского погребения V в. до н. э., Пизифей; 10 — зурка из погребения V в. до н. э., Пантикапей; 11 — собачка, Иорфмий; 12 — погремушка в виде золотой двусторонней раковины, Пантикапей; 13 — глиняная повозка;

14 — бычок; 15 — повозка, Пантикапей; 16 — лошадка, Херсонес; 17 — игрушечный горит; 18 — бычок, терракота, Тиритака; 19 — повозка; 20 — погремушка, Пантикапей. Составитель Г. А. Цветаева

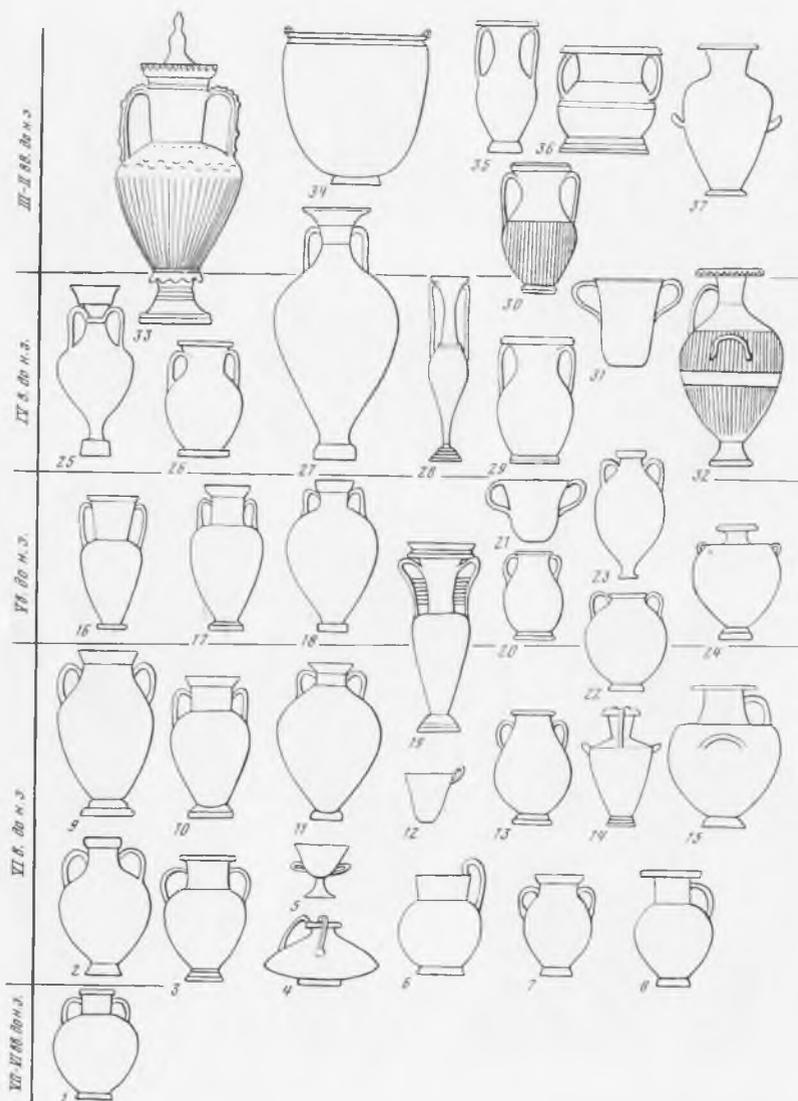

Таблица СXXXV. Типы греческих сосудов

1—3, 7, 9, 10, 16, 17, 22, 23, 25, 33 — амфоры; 4, 6 — кувшины; 5, 12, 21, 31 — кубки; 8, 14, 15, 24, 32, 37 — гидрии; 11, 18, 27 — паллафинеские амфоры; 13, 20, 26, 29, 30, 35, 36 — пели-

ки; 19, 28 — амфоры-лутрофоры; 34 — ситула. Составитель Е. Г. Кастаная

Таблица СXXXVI. Типы греческих сосудов

1—4, 8—14 — кратеры; 5 — стамнос; 6 — киаф; 7 — динос;
15 — искитер. Составитель Е. Г. Каставали

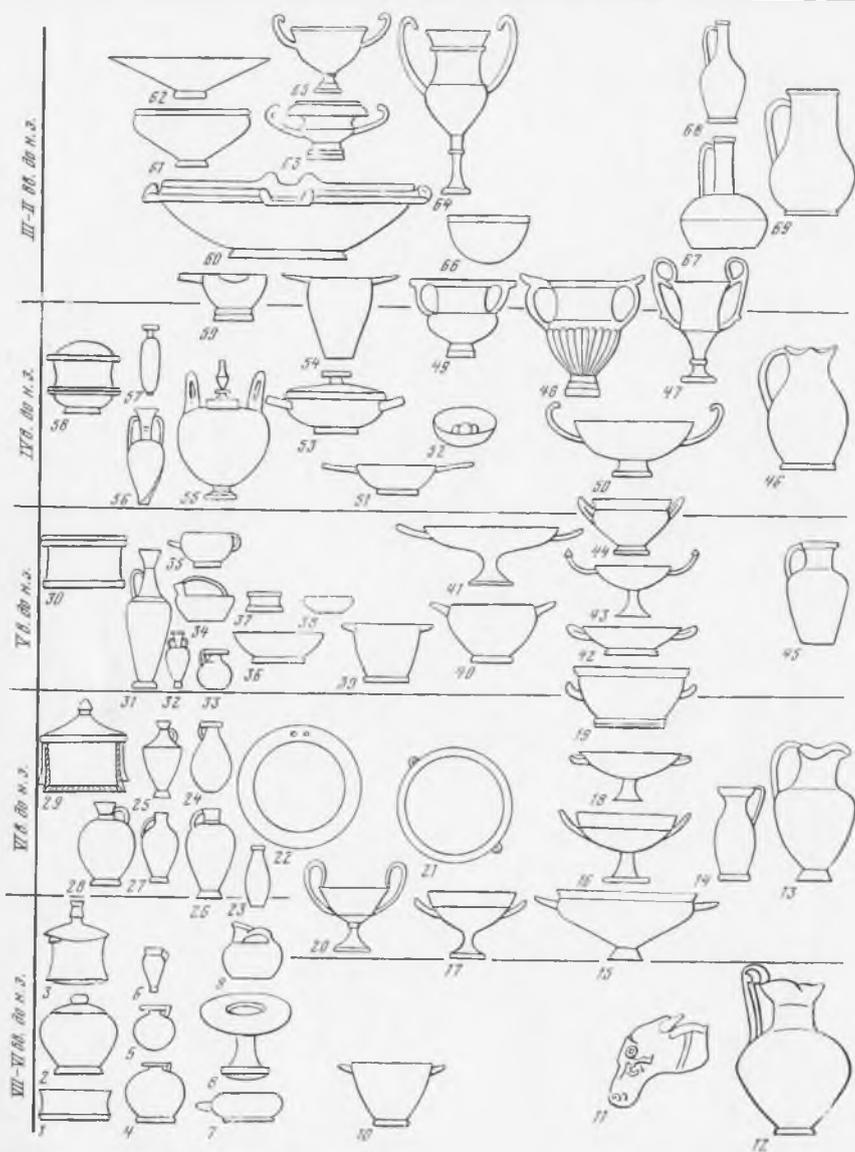
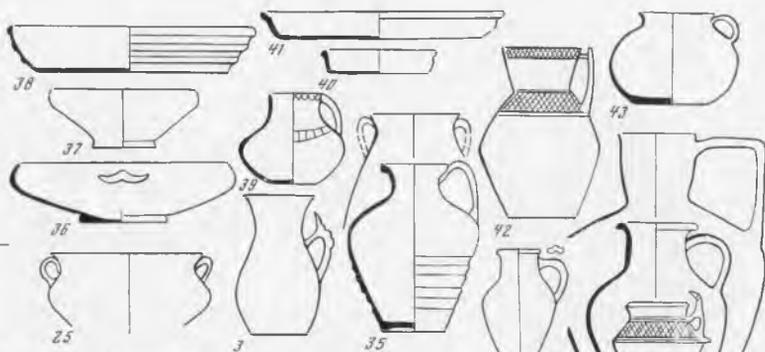

Таблица СXXXVII. Типы греческих сосудов

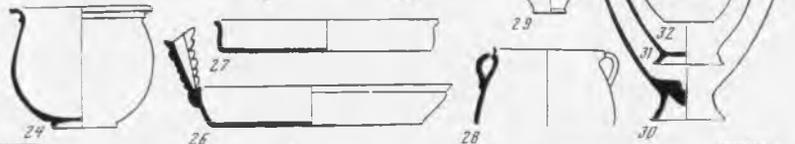
1-3, 29, 30, 58 - пиксиды; 4, 5, 39 - аррибаллы; 6 - флаконы; 7, 8 - кофоны; 9, 31 - аски; 10, 39, 40 - скифосы; 11 - ритон; 12, 13, 45, 46, 69 - ойнохои; 14 - ольпа; 15-19, 41-44, 50, 51, 65 - килики; 20, 47-49, 63, 64 - кайфары; 21, 22, 62 - тарелки; 23, 37 - алабастры; 24 - бомбили; 25-28, 31 - ле-

кифы; 32, 56 - амфориски; 35, 59 - гуттусы; 36, 61 - чаши; 37, 38 - солонки; 45, 69 - кувшины; 52 - Фала; 53 - лекана; 54 - котла; 55 - кальпиды; 60 - лутерий; 66 - «мегарская» чаша; 67, 68 - лагинос. Составитель Е. Г. Каставаян

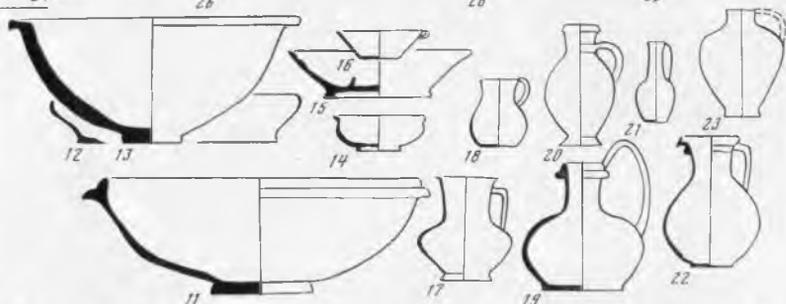
Ш-IV вв. н.э.

I-II вв. н.э.

Азовск. II-I вв. до н.э.

Азовск. III-IV вв. до н.э.

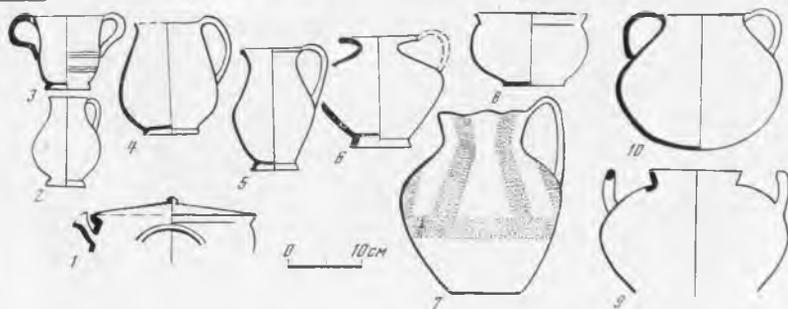

Таблица СXXXVIII. Местная гончарная керамика
 1, 4-9, 12, 14, 23, 25-29, 31-43 - Пантикапей; 2, 3, 13, 22 -
 Ольвия; 10, 24, 30 - Мирмекий; 11, 15-21 - Херсонес. Составитель Е. Г. Кастаная

Таблица СXXXIX. Родоско-понийская керамика

1 — калекса, последняя четверть VII в. до н. э., Березаны;
 2 — горло кувшины, вторая четверть VII в. до н. э., Болтынка;
 3, 4 — фрагменты стенок сосудов, конец VII в. до н. э., Пемирово;
 5 — горло кувшины, Самос, группа «Фикелдюр».

вторая четверть V в. до н. э., курган близ с. Криворойсье;
 6 — горло кувшины, третья четверть VII в. до н. э. (из б. Хоперского округа);
 7 — кувшин, VII в. до н. э., Темир-гора,
 Составитель Е. Г. Кастанаян

Таблица СХЛ. Родосско-ионийская керамика

1 — ойсохоя, вторая четверть VI в. до н. э.; 2 — амфора (на горле граффити А), вторая половина VI в. до н. э.; 3 — амфора, вторая половина VI в. до н. э.; 4 — кувшин, конец VI в. до н. э.; 5 — родосская ваза, последняя четверть VI в. до н. э.; 6 — киликс, вторая четверть VI в. до н. э.; 7 — асх,

первая половина V в. до н. э.; 8 — амфора, первая половина VI в. до н. э.; 9 — тарелка, вторая половина VI в. до н. э.; 10 — амфора, первая половина VI в. до н. э.
1, 5 — Берсази; 2, 4, 8 — Палиткаея; 3, 6, 7, 10 — Гермонаси; 9 — Ольвия. Составитель В. Г. Кастаняли

Таблица СХII. Керамика восточногреческих центров

1 — амфора с росписью глазоменского стиля, вторая половина VI в. до н. э.; 2 — арибалл, около середины VI в. до н. э., Коринф; 3 — килик, первая четверть VI в. до н. э., Накратис (Хиос); 4 — килик, около середины VI в. до н. э., Накратис (Хиос); 5 — амфора с росписью глазоменского стиля,

первая половина VI в. до н. э.; 6 — амфориск, группы «Филистюр», середина VI в. до н. э.; 7 — амфориск, первая половина VI в. до н. э., Коринф.

1 — Тиритаса; 2, 6 — Пантикапей; 3 — Березани; 4, 7 — Оливия; 5 — Таманский полуостров. Составитель Е. Г. Касталяни

Таблица СХЛГ. Чернофигурная аттическая керамика

1 — гуттус, последняя четверть V в. до н. э.; 2 — лекиф, вторая четверть V в. до н. э.; 3 — лекана, V в. до н. э.; 4 — скифос, начало V в. до н. э.; 5 — килик, третья четверть VI в. до н. э.; 6 — килик, начало V в. до н. э.; 7 — ойнохоя,

VI в. до н. э.; 8 — лекиф, конец VI в. до н. э.; 9 — кувшин, VI в. до н. э.

1 — Пантиконеи; 2—4, 7—9 — Ольвия; 5 — Березаш; 6 — Тиритака. Составитель Е. Г. Кастанани

Таблица СХІІІ. Краснофигурная аттическая керамика

1 — лексиф, 495—490 гг. до н. э.; 2 — кратер мастера Аллима, около 470 г. до н. э.; 3 — кратер, рубеж V—IV вв. до н. э.; 4 — лексиф, первая четверть V в. до н. э.; 5 — киликс, конец

V — начало IV в. до н. э.; 6 — кратер, начало V в. до н. э.; 7 — пелика, начало V в. до н. э.

1 — Ольвия; 2, 4, 6, 7 — Пантикапей; 3 — Херсонес; 5 — Пансиное I. округ Херсонеса. Составитель Е. Г. Настасьян

Таблица CXLIV. Чернолаковая и аттическая керамика

1 — амфора; со штампованным орнаментом, V в. до п. э. (Гермонасса); 2 — киликс, вторая половина VI в. до п. э. (Гермонасса); 3 — канфар со штампованным орнаментом, середина V в. до н. э. (Гермонасса); 4 — киликс, вторая четверть V в. до н. э. (Гермонасса); 5 — чашечка, вторая половина V в. до н. э. (Гермонасса); 6 — гидрия, IV в. до н. э. (сургун Юн Оба); 7 — киликс, IV в. до п. э. (Гермонасса); 8 — алабастр, конец IV в. до н. э. (Павтикапей); 9 — арибал-

лический декиф, первая четверть IV в. до н. э. (пос. Папсыос I); 10 — киликс с посвятительной надписью «дружба», первая половина III в. до п. э. (Ольвия); 11 — амфора, первая половина III в. до н. э. (Ольвия); 12 — гидрия, конец IV — первая половина III в. до н. э. (Херсонес); 13 — канфар, III—II вв. до н. э. (Ольвия); 14 — канфар, первая половина III в. до п. э. Составитель Е. Г. Кастанаян

Таблица CXLV. Импортные вазы

1 — ситула чернолаковая с рельефным орнаментом, вторая половина III в. до н. э. (Ольвия); 2 — сосуд с изображением мифа о Дионисе (эллинистическая эпоха (Пантикапей)); 3 — краснофигурная аттическая гидрия с изваянными рельефными фигурками, IV в. до н. э. (Пантикапей); 4 — ситула чернолаковая, Аттика, вторая половина III в. до н. э. (Херсонес); 5 — полихромная с рельефными украшениями амфо-

ра из Александрии (Ольвия); 6 — кувшин краснолаковый с изображением Диониса среди виноградных лоз, эллинистическая эпоха (Пантикапей); 7 — то же, под ручкой маска слепца; 8 — глазурованная кружка с комическим изображением суда Париса, I в. до н. э. (Ольвия); 9 — «мегарская чаша», эллинистическая эпоха (Нимфей). Составитель М. М. Кобылина

Таблица СХLVI. Фигурные сосуды I в. до н. э. — II в. н. э.

1, 6 — Пантикапей; 2—3, 7—9 — Ольвии. Составитель Т. М. Арсеньева

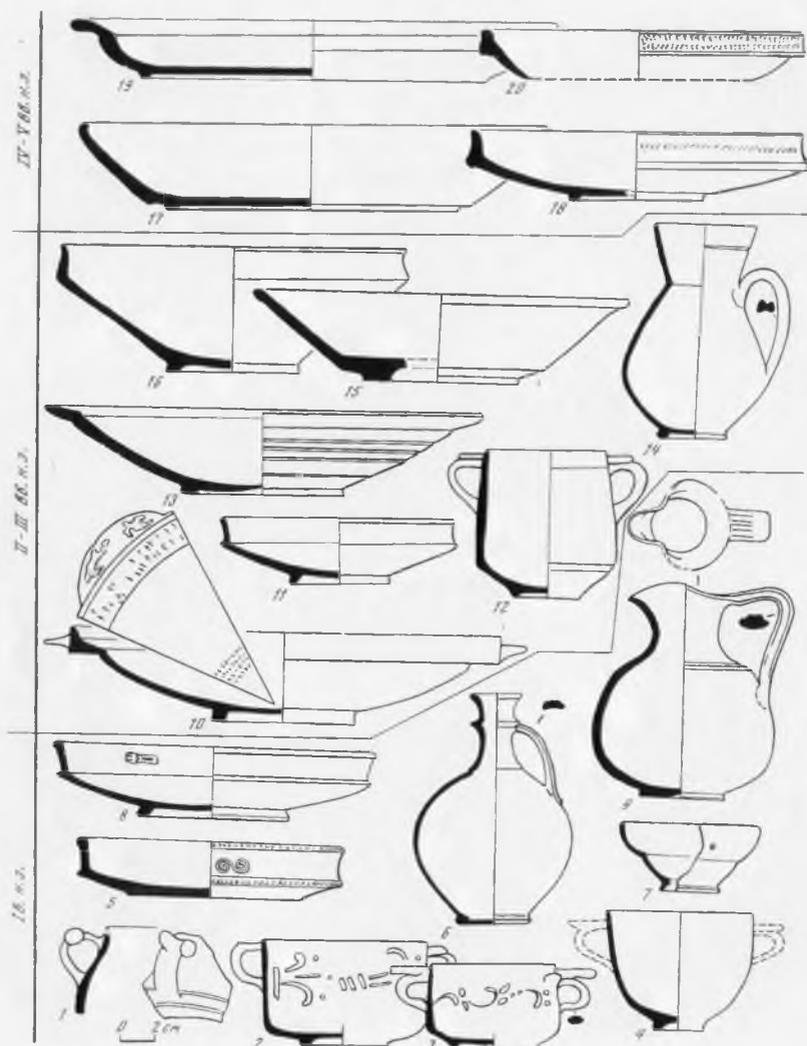

Таблица СХI.VII. Краснолаковая керамика

1 — кубок, начало I в. п. э.; 2 — кубок, начало I в. н. э.; 3 — кубок, начало I в. н. э.; 4 — кубок, начало I в. н. э.; 5 — тарелка, начало I в. п. э.; 6 — кувшины, I в. н. э.; 7 — чашечка, I в. н. э.; 8 — тарелка, I в. п. э.; 9 — ойнохоя, I в. п. э.; 10 — 11 — тарелки II—III вв. н. э.; 12—13 — кифар и тарелка, первая половина III в. н. э.; 14 — кувшины, I в. н. э.; 15 —

миска, первая половина III в. н. э.; 16 — миска, II в. п. э.; 17—20 — тарелка конца IV — начала V в. п. э.
1, 4 — Тиритака; 2, 5 — Ольвия; 3, 6, 7, 10—15, 17—20 — Танаис; 8, 9 — Ново-Оградное; 16 — Мирмекий. Составитель Т. М. Арсеньева

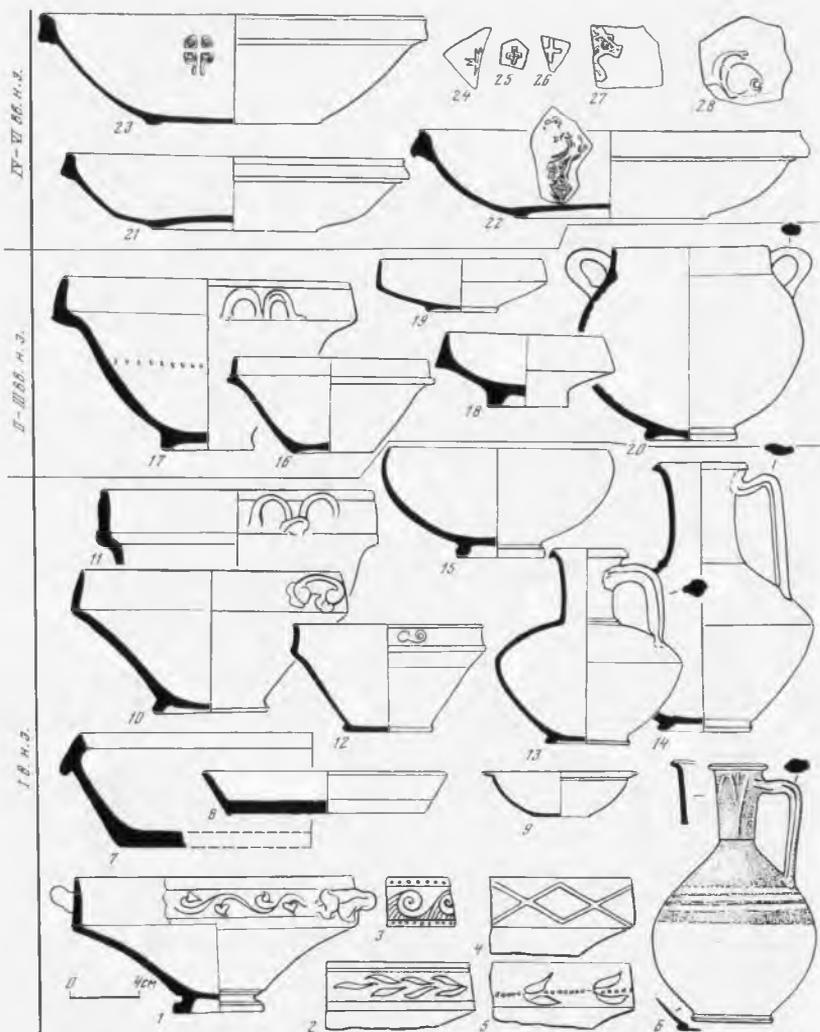

Таблица СXLVIII. Краснолаковая керамика

1-15 — сосуды I в. н. э.; 1 — чаша с орнаментом, нанесенным белой краской, I в. н. э.; 2-5 — края поднобных чаш; 6 — кубышка, первая половина I в. н. э.; 7 — тарелка, первая половина I в. н. э.; 8, 9 — тарелка и мисочка, первая половина I в. н. э.; 10-14 — чаши и кубышки, I в. н. э.; 15 — чаша,

вторая треть I в. н. э.; 16-20 — сосуды II-III вв. н. э.; 16 — мисочка, II в. н. э.; 17 — чаша, II-III вв. н. э.; 18, 19 — чаши, первая половина III в. н. э.; 20 — двуручный сосуд первой половины III в. н. э.; 21-28 — сосуды и клейма на сосудах IV-VI вв. н. э. Составитель Т. М. Арсеньева

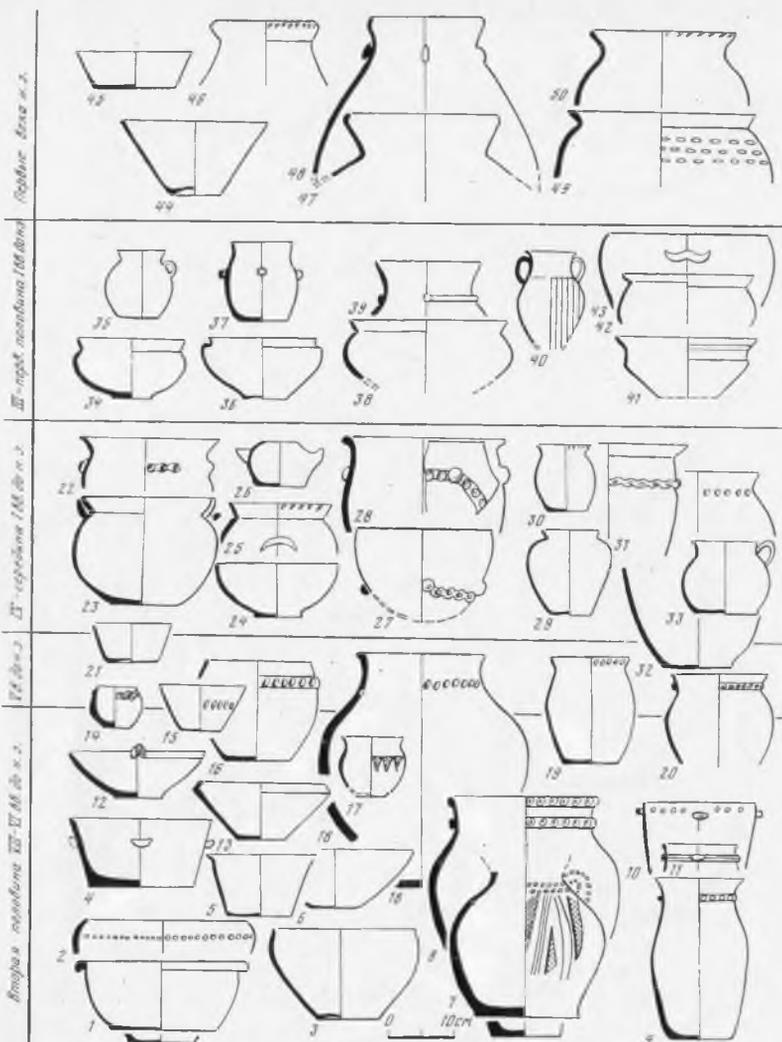

Таблица СХLIX. Лещая керамика Березани, Ольвии и ее округи

1 — лощение; 2 — ямочный орнамент снаружи, внутри наплыв, лощение; 3 — неорнаментированный; 4 — лощение; 5, 6 — без орнамента; 7 — розой и ямочный орнаменты с пикростациями белой пастой; 8, 9 — наплывные пальцы с ямочным орнаментом; 10 — профилированный валик, ручки-упоры; 11 — ямочный орнамент, ручки-упоры; 12, 13 — лощение; 14 — наплывной валик с ямочным орнаментом; 15 — ямочный орнамент; 16 — наплывной валик с ямочным орнаментом, ручки-упоры; 17 — розой орнамент, лощение; 18, 19 — ямочный орнамент; 20 — наплывной валик с ямочным орнаментом; 21 — лощение; 22 — лощение; 23 — ручки-упоры с ямочным орнаментом; 24 — без орнамента; 25 — ямочный орнамент, ручки-упоры; 26 — без орнамента; 27, 28 — наплывной валик с ямочным орнаментом, ручки-упоры; 29 — без орнамента; 30 — ямочный орнамент, ручки-упоры; 31 — наплывной валик с ямочным орнаментом; 32 — ямочный орнамент; 33 — лощение; 34—36 — без орнамента; 37 — ручки-упоры; 38 — без орнамента; 39 — наплывной валик, ручки-упоры; 40 — квилпзоры по туловищу, лощение; 41, 42 — лощение; 43 — наплыв; 44, 45 — без орнамента; 46 — насечки по краю; 47 — без орнамента; 48 — пальцы на шейке; 49 — вдавлива на плечах; 50 — насечки по краю

1, 2, 4—7, 9, 12—15, 17—21, 24, 39, 41 — Березани; 3, 8, 16, 22, 23, 25, 27—38, 40, 42—30 — Ольвия; 10, 11 — пос. Байкуш; 26 — пос. Колячка. Составитель Е. Г. Кастаньян

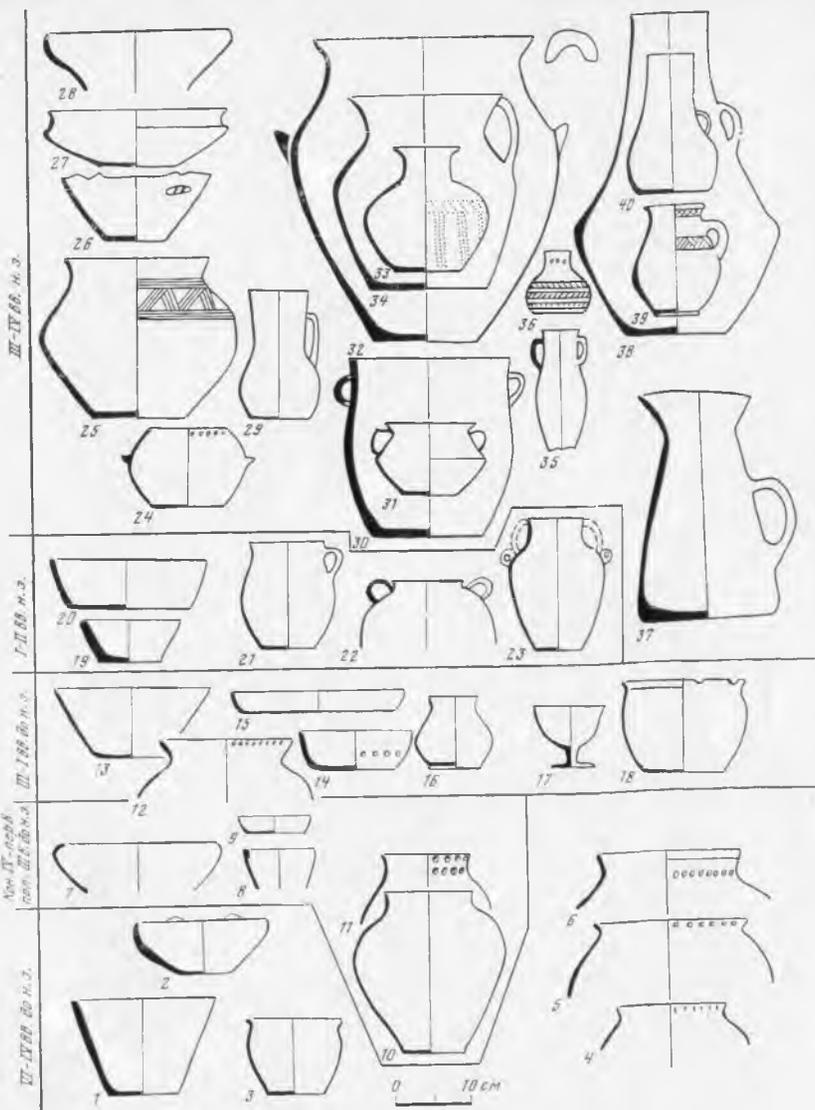

Таблица С1. Лепная керамика Боспора

1 — без орнамента; 2 — лощение по светлому фону; 3 — без орнамента; 4—6 — ямочный орнамент; 7—10 — без орнамента; 11 — кольчатый штамп по шейке, ямочный орнамент по венчику; 12 — ямочный орнамент; 13 — без орнамента; 14 — ямочный орнамент; 15—19 — без орнамента; 20, 21 — лощение; 22, 23 — без орнамента; 24 — ямочный орнамент по венчику, ручки-упоры; 25 — без орнамента; 26 — фрагмент сосуда с выступом; 27, 28 — без орнамента; 29 — лощение; 30, 31 — без орнамента; 32 — ручки-упоры; 33 — орнамент нако-

лами, лощение; 34, 35 — без орнамента; 36 — кольчатый штамп на горле, на туловце пояси насечки; 37 — лощение по светлой облицовке; 38 — без орнамента; 39 — нарезной орнамент; 40 — лощение
1, 3—8, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 20, 22, 31 — Мирмекий; 2, 9, 21, 23, 26, 29, 34 — Гиргана; 10 — Марфовка; 13, 19, 27 — Танаис; 16 — Кены; 24, 33, 36, 39 — Пантикапей; 25, 28, 30, 32, 35, 40 — Паураг; 37 — поселение над Романовой бухтой, 38 — Семеновка. Составитель Е. Г. Кастанниш

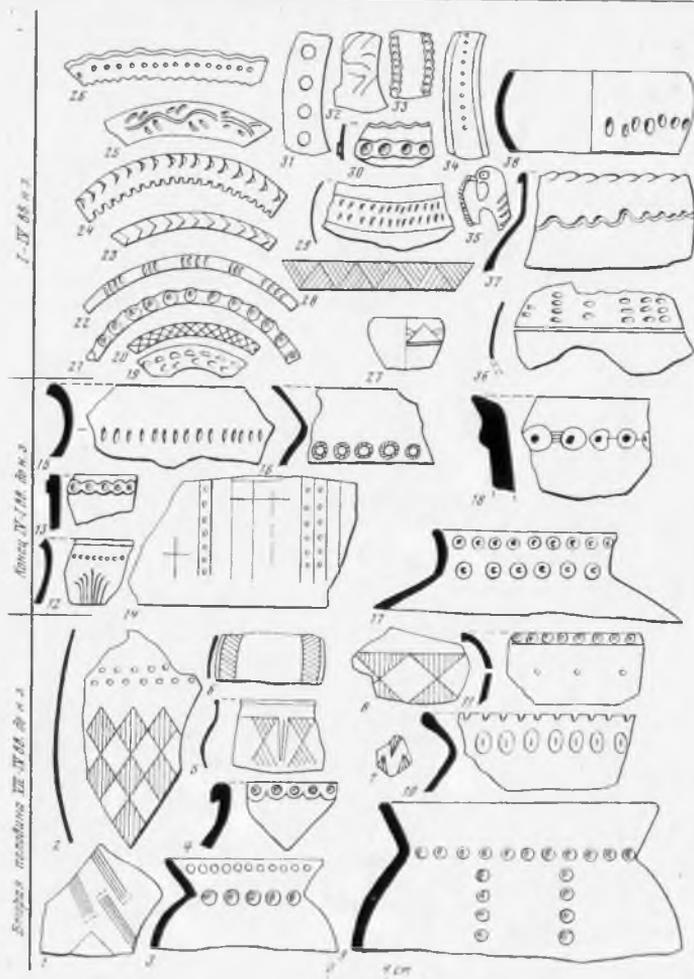

Таблица CL I. Орнаментация глиняных сосудов

1 — резные штрихи с наколами по концам, лощение; 2 — ямочный орнамент с заполнением белой пастой по плечикам, резной орнамент на туловце, лощение; 3 — ямочный орнамент по венчику, ногтевой по плечикам; 4 — ямочный орнамент; 5 — резной орнамент, лощение; 6 — резной орнамент, лощение; 7 — резной орнамент, лощение; 8 — резной орнамент, лощение; 9 — ямочный орнамент; 10 — насечки по венчику, ногтевой орнамент по плечикам; 11 — валичный орнамент с ямочным орнаментом, внизу сквозные проколы; 12 — сквозные проколы под венчиком, ниже — прочерченный орнамент; 13 — валичный орнамент с ямочным орнаментом; 14 — орнамент нарезками и наколами; 15 — насечки; 16 — двойной кольчатый штамп с ретушею между кольцами; 17 — кольчатый штамп; 18 — насечки под венчиком; 19 — венчик чашки; 20 —

венчик горшка; 21, 22 — венчики чашек; 23 — венчик миски, угловой штамп; 24, 25 — венчик чашки; 26 — венчик чашки, лощение; 27 — резной орнамент; 28 — резной орнамент на туловце горшка, лощение; 29 — насечки; 30 — напелной валичке; 32 — прочерченный орнамент на ручке; 31 — вдавленный орнамент на ручке; 33 — вдавленный орнамент на ручке; 34 — ямочный орнамент; 35 — верхняя часть ручки сосуда в виде птицы; 36 — ямочный орнамент, резные понски; 37 — вдавлены по венчику, по плечикам прочерченный орнамент; 38 — ямочный орнамент

1, 3 — Березань; 2, 4, 13, 15—17, 27 — Мирмекий; 5 — Порфми; 6—8, 20, 24—26, 30, 35—37 — Тиритак; 9—12, 14, 18 — Ольяня; 19, 21, 29, 31—34, 38 — Илурат; 22 — Таванс; 23, 28 — Пантивкапей. Составитель Е. Г. Кастаниян

Таблица С.II. Мужская одежда и головные уборы

1 — старик в данном широком хитоне и гиматии, IV в. до н. э., Гольшица Плизица, терракота; 2 — мужская фигура в рубаше негресского образца и в гиматии, IV—III вв. до н. э.; 3 — мужская фигура в кафтоне, застегнутом на груди, и плаще, на голове — остроконечная шапка, мидийский шапки, II в. до н. э., надгробие; 4 — боспорский воин в войлочном колпаке и кафтоне (?), I—II вв., Пантикапей, терракота; 5 — мужская фигура в коротком хитоне, гиматии и башмаках, I в., Пантикапей, надгробие (верхний рельеф); 6 — фигура слуги в плаще и сапожках, I в., Пантикапей,

фреска на стене склепа; 7 — художник за работой в плаще, штанах, рубахе с рукавами и сапожках, I—II вв., Пантикапей, роспись саркофага; 8 — фигура слуги в короткой подпоясанной рубахе, штанах, сапогах, II—III вв., склеп, фреска; 9 — мужская фигура в рукавном хитоне, штанах, сапогах, гиматии, III в., Иоргиппи, фреска на стене склепа 1975 г.; 10 — мужская фигура в полнотелом кафтоне, сапогах, IV в., Херсонес, фреска на стене склепа 1853 г.; 11—14 — типы головных уборов. Составитель Е. А. Савостина

Таблица СЛШ. Женская одежда и головные уборы

1 — актриса в женской роли в рукавном широком хитоне и гиматии. V—IV вв. до н. э., Пантикапей; 2 — фигура женщины в подпоясанном широком хитоне. V в. до н. э., Нимфей; 3 — женщина в хитоне и гиматии. IV в. до н. э., Херсонес; 4 — девочка в подпоясанном хитоне без рукавов. IV—III вв. до н. э., Пантикапей; 5 — женщина в хитоне и гиматии. III в. до н. э., Феодосия; 6 — фигура женщины в безрукавном хитоне со сплечами. III—II вв. до н. э., городище у саватории «Чапка» в Евпатории; 7 — женщина, закутанная в гиматии,

III в. до н. э., Ольвия; 8 — женщина в гиматии с вышитым краем, конец II в. до н. э., Пантикапей; 9 — женщина в подпоясанном хитоне и пеллосе (?), первые века нашей эры, Тула; 10 — бегущая девушка. I в., Пантикапей; 11 — женщина в рукавном хитоне и гиматии. III в. н. э., Горгипсия; 12—16 — головные уборы VI—II вв. н. э.; 17—19 — терракота; 20 — изображение на надгробии; 21 — известия; 22 — фреска на стене склепа. Составитель Е. А. Савосина

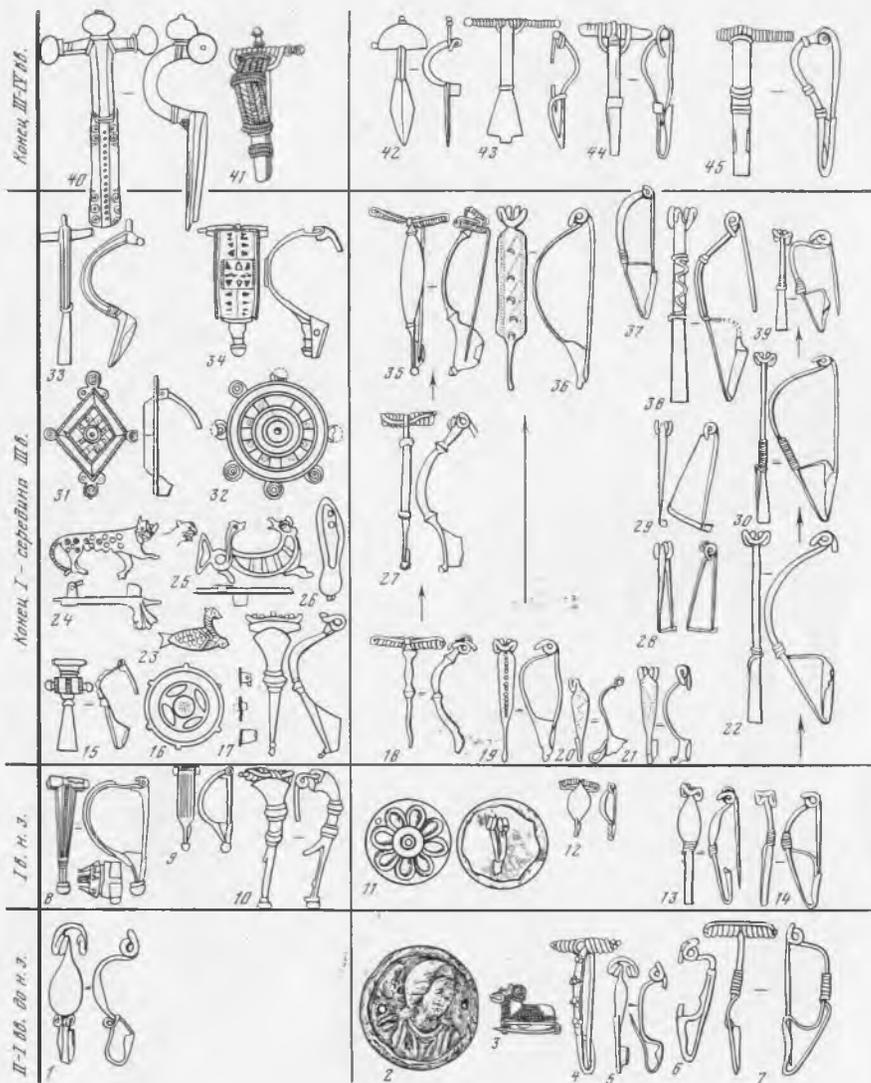

Таблица СЛIV. Типы фибул II в. до н. э. — IV в. н. э.

Привозные фибулы: 1 — кельтского типа; 8—10, 15—17, 23—26, 31—34, 40 — из римских провинций на Дунае и в Галлии (23—26, 31, 32, 34 — с цветной эмалью); 41 — североевропейская. Местные фибулы: 2, 3, 11 — дружные броши; 4—7 — вариации латенских фибул; 12, 20, 21 — с завитком на конце

прямизна; 13, 14, 22, 30, 37—39 — лучковые подвижные разных типов; 18, 27, 35 — босфорские сильно профилированные; 19, 36 — с кнопкой на конце прямизны; 28, 29 — смичковые; 42 — двудлинные; 43—45 — прогнутые подвижные. Составитель А. К. Амброз

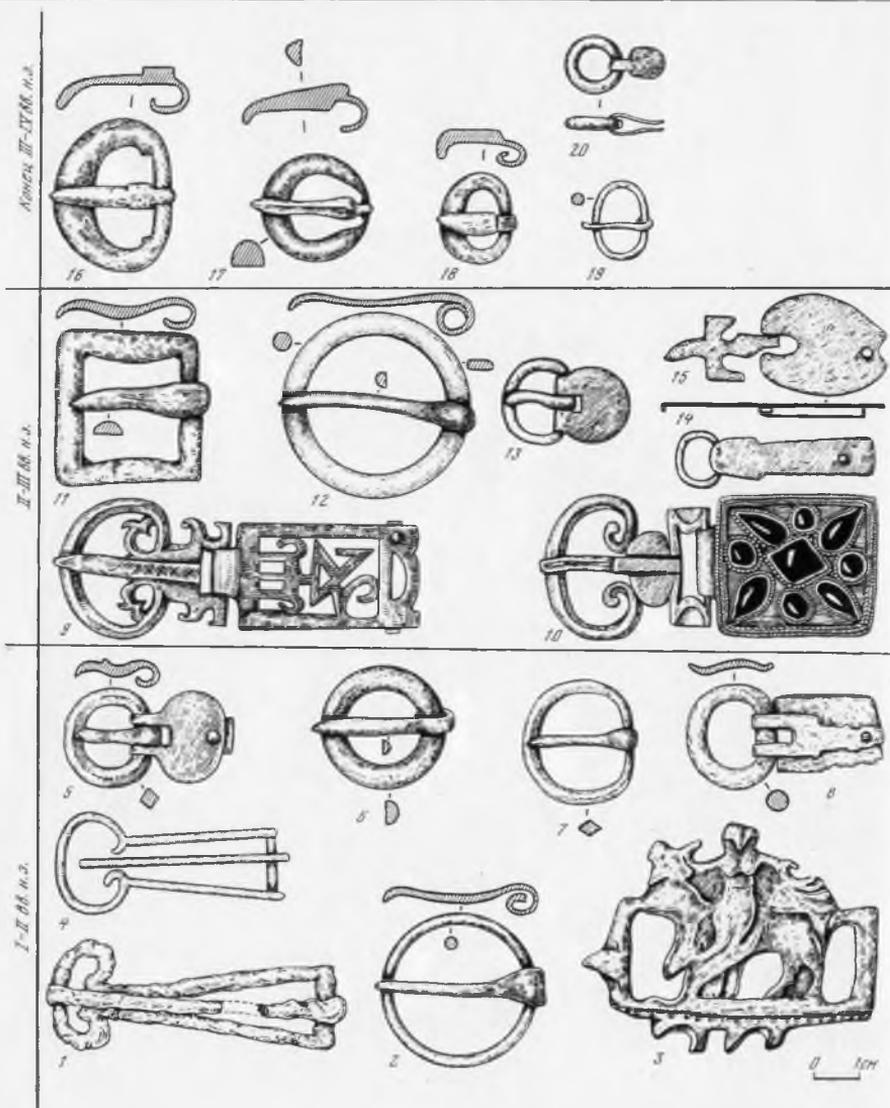

Таблица CLV. Пряжки

1 — Танаис, железо; 2 — Тирамба, бронза; 3 — Пантикапей, бронза; 4 — Горгияпия, бронза; 5, 6 — Таванс, бронза; 7 — Фанагория, бронза; 8 — Танаис, бронза; 9 — Пантикапей, бронза; 10 — Горгияпия, золото, бирюза; 11 — Тиритака, бронза;

12 — Горгияпия, бронза; 13 — Танаис, бронза; 14 — Тиритака, бронза; 15 — Горгияпия, серебро; 16 — Инкерман, бронза; 17 — Фанагория, бронза; 18 — Инкерман, бронза; 19, 20 — Танаис, бронза. Составитель Е. М. Алексеева

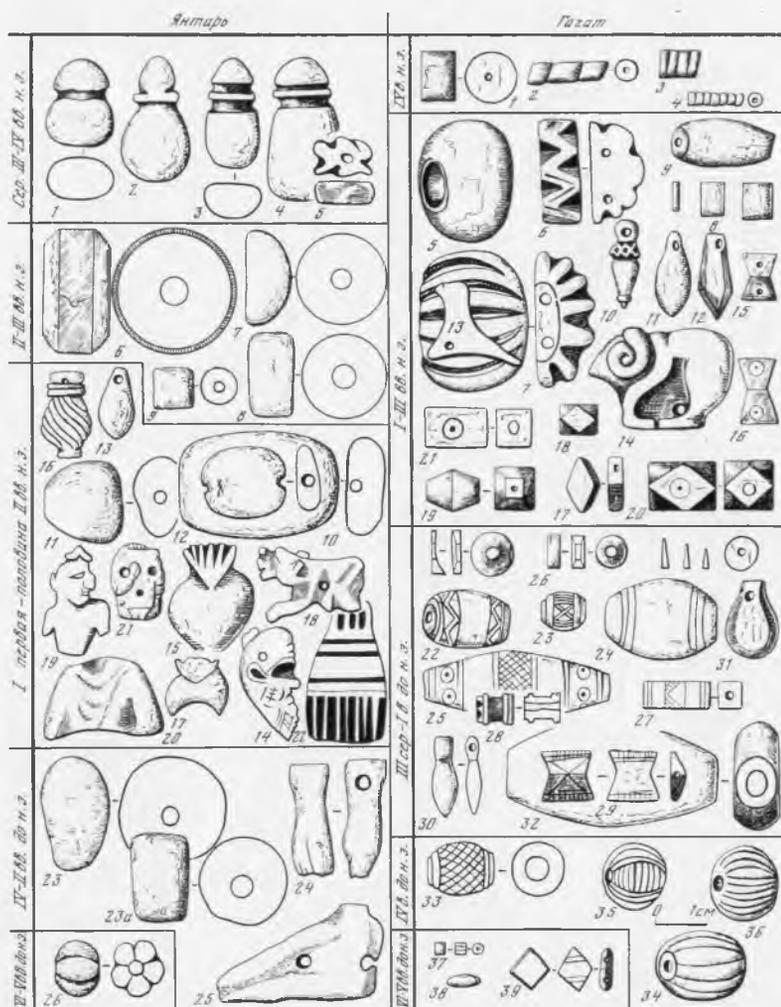

Таблица CLVIII. Бусы из янтаря и гагата
Составитель Е. М. Алексеева

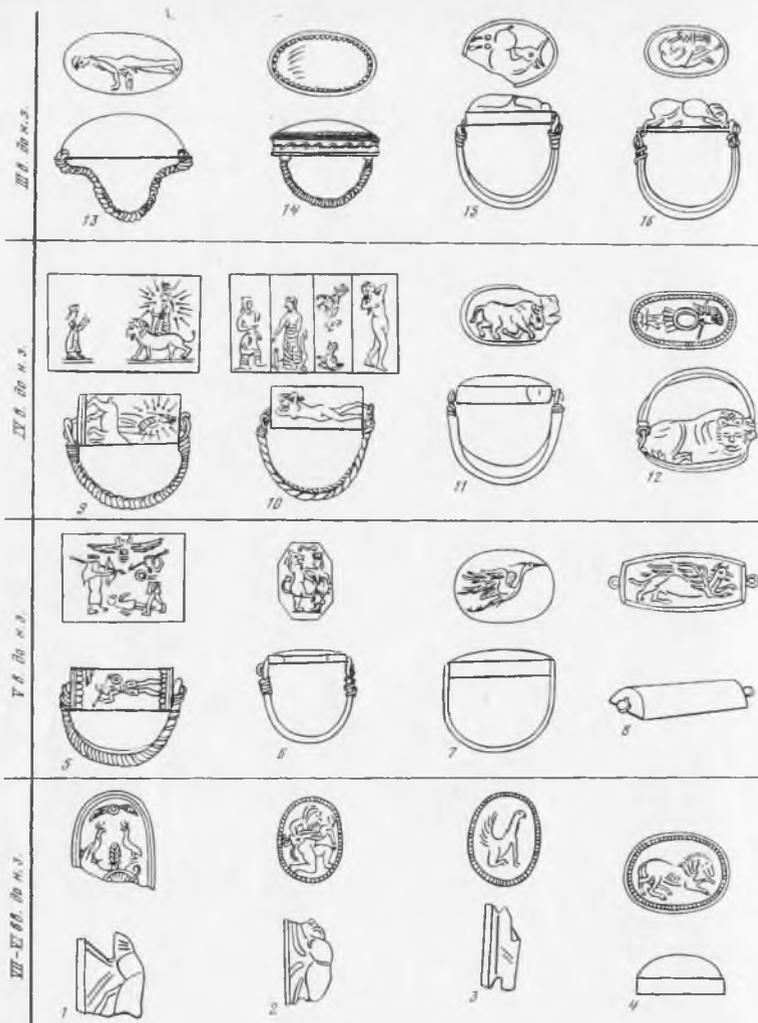

Таблица СLIX. Типы каменных печатей на подвешных дужках

1 — ладья Солнца, сердолик, скарабей, Финиция; 2 — силен и менада, агат, скарабей, Иония; 3 — сфинкс, сердолик, скарабей, Иония; 4 — лев, обесчеченный камень, скарабей, Иония; 5 — битва персидского царя с греками, обесчеченный камень, цилиндр, Иран; 6 — битва персидского царя с чудовищем, халцедон, многогранник, Иран; 7 — дапля, работа Дексамена Хиосского, халцедон, скарабей, Восточное Средиземноморье; 8 — грифон, агат, сегментированный цилиндр, Восточное Средиземноморье; 9 — персидский царь и богиня Анаитис, халцедон, цилиндр, Иран; 10 — а) вои-перс, б) грек с собакой, в) бой петухов, г) танцовщица —

сердолик, многогранник, Малая Азия; 11 — бык, обесчеченный камень, скарабей, Восточное Средиземноморье; 12 — трофей, сердолик, львиный псевдоскарабей, Восточное Средиземноморье; 13 — Аполлон, халцедон, скарабей, Иония; 14 — халцедон, скарабей, Восточное Средиземноморье; 15 — бык, обесчеченный камень, скарабей, Этрурия; 16 — женщина у лутерия, обесчеченный камень, скарабей, Этрурия 1, 2, 5, 7, 8, 11, 12, 15, 16 — из Пантыкаея; 3 — из Ольвии; 6 — из Большой Елизаветы; 9, 10, 13 — из Горгичши; 14 — из Артюховского кургана. Составитель О. Я. Неверов

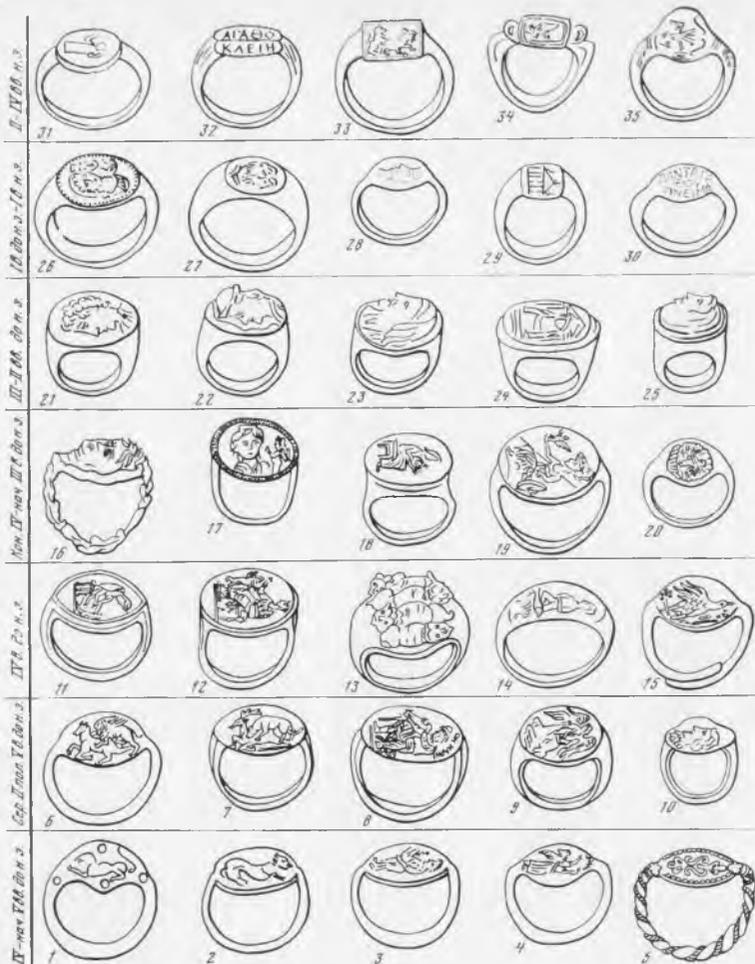

Таблица CLX. Типы металлических перстней

1 — лев, серебро и элетр, Иония; 2 — лев, золото, Иония; 3 — Дана, элетр, Иония; 4 — Ника, золото, Иония; 5 — филигранные надыметки, золото, Восточное Средиземноморье; 6 — конь и грифон, золото, Иония; 7 — олень и пантера, золото, Иония; 8 — воин-перс, работа Афинада, элетр, Иония; 9 — Ника и лань, золото, Восточное Средиземноморье; 10 — голова богини, золото, Восточное Средиземноморье; 11 — женщина п оленюк, золото, Восточное Средиземноморье; 12 — Афродита и Эрот, золото, Восточное Средиземноморье; 13 — четыре льва (в рельефе), золото, Восточное Средиземноморье; 14 — юноша и тунец, золото, Иония; 15 — утка, золото, Пантикапей (?); 16 — Афродита, серебро, Восточное Средиземноморье; 17 — Афродита и Эрот, золото, Северное Причерноморье; 18 — женщина с льдицей, золото, Восточное Средиземноморье; 19 — Афина Пинкефорос, золото, Восточное Средиземноморье; 20 — Эрот в раковине, золото, Восточное Средиземноморье; 21 — Птодемей II, бронза, Александрия; 22 — Арсиноя III, бронза, Александрия; 23 — Изида (в ре-

льефе), бронза, Александрия; 24 — Кибела (в рельефе), бронза; 25 — Афродита (в рельефе), золото; 26 — Изида, Гор и Серапис (в рельефе), золото, Александрия; 27 — Изида и Серапис (в рельефе), бронза, Александрия (?); 28 — шоргрет династа, золото, Пантикапей; 29 — храм с пятиколонным портиком, бронза, Пантикапей; 30 — надпись: «дух всяческого добра», золото, Пантикапей; 31 — Афродита-Анадиомена, золото, Пантикапей; 32 — надпись: «(дар) Агафилее», золото, Херсонес; 33 — олень и лев, бронза, Пантикапей; 34 — грифон, бронза, Пантикапей; 35 — змеиный демон, бронза, Пантикапей.

Из Ольвии — 1—3; из Пимфеев — 4—6; из VI Семибратнего кургана — 7; из Пантикапея — 8—10, 13—14, 20—24, 26—31, 33—35; из кургана Большая Блианица — 11, 12; из кургана Чертомлык — 15; из Херсонеса — 16, 19, 32; из Горгиппии — 17; из кургана Карагодеуш — 18; из Танаиса — 25; хранятся в Гос. Эрмитаже — 13—24, 26—35; из собрания гр. Музина Пущкина — 2. Составитель О. Я. Неверов

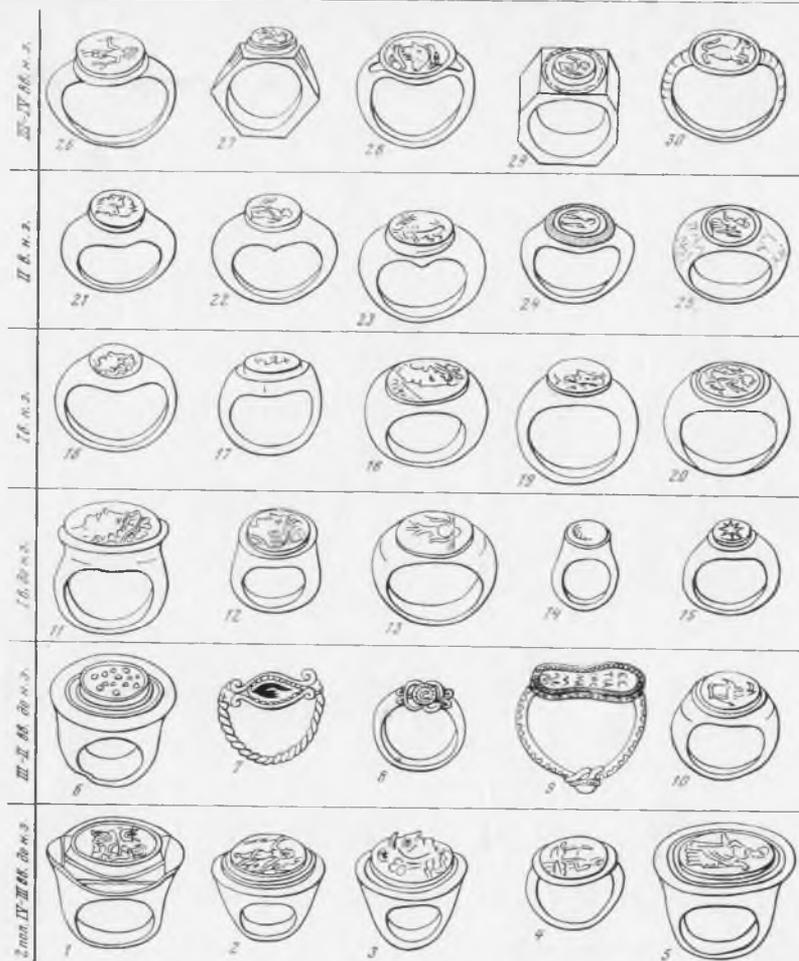

Таблица СLXI. Типы перстней с каменными вставками

1 — Аполлон, обесцвеченный камень, золото, Восточное Средиземноморье; 2 — Афродита у трофея, гранат, золото, Пантикапей (?); 3 — Афина, гранат, золото, Пантикапей (?); 4 — Артемиды, гранат, золото, Пантикапей (?); 5 — богиня у колонны, гранат, золото, Пантикапей (?); 6 — обесцвеченный камень, золото, Пантикапей; 7 — гранат, золото, Пантикапей; 8 — гранат, золото, Пантикапей; 9 — эмаль, гранат, золото, надпись: «Гестийя (дарит) матушке», Пантикапей; 10 — вошь, литик, золото, Пантикапей; 11 — портрет Митридата VI, литик, золото, Пантикапей; 12 — жрица Ианды, гранат, золото, Пантикапей; 13 — символ Изды, гранат, золото, Пантикапей; 14 — гранат, золото, Пантикапей; 15 — полумесяц и звезда, гранат, золото, Пантикапей; 16 — портрет Митридата VI, сердолик, золото, Пантикапей; 17 — портрет императора, гранат, золото, Пантикапей; 18 — портрет импера-

тора Клавдия, работа мастера Силлакса, Италия; 19 — богиня, гранат, золото, Пантикапей; 20 — Артемиды, гранат, золото, Пантикапей; 21 — Грива, яшма, серебро, Херсонес; 22 — Асидалий, сердолик, серебро, Херсонес; 23 — коза, сердолик, серебро, Херсонес; 24 — Фортуна, сердолик, золото, Пантикапей; 25 — Фортуна, надпись: «Душе Паллака», сердолик, золото, Пантикапей; 26 — Марс, сердолик, серебро, Херсонес; 27 — орел, сердолик, серебро, Западные Средиземноморье (?); 28 — Грива, яшма, серебро, Пантикапей; 29 — Фортуна, яшма, золото, Пантикапей; 30 — лев, гранат, золото, Пантикапей. 1, 7, 8, 10, 12, 20, 24, 25, 28—30 — из Пантикапей; 6 — из Горгипсии; 9 — из Артюховского кургана; 21—23, 26, 27 — из Херсонеса; 1—30 — хранятся в Гос. Эрмитаже. Составитель: О. И. Неверов

Таблица СЛХII. Серьги

1—3 — изображение серег на протоме из Пантикапей (1), Горгипии (2), золотой пластинке из Большой Византии (3); 4 — Херсонес V—IV вв. до н. э.; 5 — Ольвия VI в. до н. э.; 6 — Херсонес V—IV вв. до н. э.; 7 — Боспор VI—V вв. до н. э.; 8 — Ольвия VI в. до н. э.; 9 — Большая Византия IV в. до н. э.; 10 — Херсонес V—IV вв. до н. э.; 11 — Большая Византия IV в. до н. э.; 12 — Тузла II в. до н. э.; 13 — Пантикапей I в. до н. э.; 14 — Херсонес II—I вв. до н. э.; 15 — Танаис II в. до н. э.; 16 — Пантикапей I—II вв.; 17 — Пантикапей I в.; 18 — Херсонес, первые века; 19 — Илурат II в.;

20 — Танаис I в.; 21 — Херсонес I—II вв.; 22 — Херсонес I—II вв.; 23 — Херсонес I—III вв.; 24 — Пантикапей III—IV вв.; 25 — Херсонес IV в.; 26 — Херсонес III—IV вв.; 27 — Херсонес III в.; 28 — Херсонес IV в.; 29 — Танаис II—III вв.; 30 — Херсонес III в.; 31 — Херсонес II—III вв.; 32 — Херсонес III—IV вв.

1, 2 — глина; 4, 6 — бронза; 15, 20 — серебро; 3, 5, 7—12, 14—16, 21, 22, 27, 28 — золото; 13, 19, 23—26, 30—32 — золото и камн. Составители Е. М. Алексеева и Г. А. Цветаева

Таблица CLXIII. Типы «мегарских» чаш из Пятыкаея и клейма на их доньях (нумерация общая для табл. CLXIII — CLXIV)

1 — Атика, конец III — начало II в. до н. э.; 2 — Атика, конец II в. до н. э.; 3, 5 — круг Пергама; 4 — Пергам; 6, 7, 8, 8a — Малая Азия; 9, 10 — Самос; 11 — Родос; 12—21 —

острова Эгейского моря (16, 17, 17a, б, в — мастерская Мнесимаха); 19, 20 — Пятыкаея (сероглиняные с черным покрытием). Составитель В. С. Забелина

Таблица CLXIV. Типы «мегарских» чаш из Пантикапея и Клеима на их дольях

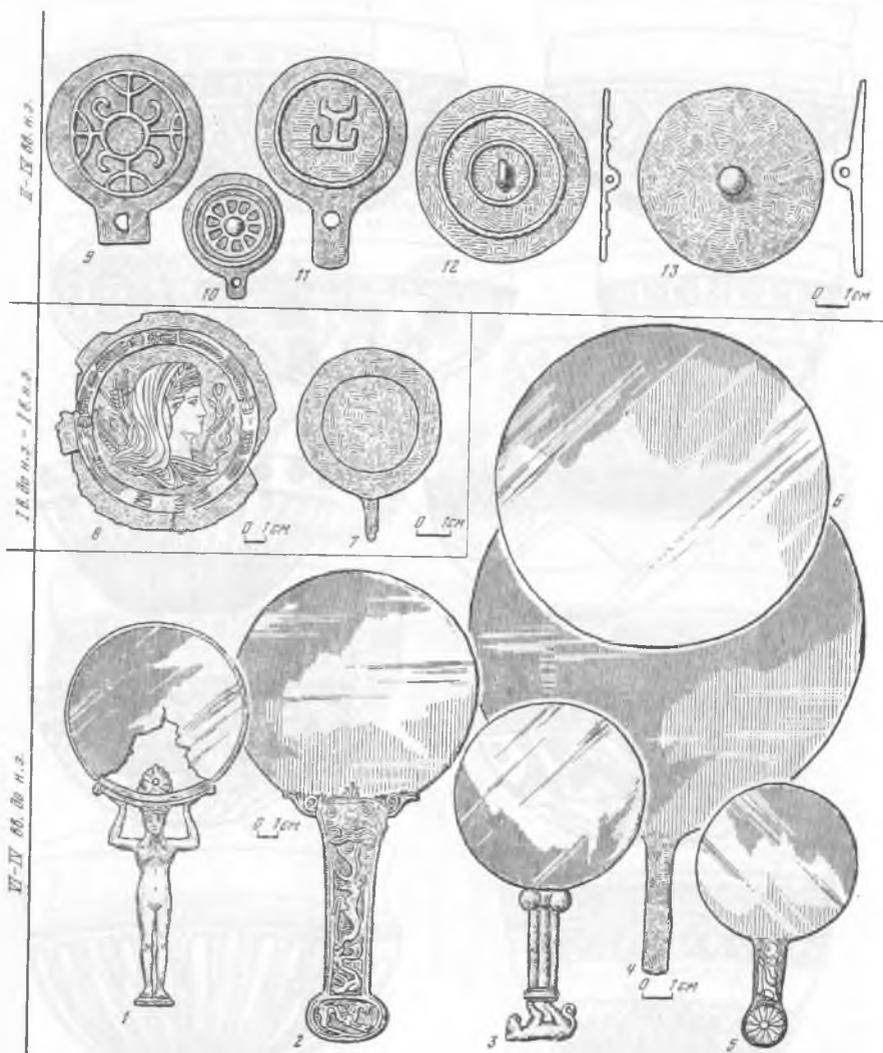

Таблица CLXV. Бронзовые зеркала

1 — зеркало с ручкой в виде Афродиты, VI—V вв. до н. э., Херсонская обл., курган у с. Анизовки; 2 — зеркало с ручкой, обтянутой золотой рельефной пластиной, Куль-Оба, IV в. до н. э.; 3 — литое зеркало с изображением палача, Ольвия (?), вторая половина VI в. до н. э.; 4 — Ольвия, 1911, мог. 40; 5 — Ольвия, VI—V вв. до н. э., Марицyno; 6 — Ольвия, 1910,

мог. 9; 7 — Пантуканей, 1905, мог. 65; 8 — Таванс; 9 — Пантуканей, 1902, гробн. 478; 10, 11 — Таванс; 12, 13 — округа Херсонеса, совхоз № 10, 1966, склад 8 и погр. 31
1, 3—13 — бронза; 2 — бронза, золото. Составитель Е. М. Алексеева

Таблица CLXVI. Геммы-печати

1 — Медуза Горгона, Нония, V в. до н. э., халцедон; 2 — летящая цапля, подпись Дексамена Хиосского, V в. до н. э., халцедон; 3 — кузальница, V в. до н. э., сердолик; 4 — бегущий конь, V в. до н. э., яшма; 5 — Артемиды, IV в. до н. э., халцедон; 6 — кузальница, IV в. до н. э., сердолик; 7 — отъезд печати, IV в. до н. э.; 8 — печать на подвижной дужке, женщина в восточной одежде, IV в. до н. э., халцедон, золото; 9 — голова Афины, III в. до н. э., гранат, золото; 10 — портрет Пизмея, Александрия, III в. до н. э., бронза; 11 — Аполлон, Нония, III в. до н. э.; 12 — юнона с пальмовой ветвью, I в. до н. э. — I в. н. э., сердолик; 13 — портрет императора Клавдия, подпись Складас, Италия, I в. н. э., аме-

тист; 14 — петух, I—II в., сердолик; 15 — портрет Митридата VI, I в. до н. э., сердолик; 16 — Амур и Психея, I в. до н. э. — I в. п. э., гранат, золото; 17 — портрет Филиппа Араба и Филиппа Младшего, Италия, III в. н. э., стекло; 18 — портрет боспорского царя Савромата II, II в. п. э., яшма; 19 — Гермес, II в. н. э., сердолик; 20 — символы благополучия и согласия, Восточное Средиземноморье, I в., сердолак.

1—6, 9, 10, 13, 15, 19, 20 — из Пантикафея; 7, 11 — из Горгиппия; 8, 14 — из Фанагория; 17, 18 — из Херсонеса; 12, 16 — из Тирамбы. Составитель О. Я. Неверов

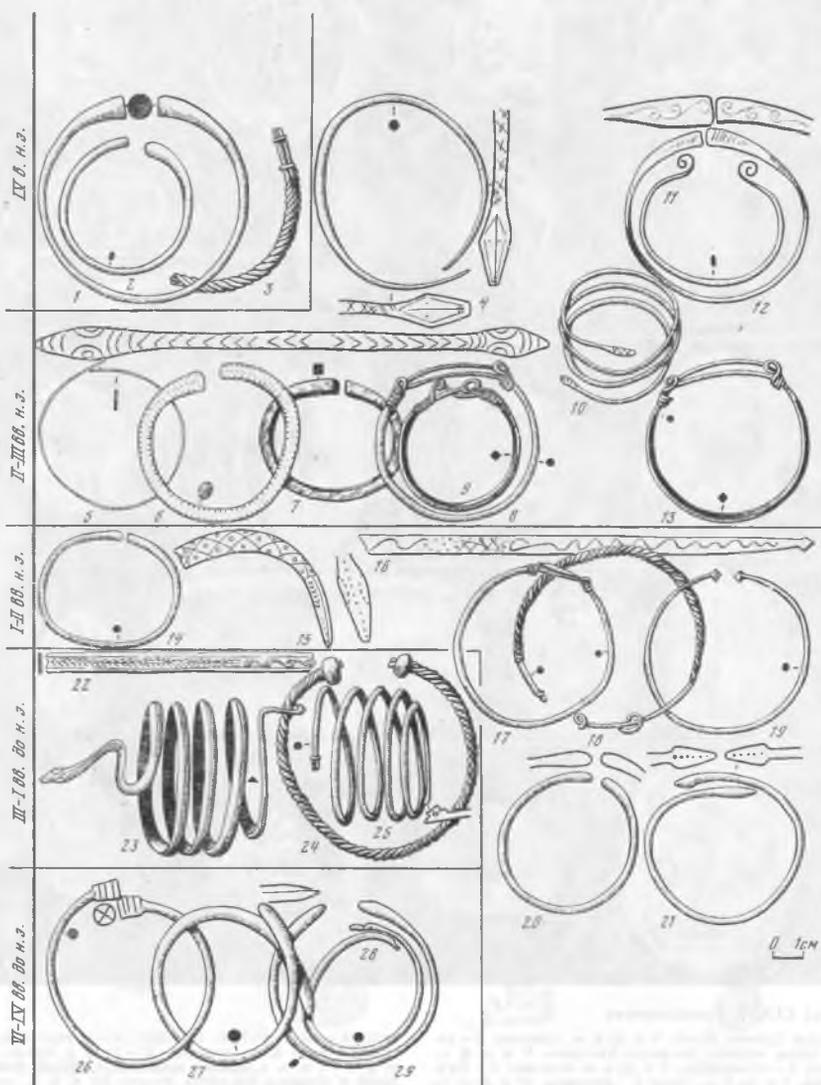

Таблица CLXVII. Бронзовые браслеты
Составитель Е. М. Алексеева

Заключение

Основными задачами, которые ставил перед собой авторский коллектив данного тома, были: поштыть-ся дать общую картину развития античных центров Северного Причерноморья, обобщить результаты многолетних и разнообразных по характеру исследований, проведенных в них, оценить имеющийся фактический материал и те исторические интерпретации, которые были предложены на базе исследования этих материалов. В какой степени достигнута эта цель — судить читателям тома.

Редколлегия данного тома в этом заключительном разделе книги считает необходимым коснуться несколько иного круга вопросов, в частности вопросов, связанных с перспективами дальнейших исследований античных центров Северного Причерноморья. Материалы, собранные и проанализированные в этом томе, как нам кажется, настоятельно требуют некоторой переориентации наших исследований, связанной с преодолением ряда устоявшихся стереотипов. Привычным является, например, взгляд, согласно которому Северное Причерноморье было одной из периферийных зон античной цивилизации и как таковая является сравнительно второстепенной областью ее, удаленной от главных центров развития, областью, главным образом, воспринимающей творческие импульсы, идущие из главных центров. Основная ценность ее изучения заключается в том, что она дает материалы для решения проблемы греко-варварских контактов на различных этапах развития античной цивилизации.

Одним словом, периферийность, как понятие исторической географии, приобретает расширительное значение, превращается в категорию социологическую — данный регион почти автоматически признается второстепенным с точки зрения процесса исторического развития античной цивилизации.

Но на современном уровне развития науки возможен уже и иной подход к данной проблеме. В. Д. Блаватский в свое время предложил и обосновал тезис о периоде протозлинизма на Боспоре. Согласно этой концепции в IV в. до н. э. в Боспорском государстве возникли и развились социально-экономические, политические и культурные явления, в известной мере превосходящие те, которые считались характерными для эллинистической эпохи. Дальнейшие исследования показали, что аналогичный процесс наблюдался и в другой периферийной зоне античного мира — в Сицилии (исследования Э. Д. Фролова). Таким образом, вполне правомочной становится постановка вопроса о том, что в некоторые периоды, в определенных условиях периферийные зоны, в частности и Северное Причерноморье, выступают в роли наиболее передовых областей античной цивилизации, иницирующих (или превосходящих) процессы, которые затем приобретают глобальный характер (в рамках всей античной цивилизации).

Видно, нечто аналогичное наблюдается и в характере развития социальных отношений. Уже неоднократно высказывалась мысль о том, что на периферии античного мира раньше, чем в основных центрах его, сформировались отношения типа колониальных.

Эта важнейшая проблема социальной истории античного мира также требует своего специального исследования, в частности, исследования на материалах Северного Причерноморья. Наконец, сама проблема синтеза античных и варварских начал может и должна быть рассмотрена под общенсторическим углом зрения. Формированию варварских королевств эпохи перехода от античности к средневековью, как государственных образований, в которых взаимодействовали античные и варварские начала, исторически предшествовала стадия, когда на периферии античного мира возникали типологически близкие им государственные образования. Одним из них было Боспорское царство в первые века н. э. Видимо, число таких примеров можно умножить.

Кроме того, нуждается в детальном исследовании и другой круг вопросов, также входящих в проблему взаимоотношения основных центров и периферии античного мира. В качестве примера укажем на роль хлебной торговли Причерноморья, в частности Боспора, с Элладой в V—IV вв. до н. э. В это время Причерноморье было если не самым крупным, то одним из крупнейших рынков хлебной торговли. Специфика экономического развития Греции, особенно наиболее передовых центров ее, таких как Афины, заключалась в том, что товарный характер приобрели не только их ремесло, но и сельское хозяйство. В таких условиях бесперебойное поступление зерна из Причерноморья было жизненной потребностью для Афин и многих других городов Греции. Показательным, в этой связи, является постоянное стремление Афин держать под своим контролем проливы, ведущие из Черного моря в Средиземное. Однако, проблема хлебной торговли Боспора, ее влияние на экономическое развитие Греции, на политику Афин исследуется еще очень ограниченно, главным образом, с афинской точки зрения, без анализа собственно боспорских целей, например, а изучение влияния торговли Боспора на экономику Греции даже еще не начато.

Подобные примеры также можно умножить. Однако, дело заключается не в нагнетании их, а в осознании того, что изучение истории Северного Причерноморья в античную эпоху нуждается в определенной переориентации и, как мы надеемся, издание этого тома послужит некоторым импульсом для нее.

История Северного Причерноморья в античную эпоху не может быть отделена от истории племенного мира причерноморских степей. Взаимоотношения греческих центров со скифами, сарматами, синдами, меотами и другими народами были постоянно действующим фактором, оказывающим воздействие на этот мир. Не перечисляя многочисленных примеры этого, мы отметим только один, самый существенный, с нашей точки зрения, — греческие полисы способствовали ускорению социального развития этих обществ, становлению в них классового строя и государственности. Зона воздействия греческих городов была чрезвычайно велика. Историческое значение греческих центров Северного Причерноморья для последующих судеб нашей Родины, видимо, трудно переоценить.

Список литературы

- Аммиан Марцелин.** История — SC, II, ч. 2, с. 323—344.
Аполлоний Родосский. Поход аргонавтов. — SC, I, ч. 2, с. 412—424.
- Аппиан.** Войны с Митридатом. — SC, I, ч. 2, с. 526—539.
Арриан. Обзор Евксинского Понта. — SC, I, ч. 2, с. 217—228.
Аристей. Обед софистов. — SC, I, ч. 3, с. 624—630.
Валерий Флакк. Аргонавтики. — SC, II, ч. 1, с. 204—214.
Варрон. Сельское хозяйство / Пер. М. Е. Сергеевко. М.; Л., 1936.
- Гекатей Милетский.** Землеописание. — SC, I, ч. 1, с. 1—3.
Гелланик. Фрагменты. — SC, I, ч. 1, с. 348—349.
Геродот. История: В 9-ти кн. — SC, I, ч. 1, с. 4—57.
Демосфен. Речь против Лакрата. — SC, I, ч. 2, с. 367.
Демосфен. Речь против Лептина о беспомощности. — SC, I, ч. 2, с. 364—366.
Демосфен. Речь против Формиона. — SC, I, ч. 2, с. 367.
Димарк. Речь против Демосфена. — SC, I, ч. 2, с. 372.
Диодор Сицилийский. Библиотека. — SC, I, ч. 2, с. 457—479.
Дион Кассий. Римская история. — SC, I, ч. 3, с. 609—623.
Дион Христом. Борнифенитская речь. — SC, I, ч. 2, с. 171—178.
Дионисий. Описание населенной земли. — SC, I, ч. 2, с. 178—187.
Евстахий. Комментарий к «Землеописанию» Дионисия. — SC, I, ч. 2, с. 187—209.
Зосим. Новая история. — SC, I, ч. 3, с. 787—810.
Исократ. Банкирская речь. — SC, I, ч. 2, с. 356—358.
Катон. — Марк Порций Катон. Земледельца / Пер. М. Е. Сергеевко. М.; Л., 1950.
Константин Багрянородный. Об управлении государством. — ИСАИМК (М. Л.), 1934, 31.
Макробий. Сатурналии. — SC, II, ч. 2, с. 392.
Паний. — Гаи Паний Секунд. Естественная история. — SC, II, ч. 1, с. 167—200.
Полбий. История. — SC, I, ч. 2, с. 440—444.
Полиен. Военные хитрости. — SC, I, ч. 2, с. 563—588.
Помпей Трог. История. — SC, II, ч. 1, с. 51—64.
Помпонию Мела. Землеописание. — SC, II, ч. 1, с. 115—126.
Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.
Псевдо-Арриан. — Безымянный автор. Обзор Евксинского Понта. — SC, I, ч. 1, с. 271—288.
Псевдо-Скиак. Перипл. Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии, Ливии. — SC, I, ч. 1, с. 84—86.
Псевдо-Ским. Землеописание. — SC, I, ч. 1, с. 87—91.
Прологер. География. — SC, I, ч. 2, с. 228—247.
Стефан Византийский. — SC, I, ч. 2, с. 252—274.
Страбон. География: В 17-ти кн. / Пер. Г. А. Страбановского. Л.; М., 1964.
Тацит. Анналы. — SC, II, ч. 1, с. 231—246.
Тацит. История. — SC, II, ч. 1, с. 247—251.
Феофраст. О растениях. — SC, I, ч. 2, с. 385—388.
Эскин. Речь против Ктисифонта. — SC, I, ч. 2, с. 370.
- Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд., т. 8.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1.
- Абаев В. И., 1949.** Осетинский язык и фольклор. М.; Л.
Абаев В. И., 1953. ПАНТИКАПАОН. — В кн.: Исследования в честь акад. Д. Девел. София.
Алексеева Е. М., 1970а. Классификация бус некрополя у дер. Ново-Отрадное. — МИА, 155.
Алексеева Е. М., 1970б. Классификация античных бус. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
Алексеева Е. М., 1975а. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, Г1-12.
Алексеева Е. М., 1975б. Исследования Горгипши и ее хоры. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, П.
Алексеева Е. М., 1976. Керамический комплекс первой половины III в. до н. э. из Горгипши. — КСИА, 145.
- Алексеева Е. М., 1977.** Фрагменты росписной штукатурки первых веков нашей эры из Пантикапея. — ИКАМ.
Алексеева Е. М., 1980. К изучению сельских поселений вокруг Горгипши. — В кн.: «Горгипши» I (Материалы Анакритической археологической экспедиции). Краснодар.
Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М., 1986. Стеклоделие Танаиса. — СА, 2.
Амброс А. К., 1966. Фивулы юга европейской части СССР. II в. до н. э. — IV в. н. э. — САИ, Д1-30.
Амброс А. К., 1969. Фивулы из раскопок Танаиса. — АДНП.
Анозин В. А., 1963. Мошкетное дело Херсонеса I—III вв. н. э. Х.
Анозин В. А., 1977а. Сицилийская техника заточки монетных заготовок в Херсонесе. — ИнС, 5.
Анозин В. А., 1977б. Монетное дело Херсонеса IV в. до н. э. — XIII в. н. э. Киев.
Анозин В. А., Пушкирев В. П., 1965. Автучные монеты из Тира. — ИнС, 2.
Антомова И. А., 1963. Западный фланг обороны Херсонеса. — СХМ, III.
Анфимов Н. В., 1941. Новые данные к истории Азиатского Боспора. — СА, VII.
Анфимов Н. В., 1950. Меотские поселения Восточного Приазовья. — КСИИМК, XXXIV.
Анфимов Н. В., 1951. — Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. — МИА, 23.
Анфимов Н. В., 1952. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. — ВДИ, 4.
Анфимов Н. В., 1953. Исследования Семибратнего городища. — КСИИМК, 51.
Анфимов Н. В., 1960. Меотский могильник на западной окраине Краснодара. — В кн.: Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар, I.
Анфимов Н. В., 1963. Силыка в VI—IV вв. до н. э. — Труды Краснодарского ГПИ, 33.
Анфимов Н. В., 1968. Денежное обращение на Елизаветинском городище — импорты Боспора на Средней Кубани. — ВДИ, 2.
Арсеньева Т. М., 1958. Местная керамика Танаиса. — СА, 3.
Арсеньева Т. М., 1963. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное. — СА, 1.
Арсеньева Т. М., 1965. Лепная керамика Танаиса I. Открытые сосуды. — ДНД.
Арсеньева Т. М., 1969. Лепная керамика Танаиса II. Горшки. — АДНП.
Арсеньева Т. М., 1970а. Лепная керамика Танаиса как источник для этнической истории Нижнего Дона. Автореф. дис. ... канд. ист. наук М.
Арсеньева Т. М., 1970б. Могильник у деревни Ново-Отрадное. — МИА, 155.
Арсеньева Т. М., 1974. Охранные раскопки курганного могильника Танаиса в 1968 году. — АДНП, II.
Арсеньева Т. М., 1977а. Некрополь Танаиса. М.
Арсеньева Т. М., 1977б. Комплекс краснолаковых сосудов II в. н. э. из Танаиса. — ИКАМ.
Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б., 1965. Раскопки центральной части Танаиса (1955—1957 гг.). — МИА, 127.
Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б., 1974. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964—1972 гг.). — АПНП, I.
Артамонов М. И., 1948. Скифское царство в Крыму. — Вестник ЛГУ, 2.
Артамонов М. И., 1949. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. — ВДИ, 1.
Артамонов М. И., 1966. Сокровища скифских курганов. Прага.
Ахмеров Р. В., 1946. Обзор керамических мастерских эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 2.
Ахмеров Р. В., 1947. Амфоры древнегреческого Херсонеса (IV—II вв. до п. э.). — ВДИ, 1.
Ахмеров Р. В., 1948. Клейменные черепки древнегреческого Херсонеса. — ВДИ, 1.
Ахмеров Р. В., 1949. Об аstownных клеймах эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азмеров Р. Б., 1951. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 3.
- Ашик А. Б., 1845. Корчешские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса.
- Ашик А. Б., 1848. Боспорское царство. Одесса.
- Ашик А. Б., 1851. Часы досуга с присовокуплением писем о Керчьских древностях. Одесса.
- Бабко П. И., 1957. К вопросу о местонахождении Асандрова вала.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев.
- Берчева Т. Б., 1974. Про металургийн славян на териториі Північного Причорномор'я в Юнци I тислчоліття до н. е. та в перших століттях н. е.— Археологія, 14.
- Вашкиров А. С., 1914. Историко-археологический очерк Крыма. Симферополь.
- Вашкиров А. С., 1927. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г.— Труды ЗИМ I МГУ, 3.
- Вашкиров А. С., 1928. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г.— Труды секции РАНИОН, III.
- Вашкиров А. С., 1950. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г.— Уч. зап. Московского ГИИ им. В. П. Шотемкипа, 13.
- Вашкиров А. С., 1957. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949—1951 гг.— Уч. зап. Ярославского ГИИ, XXII (XXXII).
- Беккер П. В., 1850. Тирас и тириты.— ЗООИД, VIII, отд. второе.
- Беккер П. В., 1853. Берег Пошта Евксиповского от Истра до Гурфорта в отношении к древним его колониям.— ЗООИД, III.
- Белов Г. Д., 1927. Римские приставные слесари № 1013 и 1014 в Херсонесе.— Хсб., II.
- Белов Г. Д., 1930. Терракоты Херсонеса из раскопок 1908—1914 гг.— Хсб., III, 3.
- Белов Г. Д., 1936а. Музей и раскопки Херсонеса. Крымиздат.
- Белов Г. Д., 1936б. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь.
- Белов Г. Д., 1938а. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь.
- Белов Г. Д., 1938б. Новая херсонесская мозаика.— ВДИ, 3/4.
- Белов Г. Д., 1940а. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1931—1933 гг. Симферополь.
- Белов Г. Д., 1940б. Херсонесские рельефы.— ВДИ, 3/4.
- Белов Г. Д., 1943. Красофигурный кратер из Херсонеса.— ТОАМ, I.
- Белов Г. Д., 1946. Античные материалы из раскопок в Херсонесе в 1940 г.— КСИИМК, XII.
- Белов Г. Д., 1948а. Херсонес Таврический. Л.
- Белов Г. Д., 1948б. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи.— ВДИ, 1.
- Белов Г. Д., 1950а. Античный дом в Херсонесе.— ВДИ, 2.
- Белов Г. Д., 1950б. Некрополь Херсонеса классической эпохи.— СА, XIII.
- Белов Г. Д., 1952. Херсонесские виллодельцы.— ВДИ, 2.
- Белов Г. Д., 1953а. Северный прибрежный район Херсонеса.— МИА, 34.
- Белов Г. Д., 1953б. Эллинистическая мозаика.— МИА, 34.
- Белов Г. Д., 1953в. Западная оборонительная стена в некрополе возле нее.— МИА, 34.
- Белов Г. Д., 1955. Итоги раскопок в Херсонесе в 1949—1953 гг.— СА, XXIV.
- Белов Г. Д., 1959. К вопросу об изучении эпохи Херсонеса эллинистического периода.— НИСПАЭ.
- Белов Г. Д., 1962. Эллинистический дом в Херсонесе.— ТГЭ, VII.
- Белов Г. Д., 1963. Из истории экономический жизни Херсонеса во II—IV вв. н. э.— АГ.
- Белов Г. Д., 1964. Раскопки в Херсонесе в 1961 г.— СГЭ, XXV.
- Белов Г. Д., 1965. Стеклоделатели в Херсонесе.— СА, 3.
- Белов Г. Д., 1967. Тегга sigillata из Херсонеса.— СА, 4.
- Белов Г. Д., 1969. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе.— КСИА, 116.
- Белов Г. Д., 1970. Терракоты из Херсонеса.— ТСП, I—II.
- Белов Г. Д., 1971. Скульптура Херсонеса в собрании Эрмитажа.— ИНАМ.
- Белов Г. Д., 1972. Ионийская керамика из Херсонеса.— ТГЭ, XIII.
- Белов Г. Д., 1977. Амфоры из некрополя Херсонеса (V—IV вв. до н. э.).— ИКАМ.
- Белов Г. Д., 1981. Некрополь Херсонеса классической эпохи.— СА, 3.
- Белов Г. Д., Стржецкий С. Ф., 1953. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г.— МИА, 34.
- Белов Г. Д., Стржецкий С. Я., Якобом, 1953. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.).— МИА, 34.
- Белова Н. С., 1961. Археологические разведки в Китае.— КСИА, 83.
- Беляев С. А., 1968а. К интерпретации CIL VIII, 629.— ВДИ, 4.
- Беляев С. А., 1968б. Поздсанктинские надписи на амфорах из раскопок Херсонеса.— ИЭ, VII.
- Беляев С. А., 1968в. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв.— АНКСИ.
- Бельковский Л., 1904. О терракотовых повозочках на Керчь.— ИАЯ, 9.
- Берембейл Д. Я., 1958. О пути греков через Черное море.— СА, 3.
- Берзин Э. О., 1958. Сиддика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э.— ВДИ, 1.
- Берзин Э. О., 1959. Из истории производства клейменной черепицы на Боспоре.— СА, 4.
- Берзина С. Я., 1962. Производство гипсовых изделий на Боспоре.— АИБ, II.
- Бертье-Делагард А. Л., 1893а. Раскопки Херсонеса.— МАР, 12.
- Бертье-Делагард А. Л., 1893б. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса.— ЗООИД, XVI.
- Бертье-Делагард А. Л., 1906. Запечатные мольеры на монетах Херсонеса.— ЗНОРАО, I.
- Бертье-Делагард А. Л., 1907. Древний Херсонес по Страбону и раскопкам.— ИАЯ, 21.
- Бертье-Делагард А. Л., 1911. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене.— Нумизматический сборник, I.
- Бибикова В. Г., 1958. Фауна Ольвии на її периферії за матеріалами розкопок 1935—1948 рр.— АП, 7.
- Бидиля В., 1970. Скифские сокровища.— Наука и жизнь, 3.
- Билымович З. А., 1973. Аттические зеркала в Северном Причерноморье.— В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л.
- Блаватский Т. В., 1948. Надпись Агафа из Фанагории.— ВДИ, 4.
- Блаватский Т. В., 1948. О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии.— КСИИМК, XXII.
- Блаватский Т. В., 1959. К вопросу о боспор-афинских отношениях во второй половине V в. до н. э.— НИСПАЭ.
- Блаватский Т. В., 1965. Раскрыты царя Асбурга.— СА, 2.
- Блаватский В. Д., 1938. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг.— ВДИ, 2.
- Блаватский В. Д., 1940. Раскопки Фанагории в 1938—1939 гг.— ВДИ, 3—4.
- Блаватский В. Д., 1941а. Античная архитектура в Северном Причерноморье.— В кн.: Сборник трудов Академии архитектуры СССР, М.
- Блаватский В. Д., 1941б. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг.— ТГИМ, XVI.
- Блаватский В. Д., 1941в. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г.— МИА, 4.
- Блаватский В. Р., 1941г. Раскопки Фанагории в 1940 г.— ВДИ, 1.
- Блаватский В. Д., 1946а. Червофигурная ойнохос Гос. Исторического музея.— ВДИ, 2.
- Блаватский В. Д., 1946б. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э.— ВДИ, 1.
- Блаватский В. Д., 1947а. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М.
- Блаватский В. Д., 1947б. Полхромная ойнохос в Ольвии.— Археология, 1.
- Блаватский В. Д., 1947в. Раскопки Пантикапея в 1945 г.— КСИА, XVII.
- Блаватский В. Д., 1947г. Террасы Пантикапея.— КСИИМК, XXI.
- Блаватский В. Д., 1948а. Античная архитектура Северного Причерноморья.— В кн.: Всесоюзная история архитектуры. М., II, 2.
- Блаватский В. Д., 1948б. Киммерийский вопрос и Пантикапей.— Вестник МГУ, 8.
- Блаватский В. Д., 1949а. О посадке боспорской кованцы.— КСИИМК, XXIX.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Блаватский В. Д., 1949б. Рецензия на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический». — ВДИ, 3.
- Блаватский В. Д., 1950а. Античная культура в Северном Причерноморье. — КСИИМК, XXXV.
- Блаватский В. Д., 1950б. Культурный слой античного городища. — КСИИМК, XXXV.
- Блаватский В. Д., 1950в. О стратегии и тактике раскопок. — КСИИМК, XXXIV.
- Блаватский В. Д., 1950г. О строительном деле Фанагории. — ДИСИФ МГУ, 9.
- Блаватский В. Д., 1950д. Раскопки Пантикапей. — КСИИМК, XXXIII.
- Блаватский В. Д., 1951а. Материалы по истории Пантикапей. — МИА, 19.
- Блаватский В. Д., 1951б. Разведки в Анапе. — КСИИМК, XXXVII.
- Блаватский В. Д., 1951в. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. — МИА, 19.
- Блаватский В. Д., 1951г. Харакс. — МИА, 19.
- Блаватский В. Д., 1951д. Каменное ядро из Фанагории. — КСИИМК, XXXIX.
- Блаватский В. Д., 1951е. Раскопки Пантикапей (1949). — КСИИМК, XXXVII.
- Блаватский В. Д., 1952а. Исследования города Пантикапей. — АИБ, 1.
- Блаватский В. Д., 1952б. Первый год работы Сивдской экспедиции. — КСИИМК, XLIII.
- Блаватский В. Д., 1953а. Второй год работ Сивдской экспедиции. — КСИИМК, LI.
- Блаватский В. Д., 1953б. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В. Д., 1953в. История античной расписной керамики. М.
- Блаватский В. Д., 1953г. Новые данные о строительстве Пантикапей. — СА, XVII.
- Блаватский В. Д., 1954а. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В. Д., 1954б. Работы и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. — СА, XX.
- Блаватский В. Д., 1954в. Архаический Боспор. — МИА, 33.
- Блаватский В. Д., 1955а. О пантикапейской весовой системе. — СА, XXXII.
- Блаватский В. Д., 1955б. Третий год работ Сивдской экспедиции. — КСИИМК, 58.
- Блаватский В. Д., 1955в. Раскопки Пантикапей в 1952 г. — КСИИМК, 58.
- Блаватский В. Д., 1955г. О происхождении боспорских склепов с усугублятыми перекрытиями. — СА, XXIV.
- Блаватский В. Д., 1956а. Раскопки Пантикапей в 1953 г. — КСИИМК, 63.
- Блаватский В. Д., 1956б. Фанагорийская степная роспись. — МИА, 57.
- Блаватский В. Д., 1957а. Строительное дело Пантикапей по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. — МИА, 56.
- Блаватский В. Д., 1957б. Четвертый год раскопок в Сивдикее. — КСИИМК, 70.
- Блаватский В. Д., 1957в. Мраморный трон из Пантикапей. — СА, 2.
- Блаватский В. Д., 1958а. О подводной археологии. — СА, 3.
- Блаватский В. Д., 1958б. Об археологическом исследовании хоры. — Вестник МГУ, 4.
- Блаватский В. Д., 1958в. Об этническом составе населения Пантикапей в IV—III вв. до н. э. — СА, XXVIII.
- Блаватский В. Д., 1959а. Исследования Раевского городища в 1954 г. — КСИИМК, 77.
- Блаватский В. Д., 1959б. Процесс исторического развития античных городищ в Северном Причерноморье. — ППСИАЭ.
- Блаватский В. Д., 1959в. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. — СА, XXIX—XXX.
- Блаватский В. Д., 1959г. Пятый год работ в Спидике. — КСИИМК, 74.
- Блаватский В. Д., 1959д. О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее. — КСИИМК, 75.
- Блаватский В. Д., 1960. Раскопки Пантикапей в 1954—1958 гг. — СА, 2.
- Блаватский В. Д., 1961а. Античная археология Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В. Д., 1961б. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. — СА, 1.
- Блаватский В. Д., 1962а. Отчет о раскопках Пантикапей в 1945—1953, 1952 и 1953 гг. — МИА, 103.
- Блаватский В. Д., 1962б. Подводные разведки в Ольвии. — СА, 3.
- Блаватский В. Д., 1963. Античный город. — АГ.
- Блаватский В. Д., 1964а. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (VII—IV вв. до н. э.). — СА, 2.
- Блаватский В. Д., 1964б. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э. — III в. п. э.). — СА, 4.
- Блаватский В. Д., 1964в. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.
- Блаватский В. Д., 1964г. Подводная археология и ее задачи. — Вопросы истории, 12.
- Блаватский В. Д., 1965. Техника подводных археологических работ. — МИА, 123.
- Блаватский В. Д., 1967. Античная полевая археология. М.
- Блаватский В. Д., 1968. ВОПРОСЫ. — ВДИ, 4.
- Блаватский В. Д., 1976. О Рескупорте Первом. — СА, 4.
- Блаватский В. Д., 1978. Дюпский Ольвианский. — СА, 3.
- Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., 1963. Открытие затопленного мира. М.
- Блаватский В. Д., Кузищин В. И., 1959. Подводные разведки древней Фанагории. — Вестник АН СССР, 1.
- Блаватский В. Д., Кузищин В. И., 1961. Подводные разведки в 1958 г. — КСИИМК, 83.
- Блаватский В. Д., Петер В. Г., 1967. Подводные археологические работы в районе Еватории. — КСИА, 109.
- Блаватский В. Д., Петер В. Г., 1963а. Кораблекрушения конда IV — начала III в. до н. э. около Донузлава. — СА, 3.
- Блаватский В. Д., Петер В. Г., 1963б. Премы подводных археологических работ при изучении остатков древнего кораблекрушения. — В кн.: Морские подводные исследования. М.
- Блаватский В. Д., Шелов Д. Б., 1955. Разведки на Керченском полуострове. — КСИИМК, 58.
- Баарамберг И. П., 1848. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. — ЗООИД, II.
- Баарамберг И. П., 1889. О положении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбонам. — ИТУАК, 7—8.
- Бобринский А. А., 1905. Херсонес Таврический. М.
- Богданова-Березовская П. В., 1969. Статуэтка Диоскуров из Неволя Скифского (Химико-технологическое исследование). — СА, 1.
- Богданова-Березовская П. В., Наумов Д. В., Коенкур Г. М., 1964. Химико-петрографическое исследование черепки из Ольвии. — В кн.: Ольвия. Темос и агора. М.; Л.
- Болдырев А. В., Боровский Я. М., 1948. Техника военного дела и мореходства. — В кн.: Эллинистическая техника. М.; Л.
- Болтенко М. Ф., 1930. До питання про час виникнення та назву давньої іонійської оседи над Борястеном. — Вісник Одеської комісії краєзнавства, 3—4.
- Болтенко М. Ф., 1949. Про назву острова Березань. — Вісник Одеського держ. ун-та, 3.
- Болтенко М. Ф., 1960. Исторические судьбы острова Березань. — ЗОАО, I (34).
- Болтунова А. И., 1950. К падиши Хариксева, сына Хариксева. — ВДИ, 4.
- Болтунова А. И., 1964а. Проксенский декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора. — ВДИ, 3.
- Болтунова А. И., 1964б. К истории Танаиса (по данным оправаля). — Кіс, 42.
- Болтунова А. И., 1965. Греческие вадиды в доспих музеях. — Кіс, 4.
- Болтунова А. И., 1966. О культе Зевса Сотера на Боспоре. — КАМ.
- Болтунова А. И., 1968. Новая строительная вадиды из Танаиса. — АИКСП.
- Болтунова А. И., 1969. Раскопки оборонительной стены западного района Танаиса (1958—1968 гг.). — МИА, 154.
- Болтунова А. И., 1972. Новая строительная вадиды. — В кн.: Танаис и Нижний Дон. М.
- Болтунова А. И., 1977. Зевс Отчий и Зевс Спаситель. — ВДИ, 2.
- Бондар М. М., 1954а. Торгові відносини Ольвії з містами античного світу в VI—IV ст. до н. е. — Історичний збірник Київського держ. ун-та, 5.
- Бондар М. М., 1954б. До питання про торговельні зв'язки Ольвії в VI—II ст. до н. е. — Археологія, 11.
- Бондар Н. П., 1955. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э. — СА, XXXII.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондар М. М., 1965а. До питання про характер торговельних зв'язків Ольвії з Скіфією.— Науков. зап. Київського держ. ун-ту, XV, 6.
- Бондарь Н. Н., 1956б. Торговые сношения Ольвии со Скифией в IV—I вв. до н. э.—СА, XXV
- Бондарь М. М., 1957. Торговля Ольвії з грецькими містами в одностійчастий час.— Археологія, 11.
- Бондарь М. М., 1961. Торгові зв'язки Ольвії з містами Причорномор'я в єдиний час.— Археологія, 13.
- Бондарь Р. Д., 1971. Археологические раскопки у с. Орловка.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев.
- Бондарь Р. Д., 1973. Некоторые проблемы истории пшинеда-павского лямбда.— ВДН, 3.
- Борисовская С. П., 1972. Мастера и стилистические группы позднекоринфских ориентализирующих вазо.— ТГЭ, XIII.
- Борисова В. В., 1949. Азфориные ручки с именами вазонеров древнего Херсонеса.— ВДН, 3.
- Борисова В. В., 1958. Гончарные мастерские Херсонеса.— СА, 2.
- Борисова В. В., 1961. Черепица с клеймами римских латинцев.— СХМ, II.
- Борисова В. В., 1963. Раскопки в цитадели в 1958—1959 гг.— СХМ, III.
- Борисова В. В., 1966а. Херсонес.— КП.
- Борисова В. В., 1966б. Керамическое производство античного Херсонеса (о материалах раскопок эргастериев конца IV—II вв. до н. э.). Науд. дис. Архив ИА АН СССР.
- Борисова В. В., 1966в. Харакс.— КП.
- Борисова В. В., 1974. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор.— НЗ, XI.
- Бороздин И. Я., 1925а. Новейшие археологические открытия в Крыму (Раскопки на Гераклейском полуострове). М.
- Бороздин И. Я., 1925б. О раскопках на Гераклейском полуострове.— Новый Восток, 7.
- Бороздин И. Я., 1927. Херсонес Таврический (к столетнему юбилею раскопок)— Хочу все знать, 11.
- Брабич В. М., 1956. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э.— КСНММК, 66.
- Брашинский И. Б., 1955. К вопросу о положении Имфия во второй половине V в. до н. э.— ВДН, 2.
- Брашинский И. Б., 1958. Повитская экспедиция Перикла.— ВДН, 3.
- Брашинский И. Б., 1959. Афинский декрет 323/2 года до н. э.— КСНММК, 74.
- Брашинский И. Б., 1960. Ольвия и Афины в IV в. до н. э.— ЗОА, I (34).
- Брашинский И. Б., 1961а. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г.— СА, 3.
- Брашинский И. Б., 1961б. Успехи керамической эпиграфики.— СА, 2.
- Брашинский И. Б., 1962. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мелдой в V—IV вв. до н. э.— НЗ, III.
- Брашинский И. Б., 1963а. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М.
- Брашинский И. Б., 1963б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгвой.— КСИА, 95.
- Брашинский И. Б., 1965в. Экономические связи Синопя в IV—II вв. до н. э.— АГ.
- Брашинский И. Б., 1964. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг.— В кн.: Ольвия, Теменис и агора. М.; Л.
- Брашинский И. Б., 1965а. Керамические клейма Гераклея Повтийской.— НЗ, V.
- Брашинский И. Б., 1965б. Клазоменская гилрия на Ольвии.— СА, 3.
- Брашинский И. Б., 1965в. О некоторых династических особенностях правления Спартогидов.— ВДН, 1.
- Брашинский И. Б., 1967. Новые данные о торговле Ольвии с Синосом.— КСИА, 109.
- Брашинский И. Б., 1968а. Значение черноморских проливов в развитии экономических связей Причерноморья в VI—IV вв. до н. э.— Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums, Budapest.
- Брашинский И. Б., 1968б. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху.— АИСКП.
- Брашинский И. Б., 1968в. Материалы к изучению торговых связей Ольвии.— СА, 2.
- Брашинский И. Б., 1968г. Новые материалы к изучению экономических связей Ольвии в VI—IV вв. до н. э.— Archaeologia (Wargtama), XIX.
- Брашинский И. Б., 1970. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону.— КСИА, 124.
- Брашинский И. Б., 1976а. Методика изучения стандартов древнегреческой керамической фактуры.— СА, 3.
- Брашинский И. Б., 1976б. Амфоры Мелды.— ХКААМ.
- Брашинский И. Б., 1976в. Аттическая расписная и черволаковая керамика V в. до н. э. из Елизаветовского могильника.— ТГЭ, XVI.
- Брашинский И. Б., 1977. Некоторые вопросы методики исследования импорта товаров в керамической таре в античное Причерноморье.— КСИА, 148.
- Брашинский И. Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.
- Брашинский И. Б., Демченко А. И., 1969. Исследования Елизаветинского могильника в 1966 году.— КСИА, 116.
- Брытова Н. П., 1971. Искусство античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: История искусства народов СССР. М., 1.
- Брун Ф. К., 1853. О местоположении Тираса.— ЗООИД, III.
- Брун Ф. К., 1880. Черноморье. Исследование по исторической географии Южной России. Одесса, II.
- Бузеску В. П., 1924. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. II. Древнегреческий мир. СПб.
- Бузеску В. П., 1927. Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения греческой и мировой культуры. Киев.
- Буйчик С. Б., 1976. Гордище Мыс в системе обороны Ольвии.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1.
- Булатович С. А., 1971. Монетные находки на острове Левке.— МАСП, 7.
- Бурakov А. В., 1966. Известково-глиняные карнизы и фрески Козьмоградского городища.— КАМ.
- Бурakov А. В., 1976. Козьмоградское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.
- Бурачков П. О., 1975. О местоположении древнего города Керчантики в заметках ому принадлежатых.— ЗООИД, IX.
- Бурачков П. О., 1981. Опыт согласования открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войны Диофанта, полковода Митридата, со скифами.— ЗООИД, XII.
- Бурачков П. О., 1984. Сборник материалов для изучения искусства и монетного производства у народов, живших в древности на юге России. Ч. I. Общий каталог монет, принадлежавших эллиниским колониям северного берега Черного моря. Одесса.
- Бурбак В. Д., Шевцов А. Н., 1968. О темпе роста, возрастном составе стада и миграциях некоторых морских рыб в античную эпоху.— В кн.: Эколого-морфологические исследования некоторых животных. Киев.
- Вальдгауэр О. Ф., 1907. Памятники древней скульптуры в Историческом музее в Москве.— ИАК, 23.
- Вальдгауэр О. Ф., 1914. Античные глиняные светильники. СПб.
- Вальдгауэр О. Ф., 1922. Афродита Урания и Афродита Пандемос.— ИРАИМК, 7.
- Василенко Б. А., 1970. Заметки о гераклейских клеймах.— СА, 3.
- Василенко Б. А., 1974. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э.— НЗ, XI.
- Ваулина М. П., 1970. Фрагменты деревянного саркофага с резными карнизами из Керчи.— СА, 3.
- Ваулина М. П., 1971. Деревянный саркофаг из кургана Ю-Оба.— КНАМ.
- Веселов В. В., 1952. Древние городища в районе Свияги.— АИБ, 1.
- Веселов В. В., 1950. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова.— СА, XXIX—XXX.
- Веселов В. В., 1962. Новые формы и варианты клейм боспорских мровельных черепиц.— АИБ, II.
- Веселовский Н. И., 1909. Тавас Младший.— Гермес, 6.
- Веселовский Н. И., 1913. К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве.— ИАК, 47.
- Ветштейн Р. Ш., 1953. Керамическое производство Ольвии первых веков нашей эры.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Ветштейн Р. І., 1958. Керамічні вишальовальні печі Ольвії перших століть н. е.— АП, 7.
- Ветштейн Р. І., 1965. Ольвієвська керамічна піч.— Археологія, 18.
- Ветштейн Р. І., 1975. Местная керамика Ольвии первых веков нашей эры.— В кн.: Ольвия. Киев.
- Винницкая Г. Г., 1949. Терракоты Ольвии и их значение как исторического источника.— Автореф. дисс... науд. ист. наук. Киев.
- Винницкая Г. Г., 1954. Технологические основы производства терракот в Ольвии.— КСИИМК, XXXIX.
- Виноградов Ю. Г., 1969. Киплческие поэмы в Ольвии.— ВДИ, 3.
- Виноградов Ю. Г., 1971а. Новые материалы по раннегреческой экономике.— ВДИ, 1.
- Виноградов Ю. Г., 1971б. Древнейшее греческое письмо с острова Брессавль.— ВДИ, 4.
- Виноградов Ю. Г., 1971в. Из истории архаической Ольвии.— СА, 2.
- Виноградов Ю. Г., 1972. Керамические клеима острова Фасос.— НЗ, X.
- Виноградов Ю. Г., 1976. О политическом единстве Бессазии и Ольвии.— ХГААМ.
- Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О., 1976. Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимости драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э.— ВДИ, 4.
- Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А., 1975. Об экономических связях Герулеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время.— СА, 1.
- Вишневский В. П., Войцеха В. С., Крупник Л. И., Радюк Ю. Н., 1969. Методы подводных исследований, применявшиеся при археологических работах в районе Херсонеса в 1964—1965 гг.— В кн.: Морские подводные исследования. М.
- Войшевский М. А., 1938. Орнитофауна Ольвии. Киев.
- Войшевский М. А., 1967. Исследуемая орнитофауна Украины.— Природная обстановка и фауна прошлого, 3.
- Войцеховский С. Ф., 1929. Опыт восстановления рельефа Таманского п-ва применительно к эпохе Страбона и позднейшего времени. Зап. Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону, III, 1, 5—6.
- Воронов А. А., 1975. Античное общественное здание III—II вв. до н. э. в Керчи. Проблемы реконструкции.— Архитектура СССР, 3.
- Воронов А. А., Михайлова М. Б., 1975. Особенности новокрытого античного памятника в Керчи.— Архитектурное наследие, 23.
- Висотская Т. М., 1964. Про виробництво скла в півноантичному Криму.— Археологія, 14.
- Висотская Т. М., 1970. Городище Алма-Кермен у Криму.— Археологія, 24.
- Висотская Т. М., 1971. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М.
- Висотская Т. М., 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев.
- Вязьмитина М. І., 1962. Золота Балка. Київ.
- Гайдукевич В. Ф., 1934а. Античные керамические обжигательные печи. По раскопкам в Керчи и Фанагории 1929—1931 гг.— ИГАИМК, 80.
- Гайдукевич В. Ф., 1934б. Строительные керамические материалы Боспора.— ИГАИМК, 104.
- Гайдукевич В. Ф., 1937. Боспорские города Тиритак и Мирмекия на Керченском полуострове (по раскопкам 1932—1936 гг.).— ВДИ, 1.
- Гайдукевич В. Ф., 1940а. Итоги последних раскопок древней Тиритак.— КСИИМК, 4.
- Гайдукевич В. Ф., 1940б. Находка античного бронзового штампа в Тиритак.— СА, VI.
- Гайдукевич В. Ф., 1940в. Раскопки Мирмекии в Тиритак. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг.— ВДИ, 3—4.
- Гайдукевич В. Ф., 1941а. Археологическое изучение Мирмекии.— МИА, 4.
- Гайдукевич В. Ф., 1941б. Укреплённая Villa Rustica на Темир-горе.— СА, VII.
- Гайдукевич В. Ф., 1941в. О местоположении древней Тиритак.— МИА, 4.
- Гайдукевич В. Ф., 1947. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастриях времён Спартокидов.— КСИИМК, XVII.
- Гайдукевич В. Ф., 1948а. Боспорское царство. М.; Л.
- Гайдукевич В. Ф., 1948б. Рецензия на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический». — ВДИ, 3.
- Гайдукевич В. Ф., 1950. Боспорский город Илурад.— СА, XIII.
- Гайдукевич В. Ф., 1952а. Раскопки Мирмекии в 1935—1938 гг.— МИА, 25.
- Гайдукевич В. Ф., 1952б. Раскопки Тиритак в 1935—1940 гг.— МИА, 25.
- Гайдукевич В. Ф., 1952в. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий.— АИБ, 1.
- Гайдукевич В. Ф., 1952г. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях.— МИА, 25.
- Гайдукевич В. Ф., 1955. История античных городов Северного Причерноморья.— АГСП.
- Гайдукевич В. Ф., 1958а. Виподілля на Боспорі.— МИА, 85.
- Гайдукевич В. Ф., 1958б. Илурад. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг.— МИА, 85.
- Гайдукевич В. Ф., 1958в. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастриях.— СА, XXVIII.
- Гайдукевич В. Ф., 1958г. Раскопки Тиритак и Мирмекии в 1946—1952 гг.— МИА, 85.
- Гайдукевич В. Ф., 1959а. Мирмекий Варшава. II.
- Гайдукевич В. Ф., 1959б. Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, 69.
- Гайдукевич В. Ф., 1960. Боспор и Аркадия.— ЗОАО, I (34).
- Гайдукевич В. Ф., 1962. Еще раз о восстании Савмака.— ВДИ, 1.
- Гайдукевич В. Ф., 1963а. Керамический комплекс II в. до н. э. из Мирмекии.— КСИА, 95.
- Гайдукевич В. Ф., 1963б. Раскопки Мирмекии (1956—1961).— СГЭ, XXIV.
- Гайдукевич В. Ф., 1965. Мирмекийские зольники-оскары.— КСИА, 103.
- Гайдукевич В. Ф., 1966а. Некоторые вопросы экономической истории Боспора.— ВДИ, 1.
- Гайдукевич В. Ф., 1966б. Вотия Герия из Мирмекии.— КАМ.
- Гайдукевич В. Ф., 1967. Новые данные по боспорской керамической эпиграфике.— КСИА, 109.
- Гайдукевич В. Ф., 1968. К дискуссии о восстании Савмака.— АИКСП.
- Гайдукевич В. Ф., 1969. О путях прокозления древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском.— КСИА, 116.
- Гайдукевич В. Ф., 1981. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба Илурад. Л.
- Гайдукевич В. Ф., Капошина С. П., 1954. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья.— СА, XV.
- Галаина Л. К., 1965. Греческие поножи Северного Причерноморья.— АСГЭ, 7.
- Галаина Л. К., 1970. Стекляные сосуды из Курджипского кургана.— АСГЭ, 12.
- Галаина Л. К., 1980. Курджипский курган. Л.
- Галкина О. Д., 1964. Античные сосуды из торфовища на р. Суной. Археология, 16.
- Гайна О. Д., 1970. Античные бронзы с Пшапоно. Киев.
- Герасимова М. М., 1971. К вопросу об этническом составе населения древнего Таманса (III в. до н. э.— IV в. н. э.).— СЭ, 4.
- Герасимова М. М., 1976. Население античной Фанагории по палеоантропологическим данным.— КСИА, 195.
- Геру К. К., 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. М.
- Геру К. К., 1878. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском п-ве. М.
- Герцигер Д. С., 1972. Покрывало во VII Семибратово кургана.— ГЭГ, XIII.
- Герцигер Д. С., 1973. Античные ткани в собрании Эрмитажа.— В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л.
- Гилевич А. М., 1960. Раскопки участка перебора у 47 курганы оборонительных стен Херсонеса.— СХМ, I.
- Гилевич А. М., 1965. Прибрежнинский клад римских монет.— НЗ, V.
- Гилевич А. М., 1968. Античные игородные монеты из раскопок Херсонеса.— НвС, 3.
- Гилевич А. М., 1974. Клад «сасов» из Ольвии.— НЗ, X.
- Голенко К. В., 1951. О монетах, приписываемых Савмаку.— ВДИ, 4.
- Голенко Л. В., 1960а. Второй Патрейский клад монет (1951 г.)— НЗ, I.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голенко К. В., 1960б. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора.— ЗОАО, 1 (34).
- Голенко К. В., 1963. Едце о монетах, приписываемых Саммаку.— ВДИ, 3.
- Голенко К. В., 1972. Заметки о медных боспорских монетах III в. до н. э.— ВДИ, 3.
- Голенко К. В., Соколовский Н. Н., 1968. Клад 1962 г. из Кеп.— НЭ, VII.
- Голенко К. В., Шелов Д. Б., 1963. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1966 гг.— Ник, 1.
- Головкин И. Д., 1963. Несколько граффити Белгород-Днестровского музея.— ИСОГАМ за 1961 г.
- Головкин И. Д., 1966. Эпиграфические находки.— МАСИД, 5.
- Головкин И. Д., Бондарь Р. Д., Загинало А. Г., 1965. Археологические исследования у с. Орловка Белгородского района Одесской обл.— ИСОГАМ за 1963 г.
- Голубцов В. В., 1914. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг.— ИАК, 51.
- Голубцова Е. С., 1951. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.
- Гольденберг В. А., 1953. Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского мира.— ВДИ, 1.
- Горбунова К. С., 1964. Червофигурный кратер мастера Лидоса.— СА, 3.
- Горбунова К. С., 1966. Раскопки на острове Березань в 1962—1964 гг.— СГЭ, XXVII.
- Горбунова К. С., 1971. Серебряные киллики из Семьбратних курганов.— ИИАМ.
- Горбунова К. С., 1972. Аттические вазы группы St. Valentin.— ТГЭ, XIII.
- Горбунова К. С., 1976. Фрагменты аттических червофигурных чаш с острова Березань.— ХГАМ.
- Горбунова К. С., 1977. Краснофигурный килик, найденный в некрополе Пяское I.— ИГАМ.
- Горохов В. А., 1928. К вопросу о киммерийской культуре.— ТСА РАНИОН, II.
- Горье Ю. В., 1925. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л.
- Горшков В. П., 1912. Летопись музея за 1909, 1910 и 1911 гг. Керсов.
- Граков Б. Н., 1929. Древнегреческие керамические клеида с именами астиномов. М.
- Граков Б. Н., 1935. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапея.— ИГАИМК, 104.
- Граков Б. Н., 1939а. Клейменная тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Архив ИА НС ССР, р-1, № 538.
- Граков Б. Н., 1939б. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 3.
- Граков Б. М., 1947. Чл мала Ольвия торговельни знопини с Поволжия и Приуралья в архаичну та класичну эпохи?— Археолог, 1.
- Граков Б. Н., 1948. Литейное и кузнечное ремесло у скифов.— КСИИМК, XXII.
- Граков Б. Н., 1954. Каменское городище на Днепре.— МИА, 36.
- Граков Б. Н., 1959. Греческие граффито из Немировского городища.— СА, 1.
- Граков Б. П., 1968. Легенда о скифском царе Арманте.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Граков Б. Н., 1971. Скифы. М.
- Граков Б. Н., 1977. Ранний железный век. М.
- Греч Н. Л., 1967. Раскопки в Нимфее.— АО 1966 г.
- Греч Н. Л., 1968. О Горгаше и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов.— АИКСП.
- Греч Н. Л., 1970. О местной скульптуре Боспора (к вопросу о статуях-полуфигурах).— Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostov, 19 Jahrgang, 8.
- Греч Н. Л., 1976. Силпковые типы из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии.— ТГЭ, XVII.
- Греч Н. Л., 1979. Древнейшие выводяльские сооружения на Боспоре.— В кн.: Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.
- Гриневич К. Э., 1926. Стены Херсонеса Тавричского.— Хсб., 1.
- Гриневич К. Э., 1927а. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова.— ИТОИАЭ, I (58).
- Гриневич К. Э., 1927б. Стены Херсонеса Тавричского.— Хсб., II.
- Гриневич К. Э., 1927в. Сто лет херсонесских раскопок (1827—1927). Севастополь.
- Гриневич К. Э., 1928. Страбонский Херсонес в свете новейших археологических раскопок.— ИТОИАЭ, II.
- Гриневич К. Э., 1929. Рост территории древнего Херсонеса.— ИТОИАЭ, III.
- Гриневич К. Э., 1931. Исследование подводного города в 1930—1931 гг. М.
- Гриневич К. Э., 1946. Оборона Боспора Киммерийского.— ВДИ, 2.
- Гриневич К. Э., 1947. Херсонес и Рим.— ВДИ, 2.
- Гриневич К. Э., 1952. Юз-Оба.— АИБ, 1.
- Гриневич К. Э., 1963. К вопросу об экономике древней Ольвии.— АГ.
- Данищенко В. Н., 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э. (По эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья).— В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 4.
- Данищенко В. Н., 1969. Надгробные стелы.— СХМ, IV.
- Дашевская О. Д., 1958. Лепная керамика Неаполи Скифского.— МИА, 69.
- Дашевская О. Д., 1967. Раскопки южнодунавского городища в 1963—1965 гг.— КСИИА, 109.
- Дашевская О. Д., 1969. Античная башня на городище Беляус.— КСИИА, 116.
- Дашевская О. Д., 1970а. Два склена Беллусского могильника.— КСИИА, 119.
- Дашевская О. Д., 1970б. Два граффито на амфорах южнодунавского городища.— КСИИА, 124.
- Дашевская О. Д., 1970в. О происхождении названия города Керкипантиды.— ВДИ, 2.
- Дашевская О. Д., 1971. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М.
- Дашевская О. Д., Шелов А. Н., 1965. Херсонесское укрепление на городище Беляус.— СА, 2.
- Денисова В. И., 1981. Коропластика Боспора. Л.
- Депюи Д. В., Каралетьяну А. М., 1970. Некоторые принципы описания применительно к возможности статистического анализа.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Десятчиков Ю. М., 1968. Появление катафрактов на Боспоре. Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.
- Десятчиков Ю. М., 1972. Катафракты на надгробье Афения.— СА, 4.
- Дзевс-Литовская Н. П., 1970. Почвы и растительность степного Крыма. Л.
- Дзевс-Литовский А. П., 1938. Тарханкутский полуостров.— В кн.: Очерки по физической географии Крыма. Л., 2.
- Даш-Райко Г. А., 1963. О некоторых итогах разведки левого бережья низовьев Днестра и Днестровского ятмана.— ИСОГАМ за 1961 г.
- Даш-Райко Г. А., 1966. Археологические исследования городища у с. Надляманское.— МАСИД, 5.
- Дирин А. А., 1896. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки.— ЗООИД, XIX.
- Дмитров Л. Д., 1949. Белгород-Днестровская археологическая экспедиция.— АИ, 2.
- Дмитров Л. Д., 1952. Розкопки в м. Белгород-Днестровский в 1947 г.— АИ, 4.
- Дмитров Л. Д., 1955. Основные итоги Измаильской археологической экспедиции 1949—1951 гг.— АИ, 5.
- Доватур А. Я., 1964. Опыт восстановления надписи.— ВДИ, 1.
- Дозгурков В. С., 1967. Подвизантичное поселение на городище Бетарейка II.— КСИИА, 109.
- Дозгурков В. С., 1968. Северополюйские античные миханямы. Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.
- Дозгурков В. С., 1970. История эллинского градостроительства VII—II вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Дозгурков В. С., 1975. Исследования береговой части Фанагории в 1974—1972 гг.— КСИИА, 143.
- Дозгурков В. С., 1976. Фанагорийская вынодья I—II вв. н. э.— КСИИА, 145.
- Доманский Я. В., 1955. Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Доманский Я. В., 1961. Из истории носелени Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э.— АСГЭ, 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Доманский Я. В., 1965. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья.— АСГЭ, 7.
- Доманский Я. В., 1970. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до п. э.— АСГЭ, 12.
- Доманский Я. В., 1974. К предистории Херсонеса Таврического.— Атлантич. мир и археология. Саратов, 2.
- Доманский Я. В., Колескина Л. В., Марченко К. К., 1978. Из истории Нижнего Побужья в VII—V вв. до п. э. (Берева, Ольвия, Ольвийский округа).— В кн.: Проблемы археологии. Л., 2.
- Домбровский О. И., 1957. Розкопки античного театра в Херсонесе.— Археология, 10.
- Домбровский О. И., 1960. Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954—1958 гг.).— СХМ, 1.
- Дудкин В. П., 1971. Диольно-осевое электропрофилирование в археологической разведке.— МАСП, 7.
- Думбурк К. Е., 1901. Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской области.— ИАК, 1.
- Дьяков В. И., 1930. Древности Ай-Тодора.— В кн.: Сборник трудов Алуштинского историко-бытового музея.— Ялта, 1.
- Дьяков В. И., 1940. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия.— ВДИ, 3-4.
- Дьяков В. И., 1941. Оккупация Таврич. Римом в I в. п. э.— ВДИ, 1.
- Дьяков В. И., 1942. Таврица в эпоху римской оккупации.— Учен. зап. Московского ГПИ им. Н. К. Крупской, XXVIII, 4.
- Дьяков П. Д., 1858. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Египальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море.— ЗООИД, IV.
- Дьяков П. Д., 1859. Извлечение из дневника раскопок произведенных в нескольких греческих курганах в 1817—1818 гг.— ЗООИД, XV.
- Евлюцкий Л. А., 1949. Подпись под статуей из Анапы.— ВДИ, 4.
- Евлюцкий Л. А., 1964. О малочисленных янн утраченных греческих надписях Северного Причерноморья.— ВДИ, 1.
- Ермицтедт Е. В., 1941. Статуэтка Диониса из Тиритакса.— СА, VII.
- Есипенко А. Л., 1954. Петуховская оборонительная система (I в. до н. э.— IV в. н. э.)— КСИИМК, XXXIX.
- Жебелев С. А., 1901. Пантикапейские Ньюбиды. СПб.
- Жебелев С. А., 1953. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.: Я.
- Жебелев С. А., Мальберг В. К., 1907. Три археологические бронзы из Херсонской губернии.— МАР, 32.
- Жеребцов Е. П., 1976. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э.— КСИА, 145.
- Жеребцов Е. П., 1979. Новое о Херсонесском склепе 1012.— КСИА, 159.
- Житнева Л. Д., 1967. Промысловые рыбы и рыболовство в древней Ольвии (VII—VI вв. до п. э.— III в. н. э.).— Зоологический журнал, 46, 1.
- Забелин И. Е., 1878. Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Госпора Киммерийского. Реферат.— Труды XIII Археологического съезда, 2. Киев.
- Загинайло А. Г., 1966. Монетные находки на Рокосланском городище.— МАСП, 5.
- Загинайло А. Г., 1976. К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья по нумизматическим данным.— МАСП, 8.
- Загинайло А. Г., Губельман А. А., 1974. Дородный клад древнегреческих серебряных монет IV в. до п. э.— МАСП, 7.
- Зайцева К. И., 1962. Местная керамика Ольвии эллинистического времени.— ТГЭ, VII.
- Зайцева К. И., 1970. Распаяная курляндца-урна из Ольвии.— СА, 3.
- Зайцева К. И., 1971а. Ольвийские культовые свинцовые изделия.— КИАМ.
- Зайцева К. И., 1971б. Ольвийский сероглиняный кавфар.— СГЭ, XXXIII.
- Зайцева К. И., 1972. Кубки V—IV вв. до п. э. из Ольвии эллинистического времени.— ТГЭ, XIII.
- Зайцева К. И., 1976. Ольвийская распаяная керамика эллинистической эпохи.— ХКААМ.
- Засецкая И. Д., 1975. Золотые украшения гуникой эпохи. М.
- Зевдениде А. А., 1978. Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса.— КСИА, 156.
- Зевдениде А. А., 1979. О времени основания Херсонеса Таврического.— КСИА, 159.
- Зеест И. Б., 1948а. Зерохраняющая Пантикапея.— КСИИМК, XXIII.
- Зеест И. Б., 1948б. О типах гераклейских амфор.— КСИИМК, XXII.
- Зеест И. Б., 1949а. Разведочные работы в Киммерике.— КСИИМК, XXVII.
- Зеест И. Б., 1949б. Раскопки Каммерика в 1947—1948 гг.— ВДИ, 3.
- Зеест И. Б., 1950. Киммерийская мукомольная мастерская в зерновое хозяйство Боспора.— КСИИМК, XXXII.
- Зеест И. Б., 1951а. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанаторией.— АИА, 19.
- Зеест И. Б., 1951б. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем.— ВДИ, 2.
- Зеест И. Б., 1951в. Жилье дома древнего Киммерика.— КСИИМК, XXXVII.
- Зеест И. Б., 1952. К вопросу о боспорских амфорах.— АИБ, 1.
- Зеест И. Б., 1953. Раскопки Феодосии.— КСИИМК, 51.
- Зеест И. Б., 1955. Раскопки Гермопассы.— КСИИМК, 58.
- Зеест И. Б., 1957. Пантикапейская керамика сарматского времени.— МИА, 56.
- Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора.— МИА, 83.
- Зеест И. Б., 1961. Архашские слои Гермопассы.— КСИА, 83.
- Зеест И. Б., 1967. Задачи исследования массового античного керамического материала.— КСИА, 109.
- Зеест И. Б., 1974. Возникновение и первый расцвет Гермопассы.— СА, 4.
- Зеест И. Б., Марченко И. Д., 1962. Тыщи толстостенной керамики Пантикапея.— МИА, 103.
- Златковская Т. Д., 1951. Месяца в I—II вв. нашей эры. М.
- Златковская Т. Д., 1955. Иллемпейский союз гетов под руководством Баресты (I в. н. э.).— ВДИ, 2.
- Златковская Т. Д., 1959. О начальном периоде Тирь.— СА, 2.
- Значко-Ляорский И. Д., Велик Я. Г., Шалманская В. Т., 1959. Экспериментальное исследование древних строительных растворов и вяжущих веществ.— СА, 4.
- Зограф А. Н., 1930. Римские монеты в Ольвии.— ИГАИМК, VI, 4.
- Зограф А. Н., 1938. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II.— ВДИ, 2.
- Зограф А. Н., 1940. Находки пантикапейской монеты мифрадатского времени в Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев, 1.
- Зограф А. Н., 1941. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье.— СА, VII.
- Зограф А. Н., 1951. Античные монеты.— МИА, 46.
- Зограф А. Н., 1955. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья.— АГСП.
- Зограф А. Н., 1957. Монеты Тирь. М.
- Зубар В. М., 1977. Пилбины могилы херсонесского некрополя.— Археология, 24.
- Зубарь В. М., 1978а. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. п. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Зубарь В. М., 1978б. Слелны с вишнями-лежанкам с покровителя Херсонеса.— Археология, 23.
- Зуч В. Л., 1969. Территория ольвийской державы догетского часу.— Археология, 22.
- Иванов Э. П., 1912. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Симферополь.
- Иванова А. П., 1941. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями.— СА, VII.
- Иванова А. П., 1950. Боспорские антропоморфные надгробия.— СА, XII.
- Иванова А. П., 1953. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.
- Иванова А. П., 1955. Художественные изделия из дерева и кости.— АГСП.
- Иванова А. П., 1958. Алушский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма.— ТГЭ, II.
- Иванова А. П., 1961. Скульптура и живопись Боспора. Киев.
- Иванова А. П., 1970. Спелна захоронения трапезы на херсонесских надгробных рельефах.— Археология, 23.
- Иссен А. А., 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.
- Иссен А. А., Миллер А. А., 1932. Таманская экспедиция в 1931 г.— СГАИМК, 41—42.
- Кадева Е. П., 1963. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса.— СХМ, III.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кадеес В. П., 1965. Подводные исследования в районе Херсонеса в 1964 г.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Театры докладов. Баку.
- Кадеес В. П., 1968а. Костерные выработки у пильноагрегатной Херсонеса (I—IV ст. н. э.)— Археология, 22.
- Кадеес В. П., 1968б. Импортные светильники I—IV вв. н. э. из Херсонеса.— СА, 3.
- Кадеес В. П., 1969а. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964—1965 гг.— В кн.: Морские подводные исследования. М.
- Кадеес В. П., 1970. Очерки истории и экономики Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. Харьков.
- Кадеес В. П., 1973а. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя.— ВДИ, 4.
- Кадеес В. П., 1973б. Раскопки в «центре участка».— В кн.: Античная древность и средние века, Свердловск, 9.
- Кадеес В. П., 1974. Деревобрабатывающее производство Херсонеса в I—IV вв. н. э.— В кн.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев.
- Кадеес В. П., 1975. Херсонес Таврический в I в. н. э.— III в. н. э. Автореф. дис.— докт. ист. наук.
- Кадеес В. П., 1981. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков.
- Кадеес В. П., Солнцева Л. А., Фокин Л. Д., 1963. О технике изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе.— СА, 1.
- Кадеес В. П., Шумко С. П., 1967. Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса.— ЗОАО, II (35).
- Казакевич Э. Л., 1963. К полемике о восстании Савмака.— ВДИ, 1.
- Казакевич Э. Л., Каменецкий И. С., 1970. Курганы Тапанса.— КСИА, 124.
- Каллистов Д. П., 1938. Этюды из истории Боспора в римский период.— ВДИ, 2.
- Каллистов Д. П., 1940. Политика Августа в Северном Причерноморье.— ВДИ, 2.
- Каллистов Д. П., 1949. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.
- Каллистов Д. П., 1950. Имена Галюна.— ВДИ, 1.
- Каллистов Д. П., 1956. Афинский морской союз.— В кн.: Древняя Греция / Под ред. В. В. Струве. М.
- Каменецкий И. С., 1963. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища.— КСИА, 94.
- Каменецкий И. С., 1965. Датировка слесов по процентному соотношению типов керамики.— МИА, 129.
- Каменецкий И. С., 1970. К теории слес.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Капошина С. П., 1936а. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья.— МИА, 50.
- Капошина С. П., 1936б. О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, 50.
- Капошина С. П., 1959. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи.— МИА, 69.
- Капошина С. П., 1967. Итальянский импорт на Нижнем Дону.— ЗОАО, II (35).
- Карасев А. Н., 1941. К вопросу о водоснабжении Ольвии.— СА, VII.
- Карасев А. Н., 1948. Оборонительные сооружения Ольвии.— КСНИМК, XXII.
- Карасев А. Н., 1955а. Архитектура.— АГСП.
- Карасев А. Н., 1955б. Культовые сооружения в северной части Ольвийской агоры.— КСИА АН УССР, 4.
- Карасев А. Н., 1958. Планы Ольвии XIX в., как источник для исторической топографии города.— МИА, 50.
- Карасев А. Н., 1959. Развитие строительного-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья.— ПИСПАЭ.
- Карасев А. Н., 1963. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории.— КСИА, 95.
- Карасев А. Н., 1964. Монументальные памятники Ольвийского темелоса.— В кн.: Ольвия. Темелос и агора.
- Карасев А. Н., 1965а. Работы Ольвийской экспедиции ЛЮИА в 1960—1962 гг.— КСИА, 103.
- Карасев А. Н., 1965б. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории.— КСИА, 103.
- Карасев А. Н., 1972. Раскопки Ольвийской агоры в 1967—1969 гг.— КСИА, 130.
- Карасев А. Н., 1975. К вопросу о водоснабжении Ольвийского гимнасия.— КСИА, 143.
- Карасев А. Н., Леви Е. Н., 1958. Ольвийская агора.— СА, 4.
- Карасев А. Н., Леви Е. Н., 1975. Раскопки ольвийской агоры в 1970 г.— КСИА, 143.
- Карасев А. Н., Леви Е. Н., 1976. Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского.— ХГАИМ.
- Карышковский П. О., 1953. Боспор и Рим в I в. н. э. по пумизматическим данным.— ВДИ, 3.
- Карышковский П. О., 1959а. 3 истории зонтичнополитических связей Ольвии та Родос.— МАСП, 2.
- Карышковский П. О., 1959б. 3 истории монетной справы та грошового обгу в Ольвии. 2. Ольвийскя аси.— Пради Одеського ун-та, 149, сер. ист. наук, 7.
- Карышковский П. О., 1959в. Из истории монетного дела и денежного обращения в Ольвии в V—III вв. до н. э.— ПИСПАЭ.
- Карышковский П. О., 1959г. Материалы к собранию древних надписей Сарматии в Тавриды.— ВДИ, 4.
- Карышковский П. О., 1959д. Ольвия и Афинский союз.— МАСП, III.
- Карышковский П. О., 1960а. Заметки по пумизматике античного Причерноморья.— ВДИ, 3.
- Карышковский П. О., 1960б. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э.— ЗОАО, I (34).
- Карышковский П. П., 1961а. Об зре Херсонеса Таврического. Киев: Одесса.
- Карышковский П. О., 1961б. Ольвия и Родос по пумизматическим данным.— КСИА, 83.
- Карышковский П. О., 1962. Материалы к собранию древних надписей Сарматии в Тавриды.— ВДИ, 3.
- Карышковский П. О., 1964. Ольвия и Боспор по пумизматическим данным.— КСОГАМ за 1962 г.
- Карышковский П. О., 1965а. Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н. э.— НЗ, V.
- Карышковский П. О., 1965б. Ольвия и Херсонес по пумизматическим данным.— КСОГАМ за 1963 г.
- Карышковский П. О., 1966а. К вопросу о древнем названии Рокосланского городища.— МАСП, 5.
- Карышковский П. О., 1966б. Материалы к собранию древних надписей Сарматии в Тавриды.— ВДИ, 2.
- Карышковский П. О., 1967а. Заметки об Ольвии и Борисфене.— КСОГАМ за 1965 г.
- Карышковский П. О., 1967б. Монеты с изображением Гермеса.— ЗОАО, II (35).
- Карышковский П. Г., 1968. До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена.— Археологія, 21.
- Карышковский П. О., 1968а. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э.— IV в. п. э.) Автореф. дис.— докт. ист. наук. Л.
- Карышковский П. О., 1971а. Находки позднегреческих и византийских монет в Одесской области.— МАСП, 7.
- Карышковский П. О., 1971б. Из истории Тирь в I—II вв. н. э.— МАСП, 7.
- Кастаная Е. Г., 1950. Обряд тизвы в Боспорских курганах.— СА, XIV.
- Кастаная Е. Г., 1951. Сарматские сосуды с ручками в виде животных.— СА, XV.
- Кастаная Е. Г., 1952. Лепная керамика Мирмекья и Тирьтаки.— МИА, 25.
- Кастаная Е. Г., 1955. Художественные элементы в лепной керамике Боспора.— АГСП, I.
- Кастаная Е. Г., 1958а. Лепная керамика Илурата.— МИА, 85.
- Кастаная Е. Г., 1958б. Раскопки Порфмия в 1953 г.— СА, 3.
- Кастаная Е. Г., 1959. Грунтовые некрополи боспорских городов V—IV вв. до н. э. и местные их особенности.— МИА, 69.
- Кастаная Е. Г., 1967. Лепная керамика боспорских городов. Автореф. дис.— канд. ист. наук. Л.
- Кастаная Е. Г., 1972. Раскопки Порфмия в 1968 г.— КСИА, 130.
- Кастаная Е. Г., 1981. Лепная керамика боспорских городов. Л.
- Кауфман С. А., 1947. Об уступчатых скелетах Фоспора.— В кн.: Академия архитектуры СССР. Сообщения Института истории и теории архитектуры, 6.
- Кач В. П., 1967. Внешняя торговля в экономике античного Херсонеса. Автореф. дис.— канд. ист. наук. М.
- Кач В. П., 1972. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Герacleйском полуострове.— В кн.: Античный мир и археология. Саратов, I.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кене Б. В., 1848. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. СПб.
- Келлен Л., 1837. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.
- Кириллин Д. С., 1963. Трехбратские курганы в районе Тобецкого озера.— АИИСП.
- Кирьянов А. В., 1962. Материалы по земледелию из раскопок агличных поселений Боспора.— КСИА, 91.
- Клейман И. В., 1965. К вопросу о пребывании в Тире I киплийской котории.— КСОГАМ за 1963 г.
- Клейман И. В., 1970. Статуэтки из Тир.— ТСП, 1.
- Клейман И. В., 1976б. Терракоты с о. Лева (Белого острова) и святилища Ахилла-Поитарка.— ТСП, 1.
- Клейман И. В., 1974. Раскопки помещения вексильяции I Италлийского легиона в Тире.— МАСП, 7.
- Клейман И. В., 1976а. К стратиграфии напластований римского времени в Тире.— МАСП, 8.
- Клейман И. В., 1976б. Новые находки терракот в Пиклопии.— ХКААМ.
- Клейман И. В., Ревенко К. В., 1950. Археологични спостереження на західному березі Дністрорського лиману.— МАСП, 2.
- Клипович Н. М., 1922. Остатки морских раковин, пайденных при раскопках Ольвии в 1905—1914 гг.— Изв. Ин-та археологической технологии, 1, 1.
- Клипович Т. Н., 1927. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клаомевский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря.— ИГАИМК, 5.
- Клипович Т. Н., 1935а. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Таванас в VII—V вв. до н. э.— ИГАИМК, 104.
- Клипович Т. Н., 1935б. Опыт характеристики городища у станицы Багасветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1923 г.— ИГАИМК, 104.
- Клипович Т. Н., 1940а. Архангельский некрополь на территории Ольвии.— КСИИМК, VI.
- Клипович Т. Н., 1940б. Керамика местного производства из раскопа II.— в кн.: Ольвия. Киев, 1.
- Клипович Т. Н., 1940в. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища (по раскопам 1937 г.).— СА, VI.
- Клипович Т. Н., 1941. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья.— СА, VII.
- Клипович Т. Н., 1943а. Таванас. М.; Л.
- Клипович Т. Н., 1943б. Ольвийская экспедиция.— КСИИМК, XXVII.
- Клипович Т. Н., 1952. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.— МИА, 25.
- Клипович Т. Н., 1953а. Население Ольвии догетского периода по данным эпиграфических источников.— КСИА, 2.
- Клипович Т. Н., 1953б. Перистильный двор первых веков н. э. на территории римской цитадели в Ольвии.— ВДИ, 1.
- Клипович Т. Н., 1953а. Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья.— АГСП.
- Клипович Т. Н., 1955б. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья.— АГСП.
- Клипович Т. Н., 1956а. Исследования римской цитадели в 1953 г.— КСИИМК, 63.
- Клипович Т. Н., 1956б. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников.— МИА, 50.
- Клипович Т. Н., 1958а. Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху.— СА, XXIII.
- Клипович Т. Н., 1958б. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии, 1950—1954 гг.— СА, XXVIII.
- Клипович Т. Н., 1966. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогея.— ВДИ, 2.
- Клипович Т. Н., Славин Л. М., 1941. Раскопки юго-западной части Тиритака.— МИА, 4.
- Кобылина М. М., 1941. Раскопки некрополя Тиритака в 1934 г.— МИА, 4.
- Кобылина М. М., 1943. Новый памятник боспорского искусства — стела Агафа.— ВДИ, 4.
- Кобылина М. М., 1949а. Терракоты Фанагории местного производства.— ВДИ, 2.
- Кобылина М. М., 1949б. Фанагорийская экспедиция.— КСИИМК, XXVII.
- Кобылина М. М., 1950. Раскопки Фанагории (1948 г.) — КСИИМК, XXXIII.
- Кобылина М. М., 1951а. Раскопки Фанагории (1949 г.) — КСИИМК, XXXVII.
- Кобылина М. М., 1951б. Раскопки «южного» некрополя Фанагории в 1947 г.— МИА, 49.
- Кобылина М. М., 1951в. Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 г.— МИА, 49.
- Кобылина М. М., 1951г. Поздние боспорские челны.— МИА, 19.
- Кобылина М. М., 1951д. Скульптура Боспора — МИА, 19.
- Кобылина М. М., 1956. Фанагория.— МИА, 57.
- Кобылина М. М., 1958. Мастерская коропласта в Пантпакее.— СА, XXXVIII.
- Кобылина М. М., 1959а. Новые дапне о фанагорийских виллозиях.— КСИИМК, 74.
- Кобылина М. М., 1959б. О позднелинистической коропластике Пантпакее.— КСИИМК, 75.
- Кобылина М. М., 1961. Терракотовые статуэтки Пантпакее и Фанагории. М.
- Кобылина М. М., 1962а. Скульптурный портрет из Фанагории.— СА, 3.
- Кобылина М. М., 1962б. Надгробье из Фанагории.— КСИА, 89.
- Кобылина М. М., 1963а. Исследования Фанагории в 1959—1960, 1962 гг.— СА, 4.
- Кобылина М. М., 1963б. Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг.— КСИА, 95.
- Кобылина М. М., 1966а. Глиняный горс Геракла из Херсонеса.— КАМ.
- Кобылина М. М., 1966б. Керамическое производство в Фанагории в IV в. до н. э.— СА, 3.
- Кобылина М. М., 1967а. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г.— КСИА, 103.
- Кобылина М. М., 1967б. Форма с изображением спрены из Фанагории.— СА, 4.
- Кобылина М. М., 1969. Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории.— КСИА, 116.
- Кобылина М. М., 1970а. Квадрат ремесленника на южной окраине Фанагории.— КСИА, 124.
- Кобылина М. М., 1970б. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья.— ТСП, 1—II.
- Кобылина М. М., 1970в. Терракоты из Тасунова.— ТСП, II.
- Кобылина М. М., 1970г. Терракоты из Фосодос.— ТСП, II.
- Кобылина М. М., 1972а. Агличная скульптура Северного Причерноморья. М.
- Кобылина М. М., 1972б. Фанагорийская кровельная черепица первых веков нашей эры.— КСИА, 130.
- Кобылина М. М., 1975. Штампы с изображением Тиха из Фанагории.— КСИА, 143.
- Кобылина М. М., 1978. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М.
- Козуб Ю. И., 1960. Погребальный обряд ольвийского некрополя V—IV вв. до н. э.— ЗОА, I (34).
- Козуб Ю. И., 1974. Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э. Киев.
- Козуб Ю. И., 1975. Древнейшие святилища Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев.
- Козуб Ю. И., 1976. Древнейший культовый комплекс Ольвии.— ХКААМ.
- Колесникова Л. Г., 1969. Бонские надгробия.— СХМ, IV.
- Колесникова Л. Г., 1973. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса.— СА, 3.
- Колесникова Л. Г., 1977. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса.— СА, 2.
- Колли Л. П., 1909. Следы древних культур на дне морском.— ИТУАК, 43.
- Колобова К. М., 1933а. К вопросу о судовойдадии в древней Греции.— ИГАИМК, 61.
- Колобова К. М., 1933б. К вопросу о сарматском языке.— ИГАИМК, 100.
- Колобова К. М., 1949. К истории вопроса о греческой колонизации.— ВДИ, 2.
- Колобова К. М., 1951. К истории раннегреческого общества (о Родос IX—VII вв. до н. э.). Л.
- Колобова К. М., 1953. Политические отношения городов в Боспорском государстве.— ВДИ, 4.
- Колобова К. М., 1967. Восстания рабов в античном обществе V—I вв. до н. э.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л.
- Комаров В. X., 1873. Ульверсальное описание Крыма. Николаев.
- Козовал А. А., 1973. Раскопки некрополя близ деревни Заозерал.— АО за 1972 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Колескина Л. В., 1970. Особенности развития родоско-полионийской керамики в первой половине VI в. до н. э. и вопросы локализации некоторых ее групп. — ВДИ, 1.
- Колескина Л. В., 1972. Расписная родоско-полионийская оплошка из кургана Темп-Гора. — ВДИ, 1.
- Колескина Л. В., 1973. Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань. — СА, 2.
- Колескина Л. В., 1975а. Новые данные об обiline Березани в Ольвии в архаический период. — СА, 2.
- Колескина Л. В., 1975б. Северо-западный участок Березанского поселения (Результаты работ 1970—1974 гг.). — В кн.: Новые открытия советских археологов. Киев.
- Колескина Л. В., 1976. Некоторые итоги исследования архаического Ольвии. — ХКААМ.
- Королева А. К., 1962. Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 г. — КСИА, 89.
- Королева А. К., 1968а. Группа надгробных стел Таманского полуострова. — СГМИИ, IV.
- Королева А. К., 1968б. Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ за 1959, 1961—1963 и 1965 годы. — СГМИИ, IV.
- Королева А. К., 1975. Раскопки древней Гермопассы за последние годы. — Жива антика, Скопле, 1—2.
- Королева А. К., 1977. Акротерий из Тирамбы. — ИКАМ.
- Королева А. К., Шелов Д. Б., 1965. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.). — МИА, 127.
- Корпусова В. Н., 1968. Могильник III—IV вв. н. э. у с. Заморское. — АИУ, 2.
- Корпусова В. Н., 1971. Некрополь у с. Золотое. — КСИА, 128.
- Косцюшко-Валюжинич К. К., 1891. Важное археологическое открытие в Крыму. — ИТУАК, 13.
- Косцюшко-Валюжинич К. К., 1902. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г. — ИАК, 2.
- Косцюшко-Валюжинич К. К., 1915. Заметки о технике монетного дела в Херсонесе Таврическом. — Нумизматический сборник, III.
- Кроткий В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. М.
- Кроткий В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.—V в. п. э.). М.
- Круг О. Ю., 1960. Оптическое исследование боспорской керамики. МИА, 83.
- Круг О. Ю., 1965. Применение петрографии в археологии. — МИА, 129.
- Круг О. Ю., Рымдина П. В., 1962. К вопросу о железной металлургии Пантикалея. — МИА, 103.
- Круг О. Ю., Чегвериков С. Д., 1961. Опыт применения петрографических методов к изучению керамики Боспорского царства. — СА, 3.
- Кругликова И. Т., 1949. Костяная фигура Эрота из Керчи. — ВДИ, 2.
- Кругликова И. Т., 1951. Фанагорийская местная керамика из грубой глины. — МИА, 49.
- Кругликова И. Т., 1952а. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. — КСИИМК, XLIII.
- Кругликова И. Т., 1952б. Раскопки древнего Киммерика. — АИБ.
- Кругликова И. Т., 1952в. Глиняный штамп из Киммерика. — КСИИМК, XLIII.
- Кругликова И. Т., 1954. О местной керамике Пантикалея и ее значении для изучения состава населения этого города. — МИА, 33.
- Кругликова И. Т., 1955а. Дакция в эпоху римской оккупации. М.
- Кругликова И. Т., 1955б. К вопросу о керамическом производстве в Пантикалее (два пантикалейских клейма). — КСИИМК, 38.
- Кругликова И. Т., 1955в. Поселение эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму. — СА, XXIV.
- Кругликова И. Т., 1956. Подземные поселения на берегу Азовского моря. — СА, XXV.
- Кругликова И. Т., 1957а. Ремесленное производство простой керамики Пантикалея в VI—III вв. до н. э. — МИА, 56.
- Кругликова И. Т., 1957б. Исследование сельской территории европейского Боспора. — СА, 1.
- Кругликова И. Т., 1957в. Поселение Золотое Восточное. — КСИИМК, 70.
- Кругликова И. Т., 1957г. Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикалея в 1945—1949 гг. — МИА, 56.
- Кругликова И. Т., 1958а. Новые данные об исторической географии крымского побережья Азовского моря. — СА, XXVIII.
- Кругликова И. Т., 1958б. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг. — МИА, 85.
- Кругликова И. Т., 1958а. Сельская территория Боспора. — ПИСПАЭ.
- Кругликова И. Т., 1959б. Железные сельскохозяйственные орудия Боспора в III в. п. э. — СА, 3.
- Кругликова И. Т., 1959в. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г. — КСИИМК, 74.
- Кругликова И. Т., 1960. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г. — КСИИМК, 78.
- Кругликова И. Т., 1961. Поселение у дер. Семеновки. — КСИА, 83.
- Кругликова И. Т., 1962а. Исследования сельских поселений античных государств Юга СССР. — Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, Budapest, 14.
- Кругликова И. Т., 1962б. Мраморный рельеф из Апахи. — СА, 1.
- Кругликова И. Т., 1962в. О гонимой мастеровой Горгииши. — СА, 2.
- Кругликова И. Т., 1963а. Исследование сельских поселений Боспора. — ВДИ, 2.
- Кругликова И. Т., 1963б. Итоги семилетних раскопок поселения у д. Семеновки. — КСИА, 95.
- Кругликова И. Т., 1965. Боспор III—IV в. п. э. в свете новых археологических исследований. — КСИА, 103.
- Кругликова И. Т., 1966а. Боспор в поздантичное время (Очерк эконоомической истории). — КСИА, 108.
- Кругликова И. Т., 1966б. О культе верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н. э. — ИАМ.
- Кругликова И. Т., 1967а. Новые эпиграфические памятники из Горгииши. — ВДИ, 2.
- Кругликова И. Т., 1967б. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — В кн.: Возникновение и развитие земледелия. М.
- Кругликова И. Т., 1968. Античная сельскохозяйственная усадьба близ Керчи. — АИНСП.
- Кругликова И. Т., 1969. Некрополь поселений у дер. Семеновки. — СА, 1.
- Кругликова И. Т., 1970а. Марксистско-ленинское учение об общественно-экономической формации и проблема истории аграрных отношений Боспорского царства. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.
- Кругликова И. Т., 1970б. Раскопки поселения у дер. Семеновки. — МИА, 155.
- Кругликова И. Т., 1970в. Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства. — ТСП, I—II.
- Кругликова И. Т., 1971а. Бронзовый бюст Нанды из Горгииши. — КСИА, 128.
- Кругликова И. Т., 1971б. Горгииши в период Спартокидов. — ВДИ, 1.
- Кругликова И. Т., 1972а. Мраморная голова Афродиты из Горгииши. — В кн.: Новое в археологии. М.
- Кругликова И. Т., 1972б. Торговля в сельских поселениях Боспора. — КСИА, 130.
- Кругликова И. Т., 1973. Каменные ящики у дер. Рыбное. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Кругликова И. Т., 1975а. Сельское хозяйство Боспора. М.
- Кругликова И. Т., 1975б. Скифская гавань, Горгииши, Апаха. М.
- Кругликова И. Т., Дегасева Г. А., 1963. Раскопки в Анапе. — КСИА, 95.
- Кришко Ю. С., 1968. Античное здание в районе Горгииши. — АИНСП.
- Кришко Ю. С., 1971. Древняя Спидика. М.
- Кришкин С. Д., 1965. Про методку опису кладок мист Пінтичного Причерномор'я VII ст. до н. е.—IV ст. в. е.—Археологія, 18.
- Кришкин С. Д., 1968. Раскопки Нижнего города Ольвии. — АП, II.
- Кришкин С. Д., 1971. Жилые ансамбли древней Ольвии. Киев.
- Кришкин С. Д., 1972. Стаг I завадця археологічних досліджень Тирн-Білгорода. — ВАН УРСР, 7.
- Кришкин С. Д., 1977. О развитии городской территории Ольвии в I тыс. до н. э. — В кн.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре равнов-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- тичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Дулятуво.
- Грижицкий С. Д.*, 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э.—IV в. н. э.). Киев.
- Грижицкий С. Д., Бураков А. В.*, 1975. Опыт реконструкции жилых домов поселений ольвийской периферии первых веков нашей эры у с. Колярич.—В кн.: Ольвия. Киев.
- Грижицкий С. Д., Русаева А. С.*, 1978. Найдавніші житлові будинки Ольвії.—*Археологія*, 28.
- Кубанов М. М.*, 1959. К истории Азиатского Боспора (Новые археологические материалы с полуострова Фондон).—СА, XXIX—XXX.
- Кубанов М. М.*, 1971. Исследования некрополя Илурата.—КСИА, 128.
- Кубанов М. М.*, 1972. Исследования некрополя Илурата.—КСИА, 130.
- Кубанов М. М.*, 1976. Новые памятники некрополя Илурата.—КСИА, 145.
- Кизьменко В. И., Симикин М. С.*, 1966. Лепная посуда.—МАСШ, 5.
- Кураева О. А.*, 1958. Химико-технологические исследования керамики с Ольвии.—АИ, VII.
- Кураева О. А.*, 1940. Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий.—В кн.: Ольвия. Киев, I.
- Кучина В. З., Кучина Н. З.*, 1962. Курганные погребения Пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине г. Керчи.—АИБ, 2.
- Кучина Н. З.*, 1970. Группа полихромных стеклянных сосудов из некрополя Пантикапея.—СА, 3.
- Кучина П. З.*, 1973. Свирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея.—В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л.
- Кучина Н. З., Сорочкина Н. П.*, 1972. Стеклянные балзамария Боспора.—ТГЗ, XIII.
- Кучма В. В., Романчук А. И.*, 1973. Раскопки на юго-восточном участке портового района.—В кн.: Античная древность в средние века. Свердловск, 9.
- Кызаев С. Л.*, 1973. О проноскождении стремля.—СА, 3.
- Лалин В. В.*, 1960. Эллинистические колоды в прибрежной части Ольвии.—КСИА АН УССР, 10.
- Лалин В. В.*, 1964. Археологические исследования на острове Березань в 1960 г.—КСОГУ и ОГАМ за 1960 г.
- Лалин В. В.*, 1963. Экономическая характеристика Березанского поселения VI в. до н. э.—АГ.
- Лалин В. В.*, 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
- Лалин В. В.*, 1967. Раскопки древнегреческого поселения на о. Березань в 1966 г.—АИУ 1965/1966.
- Лалло-Данилевский А. С.*, 1887. Скифские древности.—ЗРАО, IV.
- Лалло-Данилевский А. С.*, 1894. Древности кургана Карагадеушук как материал для бытовой истории Прикубано-каского края в IV—III вв. до н. э.—МАР, 13.
- Латышев В. В.*, 1884. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического.—ЖМНП.
- Латышев В. В.*, 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
- Латышев В. В.*, 1888. Очерк греческих древностей. СПб, I.
- Латышев В. В.*, 1892а. Надписи из г. Тапаса.—МАР, 9.
- Латышев В. В.*, 1892б. Греческие латинские надписи, найденные в Южной России.—МАР, 9.
- Латышев В. В.*, 1893. Краткий очерк истории Боспорского царства. Симферополь.
- Латышев В. В.*, 1901. Надпись о постройке Херсонесской стены.—ИАК, 1.
- Латышев В. В.*, 1905. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1903—1905 гг.).—ИАК, 14.
- Латышев В. В.*, 1907. Эпиграфические новости из Южной России.—ИАК, 23.
- Латышев В. В.*, 1906а. Новые латинские надписи с юга России. Херсонес.—ИАК, 27.
- Латышев В. В.*, 1906б. Эпиграфические новости из Южной России.—ИАК, 27.
- Латышев В. В.*, 1909. Почулки. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб.
- Латышев В. В.*, 1914. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом.—В кн.: Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескуля. Харьков.
- Лебедев В. Д., Лалин Ю. Е.*, 1954. О рыболовстве в Боспорском царстве.—МИА, 33.
- Левин Е. И.*, 1941. Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии.—СА, VII.
- Левин Е. И.*, 1947. К вопросу о датировке херсонесской при-стиги.—СА, IX.
- Левин Е. И.*, 1951. Итоги Ольвийской экспедиции.—КСИИМК, XXXVII.
- Левин Е. И.*, 1956. Ольвийская агора.—МИА, 50.
- Левин Е. И.*, 1958а. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э.—СА, XXVIII.
- Левин Е. И.*, 1958б. Ольвийские винопробы.—АП, 7.
- Левин Е. И.*, 1959. Терракоты на цистерны Ольвийского темпоса.—КСИИМК, 74.
- Левин Е. И.*, 1964а. Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры.—В кн.: Ольвия. Темнос и агора. М., I.
- Левин Е. И.*, 1964б. Итоги раскопок Ольвийского темпоса и агоры в 1954—1960 гг.—В кн.: Ольвия. Темнос и агора. М., I.
- Левин Е. И.*, 1964в. Материалы Ольвийского темпоса.—В кн.: Ольвия. Темнос и агора. М., I.
- Левин Е. И., Карасев А. Н.*, 1955. Дома античных городов Северного Причерноморья.—АГСП.
- Левин Е. И., Киплович Т. П.*, 1963. Надписи Ольвии. Л.
- Левковская Г. М.*, 1970. Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным спорово-пыльцевого анализа.—КСИА, 124.
- Лейншмак П. А.*, 1981. Керамическая тара Ольвии (Из опыта изучения амфор VI—IV вв. до н. э.). Киев.
- Ленин З. Я.*, 1902. Описание оружия, найденного в 1901 году в Кубанской области.—ИАК, 4.
- Лейтнев П. М.*, 1854. Археологические разыскания на месте древнего Тапаса и в его окрестности.—Проплеия, IV.
- Лейтнев П. М.*, 1855. Извещеие из всеподлиннейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб.
- Лепер Р. X.*, 1912. Херсонесские надписи.—ИАК, 45.
- Лесков А. М.*, 1961. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове.—СА, 1.
- Лесков А. М., Звеников В. Г.*, 1962. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 г.—АИБ, II.
- Лесницкая М. М.*, 1966. Портрет II в. из Пантикапея.—СА, 3.
- Либеров П. Д.*, 1952. Земледелие и скифских племен Поднепровья в VI—II вв. до н. э.—В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, М., I.
- Либеров П. Д.*, 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.
- Линдвель В. А.*, 1927. О равнинах южных морских побережий, найденных при раскопках в Юго-Западной России. По материалам Института археологической технологии при Академии истории материальной культуры.—В кн.: Сборник в честь проф. Н. М. Кипловича. М.
- Лосева Н. М.*, 1962а. Аттская краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945—1958 гг.—МИА, 103.
- Лосева Н. М.*, 1962б. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре.—МИА, 103.
- Лосева Н. М.*, 1966. Голова бородатого мужчины из Керчи.—СМНИИ, III.
- Лукин Б. В.*, 1928. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г.—КСК, 1.
- Лувстад Д.*, 1948. Торговля лесом у стародавней Греции (V—IV ст. до н. э.).—Археология, 2.
- Макаренко Н.*, 1916. Живописные сокровища Эрмитажа. Пг.
- Максимов Е. В.*, 1955. Новые памятники первых веков нашей эры в Тире.—КСИА АН УССР, 5.
- Максимова М. И.*, 1948. Строительная техника.—В кн.: Эллинистическая техника. М., I.
- Максимова М. И.*, 1954а. Краткий путь через Черное море в время его освоения греческими мореходами.—МИА, 33.
- Максимова М. И.*, 1954б. Серебряное зеркало из Келермеса.—СА, XXI.
- Максимова М. И.*, 1954в. Надгробие из Херсонеса.—СА, XIX.
- Максимова М. И.*, 1965. Резные камни.—АГСП.
- Максимова М. И.*, 1956. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л.
- Максимова М. И.*, 1979. Архаический курган. М.
- Максимова М. И., Нелишкина М. А.*, 1955. Скульптура.—АГСП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Малев П. П., 1914. Коринфские арибаллы с растительным орнаментом из Ольвия. — ИАН, 51.
- Мальмберг В. И., 1892. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888—1889 гг. — МАР, 7.
- Мальмберг В. К., 1894. Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагадеуаш. — МАР, 13.
- Манцевич А. П., 1941. О скифских поясах. — СА, VII.
- Манцевич А. П., 1919. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху. — ВДИ, 2.
- Манцевич А. П., 1950. Гребень и фиала из кургана Солоха. — СА, XIII.
- Манцевич А. П., 1963. Горят из кургана Солоха. — ТГФ, VII.
- Манцевич А. П., 1964. О платине из кургана Карагадеуаш. — АСГЗ, 6.
- Марти Е. Ю., 1941а. Рыбозасолочные ванны Тиритаки. — МНА, 4.
- Марти В. Ю., 1941б. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия. — СА, VII.
- Марти Ю. Ю., 1926. Сто лет Керченского музея. Керчь.
- Марти Ю. Ю., 1928. Городища Боспорского царства к югу от Керчи — Киммеряк, Катей, Акра, Симферополь. — ИТОИАЭ, II (59).
- Марти Ю. Ю., 1929. Раскопки городища Катей в 1928 г. — ИТОИАЭ, III.
- Марти Ю. Ю., 1935. Новые эпиграфические памятники Боспора. — ИТАИМК, 104.
- Марти Ю. Ю., 1941а. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн. — МНА, 4.
- Марти Ю. Ю., 1941б. Поздантинистические надгробья Боспора как историко-культурный документ. — СА, VII.
- Марти Ю. Ю., 1941в. Разведочные раскопки ван городских стен Тиритаки. — МНА, 4.
- Марченко И. Д., 1952. О терракотовых антефиксах Пантикапей. — АНБ, I.
- Марченко И. Д., 1956а. Раскопки восточного некрополя Фанагория в 1950—1951 гг. — МНА, 57.
- Марченко И. Д., 1956б. Две литые формы из Фанагории. — МНА, 57.
- Марченко И. Д., 1957а. К вопросу о боспорских торговых судах. — СА, I.
- Марченко И. Д., 1957б. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапей. — МНА, 56.
- Марченко И. Д., 1966а. Акротерий из Фанагории. — Труды ГМИИ.
- Марченко И. Д., 1966б. К вопросу о культах Азиатского Боспора. — ВДИ, 2.
- Марченко И. Д., 1962а. Новая вышоделья в Пантикапее. — АНБ, II.
- Марченко И. Д., 1962б. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории. — В кн.: Сборник 50 лет ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.
- Марченко И. Д., 1962в. Литевая форма из Пантикапей. — КСИИМК, 69.
- Марченко И. Д., 1963. Некоторые итоги раскопок на Майской горе. — КСИА, 95.
- Марченко И. Д., 1966. Группа расписной эллинистической керамики Пантикапей. — СГМИИ, III.
- Марченко И. Д., 1967а. Местная расписная керамика Пантикапей VI—V вв. до н. э. — СА, 2.
- Марченко И. Д., 1967б. Раскопки здания II в. до н. э. в Пантикапее в 1963—1965 гг. — КСИА, 109.
- Марченко И. Д., 1968а. Археологическая деятельность Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина за сорок лет. — СГМИИ, IV.
- Марченко И. Д., 1968б. Раскопки Пантикапей в 1959—1964 гг. — СГМИИ, IV.
- Марченко И. Д., 1971. Позднерхаховская мастерская оружейника в Пантикапее. — СА, 2.
- Марченко И. Д., 1974а. Марносетки и культовые статуэтки Пантикапей. — ТСП, III.
- Марченко И. Д., 1974б. Терракоты из святилища на Майской горе (Блеван). — ТСП, III.
- Марченко И. Д., 1975. Акротерий Пантикапей в свете археологических исследований. — Жива антика, Скопье, 1—2.
- Марченко И. Д., 1979. О планировке северного района Пантикапей (К проблеме изучения агоры). — ВДИ, 2.
- Марченко К. К., 1972. Конструкция лентной керамики в Ольвии второй половины VI—I вв. до н. э. — СА, 4.
- Марченко К. К., 1974а. Варвары в составе населения Березани и Ольвии второй половины VII — первой половины I вв. до н. э. Архив ЛОИА АН СССР. Л.
- Марченко К. К., 1974б. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I вв. до н. э. — ВДИ, 2.
- Марченко К. К., 1975. Классификация лентной керамики Ольвии второй половины IV — первой половины I вв. до н. э. — КСИА, 143.
- Марченко К. К., 1976. Лентная керамика Березани и Ольвии второй половины VII—VI вв. до н. э. (По материалам раскопок 1953—1970 гг.). — ХКААМ.
- Масленников А. А., 1976а. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. вст. наук. М.
- Масленников А. А., 1976б. Об этнической принадлежности погребений в камешных ящиках Керченского полуострова. — КСИА, 145.
- Маслов С. П., Филли В. О., 1976. К вопросу о природных условиях окрестностей городища Чайка. — В кн.: История биогеоценозов в СССР в голоцене. М.
- Махов П., 1912. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов. — ИТУАК, 48.
- Махов П., 1913. Амфорные ручки о. Фазоса с оттиснутыми на них именами астиномов и эмблемами, найденные в Херсонесе. — ИТУАК, 49.
- Мельникова Г. Г., 1956. Ольвийский теракот. — Наук. зап. Крымского уезд. ун-та, XV, 6.
- Мельников-Развидневский С. Ф., 1900. Города северной части восточного побережья Черного моря. — В кн.: Сборник материалов для описания местностей племен Кавказа. Тифлис, XXVII.
- Мелюкова А. Д., 1964. Вооружение скифов. М.
- Мелюкова А. Д., 1969. К вопросу о границе между гетами и скифами. — В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.
- Мелюкова А. Д., 1975. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевки. М.
- Мерперт П. Я., 1931. Фанагорийские черепки из раскопок 1930 г. — МНА, 49.
- Миллер А. А., 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса. — ИАН, 35.
- Миллер А. А., 1931. Таманская экспедиция ГАИМК. — СГАИМК, I.
- Миллер А. А., 1932а. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. — СГАИМК, 3—4.
- Миллер А. А., 1932б. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. — СГАИМК, 7—8.
- Миллер А. А., 1932в. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае. — СГАИМК, 9—10.
- Мозолевский В. Н., 1972. Курган Толстая могила близ Орджоникидзе на Украине. — СА, 3.
- Моисеев Л. А., 1911. Типос из Ольвии. — ИАК, 40.
- Моисеев Л. А., 1918. Из истории западного побережья Тавриды. I. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории. — ИТУАК, 54.
- Моисеев Л. А., 1926. Следы ирригации, мелiorации и водоснабжения древнего Херсонеса на Герacleйском полуострове. — Зап. Крымского общества естественных наук и любителей природы, Симферополь, IX.
- Молев Е. А., 1974. Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре. — В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 2.
- Молев Е. А., 1976. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов.
- Муравьев-Аносова П. М., 1823. Путешествие по Тавриде. СПб.
- Мурзакевич Н. Н., 1844. Поездка на о. Левки или Фидониси в 1841 г. — ЗООИД, I.
- Мурзакевич Н. Н., 1848а. Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае, в Ольвии и на острове Левки или Фидониси. — ЗООИД, II.
- Мурзакевич Н. Н., 1848б. Монеты, отысканные на острове Фидониси. — ЗООИД, II.
- Мурзакевич Н. Н., 1853. Монеты, отысканные на острове Левки или Фидониси. — ЗООИД, III.
- Надева Б. И., 1958. Филологические и дипломатические заметки к боспорским манускриптам. — ВДИ, I.
- Надева Б. И., 1961а. Рабы и военноуточники в Боспорском государстве (В свете актов манускриптов). — Listy filologicke, I (9).
- Надева Б. И., 1961б. Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в. н. э. — Acta antiqua, 1—2.

СЫСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Паликина М. А., 1934. Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации.— ИИДО, 9—10.
- Паликина М. А., 1940. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935—1936 гг.— В кт. Ольвия, Киев, 1.
- Паликина М. А., 1952а. Терракоты Мирмекия и Тиритакис.— МИА, 25.
- Паликина М. А., 1952б. Основные итоги работ Евпаторийского отряда.— КСИИМК, XIV.
- Паликина М. А., 1953. Раскопки в Евпатории.— КСИИМК, 51.
- Паликина М. А., 1955. Раскопки в Евпатории (Предварительные итоги).— КСИИМК, 58.
- Паликина М. А., 1957. Раскопки Керченитиды и Калос-Лимена (1948—1952).— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев.
- Паликина М. А., 1959. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма.— ПИСПАЗ.
- Паликина М. А., 1961. Костяная фигурка из Ольвии.— КСИА, 83.
- Паликина М. А., 1963. Керченитиды и Калос-Лимен.— АГ.
- Паликина М. А., 1965. Раскопки юго-восточного участка Таванса (1960—1961 гг.).— МИА, 127.
- Песевский Н. А., 1959. Военно-морской флот. М.
- Незруб А. М., 1960. Археологические находки семян винограда.— СА, 1.
- Николаева Э. Я., 1973. Поселение Водопроводное на Таманском полуострове.— КСИА, 133.
- Николаева Э. Я., 1975. Раскопки терм в Келлах.— КСИА, 143.
- Николаева Э. Я., 1977. Фрагмент архайского сосуда из Кеп.— ИРАИМ.
- Николаева Э. Я., 1978. Красноколая керамика со штампами из Ильевского городища.— КСИА, 156.
- Никитин В., 1957. К вопросу о наличии на Боспоре центра по штамповке изделий из золота и серебра.— МАСП, 1.
- Никитин П. М., 1965. Памятники античной глиптики из Фанагории.— СА, 2.
- Новосадский Н. И., 1928. Боспорские фясы.— ТСА РАИИОН, III.
- Нудельман Д. Л., 1939. Древние авторы о Березали.— Труды исторического факультета ОГУ, I.
- Нудельман Д. Л., 1946. Древнегреческое поселение на Северном Причерноморье.— Уч. зап. Московского ГПИ им. Потемкина, XXXVII, 3.
- Онайко Н. А., 1956. О фанагорийских грунлах.— МИА, 57.
- Онайко Н. А., 1959. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 гг.— КСИИМК, 77.
- Онайко Н. А., 1960. Античный импорт на территории Среднего Приднестровья (VII—V вв. до н. э.).— СА, 2.
- Онайко Н. А., 1962. Античный импорт на территории Среднего Приднестровья (IV—II вв. до н. э.).— СА, 1.
- Онайко Н. А., 1965. О раскопках Раевского городища.— КСИА, 103.
- Онайко Н. А., 1966а. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ, Д 1-27.
- Онайко Н. А., 1966б. О центрах производства золотых обрядков ножен и рукояток равных скифских мечей, найденных в Приднестровье.— КАМ.
- Онайко Н. А., 1967. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора.— СА, 2.
- Онайко Н. А., 1970а. Античный импорт в Приднестровье и Побужье в IV—III вв. до н. э.— САИ, Д 1-27.
- Онайко Н. А., 1970б. Разведка античных памятников в районе Новороссицка и Геленджика.— СА, 1.
- Онайко Н. А., 1971. Боспорский бюст-типа из раскопок античного поселения в Широкой балке.— КСИА, 125.
- Онайко Н. А., 1972. Античные импортные изделия на юго-восточном склоне Боспора (I в. до н. э.—IV в. н. э.).— В кн.: Новое в археологии. М.
- Онайко Н. А., 1973. Новые данные о поселении на Малой земле.— КСИА, 133.
- Онайко Н. А., 1974. Замстки о технике боспорской терракоты.— СА, 3.
- Онайко Н. А., 1975а. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху.— Жива антика, Скопце, 1—2.
- Онайко Н. А., 1975б. Результаты работ Новороссицкой экспедиции 1971—1972 гг.— КСИА, 143.
- Онайко Н. А., 1976а. Автономорфные изображения в меотско-скифской терракоте.— ХКААМ.
- Онайко Н. А., 1976б. К истории Бат.— ВДИ, 1.
- Онайко Н. А., 1976в. Раскопки античного поселения в Геленджикской бухте.— КСИА, 145.
- Онайко Н. А., 1976г. Разкопки Торина.— Археология, 20.
- Онайко Н. А., 1980. Архайский Торик. Античный город на северо-востоке Повта. М.
- Орешников А. В., 1884. Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. М.
- Орешников А. В., 1890. О монетах скифских царей с именем города Ольвия.— СПб.
- Орешников А. В., 1901. Золотой статар архонта Игзиопта.— Труды Московского нумизматического общества, II.
- Орешников А. В., 1913. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Птолемея II Птапийского.— Нумизматический сборник, II.
- Орешников А. В., 1915. Эскизурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья.— Нумизматический сборник, III.
- Орешников А. В., 1918. Херсопас — божество Херсонеса Таврического.— ИАИК, 63.
- Орешников А. В., 1921. Эпюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, I.
- Орешников А. В., 1922. Эпюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, II.
- Островцов А. С., 1975. О железноопелатальном производстве античных центров Дниестровского и Бугского лиманов.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею. Тезисы докладов юбилейной сессии. Киев.
- Островцов А. С., 1976. Древнегреческое поселение ремесленников близ устья Днестра.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1.
- Отрешко В. М., 1975. Западный район ольвийской периферии в позднеархайское время.— В кн.: Новые открытия советских археологов, II.
- Отрешко В. М., 1976. Позднеархайские поселения Березанского лимана.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины. Киев, 2.
- Паллас П. С., 1841. Путешествие по Крыму академиком Палласом в 1793 и 1794 годах.— ЗООИД, XII, 1.
- Паллас П. С., 1883. Поседава во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань.— ЗООИД, XII.
- Папидимитру С., 1910. Древние сведения об острове Березань.— ЗООИД, XXVII.
- Парович-Пешкан М. Б., 1962. Про историчу топографию ольвийского некрополя.— АП, II.
- Парович-Пешкан М. Б., 1974. Некрополь Ольвийских эллинистического времени. Киев.
- Передольская А. А., 1937. Фанагорийские фигурные вазы. М.
- Передольская А. А., 1945а. Вазы Ксенофанта.— ТОАМ, I.
- Передольская А. А., 1945б. Слововае кость из кургана Кульба.— ТОАМ, I.
- Передольская А. А., 1967. Краснофигурные аттические вазы в Фронттаже. Л.
- Петерс В. Г., 1962. Парусное вооружение древнегреческих судов.— В кн.: Историко-археологический сборник. М.
- Петерс В. Г., 1963. О подводных археологических работах в Ольвии.— КСИА, 95.
- Петерс В. Г., 1965. О приемах и методике подводных археологических разведок.— МИА, 129.
- Петерс В. Г., 1966. Об изображении боспорских кораблей на статуэтке из раскопок Пантимака.— КАМ.
- Петерс В. Г., 1972. Раскопки античного поселения в Восточном Крыму.— АО 1971 г.
- Петерс В. Г., 1977. Типы ранних свиропричерноморских кораблей.— В кн.: Материалы Симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре взаимоотношений государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
- Петерс В. Г., 1978. Михайловское городище античного времени.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.
- Петерс В. Г., 1979. Археологическое раскопки в Феодисии.— В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран. Гривав.
- Петерс В. Г., 1982. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Петерс В. Г., Смирнов И. В., 1981. О новейших подводных археологических работах.— ВДИ, 3.
- Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. М.
- Петрунь В. Ф., 1964. О вулканических породах из эмпория боспорцев на о. Березали.— СА, 3.
- Петрунь В. Ф., 1965а. До первых племуских вивченя петрографі каміню з будівельних комплексів Ольвії.— Археологія, 19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Петрунь В. Ф., 1965б. О двух интересных горных породах в зернотерках античного времени из Северного Причерноморья.—КСОГМ за 1963 г.
- Петрунь В. Ф., 1966. К петрографической характеристике камня.—МАСП, 5.
- Петрунь В. Ф., 1967. К методике изучения петрографии строительного камня античных городов Северного Причерноморья.—КСИА, 109.
- Печенин П. М., 1911. Археологические разведки в местности срабовольского старого Херсонеса.—ИАК, 42.
- Пидбидичка И. Г., 1940. Домашние и дичье животные Ольвии по находкам костей из раскопок 1935 и 1938 гг.—В кн.: Ольвия. Киев, 1.
- Пиотровский А. И., 1927. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана.—ИРАИМК, III.
- Пиотровский Б. Б., 1958. Древнеэгипетские предметы, найденные на территории СССР.—СА, 1.
- Пичикин И. Р., 1975а. Архажская капитель анта из Керчи.—КСИА, 143.
- Пичикин И. Р., 1975б. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э.—ВДИ, 1.
- Пичикин И. Р., 1977. Храм попойского ордера в Херсонесе (Попытка реконструкции).—ИКАМ.
- Пичикин И. Р., 1978. К методике реконструкции античных фасадов по архитектурным фрагментам.—КСИА, 152.
- Подгорный П. Д., 1974. Северо-Западный Крым. Самфорополь.
- Покровская Э. Ф., Ковпаненко Г. Т., 1961. Могильник близ с. Калантево.—Археология, 12.
- Поляковский И. В., 1888. О тивантских коллегиях.—Труды VI Археологического съезда, Одесса, II.
- Почоменый М. О., 1891. Географический очерк Боспорского царства.—В кн.: Кубанский сборник. Екатеринодар, II.
- Прудик Е. М., 1917. Инвентарный каталог клеем. Пг.
- Прудик Е. М., 1941. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг.—В кн.: Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Под ред. акад. С. А. Жебелева и В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.
- Пругау В. И., 1960. Восточные кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г.—ЗОАО, I (34).
- Пругау В. И., 1963. Литейная форма из Мирмекия.—КСИА, 103.
- Пругау В. И., 1966. Позднееэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов.—КАМ.
- Пругау В. И., 1967. О ремесленных производствах Мирмекия.—ЗОАО, II (35).
- Пругау В. И., 1974. Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Пругау В. И., 1977. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре.—ИКАМ.
- Пругау В. И., 1978. Раскопки северо-западного района Ольвийской агоры в 1975 г.—КСИА, 156.
- Прушевская Е. О., 1917. Родосская ваза и бронзовые веши из могилы на Таманском полуострове.—ИАК, 63.
- Прушевская Е. О., 1955. Художественная обработка металла (орнаментика).—АГСП.
- Пятывшева Н. В., 1948. Таманский саркофаг. М.
- Пятывшева Н. В., 1956. Ювелирные изделия Херсонеса. М.
- Пятывшева Н. В., 1960. Отчет о раскопках Государственного Исторического музея в Фанагории в 1939 г.—ИГИМ, 37.
- Пятывшева Н. В., 1966. Археологическое исследование острова Левки (о-в Змеиный) осенью 1964 г.—ТГИМ, 40.
- Рабинович Б. Э., 1941. Шлемы скифского периода.—ТОИПКАТ, I.
- Рабинович Б. М., 1951. Поселение у Широкой балки.—КСИМК, XV.
- Радлов П. Э., 1912. Две панафинейские амфоры, найденные в Южной России.—ИАК, 45.
- Раевский Д. С., 1968. О местоположении древнего Евпатория.—ВДИ, 3.
- Рейс Ф., 1888. Крым во время Митридата Евпатора.—ИТУАК, 6.
- Ременишова А. М., 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н. э. М.
- Ременишова Н. И., 1927. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г.—Хсб., 2.
- Ременишова Н. И., 1941. О характере римской оккупации южного берега Крыма.—СА, VII.
- Розанова Н. П., 1941. Новые памятники Таманского полуострова.—СА, VII.
- Розанова П. П., 1956. Монеты царя Фардзоя.—МИА, 50.
- Розанова П. П., 1968а. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии.—АИКСП.
- Розанова П. П., 1968б. Золотые перстни с геммами и греческими надписями из Пантиклея в Фанагории.—СГМНИ.
- Романовская М. А., 1974. Две терракоты из Ново-Отрадного.—СА, 1.
- Рожанченко Н. Ф., 1894. К вопросу о древних поселениях вблизи Евпатории.—Археологические известия и заметки, II.
- Рожанченко Н. Ф., 1896. Материалы по археологии Евпаторийского уезда.—ЗРАО, пов. сер., VIII, 1—2.
- Рожанченко Н. Ф., 1907. Раскопки в окрестностях Евпатории.—ИАК, 25.
- Романчук А. И., 1973. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе.—В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 9.
- Ростовцев М. И., 1900. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове в Ай-Тодорская крепость.—ЖМНП, 3.
- Ростовцев М. И., 1902. См.: *Rostovtzeff M.*, 1902.
- Ростовцев М. И., 1907. Новые латинские надписи из Херсонеса.—ИАК, 23.
- Ростовцев М. И., 1911. Святылище фракийских богов и надписи бегеицианцев в Ай-Тодор.—ИАК, 40.
- Ростовцев М. И., 1912а. Боспорское царство и южнорусские курганы. М.
- Ростовцев М. И., 1912б. Александрийская эллинистическая амфора.—В кн.: Памятники Музея изящных искусств. М., 1—2.
- Ростовцев М. И., 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.—ИАК, 49.
- Ростовцев М. И., 1914а. Бронзовый бюст боспорской царницы и история Боспора в эпоху Августа.—В кн.: Древности. Труды Московского археологического общества, XXV.
- Ростовцев М. И., 1914б. Воронежский серебряный сосуд.—МАР, 34.
- Ростовцев М. И., 1915. Амага и Тиргатао.—ЗООИД, XXXII.
- Ростовцев М. И., 1916. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи.—В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М.
- Ростовцев М. И., 1917. Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской.—ИАК, 63.
- Ростовцев М. И., 1918а. Новая книга о Белом острове в Таврике.—ИАК, 65.
- Ростовцев М. И., 1918б. Эллинист. и пранство на юге России. Пг.
- Ростовцев М. И., 1925. Скифия в Боспор. М.
- Рубан В. В., 1975. Исследование античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг.—В кн.: Новые открытия советских археологов, II.
- Рубан В. В., 1978. Комплекс памятников античного времени в урочище Длдова хата на Бугском лимане.—КСИА, 156.
- Руссеева А. С., 1972. Бейкушские поселения VI—V ст. до н. э.—В кн.: Матриалы XIII конференции институту археологии АН УССР. Киев.
- Руссеева А. С., 1975. Земледельческо культуры в Ольвии догетского периода. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Руссеева А. С., 1979. Земледельческо культуры в Ольвии догетского времени. Киев.
- Руссеева А. С., Ружковский А. Г., Гранжанская Л. И., Маевский А. М., 1977. Исследования в Ольвии на участке АГД.—АО 1976 г.
- Рыбаков Б. А., 1979. Геродотовая Скифия. Историко-географический анализ. М.
- Савельев Ю. А., 1964. Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантиклея в Фанагории в 1950—1960 гг.—СА, 8.
- Савоскина Е. А., 1980. Об архитектурных фрагментах из Горгиппии.—В кн.: «Горгиппии» I (Материалы Анапской археологической экспедиции). Краснодар.
- Сайко Э. В., 1971. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе.
- Салов А. И., 1962. Археологические находки в Анапе.—СА, 2.
- Салов А. И., Смирнова Т. М., 1972. Новые находки в Анапе.—КСИА, 130.
- Сальников А. Г., 1957. Литой дельфин из фондов Одесского государственного археологического музея.—МАСП, 1.
- Сальников О. Г., 1959. Ольвийскі «рибик» (Потачковий етап ольвийського трюшового абігу).—МАСП, 2.
- Сальников А. Г., 1960. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии.—ЗОАО, I (34).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Северская И. М., 1974. Граффито на фигурном сосуде из Никоппы.— МАСП, 7.
- Северская И. М., 1975. Раскопки в юго-западной части Никоппы.— В сб.: 150 лет ОГАМ. Киев.
- Северская И. М., 1976. Архаическая керамика из Никоппы.— МАСП, 8.
- Семенов А. Ф., 1929. По поводу греческой надписи на ручке ковши, найденного при раскопках Мелитовского кургана.— Зап. Северо-Кавказского общества археологов, истории и этнографии, I (3), 5—6.
- Семенов С. А., 1958. Шлифованные кистивы варадзя с Ольвы.— АП, 7.
- Семенов С. А., Кунин В. Э., 1959. Разведки на Керченском полуострове.— АНБ, II.
- Семенов-Зусер С. А., 1934. Отчет о раскопках Ольвы в 1920—1924 гг.— ИГАНИМ, X, 5.
- Семенов-Зусер С. А., 1947. Рыбный рынок в Херсонесе.— ВДИ, 2.
- Сидорова Н. А., 1962. Архаическая керамика из Пантикапея.— МИА, 103.
- Сидорова Н. А., 1968. Группа архаической керамики из Пантикапея.— СГМИИ, IV.
- Сизов В. И., 1889. Восточное побережье Черного моря.— МАК, II.
- Сиаангвеа Л. Ф., 1958а. Два клина из некрополя Нимфея.— ТГЭ, VII.
- Сиаангвеа Л. Ф., 1958б. Краснолаковая керамика из раскопок Игура.— МИА, 85.
- Сиаангвеа Л. Ф., 1959. Некрополь Нимфея.— МИА, 69.
- Сиаангвеа Л. Ф., 1974. Терракоты Пантикапея.— ТСП, III.
- Силкиши М. С., 1960а. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ.— ЗОАО, I (34).
- Силкиши М. С., 1960б. Спроба локалізації населених пунктів, згаданих древніми авторами між гірлами Бугу і Дністра.— МАСП, 3.
- Силкиши М. С., 1966. Раскопки городища возле с. Роксоланы Беллевского района Одесской области в 1957—1961 гг.— МАСП, 5.
- Скалон К. М., 1941. Изображение животных на керамике сарматского периода.— ТОИПКГЭ, I.
- Сержинская М. В., 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.
- Скудная В. М., 1950. Два клада монет из Нимфея.— ВДИ, 4.
- Скудная В. М., 1954. Скифские памятники из Нимфея.— СА, XXI.
- Скудная В. М., 1956а. Комплекс находок из раскопок святилища кабаров в Нимфее.— КСИИМК, 63.
- Скудная В. М., 1956б. Монеты-стрелки из Ольвы.— СГЭ, X.
- Скудная В. М., 1957а. Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н. э.— КСИА, 7.
- Скудная В. М., 1957б. Обломки чернофигурных сосудов мастера Софилоса из Березани.— СГЭ, XII.
- Скудная В. М., 1957в. Фрагменты чернофигурных клявков Тлесова.— СГЭ, XI.
- Скудная В. М., 1957г. Хлосские кубки из раскопок на острове Березани.— СА, 4.
- Скудная В. М., 1958. К вопросу о торговых связях Синопии с Боспором в V в. до н. э.— ТГЭ, II.
- Скудная В. М., 1960а. К вопросу о датировке архаической Ольвы.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1959 г. Л.
- Скудная В. М., 1960б. Родосская керамика с о. Березани.— СА, 2.
- Скудная В. М., 1962. Скифские зеркала архаического некрополя Ольвы.— ТГЭ, III.
- Скудная В. М., 1964. Раскопки Нимфея 1960 г.— СГЭ, XXV.
- Скудная В. М., 1970а. Статуэтки с о. Березани.— ТСП, I—II.
- Скудная В. М., 1970б. Терракоты из Нимфея.— ТСП, I—II.
- Славин Л. М., 1940. Отчет о раскопках Ольвы в 1935—1936 гг.— В кн.: Ольвия. Киев, I.
- Славин Л. М., 1941. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части Верхнего города.— СА, VII.
- Славин Л. М., 1951. Древний город Ольвия. Киев.
- Славин Л. М., 1956. Древнегреческие поселения на острове Березань.— Наук. зап. Київського держ. ун-ту, XV, 6.
- Славин Л. М., 1958а. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э.— СА, XXVIII.
- Славин Л. М., 1958б. Поселения ольвийской периферии близ с. Чортуватого.— Вісник Київського держ. ун-ту, I, 2.
- Славин Л. М., 1959а. Периодизация истории развития Ольвы.— ИИСПАЭ.
- Славин Л. М., 1959б. До питання про стародавнє населення ольвійського оточення в VII—I ст. до н. е.— Наук. збірники Київського держ. ун-ту за 1959 р.
- Славин Л. М., 1962. Ольвийські квартали центральної частини Верхнього міста.— АП, 11.
- Славин Л. М., 1964. Раскопки западной части Ольвийской агоры (1956—1961).— В кн.: Ольвия. Тельнос и агора. М.; Л.
- Славин Л. М., 1967. Здесь был город Ольвия. Киев.
- Славин Л. М., 1975. Кварталы в районе Ольвийской агоры.— В кн.: Ольвия. Киев.
- Славин Л. М., 1976. Некоторые итоги изучения ольвийской горы.— ХКААМ.
- Слюсаренко Ф., 1925. Гречко-скифські взаємовідносини II ст. пер. Хр.— В кн.: Науковий ювілейний збірник в честь Масарика. Прага.
- Смирнов К. Ф., 1953. Северский курган. М.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов.— МИА, 101.
- Смирнов Я. И., 1900. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
- Смирнова Т. М., 1967. Поселение римского времени близ Керчи.— КСИА, 109.
- Соколов В. В., 1919а. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской.— ИТУАК, 56.
- Соколов В. В., 1919б. Курганы Лысой горы близ Тамани и находки в них.— ИТУАК, 56.
- Соколов Г. И., 1973. Античное Причерноморье.— В кн.: Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л.
- Соколовский П. И., 1954. Боспорские мечи.— МИА, 33.
- Соколовский П. И., 1955. О боспорских штах.— КСИИМК, 58.
- Соколовский П. И., 1957. Вали в системе обороны Европейского Боспора.— СА, XXVII.
- Соколовский П. И., 1959. Раскопки античного поселения около станицы Таманской.— КСИИМК, 74.
- Соколовский П. И., 1960. Раскопки в Кечах в 1957 г.— КСИИМК, 78.
- Соколовский П. И., 1961а. Работы в Кечах в 1958 г.— КСИА, 83.
- Соколовский П. И., 1961б. Раскопки в Кечах в 1959 г.— КСИА, 86.
- Соколовский П. И., 1961с. Раскопки Пантикапея.— КСИА, 83.
- Соколовский П. И., 1961г. Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья.— Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzgebietes. Berlin.
- Соколовский П. И., 1962а. Каменные крышки амфор.— КСИА, 89.
- Соколовский П. И., 1962б. Каменные ядра из Пантикапея.— МИА, 103.
- Соколовский П. И., 1962в. Курсы в Кеп.— СА, 2.
- Соколовский П. И., 1962г. Раскопки в Кечах в 1960 г.— КСИА, 91.
- Соколовский П. И., 1963а. Кепы.— АГ.
- Соколовский П. И., 1963б. Раскопки городища Кепы в 1961 г.— КСИА, 95.
- Соколовский П. И., 1963в. Крепость у хутора Батареянка I.— СА, 1.
- Соколовский П. И., 1963г. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху.— Acta Antiqua Philopolitana. Studia archaeologica. Sofia.
- Соколовский П. И., 1964а. Погребение V в. в Кечах.— СА, 4.
- Соколовский П. И., 1964б. Святилище Афродиты в Кечах.— СА, 4.
- Соколовский П. И., 1965а. Новые памятники скифской скульптуры.— КСИА, 100.
- Соколовский П. И., 1965б. Раскопки в Кечах в 1962 г.— КСИА, 103.
- Соколовский П. И., 1966а. К вопросу о скифской скульптуре.— КАМ.
- Соколовский П. И., 1966б. Ильичевское городище.— СА, 4.
- Соколовский П. И., 1967а. Скифская скульптура.— В кн.: Античное общество. М.
- Соколовский П. И., 1967б. Крепость на поселении Батареянка II.— КСИА, 109.
- Соколовский П. И., 1968. Керамическая мастерская в Кечах.— АИКСП.
- Соколовский П. И., 1969. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья.— М.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Соколовский П. И., 1969б. О керамическом производстве в азиатской части Боспора.— КСИА, 116.
- Соколовский Н. И., 1970. Виноделие в азиатской части Боспора (На материалах археологических раскопок).— СА, 2.
- Соколовский Н. И., 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Соколовский П. И., 1973а. Надгробие сивдского воина из Кеп.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Соколовский П. И., 1973б. Культ Афродиты в Копях конда VI—V вв. до н. э.— ВДИ, 4.
- Соколовский Н. И., 1975. Крепость аспургян на Боспоре.— КСИА, 143.
- Соколовский Н. И., 1976а. Таманский голос и резиденция Хрисалиса. М.
- Соколовский Н. И., 1976б. Вопросы сивдской скульптуры.— ХКААМ.
- Соколовский Н. И., Сорокина Н. П., 1966. Раскопки города Кефы и его некрополя в 1957—1963 гг.— Ежегодник ГИМ за 1965—1964 гг. М.
- Соколовский Н. И., Шелов Д. Е., 1959. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья.— ПИСПАЭ.
- Соломонов Э. И., 1952. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья.— АИБ, 1.
- Соломонов Э. И., 1960. Алтарь Немесиды из Херсонеса.— ВДИ, 2.
- Соломонов Э. И., 1961. Эпиграфические заметки.— СХМ, II.
- Соломонов Э. И., 1964. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.
- Соломонов Э. И., 1973а. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (По эпиграфическим памятникам).— ВДИ, 1.
- Соломонов Э. И., 1973б. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лapidарные надписи. Киев.
- Соломонов Э. И., 1974. Несколько неизвестных надписей Херсонеса и его окрест.— ИЭ, X.
- Сорокина Н. П., 1952. Античная архитектурная терракота. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Сорокина Н. П., 1956. Архитектурная терракота из Фанагории.— МИА, 56.
- Сорокина Н. П., 1957. Тузлинский некрополь. М.
- Сорокина Н. П., 1961а. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956—1957 гг.— КСИА, 83.
- Сорокина Н. П., 1961б. Архитектурная терракота Херсонеса.— СХМ, II.
- Сорокина Н. П., 1962. Стекло на раскопке Пантйккала 1945—1949 гг.— МИА, 103.
- Сорокина Н. П., 1963. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тамараками. М.
- Сорокина Н. П., 1965. Стеклённые сосуды из Таманса.— МИА, 127.
- Сорокина Н. П., 1971а. Новое паходки стеклянных сосудов V в. до н. э. на Таманском полуострове.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Сорокина Н. П., 1971б. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья.— СА, 4.
- Сорокина Н. П., 1973. Архитектура античных государств Северного Причерноморья.— ВИА, II.
- Спицын Д. А., 1905. Вещи с микрустацией из керченских катакомб.— ИАК, 17.
- Степковский И. А., 1826. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Повта Евксинского между Тирасом и Борисфеном, уточненные по случаю находенных в 1823 г. остатков древности в Одессе. С сравнительной картою древней и новой географии сих мест. СПб.
- Степковский И. А., 1827. Известия о древностях, найденных в Одессе в течение 1826 г. СПб.
- Степковский И. А., 1854. Два письма Степковского к Вларнбергу о местоположении города Таманса.— Проплден. IV.
- Стржецкий С. Ф., 1948а. Раскопки у Каравитна близ Херсонеса Таврического.— Хсб, IV.
- Стржецкий С. Ф., 1948б. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году.— Хсб, VI.
- Стржецкий С. Ф., 1951. Клер Херсонеса Таврического.— ВДИ, 3.
- Стржецкий С. Ф., 1957. Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э.— СА, 3.
- Стржецкий С. Ф., 1958. Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э.— СА, 4.
- Стржецкий С. Ф., 1959а. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи.— Хсб, V.
- Стржецкий С. Ф., 1959б. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху.— ПИСПАЭ.
- Стржецкий С. Ф., 1961. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму.— Хсб, VI.
- Стржецкий С. Ф., 1963а. XVII батия оборонительных стев Херсонеса (батия Зенона).— СХМ, IV.
- Стржецкий С. Ф., 1969б. Живовпис и полхромные росписи монументальных надгробных сооружений IV—III вв. до н. э.— СХМ, IV.
- Струев В. В., 1950. Восстание Саммака.— ВДИ, 3.
- Стручалина Р. А., 1972. Некоторые итоги раскопок городища Патрей.— В кн.: Античный мир и археология. Саратов, I.
- Сумароков П., 1800. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. М.
- Сумароков П., 1803. Досуги крымского судья или второе путешествие в Тавриду. СПб., I.
- Суров Е. Г., 1942. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом.— Учен. зап. Московского ГПИ им. В. И. Ленина, 28, кафедра истории древнего мира, 2.
- Суров Е. Г., 1955. К вопросу о периодизации истории Северного Причерноморья.— Учен. зап. Свердловского педагогического ин-та, 11.
- Суров Е. Г., 1961. Херсонес Таврический. Свердловск.
- Суров Е. Г., 1965. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического.— Учен. зап. Уральского Государственного ун-та, 41.
- Сымонович Э. А., 1969. Раскопки могильника на Пишпем Двостре.— КСИА, 119.
- Тегуб де Марини, 1853. Цемесская бухта.— ЗООИД, III.
- Тизий М. И., 1917. Аглюзу Херсонеса Таврического (Исторический очерк). Вестник Рыболовничества, 1—3.
- Толстиков В. П., 1977. К вопросу об оборонительных сооружениях аполония Пантйккала в IV—I вв. до н. э.— ВДИ, 3.
- Толстой И. И., 1904. О культе Аполлона в Ольвии и на Боспоре.— ЖМНП.
- Толстой И. И., 1918. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг.
- Толстой И. И., 1953. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.
- Толстой И. И., Кондаков М., 1889. Русские древности в памятниках искусств. СПб., I.
- Топачевский В. А., 1956. Фауна Ольвии.— В кн.: Збірник: праць Зоологічного музею, 27.
- Тревер К. В., 1918. Ольвийская полхромная амфора 1901 года.— МАР, 36.
- Тудор Д., 1960. Клявйкская когорта в Малой Скифии и Тавриде.— В кн.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев.
- Турлаев М., 1935. Очерки по истории посольства рыбы в древний период.— Рыбное хозяйство, 4.
- Тюменев А. И., 1938. Херсонесские этюды. I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса. II. Херсонес и Делос.— ВДИ, 2 (3).
- Тюменев А. И., 1949. Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: тавры.— ВДИ, 4.
- Тюменев А. И., 1950а. Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы.— ВДИ, 2.
- Тюменев А. И., 1950б. Херсонесские этюды. V. Херсонесские прописки.— ВДИ, 4.
- Тюменев А. И., 1955. Херсонесские этюды. VI. Херсонес и Керквинтца.— ВДИ, 3.
- Тюменев А. И., 1958. В. В. Латышев и история Херсонеса.— СА, XXVIII.
- Уваров С. С., 1851—1856. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб.
- Усачева О. И., 1975. Надгробия из Кеп с изображением женской фигуры.— КСИА, 143.
- Усачева О. И., 1978. Рельефная керамика из Кеп.— КСИА, 156.
- Устинова В. А., 1966. К вопросу о присоединении Сиддыки к Боспорскому государству.— ВДИ, 4.
- Фабрициус И. В., 1851. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Фармаковский Б. В., 1893. Три керамических фрагмента Одесского музея имп. Одесского общества истории и древностей.—ЗООИД, XV.
- Фармаковский Б. В., 1898. Отчет о раскопках в некрополе древней Ольвии и на острове Борзаян.—ОАК за 1896 г.
- Фармаковский Б. В., 1902а. Бронзовая вотивная рючка из Екатеринославской губернии.—ИАК, 3.
- Фармаковский Б. В., 1902б. Обломки глиняной чаши, украшенной рельефами из Ольвии.—ИАК, 2.
- Фармаковский Б. В., 1902в. Склеп Еврисиэны и Ареты.—ИАК, 3.
- Фармаковский Б. В., 1903а. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1901 г.
- Фармаковский Б. В., 1903б. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.—ИАК, 8.
- Фармаковский Б. В., 1904. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1902 г.
- Фармаковский Б. В., 1905. Ольвийская реплика Афины-Девы Фидия.—ИАК, 14.
- Фармаковский Б. В., 1906а. Раскопки в Ольвии за 1902—1903 гг.—ИАК, 13.
- Фармаковский Б. В., 1906б. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1903 г.
- Фармаковский Г. В., 1907. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1904 г.
- Фармаковский Б. В., 1908. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1905 г.
- Фармаковский Б. В., 1909а. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1906 г.
- Фармаковский Б. В., 1909б. Olbia 1901—1908. Fouilles et trouvailles.—ИАК, 33.
- Фармаковский Б. В., 1910. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1907 г.
- Фармаковский Б. В., 1911. Золотые обивки палатки (гортов) из Черномыльского кургана и из кургана в М. Имплицлах.—В кн.: Сборник статей, посвященных гр. А. А. Бобринскому. СПб.
- Фармаковский Б. В., 1912. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1908 г.
- Фармаковский Б. В., 1913. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1909—1910 гг.
- Фармаковский Б. В., 1914а. Архаический период на юге России.—МАР, 34.
- Фармаковский Б. В., 1914б. Милетские вазы из России. М.
- Фармаковский Б. В., 1914в. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1911 г.
- Фармаковский Б. В., 1915а. Мраморная стела Херсонесского музея из Ольвии.—ИАК, 58.
- Фармаковский Б. В., 1915б. Ольвия. Пг.
- Фармаковский Б. В., 1915в. Памятники античной культуры, найденные в России.—ИАК, 58.
- Фармаковский Б. В., 1916а. Ольвия.—В кн.: Новый энциклопедический словарь. Пг., 29.
- Фармаковский Б. В., 1916б. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1912 г.
- Фармаковский Б. В., 1916в. Терракотовый сосуд в форме головы Гермеса из Паптикалея (Герчи).—В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М.
- Фармаковский Б. В., 1918. Раскопки в Ольвии.—ОАК за 1913—1915 гг.
- Фармаковский Б. В., 1921а. Серебряная украшенная рельефами чаша Новороссийского музея.—ИРАИМК, 1.
- Фармаковский Б. В., 1921б. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Пг.
- Фармаковский Б. В., 1922. Горит из кургана Солоха.—ИРАИМК, II.
- Фармаковский Б. В., 1926а. Отчет о раскопках Ольвии в 1924 г.—СТАИМК, I.
- Фармаковский Б. В., 1926б. Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г.—СТАИМК, I.
- Фармаковский Б. В., 1926в. Архаический курс из Ольвии.—СТАИМК, I.
- Фармаковский Б. В., 1927. Боспорские Спартокиды в атенском музее.—В кн.: Юбилейная збиривка на пошану акад. Д. И. Багалая. Київ.
- Фармаковский Б. В., 1929. Розкопування Ольвії в р. 1926. Одесса.
- Федоров Б. Н., 1974. О дореческой архитектуре греческого Херсонеса.—В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., IV.
- Федоров Б. Н., 1975. О композиции и реконструкции жилого дома копей IV—III вв. до н. э. в VII квартале Херсонеса.—В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., V.
- Федоров Б. Н., 1976. Три монументальных надгробия Херсонеса IV—III вв. до н. э.—В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М.
- Федоров Б. Н., 1977. Объемно-планировочная реконструкция двух жилых домов эллинистического времени (IV—II вв. до н. э.) в Херсонесе.—В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., VII.
- Финогенова С. И., 1967. Античные медицинские инструменты.—СА, 1.
- Флякберггер К. А., 1940. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю.—КСИИМК, XIII.
- Фомин Л. Д., 1974. Техника обработки металла в Ольвии I Тир.—Археология, 45.
- Франго Г. С., Шинкевич А. А., 1966. Геофизика в археологии. Л.
- Фролова Н. А., 1961. Незаданная золотая монета античного Херсонеса.—КСОГАМ, Одесса.
- Фролова Н. А., 1964. Монеты скифского царя Скилура.—СА, 1.
- Фролова Н. А., 1970. О денежном обращении Боспора в III в. до н. э.—СА, 4.
- Фролова Н. А., 1975. О времени правления Боспорских царей Радамаса и Ресулурида VI.—СА, 4.
- Фролова Н. А., 1976. Медные монеты Котиса I как исторический источник.—СА, 3.
- Фролова Н. А., 1977. О времени правления Гипеперии и Митридата III.—ВДИ, 3.
- Фурманская А. И., 1953а. К вопросу о литейном ремесле Ольвии.—КСИА АН УССР, 52.
- Фурманская А. И., 1953б. Меднолитейное ремесло в Ольвии. Авторф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Фурманская А. И., 1957. Археологич. памятники Тира перших століть нашої ери.—Археологія, 10.
- Фурманская А. И., 1958. Ливарни с розкопок Ольвії.—АП, 7.
- Фурманская А. И., 1960а. Новый энциклопедический словарь из Тира.—СА, 4.
- Фурманская А. И., 1960б. Памятники скульптуры из Тира (По раскопкам 1958 г.).—КСИА АН УССР, 10.
- Фурманская А. И., 1962. Розкопки Тира в 1958 р.—АП, 11.
- Фурманская А. И., 1963а. Античный город Тира.—АП, 12.
- Фурманская А. И., 1963б. Бронзолитейное ремесло в Ольвии.—Археологія, 45.
- Фурманская А. И., 1963в. Клад монет из Тира.—НИС, 1.
- Фурманская А. И., 1964. Исследования Тира.—КСОГАМ за 1962 г.
- Фурманская А. И., 1965. Рельефы верхних в Тир.—Археологія, 19.
- Харко Л. П., 1950. О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах.—ВДИ, 1.
- Харко Л. П., 1961. К вопросу о производстве золотых бляшек в Черноморье.—МНА, 96.
- Харко Л. П., 1964. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг.—В кн.: Ольвия. Теменис и агора. Л.; М.
- Харматта М. М., 1967. К истории Херсонеса Таврического и Боспора.—В кн.: Античное общество. М.
- Худяк М. М., 1952. Раскопки святилища Нимфея (1939—1950 гг.).—СА, XVII.
- Худяк М. М., 1962. Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э. М.
- Цакин В. И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа.—МИА, 53.
- Цакин В. И., 1969. Фауна Танаиса.—МИА, 154.
- Цветаева Г. А., 1951. Грунтовый некрополь Пантикалея, его история, этический и социальный состав.—МИА, 19.
- Цветаева Г. А., 1957а. Курганный некрополь Пантикалея.—МИА, 56.
- Цветаева Г. А., 1957б. К вопросу о торговых связях Пантикалея.—МИА, 56.
- Цветаева Г. А., 1965. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий.—В кн.: Новые в советской археологии. М.
- Цветаева Г. А., 1966а. Керамическое производство Боспора.—КП.
- Цветаева Г. А., 1966б. Рабочий инструмент в виде пальца.—КП.
- Цветаева Г. А., 1968а. Новые данные об античном святилище в Гориппике.—ЕДН, 1.

- Цветаева Г. А., 1968б. Сокровища причерноморских курганов. М.
- Цветаева Г. А., 1972. Производство расписной керамики в Фанагории в VI—V вв. до н. э.—КСИА, 130.
- Цветаева Г. А., 1975. Кирпичи с тамгой из Горгиппии.—КСИА, 143.
- Цветаева Г. А., 1979. Боспор и Рим. М.
- Целкин Е. А., 1961. Рыбы городища Танаис.—Вопросы ихтиологии, 1, 3 (20).
- Цурбан А. И., 1953. Парусно-моторные суда, вооружение и снаряжение. М., 31.
- Черняков Е. В., 1963. Скифский доспех. Киев.
- Черняков П. Т., 1960. Археологическая разведка берегов Днестровского лимана.—ЗОАО, I (34).
- Черняков И. Т., 1967. Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра.—МИА, 139.
- Чубова А. П., 1974. Характерные черты искусства Херсонеса IV—II вв. до н. э.—В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. II, IV.
- Чубова А. П., Лесницкая М. М., 1976. Ольвийский курор.—ХБААМ.
- Чыстова Л. П., 1959. Новые находки из некрополей Керченского полуострова.—МИА, 69.
- Чусова Л. И., 1962. Античные и средневековые несевские системы, вмещающие хождение в Северном Причерноморье.—АНБ, II.
- Шалькевич А. А., 1976. Архитектурное исследование Царского кургана.—ТГЗ, XVII.
- Шарфранская Н. В., 1951. К вопросу о кризисе Ольвии в III в.—ВЛИ, 3.
- Шварц А. И., 1894а. К истории древнегреческих рельефов на золотых вещах, найденных в Южной России.—Древности, XV, 1.
- Шварц А. И., 1894б. По поводу вазы с рельефными изображениями, найденной в Нерутино.—Древности, XV, 2.
- Шелов Д. Б., 1950. К вопросу о взаимодействии местных и греческих культов в Северном Причерноморье.—КСИИМК, XXXIV.
- Шелов Д. Б., 1951. Городище около хутора Ильячек.—КСИИМК, XXXVII.
- Шелов Д. Б., 1953. Раскопки Западно Пукурского поселения на Тамани.—КСИИМК, 51.
- Шелов Д. Б., 1954. К истории керамического производства на Боспоре.—СА, XXI.
- Шелов Д. Б., 1955. Раскопки Западно Пукурского поселения в 1952 г.—КСИИМК, 53.
- Шелов Д. Б., 1956а. Мометное дело Боспора VI—III вв. до н. э. М.
- Шелов Д. Б., 1956б. Керамические клеи из раскопок Фанагории.—МИА, 57.
- Шелов Д. Б., 1956в. Античный мир в Северном Причерноморье. М.
- Шелов Д. Б., 1957. Клейма на амфорах и черепицах, найденные при раскопках Паитвикиаши в 1945—1949 гг.—МИА, 56.
- Шелов Д. Б., 1958. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом.—СА, XXVIII.
- Шелов Д. Б., 1959. К истории Танаиса.—ВЛИ, 1.
- Шелов Д. Б., 1960а. Аванский клад монет 1954 г.—НЗ, I.
- Шелов Д. Б., 1960б. Денежный рынок Танаиса.—ЗОАО, I (34).
- Шелов Д. Б., 1961а. Некрополь Танаиса. М.
- Шелов Д. Б., 1961б. Эллинизм и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных.—Sektion für Altertumswissenschaft, Deutsch. Akad. des Wissen zu Berlin. Schriften, 28.
- Шелов Д. Б., 1962. Тира и Митридат Епатор.—ВДИ, 2.
- Шелов Д. Б., 1963. Эпономическая жизнь Танаиса.—АГ.
- Шелов Д. Б., 1965а. Итальянские и западноевропейские вазелины в торговле Танаиса первых веков нашей эры.—Acta Archaeologica Hungarica, Budapest, XVII.
- Шелов Д. Б., 1965б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.).—МИА, 127.
- Шелов Д. Б., 1966а. Монеты из раскопок Танаиса 1955—1964 гг.—НЗ, VI.
- Шелов Д. Б., 1966б. Дополнительные клеи на родосских амфорах.—In: Melanges offerts à Kazimierz Michalowski. Warszawa.
- Шелов Д. Б., 1966в. Тамга Гимиталка.—КАМ.
- Шелов Д. Б., 1967а. Западноримские импорты в Нижнем Подонье в первые века н. э.—ЗОАО, II (35).
- Шелов Д. Б., 1967б. Танаис—потерянный и найденный город. М.
- Шелов Д. Б., 1969а. Подлемон и Танаис.—КСИА, 116.
- Шелов Д. Б., 1969б. Оливийские монеты в Поводьяе.—В кн.: Древности Восточной Европы. М.
- Шелов Д. Б., 1970. Танаис и Нижний Дюль в III—I вв. до н. э. М.
- Шелов Д. Б., 1972а. Танаис и Нижний Дюль в первые века нашей эры. М.
- Шелов Д. Б., 1972б. Нефть в Танаисе.—В кн.: Новое в археологии. М.
- Шелов Д. Б., 1974. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастик.—ВДИ, 1.
- Шелов Д. Б., 1975. Керамические клеи из Танаиса III—I вв. н. э. М.
- Шелов Д. Б., 1976. Скульптурные надгробия из Танаиса.—КСИА, 145.
- Шелов Д. Б., 1978. Личные имена на амфорах из Танаиса.—НЗ, XII.
- Шершова А. П., 1940. История военного кораблестроения с древнейших времен до наших дней. М., Л.
- Шильк К. К., 1967. Опыт электрорастворения методом симметричного профилирования.—СА, 3.
- Шильк К. К., 1975. К палеографии Ольвии.—В кн.: Ольвия. История культуры античного города Северного Причерноморья. Киев.
- Шильк К. К., Федоров Б. Г., 1968. Геоакустическое исследование подольной Ольвии.—СА, 4.
- Шилов В. П., 1955. Новые данные об Елизаветовском городище по раскопкам 1952 г.—СА, XXIII.
- Шилов В. П., 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.—СА, 1.
- Шкорниль В. В., 1904. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г.—ИАК, 9.
- Шкорниль В. В., 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г.—ИАК, 17.
- Шкорниль В. В., 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г.—ИАК, 25.
- Шкорниль В. В., 1909а. Боспорские надписи, найденные в 1908 г.—ИАК, 33.
- Шкорниль В. В., 1909б. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. в г. Керчи и его окрестностях.—ИАК, 30.
- Шкорниль В. В., 1911. К вопросу о времени правления архонта Игнантиона.—В кн.: Сборник статей, поднесенных гр. А. А. Бобринскому. СПб.
- Шкорниль В. В., 1913. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г.—ИАК, 47.
- Шкорниль В. В., 1914. Боспорские надписи, найденные в 1913 г.—ИАК, 54.
- Шкорниль В. В., 1916. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г.—ИАК, 60.
- Шкорниль В. В., 1917а. Археологика.—ИТУАК, 54.
- Шкорниль В. В., 1917б. Новонайденные боспорские надписи.—ИАК, 63.
- Шмаков Л. П., 1844. О ширамидках из глины, найденных при Ак-Мечетской Бухте.—ЗООИД, I.
- Шмидт Р. В., 1935. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции.—ИГАИМК, 108.
- Шмидт Р. В., 1941. К исследованию боспорских оборонительных валов.—СА, VII.
- Шмидт Р. В., 1952. Греческая архаическая керамика Мирмекии и Тиритаки.—МИА, 25.
- Шрамко Е. А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
- Штаерман Е. М., 1951. Керамические клеи из Тир.—КСИИМК, 36.
- Штаерман Е. М., 1952. Керамические клеи из раскопок Тиритаки в 1935—1940 гг.—МИА, 25.
- Штерн Э. Р., 1894. Алабастр Писакса и Глпша.—ЗООИД, XVII.
- Штерн Э. Р., 1897. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах.—ЗООИД, XX.
- Штерн Э. Р., 1900а. Античная глазуранная посуда с юга России.—ЗООИД, XXII.
- Штерн Э. Р., 1900б. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации.—ЗООИД, XXII.
- Штерн Э. Р., 1901. О последних раскопках в Аккермане.—ЗООИД, XXIII.
- Штерн Э. Р., 1906. Фосфория и ее керамика. Одесса.
- Штерн Э. Р., 1908. О местонахождении древнего Херсонеса. Одесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Штерн Э. Р., 1910. К вопросу об эллинистической керамике.— ЗООИД, XXIX.
- Штерн Э. Р., 1912. Вазы с рельефными украшениями из Ольвии.— ИАК, 3.
- Штерн Э. Р., 1913. Раскопки в Аккермане летом 1912 г.— ЗООИД, XXXI.
- Штитегальм Ф. М., 1947. Два ливария формы для бронзовых ватонкиных стержней из эвбрий Кийевского исторического музея.— Археология, 1.
- Штитегальм Ф. М., 1955. Раскопки мастерской по обработке металла в Ольвии.— КСИА АН УССР, 4.
- Штитегальм Ф. М., 1956. Последняя античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 50.
- Шульц П. Н., 1936. Техника античного рабовладельческого общества.— В кн.: Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.; Л.
- Шульц П. Н., 1937. О работах Евпаторийской экспедиции.— СА, III.
- Шульц П. Н., 1940. Ями-жильца в скифском поселении близ г. Николаев.— КСИИМК, V.
- Шураев И. Г., 1962. О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре.— МАСП, 4.
- Шураев И. Г., 1963. Подземлянистические рельефные кубки из Мирмекия.— КСИА, 95.
- Шураев И. Г., 1965а. Импорт Александрии в Северном Причерноморье.— ВДИ, 4.
- Шураев И. Г., 1965б. К вопросу о пергамском импорте на Боспор во II в. до н. э.— КСИА, 103.
- Шураев И. Г., 1970. Раскопки в юго-западной части Илурата в 1966—1968 гг.— КСИА, 124.
- Шураев И. Г., 1971. Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья.— СА, 3.
- Шураев И. Г., 1972. О торговых отношениях Ольвии с Александрией египетской в эллинистическую эпоху.— ВДИ, 3.
- Шураев И. Г., 1975. Центральный район Илурата.— КСИА, 143.
- Шапова Ю. Л., 1965. Результаты спектрального анализа стекла из Танаиса.— ДНД.
- Шеллов А. Н., 1961а. Разведка 1959 г. на западном побережье Крыма.— СХМ, II.
- Шеллов А. Н., 1961б. Светильники с клеймом ΧΡΥΣΟΥ.— СХМ, II.
- Шеллов А. Н., 1961в. Подняты Геракла. Л.
- Шеллов А. Н., 1961г. К истории древнего виноградарства в Крыму.— Виноградарство и садоводство Крыма, 12.
- Шеллов А. Н., 1965а. Заметки по древней географии и топонимии Сарматии и Тавриды. Остров Березань.— ВДИ, 2.
- Шеллов А. Н., 1965б. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.— КСИА, 103.
- Шеллов А. Н., 1966. О поселении Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— ВДИ, 4.
- Шеллов А. Н., 1967. Исследование сельской округи Калос-Лимена.— СА, 3.
- Шеллов А. Н., 1968. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху.— АНКСИ.
- Шеллов А. Н., 1969а. Новый метод определения величин рыбы по ее чешуе и некоторые данные о промысле кефали в Северо-Западном Крыму в I в. до н. э.— КСИА, 149.
- Шеллов А. Н., 1969б. Фракийско посвященные рельефы из Херсонеса Таврического.— МИА, 150.
- Шеллов А. Н., 1971. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К.
- Шеллов А. Н., 1973. Из истории керамического производства в поселении Северо-Западного Крыма.— КСИА, 133.
- Шеллов А. Н., 1974. О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV—III вв. до н. э.— КСИА, 138.
- Шеллов А. Н., 1975а. Старый Херсонес Страбона.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Одесса.
- Шеллов А. Н., 1975б. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса.— КСИА, 143.
- Шеллов А. Н., 1976а. Жылой дом эллинистического Калос-Лимена.— ХКААМ.
- Шеллов А. Н., 1976б. Полис и хора. Самферополь.
- Шеллов А. Н., 1977. Земельный надел у мыса Ойрат.— ИКАМ.
- Шеллов А. Н., 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.
- Шеллов А. Н., Маликов В. М., 1963. Новые памятники древнего виноградарства в Крыму.— Виноделие и виноградарство СССР, 7.
- Шеллов А. Н., Шильки К. К., 1965. Опыт электроразведки методом симметричного профилирования на эллинистической
- сельской усадьбе в округе Калос-Лимена.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку.
- Эманн П. А., 1911. Навратийский кубок, найденный в Березани.— ИАК, 40.
- Эманн П. А., 1912. Новшская амфора с Таманского полуострова.— ИАК, 45.
- Юревич В. Н., 1881. Писфизм древнего города Херсонеса о наименовании почестей в наград Дуофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонепсов от владычества скифов.— ЗООИД, XII.
- Юревич В. Н., 1889. Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса, по побережью бухт Песочной, Крутой, Камышевой и Стрелецкой в 1886—1887 гг.— ЗООИД, XV.
- Якобсон А. Л., 1963. Средневековый Крым. М.
- Якобсон А. Л., 1978. Античные традиции в культуре раннеисредневековой Таврии.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
- Яковлев Э. В., 1970. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев.
- Яковлев Э. В., Янушевич Э. В., 1969. Определение остатков растений на липой керамике из Восточного Крыма.— АНУ, III.
- Янушевич Э. В., Маркевич В. П., 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Прутско-Днестровского междуречья.— В кн.: Интродукция культурных растений. Кишинев.
- Яценко И. В., 1970. Исследования сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.).— КСИА, 124.
- Яценко И. В., 1971. Искусство скифских племен Северного Причерноморья.— В кн.: История искусства народов СССР. М., I.
- Яценко И. В., 1977. Искусство эпохи раннего железа.— В кн.: Произведения искусства в новых находках советских археологов. М.
- Aitchison L., 1960. A History of Metals. London, I.
- Alexandrescu P., 1970. Insemnari arheologice. Graditea de la «Xoloxani».— Studii clasice, Bucuresti, XII.
- Alexandrescu P., 1972. Insemnari arheologice.— Studii clasice, Bucuresti, XIV.
- Alexandrescu P., 1975. Les importations grecques dans les bassins du Dniepr et du Boug.— Revue archéologique, n. s., Fasc. I.
- Avakian G., 1931. Stiri noua din Tyras.— Anuarul comunita monumentelor istorice. Sectia din Basarabia, 3.
- Beck L., 1884. Die Geschichte des Eisens in technischer und kulturgeschichtlicher Beziehung. Braunschweig, I.
- Bilabel F., 1920. Die ionische Kolonisation. Leipzig.
- Blavatsky W. D., 1860. Le processus du développement historique et le rôle des états antiques situés au nord de la Mer Noire.— XI CISH, Stockholm 21.—29 Août.
- Blavatsky W. D., 1861. Il periodo del Protoelinismo sul Bosporo.— Atti del settimo congresso Internazionale di Archeologia classica, Roma, III.
- Blavatsky W. D., 1866. Les cultes des empereurs romains au Bosphore.— Mélanges archéologie et d'histoire offerts à André Pignaniol. Paris, III.
- Blavatsky W., 1970. Zur Herkunft der bosporanischen Archaiskaiden.— Klio, Berlin, 52.
- Blavatsky W., 1976. Le probleme de la langue thrace dans la region du Kouban et dans l'état du Bosphore.— Rivista de la Universidad Complutense, XXV, 104.
- Blätter H., 1837. Technologie und Terminologia der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Leipzig, I, IV.
- Boucher S., 1873. Trajets terrestres du commerce étrusque aux V* et IV siècles avant J.-C.— Revue archéologique, d. s. I.
- Brashinsky J. B., 1973. The Progress of Greek Ceramic Epigraphy in the USSR.— Eirene, Praha, XI.
- Casson L., 1960. The Ancient Mariners. London.
- Coghlan H. H., 1956. Notes on Prehistoric and Early Iron in the old World. Oxford.
- Condracki E., 1958. Tib. Plantius Aelianus și strămutarea trans-danubiului în Moesia.— Studii clasice, IV, 1.
- Crășan I. H., 1968. Ceramica daco-getica. Bucuresti.
- Crășan I. H., 1977. Burebista și epoca sa. Bucuresti.
- Clumont F., 1925. Fragment de la bouclier portant une liste d'étapes.— Syria, VI.

- Dacovicu H.*, 1972. Dacia de la Burebista la lucerira romană. Cluj.
- Diels G., Schramm E.*, 1919. Exzerpte aus Philons Mechanic. B. VII. und VIII (vulgo VB).—Abhandlungen den Preus. Akad. der Wiss. Phil.—Hist. Kl. 12.
- Dubois de Montpérez F.*, 1834. Voyage autour Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchidie en Géorgie et en Crimée. Paris.
- Ebert M.*, 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Marizyn.—Prähistorische Zeitschrift, V.
- Forbes R. J.*, 1950. Metallurgy in Antiquity. Leiden.
- Forbes R. J.*, 1964. Studies in Ancient Technology. Leiden. IX.
- Foucart R.*, 1881. Décret de la ville de Chersonesos.—BCII, V.
- Frolova N. A.*, 1979. The Coinage of the Kingdom of Bosphorus AD 69—263. Oxford (B. A. R. International Series 56).
- Gaidukovič V. F.*, 1971. Das Bosphorische Reich. Berlin.
- Graham I.*, 1964. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester.
- Halkin L.*, 1934. Tiberius Plantius Aelianus, légat de Mésie sous Néron.—L'antiquité classique. III, 1.
- Iliescu V.*, 1971. Campania strategului Zopirion la Dunarea de jos.—Pontica, IV.
- Kalinka E.*, 1932. Goldarbeiter in Altertum.—Philologische Wochenschrift, LII, 46—47.
- Kleseritzky G., Watzinger C.*, 1909. Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin.
- Knipovitsch T.*, 1929. Untersuchungen zur keramik römischer Zeit aus den Griechischen Städten an der Nordküste des Schwarzmeeres. I. Die keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung des Ermitage.—In: Materialien zur römisch-germanischen Keramik. Frankfurt am-Main, IV.
- Közylna M. M.*, 1976. Divinités orientales sur le littoral Nord de la Mer Noire. Leiden.
- Koehler H. K. E.*, 1805. Dissertation sur le monument de la reine Comasarye. Spb.
- Koepfen P.*, 1823. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Vindob.
- Laum B.*, 1918. Das Fischgeld von Olbia.—Frankfurter Münzzeitung, XVIII.
- Löschke S.*, 1912. Sigillata-Töpfereien in Tschandarli.—AM, XXXVII.
- Lurie S.*, 1959. Jeszcze o dekretie ku szci Diofantosa.—Meander, 2.
- Mejerson D.*, 1857. Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerien-Bosphorus. London.
- Merritt B., Wade-Gery H. T., Mc Gregor M. F.*, 1939. The Athenian Tribute Lists. Cambridge, I.
- Müns E.*, 1943. Scythians and Greeks. Cambridge.
- Neuburger A.*, 1949. Die Technik des Altertum. Leipzig.
- Nicorescu P.*, 1924. Scavi e scoperte a Tyras. Eph. Dacoromana, II.
- Nicorescu P.*, 1933. Fouilles de Tyras.—Dacia, 1927—1932, III—IV.
- Nicorescu P.*, 1937. Garnizoana romana in sudul Basarabiei. Monitorul offic.
- Nicorescu P.*, 1944. O inscriptie a imperatului Traian gasita la Cetatea Alba.—Academia Română. Memoriile secțiunii istorice, ser. III, XXVI, 16.
- Onajko N.*, 1977. Die Lokalisierung von Bata bei Strabon.—In: Klio, Berlin, 59 / 11.
- Pallas P. S.*, 1794. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Eussischen Reichs in den Jahren 1793—1794. Leipzig, II.
- Pallas P. S.*, 1805. Voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'Empire de la Russie en 1793. Paris, II.
- Párvan V.*, 1923. La pénétration hellénique et hellénistique dans la vallée du Danube.—Acad. Roum., Bulletin de la section historique, X.
- Petrie F.*, 1917. Tools and Weapons. London.
- Pippidi D. M.*, 1955. Tiberius Plantius Aelianus și frontiera Dunării de jos in secolul I al erei noastre.—Studii clasice, 3—4.
- Pippidi D. M.*, 1959. Sur un passage obscur du décret en l'honneur de Diofante, fils l'Ascleptidars.—Archeologia, IX.
- Pippidi D. M.*, 1962. Decrets honorifiques de Callatis.—Dacia, n. s. VI.
- Platz-Horster O.*, 1976. Katalog der Sonderausstellung: Antike Gläser im Antiken museum. Berlin.
- Poland F.*, 1909. Geschichte des griechischen Vereinswesen. Leipzig.
- Reinach S.*, 1892. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris.
- Reinach S.*, 1893. Fibula.—Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines, red. Ch. Daremberg et E. Saglio, 2 partie, F—G. Paris.
- Reinach Th.*, 1890. Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris.
- Rostovtzeff M.*, 1902. Römische Besatzungen in der Krim und das Kastell Charax.—Klio, II, 1.
- Rostovtzeff M.*, 1919. Queen Dynamis of Bosphorus.—JHS, 49.
- Rostovtzeff M.*, 1922. Iranian and Greeks in South Russia. Oxford.
- Rostovtzeff M.*, 1931. Skythien und der Bosphorus. Berlin, 1.
- Rostovtzeff M.*, 1941. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, I—III.
- Salat A.*, 1955. Пору чрне Тухоро Јона.—In: Pražska univerzita — moskowska universit. Sbornik k vyrocí 1755—1955. Praha.
- Scheffold K.*, 1934. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen. Berlin.
- Schelou D.*, 1968. Der romische Import im Unterdon- und Wolgagebiet in den ersten Jahrhunderten u. Z.—Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest.
- Schelet D. B.*, 1978. Coinage of the Bosphorus VI—II centuries B. S. Oxford.
- Schröder E.*, 1897. Die Juden im Bosphoranischen Reiche und die Genossenschaften der ὀυνὸν ἐπιστῶν ebensadelselbst.—Sitzungsberichte der Preussen Academie der Wissenschaft. I.
- Stern E.*, 1909. Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres in Lichte archäologischer Forschung.—Klio, IX.
- Vulpe E., Vulpe R.*, 1933. Les fouilles de Poiana.—Dacia, III—IV.
- Vulpe R.*, 1968. Cetul Burebista conducător al întregului neam getodac.—Studii și comunicări. Pitești.
- Walzhauer O.*, 1931. Die antiken Sculpturen der Ermitage. Berlin — Leipzig, II.
- Watzinger C.*, 1905. Griechische Helzsarkophago aus der Zeit Alexanders des Grossen. Leipzig.
- Wilhelm A.*, 1936. König Mithradates Eupator und Olbia.—Klio, XXIX.
- Werner O.*, 1955. Die Dynastie der Spartokiden.—Historia, IV, 4.
- Ziebarth E.*, 1896. Das griechischen Vereinswesen. Leipzig.

Список сокращений

АГ	— Античный город (сб. статей) М., 1963	КП	— Керамическое производство и античные керамические строительные материалы.— САИ, Г1-20, М., 1966
АГСП	— Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955	КСИА	— Краткие сообщения ИА АН СССР. М.; Л.
АДЖ	— <i>Ростовцев М. И.</i> Античная декоративная живопись на юго России. СПб., 1943	КСИА АН УССР	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
АДПП	— Античные древности Подонья — Приазовья. М., 1969	КСИММК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
АИБ	— Археология в история Боспора. Симферополь, 1952	КСК	— Краеведение на Северном Кавказе за 1928 г. № 1—2. Ростов на-Дону.
АИКСП	— Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968	КСОГАМ	— Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского государственного археологического музея. Одесса
АИУ	— Археологические исследования на Украине. Киев	ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
АН	— Академия наук	ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
АО	— Археологические открытия. М.	МАР	— Материалы по археологии России. СПб. (Пг.)
АП	— Археологичні пам'ятки УРСР. Київ	МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса. Киев
АПНП	— Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. т. I—II	МГУ	— Московский государственный университет
АСГЭ	— Археологический сборник. Государственными Эрмитаж. Л.	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
АСХ	— Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976	НАП	— Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982.
ВАН УРСР	— Вісник АН УРСР. Київ	НО	— Надписи Ольвии (1947—1965 гг.) Л., 1968
ВДИ	— Вестник древней истории. М.	НисС	— Нумизматика и сфрагистика. Киев
ВИА	— Всеобщая история архитектуры. М.	НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. М.
ГАХ	— Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978	НЭПХ	— <i>Соломонович Э. И.</i> Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. т. I; Киев, 1973. т. II
ГПИ	— Государственный педагогический институт	ОАК	— Отчеты императорской Археологической комиссии
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854, I, II, III.	ОГАМ	— Одесский государственный археологический музей
ДИСИФ МГУ	— Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета.	ОГУ	— Одесский государственный университет
ДНД	— Древности Нижнего Дона. М., 1965.	ОИФ	— Отделение истории и философии Академии наук СССР
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.	ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ЗМИРАО	— Записки мемуары и известия Русского археологического общества, выходят с 1848 г.	ПИСПАЭ	— Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
ЗНОРАО	— Записки нумизматического отделения Русского археологического общества. СПб.	СА	— Советская археология. М.
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества. Одесса	САИ	— Свод археологических источников. М.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса	СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. М.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества. СПб.	СГМНИ	— Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
ИАК	— Известия императорской Археологической комиссии	СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
ИАИ	— Известия Академии наук	СП	— <i>Жебелев С. А.</i> Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1955.
ИГАНМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.	СХМ	— Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
ИКАМ	— История и культура античного мира. Сборник. М., 1977	СЭ	— Советская этнография. М.
ИРАНМК	— Известия Росийской Академии истории материальной культуры. М.		
ИТОАИЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь		
ИТУАК	— Известия Таврической ученой археологической комиссии. Симферополь		
КАМ	— Культура античного мира. М., 1966		
КЕН	— Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965		
КИАМ	— Культура и искусство античного мира. Л., 1971		

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ТГИМ	— Труды Государственного Исторического музея. М.	150 лет ОАМ	— 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев, 1975
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Л.	BSH	— Bulletin de Correspondence Hellénique
ТОАМ	— Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира. Государственный Эрмитаж. Л., 1945	CISH	— Congrès International des Sciences Historiques
ТОИПКГЭ	— Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.	IG	— Inscriptiones graeci
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации Научно-исследовательских институтов общественных наук	IPE	— Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae
ТСП	— Тетракоты Северного Причерноморья. — САИ. вып. Г1 — 11. М., ч. I и II, 1970; ч. III и IV, 1974	JHS	— Journal of Hellenic Studies
ТЭАМ	— Труды Эпиграфо-археологического музея I МГУ. М., 1927	SC	— <i>Lagbische V. B. Scythica et Saucasia.</i> — Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев) т. I. Греческие писатели. СПб., 1893—1900; т. II. Латинские писатели. СПб., 1904.
ХКААМ	— Художественная культура и археология античного мира. М., 1976	HE	— Pauly — Wissowa — Kroll. Real — Encyclopaedie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.
Хсб.	— Херсонесский сборник. Севастополь		

Указатели

Указатель имен

- Абаев В. И.** 40
Август 17, 79, 213, 240
Аврелий Виктор (римский солдат) 53, 295
Аврелий Сальвиант трубач 295
Агасида 45, 53
Агаф 226, 294
Агриппина 267
Агрот 200
Адриан 18, 49
Айвазовский П. К. 63, 96
Александр Македонский 11, 27, 34, 97, 176
Александр Север 27, 263
Алексеева Е. М. 25, 82, 94, 139, 140, 162, 170, 162, 183, 207, 237, 346—349, 353, 356
Алкии 334
Амага 15, 46
Амброз А. К. 94, 164, 183, 186, 345
Аммиан Марцелиан 21, 22, 34, 58, 59
Амон 238
Амперсанд 229
Амур 357
Амфитрида 222
Анатис 350
Анхита 248
Анохин В. А. 17, 19, 21, 23, 24, 27, 46, 48, 166, 167, 176, 186
Антонин Пий 18, 19, 28
Антонина 214
Антонова Н. А. 48, 190
Апфестерии 274, 299
Апфимов П. В. 14, 78, 87, 88, 154, 183, 190, 233
Апеллес 218
Аполлодор (агораном) 81, 138, 225
Аполлон 27, 34, 35, 36, 37, 39, 60, 78, 84, 96, 108—111, 199, 200, 203, 207, 209, 211, 213, 216, 220, 222, 262, 263, 310, 318, 350, 352, 357
Аполлоний (из Пантикапей) 294
Аполлоний (Херсонесит) 34, 50
Апшван 46, 22, 58, 77, 79, 187, 188, 192, 201
Апфа 214, 236, 298
Аракс Н. 34
Арета 40, 210, 276, 286
Ариада 324
Аристон, сын Атинны 19
Аркас 3, А. 46
Арриан 22, 34, 45, 63, 81, 82, 187
Арсеньева Г. М. 24, 72, 76, 93—95, 151, 152, 162, 167, 170, 173, 222, 224, 228, 232, 233, 337—339
Аршинов 111, 351
Артамонов М. И. 43, 188
Артемидя 57, 61, 78, 79, 220—222, 263, 310, 313, 352, 357
Археанктиды 13, 59, 81
Архестрат 159
Асандр 17, 87, 88, 192, 194, 267
Асклепий 27, 213, 219, 220, 263, 292
Аспург 17, 19, 61, 91, 220, 267, 280, 296
Астарта 218
Атей 42
Атис 29, 138, 219, 307
Афений 294
Афина 27, 34, 35, 65, 96, 109, 208, 212, 213, 217, 220, 230, 262, 263, 267, 287, 291, 292, 310, 351, 352, 357
Афинад 240, 351
Афиней 159, 214
Афродита 29, 37, 64, 67, 78, 79, 85, 84, 98, 111, 142, 237, 213, 218, 220, 221, 224, 239, 263, 282, 307, 310, 311, 351, 352, 356
Ахилл 31, 34, 211, 212, 217, 220, 224, 225
Ахмеров Р. Б. 46, 162, 163, 169
Ашик А. Б. 23, 59, 98
Аэйт 60
Ба 238
Бал 238
Байков И. И. 192
Байерн Ф. С. 82
Барцеева Т. Б. 162, 163
Башкиров А. С. 57, 77, 86, 88, 158, 192
Безицке К. Р. 77
Беккер П. В. 26
Белое Г. Д. 8, 45, 18, 20, 21, 24, 46, 48—52, 54, 57, 162, 168, 170, 182, 196, 199, 204, 206, 207, 209, 211, 216, 217, 222, 223, 225, 229
Белова Н. С. 71
Белаяс С. А. 116, 117, 174, 232
Бельковский П. 172
Беребста 17
Беребей Д. Я. 45
Бервиш О. О. 13, 14, 162
Бервина С. Я. 225
Бертье-Делагард А. Л. 17, 19, 63, 165, 175
Бес 237, 238
Бессонова С. С. 71
Бибикова В. И. 25
Бидзия В. 217
Бишмоич З. А. 228
Бюон 219
Блаватская Т. В. 11, 13, 14, 17, 24
Блаватский В. Д. 8—10, 13, 14, 17, 18, 20, 21, 24, 25, 31, 33—35, 45, 49, 52, 53, 57, 59—62, 68, 69, 72, 77—82, 87, 88, 92, 96, 154—156, 158, 160—168, 170, 171, 175, 180, 187—194, 197—205, 207—213, 216—220, 222—225, 227, 229—231, 236, 280, 359
Блаэрберг В. П. 23, 59, 65, 66, 71, 128
Бобринский А. А. 67
Бог высочайший 85, 141, 220
Богданова-Березовская И. В. 25, 162, 168
Болдырев А. В. 195
Болтенко М. Ф. 10, 33
Болтунова А. И. 13, 14, 17, 19, 24, 93, 191, 220, 225
Бондарь Н. И. 11, 32, 164, 175
Борисковская С. П. 229
Борисова В. В. 46, 48, 50, 51, 54, 162, 168—170, 249
Борнфелд 283, 310
Боровский Я. М. 195
Бородин П. И. 46
Брабич В. М. 15
Брашинский П. Б. 10—14, 23, 34, 162, 165, 168, 174—185, 253—256, 259
Бритова Н. Н. 166
Брун Ф. К. 34, 82
Бузескуя В. П. 23
Булатович С. А. 31
Бураков А. Б. 41, 44, 94, 154, 155, 204, 207, 227
Бурачков П. О. 17, 23, 46, 55, 56
Бурдак В. Д. 25
Валерий Флакк 26
Вальдгауэр О. Ф. 213, 221, 227
Варро 158
Ваулина М. П. 172, 224
Великая богиня 220, 221, 225
Велкина мать 211
Верховос С. И. 59, 63, 77
Верховный бог 220
Веселов В. В. 69, 72, 170
Веселовский Н. И. 82, 93, 97, 166
Ветштейн Р. И. 39, 162, 168, 169, 201
Винницкая Г. Г. 162
Виноградов Ю. Г. 10, 33—35, 91, 174, 180, 182, 212
Вишневский В. И. 25
Владимир 21
Внеплощный 220, 221
Войцеховский С. Ф. 86, 87
Высокская Т. И. 46, 20, 24, 162, 170
Ваьвмитина М. И. 207
Гай Ю. Сатур 51
Гайдукевич В. Ф. 8, 9, 11—21, 24, 35, 39, 54, 58, 59, 63, 64, 66—72, 74, 76, 77, 80—82, 87, 91, 128, 154—163, 165, 166, 168—170, 173, 175, 177, 180—182, 186, 190, 192, 193, 196, 203, 204, 208, 207, 211, 222, 224, 226, 227, 232
Галинина Л. И. 187, 234
Ганна О. Д. 178
Гарнократ 238, 239
Гатаз (Сатаз) 46
Геката 57, 220, 221, 313
Гекатей, сивидский царь 14
Гекатей 45, 55, 58, 86
Гелнос 220, 263, 277
Гералд 27, 78, 212, 213, 215, 219, 220, 222, 262, 263, 267, 290, 292, 295, 307, 310
Гермес 27, 29, 83, 96, 212, 215, 216, 220—222, 225, 290, 357
Гермон 81
Гермопаса 81
Гиро 319
Геродот 214

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Геродот 11, 22, 26, 34, 36, 155, 160, 174, 178, 186, 190, 193, 199, 213
 Герон 245
 Герц К. К. 23, 77, 81, 86, 88, 96, 97, 169
 Герцшер Д. С. 173
 Гестия 221
 Гел 220
 Гигиант 15, 267
 Гигея 29, 213, 220, 263, 292
 Гилеши А. М. 21, 46, 48, 57, 167, 174
 Гликарнон 294
 Голенко В. К. 141
 Голенко К. В. 15, 16, 21, 24, 85, 86, 91
 Головок Н. Д. 27, 29
 Голубцов В. В. 167
 Голубцова Е. С. 17
 Гольденберг В. А. 175, 182
 Гор 238, 351
 Горбунова К. С. 33, 211, 230
 Горгиш 82
 Горгопа см. Медуза Горгопа
 Городцов В. А. 60
 Готье Ю. В. 91
 Готшевич В. И. 26
 Граков Б. П. 11, 23, 24, 27, 34, 58, 57, 162—164, 170, 174, 175, 178, 180, 183, 184, 193, 195
 Грач Н. Л. 63—65, 157, 175, 190, 210, 211
 Гриневич К. Ф. 18, 36, 46, 50, 52, 55, 192, 193, 204, 209
 Гросс П. И. 66, 67, 214

Давал 351
 Даниленко В. П. 225
 Дашевская О. Д. 16, 18, 48, 55, 122, 185, 206, 233
 Дева (Парфенос) 15, 193, 220, 233, 310
 Дейдьяма 217
 Декамен 96, 240, 350, 357
 Деметра 27, 37, 63—65, 67, 78, 79, 82, 97, 111, 198, 207, 215, 218, 220—222, 225, 236, 262, 263, 286, 299, 307, 310—312
 Деметрий из Каллатин 211
 Деметрий из Пантыкаея 225, 294
 Демосфен 22, 58, 63, 174—176, 180, 183
 Демченко А. И. 178
 Денисова-Пругло В. В. см. Пругло В. И.
 Деоник Д. В. 25
 Десятичюк Ю. М. 144, 187, 189, 190
 Деспалл 18
 Дзис-Раико Г. А. 26, 30, 167
 Днапа 32
 Дилгас 159
 Дивамия 17, 79, 166, 213, 267, 236
 Диларх 82
 Диплор 13, 14, 22, 58, 84, 160, 177, 186, 189, 194, 219
 Двокетлан 21
 Днон Кассий 17, 22, 58
 Днон Христос 18, 22, 34, 38, 160, 187
 Днонис 27, 29, 57, 65, 180, 158, 213, 218, 220—222, 225, 263, 267, 292, 310, 311, 313, 324, 336
 Днонисий 77, 81
 Днонисий Ольвианский 211, 219
 Днонсуры 225, 263
 Днофат 16, 45, 46, 55, 189

Дирин А. А. 156, 224
 Дифил Боспорит 219
 Дмитриев Д. Д. 27, 29, 163
 Доватур А. И. 19
 Доваторук В. С. 77, 78, 80, 88, 90, 136, 137, 157, 187, 192
 Доманский Я. В. 8, 9, 41
 Домбровский О. П. 48, 50, 116
 Доминьян 27, 57
 Драгман А. 245
 Дудкин В. П. 25
 Думберг К. Е. 23, 59, 67, 125, 127, 208, 209
 Дьяков В. Н. 18, 20, 57
 Дюбрюкс П. 23, 59, 65, 66, 70, 71, 132
 Дюбуа де Монпере Ф. 46
 Емвал 14, 160, 194, 219
 Евраисий 40, 210, 276, 286
 Евсейев 10, 33
 Евстафий 59, 60, 77, 81
 Ефрат 219
 Ельницкий Л. А. 165, 214
 Жаворонкова Т. Л. 116
 Жебелев С. А. 8, 9, 11, 13—17, 20, 24, 25, 45, 46, 49, 66, 77, 91, 93, 161, 175, 176, 195, 225
 Жеребцов Е. Н. 52, 53
 Житков Л. Д. 25
 Забелин П. Р. 34, 77, 91, 106
 Забелина В. С. 354
 Загинало А. Г. 12, 29, 31, 182, 190
 Зайцева К. П. 38, 162, 167, 217, 232
 Засеука Н. П. 166
 Збенцов В. Г. 72
 Зевс 11, 34—37, 39, 108—110, 200, 220, 238, 263, 310
 Зейдлинде А. А. 49
 Зевст П. В. 24, 63, 71, 72, 78—81, 84, 154, 155, 162, 168, 169, 175, 179—181, 183, 184, 191, 204, 227
 Златковская Т. Д. 12, 17, 18, 26, 27
 Значко-Яворский И. Л. 25
 Зораф А. Н. 12, 13, 15—21, 23, 24, 26—28, 31, 34, 39, 46, 78, 82, 158, 166, 167, 174, 176, 177, 186, 194
 Золотарев М. П. 48
 Зопириос 11, 34, 190
 Зосим 58
 Зубарь В. Н. 48, 52
 Зуц В. Л. 40
 Ивях 111
 Иванова А. П. 162, 172, 173, 211, 213, 221, 224, 225, 236
 Иессен А. А. 8, 9, 84, 88
 Инженский 18, 39, 263, 267
 Иосиф Флавий 45
 Исвда 27, 87, 220, 351, 352
 Исвдл 219
 Исократ 22, 58, 174
 Кабрр 307, 312
 Кадеес В. П. 24, 25, 48, 51, 52, 159, 160, 162—165, 167—170, 172, 173, 182, 223
 Кавакешч Ф. Л. 16
 Казакова Л. М. 95
 Калачен 113
 Калашин Ю. П. 48
 Калгула 17, 267
 Калписо 215

Каллаистов Д. П. 8, 13, 16, 17
 Каллистрат 94
 Камеицкий И. С. 25, 95
 Кавоб 34
 Капошина С. И. 33, 42, 67, 164—168, 173, 182, 223, 224, 232
 Каракала 262
 Карапетянц А. М. 25
 Карасев А. Н. 34—39, 48, 50, 110, 122, 162, 170, 171, 200, 202—208, 214
 Карейша Д. В. 46
 Карышковский П. О. 10—12, 15—18, 24, 26, 27, 34, 167, 174, 186, 211
 Кастаньяк Е. Г. 24, 67, 69, 81, 95, 131, 159, 167, 191, 222, 223, 232, 233, 324, 326—335, 340—342
 Катол 159
 Кауфман С. А. 95
 Кач В. И. 53
 Келер 33
 Кеппен П. 57
 Кибела 37, 111, 208, 218, 219, 221, 262, 263, 351
 Кыр 77
 Кириллин Д. С. 237
 Кирыков А. В. 155
 Клавдий 267, 352, 357
 Клавдий Помпоний Мела см. Помпоний Мела
 Клавдий Прозелий 22, 26, 45, 57, 58, 63, 65, 67, 70, 82, 87, 91, 92, 357
 Клейман П. Б. 26—31, 191
 Клоомен 219
 Кмипович Н. М. 25
 Кмипович Т. Н. 9, 12, 20, 21, 34, 35, 38—40, 68, 69, 93, 162, 167, 168, 175, 182, 211, 216, 217, 221, 222, 223—233
 Кобылина М. М. 24, 69, 77—81, 157, 162, 167—169, 190, 191, 199, 201, 208, 211, 213, 216, 222, 223, 226, 227, 230, 236, 237, 280—305, 307—313, 317—319, 336
 Ковалевская Л. Е. 280
 Ковачурко Г. М. 162
 Ковпаненко Г. Т. 231
 Козуб Ю. И. 35, 40, 198, 205, 222
 Коф 202, 205
 Коккей 27
 Колесникова Л. Г. 48, 52, 214, 225
 Колин Д. П. 63, 196
 Колобова К. М. 8, 14, 16, 20, 93
 Комосария 82
 Кондаков П. Б. 63
 Кондарак В. Х. 57
 Коновалов А. А. 202
 Константин 21
 Константин Багрянородный 21, 45, 58
 Копейкина Л. В. 33, 35, 41, 105, 170, 179, 198, 205, 229
 Кора 79, 82, 214, 215, 218, 220, 221, 298, 299, 307, 311, 312
 Корошина А. К. 81, 87, 95, 138, 146, 205, 211, 213, 222, 223
 Корпусова В. Н. 224, 231
 Косиушко-Валюжнич К. К. 23, 46, 49, 51, 52, 54, 166, 169, 209
 Котис I 18, 209, 214, 267
 Котис II 19, 240
 Котиселко Г. А. 25
 Кристкий, капитан-лейтенант 31
 Кропоткин В. В. 174, 175, 182—184, 188

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Криве О. Ю. 25, 462, 463, 468
 Крудакова И. Т. 15, 20, 24, 24, 32, 48, 59, 71—74, 76, 82, 83, 88, 94, 133—135, 139, 154, 155, 157, 158, 160—163, 166—170, 173, 182, 186, 191, 192, 202, 204—207, 211, 220, 224, 226—229, 232, 233, 242—246, 252
 Круже, лейтенант 46
 Крушкол Ю. С. 14, 90, 161
 Крыжичский С. Д. 27, 35, 36, 38, 39, 44, 113, 170, 174, 198, 199, 202, 204—206, 276—279
 Ксенофонт 97, 230, 302
 Ксенофонт 212
 Ктезия из Херсонеса 15
 Кубланов М. М. 70, 88, 89
 Кузицкий В. Н. 25, 48, 77
 Кузьменко В. П. 30
 Кудьяков О. А. 25, 162, 167
 Куниев В. Э. 72
 Кунина Г. Э. 182
 Куротрофа 211
 Кыласов П. Л. 169

 Лапин В. В. 8, 9, 33, 38, 41, 45, 154, 162, 163, 203, 205, 222, 232
 Лапин Ю. Е. 80, 159
 Лаппо-Данилевский А. С. 166, 175
 Латышев В. В. 8, 11—13, 15, 18, 22, 23, 28, 34, 35, 46, 77, 81, 93, 211, 212
 Латышева В. А. 48
 Лебедев В. Д. 80, 159
 Леви Е. И. 11, 15, 34—39, 46, 106—113, 155, 158, 162, 168, 170, 174, 176, 179, 182, 200, 204, 206—208, 232
 Левкин 225
 Левкиншиды 318
 Левковская Г. М. 25
 Левков И. 13—15, 176, 180
 Левков П. 15, 287
 Ленин В. И. 23
 Ленц Э. Э. 189
 Леонтьев П. М. 93, 94, 190
 Лепер Р. X. 46, 50, 54, 55
 Лештин 63
 Лесков А. М. 72, 224
 Лесницкая М. Н. 37, 214
 Либеров П. Д. 178
 Ливия 79
 Лидос 230
 Линкомед 217
 Линдгольм В. А. 25
 Липсий 174
 Липсмах 44, 27, 93, 176
 Лисин В. П. 48
 Лосева Н. М. 162, 168, 211, 214, 228
 Лутчан Самостаский 15
 Лукин Б. В. 165
 Люстевас Д. 172
 Люценко А. Л. 63, 76
 Люций Фурий Севт 57

 Макаренко Н. 217
 Мавробий 11, 34
 Максимов Е. В. 28
 Максимова М. И. 15, 68, 163, 165, 171, 177, 180—182, 196, 211, 239, 240
 Малев П. П. 229
 Маликов В. М. 157
 Мальберг В. К. 50, 166, 168, 169
 Мальпагор 64
 Манцевич А. П. 165, 166, 188, 211

 Марк Аппелдий 27
 Маркс К. 5, 8, 174
 Марс 352
 Марти В. Ю. 159
 Марти Ю. Ю. 20, 60, 61, 68, 69, 71, 133, 159, 211, 225
 Марченко И. Д. 24, 60, 61, 78, 79, 81, 157, 158, 162—165, 167, 168, 189, 190, 196, 207, 211, 221, 222, 227
 Марченко К. К. 41, 44, 167, 232, 233
 Мас 319
 Масленников А. А. 224, 314—316, 358
 Маслоев С. П. 25
 Махар 16, 17
 Мазов И. 46, 169
 Мегана 319
 Мелгуз Горгоа 83, 111, 225, 262, 267, 291, 318, 357
 Мезенцева Г. Э. 162, 168
 Мельников-Разведенков С. Ф. 91
 Мелюкова А. И. 30
 Мен 263
 Мена 294
 Мерперг Н. Я. 162, 168
 Метролот 225
 Миллер А. А. 81, 84, 86, 88
 Митридат пергамец 17
 Митридат, сын Аспурга 17, 18, 267
 Митридат VI Евпатор 11, 12, 16, 17, 27, 28, 45, 49, 51, 59, 79, 182, 188, 189, 192, 195, 206, 352, 357
 Мифра 57, 219—221, 307
 Михлин Б. Ю. 46
 Мпесмах 354
 Мозилевский В. Н. 217
 Моисеев Л. А. 46, 55, 56, 120
 Молев Е. А. 16, 71
 Мурзавец-Апостола И. М. 23
 Мурзакевич Н. Н. 31

 Надель Б. И. 20, 24
 Навикина М. А. 48, 55, 56, 66, 93, 120, 121, 162, 168, 173, 206, 211
 Наумов Д. В. 162
 Наверов О. Я. 350—352, 357
 Невский Н. А. 193
 Немосла 220, 222, 290
 Неонкл 83, 214, 237, 296
 Неоптолом 189
 Нерва 27
 Неруэль А. М. 156
 Нерон 18
 Нипка 96, 194, 195, 217, 222, 267, 351
 Ниперат 34
 Николаева Э. Я. 84, 88, 90, 179
 Николаенко Г. М. 48
 Никосфен 31
 Никулин В. 162, 165
 Нил 27
 Ниоба 225
 Новосадский Н. И. 20
 Пудельман Д. И. 10, 31

 Овдлий 187
 Овнин Тертула 27
 Одиссей 6
 Опадо И. А. 11, 12, 24, 78, 91—93, 147—150, 162—166, 168, 174, 175, 178, 182, 184, 205, 211, 217, 306
 Орешников А. В. 12, 15, 17—19, 23, 82, 167

 Орлов К. К. 57
 Оросий см. Павел Оросий
 Островерзов А. С. 162, 163
 Отрешко В. М. 41—43, 205
 Охотников С. Б. 30

 Павел Оросий 77, 79, 201
 Палап 16
 Паллас П. С. 23, 46
 Пан 29, 65, 83, 141, 214, 225, 287
 Пападимитриу С. Д. 10
 Парис 225, 231, 336
 Парович-Пешикал М. Б. 40, 222, 223, 227, 228
 Переделовская А. А. 225, 230
 Пегас 263
 Перикл 13
 Перисад I 14, 195, 219
 Перисад V 16, 267
 Персей 267
 Петерс Б. Г. 25, 63, 72, 76, 156, 164, 187, 192—195, 197, 267—275
 Петренко В. Г. 184
 Петрунь В. Ф. 25, 171
 Печенкин Н. М. 46, 54, 55, 119
 Пидопличко И. Г. 25
 Пиккевич А. А. 25
 Пиотровский А. И. 230
 Пиотровский В. Б. 182
 Пифон 220
 Пичкич П. Р. 83, 174, 208, 280
 Плавий Сильван 49
 Плавий Старший 22, 26, 34, 45, 46, 53, 66, 67, 71, 84, 92, 155, 157, 240, 245
 Плутарх 22
 Плутон 215, 220, 230, 299
 Поддеева Н. В. 82
 Покровская Э. Ф. 234
 Полемон 17, 87, 93
 Полемон, фракийский царевич 17
 Полибий 22, 46, 58, 159, 160, 174, 175, 182, 195
 Пошнен 14, 16, 22, 45, 46, 58, 63, 82, 161, 166, 190, 194, 219
 Полинатр 319
 Полинатр 212
 Помпей Трог 22
 Помповий Мела 22, 26, 34, 45, 58, 66, 82, 84
 Помпеловский В. В. 20, 93
 Попочевский М. О. 91
 Посейдон 83, 114, 220, 222
 Посидоний 219
 Прокситель 212, 213
 Прендель Р. А. 33
 Придик Е. М. 27
 Припад 14
 Протоген (ольвополит) 12, 34
 Пруело В. И. 35, 66, 67, 99—104, 162, 164, 168, 187
 Пруцкая Е. О. 95, 162, 164, 166, 211, 217, 228, 237
 Псевдо-Арриан 26, 59, 63, 65, 67, 69, 71, 77, 82, 197
 Псевдо-Гиппократ 22
 Псевдо-Скины 15, 22, 26, 28, 34, 45, 59, 82, 84
 Психарова 319
 Психей 221, 357
 Птоломей см. Клавдий Птоломей
 Птоломей II 351
 Пушкарев В. П. 27
 Пятыхшева Н. В. 31, 48, 96, 162, 165, 166, 208, 211, 224, 237

 Рабинович В. Э. 187
 Рабичкин Б. М. 42

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Родамсад 20
 Раблов Н. Э. 230
 Ревенко К. В. 25
 Ременников А. М. 20
 Репликов Н. П. 18, 20, 46
 Рескупорид I 17
 Рескупорид II 194, 218, 267
 Рескупорид III 19, 98, 166, 228, 267
 Рескупорид VI 21, 267
 Рымстак 19, 267
 Розанова Н. П. 18
 Романовская М. А. 75
 Романченко Н. Ф. 46, 55, 56
 Ростовец М. И. 8, 16—18, 22, 26, 34, 46, 49, 55, 57, 67, 82, 95—98, 164, 166, 175, 189, 190, 214, 213, 218, 221, 223, 225, 234, 236, 237
 Рубан В. В. 41, 44, 205, 206
 Руслева А. С. 37, 42, 198, 205
 Рыбаков В. А. 9, 22, 81, 178
 Рыжов С. Г. 43, 49
 Рындина Н. В. 162, 163
 Рыбов 74
- Сабанзи 62, 214, 220
 Савельев Ю. А. 168, 170
 Савела О. Я. 48
 Савмак 16
 Савостина Е. А. 83, 124, 136, 137, 141, 208, 250, 261, 320, 322, 343, 344
 Савромат I 19, 83, 90, 214, 296
 Савромат II 19, 195, 214, 240, 267, 296, 357
 Сайко Э. В. 167
 Салов А. И. 82, 83, 157, 169
 Сальников А. Г. 12, 18, 30, 167
 Самофранские боги 220
 Самылин Ю. В. 151
 Савнер 218
 Сатир 30, 83, 114, 189, 308
 Сатир I 43, 79
 Сеперы 214
 Секерская Н. М. 12, 205
 Селским 98
 Семандр 81
 Семенов А. Ф. 165
 Семенов С. А. 72, 171, 173
 Семенов-Зусер С. А. 35, 159
 Севтими Сепер 27, 267
 Серапис 27, 87, 220, 238, 351
 Сибирский А. А. 63, 82, 96
 Сидорова Н. А. 179, 211, 229
 Сизов В. И. 82, 90, 92, 147
 Силагтьева Л. Ф. 63, 65, 95, 162, 182, 228, 229, 234
 Сидеп 30, 63, 65, 141, 142, 225, 287
 Симичин М. С. 12, 26, 29, 30, 190
 Сиприс 22, 219
 Сис 172
 Скалок К. М. 232, 233
 Скля 11, 199, 213
 Скляк 352, 357
 Склтур 12, 34, 263
 Склиф 53
 Скловский Г. Л. 33
 Скопас 213
 Скржинская М. В. 22
 Скрбиопий 17
 Скудова В. М. 33, 35, 63, 162, 164, 167, 180, 230
 Славиц Л. М. 10—12, 18, 20, 35, 37, 38, 44, 68, 69, 205, 207
 Слюсаренко Ф. 12
 Смикр 219
 Смирнов А. П. 77
- Смирнов П. В. 25
 Смирнов К. Ф. 166, 189, 234
 Смирнова Т. М. 75, 76, 82, 157
 Соколов В. В. 88
 Соколов Г. П. 226, 237
 Сокольский Н. П. 8, 9, 13, 19, 21, 24, 61, 80, 84—86, 88—90, 154, 156, 157, 161, 162, 169—173, 175, 187, 188, 191, 192, 196, 201, 204, 211—213, 221, 224, 226—229, 237
 Солнцев Л. А. 162—164
 Соломоник Э. П. 18, 24, 46, 48, 57, 174, 211, 219, 225
 Сорак 300
 Сорокина Н. П. 24, 78, 81, 85, 113, 145, 162, 168, 170, 172, 175, 182, 204, 223, 234, 257, 258
 Сохсий 219
 Сохмет 238
 Спарток 13, 195, 267
 Спарток II 14
 Спарток III 44
 Спартокиды 12—15, 19, 58, 59, 82, 166, 170, 174, 180, 187
 Спидцин А. А. 166
 Степановский И. А. 23, 26, 59, 66, 93
 Стефан Византийский 10, 26, 45, 58—60, 63, 66, 67, 69, 71, 77, 82, 86
 Страбон 10, 15—17, 22, 26, 34, 45, 46, 54, 55, 58, 59, 63, 65, 71, 77, 79, 82, 84, 86, 87, 91—93, 156, 158, 160, 171, 174, 175, 178, 180, 182, 183, 187, 189, 190, 192, 193, 197
 Стратонид 212
 Стратонид 219
 Стрелецкий С. Ф. 18, 24, 48, 49, 52—55, 123, 154—158, 160, 204, 206, 207, 211, 214, 222, 225
 Строек А. 46
 Струев В. В. 46
 Сумароков П. 23
 Суворов Е. Г. 10, 24, 48, 49
 Суручин П. К. 34
 Сухтелев 34
 Сфер 219
 Сымонович Э. А. 231
- Тахтай А. К. 48
 Тацит 18, 22, 58, 187, 193
 Тетбу де Мариньи 91
 Тиберий 17, 267
 Тиберий Плавтий Сильван Элла 18, 32
 Тивенгаузен В. Г. 34, 77, 82, 87, 93, 95, 97
 Тиграс 27, 262
 Тиргатао 14
 Тит 267
 Тяхе см. Тюхе
 Тихий М. П. 159
 Тлесон 230
 Толстикова В. П. 60, 61, 125—127, 191, 192, 201
 Толстой И. И. 23, 31, 58
 Топачевский В. А. 25
 Траян 18, 27, 234
 Тресер К. В. 231
 Трифон 213, 274, 293
 Трудор Д. 27
 Тюменев А. П. 8, 15, 16, 24, 45, 46, 55, 174
 Тюхе 87, 219, 221, 263, 307
- Уваров А. С. 31, 33, 34, 46
 Усачева О. И. 84, 142
 Устинова В. А. 14
- Фабрициус П. В. 33, 40
 Фанагор 77
 Фарзой 18, 39, 263
 Фармаковский В. В. 23, 24, 31, 34, 40, 106, 113, 154, 164, 166, 175, 198, 204, 206, 208—213, 217, 225, 230, 231
 Фарнак I 46, 46
 Фарнак, сын Митридата 17, 61, 79, 267
 Фарнаком 295
 Фарсавл 20
 Фаустин 94
 Феаген 159
 Федоров Е. Г. 25, 52
 Феофраст 154, 155
 Фестид 217
 Фидий 213
 Филли В. О. 25
 Филипп Араб 357
 Филипп II 176
 Филипп Младший 357
 Филократ 295
 Филонович П. И. 120
 Филопатр 98
 Филосонова С. И. 227
 Флегон из Траля 19, 45, 46
 Фляксбергер К. А. 155, 156
 Фомир Л. Д. 162—164
 Фоборс 21, 267
 Фракцийский редакт 57, 124
 Фриантов Г. С. 25
 Фролов Э. Д. 359
 Фролова Н. А. 12, 15, 17, 18, 21, 24
 Фукидид 195
 Фурий Севт 294
 Фурманская А. В. 12, 27—29, 162—164
- Харно Л. П. 18, 162, 165—167
 Хармагга Я. 21
 Харон 216
 Хелосбий 20
 Хелоснас 263, 310
 Хицунов П. И. 93
 Хрест 295
 Хрисаликс 87, 145, 201, 206, 211, 313
 Худяк М. М. 63—65, 162, 167, 169, 198, 207, 221
- Цилкин В. И. 24, 25, 93, 94, 158, 160
 Цетелева Г. А. 47, 62, 63, 78—80, 82, 83, 91, 95, 162, 167, 169, 170, 175, 179, 201, 222—224, 228, 320, 321, 323, 353
 Цепкин Е. А. 93
 Цезмистренко В. И. 24
 Цурбан А. В. 196
- Черненко Е. В. 184
 Черняков Н. Т. 26
 Четвериков С. Д. 25
 Чубова А. П. 211, 232
 Чустова Л. В. 175, 228
- Шалакевич А. А. 210
 Шабранская Н. В. 12
 Шару А. И. 165
 Шелов Д. Б. 8—20, 23, 24, 28, 35, 58, 72, 78, 79, 82, 88, 89, 91, 93—95, 155, 162—164, 166, 168—170, 173—175, 181—183, 186, 189, 191, 192, 204, 206, 207, 211, 222, 228, 231, 247, 248, 251, 262—267
 Шершов А. П. 194
 Шилик К. К. 25, 34

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Шилов В. П. 165
 Шкорпила Б. В. 13, 15, 60, 67, 81, 97, 156, 172, 230, 231
 Шмаков А. И. 46
 Шмидт Р. В. 163, 167, 187, 192, 229
 Шнейдербург Г. 45
 Шрамко Б. А. 178
 Шгаерман Е. М. 27
 Штери Э. Р. 8, 26, 27, 31, 33, 55, 63, 167, 231
 Штигельман Ф. М. 40, 41, 44, 162—164
 Шушлов 57
 Шульц П. Н. 44, 193
 Шуменко С. Н. 25, 162, 167
 Шургаа Н. Г. 24, 67, 70, 71, 123—130, 132, 162, 168, 182, 211, 231

 Щапова Ю. Л. 170
 Щеголов А. Н. 15, 16, 18, 25, 33, 48, 53—56, 114, 118—123, 155, 157, 160, 162, 167, 168, 174, 186, 206, 211, 227
 Щусев П. В. 209

 Элагабал 263
 Эман П. А. 229
 Энгельс Ф. 5, 174
 Эпипол 235
 Эпиктет 31
 Эратосфен 22

 Эрот 30, 98, 213, 221, 223, 307, 351
 Эстин 22, 58, 63, 84

 Юлпан 21
 Юлий Цезарь 17, 51
 Юпитер 57, 220, 221, 310
 Юргевич В. Н. 169
 Юстин 11

 Якобсон А. Л. 22, 207
 Яковенко Э. В. 155, 224
 Якушевич Э. В. 25, 153
 Ялышев Н. М. 43
 Ястребов В. Н. 40
 Яценко Н. В. 48, 166

 Alexandrescu P. 29, 178
 Avakian G. 27
 Bilabel F. 25
 Blavatsky V. (Blavatsky W. D.) 13, 14, 218
 Blümner H. 163
 Boucher S. 178
 Brashinsky J. B. 23
 Casson L. 196
 Condurachi E. 18
 Crisan I. H. 17
 Dacovicu H. 17
 Dubois de Montpérez F. 23, 86, 91
 Ebert M. 44
 Frolova N. A. 23
 Gajdukevič V. F. 13, 16—18, 20, 21, 67, 162, 163, 165, 166
 Graham J. 8
 Hiescu V. 11
 Kallinka E. 165
 Kieseritzky G. 195
 Kripovitch T. 182
 Kochler H. K. E. 23
 Koerppen P. 23
 Laum E. 167
 Löschke S. 231
 Lurie S. 16
 Meritt S. 28
 Minns E. 8, 192
 Nicovescu P. 27, 29
 Pallas P. S. 86, 192
 Pârvan V. 27
 Petrie F. 158
 Pippidi D. M. 18, 27
 Platz-Norster Q. 234
 Pleiner R. 163
 Poland F. 20
 Rostoutzeff M. 8, 13, 17, 18, 57, 164, 178
 Salač A. 20
 Schürer E. 20
 Shelov D. B. (Schelov D.) 13, 186
 Stern E. 8
 Suceveanu A. 11
 Valpe R. 17
 Waizinger C. 195, 225
 Werner O. 13
 Wilhelm A. 16
 Ziebarth E. 20

Указатель географических и этнических названий *

- Аборана 89
Абросовская 75
Агриппия 17, 79, 194, 263, 274,
см. Фанагория
Адриатика 236
Азия 178
Азовское море 5, 74, 76, 77, 86,
89, 159, 177, 192
Айвазовское 74, 75, 154
Айдар, р. 178
Ай-Топор 18, 57, 211, 221, 313
Ай-Буруя 75, 267
аланские племена 10—21
Александрия Египетская 177,
182, 213, 218, 222, 231, 236, 336,
351, 357
Антиохиас 32
Алма-Кермен 155, 170, 261
Алтай 165
Алушта 267
Амастрия 58, 181
Ампс 29, 58
Анапа 10, 59, 82, 84, 90, 97, 139,
141, 213, 215, 224
Анапская 90, 97
Андревка 75
Андревка Северная 75, 76, 192
Андревка Южная 74—76, 134,
158, 204—206
Андреевское 59
Ановта 254, 356
Антикт 58
Апатур 88, 220
Аполлония 29, 166, 263
Арабатская стрелка 192
Ардания 58
Артемоновский курган 218, 236,
305, 320, 350, 352
Аршицево 67
аспургидане 17
Аттика 33, 78, 88, 212, 216, 225,
227, 230, 336, 354
Афины 13, 14, 27, 50, 52, 58, 63,
174, 176, 179, 180, 194, 212, 219,
230, 254, 322, 359
ахейцы (ахен) 193, 194
Ахиллий 85
Ахиллов бег 199
Ахмюв о. 31
Ахтанизовская ст. 287
Ахтанизовский лиман 274, 293,
319
Ашамба, р. 93, 147
- Багерovo 75
Балаклава 57
Балаклавская долина 54
Балтийское море 20
Бараний Лоб (совр. Саргы),
мыс 177
Бегарейна I, II 59, 88—90, 144,
156, 242, 248, 322
Батарейный 59
Баты 91, 92, 197
Белгород-Днестровский 26, 99
Бельское 75
Бельск 179
Бельювка 30, 31, 101
Белюс 56, 195, 222, 274, 313
- Береговое I-III 75
Бережанский лиман 41—44
Бережанско-Сосницкий лиман
40, 41
Березань 7, 10, 33, 41, 99, 105,
154, 163, 178, 179, 198, 199, 202—
205, 229, 232, 233, 237, 278, 307,
320—333, 340, 342
Бессарабия 31
Благовещенская ст. 59, 274
Благовещенский хут. 59
Блавака, гора 207
Ближнее Босово I—III 75
Близнецы 59
Болышка 117, 330
Большая Близница, курган 97,
166, 214, 221, 234, 267, 290, 291,
298, 307, 308, 343, 350, 351, 353
Большая Черноморка 42
Большие хутора 53, 147
Большинский 179
Большой Херсонес 45
Бондаревов I—VI 74, 75
бораны 20
Борисовка I-II 59, 75, 147
Борисовен 26, 33, 34, 160, 178
Борисфенда 7, 10, 33
Боспор (Боспорское государст-
во, царство) 5, 12—17, 19—25,
31, 46, 49, 51, 58—68, 70, 72—74,
76, 77, 80, 82—88, 91, 92, 95, 96,
98, 147, 154—163, 165—170, 172,
174, 176—178, 180—182, 184,
186—188, 192, 194, 197, 199, 201,
202, 204—207, 209, 211—214, 216,
218—220, 222—224, 226, 228,
230, 234, 233—235, 239—241, 248,
263, 267, 274, 277, 315, 316, 321,
352, 359
Боспор Киммерийский 10, 13, 23,
58, 59
Боспор Фракийский 177
Боголевское 59
Бугский лиман 34, 40, 41, 43, 44,
160, 190
- Варваровка 40, 43
Варешниковская 87
Васильевка 75
Васюринский курган 210, 227,
265
Верхнее Заморское 75
Ветрепая, бухта 121, 206
Верхнее Погромное с. 259
Византия 79, 255
Викторовка 42
Виноградное I-III 75, 90, 147
Витязуцы 31
Витязево 59
Видфия 31
Владимировка 59, 91, 92, 147,
148
Владиславовка I-II 75
Водопроводное 59
им. Войкова, пос.; Войково I-
XIII 67, 75, 224
Волга, р. 184, 186
Ворскла, р. 178
Воскресенское 90
- Восточная Грузия 259
Восточная Европа 5, 21, 175,
359
Восточное Причерноморье 24
Восточное Средиземноморье
350—352, 357
Восточный Крым 5, 10, 13, 22,
58, 202
Восход I-V 75
Высокое I-II 75
Вышебеловское 59
Вязловское I-III 75
- Гай-Калзор 59, 141
галаты 236
Галлия 155, 236, 241
Гайрицкий хр. Большого Кав-
каза 10
Гаркуша 86
Гастогавское 59
Геленджик 147
Геленджикская бухта 5, 92, 178
Геласкспорт 180
Геральское 75
герулки 193, 194
Герулка Понтийская 10, 13—
15, 19, 20, 34, 45, 46, 50, 55, 79,
88, 91, 176, 181, 182, 256
Герульские ц-ов 16, 43, 46,
48, 49, 51, 53—55, 114, 192
Гермеевский курган 274
Гермопасса 5, 10, 22, 58, 77, 81,
96, 138, 168, 169, 178, 179, 184,
199, 222, 223, 248, 251, 322, 351,
355
Геруевка I-IV 63, 75
герулы 20
готы 17, 32, 34, 38, 240
Гипанис 34, 77, 178
Глазовка 74
Глейки 71
Гливице 98
Гоголевка 75
Голубое 75
Горгиппия 10, 19, 20, 58, 82—
84, 90, 92, 97, 139—141, 154, 157,
159, 160, 163, 168, 168—170, 184,
191, 193, 195, 199—201, 212, 214,
220, 237, 242, 252, 260, 261, 263,
267, 274, 283, 294, 296, 300, 322,
343, 344, 346, 350—353, 357
готы 11, 20, 21, 28, 62, 76
греки 5, 8, 10, 18, 44, 45, 154—
156, 159, 172, 224, 226, 229, 239
Греша 5, 8, 25, 31, 86, 154,
156—158, 216, 222, 223, 226, 236,
240, 359
гунны 21, 76, 86, 89
- Даргестан 241
даки 18, 32
Дакция 28
Дальние Камыши 75
дандариты 14
Двандатый километр 59
Делос 14, 15, 182
Дельфы 15
Державно I-III 75
Десятый километр 59

* В указателе, кроме общепринятых, используются сокращения: ст.—станция, хр.—хребет, хут.—хутор.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Дикомете 55, 90
Дидова хата, пос. 206, 270
Димский залив 89, 90
Дня 67, 68
Днепр 34, 43, 162, 178, 233, 239
Днепровский лиман 33, 41, 43
Днепрово-Бугский лиман 5, 10, 40, 160
Днестр 31, 178
Днепровский лиман 26, 27, 29—31, 99
Днестро-Дунайское междуречье 31
Дон. р. 10, 19, 49, 177, 178, 180, 183, 184, 186, 206
Допеский бассейн 163
Довская 75
Довузал 194, 196
Добб, р. 93, 147
дорицы 15, 55
Доридно 31, 99
дохл 14
Дунай 5, 10, 17, 20, 21, 26, 28, 31, 32, 184, 240
Дюрсо 59, 91, 147
- Евпатория 55, 56, 156, 274, 344**
Европа 174, 240
Египет 14, 34, 229, 236, 238
Елизаветинская 154, 242
Елизаветинское городище 178, 183, 253
Елизаветовский курган 217, 254, 267, 306
Елизаветовское городище 178, 183, 184, 206, 233, 267, 274, 307
- Жаботня 179**
Жуковна 74
- За Родну, пос. 86, 88, 145, 206, 208
Заветное I-V 75
Заволжье 186
Задовье 186
Заказники 163, 165, 239
Заморское, с. 224
Западная Сибирь 164
Западное Причерноморье 222
Западное Средиземноморье 352
Западно-Зеленское 59
Западно-Шукурское 59, 231
Западный Крым 10, 16, 45, 202
Залчя балка 191
Зеленая, гора 97
Зеленый Яр I-III 75
Зенова, башня 190, 191, 207, 208, 214, 225
Зиги 193
Змеиный курган 96, 318
Змеиный мыс 74
Змеиный, о. 31
Золотая Балка, пос. 207
Золотое I-III, Золотое Восточное, бухта; Золотое Верхнее 74—77, 207, 224, 226
Золотой курган 63, 75, 96, 192, 203, 204, 209, 224, 285
Золотой рожок, пос. 74, 75
Зубовский хут. 267
Зюк, мыс (Зенопов Херсонес) 75
- Икос 182**
Идурат 70, 132, 154, 158, 170, 201, 202, 207, 210, 222, 242, 260, 279, 287, 307, 322, 341, 342, 353
Ильинский курган 217, 306
Ильинский курган 306
- Ильча, пос. (Ильчевка) 59, 88
Игулз, р. 178
Игулзед, р. 178
Ишкерман 57, 261, 346
повиши 63, 68, 81
Июня 212, 219, 229, 240, 254, 255, 350, 351, 357
Изра 240, 254, 350
Испания 52
Истр 36
Истрия 10, 12, 27, 29, 31, 181, 205
Италия 52, 157, 158, 178, 225, 231, 240, 253, 256, 259, 352, 357
- Кабардинка 93, 147
Каборга 42
Кавлеп 197, 240
Кагул 31
Казанская ст. 274
Казантип, мыс 74, 192
Калмак, мыс. 10
Калиновка 75
Каллатипли 160
Каллатия 27
Каллинизм 160
Калос Лимен 46, 48, 49, 56, 121
Калхедон 20
Камевка I II 74
Каменная Батарейна 59, 88, 89, 144
Каменная гора 31, 32
Камениское городище 178, 183, 184
Капканы I-V 74
Капустня 59
Карагодеуашх, курган 218, 305, 351
Караджинское 122
Караджи (совр. Керемпе) 177
Караининая бухта 118
Караининая слобода 75
Караининый мыс 55
Кара-Оба, курган 96
Карасевка 75
Кариинитский залив 177
Карпато-Дунайский бассейн 44, 233
Картад, с. 31
Картад, оз. 31
Кафа 22
Казы 75
Керкуватского, курган 188, 267
Келермесский курган 217, 267, 291
Кельп 52
Кельты 240
Кепы 10, 84, 85, 88, 97, 142, 143, 155—157, 169, 170, 172, 179, 199, 205, 207, 209, 212, 213, 221—223, 240, 244, 274, 288, 318, 341
Керкшпитида 45, 46, 48, 49, 55, 56, 120, 166, 199
Керченская бухта 65, 196
Керченский п-ов 10, 13, 58, 72—74, 76, 156, 181, 192, 224
Керченский пролив 5, 10, 12, 21, 53, 69, 159, 177, 189
Керчь 5, 10, 23, 59, 63, 74, 98, 156, 157, 194, 196, 207, 213, 214, 224, 225, 228, 267, 321
Кесария 17, 263
Кидеана 71
Киевская Русь 22
Кизик 20, 176
киммерийцы 10
Киммерий 88
Киммерик 10, 71, 72, 75, 87, 133,
- 154, 155, 158, 191, 192, 197, 242, 243, 278
Кипр, о. 236
Кирпидовка-Кирпилловское 59, 147
Кирово 75
Кит 71
Китов 71, 191, 196, 199, 210, 275, 287
Клазомены 77, 179
Клид 79, 182
Козарка 43, 44, 94, 155, 201, 207, 279, 340
Колофов 58
Колхид 17, 181
Константинополь 21
Коренково I-IV 75
Коринф 8, 20, 33, 179, 255, 332
Корокндама 88
Королево 75
Корсунь 22
Корчев 22
Кос 14, 79, 182
Костырино 75
Кощи 75
Красная Горка 75
Красная Скала 90
Красноармейское 59, 88, 89
Красный Курган 59, 90
Красный Куг I-II 75
Кремниж 32
Криповорье 163, 179, 330
Кромхи 58
Крым (Крымский п-ов) 5, 10, 12, 15, 18—23, 26, 45, 48, 49, 56, 63, 155, 162, 173, 177, 180, 182, 206
Крымская Скифия 16
Ктеунит 160
Кубань 10, 58, 77, 87, 178, 183, 232, 240, 297
Куль-Оба 63, 96, 213, 217, 225, 226, 267, 274, 291, 318, 320, 356
Куль-Теле 75, 77
Кучугуры 59, 88, 89, 313
Кыз-Аул 224
- Левка, о. 31, 199
лм. В. П. Лешна, совхоз 59
Лешно I-III 75
Лешинский путь 59
Лешинское I-III 75
Лесбос 179, 184
Либонетовка I-III 75, 76
Ловань, р. 178
Лылявий курган 98
Лысяя гора 82, 224
- Македония 29, 31, 180
Минос 91
Малая Азия 17, 34, 52, 80, 163, 165, 172, 174, 177, 178, 208, 214, 213, 217, 227, 234, 240, 350, 354
Малая Близница, курган 97
Малая земля 91, 147
Малая Скифия 31
Малый Бабчик 75
Малый Херсонес 45
Марцишо 356
Мартовша, с. 217, 291
Марфовка I-VII 72, 75, 341
Марфовка Западня 75
Марьевка I-V 72, 75
Марына Рома 93
Маснага, р. 92
Маяк I-VI 74
Маячный п-ов 48, 53, 55, 114, 192
Мегара 8, 231
Мегарика 45

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Мезня 18, 28
 Мелеч-Чесменский курган 63, 278
 Мелхосская 165
 Мелитопольский курган 217, 306
 Менда 78, 79, 180, 184
 Меотиды 155, 159, 177, 192
 меоты 13, 14, 16, 87, 91, 183, 184, 233, 234, 240
 Мерджаны, с. 218, 305
 Мертвый Довед, р. 93
 Мжа, р. 178
 Милет 8, 9, 11, 83, 179
 Мирский 10, 58, 65—67, 74, 128, 156—159, 164, 168, 176, 186, 190, 193, 199—201, 205, 219, 222, 225, 226, 244, 245, 253, 263, 267, 274, 278, 280, 329, 338, 341, 342
 Митилена 58
 Митридат, гора 59—62, 125, 190, 208—210, 219
 Михайловка I-II 75, 76, 156, 192, 206, 248, 267, 274
 Мичурино I-III 75
 Моздок 234
 Мотилаские озера 55, 56, 120
 Мокшевка 274
 Молога 31
 Морское 157
 Мысир 75
 Мысовка, Мысовое I-II 74, 75, 135
 Мысхако 59, 91, 147

 Навратис 229, 237, 254, 332
 Надлмавское 30, 31, 99, 102
 Натузавская 59
 Неаполь Скифский (Неаполь на Салгире) 12, 16, 193, 240, 274
 Недригора 93
 Немдровское городище 178, 179
 Неоптолемы 26
 Нетухарская 90
 Нижнее Побужье 33, 40—44, 104, 233
 Нижнее Поддестровье 206
 Нижнее Поддестровье 30
 Нижний Дюп 155, 233
 Нилания Мезия 27, 31
 Николаев 40
 Николаевка 30, 31, 99, 103
 Никоний 7, 10—12, 26, 31, 99, 102, 178, 181, 190, 198, 200, 202, 204, 205, 242
 Нимфей 10, 13, 58, 63—65, 72, 74, 95, 124, 156—158, 166—169, 176, 180, 190, 196, 198—200, 207, 210, 221, 223, 253, 254, 263, 267, 281, 287, 312, 325, 336, 344, 351
 Новодучум 32
 Ново-Николаевка I-II 75
 Ново-Отрадное I-II 75, 76, 134, 154, 192, 206, 207, 224, 242, 243, 338
 Новороспийск 91, 147, 296
 Новоселовка I-III 75
 Новочеркасск 259

 Огопыль I-II 75
 Огородное 75
 Олеса 23
 Оверешня 59, 91, 147
 Ойрат, мыс 157
 Октябрьское I-VII 75, 157
 Олимп 208
 Ольявья 5, 7, 10—12, 16—18, 20, 22, 23, 25, 27, 28, 31, 33—36, 38—44, 48, 94, 99, 106—113, 154—156, 158, 160, 162—171, 176—184, 186, 188, 190, 191, 197—213, 216, 217, 219, 220, 222, 223, 225, 227—229, 231—236, 237, 239—241, 247—248, 254, 253, 254, 259, 262, 263, 267, 274, 276—281, 286, 288—290, 292, 293, 301, 302, 307, 308, 310, 311, 313, 320, 321, 329, 331, 334—338, 340, 342, 344, 350, 351, 353, 356
 Опасное I-II 74
 Опух, гора 71, 72, 75, 133, 191, 205
 Орловка 31, 32
 Оскол, р. 178
 Осовьяк I IV 74
 Острый курган 96
 Офуса 20
 Очаков 33

 Навловский курган 96, 236
 Паскское 56, 154, 206, 242, 334, 335
 Пантикапей 5, 10, 12, 16, 21—23, 27, 58—63, 65, 67, 71, 74, 76, 96, 125—127, 155, 157, 158, 160, 162—171, 176—180, 183, 184, 188, 190—193, 195, 196, 198—214, 216—226, 228—230, 235, 237, 239, 240, 244, 245, 247, 251, 261, 263, 267, 274, 275, 278, 280—285, 287, 288, 291—294, 296—298, 302, 305, 307—311, 317—320, 322, 324, 325, 329, 331—337, 341—344, 346, 350—357
 Парос 182
 Партизаны I-V 74, 157, 245
 Парутино 40
 Парфений 226
 Парфенон 240
 Пастерское 179
 Патиппоти, курган 97
 Патрей 86, 144, 158, 169, 196, 275
 пафлагонцы 187
 Пашковская ст. 242
 Пергам 14, 31, 162, 231, 236, 354
 Передняя Азия 240
 Перекон 192
 Персыль 87, 146, 274
 Персия 180
 Песчаная бухта 116
 Песчаное I-III 75
 Песчаное, с. 178
 Петуховка 40, 44, 201
 Пивленное 30, 31, 99, 103
 Побужье 7, 11, 175, 184
 Повольжье 11, 178, 184, 186
 Поддестровье (Приднестровье) 7, 18, 26, 180, 184
 Подолье 184, 186, 232
 Подулавье 7, 18, 26, 186
 Полярная Балка 179
 Повт. Повтийское царство 16, 46, 49
 Повт (Повт Эвксипский) 13—15, 17, 22, 34, 46, 63, 160, 177, 179, 195, 212, 235
 Поповка, с. 274
 Порфирий 69, 70, 131, 199, 200, 325, 342
 Прервасная Гавань (Калос Лямея) 45, 46, 48, 56, 121, 157, 197, 199, 206
 Пресповодия I II 75
 Приазовье 10, 14, 21, 233
 Пригубское 44
 Приднестровье 11, 175, 180, 184, 217, 233
 Прмена 219
 Пришамье 241

 Прикарпатье 164
 Прикубанье 14, 78, 87, 154, 166, 180, 184, 186, 223, 233, 234, 260, 261, 267
 Приозерное 75
 Пришотинские стены 8
 Приуралье 11, 178, 184
 Причерноморье 8—12, 15, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 31, 46, 79, 164, 165, 167, 170, 174, 176, 177, 180, 182, 183, 218, 219, 234, 235, 240
 Пропонтия 20
 Просторное 75
 протофрагийские племена 232
 Прудыково I 75
 Прусы 58
 Псел, р. 178
 Псессы 14
 Пташчино 75
 Пятиколеноное 59, 158

 Раевское 59, 92, 147, 149, 192, 248
 Рассвет, хут. 59, 90, 154, 156, 206, 242, 244
 Рьмы (Рымское государство) 5, 8, 16—21, 31, 46, 49, 51, 58, 59, 155, 159, 182, 212, 231, 235, 236, 241
 Родос 14, 50, 78, 79, 88, 177, 179, 182, 213, 236, 255, 354
 Росколяны 26
 Романова бухта, пос. 341
 Романовка 75
 Россия 23
 Рось, р. 178
 Рыбное I-III 75

 Сазовый курган 259
 Сазопонья I-II 74, 75
 Самос 63, 64, 77, 78, 179, 184, 231, 254, 330, 354
 Сапув-гора 54
 сарматы, сарматские племена 12, 15, 19—21, 85, 89, 95, 233, 234, 236, 240
 Севастополь 5, 10, 45
 Северная Африка 52, 232, 240
 Северная Германия 52
 Северное Подолье 178
 Северный Кавказ 58, 163, 232, 239
 Северный Повт 12
 Северо-Восточная Прибалтика 241
 Северо-Восточное Причерноморье 91, 181, 184
 Северо-Западное Причерноморье 26, 31, 99, 182, 205, 220, 235
 Северный Дюп, р. 178, 184
 Сельмова I-IV 75—77, 135, 154, 156, 158, 159, 173, 192, 204, 203, 224, 242, 244, 248, 260, 261, 274, 279, 322, 341
 Семьбратские городище 87, 206, 279
 Семьбратские курганы 96, 173, 217, 237, 254, 267, 291, 320, 351
 Сенная 5, 77
 Сиваш 193
 Сивд (Сивдик), г. 10, 82
 Сивдика 14, 58, 77, 78, 82, 87, 91, 163, 263
 Скифская Гавань 58, 82, 166, 197
 сныды 10, 87, 91, 183, 184, 292, 319
 Снопа 14, 15, 20, 34, 46, 50, 79, 180—182

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Свюжа, р. 178
 Слягино 74
 сираки 19
 Сиракузы 58
 Сиреповая бухта 75
 Сирия 31, 52, 182, 259
 Скифия 11, 20, 22, 155, 163, 184, 211
 Скифский Херсонес 45
 скифы, скифские племена 9—13, 16, 18, 19, 21, 22, 33, 42, 48, 54, 55, 96, 166, 233, 236, 239, 240
 Слюсареву I-VI 74, 75, 202
 Сокольское I-III 75
 Солдатская слобода 74, 75, 157
 Солоха 180, 255, 267, 274
 Средиземное море 177, 359
 Средиземноморье 5, 8, 11, 14, 21, 23, 24, 34, 49, 78, 79, 155, 156, 159, 167, 172, 174, 180, 183, 194, 203, 206, 211, 212, 216, 218, 219, 226, 229, 239, 253
 Среднее Приднестровье 178
 Средняя Азия 232
 Старая Болталовка 42, 201
 Старина 259
 Старый Крым 74, 75
 Стасовский, склеп 215, 297
 Стратоклея 88
 Стрежовое I-II 75
 Суворово-Черкесское 59
 Сучко 90
 Сула, р. 178
 на Султан-горе, курган 97
 Супой, р. 178
 Су-Псех 59, 90
- Таврический п-ов 160
 Таврика 19, 26, 45
 Таврический Херсонес 45
 тавроскифы 18, 19
 тавры 16, 48, 194
 Таганрогский залив 177
 Таманская, ст. 224
 Таманский залив 77, 84, 86
 Таманский п-ов 5, 10, 19, 21, 22, 58, 85, 86, 88, 95, 156, 169, 170, 182, 220, 225, 231, 239, 243, 267, 293, 292
 Тамань, г. 5, 81, 267, 274
 Тамиришо I-IV 75
 Тамбовка I-VI 75
 Таванс, г. 10, 17, 19, 20, 21, 58, 93—95, 151, 152, 154, 155, 158, 162—164, 170, 173, 176, 182—184, 186, 191, 197, 199—201, 206, 207, 213, 220—222, 225, 228, 232, 233, 239, 240—243, 247, 248, 259—261, 274, 279, 293, 311, 314, 338, 341, 342, 346, 351, 353, 356
 Таванс, р. 178
 Таравашчи, пос. 206
 Тарасовские курганы 97
 Тарс 58
 Тархан I-IV 75
 Тарханкутский п-ов 56
 Тасуново I-III 75, 192, 261, 274
 Татарское 89
 Темир-гора I-V 74, 158, 179, 206, 229, 244, 330
 Темрюк 87
 Теос 10
 Теглигульский лиман 40
 Тира 7, 10—12, 16, 18, 20, 26—
- 29, 31, 99—101, 156, 163, 164, 167, 168, 181, 184, 186, 188, 191, 196, 197, 200, 201, 204, 206, 207, 219, 262, 275, 279
 Тирамба 87, 146, 194, 205, 223, 267, 346, 357
 Тирас, р. 28, 178
 Тиритака 10, 21, 67, 68, 129, 150, 156, 157, 159, 165, 190, 192, 199, 201, 207, 221, 225, 239, 246—246, 248, 260, 261, 274, 278, 302, 307, 318, 325, 332, 333, 338, 341, 342, 346
 Тмутараканское княжество 22
 Тмутаракань 22
 Томы 27
 Тонкий мыс 92
 Торетский мыс 92
 тореты 14, 92
 Торшк 91—93, 150, 178, 205
 Трахтемиров 179
 Трехбратские курганы 237
 Туапсе 91
 Тузда 82, 223, 274, 321, 344, 353
 Туркмен I-II 75
 Турция 45
 Тисманп, р. 178
- Ула, р. 178
 Узуларский вал 191, 192
 Украина 40, 178
 Урал, горы 165, 186
 Усть-Лабвская 253
 Уташ 50, 90
 Уч-Баш 155
- Фальшивый Геленджик 248
 Фанагория 5, 10, 17, 19, 58, 77—80, 87, 90, 96—98, 136, 137, 150—153, 164, 166—174, 173, 176, 178, 183, 184, 191, 193, 194, 196—201, 203—205, 207—209, 211—213, 216, 219, 221—223, 225, 228, 230, 237, 240, 247, 250, 251, 261, 263, 267, 274, 275, 281, 282, 292—294, 307, 309, 312, 319, 346, 357
 Фапгаловский п-ов 88, 89, 144, 192
 Фасос 14, 78, 79, 164
 Фат, р. 14, 189
 Фатен 14
 Феодосия 5, 10, 13, 14, 16, 17, 23, 53, 63, 74, 96, 166, 171, 178, 187, 190, 192, 196, 217, 263, 303, 344
 Филоппен 31
 Фишипка 350
 Фокс 8
 Фонтан 75
 Фракильды 13, 17, 187, 233
 Фракия 11, 27, 31, 165, 172
 Фроштовое II 224
- Хабен 16
 Халкелон 58
 Халкида 77, 78
 Харакс 7, 18, 20, 45, 47, 49, 56, 57, 154, 183, 191, 204, 209, 242, 243, 243, 280, 261, 274, 284
 Херсонес (Таврический) 5, 10, 13, 15—23, 25, 27, 28, 45, 46, 48—57, 114—116, 118, 119, 154—157, 159—171, 173, 176, 180, 182, 184, 186, 190—193, 196, 197, 199—207,
- 209, 212—214, 216, 217, 219, 220, 222, 223, 225, 227, 231, 235, 239, 240—242, 244, 245, 249, 261, 263, 267, 274—282, 288, 290, 295, 298, 301, 303, 310, 319, 324, 325, 329, 334—336, 348, 344, 351—353, 356, 357
 Херсонесское государство 7, 15, 18, 45, 47, 48
 Хиос 33, 78, 88, 179, 184, 332
 Холмогоры I II 75
 Хрош I-IV 74
- Парский курган 63, 96, 203, 209, 276, 285
 Цем-долша, Цемдолинское 59, 91, 32, 147, 149
 Цемес, р. 91
 Цемеская бухта 91
 Центральная Азия 21
 Цимбалка, гора 85
 Лукурский лиман 95, 267
- «Чайка», городище 122, 156, 242, 214, 344
 Чаярлп 231, 232
 Чапавка I-III 75
 Чеплибпешеву I-IV 75
 Черное море 5, 8, 10, 13, 14, 18, 21, 28, 45, 49, 71, 94, 159, 172, 177—180, 195, 197, 359
 Черноморский бассейн 159
 Чертоватое 40, 42, 43
 Чертомлыцкий курган 217, 304, 306, 351
 Чумбурна 59
 Чурубаш 75
 Чурубашское оз. 63, 67
 Чумка, нос 21, 89
- Широкий Балка 59, 91, 147, 253
- Эватория 45
 Эгедия 236
 Эгейское море 20, 354
 Эгна 179
 Эгладя 198, 359
 эллины 187
 элькеп 71
 эллипы 81
 Эпиграв 219
 Эргари 45
 Этрурия 240, 350
 Эфес 20
- Юго-Восточная Европа 178
 Юго-Западная Таврика 48
 Юго-Западный Крым 45, 46, 170, 241
 Южная Франция 52
 Южно-Дондузлавское городище 275
 Южно-Чурубашское 74, 75, 206, 224, 279
 Южный Буг, р. 178
 Южный Крым 10, 241
 Юз-оба, курган 63, 224, 317, 324, 335
 Юркино I-II 74
 Юровка 59
- Ягорлычское 163
 Яковенково I-VII 75
 Яхьяво 59
 Ячмевная I-III 75

Оглавление

Введение <i>(Г. А. Кошеленко, И. Т. Крузицкова)</i>	5	Азиатская часть Боспора	77
Часть первая		Фанагория <i>(В. С. Долгоруков)</i>	77
Города, поселения, некрополи	7	Гермонасса <i>(А. К. Коровина)</i>	81
Глава первая		Горгиппия <i>(Е. М. Алексеева)</i>	82
История античных государств Северного Причерноморья	8	Кепы <i>(О. Н. Усачева, Н. П. Сорокина)</i>	84
История <i>(Д. Б. Шелов)</i>	8	Патрей <i>(Ю. М. Десятчиков, В. С. Долгоруков)</i>	86
Источники и история исследования <i>(Г. А. Цветаева)</i>	22	Поселение у поселка „За Родину“ <i>(Н. П. Сорокина)</i>	86
Глава вторая		Тирамба <i>(А. К. Коровина)</i>	87
Тира, Никоний и поселения Нижнего Поднепровья	26	Семибратнее городище <i>(В. С. Долгоруков)</i>	87
Источники и история исследования; Тира; Никоний; Поселения; Остров Левка <i>(В. И. Пругло)</i>	26	Сельская территория (поселение у поселка Ильича; поселение Кучугуры I и Кучугуры II; поселение „Каменная батарея“; поселение „Красноармейское“; поселение „Батарея I“; поселение „Батарея II“; поселения в районе Фанагории и Горгиппии) <i>(Ю. М. Десятчиков, В. С. Долгоруков, Е. М. Алексеева)</i>	88
Городище у с. Орловка <i>(Р. Д. Бондарь)</i>	31	Юго-восточная окраина Боспора	91
Глава третья		Раевское городище, Торик <i>(Н. А. Онайко)</i>	92
Борисфенида (Березань), Ольвия и поселения Нижнего Побужья	33	Тавкас <i>(Г. М. Арсеньева)</i>	93
Греческое поселение на острове Березань <i>(К. К. Марченко)</i>	33	Курганы Боспора <i>(В. С. Долгоруков)</i>	95
Ольвия <i>(Е. И. Леви)</i>	34	Часть вторая	
Поселения античного времени на территории Нижнего Побужья <i>(К. К. Марченко)</i>	40	Материальная и духовная культура	153
Глава четвертая		Глава шестая	
Херсонесское государство и Харакс	45	Сельское хозяйство и промыслы <i>(И. Т. Кругликова)</i>	154
Источники и история вопроса <i>(А. П. Щеглов)</i>	45	Глава седьмая	
Херсонес <i>(С. А. Беляев)</i>	49	Ремесленное производство <i>(Д. Б. Шелов)</i>	162
Хора Херсонеса; Округа города на Гераклейском полуострове; „Старый“ Херсонес и его округа; Керкинидида; Прекрасная гавань (Калос-Лимен) и ее округа; Остальные поселения на хоре Херсонеса <i>(А. Н. Щеглов)</i>	53	Глава восьмая	
Харакс <i>(А. А. Масленников)</i>	56	Торговля <i>(И. Б. Брашинский)</i>	174
Глава пятая		Глава девятая	
Боспорское государство	58	Военное дело <i>(В. Г. Петерс)</i>	187
Источники и история исследования <i>(И. Г. Шургая)</i>	58	Глава десятая	
Боспор Европейский	59	Градостроительство и архитектура	198
Пантикапей <i>(И. Г. Шургая)</i>	59	Градостроительство <i>(В. С. Долгоруков, С. Д. Крыжицкий)</i>	198
Феодосия <i>(Б. Г. Петерс)</i>	63	Строительная техника <i>(С. Д. Крыжицкий)</i>	201
Пимфей, Мирмский, Тиритака, Порфмий, Илура <i>(И. Г. Шургая)</i>	63	Жилые дома <i>(С. Д. Крыжицкий)</i>	204
Китей <i>(А. А. Масленников)</i>	71	Архитектура <i>(М. М. Кобылина)</i>	207
Киммерик, сельская территория <i>(И. Т. Крузицкова)</i>	71		

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава одиннадцатая		Лепная посуда	232
Культура и религия	211	Стеклянная посуда (<i>Н. П. Сорокина</i>)	233
Скульптура; Живопись; Мозаика; Вазопись; Торевтика; Керамика; Театр, актеры, музыкальные инструменты (<i>М. М. Кобылина</i>)	212	Одежда и украшения (<i>Г. А. Цветаева</i>)	236
Ученые, поэты, архитекторы, скульпторы и другие мастера, работавшие в Северном Причерноморье (<i>В. Д. Блаватский</i>)	219	Серьги	237
Религия и культы (<i>М. М. Кобылина</i>)	220	Бусы и подвески (<i>Е. М. Алексеева</i>)	237
Погребальный обряд (<i>Т. М. Арсеньева</i>)	222	Металлические перстни и печати (<i>О. Я. Неверов</i>)	239
Саркофаги и надгробия (<i>М. М. Кобылина</i>)	224	Фибулы (<i>А. К. Амброз</i>)	240
Глава двенадцатая		Заключение	
Быт	226	(<i>Г. А. Кошеленко</i>)	359
Мебель, бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки (<i>Г. А. Цветаева</i>)	227	Список литературы	360
Керамика (<i>Е. Г. Кастанаян, Т. М. Арсеньева</i>)	229	Список сокращений	380
Краснолаковая посуда	231	Указатели	382
		Указатель имен	382
		Указатель географических и этнических названий	387

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Античные государства
Северного Причерноморья

*

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор О. Н. Аксенова
Редакторы издательства Н. Г. Белей, И. В. Павлова
Художник Б. И. Астафьев
Технический редактор Л. В. Каскова
Корректоры М. В. Борткова, Р. В. Молоканова

ИБ № 26935

Сдано в набор 17.02.83. Подписано к печати 17.08.83. Т-15836.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 59. Уч.-изд. л. 61,3. Усл. кр. отг. 55,4.
Тираж 31 500 экз. Тип. зак. 2532. Цена 5 р. 80 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10